Григорий Горин

Избранное

Мои автобиографии

Не знаю, как у других писателей, а у меня за жизнь как-то само собой набралось несколько автобиографий. За долгие годы сочинительства я выпустил много разных книг в разных жанрах, и к каждой приходилось подбирать соответствующую автобиографию.

В предисловии к сборнику пьес сообщалось, что как драматург я родился в 1968 году. В сборнике киноповестей год моего рождения для кинематографа – 1979-й.

В сборнике юмористических рассказов указано, что в качестве юмориста я появился на свет гораздо раньше – 12 марта 1940 года (эта же дата, кстати, стоит и в паспорте рядом с довольно смешной моей фотографией)...

И вот теперь, когда выходит “Антология”, по-видимому, придется использовать все предыдущие автобиографии, а также – для полноты рассказа – поведать и о предыдущей земной жизни. (Я не буддист, но тот факт, что мы уже приходили в этот мир в каком-то качестве, по-моему, неоспорим. Чтоб убедиться, достаточно перед сном закрыть глаза, напрячься и вспомнить, кем ты был вчера, позавчера, позапозавчера, позапозапоза... позапозапозапоза... и т. д., пока не уснешь.) Как-то в одну бессонную ночь я довспоминался лет на двести назад и обнаружил, что в своих прошлых, дочеловеческих воплощениях я был собакой, рыбой и пчелой.

От пребывания в этом мире пчелой у меня осталась любовь к цветам, меду и “пожужжать”... То есть необъяснимая манера что-то быстро, взволнованно и непонятно говорить собеседнику, пока тот не начнет махать руками, отгоняя...

От рыбы я получил в наследство свой зодиакальный знак, большие выпуклые глаза, любовь к воде и нелюбовь к красному цвету... (Меня, как мне помнится, в позапрошлой, речной жизни подцепили именно на красную блесну, поэтому когда я и сегодня вижу красные знамена или

транспаранты, то пугаюсь, и появляется желание немедленно лечь на дно...) Собакой, насколько помню, я был беспородной, помесью дворняжки и московской сторожевой. Отсюда моя любовь к родному городу Москве и полное отсутствие аристократических замашек: ем-пью где придется, спать могу тоже где угодно, лишь бы свернуться калачиком... Кошек, разумеется, не люблю до сих пор, к людям приветлив, но лишь к трезвым. Пьяных не выношу, особенно за рулем, поскольку, как мне помнится, именно нетрезвый водитель направил на меня свой автомобиль, оборвав мою прошлую славную собачью жизнь... (До сих пор хочется отомстить этому мерзавцу шоферу, но, к сожалению, никак не могу вспомнить номер его машины...) Одним словом, моя душа под визг колес и тормозов вырвалась из пса и, даже секунду не захотев быть бесприютной, тут же вошла в только что появившуюся трехкилограммовую мальчишескую плоть, которая со временем превратилась в писателя-юмориста.

*

Произошло это в московском роддоме 12 марта 1940 года. Ровно в 12 часов дня. Именно в полдень по радио начали передавать правительственное сообщение о заключении мира в войне с Финляндией. Это известие вызвало огромную радость в родовой палате. Акушерки и врачи возликовали, и некоторые даже бросились танцевать. Роженицы, у которых мужья были в армии, позабыв про боль, смеялись и аплодировали.

И тут появился я, мальчик весом три кило. И непонятно почему отчаянно стал кричать... Чем вызвал дополнительный взрыв радости у собравшейся в палате публики. Собственно говоря, это было мое первое публичное выступление...

Не скажу, что помню его в деталях, но то странное чувство, когда ты орешь во весь голос, а вокруг все смеются, вошло в подсознание и, думаю, в какой-то мере определило мою дальнейшую творческую судьбу...

*

Писать я начал очень рано. Читать – несколько позже. Это, к сожалению, пагубно отразилось на моем творческом воображении. Уже в семь лет я насочинял массу стихов, но не про то, что видел вокруг, в коммунальной квартире, где проживала наша семья, а в основном про то, что слышал по радио. По радио тогда шла “холодная война” с империалистами, в которую

я немедленно включился, обрушившись стихами на Чан-Кайши, Ли-Сынмана, Аденауэра, Де Голля и прочих абсолютно неизвестных мне политических деятелей: Воротилы Уолл-стрита,

Ваша карта будет бита!

Мы, народы всей земли,

Приговор вам свой произнесли!..

И т. д.

Почему я считал именно себя “народами всей земли”, даже и не знаю. Но угроза подействовала! Стихи политически грамотного вундеркинда стали часто печатать в газетах.

В девять лет меня привели к Самуилу Яковлевичу Маршаку. Старый добрый поэт слушал мои стихи с улыбкой, иногда качал головой и повторял: “Ох, господи, господи!..”

Это почему-то воспринималось мною как похвала.

– Ему стоит писать дальше? – спросила руководительница литературного кружка, которая и привела меня к поэту.

– Обязательно! – сказал Маршак. – Мальчик поразительно улавливает все штампы нашей пропаганды. Это ему пригодится. Если поумнеет – станет сатириком! – И, вздохнув, добавил: – Впрочем, если станет, то, значит, поумнеет не до конца...

Так окончательно определился мой литературный жанр.

*

Оканчивая школу, я уже твердо решил, что стану писателем. Поэтому поступил в медицинский институт.

Это было особое высшее учебное заведение, где учили не только наукам, но премудростям жизни. Причем делали это по возможности весело. Вспоминаю, например, нашего заведующего кафедрой акушерства профессора Жмакина, который ставил на экзаменах студентам примерно

такие задачи: – Представьте, коллега, вы дежурите в приемном отделении. Привезли женщину. Восемь месяцев беременности. Начались схватки... Воды отошли... Свет погас... Акушерка побежала за монтером... Давление падает... Сестра-хозяйка потеряла ключи от процедурной... Заведующего вызвали в райком на совещание... Вы – главный! Что будете делать, коллега? Включаем секундомер... Раз-два-три-четыре... Женщина кричит! Думайте! Пять-шесть-семь-восемь... Думайте! Все!! Женщина умерла! Вы в тюрьме! Освободитесь – приходите на переэкзаменовку!..

Тогда нам это казалось иезуитством. Потом на практике убедились, что наша жизнь может ставить задачки и потрудней, и если медик не сохранит в любой ситуации чувство юмора, то погубит и пациента, и себя...

*

Учась в медицинском институте, а затем работая врачом в Москве на станции “Скорой помощи”, я продолжал писать рассказы и фельетоны. При этом настолько усовершенствовал себя в создании смешных ситуаций, что вскоре был принят в Союз писателей, но вынужден был оставить медицину в покое. (Многие из недолеченных мною пациентов живы и до сих пор пишут мне благодарственные письма за этот мужественный поступок.) Так я был причислен к разряду писателей-сатириков. Сам же я себя считал только юмористом. Для меня сатирики – это узаконенные обществом борцы, призванные сделать окружающую жизнь лучше. Я же давно заметил, что наша жизнь от стараний писателей лучше не становится. Другое дело – ее можно сделать чуть легче, если научить читателей не впадать в отчаяние. Этому благородному занятию я и посвятил значительную часть своей жизни... Впрочем, вскоре юморески мне стали надоедать. Один известный сексопатолог, изучая психологию мужчин, обнаружил, что после тридцати лет их более возбуждают крупные формы. В отношении женщин – не уверен, но в литературе – безусловно. Поэтому с середины 70-х годов я перестал писать короткие юмористические рассказы, переключившись полностью на сочинение крупноформатных пьес и киносценариев.

*

Итак, мне предстояло несколько новых рождений.

Как драматург, я рождался дважды: первый раз – в 1968 году в соавторстве

с А. Аркановым. Мы написали с ним три пьесы, три злободневные комедии... Две были с блеском поставлены, одна (под названием “Банкет” в Театре сатиры) с треском запрещена цензурой... Это подтверждало, что мы как драматурги-сатирики избрали верный путь.

Но, как я уже писал ранее, просто сатириком мне быть не хотелось. Недостатки общества от моей борьбы с ними в жизни только множились, человечество в своем развитии явно ходило по кругу, настойчиво наступая на одни и те же грабли и даже вилы... Мне захотелось постичь законы этого бессмысленного движения в никуда... Так в 1970-м я написал первую свою историческую пьесу-притчу “Забыть Герострата!”.

...Древний греческий город Эфес, сожженный храм и беспородный хам, рвущийся к власти... Мне казалось, это более чем злободневно и думающие зрители меня поймут.

Пьеса имела успех. Люди все поняли. Цензоры ломали голову, находя понятное для себя объяснение прочитанного...

Работник Министерства культуры с выразительной фамилией Калдобин задал мне уникальный по идиотизму вопрос.

– Григорий Израилевич, – сказал он мне, – вы же русский писатель? Так?! Зачем же вы тогда про греков пишете, а?

Я не нашелся, что сказать в ответ. Да и как можно было объяснить этому чиновнику, что, кроме его учреждения, существует иное пространство, имя которому – Вселенная и кроме его календарика с красными датами, существует иное время, имя которому – Вечность. И если жить по такому летосчислению, то получается, что нет “вчера” или “завтра”, а все люди – современники.

И тогда фламандский шут Тиль Уленшпигель становится понятен своим московским сверстникам и призывает их к свободе, немецкий барон Мюнхгаузен мог учить русских людей ненавидеть ложь, а английский сатирик Джонатан Свифт мог стать нам всем близким своей иронией и сарказмом...

Эти мои пьесы привели меня в Театр Ленком, к режиссеру Марку Захарову.

Он, в свою очередь, стал повивальной бабкой в рождении меня как сценариста, сняв в 1979 году фильм “Тот самый Мюнхгаузен”...

*

Начиная с 1980 года я ощущаю себя человеком без определенных занятий, сочиняя то пьесу, то киносценарий, то какие-то юмористические послания для капустников и юбилейных вечеров своих коллег. Затем собираю все это в очередную книгу и предпосылаю ей новую автобиографию...

Таким образом надеюсь поступать и далее в сроки человеческой жизни, отпущенные мне Богом.

А потом, когда придет пора, готов закрыть глаза и повторить всю цепь своих реинкарнаций: снова бегать, высунув язык, по московским дворам, плавать в озере или озабоченно жужжать над полевыми цветами...

Рассказы и монологи

Почему повязка на ноге?

Есть такой анекдот. Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога.

– Что у вас болит? – спрашивает доктор.

– Голова, – отвечает больной.

– А почему повязка на ноге?

– Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное – вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Только пожилой мужчина, сидевший за столом напротив, как-то странно посмотрел на меня, задумался и затем, перегнувшись через стол, сказал:

– Простите, я, вероятно, не понял... У больного что болело?

– Голова.

– А почему же повязка на ноге?

– Сползла.

– Так! – грустно сказал мужчина и почему-то вздохнул. Потом он снова задумался.

– Не понимаю! – сказал он через несколько минут. – Не улавливаю здесь юмора!.. Давайте рассуждать логически: ведь у больного болела голова, не так ли?

– Голова.

– Но почему же повязка была на ноге?

– Сползла!

– Странно! – сказал мужчина и встал из-за стола. Он подошел к окну и долго курил, задумчиво глядя в темноту. Я пил чай.

Через некоторое время он отошел от окна и, подсев ко мне, тихо сказал:

– Режьте меня – не могу понять соль анекдота! Ведь если у человека болит голова, на кой же черт ему завязывать ногу?

– Да он не завязывал ногу! – сказал я. – Он завязал голову!

– А как же повязка оказалась на ноге?!

– Сползла...

Он встал и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Ну-ка выйдем! – вдруг решительно сказал он. – Поговорить надо!

Мы вышли в прихожую.

– Слушайте, – сказал он, положив мне руку на плечо, – это действительно смешной анекдот или вы шутите?

– По-моему, смешной! – сказал я.

– А в чем здесь юмор?

– Не знаю, – сказал я. – Смешной, и все!

– Может быть, вы упустили какую-нибудь деталь?

– Какую еще деталь?

– Ну, скажем, больной был одноногим?

– Это еще почему?!

– Если считать возможным, что повязка действительно сползла, то она, проползая по всему телу, должна была бы захватить обе ноги!.. Или же это был одноногий инвалид...

– Нет! – решительно отверг я это предположение. – Больной не был инвалидом!

– Тогда как же повязка оказалась на ноге?

– Сползла! – прошептал я.

Он вытер холодный пот.

– Может, этот доктор был Рабинович? – неожиданно спросил он.

– Это в каком смысле?! – не понял я.

– Ну, в каком смысле можно быть Рабиновичем?.. В смешном смысле...

– Нет, – отрезал я. – В этом смысле он не был Рабиновичем.

– А кто он был в этом смысле?

– Не знаю! Возможно, англичанин или киргиз...

– Почему киргиз?

– Потому что папа у него был киргиз и мама – киргизка!

– Потому что папа у него был киргиз и мама – киргизка!

– Ну да, – понимающе кивнул он, – если родители киргизы, тогда конечно...

– Вот и славно! – обрадовался я. – Наконец вам все ясно...

– Мне не ясно, что же у больного все-таки болело!

– Всего хорошего! – сказал я, надел пальто и пошел домой.

В час ночи у меня зазвонил телефон.

– Это вам насчет анекдота звонят, – послышался в трубке его голос. – Просто не могу уснуть. Эта нога не выходит из головы!.. Ведь есть же здесь юмор?!

– Есть! – подтвердил я.

– Ну. Вот и я понимаю... Я же не дурак! Я же с образованием... Жене анекдот рассказал – она смеется. А чего смеется – не пойму... Это случайно не ответ армянского радио?

– Нет! – сказал я.

– Тогда просто не знаю, что делать, – захныкал он.

Он позвонил мне на следующий вечер.

– Я тут советовался со специалистами, – сказал он. – Все утверждают, что повязка сползти не могла!

– Ну и черт с ней! – закричал я. – Не могла так не могла! Что вы от меня-то хотите?!

– Я хочу разобраться в этом вопросе, – сердито сказал он. – Для меня это дело принципа! Я на ответственной работе нахожусь. Я обязан быть остроумным!..

Я бросил трубку.

После этого он в течение нескольких дней звонил мне по телефону и даже

приходил домой.

Я ругался, возмущался, гнал его – все безуспешно.

Он даже не обижался.

Он смотрел на меня своими светлыми чистыми глазами и бубнил:

– Поймите, для меня это необходимо... Я же за границу часто выезжаю... У меня должно быть чувство юмора...

Тогда я решил написать о нем рассказ.

О человеке, который таинственные законы смеха хочет разложить с помощью сухой таблицы умножения.

Свой рассказ я отнес в сатирический отдел одного журнала.

Редактор долго смеялся.

– Ну и дуб! – говорил редактор. – Неужели такие бывают?

– Бывают, – сказал я. – Сам видел.

– Что ж, будем печатать, – сказал редактор. Потом он обнял меня и, наклонившись к самому уху, тихо спросил: – Ну а мне-то вы по секрету скажете – что же у больного на самом деле болело?!

– Голова, – еле слышно произнес я.

– А почему же повязка на ноге?..

Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан.

Случай на фабрике ” 6

Все неприятности младшего технолога Ларичева происходили оттого, что он не умел ругаться. Спорить еще кое-как мог, хотя тоже неважно, очень редко повышал голос, но употребить при случае крепкое словцо или, не дай бог, выражение был просто не в силах. От этого страдал он сам, а главное – работа.

Работал Ларичев на обувной фабрике ” 6, на которой, в силу вековых традиций (все-таки обувщики – потомки языкастых сапожников), ругаться умели все: от директора до вахтера. Ругались не зло, но как-то смачно и вовремя, отчего наступало всеобщее взаимопонимание, недоступное лишь младшему технологу Ларичеву. Он со своей путаной, слегка шепелявой речью выпадал из общего круга и вносил бестолковщину. Мог, например, часами просить кладовщика выдать в цех “те”, а не “эти”, а кладовщик вяло говорил, что “тех” нет, и диалог был скучным и бессмысленным, пока наконец не приходил разгневанный мастер и не начинал орать на кладовщика, тот орал в ответ, мастер посылал кладовщика “куда подальше”, тот шел и приносил именно те заготовки, которые и требовались.

Ларичев знал, что за глаза его все прозвали “диетическим мужиком”, что над ним посмеиваются, что его авторитет равен нулю, но не мог придумать, как это все изменить. И каждый раз, когда в конце месяца на фабрике наступал аврал и надо было ускорить темп работы, директор начинал кричать на своих заместителей, те – на старшего технолога, старший – на младшего, а тот, в свою очередь, должен был орать на мастеров, но не мог. И поскольку эта налаженная цепочка разрывалась именно на нем, то получалось, что в срыве плана виноват именно он, Ларичев, и тогда на него орали все. От этого у Ларичева начинало болеть сердце, он приходил домой бледный, сосал валидол и жаловался жене.

– Женечка, – ласково говорила ему жена, – так нельзя, милый... Ты тоже спуску не давай. Ты ругайся!

– Я не умею, – вздыхал Ларичев.

– Научись!

– Не получается.

– Не может быть, – говорила жена, – ты способный! Ты интеллигентный человек, с высшим образованием... Ты обязан это освоить! Занимайся вечерами.

– Пробовал, – грустно отвечал Ларичев.

Он действительно несколько раз пробовал. Наедине, перед зеркалом.

Подбегал к зеркалу с решительным намерением выпалить все, что о себе думает, но каждый раз, видя свое хилое отражение, ему хотелось плакать, а не материться.

– Но это все вредно для здоровья, – говорила жена. – Мне один доктор объяснял, что брань – это выплескивание отрицательных эмоций. Все выплескивают, а ты не выплескиваешь! Если не можешь сам этому научиться, возьми репетитора.

– Ладно, – согласился однажды Ларичев, когда у него особенно сильно разболелось сердце. – Попробую учиться...

Шофер фабричной автобазы Егор Клягин долго не мог понять, чего от него хочет этот очкастый инженер в кожаной шляпке.

– Понимаете, Егор Степанович, – стыдливо опустив глаза, бормотал Ларичев, – я советовался со сведущими людьми, и все единодушно утверждают, что лучше вас этому меня никто не научит...

– Чему “этому”?

– Ну, вот этому... В смысле выражений... Все говорят, что вы их знаете бесчисленное множество...

– Кто говорит-то? – возмутился Клягин. – Дать бы тому по сусалам, кто говорит!

– Нет-нет, они в хорошем смысле говорили! В смысле, так сказать, восхищения вашим словарным запасом...

– Слушайте! – сердито сказал Клягин. – Некогда мне с вами шутки шутить, Евгений Петрович! У меня здесь и так... – тут Клягин употребил несколько тех выражений, которые были так недоступны Ларичеву.

– Вот-вот, – обрадовался Ларичев. – Именно так! Ах, как вы это лихо! Ну, прошу вас... Всего несколько занятий. А я вам буду платить.

– Чего? – изумился Клягин. Он решил, что Ларичев просто издевается над ним, но тот смотрел серьезно и несколько печально. – Это как же – платить?

– Почасово, – сказал Ларичев. – У меня есть товарищ, преподаватель английского языка... Он берет за час занятий пять рублей.

– Ну, он английскому учит, – усмехнулся Клягин, – а тут – родному... Хватит и трешника.

– Спасибо, – сказал Ларичев. – Вы очень любезны.

В субботу днем Ларичев отправил жену в кино, достал магнитофон, тетрадь, ручки. Задернул шторы.

Клягин пришел в назначенный час. Он был при костюме и галстуке, выглядел торжественно и чуть неуверенно. Оглядел квартиру, попросил запереть дверь, поинтересовался слышимостью через стены.

– А то, знаете, соседи услышат – еще пятнадцать суток схлопочем.

Увидев магнитофон, Клягин заволновался:

– Это зачем? Уберите!

– Это для записей, – пояснил Ларичев. – Мне так запомнить будет проще и легче отрабатывать произношение...

– Уберите! – настаивал Клягин. – Это ж документ. И потом, на кой на эту гадость пленку переводить?

– Нет-нет, прошу вас, – взмолился Ларичев. – Без магнитофона мне поначалу будет трудно...

– Зря я в это дело ввязался, – вздохнул Клягин, однако, уступив просьбам Ларичева, сел за стол. Нервно закурил.

– Начнем, Егор Степанович! – Ларичев сел напротив, открыл тетрадку. – Прошу вас!

– Чего?

– Говорите!

– Да чего говорить-то?

– Слова, выражения... Только помедленней... И если можно, поясняйте принцип их употребления...

Клягин задумался, напрягся, пошевелил губами, с удивлением обнаружил, что беспричинно вспотел, но так ничего из себя и не выдавил.

– Как-то не могу без разгона, – сказал он, вытирая лоб. – Не идет как-то...

– Может, чаю выпьем? – спросил Ларичев. – Вы не волнуйтесь.

Он принес чай, коржики.

– Если вам трудно, Егор Степанович, начните с более мягких слов... Попробуйте!

Клягин отхлебнул из чашки, снова задумался, наконец неуверенно произнес:

– Ну, например, “сука”...

– Так, – кивнул Ларичев, записывая слово в тетрадку, – хорошо. Ну и что?

– Ничего...

– Нет, я имею в виду, в каком смысле “сука”?

– В обыкновенном, – пожал плечами Клягин. – Собака, значит, дамского полу...

– Это я знаю, – сказал Ларичев. – А как это употреблять?

– Да так и употребляйте...

– Нет, вы не поняли. Я хочу понять какую-то закономерность. Это слово употребляется в отношении одушевленного или неодушевленного предмета?

– Не знаю я...

– Ну, хорошо... Вот, например, отвертка... Она может быть этим... тем, что вы сказали?

– Отвертка? – удивился Клягин. – При чем здесь отвертка?

– Я в качестве примера... Вот, скажем, у рабочего вдруг потерялась отвертка... Может он ее так назвать?

– Если потерялась, тогда конечно...

– А если не потерялась?

– А если не потерялась, тогда чего уж... Тогда она просто отвертка!

– Понимаю, – обрадованно кивнул Ларичев. – Видите, как все любопытно... А о предмете мужского рода можно так говорить?

– Не знаю... Вроде бы нет.

– А вот у нас в цехе когда сломался конвейер, то механики его тоже называли сукой. А ведь конвейер мужского рода, не так ли?

Клягин долго и внимательно смотрел на Ларичева, потом решительно встал из-за стола:

– Отпусти ты меня, ради бога, Евгений Петрович! Ну тебя... У меня аж голова заболела! Брось дурью мучиться!

– Нет, что вы, пожалуйста... – Ларичев умоляюще схватил Клягина за рукав. – Ну, прервемся... Перекур!

– Не могу я так ругаться! – жалобно сказал Клягин. – Без причины у меня не получается. Куражу нет! Телевизор включите, что ли... Там сейчас хоккей.

Включили телевизор. Играли “Спартак” и “Химик”. “Спартак” проигрывал. Клягин несколько минут мрачно наблюдал за экраном, что-то бормоча, а когда в ворота “Спартака” влетела пятая шайба, он побагровел, повернулся к Ларичеву и закричал:

– Ладно! Валяй, Евгений Петрович, записывай! Все по порядку. Начнем с вратаря... Знаешь, кто он?!

Последующие занятия проходили более гладко. Ларичев аккуратно

записывал и запоминал все, чему его учил Клягин, потом наговаривал это на магнитофон и давал прослушать учителю. Браниться без помощи техники он пока не решался. Клягин понемногу стал входить во вкус педагогики, стал задавать домашние задания.

После десятого урока Клягин стал настаивать на практических занятиях.

– Ну чего мы воду толчем? – возмущался он. – Сидим здесь закрывшись, как уголовники, и шепотом лаемся... А на людях ты, Петрович, уж извини, все такой же одуванчик: дунь – посыплешься! Ты применяй, чему научился, применяй.

– Повода пока не было, – вздыхал Ларичев.

– Какой тебе повод? Пришел на работу – вот и повод... А то что ж зря стараться? Я деньги зря брать не привык!

И тут на фабрике произошло очередное ЧП. Цех резиновой обуви запорол большую партию сапог. Впрочем, не то чтоб уж так запорол – просто голенища оказались припаянными к основанию несколько под углом, что придавало им забавный вид, хотя в носке это, возможно, и не очень бы мешало, если, конечно, приноровиться их надевать. Но ОТК сапоги не пропустил, и разразился скандал. Директор накричал на заместителя, тот, в свою очередь, – на старшего технолога, тот обругал младшего, а когда они пришли в цех, то старший мастер вдруг заявил, что с него спроса нет, поскольку все расчеты делал Ларичев, стало быть, он и виноват в неправильном смыкании голенища и подошвы.

– Это неправда! – сказал Ларичев. – Я вам докажу...

– А мне нечего доказывать, – сказал старший мастер.

– Я вам несколько раз объяснял...

– А мне нечего объяснять, – снова прервал его тот. – Молоды вы еще меня учить, товарищ Ларичев. Я здесь двадцать лет работаю! Я эти сапоги делал, когда вам мать еще сопли вытирала!

Ларичев побледнел и смолк. Старший мастер понял, что разговор окончен, повернулся и спокойно пошел прочь.

Наблюдавший эту сцену Клягин подскочил к Ларичеву и зашипел ему в ухо:

– Ну?! Чего ж ты... Ну?! Уйдет ведь! – Он даже подтолкнул Ларичева в спину.

Тот сначала нерешительно пошел, потом побежал, догнал старшего мастера и, нервно кусая губы, тихо сказал:

– Немедленно извинитесь!

– Чего? – не понял мастер.

– Немедленно извинитесь!!!

– Да идите вы, товарищ Ларичев, знаете куда!

Лицо Ларичева сделалось красным, подбородок задрожал:

– Вы... вы...

– Ну же! – не выдержав, крикнул Клягин.

– Вы... вы... – продолжал бормотать Ларичев и, вдруг схватившись за грудь, стал медленно оседать на пол.

Его подхватили, положили на диванчик в коридоре. Через двадцать минут приехала “Скорая”. Клягин помогал выносить Ларичева на носилках. Тот был бледен, слабо улыбался и все пытался что-то объяснить Клягину, но Клягин угрюмо сопел и не слушал.

Через два дня фотографию Ларичева повесили в красном уголке в черной рамке. На кладбище пришло много народа, выступал представитель фабкома, который охарактеризовал покойного как хорошего специалиста и человека, любимого коллективом.

Вечером Клягин пришел к вдове на поминки, и хотя пил мало, но был очень мрачен и ни с кем не разговаривал. Только попросил магнитофон и, выйдя с ним на лестничную площадку, долго курил.

На следующий день он пришел на фабрику с красными от бессонницы

глазами, до одиннадцати работал, а потом зашел к дежурному вахтеру и попросил у него ключ от радиорубки.

Войдя в радиорубку, Клягин закрылся изнутри, сел за стол и включил микрофон. Когда в динамиках раздался треск, Клягин немножко оробел, но тут же взял себя в руки и глухо произнес:

– Алло! Это Клягин говорит... Шофер Клягин Егор Степанович... Знаете, в общем...

Сквозь окно радиорубки он увидел, как работавшие в цехах люди удивленно подняли головы.

– Стало быть, вот что, – продолжал Клягин, – похоронили мы вчера, стало быть, нашего товарища... технолога... Ларичева Евгения Петровича. Это больно всем нам, что и говорить... Потому что, я вам скажу, замечательный он был человек, нежной души... и так далее... Очень хороший он был, Ларичев... Евгений Петрович...

В дверь радиорубки кто-то постучал, но Клягин даже не повернул головы.

– И вот что я вам теперь скажу, дорогие мои, – продолжал он, – конечно, здоровье у него было слабенькое, никто вроде не виноват, но я вам так скажу – на всех вина, а на мне, может, больше других... Он какой был человек?.. Он чуткий был человек, чистый... И он страдал от нашего с вами хамства. Он, можно сказать, ломал себя под нас... Понимаете?.. Ну, сейчас поймете, кто не понимает... Слушайте сами... Женщинам разрешаю выйти!

Клягин достал из кармана пленку, поставил в магнитофон, включил. Раздалось шипение, а потом тихий голос Ларичева начал медленно и неуверенно выговаривать тяжелые, неповоротливые, совсем чужие для него слова.

Клягин терпеливо ждал, пока пленка закончится. И все стоявшие молча ждали, а когда она кончилась, еще молчали несколько секунд.

– Вот так! – глухо сказал Клягин и выключил магнитофон. – Вот так!.. Все!

После этого случая Клягина обсуждали на месткоме и вынесли ему порицание. Потом на фабрику ” 6 приезжала специальная комиссия,

директор получил выговор за слабую воспитательную работу. А потом фабрику ” 6 объединили с фабрикой ” 7 и переименовали ее в фабрику ” 8. И поскольку фабрика ” 6 перестала существовать, то теперь уже трудно установить, был ли на ней этот случай вообще...

Обнаженный Куренцов

Воскресный день начинался прекрасно.

Василий Михайлович Куренцов проснулся рано, встал, позавтракал, надел белую нейлоновую рубаху, закатал рукава, взял свою жену, Зинаиду Ивановну Куренцову, и направился в город на прогулку.

Они сели в такси, прокатились по центральным улицам Москвы, посмотрели Новый Арбат, Кутузовский проспект, потом приехали на Пушкинскую площадь, расплатились и вышли.

Здесь Куренцов и его супруга выпили пива, затем съели по стаканчику мороженого и, уже совсем сытые и довольные, пошли вниз по улице Горького. По дороге они разглядывали витрины магазинов, читали рекламы и афиши, улыбаясь смотрели на девушек в модных юбках, и вообще им было хорошо. Затем они свернули в один из переулков, потом в другой переулок, потом в третий – и тут увидели, возле низенького старинного дома, длинную очередь.

– Извиняюсь, что здесь? – спросил Куренцов у высокого парня в замшевой куртке, стоявшего в очереди последним.

– Выставка, – ответил тот.

– Это в каком смысле? – не понял Куренцов. – Выставка чего именно?

– Выставка живописи, – сказал парень, оглядывая Куренцовых, и добавил: – Современной живописи...

– А почем вход? – поинтересовалась Зинаида Ивановна.

– Двадцать копеек, – сказал парень. – А для школьников и солдат – по пятачку! – И улыбнулся.

Если бы не эта улыбка, Куренцов, конечно, не пошел бы на эту

злосчастную выставку, поскольку живописью он никогда не интересовался. Но снисходительная улыбочка этого парня, а также меркантильный разговор о двадцати копейках и пятачке его задели.

Василий Михайлович повернулся к супруге и спросил:

– Ну что, Зинуля, посмотрим?

– Посмотрим! – быстро согласилась Зинаида Ивановна. – А то чего без толку по городу шляться...

Через двадцать минут супруги Куренцовы уже бродили по залам выставки.

Народу здесь было много. Люди переходили от картины к картине, тихо переговаривались. Возле некоторых о чем-то спорили.

Куренцовы в споры не вступали. Василий Михайлович вел под руку Зинаиду Ивановну, и они чинно прогуливались, глядя по сторонам. Все картины в принципе нравились Василию Михайловичу, особенно пейзажи. Но больше всего ему нравилась обстановка выставки, такая торжественная, можно даже сказать, благоговейная.

– Надо бы нам дома какую-нибудь картину повесить, – тихо сказал жене Василий Михайлович. – А то надоело на обои глядеть...

– Верно, – согласилась Зинаида Ивановна. – У нас в хозяйственном эстампы продают...

– Вот! – обрадовался Куренцов. – Пейзаж какой-нибудь... Так, чтоб деревья были, лужок...

Он сделал рукой неопределенный жест, поясняющий, какой именно лужок хотелось бы видеть на эстампе, глянул по направлению руки на стену и замер от неожиданности.

На большой картине, висевшей в углу, Василий Михайлович Куренцов увидел СЕБЯ...

Картина называлась “Ночное купание”. Изображен на ней был берег реки ночью. Светила луна. Двое молодых ребят нагишом бежали к воде. А третий человек, лет пятидесяти, только еще готовился к купанию: он

наполовину снял трусы, обнажив левую ягодицу с крупной черной родинкой. Лицо этого человека было обращено к зрителю, и оно, это лицо, несомненно, было лицом Василия Михайловича Куренцова.

В первый момент Куренцову показалось, что это ему все чудится, но, увидев побледневшее лицо жены, он понял, что не ошибся.

– Что ж это такое? – тихо ахнула Зинаида Ивановна. – Васенька, это ж ты... голый!

Стоявшая впереди них девушка в очках при этих словах повернулась, посмотрела на Василия Михайловича, потом на картину и улыбнулась.

Холодный пот выступил на лбу Куренцова. Кулаки его сжались.

– Пошли, Зина! – хрипло скомандовал он. – Пошли к директору!

Главный администратор выставки долго слушал Куренцова, качал головой и растерянно улыбался.

– Вам это показалось, гражданин, – говорил главный администратор. – Вам это почудилось!

– То есть как – почудилось? – спрашивал Куренцов, и его левая бровь нервно дергалась от обиды. – Как это может почудиться, когда это я! И лицо, и фигура, и даже родинка... Могу показать!

– Нет-нет, спасибо! – отмахивался администратор. – Но даже если этот нарисованный мужчина и похож на вас, то вы же понимаете, что это случайное совпадение... Случайное, понимаете? Если, конечно, вы не позировали художнику...

– Ничего я не позировал, – зло говорил Куренцов. – Я этого художника в глаза не видел... И тех двух ребятишек, что со мной купаются, тоже не знаю... И речка незнакомая...

– Конечно! – вторила мужу Зинаида Ивановна. – Разве станет Василий Михайлович так купаться? У него плавки есть, японские, в полосочку... Я ему прошлым летом купила...

– Товарищи, что вы от меня хотите? – наконец спросил администратор.

– Товарищи, что вы от меня хотите? – наконец спросил администратор.

– Снимайте картину! – твердо сказал Куренцов. – Снимайте – и точка! Здесь люди ходят, дети... Могут прийти сотрудники... Стыд какой! Снимайте ее к чертям!

– Это невозможно, – сказал администратор. – Картина одобрена выставочной комиссией... Снимать ее никто не имеет права!

– А я говорю – снимайте! – угрюмо повторил Куренцов. – Не доводите дело до скандала!

– Вы мне не угрожайте, гражданин! – сказал администратор и перестал улыбаться. – Все претензии предъявляйте художнику, хотя я уверен, что он их тоже не примет...

– Соедините меня с ним! – властно сказал Куренцов.

Администратор внимательно посмотрел на Василия Михайловича, пожал плечами и, сняв трубку телефона, набрал номер:

– Товарищ Егоров?.. Здравствуйте! Это с вами говорит администратор выставки. Здесь к нам пришел один товарищ. У него какие-то странные претензии к вашей картине. Сейчас передам ему трубку...

– Алло! Куренцов говорит, – сказал Василий Михайлович в трубку. – Товарищ художник, здесь такое дело получилось... я у вас на картине оказался... Ну, тот, который трусы снимает... Приношу протест!

– Не понимаю, – послышалось в трубке. – Какой протест?

– За искажение! – сказал Куренцов и с досадой понял, что говорит не то. – В общем, это получился вылитый я... Вы, товарищ, где-нибудь меня видели и зарисовали... А здесь люди ходят, дети...

– Какие дети? – недоуменно спросил голос в трубке. – Я вас, товарищ, никогда в глаза не видел и не рисовал...

– Может, и не видели, а получился я, – сказал Куренцов. – Даже родинка та же...

– При чем здесь родинка? Какая родинка? – Голос в трубке заметно нервничал.

– Обыкновенная родинка... На этом самом... Короче, снимайте картину, а то будет скандал! – хрипло сказал Куренцов.

– Вы выпили, товарищ, – спокойно произнес голос в трубке. – А потому оставьте меня в покое...

Куренцов несколько секунд слушал короткие гудки, потом положил трубку на стол и, не глядя на администратора, мрачно произнес:

– Ну, ладно!.. Пошли, Зина!

Они быстро шли по залам, не оглядываясь и не обращая внимания на людей. Зинаида Ивановна испуганно держала Куренцова за руку, а он шумно дышал носом, втянув голову в плечи, и иногда вздрагивал всем телом, словно кто-то сзади тыкал ему пальцем в спину.

В этот вечер Василий Михайлович Куренцов выпил много водки. Пил он один. Пил медленно, задумчиво, молча, почти не закусывая.

Зинаида Ивановна грустно смотрела на него, вздыхала, иногда пыталась утешать.

– Плюнь, Вася! – говорила она. – Ну зачем ты страдаешь? Чего особенного? Никто и не знает... Ну кто туда пойдет? Никто из знакомых не пойдет... И на работе объясни: мол, не ходите...

– Дура ты! – сердито отвечал Куренцов. – А вдруг по телевизору покажут? Или, того хуже, открыток наделают... Пять копеек штука...

– А ты отрицай все! Мол, это не я...

– “Отрицай”! – сердито перебивал Куренцов. – Чего ж отрицать, когда физиономия моя... Здесь отрицать глупо!

Он замолкал, курил, и кожа на его лбу, собиравшаяся морщинками в гармошку, говорила о мучительных раздумьях, терзавших мозг.

Наконец Куренцов встал, надел пиджак и, не глядя на жену, хмуро сказал:

– Я пройдусь, Зина!

– Куда это ты на ночь глядя? – испугалась Зинаида Ивановна.

– Пройдусь, и все! – повторил Куренцов. – Развеюсь...

Он вышел из дома, постоял несколько минут у подъезда, проверяя, не следит ли за ним супруга, и, убедившись, что слежки нет, быстро направился к стоянке такси.

Точного адреса выставки Куренцов не знал, поэтому он долго колесил по центру Москвы, пока наконец такси не подвезло его к знакомому старинному дому.

Куренцов расплатился, подождал, пока машина отъедет, и закурил.

Было около часа ночи. Переулок опустел.

Василий Михайлович несколько раз обошел здание выставки и, убедившись, что ни сторожа, ни постового милиционера здесь нет, остановился сзади дома у маленького окошка. Затем, еще раз оглядевшись, Куренцов достал перочинный ножик, отколупнул сухую замазку, отогнул гвоздики и вынул двойное стекло.

Вынув стекло, Куренцов залез на невысокий подоконник и, с трудом протискивая свое грузное тело через узкие рамки окна, проник в помещение. Жуткая темнота окружила его со всех сторон.

Поначалу Куренцов очень испугался и с ужасом подумал, что никогда не найдет в такой тьме того, что ищет, но потом сообразил, что находится в каком-то подсобном помещении, а залы где-то впереди и в них, возможно, будет посветлее.

Он долго шел по какому-то длинному коридору. Было очень темно и очень тихо, но алкогольное опьянение, в котором продолжал пребывать Куренцов, отгоняло страх и помогло ему всего с двумя падениями добраться до двери, толкнув которую Василий Михайлович оказался в выставочном зале.

Здесь уже было гораздо светлее. Сквозь громадные окна проникал слабый свет уличных фонарей, и черные квадраты картин на стенах обозначались

свет уличных фонарей, и черные квадраты картин на стенах обозначались довольно четко.

“Ночное купание” Куренцов нашел быстро. Он еще несколько минут постоял перед полотном, вглядываясь в свое лицо, которое в этом полумраке показалось ему еще более похожим, потом подставил стул и снял картину с крюка.

И тут Куренцову стало страшно. За всю свою жизнь он никогда не делал ничего противозаконного, и теперь душа его заныла. Сердце бешено заколотилось, и его удары эхом разнеслись по пустым залам.

Однако Василий Михайлович быстро взял себя в руки, еще раз огляделся по сторонам, затем вынул холст из рамы, свернул его в трубочку, а рамку повесил на место.

И тут Куренцову опять стало очень страшно. Но совесть уже была ни при чем. Просто Василию Михайловичу показалось, что из дальнего угла кто-то наблюдает за ним. Куренцов задрожал от этого взгляда, но не побежал, а, наоборот, сам не зная почему, медленно пошел в этот дальний угол. Подойдя ближе, он увидел белую обнаженную женщину, стоящую на коленях и протягивающую к нему, Куренцову, руки.

“Статуя!” – догадался Куренцов, но от этого страх его не улетучился, а даже усилился. Потому что чем ближе он подходил, тем до жути знакомыми становились ее черты. И когда Василий Михайлович подошел совсем близко и взглянул в лицо этой каменной бабы, то из груди его вырвался какой-то странный хриплый звук.

Перед ним на коленях, обнаженная, стояла его жена, Зинаида Ивановна Куренцова.

От неожиданности ноги Василия Михайловича подкосились, и он шлепнулся на пол, но тут же вскочил, как-то странно застонал и, схватив скульптуру за вытянутые руки, попытался сдвинуть ее с места.

Однако скульптура была удивительно тяжелой, гораздо тяжелее живой Зинаиды Ивановны. Куренцов все-таки протащил ее по полу метра два, но затем устал, отчаянно пнул ее ногой, ушиб палец и заплакал от тоски.

В этот момент мимо окон проехал автомобиль, и желтые лучи его фар

осветили большую картину на стене. На картине Василий Михайлович увидел своего брата, Виктора Михайловича Куренцова, проживающего в настоящий момент в городе Калуге. Виктор Михайлович Куренцов был изображен почему-то в бескозырке, тельняшке, а за поясом у него торчал огромный пистолет.

Василий Михайлович оторопело посмотрел на него и, обреченно махнув рукой, пошел по залу.

Уже не удивляясь и не вздрагивая, он бродил по полутемным залам выставки и с каким-то тупым безразличием разглядывал картины.

Со всех стен на него смотрели Куренцовы.

Здесь были изображены его дядя Алексей Куренцов, двоюродный брат Сергей, крестный Андрей Степанович Жмакин, сестра Зины Ольга, шурин Брюкин, племянница Клава Спиридонова, бабушка Анна Степановна, тетя по материнской линии Раиса Григорьевна.

Обнаженные или одетые в какие-то нелепые костюмы, с красными, синими, зелеными лицами, Куренцовы со всех сторон разглядывали Василия Михайловича, который кругами бродил по залам, пока не ткнулся лбом в какую-то большую дверь.

Здесь, точно очнувшись от сна, Куренцов с силой рванул ручку двери, потом забарабанил по ней кулаками и громко стал звать на помощь.

Через час милицейская машина везла Василия Михайловича Куренцова. Он сидел на железной лавочке между двумя милиционерами и тупо глядел в маленькое окошечко, разлинованное на квадраты стальными прутиками. Когда машина проезжала мимо памятника Юрию Долгорукому, Куренцов неожиданно улыбнулся, тронул одного из милиционеров за рукав и, кивнув на памятник, тихо сказал: – О, видал?! Дядя мой, Михаил Степанович Куренцов... На коне изобразили, гады!

Измена

Виктор Андреевич Корюшкин прожил со своей женой Ниной в любви и согласии семь лет, и это обстоятельство его очень тяготило. Собственно говоря, мужской темперамент, отпущенный природой Корюшкину, и не

требовал никакой побочной жизни, а вполне удовлетворялся законной, семейной, но, будучи человеком современным и в какой-то мере интеллигентным, Корюшкин не мог не понимать, что в таком безоблачном размеренном семейном существовании есть что-то провинциальное и ущербное.

Корюшкин смотрел фильмы, читал книги, беседовал со знакомыми и всякий раз убеждался, что на свете бушуют страсти, люди смело ныряют в море острых ощущений, на Западе уже придуман “группенсекс” (о нем рассказывал Корюшкину один институтский товарищ, который собственными глазами видел этот самый “группенсекс” в шведской авторучке), и получалось так, что только он, Виктор Андреевич Корюшкин, оказался за бортом, сидит пьет чай и коротает знойные июньские вечера с женой и телевизором.

Особенно мучительными для Корюшкина были рассказы сослуживцев, когда в курилке учреждения, в котором работал Виктор Андреевич, после обеденного перерыва собирались мужики и, поболтав о начальстве или футболе, выходили на “живую” тему и когда какой-нибудь Монюков (толстый, лысоватый, ни рожи ни кожи) вдруг со смаком начинал повествовать о своей трехдневной командировке в Тулу, где он в гостинице познакомился с очаровательной девушкой, почему-то эстонкой (снежные волосы, нос в веснушках и шепчет эдак с акцентом: “Милый мой Моньюкоф...”), и какие сумасшедшие были эти три дня. И тут же тему подхватывал следующий: “Это что! А вот у меня был случай...”

И загорались глаза, и каждый спешил захватить площадку, и только Корюшкин стыдливо моргал ресницами, потому что нечего ему было рассказывать. Не было в его жизни никого, кроме Нины, а до Нины были-то всего Зина да Томка в институте, и более никого, не то что, скажем, загадочной эстонки белоснежной, но вообще – ничего, хотя бы и менее экстравагантного. И Корюшкин со вздохом уходил из курилки в рабочую комнату, садился за свой стол и свирепо перекладывал папки из одного ящика в другой, чтобы забыться.

Главное, Корюшкин чувствовал, что он, в принципе, может понравиться женщинам (рост выше среднего, глаза серые и в зубах расщелина, что свидетельствует о тайных пороках), ему улыбалась секретарша Клара, и в автобусах он иногда ловил на себе пугливые оценивающие взгляды, – но как перевести эти едва ощутимые признаки благосклонности во что-то

более реальное, Корюшкин не знал.

Нина не то чтобы была ревнива, но, как всякая жена, чуть настороже. Из дому она никуда не уезжала, отдыхать супруги всегда ездили вместе, в командировки Корюшкина не посылали. Так что для легкой кратковременной связи просто не было элементарных условий. Пускаться же в длительный затяжной роман, скажем с той же Кларой, Корюшкин боялся. Это пахло крупными неприятностями и разводом, а разрушать семью ему не хотелось: во-первых, был сын, во-вторых, Нина хорошая, в-третьих, не хотелось, и все...

Так шли дни, и на седьмом году совместной жизни вдруг наступил такой знойный июнь, когда все женщины надели модные кофточки-майки и такие короткие юбки, что Корюшкин вдруг понял: пора кончать с голубиным семейным воркованьем и свершить что-нибудь эдакое, возмутительное. А тут как раз и выдался случай: местком закупил путевки в двухдневный дом отдыха на водохранилище, и путевки распределили в учреждении, в котором работал Виктор Андреевич, и в соседнем, в котором он не работал, и еще в соседнем... И, покупая путевку, Корюшкин видел, что такие же путевки покупают малознакомые женщины в кофточках-майках.

Дома был трудный разговор. Нина очень обиделась, что Корюшкин не берет ее с собой, хотя он подготовил вполне логичные доводы: в доме пора провести генеральную уборку, поэтому он и сматывается, чтоб не мешать, и вообще ему хочется побыть в полном одиночестве, чтобы собраться с мыслями. Это “собраться с мыслями” особенно возмутило Нину.

– С какими еще мыслями? – зло спросила она. – Девицу себе наметил?

Корюшкин искренне обиделся, поскольку Нинины слова были правдой. Он закричал, что ему надоел этот домострой и вечные подозрения, для которых он не давал повода, и что трудно жить с женщиной, у которой такие мещанские представления о других. Потом он уложил в чемоданчик несколько рубах, шорты, плавки, надел новые фирменные белые трусы в сеточку и лег спать отдельно, на раскладушке...

От учреждения отдыхающих вез огромный автобус. Водитель включил музыку, все громко разговаривали, неугомонный Монюков рассказывал анекдоты и всех смешил. Корюшкин тоже смеялся и победным взглядом

оглядывал женщин, словно эти анекдоты придумал он. Женщины улыбались Корюшкину, и от этих перспективных улыбок его охватывало радостное волнение.

В доме отдыха селили по двое. Корюшкин оказался в одной комнате с Монюковым и чрезвычайно этому обрадовался, потому что Монюков был мужиком компанейским. Монюков тоже обрадовался соседству с Корюшкиным и сразу предупредил:

– Старик, очень хорошо, что мы с тобой... Ты тогда вечерком подышишь на улице часов до двенадцати, ладно? У меня тут намечается маленькое суаре!

Корюшкин не знал, что такое суаре, но все равно обиделся, что его выпроваживают. Корюшкин надулся, заморгал ресницами и сказал:

– Сам дыши! У меня тоже суаре!

– У тебя? – Монюков оскорбительно хмыкнул.

– А что, не имею права? – Корюшкин решил твердо отстаивать свои права на комнату.

– Имеешь, конечно, – задумался Монюков. – Но на кой же черт я с тобой селился? Ты ведь у нас всегда был паинькой. А с кем у тебя?

– Пока секрет! – сказал Корюшкин.

– Уважаю, – сказал Монюков. – Я сам молчун. Ладно! Тогда давай кинем жребий: кому дышать, кому не дышать... Орел или решка?

Корюшкин выбрал “орла” – и угадал. Монюков расстроился, а Корюшкин понял, что это знамение судьбы, тут же сбегал в буфет, купил бутылку коньяка и плитку шоколада...

Потом все пошли на реку. Корюшкин тоже пошел на реку, плавал вдоль берега баттерфляем, разбрасывал брызги и привлекал внимание. Потом он надел шорты, темные очки и с независимым видом фланировал по пляжу, подсаживаясь к разным компаниям и осторожно вступая в разговор. Парой слов он перекинулся с секретаршей Кларой и пригласил ее вечером в кино (это на всякий случай), познакомился с одной блондинкой (Люся из

научно-исследовательского института, лаборантка, не замужем), пригласил ее после обеда погулять по аллеям, “чтоб не толстеть”. Люся хотя и была совсем не толстая, но погулять вроде бы согласилась, во всяком случае, кивнула и улыбнулась...

За обедом Корюшкин подсел к столу, за которым сидели Монюков и четыре женщины, две – незнакомые. Монюков, как всегда, хохмил, а Корюшкин ухаживал за незнакомками, подавал им горчицу, и в конце обеда, допивая компот, написал одной из них, Рае (полная брюнетка, инженер-экономист, разведена), записку на бумажной салфетке: “Давайте встретимся в 20.00 у клумбы”. Прямо передать записку ей в руки он постеснялся, но положил ее перед Раей так, чтоб когда она вздумает вытереть губы, то прочла бы. После обеда Монюков завалился спать, а Корюшкин, глотнув для храбрости коньяку, выбежал на улицу. Он был бодр, весел и энергичен.

И вот тут в четко расписанном графике Корюшкина начало что-то заедать. Во-первых, не вышла худеть блондинка Люся. Корюшкин два часа бродил по аллеям, высматривая ее, но она не появилась. Правда, гуляя, Корюшкин заговорил с какими-то двумя студентками и, как ему показалось, сумел их к себе расположить, но к концу разговора выяснилось, что студентки вообще не из этого дома отдыха, просто приехали сюда на субботу, живут в лесу в палатке, где, кроме них, есть еще два студента. Проклиная себя за бессмысленно потраченное время, Корюшкин помчался к кинозалу и там увидел Клару с какой-то компанией незнакомых мужчин. Клара сказала, что встретила здесь случайно старых друзей, извинилась и ушла в кино с ними. А в 20.00 Рая не пришла к клумбе. Корюшкин прождал ее целый час, мучительно раздумывая, в чем причина неудачи: салфетка не дошла или Рая не захотела? Впрочем, теперь это уже не имело значения. Начинался вечер, время безвозвратно уходило.

Он быстро побежал к себе в комнату. Монюкова не было, на столе лежала записка: “Старик, желаю успеха! Вернусь в полночь, постарайся уложиться!” Виктор Андреевич посмотрел на часы – шел десятый час, теперь каждая минута была на счету. Корюшкин надел свежую рубаху, быстро побрился, глотнул еще для храбрости коньяку, вышел в коридор и начал бессмысленно бродить по этажам дома отдыха, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытых дверей. Это были манящие звуки: смех, обрывки фраз, музыка, а за некоторыми дверями стояла тишина – эта таинственная тишина больше всего волновала Виктора Андреевича.

Погуляв полчасика и ничего не нагуляв, Корюшкин почувствовал себя бесконечно несчастным, вернулся в свою комнату, выпил весь коньяк и съел весь шоколад.

Он опьянел, и его охватила такая тоска, что он чуть не заревел. Положение и вправду выглядело идиотским: поругался с женой, рванул ни свет ни заря в этот дурацкий дом отдыха, отвоевал отдельную комнату и теперь сидит и пьет один, как последний алкоголик! Корюшкин сидел, кусал губы, и в его душе зрело отчаянное желание выбежать в коридор, врываться в закрытые комнаты, орать и требовать, чтоб и его приняли в какой-нибудь загул...

И тут произошло нечто странное – погас свет. Корюшкин подумал, что это только в его комнате, но, выйдя на ощупь в темный коридор, он понял, что свет перегорел во всем доме. Люди чиркали спичками, весело переговаривались, отпускали сомнительные шутки, которые всегда легко говорить, когда не видно лица, кто-то сердито требовал позвонить на электростанцию... В вестибюле первого этажа ходила горничная и шепотом просила отдыхающих не волноваться. В длинном халате, в платочке, со свечой в руке, она была похожа на монашку, шептавшую молитву.

Темнота немножко развеселила Корюшкина. Он побродил по вестибюлю, давая советы по исправлению линии, потом на лестнице столкнулся с какой-то женщиной и в темноте пытался схватить ее за руку, игриво произнеся: “Пардон, мадам!”, но тут же его кто-то толкнул в плечо и строгий мужской голос произнес: “А ну проходи!..” Затем Корюшкин поднялся к себе на этаж, с трудом нашел свою комнату и, быстро раздевшись, рухнул на постель. От выпитого коньяка его потянуло в сон, а главное, он понял, что в темноте уж точно ни с кем не познакомишься, разве что схлопочешь по роже. Корюшкин закрыл глаза, и его воспаленный мозг начал понемножку гаснуть, и разные мысли стали медленно расползаться по извилинам, сворачиваясь в клубок и затихая...

Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла женщина. Корюшкин сразу понял, что это женщина, и проснулся. Сердце бешено застучало у него внутри, а мысли забегали в голове, сталкиваясь и ударяясь друг о друга. Женщина сделала несколько неуверенных шагов по комнате, наткнулась на стул. Корюшкин затаил дыхание, но надолго не смог, и зажатый в легких воздух наконец вырвался из него с каким-то стоном.

– Ой!.. Здесь кто-то есть... Простите, это какой номер? – спросила

– Ой... Здесь кто-то есть... Простите, это какой номер? – спросила женщина.

– Семьдесят второй! – прошептал Корюшкин и резким движением выскочил из-под одеяла.

Женщина вскрикнула и отскочила, уронив стул, а Корюшкин в темноте поймал ее руку, притянул к себе и в каком-то дурмане начал страстно целовать ее, попадая губами то в плечо, то в лоб, то в шею, то вообще в никуда, потому что женщина отворачивалась и было темно...

– Прекратите! Прекратите! Я буду кричать! Кто вы?!

– Милая моя! Единственная! О! – страстно шептал Корюшкин, пытаясь перехватить ее вторую руку, которой она толкала его в грудь. – Это я! Корюшкин из отдела статистики... О!.. Дивная моя!.. Я женюсь, честное слово, женюсь!.. Прекрасная моя!.. О чудное мгновенье!

Корюшкин быстро-быстро говорил, переходя то на высокопарный стиль, то на какое-то суетливое бормотание с обещаниями завтра же расписаться, и все время выкрикивал: “О!.. О!..”, а женщина твердила: “Перестаньте!” – и сопротивлялась и отталкивала его, но Корюшкин чувствовал, что под его мощным напором толчки становятся все слабее, а сопротивление стихает, признавая себя бессмысленным...

Потом Виктор Андреевич, не одеваясь, вышел на балкон покурить. Он стоял в своих фирменных белых трусах в сеточку, его обдувал ночной ветерок, он курил и смотрел на небо, где не было луны, но очень ярко горели звезды, и он подумал, что звезды в июне очень красивы и как это прекрасно, что на них тоже есть жизнь...

Когда Корюшкин вернулся с балкона, то с удивлением обнаружил, что в комнате никого нет. Виктор Андреевич зажег спичку, огляделся, потом выглянул в коридор, надеясь, что она там, но коридор был пуст. Корюшкин хотел позвать ее, но тут сообразил, что не знает ее имени и, даже если она где-то рядом и спряталась, непонятно, как к ней обращаться.

– Эй! – негромко позвал Корюшкин. – Эй, товарищ! Где же вы?

Ему никто не ответил. Корюшкин вернулся в комнату, снова закурил и сел за стол. Ему вдруг сделалось очень весело.

Вскоре зажегся свет, а ровно в полночь вернулся Монюков. Корюшкин, волнуясь и опуская малозначительные подробности, поспешно рассказал ему все. Он не стал ничего приукрашивать, ибо и правда была настолько невероятна, что он боялся, что Монюков ему не поверит. Однако Монюков поверил. Он усмехнулся, задумчиво почесал в затылке и спросил: – И ты, стало быть, не знаешь, кто это был?

– Понятия не имею!

– Ну хоть приметы какие-нибудь?

– Какие там приметы? Темно было – хоть глаз коли...

– Толстая? Тонкая?

– Средняя, – подумав, сказал Корюшкин. – Плотная такая... А может, и худая. – Он растерянно заморгал ресницами.

– Так, – подытожил Монюков, – стало быть, ясно, что ничего не ясно! Однако кое-какие приметы все-таки есть... Во-первых, она мажется польской розовой помадой. – Он ткнул пальцем в щеку Корюшкину, и тот, подскочив к зеркалу, обнаружил на левой щеке две розовые полоски. – Во-вторых, – продолжал Монюков, сняв с одеяла длинный светлый волос, – она блондинка! Причем натуральная! Вот так-то, обвиняемый!

– Почему “обвиняемый”? – поморщился Корюшкин. – Не шути так... Лучше скажи – что теперь делать-то?

– А ничего не делать, – зевнул Монюков. – Спать надо. Завтра найдем.

– А вдруг она постесняется подойти?

– Все равно выдаст себя, – уверенно сказал Монюков. – Взглядом, улыбкой... Покраснеет. Тут много нюансов. Сам почувствуешь! Это, старик, флюидами передается... Вот у меня был аналогичный случай: загулял как-то в командировке в Калуге, проснулся в чужом доме, не помню, как туда попал, не помню с кем... Входит какая-то женщина, приглашает завтракать... А я ни имени ее не знаю, ни фамилии и не пойму: она или не она?

– Ну и что?

– Оказалось – она!

– Как догадался?

– Спросил просто: мол, вы или не вы? Она говорит – я! Так и догадался.

– А что потом?

– А ничего! Позавтракал, уехал... Да чего ты нервничаешь-то?.. Ну, было и было... Закон природы: ты – фавн, она – пастушка! Вспышки страстей... – Монюков еще раз смачно зевнул и пошел спать.

Утром Корюшкин проснулся рано, принял душ, побрился, тщательно причесался и стал будить Монюкова:

– Сережа! Вставай. Пойдем!

– Чего? Куда? – не понял со сна Монюков.

– Найти ее надо... Объясниться...

– Кого?.. Ах да, – потягиваясь, вспомнил Монюков. – Земфиру твою... Да чего ты спозаранку-то?.. Ай, Корюшкин! Прямо супермен какой-то... Кто бы мог подумать?

Через полчаса они спустились в столовую на завтрак. Корюшкин шел робко, пугливо оглядывался по сторонам, бессмысленно улыбался и здоровался со всеми женщинами.

– Не суетись! – строго сказал ему Монюков, садясь за стол. – Не зыркай глазами... Ешь спокойно, а когда уж почувствуешь флюиды...

– Да как почувствую?

– Ну, посмотрит она на тебя... по-особому! Ешь!

Корюшкин принялся жевать котлету и тут же почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он резко обернулся и вздрогнул: на него смотрела бухгалтер Вера Михайловна, чей шестидесятилетний юбилей они недавно

торжественно отметили у себя в учреждении. Корюшкина прошиб пот, но он все-таки сумел взять себя в руки и улыбнуться. Вера Михайловна улыбнулась ему в ответ. Монюков заметил эту улыбку и так непристойно заржал, что Корюшкин чуть не выронил вилку.

– Она, что ли? – давясь от смеха, зашептал Монюков. – Ты что, Витя? У нее же внуки в армии...

– Прекрати немедленно! – зашипел Корюшкин. – Прекрати! Что я, рехнулся? Это не она... Она помадой не пользуется!

– Все равно смешно. – Монюков вытер слезы бумажной салфеткой. – Сдохнуть от тебя можно... Ну-ну, извини... Не буду. Сосредоточься! Вон в углу блондинка на тебя посматривает. Тебе интуиция ничего не подсказывает?

Корюшкин внимательно посмотрел на пухлую блондинку с орлиным носом, на всякий случай улыбнулся ей и тихо сказал:

– Нет, чувствую – не она.

– У нее помада розовая.

– Все равно! Чувствую – не она. И потом, у нее нос большой. А там... вроде бы... поменьше был.

– И сколько сантиметров?

– Слушай, – обиделся Корюшкин, – ты не издевайся! Если ты мне друг – помоги, а издеваться...

– Ладно, ладно! – перебил Монюков. – Не она так не она... Я не навязываю... Обсудим следующую кандидатуру...

Они перехватили взгляды еще нескольких блондинок. Корюшкин всем улыбнулся и всем кивнул, в смысле – поздоровался, но в отношении ни одной из них у него не возникло чувства уверенности. Вообще от этой неопределенной напряженности он начал уставать и нервничать.

И тут Монюков вдруг резко толкнул его локтем – в столовую вошла Ксения Вячеславна Волохова, начальник управления при главке. Одета она

была в белый летний костюмчик, ее светлые волосы, как всегда, были уложены пучком сзади. Она благосклонно кивала сотрудникам, чуть улыбаясь тонкими губами, слегка покрытыми розовой помадой...

– Ну что? Она?

Корюшкин не отвечал, а только смотрел на Волохову завороженным взглядом, и она тоже посмотрела на него, и даже дольше, чем на других, и улыбнулась...

– Ну? Она, что ли? – не унимался Монюков.

– Кажется! – сказал Корюшкин, и его зубы забили дробь о край стакана.

– Вот это да! – многозначительно присвистнул Монюков. – Это ты, старик, зря... Начальство в этом смысле лучше не трогать! Ну-ну, спокойней! – добавил он, видя, что лицо Корюшкина приобретает бледно-сиреневый оттенок. – Ничего страшного... Она тоже человек. Как говорится, закон природы, взрыв страстей: ты – фавн, она – пастушка! Да успокойся же!

Корюшкин не мог успокоиться и становился все сиреневей и сиреневей. Если себя он и мог в какой-то мере признать фавном, то Ксения Вячеславна была уж абсолютно не пастушкой, а начальником управления, и ее строгий суховатый голос приводил в трепет людей поважнее Корюшкина.

– Да не смотри ты на нее так, – шептал Монюков. – Это ж неприлично!

– Выйдем отсюда! – упавшим голосом сказал Корюшкин. – Мне что-то нехорошо...

– Пойдем, пойдем. – Монюков поддержал шатавшегося Корюшкина и осторожно повел его через столовую. – Держись, старина... Ох, господи, что ж ты с таким-то здоровьем на баб бросаешься?

Они вышли в сквер, сели на скамейку, закурили.

– Давай взвесим все “за” и все “против”, – рассуждал Монюков. – Она живет на том же этаже, что и мы, она блондинка, и губы розовые. Все это говорит о том, что она могла заблудиться, попасть случайно в твою

комнату, а тут ты и налетел как вепрь...

– Я не налетал, – жалобно перебил Корюшкин.

– Налетал, налетал! – неумолимо говорил Монюков. – И в этом вообще ничего страшного нет, если соображать, на кого... Но, с другой стороны, Волохова не тот человек, которой слабеет в темноте... Ты же знаешь ее характер. Помнишь, на летучке она нашему заву какую головомойку устроила? А Игнатьева за аморалку с работы вытурила с такой характеристикой, что он год уже не может устроиться...

Корюшкин застонал.

– Погоди ныть-то! – строго сказал Монюков. – Может, и не она... Эх, черт, зря я волос выкинул, могли бы сверить... Но даже если и она, все тоже не так страшно: в темноте она тебя могла тоже не признать.

– Я назвался, – обреченно сказал Корюшкин.

– Зачем?

– Не знаю... Спьяну. И жениться обещал.

– Вот это уже совсем пошло, – поморщился Монюков. – Тоже мне, подарок судьбы! На кой ты ей нужен, у нее муж – адмирал.

Корюшкин снова застонал и обхватил голову руками.

– Надо пойти к ней, – быстро заговорил он. – Пойти выяснить... Если что – чистосердечно извиниться... Так, мол, и так! Простите! Я не хотел.

– Что значит “не хотел”? – строго спросил Монюков. – Думай, что говоришь-то! Она все-таки женщина, и очень даже пикантная... Такого врага себе наживешь, не дай бог!.. Впрочем, и друзьями вам теперь трудно оставаться... М-да! Положение щекотливое...

– Она мне характеристику должна подписать, – почему-то вдруг вспомнил Корюшкин. – Мы с Нинкой заявление на Варну подали...

– Погоди ты с Варной, – отмахнулся Монюков. – Не до Варны сейчас! Одно ясно: молчать тебе надо! Никаких намеков. Ты не в курсе! Пока сама

не даст знать... А уж если даст, тогда другое дело... Тогда оказывай внимание. С ней, старик, нельзя: поматросил – и бросил...

Он вдруг осекся – прямо к их скамейке медленно шла Ксения Вячеславна.

– Сидите, товарищи, сидите, – величественно сказала Волохова вскочившим мужчинам и сама села на скамью. – Как отдыхаете?

– Спасибо, хорошо, – быстро ответил Монюков. – Просто исключительно!

– Природа здесь великолепная, да? – Волохова чуть откинула голову назад и повела глазами, как бы приглашая полюбоваться природой.

– Великолепная! – подтвердил Монюков – Исключительная!

Возникла пауза. Разговор не получался.

– Вечер вчера был теплый, – сказала Волохова и посмотрела на Корюшкина.

Корюшкин побледнел и вдруг выпалил:

– Не помню!

Волохова удивленно вскинула брови, а Монюков с силой придавил ногу Корюшкину, но тот не мог остановиться.

– Не помню! Ничего не помню! – почти выкрикнул он. – Пьян был в стельку! Я когда выпью, ничего не соображаю! Хоть стреляй в меня!.. Вот так! Вот я какой!

Волохова наморщила лоб, и ее глаза сделались маленькими и холодными.

– Пить нехорошо! – строго сказала она. – А хвастать этим и подавно!

– Абсолютно верно! – поддакнул Монюков.

Корюшкин опустил голову и молчал.

– Ну, ладно, товарищи, не стану вам мешать. – Волохова встала со скамейки и медленно пошла по аллее.

– Ненормальный! Что ты разорался? – налетел Монюков на Корюшкина. – Чего тебя вдруг понесло? “Пьяный”, “пьяный”!

– Домой хочу! – обреченно сказал Корюшкин. – Домой, немедленно.

– Погоди паниковать! Может, и не она...

– Все равно. Хочу домой! – Корюшкин так быстро зашагал к корпусу, что Монюков еле за ним поспевал. – Черт меня дернул сюда приезжать! Сидел же дома, все хорошо – и на тебе!.. А эта Волохова тоже хороша. Небось дача собственная есть – так нет, надо с коллективом на отдых... Демократизм проявляет, мерзавка! А люди за нее отвечай! А я не боюсь! Ничего она мне не сделает... Все по обоюдному согласию... Я насилия не проявлял... А с работы я и сам уволюсь... по собственному желанию, в связи с переходом... И адмиралом меня пугать нечего! Адмирал – он в море адмирал, а мне он не адмирал...

Он долго ехал в душном автобусе до станции, потом час курил в тамбуре электрички, потом троллейбусом доехал до дома, открыл дверь, прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель. Нина не вышла к нему, она гремела на кухне кастрюлями, и Корюшкину вдруг страшно захотелось пойти к жене, рассказать ей про все, посоветоваться... Но он понимал, что это невозможно, и оттого еще больше ощущал себя несчастным и бесконечно одиноким человеком.

Убийца

Кирюша Лапенков, высокий худой мужчина лет тридцати пяти, сидел в диетической столовой и обедал. Настроение у Кирюши было скверное. Мрачное было настроение.

Да и с чего, спрашивается, быть хорошему настроению у человека, болеющего гастритом, сидящего в душной столовой и поедающего обед за пятьдесят три копейки в составе: суп овощной протертый, тефтели паровые с картофельным пюре, кисель молочный?

Какие мысли должна рождать в мозгу такая пища?

Грустные мысли. Протертые мысли. Паровые. Желеобразные. Бессолевые.

Но нет! Организм Лапенкова протестовал. И в тот момент, когда его

Но нет! Организм Лапенкова протестовал. И в тот момент, когда его желудок равнодушно принимал всю эту преснятину, мозг Кирюши вел активную, буйную деятельность. Мозг кипел. Он рождал острые, соленые мысли. Мысли, пересыпанные перцем и аджикой, мысли шипящие и дымящиеся, как шашлык на шампуре.

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

“1. Повар – сволочь! Протираешь овощи – протирай, но не до дыр! Сам небось харчо жрет!

2. Участковый врач – халтурщик. Раз нашел у человека гастрит – так лечи. А он, кроме диеты, ничего не прописывает. За что им, коновалам, только зарплату платят?!

3. Председатель месткома Точилин – прохиндей! Не дал путевку в Кисловодск. У вас, говорит, товарищ Лапенков, всего-навсего гастритик, а у нас есть товарищи уже с язвочкой. Им путевочку в первую очередь надо. Мерзавец! На следующие выборы месткома не приду. В знак протеста!

4. Начальник отдела Корольков – убогий чинуша. И голос у него визгливый, как у бабы. “Вы почему, товарищ Лапенков, не отправили запрос в Керчь по поводу трансформаторов?” – “Потому что забыл!” – “А зарплату вы получать не забываете?”

У, зануда! Тебе бы мою зарплату!

5. Сосед по квартире Рубинин – подонок и извращенец. Каждую ночь у него музыка орет и женщины повизгивают. Оргии устраивает! И хоть бы раз пригласил, каналья!

6. Лето нынче ужасное. Жара, духота! Говорят, солнечная радиация усилилась. Полысеем все к чертовой бабушке!

7. Вообще народ как-то измельчал... Стал хлипкий и пузатый... Сегодня шел по улице – ни одной красивой девушки не встретил... Вырождается род человеческий помаленьку.

8. В футбол наши играть определенно не умеют. Распустить бы команды, а Лужники огурцами засеять... Все же польза была бы...

9. По телевизору все время какую-то муру передают... В комиссионку отнести его, что ли?

10. Эх, жизнь!..”

На десятом пункте мысли Лапенкова приостановились в своем развитии. Но произошло это вовсе не потому, что этот пункт был наиболее ярким и всеобъемлющим. Просто Лапенков вдруг заметил, что сидящий рядом за столиком бородатый мужчина пристально его разглядывает. Кирюша этого не любил. Под чужим взглядом он терялся и нервничал. Поэтому, быстро допив кисель, Лапенков встал и направился к выходу. Однако спиной он почувствовал, что бородач тоже поднялся и идет за ним.

Так они прошли вместе по улице шагов десять, и все время Лапенков чувствовал на своем затылке сверлящий взгляд бородача. Тогда Лапенков остановился и обернулся.

– Извините, – сказал бородач, подходя к Лапенкову. – Извините. Разрешите представиться: Валабуев, художник!

– Лапенков, – тихо сказал Кирюша, слегка пожимая протянутую руку.

– Не сердитесь, что задерживаю вас, – сказал бородач, – но дело в том, что меня как художника поразило ваше лицо... Это то, что я искал...

– В каком смысле? – растерянно спросил Лапенков.

– В прямом! – сказал бородач. – У вас выдающееся лицо. Низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, острый нос, губы тонкие, нервные... А скулы какие! Ведь это черт знает какие скулы!

– При чем здесь скулы? – начал нервничать Лапенков. – Что вы хотите, товарищ?

– Я хочу вас попросить позировать мне, – сказал художник. – Ваше лицо мне нужно для картины... Это не займет у вас много времени. Всего несколько сеансов. И я заплачу!

Приветливая улыбка на лице бородача и ласковое “заплачу” как-то успокоили Лапенкова. Он смутился и спросил:

– А кого же вы хотите с меня рисовать?

– Убийцу, – сказал художник и улыбнулся.

Наступила пауза.

– То есть как это? – наконец осторожно спросил Лапенков. – Почему убийцу? С какой стати?

– Это не совсем убийца в обычном понимании этого слова, – продолжая улыбаться, сказал бородач. – Это браконьер. Понимаете, картина называется “Убийство”. Композиционно она решается так: опушка леса, а на переднем плане – косуля и охотник. Нежная, трепетная косуля, обагренная кровью, лежит на траве, а над ней склонился охотник, браконьер с дымящимся ружьем. У него низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, тонкие нервные губы искривились в садистской усмешке...

– Не-не! – запротестовал Лапенков. – Я отказываюсь... Что вы, на самом-то деле? Я люблю животных... И потом, у меня семья, соседи...

– При чем здесь соседи? – поморщился художник. – А что касается животных, то именно из любви к ним я и взялся за это полотно. Я считаю охоту занятием аморальным! Моя картина будет публицистична от начала до конца. Это будет полотно-протест! Почему же вы отказываетесь помочь мне в этом благородном деле?

– Я не отказываюсь, – пробормотал Лапенков, – но как-то странно... Вы меня нарисуете – а что потом скажут? Лапенков мерзавец, скажут...

– Ну зачем же так примитивно, – снова поморщился художник. – Картина не фотография, это все прекрасно понимают... А если кто и узнает вас, то ничего, кроме уважения к вам, это не вызовет...

– Это почему? – не понял Лапенков.

– Потому что не каждого рисуют художники, – сказал бородач. – Это, если хотите, большая честь... Неужели вы этого не понимаете?

– Подумать надо, – вздохнул Лапенков. – Хорошо! – сказал художник. – Пошли ко мне домой. Это пятнадцать минут ходу. Вот вам и время на

Пошли ко мне домой. Это пятнадцать минут ходу. Вот вам и время на раздумье.

Он взял Лапенкова под руку и повел по улице. Шел он быстро, широким, уверенным шагом. Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами и даже иногда подпрыгивать. Оттого и мысли в лапенковской голове были тоже какие-то семенящие и подпрыгивающие.

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

“Откажусь! К черту!.. Почему?.. Потому!.. Зачем людей смешить?.. Почему смешить?.. Ну, не смешить – пугать... Зачем людей пугать?! Пусть знает! С кем! Имеют! Дело! Они все думают, что у меня лицо как лицо! Тьфу лицо!.. А у меня лоб скошенный!.. Ага, задрожите, голубчики! И Точилин! И Корольков! И Рубинин!.. И все!.. С таким лицом шутки плохи!.. Попробуй! Обидь! А я с ружьем! На картине!.. Над косулей!.. Ничего! Они не дураки! Сегодня над косулей – завтра над тобой!.. Попробуй обхами! Попробуй не дай путевку!.. Ненавижу всех!.. И это зафиксируем!.. Картина-протест!.. Смотрите, люди, до чего довели человека!.. Всех на выставку свожу – звериный лик свой покажу!.. Да и самому на себя со стороны посмотреть интересно. Роковой мужчина!.. Девицы! Будут! Замирать! От! Страха! И! Любить!.. Эх!”

– Пришли! – сказал художник, остановившись перед подъездом большого кирпичного дома. – Ну как, согласны?

– Согласен! – вздохнул Лапенков.

– Я так и думал, – сказал художник. – Прошу вас...

Квартира у художника оказалась огромная и светлая. Три комнаты, через которые прошел Лапенков, были уставлены красивой старинной мебелью и книжными полками. Стены были увешаны картинами, иконами, какими-то диковинными масками. С потолков свешивались огромные старинные люстры с множеством стеклянных подвесок. Было очень уютно и, главное, прохладно.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал художник, пододвигая к Лапенкову огромное кожаное кресло. Кирюша робко сел и с удовольствием почувствовал спиной приятный холодок кожи.

– Коньяку выпьете? – спросил художник.

– Нельзя мне, – грустно сказал Лапенков. – Врачи...

– Плюйте на них, – сказал художник, – мне тоже нельзя, а я принимаю понемножку – и ничего...

Он вышел в другую комнату и вскоре вернулся, везя перед собой маленький деревянный столик на колесиках. На столике стояли два больших бокала с каким-то желтым соком, блюдечко с нарезанным лимоном, коробка шоколадных конфет, маленькие бисквитики, большая темная бутылка с яркой наклейкой и две пузатые рюмки.

Лапенков зачарованно смотрел на все эти прелести и, к своему удивлению, проглотил слюну, хотя ел совсем недавно.

– Пейте, не смущайтесь, – сказал художник, наливая рюмки. – Это “Камю”... Отличнейший коньяк... А сейчас я включу музыку. Я, знаете, люблю работать под музыку... Особенно Легран вдохновляет... Вы не возражаете?

– Нет, что вы... конечно, – смутился Лапенков.

Они выпили. Художник чуть-чуть пригубил, а Лапенков выпил всю рюмку коньяку и весь бокал с соком. Коньяк был крепкий и ароматный, сок – апельсиновый и холодный. Кирюше как-то сразу сделалось хорошо и радостно, тем более что он увидел, как художник вновь наполнил его рюмку.

– Курите, – сказал художник и положил на столик пачку сигарет в золотой обертке. – Это “Бенсон”... Я их очень люблю.

– Врачи запрещают, – робко сказал Лапенков, но потом обреченно махнул рукой и закурил.

Сигареты были удивительно приятные и крепкие. От них закружилась голова.

– Ну вот, а теперь за работу, – сказал художник.

Он включил магнитофон, достал большой альбом и толстый

Он включил магнитофон, достал большой альбом и толстый пластмассовый карандаш, а затем сел в кресло напротив Лапенкова.

Из динамиков, висевших на стенах, полилась музыка. Это была какая-то удивительно спокойная музыка, тихая и чуть-чуть печальная. Сам не понимая почему, Кирюша вдруг почувствовал в груди какое-то блаженное томление. Он выпил вторую рюмку коньяку и уже сам налил себе третью.

“Вот дурак-то я, – подумал про себя Лапенков. – Еще отказывался... Хорошо-то как, господи!..”

Художник несколько минут внимательно смотрел на Лапенкова, потом неожиданно отложил блокнот; закурил, встал и прошелся по комнате.

– Послушайте, Лапенков, – наконец сказал он, глядя Кирюше прямо в глаза, – что у вас случилось с лицом?

– А что? – удивился Лапенков и провел рукой по щекам. – Чего случилось?

– У вас резко изменилось лицо, – сказал художник. – Черты, в общем-то, те же, а выражение совсем другое... Не то, что было там, в столовой...

– Не знаю, – сказал Кирюша. – Выпил потому что...

– Это я понимаю, – сказал художник. – Но мне-то необходимо именно то выражение... Жестокое, гневное и непреклонное. Вы помните, о чем вы думали там, в столовой?

– О разном думал, – тихо сказал Лапенков. – О людях, о жизни... Вообще, так сказать...

– У вас много неприятностей?

– Много, – вздохнул Лапенков.

– Ненавидите всех?

– Ненавижу, – опять вздохнул Лапенков.

– Очень хорошо, – сказал художник. – Тогда припомните все, о чем вы думали, о всех ваших врагах, и попытайтесь расправиться с ними мысленно

мысленно...

– То есть как? – не понял Лапенков.

– Убейте их... Мысленно! Представьте: вам дали ружье в руки, разрешили стрелять в кого хочешь... Ожесточайтесь!.. Давайте, давайте... Проведем этот психологический опыт... Ну? Закройте глаза и сосредоточьтесь.

Лапенков послушно закрыл глаза и стал думать.

Сначала мыслей никаких не было. Просто в голове было какое-то приятное кружение, а во всем теле – сладкая ломота. Лапенков напрягся. Мелькнула мысль: выпить бы еще коньяку! Но это было не то. Потом снова мыслей не было. Потом наконец они появились.

Это были удивительные мысли, тягучие и ароматные, пахнущие коньяком и сигаретами “Бенсон”... Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

“Убью повара! Он сволочь! Впрочем, почему?.. Ну, суп плохо готовит! Ну и что?.. Не нравится – не ешь. За что убивать? Лучше участкового доктора кокну!.. Он, бедняга, бегает целый день по вызовам, ночей недосыпает – а я его из ружья?.. Вот Точилина действительно стоит укокошить!.. Почему путевочку не даешь?! Потому что нет!.. Где он ее возьмет?.. Родит, что ли?.. А так он хороший человек, Точилин!.. И начальник отдела Корольков тоже хороший человек!.. Если и кричит, то за дело! Запрос в Керчь я действительно забыл отправить! Пусть живет на радость людям!.. Ох, какая музыка! Легран? Хороший человек Легран!.. Надо посоветовать соседу Рубинину, пусть он эту музыку достанет... Хороший он парень, молодой, красивый... Его девушки любят... За что ж его убивать?.. Нет, я не на него злился... Я на лето злился!.. Жаркое лето! Радиации много!.. И ничего не много!.. В самый раз... Футболистов пострелять, что ли?.. Да их же тысячи! Патронов не наберешься... Да и как же без футбола?.. Одна радость... Почему одна?.. А телевизор вечером посмотреть – плохо, что ли?.. “А я иду, шагаю по Москве, и я еще пройти смогу...” Это что, тоже Легран?.. Нет, это наша песня. Хорошая песня... “Ой ты рожь вы-со-ка-я... Ой ты... хм... вт... бт... уз...”

Лапенков уснул. Ему приснился красивый сон. Будто он идет по красивому городу, навстречу идут красивые люди, а у него прошел гастрит. Лапенкову стало так хорошо, что он достал ружье и, на радостях, пальнул в

Лапенкову стало так хорошо, что он достал ружье и, на радостях, пальнул в воздух... Выстрел получился громкий, и Лапенков проснулся.

Несколько секунд он изумленно смотрел на бородатого человека, сидящего в кресле напротив и что-то зарисовывающего в альбоме, а потом вспомнил, где он и что с ним.

– Послушайте, товарищ художник, – жалобно сказал Кирюша. – Не надо...

– Что – не надо? – спросил художник, подняв голову.

– Не надо с меня – убийцу, – сказал Лапенков. – Не подхожу я... – И, сам не зная почему, Лапенков вдруг всхлипнул.

– Да не волнуйтесь вы, – сказал художник и улыбнулся. – Не расстраивайтесь... Я рисую с вас косулю...

Чем открывается пиво?

Вечер. Суббота. Конец июля.

Мы сидим в номере гостиницы “Украина”. Мы – это Наташа, Гизо, Виктор, Натан, Мила и я. Номер принадлежит Гизо. Каждый раз, когда Гизо приезжает в Москву поступать во ВГИК, он останавливается в этой гостинице, а мы, его друзья, вечерами собираемся у него в номере.

На столе – две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, вобла, батон хлеба, маслины, охотничья колбаса, сулугуни, транзистор “Банта”, в котором звучит ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

Все курят. Гизо спорит с Натаном.

– Я не понимаю, – говорит Гизо, – почему тебе не нравится “Мужчина и женщина”! По-моему, исключительно замечательный фильм. Ты не станешь отрицать, что операторски Лелюш там делает удивительные чудеса!

– А я говорю: пошлая картина! – Натан пускает колечки дыма к потолку; делает это он, надо сказать, мастерски. – Великолепная подделка... Обложка иллюстрированного журнала! Красиво, но к искусству не имеет никакого отношения!

никакого отношения!

– А я говорю, что это искусство! – Гизо сердито откусывает кусок колбасы. – Причем искусство интеллектуального порядка. Ты просто сноб! Всем нравится, поэтому тебе не нравится! А с цветом так никто никогда не работал. Я знаю, что если поступлю во ВГИК, – Гизо плюет через левое плечо, – то обязательно буду работать с цветом! Работать с цветом в нашей кинематографии еще ой как много надо! Я верно говорю, Мила?

– Верно! – соглашается Мила. – У Анук Эме в фильме дубленка красивая! Мне такую обещали достать. С белым мехом... – При этом она грустно глядит на Виктора.

У Милы, все знают, есть две конкретные мечты: дубленка и Виктор. Пока, к сожалению, ни она, ни он ей не доступны.

– Вчера на ипподроме была выдача – шестьсот рублей, – задумчиво говорит Виктор. – Это от фаворита. Пришла такая темная лошадка по имени Гимнастика... Самое смешное, что я, дурак, думал о ней, но почему-то в последний момент не сыграл...

– Кстати, вчера в клубе МГУ выступал йог, – замечает Наташа, потом задумывается и добавляет: – Из Индии.

– Ну как? – спрашивает Мила.

– Ничего! Носом бокал шампанского выпил... Потом коньяку, но уже ртом... Забавно!

– Чушь! – решительно говорит Натан. – Я не верю в учение йогов... С точки зрения физкультуры это, может быть, и занятно, но все их философские выкладки – на уровне букваря...

Натан снисходительно улыбается. Мы тоже все снисходительно улыбаемся. Нам даже как-то неловко за йогов и за Наташу.

– Выпьем? – Виктор спрашивает всех и никого.

– Выпьем! – Мила соглашается раньше всех. – Пиво откройте кто-нибудь.

– А где открывалка? – Я вопросительно смотрю на Гизо. – У тебя в номере

есть открывалка?

– Была где-то, потерял, – отвечает Гизо и сразу переводит взгляд на Натана.

Гизо любит говорить с Натаном. Все любят говорить с Натаном. Натан много знает и даже как-то написал небольшую статью в журнал “Наука и религия”, в которой с блеском опроверг Библию.

– Нет открывалки! – говорю я Миле.

– Возьми у дежурной по этажу, – просит Мила. – Пива хочется.

Пива действительно хочется. Я встаю, выхожу в коридор. В конце его за столиком сидит дежурная и вяжет шарф.

– Простите, у вас есть открывалка для пива? – спрашиваю я.

– В номере должна быть, – отвечает дежурная, не переставая вязать.

– В номере нет. Потерялась, очевидно...

– У меня тоже нет, – говорит дежурная. – Спросите на втором этаже, в буфете...

Я спускаюсь на второй этаж. Буфет открыт, но в дверях стоит стул, обращенный спиной к коридору. Это значит, что буфет закрыт.

– До шести мы!.. – кричит мне официантка. – Все! Мы до шести...

– Мне бы открывалку, – неуверенно говорю я. – Пиво открыть... Я сейчас же принесу...

– До шести мы!.. – снова кричит официантка. – Мы до шести!.. Ресторан до двенадцати...

Я вздыхаю и иду в ресторан. У входа в ресторан – очередь. Пожилой швейцар с бесцветным лицом прогуливается за стеклянной дверью. Я пробираюсь сквозь очередь, ловлю на себе недовольные взгляды и на ходу объясняю: “Мне на минутку, товарищи! На минуточку!..” Я стучу в стеклянную дверь. Швейцар смотрит на меня равнодушным взглядом и

разводит руками.

– Мне на минуточку! – кричу я. – Мне только открывалку взять! Для пива!

Швейцар не понимает и всем своим видом дает понять, что понимать не хочет.

– На улице в палатке продают, – вдруг говорит мне кто-то в очереди.

– Что продают?

– Ну, открывалки эти. Двадцать копеек штука.

Говорящий смотрит на меня ехидным взглядом. Видно, он сомневается, что мне нужна открывалка.

– Где эта палатка? – зло спрашиваю я.

– Здесь, за углом гостиницы.

– Спасибо! – говорю я, выбираюсь из очереди и выхожу на улицу. На улице душно. Весь западный край неба одет черными тучами, точно свитером. Будет дождь.

Справа стоят несколько палаток. В них продают помидоры, огурцы, мороженое. Открывалок для пива нет. Очевидно, тот тип в очереди что-то напутал. Я прохожу метров сто вдоль улицы, потом останавливаюсь, поворачиваю назад.

Неожиданно возле меня тормозит такси. В нем – Валька Беляев. Он несколько пьян и с огромным чемоданом.

– Привет! – кричит он. – Ты чего здесь?

– Открывалку хочу купить... для пива... А ты куда собрался?

– Во Внуково... В Ялту лечу... Садись!

– Чего – садись?

– Садись, довезу по пути до какого-нибудь магазина... Там купишь эту

штуку...

– Не, – отказываюсь я. – Меня ждут...

– Да садись! – Валька тянет меня за руку. – Дождь начинается...

Дождь уже начался. Тяжелые капли отбивают дробь по крыше машины. Мы едем. Валька много курит, много треплется. Рассказывает про свою красавицу жену, про сына-вундеркинда, который в полтора года уже умеет считать до десяти, про новую квартиру, которую он получил в Мневниках, про то, как ему все это осточертело и он решил махнуть на юг – отдохнуть.

Я слушаю и забываю про магазин.

– Минутку! – кричу я, когда мы выезжаем на Внуковское шоссе. – Куда ты меня, к черту, везешь? Я же пошел за открывалкой...

– В аэропорту достанешь, – уверенно говорит Валька. – В буфете. У меня полтора часа до вылета. Я так рад тебя видеть, старик!

Мы сидим в буфете аэропорта и пьем коньяк.

– Ты не понимаешь, как это страшно – разочароваться в человеке! – кричит Валька и зло ерошит волосы. – Ты этого не можешь понять... Ты холостой! А я влип! Она злая! Господи, почему она такая злая?! Она даже кошек не любит... А мне она пожелала, чтоб я умер!

– Разведись! – решительно говорю я. – Лучше сейчас, пока пацан маленький... Пока он считает только до десяти...

– Это все очень трудно! – Глаза Вальки полны слез. – Я ее люблю... Я всех люблю... Я чокнутый!.. Слушай, полетим вместе в Ялту, а? Отдохнешь, загоришь... Ну чего ты без толку в Москве болтаешься?

– Ты что, – смеюсь я, – очумел? Меня там ребята ждут... И мама испугается...

– Дадим телеграмму, – говорит Валька. – Это ж здорово – так, не собираясь! Деньги есть, я одолжу.

Мы заказываем еще бутылку коньяку.

В Симферополе жарко и многолюдно. После выпивки и короткого сна в самолете немного болит голова. Пока Валька суетится в поисках такси до Ялты, я обхожу торговые ларьки, спрашиваю открывалку для пива. Нигде нет. Вернее, в одном есть, но нет сдачи с десятки.

– В Ялте купишь! – кричит Валька. – Поехали скорее, такси ждет.

В Ялту мы приезжаем совсем ночью. Останавливаемся у Валькиных родственников. Усталые, засыпаем...

Первая неделя пролетает незаметно. Я почернел, похудел немного. Раздражает отсутствие необходимых вещей, но как-то выкручиваюсь: кое-что одолжил Валька, кое-что купил – плавки, рубашку, темные очки. Открывалок для пива нет. Но ничего, не расстраиваюсь.

На пляже познакомился с продавщицей из местного универмага. Брюнетка, двадцать лет, зовут Ниной. Говорит, что через несколько дней к ним в отдел поступят какие-то импортные открывалки-сувениры. Можно открывать пиво и носить на груди вместо значка.

С Ниной съездили в Гурзуф и Коктебель. Она очень славная и, по-моему, влюбилась в меня очень.

Однажды, когда мы с ней сидим в кафе “Магнолия”, она вдруг начинает плакать и говорит:

– Сегодня к нам поступили в продажу импортные открывалки... Теперь ты уедешь, да?

Я молчу. Мне, честно говоря, не хочется уезжать.

– Поедем в Одессу, – говорит Нина. – Там отец в пароходстве работает. У нас дом. Вишни растут... Поедем... В Одессе открывалки для пива в любом магазине... – Она плачет сильнее. Я улыбаюсь, глажу ее волосы...

В Одессу мы приезжаем в конце августа.

Свадьбу устраиваем скромную: с Нининой стороны – пять-шесть родственников, с моей – я и поздравительная телеграмма от мамы. На свадьбе много пьем, пивные бутылки открывают ударом о стол.

Устроился на работу радистом на прогулочном катере. Кручу магнитофон, довольные туристы танцуют на верхней палубе. На мне форменка, зарплата – восемьдесят рублей. Нина поступила в политехнический институт, получает стипендию. На жизнь хватает. Во всяком случае, покупка открывалки для пива не проблема.

Осенью тесть помог мне устроиться на теплоход “А.П. Чехов”. Четырехпалубный гигант, ходит по международным линиям. В январе ушел на нем в Африку. В Александрии в порту белозубый арабчонок продавал открывалки для пива. Симпатичные открывалки – фараон Рамзес с открытым ртом – для пробок. Не купил, пожалел валюту.

Потом ходили на Мадагаскар, потом в Индию. Наконец, совсем дальний рейс – в Японию. В Японском море наткнулись на горящий австралийский танкер, помогали тушить пожар. Мне не повезло: упал с мостика, сломал голень. Ко мне в лазарет приходил капитан танкера, жал руку, благодарил. Спросил, какой бы подарок я от него хотел получить.

– Ничего не надо, – величественно сказал я. – Вот разве что открывалку для пива...

Капитан послал двух матросов, обшарили весь танкер, открывалок не нашли. Обещал обязательно прислать из Австралии...

Весь июль провалялся во Владивостоке в больнице. Получил от Нины письмо – у меня родился сын. Назвали Сергеем. Значит, полное имя – Сергей Сергеевич. Тоже красиво.

В конце июля выписался из больницы, сел в самолет, полетел в Москву. В Домодедове в ларьке купил открывалку для пива, взял такси, поехал в гостиницу “Украина”.

В номере Гизо все были в сборе: Наташа, Гизо, Натан, Виктор, Мила, стол, две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, маслины, вобла, транзистор “Банта”. Звучал ансамбль электроинструментов под управлением В.Мещерина.

– Здорово, ребята! – кричу я с порога.

– Здорово, – приветствует меня Гизо. – Очень хорошо, что ты пришел. Ты

только послушай, что здесь говорит Натан... Он говорит, что цветной кинематограф исчерпал себя в мировом кинематографе... А я говорю – никогда! Если я поступлю во ВГИК, – Гизо плюет через левое плечо, – то обязательно буду работать исключительно с цветом...

– Ну и будет пошло! – говорит Натан и пускает колечки дыма к потолку. Делает это он по-прежнему мастерски...

– Вчера на ипподроме была выдача – пятьсот рублей, – задумчиво говорит Виктор. – Я, дурак, знал лошадь – и не сыграл!

– Пятьсот! – ахает Мила и нежно глядит на Виктора. – Это же дубленка!..

– В МГУ еще выступает йог? – спрашиваю я Наташу.

– Недавно выступал, – говорит Наташа. – Ты был?

– Нет.

– А где ты пропадал? Что-то тебя не видно было...

– За открывалкой для пива ходил, – говорю я.

– Нашел? – заинтересованно спрашивает Мила.

– Нашел...

– Так чего ж ты тянешь? – возмущается Виктор. – Мы ждем, а он, оказывается, принес открывалку и молчит. Давай, давай, пива охота!

Я долго шарю по карманам.

– Нет! – говорю я. – Нету ее... В такси, наверное, обронил...

– У дежурной попроси, – советует мне Гизо и тут же поворачивается к Натану. – Значит, по-твоему, Натан, все, что делает Лелюш, – это тоже не искусство?

– Сережа, миленький, принеси открывалку, – жалобно просит Мила. – Пива очень хочется...

Пива действительно хочется. Я встаю и выхожу из номера.

Пива действительно хочется. Я встаю и выхожу из номера...

Ежик

Папе было сорок лет, Славику – десять, ежику – и того меньше. Славик притащил ежика в шапке, побежал к дивану, на котором лежал папа с раскрытой газетой, и, задыхаясь от счастья, закричал:

– Пап, смотри!

Папа отложил газету и осмотрел ежика. Ежик был курносый и симпатичный. Кроме того, папа поощрял любовь сына к животным. Кроме того, папа сам любил животных.

– Хороший еж! – сказал папа. – Симпатяга! Где достал?

– Мне мальчик во дворе дал, – сказал Славик.

– Подарил, значит? – уточнил папа.

– Нет, мы обменялись, – сказал Славик. – Он мне дал ежика, а я ему билетик.

– Какой еще билетик?

– Лотерейный, – сказал Славик и выпустил ежика на пол. – Папа, ему надо молока дать...

– Погоди с молоком! – строго сказал папа. – Откуда у тебя лотерейный билет?

– Я его купил, – сказал Славик.

– У кого?

– У дяденьки на улице... Он много таких билетов продавал. По тридцать копеек... Ой, смотри, папа, ежик под диван полез...

– Погоди ты со своим ежиком! – нервно сказал папа и посадил Славика рядом с собой. – Как же ты отдал мальчику свой лотерейный билет?.. А вдруг бы этот билет что-нибудь выиграл?

– Он выиграл, – сказал Славик, не переставая наблюдать за ежиком.

– То есть как это – выиграл? – тихо спросил папа, и его нос покрылся капельками пота. – Что выиграл?

– Холодильник! – сказал Славик и улыбнулся.

– Что такое?! – Папа как-то странно задрожал. – Холодильник?!. Что ты мелешь?.. Откуда ты это знаешь?

– Как – откуда? – обиделся Славик. – Я его проверил по газете... Там первые цифирки совпали... и остальные... И серия та же!.. Я уже умею проверять, папа! Я же взрослый!

– Взрослый?! – Папа так зашипел, что ежик, который вылез из-под дивана, от страха свернулся в клубок. – Взрослый?!. Меняешь холодильник на ежика?

– Но я подумал, – испуганно сказал Славик, – подумал, что холодильник у нас уже есть, а ежика нет.

– Замолчи! – закричал папа и вскочил с дивана. – Кто?! Кто этот мальчик?! Где он?!

– Он в соседнем доме живет, – сказал Славик и заплакал. – Его Сеня зовут...

– Идем! – снова закричал папа и схватил ежика голыми руками. – Идем, быстро!!

– Не пойду, – всхлипывая, сказал Славик. – Не хочу холодильник, хочу ежика!

– Да пойдем же, оболтус, – захрипел папа. – Только бы вернуть билет, я тебе сотню ежиков куплю...

– Нет... – ревел Славик. – Не купишь... Сенька так не хотел меняться, я его еле уговорил...

– Тоже, видно, мыслитель! – ехидно сказал папа. – Ну, быстро!..

Сене было лет восемь. Он стоял посреди двора и со страхом глядел на грозного папу, который в одной руке нес Славика, а в другой – ежа.

– Где? – спросил папа, надвигаясь на Сеню. – Где билет? Уголовник, возьми свою колючку и отдай билет.

– У меня нет билета! – сказал Сеня и задрожал.

– А где он?! – закричал папа. – Что ты с ним сделал, ростовщик? Продал?

– Я из него голубя сделал, – прошептал Сеня и захныкал.

– Не плачь! – сказал папа, стараясь быть спокойным. – Не плачь, мальчик... Значит, ты сделал из него голубя. А где этот голубок?.. Где он?..

– Он на карнизе засел... – сказал Сеня.

– На каком карнизе?

– Вон на том! – Сеня показал на карниз второго этажа.

Папа снял пальто и полез по водосточной трубе.

Дети снизу с восторгом наблюдали за ним.

Два раза папа срывался, но потом все-таки дополз до карниза и снял маленького желтенького бумажного голубя, который уже слегка размок от воды.

Спустившись на землю и тяжело дыша, папа развернул билетик и увидел, что он выпущен два года тому назад.

– Ты его когда купил? – спросил папа у Славика.

– Еще во втором классе, – сказал Славик.

– А когда проверял?

– Вчера.

– Это же не тот тираж... – устало сказал папа.

– Ну и что же? – сказал Славик. – Зато все цифирки сходятся...

Папа молча отошел в сторонку и сел на лавочку. Сердце бешено стучало у него в груди, перед глазами плыли оранжевые круги... Он тяжело опустил голову.

– Папа, – тихо сказал Славик, подходя к отцу. – Ты не расстраивайся! Сенька говорит, что он все равно отдает нам ежика...

– Спасибо! – сказал папа. – Спасибо, Сеня...

Он встал и пошел к дому.

Ему вдруг стало очень грустно. Он понял, что никогда уж не вернуть того счастливого времени, когда с легким сердцем меняют холодильник на ежа.

Воскресные прогулки

Каждое воскресенье я провожу вместе с отцом. Обязательно. Несмотря на занятость, бросаю все дела и отправляюсь вместе с ним куда-нибудь – в парк, в кино или просто в сквер. Отец любит гулять со мной и не пропускает ни одного воскресенья.

Вот и сегодня, только я проснулся, он уже стоит в моей комнате.

– Здравствуй, – говорит он. – Куда мы сегодня?

– Сегодня в зоопарк, – говорю я. – Согласен?

Отец кивает головой. Он любит ходить в зоопарк. Мы бывали там много-много раз, и этот животный мир мне, честно говоря, уже поднадоел, но он любит.

Пока я чищу зубы, одеваюсь, пока бабушка поит меня молоком и пришивает бретельку к штанам, отец сидит в моей комнате и листает книги. Из кухни сквозь открытую дверь я вижу, как он рассматривает картинки и чему-то улыбается.

– Я готов! – кричу я.

– Булки для лебедей взял? – спрашивает отец.

– Взял.

В зоопарке никого нельзя кормить, кроме лебедей. Это отец знает. В первый раз, когда мы пришли с ним туда, он бросал обезьянам конфеты, и нас чуть не оштрафовали. А лебедей кормить можно. Они очень смешно толкаются в воде и ловят куски булки прямо на лету.

Мы едем в автобусе. Отца я посадил ближе к окну – он любит смотреть на дома. Я грызу яблоко. Если в автобусе грызть яблоко, дорога всегда кажется короче.

– Как дела на работе?

– Ничего, – говорит отец. – Все в норме.

– Звягинцев свирепствует?

– Немного... – отец сконфуженно улыбается и пытается обнять меня за плечи, но я не даюсь.

Звягинцев – начальник там, где работает отец. Он всегда придирается к отцу и делает ему разносы на совещаниях. Звягинцев – хам. Впрочем, отец тоже виноват – нельзя быть таким рохлей.

Мы долго идем мимо птичьих вольеров, смотрим на купающихся медведей, потом стоим возле загона, в котором ходят дикие олени.

– Почему они языки свесили? – спрашивает отец.

– Им жарко, – говорю я. – Необходима терморегуляция... Влага испаряется, понимаешь? А еще у оленя есть в сердце кость...

– Не может быть! – отец испуганно смотрит на меня.

– Я читал. Ну, может, и не совсем кость, но какая-то костная основа имеется. Поэтому олени такие выносливые.

Отец смотрит на меня вытаращенными глазами и, кажется, вот-вот расплачется.

– Нет кости, – говорю я. – Пошутил!

Мы уходим от загона и направляемся к повозкам с пони. Мне хочется покататься на пони. Отцу тоже хочется покататься на пони, но взрослым запрещено. Я пытаюсь уговорить билетера, объясняю, что отец – легкий и пони не надорвутся, но билетер не разрешает. Тогда я закатываю истерику. Это мой проверенный прием. Валюсь на землю, строю ужасные рожи и ору: – Папочка! Я хочу с папочкой! Пустите моего папочку!

Собирается толпа. Меня поднимают с земли, вытирают слезы. Я мелко дрожу и всхлипываю. Кто-то кричит на билетера. Тот огрызается, но продает отцу билет.

Мы делаем на повозке два круга. Пони бегут быстро. Непонятно, откуда у них такие силы. Отец обнимает меня, смеется и на поворотах громко кричит: “И-эх!”

Когда повозка останавливается, он еще несколько минут не может прийти в себя, ерошит волосы и, глядя на меня молящими глазами, спрашивает:

– Хочешь еще?

Мне жалко его, но я решительно говорю:

– Хватит!

Печально, что приходится быть с ним строгим, но мама права – во всем надо знать меру.

Потом мы идем в кафе, заказываем мороженое. Сегодня здесь богатый ассортимент: каждому приносят по три шарика – шоколадный, фруктовый и апельсиновый. Апельсиновый – самый вкусный, если его не глотать кусками, а понемногу слизывать с ложечки. А еще интересней совсем не глотать, а положить кусок мороженого в рот и ждать, пока оно само растает.

– Что у тебя с квартирой? – спрашиваю я.

– Был в райисполкоме, – поспешно говорит отец и кладет ложку.

– Ну что?

– Они обещали через пару лет...

– Ты же очередник! Надо взять письмо с работы!

– Давай в кино пойдем, – предлагает отец. – Новая серия “Ну, погоди!”.

– Нет, – говорю я. – Пойдем в сквер.

Отец быстро доедает мороженое, и мы встаем.

Меня всегда бесит его отношение к квартире. В конце концов, при его стаже он имеет право получить квартиру и через свое министерство. У нас сосед так получил. Но разве отцу втолкуешь?

Бабочка пролетела. Странная какая-то бабочка – коричневая, а на крыльях зеленые кружочки... Вот бы поймать! Но чем поймать – сачок не взял, а панамкой не накроешь... Кстати, насчет квартиры можно посоветовать отцу пожаловаться в газету. Все так делают...

Мы приходим в сквер. Это очень красивый сквер и недалеко от нашего дома. Здесь есть детская площадка с песком и много скамеек. Тут мы обычно гуляем с родителями.

Вижу Сашку Кулагина. Он ведет за руку своего отца. На отце новенький джинсовый костюм с желтыми клепками. Сашка у нас знаменитость – поет в детском хоре при консерватории. В этом году Сашкин хор выезжал на гастроли за границу, вот он отца и одевает во все фирменное.

– Сашка! – кричу я. – Давай сюда!

Сашка увидел меня, замахал рукой.

– Знакомьтесь, это мой папа, – говорю я.

– А это – мой! – говорит Сашка и подталкивает своего отца к моему.

Они пожимают друг другу руки, смущенно переминаются с ноги на ногу.

– Вы тут на скамейке посидите, а мы пошли играть, – говорит Сашка, и мы бежим к детской площадке.

Наши отцы некоторое время стоят молча, потом садятся на скамейку, закуривают.

– Сколько твоему? – спрашивает Сашка.

– Тридцать три. А твоему?

– А моему уже тридцать семь. Но он ничего выглядит, да?

– Твой в порядке! – говорю я. – А мой что-то сдает. Бледный, не ест ничего...

Сашка наваливает лопаткой песок, а я ладонями прорываю туннель. Это метро. Сейчас здесь пройдет поезд.

– Осторожно! Двери закрываются! – писклявым голосом кричит Сашка, и я медленно двигаю вагончики.

Три часа дня. Пора обедать. Я поднимаюсь с земли, отряхиваюсь, иду к скамейке. Увидев меня, отец поспешно встает, гасит сигарету.

– Нам пора, – говорит он Сашкиному отцу. – Всего хорошего! Очень рад был познакомиться.

– До свидания! – говорит Сашкин отец и тоже встает. – До свидания, мальчик. Какой ты бутуз! – Он пытается ущипнуть меня за щеку, но, поймав строгий Сашкин взгляд, испуганно отдергивает руку.

Мы идем по направлению к дому. Это недалеко, но мы всегда проходим это расстояние медленным шагом. Видно, что отцу очень не хочется от меня уходить, – но что поделаешь?

– До свидания, – говорит он, когда мы подходим к дому. – До свидания! – И целует меня в щеку.

– До свидания, папа, – говорю я. – До следующего воскресенья. Пойдем в кукольный театр, на “Чебурашку”! Мне обещали достать билеты. Ты ведь не видел “Чебурашку”?

Он улыбается, машет мне рукой и уходит по тротуару к остановке

автобуса...

Они развелись пять лет назад. В чем там было дело, я пока не знаю.

Конечно, мне надо бы гулять с ним почаще, но что поделаешь, когда столько дел. А тут еще в детском саду к понедельнику велели склеить разноцветные кубики...

Остановите Потапова!

Ровно в семь утра звонок будильника вырвал Потапова из сна. Сон был цветной и приятный. Снилось Потапову море и маленькое кафе на скалах, где он сидел под пестрым зонтиком и кого-то ждал. Это ожидание было томительно и прекрасно.

Перелезая через жену и спуская босые ноги с постели, Потапов еще некоторое время не открывал глаз, надеясь досмотреть сон, но не получилось. Жена недовольно заворчала, холодный пол обжег ступни, и Потапов открыл глаза.

Будильник показывал пять минут восьмого. Потапов сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. По дороге в туалет он вытащил газеты из почтового ящика, потом зашел на кухню, поставил воду для кофе. Сидя в туалете, он просмотрел результаты вчерашних хоккейных матчей. Выйдя оттуда, он засыпал кофе в кофейник, залил его кипятком, поставил кофейник на газ и начал делать гимнастику. Делая гимнастику, Потапов следил, чтобы кофе не убежал.

Выключив газ и закончив делать гимнастику, он взял транзисторный приемник и пошел в душ. Принимая душ, он прослушал “Последние известия”.

Затем Потапов снова прошел в кухню, достал из холодильника сыр и колбасу, потом взял с подоконника школьный дневник Алеши и, прожевывая бутерброды, начал его проверять.

За вчерашний день сын получил две двойки. Потапов недовольно покачал головой, расписался в дневнике и допил кофе.

– Если ты сегодня же не зайдешь в школу, я не знаю, что с тобой сделаю! –

жена пришла на кухню и смотрела на Потапова сердитыми невыспавшимися глазами. – Завуч третий раз тебя вызывает! Ты отец или не отец?

– Отец! – сказал Потапов и посмотрел на часы. Было уже без двадцати минут восемь. – Не будем ссориться, Любаша, – сказал он и правой рукой обнял жену, а левой достал с полки электробритву.

– Отстань! – жена стряхнула его руку. – Если ты сегодня не зайдешь в школу, я с тобой не разговариваю.

– Честное слово, зайду! Клянусь, Любочка! – Потапов прижал левую руку к груди, а правой стал включать вилку в розетку.

– Андрей, это дело серьезное, поскольку... – Дальнейшие слова жены потонули в реве электробритвы. Потапов разглядывал свое лицо в зеркальце и кивал жене. Затем он выдернул вилку из розетки. – Или ты не отец? – закончила Люба.

– Отец! – снова сказал Потапов. – Но во всем остальном, Любаня, ты абсолютно права.

Он чмокнул жену в щеку, быстро прошел по коридору, завязывая на ходу галстук. Из своей комнаты вышел заспанный Алеша. Потапов, надевая пиджак, дал ему подзатыльник. Надевая пальто, сказал: “Я еще с тобой поговорю!” – схватил портфель, шапку и вышел.

На остановке, как всегда, было много народу. Потапов пропустил два автобуса и подышал свежим воздухом. Воздух был морозный, но уже какой-то пряный, вязкий, как бывает в начале весны. От него слегка закружилась голова и приятно застучало сердце.

И тут Потапов почему-то вспомнил Наташу. Он видел ее неделю назад, проезжая в такси по Тверскому бульвару. Наташа была одета в светлую дубленку с капюшоном. Потапов тогда же хотел остановиться, но передумал, потому что очень спешил. Он вспоминал о ней несколько раз с того дня, но сейчас, на остановке, вспомнил как-то очень сильно, физически ощутимо.

“Позвоню сегодня, – подумал Потапов. – Или лучше заеду без звонка... Нет, лучше все-таки позвонить.”

Нет, лучше все-таки позвонить".

Он так и не успел решить, что надо сделать: позвонить или заехать просто так, – подошел автобус.

Потапов перестал думать о Наташе, рванулся вперед и с трудом влез в автобус. Влезая в автобус, он увидел знакомое лицо – соседа по дому, а может быть, и не соседа – и поздоровался с ним кивком головы.

Пройдя в середину автобуса, Потапов громко выкрикнул: “Проездной!”, потом, изловчившись, сунул руку в портфель и достал журнал “Иностранная литература”. В журнале было напечатано продолжение романа Ремарка. Потапов открыл загнутую 144-ю страницу и прочитал: “Днем я отправился к Кану. Он пригласил меня отобедать с ним в ресторане...” Автобус тряхнуло, журнал выпал из руки Потапова, но он поймал его на лету и продолжал читать: “...миссис Уимпер приготовила к моему приходу мартини с водкой...” Это была уже 163-я страница. Потапов попытался найти загнутую 144-ю, но в автобусе было слишком тесно, кроме того, Потапов вспомнил, что журнал все равно придется завтра отдавать, поэтому решил читать с этого места. “Мы говорили с ней о визите к Силверсу...” – прочитал Потапов, но тут водитель объявил его остановку. Потапов закрыл журнал, убрал его в портфель и стал пробираться к выходу. Пробираясь, он опять увидел знакомое лицо – соседа по дому, а может быть, и не соседа, – снова кивнул ему и крикнул: “Почему не заходишь, старик?”

Ровно в девять утра Потапов поднялся к себе в отдел. Поздоровавшись с сотрудниками, Потапов сел за свой рабочий стол, подвинул к себе папку с материалами по стандартизации и начал ее изучать. Все материалы были на месте, недоставало только титульного листа.

– Где титульный лист этой папки? – спросил Потапов у сидевшего за соседним столом Михайлова.

– Понятия не имею, – сказал Михайлов. – Может быть, отдали в отдел реализации?

– Этого еще не хватало! – заволновался Потапов и пошел в отдел реализации.

Титульный лист был необходим ему по двум причинам: во-первых

Титульный лист был необходим ему по двум причинам: во-первых, Потапов любил, чтоб в его папках все было на месте, во-вторых, на оборотной стороне этого титульного листа им была переписана шахматная задача из “Науки и жизни”, которую он сейчас собирался решить.

В отделе реализации Потапову сказали, что титульный лист передан в отдел учета, в отделе учета секретарша сообщила, что лист послан обратно в его отдел стандартизации. Придя на место, Потапов обнаружил титульный лист на своем столе, но задача уже была кем-то решена.

Тяжело вздохнув, Потапов убрал лист в папку, папку – в стол и посмотрел на часы. Было двенадцать часов дня.

“Через час обед, – подумал Потапов и снова почему-то вспомнил Наташу. – Позвоню”, – решил он и подвинул к себе телефон.

Однако телефон зазвонил раньше, чем Потапов успел снять трубку.

– Алло! – сказал Потапов.

– Потапов? – послышался в трубке сиплый мужской голос. – Кондратьев говорит!

– Здорово, старик! – сказал Потапов, мучительно вспоминая, кто этот Кондратьев.

– Беда у нас, – сказал Кондратьев. – Сашка умер.

– Не может быть! – ахнул Потапов, мучительно вспоминая, кто такой Сашка.

– Сгорел. За два месяца сгорел, – печально сказал Кондратьев. – Такие, брат, дела. Сегодня похороны – на Востряковском, в три часа. Ты будешь?

– О чем разговор?! – сказал Потапов, мучительно вспоминая, где находится Востряковское кладбище.

После этого печального известия работать совершенно не хотелось. Потапов убрал со стола все бумаги и вышел в коридор покурить. В коридоре курило много народу. Увидев Потапова, секретарша директора стрельнула у него сигарету и сообщила:

– Сегодня у шефа, в четыре – общее совещание отделов. Всем быть!

– Само собой! – сказал Потапов, поднося ей горящую спичку. – Все хорошеешь, Сонечка?

– Ну вас! – кокетливо отмахнулась Соня и выпустила дым струйкой. – Все только комплименты говорите, а на “Гамлета” сводить никто не догадается.

– А где билеты?

– В месткоме, у Ермоленко. Только он не даст.

– Кому не даст, а кому... – Потапов сделал многозначительное лицо и пошел в местком...

– Слушай, Ермоленко, – сказал Потапов, входя в местком, – ты искал добровольцев дружинников?

– Ну? – Ермоленко подозрительно посмотрел на Потапова.

– Даешь мне два билета на “Гамлета” – я дежурю.

– Не получится, – тяжело вздохнул Ермоленко. – “Гамлет” сегодня вечером, и дежурить надо сегодня вечером.

– Получится! – сказал Потапов. – “Гамлет” в семь начинается, а хулиганы – позже. После спектакля отдежурю, честное слово!

– До полночи будешь ходить! – предупредил Ермоленко.

– Как штык! – пообещал Потапов, взял билеты и пошел обедать...

Обедая, он вдруг опять вспомнил о Наташе, и у него почему-то сжалось сердце.

“Приеду без звонка, – решил Потапов. – Приеду, и все! Полгода не видел любимую женщину. Это как?..” Он не докончил мысль. По радио стали передавать старинные русские романсы, и Потапов слушал их, пока не кончился обед.

Придя к себе в отдел, Потапов поглядел на часы. Было пятнадцать минут третьего. Он снял трубку и позвонил в министерство.

– Алло, Сергачев, – сказал Потапов. – Это Потапов говорит. Вызови меня, Леня, на пару часов.

– Старик, кончать с этим делом надо! – недовольно сказал Сергачев. – Поймают нас когда-нибудь с этими вызовами, всыплют по первое число.

– Последний раз, Леня, честное слово, – сказал Потапов. – Друг у меня умер. Хоронить поеду.

– Это правда?

– Стану я врать, – вздохнул Потапов.

– Ладно, – сказал Сергачев. – Машину, что ли, тебе дать?

– Да, – обрадовался Потапов. – Я быстро обернусь. Отдам последний долг, и все...

Через двадцать минут в комнату, где сидел Потапов, вошел начальник отдела.

– Потапов, – сказал он, – звонили из министерства, просили тебя срочно приехать.

– Да что они там? – зло спросил Потапов. – Без конца вызывают.

– Наверное, вопросы по твоей докладной, – сказал начальник.

– Вечно у них вопросы, – огрызнулся Потапов. – Надоело! У меня здесь завал работы. Вот не поеду, и все!

– Ну-ну, разговорчики! – строго сказал начальник. – Оставь все дела и дуй!

Министерская машина ждала Потапова у подъезда. Потапов сел на переднее сиденье, закурил, угостил сигаретой водителя.

– На кладбище поедем? – спросил водитель.

– Да, – вздохнул Потапов. – Но сначала в Химки, в двадцать первую школу...

Ему повезло. Он застал завуча, но во время перемены. Перемена заканчивалась, и завуч торопилась в класс.

– Здравствуйте, – сказал Потапов. – Я Потапов. По поводу сына вызывали.

– Вера Михайловна, – представилась завуч.

– Очень приятно, – улыбнулся Потапов. – Мою маму тоже звали Верой Михайловной. Прелестное имя...

– Спасибо, – сказала завуч и почему-то покраснела.

– Я неудачно приехал? – спросил Потапов. – Вы торопитесь?

– Да, – кивнула головой Вера Михайловна. – Меня ребята ждут... Вы не могли бы приехать сегодня часиков в семь?

– Никак, милая, – вздохнул Потапов. – Срочная командировка на Таймыр. Вы в двух словах...

– В двух словах нельзя, – сказала Вера Михайловна. – Мальчик плохо учится, дерзит, врет на каждом шагу...

– Убью! – решительно сказал Потапов.

– Нет, зачем же так? – завуч снова покраснела. – Просто надо нам с вами серьезно поговорить...

– Хорошо! – перебил Потапов. – Через два месяца вернусь с Таймыра, приеду к вам. А пока, милая Вера Михайловна, возьмите моего оболтуса под персональный контроль. Договорились? У вас какой размер ноги?

– Зачем это? – завуч снова покраснела. Она была очень молодым завучем и краснела каждую минуту.

– Унты вам хочу привезти, – сказал Потапов. – Унтайки меховые!

– Да что вы! – завуч просто залилась румянцем.

– Нет-нет, не спорьте! – строго сказал Потапов. – Решено! А сейчас не буду больше вас задерживать. Дети ждут!

Он поцеловал ей руку и выбежал из школы.

Потом они долго ехали к Востряковскому кладбищу, потом Потапов долго бродил мимо заснеженных могил, отыскивая место похорон. Наконец он увидел небольшую группу людей и, узнав доцента из своего института, сразу сообразил, что умер кто-то из его студенческих друзей, но кто именно, так и не понял, потому что гроб уже закрыли крышкой и опустили в мерзлую землю. Потапов помнил, что в их группе было несколько Александров, но сейчас все они, как назло, отсутствовали, поэтому сообразить, кто из них лежит ТАМ, было невозможно, а спрашивать – неудобно.

Потапов снял шапку, обошел всех собравшихся, пожимая им руки и печально говоря: “Эх, Сашка, Сашка! Как же это так, братцы?”

Потом он неожиданно для себя почувствовал, что плачет. От этого у Потапова сделалось очень скверно на душе, он вытер ладонью глаза, закурил и молча пошел к машине...

Когда он вернулся в свое учреждение, часы показывали ровно четыре. У директора начиналось совещание. По дороге туда Потапов заглянул в свой отдел, вынул из стола карманные шахматы, затем тихо прошел в конференц-зал и сел в последний ряд. К нему моментально подсел Михайлов.

Партия намечалась быть интересной. В дебюте Потапов допустил ошибку и потерял две пешки, но в миттельшпиле он активизировался и выиграл у Михайлова слона.

– Сдавайся, отец! – уверенно сказал Потапов.

– Ни в коем случае! – ответил Михайлов. – У меня есть шанс!

– Ну что же, товарищи, – директор стал подводить итог совещанию, – если ни у кого нет вопросов, можно заканчивать?

Потапов посмотрел на доску. Михайлов сделал авантюрный ход ладьей. Потапов ответил ходом ферзя. Эндшпиль обещал быть бурным

Потапов ответил ходом ферзя. Эндшпиль обещал быть бурным.

– У меня есть вопрос! – громко сказал Потапов и встал. – Как дирекция думает решить вопрос с реализацией отходов при выпуске продукции в условиях новой стандартизации?

– Вопрос поставлен очень интересно, – сказал директор. – Мне кажется, что вопрос с использованием отходов...

– Ходи, – тихо сказал Потапов, садясь. – У нас есть еще полчаса.

Перед спектаклем Потапов пригласил Соню поужинать в кафе. Там они выпили по рюмочке, заболтались и поэтому опоздали к началу. Когда Потапов с Соней, пригибаясь, наступая на чьи-то ноги и ежесекундно извиняясь, пробирались к своим местам, Гамлет уже беседовал о чем-то с Горацио.

По сцене медленно и страшно двигался огромный вязаный занавес, подминая под себя людей.

– Здорово! – прошептала Соня.

– Художник гениальный! – тихо сказал Потапов.

– Как фамилия? – спросила Сонечка.

Потапов забыл купить программку, поэтому прижал палец к губам и осуждающе покачал головой. Сонечка сконфуженно замолчала.

Когда Гамлет убил Полония и, мучаясь от сознания непоправимости содеянного, склонился над трупом, Потапов вздрогнул и с удивлением почувствовал, что у него прошел странный холодок по спине. Потапов видел фильм “Гамлет”, но только вторую серию, поэтому смерть Полония была для него неожиданностью.

Все дальнейшее действие Потапов смотрел завороженно, радуясь тому, что сопереживает датскому принцу и тому незнакомому ощущению, когда каждое слово, сказанное со сцены, отзывается холодком в спине.

В антракте он пошел в буфет, съел бутерброд, запил его лимонадом, и чувство холода в спине прошло. Потапов посмотрел на часы. Было без

четверти девять.

“Затянули спектакль, – подумал Потапов. – Талантливо! Но затянули”.

Он вдруг подумал о Наташе, и от этой мысли мучительно больно защемило сердце.

“Ехать!” – мысленно приказал себе Потапов.

Он угостил Соню конфетами, вышел покурить, потом вернулся с сосредоточенным лицом.

– Соня, – сказал Потапов, – я сейчас домой звонил. Алешка заболел. Температура у парня. Сорок!

– Ой! – ахнула Соня.

– Ничего страшного, – сказал Потапов. – Грипп, наверное. Мне придется домой поехать... Вы уж извините кавалера.

– Да что за глупости? Конечно, поезжайте! – Соня сочувственно сжала руку Потапова и поцеловала его в щеку.

Потапов доехал до своего учреждения на метро, прошел в штаб народной дружины, взял красную повязку, расписался в журнале.

– Ваш участок – сквер и район кинотеатра, – сказал Потапову какой-то юноша, сидевший за столом. – Дежурить надо до двенадцати ночи.

– Я буду до часу ночи, – сказал Потапов.

– Ну что вы, – улыбнулся юноша. – Хватит и до двенадцати.

Потапов нацепил повязку, вышел из штаба и медленно пошел к стоянке такси. Он шел, дышал весенним воздухом и думал о Наташе. Дождавшись своей очереди на стоянке, Потапов сел в зеленую “Волгу”, угостил водителя сигаретой и дрогнувшим голосом сказал: – На Полянку, шеф!

Он звонил долго, со страхом прислушиваясь к шорохам за дверью и соображая, одна она дома или нет. Наконец замок щелкнул, и он увидел Наташу. Она, по-видимому, только что приняла ванну – на ней был

полосатый халатик, волосы влажные, а на лбу осталось несколько капелек воды.

– Ты?!

– Я! – сказал Потапов и снял шапку. – Можешь меня прогнать, а можешь впустить.

Наташа несколько секунд смотрела на Потапова, потом вытерла тыльной стороной ладони капли со лба и тихо сказала:

– Входи.

За полгода квартира Наташи совсем не изменилась. Только появились новые шторы на окнах да большой телевизор в углу. Телевизор был включен.

Потапов снял пальто, вошел и остановился посреди комнаты. Наташа выключила телевизор, подошла к столу, взяла из пачки сигарету, закурила.

– Наташа, – тихо сказал Потапов, – дай мне, пожалуйста, по морде.

Она чуть-чуть улыбнулась.

– Ударь! – снова попросил Потапов. – А хочешь – постели в прихожей вместо коврика...

Он шагнул вперед и обнял ее. Она уткнула свое лицо в пиджак Потапова и тяжело вздохнула. Потапов стал тихо гладить ее влажные волосы.

– Почему исчез? Почему не приехал ни разу, не позвонил? – сказала Наташа и всхлипнула. – Как не совестно?

– Молчи, милая, – говорил Потапов и целовал ее голову. – Не говори сейчас ничего...

Потом они лежали в темноте, курили и говорили о всякой ерунде. Потом Потапов сел на кровати, нащупал рукой свои брюки, начал одеваться.

– Уже уходишь? – тихо спросила Наташа.

– Да! – коротко ответил Потапов.

– Побудь еще, – попросила Наташа.

– Не могу, милая, – сказал Потапов. – У меня внизу такси стучит.

Он сразу понял, что сморозил глупость. Наташа вскочила, и даже в темноте было видно, как побелело ее лицо.

– Сволочь! – сказала она. – Мерзавец!

– Ну что ты, что ты? – Зашнуровывая туфли, Потапов почувствовал, что краснеет. – Я же пошутил, глупенькая. Это шутка! Как в том анекдоте, помнишь?

– Убирайся! – крикнула Наташа.

– Ну хочешь – ударь меня! – сказал Потапов, надевая пиджак.

– Пошел к черту! – крикнула Наташа и уткнулась лицом в подушку.

– Жаль! – вздохнул Потапов, надевая пальто. – Жаль, что мы так прощаемся...

Он не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Зеленая “Волга” стояла у подъезда.

– Долго, товарищ, – заворчал водитель. – Мне в парк пора.

– Все будет в порядке, шеф, – сказал Потапов, закурил и угостил водителя сигаретой. – Все будет оплачено. Жми в Химки!

Он приехал домой в четверть двенадцатого. Люба и Алеша уже спали. Потапов прошел на кухню, включил газ, поставил чайник. Поедая приготовленный женой ужин, он просмотрел “Вечерку”. Потом, слушая спортивный выпуск “Последних известий”, выкурил сигарету.

Потом он разделся и лег. Люба проснулась, хмуро посмотрела на него.

– Заставили дежурить в дружине, – сказал Потапов. – Хотел тебя предупредить, звонил несколько раз, но все время было занято. Телефон

что-то барахлит. Ты мастера не вызывала?

– В школе был? – спросила Люба.

– Был. Говорил с завучем. Все будет в порядке. Спи!

Люба еще раз хмуро посмотрела на Потапова, потом отвернулась к стене.

Потапов подвинул к себе будильник – было без пяти двенадцать. Он завел будильник, поставил стрелку звонка на семь. Несколько минут он полежал с открытыми глазами, глядя в потолок и ни о чем не думая, потом повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Ровно в двенадцать часов ночи Потапов начал сон...

Сказка про собаку, которая прожила триста лет

Жила-была на свете собака по кличке Альма. И было ей три года. Вообще-то, особы женского пола скрывают свой возраст, но Альма была молодой здоровой красивой сукой и этого скрывать не собиралась... Она гордо расхаживала перед домом, а соседские псы за забором изнывали от сердечной тоски.

В доме, кроме Альмы, жили еще дед да бабка, сын да невестка, да еще внучка, в общем, целая семья, которую Альма считала своей и любила больше всего на свете! И дом свой любила, потому что стоял он на берегу реки, и реку любила, потому что текла она среди полей, и поле любила, потому что тянулось до самого горизонта... И горизонт любила, потому что там всходило солнце по утрам, а вечером садилось...

И жила себе так Альма, горя-беды не знала, а горе с бедой, оказалось, жили там, за горизонтом. Однажды весенней ночью проснулась Альма от грохота и, выбежав на улицу, вдруг увидела, что поднялось на горизонте солнце... Странное какое-то солнце... Красное, дымное... Да и какому ему быть, ночному солнцу? Ему ночью спать положено, а не в небе сиять...

Залаяла Альма, чувствуя беду, но никто не прикрикнул на нее, как обычно, и тогда смолкла Альма... И все собаки в селе смолкли в эту ночь... Люди спать не ложились, ходили друг к другу, громко разговаривали, а собаки молчали...

А утром начались и совсем странные вещи. Взошло утреннее солнце, а то, ночное, не зашло, и теперь на горизонте было два солнца... И Альма заскулила, поняв, что беда выглядит так.

А потом вдруг приехали в село автобусы. И вышли из них странные люди, в синих халатах и без лиц. Только глаза смотрели поверх масок, и такие это были строгие глаза, что лучше б они и их прикрыли.

И все стали быстро садиться в автобусы, забывая взять еду, пожитки, а самое главное – собак... Альма крутилась в ногах, напоминая о себе, и внучка обняла ее за шею с криком “Альму возьму!”, но на нее сердито прикрикнул дед: “Цыц! Не до Альмы сейчас!..” И враз все уехали...

Только к вечеру обиженная Альма вышла на улицу и с ужасом увидела, что все село – пусто... Никого, кроме собак и кошек, кур да гусей... Бесхозный скотный двор, а не село. И всю ночь по саду ходили обезумевшие звери и птицы, не обращая друг на друга внимания, не задираясь и не крича... Тихо ходили и только поглядывали на горизонт, где висело ночное солнце... И Альма поняла, что горе выглядит так...

Под утро Альма вернулась в свой дом, легла на ступеньки и стала думать, что делать дальше. И сколько ни думала, ничего придумать не могла... И заснула от отчаяния. А проснувшись, впервые почувствовала жажду и голод, и этот голод подсказал ей, что делать дальше... Альма поняла, что надо есть, пить и охранять дом... Для этого она родилась на свет. А там, глядишь, и хозяева вернутся... Не сдурели же они – бросать такой дом?..

И Альма занялась делом. Она доедала валявшиеся остатки еды, пила воду из луж и обходила забор, иногда потявкивая на всякий случай, чтобы никто чужой не подходил... Только, к ее ужасу, никто чужой и не подходил!..

А через три дня вдруг села на плетень ворона. Наглая старая ворона, которую Альма давно знала и не любила за то, что та так и норовила чего-нибудь склевать в огороде... Она и на этот раз нацелилась глазом в огород, но Альма зарычала, предупреждая: мол, не дури, хвост выдеру!

– Дура! – закаркала ворона. – Чего ты тут сидишь?

– Стерегу! – сказала Альма.

– Вот дура! – заорала ворона. – Чего стеречь? Хозяев нет... Теперь все общее!!

– Я те дам “общее”, – ответила Альма. – Хозяева вернутся, а огород разворован?.. Что скажут?

– Вернутся?! – захохотала ворона. – Да знаешь, когда они вернутся? Через триста лет.

– Врешь! – ахнула Альма.

– Сама слышала... Эти, что в масках приезжали, так и говорили: село непригодно для жизни в течение трехсот лет!

– Ничего, – вздохнула Альма. – Подождем...

– Что?!! – ворона аж подскочила на плетне. – Ты знаешь, дура, сколько это – триста лет?

– Не так много, – сказала Альма.

– Ну, совсем чокнутая! – сказала ворона и, потеряв интерес к Альме, почистила перья. – Черт с тобой! Подыхай здесь на здоровье...

И улетела.

Альма легла на землю и стала соображать, сколько это будет – триста лет?.. Она понимала нутром, что – долго... Но сколько именно?! И тут же вспомнила, что к ним в гости, к деду, часто приезжал кум из города. Встретившись, дед и кум всегда обнимались, хлопали друг друга по плечу и говорили: “Здорово! Где ж, кум, пропадал? Сто лет не виделись!..” Хотя Альма точно знала, что виделись они всего неделю назад и пили вместе тайком от бабки горилку... Значит, сто лет, думала Альма, – это от воскресенья до воскресенья... А триста?.. Значит, три раза по столько... Это, конечно, было тоже много, но все-таки можно было выдержать... И Альма стала ждать...

Первые сто лет ожидания прошли довольно сносно... Альма доедала остатки пищи, что валялись еще кое-где возле дома, ловила полевых мышей, щипала травку... Трава в это столетие разрослась как никогда буйно... Каждая травинка – целый салат... А потом вдруг созрела клубника.

Здоровая уродилась клубника, каждая ягода – с яблоко величиной... И хоть Альма недолюбливала клубнику, но есть что-то надо... Альма с отвращением жевала пахучую сладкую мякоть и только об одном жалела – что внучки нет... Вот уж она бы ягодкам порадовалась!

В середине второго столетия вновь прилетела на плетень ворона. Вид у нее стал совсем мерзкий: перья кое-где повылазили, голова облысела... И глаза сделались какие-то безумные...

– Ну что, Пенелопа? – закаркала ворона. – Все ждешь?

– Жду! – сказала Альма.

– Вот кретинка! – захохотала ворона. – Пойдем лучше по дворам... мы в одной хате ведро самогонки нашли! Насосались до чертиков... Айда с нами!

– Кыш! – тявкнула на нее Альма. – Жулье проклятое... Вот хозяева вернутся, они вам покажут...

– Нет, с тобой сдохнуть можно! – захохотала ворона. – Впрочем, без тебя тоже... Ведь конец света наступил! Пойми, убогая... Конец света! Неужели не видишь?

– Не вижу, – сказала Альма и повертела головой. – Светло кругом, конца не видно...

– Нет! С трезвыми дураками говорить – только нервы портить, – вздохнула ворона, тяжело махая крыльями и распевая что-то непристойное...

Альма легла на ступеньки крыльца и продолжала спокойно ждать. Спокойствие пришло к ней не только потому, что осталось ждать уже половину назначенного срока... В последние дни спокойствие появилось в ней, где-то внутри... Откуда оно взялось, Альма не понимала, но догадывалась, что это связано с Тишкой, забавным соседским псом, который давно ухаживал за ней, проводя все ночи у калитки ее двора и жалобно скуля. Месяца полтора назад она пожалела его и вышла за калитку... Они пробегали всю ночь, играя и нежничая, и теперь Тишкина нежность поселилась где-то в глубине ее тела и росла, становясь чем-то бесконечно теплым и радостным...

А еще через день в село въехали большие бронированные фургоны. Оттуда вышли люди в синих халатах и масках и стали собирать бродившую по селу живность... Собаки, кошки и куры нутром почувствовали опасность, но они так истосковались по людям, что доверчиво лезли в фургоны...

Один из людей подошел и к дому Альмы. Альма залаяла, зло и радостно. Зло – потому что это был чужой, радостно – потому что ее верная служба приобретала наконец смысл...

– Здорово, Альма! – сказал человек и спокойно пошел к ней. Тут Альма по голосу узнала знакомого парня, солдата, дружившего с сыном деда и бывавшего в их доме...

Она перестала лаять, завиляла хвостом и доверчиво подошла к нему.

– Здорово, землячка! – сказал солдат и погладил Альму по спине. – Дом бережешь? Молодец! А вот мы не уберегли. Извини...

Он еще раз погладил Альму по спине, по животу, потом заглянул ей в глаза и вдруг, точно испугавшись чего-то, отдернул руку. Потом сел на крыльцо и задумался...

Тут к забору подошел другой человек в маске. Солдат вскочил, отдал честь.

– Чего расселся? – строго спросил человек из-за забора. – Давай забирай собаку!

– Товарищ командир! – сказал солдат. – Это Альма. Знакомых моих собака... Хорошая собака!

– Тут нет плохих-хороших, – сказал командир. – Тут все – объекты!

– Да она вроде со щенками, – сказал солдат. – Я подумал, может, не стоит ее в расход? Может, для науки интерес, товарищ командир?

Тот, что за забором, куда-то ушел, а потом вернулся еще с одним человеком в халате и маске. Только поверх маски у него были надеты очки, из чего Альма поняла, что он здесь главнее всех...

Человек в очках подошел к Альме, погладил ее, потрогал живот, шерсть...

Человек в очках подошел к Альме, погладил ее, потрогал живот, шерсть... Довольный, пробормотал:

– Любопытно, очень любопытно... – И добавил: – Возьмем в институт...

Он даже хотел взять Альму за ошейник, но Альма сердито зарычала и оскалила зубы...

– Не пойдет она, товарищ профессор, – сказал солдат. – Я ее знаю... Она так приучена – дом стеречь... Костьми ляжет, а не уйдет!.. Уж так приучена.

– Приучена так приучена, – согласился ученый. – Пусть сторожит... Это даже лучше. Проведем эксперимент, так сказать, в естественных условиях... – И, подумав, заметил: – Вернее, в противоестественных!..

С этого дня для Альмы началось третье столетие. Оно было совсем иным, не похожим на те два... К Альме стали часто приезжать люди в халатах. Ее кормили, поили, иногда кололи и брали кровь, что было, конечно, больно, но терпимо...

А к концу третьего столетия Альма вдруг радостно обнаружила, что второе солнце на горизонте исчезло... Совсем исчезло... И ночью небо там стало чистым, только светили звезды и сияла луна...

Альма почувствовала такую радость, что вновь полюбила горизонт. Она даже завизжала от радости и вдруг ощутила, что радость рванулась из ее нутра и пошла навстречу этому чистому небу, этим светлым звездам... Она стиснула зубы, чтобы не визжать слишком громко, а радость все увеличивалась, все шла из нее и шла...

В эту ночь у Альмы родились шестеро щенят. Она всех их вылизала, вычистила, как подсказывал ей неведомо откуда взявшийся опыт, потом накормила теплым молоком и усталая, счастливая заснула, согревая теплом всех шестерых...

А к вечеру подъехал неожиданно “газик”, и оттуда вышел дед. Альма сразу узнала, что это был именно он, дед, хотя он был, как все теперь, в халате и маске...

Дед погладил ее рукой в резиновой перчатке, потрепал за ухом, тихо

сказал:

– Здорово, Альмуха! Дождалась...

– Поразительная псина, однако, – сказал ученый, приехавший вместе с дедом. – В организме – никаких отклонений... У всех есть, а у этой – ничего... Ни малейшей патологии... И щенки выглядят нормально. Невероятно! Объясните этот феномен.

– Бывает, – сказал дед, продолжая гладить Альму. – Все бывает...

– Интересная версия, – согласился ученый. – Что ж, будем обследовать ее дальше... Кстати, нам надо заполнить на нее историю болезни... Как ее зовут?

– Альма, – сказал дед.

– Какая порода?

– А черт ее знает... Обычная... Местная порода...

– Возраст?

– Три года...

Альма заворчала и отошла к щенкам. Ей неинтересен стал этот разговор. Кроме того, она испытывала некую неловкость из-за того, что дед соврал... Она-то знала, что теперь ей не три, а триста три года, но интуитивно чувствовала, что таким возрастом уже хвастать не полагается...

Брюки товарища Синицына

Монолог непутевого человека

Жизнь наша полна сложностей и загадок. Иногда сделаешь что-нибудь эдакое, ненужное, а зачем сделал, почему – непонятно. Всегда получается себе же хуже!

Вот как-то летом иду я по улице.

Солнце светит, тепло... Навстречу идут прохожие... Симпатичные, милые

люди... Я иду улыбаюсь... Мне хорошо... Вдруг вижу: идет мужчина с портфелем... Солидный такой мужчина, значительный... На нем коричневый костюм. И вот в этом коричневом костюме я замечаю непорядок: брюки расстегнуты.

Другой бы на моем месте прошел мимо – и ноль внимания! А я глупый... Мне больше всех надо! Я хочу предупредить товарища, чтоб он, значит, не конфузил себя.

Я кричу ему:

– Товарищ! Товарищ!

Он не слышит.

Я снова кричу:

– Товарищ! Минуточку!

Он не слышит, идет быстро. Я бегу за ним.

Он – за угол. И я – за угол. Он входит в какой-то большой дом, я – за ним.

Он идет по коридору, я его почти догоняю, но тут он входит в какой-то кабинет, я – за ним, а секретарша меня не пускает.

– Вы к кому, товарищ? – спрашивает.

Я говорю:

– Я вот к этому товарищу, который прошел.

Она говорит:

– А по какому вопросу?

А по какому я вопросу? Я не знаю, по какому я вопросу.

Я говорю:

– Я по внутреннему вопросу!

Она говорит:

– К товарищу Синицыну нельзя! Он занят.

Я говорю:

– Да мне, девушка, на минутку, только пару слов ему сказать!

Она говорит:

– Скажите мне, я передам!

Я говорю:

– Вам не могу! Вопрос очень щепетильный...

Она говорит:

– Ну, тогда записку напишите, я передам.

Беру лист бумаги, пишу. Интеллигентно так пишу, чтоб, если кто в записку заглянет, не ставить товарища Синицына в неловкое положение.

Я пишу: “Уважаемый товарищ Синицын! Прошу обратить Ваше внимание на определенную часть туалета, в смысле – брюки, поскольку в них отмечается некоторое несовершенство в смысле пуговиц. С искренним уважением...” Ну и подпись.

Секретарша берет у меня бумагу и говорит:

– Сейчас отнесу! А вы, товарищ, пока здесь подождите...

Я говорю:

– Мне ждать нечего... Я пойду.

Она говорит:

– Нет, посидите. Может быть, у товарища Синицына возникнут какие-нибудь вопросы...

Какие вопросы – непонятно. Но я сижу жду. Чего жду – не знаю. Через

Какие вопросы – непонятно. Но я сижу жду. Чего жду – не знаю. Через несколько минут выходит секретарша, выносит мою бумагу, а на ней красным карандашом крупно написано: “МИШУЛИНУ, РАЗОБРАТЬСЯ!!” Я оторопел, верчу бумагу в руках и спрашиваю:

– Что это значит?

Секретарша говорит:

– Все в порядке. С этой резолюцией идите к товарищу Мишулину!

Я удивляюсь:

– При чем здесь какой-то Мишулин? Ваш начальник чего-то не понял... Это я ему писал... Дайте я объясню...

Секретарша говорит:

– Ничего не надо объяснять! Товарищ Мишулин – заместитель товарища Синицына. Идите к нему в двенадцатый кабинет. Идите скорее, а то он в главк уедет!

Положение идиотское! Другой бы плюнул и ушел, а я – нет... Я иду в двенадцатый кабинет. Я бегу, потому что Мишулин в главк может уйти! У двенадцатого кабинета – очередь. Сидят люди с бумагами, ждут... Я тоже сижу жду... Чего жду – непонятно!

Вызывают. Вхожу.

– Товарищ Мишулин, получилась глупая ситуация...

Он меня не слушает. Одной рукой по телефону разговаривает, другой – берет мою бумагу, читает и справа крупно пишет: “СОГЛАСЕН!”

Я обалдел. Говорю:

– Товарищ Мишулин, с чем вы согласны?! Вы меня послушайте...

Он говорит:

– Мне все ясно! Идите в двадцать седьмую комнату, согласуйте с Рязанцевым!

Рязанцевым!

Я кричу:

– При чем здесь Рязанцев?! Вы вникните в суть... Я ведь что хотел...

Он говорит:

– Идите, идите, мне некогда! Пусть Рязанцев подпишет, а потом пойдете в общий отдел...

Я говорю:

– При чем здесь общий отдел?

Он говорит:

– Идите скорее, а то Рязанцев на обед уйдет!

Я бегу. Я уже нервничаю. Я уже боюсь упустить Рязанцева.

Рязанцев мою бумагу подписывает, меня не слушает, посылает в общий отдел.

В общем отделе одни женщины сидят, мне с ними вообще говорить не о чем; они берут мою бумагу, ставят на ней номер и печать, кладут в папку и говорят:

– Все в порядке, идите – вас вызовут!

Плюнул я, повернулся и пошел.

Думаю: “Горите вы здесь все синим пламенем! Что я, из-за вас переживать должен?!”

Иду по коридору, вижу: идет дорогой мне товарищ Синицын, в коричневом костюме, брюки у него расстегнуты.

Я обрадовался, кричу:

– Товарищ Синицын!

Он – от меня. Я – за ним. Он – в кабинет. Я – за ним. А секретарша меня не пускает. Я ору:

– Дайте мне сказать ему два слова!

Она говорит:

– Товарищ Синицын занят. Пишите бумагу!

Я говорю:

– Я не буду писать бумагу! Я уже писал бумагу... Я больше к Мишулину и Рязанцеву ходить отказываюсь... У меня уже печать стоит!.. У меня уже бумага в деле в общем отделе!

Стою я бледный, меня всего трясет.

Секретарша говорит:

– Не волнуйтесь, товарищ! Сейчас все выясним!

Звонит она по телефону, чего-то выясняет и говорит:

– Вашей бумаги в общем отделе уже нет.

– Как – нет? – спрашиваю. – А где же она?

– Не знаю, – говорит секретарша. – Очевидно, пошла по инстанциям. Заходите в понедельник, тогда и выясним.

Тут я не выдержал, каюсь. Нервы подвели. Оттолкнул я секретаршу, ворвался в кабинет и кричу:

– Товарищ Синицын, так вас растак!!! Что здесь у вас творится?

Гляжу – а брюки у него застегнуты.

– Вам что, товарищ? – спрашивает.

– Ничего! – говорю я. – Так... проверка слуха... – Повернулся и пошел.

Иду весь злой и думаю: “Сам он застегнулся или на мое заявление

Иду весь злой и думаю: “Сам он застегнулся или на мое заявление отреагировал? Ведь если бумага так быстро пошла по инстанциям, то чего ж я наорал на человека?”

Когда горит душа

Монолог строителя

Про этот случай у нас в городе много глупостей рассказывали, но я-то чистую правду изложу, поскольку был всему случившемуся свидетель, если не сказать – соучастник.

Строило наше СМУ столовую. Обыкновенную столовую, типовую, одноэтажную. И вдруг кто-то слух пустил, что это, мол, будет вовсе не столовая, а “кафе-опохмелочная”, и будто бы она будет работать с семи утра, и будто бы там будут отпускаться огуречный рассол, квас, пиво, ну и, конечно, крепкие напитки. В общем, все, за что пьющий человек поутру жизнь отдаст.

Кто такую глупость мог придумать, я даже и не знаю, только некоторые в нее поверили.

Во всяком случае, три дня слух в городе обсуждался, а на четвертый день, в понедельник, прихожу я рано-рано, часов в пять, на стройку и вижу что-то неладное – посторонние люди на площадке. Человек десять мужчин, а то и больше. Стоят хмурые, воротники подняли, ежатся на морозе.

– Вам чего, ребята? – спрашиваю.

– Да вот, – говорят, – пришли проведать, скоро ли “опохмелочная” откроется?

– Что вы, – говорю я, – сдурели, что ли? Какая “опохмелочная”? Обыкновенную столовую строим, типовую, одноэтажную.

– Ладно-ладно, – говорят, – ты нам не заливай! Ты давай строй скорее! Видишь, у людей душа горит...

Смотрю я на них, вижу – действительно, люди, пострадавшие с вечера: глаза у них красные, лица серые, телом подрагивают. И главное – уходить не собираются.

– Да вы что, ребята, – смеюсь я, – думаете здесь до открытия простоять, что ли?

– А чего же? – говорят они. – Можно и подождать. Чай, уже немного осталось...

– Да вы в своем уме? – спрашиваю. – Как так – немного? У нас только фундамент заложен да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы!

– Брось шутить, дядя, – говорят они. – Делов-то всего – дом построить! Ты лучше “ля-ля” не разводи, ты воздвигай скорее!

Плюнул я со злости, закурил. Они зашумели, папиросу вырывают.

– Ты что, – кричит один, в шляпе, – здесь перекуры устраиваешь? Ты людей до инфаркта довести хочешь?! Я из загорода на первой электричке сюда приехал, а он, подлец, курит!

Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено.

– Ах так, – кричу я, – тогда воздвигайте сами, чтоб вам пусто было!

– А что ж, – говорят они, – можно и помочь для темпу.

Скинули они пальто на снег, поплевали на руки и взялись за кирпичи...

Честно скажу, я такой кладки даже в кино не видел. У нас и норм таких нету. Если б кто с секундомером тут стоял, то мы бы мировой рекорд зафиксировали. Мастерки стучат, кирпичи летают, раствор аж кипит от скорости. Не успел я и ахнуть, а они уж стены под крышу подводят.

– Стойте! – ору я им. – Чего зря стараетесь? Все равно балок нет, жести нет, окна не вставлены... Опомнитесь, люди!

– Ничего, – кричат они, – сейчас все мигом будет! Нам ведь дворец не нужен, нам самочувствие поправить – и ладно!

Кинулись – кто к телефону, кто на базу поехал, кто неизвестно откуда рамы принес... Гляжу, через пятнадцать минут грузовик подъезжает с материалами, за ним – другой, со столами и стульями, за ним – автобус

маляров привез...

Я глазам не верю, но вижу – к концу дело идет! Один уже паркет положил, отциклевал да натирает, другой окна моет, занавески вешает, третий столы устанавливает, четвертый из меню ненужное вычеркивает...

– Все одно ничего у вас не выйдет! – кричу я. – Персонала нет, смета не утверждена!

– Не паникуй, дядя! – говорят они мне. – Смету потом утвердим, а персонал уже ведут!

Смотрю: действительно ведут. Официанток где-то раздобыли, буфетчицу, кассира. Заведующую, толстую такую тетеньку, просто на руках несут. Заведующая смеется, отбивается, кричит:

– Отпустите меня, граждане! Я ведь еще не оформлена!

– Оформлена, оформлена, – говорят они ей. – План выполнять пора!

А в это время какой-то малый в спецовке (бог знает, откуда он взялся!) бочку с рассолом прикатил да пиво на самосвале привез. Короче, хотите – верьте, хотите – нет, но только ровно в семь открылась столовая, сели они за столики, выпили, закусили, “беломорчиком” подымили и все разом встали.

– Прощай, дядя, – говорят они мне. – Извини, если что не так! Нам еще на свою работу поспеть надо...

И ушли.

Вот тогда я сел за столик, обхватил голову руками и заплакал. Грустно мне чего-то сделалось за них, за себя. И еще обидно было, что я им сдуру сказал, что столовая типовая, одноэтажная. Под горячую руку они высотное здание запросто могли махнуть...

Скрытой камерой

Монолог продавца

В понедельник вечером собирает нас, продавцов, директор магазина и

В понедельник вечером собирает нас, продавцов, директор магазина и говорит:

– Товарищи, завтра вас будут снимать скрытой камерой.

Ну, мы, конечно, обрадовались и спрашиваем:

– А что это такое?

Директор объясняет:

– Это такой новый метод киносъемки, когда тебя снимают, а ты про это не знаешь. И, значит, ведешь себя непринужденно. Зачем это будет делаться – не объяснили: может, в “Новости дня” вставят, а может, в кинофильм какой-нибудь. И вообще, товарищ, который со студии звонил, просил вам ничего не говорить. Так что делайте вид, что вы не в курсе! Понятно?

А чего ж здесь не понимать? Все ясно! Мы магазин убрали, все почистили, витрины приукрасили... В винный отдел коньяк со склада принесли, в рыбный – окуня свежемороженого. У себя в мясном отделе я плакат повесил – “Бык в разрезе”. В общем, приготовились!

Вечером я постригся, помылся и жене сказал:

– Ты мне на утро рубашку белую приготовь и галстук в полосочку – нас скрытой камерой фотографировать будут.

На другой день приходим все разодетые как на праздник. Продавцы – в галстучках, продавщицы – в кофточках, в блузочках, кассирша Зина французскими духами надушилась, хотя это уже совершенная глупость, потому как кино не пахнет.

Все улыбаются, говорят вежливо, на покупателей смотрят как на родственников. Только и слышно: “Пожалуйста!”, “Будьте добры!”, “Разрешите, я вам заверну” – и всякая такая ерунда...

Покупатели смотрят на нас как на полоумных, ничего понять не могут. Но тут кассирша Зина высунулась из кассы и шепчет очереди:

– Не толкайтесь, товарищи! И вообще, ведите себя прилично – нас скрытой камерой снимают для кино.

Покупатели сразу поняли, что к чему, притихли, подобрели, друг другу место уступают. Всех алкоголиков от винного отдела как ветром сдуло, осталось только человек пять-шесть: стоят чинно, томатный сок пьют, разговаривают про международные события...

В общем, до обеда мы проработали в такой исключительно нервозной обстановке. Но тут вдруг вбегает директор и говорит:

– Товарищи! Не волнуйтесь! Звонили со студии: сейчас съемки нет, только после обеда будут снимать скрытой камерой!

Ну, мы дух перевели, покупателей быстренько всех повыгоняли, магазин заново убрали, в овощной отдел апельсинов подбросили, в колбасный – колбасу докторскую, в рыбный – плакатов! Короче, приготовились, ждем...

Только после обеда к нам набилось ужасное количество народу. Слух про скрытую камеру в момент разнесся, и каждый под это дело хочет что-то купить и получить вежливое обслуживание. Некоторые покупатели совершенно распоясались.

Одна пожилая дамочка совсем обнаглела и говорит мне:

– Товарищ продавец, что бы вы могли мне порекомендовать для бульона?

Я про себя думаю: “В другое время я б тебе порекомендовал, халда ты эдакая!” Но теперь этого сказать не могу, а, наоборот, делаю такое задумчивое лицо для скрытой камеры и говорю:

– Я вам рекомендую, гражданка, этот кусок с косточкой. В ней много липоидов и аминокислот!

В общем, цирк, да и только! А к концу рабочего дня вбегает директор и кричит:

– Звонили со студии, сегодня съемки не было, завтра со скрытой камерой прибудут!

Назавтра опять нервотрепка!

Опять все вырядились, опять работаем как угорелые, сплошной сервис, сплошное “бультедобрыпожалуйста!”, а вечером – новый звонок со студии:

сплошное "будьтедобрыпожалуйста!", а вечером – новый звонок со студии:

– Сегодня скрытой камеры не было – завтра будет!

Тут уж нервы у нас стали сдавать. Многие валидол принимали, с кассиршей Зиной нервный припадок случился, она весь день улыбалась как ненормальная, и у нее на лице какой-то сустав замкнулся...

Короче, промучились мы так пять дней, а когда на шестой день опять со студии позвонили и сказали, что съемка переносится, – сомнение взяло: не валяет ли кто с нами дурака?

Директор в милицию позвонил, а оттуда дежурный говорит:

– Не волнуйтесь, товарищи, никакой скрытой камеры нет! Какая-то шайка терроризирует все торговые и бытовые учреждения нашего района. Они и над универмагом так измывались, и над женским ателье, и над химчисткой, и столовую до того довели, что там на столики розы поставили и семгу вместо селедки подают!

Ну, мы все вздохнули облегченно! Как гора с плеч! И возмущались, конечно! Разве можно позволять себе такие глупые шутки? А кассирша Зина сказала:

– Когда этих хулиганов поймают, я первая свидетельницей в суд пойду, чтоб строже их покарали! И потом, я ради этой скрытой камеры у частника зубы новые вставила – пускай они мне их оплатят!

Фантомасы

Монолог сторожа

С преступностью у нас плохо. В смысле – хорошо! В смысле – нет ее. В смысле – есть, но мало. Не то что, скажем, на Западе. Там действительно разгул. Стреляют, грабят на каждом шагу. Потому что там оружие продается, как у нас мороженое, – в любом ларьке пулемет купить можно.

А у нас с этим строго. Не то что, скажем, пистолет или ружье – утюг тяжелый преступник не достанет...

Но все-таки, конечно, грабежи еще встречаются в отдельных случаях. Вот

у нас в прошлом месяце гастроном ограбили. Крупное дело было: вахтера связали, замок автогеном вырезали, витрину – алмазом... Взяли два поллитра, сырок “Дружба”, полбуханки обдирного... Сразу видно – шайка действовала. Засыпались они на ерунде. Потому как не профессионалы: им бы после грабежа затихнуть, спрятаться, в подполье уйти, а они наутро пришли посуду сдавать. Их и замели...

Или другой случай был: решили двое кассу в магазине ограбить. Но тоже, видать, не профессионалы: им бы с утра в магазин прийти, когда народу мало, а они вечером притащились, после работы, в час “пик”. Народу полно, к кассе не подберешься. Им бы встать как людям в очередь, а они, непрофессионалы, решили схитрить. “Граждане, – говорят, – разрешите нам к кассе подойти, нам только кефир без сдачи выбить...” А зачем, спрашивается, человеку после работы кефир?! Народ сразу заподозрил неладное, скрутили их, сдали в отделение...

Но самый интересный случай грабежа я лично наблюдал на прошлой неделе. Пришел я вечером к себе на работу, вышел во двор. Сижу курю, дежурю, одним словом. Вдруг вижу – земля шевелится. Думал, почудилось, однако пригляделся – точно, шевелится, копают ее изнутри. Наконец разверзлась земля, вылезают на поверхность трое с отбойными молотками, с пистолетами, в черных масках – ну ни дать ни взять фантомасы...

Наводят на меня оружие, кричат:

– Руки вверх!

Ну, мне что, я человек маленький, сторожем работаю. Поднимаю руки.

Один из фантомасов мне говорит:

– Открывай, дед, свой ювелирный магазин!

– Какой такой “ювелирный”? – спрашиваю.

– Как это – какой? Разве это не ювелирный магазин?

– Да вы что, – говорю, – ребята? До ювелирного отсюда два квартала. Вы же не в том направлении прокопались...

Охнули они, маски у них аж потом прошибло.

– Как же так? – говорят. – Неужто опять промахнулись?!

Тут один из фантомасов начинает на себе рубаху рвать, впадает в истерику.

– Завязываю, – кричит, – с этим делом! Отказываюсь работать при такой бестолковщине!!

– Что ж вы, ребята, – говорю я им, – вслепую копаете? Вам бы хоть планчик нарисовать, чертежик...

– Да есть у нас чертежик, – плачут. – Специалист чертил, инженер с “Ремонтгаза”... Третью неделю с этим чертежиком под землей ошиваемся...

Вижу: люди совсем умаялись, дал я им закурить, успокоились помаленьку.

– Придется нам, батя, – говорит один из них, – твое заведение ограбить. Не зря же мы к тебе тоннель прорыли. Ты чего стережешь?

– Базу стерегу, – отвечаю. – Базу товаров местной промышленности.

– Давай ключи, – говорят, – а не то мы замки посшибаем!

– Какие, – говорю, – замки? У нас склад на фотоэлемент поставлен, на автоматику...

– Выключай, – кричит, – автоматику!

– Чего ее выключать, – говорю, – когда она не включается? Мы ее, вишь, накоротко замкнули, чтоб на ней чайник сподручней кипятить было, а она чего-то и сломалась... Так что заходите, не беспокойтесь.

Они на меня с подозрением смотрят, спрашивают:

– А какие товары на складе?

– Разные, – говорю, – всевозможные... Плащи-болоньи, обувь женская на шпильках микропористых, рубахи нейлоновые, герметические... Бери не хочу!

– Сам, – говорят, – бери! Нам это и даром не надо...

– Несознательные вы, – говорю, – молодые люди. Обчистили бы склад, большую пользу государству принесли... Здесь ведь на тыщи рублей товару навалено. Чего с ним делать? Продать нельзя, выкинуть жалко, только и надежда – может, кто упрет сдуру...

– Нет, – говорят, – не проси, не хотим!

– Эгоисты вы, – говорю, – несознательные люди!

– Отцепись, дед! – кричат. – Сам ты несознательный! Ты на кой черт такой склад стережешь?

– Дураки вы, – отвечаю. – Я его не затем стерегу, чтобы кто чего не взял, а я его затем стерегу, чтоб сюда кто чего лишнего не подбросил...

Тут с одним из фантомасов опять истерика случилась. Рвет он на себе рубаху, орет:

– Завязываю, братцы! Нету никаких сил! Надо ж сначала повысить качество продукции, а потом уж ее растаскивать! Отпустите меня к прокурору!

Ну, отпоил я его валерьянкой, успокоил. Посовещались они. Вижу, собираются снова под землю уходить. Один на прощание мне и говорит:

– Давай, папаша, мы у тебя хоть часы снимем, а то ведь совсем так дисквалифицируемся.

– Берите, – говорю, – на здоровье! Только они у меня после ремонта гарантийного... наполовину работают: тикать тикают, а стрелки не ходят.

– Ладно, – говорят, – все равно давай. Мы их внизу заместо компаса используем...

Взяли они часы, спустились в тоннель, я их сверху землицей присыпал. Хотел в милицию позвонить, но потом раздумал. У меня на часах стрелки как раз на районное отделение направлены были, так что ежели они с огоньком работать будут, то к утру там вылезут...

Сауна

Монолог нужного человека

Недавно у нас в городе открылась баня “закрытого типа”. Сауна называется. Что в переводе с финского означает “финская баня”.

Я про нее и не знал, а тут звонит мне один приятель, Егоров, и говорит:

– Приглашаю тебя, Николай Степанович, в субботу в финскую баню.

Я говорю:

– Спасибо, но, во-первых, у меня ванная есть, а во-вторых, я уже в среду мылся.

Он говорит:

– Чудак, я тебя не мыться зову, а интеллигентно провести время. Шашлыки поедим, пообщаемся с нужными людьми. Там такой солидный контингент, будь здоров! Я еле пропуск достал...

– Ах так, – говорю, – если это вроде как мероприятие, тогда – с наслаждением!

Приходит, значит, суббота, и тут у меня с этой сауной случается первая загвоздка: не знаю, как в баню одеться. С одной стороны, в интеллигентное общество в чем попало не пойдешь, с другой – зачем хорошо одеваться, когда все равно раздеваться?

Думали мы с женой, думали, потом она и говорит:

– Раз, Коля, там будет бомонд, надевай новые джинсы.

Это она мне как-то купила у спекулянта джинсы. Ну, я вам скажу, не джинсы, а чудо природы. На пол поставь – стоят без всякого содержимого. Я их год не надевал, берег для торжественного случая.

Одним словом, напяливаю я джинсы, надеваю сверху рубаху системы “батон” и еду...

Баня, доложу вам, снаружи ничего особенного, но внутри, конечно, произведение архитектуры: стиль модерн, под старину. Все деревом обделано, камин, светильники темные, орган играет по магнитофону. И компания, соответственно, солидная: попивают коньячок, дымят не нашим дымом...

Ладно. Посидели покурили, потом все направляются в парилку. А у меня тут происшествие: “молнию” на джинсах заклинило. Ни туда, ни сюда. Дергал, дергал, аж взмок! И самочувствие глупое: все голые, а я как дурак в штанах. Срам один! Прямо не знаю, что предпринять.

Егоров советует:

– Ты, Николай Степанович, ступай прямо в них в парилку. От нагревания предмет расширится, ты из него и выскочишь!

– Засмеют же, – говорю.

– Ничего, – говорит, – а ты держись независимо. Может, ты оригинал? Может, ты именно в таком виде любишь париться?

Ладно. Иду в парилку, сажусь на полку в штанах и с независимым видом. Но вокруг, правда, народ интеллигентный, виду на мой вид не подают, только разве что потеть чуть быстрее стали...

Потом все в бассейн нырнули. А я сижу накаляюсь. И все без толку! Нагреваться эти сволочи нагреваются, а расширяться – ни-ни! Недаром жена за них спекулю сотню дала... Сил моих нет, чувствую – я в них плавиться начинаю...

Соскакиваю с полки, лечу к бассейну, а тут вдруг банщик меня не пускает.

– Извиняюсь, – говорит, – но в штанах купаться запрещено. Здесь не пляж!

Я ору:

– Да мне только остыть малость!

Он говорит:

– Выйдите на улицу, остыньте! А в верхней одежде в бассейн не пускаем!

Я бы с ним и поскандалил, но чувствую – угораю!

– Егоров, – ору, – миленький! Выпусти меня из джинсов, а то помру!

Егоров видит – положение серьезное, схватил ножницы, разрезал мне джинсы вместе с трусами, выскочил я оттуда – и в воду! Полчаса остывал.

Теперь дальше: садятся все за стол у камина, начинают шашлыки уминать. Я тоже иду, но тут получается конфуз: все уже оделись, а я – в чем мать родила. Тут общество, несмотря на интеллигентность, начинает возражать.

Один говорит:

– Это что ж такое? Что за странный субъект: парится в штанах, а как за стол садиться, так он их сымает. Зачем, – говорит, – Егоров, ты привел с собой этого типа?!

А Егоров говорит:

– Это, извиняюсь, не тип, а Николай Степанович! Он в автомагазине работает, и к ним в конце месяца дефицитные шины поступят.

Тут, конечно, происходит обратный отлив. Тот, который говорил, говорит:

– Ах, извините, мы этого не знали. Тогда другое дело... Сидите, дорогой Николай Степанович, не стесняйтесь, нам даже очень приятно видеть вас в натуральном виде...

Ну, поели мы, выпили, пообщались, стали домой собираться. Тут подходит ко мне банщик и говорит:

– Извините, Николай Степанович, за мое грубое поведение. Ежели желаете, можете одеться и выкупаться!

Я говорю:

– Да что вы, забудем про этот инцидент. Я вообще сюда не купаться приходил, а культурно отдохнуть.

Он говорит:

– Ну, тогда заходите еще. Всегда будем рады!

В общем, если честно говорить, понравилась мне сауна. Только джинсы эти проклятые я больше не надеваю. В угол поставил – пусть стоят...

Что-то синее в полосочку

Монолог командированного

Случилось это так: посылает меня прошлой осенью колхоз в командировку. Приехал я в Москву, остановился, как всегда, в гостинице “Националь”, в вестибюле. У меня там швейцар знакомый, он раньше у нас агрономом работал.

Оставил я у него вещи, вышел в город, походил туда-сюда, пообедал в ресторане “Будапешт”, в кулинарии. Ну, думаю, пора и делом заняться – по магазинам пройтись.

Подхожу к универмагу, вижу – очередь. Ну, обрадовался – стало быть, чего-то дают. Это у нас примета такая народная: раз очередь – значит, дают! А тут, понимаю, что-то особенное дают, потому как очередь громадная: на улице начинается, по первому этажу идет, потом по лестнице вверх и уходит, как говорится, за горизонт.

Я моментально в хвост пристроился, спрашиваю у крайней женщины:

– Кто последний?

Она говорит:

– Я последний!

Я спрашиваю:

– А что дают?

Она говорит:

– Что дают, я и сама не знаю, только просили больше не становиться, потому что все равно не хватит.

Я говорю:

– А сколько это, чего дают, стоит?

Она говорит:

– Двадцать рублей.

Я говорю:

– Цена подходящая, можно и постоять.

Стою.

За мной тоже люди пристроились, а в середине очереди уже и стоять веселей – в спину не дует.

Стою.

Только, понятное дело, меня интерес разбирает: за чем это я, собственно говоря, стою? Делаю всякие наводящие вопросы. За чем, спрашиваю, товарищи, стоим? Какой примерно товар? Легкой он или тяжелой промышленности?

Все молчат. Половина – вроде меня, не знает, а половина – знает, но молчит и глаза отводит, чтобы другую половину не распалять.

Стою.

Только тут наверху появляется продавец и кричит:

– Товарищи, имейте в виду, остались только пятнадцатые и шестнадцатые номера! – И ушел.

Очередь заволновалась, я тоже, потому как не знаю: номера эти как – хорошо или плохо? Ну, ничего, думаю, выкрутимся: ежели будет мало – растянем, велико – обрежем, а ежели это, чего дают, на электричестве, так мы его через трансформатор включим.

Стою.

Через час вдруг слух прошел: мол, это, чего дают, можно выписать в какой-то третьей секции без очереди.

Ну, раз без очереди, то, понятное дело, началась давка! Подхватили меня с четырех сторон, понесли в третью секцию. Я сначала брыкался, вырывался, но потом затих – не кричу, но дышу, берегу силы для кассы.

Приносят меня в третью секцию, прижимают к прилавку, продавщица кричит мне:

– Вам чего?

Я говорю:

– То, чего дают!

Она нервничает.

– Я спрашиваю, – кричит, – вам синее или в полосочку?

Я взмолился:

– Девушка, милая, покажи мне, за ради бога, чего это есть?

Она говорит:

– Чего выдумал?! Оно ж упаковано!

Я говорю:

– Тогда давай обе штуки!

Выбил я чек, сунули мне на контроле какие-то две коробки, стал я к выходу пробираться. Чувствую – одна коробка тяжелая, а другая легкая, но в ней что-то вроде шевелится... А кругом жмут, толкают, того гляди с ног свалят.

А тут еще ко мне какой-то старый узбек пристал:

– Продай, милый, одну коробку! Я за этой штукой четвертый раз в Москву приезжаю!

Я говорю:

– Я тебе, дед, может, и продам, только ты мне скажи сначала, чего это я купил.

Он говорит:

– Я это по-русски не знаю, как назвать, а на узбекский это не переводится!

– Тогда, – говорю, – шиш тебе, мне это самому надо!

Только он повис на руке, просит, я от него как рвану, споткнулся и загремел по лестнице...

Пришел в себя на другой день в больнице. Первый вопрос к персоналу:

– Сестричка, где оно?

– Чего – “оно”? – спрашивает.

– То, чего я купил!

– А чего ты купил?

– А это, – говорю, – я и сам не знаю.

Она говорит:

– Ну вот, когда вспомнишь, тогда и выпишем.

Короче, только через месяц отпустили меня домой. Сел я в поезд и думаю: денег не жалко, здоровья не жалко, жалко, что так и не узнал, что ж это все-таки давали. Вдруг эта штука жизнь бы мою перевернула... А теперь крутись без нее как знаешь!

С тех пор я городские универмаги обхожу стороной. В нашем сельпо лучше. Придешь, спросишь:

– Есть?

Тебе говорят:

– Нет!

И все культурно, никаких очередей...

Хорошее воспитание

Монолог моего соседа

“Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...” Так Чехов сказал. В восьмом томе собрания сочинений. Удивительно мудрое замечание, между прочим. Я, когда прочитал, так даже поразился: как мне это самому в голову не приходило? Считаем себя интеллигентными людьми, а не дай бог кто-нибудь прольет за столом соус – так уж сразу шум, крики... А Чехов с этим борется. Он прямо говорит: хорошее воспитание не в том, чтоб, значит, самому не гадить, а совсем наоборот.

Я когда это прочитал, то сразу решил, что буду жить по Чехову. А тут как раз и случай подвернулся – день рождения жены. Пришли гости – родственники, сослуживцы. Сидим едим, интеллигентные разговоры ведем – про погоду, про дубленку, про Евтушенко, про то, про се... Хорошо сидим, мирно, соуса никто не проливает.

Но тут один из гостей, некто Куликов, за бутылкой потянулся и фужер с пивом на скатерть и опрокинул. Смутился, стал быстро пятно салфеткой вытирать.

Я сижу – ноль внимания. Просто абсолютно не реагирую. То есть сижу с таким видом, будто он ничего не проливал. Будто и не было этого.

Но тут я замечаю, что никто не замечает, что я не замечаю, как он скатерть залил. Мне как-то обидно стало. И я говорю:

– Хорошее воспитание, – говорю, – не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...

Гость Куликов покраснел и говорит:

– Я никакого соуса не проливал!

Я говорю:

Я говорю:

– При чем здесь соус? Дело не в соусе... Просто приятно, что здесь собрались хорошо воспитанные люди. Вот вы пиво пролили, а никто даже глазом не моргнул. И это очень радостно, тем более что скатерть новая, недавно куплена.

Гость Куликов почему-то еще больше смутился, что-то стал бормотать и вдруг уронил тарелку на пол. Тарелка вдребезги! Гость Куликов стал красный как рак. Все молчат. А я стараюсь не замечать этого нового конфуза, хотя про тарелку у Чехова ничего не сказано.

Я говорю:

– Не смущайтесь, пожалуйста! Какие пустяки! Никто ничего не видел. Бог с ней, с тарелкой! Она из сервиза! Антикварная. Саксонский фарфор!

Гость Куликов почему-то весь затрясся, бросился осколки подбирать – да от волнения скатерть зацепил. На пол посыпались бутылки, рюмки... Я губу закусил, но всем видом стараюсь показать, что ничего этого не замечаю. Я даже, наоборот, насвистывать что-то веселое стал, чтобы показать всем, как мне это все безразлично.

И тут, представляете, жена Куликова вскакивает и кричит мне:

– Что вы третируете моего мужа?

Я ей вежливо отвечаю:

– Никто вашего мужа не третирует! Наоборот, стараемся не замечать его хамства. Вот вы, например, своей вилкой в общий салат лезли, а я этого даже не заметил.

Тут она чего-то заплакала, а все гости стали почему-то возмущаться. Какой-то родственник жены вскочил, кричит:

– Уйдем отсюда! Над нами здесь издеваются!

Я говорю:

– Да кто же над вами издевается? Пришли, понимаешь, пол замызгали, пепел в тарелки сыплете, пьете неумеренно... Я стараюсь не обращать

пепел в тарелки сыплете, пьете неумеренно... Я стараюсь не обращать внимания, а вы еще что-то вякаете!

Тут гости вскочили, бросились в переднюю за пальто. Я им крикнул вдогонку:

– Ну и ладно! Валите отсюда! Попутного ветра!

Это, конечно, я уже грубо крикнул. Не надо бы этого! Мне бы им чего-нибудь из Чехова вдогонку послать, что-нибудь про соус или в этом роде, но как-то цитаты не подобрал.

Слава богу, бутылкой не запустил, сдержался...

Хочу харчо!

Монолог официанта

Самое неприятное – это когда посетитель бестолковый попадается. Скажем, иностранец... Или который наш, но по-русски не понимает. Вот на днях приходит к нам в ресторан один старик – узбек... Или таджик, не знаю... В общем, в тюбетейке и халате... Старый такой, лет ему восемьдесят, а может, и больше – они там долго живут.

Сел за мой столик, повертел меню и говорит мне:

– Хочу харчо!

Я вежливо говорю:

– Нету харчо!

Он заулыбался, головой закивал, будто понял, и говорит:

– Хочу харчо!

Я объясняю:

– Нету харчо! Там в меню написано “харчо”, но это не значит, что есть харчо... Меню старое!.. Прошлогоднее меню... Заказали мы новое меню, но из типографии пока не прислали... У них с бумагой перебои... Поэтому лежит пока старое меню, в котором есть харчо, а на самом деле – нет.

лежит пока старое меню, в котором есть харчо, а на самом деле – нет.

Все так ему понятно объяснил, вразумительно. А он меня выслушал, языком поцокал и говорит:

– Хочу харчо!

Я объясняю:

– Нету харчо! Нету, дедушка!.. Харчо из баранины делают, а баранину сегодня не завезли. Не прислали с базы баранину. Говядину прислали... Вернее, свинину. А насчет баранины наш директор звонил на базу тому директору, но тот директор уехал куда-то. Так что с бараниной пока неясность. А без баранины нельзя харчо!

Вроде бы объяснил ему понятней нельзя. Все растолковал. А он смотрит на меня своими восточными глазами и говорит:

– Хочу харчо!

Я уже нервничаю, но объясняю:

– Какое харчо, дед?! Что ты пристал? Харчо готовить надо уметь, а сегодня не тот повар... Клягин сегодня работает, а не Цугульков! Клягин не умеет харчо!.. Он молодой еще, практикант!.. Он только яичницу умеет... А Цугульков, который умеет харчо, он отгул взял. У него жена рожает... Он, Цугульков, запил, потому что нервничает... А без Цугулькова никак нельзя харчо!

Уж так я этому старику все разъяснил – и жестами, и руками... И про Цугулькова так понятно показал, как тот запил, и про жену, что она рожает... Я даже вспотел от напряжения.

И он вроде бы понял. Головой закивал, руку мне пожал и говорит:

– Хочу харчо!

Я весь задрожал, но взял себя в руки, спокойно объясняю:

– НЕТУ ХАРЧО! – кричу. – НЕТУ! НЕ НА ЧЕМ ГОТОВИТЬ ХАРЧО! ПЛИТА ПЕРЕГОРЕЛА! ЗАМКНУЛОСЬ ТАМ ЧТО-ТО! ПЛЮС НА МИНУС ЗАМКНУЛСЯ! СГОРЕЛА ПЛИТА К ЧЕРТОВОЙ БАБУШКЕ!!

МИНУС ЗАМКНУЛСЯ!.. СГОРЕЛА ПЛИТА К ЧЕРТОВОЙ БАБУШКЕ!! А МОНТЕР ТОЛЬКО ЗАВТРА ПРИДЕТ, ЕСЛИ ПРИДЕТ... ЕСТЬ ВТОРАЯ ПЛИТА, НО НА НЕЙ НЕЛЬЗЯ ХАРЧО! ОНА НЕ ДЛЯ ХАРЧО, ПЛИТА! ОНА САМА ПО СЕБЕ ПЛИТА!..

Кричу я, а сам про себя спокойно решаю, что если он еще раз скажет “Хочу харчо!”, то я его убью.

Говорит.

В голову мне что-то ударило, пошатнулся я, заплакал.

– Пожалей, – говорю, – меня, дедушка! Я человек больной. У меня гипертония... Давление двести двадцать на сто двадцать семь, как в трансформаторе... У меня кризы бывают... У меня неотложка возле подъезда каждую ночь дежурит... У меня сын заика, а внук двоечник... НЕТУ ХАРЧО!

Реву я белугой, дед тоже плачет; обнимает меня, вытирает мне слезы тюбетейкой и говорит:

– Хочу харчо!

Подкосились у меня колени, упал я.

Хорошо, официанты подбежали, подхватили.

– Плюнь ты на него, Степанов, – говорят они мне. – Не связывайся! Видишь, он не понимает ни бельмеса по-нашему! Плюнь!..

Ну что было делать? Как еще можно объяснять?

Плюнул я с досады... и принес ему харчо.

Встреча с известным писателем Бурко

Рассказ директора совхоза

...Любит наш народ писателей! Хлебом его не корми – дай только с живым писателем встретиться, особенно если еще и в рабочее время... Вот проходили у нас в области в прошлом году дни литературы. Понаехали

писатели со всех концов страны...

Три дня их в центре держали, а потом пустили по районам. Звонят мне рано утром из района, говорят: “Выезжает к вам в совхоз известный писатель БГЅрко... Или БуркГі? В общем, ударение на месте уточните! Примите на уровне!”

Я говорю: “Мы товарищу БГЅрко... или БуркГі… очень рады, но все-таки хотелось бы знать, кто такой. Что написал? Чтоб почитать перед встречей...”

Район кричит: “Читать уже некогда! Просто прими на уровне – и все!”

Я говорю: “Не сомневайтесь! Примем! Но все-таки как народу объяснить, кто наш гость? Он вообще-то, в частности, мужчина или женщина?”

Район на другом конце трубки затих, чувствую – они тоже не в курсе, потом стали кричать: “Что за глупые вопросы, директор? Писатель к вам не жениться едет, а встретиться с читателями. Ты нам мероприятие не срывай! Ты прими его – и все!”

Ладно. Собираю я срочно актив, говорю: “Товарищи! У нас большая радость: приезжает к нам известный писатель... то ли БГЅрко... то ли БуркГі… то ли мужчина, то ли женщина... Какие будут предложения по радушной встрече?”

Задумались. Потом встает завскладом (он у нас мужик башковитый, три ревизии поймать не смогли) и говорит: “Раз уж действительно такая радость и приезжает к нам знаменитый писатель без точной фамилии и явных половых признаков, предлагаю его встретить радостно, но неопределенно... То есть плакатами! Напишем крупно: “ПРИВЕТ БУРКО НА СОВХОЗНОЙ ЗЕМЛЕ!” или “КНИГА БУРКО – ЛУЧШИЙ ПОДАРОК!” Раз он писатель, то читать умеет и прочтет все правильно, с нужным для себя ударением!..”

Так и решили. Написали плакаты. Нарвали цветов. Вперед пустили пионеров с барабанами.

Ровно в полдень подкатывает к зданию правления черная “Волга”, выходит оттуда писатель... С усами! Никаких сомнений... Пионеры застучали в барабан. Аплодисменты. Цветы. Я его беру под руку, веду к себе в кабинет

барабан. Аплодисменты. Цветы. Я его беру под руку, веду к себе в кабинет и по дороге говорю: мол, огромная радость, что вы прибыли, заждались, мол... Кстати, говорю, среди ваших поклонников тут разгорелся спор: в каком месте фамилию лучше ударять? Как вас правильней: БГSрко или БуркГі?

Он говорит: “Правильней меня... Куренцов Николай Степанович! А что касается этого БГSрко или БуркГі… то он сейчас вообще в другой делегации”.

Я вздрогнул, говорю: “Это, конечно, для нас... еще большая радость, что вместо какого-то Бурко вы, товарищ... к нам приехали. Но, с другой стороны, люди-то как-то... настроились... на БГSрко... или БуркГі… Как быть?!”

Глянул он в окно, почитал плакаты, говорит: “Вот что! Раз уж такая накладка, не будем огорчать людей!.. Пусть и дальше уж принимают меня как БГSрко... или БуркГS… Но, поскольку я его книг не знаю, читательскую конференцию проводить не будем. Просто я им речь скажу, пообедаем – и разъехались! У меня программа напряженная!”

Выхожу я к народу, объявляю им БГSрко или БуркГі, уж не помню, выходит он и произносит речь. “Товарищи! – говорит, – дальнейший рост! – говорит, – ура! – говорит, – навек! – говорит!..”

Умеют у нас писатели говорить, про что – сразу и непонятно, но бодрит... Народ ему аплодирует, только, конечно, немножко начинает нервничать, потому что он нас все время почему-то называет “овцеводами”...

Я ему шепчу: “Товарищ Бурко (тут уж я не думал об ударении, он вообще мне стал надоедать)... Товарищ Бурко! Вы на овцеводство особенно не напирайте! Свекловоды мы, а не овцеводы! Овца в нашем районе не живет, она тут вообще не выдерживает...”

Он говорит: “Как так? Разве это не Касьяновский район?”

Я говорю: “Ни в коем случае! Это сто километров и в другую сторону!”

Он ахнул: “Ах, мать честная, что ж там, в центре, все напутали... Меня ж в Касьяновском ждут... Что делать?”

Я говорю: “Не надо огорчаться! Нормально! Жизнь – она все по местам ставит: если вы для нас – Бурко, мы для вас – Касьяновский район!.. Прошу к столу!”

Сели мы. Выпили. Закусили. Потеплели.

Гляжу, он уже нас ласково касьяновцами кличет, а сам не только на фамилию БГЅрко или БуркГі… но просто на Буркина охотно откликается...

Под конец совсем захмелел, растрогался, встал, кричит: “Друзья, в память о встрече... хочу вам подарить свою книгу!” Роется в портфеле, огорчается: “Ах, мать честная... Я их все по дороге раздарил... Осталась вот одна... но... на венгерском языке... Как быть?”

Я говорю: “А это даже лучше! Огромное спасибо! А то у нас в библиотеке ни одной вашей вещи по-венгерски и нету! Просто неудобно, если кто спросит...”

Достал он книгу, синюю такую, толстую, написал:

“ДОРОГИЕ! СЕРДЦЕМ С ВАМИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ! КОЛЯ!”

И уехал! Только пыль за колесами... Вот такая памятная встреча. А книга эта у нас в библиотеке до сих пор на почетном месте стоит. Все ищем способ ее обратно перевести, чтоб узнать, что он все-таки пишет... этот КуренцГів? или КурГ(С)нцов?..

И когда только наш народ правильно ударять научится?..

Киноповести

Тот самый Мюнхгаузен

Часть первая

Сначала был туман. Потом он рассеялся, и стала видна группа охотников в одеждах XVIII века. (Впрочем, охотники всегда одевались примерно одинаково.) Их недоуменные взгляды были устремлены на высокого человека с веселыми глазами, в парике, с дымящейся трубкой в зубах. Он только что произнес нечто такое, от чего потрясенные охотники замерли с

открытыми ртами.

Заметим, что люди часто слушали этого человека с открытыми от удивления ртами, ибо звали рассказчика барон Мюнхгаузен. Полное имя – барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен.

Мы застали его в тот момент, когда знаменитый рассказчик наслаждался паузой.

Потом его рука неторопливо потянулась к большому блюду с огненно-красной вишней, и, изящно выплюнув косточку, он изрек первую фразу:

– Но это еще не все!

– Не все? – изумился один из охотников.

– Не все, – подтвердил Мюнхгаузен. – Мы выстояли и ударили с фланга. Я повел отряд драгун через трясину, но мой конь оступился, и мы стали тонуть. Зеленая мерзкая жижа подступала к самому подбородку. Положение было отчаянным. Надо было выбирать одно из двух: погибнуть или спастись.

– И что же вы выбрали? – спросил один из самых любопытных охотников.

– Я решил спастись! – сказал Мюнхгаузен. Раздался всеобщий вздох облегчения. – Но как? Ни веревки! Ни шеста! Ничего! И тут меня осенило. – Мюнхгаузен хлопнул себя ладонью по лбу. – Голова! Голова-то всегда под рукой, господа! Я схватил себя за волосы и потянул что есть силы. Рука у меня, слава богу, сильная, голова, слава богу, мыслящая... Одним словом, я рванул так, что вытянул себя из болота вместе с конем.

Снова наступило молчание.

– Вы что же... – заморгал глазами один из охотников, – утверждаете, что человек может сам себя поднять за волосы?

– Разумеется, – улыбнулся Мюнхгаузен. – Мыслящий человек просто обязан время от времени это делать.

– Чушь! – воскликнул один из охотников. – Это невозможно! Какие у вас доказательства?

доказательства?

– Я жив, – невозмутимо ответил Мюнхгаузен. – Разве этого недостаточно? Если бы я тогда не поднял себя за волосы, как бы я, по-вашему, выбрался из болота?

Аргумент показался убедительным.

Барон с удовлетворением оглядел потрясенных охотников и продолжал:

– Но если говорить о моих охотничьих приключениях, то самым любопытным я все-таки считаю охоту на оленя. Кстати, именно в этих краях год назад я, представьте себе, сталкиваюсь с прекрасным оленем. Вскидываю ружье – обнаруживаю: патронов нет. Ничего нет под рукой, кроме... вишни. – Он снова взял с блюда горсть ярко-красной вишни. – И тогда я заряжаю ружье вишневой косточкой. Стреляю! Попадаю оленю в лоб. Он убегает. А этой весной, представьте, я встречаю в этих лесах моего красавца оленя, на голове которого растет роскошное вишневое дерево.

– На голове! – снова вздрогнул самый непоседливый охотник. – Дерево?.. – Охотник издал смешок и с любопытством посмотрел на остальных.

– Дерево?! На голове у оленя?! – воскликнул другой охотник. – Да сказали бы лучше – вишневый сад! – И он захохотал, довольный. Его поддержали остальные.

– Если бы вырос сад, я бы сказал – сад, – объяснил Мюнхгаузен. – Но поскольку выросло дерево – зачем мне врать? Я всегда говорю только правду.

– Правду?! – воскликнули остальные охотники и закатились от смеха.

В глазах Мюнхгаузена отразилось молчаливое удовлетворение. Он с удовольствием оглядел хохочущих охотников, которые неожиданно вдруг словно окаменели. Через мгновение они как по команде вскочили на ноги и сгрудились вокруг Мюнхгаузена. Их взгляд был прикован к опушке леса.

Из-за дальних зарослей орешника под плавные звуки торжественной увертюры гордо и величественно ступал царственной походкой красавец олень с белоснежным вишневым деревом на голове.

И тогда поплыли титры по белым цветам распустившегося вишневого дерева и дальним зарослям орешника. Весело, торжественно и немного загадочно.

Густая туманная пелена несла в себе музыку напряжения и таинственных предчувствий. Сразу отметим, что туман – довольно частое явление в городе Боденвердере, находящемся неподалеку от города Ганновера в Южной Саксонии. Одним словом, в тех местах, где жил знаменитый барон Мюнхгаузен. В это утро туман был особенно плотным, и в двух шагах ничего не было видно. Так что сначала долго был слышен топот коней, и только потом из тумана появились двое всадников. Один – молодой, лет девятнадцати, в форме корнета – Феофил фон Мюнхгаузен, сын знаменитого барона. Другой – постарше и в штатском – господин Рамкопф, адвокат.

– Здесь развилка дорог, – сказал Феофил, мучительно пытаясь вглядеться в белую пелену. – Пастор может проехать отсюда или отсюда! – Он дважды ткнул пальцем.

– Или отсюда! – Рамкопф показал пальцем в противоположную сторону. – Мы заблудились, Феофил, неужели не понимаете? Надо искать обратную дорогу...

– Никогда! – Феофил побагровел от возмущения, и багровость его лица приятно контрастировала с белизной тумана. – Я не пропущу его в замок отца!

Тут они замерли, ибо до их слуха донесся отдаленный топот копыт и скрип колес.

– Там! – Феофил ткнул пальцем в одну сторону.

– А по-моему – там! – Рамкопф ткнул в другую.

Они некоторое время вертелись на месте, напряженно вглядываясь в плотную туманную пелену, затем стремительно поскакали прочь в противоположные стороны.

Через мгновение по мосту, на котором они только что находились, проехала бричка с пастором.

На покосившихся воротах висел родовой герб барона фон Мюнхгаузена. Обшарпанная стена, примыкавшая к воротам, была исписана многочисленными надписями, в том числе и не очень лицеприятными для барона. Некоторые надписи сопровождались иллюстрациями.

Бричка пастора остановилась напротив ворот. Пастор в нерешительности покрутил головой, ожидая встречи. Затем неторопливо ступил на землю, приблизился к воротам. Поискал ручку звонка. Увидел бронзовый набалдашник, привязанный за цепочку к большому колокольчику над воротами, потянул. Звона не последовало. Пастор рванул сильнее и тут же испуганно отскочил – колокольчик оторвался и грохнулся на землю.

Тотчас откуда-то сбоку появился пожилой человек в стоптанных башмаках со стремянкой. Это был слуга барона Томас.

– Ну, конечно, – пробормотал Томас, поднимая колокольчик с земли и разговаривая скорее с самим собой, чем с пастором. – Дергать мы все умеем. – Это было началом длинного монолога. – Висит ручка – чего не дернуть! А крюк новый вбить или кольцо заменить – нет! Этого не допросишься... И глупости всякие на стенах писать мы умеем. На это мы мастера... – Он влез на стремянку, повесил колокольчик на место, дернул за цепочку. – Ну вот, теперь нормально. Теперь будет звонить. – Томас спустился, взял стремянку и исчез так же неожиданно, как появился.

Подождав секунду, пастор вновь взялся за набалдашник и нерешительно потянул. На этот раз оторвалась веревка...

– Кто там? – спросил приятный голос из-за стены.

– Пастор Франц Мусс! – ответил гость.

– Прошу вас, господин пастор! – Ворота распахнулись, и перед пастором предстал Томас.

Они шли длинным мрачноватым коридором. Слева и справа взору пастора представали чучела разных животных.

– Послушай, – пастор покосился на Томаса, – твой хозяин и есть тот самый барон Мюнхгаузен?

– Тот самый, – кивнул Томас.

– Тот самый, – кивнул Томас.

– А это, стало быть, его охотничьи трофеи? – поинтересовался пастор.

– Трофеи! – подтвердил Томас. – Господин барон пошел в лес на охоту и там встретился с этим медведем. Медведь бросился на него, а поскольку господин барон был без ружья...

– Почему без ружья?

– Я же говорю: он шел на охоту...

Пастор растерянно поглядел на Томаса:

– А... Ну-ну...

– И когда медведь бросился на него, – объяснял Томас, – господин барон схватил его за передние лапы и держал до тех пор, пока тот не умер.

– Отчего же он умер?

– От голода, – тяжело вздохнул Томас. – Медведь, как известно, питается зимой тем, что сосет свою лапу, а поскольку господин барон лишил его такой возможности...

– Понятно, – кивнул пастор и, оглядевшись по сторонам, спросил: – И ты в это веришь?

– Конечно, господин пастор, – удивился Томас и указал на чучело. – Да вы сами посмотрите, какой он худой!

Открылась дверь, бесшумно вошли трое музыкантов: виолончель, скрипка, кларнет. Деловито уселись на стульях, посмотрели на Томаса. Тот повернулся к пастору и спросил:

– Не возражаете?.. С дороги... Чуть-чуть, а?

– В каком смысле? – не понял пастор.

– Согреться, – пояснил Томас. – Душой... Чуть-чуть... До еды, а? Не возражаете?

– Не возражаю, – сказал пастор.

– Вам фугу, сонату или можно что-нибудь покрепче? – спросил один из музыкантов.

Пастор недоуменно пожал плечами.

– На ваш вкус, – пояснил Томас.

Музыкант понимающе кивнул головой, сделал знак своим коллегам – и полилась щемящая музыка.

Музыкантов неожиданно прервал бой стенных часов. Откуда-то сверху раздалось два выстрела. Пастор вздрогнул. Музыканты вопросительно посмотрели на Томаса, Томас – на музыкантов.

Среди причудливо развешанных гобеленов появилась красивая молодая женщина с приветливой улыбкой.

– Фрау Марта, я не расслышал – который час? – спросил Томас.

– Часы пробили три, – сказала женщина. – Барон сделал два выстрела. Стало быть, всего пять.

– Тогда я ставлю жарить утку?

– Да, пора.

Барон Мюнхгаузен появился неожиданно, с дымящимся пистолетом. Он прошел мимо коллекции часовых механизмов, весело побуждая их к движению: в песочные досыпал песку, паровому механизму поддал пару, кукушке из ходиков дал крошек хлеба на ладони. Часы радостно затикали, кукушка закуковала...

– Ты меня заждалась, дорогая? – спросил Мюнхгаузен. – Извини! Меня задержал Ньютон.

– Кто это? – спросила Марта.

– Англичанин. Умнейший человек... Я непременно тебя с ним познакомлю. Однако сейчас шесть часов. Пора ужинать.

– Не путай, Карл, – сказала Марта. – Сейчас пять. Ты выстрелил только два раза...

– Ладно, добавим. – Мюнхгаузен не спеша поднял пистолет.

– Карл, не надо, – зажав уши, жалобно произнесла Марта. – Пусть будет пять. У Томаса еще не готов ужин.

– Но я голоден, – улыбнулся Мюнхгаузен и все-таки нажал на курок, но пистолет дал осечку. – Черт возьми, получилось полшестого!

В ту же секунду Марта заметила пастора и смущенно остановилась на месте:

– У нас гости, Карл!.. Извините, бога ради, господин пастор, мы не заметили вас...

Пастор вежливо поклонился.

– Рад видеть вас в своем доме, господин пастор! – весело произнес Мюнхгаузен.

– Я тоже... рад вас видеть, барон. Я приехал по вашей просьбе...

– Очень мило с вашей стороны. Как добрались из Ганновера?

– Спасибо. Сначала был ужасный туман, но потом...

– Да, да, вы правы... Потом я его разогнал, – улыбнулся Мюнхгаузен. – Теперь я хочу познакомить вас с женой.

Снова возникла тихая музыка, и Мюнхгаузен взял Марту за руку:

– Это Марта.

– Очень приятно, баронесса, – поклонился пастор.

– К сожалению, она не баронесса. Она просто моя жена. Мы не обвенчаны. Именно поэтому я и просил вас приехать. Вы не согласились бы совершить этот святой обряд?

– Я высоко ценю оказанную мне честь – но разве у вас в городе нет своего священника? – удивился пастор.

– Есть, но он отказывается нас венчать.

– Почему?

Мюнхгаузен резко отошел в сторону:

– Потому что он... он...

Марта испуганно рванулась к Мюнхгаузену:

– Ни слова больше... прошу тебя... ты обещал. – Она обернулась к пастору с улыбкой: – Мы вам все объясним, святой отец, но позже... сначала ужин! Я пойду потороплю Томаса, а ты займи гостя, Карл.

– Да, да, конечно! – оживился Мюнхгаузен, увлекая за собой пастора. – Хотите осмотреть мою библиотеку, пастор?

– С удовольствием! Я уже обратил внимание. У вас редкие книги.

– Да! – В глазах Мюнхгаузена мелькнули дерзкие огоньки. – Многие из них с автографами.

– Как приятно.

– Вот, например, Софокл! – Мюнхгаузен быстро снял с полки толстый папирус.

– Кто?

– Софокл. Это лучшая его трагедия – “Царь Эдип”. С дарственной надписью.

– Кому? – Пастор вздрогнул и переменился в лице.

– Ну, разумеется, мне.

– Извините меня, барон. – Пастор откашлялся и приготовился к решительному разговору. – Я много наслышан о ваших... о ваших, так

сказать, чудачествах... Но позвольте вам все-таки сказать, что этого не может быть!

– Но почему? – огорчился Мюнхгаузен.

– Потому что этого не может быть! Он не мог вам писать!

– Да почему, черт подери?! Вы его путаете с Гомером. Гомер действительно был незрячим, а Софокл прекрасно видел и писал.

– Он не мог вам написать, потому что жил в Древней Греции.

Глаза Мюнхгаузена продолжили смеяться, но сам он принял позу огорченного и глубоко задумавшегося человека:

– Я тоже жил в Древней Греции. Во всяком случае, бывал там неоднократно. У меня в руках документ. – Мюнхгаузен с наивной улыбкой протянул папирус. Пастор открыл рот, но не нашел что сказать.

В дверях появились Томас и Марта.

– Ужин готов! – объявила Марта. – Надеюсь, вы не скучали здесь, пастор?

Пастор вытер платком лоб и тихо пробормотал:

– Господи, куда ж я попал?

– Вы попали в хороший дом, пастор. Здесь весело, – подмигнул Мюнхгаузен. – Не будем ссориться. Я возьму как-нибудь вас с собой в Древние Афины. Не пожалеете! А сейчас, – он обернулся к музыкантам, – перед ужином... для тонуса... Несколько высоких нот мне и нашему гостю! – Он взмахнул рукой, словно дирижер. И зазвучала уже знакомая нам мелодия. Немного грустная, но, видимо, одна из любимых для хозяина дома.

– Зелень, ветчина, рыба! – воскликнул Мюнхгаузен, выкатывая стол на середину комнаты. – А где утка, Томас?

– Она еще не дожарилась, господин барон.

Мюнхгаузен изменился в лице:

– Как? До сих пор? – Он закрыл глаза и тяжело опустился в кресло. – Никому ничего нельзя поручить. Все приходится делать самому... – Затем он поглядел на карманные часы, задумался и спросил: – Посмотри, Томас, они летят?

Томас бросился к окну и приставил к глазам подзорную трубу:

– Летят, господин барон!

Мюнхгаузен резко поднялся с места и ловким жестом снял со стены ружье. Музыка оборвалась. Все замерли.

Рамкопф поспешно привязал лошадь к дереву и нырнул в кустарник. Затем осторожно выглянул оттуда и посмотрел в сторону дома.

В окне дома торчала фигура Томаса с подзорной трубой, направленной в небо.

Рамкопф посмотрел вверх.

Высоко под облаками летела стая диких уток.

– Сейчас пролетят над нашим домом! – взволнованно объявил Томас, оторвавшись от подзорной трубы.

Мюнхгаузен бросился к камину, засунул туда ружье, сосредоточился:

– Командуй!

Томас снова прильнул к подзорной трубе:

– Внимание!.. Пли!

Мюнхгаузен нажал на курок.

Рамкопф услышал выстрел. Огляделся вокруг. Потом взглянул на небо. Утки скрылись за кронами деревьев.

Мюнхгаузен стремительно отбросил ружье, схватил со стола большое блюдо, засунул его в камин и стал ждать.

Пастор незаметно для других осенил себя крестным знамением.

Марта бросила тревожный взгляд на Томаса.

Но в дымоходе послышался шум, и через мгновение на блюдо упала жареная утка.

– Попал! – гордо произнес Мюнхгаузен, предоставив возможность всем убедиться в его удачном выстреле. – Она хорошо поджарилась!

– Она, кажется, и соусом по дороге облилась, – ехидно заметил пастор.

– Да? – удивился Мюнхгаузен. – Как это мило с ее стороны!.. Итак, прошу за стол!

– Нет, у меня что-то пропал аппетит, – быстро проговорил пастор. – К тому же я спешу... Прошу вас, еще раз изложите мне суть вашей просьбы.

– Просьба проста. – Мюнхгаузен сделал знак музыкантам, и снова возникла наивно-шутливая тема, которая придала ему силы. – Я хочу обвенчаться с женщиной, которую люблю. С моей милой Мартой. С самой красивой, самой чуткой, самой доверчивой... Господи, зачем я объясняю – вы же ее видите!

Пастор сделал над собой усилие и постарался оставаться спокойным:

– Но все-таки почему отказывается венчать ваш местный пастор?

– Он говорит, что я уже женат.

– Женаты?

– Именно! И вот из-за этой ерунды он не хочет соединить нас с Мартой!.. Каково?! Свинство, не правда ли?

Марта, взглянув на пастора, испуганно вмешалась:

– Подожди, Карл! – Она быстро приблизилась к пастору. – Дело в том, что у барона была жена, но она ушла!

– Она сбежала от меня два года назад! – подтвердил Мюнхгаузн.

– По правде сказать, я бы тоже это сделал, – сказал пастор.

– Поэтому я и женюсь не на вас, а на Марте, – заметил Мюнхгаузен.

Пастор поклонился:

– К сожалению, барон, я вам ничем не смогу помочь!

– Почему?

– При живой жене вы не можете жениться вторично.

– Вы говорите “при живой”? – задумался Мюнхгаузен.

– При живой, – подтвердил пастор.

– Вы предлагаете ее убить?!

– Упаси бог! – испугался пастор. – Сударыня, вы более благоразумный человек. Объясните барону, что его просьба невыполнима.

– Нам казалось, что есть какой-то выход... – Марта с трудом сдерживала слезы. – Карл уже подал прошение герцогу о разводе. Но герцог не подпишет его, пока не получит на это согласие церкви.

– Церковь противится разводам! – невозмутимо отчеканил пастор.

– Вы же разрешаете разводиться королям! – крикнул Мюнхгаузен.

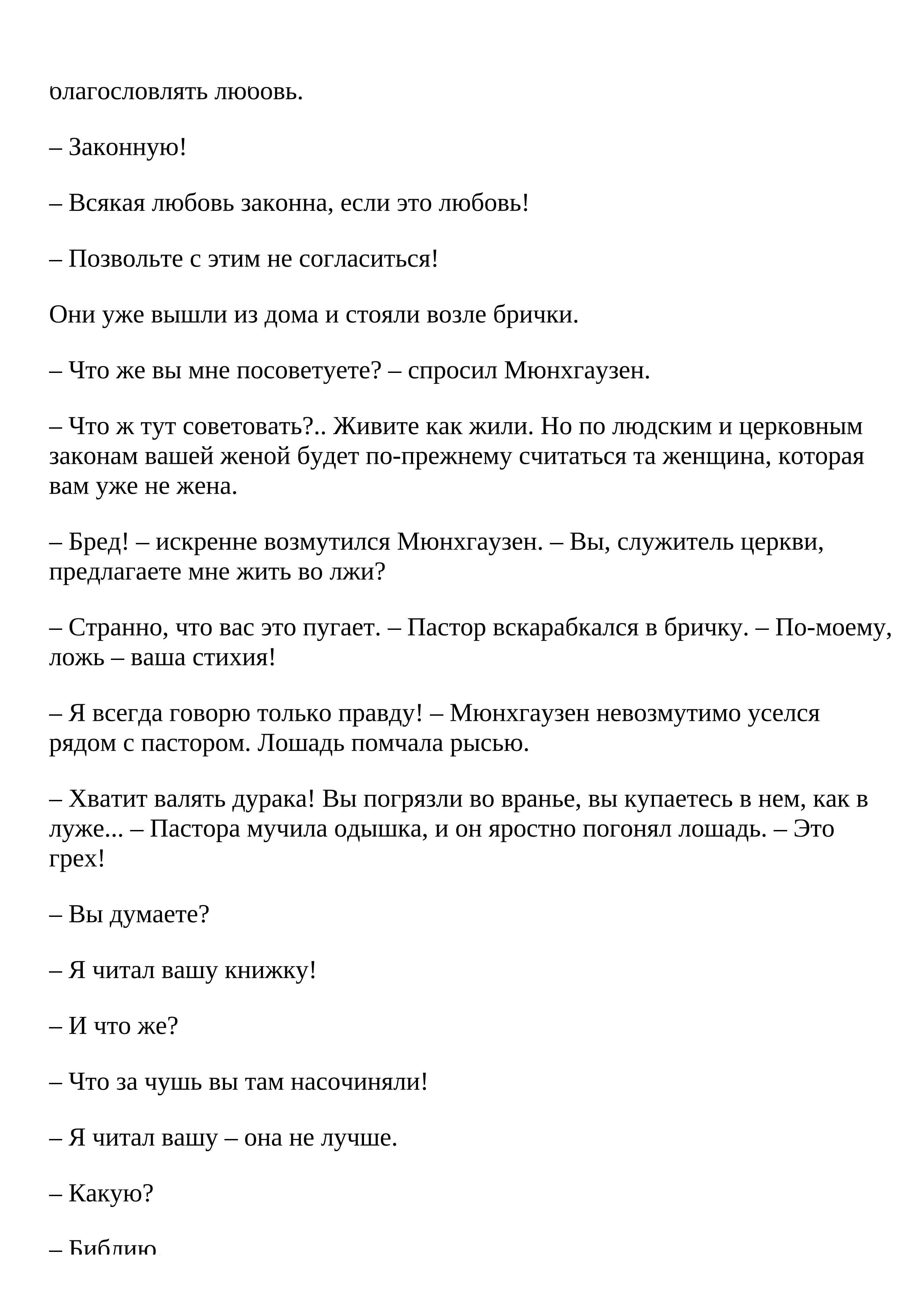
– В виде исключения. В особых случаях... Когда это нужно, скажем, для продолжения рода...

– Для продолжения рода нужно совсем другое!

– Разрешите мне откланяться! – Пастор решительно двинулся к выходу.

Мюнхгаузен посмотрел на Марту, увидел ее молящий взгляд, бросился вслед за пастором.

– Вы же видите – из-за этих дурацких условностей страдают два хороших человека, – говорил он быстро, шагая рядом. – Церковь должна


благословлять любовь.

– Законную!

– Всякая любовь законна, если это любовь!

– Позвольте с этим не согласиться!

Они уже вышли из дома и стояли возле брички.

– Что же вы мне посоветуете? – спросил Мюнхгаузен.

– Что ж тут советовать?.. Живите как жили. Но по людским и церковным законам вашей женой будет по-прежнему считаться та женщина, которая вам уже не жена.

– Бред! – искренне возмутился Мюнхгаузен. – Вы, служитель церкви, предлагаете мне жить во лжи?

– Странно, что вас это пугает. – Пастор вскарабкался в бричку. – По-моему, ложь – ваша стихия!

– Я всегда говорю только правду! – Мюнхгаузен невозмутимо уселся рядом с пастором. Лошадь помчала рысью.

– Хватит валять дурака! Вы погрязли во вранье, вы купаетесь в нем, как в луже... – Пастора мучила одышка, и он яростно погонял лошадь. – Это грех!

– Вы думаете?

– Я читал вашу книжку!

– И что же?

– Что за чушь вы там насочиняли!

– Я читал вашу – она не лучше.

– Какую?

– Библию.

– Библию!

– О боже! – Пастор натянул вожжи. Бричка встала как вкопанная.

– Там, знаете, тоже много сомнительных вещей... Сотворение Евы из ребра... Или возьмем всю историю с Ноевым ковчегом.

– Не сметь! – заорал пастор и спрыгнул на землю. – Эти чудеса сотворил Бог!

– А чем же я-то хуже? – Мюнхгаузен выпрыгнул из брички и уже стоял рядом с пастором. – Бог, как известно, создал человека по своему образу и подобию!

– Не всех! – Пастор стукнул кулаком по бричке.

– Вижу! – Барон тоже стукнул кулаком по бричке. – Создавая вас, он, очевидно, отвлекся от первоисточника!

То ли от этих слов, то ли от стука лошади заржали и рванулись вперед с пустой бричкой. Пастор побежал за ними.

– Вы... Вы... чудовище! – кричал пастор, на бегу оглядываясь. – Проклинаю вас! И ничему не верю! Слышите? Ничему! Все – ложь! И ваши книги, и ваши утки – все обман! Ничего этого не было!

Мюнхгаузен грустно улыбнулся и пошел в обратную сторону.

Из дверей дома вышли обеспокоенные музыканты. Мюнхгаузен сделал им знак рукой, и возникла музыка. Марта стояла в открытом окне второго этажа. Лицо ее было печально, по щекам текли слезы.

Дирижируя оркестром, Мюнхгаузен попытался ее успокоить:

– Это глупо. Дарить слезы каждому пастору слишком расточительно.

– Это уже четвертый, Карл...

– Плевать! Позовем пятого, шестого, десятого... двадцатого...

– Двадцатый придет как раз на мои похороны, – улыбнулась Марта сквозь слезы.

– Перестань! – поморщился Мюнхгаузен. – Стоит ли портить такой вечер. Смотри, какая луна! И я иду к тебе, дорогая!

Рамкопф прижался к стволу дерева и осторожно выглянул оттуда.

Марта на мгновение исчезла, а затем выбросила из окна веревочную лестницу. Лестница упала к ногам Мюнхгаузена. И он ловко полез вверх под соответствующее музыкальное сопровождение.

Потом они уселись на подоконнике, свесив ноги, и Марта сказала:

– Мне больно, когда люди шепчутся за моей спиной, когда тычут пальцем: “Вон идет содержанка этого сумасшедшего барона...” А вчера наш священник заявил, что больше не пустит меня в церковь.

– Давай поговорим лучше о чем-нибудь другом, – предложил Мюнхгаузен, вздыхая. – Смотри, какой прекрасный вечер! – Он указал на голубое небо и солнце, которое стояло в зените.

– Сейчас вечер? – спросила Марта, вытирая слезы.

– Разумеется, – улыбнулся Мюнхгаузен. – Поздний вечер.

Он прыгнул в комнату. Зажег свечи, и появившийся в доме оркестр заиграл вечернюю мелодию.

– Прости меня, Карл, я знаю, ты не любишь чужих советов... – Марта неуверенно приблизилась к нему. – Но, может быть, ты что-то делаешь не так?! А? – Он повернулся к ней, и они внимательно посмотрели друг другу в глаза. – Может, этот разговор с пастором надо было вести как-то иначе? Без Софокла...

– Ну, думал развлечь, – попытался объяснить барон. – Говорили, пастор – умный человек...

– Мало ли что про человека болтают, – вздохнула Марта.

– Не меняться же мне из-за каждого идиота?!

– Не насовсем!.. – тихо произнесла Марта и потянулась к нему губами. –

– Не насовсем... – тихо произнесла Марта и потянулась к нему губами. На время. Притвориться! – Она закрыла глаза, их губы соединились. – Стань таким, как все... – Марта целовала его руки. – Стань таким, как все, Карл... Я умоляю...

Он открыл глаза и огляделся вокруг:

– Как все?! Что ты говоришь?

Он попятился в глубь комнаты. Приблизился к музыкантам, внимательно разглядывая их лица.

– Как все... Не двигать время?

– Нет, – с улыбкой подтвердил скрипач.

– Не жить в прошлом и будущем?

– Конечно, – весело кивнул второй музыкант.

– Не летать на ядрах, не охотиться на мамонтов? Не переписываться с Шекспиром?

– Ни в коем случае, – закрыл глаза третий.

– Нет! – крикнул Мюнхгаузен, и музыканты перестали играть. – Я еще не сошел с ума, чтобы от всего этого отказываться!

Марта бросилась к нему. Попыталась обнять:

– Но ради меня, Карл... ради меня...

– Именно ради тебя! – тихо сказал он, отстраняясь. – Если я стану таким, как все, ты меня разлюбишь. И хватит об этом. Ужин на столе.

– Нет, милый, что-то не хочется... я устала. – Она медленно пошла к двери.

– Хорошо, дорогая, – задумчиво сказал он, глядя ей вслед. – Поспи. Сейчас я сделаю ночь. – Он посмотрел на неподвижных музыкантов и громко крикнул им: – Ночь!

Они спохватились и поспешно бросились прочь из комнаты, снимая на

ходу сюртуки, взбивая подушки, укладываясь в постели...

Рука Мюнхгаузена перевела стрелки часов на двенадцать.

Появился довольный Томас с подносом:

– Господин барон!

Мюнхгаузен резко обернулся и гневно произнес:

– Что ты орешь ночью?

– Разве уже ночь? – изумился Томас.

– Ночь.

– И давно?

– С вечера. Посмотри на часы.

– Ого!

– Что еще?

Томас перешел на зловещий шепот:

– Я хотел сказать: утка готова.

– Отпусти ее. Пусть летает.

Мюнхгаузен устало прислонился к стене и закрыл глаза.

Томас с некоторым сомнением повертел зажаренную утку в руках и швырнул ее в открытое окно...

Наблюдающий за домом Рамкопф от неожиданности едва не свалился с дерева.

Из окна дома, хлопая крыльями, вылетела дикая утка и скрылась за развесистыми кронами деревьев.

Рамкопф выскочил из кустов и подбежал к дому барона. Окно по-

Рамкопф выскочил из кустов и подбежал к дому барона. Окно по-прежнему было распахнуто, из него по стене спускалась веревочная лестница.

Рамкопф огляделся и быстро полез по лестнице вверх. Убедившись, что его никто не видит, перебрался в дом. Озираясь и пробираясь на цыпочках, он сделал несколько осторожных движений. Взгляд его упал на секретер. Перед ним лежал лист бумаги, на котором было что-то начертано. Рамкопф быстро схватил бумагу, спрятал в нагрудный карман. Послышались чьи-то шаги. Он вздрогнул. Метнулся к окну. Перемахнул через подоконник.

Через несколько мгновений он уже был в седле и мчался галопом в сторону леса...

– Нельзя!.. Нельзя так сидеть и ждать! Ведь в конце концов он обвенчается с этой девкой! – кричал Феофил Мюнхгаузен, с пафосом заламывая руки.

– Успокойся, Фео! – Баронесса ринулась через гостиную к двери. – Что можно сделать? Сегодня должен приехать бургомистр. Он был в канцелярии герцога...

– Что могут решить чиновники, мама! – взвизгнул Феофил и бросился вдогонку. – Надо действовать самим!

Баронесса стремительно вышла из гостиной. У балюстрады ее встретил лакей:

– Господин Рамкопф.

Генрих Рамкопф стоял внизу у парадной лестницы. По его взгляду баронесса поняла, что есть важная новость. Они бросились навстречу друг другу.

Рамкопф вынул из нагрудного кармана листок и протянул баронессе. Она быстро пробежала его глазами. Потом взглянула на Рамкопфа:

– Браво, Генрих! Это ценная улика.

Он поцеловал ей руку. Приблизился к ее губам. И тотчас сверху закричал Феофил:

– Господин Рамкопф, вы друг нашей семьи, вы много делаете для нас. Сделайте еще один шаг!

– Все, что в моих силах! – любезно отозвался Рамкопф.

Феофил сбежал вниз по лестнице:

– Вызовите отца на дуэль!

– Ни в коем случае! – побледнел Рамкопф.

– Но почему?

– Во-первых, он меня убьет, – начал объяснять Рамкопф. – Во-вторых...

– И первого достаточно, – перебила его баронесса. – Успокойся, Фео!

– Я не могу успокоиться, мама! – Феофил заметался по дому, сжимая кулаки. – Все мои несчастья из-за него! Мне уже девятнадцать, а я всего лишь корнет, и никакой перспективы... Даже на маневры меня не допустили. Полковник заявил, что он отказывается принимать донесения от барона Мюнхгаузена. – Он остановился перед портретом Мюнхгаузена. – Почему ты держишь в доме эту мазню?

– Чем она тебе мешает? – в свою очередь вспылила баронесса.

– Она меня бесит! – взвизгнул Феофил и схватил шпагу. – Изрубить ее на куски!

– Не смей! – баронесса бросилась к сыну. – Он утверждает, что это работа Рембрандта.

– Чушь собачья! Вранье!

– Конечно, вранье! – согласилась баронесса. – Но аукционеры предлагают за нее двадцать тысяч.

– Так продайте, – посоветовал Рамкопф.

– Продать – значит признать, что это правда.

В дверях появился лакей:

В дверях появился лакей.

– Господин бургомистр.

– Наконец-то! – облегченно вздохнула баронесса.

Бургомистр был явно растерян.

– Добрый день, господа! – Он приложился к ручке баронессы. – Вы, как всегда, очаровательны. Рамкопф, вы чудесно выглядите. Как дела, корнет? Вижу, что хорошо.

– Судя по обилию комплиментов, вы вернулись с плохой новостью, – прервала его баронесса.

Бургомистр пожал плечами:

– Судья считает, что, к сожалению, пока нет достаточных оснований для конфискации поместья барона и передачи его под опеку наследника.

– Нет оснований! – возмутился Рамкопф. – Человек разрушил семью, выгнал жену с ребенком.

– Каким ребенком?! – возмутился Феофил. – Я – офицер.

– Выгнал жену с офицером! – продолжал с пафосом Рамкопф.

– Насколько я знаю, они сами ушли, – возразил бургомистр.

– Да! – подтвердила баронесса. – Но кто может жить с таким человеком?

– Видите, фрау Марта – может.

– Но ведь она – любовница! – воскликнул Рамкопф. – Господа, давайте уточним! Имеешь любовницу – на здоровье! Все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!

– Господин бургомистр, я прошу вас меня сопровождать! – решительно воскликнула баронесса. – Я немедленно отправляюсь к его величеству герцогу Георгу вместе с моим адвокатом, – она взглянула на Рамкопфа.

Баронесса рванулась к выходу, за ней все остальные.

Баронесса рванулась к выходу, за ней все остальные.

– Немедленно заложить лошадей!

– Карета готова! – крикнул кучер.

Бургомистр догнал ее возле открытого экипажа:

– Умоляю вас, баронесса, я не хотел огорчать вас сразу.

– Что?

– Его величество герцог удовлетворил прошение барона о разводе.

Наступила секундная пауза.

– Не может быть...

Побледневшую баронессу поддержал подоспевший Рамкопф.

– К сожалению, это факт, – вздохнул бургомистр. – Это даже больше, чем факт, – так оно и было на самом деле. Последнее время наш обожаемый герцог находится в некоторой конфронтации с нашей обожаемой герцогиней. Будучи в некотором нервном перевозбуждении, герцог вдруг схватил и подписал несколько прошений о разводе со словами: “На волю! Всех – на волю!” Теперь, если духовная консистория утвердит это решение, барон может жениться во второй раз!

– Так! Доигрались! – взвизгнул Феофил и обнажил шпагу. – Ну нет! Дуэль! Только дуэль!..

– Немедленно к герцогу! – придя в себя, воскликнула баронесса и бросилась в экипаж.

– Успокойтесь, баронесса, – последовал за ней бургомистр. – Надо все хорошенько обдумать...

– Я уже все обдумала. – Экипаж покатился к воротам. Рамкопф прыгнул в него на ходу. – Раз он хочет жениться – мы посадим его в сумасшедший дом!..

– Дуэль! – закричал Феофил и взмахнул шпагой. – Господин барон, я убью

вас! – Он нанес несколько ударов по предметам, которые появились на его пути, и сделал ряд эффектных фехтовальных выпадов. – Кровь! Пусть прольется кровь!..

Замелькала анфилада комнат. Перед стремительно шагающей баронессой засуетился, забегал, задергался юркий маленький секретарь герцога.

– Это невозможно! Это немыслимо! Это неприемлемо!.. – торопливо произносил он, то забегая вперед и расставляя руки, то отставая от проворно шагающих баронессы, бургомистра и Рамкопфа.

– Ни в коем случае! – Секретарь уперся спиной в массивные двери кабинета. – Его величество занят важнейшими государственными делами. Он проводит экстренное совещание. Его вообще нет на месте!!

Умные глаза герцога отражали напряженную работу мысли.

– Ваше величество, – послышался волевой женский голос. – Может быть, все дело в нашем левом крыле?

– Да, пожалуй...

Герцог понял свою ошибку и горько усмехнулся. К нему приблизилась Первая фрейлина.

– Может быть, нам стоит урезать верха и укрепить центр? – тихо предложила она.

– Так и сделаем, – задумчиво сощурился герцог. – Опустим правую бретельку и чуть заузим лиф. – С этими словами он склонился над швейной машинкой и быстро прострочил нужную линию. – Два ряда вытачек слева, два – справа! – с азартом произнес он, неистово крутя машинку. – Все решение в талии! Как вы думаете, где мы будем делать талию? На уровне груди! – Герцог подскочил к манекену и показал, как это будет выглядеть.

– Гениально! – ахнула фрейлина. – Гениально, как все истинное.

– Именно на уровне груди! – воскликнул герцог, делая необходимые замеры портновским сантиметром. – Я не разрешу опускать талию на

бедра. В конце концов, мы центр Европы, и я не позволю всяким там испанцам диктовать нам условия. Хотите отрезной рукав – пожалуйста! Хотите плиссированную юбку с вытачками – принимаю и это! Но опускать линию талии не дам!

– Я с вами абсолютно согласна, – поклонилась фрейлина.

Открылась дверь кабинета, и заглянул бледный от волнения секретарь:

– Ваше величество, баронесса Якобина фон Мюнхгаузен умоляет принять ее по срочному делу!

– Я занят! – недовольно крикнул герцог.

– Я сказал, – оправдывался секретарь. – Я даже сказал, что вас нет, но она умоляет...

– Черт подери, – недовольно пробурчал герцог, – просто совершенно не дают сосредоточиться!.. Ладно, проси!

Обернувшись к фрейлине, он с сожалением развел руками. Фрейлина быстро двинулась во внутренние комнаты, захватив с собой манекен. Герцог ловким и привычным движением опрокинул швейную машинку. Она ушла в глубь образовавшейся плоскости большого письменного стола, на котором была закреплена стратегическая карта Европы. Герцог взял в руки красный карандаш и принял позу озабоченного полководца.

– Ваше величество! – Баронесса, бургомистр и Рамкопф быстро вошли и склонились в почтительном поклоне. – Бога ради, извините, что отвлекаю вас от государственных проблем! – Баронесса приблизилась к герцогу. – Но случилось невероятное. Вы подписали прошение барона Мюнхгаузена о разводе...

– Я подписал? – удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. – Да! Подписал! – строго сказал герцог.

– Значит, он может жениться на Марте? – негодуя произнесла баронесса.

– Почему – жениться? – удивился герцог и посмотрел на секретаря. Тот молча кивнул. – Да, он может жениться! – строго сказал герцог.

– Но он не имеет права жениться! – поспешно объяснила баронесса. – Сумасшедшим нельзя жениться! Это противозаконно! И я надеюсь, что ваше величество отменит свое решение.

– Почему?

– Потому что барон Мюнхгаузен сумасшедший.

– Баронесса, я понимаю ваш гнев, – улыбнулся герцог, украдкой измеряя сантиметром длину ее рукава. – Но что я могу сделать? Объявить человека сумасшедшим довольно трудно. Надо иметь веские доводы.

– Хорошо! – воскликнула баронесса. – Сейчас я познакомлю вас с одним документом, и вам станет ясно, составлен ли он человеком в здравом рассудке или нет. Эта бумажка случайно попала мне в руки. Прочтите, господин Рамкопф.

– “Распорядок дня барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена на 30 мая 1776 года”, – прочел Рамкопф.

– Любопытно, – оживился герцог.

– Весьма, – согласился Рамкопф. – “Подъем – шесть часов утра”.

Все переглянулись. Герцог задумался:

– Ненаказуемо.

– Нет, – подтвердил бургомистр и добавил: – То есть я согласен – вставать в такую рань для людей нашего круга противоестественно, но...

– Читайте дальше, Генрих! – перебила баронесса.

– “Семь часов утра – разгон тумана, установление хорошей погоды...”

Герцог молча отправился к окну и посмотрел на небо:

– Как назло, сегодня чистое небо.

– Да, – быстро согласился подошедший бургомистр. – С утра действительно был туман, но потом он улетучился.

– Вы хотите сказать, господин бургомистр, что это его заслуга? – воскликнула баронесса.

– Я ничего не хочу сказать, баронесса, – пожал плечами бургомистр. – Я просто отмечаю, что сегодня великолепный день, хотя с утра был туман. У нас нет никаких оснований утверждать, что он его разогнал, но и говорить, что он не разгонял тумана, значит противоречить тому, что видишь.

– Вы смеетесь надо мной? – взвизгнула баронесса. – Читайте дальше, Генрих.

– “С восьми до десяти утра – подвиг”, – зачитал Рамкопф.

– Как это понимать? – удивился герцог.

– Это значит, – произнесла баронесса, пылая от возмущения, – что с восьми до десяти утра у него запланирован подвиг... Что вы скажете, господин бургомистр, о человеке, который ежедневно отправляется на подвиг, точно на службу?

Бургомистр показался озадаченным:

– Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат. Не скажу, что это подвиг, но вообще что-то героическое в этом есть...

– Господа, мы дошли до интересного пункта... – объявил Рамкопф. – “В шестнадцать ноль-ноль – война с Англией”.

Наступила пауза.

Бургомистр растерянно произнес:

– Господи, чем ему Англия-то не угодила?

Герцог вытянул шею и, многозначительно подняв брови, двинулся к столу.

– Один человек объявляет войну целому государству! – взнервляя обстановку, выкрикнула баронесса. – И это нормально?!

– Нет, – строго оглядел присутствующих герцог. – Это уже нечто.

– Да, это можно рассматривать как нарушение общественного порядка, – сказал бургомистр.

– Где она? – строго сказал герцог, пристально вглядываясь в карту. – Где, я вас спрашиваю?!

– Кто?

– Англия!

– Секунду, ваше величество... – Секретарь пробежал глазами карту. – Вот!

– А где мы? – спросил герцог.

– А мы – вот!

Герцог выхватил сантиметр, измерил расстояние:

– Это же рядом! Возмутительно! Нет, это не шуточки! Война есть война! – закричал он, обращаясь к советнику. – Передайте приказ: срочно разыскать и задержать барона Мюнхгаузена. В случае сопротивления применять силу! Командующего ко мне!

– Слушаюсь! – рявкнул тот.

В дверях звякнул шпорами командующий.

– Приказ по армии: всеобщая мобилизация! Отозвать всех уволенных в запас! Отменить отпуска! Гвардию построить на центральной площади. Форма одежды летняя, парадная: синие мундиры с золотой оторочкой, рукав вшивной, лацканы широкие, талия на десять сантиметров выше, чем в мирное время!

– Будет исполнено! – Командующий отдал честь и бросился вон из кабинета.

Баронесса подлетела к Рамкопфу:

– Генрих, как адвокат скажите – что его ждет?

– Честно говоря, даже не знаю... – растерянно пробормотал Рамкопф. – В кодексе не предусмотрен такой случай.

– Двадцать лет тюрьмы! – закричала баронесса. – Ваше величество, я требую двадцать лет! Столько, сколько я была за ним замужем!

– Война есть война! – все более воодушевляясь, прокричал герцог. – Господин бургомистр! Закрыть все входы и выходы из города! Перекрыть все городские ворота и мосты!

– Слушаюсь!

Бургомистр вместе с баронессой и Рамкопфом бросились к выходу. Герцог, впав в ажиотацию, продолжал кричать им вслед:

– Война есть война! Где мой военный мундир?!

– Сейчас, ваше величество, сейчас! – Секретарь вынес на вешалке сверкающий пуговицами мундир полководца. – Прошу вас!

– Что?! – побагровел герцог. – Мне... в этом? В однобортном? Да вы что?! Не знаете, что сейчас в однобортном никто уже не воюет? Безобразие!.. Война у порога, а мы не готовы! – Он резким движением перевернул стол, уселся за швейную машинку и начал лихорадочно перешивать мундир.

Горнист издал пронзительно-тревожный сигнал. Солдаты на ходу разбирали ружья. Грянул духовой оркестр. Командующий поднял коня на дыбы и обнажил шпагу. Конная гвардия, поднимая пыль, поскакала по улицам города.

Взрыв хохота потряс трактир.

– Но это не все! – объявил Мюнхгаузен, подняв указательный палец. – Дальше самое трудное, господа! Темно, холодно и ни одной спички, чтоб разжечь костер. Что делать? Замерзнуть? Никогда!.. Голова-то всегда под рукой, не так ли? Со всей силой я ударил себя кулаком в лоб, из глаз тут же посыпались искры. Несколько из них упало в костер, и костер разгорелся!..

За окном трактира послышался звук боевой трубы. С соседнего столика к Мюнхгаузену наклонился Томас:

– Господин барон, по-моему, это по вашу душу.

В дверях трактира появилась группа гвардейцев. Послышалась грозная команда:

– Всем оставаться на местах!

Мюнхгаузен открыл крышку карманных часов:

– Половина четвертого. Срок моего ультиматума истекает через тридцать минут.

– Я могу чем-нибудь помочь? – поинтересовался Томас.

– Барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен! – громко произнес приблизившийся офицер. – Приказано вас арестовать! В случае сопротивления приказано применить силу.

– Кому? – вежливо спросил Мюнхгаузен.

– Что “кому”? – не понял офицер.

– Кому применить силу в случае сопротивления – вам или мне?

Офицер задумался. По его лицу было видно, что это занятие для него не из легких.

– Не знаю, – наконец честно признался он.

– Может, послать вестового и переспросить? – посоветовал барон.

– Нет! – принял решение офицер и обнажил шпагу.

– Отлично! – Мюнхгаузен ответил тем же. – Будем оба выполнять приказ. Логично? – После чего он ловким движением, как и положено в подобных случаях, опрокинул стол. – Музыка не повредит?

– Что?! – изумился офицер.

– Несколько аккордов... Для бодрости! – Мюнхгаузен сделал знак музыкантам.

Музыканты дружно заиграли проникновенную мелодию. Мюнхгаузен совершил бросок, последовал молниеносный обмен ударами, и противники замерли в напряженных позах.

– Нет, господа, не то, – обернулся Мюнхгаузен к музыкантам. – Здесь пианиссимо... Вы согласны? – спросил он офицера.

– В каком смысле? – опять не понял тот.

– Это место играется тоньше и задушевнее. Подержите, пожалуйста. – Он протянул шпагу офицеру. – Я сейчас покажу. – Передав оружие офицеру, он принял скрипку у музыканта и заиграл. – Мое любимое место! – Он кивнул головой посетителям трактира, и хор поддержал слова второго куплета.

Чистая, щемящая душу мелодия понеслась из открытых окон трактира. Второй вооруженный отряд гвардейцев обнаружил у трактира плотную толпу слушателей.

Мюнхгаузен был в ударе. Многие плакали. Играл мастер.

На центральной площади у ратуши герцог Георг в военном мундире сидел на белом коне в окружении советников.

– Сколько можно ждать? – нервничал герцог, поглядывая на часы. – Неужели так трудно арестовать одного-единственного человека?!

– Ваше величество, – попросту объяснил один из военных советников, – с ним ведь все не так просто. С ним всегда морока. Небось опять задурил всем головы...

– Он что же, по-вашему, начал им что-то рассказывать?

– Наверное, – кивнул главный военный советник, – что-нибудь насчет охоты...

– На кого? – заинтересовались другие советники.

– На мамонта, кажется... Он стрелял ему в лоб, а у того выросло на голове вишневое дерево.

– У кого выросло? – спросил младший офицер.

– У медведя.

– А стрелял в мамонта?

– Вы только не путайте! – В споре приняли участие почти все присутствующие. – Он выстрелил в медведя косточкой от черешни. Это всем известно.

– Нет-нет... стрелял он, во-первых, не черешней, а смородиной.

– Правильно, когда тот пролетал над его домом.

– Медведь?

– Ну не мамонт же... Их там была целая стая.

– Прекратить! – закричал герцог. – Через двадцать минут начнется война с Англией!

– Англия тоже, ваше величество, хороша, – заметил кто-то из ближайшего окружения. – Привыкли все – Англия, Англия...

В дальнем конце площади появился Мюнхгаузен.

– Почему он с оркестром? Где моя гвардия? – заинтересовался герцог.

– Ваше величество, – начал неуверенно главнокомандующий, – ситуация сложная... Сначала намечались торжества... Потом аресты... Потом решили совместить...

– А где гвардия?

– Очевидно, обходит с тыла...

– Кого?!!

– Всех, – подумав, завершил отчет главнокомандующий.

Мюнхгаузен приблизился к герцогу. Тотчас подтянулись любопытные

граждане.

– Добрый день, господа! Я от души приветствую вас, ваше величество! Здравствуй, Якобина! Господин бургомистр, мое почтение!

Герцог, не удержавшись от любопытства, слез с лошади и подошел к Мюнхгаузену.

Наступила пауза.

Мюнхгаузен улыбнулся:

– Вы позвали меня помолчать?

– Видите ли, дорогой мой, мне тут сообщили довольно странное известие... – как-то несмело начал герцог. – И вот господин бургомистр это подтвердит...

– Действительно, – согласился бургомистр.

– Даже не знаю, как и сказать... – замялся герцог. – Ну... будто бы вы... объявили войну... Англии.

– Пока еще нет, – быстро ответил Мюнхгаузен и достал часы. – Война начнется в четыре часа, если Англия не выполнит условий ультиматума.

– Ультиматума? – вздрогнул герцог.

– Да. Я потребовал от британского короля и парламента прекратить бессмысленную войну с североамериканскими колонистами и признать их независимость. Срок ультиматума истекает сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Если мои условия не будут приняты, я начну войну.

– Интересно, как это будет выглядеть? – удивился бургомистр. – Вы станете палить по ним отсюда из ружья или пойдете врукопашную?

– Методы ведения кампании – военная тайна! – учтиво заметил Мюнхгаузен. – Я не могу ее разглашать, тем более в присутствии штатских.

– Так! – строго произнес герцог. – Господин барон, я думаю, нет смысла

продолжать этот бессмысленный разговор. Послав ультиматум королю, вы тем самым перешли все границы! – И неожиданно заорал: – Война – это не покер! Ее нельзя объявлять когда вздумается! Сдайте шпагу, господин барон!

– Ваше величество, – спокойно сказал Мюнхгаузен, – не идите против своей совести. Я ведь знаю, вы благородный человек и в душе тоже против Англии!

– Да, против! – крикнул герцог. – Да, они мне не нравятся! Ну и что? Я сижу и помалкиваю! Одним словом, вы арестованы, барон! Сдайте шпагу!!

В следующее мгновение Феофил обнажил свою шпагу и бросился вперед:

– Господин барон, я вызываю вас на дуэль!

– Уберите мальчика! – попросил герцог.

Феофила мгновенно и небрежно оттащили под руки двое офицеров.

– Я жду, – сказал герцог.

Мюнхгаузен взялся за шпагу и медленно стал вытягивать ее из ножен, внимательно глядя на герцога.

Послышался топот бегущего человека. Расталкивая всех, тяжело дыша, появился Томас:

– Господин барон, вы просили вечернюю газету! Вот! Экстренное сообщение. Англия признала независимость Америки.

Удивленная свита спешилась и, оживленно переговариваясь, столпилась над раскрытой газетой.

Мюнхгаузен взглянул на часы:

– Без четверти четыре! Успели!.. Их счастье!.. – Шпага послушно легла в ножны. – Честь имею! – Улыбнувшись, Мюнхгаузен повернулся и пошел прочь под звуки знакомой и любимой им мелодии.

Маленький оркестр вдохновенно играл посередине большой площади.

– Немыслимо! – прошептал Рамкопф, глядя на безмолвно застывшего герцога.

– Он его отпустил! – простонала баронесса.

– Что он мог сделать? – вздохнул бургомистр.

– Это не герцог, это тряпка, – прошептала баронесса.

Бургомистр поднял брови:

– Сударыня, ну что вы от него хотите? Англия сдалась.

По противоположной стороне площади на высокой скорости с оглушительным топотом промчался кавалерийский отряд и завернул в переулок. Раздались выстрелы.

– Почему еще продолжается война? – упавшим голосом спросил герцог. – Они что у вас, газет не читают?!

Музыканты заиграли торжественный свадебный марш. Открылась дверь спальной комнаты, и вошла Марта в белом подвенечном платье. Медленно и величественно. К ее ногам полетели красные гвоздики.

– Браво! – произнес Мюнхгаузен откуда-то сверху, разбрасывая цветы. – Тебе очень идет подвенечный наряд.

– Он идет каждой женщине, – ответила Марта.

– Тебе особенно!

– Я мечтала о нем целый год, – сказала Марта. – Жаль, его надевают всего раз в жизни.

– Ты будешь ходить в нем каждый день! – сказал барон. – И мы будем каждый день венчаться! Хорошая идея?

– Отличная! – сказала Марта. – Но сначала надо развестись. Ты не забыл, дорогой, что через полчаса начнется бракоразводный процесс?

– Он начался давно, – улыбнулся барон. – С тех пор, как я увидел тебя!..

Ах, любимая, какой подарок я тебе приготовил!

Он неожиданно замер. Жестом прервал музыкантов и попятился назад, в свой кабинет. Резко обернулся и оглядел длинные столбцы цифр и замысловатых геометрических построений.

– Да, – прошептал Мюнхгаузен. – Сегодня или никогда!

Он услышал голос Марты:

– Карл, я хочу знать, что ты придумал!

– Тсс! – Мюнхгаузен поднял палец к губам. – Не торопись... Пусть это будет для тебя сюрпризом.

Она подошла сзади и обняла его. Тихо возникла тема их шутливого танца.

– Карл, это не повредит нам? Может, обойдемся без сюрприза? В такой день...

– Именно в такой день!.. Посмотри на их лица. – Мюнхгаузен указал на ряд портретов. Из золоченых рамок на Мюнхгаузена и Марту смотрели ученые мужи и блестящие мыслители древности.

– По-моему, они улыбаются нам, – прошептал Мюнхгаузен. – От тебя я держу свое открытие в тайне, но им я уже рассказал...

Некоторые лица, изображенные на портретах этой домашней галереи, слегка посветлели...

Галерея живых современников Мюнхгаузена, восседающих в первых рядах зала для судебных заседаний, выглядела гораздо торжественнее и монументальнее.

Судья говорил с пафосом:

– Господа, процесс, на котором мы присутствуем, можно смело назвать необычным, ибо в каждом городе Германии люди женятся, но не в каждом им разрешают развестись. Именно поэтому первое слово благодарности мы приносим его величеству герцогу, чья всемилостивейшая подпись позволила нам стать свидетелями этого праздника свободы и демократии!

Он ударил молоточком в медный гонг, раздались аплодисменты.

К зданию ганноверского суда подкатила карета, из которой проворно выбрался Мюнхгаузен, завершая на ходу длительный диалог с Мартой.

– Нет-нет, на ходу этого все равно не объяснишь... – поспешно говорил Мюнхгаузен. – Если я тебе скажу, что в году триста шестьдесят пять дней, ты не станешь спорить, верно?

– Пойми, дорогой, если это касается нас...

– Это касается всех. Земля вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите, с этим ты не станешь спорить?

– Нет!

– Все остальное так же просто... – Он бросился к центральному входу. Марта осталась в карете.

На трибуне стояла баронесса.

– Трудно говорить, когда на тебя смотрят столько сочувствующих глаз. По традиции мужчину после развода объявляют свободным, а женщину – брошенной... Не жалейте меня, господа! Подумайте о себе! Много лет я держала этого человека в семейных узах и тем самым спасала от него общество. Теперь вы сами рубите это сдерживающее средство. Что ж... – Она усмехнулась и закончила с пафосом: – Мне жалко вас! Не страшно, что я брошена, страшно, что он СВОБОДЕН!

Толстые разодетые горожане из первых рядов отдувались и вытирали слезы кружевными платочками.

Мюнхгаузен с трудом протиснулся в переполненный зал и остановился в дверях.

– О чем это она? – спросил он у стоящего рядом горожанина.

– Как – о чем? – горожанин даже не повернул головы. – Барона кроет.

– Что ж она говорит? – поинтересовался барон.

– Ясно что: подлец, мол, говорит. Псих ненормальный!

– И чего хочет? – вновь полюбопытствовал барон.

– Ясно чего: чтоб не бросал.

– Логично, – заметил Мюнхгаузен и стал пробираться через переполненный зал.

– Почему так поздно, Карл? – спросил встревоженный бургомистр, усаживая его рядом с собой.

– По-моему, рано. Еще не все глупости сказаны.

Бургомистр поморщился:

– Только умоляю тебя!..

– Понял! Ни одного лишнего слова!

– Это главное, – согласился бургомистр.

– Главное в другом, – тихо шепнул Мюнхгаузен. – Я сделал удивительное открытие.

– Опять?! – вздрогнул бургомистр.

– Вы все ахнете. Это перевернет жизнь в нашем городе.

– Умоляю, барон, – встревожился бургомистр, – только не сегодня.

– Ответьте мне на один вопрос: сколько дней в году?

– Триста шестьдесят пять...

– Ладно, – отмахнулся Мюнхгаузен. – Остальное потом.

– Вызывается барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен! – провозгласил судья, и, сопровождаемый любопытными взглядами публики, барон легко взбежал на возвышение.

– Я здесь, господин судья!

– Барон, что бы вы могли сообщить суду по существу дела?

– Смотря что вы имеете в виду.

– Как – что? – недовольно проворчал судья. – Объясните – почему разводитесь? Как это так: двадцать лет было все хорошо и вдруг – такая трагедия.

– Извините, господин судья, – с улыбкой сказал Мюнхгаузен. – Существо дела выглядит не так: двадцать лет длилась трагедия, и только теперь должно быть все хорошо. Объясняю подробней: дело в том, что нас поженили еще до нашего рождения. Род Мюнхгаузенов всегда мечтал породниться с родом фон Дуттен. Нас познакомили с Якобиной еще в колыбели, причем она мне сразу не понравилась, о чем я и заявил со всей прямотой, как только научился разговаривать. К сожалению, к моему мнению не прислушались, а едва мы достигли совершеннолетия, нас силой отвезли в церковь. В церкви на вопрос священника, хочу ли я взять в жены Якобину фон Дуттен, я честно сказал: “Нет!” И нас тут же обвенчали...

Слушавший речь барона пастор попытался что-то возразить, но судья остановил его жестом.

– После венчания, – продолжал Мюнхгаузен, – мы с супругой уехали в свадебное путешествие: я – в Турцию, она – в Швейцарию, и три года жили там в любви и согласии. Затем, уже находясь в Германии, я был приглашен на бал-маскарад, где танцевал с одной очаровательной особой в маске испанки. Воспылав чувством к незнакомке, я увлек ее в беседку, обольстил, после чего она сняла маску и я увидел, что это моя законная жена. Таким образом, если я и изменял когда-нибудь в супружестве, то только самому себе. Обнаружив ошибку, я хотел тут же подать на развод, но выяснилось, что в результате моей измены у нас должен кто-то родиться. Как порядочный человек, я не мог бросить жену, пока ребенок не достигнет совершеннолетия. Я вернулся в полк, прошел с ним полмира, участвовал в трех войнах, где был тяжело ранен в голову. Вероятно, в связи с этим возникла нелепая мысль, что я смогу прожить остаток дней в кругу семьи. Я вернулся домой, провел три дня, общаясь с женой и сыном, после чего немедленно направился к аптекарю купить яду. И тут свершилось чудо. Я увидел Марту. Самую чудную, самую доверчивую, самую

честную, самую... Господи, зачем я вам это говорю, вы же все ее знаете...

Марта выбралась из кареты и бросилась бежать. У ступенек собора она опустилась на колени, с мольбой посмотрела на распятие:

– Великий Боже, сделай так, чтоб все было хорошо. Помоги нам, Господи! Мы так любим друг друга... И не сердись на Карла, Господи! Он тут что-то опять придумал, Господи! Он дерзок, он часто готов спорить с Тобой, но ведь Ты, Господи, старше, Ты мудрее, Ты должен уступить... Уступи, Господи! Ты уже столько терпел. Ну потерпи еще немного!..

– Итак, господа, – провозгласил судья, – наше заседание подходит к концу... Соединить супругов не удалось, да и тщетно было на это надеяться. Если за двадцать лет столь уважаемые люди не могли найти путь к примирению, глупо было бы верить, что это произойдет в последнюю минуту... Что ж, начнем процедуру развода. Господин барон, госпожа баронесса, прошу подойти ко мне и ознакомиться с разводными письмами...

Барон и баронесса подошли к столу, взяли в руки подготовленные документы, стали читать вслух:

– “Я, Карл фон Мюнхгаузен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Якобиной фон Мюнхгаузен и объявляю ее свободной”.

– “Я, Якобина фон Мюнхгаузен, урожденная фон Дуттен, будучи в здравом рассудке и ясной памяти, добровольно разрываю брачные узы с Карлом фон Мюнхгаузеном и объявляю его свободным”.

– Скрепите эти документы своими подписями! Поставьте число! – скомандовал судья. – Теперь передайте эти письма друг другу!

Не скрывая неприязни, баронесса протянула Мюнхгаузену свое письмо, взяла у него такой же лист и передала его своему адвокату Рамкопфу.

Пастор поднялся со своего места и провозгласил:

– Именем святой духовной консистории объявляю вас свободными...

Он начал торжественно поднимать руку, и вдруг раздался истошный вопль

Он начал торжественно поднимать руку, и вдруг раздался истошный вопль Рамкопфа:

– Остановитесь!

Пастор замер с протянутой рукой.

– Остановитесь! – кричал Рамкопф, размахивая листом бумаги. – Наш суд превращен в постыдный фарс! Господин судья, прочтите внимательно письмо барона Мюнхгаузена...

Судья взял письмо:

– “Я, Карл фон Мюнхгаузен...”

– Дату! Читайте дату!

– “Тысяча семьсот семьдесят шестой год, тридцать второе мая...”

В зале раздался шум, недоуменные возгласы.

– Барон, – сказал судья, – вы ошиблись... такого числа не бывает.

– Бывает! – сказал Мюнхгаузен и торжествующе посмотрел в зал.

– Но если вчера было тридцать первое мая, то сегодня какое?

– Тридцать второе! – провозгласил ликующий Мюнхгаузен.

Шум в зале суда усилился, часть публики вскочила со своих мест.

– Господа! – воскликнул Мюнхгаузен. – Сейчас я вам все объясню... Этот день – мое открытие! Мой подарок родному городу!

– Фигляр! – закричала баронесса. – Сумасшедший!

Зал засвистел, затопал ногами.

– Да подождите! – умолял публику барон. – Позвольте, я вам объясню... Это правда... Существует такой день! Вернее, он должен существовать! Это необходимо!..

– Что вы натворили, Карл! – Бургомистр в отчаянии всплеснул руками.

– Я не шучу, – искренне сказал барон, но его голос потонул в общем шуме.

– Будь проклят, исчадье ада! – крикнул пастор. – Будь проклят каждый, кто прикоснется к тебе!

– Суд оскорблен! – кричал судья и бил молоточком в гонг. – Решение о разводе отменяется! Заседание закрывается!

Публика шумно поднялась с мест. Кто-то смеялся, кто-то улюлюкал, кто-то кричал что-то, указывая в сторону Мюнхгаузена.

– Ведь я умолял вас! – Бургомистр обхватил голову руками. – Почему нельзя было подождать хотя бы до завтра!

– Потому что каждый лишний час дорог... Я вам сейчас все объясню. – Мюнхгаузен попытался овладеть вниманием бургомистра, схватил его под руку, но тот в отчаянии затряс головой:

– Я старый больной человек. У меня слабое сердце. Мне врачи запретили волнения.

Взглянув еще раз на распятие, Марта услышала все нарастающий шум голосов. Она испуганно обернулась, попятилась и бросилась бежать.

Бургомистр в изнеможении сидел в углу кабинета, обхватив голову руками.

– Вы умный человек, вы должны понять, – говорил Мюнхгаузен, стоя перед бургомистром.

– Я глупый... Я не хочу этого знать...

– Сколько дней в году? Триста шестьдесят пять! Точно?.. Нет, не точно. – Мюнхгаузен ласково погладил бургомистра, пытаясь ею ободрить. – В обыкновенном году триста шестьдесят пять дней и шесть часов. Эти шесть часов суммируют, и возникает еще один день, то есть каждый четвертый год становится високосным! Но оказалось, что и этого недостаточно! В обычном году – триста шестьдесят пять дней, шесть часов и еще... еще... три СЕКУНДЫ! Это подтвердит вам любой астроном. Надо лишь взлететь

три секунды! Это подтвердит вам любой астроном. Надо лишь взлететь к звездам с хронометром в руках и проследить за вращением Земли. Три секунды неучтенного времени! Три секунды, которые сбрасывают почему-то со счета!.. Почему? – Он стремительно обернулся к двери. Перед ним стояла Марта.

Не замечая ее дорожного наряда, он бросился к ней, восторженно обнял за плечи:

– Милая! Все дело в том, что в нашем распоряжении есть лишние секунды, но мы их не учитываем! Но ведь за годы эти секунды складываются в минуты, за столетия – в часы... И вот, дорогие мои, оказалось, что за время существования нашего города нам натикало лишний день. Тридцать второе мая!

– Все? – устало спросил бургомистр.

– Все! – сказал счастливый барон.

– И вы ничего умней не придумали, как сообщить об этом на суде?

– При чем тут суд? – удивился барон. – Мне важно было сообщить об этом людям, и я это сделал. – Только теперь он заметил, что за спиной Марты стоял испуганный Томас, за Томасом – растерянные музыканты.

– Вы надеялись, вам поверят? – Бургомистр поднялся со своего места.

– Ну а куда ж деться от фактов? Ну не идиоты же мы, чтоб отказываться от лишнего дня в жизни? – Мюнхгаузен подошел к Томасу. – Томас, ты доволен, что у нас появилось тридцать второе мая?

– Вообще-то... – замялся Томас, – не очень, господин барон: первого июня мне платят жалованье...

– Ты не понял, – недовольно поморщился барон. – Появился лишний день, глупый. А вы рады новому дню? – обратился он к музыкантам.

– Смотря на что он падает, – ответил за всех скрипач. – Если на выходной, то обидно, а если, скажем, на понедельник, то зачем нам два понедельника?..

– Убирайтесь! – гневно крикнул барон. Томас и музыканты поспешно

– Убирайтесь! – гневно крикнул барон. Томас и музыканты поспешно удалились.

– Вы напрасно сердитесь, – усмехнулся бургомистр. – Люди не любят новшеств... Есть порядок... Скажу вам по секрету, я тоже не очень доволен нашим календарем. Но я не позволяю себе срывов! Время для срывов не пришло...

– А ты, Марта? – барон грустно посмотрел на жену. – Ты-то понимаешь, что я прав?

– Извини меня, Карл, – Марта отвела взгляд. – У меня все перепуталось в голове... Наверное, ты прав. Я плохо разбираюсь в расчетах... Но нас уже не обвенчают. Это я поняла. И я ухожу. Не сердись, милый... Я устала...

Музыканты заиграли в отдалении тему их томно-шутливого танца.

– Я люблю тебя, – растерянно и тихо сказал Мюнхгаузен.

– Я знаю, милый, – вздохнула Марта. – Но ради меня ты не хочешь поступиться даже в мелочах... Помнишь, когда мы встречались с Шекспиром, он сказал: “Все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут, а не исполняют даже возможного...”

– Но потом добавил: “Препятствия любви только усиливают ее”.

– У нас их чересчур много, этих препятствий, – улыбнулась Марта сквозь слезы. – Они мне не по силам... Господи, ну почему ты не женился на Жанне д”Арк? Она ведь была согласна... А я – обыкновенная женщина. Я не гожусь для тридцать второго мая.

– Послушайте, – вмешался бургомистр, – дорогой барон, нельзя так испытывать терпение женщины... Ради нее, ради вашей семьи вы можете признать, что сегодня тот день, который в календаре?

– Как же это можно? Ведь я говорю правду!

– Да черт с ней, с правдой! – закричал бургомистр. – Иногда необходимо соврать... Господи, и такие очевидные вещи приходится объяснять барону Мюнхгаузену. С ума сойдешь с вами!

– Ты тоже так считаешь? – спросил барон Марту. Та пожала плечами, хотела что-то сказать, барон остановил: – Нет. Не говори! Я сам пойму!

Она не ответила. Он подошел к ней, заглянул в глаза.

– Хорошо! – вздохнул барон. – Ладно. Пусть будет по-вашему. Что мне надо сделать, бургомистр?..

За столом сидел печальный и озабоченный герцог Георг. Рядом с ним – пастор Франц Мусс и группа ближайших советников.

Мюнхгаузен, как провинившийся ученик, стоял в центре кабинета. У двери расположился бургомистр, который изо всех сил пытался выглядеть спокойным.

– Да, – сочувственно вздохнул герцог. – Да! Да! Да! В мире существует определенный порядок. Один день сменяет другой, за понедельником наступает вторник... Нельзя менять ход времени! Это недопустимо! Люди не будут различать праздники и будни! Возникает путаница, что надевать: деловой сюртук или нарядный камзол!

– Самое страшное, – вмешался пастор, – прихожане не смогут точно знать, когда Рождество, а когда Пасха!

– Ваше величество, – осторожно вмешался бургомистр, – барон осознал свою ошибку. Он погорячился и теперь раскаивается...

– Значит, вы готовы признать, что сегодня первое июня? – спросил герцог.

– Хоть десятое! – устало сказал Мюнхгаузен.

– Не десятое, а первое! – возмутился пастор. – И не делайте нам одолжения!

– Барон, ведь вы разумный человек, – примирительно сказал герцог. – Я всегда относился к вам с симпатией...

– Всегда! – кивнул пастор.

– Вы правильно и со вкусом одеты: свободная линия плеча, зауженные панталоны... Вы могли бы стать примером для молодежи. И если вы

встанете на верный путь, я уверен, наш уважаемый пастор обвенчает вас с вашей избранницей! Не так ли, святой отец?

– Да, – сказал пастор. – Но при одном условии: барон должен отказаться от всего...

– От всего? – вздрогнул Мюнхгаузен.

– От всех ваших богомерзких фантазий! – сухо пояснил пастор. – Вы должны публично признать, что все это – ложь! Причем я требую, чтобы это было сделано письменно!

– Письменно?

– Да. Письменно врали – письменно отрекайтесь.

– Мне не написать второй книги, – вздохнул Мюнхгаузен. – Я и на эту истратил целую жизнь...

– Никто от вас книги и не требует, – сказал герцог. – Все должно быть сделано в форме официального документа: “Я, барон Мюнхгаузен, заявляю, что я обыкновенный человек, я не летал на Луну, не вытягивал себя за волосы из болота, не скакал на ядре...”

– “...Не отпускал жареных уток, – подхватил пастор, достав книгу барона и листая ее, – не выращивал на голове оленя вишневого дерева...” И так далее. По всем пунктам!

Мюнхгаузен безучастно поглядел в окно.

– Хорошо! – устало вздохнул он. – Я все подпишу... Раз новый день никому не нужен, пусть будет по-вашему...

– Ну вот и славно. – Довольный герцог поднялся с места и похлопал барона по плечу. – И не надо так трагично, дорогой мой. Смотрите на все это с присущим вам юмором. В конце концов, и Галилей отрекался!

– Поэтому я всегда больше любил Джордано Бруно! – с улыбкой ответил Мюнхгаузен.

Марта на цыпочках пересекла гостиную и, улыбнувшись музыкантам,

Марта на цыпочках пересекла гостиную и, улыбнувшись музыкантам, торжественно взмахнула рукой.

Музыканты тихо заиграли.

В одной из дверей показалась встревоженная физиономия бургомистра. С верхней галереи смотрел вниз озадаченный Томас.

Марта успокоила их взглядом. Приблизилась к кабинету Мюнхгаузена и осторожно заглянула в дверь.

Возле пылающего камина барон Мюнхгаузен сжигал свои рукописи, рисунки, замысловатые схемы... Потом в его руках появилась книга.

Он перевел взгляд на приоткрытую дверь.

Бургомистр, Марта и Томас стояли на пороге и смотрели на него с напряженным вниманием.

Бургомистр сделал успокаивающий жест и прошептал:

– Но помните, что втайне вы можете верить! Втайне...

– Я не умею втайне, – вздохнул барон. – Я могу только открыто.

Он начал листать книгу.

– Ну-ну, мой друг, – бургомистр сделал шаг вперед, с трудом подыскивая нужные слова, – во всем есть и хорошая сторона. Во всяком случае, город перестанет смеяться над вами.

– Да! – Мюнхгаузен отступал в темный угол кабинета, словно готовясь к прыжку. – Я не боялся казаться смешным... Это не каждый может себе позволить. – Он ринулся прочь мимо растерянных друзей, удивленных музыкантов.

Марта первая бросилась следом:

– Карл! Не надо! Я умоляю!..

Замелькали предметы, захлопали двери...

Марта, бургомистр, Томас заглядывали во все углы, смотрели в окна, пока не раздался выстрел. Они замерли на месте, не понимая, где именно это случилось.

Наступила продолжительная пауза.

Томас перевел взгляд на музыкантов, тихо прошептал:

– Я не понял... Это который час?!

Музыканты поспешно схватили инструменты и, весело смеясь, заиграли стремительную и отчаянную тему барона Мюнхгаузена.

По лицам улыбающихся музыкантов поплыли финальные титры.

Часть вторая

Написанный на холсте глаз смотрел на мир с сожалением.

– Итак, господа, я заканчиваю, – прозвучал голос Генриха Рамкопфа. – Три года прошло с того дня, как перестало биться сердце барона Мюнхгаузена!

Написанный на холсте глаз являлся составной частью известного портрета барона Мюнхгаузена. Известный портрет барона висел в изголовье большой деревянной кровати, на которой полусидели, прикрывшись общим одеялом, баронесса Якобина фон Мюнхгаузен и Генрих Рамкопф. Перед Рамкопфом лежала дощечка с чернильницей и большим гусиным пером. Генрих вдохновенно, с выражением бесконечной скорби зачитывал только что написанные строчки: – “И все три года этот прославленный герой живет в сердцах своих благодарных соотечественников. Пусть же этот памятник, который мы устанавливаем в его честь, станет символом беззаветной любви города к своему гражданину...”

– Нет, – поморщилась баронесса, – “станет символом” – как-то вяло.

– Хорошо, – согласился Генрих, – пусть “станет не только символом”.

– Лучше.

– Так! – Генрих взялся за перо. – “...не только символом беззаветной любви города к своему гражданину...”

– Лучше – “к своему великому сыну”.

– Лучше, – согласился Генрих и тотчас продолжил: – “Пусть он будет источником отваги, смелости и родником живительного оптимизма, который никогда не перестанет...” Может быть, “напоминать”?..

– Лучше – “струиться”.

– Лучше! “...струиться в душе каждого истинного германца!” Как?

– Хорошо!

Генрих выскочил из-под одеяла и прошелся по комнате.

– Не высокопарно?

– Нет, Генрих, – с большим внутренним волнением сказала баронесса, – этого требует торжественность момента.

Одеваясь на ходу, Генрих поспешно выбежал из спальни...

Распахнулась дверь кабинета. Не обращая внимания на протесты чиновников, ожидающих в приемной, Генрих бросился к письменному столу, из-за которого поднялся бургомистр.

Чиновники в приемной повскакивали со своих мест и, негодуя, попытались воспрепятствовать визиту Генриха, но были оттеснены обратно к дверям решительным секретарем бургомистра.

– “И все три года этот прославленный герой, – зачитывал Генрих, все более воодушевляясь, – живет в сердцах своих благодарных соотечественников!”

– Да, да, да, – взволнованно кивал бургомистр, расхаживая вокруг Генриха, – мое сердце принадлежит ему. Он постоянно со мной...

С этими словами бургомистр перевел взгляд на картину, висящую на стене. Картина изображала задушевную беседу двух неразлучных друзей – барона Мюнхгаузена и бургомистра.

– Не могу забыть его юмора, Генрих! Не все понимали его, а я всегда

смеялся, – сказал бургомистр и заплакал. – Я думаю, он одобрил бы наш проект.

С этими словами бургомистр сдернул полотно с макета, и взору Генриха открылась передняя часть лошади, на которой восседал Мюнхгаузен. Голова лошади была опущена, как и положено при водопое.

– Ты помнишь эту историю? – спросил довольный бургомистр. – Он оказался на разрубленной лошади, первая половина которой не могла утолить жажду, в то время как вторая половина мирно паслась неподалеку. На всякий случай мы изготовим и вторую половину. Можно установить ее на другой площади.

– Да, да, я вспоминаю, – улыбнулся Генрих, – забавная шутка!

– Нет, Генрих, – метафора! – поправил бургомистр. – Когда прозвучит фраза “пусть же он струится в душе каждого истинного германца”, из лошади польется вода...

Из скульптуры брызнула струя воды. В окружении советников герцог поднялся с места.

– Так! – На лице герцога появились следы творческого вдохновения. – В целом, господа, мне нравится!

– Да! Хорошо! – тотчас поддержали герцога советники.

Его величество приблизился к скульптуре.

– Выразительная штуковина! – сощурясь, произнес он. – Жаль только, что одна половина...

Советники понимающе вздохнули, искренне сожалея.

– А куда, собственно, девалась вторая? – заинтересовался герцог.

– Согласно известному рассказу барона, она мирно паслась неподалеку, – быстро пояснил бургомистр.

– А что, если все-таки как-то... хотя бы... приблизить?

Среди помощников и адъютантов возникло сложное движение, завершившееся быстрым появлением второй половины, которую внесли в кабинет и поставили неподалеку от передней половины.

– Уже точнее, – обрадовался герцог.

– Да! – согласились советники. – Гораздо точнее. Уже.

– Но поскольку скульптура барона состоит у нас из двух половин, впечатление от барона все-таки раздваивается, – горестно вздохнул герцог.

– В том-то и дело! – сокрушенно произнес один из советников.

– Неудобно. Человек многое сделал и для Ганновера, и для всей Германии, – продолжал размышлять герцог. – Чего нам, собственно, бояться?

– Не надо бояться! – сказал один из самых смелых советников.

– Но ведь в этом, так сказать, весь смысл изваяния, – попробовал возразить бургомистр. – В этом вся соль! Это смешно...

– Кто же с этим спорит? Но именно поэтому не хотелось бы рассматривать заднюю часть барона отдельно от передней, – сказал герцог и сделал жест, характерный для человека ищущего и глубоко творческого. – Что, если... а?

– Соединить их воедино! – предложил самый молодой советник.

– Кто такой? – тихо спросил герцог, бросив быстрый взгляд на советников.

– Прикажете отметить?

– Нет, пока просто понаблюдайте!

Секретарь сделал пометку в блокноте, в то время как задняя часть скульптуры была благополучно сомкнута с передней. Среди советников возникло тревожное ожидание.

– А?! – сказал герцог. – Так даже смешнее.

Бургомистр, потрясенный случившимся, приблизился к скульптуре и почувствовал себя неуверенно.

– Откуда же тогда будем лить воду? – тихо спросил он. – Из какого места?

Среди присутствующих воцарилось молчание. Многие искренне озадачились.

Герцог внимательно оглядел скульптуру и пришел к заключению:

– Из Мюнхгаузена воду лить не будем. Незачем. Он нам дорог просто как Мюнхгаузен, как Карл Фридрих Иероним, а пьет его лошадь или не пьет – это нас не волнует!

Герцога поддержал гул одобрительных голосов и аплодисменты.

– Но в одном я решительно не согласен с проектом, – резко произнес герцог, приблизившись к бургомистру. – Почему у барона зауженный рукав и плечо реглан? Нет-нет, двойная петля на кушаке. – Он показал, какая именно и где. – Здесь тройная оборка, и все! Никаких возражений! Все!

Присутствующие дружно устремились к дверям.

Грянули дружные аплодисменты посетителей трактира. На маленькой эстраде, где выступали музыканты, скрипач сделал шаг вперед:

– А сейчас, по просьбе уважаемой публики... Гвоздь сезона! Песня “С вишневой косточкой во лбу”!

Трактир содрогнулся от восторженного рева. Перед оркестром появилась певица – любимица Ганновера. И зажигательная песня полетела по улицам города.

Заплаканная физиономия Феофила не вынесла летящего над городом припева: “С вишневой косточкой во лбу я брожу по улицам Ганновера и жду, когда у меня на голове вырастет вишневое дерево”.

Такие или приблизительно такие слова ворвались в раскрытое настежь окно и повергли Феофила в горечь воспоминаний. Он громко всхлипнул.

– Так нельзя, Фео! Будь мужчиной! – прикрикнула баронесса, входя в гостиную.

На ней был траурный наряд. Рядом – Рамкопф в черном сюртуке. Позади – хмурый Томас.

В центре просторной гостиной красовался пышно сервированный стол.

– Да-да, конечно, извините меня. – Феофил мужественно боролся со слезами. – Нервы! Когда я слышу о нем, то вспоминаю... Господи, господи! Как мы были несправедливы к нему, как жестоки...

– Дорогой мой, – торжественно изрек Генрих, – кто же знал, что так все обернется? Мы были искренни в своих заблуждениях. Время открыло нам глаза!

Баронесса многозначительно вздохнула:

– Такова судьба всех великих людей: современники их не понимают.

– Современники – возможно! – воскликнул Феофил. – Но мы-то родственники! Страшно вспомнить: я мечтал о дуэли с отцом. Я хотел убить его! И убил...

– Прекрати, Фео! – снова прикрикнула баронесса. – Мне надоели твои истерики!

Феофил посмотрел на мать затуманенным взором и гневно процитировал:

– “Еще и башмаков не износила, в которых гроб отца сопровождала в слезах, как Ниобея!”

– Ой, ой, ой, – затыкая уши, застонала баронесса, – что за пошлость, Фео!

– Это не пошлость, мама, – это монолог Гамлета! Я тоже переписываюсь с Шекспиром!

– Ну и как? – заинтересовался Генрих.

– Уже отправил ему письмо.

– А он?

– Пока не отвечает.

– Ты совершенно теряешь голову, Фео! – Баронесса с трудом сдерживала негодование. – Допустим, мы тоже виноваты, допустим! Но нельзя же теперь всю жизнь казнить себя!

– Прошу прощения, – произнес Томас, приблизившись к баронессе. – Господин барон просил предупредить его...

Феофил пришел в состояние крайнего возбуждения:

– Они летят?!

– Летят, господин барон! – подтвердил Томас. – Сейчас будут как раз над нашим домом.

– Опять? – усмехнулся Генрих. – Феофил, вам не надоело?

– Пусть попробует еще раз! – по-матерински нежно произнесла баронесса.

– Да, мама! – Феофил рванулся в сторону и снял со стены ружье. – Еще разок! Сегодня я чувствую вдохновение... Командуй, Томас!

Феофил сунул ружье в камин, на его лбу выступил пот. Томас с подзорной трубой занял место у окна:

– Минуточку, господин барон... приготовились...

На лицах присутствующих отразилось возрастающее напряжение.

Никем не замеченный в дверях появился пастор Франц Мусс.

– Пли! – закричал Томас.

Грянул выстрел. Наступила тишина. Феофил засунул голову в очаг и стал смотреть в дымоход.

Через секунду он с остервенением повторил выстрел и полез вверх по дымоходу.

Баронесса поморщилась.

– Томас, когда молодой барон вернется, помойте его пемзой. Боже, как я

измучилась с ним, – дрожащим голосом произнесла она и вынула носовой платок. – Сегодня утром я случайно увидела, как он стоял на стуле и тянул себя за волосы... Это так глупо!

– И очень больно, – добавил Генрих, поправляя волосы.

– Вы тоже пробовали?

– Господин пастор Франц Мусс! – неожиданно объявил Томас.

Стоящий в дверях пастор поклонился.

– О, – всплеснула руками баронесса, – какой приятный сюрприз! Я уже отчаялась увидеть вас! Прошу!

Баронесса сделала гостеприимный жест. Все прошли к столу. Сели. Наступило неловкое молчание.

– Как добрались? – улыбнулась хозяйка.

– Скверно, – ответил пастор. – Дождь, туман... вся ганноверская дорога размыта.

– Да-а, – задумчиво протянул Генрих, – после смерти барона льют такие дожди...

– Не вижу никакой связи между этими двумя явлениями, – недовольно произнес пастор.

– Я тоже, – поспешно согласилась баронесса. – Не говори ерунды, Генрих.

– А что тут такого? – удивился Рамкопф. – Все говорят, что с его уходом климат изменился.

Пастор отложил обеденный прибор:

– Глупое суеверие.

– Абсолютно с вами согласна, пастор. – Баронесса бросила недовольный взгляд на Генриха. – Вообще мне не хотелось бы, чтобы наша беседа начиналась так напряженно... Но раз уж вы приехали к нам, несмотря на

вашу занятость, давайте поговорим откровенно. Не буду вам рассказывать, какие сложные отношения были у нас с мужем. Однако время идет, обиды и чудачества забываются. Остается светлая память и всеобщая любовь сограждан, которую вы не сможете отрицать.

– Я и не отрицаю, – ответил пастор. – Я не одобряю ее.

– Почему? – спросил Генрих.

– Популярность барона растет, – улыбнулась баронесса, – а оппозиция церкви идет только ей же во вред. Разумно ли это? Не правильней ли проявить милосердие и снять негласное проклятие?

– Это невозможно! – Пастор вышел из-за стола. – Церковь не может признать истинными так называемые подвиги барона. Они результат фантазии и непомерного самомнения. Простой смертный не может совершить ничего похожего. Стало быть, барон либо хвастун и враль, либо... святой?

– А почему бы и нет? – Баронесса решительно приблизилась к пастору, и в глазах ее заиграли дерзкие огоньки.

Пастор открыл рот и, не найдя подходящих слов, сперва молча поклонился, потом быстро двинулся к выходу.

Баронесса догнала его и некоторое время шла рядом.

– Избави бог, я не утверждаю, что барон был святым. Было бы нескромно говорить так про собственного мужа. Но согласитесь, что некоторая сверхъестественная сила ему сопутствовала. Иначе как объяснить такое везение во всем?

На лице пастора возникла саркастическая улыбка:

– От дьявола!

– Не будем делать поспешных выводов, – ласково предложила баронесса. – Вы знаете, пастор, что господин Рамкопф готовится защищать научный трактат о творчестве моего покойного мужа. Так вот, представьте, изучая его литературное наследие, он вдруг наткнулся на редкий экземпляр Библии...

Генрих мгновенно приблизился к баронессе и передал ей книгу. Баронесса протянула ее пастору.

– Что же в Библии? – недоверчиво произнес пастор, заложив руки за спину.

– А вы посмотрите... – опустив глаза, скромно попросила баронесса и протянула Библию, раскрыв ее на титульном листе. На уголке листа вилась надпись на иврите: “Дорогому Карлу от любящего его...”

Побледнев, пастор надел очки.

– “...от любящего его Матфея”?! – Он в ужасе отпрянул от Библии. – Неслыханное кощунство!

– Возможно, – кивнула баронесса. – Хотя подпись святого Матфея достаточно разборчива.

– Мерзкая фальшивка! – Пастор почувствовал, что задыхается.

– Вероятно, так, – вздохнула баронесса. – Но мы обязаны передать эту реликвию на экспертизу. Вы знаете, что в духовной консистории у вас достаточно противников. Дело наверняка передадут в Церковный совет. Начнутся долгие споры...

– Которые еще неизвестно чем кончатся, – вставил Генрих.

– Вот именно, – согласилась баронесса, открывая маленький пузырек и капая в рюмку лекарство. – Представьте: победят ваши противники – что тогда? Барон причисляется к лику святых, а его недоброжелатели с позором изгоняются. Поймите, дорогой мой, речь идет о вашей духовной карьере!

Пастор дрожащей рукой опрокинул рюмку с лекарством.

– Боже мой, – прошептал он, – за что такие испытания? Что вы от меня хотите?

– Милосердия! – почти пропела баронесса. – Чуть-чуть милосердия... О, если бы сам пастор Франц Мусс принял участие в торжественной литургии и прочитал проповедь на открытии памятника...

и прочитал проповедь на открытии памятника...

– Нет! Никогда! – У пастора подкосились ноги, и он почувствовал, что теряет сознание. – Я не могу... я не готов!..

– А я вам дам свой конспект! – воскликнул Рамкопф.

– Обойдусь! – оттолкнул Рамкопфа пастор.

– Разумеется, – согласилась баронесса. – Вы сами найдете нужные слова. А можно и под музыку. – Она сделала знак музыкантам. Музыканты запели: “С вишневой косточкой во лбу!”

– И тут вступает орган, – напирал на пастора Рамкопф. – И за ним сразу детский хор...

– И вы, пастор Франц Мусс, стоите на амвоне с Библией в руках, на которой оставил подпись сам святой Матфей! – продолжала натиск баронесса, засовывая Библию пастору под мышку. – Как это величественно!

Ударили колокола Ганновера, раскачиваясь в такт церковному песнопению, в котором легко угадывалась все та же мелодия.

У городских торговых рядов царило предпраздничное оживление.

Особенно бойко раскупались цветы...

В небольшой цветочной лавочке согбенная спина хозяина мелькала перед лицами покупателей.

– Тюльпанчики, господа, тюльпанчики! – звучал скрипучий голос хозяина. – Всего по талеру за штучку!

– Как это “по талеру”? – возмутилась покупательница. – Еще вчера они шли по полталера.

– Вчера – это вчера, – скрипел хозяин, – а сегодня праздник! Годовщина со дня смерти нашего славного барона, упокой, Боже, его душу.

– Гвоздики почем? – спросила покупательница.

– По два талера.

– Да вы что? – возмутилась покупательница, брезгливо разглядывая гвоздики. – Они ж вялые!

– Вялые! – кивнул хозяин. – Наш барон, пока был жив, тоже дешево ценился, а завял – стал всем дорог.

– На, подавись! – Покупательница швырнула монеты, схватила цветы и вышла. Хозяин суетливо стал подбирать рассыпавшиеся деньги.

Открылась дверь. В лавку вошел Томас с корзинкой. Огляделся.

– Чем могу служить? – спина хозяина приняла форму вопросительного знака. – Астры? Левкои? Гвоздики?

– Мне бы фиалки! – сказал Томас.

– Фи! – поднял плечи хозяин. – Дикий лесной цветок. У меня в лавке культурные растения. Оранжерейные! Вот рекомендую калы... всего по три талера!

– Нет! – вздохнул Томас. – Мой покойный хозяин любил фиалки!

– Грубый вкус, – отозвался хозяин и замер на месте.

– Что-что?

– Ваш хозяин не умел ценить истинную красоту...

– Да кто вы такой, чтобы рассуждать о моем хозяине? – Томас приблизился вплотную к владельцу цветочной лавки, и его пристальный негодующий взгляд позволил нам наконец рассмотреть лицо этого человека.

С едва заметной печальной улыбкой на Томаса взирал не кто иной, как несколько раздобревший и отчасти постаревший барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен.

В первую секунду Томас от неожиданности даже не шелохнулся. Во вторую секунду корзина выпала из рук Томаса, и он осторожно, чтобы отдалить момент возможного потрясения, повернулся к двери и двинулся

прочь на цыпочках. Потом силы оставили его и он, резко обернувшись, пошатнулся.

– “С вишневой косточкой во лбу, – громко пропели за окнами цветочной лавки, – я хожу по улицам Ганновера и жду, когда у меня на голове вырастет вишневое дерево!”

Слезы выступили на глазах Томаса, он рванулся к Мюнхгаузену:

– Здравствуйте, господин барон!

– Тссс... – зашипел Мюнхгаузен. – Не называй меня так. Я Миллер. Садовник Миллер. Понятно?

– Понятно, – кивнул Томас. – Здравствуйте, господин Миллер, господин барон.

Он бросился в объятия бывшему хозяину, и слезы выступили на его глазах:

– Я знал! Я верил! Не могло быть, чтобы мы не встретились.

– Конечно, конечно – Мюнхгаузен высвободился из его объятий и поспешно закрыл лавку на ключ.

– Я знал, я не верил, что вы умерли, – причитал Томас. – И когда в газетах сообщили, не верил... И когда отпевали, не верил, и когда хоронили – сомневался... Ах, как я счастлив, господин барон!

– Умоляю, не называй меня так, – замахал руками Мюнхгаузен. – Говорят же тебе – Миллер.

– Для меня вы всегда – барон Мюнхгаузен.

– Тогда добавляй “покойный” или “усопший”, как тебе удобней.

Новая группа уличных музыкантов подхватила песню. Чуть протяжнее, чуть печальнее. Вечерние тени упали на землю.

В опустевшем трактире они сидели вдвоем за дальним столиком. Перед ними стояла бутыль вина и блюдо с жареной уткой.

– И тогда я пальнул в воздух, – закончил свой рассказ Мюнхгаузен, – попрощался со своей прошлой безумной жизнью и стал обыкновенным садовником по фамилии Миллер.

– Откуда такая фамилия? – удивился Томас.

– Самая обыкновенная. В Германии иметь фамилию Миллер – все равно что не иметь никакой.

Томас улыбнулся:

– Вы шутите?

– Давно бросил. Врачи запрещают.

– С каких это пор вы стали ходить по врачам?

– Сразу после смерти, – объяснил Мюнхгаузен.

– И не шутите?

– Нет.

Томас огорчился:

– А говорят ведь, юмор – он полезный. Шутка, мол, жизнь продлевает...

– Не всем, – перебил барон. – Тем, кто смеется, тем продлевает, а тому, кто острит, – укорачивает.

Томас кивнул:

– И чего делаете?

– Ничего. Живу. Ращу цветочки.

– Красивые?

– Выгодные. По талеру за штуку. А если учесть количество свадеб, юбилеев, премьер... Да одни мои похороны дали мне больше денег, чем вся предыдущая жизнь.

– А по виду не скажешь, – усмехнулся Томас. – Одеты вы скромно.

– Не хочу бросаться в глаза, – подмигнул барон. – Зачем мне разговоры: простой садовник, а живет лучше барона. Вот я хожу в холстине... Зато белье! – Он рванул рубаху на груди. – Батист с золотым шитьем! Можешь потрогать.

Томас с восхищением покачал головой:

– А как фрау Марта?

– Все хорошо, – он принялся жевать мясо, – то есть, значит, все тихо. У нас сыночек родился.

– Ну?

– Да!

– Хороший мальчик? – оживился Томас.

– Двенадцать килограмм.

– Бегает?

– Зачем? Ходит.

– Болтает?

– Молчит.

– Умный мальчик. Далеко пойдет.

– Знаешь что, – сказал Мюнхгаузен, – едем ко мне. Покажу дом... Для Марты это будет сюрприз...

Свет от канделябра расцветил тысячами огней хрустальные вазы, засветились ажурной голубизной фарфоровые сервизы и украшенные позолотой статуэтки. Мюнхгаузен вел Томаса по залу, уставленному антикварной мебелью.

– Мебель павловская... из России, – хвастал захмелевший барон. – Это

саксонский фарфор... Это китайский... А вон там – индийский... Только руками ничего не трогай. Это там... в том доме все было шаляй-валяй, а здесь – порядок!

– Извините, конечно, господин... Миллер, – Томас печально посмотрел на Мюнхгаузена. – А не скучно?

– Что? – не понял барон.

– Не скучно вам здесь?

– Почему? – пожал плечами барон. – У меня музыка есть... – он подошел к огромной шарманке, взялся за ручку. – Музыкантов я прогнал. Ящик надежней! Все ноты правильно берет и в нужной тональности...

Он закрутил ручку, раздалось невнятное бренчание, которое доставило Мюнхгаузену видимое удовольствие.

– Марта, Марта! – громко позвал он. – Иди к нам!

В дверях появился испуганный мажордом в расшитой золотом ливрее.

Его взгляд насторожил Мюнхгаузена. Он бросил шарманку:

– Где Марта?

Мажордом не ответил, отвел испуганный взгляд.

Побежали быстрые тени. Мюнхгаузен с горящим канделябром вошел в огромную темную комнату.

Повсюду были следы торопливых сборов. В распахнутом шкафу все платья висели на своих местах. Но на огромном зеркале губной помадой было начертано:

“Прости, дорогой, но мне все осточертело. Больше так жить не могу. Прощай. Марта”.

Мюнхгаузен приблизился к зеркалу. В его тусклых глазах вдруг появился какой-то странный лихорадочный блеск. В комнату вошел Томас, изумленно уставился на фарфоровые вазы, стоящие на подставках.

– И это саксонский? – спросил он, указывая на одну из ваз.

– Нет, – ответил барон. – Это древнеиндийский.

– Да как же вы их различаете?

– По звону! – объяснил Мюнхгаузен и с силой запустил вазу в зеркало. Осколки разлетелись в разные стороны. – Слышишь? А это – саксонский! – Взял вторую вазу и с силой шарахнул ее об стену.

– Точно! Саксонский, – удовлетворенно кивнул Томас.

Мажордом выскочил в коридор и замер от ужаса. Вслед ему донесся новый удар и звон разбитой посуды.

– Китайский, – заключил мажордом.

Баронесса прошла через гостиную к огромной картине, изображающей героического Мюнхгаузена на вздыбленном коне, и поправила стоящие возле картины цветы.

С кресла поднялся ожидающий ее молодой офицер и ринулся к ней с букетом в руках.

– Как вы сюда попали, Вилли? – спросила баронесса с улыбкой.

– Через дверь, естественно, – поклонился офицер.

– Какая проза! – поморщилась баронесса. – Я же вам, кажется, объясняла... Существуют определенные традиции.

– Момент! – Офицер тотчас бросился прочь из дома. Баронесса прошла в свой будуар и выбросила через окно веревочную лестницу.

Сверху было видно, как по ней стал быстро взбираться мужчина.

Баронесса приняла несколько рискованную, но эффектную позу.

– Ты спешишь ко мне?

– Да! – раздался голос за окном, и на подоконник влез Мюнхгаузен.

Баронесса вскрикнула, инстинктивно запахнула пеньюар.

– Не волнуйся, свои! – Мюнхгаузен спрыгнул в комнату.

– Карл! – ужаснулась баронесса. – Какое безрассудство!.. Тебя могли увидеть... Кто-нибудь из прислуги.

– Ничего страшного! – подмигнул ей Мюнхгаузен. – Сочтут за обыкновенное привидение.

– Что тебе надо?

– Поговорить с тобой.

– Сегодня?

Мюнхгаузен кивнул.

– Ты сошел с ума! – Баронесса нервно заметалась по комнате. – Я занята. Завтра годовщина твоей смерти. Ты хочешь испортить нам праздник? Это нечестно. Ты обещал... Сюда идут! Боже милостивый, умоляю тебя, поговорим в другой раз...

– Хорошо. Сегодня в полночь у памятника.

– У памятника кому?

– Мне! – Барон направился к окну.

В окне появилась физиономия офицера.

– Я здесь, – радостно сообщил он.

– Очень приятно, – вежливо сказал Мюнхгаузен. – Прошу!

Офицер спрыгнул с подоконника, барон занял его место и быстро начал спускаться по веревочной лестнице. Несколько мгновений офицер оставался неподвижным, затем бросился к окну:

– Ой! Разве вы не умерли?

– Умер, – спокойно отозвался барон.

– Слава богу, – офицер вытер вспотевший лоб. – Я чуть было не испугался!

Рамкопф с победоносным видом оглядел студенческую аудиторию:

– Таким образом, господа, мой научный трактат разрушает последние возражения моих оппонентов и свидетельствует о том, каким порой извилистым путем шагает истина во второй половине восемнадцатого столетия, иными словами – в наше время. – Он откашлялся и подошел к огромной схеме – плакату, на котором был изображен барон Мюнхгаузен, утопающий вместе с конем в болоте. – Перед нами уже ставшая классической схема вытягивания самого себя из болота за волосы, гениально проделанная в свое время незабвенным бароном! Нынешние схоласты и демагоги и сегодня еще кое-где твердят: не-воз-мож-но! – Рамкопф усмехнулся. – Как близкий человек покойного, я неоднократно видел этот взлет своими собственными глазами... Как ученый и теоретик, утверждаю: главное – правильный вектор приложения рычага! Берется голова, – Рамкопф указал на схему, – берется рука...

Неожиданно из-за схемы появилась чья-то рука и взяла его за шиворот.

– После чего рука подтягивает туловище вверх, – объяснил Рамкопф.

Появившаяся рука подняла Рамкопфа и утащила за схему. Здесь он нос к носу встретился с Мюнхгаузеном.

– Ровно в полночь! – прошептал барон. – У моего памятника. Важный разговор. Быть обязательно. – И он разжал ладонь.

Рамкопф шлепнулся на пол на глазах изумленной аудитории. Студенты вскочили со своих мест.

– Вот и все, – сказал Рамкопф, вставая с пола. – Видите, как просто. Есть вопросы?

В ответ раздался гром аплодисментов.

Кабанчик бежал по лесу, сопровождаемый далеким улюлюканьем охотников и лаем собак. Неожиданно на него накинули сеть, и кабанчик беспомощно забарахтался в веревках, которые держали егеря.

На лесную поляну верхом на лошади выскочил бургомистр, недовольно посмотрел на кабанчика и егерей.

– Господин бургомистр, – быстро доложил старший. – Его величество герцог опять промахнулись. Четвертый раз гоним этого кабанчика мимо его величества, а его величество, извините за выражение, мажет и мажет.

– Прикажете прогнать в пятый раз? – спросил другой егерь.

– Нет, – сказал бургомистр. – Неудобно... он уже запомнил его в лицо.

– Кто – кого?

– Герцог – кабанчика! – строго пояснил бургомистр. – Позор! И это королевская охота! Докатились! С одним кабанчиком справиться не можем...

– Осмелюсь доложить, господин бургомистр, – заметил старший, – его величество вообще в этот раз лесом недоволен. Вот если бы, говорит, подстрелить медведя!

– Где я ему возьму медведя? – в отчаянии воскликнул бургомистр.

– Разве у цыган одолжить? – предложил кто-то из егерей.

– Одалживайте! – крикнул бургомистр и спрыгнул с лошади. – Через полчаса медведь должен быть в лесу! Все!

Егеря бросились к лошадям.

Бургомистр, тяжело вздохнув, уселся в тени развесистого дуба.

Тотчас чья-то заботливая рука протянула ему флягу.

Бургомистр охотно принял ее и сделал несколько глотков:

– С ума можно сойти!

Он вернул флягу ее владельцу. Им оказался сидящий под тем же дубом барон Мюнхгаузен.

– Кстати, барон, давно хотел вас спросить – где вы, собственно, доставали медведей?

– Уже не помню, – пожал плечами Мюнхгаузен. – По-моему, прямо в лесу и доставал.

– Абсолютно исключено, – отмахнулся бургомистр. – У нас они не водятся.

– И тем не менее нам надо поговорить.

– Докатились! – возмутился бургомистр.

– Сейчас вам не до меня. Буду ждать вас ровно в полночь у памятника.

– У цыган одалживаем медведей!

– Прошу вас. Очень важно.

– А ведь были буквально родиной медведей, – продолжал бургомистр. – А теперь и это проблема.

Позади беседующих появился медведь, который с любопытством обнюхал обоих.

– Итак, до встречи! – улыбнулся Мюнхгаузен и, похлопав бургомистра по плечу, быстро пошел прочь.

Бургомистр задумчиво посмотрел на появившуюся перед ним морду медведя.

– Не надо, барон, – сказал он с недовольной гримасой. – Мне сейчас не до шуток. Оставьте это для другого раза. Нельзя же каждый раз, ей-богу, любое дело превращать в розыгрыш!

Часы на городской башне пробили ровно полночь.

Огромное белое полотнище, закрывающее памятник, глухо трепетало под порывами ветра.

В глубине темного пространства остановилась карета. Через секунду рядом с ней застыла вторая. Еще через мгновение появился третий экипаж.

Одновременно раскрылись дверцы, и на мостовую сошли Якобина фон Мюнхгаузен, бургомистр и Генрих Рамкопф.

Они торопливо приблизились к памятнику и недоуменно огляделись по сторонам.

Некоторое время слышалось только завывание ветра, потом прозвучал звук английского рожка.

Все трое ринулись на звуки знакомой мелодии, откинули край материи и заглянули под белое полотнище.

В глубине образовавшегося пространства, уютно развалившись в кресле возле самого постамента, сидел барон Мюнхгаузен.

– Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие, – приветливо произнес он и улыбнулся. – Черт возьми, отличная фраза для начала пьесы... Надо будет кому-нибудь предложить...

– Карл, если можно, не отвлекайтесь. – Баронесса вошла под навес вместе с бургомистром и Генрихом.

Мюнхгаузен сделал обнадеживающий жест и решительно поднялся с кресла:

– Итак, дорогие мои, три года назад по обоюдному согласию я ушел из этой жизни в мир иной и между нами было заключено джентльменское соглашение о том, что ни я вас, ни вы меня беспокоить не станем. Я условия этого соглашения соблюдал честно, чего нельзя сказать про вас...

– Но, Карл... – попробовал вмешаться Рамкопф.

– Оправдания потом! – резко перебил его Мюнхгаузен. – Пока вы хоронили мое бренное тело, я старался не обращать внимания, но когда вы стали отпевать мою душу...

– Я не понимаю – о чем речь? – удивился бургомистр.

– Об этом! – Мюнхгаузен поднял вверх книгу. – “Полное собрание приключений барона Мюнхгаузена”.

– Что ж вам не нравится? – изумился Рамкопф. – Прекрасное издание!

– Это не мои приключения, это не моя жизнь, – резко возразил Мюнхгаузен. – Она приглажена, причесана, напудрена и кастрирована.

– Не согласен, – обиделся Рамкопф. – Обыкновенная редакторская правка.

– Когда меня режут, я терплю, но когда дополняют – становится нестерпимо. Какая-то дурацкая экспедиция на Борнео, затем чудовищная война в Австралии...

– Да поймите, наконец, что вы уже себе не принадлежите. – В голосе Рамкопфа зазвучали проникновенные нотки. – Вы – миф, легенда! И народная молва приписывает вам новые подвиги.

– Народная молва не додумается до такого идиотизма.

– Ну знаете ли...

– Да, господин Рамкопф! – повысил голос Мюнхгаузен. – Я требую изъятия этой вздорной книги... Теперь о памятнике. Он мне не нравится.

Мюнхгаузен приблизился к пьедесталу и оглядел барельефы.

– Извини, мы с тобой не посоветовались, – злобно усмехнулась баронесса.

– И напрасно! – Мюнхгаузен сделал над собой усилие и спокойно продолжал: – Скульптура еще ничего, но барельефы омерзительны. Взять хотя бы картину, где я шпагой протыкаю десяток англичан...

– Но, дорогой, – улыбнулся бургомистр, – вы же воевали с Англией?!

– Вы знаете, что в этой войне не было пролито ни капли крови.

– А я утверждаю, что было! – воскликнул Рамкопф. – У меня есть очевидцы.

– Я никогда не шел с таким зверским лицом в атаку, как изображено, – спокойно объяснил Мюнхгаузен, – и не орал: “Англичане – свиньи”. Это гадко. Я люблю англичан, я дружил с Шекспиром... Короче, я запрещаю ставить этот памятник.

– Послушайте, Карл! – ласково вмешался бургомистр. – Наверное, мы все виноваты перед вами. – Он взглядом остановил негодующий порыв баронессы. – Наверное, допущен ряд неточностей. Но поверьте мне, вашему старому другу, это произошло от безмерной любви и уважения. Рамкопф прав: вы уже себе не принадлежите. Вы – наша гордость, на вашем примере мы растим молодежь. Поэтому мы и возводим этот памятник. Бог с ними, с неточностями... Через год воздвигнем другой, более достоверный.

– Нет! – покачал головой Мюнхгаузен.

– Сейчас мы просто не успеем переделать! – вспыхнула баронесса. – Съехались гости. Завтра тридцать второе мая!

– Именно поэтому памятник не годится!

– Что за спешка? – Бургомистр подошел вплотную к Мюнхгаузену и внимательно посмотрел ему в глаза. – Вы словно с цепи сорвались... Какие-нибудь неприятности с торговлей? Что-нибудь случилось? Ну, откройтесь мне как другу.

– От меня ушла Марта, – тихо произнес Мюнхгаузен.

– Это не страшно. Мы ее уговорим! – уверенно произнес бургомистр.

– Нет, – усмехнулся Мюнхгаузен. – Вы ее плохо знаете. Чтобы вернуть ее, придется вернуть себя.

– Как это понимать? – удивился Рамкопф.

– Я решил воскреснуть.

– Вы этого не сделаете, Карл! – решительно произнес бургомистр.

– Сделаю, – печально вздохнул Мюнхгаузен.

– Вы умерли, барон Мюнхгаузен, – взволнованно объяснил Рамкопф. – Вы похоронены, у вас есть могила.

– Придется снести! – Настроение Мюнхгаузена изменилось. Он резко

поднялся на ноги.

– Как бургомистр, я буду вынужден принять экстренные меры!

– Это меня не остановит. – Мюнхгаузен двинулся к краю полотнища, задержался на мгновение, обернулся к бургомистру: – Прощайте, господа, я искренне сожалею, но...

– И я сожалею, – тяжело вздохнул бургомистр и опустил глаза.

Мюнхгаузен отбросил полотнище и вышел на площадь. Впереди стояли плотные ряды вооруженных гвардейцев. Он огляделся вокруг – площадь была оцеплена со всех сторон.

На лице его возникла печальная улыбка, и он с сожалением посмотрел на бургомистра. Бургомистру было мучительно тяжело.

– Я должен был это сделать, – тихо объяснил он. – Бургомистр не может позволить самозванцам посягать на святые имена. Мне не хотелось бы, чтобы это сделали наши солдаты. – Он раскрыл маленький саквояж и, смущаясь, достал наручники. – Они грубый народ. Наденьте их сами... пожалуйста...

– Вы очень изменились, господин бургомистр, – улыбнулся Мюнхгаузен.

– А вы зря этого не сделали! – ответил бургомистр с тяжелым вздохом.

Перед зданием суда шумела толпа.

Карета под усиленной охраной остановилась у ворот. Из нее вывели Мюнхгаузена в наручниках. Гвардейцы с трудом сдерживали натиск любопытствующих горожан.

– Какой самозванец?

– Мюнхгаузен.

– А выдает себя за кого?

– За Мюнхгаузена же и выдает.

Судья зазвонил в колокольчик, требуя тишины:

– Начинаем второй день судебного заседания по делу садовника Миллера. Слово представителю обвинения. Прошу вас, господин Рамкопф.

– Уважаемый суд, – взволнованно произнес Рамкопф, – могу смело сказать, что за процессом, который происходит в нашем городе, с затаенным дыханием следит вся Европа. Популярность покойного барона Мюнхгаузена столь велика, что, естественно, появилось немало мошенников, стремящихся погреться в лучах его славы...

Мюнхгаузен оглядел присутствующих в зале, нашел глазами Томаса, едва заметно подмигнул ему, потом покосился на охранявших его гвардейцев.

– Один из них сидит передо мной на скамье подсудимых, – продолжал Рамкопф. – Воспользовавшись своим внешним сходством с покойным бароном, овладев его походкой, голосом и отпечатками пальцев, подсудимый коварно надеется, что будет признан тем, кем не является на самом деле. Прошу уважаемый суд ознакомиться с вещественными доказательствами, отвергающими притязания подсудимого. – Рамкопф положил на стол судьи несколько документов. – Справка о смерти барона, выписка из церковной книги, квитанция на гроб...

– Считает ли подсудимый эти документы убедительным доказательством его вины? – спросил судья.

– Нет, – ответил Мюнхгаузен.

– Прекрасно! – воскликнул Рамкопф. – Послушаем голоса родных и близких... Вызываю в качестве свидетельницы баронессу Якобину фон Мюнхгаузен!

Судья поднялся с места:

– Баронесса, прошу вас подойти сюда!

Баронесса появилась в зале суда, сопровождаемая гулом возрастающего интереса.

– Поклянитесь на Святом Писании говорить только правду.

– Клянусь! – торжественно произнесла баронесса.

– Свидетельница, посмотрите внимательно на подсудимого, – предложил Рамкопф. – Знаком ли вам этот человек?

– Да.

– Кто он?

– Садовник Миллер.

– Откуда вы его знаете?

– Он поставляет цветы на могилу моего супруга.

Рамкопф сделал многозначительный жест:

– Простите за такой нелепый вопрос: а не похож ли он на покойного барона? Присмотритесь повнимательней...

Мюнхгаузен подмигнул баронессе.

– Некоторое сходство есть, но очень незначительное. Карл был выше ростом, шире в плечах... другой взгляд, короче усы...

– Благодарю вас, – поклонился Рамкопф. – У меня больше нет вопросов.

Судья обернулся к Мюнхгаузену:

– Подсудимый, вы хотите задать вопрос свидетельнице?

– Да, господин судья, – весело кивнул Мюнхгаузен и поднялся. – Простите, сударыня, как вас зовут?

– Не понимаю, – фыркнула баронесса.

– Меня интересует ваше имя!

– Протестую! – тотчас возразил Рамкопф.

– Почему? Это тайна? – удивился Мюнхгаузен.

Баронесса покосилась на Рамкопфа, потом на судью:

– Мое имя, сударь, Якобина фон Мюнхгаузен.

– А как вы можете доказать, что вы та, за кого себя выдаете? – быстро спросил Мюнхгаузен.

– Протестую! – Рамкопф рванулся к судейскому столу.

– Отвожу ваш протест, обвинитель, – сказал судья и обернулся к заволновавшимся членам суда. – Подождите, это интересно...

– Я спрашиваю, – громко повторил Мюнхгаузен, – чем вы можете доказать, что вы баронесса Якобина фон Мюнхгаузен, супруга знаменитого барона?

– По-моему, это излишне доказывать. – Баронесса старалась оставаться спокойной.

– Отнюдь! – воскликнул Мюнхгаузен. – Я иду тем же логическим путем, что и наш уважаемый суд. Документы ничего не доказывают – они могут быть присвоены, свидетели могут ошибаться – вы очень похожи на настоящую баронессу.

– Что значит “похожа”? Я есть я!

– Это надо доказать! – Мюнхгаузен жестом призвал присутствующих в зале соблюдать тишину. – Если взять известные портреты баронессы, то свидетельница на них мало похожа. Та баронесса и моложе, и красивей. Если взять платья баронессы, то свидетельница в них просто не влезет!

– Влезу! – не выдержала баронесса.

В зале поднялся невообразимый шум. Испуганный Томас попятился к выходу.

– Неслыханно! Я протестую! – срывающимся голосом кричал Рамкопф.

Судья зазвонил в колокольчик:

– Протест принимается, Вы свободны, баронесса.

– Я протестую! – не уступал Мюнхгаузен. – До тех пор пока не установлена личность свидетельницы, вы не должны называть ее баронессой...

– Успокойтесь, подсудимый! – Судья поднялся с места. – Лишаю вас слова!..

Томас с силой барабанил в дверь аптеки:

– Фрау Марта! Фрау Марта! У нас беда! Барон воскрес!

В окне аптеки появилось испуганное лицо Марты...

Зал суда взревел с удвоенной силой.

– Господин барон, вы узнаете подсудимого? – громко вопрошал Рамкопф.

Феофил с презрением взглянул на Мюнхгаузена:

– Нет!

– Можете ли вы хоть отдаленно признать в нем своего покойного родителя?

– Никогда!

– Достаточно! – тотчас прервал его Рамкопф. – Я прошу суд избавить ранимую душу юноши от дальнейших расспросов.

– Почему же? – Мюнхгаузен поднялся с места. – Я бы тоже хотел кое о чем спросить.

– Подсудимый, – вмешался судья, – если вы еще раз собираетесь поставить под сомнение личность свидетеля...

– Нет-нет, – покачал головой Мюнхгаузен, – к сожалению, это действительно мой сын.

– Протестую! – немедленно воскликнул Рамкопф.

– Извините – сын барона!.. – поправился Мюнхгаузен. – Хотя это звучит

так же парадоксально. Но, очевидно, в этом есть какое-то непонятное свойство природы: вино переходит в уксус, Мюнхгаузен – в Феофила.

– Ненавижу! – закричал Феофил. – Дуэль! Немедленно! Стреляться!

– Прекратить! – Судья зазвонил в колокольчик. – Свидетель, вы свободны!

К Феофилу быстро подошла баронесса и демонстративно прижала его к груди как нежная мать.

Зал дружно отреагировал на материнскую любовь.

– Прошу господина бургомистра! – объявил Рамкопф.

Бургомистр беспокойно огляделся по сторонам. Поднялся с кислой улыбкой:

– Извините, я бы хотел уклониться от этой неприятной обязанности.

– Это невозможно, – сказал судья. – Вы были другом покойного барона, ваши показания необходимы.

– Господин судья, – взмолился бургомистр, – я старый человек. У меня слабые глаза и совершенно ненадежная память. Я могу ошибиться...

Судья поднялся со своего места:

– Но вы узнаете в подсудимом барона или нет?

– Не знаю, – огорчился бургомистр. – Честное слово... Иногда мне кажется, что это он, иногда – нет... Полностью доверяю суду. Как решите, так и будет!

Зал тревожно загудел.

– Какой позор! – воскликнула баронесса. – И это наш бургомистр!

– Извините, баронесса, – развел руками бургомистр. – Извините, подсудимый... Я на службе. Если решат, что вы Мюнхгаузен, – я паду вам на грудь, если Миллер – посажу за решетку. Вот все, что я могу для вас сделать...

– Садитесь, свидетель, – сказал судья. – Господин обвинитель, у вас все?

– По-моему, достаточно.

– Подсудимый, – обратился судья к Мюнхгаузену, – нет ли у вас свидетелей в вашу защиту?

Мюнхгаузен оглядел суд и печально пожал плечами.

– Есть! – раздался чей-то уверенный голос. Все присутствующие в зале обернулись. Марта стояла в дверях.

– Есть, – спокойно повторила она.

Мюнхгаузен рванулся к ней:

– Марта?!

Конвойные тотчас схватили его за руки.

Зал отчаянно зашумел.

– Прошу отложить судебное разбирательство! – закричал Рамкопф. – Мне плохо...

– Врача! – крикнула баронесса.

– Судебное заседание переносится на завтра, – громко объявил судья.

Люди повскакивали со своих мест. Одни устремились к выходу, другие – к судьям.

Гвардейцы оттеснили Мюнхгаузена за дверь, расположенную сзади скамьи подсудимых.

Замелькали лица любопытных. Марта быстро ринулась прочь по коридору. Ее окружил водоворот вопросов, вздохов, воплей и причитаний. Она ускорила шаг. Вылетев из здания суда, Марта бросилась к карете. Томас помог ей, открыл дверцу – и тотчас отлетел в сторону, получив сильную оплеуху.

Карета рванулась с места.

Баронесса откинула вуаль. Она сидела напротив Марты.

– Вы хотите участвовать в этом процессе?

– Я хочу сказать правду, – ответила Марта.

Сидящий рядом с кучером Рамкопф указал ему направление, затем проворно полез на крышу кареты. Свесился вниз, заглянув в окно экипажа. Постучал по стеклу:

– Имейте в виду, если он раскается, мы добьемся помилования. Иначе как минимум десять лет тюрьмы. – Он показал на пальцах. – Десять!

– Успокойся, Генрих, – сказала баронесса и задвинула занавеску на окне кареты. – Если человек хочет сказать правду, он имеет на это право. – Она внимательно посмотрела на Марту с едва заметной улыбкой. – Мне бы только хотелось знать – какую правду вы имеете в виду?

Марта выдержала ее взгляд:

– Правда одна.

– Правды вообще не бывает, – снова улыбнулась баронесса. – Правда – это то, что в данный момент считается правдой... Вы скажете суду, что он Мюнхгаузен. Но разве это так? Этот сытый торговец, этот тихий семьянин – Мюнхгаузен? Побойтесь Бога! Нет, я не осуждаю вас, фрау Марта, наоборот, восхищаюсь. За три года вам удалось сделать из моего мужа то, что мне не удалось и за двадцать. Но теперь, когда мы совместными усилиями добились успеха, – зачем начинать все сначала?

– Я люблю его, – сказала Марта.

– И поэтому ушли из дома?

Марта посочувствовала своей собеседнице:

– У каждого своя логика, сударыня. Вы понимаете, что можно выйти замуж не любя. Но чтобы уйти любя, этого вам не понять!

Баронесса искренне оскорбилась:

– А что она ему дала, ваша любовь? Серую жизнь, скамью подсудимых... А завтра – тюрьму или... смерть.

Рамкопф перебрался на другую сторону, и его физиономия появилась в противоположном окне экипажа.

– Имейте в виду, фрау Марта, – прокричал он, – если судебное расследование зайдет в тупик, мы будем вынуждены произвести экспертизу!

– Успокойтесь, Генрих, – Баронесса задвинула занавеску.

– Что это значит? – насторожилась Марта.

– Его бросят в болото или заставят прокатиться на ядре, – объяснила баронесса. – На настоящем ядре, фрау Марта!

– Господи!.. – На глазах Марты появились слезы. – Неужели вам обязательно надо убить человека, чтобы понять, что он живой?

– У нас нет выхода, – вздохнула баронесса. – А теперь, когда вы знаете все, решайте... И мой вам совет – не торопитесь стать вдовой Мюнхгаузена. Это место пока занято.

Дверь тюремной камеры с лязгом распахнулась.

– Подсудимый Миллер, – объявил появившийся фельдфебель, – вам разрешено свидание.

Мюнхгаузен стремительно ринулся из камеры. В комнате для свиданий за решеткой стояла Марта. Они осторожно приблизились друг к другу и не произнесли ни слова.

– Можно разговаривать, – объяснил фельдфебель. – Говорите.

Они молча смотрели друг на друга. Потом где-то вдалеке зазвучала их мелодия.

Музыка становилась громче. Мелодия обретала силу и размах.

– Я согласна вернуться... я буду терпеть... – пропели ее глаза, но губы не произнесли ни звука.

– Меня? – кисло усмехнулся Мюнхгаузен, не говоря ни слова. Он отрицательно покачал головой.

– Разговаривайте! – крикнул фельдфебель.

– Никогда! – Она услышала его голос, но он молчал.

– Тебе грозит тюрьма! – теперь услышал он и обрадованно кивнул:

– Чудесное место! Здесь рядом со мной Овидий и Сервантес. Мы будем перестукиваться.

– При свидании положено разговаривать! – прикрикнул фельдфебель. – Приказываю разговаривать!

– Карл, ты не знаешь самого главного, – Марта попыталась улыбнуться, но это оказалось выше ее сил. – Они придумали какую-то страшную экспертизу. Они хотят убить тебя. Понимаешь?

Он кивнул, он понял.

– Что же, – ободрил Марту его взгляд. – Будем честными до конца.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, милый, – пропели ее глаза. – На это я не соглашусь. Видно, уж такая моя судьба – в самый трудный момент отступать.

– Последний раз предупреждаю, – крикнул фельдфебель, – если не заговорите, свидание будет прекращено! Говорить!!!

– Я буду свидетельствовать, что ты – Миллер. – Она испуганно и неподвижно смотрела на Мюнхгаузена. Мелодия шутливого танца придавала ей силы. – Я предам тебя!

Он впился лицом в железные прутья и с мольбой посмотрел на нее:

– Не делай этого, Марта!

Она чуть отступила назад, и взгляд ее принял твердую обреченность принятого решения:

– Ты – Миллер, садовник, я – твоя жена Марта, нас обвенчали в сельской церкви, у нас родился мальчик.

К измученному фельдфебелю приблизился офицер:

– Ну что они там? Разговаривают?

– Так точно, – сообщил фельдфебель. – Но как-то не по-нашему... Молча.

Жерло огромной пушки медленно поднималось ввысь. Пушка стояла возле крепостной стены, и вокруг нее суетились солдаты.

У крепостных ворот царил нездоровый ажиотаж. Визгливая дама пыталась пройти в крепость без пропуска.

– Я по приглашению баронессы Якобины фон Мюнхгаузен! – возбужденно объяснял солидный господин в цилиндре.

Караульный офицер пытался воспрепятствовать стихийному наплыву публики:

– Господа, господа, повторяю, это закрытый судебный эксперимент!.. Только по специальному разрешению!.. Попрошу соблюдать порядок! Господа!..

Томас подбежал к крепостной стене с лестницей. Оглядевшись по сторонам, быстро полез вверх с большим мешком за плечами. У смотровой бойницы наткнулся на солдата.

– Скоро начнут? – спросил он как ни в чем не бывало.

– Скоро, – буркнул солдат.

– Какой калибр?

– Тридцать дюймов.

– Нормально, – Томас, оглядевшись, указал на узелок. – Вот. Собрал ему

кое-что в дорогу...

– Какая дорога? – усмехнулся солдат. – Как он до нее доберется, когда облака на небе и Луны не видно?

Томас с видом знатока посмотрел на небо.

– Когда видно, и дурак долетит, – объяснил он. – Барон любит, чтобы задача была неадекватна своему решению.

– Ясное дело, – согласился солдат.

В ворота крепости въехал экипаж. Из него с шумом вылетел Феофил, за Феофилом – баронесса:

– Фео, успокойся! Умоляю!

– Оставьте меня! – Феофил ринулся к пушке и был встречен испуганным фельдфебелем:

– Туда нельзя, господин барон!

– Пропустите! Я имею право!

– Фео, не сходи с ума! – крикнула баронесса.

– Хватит! – взвизгнул Феофил. – Я всю жизнь не сходил с ума. Мне это надоело! А вдруг он долетит и мы снова в дураках? Нет. Такой случай упустить нельзя. Я полечу вместе с ним!

Феофила подхватил Рамкопф и увлек к наскоро сколоченным трибунам со скамейками для зрителей. Зрители уже шумно занимали места. Повсюду царило праздничное оживление.

– Не будьте идиотом! – Рамкопф попытался усмирить разбушевавшегося Феофила. – Во-первых, вы вдвоем не поместитесь... Во-вторых... – он понизил голос, – никакого полета не будет.

– Что это значит? – изумился Феофил.

– Это судебная тайна, – быстро пояснил Рамкопф. – Сугубо между нами.

Все заранее срепетировано. Мы положили сырой порох.

– Зачем?

– Не убийцы же мы, в самом деле... Барон пролетит не больше двух саженей и шлепнется на землю. Таким образом, мы спасем его! Смотрите, это герцог! Можно начинать!

В крепости появился герцог со свитой и, приветствуемый бургомистром и всеми присутствующими, проследовал в отведенную для него ложу.

– Все идет по плану, ваше величество, – докладывал на ходу бургомистр. – После увертюры – допрос свидетельницы и подсудимого, затем производим залп и объявляем танцы.

– Господи, прости всех нас и благослови, – пастор осенил себя крестным знамением.

– Господа! Прошу занять места и соблюдать полное спокойствие! – Судья занял место в судейской ложе. Его встретили вежливыми аплодисментами.

Рамкопф сделал ответственный кивок головой. Дирижер взмахнул палочкой. Зазвучала торжественная и плавная увертюра.

– Выпускайте фрау Марту, – тихо шепнул Рамкопф судебному секретарю.

Секретарь быстро переместился вдоль огражденного пространства.

Из крепостных ворот медленно и скорбно явилась Марта.

Некоторые зрители приставили к глазам лорнеты и бинокли.

Герцог удовлетворенно кивнул, откинувшись на спинку кресла.

– Хорошо, – заметил он склонившимся советникам. – Розовое платье на сером фоне. Смотрится. Талия немного завышена, но в целом неплохо.

– Здравствуйте, фрау Марта, – торжественно произнес Рамкопф. – Вы принесли ходатайство о помиловании?

– Принесла, – Марта протянула бумагу.

– Зачитайте! – зазывно и бодро предложил Рамкопф.

Дирижер эффектным жестом добился задушевного пианиссимо.

Герцог удовлетворенно переглянулся с советниками и кивком головы одобрил бургомистра.

Из-за дальней колонны выглянул Мюнхгаузен, готовясь к выходу в сопровождении эскорта гвардейцев.

– “...И я, Марта Миллер, прошу вас помиловать моего ненормального мужа”, – отрешенно закончила Марта. – Ваше величество, я припадаю к вашим стопам. “Сего тысяча семьсот семьдесят девятого года, мая тридцать... тридцать...” – Она перевела взгляд на Рамкопфа и шепотом попросила: – Разрешите хоть поставить другой день.

– Ни в коем случае, – затряс головой Рамкопф.

– “Тридцать второго мая!” – объявила Марта. Раздались дружные аплодисменты. Рамкопф подал Марте руку и отвел ее в сторону.

– Фрау Марта, бесподобно, – тихо шепнул он.

– Но вы обещаете, что с ним ничего не случится? – быстро спросила Марта.

Рамкопф с укоризной развел руками:

– Я же объяснил. Сырой порох. Он вывалится из ствола и шлепнется здесь же, при всех, под общий хохот.

Они обернулись на барабанную дробь.

Мюнхгаузен уже стоял перед судейской ложей, без камзола, в белой рубашке, со связанными руками.

– Подсудимый, – торжественно зачитывал судья, – объявляю вам решение ганноверского суда: “В целях установления вашей личности и во избежание судебной ошибки суд предлагает вам повторить при свидетелях известный подвиг барона Мюнхгаузена – полететь на Луну”. Предупреждаю вас: вы имеете право отказаться.

– Нет, я согласен, – твердо сказал Мюнхгаузен.

К нему приблизился пастор:

– Не хотите исповедаться?

– Нет! Я это делал всю жизнь, но мне никто не верил.

Рамкопф взглянул в свои записи и не нашел этой реплики.

– Прошу вас, облегчите свою душу, – громко и торжественно предложил пастор.

– Это случилось само собой, пастор! – Мюнхгаузен медленно оглядел собравшихся. – У меня был друг – он меня предал, у меня была любимая – она отреклась. Я улетаю налегке...

– А вот это уже зря, – недовольно поморщился герцог. – Это, по-моему, лишнее. Ни к чему... Грубо.

– Да, да, – поспешно кивнул бургомистр, – я просил этого не говорить. Но с ним договориться невозможно...

– Зачем ты согласилась играть эту комедию, Марта? – грустно спросил Мюнхгаузен.

Дирижер, искусно варьируя нюансами оркестрового звучания, попытался слиться с произносимым текстом.

– Я это сделала ради нашей любви, – тихо произнесла Марта, приблизившись к Мюнхгаузену.

– Я перестал в нее верить, – печально улыбнулся он и посмотрел вокруг. – Помнишь, когда мы были у Архимеда, он сказал: “Любовь – это теорема, которую надо каждый день доказывать”!

– А почему не слышно? Я не понимаю, о чем они там говорят? – Герцог с недовольным видом обернулся к бургомистру.

Бургомистр заглянул в листочек:

– Подсудимый благодарит городские власти и одновременно как бы шутит со своей возлюбленной.

– Хорошо, – кивнул герцог. – Особенно жабо и передняя вытачка. Ему очень к лицу.

Мюнхгаузен подошел к пушке и обернулся:

– Скажи мне что-нибудь на прощание!

Марта медленно попятилась от него:

– Что?

– Подумай. Всегда найдется что-то важное для такой минуты...

– Я буду ждать тебя. – Она говорила с трудом и продолжала отступать. Губы ее пересохли. Дыхание участилось.

Рамкопф с беспокойством вглядывался в ее лицо.

– Нет-нет, не то... – Мюнхгаузен в отчаянии ударил кулаком по стволу пушки.

– Я очень люблю тебя! – Марта отошла в противоположный конец огражденного пространства.

Дирижер с удивлением обернулся. Оркестр прекратил играть.

– Карл... я...

Рамкопф делал ей отчаянные знаки.

– Не то! – гневно крикнул Мюнхгаузен.

– Я... – Марта попыталась что-то сказать и вдруг закричала что есть силы: – Карл! Они положили сырой порох!

Наступила мертвая тишина.

и вдруг трое музыкантов, отделившись от свободного оркестра, заиграли наивную тему их старого шутливо-томного танца.

Мюнхгаузен ощутил себя счастливым человеком:

– Спасибо, Марта!

– Мерзавка! Убийца! – закричала баронесса, вскочив со своего места.

Рамкопф бросился со всех ног к судье. Волнение охватило зрителей. Мюнхгаузен ликовал:

– Пусть завидуют! – И закричал еще громче: – У кого еще есть такая женщина? Томас, ты принес то, что я просил?

– Да, господин барон! – крикнул Томас с городской стены. – Вот этот сухой, проверенный!

Он швырнул бочонок с порохом. Мюнхгаузен ловко поймал его. Передал артиллерийскому офицеру.

– Прощайте, господа! – гордо и весело произнес Мюнхгаузен. И трио музыкантов вдохновенно вышло на самую проникновенную часть мелодии. – Сейчас я улечу. И мы вряд ли увидимся. Когда я вернусь, вас уже не будет. На земле и на небе время летит неодинаково. Там мгновение, здесь – века. Впрочем, долго объяснять...

Бургомистр быстро отвел герцога в глубь ложи:

– Так. Положение серьезное, ваше величество, сейчас он рванет так, что не только пушка – крепость может не выдержать...

– Предлагаете построить новую крепость? – спросил герцог.

– Ваше величество, – заволновался бургомистр, – я хорошо знаю этого человека. Сейчас будет такое, что мы все взлетим на воздух!

– Что, и я тоже? – удивился герцог.

– Я и говорю – все.

– Зажечь фитиль! – скомандовал Мюнхгаузен

– Зажечь фитиль! – скомандовал Мюнхгаузен.

К пушке приблизился солдат с зажженным фитилем.

– А потом она его разлюбит? – спросил зритель в цилиндре.

– Если вы знаете дальше, так не рассказывайте, – недовольно ответила сидящая рядом дама.

В ложе герцога возникла паника. Туда прибежал судебный секретарь и тотчас убежал назад.

Феофил обернулся к матери:

– Я уже ничего не понимаю. Так это он или не он?

Ударила барабанная дробь.

– Остановитесь, барон! – громко произнес судья, получив в руки депешу от секретаря. – Высочайшим повелением, в связи с благополучным завершением судебного эксперимента, приказано считать подсудимого бароном Карлом Фридрихом Иеронимом фон Мюнхгаузеном!

Раздались аплодисменты и приветственные возгласы.

Рамкопф стукнул себя по лбу:

– Господи, как мы сами-то не догадались!

Баронесса рванулась из ложи, мучительно вглядываясь в лицо Мюнхгаузена:

– Это он! Карл, я узнаю тебя! Фео! Что ты стоишь? Разве не видишь? Это твой отец!

– Па-па! – хрипло закричал Феофил с глазами, полными слез, и бросился на шею Мюнхгаузену.

Дирижер взмахнул палочкой. Грянул стремительный праздничный галоп.

Кто-то кого-то целовал, кто-то кричал что-то восторженное. Марту оттеснили какие-то громогласные ликующие горожане.

оттеснили какие-то громогласные ликующие горожане.

Мюнхгаузен потерял ее в этой взбесившейся толпе жителей Ганновера, хотел что-то сказать, но ему не дали. Рамкопф подхватил его под руку:

– Поздравляю вас, барон!

Мюнхгаузен взглянул себе под ноги – на земле судорожно отбивал земные поклоны пастор:

– Господи, спасибо! Ты совершил чудо! Господи, спасибо...

Нахлынувшая толпа закружила его, и он попал в руки бургомистра, который его неожиданно и крепко поцеловал:

– Я знал. Знал... но это так неожиданно. Поздравляю от всей души!..

– Но с чем? – изумился Мюнхгаузен.

– Как “с чем”?! С успешным возвращением с Луны.

Мюнхгаузен огляделся по сторонам, ища сочувствия:

– Но я не был на Луне.

– Как это не был, когда уже есть решение, что был, – с укором произнес бургомистр. – Мы все свидетели.

– Это неправда! – закричал что есть силы Мюнхгаузен. – Неправда-а-а!..

Воцарилось глубокое и тягостное молчание. Все замерло. Мюнхгаузен смотрел перед собой, не зная, что еще сказать людям. Он почувствовал, что остался один.

Впереди стоял большой банкетный стол, за которым сидел добрый герцог и улыбался. Бесшумно скользили вышколенные официанты. Некоторые ему улыбались из-за стола, другие накладывали кушанья в тарелки.

– Присоединяйтесь, барон... Присоединяйтесь! – подмигнул ему бургомистр.

Рамкопф помахал ладошкой.

– Да, конечно, – вежливо улыбалась баронесса. – Когда мой муж летал, я безумно волновалась, но могу сказать одно: верила, что прилетит.

Герцог встал с кресла и поднял бокал. Все затихли.

– Присоединяйтесь, господин Мюнхгаузен, – тихо и проникновенно произнес он. – Прошу! Присоединяйтесь!

Все дружно подняли бокалы.

– Господа, – спокойно и задумчиво произнес Мюнхгаузен. – Вы мне все очень надоели. – Воцарилась мертвая пауза. Он не тронулся с места. Он остался стоять там, где стоял, напротив герцога. – Поймите же, Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал, а тем, что не врет. Я не был на Луне. Я только туда направляюсь. Конечно, это не просто. На это уйдет целая жизнь, но что делать... придется. – Он попятился к пушке и взял из рук артиллериста горящий фитиль.

Раздался общий тревожный вздох, все поднялись со своих мест, звякнули тарелки.

Мюнхгаузен передал горящий фитиль Марте:

– Ты готова?

– Да, – прошептала она.

Он потрепал по плечу стоящего рядом Томаса:

– Ступай домой, Томас, готовь ужин. Когда я вернусь, пусть будет шесть часов.

– Шесть вечера или шесть утра? – заинтересовался Томас.

– Шесть дня, – улыбнулся Мюнхгаузен.

Потом он подошел к лестнице, приставленной к жерлу пушки, взглянул вверх и сказал, обернувшись к замершим людям:

– Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Серьезное лицо – еще

не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь! – Он подмигнул своему музыкальному трио, раздались звуки его вечной темы.

Потом он не спеша, с видом знатока, поплевал на руки, взялся за лестницу и полез вверх, ловко, не торопясь, легко и целеустремленно. Музыка летела рядом с ним, она дарила ему уверенность и отвагу. За первыми метрами подъема побежали новые, еще и еще, без всякой надежды на окончание. Но он был весел, и это занятие нравилось ему. И когда на фоне его движения возникли финальные титры, он не прекратил своего подъема.

Даже после надписи “Конец фильма” он весело и отчаянно лез вверх.

Формула любви

Фантазия по мотивам повести А.Н. Толстого “Граф Калиостро”

Удар барабана. Грохот погремушек. Звон колокольчиков...

Весело прыгает по дороге группа скоморохов.

Они задают ритм этой невероятной истории, случившейся лет триста назад.

Озорную пляску сменяет топот копыт. Это мчится по дорогам России карета. В ней восседает известный всей Европе маг и чародей граф Калиостро. Гордое, холодное, аскетическое лицо, большие проницательные глаза. Рядом на сиденье – пышная блондинка по имени Лоренца. Напротив – слуга Маргадон, усталый мужчина неопределенного возраста, похожий на кота и мышь одновременно. На козлах – кучер Жакоб, долговязый детина с пышной, завитой крупными кольцами шевелюрой.

Вся эта странная компания без всякого интереса поглядывает на проносящиеся мимо поля, березы, церкви, покосившиеся деревенские избы... Еще одна незнакомая страна в длинном списке бесконечных странствий...

Вот на обочине дороги возникла экзотическая группа людей в шутовских колпаках. Гремят барабаны, звенят бубенцы. Скоморохи скачут, пытаясь привлечь внимание чужестранцев. Но некогда, господа! Не до вас!

Обдав скоморохов клубами пыли, карета скрылась за поворотом.

Обдав скоморохов клубами пыли, карета скрылась за поворотом...

*

– О мама миа, коза дичи! Нон вольво! Э пойзо! Дьяболо! – Разгневанная Лоренца в ярости расхаживала по гостиничному номеру, швыряя на пол платья и костюмы.

За ней спокойно и чуть иронично наблюдали выразительные глаза Калиостро.

– Нет, нет, не понимаю, синьора! Вы приехали в Россию и извольте говорить по-русски!

– Я не есть это мочь! – в отчаянии закричала Лоренца. – Моя голова... ничт... не мочь это запимоинайт...

– Может! – спокойно сказал Калиостро. – Голова все может...

Камера отъехала, и теперь стала очевидна правильность этих слов: голова графа лежала на медном подносе, стоявшем на невысоком гостиничном столике.

– Русская речь не сложнее других, – продолжала голова, вращаясь на подносе, и вдруг, рванувшись, поднялась вверх и... обрела шею, туловище и ноги. – Маргадон, проверьте крепление зеркал... – Граф отделился от столика и сел в кресло. – Стыдитесь, сударыня! Маргадон – совсем дикий человек – и то выучил...

– Пожалуйста! – Маргадон сделал легкий поклон и продекламировал: – Учиться – всегда сгодится! Трудиться должна девица. Не плюй в колодец – пригодится...

– Черт вас всех подрать! – огрызнулась Лоренца.

– Уже лучше! – одобрил Калиостро. – А говорите: не запомню. Теперь с самого начала...

Лоренца подошла к зеркалу, секунду смотрела с ненавистью на собственное отражение, потом по складам произнесла:

– Здраф-стфуи-те!

– Мягче, – попросил Калиостро, – напевней...

Он сузил зрачки, словно гипнотизируя ее, заставляя подчиниться собственной воле.

Лицо Лоренцы преобразилось. Появилась приветливая улыбка.

– Добрый вечер, дамы и господа! – произнесла она ангельским голоском. – Итак, мы начинаем...

Зазвучала музыка, в зеркалах вспыхнули огненные язычки свечей. Поплыли титры фильма...

Над большим хрустальным бокалом, в котором пенилась и переливалась радужными красками красноватая жидкость, появились две руки. Левая сняла с правой золотой перстень с крупным изумрудом, бросила в бокал. Перстень опустился на дно... Вокруг него забурлила, запенилась жидкость, образуя целое облачко из пляшущих пузырьков, в котором перстень вдруг растворился без остатка...

Кто-то ахнул, на него зашикали. Наступила тишина. И в этой тишине четко и властно стал звучать мужской голос:

– Я, Джузеппе Калиостро, магистр и верховный иерарх сущего, взываю к силам бесплотным, к великим таинствам огня, воды и камня, для коих мир наш есть лишь игралище теней. Я отдаюсь их власти и заклинаю перенесть мою бестелесную субстанцию из времени нынешнего в грядущее, дабы узрел я лики потомков, живущих много лет тому вперед...

Словно в подтверждение этих слов из облака дыма возникло лицо графа Калиостро.

– О, я вижу вас, населяющих грядущее бытие! – воскликнул Калиостро и приветливо улыбнулся. – Вас, наделенных мудростью и познаниями, обретших память прожитых веков, хочу вопрошать я о судьбах людей, собравшихся в Санкт-Петербурге сего числа одна тысяча семьсот восьмидесятого года...

Несколько знатных особ обоего пола сидели вокруг стола и с затаенным

дыханием следили за манипуляциями прославленного магистра. Тускло горели свечи. Тлели сандаловые палочки, распространяя оранжевый дым и благовоние. Калиостро стоял над огромным бокалом и напряженно вглядывался в красноватую жидкость, которая бурлила под действием тайных сил...

У ног магистра на полу, скрестив по-турецки ноги, сидела Лоренца.

– Я вопрошаю вас... – повторил Калиостро. – Вопрошаю!..

Бокал качнулся и сделал несколько едва заметных перемещений по инкрустированной поверхности стола. Снова кто-то восхищенно охнул. Сморщенная старушенция в белоснежном парике и многочисленных украшениях, облепляющих ее морщинистую шею, вдруг сорвала с мочки уха изумрудную подвеску и, протянув ее Калиостро, прошептала: – Спроси, граф, у судьбы! Спроси! Долго ль мне носить еще это осталось?!

Лоренца проворно вскочила, положила подвеску на ладонь и передала Калиостро. Тот равнодушным движением швырнул ее в бокал. Всплеск жидкости отозвался высоким музыкальным аккордом. Камни опустились на дно и... исчезли, смешавшись с облачком пузырьков.

Калиостро, не мигая, уставился на поверхность розоватой жидкости. На ней, как на экране, стали возникать отдельные светящиеся точки, которые понемногу собрались в единую римскую цифру XIX...

– Девятнадцать! – воскликнул кто-то. И тут же кто-то прошептал:

– А как понять сие?

– Век грядущий, – нараспев произнес Калиостро. – Век девятнадцатый успокоит вас, сударыня.

Лицо старушки озарилось неподдельным восторгом:

– Ну, батюшка, утешил! Я-то помирать собралась, а мне вона сколько еще на роду написано. – Она засуетилась, лихорадочно сорвала вторую подвеску. – Спроси, милый, спроси... Может, замуж еще сходить напоследок?

Собравшиеся зашумели. Руки начали лихорадочно снимать с пальцев

Собравшиеся зашумели. Руки начали лихорадочно снимать с пальцев кольца, браслеты... Все это потянулось к Калиостро и его ассистентке.

– Спросите, граф... И про нас спросите!

– Мне сколько жить, граф?

– Имение продавать аль нет?

– Да погодите вы... с ерундой! – громыхнул какой-то генерал и, сорвав алмазный знак с груди, швырнул его Калиостро. – Про турок спроси! С турками война когда кончится?

Калиостро обвел всех невидящим взором, сделал шаг назад и... исчез в дыму...

Наступавшие на него гости вскрикнули и отпрянули назад.

– Переместился, – ахнула старушка и перекрестилась. – Как есть начисто!

– Я здесь! – неожиданно сказала Лоренца абсолютно мужским голосом. – Вопрошайте! Вопрошайте!

Она проворно вскочила, достала из-под себя серебряный поднос и протянула его гостям. На поднос полетели ценности...

К особняку подъехала карета. Из нее вышли офицер и двое солдат.

Через секунду офицер уже стоял в нижнем вестибюле. Его встречал дворецкий.

– Доложи! – сухо сказал офицер. – От светлейшего князя Потемкина. Срочно!

На лестнице показалась хозяйка дома.

Офицер отдал честь:

– Имею предписание задержать господина Калиостро и препроводить его в крепость для дачи объяснений!

– Это невозможно! – сказала хозяйка. – Граф в настоящий момент

– Это невозможно! – сказала хозяйка. – Граф в настоящий момент отсутствует.

– Велено живого или мертвого! – сухо объявил офицер.

– Но его и вправду нет! – сказала хозяйка. – Он... как бы это выразиться... Дематериализовался...

– Ах, каналья! – выругался офицер и решительно направился по лестнице.

– Вы не смеете! – Хозяйка встала у него на пути. – Он в грядущем!

– Достанем из грядущего! – твердо ответил офицер. – Не впервой.

Весь этот разговор Калиостро слушал, стоя за портьерой.

Едва офицер, сопровождаемый возмущенной хозяйкой, скрылся наверху, Калиостро проскользнул по лестнице, открыл дверь в лакейскую.

Здесь шла карточная игра. Несколько лакеев сгрудились вокруг столика, сидя за которым метал банк слуга Калиостро Маргадон. Свою игру он сопровождал приговорками и шутливыми замечаниями в адрес партнеров.

– Маргадон! – тихо сказал Калиостро. – Атанде!

– Слушаюсь! – откликнулся тот, после чего моментально выложил четыре туза и сгреб банк. – Все, братцы! Конец – всему делу молодец!

– Погодь! Погодь, любезнейший, – заволновались лакеи. – Откеда тузы? Тузы ушли!

– Тузы не уходят, – насмешливо произнес Маргадон. – Тузы удаляются.

Он швырнул колоду легким веером, и она, к общему изумлению, оказалась состоящей из одних тузов.

Калиостро усмехнулся и тихо дунул. Все свечи в лакейской в момент погасли.

Через мгновение Калиостро и Маргадон уже выбежали во двор к стоявшей карете. На козлах сидел Жакоб. Вид у него был достаточно аристократический: цилиндр, фрак, пенсне... В зубах он держал толстую

сигару.

– Жакоб, гони! В гостиницу! Живо! – крикнул Калиостро, влезая вместе с Маргадоном в карету.

– Я вас понял, сэр! – невозмутимо произнес Жакоб. Сунул недокуренную сигару в карман, поправил пенсне и вдруг лихо, по-разбойничьи присвистнув, заорал: – Но!! Залетные!!!

Карета стремительно рванулась со двора, обдав пылью офицера и солдат, выбежавших из подъезда...

*

Карета неслась по сумеречным улицам Санкт-Петербурга.

Лицо Калиостро было спокойно, взгляд чуть отрешенный, задумчивый. Равнодушным движением он извлек из кармана горсть драгоценных перстней, протянул слуге.

Маргадон привычно ссыпал их, не считая, в деревянную шкатулку.

– Что у нас еще на сегодня? – спросил Калиостро.

Маргадон достал записную книжечку, надел очки, стал зачитывать:

– “Визит к генералу Бибикову, беседа о магнетизме...”

Калиостро поморщился: мол, пустое дело. Маргадон вычеркнул грифелем запись, продолжал:

– “Визит к камер-фрейлине Головиной с целью омоложения оной. И превращения в девицу...”

Калиостро глянул на карманные часы:

– Не поспеваем!

Маргадон вычеркнул камер-фрейлину.

– У Волконских. “Варение золота из ртути...”

– Хватит! – вдруг резко сказал Калиостро. – Экий ты меркантильный, Маргадон... О душе бы подумал!

Маргадон полистал книжечку.

– Мария, – шепотом произнес он.

– Мария, – задумчиво повторил Калиостро. Его взгляд потеплел, он услышал звучание скрипок, нежное и печальное. – Мария...

Мария Гриневская, молодая, чрезвычайно красивая девушка в строгом платье, стояла в кабинете своего отца и со страхом наблюдала за сеансом лечения.

Ее отец, небогатый дворянин Иван Антонович Гриневский, лежал на диване. Возле него сидел Калиостро и делал странные манипуляции руками. Здесь же в кабинете находились жена Гриневского и Маргадон.

Сеанс подходил к концу. Калиостро стиснул зубы, напрягся, последний раз провел рукой над бледным лбом больного, собрал “энергетическое облачко” и швырнул его в угол. В углу что-то отозвалось легкой вспышкой и исчезло. Жена Гриневского испуганно перекрестилась.

– На сегодня все! – устало сказал Калиостро и встал со стула. – Вам легче, сударь?

– Вроде бы так, – сказал Гриневский. – Отпустило!

Он попытался сесть, улыбнулся, радостно посмотрел на жену и дочь.

– Волшебник! Истинно волшебник! – всплеснула руками жена Гриневского. – Уж как мне вас благодарить?!

– Никак! – сухо прервал ее Калиостро. – Благодарите природу. Она лечит. Я лишь жалкий инструмент в ее руках... – Он посмотрел на больного. – Еще бы несколько сеансов, Иван Антонович, и ваш недуг навсегда бы отступил... Но... – Он сделал паузу. – Но, увы! Дела заставляют меня срочно покинуть Санкт-Петербург...

– Никак нельзя задержаться? – спросила жена Гриневского.

– Увы! Меня ждут Варшава и Париж... Калиостро нужен всюду.

Граф оглянулся на слугу, как бы в подтверждение своих слов, и Маргадон авторитетно кивнул.

– А как же папенька? – тихо спросила Мария и умоляюще посмотрела на Калиостро.

– Не знаю, – вздохнул тот. – Есть один план, но, боюсь, он будет неверно истолкован... Со мной может поехать кто-то из близких больного. Таким образом, я смогу осуществлять лечение опосредованно... Через родного человека.

Жена Гриневского испуганно глянула на мужа:

– Да кто ж у нас есть? Я да... Машенька...

– Ну уж нет! Как можно? – заволновался Гриневский. – Молодая девушка... Одна... В мужском обществе... Никогда!

– Я знал, что буду неверно понят, – сухо сказал Калиостро. – В благородство человеческое уже давно никто не верит! А жаль!

Он взял шляпу и решительно направился к дверям.

Мария побежала за ним:

– Граф! Господин Калиостро... Подождите!

Он не слушал ее, быстро шел коридором.

Она догнала его у дверей:

– Подождите!.. Я согласна!

Калиостро обернулся, внимательно посмотрел девушке в глаза.

– А вдруг я лгу? – неожиданно сказал он. – Вдруг я влюблен в вас и мечтаю похитить? А? Что тогда?!

Мария отшатнулась.

– Полно шутить, – тихо сказала она. – Когда любят, тогда видно...

– Что видно?

– Не знаю... Это словами не прояснишь...

– И все-таки? Что? – Калиостро пристально смотрел в глаза девушке. – Что?

Взгляд Марии потеплел, она улыбнулась:

– Неужто ни разу и не чувствовали?

Калиостро вздрогнул, потупил глаза...

Стоявший сзади Маргадон деловито достал книжечку, вынул грифель и что-то записал...

Где-то в глуши, в Смоленском уезде, среди холмистых полей, покрытых полосками хлебов и березовыми лесками, стояла старинная усадьба под названием Белый Ключ.

Центром усадьбы был большой каменный дом с колоннами, выходивший к реке и запущенному старому парку. На аллеях парка стояли выцветшие скамейки да несколько пожелтевших и основательно засиженных голубями скульптур в греческом стиле, что свидетельствовало о вкусах его прежних хозяев.

Теперь хозяевами имения были старенькая помещица Федосья Ивановна Федяшева и ее племянник Алексей Федяшев – молодой человек с печальными глазами. Печаль его происходила от мечтательности нрава и склонности к ипохондрии, распространенной среди молодых образованных людей того времени.

Дни свои он проводил в чтении книг и абстрактных рассуждениях. Вот и сейчас, сидя в гостиной с книгой, он вслух прочитал четверостишие:

...Из стран Рождения река

По царству Жизни протекает,

Играет бегом челнока

И в Вечность исчезает...

– Каково сказано? – Алексей посмотрел на Федосью Ивановну, сидевшую напротив и с аппетитом уплетавшую лапшу.

– И то верно, – сказала тетушка. – Сходил бы на речку, искупался... Иль окуньков бы половил.

– Вы ничего не поняли, тетушка! – воскликнул Федяшев. – Река жизни утекает в Вечность. При чем тут окуньки?

– Думала, ухи хочешь, – сказала Федосья Ивановна, – Ну нет – так нет... И лапша хороша!

– Ох, тетушка! – вздохнул Федяшев. – Мы с вами вроде и по-русски говорим, да на разных языках. Я вам про что толкую? Про СМЫСЛ БЫТИЯ! Для чего живет человек на земле? Скажите!

– Да как же так сразу? – смутилась Федосья Ивановна. – И потом – где живет?.. Ежели у нас, в Смоленской губернии, – это одно... А ежели в Тамбовской – другое...

– Нет! Сие невыносимо! – воскликнул Федяшев, встал и начал расхаживать по комнате..

– Жениться тебе пора! – вздохнула Федосья Ивановна. – Не век же, в самом деле, на меня, гриба старого, смотреть. Так ведь с тобой что-нибудь скверное сделается.

– Жениться? – Федяшев удивленно посмотрел на тетушку. – Зачем? Да и на ком прикажете?

– Да вот хоть у соседей Свиньиных – три дочери, все отменные... Сашенька, Машенька, Дашенька... Ну чем не хороши?

– Ах, тетушка. Для того ли я оставил свет, убежал из столицы, чтоб погрязнуть в болоте житейском?.. Ну женюсь – и что будет? Стану целыми днями ходить в халате да играть в карты с гостями... – Федяшева даже передернуло. – А жена моя, особа, которая должна служить идеалом

передернуло. – И жена моя, особа, которая должна служить идеалом любви, будет, гремя ключами, бегать в амбар. А то и... совсем страшно... закажет при мне лапшу и начнет ее кушать?

– Зачем же она непременно лапшу станет кушать, Алексис? – чуть не подавилась тетушка. – Да хоть бы и лапшу... Ну что тут плохого?

– Нет, миль пардон, Федосья Ивановна! Не об этом я грежу в часы уединения...

– Знаю, о ком ты грезишь! – сказала Федосья Ивановна и обиженно поджала губы. – Срам один! Перед людьми стыдно...

– Это вы... о ком? – настороженно спросил Федяшев.

– О ком? О БАБЕ КАМЕННОЙ, вот о ком!.. Тьфу! – Тетушка даже сплюнула. – Уж вся дворня смеется!

– О боже! – в отчаянии воскликнул Федяшев, и его лицо исказила гримаса страдания. – За мной шпионят? Какая низость... – Он схватил шляпу и стремглав выбежал...

В деревенском пруду старый кузнец Степан вместе с дворовой девкой Фимкой ловили сетью карасей. Завидев молодого барина, оставили на время свое занятие, склонились в поклоне.

Федяшев, не обратив на них внимания, быстро прошел мимо.

– Опять с барином ипохондрия сделалась, – сказала Фимка, с сожалением глядя в сторону промчавшегося Федяшева.

– Пора, – сказал Степан. – Ипохондрия всегда на закате делается.

– Отчего же на закате, Степан Степанович?

– От глупых сомнений, – подумав, объяснил Степан. – Глядит человек на солнышко, и начинают его сомнения раздирать: взойдет оно завтра или не взойдет? Ты, Фимка, поди, о сем и не помышляла никогда.

– Когда тут! – кивнула Фимка. – Бегаешь целый день, мотаешься... потом только глаза закроешь – а уж солнце взошло.

– Вот посему тебе ипохондрия и недоступна. Как говорили латиняне: квод лицет йови, нон лицет бови – доступное Юпитеру недоступно быку.

Фимке очень понравилось изречение, и она восхищенно улыбнулась:

– И давно я спросить хотела вас, Степан Степанович... Откуда из вас латынь эта выскакивает? Сами-то вы вроде не из латинцев.

– От барина набрался, – вздохнул Степан. – Старый барин повелел всем мужикам латынь изучить и на ей с им изъясняться. Я, говорит, не желаю ваше невежество слушать... Я, говорит, желаю думать, что я сейчас в Древнем Риме... Вот так! Большой просветитель был! Порол нещадно! Аут нигель, аут Цезарь! Во как!

– Красиво! – согласилась Фимка. – А как у их, у латинцев, к примеру, “любовь” обозначается?

– “Любовь”, Фимка, у их слово “амор”! И глазами так зыркнуть... У-ух! – Степан показал, как надо зыркать глазами.

Федяшев, естественно, не слышал этого разговора. Он шел тенистой аллеей парка, где справа и слева белели старинные скульптуры, выполненные в греческом стиле. Мраморные лица с выпуклыми белыми глазами уставились на Алексея Алексеевича, усиливая приступ ипохондрии.

Федяшев дошел в самый конец аллеи, где в лучах заходящего солнца перед ним предстала скульптура молодой женщины в древнегреческой тунике.

Федяшев посмотрел на скульптуру нежным, влюбленным взглядом.

Женщина и вправду была необычайно хороша: изящная фигурка, маленькая головка с тонкими чертами лица, странный всплеск рук: левую женщина как бы предлагала для поцелуя, а правой приглашала куда-то вдаль, в неизвестное...

– Здравствуйте, сударыня! – тихо прошептал Федяшев и поклонился мраморной женщине. – И вновь тоска и серость обыденной жизни привели меня к вашим стопам!.. Впрочем, нет! Будь эта жизнь во сто раз веселей и разнообразней, все равно она была бы лишена смысла, ибо нет в ней вас... А в той незримой дали, где есть вы, нет меня!.. Вот в чем превратность судьбы! И никогда нам не воссоединиться, как несоединим жар моего

судьбы! И никогда нам не воссоединиться, как несоединим жар моего сердца и холод вашего мрамора...

При сих словах Федяшев приподнялся на цыпочки и припал губами к левой руке скульптуры.

Сзади послышался шум и легкое покашливание.

Федяшев резко обернулся и увидел дворовую девку Фимку с тряпкой и ведром, полным мыльной воды.

– Ты что? Зачем? – ахнул Федяшев.

– Барыня велела помыть, – равнодушно сказала Фимка. – А то, говорит, еще заразу какую подцепите...

– Пошла вон! – закричал Федяшев.

В тот же вечер странная картина предстала перед всеми жителями усадьбы.

По главной дороге медленно и торжественно ехала подвода. Лошадь под уздцы вел кучер, рядом шагал Алексей Федяшев, в самой подводе, приветствуя селян кокетливым взмахом рук, стояла мраморная женщина в древнегреческой тунике...

Эта процессия прошествовала двором, подъехала к подъезду главного дома.

Стоявшие у подъезда Степан и Фимка многозначительно переглянулись, а Степан оценил увиденное латинским изречением:

– Центрум квиа импосибиле ест! (“Это достоверно, уже хотя бы потому, что невозможно”.)

– Степан! – крикнул Федяшев. – Помоги!

Степан подошел к подводе, кучер взвалил статую ему на спину, и Степан понес ее к подъезду, сгибаясь под тяжестью. Наблюдавшие селяне одобрительно загудели, оценивая главным образом физическую силу Степана:

– Здоровый [illegible]!

– Здоровый чертяка!

Степан с трудом поднялся по ступенькам, но тут дверь дома распахнулась, и перед собравшимися появилась разгневанная Федосья Ивановна.

– Куда? Назад! – закричала она на Степана, и тот послушно соскочил со ступенек, едва не уронив каменную барышню.

– Что ж вы меня срамите, сударь? – продолжала Федосья Ивановна, уже обращаясь к племяннику. – Зачем ЭТО домой? Что ж у нас здесь, кладбище, прости господи?!

– Ма тант! – строго сказал Федяшев, сбиваясь частично на французский язык и тем самым пытаясь сделать непонятной ссору для наблюдавших простолюдинов. – Не будем устраивать эль скандаль при посторонних. Я хочу, чтоб это произведение искусства стояло у меня в кабинете... – И добавил, обращаясь к Степану: – Неси!

Степан стал подниматься по ступенькам.

– Стой! – крикнула тетушка и оттолкнула Степана. – Да как же это можно! Постороннее изваяние – и в дом? Откуда нам знать, с кого ее лепили? Может, эта девица была такого поведения, что и не дай бог... Ее ж при деде вашем ставили, дед был отменный развратник. Старики помнят...

Несколько стариков, стоявших среди дворни, авторитетно закивали и захихикали.

– На Прасковью Тулупову похожая, – сказал один дед. – Была тут одна... куртизаночка...

– И вовсе не Прасковья! – сказал другой старик. – Это Жазель, француженка... Я ее признал... По ноге! Ну-ка, Степан, подтащи поближе...

Степан, кряхтя, поднес статую к деду, тот заглянул в каменное лицо.

– Она! – авторитетно сказал дед. – А может, и не она... Та была брунетка, а эта вся белая...

– Замолчите все! – крикнул взволнованный Федяшев. – Не смейте оскорблять своими домыслами сие небесное создание! Она такова, какой

ее вижу я! И вам того увидеть не дано! Отдай, Степан!

Федяшев схватил статую и попытался поднять на вытянутых руках, но, не удержав, рухнул на ступеньки, придавленный ее тяжестью...

Очнулся Федяшев на диване, в своем кабинете. Голова его была забинтована. Рядом хлопотала Федосья Ивановна, ставя на столик микстуры и липовый чай.

– Ну как, милый, отходишь?

Федяшев застонал и попытался приподняться:

– Где она? Где?!!

– Да вот же... Господи! Что с ней станется...

Только тут Федяшев увидел, что его обожаемая статуя уже находится в кабинете, в углу. Правда, местами она потрескалась, а правая рука и вовсе отвалилась.

Возле статуи возились Степан и Фимка, прилаживая отлетевшую руку...

– На штырь надо посадить! – сказал Степан. – Глиной замазать. А потом – алебастром... Ре бена геста – делать так делать!

– Уйдите! – взмолился Федяшев. – Не мучайте меня!

Дворовые смутились:

– Да мы чего, барин... Мы как лучше...

Степан и Фимка робко двинулись к выходу.

– Руку-то оставьте, ироды! – крикнула тетушка.

Степан испуганно положил мраморную руку на столик:

– Прощенья просим! Тут гончара надо. Он враз новую слепит.

– И вы, тетушка, ступайте! – попросил Федяшев. – Оставьте нас одних.

– Кого “нас”? – Тетушка перекрестилась. – Совсем ты головой ушибся, Алексис... Скорей бы доктор ехал.

К вечеру из города приехал доктор. Толстенький господин в засаленном парике и круглых очках. Он был слегка навеселе.

Осмотрел больного, как умел, проверил рефлексы.

– Ну что же-с! – сказал он. – Ребра, слава господу, повреждений не имеют-с, а голова – предмет темный и исследованию не подлежит. Завязать да лежать!

– Мудро! – закивала Федосья Ивановна, накрывая маленький столик и ставя на нем графинчик. – Отужинать просим чем бог послал.

– Отужинать можно, – согласился доктор. – Если доктор сыт, так и больному легче... – Он пропустил рюмку и с аппетитом разгрыз зеленый огурец...

Федяшев прикрыл глаза и печально вздохнул.

– Ипохондрией мается, – пояснила тетушка.

– Вижу! – сказал доктор и снова налил рюмку. – Ипохондрия есть жестокое любострастие, которое содержит дух в непрерывном печальном положении...Тут медицина знает разные средства... Вот, к примеру, это... – Он поднял наполненную рюмку.

– Не принимает! – вздохнула тетушка.

– Стало быть, запустили болезнь, – покачал головой доктор и выпил. – Еще есть другой способ: закаливание души путем опускания тела в прорубь...

– Мудро! – одобрила тетушка. – Но только ведь лето сейчас стоит – где ж прорубь взять?

– То-то и оно, – вздохнул доктор. – Тогда остается третий способ – беседа. Слово лечит, разговор мысль отгоняет. Хотите беседовать, сударь? – Доктор насытился и закурил трубку.

– О чем? – усмехнулся Федяшев.

– О чем прикажете... О войне с турками... О превратностях климата... Или, к примеру, о... графе Калиостро.

– О ком?! – Федяшев даже присел на диване.

– Калиостро! – равнодушно сказал доктор. – Известный чародей и магистр тайных сил. Говорят, в Петербурге наделал много шуму... Камни драгоценные растил, будущность предсказывал... А вот еще, говорят, фрейлине Головиной из медальона вывел образ ее покойного мужа, да так, что она его осязала и теперь вроде как на сносях...

– Материализация! – воскликнул Федяшев и, вскочив, нервно стал расхаживать по кабинету. – Это называется “материализация чувственных идей”. Я читал об этих таинствах... О боже!

– Да что ж ты так разволновался, друг мой?! – забеспокоилась тетушка. – Тебе нельзя вставать!

– Тетушка, дорогая! – радостно закричал Федяшев. – Ведь я думал о нем... о Калиостро. Собирался писать в Париж... А он тут, в России...

– Мало сказать – в России, – заметил изрядно захмелевший доктор. – Он в тридцати верстах отсюда. Карета сломалась, а кузнец в бегах. Вот граф и сидит в гостинице, клопов кормит...

– Клопов?! – закричал Федяшев. – Великий человек! Магистр!.. И клопов?!

– Так они ж, сударь, разве разбирают, кто магистр, кто нет, – усмехнулся доктор. – Однако куда вы?

Федяшев не ответил. Стремглав он сбежал по лестнице, выскочил во двор и закричал:

– Степан! Коня!

Изумленная тетушка из окна увидела, как Федяшев верхом проскакал по дороге и скрылся в пелене начавшегося дождя.

– Ну, доктор, вы волшебник! – ахнула тетушка. – Слово – и ушла ипохондрия

ипохондрия...

– Она не ушла. Она где-то здесь еще витает... – вздохнул доктор и снова налил. – Она заразная, стерва... Хуже чумы! – Он оперся подбородком о кулак и вдруг тоскливо запел:

Из стран Рождения река

По царству Жизни протекает,

...Играет бегом челнока

И в Вечность исчезает...

закончил куплет романса Маргадон. Он сидел в гостиничном номере, наигрывая на гитаре.

Напротив сидел Жакоб с отрешенным видом, изредка доставая табачок из табакерки и втягивая его поочередно то левой, то правой ноздрей.

Из-за двери, выходящей в соседнюю комнату, доносились приглушенные голоса – мужской и женский.

– Тоска! – вздохнул Маргадон, отшвырнув гитару. – Жуткий городок. Девок нет, в карты никто не играет. В трактире украл серебряную ложечку – никто даже и не заметил. Посчитали, что ее и не было!

– Чем же вы недовольны, сэр? – спросил Жакоб.

– Я оскорблен, – гордо сказал Маргадон. – Я не могу обманывать людей, которые не способны оценить мое искусство. А здесь люди доверчивы как дети. Варварская страна! Меня тянет на родину, Жакоб.

– А где ваша родина, сэр?

– Не знаю... Говорят, я родился на корабле. А куда он плыл и откуда, никто не помнит... А где вы родились, Жакоб?

– Я вообще еще не родился, сэр! – печально сказал Жакоб. – Мне предстоит цепь рождений, в результате чего я явлюсь миру принцем Уэльским... Но это будет не скоро. Через пару сотен лет... Так мне предрек мистер Калиостро. Поэтому нынешнее существование для меня не имеет

мистер Калиостро. Поэтому нынешнее существование для меня не имеет значения.

– А для меня имеет! Потому что в будущем я стану котом.

– Кем?

– Котом... И даже не сиамским, а обыкновенным... беспородным. Так что меня ждут грязные помойки и благосклонность бродячих кошек.

– Небогатая перспектива, сэр! – сочувственно вздохнул Жакоб.

– Да уж... Поэтому в этой жизни мне дорог каждый час... И я не понимаю, чего мы здесь сидим, в этом убогом городишке?!

– Мы ждем Лоренцу, сэр.

– Плевать ему на Лоренцу! И плевать ему на нас! – зло зашипел Маргадон, действительно приобретая кошачьи черты. – Ему важно охмурить эту русскую мадемуазель!! Старый развратник хочет чистой любви...

– Что ж здесь плохого, сэр?

– Тигр не должен быть вегетарианцем! – воскликнул Маргадон. – Мошенник не должен быть добродетельным. Знаете ли, Жакоб, однажды я нашел на улице кошелек с сотней золотых. Так я чуть с ума не сошел, пока не разыскал хозяина и не вернул ему деньги...

– Зачем?

– Чтобы потом украсть! Мне не нужны благодеяния. Деньги надо зарабатывать честным трудом!

В соседней комнате Калиостро расхаживал перед сидевшей в кресле Марией. Лицо Марии было испуганно. Калиостро протянул к ней руку, Мария сжалась, напряглась...

– Мне трудно, сударыня, – строго сказал Калиостро и отдернул руку. Затем он подошел к белоснежной розе, стоявшей в вазочке, и коснулся ее рукой.

Белоснежная роза стала наливаться красным цветом. Мария задрожала от страха.

страха.

– Мне трудно, сударыня! – устало повторил Калиостро. – Разве вы не хотите помочь страждущему?

– Я думаю о папеньке... Думаю, – испуганно заверила Мария.

– Это я должен думать о вашем папеньке. А вы думайте обо мне! – резко произнес Калиостро. – И, по возможности, без неприязни...

– Ах, что вы говорите! – залепетала Мария. – Какая неприязнь? Я вам так благодарна за старания. Да я... Ей-богу...

– Природу не обманешь! – усмехнулся Калиостро. – От ваших мыслей она увядает. – Он тронул розу рукой. Цветок сжался, его лепестки осыпались. – Если так пойдет дальше, мы погубим здесь всю оранжерею, – улыбнулся Калиостро. – Неужели я вам настолько противен?

– Да что вы, господин Калиостро, – снова попыталась оправдаться Мария.

– Джузеппе! – перебил ее Калиостро. – Я же просил вас называть меня по имени – Джузеппе. Или совсем попросту: Джузи. Так меня звала матушка... и гладила по голове... Вот так. – Он взял руку Марии и провел по своим волосам.

На лице Марии мелькнул неподдельный страх, она отдернула руку.

– Ваше сиятельство... – почти плача сказала она, – я и так в вашей власти... ни людей не побоялась, ни молвы. Живу с вами в одной гостинице. Зачем же вы мучаете меня? Мне теперь ни смерть не страшна, ни что другое.

Калиостро устремил на нее полный страсти пронзительный взгляд.

Она молча кивнула несколько раз, покорно поднялась, потупив глаза, и расстегнула пуговицу на платье. Его рука остановила ее движение.

– Я не тиран, сударыня, – произнес он над ее ухом. – Мне нужны чувства, а не покорность.

– Так сердцу не прикажешь, – вздохнула Мария. – Так... народ говорит.

– Глупость он говорит, ваш народ, – усмехнулся Калиостро. – Сердце такой

– Глупость он говорит, ваш народ, – усмехнулся Калиостро. – Сердце такой же орган, как и иные... И подвластен приказу свыше. – Он постучал по своему лбу, потом взял руку Марии и прижал ее к груди.

Мария услышала, как забилось его сердце.

– Вот оно забилось часто-часто... А вот – реже... – Оглушительный ритм бьющегося сердца неожиданно замедлился.

Калиостро попятился, прижался к стене затылком, побледнел, испарина выступила на его лбу:

– А вот... и совсем остановилось... Ощущаете?

Наступила мертвая тишина. Мария испуганно молчала.

– Прикажете ему замереть навсегда? Или пустить? – спросил Калиостро.

– Христос с вами! – воскликнула Мария. – Пустите!

– Пускаю! – торжественно объявил Калиостро, и снова раздались громкие удары его сердца. Он медленно двинулся к Марии. – Как видите, человек хозяин всему, что в нем заключено.

– Мне так не суметь, – попыталась улыбнуться Мария.

– Сумеете, – властно произнес Калиостро, заглянув в ее глаза. – Вы чисты и доверчивы, сударыня. Ваше сердце еще не огрубело...

– Да, – кивнула Мария. – Но я не люблю вас, ваше сиятельство. Неужели вы этого не видите?

– Разумеется, вижу, – улыбнулся Калиостро. – Но мы в начале опыта... Золото из ртути возникает на десятый день, любовь из неприязни – на пятнадцатый... Мы с вами две недели в пути. Наступает критический момент!

Он сделал шаг в сторону и с силой ударил ногой по двери.

Маргадон, глядевший в замочную скважину, со страшным воплем отлетел от двери и схватился за лоб.

Калиостро заглянул в комнату к слугам и тихо сказал:

– Бездельники...

Жакоб и Маргадон испуганно и проворно схватили музыкальные инструменты: Жакоб – гитару, Маргадон – мандолину. Зазвучала трогательная неаполитанская мелодия:

Уно, уно, уно, уно моменто!

Вита, дольчевита, комплименто!

Это был стихийный набор итальянских слов, но Жакоб и Маргадон пели их с такой страстностью и отчаянием, что Мария невольно заслушалась...

– Что означает сия песня? – прошептала она.

Жакоб стал объяснять деловито и подробно:

– В этой народной песне поется о бедном рыбаке и влюбленной девушке. Каждое утро рыбак уходил в море, а бедная девушка ждала его на берегу. Но однажды в море разыгрался страшный шторм, и утлая лодка рыбака не вернулась в Неаполь...

На глазах Марии выступили слезы.

Жакоб продолжал:

– Всю ночь простояла бедная девушка на берегу, а когда утром набежавшая волна вынесла на песок обломки лодки, – голос его дрогнул, – бедная девушка скинула с себя последнюю одежду и шагнула в бушующую стихию.

Музыка достигла кульминации.

Руки Калиостро потянулись к Марии.

Ее губы приблизились к его губам.

– И море расступилось перед нею! – воскликнул Маргадон. – И яркий свет озарил бездну... И бедная девушка узрела бедного юношу!..

Мария пошатнулась, закрыла глаза, Калиостро подхватил ее на руки и быстро понес через анфиладу комнат.

Двери распахивались перед ним, и только одна, последняя, дверь осталась закрытой, и когда Калиостро сильным ударом ноги распахнул ее, то замер на месте, потому что перед ним стоял промокший до нитки человек с виноватой улыбкой – Алексей Федяшев.

– Извините, сударь, здесь проживает господин Калиостро?

– Маргадон! – что есть силы закричал Калиостро. – Почему открыта дверь? Кто открыл дверь?

– Эскюз ми, магистр, – испуганно пробормотал Маргадон. – Варварская страна. Ключи дают, а замков нет.

– Ах, – совсем смутился Федяшев, – я, кажется, не вовремя?

Мария опустилась на ноги, с удивлением глядя на Федяшева, потом отступила.

– Не вовремя, – развел руками Федяшев.

– Вы, сударь, не вовремя появились на свет, – заметил Калиостро. – А теперь уж что поделаешь... Входите.

Мария попятилась, тихо проскользнула в соседнюю комнату, повалилась в постель, лицом в подушку.

– Ну, слушаю вас! – недовольно произнес Калиостро, садясь в кресло. – Только покороче!

– Благодарю! Сердечно благодарю, граф. Прежде всего разрешите представиться: местный помещик, дворянин, Федяшев Алексей Алексеевич...

– Я же просил: короче! – поморщился Калиостро.

– Да как уж короче-то? – замялся Федяшев. – Тогда просто Алексис... или Алеша... Тетушка зовет меня Алексисом, а покойная матушка звала Алешей...

– Дальше!

– Дальше что ж... узнав, что вы, граф, в России, да еще рядом, бросился к вам... Дабы иметь счастье лицезреть, а также пригласить погостить в свое имение.

– Это вам зачем?

– Для вашего удовольствия. Здесь, в гостинице, я вижу, вы терпите неудобства, а у меня и комнаты просторные, и кузнец есть, отменный мастер. Мигом карету починит!

– И все? – Калиостро внимательно посмотрел на Федяшева.

– Все! – сказал тот и опустил глаза...

– Вы не умеете лгать, молодой человек, – презрительно сказал Калиостро. – А я достаточно пожил, чтоб не верить в благотворительность... Все люди разделяются на тех, которым что-то нужно от меня, и на остальных, от которых что-то нужно мне. Вы ко второму разделу не принадлежите. Следовательно... Выкладывайте – что вам угодно?

– Ах, граф, от вас ничего не утаить! – смутился Федяшев. – Я пришел вас просить о чуде. Дело в том, что я влюблен! Влюблен страстно и безнадежно...

...При этих словах в соседней комнате Мария замерла и прислушалась к словам, доносящимся из-за двери.

– Я влюблен! – повторил Федяшев.

– Ну а я-то при чем? – усмехнулся Калиостро.

– Дело в том, что предмет моей любви существует только в моем воображении, – с пафосом произнес Федяшев. – Его телесные контуры намечены в скульптурном изваянии, выполненном когда-то неизвестным художником... Но это мрамор. Холодный мрамор, магистр! И если б вы взялись свершить чудо...

– Я не занимаюсь чудесами, – резко сказал Калиостро, – я действую только

– Я не занимаюсь чудесами, – резко сказал Калиостро, – я действую только в границах физических сил природы... Я материалист...

– Да-да, конечно! – поспешно согласился Федяшев. – Я и имею в виду материализацию чувственных идей, которой, по слухам, вы владеете в совершенстве...

– Ну, предположим...

– Воссоздайте мою мечту, ваше сиятельство! – тихо произнес Федяшев, и на его глазах выступили слезы. – Без нее я не вижу смысла своего существования! Вдохните жизнь в нее, как некогда греческие боги вдохнули жизнь в каменную Галатею...

– Ну, то в Греции, – усмехнулся Калиостро, – здесь у вас и климат другой, и Галатеи крепче сколочены. Таких изнутри трудно прошибить! Верно, Маргадон?

Стоявший в дверях Маргадон, уловив непристойный смысл шутки, захохотал.

Мария, взволнованно слушавшая этот разговор в соседней комнате, недовольно поморщилась.

– Она прекрасна! – тихо сказал Федяшев. – Если б вы ее увидели...

– И не собираюсь! – строго сказал Калиостро. – Материализация чувственных идей, сударь, есть труднейшая и опаснейшая задача научной магии! Она требует огромных энергетических затрат.

– Все, что у меня есть! – воскликнул Федяшев. – Имение, дом...

– Ах, сударь, о чем вы! – отмахнулся Калиостро. – Богатство давно меня не интересует.

– Тогда возьмите... саму жизнь мою! – крикнул Федяшев. – Может, она сгодится для каких опытов... – Он выхватил шпагу. – Прикажите только!

В этот момент распахнулась дверь, и в комнате вновь появилась Мария. Она с ненавистью посмотрела на Калиостро.

– Зачем вы мучаете юношу? – тихо спросила она. – Скажите честно, что не

– Зачем вы мучаете юношу? – тихо спросила она. – Скажите честно, что не можете свершить подобные чудеса... Он ведь и вправду влюблен... Вы же видите!

– Чужие страдания вам заметны, мои – нет! – грустно сказал Калиостро и прикрыл глаза, словно раздумывая о чем-то. Потом решительно поднялся. – Я попробую материализовать ваш идеал, сударь! – обратился он к Федяшеву. – Получится это или нет, не знаю... Сие будет зависеть не от нас с вами, а от женщины... – И он с насмешкой посмотрел на Марию.

По извилистой дороге, поднимая пыль, двигался странный кортеж. Впереди скакали три всадника: Федяшев, Мария и Калиостро. За ними катилась легкая бричка, которой управлял Маргадон. К бричке с помощью толстой веревки была привязана поломанная карета, ехавшая на одном колесе.

Несмотря на это, восседавший на козлах Жакоб был, как всегда, невозмутим, хотя его изрядно и потряхивало на ухабах и поворотах.

Замыкала процессию невесть откуда взявшаяся телега с разряженными музыкантами, которые игрой, пением и странными телодвижениями придавали некую театральность происходящему... Кортеж въехал в усадьбу Белый Ключ.

Немногочисленная дворня высыпала к подъезду.

– Тетушка, встречайте гостей! – крикнул Федяшев и спрыгнул с коня.

Федосья Ивановна уже спускалась по ступенькам. Следом за ней шла дворовая девка Фимка, держа на подносе хлеб-соль.

– Силь ву пле, дорогие, силь ву пле, – бормотала Федосья Ивановна. – Же ву тру... А, черт, все слова-то со страху повыскакивали. Или они по-нашему понимают, Алексис?

– Они понимают! – сдержанно ответил Калиостро и, указывая на дары, сказал слуге: – Прими, Маргадон!

Маргадон деловито взял у Фимки хлеб, ссыпал соль к себе в карман, потом, оценив взглядом солонку, кинул ее туда же...

Дворня обрадованно зашумела:

– Понравилось, видать... Молодец!

Маргадон презрительно оглядел собравшихся и направился в дом вслед за хозяином и Федосьей Ивановной.

Слуги начали вытаскивать из кареты огромные чемоданы.

Федяшев, заметив в толпе Степана, поманил его пальцем.

– Степан, у гостя карета сломалась...

– Вижу, барин. Ось полетела, да спицы менять надо.

– Починить сможешь?

– За день сделаю.

– А за два?

Степан глянул на барина, перевел взгляд на карету:

– Можно и за два.

– А за пять?

Степан задумчиво почесал в затылке:

– Трудновато, барин. Но ежели постараться, можно и за пять...

– А за десять дней?

Степан аж крякнул:

– Ну, барин, тут тогда самому не справиться. Помощник нужен. Хомо сапиенс!

– Бери помощников! – приказал Федяшев и, многозначительно подмигнув, поднялся по ступенькам в дом.

Степан начал осматривать карету. К нему подошла Фимка:

Степан начал осматривать карету. К нему подошла Фимка.

– Чудные господа какие-то! Долго гостить собираются?

– А от меня зависит. Ален ноби, ностра плюс алис – чужое нам, а наше чужое иным...

– Долго, – сказал Степан и потянул дверь кареты. Та не поддавалась. – Однако крепко сделана, – вздохнул Степан. – И не отдерешь!

В тот же вечер в доме был в честь гостей дан торжественный обед.

Длинный стол ломился от обильной еды, слуги, и в первую очередь Фимка, носились взад-вперед с подносами... В центре стола, одетый в яркую восточную одежду, восседал Калиостро. Справа от него с отрешенным видом сидела Мария. Напротив – Федяшев, тетушка, доктор и специально приехавший поглазеть на знаменитого гостя сосед-помещик Свиньин с дочерьми.

– Благодарю за угощение, – вежливо сказал Калиостро, закончив трапезу и откинувшись в кресле. – Было вкусно.

– Да вы и не ели ничего, ваше сиятельство, – заохала Федосья Ивановна.

– Кто ест мало, живет долго, – сказал Калиостро. – Ибо ножом и вилкой роем мы могилу себе. Посему переведем трапезу в беседу. По глазам собравшихся читаю я многочисленные вопросы относительно себя. Готов ответить! Неутоленное любопытство страшнее голода.

– Ах, граф, как вы добры! – воскликнул Федяшев. – Мы так много наслышаны о вас. Но что правда, что нет, уяснить не дано.

– Да-да, – согласился Калиостро. – Обо мне придумано столько небылиц, что я устаю их опровергать. Меж тем биография моя проста и обычна для людей, носящих звание магистра... Начнем с самого детства. Родился я в Месопотамии, недалеко от слияния рек Тигр и Евфрат, две тысячи сто двадцать пять лет тому назад... – Калиостро оглядел собравшихся, как бы давая им возможность осознать услышанное. – Вас, вероятно, изумляет столь древняя дата моего рождения?

– Нет, не изумляет, – невозмутимо сказал доктор. – У нас писарь в уезде

был, в пачпортах, где год рождения, одну цифирку только обозначал. Чернила, шельмец, вишь, экономил. Потом дело прояснилось, его в острог, а пачпорта переделывать уж не стали. Документ все-таки. – Он повернулся к Федосье Ивановне, как бы ища поддержки. – Ефимцев, купец, третьего года рождения записан, Куликов – второго...

– Да много их тут – долгожителей, – подтвердила Федосья Ивановна.

Теперь все повернулись к Калиостро.

Калиостро достал трубку, начал медленно набивать ее табаком.

– Аналогия неуместна, – строго произнес он. – Я не по пачпорту, как вы изволили выразиться, а по самой жизни урожден две тысячи лет назад... В тот год и в тот час произошло извержение вулкана Везувий. Очевидно, вследствие этого знаменательного совпадения часть энергии вулкана передалась мне...

Калиостро сунул трубку в рот, огляделся, как бы ища огня. Федяшев потянулся к подсвечнику, но Калиостро остановил его.

– Благодарю! Не требуется! – Он коснулся мизинцем трубки и потянул воздух. Из-под мизинца, к изумлению гостей, вспыхнул огонек и пошел дым.

Калиостро с блаженным выражением затянулся и опустил кончик мизинца в бокал с водой. Мизинец зашипел, как раскаленный паяльник, обильно образуя пар. После этого Калиостро посмотрел на доктора, который хранил невозмутимое спокойствие.

– Надеюсь, сударь, в вашем уезде подобного не случалось? – спросил Калиостро.

– От пальца не прикуривают, врать не буду! – сказал доктор. – А искры из глаз летят... Вот хоть у господина Загосина о прошлом годе мужик с воза свалился да лбом об оглоблю. Ну, я вам доложу, был фейерверк.

– Все сено сжег, – подтвердил Свиньин. – Да какое сено! Чистый клевер...

Мария хмыкнула и с трудом сдержала смех. Это заметил Калиостро.

– Ах, господи, да что ж вы такое говорите?! – взорвался Федяшев. – Какое непонимание! Наш гость повествует о совсем иных явлениях!

– Успокойтесь, друг мой! – строго сказал Калиостро. – Я чувствую, здесь собрались люди скептического нрава... Мне ничего бы не стоило поразить их воображение рассказами о таинствах материи, о переходах живой энергии в неживую, о парадоксах магнетизма... – Он покосился на доктора и усмехнулся. – Но, боюсь, все это будет несколько сложно для вашего, сударь, поверженного алкоголем ума. Посему лучше вернемся к трапезе. Видите эту вилку?

– Ну? – сказал доктор.

– Хотите, я ее съем?

– Сделайте такое одолжение! – сказал доктор.

Федосья Ивановна всплеснула руками:

– Да что вы, граф? Помилуй бог! Да это вы меня как хозяйку позорите... Сейчас десерт! Фимка! Ну что стоишь, дура! Неси шоколад!

– Не беспокойтесь, сударыня! – сказал Калиостро. – Я же объяснял про взаимный переход энергии... И с этой стороны у шоколада не больше достоинств, чем у сего железного предмета.

После этих слов Калиостро постучал вилкой по звонкому бокалу, потом эффектным движением сунул вилку в рот, с аппетитом прожевал ее и благополучно проглотил... После чего взглянул на доктора.

Доктор, подумав, ободрил Калиостро взглядом. Кивнул.

– Да! – сказал он. – Это от души... Это достойно восхищения. Ложки у меня пациенты глотали много раз, не скрою, но вот так, чтобы за обедом... на десерт... и острый предмет... замечательно! За это вам искренняя сердечная благодарность. Ежели, конечно, еще кроме железных предметов и фарфор можете употребить... – Он взялся за большую тарелку и оглядел ее со всех сторон. – Тогда просто нет слов!

Все обернулись в сторону Калиостро.

– М-да... Однако это становится утомительным, – вздохнул Калиостро и встал из-за стола. – Благодарю, сударь. Я уже сыт, пора и делом заняться. Ну где там ваш идеал, господин Федяшев? Показывайте...

Освещая дорогу канделябром с горящими свечами, Федяшев повел Калиостро наверх, в свой кабинет. Следом шли Мария, Федосья Ивановна и Маргадон.

Статуя стояла в самом углу на небольшой подставке. Отломанная рука была прибинтована к плечу.

Калиостро оглядел статую и удовлетворенно покачал головой:

– Прекрасное создание! Браво, сударь! Мне нравится ваш вкус!

– Славная фемина! – поддакнул Маргадон и прищелкнул языком.

– Узнаешь, Маргадон?

– Натюрлих! – ответил Маргадон почему-то по-немецки. – Только плечи пошире... И бедра...

Калиостро гневно глянул на Маргадона и что-то резко сказал ему по-итальянски. Тот пристыженно смолк.

– Нельзя говорить со слугой о возвышенном, – иронично заметил Калиостро – Ум невежды – в молчании! Однако сейчас он сказал правду. Мы действительно встречали эту прекрасную даму...

– Как? – ахнул Федяшев. – Вы ее видели?

– И не раз! – спокойно сказал Калиостро. – Я же вам объяснял, сколь долга была моя жизнь. Неудивительно, что судьба позволяла мне лицезреть и этот образ. Когда-то давно ее звали Елена... Елена Прекрасная...

– Елена! – шепотом повторил Федяшев.

– Позже ее звали Беатриче...

– Беатриче... – повторил Федяшев.

– Прасковья ее звали, – вмешалась тетушка. – Лепили ее с Прасковьи Тулуповой! У деда Лешиного была тут одна... извиняюсь...

– Не важно, с кого ее лепили, – с улыбкой ответил Калиостро. – Истинный художник копирует не натуру, но лишь свое воображение. Думаю, вы это понимаете, друг мой, – добавил он, обращаясь к Алексею, – и не ждете от меня портретного сходства?!

– В общем-то... конечно, – растерянно пробормотал Федяшев. – Но, с другой стороны... я думал – будет похожа.

– Материализация идей есть материализация идей! – строго заметил Калиостро. – Она зримо воплощает фантазию. С первоосновой же сохраняет лишь общие контуры. Тем более что и сама модель у вас... в скверном состоянии. – Он внимательно оглядел статую. – Вы роняли ее, что ли?

– Говорила, не надо трогать... Говорила, – запричитала Федосья Ивановна.

– Она стояла в парке... – начал пояснять Федяшев. – Я подумал: там дождь, голуби...

– Ах, как неосмотрительно! – покачал головой Калиостро. – Идеал нельзя отрывать от почвы! Нарушаются магнетические связи! Извольте водрузить на место! И немедленно! Теперь уж даже и не знаю, как она будет выглядеть, ваша Лаура...

– Лаура? – воскликнул Федяшев. – Не Лаура ли это, воспетая великим Петраркой?

– Когда-то она была ею, – спокойно ответил Калиостро. – Я же говорю: она являлась миру под разными именами: Лаура, Джульетта... Даже и не ведаю, какое имя она выберет в нашем веке? Может быть, Мария? Вы не возражаете, сударыня? – Он повернулся к Марии и в упор посмотрел ей в глаза.

Мария вздрогнула, но выдержала взгляд и ответила:

– Отчего же! Это честь для меня. Не я сама, то хоть имя мое послужит чьей-то любви.

– А вы, сударь? – Калиостро вонзил свой взгляд в Федяшева.

– О! Это прелестное имя! – Федяшев нежно посмотрел на Марию. – Да я и внешний облик вашей спутницы воспринял бы с радостью...

Наступила пауза. Маргадон от неожиданности икнул и с недоумением посмотрел на магистра.

Калиостро побледнел, закрыл глаза. Его лицо исказила гримаса, словно он ощутил физическую боль. Однако он взял себя в руки и через секунду улыбнулся.

– Должен вас огорчить, друзья! Сейчас мне было видение... – Он еще раз оглядел статую. – Галатею будут звать ЛОРЕНЦЕЙ!

После обеда хозяева и гости разбрелись по своим комнатам на полуденный отдых.

Маргадон и Жакоб от нечего делать опробовали столы в бильярдной.

– И здесь тоска! – сказал Маргадон, забивая очередной шар. – Кормят до отвала. Двери не запирают. У ключницы попросил три рубля – дала и не спросила, когда отдам. Честное слово, Жакоб, они меня доконают!!

– Погрузитесь в себя, сэр! – посоветовал Жакоб. – В тайники своей души...

– Там холодно и страшно, – отмахнулся Маргадон. – Лучше уж заботиться о теле.

Он увидел, что мимо окон идет розовощекая Фимка, и отложил кий.

– Селянка! – крикнул он. – Подь сюда...

Фимка покорно подошла:

– Чего изволите?!

– Хочешь большой, но чистой любви? – бесцеремонно сказал Маргадон.

– Как не хотеть! – ответила Фимка.

– Однако! – ухмыльнулся Маргадон. – Мне нравится твоя простота. Придешь сегодня в полночь на сеновал.

– Придем-с... – сказала Фимка. – Только уж и вы приходите. А то вон тот сударь тоже позвал, а опосля испугался...

Маргадон удивленно уставился на Жакоба.

– Она с кузнецом придет! – спокойно пояснил Жакоб.

– С каким кузнецом?

– Дядя мой... Степан. Он мне заместо отца.

– Какой кузнец? Зачем кузнец? – изумился Маргадон. – Я не лошадь!

– Благословлять, – простодушно сказала Фимка. – Вы ж изволите предложение делать или как?

Маргадон секунду обалдело смотрел на нее, потом его ус нервно задергался:

– Ступай, селянка! Видишь, играем. Не мешай!

Из окна своего кабинета Федяшев увидел, как из дома вышла Мария. Он поспешно завязал галстук, надел новый сюртук и спустился вниз.

Мария сидела в беседке возле пруда и печально смотрела на водную гладь...

Сзади послышался шорох. Она испуганно оглянулась, увидела Калиостро.

– Извините, что прервал ваше уединение, – сказал Калиостро. – Мне сейчас было послание от вашего папеньки.

– Как? – ахнула Мария. – Где ж оно? – И нетерпеливо протянула руку.

– Мысленное послание, – улыбнулся Калиостро. – Он явился ко мне во сне... Выглядел хорошо. Пульс ровный... Дыхание размеренное... Румянец.

Мария подозрительно посмотрела на Калиостро:

– Граф, коли так – я счастлива! Но если вы обманываете меня – это грех. И Небо покарает вас!

– Если б я был обманщиком, – спокойно возразил Калиостро, – у Неба было достаточно времени для возмездия. Но если я уже две недели безвинно терплю вашу подозрительность и неприязнь, не кажется ли вам, сударыня, что это жестоко? Как мне доказать свои чувства? Застрелиться? Так пуля меня не берет... Утопиться? – Он глянул на пруд и с ужасом увидел, что к ним направляется лодочка. На веслах сидел Федяшев, рядом с ним лежала огромная охапка ромашек... – Или утопить этого надоедливого субъекта?! – зло закончил Калиостро.

– За что вы на него сердитесь? – с улыбкой спросила Мария. – Он наивный, но трогательный.

– Я плохо понимаю происхождение отдельных русских слов, – сухо сказал Калиостро. – “Трогательный” – от глагола “трогать”? Я этого не люблю... – Он круто повернулся и пошел из беседки. На ступеньках остановился. – Думайте больше о папеньке, Мария! Пусть и дальше приходит ко мне живым и здоровым...

– Прошу простить за дерзость! – сказал Федяшев, протягивая цветы Марии.

– В чем же дерзость?

– Я насчет того, что помыслил придать идеалу черты ваши и публично о сем сказал...

– Теперь, стало быть, передумали?

– Ах, что вы? – вспыхнул Федяшев. – Был бы счастлив... Но мне казалось, я нарушил куртуазность поведения. Да и граф обиделся!

– Так вы цветы ему принесли?

– Почему? Что вы, Мария Ивановна... Ах, совсем я запутался! – Федяшев смутился, цветы посыпались из его рук.

– Странный вы, Алексей Алексеевич, – улыбнулась Мария. – Так сложно изъясняетесь. И вроде живете на природе, среди простых нормальных людей. – Она склонилась к нему, помогая собрать ромашки. Их руки

людей. – Она склонилась к нему, помогая собрать ромашки. Их руки коснулись друг друга, лица оказались рядом. – А мыслите все о каких-то идеалах бестелесных! – Мария смотрела на Федяшева чуть насмешливо.

– Но так и великий Петрарка мечтал о своей Лауре... – в смущении пробормотал Федяшев.

– Неправда! – вдруг резко сказала Мария. – Петрарка любил земную женщину, да еще жившую по соседству. А уж потом чувством своим вознес ее до небес. А у вас все наоборот, сударь! Небеса на землю мечтаете притянуть! Хитростями да магнетизмом счастья любви не добьешься!

– Ну тогда скажите, сударыня, – как достичь его?! – воскликнул Федяшев.

– Не знаю! – печально ответила Мария. – Знала бы, сама была б счастлива...

Так, тихо разговаривая, они вышли из беседки и пошли по дорожкам парка.

Наступал вечер, на небе показалась первая звезда. Калиостро наблюдал за прогуливавшимися Алексеем и Марией, стоя на балкончике второго этажа. Потом достал подзорную трубу: лица Марии и Алексея укрупнились...

За спиной Калиостро неожиданно вырос Маргадон:

– Магистр! Извините, что отвлекаю от визуальных наблюдений...

– Что тебе? – сердито обернулся Калиостро.

– Лоренца приехала! – шепотом сообщил Маргадон...

Лоренца сидела в открытой бричке. Бричка стояла метрах в пятистах от усадьбы, прямо посреди поля. Светила луна.

Лоренца с улыбкой наблюдала, как через поле к ней быстро приближаются три мужские фигуры. Кто-то из бегущих споткнулся и упал в траву. Лоренца громко засмеялась.

– Тсс! – по-кошачьи зашипел первый из подбежавших. Это был Маргадон. – Я тебе сказал: ни звука!

Тут же из темноты возникло лицо Калиостро. Сзади, прихрамывая

Тут же из темноты возникло лицо Калиостро. Сзади, прихрамывая, появился Жакоб.

– Здорово, ребяты! – весело крикнула Лоренца.

– Тсс! – снова зашипел Маргадон. – Ты ж обещала... Тихо!

– Зачем вы приехали, Лоренца? – строго спросил Калиостро. – Вас могли увидеть... Вы получили мою записку?

– Получила... Ну и что? Какого черта?! – Лоренца попыталась глотнуть из горлышка, но Калиостро решительно вырвал из ее рук бутылку, зашвырнул в темноту.

– Какого черта? – снова хмельно закричала Лоренца. – Бросаете меня в Петербурге... Я одна мчусь через всю страну... Жру дорожную пыль и вытряхиваю кишки на ухабах. А когда приезжаю, то мне, оказывается, даже нельзя появляться никому на глаза?! Что за... елки-моталки?!

Калиостро улыбнулся:

– Я смотрю, вы хорошо освоили русский язык, Лоренца. Даже чересчур... Но все равно это не дает вам права орать! Вас действительно никто не должен видеть до... – он засмеялся, – ... до той сложной мистерии, которую я намерен здесь учинить.

– Опять материализация? – скривилась Лоренца. – Опять краситься, мазаться белилами? Тьфу! Надоело!

Калиостро с гневом обернулся к Маргадону:

– Это вы уже разболтали?

– Что вы, магистр? – испугался тот. – Я был нем как рыба...

– Лжете!. И быть вам за это рыбой... Мерзкой скользкой рыбой на самом дне моря, в вечной темноте!

– Он не виноват! – засмеялась Лоренца. – Я научилась считывать мысли. Мы все понемногу овладеваем вашим искусством, Джузеппе... Однако еще одна мысль терзает мозг нашего Маргадоши: а на кой черт нам это надо?!

Когда материализуешься в столице для какого-нибудь князя или маркиза – это можно понять... Но здесь, в провинции? Ни денег, ни славы!.. Неужели только для того, чтобы позабавить вашу русскую мадемуазель?

– Ты так думал?! – свирепо спросил Калиостро и схватил Маргадона за ворот. – Ты?!

– О нет! Магистр!.. Быть мне рыбой!.. – захрипел тот, но вдруг, вырвавшись и отбежав в сторону, крикнул: – Да! Чем бы это мне ни грозило: да! Это моя мысль!

– Так! – вздохнул Калиостро и обернулся к Жакобу. – И ваша тоже, Жакоб?

– Сэр, – невозмутимо ответил тот, – вы знаете: мои мысли всегда далеко-далеко... в будущем. Но, сказать откровенно, если в палате лордов мне зададут вопрос: зачем, принц, вы столько времени торчали под Смоленском? – я не буду знать, что ответить...

– Так! – снова повторил Калиостро, и в его голосе послышались металлические ноты. – Значит – бунт?! Меня предупреждали, что пребывание в России действует разлагающе на некрепкие умы, но я не полагал, что это касается близких мне людей... Ничтожества! Вы требуете отчета от меня, дарующего вам богатство и вечную жизнь? Жалкие комедианты. Я бы мог вас испепелить, превратить в прах! Тайным заклинанием я бы мог обратить вас в насекомых и поместить в прозрачную склянку, дабы видеть, как вы там прыгаете и бьетесь о стенки... Но я не стану тратить на вас магическую энергию! Вы сего недостойны! Я поступлю с вами проще: сдам в участок. Вас станут судить за кражу серебряных ложек и неоплаченные счета в трактире! А потом публично выпорют, как бродяг, и отправят в Сибирь убирать снег!

– Весь? – ужаснулся Маргадон.

– Весь! – ответил Калиостро. Он повернулся к слугам спиной, давая понять, что разговор окончен.

Маргадон и Жакоб переглянулись и растворились в темноте.

Калиостро сел рядом с Лоренцей в бричку, тронул вожжи. Лошадка медленно пошла по дороге, освещенной белым светом луны. Лоренца глянула на магистра, ее взгляд потеплел, она склонила ему голову на

глянула на магистра, ее взгляд потеплел, она склонила ему голову на плечо...

– Ты опять колдуешь любовь, Джузеппе? – тихо спросила Лоренца.

Калиостро молча кивнул.

– Ну и как?

– Поначалу все шло по плану. Мы виделись, она согласилась поехать со мной. А теперь...

– Что теперь? Неужели соперник?

– Соперник? – Калиостро засмеялся. – Желторотый птенец! Слюнявый мечтатель...

– Ого! Ты уже ревнуешь? Бедный Джузеппе, – засмеялась Лоренца.

Калиостро резко остановил бричку:

– Не смей меня жалеть! В этот раз все получится! Я уверен! Не может быть, чтоб человек, открывший философский камень, постигший тайну перехода энергий, не смог бы понять столь нехитрую механику. Сие несправедливо! Тогда нарушаются все законы материи!

– Не кричи, я рядом, – улыбнулась Лоренца.

– Я не для тебя кричу! – вновь крикнул Калиостро и поднял лицо к звездному небу. – И Тот, Кому я кричу сейчас, слышит меня! Несправедливо! Зачем было открывать тайны сложного, если неразрешимы загадки простого?!

– Бедный Джузеппе! – Лоренца погладила его по волосам. – Ты устал...Ты слишком долго живешь.

– Помоги мне, Лоренца! – страстно заговорил Калиостро. – Я на пороге величайшего открытия. Все лучшие умы мира вычерчивали формулу любви, и никому она не давалась. И только мне, кажется, суждено ее постичь... – Он достал бумагу, испещренную какими-то знаками и цифрами. – Смотри! Здесь все учтено... Знакомство... Тайное влечение... Ревность... Отчаяние... Все это подлежит моделированию. И если в конце

Ревность... Отчаяние... Все это подлежит моделированию. И если в конце вспыхнет огонь чувств, то, значит, не Бог его зажег, а человек. И стало быть, мы равны...

– Вот ты с кем соревнуешься, – покачала головой Лоренца.

– Да! – торжественно произнес Калиостро. – Другие соперники мне неинтересны...

Лоренца взяла бумагу, с любопытством оглядела ее:

– А где же тут я?

– Ты Икс! Ты воздействуешь на соперника своими чарами, и тогда он отпадает... из числителя в знаменатель...

– Хорошо! Сделаю все, что захочешь, – засмеялась Лоренца. – Воздействую, убью, лишь бы ты не страдал, Джузеппе... Однако хватит сверять расчеты... Смотри, как здесь красиво! Луна, поле... словно у нас в Сицилии, помнишь?

– Да, – кивнул Калиостро. – Только не хватает моря...

– Верно, – согласилась Лоренца. – Море бы не помешало...

Они тихо заговорили по-итальянски, уже не ссорясь и не крича друг на друга, а спокойно и мирно, как говорят родные люди на родном языке.

И тогда полилась музыка и шум травы стал похож на шум морской волны.

А где-то в другом конце поля появилась телега. На телеге стояла многострадальная статуя, которую приказано было водрузить на место.

За телегой шли Степан и Фимка. Степан что-то негромко напевал, и эта русская песня сливалась с печальной итальянской мелодией...

Не мог уснуть в эту ночь и Алексей Федяшев. Сидя у раскрытого окна, при свече, он читал стихи.

В дверь тихо постучали. Вошла Федосья Ивановна в халате и ночном колпаке:

– Не спится, Алеша?

– Нет, тетушка... Готовлюсь! Вот послушайте, как великий пиит обращается к предмету сердца своего... – Алексей нараспев прочитал несколько строф. – Великолепно, не правда ли? Мне так самому никогда не изъясниться!

– Не нравится мне все это, Алеша, – вздохнула Федосья Ивановна.

– Как? Великий Петрарка – и не нравится?!

– Бог с ним, с Петраркой, – отмахнулась Федосья Ивановна. – У него своя тетушка была, это ее заботы. А ты у меня один племянник, и я тебе так скажу: ежели ты человек, то и люби человека, а не мечту какую-то бесплотную, прости господи! Да и что за особу тебе сей чародей сотворит?! Это ведь не вилку сглотнуть, Алеша!

– Ах, тетушка, не травите душу! – Федяшев вскочил и начал нервно расхаживать по комнате. – Я и сам теперь в опасении! Слышали, что граф сказал: энергетические связи нарушены... Только по мыслям моим сможет он идеал воссоздать. А мысли мои сейчас сплошной туман.

– Ну и откажись! Скажи – передумал.

– Неловко, тетушка. Сам кашу заварил, а теперь в кусты? Не по-мужски! Я вот что решил... Я во время материализации про Марию буду думать. Лицо ее буду вспоминать, глаза, руки...

– Час от часу не легче! – всплеснула руками Федосья Ивановна. – Да что ж думать, когда все это рядом в натуральном виде ходит?

– Что ж вы такое говорите, тетушка? Сами же в детстве учили: на чужой каравай рот не разевай!

– Мало ли я глупостей говорю?! Да и потом, когда любят, разве советы слушают?!

– Что ж вы мне предлагаете, право?! – совершенно растерялся Алексей. – Отбить ее у графа?!

– А хоть бы и отбить, – спокойно сказала тетушка. – Ты, Алеша, все только

– А хоть бы и стоить, – спокойно сказала тетушка. – Ты, Алеша, все только готовенькое хочешь. Придумал, вишь, идеал, и подай ему на блюдечке. Чужой мечте чужие стишки читать – не велика доблесть. Небось твой Петрарка за свою Лауру еще как бился...

Федяшев, раскрыв рот, смотрел на Федосью Ивановну, а затем рассмеялся:

– А вы, тетушка, не так глупы, как казались!

– Благодарю покорно, – обиженно ответила тетушка. – У человека, Алеша, есть два ума. Один на виду, а другой, главный, глубоко спрятан. Его по пустякам тратить негоже. Одно тебе скажу: не любит Маша этого Калиостру. Как уж он ее в сети поймал, не знаю, а только страдает она.

– Она сама говорила вам об этом?

– Когда говорят, тогда и страданий нет. А когда молчат, да плачут, да по ночам на пруд бегают... Это добром не кончается!

– Что?! Какой пруд?! Вы видели, как она пошла на пруд ночью?!!

– Доктор видел, – сказала тетушка. – Он мне и сказал... А я сразу к тебе...

– Да как же? Да что же? – Федяшев даже задохнулся от возмущения. – Жизнь человеческая в опасности, а вы молчите?

– Где ж молчу? – снова обиделась Федосья Ивановна. – Я тебе о чем полчаса толкую?

– Ну, тетушка! – крикнул Федяшев. – Не знаю, как второй ум... А первый у вас совсем плох!.. – И стремглав выскочил из комнаты...

Начинало светать. Над тихим прудом поднимался белый пар. Запели птицы.

Мария подошла к самому краю воды, тронула ее босой ногой. Потом скинула платье, вошла в воду и поплыла к самой середине пруда, плавно разгребая зеленоватую воду руками. Скоро ее голова уже виднелась среди белых лилий, густо населявших пруд...

В этот момент в кустах раздался треск, и на берег, запыхавшись от бега, выскочил Федяшев.

выскочил Федяшев.

– Мария! – крикнул он. – Я здесь! – И, не раздеваясь, прыгнул в воду...

Однако прыжок получился неудачным. Кто-то подставил ногу, Федяшев зацепился и смешно шлепнулся у самого берега в густую тину.

Он тут же вскочил и гневно оглянулся. На берегу стоял Калиостро и с улыбкой глядел на него.

– Вы, кажется, упали, Алексис?

– Я? Почему?.. С чего вы взяли? – растерянно забормотал Федяшев и выбрался на берег. – А если и упал, так что?

– Ничего, – сухо ответил Калиостро. – Если упали, примите сочувствие, а коли за купающейся девушкой подсматривали, так сие не галантно.

– Как вы смеете?! – вспыхнул Алексей. Он обернулся к пруду и увидел, что Мария спокойно плавает между лилий. – Я подумал – она тонет.

– А хоть бы и тонет? – усмехнулся Калиостро. – Вам-то что за печаль?! Вам о своем идеале надобно думать, а не на чужие засматриваться.

– Послушайте, граф! – сказал Федяшев, отряхиваясь и отжимая промокшую одежду. – Я... того... Всю ночь думал и решил... Я отказываюсь от материализации.

– То есть как? – нахмурил брови Калиостро.

– Передумал... Мое душевное состояние изменилось!

– Да вы что, сударь?! – зашипел Калиостро. – На базар пришли?! Я уже вступил во взаимодействие с силами магнетической субстанции. Я разбудил стихию, энергетический поток которой направлен на указанный предмет... А ну пошли! – Он схватил Федяшева за рукав и решительно потащил от пруда.

– Куда? Куда? – упирался Федяшев.

– Сами увидите! – зло сказал Калиостро, и поскольку был физически намного сильнее, то буквально проволок Федяшева сквозь кусты по аллее

намного сильнее, то буквально проволок Федяшева сквозь кусты по аллее парка, к месту, где некогда стояла злосчастная статуя.

Она и сейчас там стояла, только черты ее были не видны, поскольку сверху на нее накинули белое шелковое покрывало. Площадка перед статуей была очерчена магическими кругами и обнесена веревками. Здесь же была разбита небольшая палатка, служившая как бы магнетической лабораторией... В ней кипели какие-то колбы, курился оранжевый дым.

Возле палатки горел костер, у костра сидели Маргадон и Жакоб, размешивая в ведрах какую-то странную беловатую смесь.

– Глядите! – Калиостро указал на траву. – Вот знаки зодиака! Вот двадцать четыре каббалистических символа... Вот ключ. Врата. И семь сфер. Все уже дышит и приведено в действие. – Он взмахнул рукой, и оранжевый дым начал подниматься клубами вокруг статуи...

– Ах, несчастный я человек! – заплакал Федяшев. – Но что же делать, господин Калиостро?! Я не о ней теперь грежу. Я полюбил другую...

– Другую? – усмехнулся Калиостро. – Когда же вы успели... другую? Вы и видели-то ее всего два дня.

– Разве этого мало? Иногда и двух минут хватит... Одного взгляда... И все перевернется в душе! Вы же знаете, как это бывает!

– Не знаю, – холодно ответил Калиостро, – и знать не хочу! Все это мальчишество и воспаленный бред. Вы получите то, что желали... Согласно намеченным контурам...

– К черту! – неожиданно закричал Федяшев. – К черту контуры! Я их уже ненавижу! И если вы не можете остановить таинство, я сам разрушу это каменное изваяние!

Он оттолкнул Калиостро, бросился к костру, схватил огромное тлеющее полено и побежал к статуе...

Оторопевшие Маргадон и Жакоб вскочили. Раздался пронзительный женский визг. Покрывало дрогнуло, “статуя” присела от страха и вытянула вперед руки, как бы защищаясь от удара.

Федяшев обмер и выронил полено. От земли поднялось облако оранжевого дыма...

– Обман... – прошептал Федяшев. – Что ж это, господи? Да вы, сударь, обманщик и злодей! Я убью вас!

– Это вызов? – улыбнулся Калиостро...

В кузнице Степана пылал горн. Степан орудовал огромным молотом, дубася раскаленный кусок железа. По всему полу кузницы была разбросана разломанная карета: колеса, двери, поручни.

В дверь постучали. Вошел Жакоб.

– Здравствуйте, сэр! – учтиво сказал он.

– Здравия желаем! – ответил Степан, с интересом разглядывая гостя.

– Мой патрон, мистер Калиостро, интересуется: будет ли готова карета?

– Обязательно, ваше превосходительство. Через неделю – как новенькая...

– А к завтрашнему дню?

– К завтрашнему – никак. Тут ось полетела, да спицы менять...

Жакоб с интересом оглядел разобранную карету:

– Простите мое любопытство, сэр, но, насколько я понимаю, вы к спицам пробираетесь через крышу?

– Так точно! – сказал Степан. – Так оно... сподручней. Лабор ест этиам ипсе волюптас, что означает: труд уже сам по себе есть наслаждение!

Жакоб царственно кивнул:

– Я рад, что вы, сэр, изучаете латынь во время работы. Это достойный пример! Если б я был принцем, я бы вас повесил в назидание другим... Благодарю за интересную беседу! – Жакоб кивнул и удалился.

Степан крякнул от досады и со всего маху грохнул молотом по

раскаленному железу...

Стрелялись днем в лесу, на небольшой полянке среди берез. Маргадон подал каждому по пистолету, противники разошлись на несколько шагов, потом начали сближаться...

Лицо Калиостро выражало бесстрастность и равнодушие.

Федяшев был взволнован.

Так они сближались до тех пор, пока не подошли друг к другу вплотную. Это их озадачило. Они помолчали, и Калиостро спросил:

– Что ж вы медлите, сударь?

– Вы – гость, – угрюмо ответил Федяшев. – Вам положено стрелять первым.

– У нас, сударь, дуэль, а не светский раут, – возразил Калиостро. – Повторим еще раз, и извольте стрелять, ежели вы не трус.

– Я не трус! – воскликнул Федяшев, поднял пистолет и выстрелил в воздух. – Не трус... – тихо повторил он, – но и не подлец. Пока вы в моем доме, я не могу причинить вам вреда.

– Но мы в лесу...

– И лес мой... – вздохнул Федяшев.

– Что же нам, за тысячу верст отъезжать, что ли? – удивился Калиостро.

– Жуткие нравы! – произнес Маргадон. – Уж где только не дуэлировали... и во Франции... и в Голландии... Быстро, четко, как принято у цивилизованных людей: рраз – и наповал!

– Коли вы своим оружием, милостивый государь, выбрали благородство, – насмешливо произнес Калиостро, – то я им тоже владею. Подозреваю, что у меня и рука тверже, и глаз верней...

Он повернулся к Маргадону. Тот привычным жестом поставил себе на макушку яблоко. Калиостро выстрелил, яблоко разлетелось на куски...

– Уравняем шансы! – улыбнулся Калиостро, взял из рук Федяшева пистолет и вместе со своим протянул Маргадону. – Ну-ка заряди только один!

Маргадон исполнил приказание, затем ловко перетасовал пистолеты, протянул их Федяшеву.

– Прошу! – улыбнулся Калиостро. – Сама судьба станет нашим арбитром. Надеюсь, застрелиться в присутствии гостя не противоречит вашим обычаям?

Федяшев глянул на Калиостро исподлобья, затем нерешительно потянулся к оружию...

– Страшно? – спросил Калиостро.

– Страшно! – признался Федяшев и взял один из пистолетов. – Тетушке, граф, ничего не говорите про дуэль. Просто скажите: дематериализовался Алеша, мол, и все! И Марии... – Он вдруг улыбнулся. – А вообще, граф, я вам благодарен. Обещали явить мне мою мечту – и явили... За нее и жизнь отдать не жалко. Прощайте, мечта моя, Мария Ивановна! – Он зажмурил глаза, приставил пистолет к сердцу, нажал курок.

Раздался сухой щелчок.

У Федяшева вырвался непроизвольный вздох облегчения, и он открыл глаза.

– Поздравляю, – сухо произнес Калиостро и потянулся к футляру.

– Полно, граф, – Федяшев попытался остановить его. – Ну, погорячились, и будет!.. Я вас прощаю... Ничья!

– Пусть Бог прощает, сударь, это его забота, – твердо произнес Калиостро. – Мой выстрел! Извольте не мешать! – Он попятился и стал медленно подносить дуло к виску.

– Остановитесь! – вдруг произнес чей-то громкий голос. Калиостро обернулся. Мария стояла в нескольких шагах.

– Не делайте этого, – тихо попросила она и посмотрела на Калиостро

– Не делайте этого, – тихо попросила она и посмотрела на Калиостро глазами, полными слез. – Я люблю вас... правда! Ваш опыт удался, я полюбила вас и готова ехать с вами хоть на край света. Вы, граф, умный... нежный... а главное – несчастный. Вы без меня пропадете.

Федяшев хотел что-то сказать, но Мария опередила его.

– Такова судьба, Лешенька, – улыбнулась она ему сквозь слезы. – Будем страдать. Страданиями душа совершенствуется. Папенька говорит: “Одни радости вкушать недостойно...”

– Да пропади он пропадом, ваш папенька с его советами! – в сердцах воскликнул Федяшев. – Без вас мне и жить незачем!

Резким движением он выхватил из рук Калиостро пистолет и, отскочив в сторону, приставил его к сердцу:

– Прощайте, госпожа Калиостро!

Мария в ужасе вскрикнула.

Федяшев нажал курок, однако выстрела не последовало. В пистолете что-то зашипело, и из него тоненькой струйкой вяло пополз дымок. Потрясенный Федяшев поднял шипящий пистолет к самому носу, потом перевел взгляд на смущенного Маргадона.

– Мерзавец! Хоть один-то надо было зарядить! – И Федяшев что есть силы швырнул пистолет в Маргадона, который вовремя успел пригнуться. Пистолет ударился о ствол дерева и упал на землю. – Бесчестный человек!

– Кабы я был честным, – отозвался Маргадон, – столько бы народу полегло, ужас!

Калиостро поднял пистолет, задумчиво осмотрел его, потом, направив дуло вверх, спустил курок... Раздался выстрел. Калиостро прицелился в ближайшую березу и вновь спустил курок... Снова грохнул выстрел, посыпалась опаленная кора...

Федяшев и Мария изумленно смотрели на это чудо.

– Вот как? – улыбнулся Калиостро и посмотрел на небо. – Значит, Ты все-таки решил меня проверить? Думаешь, Калиостро страшно умереть? Да

таки решил меня проверить? Думаешь, Калиостро страшно умереть? Да ничуть... Все равно умерли чувства и желания... Остался только разум... Разум, который Ты мне дал и который рвется взаперти. Что ж, забери и его...

Калиостро приставил дуло к виску и стал медленно отступать в глубь леса. Лицо его сделалось бледным и страшным...

Федяшев, Мария и даже Маргадон с ужасом наблюдали за ним.

Неожиданно за спиной Калиостро раздалось вежливое покашливание. Он резко обернулся.

Перед ним стоял доктор.

– У нас в уезде был аналогичный случай, – невозмутимо произнес доктор. – Вам, граф, напоследок это будет весьма интересно. Стрелялся, стало быть, некий помещик Кузякин...

Калиостро безумным взором оглядел доктора, пробормотал:

– Это невыносимо... – И спустил курок.

Из пистолета вырвался сноп огня и дыма...

Когда дым рассеялся, стал виден двор усадьбы, по которому, весело щебеча, бежала маленькая русоголовая девочка. Она подбежала к окну барского дома, встала на цыпочки, заглянула в окно. Здесь же собрались группа любопытных детей и местный художник Загосин с мольбертом и с большим холстом, натянутым на раму...

Калиостро почувствовал на себе любопытные взгляды, покосился в сторону окна. Плотно перебинтованная голова его покоилась на подушке. Сверху бинтов был кем-то напялен ночной колпак. Выглядел магистр довольно жалко и беспомощно.

– Ну вот, – раздался скрипучий голос доктора, сидевшего рядом у постели, – так я дорасскажу... Стрелялся, стало быть, у нас некий помещик Кузякин. Приставил пистолет ко лбу, стрельнул – осечка! Стрельнул другой раз – осечка! Э, думает, не судьба! И точно! Продал пистолет, а он у него дорогой был, с каменьями... Продал пистолет и на радостях напился... а уж

потом спьяну в сугроб упал да замерз...

Калиостро с ужасом посмотрел на доктора.

– Это он к тому говорит, – пояснила Федосья Ивановна, – что каждому свой час установлен и торопить не надо!

– Абсолютно верно, – кивнул доктор, приставив деревянную трубку к груди Калиостро, – тем более что организм ваш, батенька, совсем расстроен неправильным образом жизни... Дышите!.. Печень вялая, сердечко шалит... – Он отложил трубку. – Как вы с ним две тыщи лет протянули, не пойму! Кончать надо с хиромантией, дружок! Пальцем искрить, вилки глотать в нашем возрасте уже не годится. И с барышнями поаккуратней! Мраморные они, не мраморные – наше дело сторона! Сиди на солнышке грейся!

– Травами бы хорошо подлечиться, – добавила тетушка. – Отвар ромашки, мяты... У вас в Италии мята есть?

– Ну откуда в Италии мята? – возразил доктор. – Видел я их Италию на карте – сапог сапогом, и все!

В дверь заглянула смущенная Мария.

– А вот и Галатея наша, – радостно объявила Федосья Ивановна. – Подойди к магистру, не бойся...

Мария потянула за собой упирающегося Федяшева.

– Вы же обещали, Алеша, – шепотом укорила она его.

– Мы, граф, – пояснила Федосья Ивановна, – соседям-то сказали, что материализация состоялась. Да-с! Вчистую! Вот, мол, было изваяние, а теперь стала Мария Ивановна. Многие верят.

– Ему плохо? – спросила Мария, приблизившись и держа за руку Федяшева.

– Ему хорошо, – ответил доктор. – Живым все хорошо... Пуля-то, слава богу, только кожу задела. Рука у вас, граф, выходит, умней головы... Та говорит “стреляй в меня”, а эта не хочет...

говорит "стреляй в меня", а эта не хочет.

– Куда едет Маргадон? – вдруг тихо спросил Калиостро.

– Я его в город послала, – Федосья Ивановна выглянула в окошко. – Говорят, какой-то штабс-капитан вас разыскивает. От князя Потемкина...

...В это время Маргадон выходил из дома с дорожным баулом. Конюх держал под уздцы оседланного коня.

– Маргадон! – тихо позвал Калиостро.

Маргадон вздрогнул, обернулся в сторону дома.

Мария незаметно подтолкнула Федяшева, и он тотчас произнес:

– Граф, я прошу вас погостить у нас еще несколько дней. В воскресенье помолвка. Я сделал Марии Ивановне предложение...

– Да погодите вы, – сказала Мария. – Я же сказала: без папеньки решиться не могу.

– Помогите нам, граф! – взмолился Федяшев. – На вас одна надежда... Мария Ивановна говорит: у вас с ним астральная связь. Спросите его благословения, умоляю!

– Ах, Алеша! – возмутилась Мария. – Ну до того ли сейчас господину Калиостро?

Все посмотрели на магистра.

Калиостро закрыл на мгновение глаза, напрягся, потом твердо произнес:

– Папенька согласен. – После этого он тихо попросил: – Теперь уйдите!

Все быстро проследовали к двери, где возник встревоженный Маргадон.

– Ты хотел бросить хозяина? – спросил Калиостро.

– Я подумал – хозяин умер. – Маргадон не спеша оглядел комнату. – А мертвым слуги не нужны... Вы всегда играли чужими жизнями, но не собственной. Вы изменили своему призванию! За вами гонятся, а вы

лежите в халате и предаетесь мечтам.

– Ты думаешь, что мое призвание – уходить от погони?

– Конечно. Потому что, когда уходишь от погони, ни о чем другом уже не думаешь.

– Ты рассуждаешь как мыслящий человек, – кивнул Калиостро. – Карета готова?

– Конечно, нет.

– Тогда едем! – Калиостро резким движением сбросил одеяло. Как ни странно, под одеялом он лежал в дорожном костюме и сапогах со шпорами.

Он поднялся, сбросил колпак и повязку. Под повязкой оказалась совершенно седая голова. Рана в правой стороне лба зарубцевалась.

– Браво, магистр! – радостно произнес Маргадон. – Теперь я узнаю вас!

Калиостро выглянул в окно: от синеющего вдалеке леса через огромное поле медленно двигалась карета в сопровождении четырех вооруженных всадников.

Калиостро переглянулся с Маргадоном и тихо позвал:

– Жакоб!

Жакоб вздрогнул, поднял голову:

– Я здесь, сэр!

...Он лежал на сеновале, обнявшись с Фимкой. Фимка тоже вскочила, стала поспешно застегивать блузку...

– Мне пора, леди! – сурово произнес Жакоб.

– Но, синьор, но! – запричитала Фимка по-итальянски. – Аморе... – сверкнула глазами, как учил Степан, потом запричитала уже по-русски: – Жакобушка! Останься, сокол. Я тебе ребеночка рожу, заживем как люди.

– Я вернусь! – тихо произнес Жакоб. – Вернусь... принцем.

– А сейчас ты кто? – заголосила Фимка. – Ты и есть принц, Жакобушка!

На глаза Жакоба навернулись слезы, но неведомая сила рванула его и вынесла прочь...

Во дворе Степан держал под уздцы лошадей, запряженных в карету. В карете сидели Лоренца и Маргадон. Жакоб прыгнул на козлы, свистнул. Карета объехала дом, остановившись с тыльной стороны, напротив окна спальни Калиостро.

К Степану подбежал негодующий Федяшев:

– Куда они? Зачем? Почему карету починил, бездельник?

– Бес попутал, – сокрушенно вздохнул Степан. – Прости, барин. Уж так старался, так старался... А вечор с кумом посидел, выпил и... спьяну за час все собрал... Хомо сум, эвон сум – ничто человеческое нам не чуждо!

В этот момент во двор усадьбы въехала карета и четверо вооруженных всадников. Из кареты выпрыгнул офицер, направился к Федяшеву:

– Где господин Калиостро, господа? Имею предписание на его арест...

Калиостро распахнул окно, легко перепрыгнул через подоконник.

Маргадон услужливо распахнул дверь кареты. Через секунду они уже ехали усадебным парком.

Калиостро угрюмо смотрел через стекло. Все напряженно молчали.

– Стоп! – вдруг тихо произнес Калиостро.

Карета резко остановилась. Калиостро вышел, сопровождаемый недоуменными взглядами попутчиков, быстро прошел по садовой дорожке и остановился у мраморного постамента, на котором когда-то стояла злосчастная скульптура. Сама скульптура лежала здесь же, неподалеку, привалившись затылком к пеньку... Калиостро в задумчивости подошел к ней, тронул рукой.

Сзади зашевелились кусты. Калиостро резко обернулся и увидел маленькую русоволосую девочку.

– Дедушка Калиостро, – тихо сказала она, – а вы правда мою бабушку оживлять будете?

– Ты кто? – спросил Калиостро.

– Прасковья Тулупова...

Калиостро вздрогнул, потом вдруг широко и весело улыбнулся, поднял девочку на руки.

– Магистр! – не выдержал Маргадон, выглянув из кареты. – Магистр!..

Калиостро даже не повернул голову в его сторону. Из кустов появился запыхавшийся художник Загосин.

– Ваше сиятельство, – пробормотал он, явно стесняясь, – будучи местным жителем и имея пристрастие к живописи, покорнейше бы просил оказать честь и позволить написать ваш портрет... Ежели бы у вас выдалось свободное время... Разумеется, не сейчас...

– Отчего ж не сейчас? – пожал плечами Калиостро.

– Благодарю! Сердечно благодарю! – разволновался Загосин, не веря в такую удачу. Он стал поспешно устанавливать мольберт, смешивать краски.

Калиостро водрузил девочку на пьедестал, сам присел рядом.

Маргадон печально посмотрел на хозяина, закрыл дверь кареты. Карета тронулась и поехала прочь по дороге...

Со стороны усадьбы появилась толпа людей, сопровождаемая офицером и солдатами. Увидев Калиостро и художника, толпа нерешительно остановилась. Офицер подошел к Калиостро, отдал честь, что-то тихо сказал ему. Калиостро умиротворенно кивнул, что-то тихо ответил, сделал знак офицеру, приглашая присесть рядом. Офицер, подумав, согласился.

Постепенно все жители усадьбы, включая Федяшева, Марию, тетушку, Степана и Фимку, обступили Калиостро и пьедестал, на котором улыбалась крохотная Прасковья Тулупова.

Счастливый художник вдохновенно наносил их лица на холст.

Неторопливый доктор, стоявший чуть поодаль, вдруг повернулся неизвестно к кому и произнес:

– В тысяча семьсот девяносто первом году Джузеппе Калиостро вернулся на родину в Рим, где неожиданно сдался в руки правосудия. Суд приговорил его к пожизненному заключению. Лоренца навещала его. Незадолго до его смерти она передала ему рисунок неизвестного художника, присланный из России. Кто был изображен на сем рисунке и что означали эти люди в судьбе великого магистра, историкам так и не удалось установить.

Сообщив эту информацию, доктор поспешил к сгрудившимся землякам и занял, как и положено, одно из центральных мест.

Лица людей обрели графическую четкость, затем растаяли ненужные детали, придавая полотну условность старинного рисунка, по которому медленно поплыли титры...

Пьесы

Забыть – значит простить! или Почему была написана пьеса “...Забыть Герострата!”

Кто послал пули в президента Джона Кеннеди?

Ли Харви Освальд.

А кто эти пули вынимал?..

Напрягаю память.

Как фамилии хирургов, боровшихся за жизнь президента? Ведь о них тоже писали тогда газеты. Их лица тоже появлялись на экранах телевизоров...

Не помню! Не помню!

Таков парадокс памяти: все ее внимание направлено на того, кто пролил кровь, а не на того, кто переливал. Человек, вершивший злодеяние, покрывший себя “геростратовой славой”, навсегда остался в истории, десятки и сотни людей, свершавшие благородные поступки, растаяли в безвестности...

Вот так впервые, в те далекие дни далласской трагедии я задумался о человеке по имени Герострат, о маленьком торговце из древнего города Эфеса. Кто он? Как выглядел? Как и почему поднялась рука с факелом, чтобы сжечь одно из самых удивительных творений человеческой культуры – храм богини Артемиды?

Я обратился к историческим хроникам, мемуарам, документам. И тут вдруг с удивлением обнаружил, что о Герострате почти ничего не написано. Историки и летописцы старательно обходили личность злодея, упоминая о нем мимоходом или вообще не упоминая... Я понял: существует какой-то негласный заговор молчания. Какой-то подсознательный протест совести: ты мечтал о славе? Не получится! Вычеркнем! Сотрем! Заставим забыть!

В знак солидарности я прекратил работу над пьесой. Я – не штрейкбрехер, думал я. Зачем через две с лишним тысячи лет выполнять волю мерзавца и упоминать его имя? Неинтересен он мне, плевать на мотивы, которые вели его к преступлению. Будь он проклят! Не было его!

Я занялся другой работой и приказал себе не думать о Герострате.

Отдать самому себе приказ легко, выполнить – значительно сложнее. Каждый день через толщу веков Герострат пытался напомнить о себе...

Угонялись самолеты! Стреляли в депутатов, сенаторов, священников! И каждый раз убийца не только не стремился прятаться во мраке безвестности, а наоборот – глядел на меня с экрана телевизора или с газетного снимка, стоило где-то взорваться подложенной “неизвестным” бомбе, как сразу несколько экстремистских организаций звонили по телефону в редакции газет с требованием записать это преступление на их счет...

Зло сделалось привлекательней добра, разрушение и уничтожение делалось вдохновенно, о нем говорилось как о творческом процессе...

И помимо своей воли я вновь и вновь мысленно стал возвращаться к зловещей фигуре маленького торговца из города Эфеса. Зачем себя обманывать, думал я. Забвения нет, есть смирение. Есть привыкание к злу и насилию. Простите меня, историки и летописцы. Я – не штрейкбрехер, но я и не пособник бессмыслице. Нельзя не обращать внимания на болезнь, разрушающую организм. (Я – медик, до того, как стать профессиональным драматургом, несколько лет работал врачом и прекрасно понимаю, что растущая опухоль убьет жизнь вне зависимости от того, думает о ней пациент или делает вид, что он здоров и прекрасно себя чувствует.) Я вновь начал работу над пьесой. Я писал не историческую вещь, ибо историей должны заниматься историки, а писатель всегда занимается современностью, даже если пишет про Адама и Еву.

Я начал диалог с Геростратом, я пытался спорить с ним, иногда пытался понять его, иногда рукоплескал ему, восхищенный его ловкостью и изворотливостью, но в конце диалога не выдерживал и хватал в руки нож...

Наш диалог не окончен, несмотря на то что пьеса давно написана и поставлена (театры Польши, Чехословакии, Франции, Англии, Сирии... В СССР пьеса была поставлена более чем в 40 театрах)...

Герострат добился того, чего хотел, – о нем помнят. Но в этой победе таится его поражение и его гибель. Забыть о нем – значит простить ему все. Помнить о нем – значит не смириться с ним, не простить ему ничего и никогда...

Григорий Горин

Москва, 15 января 1979 г.

Забыть Герострата

(трагикомедия в двух частях)

Действующие лица

Человек театра.

Тиссаферн – повелитель Эфеса, сатрап персидского царя.

Клементина – его жена.

Клеон – архонт-басилей Эфеса.

Герострат.

Крисипп – ростовщик.

Эрита – жрица храма Артемиды.

Тюремщик.

Первый горожанин.

Второй горожанин.

Третий горожанин.

Место действия – город Эфес.

Время действия – 356 год до нашей эры.

Часть первая

Вначале – шум, крики, стоны, грохот падающих камней, а затем сразу наступает тишина. Зловещая тишина. Всего несколько секунд тишины, которые нужны людям, чтобы понять случившееся и предаться слезам и отчаянию... На авансцене – Человек театра.

Человек театра. В четвертом веке до нашей эры в греческом городе Эфесе сожжен храм Артемиды. Сто двадцать лет строили его мастера. По преданию, сама богиня помогала зодчим. Храм был так великолепен, что его внесли в число семи чудес света. Толпы людей со всего мира стекались к его подножию, чтобы поклониться богине и поразиться величию дел человеческих. Храм простоял сто лет. Он мог бы простоять тысячелетия, а простоял всего сто лет. В роковую ночь триста пятьдесят шестого года житель Эфеса, базарный торговец по имени Герострат, сжег храм Артемиды.

Картина первая

Человек театра зажигает тусклый бронзовый светильник. Высвечивается тюремная камера.

Человек театра. Тюрьма города Эфеса. Каменный мешок. Мрачный подвал. Древние греки умели воздвигать прекрасные дворцы и храмы, но не тюрьмы. Тюрьмы во все времена строились примитивно... (Ищет, куда бы сесть; не найдя, отходит к краю сцены.) За кулисами слышится какая-то возня и брань. Открывается дверь, здоровенный Тюремщик втаскивает в камеру Герострата. У Герострата довольно потрепанный вид: хитон разорван, на лице и руках ссадины. Втащив Герострата в камеру, Тюремщик неожиданно дает ему сильную оплеуху, отчего тот летит на пол.

Герострат. Не смей бить меня!

Тюремщик. Молчи, мерзавец! Прибью! Зачем только воины отняли тебя у толпы?! Там, на площади, могли сразу и прикончить! Так нет, надо соблюдать закон, тащить в тюрьму, марать руки... Тьфу!

Герострат (поднимаясь с пола). И все-таки ты не имеешь права бить меня. Я не раб – я человек!

Тюремщик. Заткнись! Какой ты человек? Взбесившийся пес! Сжег храм! Это что же?! Как можно на такое решиться?! Ну ничего... Завтра утром тебя привяжут ногами к колеснице и твоя башка запрыгает по камням. Уж я-то полюбуюсь этим зрелищем, будь уверен.

Герострат. Лайся, лайся, тюремщик. Сегодня я слышал слова и покрепче. (Стонет.) Ой, мое плечо! Они чуть не сломали мне руку... Ох, как болит. Дай воды!

Тюремщик. Еще чего!

Герострат. Дай воды. У меня пересохло в горле, и надо обмыть раны, иначе они начнут гноиться.

Тюремщик. Э-э, парень, ты и вправду безумец! Тебя завтра казнят, а ты волнуешься, чтоб не гноились раны...

Герострат (кричит). Дай воды! Ты обязан принести воду!

Тюремщик (подходит к Герострату и вновь дает ему оплеуху). Вот тебе вода, вино и все остальное! (Собирается уходить.)

Герострат. Постой, у меня к тебе есть дело.

Тюремщик. Не желаю иметь с тобой никаких дел!

Герострат. Подожди! Смотри, что у меня есть. (Достает серебряную монету.) Афинская драхма! Если выполнишь мою просьбу, то получишь ее.

Тюремщик (усмехаясь). И так получу. (Надвигается на Герострата.)

Герострат (отступая). Так не получишь!

Тюремщик (продолжая надвигаться). Уж не думаешь ли бороться со мной, дохляк? Ну?! (Протягивает руку.) Дай сюда!

Герострат. Так не получишь! Так не получишь! (Сует монету в рот, давясь, проглатывает ее.) Теперь тебе придется подождать моей смерти.

Тюремщик (опешив). Ах ты!.. (Секунду смотрит на Герострата, раздумывая, нельзя ли каким-нибудь путем вытрясти из него монету, потом плюет с досады и поворачивается, чтобы уйти.)

Герострат. Стой!

Тюремщик. Чего еще?

Герострат. У меня еще монета. (Достает новую монету.)

Тюремщик тут же делает попытку подойти к Герострату.

Оставь! Клянусь, она ляжет в животе рядом с первой! Будешь слушать или нет? Ну? Не заставляй меня глотать столько серебра натощак.

Тюремщик (сдаваясь). Чего ты хочешь?

Герострат. Вот это уже разговор... Знаешь дом ростовщика Крисиппа?

Тюремщик. Знаю.

Герострат. Пойдешь туда и скажешь Крисиппу, что я прошу его немедля прийти ко мне.

Тюремщик. Чего выдумал! Станет уважаемый гражданин бежать в тюрьму на свидание с мерзавцем!..

Герострат. Станет! Скажешь ему, что у меня для него есть дело. Выгодное дело! Слышишь? Скажи: очень выгодное дело. Оно пахнет целым состоянием, понял? А когда он придет, я дам тебе драхму... И вторую! (Достает монету.) Это настоящие серебряные драхмы, а не наши эфесские кружочки. Ну? Чего ты задумался? Или тюремщикам повысили жалованье?

Тюремщик. Ох мерзавец! В жизни не видел такого мерзавца. Ладно, схожу. Но если ты меня обманешь, то, клянусь богами, я распорю тебе живот и получу все, что мне причитается. (Уходит.)

Герострат, задумавшись, ходит по камере, потирая ушибленное плечо. Человек театра наблюдает за ним.

Герострат. Зачем ты явился к нам, человек?

Человек театра. Хочу понять, что произошло более двух тысяч лет назад в городе Эфесе.

Герострат. Глупая затея. К чему ломать голову над тем, что было так давно? Разве у вас мало своих проблем?

Человек театра. Есть вечные проблемы, которые волнуют людей. Чтобы понять их, не грех вспомнить о том, что было вчера, недавно и совсем давно.

Герострат. И все-таки бестактно вмешиваться в события столь отдаленные.

Человек театра. К сожалению, я не могу вмешиваться. Я буду только следить за логикой их развития.

Герострат. Что ж тебя сейчас интересует?

Человек театра. Хочу понять: тебе страшно?

Герострат (вызывающе). Нисколько!

Человек театра. Это реплика для историков. А как на самом деле?

Герострат. Страшно. Только это не такой страх, какой был. Это четвертый страх.

Человек театра. Почему четвертый?

Герострат. Я уже пережил три страха. Первый страх пришел, когда я задумал то, что теперь сделал. Это был страх перед дерзкой мыслью. Не очень страшный страх, и я поборол его мечтами о славе. Второй страх охватил меня там, в храме, когда я лил смолу на стены и разбрасывал паклю. Этот страх был посильнее первого. От него задрожали руки и так пересохло во рту, что язык прилип к небу. Но и это был не самый страшный страх, я подавил его вином. Десяток-другой глотков! От этого не пьянеешь, но страх проходит... Самым страшным был третий страх. Горел храм, уже валились перекрытия, и рухнула одна из колонн – она упала, как спиленный дуб, и ее мраморная капитель развалилась на куски. А со всех сторон бежали люди. Никогда ни на какой праздник не сбегалось столько зевак! Женщины, дети, рабы, метеки, персы... Всадники, колесницы, богатые и бедные граждане города – все бежали к моему костру. И орали, и плакали, и рвали на себе волосы, а я взбежал на возвышение и крикнул: “Люди! Этот храм сжег я. Мое имя Герострат!!!” Они услышали мой крик, потому что сразу стало тихо, только огонь шипел, доедая деревянные балки. Толпа двинулась на меня. Двинулась молча. Я и сейчас вижу их лица, их глаза, в которых светились отраженные языки пламени. Вот тогда пришел самый страшный страх. Это был страх перед людьми, и я ничем не мог его погасить... А сейчас четвертый страх – страх перед смертью... Но он слабее всех, потому что я не верю в смерть.

Человек театра. Не веришь? Неужели ты надеешься избежать расплаты?

Герострат. Пока, как видишь, я жив.

Человек театра. Но это пока...

Герострат. А зачем мне дана голова? Надо придумать, как растянуть это “пока” до бесконечности.

За стеной слышны шум, крики, звуки борьбы.

Человек театра. Боюсь, у тебя не осталось времени для раздумий, Герострат. Там, у входа, толпа. Она ворвалась в тюрьму!.. Сюда идут...

Герострат (в страхе). Они не имеют права!.. Это самосуд! (Кричит.) Эй, стража! Воины! Помогите! (Мечется по камере.) Сделай что-нибудь, человек! Останови их!

Человек театра. Я не имею права вмешиваться.

Герострат. Но так нельзя! Надо соблюдать законы!

Человек театра. Странно слышать эти слова от тебя...

Распахивается дверь, в камеру врываются три горожанина.

Герострат. Кто вы? Что вам надо?..

Первый горожанин. Выходи!

Герострат. Вы будете за это отвечать!.. Подонки! Безмозглые скоты! Не смейте ко мне прикасаться!

Третий горожанин. Он еще лается, подлец! Вяжи его!

Второй горожанин (надвигаясь на Герострата). Выходи, Герострат. Сумей достойно встретить смерть.

Герострат. Кто дал вам право?! Идиоты!.. (Почти плачет.) Не трогайте меня... Прошу вас...

Второй горожанин (кладет руку на плечо Герострату). Пошли.

Быстро входит Клеон, высокий седовласый мужчина лет пятидесяти. На нем дорогой белый гиматий (что-то вроде плаща), отделанный красной каймой.

Клеон (властно, горожанам). Оставьте его!

Увидев Клеона, горожане послушно отпускают Герострата.

Кто вы?

Первый горожанин. Мы граждане Эфеса.

Клеон. Ваши имена?

Второй горожанин. Зачем они тебе, Клеон?.. Мы ничем не знамениты. Я каменщик, он – гончар, этот (указывает на третьего) – цирюльник.

Клеон. И все-таки, почему вы не хотите назваться?

Второй горожанин. Мы говорим не от своего имени, архонт. Нас послал народ.

Клеон. Чего хочет народ?

Первый горожанин. Народ хочет судить Герострата.

Клеон. Суд состоится завтра или послезавтра – в тот день, когда я назначу.

Первый горожанин. Народ взбешен. Он считает, что ни к чему откладывать...

Третий горожанин. У нас чешутся руки на этого подлеца!..

Клеон (сердито перебивая). Народ избрал меня своим архонтом! Или имя Клеона ничего не значит больше для эфесцев?! Тогда переизберите меня! Но пока я верховный судья, в городе будут соблюдаться закон и порядок! Так и передайте толпе, которая вас прислала.

Первый горожанин. Мы передадим, но как она поступит – неизвестно.

Клеон. Самосуда не допущу! Все должно быть по закону. А закон гласит: каждый, кто убьет преступника до суда, сам достоин смерти! Это решение принято Народным собранием, и его никто не отменял. Герострат будет наказан, клянусь вам! Вы не верите моему слову?

Второй горожанин. Мы верим тебе, архонт... Ты никогда не обманывал нас.

Первый горожанин. Сдержи слово и на этот раз...

Третий горожанин (Герострату). Мы с тобой рассчитаемся!

Горожане уходят. Клеон и Герострат некоторое время молча смотрят друг на друга: Клеон – спокойно и даже с некоторым любопытством. Герострат оправился от испуга и теперь глядит вызывающе дерзко.

Герострат. Хайре, Клеон!

Клеон молчит.

Хайре, Клеон! Ты считаешь недостойным приветствовать гражданина Эфеса?

Клеон молчит.

Что ж, будем молчать, хотя это глупо. Ведь ты пришел ко мне, а не наоборот.

Клеон. Будем говорить. Просто мне хотелось вдоволь насмотреться на тебя.

Герострат. Не ожидал увидеть человека? Думал, что у меня торчат клыки или растут рога?

Клеон. Нет, я тебя таким примерно и представлял. Но мне казалось, что у тебя должно быть прыщавое лицо.

Герострат. Почему?

Клеон. Так мне казалось...

Герострат. Нет, Клеон, у меня чистое лицо, белые зубы и здоровое тело.

Клеон. Ну что ж, тем хуже для тебя. Завтра это тело, очевидно, сбросят в пропасть. Ты ведь хотел этого, Геростор?

Герострат (зло). Меня зовут Геростратом! И ты напрасно делаешь вид, будто не помнишь моего имени...

Клеон. Твое имя будет забыто.

Герострат. Нет! Теперь оно останется в веках. Кстати, о тебе, Клеон, будут вспоминать только потому, что ты судил меня.

Клеон. Надеюсь, потомки посочувствуют мне за эту неприятную обязанность... Однако хватит болтать о вечности, Герострат. Впереди у тебя только одна ночь. Расскажи лучше о себе – суду надо знать, кто ты и откуда.

Герострат. С удовольствием! Я Герострат, сын Стратона, уроженец Эфеса, свободный гражданин. Мне тридцать два года, по профессии я торговец. Продавал на базаре рыбу, зелень, шерсть. У меня были два раба и два быка. Рабы сбежали, быки подохли... Я разорился, плюнул на коммерцию и стал профессиональным поджигателем храмов.

Клеон. У тебя были сообщники?

Герострат. Я все сделал один!

Клеон. Только не вздумай лгать, Герострат, иначе правду придется говорить под пыткой!

Герострат. Клянусь, я был один. Посуди сам: какой смысл делиться славой?

Клеон. Как ты проник в храм?

Герострат. Обыкновенно, через вход. Я пришел туда вечером, спрятался в одном зале, а ночью, когда жрецы ушли, принялся за работу.

Клеон. Как тебе удалось так незаметно пронести в храм кувшин со смолой?

Герострат. Я не прятал его, а пронес у всех на виду. Жрецов интересуют только ценные дары, которые богатые люди приносят к алтарю богини. Мой треснутый кувшин не вызвал у них никакого интереса.

Клеон. Ты был пьян?

Герострат. Нет! Всего несколько глотков – для смелости.

Клеон. Твой сосед-торговец сказал, что однажды на базаре ты упал в обморок.

Герострат. И не один раз, Клеон. Но это вовсе не значит, что я припадочный... (Смеется.) О, это очень забавная история! Видишь ли,

когда мои торговые дела пошли совсем плохо и ростовщики отняли у меня все до последнего обола, я не стал гнушаться любой работой, лишь бы за нее хорошо платили. Ты знаешь, что по законам наших базаров нельзя поливать рыбу водой, дабы она не прыгала и не выглядела свежее, чем на самом деле. Надсмотрщики строго штрафуют торговцев, нарушающих это правило. Вот тогда я и придумал обмороки... Гуляешь в рыбных рядах и вдруг – ах! – валишься на корзинки. Торговцы льют на меня воду и не-ча-ян-но брызгают на рыбку... Поди придерись: рыба получает влагу, я – деньги.

Клеон. Хитро!

Герострат. Но все равно надсмотрщики поняли наконец, что их дурачат, и меня здорово отлупили.

Клеон. Тебя, очевидно, часто лупили?

Герострат. Бывало. Люди не прощают тому, кто умнее их.

Клеон. Люди не прощают тому, кто считает их дураками. Ты женат?

Герострат. Был, но развелся. Моя жена – Теофила, дочь ростовщика Крисиппа. Он дал за ней десять тысяч драхм, а я клюнул на приданое и забыл, что вместе с деньгами придется брать в дом глупую и некрасивую женщину... Мало того, через четыре месяца после свадьбы она родила сына. Я понял, что меня надули, и подал в суд. Но мошенник Крисипп выиграл процесс, убедив всех, что я обольстил его "невинное" дитя задолго до свадьбы. Нас развели, и, по существующим законам, мне пришлось вернуть Крисиппу все приданое плюс восемнадцать процентов неустойки. Даже на собственной дочери этот мошенник заработал.

Клеон. Я сразу понял, что ты неудачник.

Герострат. Да, это так. Мне не везло ни в спорах, ни в игре в кости, ни в петушиных боях.

Клеон. И за все это ты решил отомстить людям?

Герострат. Я никому не мстил, Клеон. Просто мне вдруг надоело прозябать в безвестности... Я понял, что достоин лучшей судьбы. И вот сегодня мое

имя знает каждый.

Клеон. Несчастный! Сегодня весь город повторяет твое имя с проклятьями.

Герострат. Пускай!.. Сегодня проклинают, завтра будут относиться с интересом, через год полюбят, через пять – будут обожать. Шутка сказать – человек бросил вызов богам! Кто до меня на это решился? Разве что Прометей?

Клеон (сердито). Не смей сравнивать, негодяй! Прометей взял у Бога огонь, чтобы подарить его людям, а ты взял огонь, чтобы обворовать людей! Храм Артемиды был гордостью Эфеса. С детских лет мы любовались им, мы берегли его, потому что знали: в каждой мраморной колонне, в каждой фигуре барельефа лежит сто двадцать лет человеческого труда. Ты слышишь, Герострат? Сто двадцать лет! Менялись поколения, мастера строили и учили своему искусству сыновей, чтобы те обучили внуков... Для чего они это делали? Неужели для того, чтоб однажды пришел мерзавец и все это обратил в пепел?! Нет, Герострат, ты плохо знаешь людей. Они забудут твое имя, как забывают страшные сны.

Герострат. Ну что ж, посмотрим.

Клеон. Ты не посмотришь! Завтра к вечеру тебя не будет.

Герострат (вызывающе). Посмотрим...

Клеон. Не понимаю, на что ты надеешься?

Герострат. На людей, Клеон!

Клеон. На каких людей?!

Герострат. Да хотя бы на тебя. Ведь только что ты спас меня от смерти.

Клеон подозрительно смотрит на Герострата, потом, недоуменно пожав плечами, уходит.

Человек театра. Ты действительно не теряешь надежды, Герострат?

Герострат. Конечно нет. Есть мудрая пословица на этот счет. Теряя деньги, говорит она, – приобретаешь опыт, теряя жену – приобретаешь свободу,

теряя здоровье – приобретаешь удовольствия... Но нельзя терять надежду: теряя надежду – теряешь все!

Человек театра. Тебя казнят! Логика событий...

Герострат (перебивая). Оставь свою логику, человек. Она плохой советчик. Почему меня не убили там, у храма, и сейчас, в тюрьме?

Человек театра. Люди гуманны...

Герострат. Если они гуманны, зачем завтра меня хотят казнить?

Человек театра. Ты причинил горе людям, оскорбил их достоинство и должен быть наказан.

Герострат. Чушь! Разве есть справедливость в том, что из-за украденной жены греки разрушили Трою и перебили всех троянцев? Какой логикой объяснишь ты эту жестокость? И вот, смотри, прошло время, а Гомер воспел их в “Илиаде”. Нет, не логика нужна мне, а сила. Дай мне почувствовать силу – и я начну управлять событиями и людьми, а уж потом философы найдут оправдание всему, что произошло.

Человек театра. Возможно. Но потом все равно придут другие философы и восстановят истину.

Герострат (нервно). Мне некогда спорить с тобой! У меня слишком мало времени. Где этот мошенник Крисипп? Приведи его, он заставляет себя ждать...

Человек театра. Я здесь не затем, чтобы тебе прислуживать. (Отходит в сторону и продолжает наблюдать за действием.)

Входит Крисипп, толстый старый человек, в богатом пурпурном гиматии.

Герострат (обрадованно). Наконец-то! Приветствую тебя, Крисипп!

Крисипп. Несмотря на свою занятость, не смог отказать в удовольствии плюнуть тебе в рожу.

Герострат. Плюй! Сейчас я стерплю и это.

Крисипп. Нет, серьезно! Ты ведь знаешь, сколько у меня дел! Сегодня прибыл товар с Крита – надо пойти проверить, надо зайти на базар, побывать у менялы, потом – в суде: сегодня судят двух моих должников, потом деловая встреча с персидским купцом... Но жена вцепилась в меня, кричит: “Крисипп, оставь все дела, пойди и плюнь в рожу Герострату!” Как я мог отказать в просьбе любимой женщине? (Плюет в лицо Герострату.) Это тебе от нее!

Герострат (утираясь). Хорошо! Плюй еще от лица дочери, и перейдем к делу!

Крисипп. Дочь просила выцарапать тебе глаза и вырвать язык.

Герострат. Нет, это не годится. Я должен видеть тебя и говорить с тобой.

Крисипп. О чем нам говорить, ничтожнейший из людей?

Герострат. О деньгах, Крисипп. Разве это не тема для разговора? Я должен тебе сто драхм.

Крисипп. Конечно, должен, мерзавец. Но как я теперь их получу? Бесчестный человек! Ты и храм-то сжег, наверное, только для того, чтобы со мной не рассчитываться.

Герострат. Я хочу вернуть тебе долг.

Крисипп (удивленно). Это благородно. У тебя, видно, завалялся кусочек совести. (Протягивает руку.) Давай!

Герострат. У меня при себе только две драхмы, да и те я обещал тюремщику.

Крисипп. Тогда я должен выполнить поручение дочери. Нам не о чем разговаривать.

Герострат. Не спеши! Я верну тебе долг, да еще с такими процентами, которые тебе и не снились. Я хочу продать тебе это... (Достает папирусный свиток.)

Крисипп. Что в этом папирусе?

Герострат. Записки Герострата! Мемуары человека, поджегшего самый великий храм в мире. Здесь есть все: жизнеописание, стихи, философия.

Крисипп. И зачем мне нужна эта пачкотня?

Герострат. Глупец, я предлагаю тебе чистое золото! Ты отдашь это переписчикам и будешь продавать по триста драхм каждый свиток.

Крисипп. Оставь это золото себе. Кто сейчас делает деньги на сочинениях? Мы живем в беспокойное время. Люди стали много кушать и мало читать. Торговцы папирусами едва сводят концы с концами. Эсхила никто не берет. Аристофан идет по дешевке. Да что Аристофан! Гомером завалены склады, великим Гомером! Кто же будет покупать произведения такого графомана, как ты?

Герострат. Ты дурак, Крисипп! Извини меня, но ты большой дурак! Не понимаю, как с твоей сообразительностью ты до сих пор не разорился? Что ты равняешь вино и молоко? Я предлагаю тебе не занудливые мифы, а “Записки поджигателя храма Артемиды Эфесской”! Да такой папирус у тебя с руками оторвут! Подумай, Крисипп! Разве не интересны мысли такого чудовища, как я? Обыватель будет смаковать каждую строчку! Я уже вижу, как он читает эту рукопись своей жене, а та повизгивает от страха и восторга.

Крисипп (задумавшись). Правители города запретят продажу твоего папируса.

Герострат. Тем лучше! Значит, цена повысится!

Крисипп. Ты не так глуп, как казалось... Ладно, давай!

Герострат. Что “давай”? Что “давай”?

Крисипп. Ты же собирался со мной рассчитываться? В уплату твоего долга я и возьму этот папирус.

Герострат (возмущенно). Что? Ты собираешься получить мое бессмертное творение за сто драхм? Имей совесть! Это подлинник! Здесь моя подпись. Тысячу драхм, не меньше!

Крисипп. Как? Тысячу?! О боги! У этого человека действительно

Крисипп. Как? Тысячу?! О боги! У этого человека действительно помутился разум! Тысячу драхм!

Герострат. Успокойся, не тысячу. Я тебе должен был сотню, значит, с тебя еще девятьсот. По рукам?

Крисипп. Никогда! Такую сумму – за сомнительный товар? Я перестану себя уважать.

Герострат. Какая твоя цена?

Крисипп. Моя?.. Моя... Слушай, а зачем тебе деньги? Тебя же завтра казнят!

Герострат. Не твое дело. Я продаю – ты покупаешь, плати!

Крисипп. Но покойнику не нужны наличные. Там серебро не принимают.

Герострат. Тебя это не касается. Называй цену.

Крисипп. Ну, из доброго чувства... Просто из любопытства... Чтоб самому почитать на досуге... Сто пятьдесят драхм!

Герострат. Ступай, Крисипп! (Убирает папирус.) Иди, иди... Закупай финики и продавай фиги. Зарабатывай по одной драхме на процентах и не забудь вырвать себе волосы, когда поймешь, что потерял миллионы. Я немедленно позову к себе ростовщика Менандра, и он, не раздумывая, выложит мне полторы тысячи...

Крисипп. А вот это нечестно! Ты ведь все-таки мой бывший родственник.

Герострат. Когда ты сдирал с меня деньги, то не очень думал о родственных чувствах. Ступай, Крисипп!

Крисипп. Двести!

Герострат. Несерьезно.

Крисипп. Двести пятьдесят!

Герострат. Не жмись, Крисипп! Предлагаю тебе гениальное произведение. (Достает папирус.) Ты только послушай. (Читает.) “Ночь опустилась меж

(Достает папирус.) Ты только послушай. (Читает.) “Ночь опустилась меж тем над Эфесом уснувшим. В храме богини стоял я один, со смолою и паклей!” От этого мороз по коже!

Крисипп. Триста!

Герострат. “О Герострат! – обратился к себе я с призывом. – Будь непреклонен, будь смел и исполни все то, что задумал!”

Крисипп. Ты выбиваешься из гекзаметра, – четыреста!

Герострат.

“Факел в руке моей вспыхнул, как солнце на небе,

И осветил мне божественный лик Артемиды!”

(Крисиппу.) Семьсот!

Крисипп. Четыреста пятьдесят, Герострат, больше не могу.

Герострат. “Слушай, богиня! – тогда закричал я статГSе. – Слушай меня, трепещи и...” (Прерывая чтение.) Ладно, давай пятьсот! Согласен?

Крисипп (со вздохом). Согласен... (Передразнивает.) “СтатГSя”! Безграмотный писака.

Герострат. Сойдет и так! Давай деньги!

Крисипп. У меня нет при себе. Давай папирус, я схожу домой...

Герострат. Не хитри. Люди твоей профессии не выходят в город без кошелька.

Крисипп (вздымая руки). Клянусь, у меня нет при себе!

Герострат. Не тряси руками – ты звенишь!

Крисипп (сдаваясь). Хорошо! Подавись моими деньгами, разбойник! (Отсчитывает Герострату монеты, забирает папирус.) Ох, прогорю я с твоим сочинением...

Герострат. Не лги самому себе, Крисипп... Ты никогда не дашь драхмы, если не веришь, что она принесет за собой сто.

Крисипп (пряча папирус). Спасибо за комплимент. А у тебя неплохо скроены мозги, Герострат. Жаль, что раньше ты не дарил мне никаких идей.

Герострат. Раньше ты бы меня не стал слушать, Крисипп. Раньше я был всего лишь твой бедный зять, а теперь у меня за спиной – сожженный храм.

Крисипп. Нет, ты определенно неглуп... Определенно... (Уходит.)

Герострат (кричит ему вслед). Поторопись с перепиской, Крисипп! Сейчас каждая минута на счету... (Позванивает деньгами.) Ну вот! Первый шаг сделан... (Кричит.) Эй, тюремщик!

Появляется Тюремщик.

Получи две драхмы! И вот три – за верную службу.

Тюремщик (забирая деньги). Однако ты щедр, мерзавец.

Герострат. Ты получишь еще две драхмы, если перестанешь оскорблять меня.

Тюремщик. Договорились.

Герострат. Но ты можешь заработать пятьдесят драхм, если выполнишь новое мое поручение.

Тюремщик. Пятьдесят?

Герострат. Да, пятьдесят!

Тюремщик. Говори, что надо сделать...

Герострат. Видишь этот кошелек? Он полон серебра. Отсчитаешь отсюда свои полсотни, остальные отнесешь в харчевню Дионисия.

Тюремщик. Там собираются все пьяницы Эфеса.

Герострат. Отдашь им эти деньги на пропой.

Тюремщик. Отдать такие деньги самым последним забулдыгам и подонкам? За что, Герострат?

Герострат. Не твое дело. Бросишь им все серебро и скажешь, что Герострат-поджигатель просит их выпить за его здоровье. Не вздумай обмануть меня, тюремщик, и прикарманить деньги! Клянусь: эти бандиты все равно узнают о моем пожертвовании, и тогда они отвинтят тебе голову! Понял?

Тюремщик (беря кошелек). Что ты задумал, Герострат?

Герострат. Что я задумал, тюремщик? Я задумал доказать Клеону, что не так уж плохо знаю людей...

Картина вторая

Зал во дворце повелителя Тиссаферна. Сам Тиссаферн, в пурпурном царском одеянии, возлежит на высоком деревянном ложе. Перед ним – маленький столик с фруктами и вином. Тиссаферн жадно уплетает виноград.

Человек театра. Повелитель Тиссаферн, ты взволнован?

Тиссаферн. Почему ты так решил?

Человек театра. Читал у историков. Описывая склонности твоего характера, они отмечали, что всякий раз, когда ты был взволнован, у тебя появлялся зверский аппетит.

Тиссаферн. Не замечал. (Сует кисть винограда в рот, но, спохватившись, тут же выплевывает ее.) Тьфу! Нельзя поесть спокойно! Эти историки и поэты так и шныряют по двору, так и смотрят, чего бы описать и запечатлеть. Сегодня утром зачесалась спина, подошел к колонне, прислонился, только хотел передернуть плечами, гляжу – уже какой-то летописец достал папирус и приготовился строчить. Ну, что скажешь? Мука, а не жизнь!

Человек театра. Сочувствую.

Тиссаферн. Давно бы выгнал их в шею, но это прихоть Клементины. Она помешалась на великой миссии, которая выпала на нашу долю. Каждое утро Клементина будит меня со словами: “Вставай, Тиссаферн, история не хочет ждать!” История не хочет ждать, а я из-за нее не высыпаюсь.

Человек театра. Ты – повелитель Эфеса.

Тиссаферн. Что такое повелитель по сравнению с собственной женой? Да еще если ты стар, а она молода, если ты перс, а она гречанка. Нет более властных женщин, чем гречанки. Не пойму – как грекам удается на них жениться? Уж на что Сократ был мудрецом, а и то собственная жена измывалась над ним на потеху всему городу. (Жадно ест виноград.)
Человек театра. Ты очень взволнован...

Тиссаферн. Будешь взволнован, когда каждый день преподносит сюрприз. Не забывай, что я не царь, а всего лишь сатрап. Мне надо подчиняться персидскому царю, надо жить в мире со Спартою, поддерживать контакт с Афинами, следить за Фивами, опасаться Македонии и всех, вместе взятых. И вот в такой напряженный момент во вверенном мне городе сгорает храм Артемиды! Что это – происки, заговор?!

Человек театра. Этого я пока не знаю...

Тиссаферн (печально). Я устал от жизни, голубчик. В молодости был смел и бесстрашен, водил войска в бой, и греки дрожали при одном моем имени... Теперь я стар, врачи запретили мне волноваться и обжираться... (Сует в рот кисть винограда.)

Человек театра. К тебе пришел Клеон.

Тиссаферн (радостно). Наконец-то! Пусть войдет!

Человек театра делает попытку уйти.

Ты останься!

Человек театра. Зачем?

Тиссаферн. Посиди, прошу тебя. Ты неглупый человек... Поможешь мне советами или напомнишь изречения... мудрецов... Сейчас мне придется принимать важное решение

принимать важное решение.

Человек театра садится в углу сцены. Входит Клеон.

Клеон (почтительно склонившись). Хайре, Тиссаферн! Архонт-басилей Эфеса приветствует тебя.

Тиссаферн. Хайре, Клеон! Жду тебя с нетерпением. Ты был в тюрьме?

Клеон. Да.

Тиссаферн. Ну, рассказывай! Это заговор?

Клеон. Нет, Тиссаферн. Храм сжег один человек.

Тиссаферн. Хвала богам! Один человек – не так страшно. Кто этот безумец?

Клеон. Житель Эфеса – Герострат. Бывший торговец.

Тиссаферн. Грек?

Клеон. Да.

Тиссаферн. Я так и думал.

Клеон (несколько обиженно). Что означают твои слова, Тиссаферн? Он мог оказаться персом, скифом, египтянином и вообще кем угодно.

Тиссаферн. Но он – грек.

Клеон. Я тоже грек! И большинство жителей Эфеса – греки. Однако весь народ не ответчик за одного негодяя.

Тиссаферн. Конечно, конечно, уважаемый Клеон. Не надо сердиться. Я и не думал оскорблять всех греков. Просто я был уверен, что поджигатель – грек. После того как Эфес стал владением Персии, надо было ожидать, что кто-нибудь из греческих патриотов выкинет что-нибудь подобное!

Клеон. Меньше всего Герострат думал о патриотизме. Если б он был патриотом, он бы устроил пожар в казарме персидских воинов или попытался vбить тебя.

Тиссаферн (продолжая щипать виноград). Пожалуй... Зачем же он это сделал?

Клеон. Чтобы увековечить свое имя.

Тиссаферн. Забавно...

Клеон. Не так забавно, как может показаться с первого взгляда. В этом поступке есть свой страшный умысел. Это вызов людям, Тиссаферн.

Тиссаферн. Все равно забавно. Никогда ни о чем подобном не слышал. Он догадывается, что его казнят?

Клеон. Он в здравом рассудке.

Тиссаферн. И не боится смерти?

Клеон. Этого я не понял. В разговоре со мной он держался независимо и дерзко. О своем злодеянии Герострат рассказывает с упоением творца.

Тиссаферн. Очень интересно. Ты разжигаешь мое любопытство, Клеон. (Неожиданно поворачивается к одной из колонн, кричит.) Клементина, хватит прятаться! Иди послушай, что рассказывает наш друг Клеон.

Из-за колонны выходит Клементина, она несколько смущена тем, что ее заметили.

Клеон (почтительно). Приветствую повелительницу Эфеса.

Клементина. Хайре, Клеон! (Тиссаферну.) С чего ты взял, будто я прячусь? Я проходила через зал, и у меня случайно развязалась сандалия.

Тиссаферн. У тебя самые умные сандалии в мире, Клементина, они всегда развязываются, когда в этом зале говорят о чем-нибудь интересном.

Клементина. Ты упрекаешь меня в том, что я подслушиваю?

Тиссаферн. Не упрекаю, а благодарю. Зная, что мои слова всегда достигают твоих ушей, я стараюсь вложить в них больше мудрости... Ну так что ты скажешь о пожаре?

Клементина. Скажу, что это ужасно. Только мне кажется, что этот хитрец сжег храм вовсе не из тщеславия.

Клеон. Он сам мне в этом признался.

Клементина. Вы судья, Клеон, обвиняемый никогда с вами не будет искренен.

Тиссаферн. Ты считаешь, что была другая причина?

Клементина. Да! Уверена, что он сделал это из-за несчастной любви!

Клеон. Не думаю. О своей бывшей жене Герострат говорил с презрением.

Клементина. При чем здесь жена? Из-за жен, уважаемый Клеон, никто не поджигает храмов. Нет, здесь другое... Здесь – неразделенная любовь, которая довела человека до отчаяния. Об этом никогда не скажут на допросе, эту тайну уносят с собой в могилу. И где-то на земле сейчас плачет женщина, отвергнувшая этого несчастного Герострата. Она рвет на себе волосы и проклинает тот час, когда сказала ему “нет”! Но в глубине души она счастлива и горда собой... Я ей завидую.

Тиссаферн. Завидуешь?

Клементина. Конечно. Из-за меня никто не поджигал храмов.

Тиссаферн. Моя жена не должна никому завидовать! Послушай, Клементина, почему ты мне никогда не говорила о том, что любишь пожары? Я бы тебе это давно устроил.

Клементина. Нет, милый Тиссаферн. Ты бы сжег из-за меня пару-другую домов, но не пошел бы ради меня на смерть.

Тиссаферн. Конечно, нет! Нельзя любить женщину и стремиться сделать ее вдовой.

Клеон. Мне кажется, что уважаемая повелительница Эфеса не права. Она слишком чиста и возвышенна, чтобы понять всю мерзость данного поступка. Ей бы хотелось видеть в Герострате благородного безумца, а он всего лишь самовлюбленный маньяк. Из-за сильной любви возводят

всего лишь самовлюбленный маньяк. Из-за сильной любви возводят храмы, а не уничтожают их.

Тиссаферн. Правильно! И поэтому злодей завтра же будет казнен! (Поворачивается к Человеку театра.) Вот тут мне нужно какое-нибудь изречение...

Человек театра. Софокл подойдет?

Тиссаферн. Что именно?

Человек театра. Из “Царя Эдипа”... “Есть справедливость в богами устроенном мире: и злодеянье ведет за собою отмщенье!”

Тиссаферн. Хорошо! (Громко.) “Есть справедливость в богами устроенном мире: и злодеянье ведет за собою отмщенье!”

Клеон (почтительно кланяясь). Твоими устами говорит сама мудрость, повелитель.

Клементина. Надо позвать летописцев, пусть они занесут эту фразу в дворцовую книгу.

Тиссаферн. К сожалению, не я ее придумал, Клементина. Это Софокл.

Клементина. Не скромничай, милый! Софокл просто угадал твои мысли...

Тиссаферн. Пожалуй...

Человек театра. Тиссаферн, к тебе пришла жрица храма Артемиды Эрита.

Тиссаферн. Бедная погорелица!.. Пусть войдет!

Клеон. Нам покинуть тебя, повелитель?

Тиссаферн. Ни в коем случае. Говорить один на один с этой старухой всегда мучительно. А теперь она начнет рвать на себе волосы, биться в истерике. Я ее боюсь, честное слово.

Клементина. Повелитель Эфеса не вправе никого бояться!

Тиссаферн. Знаю, но эта женщина стоит ближе к богам, чем мы все...

Входит Эрита. Она в черном траурном одеянии.

(Встает с ложа и идет ей навстречу, что свидетельствует о большом уважении повелителя.) Хайре, Эрита! Правитель Эфеса приветствует тебя и скорбит вместе с тобой!

Клеон. Хайре, Эрита! Прими мои соболезнования.

Клементина. Твое горе – наше общее горе, Эрита!

Эрита (говорит, обращаясь к небесам, но так, чтобы ее слышали окружающие). Черный день настал для людей! Черный день! Я вижу, как боги собрались на Олимпе на Страшный суд... О люди, бойтесь их мщения!..

Клементина. Мы будем молить их о пощаде, Эрита.

Эрита. Нет больше храма Артемиды! У богини лесов нет ее жилища! Горе мне, верной служанке богини, я не уберегла ее дом! Почему я не умерла?! Зачем огонь пощадил меня?! Зачем стены храма не рухнули на мою седую голову?! Я должна выцарапать себе глаза, чтобы не видеть этого страшного пепелища! (В экстазе царапает себе лицо.) Тиссаферн. Ну! Успокойся, уважаемая Эрита! Зачем себя так истязать? Ты – наша заступница. Только из твоих уст богиня выслушивает мольбу о прощении...

Эрита. Я не смею обращаться к богине с мольбой. Я виновата перед ней – пропустила в ее дом разбойника.

Тиссаферн. Откуда ты могла знать, Эрита, что он разбойник? Ты, конечно, доверчиво полагала, что этот добрый человек пришел к алтарю.

Эрита (в экстазе). Будь проклято человеческое племя, породившее злодея! Пусть молнии Зевса обрушатся на него!

Клеон. Зачем ты призываешь кары богов на все человечество, Эрита? Люди ни в чем не виноваты!

Тиссаферн. Нет, Клеон, люди виноваты и должны искупить свою вину. Я введу налог на всех жителей Эфеса в пользу пострадавшей богини и ее жрецов. А мерзавца мы завтра же казним на городской площади!

жрецов. А мерзавца мы завтра же казним на городской площади!

Клеон. Да будет так!

Тиссаферн. Только надо придумать казнь пострашнее. Как ты думаешь, Клеон, что лучше: колесование или петля?

Клеон. Завтра наш суд решит это, повелитель. Но мне не хотелось бы устраивать из казни зрелище. Честолюбию Герострата польстит большое скопление народа, он жаждет величественной смерти, но он ее недостоин. Его надо судить как обыкновенного жулика...

Тиссаферн. Ты прав. А еще я издал приказ: “Всем жителям Эфеса навсегда забыть Герострата!” Этот приказ высекут на мраморной доске и повесят на городской площади...

Клеон. И тем самым увековечат имя преступника. Нет, Тиссаферн, не надо приказов. Люди сами вычеркнут его из своей памяти...

Тиссаферн (смущенно). Пожалуй, так... Я об этом не подумал. (Повернувшись к Человеку театра.) Этот Клеон меня все время поправляет и учит. Дай-ка мне мысль...

Человек театра. Из Еврипида: “На то и власть дана царям могучим, чтоб справедливость на земле царила!”

Тиссаферн. Не очень скромно, но... “На то и власть дана царям великим, чтоб на земле царила справедливость!” Так писал Еврипид, так поступаю и я. (Значительным тоном.) Архонт-басилей Клеон, повелеваю тебе завтра начать суд!

Эрита. Повелитель Эфеса, я пришла просить об отсрочке...

Тиссаферн. Что?!

Эрита. От имени всех служителей храма... (Плачет.) бывшего храма... (Решительно.) От имени всех служителей храма богини прошу отложить суд над Геростратом.

Тиссаферн. Это еще почему?

Эрита. Когда охотник Актеон случайно увидел богиню Артемиду

Эрита. Когда охотник Актеон случайно увидел богиню Артемиду обнаженной, богиню охватил гнев, она обратила охотника в оленя, и того разорвали собственные собаки!

Тиссаферн. Я слышал эту легенду. Ну и что?

Эрита. Богиня сама накажет Герострата! Это будет такая кара, какую мы, слабые люди, придумать не сможем.

Клеон. Это невозможно. Народ требует немедленной казни Герострата.

Эрита. Народ глуп, богиня – мудра!

Клеон. Но Герострат принес горе людям!

Эрита. Герострат прежде всего обидел богиню! У богини достаточно сил, чтобы отомстить обидчику.

Тиссаферн. Мы не сомневаемся в могуществе богини, Эрита, но пойми: существует закон...

Эрита. Законами правят цари, а царями правят боги. Не забывай об этом, Тиссаферн.

Клеон. Прости меня за дерзкие слова, Эрита, но не кажется ли тебе странным, что всесильная богиня не помешала Герострату сжечь ее храм? Где был ее гнев, когда этот негодяй мазал стены смолой? Почему она не поразила его из своего священного лука? Или она была чем-то занята и проглядела преступника?

Эрита. Не богохульствуй, Клеон! Не дело смертных вникать в помыслы богов! Может быть, они испытывают нас.

Клеон. Тем более мы должны с честью пройти через это испытание. Создавая людей, боги вложили в них разум и совесть. И то и другое требует суда над преступником!

Эрита. Я не прошу отменить суд – я прошу его отсрочить. Два часа назад один из служителей нашего храма отбыл к дельфийскому оракулу. Пусть оракул спросит богов о судьбе Герострата и передаст нам их волю.

Клеон. К дельфийскому оракулу?! До Дельф десяток суток пути. Десять туда, десять обратно – и то если ветер будет гнать паруса. Значит, целый месяц мы не сможем назначить суд. (Тиссаферну.) Повелитель, от имени Народного собрания Эфеса, от имени всех жителей города я требую немедленной казни злодея!

Эрита (Тиссаферну). Повелитель, от имени служителей культа я требую отсрочки!

Клеон. Не возмущай народ, Тиссаферн!

Эрита. Не оскорбляй богов, повелитель!

Клеон. Герострат – страшный человек, Тиссаферн. Он хитер и подл.

Эрита. Эфесцам нечего бояться, пока они находятся под покровительством Олимпа.

Тиссаферн. Тихо! Не наседайте на меня. (Жадно ест виноград.) Клементина, что же ты молчишь? Посоветуй!

Клементина. Ты уже принял решение, Тиссаферн. Надо быть верным своему слову.

Эрита (зло). Не дело повелителя спрашивать совета у женщины.

Клементина (зло). Не дело женщины вмешиваться, когда муж советуется с женой!

Тиссаферн. Прекратите! Я должен подумать. (Задумчиво ест виноград.)

Клементина (тихо, Человеку театра). Ты видел Герострата?

Человек театра. Да.

Клементина. Он красив?

Человек театра. Скажем, хорош собой.

Клементина. Молод?

Человек театра. Да. А почему тебя это интересует?

Человек театра. Да. А почему тебя это интересует?

Клементина. Обыкновенное женское любопытство...

Клеон (Тиссаферну). Что ты решил, повелитель?

Тиссаферн. Я решил это дело простым голосованием. За отсрочку – одна Эрита, за немедленную казнь – Клеон и Клементина.

Эрита. А ты?

Тиссаферн. Я воздержался. Итак, решено: казнь!

Клементина. Подожди, Тиссаферн. Я передумала! Может быть, действительно стоит повременить с судом?

Клеон. Что это значит, Клементина? Или каждая следующая минута приносит тебе новое решение?

Эрита. Боги образумили тебя, Клементина?

Клементина. Я думаю, надо назначить дополнительное расследование. Версия Клеона меня не убедила.

Клеон. Народ избрал меня архонтом! Ни разу я не запятнал этого звания...

Тиссаферн. Ну-ну, Клеон, моя жена не хотела тебя обидеть...

Клементина. Я высоко ценю заслуги нашего архонта, но и он может ошибаться. Считаю нужным еще допросить Герострата.

Тиссаферн. Положение изменилось: за немедленную казнь – один голос, против – два! Решено: отсрочка!

Клеон. Повелитель! Не принимай скороспелых решений. Под угрозой законы Эфеса!

Человек театра. Постой, Тиссаферн! Выслушай, и я готов помочь тебе не цитатой, а советом. Герострата надо судить сейчас, откладывать опасно. Ненаказанное зло разрастается как снежный ком и может превратиться в лавину. Твой город может дорого поплатиться за нерешительность правителя.

правителя...

За стенами дворца шум и крики.

Слышишь? Это шумит Эфес. Народ ждет твоего слова, Тиссаферн!

Тиссаферн (сердито). Хватит! Я устал, и весь виноград съеден... Вы меня запутали. Проведем последнее голосование.

Клеон. Казнь!

Эрита. Отсрочка!

Человек театра. Казнь!

Клементина. Отсрочка!

Все (Тиссаферну). Ты, повелитель?

Шум толпы за окнами дворца усиливается.

Тиссаферн (морщась, точно от зубной боли). Как они шумят.

Клеон. Народ требует твоего решения, повелитель.

Тиссаферн. Я принял решение: закройте окно! (Берет под руку Клементину и вместе с ней медленно и значительно покидает дворцовый зал.)

Картина третья

Та же обстановка тюремной камеры, что и в первой картине. В камере – Герострат.

Из-за сцены доносятся неясное бормотание и какая-то разухабистая пьяная песенка. Пошатываясь, входит Тюремщик.

Тюремщик (напевает). “...Я буду петь Диониса, сына славной Симелы. Как на мысе открытом однажды сидел он...”

Герострат. Явился наконец! Черепаха! За такие деньги можно было бегать побыстрее.

Тюремщик (продолжает петь). “...Юноша в самом расцвете сил молодых, и кудри чудные с синим отливом встряхивал он...”

Герострат. Э-э, да ты набрался, приятель!

Тюремщик. Да, Герострат, я выпил! Я выпил и этого не скрываю... Когда приходится прислуживать такому человеку, как ты, стыдно быть трезвым... Приходится пить, чтобы не мучила совесть...

Герострат. Теперь не мучает?

Тюремщик. Мучает, но уже не так... Если бы не мое скудное жалованье, я бы в жизни не взял ни драхмы у такого... у такого...

Герострат. Я заплатил тебе, чтобы не слышать ругательств?

Тюремщик. Молчу... Молчу, Герострат, хотя мне ужасно хочется назвать тебя мерзавцем.

Герострат. Ты все исполнил?

Тюремщик. Все.

Герострат. Ну, расскажи, как это было.

Тюремщик. Когда я пришел в харчевню Дионисия, вся эфесская шантрапа была в сборе. Тут были люди двух сортов: одни хотели выпить, другие – опохмелиться. Но и у тех и у других не было за душой ни драхмы... И тут вошел я! Когда они увидели мой кошелек, то решили, что меня послал сам Дионис, и попытались меня зацеловать, но я им не дался... я назвал твое имя. Тут они возмутились и стали тебя поносить... Сказать, какими словами они тебя обзывали?

Герострат. Нет! Рассказывай дальше...

Тюремщик. Жаль! Там были удивительно сочные выражения... Потом они стали думать, что делать с деньгами... Одни хотели выкинуть их в нужник, другие предлагали их все-таки пропить. Других оказалось больше! Мы пили и говорили о тебе.

Герострат. Что же вы говорили?

Тюремщик. Мы решили, что ты, конечно, свинья и мерзавец, но в тебе что-то есть гуманное, раз ты в предсмертный час думаешь о страждущих и жаждущих...

Герострат. И неужели никто меня не назвал славным парнем?

Тюремщик. Мы недостаточно выпили для этого, Герострат.

Герострат. Ничего! Если судьба будет благосклонна ко мне, вам еще представится случай выпить на дармовщину. Тогда, надеюсь, вы назовете меня славным парнем?

Тюремщик. Вполне может быть. А у тебя будут деньги?

Герострат. Непременно!

Тюремщик. Верю. Ты оборотистый малый, раз сумел вытрясти из Крисиппа целый кошелек серебра. Но главное, что и я смогу на тебе заработать. У тюремных ворот стоят несколько человек, готовых заплатить мне только за то, чтобы глянуть на тебя...

Герострат. Вот как? Ну что ж, не возражаю. Значит, интерес к моей персоне возрастает. Очень хорошо! Кто эти люди?

Тюремщик. Несколько торговцев, один каменщик, один художник – его зовут Варнатий, он расписывает вазы – и какая-то женщина.

Герострат. Э-э, да там целая экскурсия!.. Начнем с женщины, тюремщик. Она симпатичная?

Тюремщик. Трудно сказать – она закрыла лицо.

Герострат. Впусти ее первой!

Тюремщик (послушно). Будет исполнено! (Спохватившись.) Ты уже приказываешь мне, мерзавец?

Герострат. Ну и что? Мои приказы неплохо оплачиваются.

Тюремщик (уходя). О боги, почему вы не повелели повысить мне

жалованье?.. Так неприятно продаваться...

Выходит и вскоре возвращается, сопровождая Клементину, на которой черный гиматий, лицо закрыто шалью.

Вот, женщина, тот злодей, которого ты желала увидеть.

Клементина. Благодарю тебя, тюремщик. (Дает ему деньги.) Ты позволишь мне побеседовать с ним наедине?

Тюремщик (пересчитывая деньги). Побеседуй. Только недолго, там еще есть желающие... (Уходит.)

Герострат. Что привело тебя ко мне, женщина?

Клементина. Любопытство.

Герострат. Ну что ж, это неплохое качество. Если бы не было любопытных, жизнь казалась бы намного скучнее. Что ж тебя интересует во мне?

Клементина. Все.

Герострат. Всего узнать невозможно. Но я могу дать тебе совет: скоро в городе появятся мои записки – прочти их. Там есть много интересного для любопытных.

Клементина. Прочту. А сейчас дай посмотреть на тебя.

Герострат. Как ты меня находишь?

Клементина. Ты красив, и рост у тебя высокий.

Герострат. А почему я должен быть маленьким? Странные люди, вы почему-то уверены, что поджигатель храма должен быть уродцем. Клеон считал, что у меня прыщавое лицо, ты представляла меня карликом, да?

Клементина. Все в городе говорят, что ты сжег храм из тщеславия. Я не верю в это. Мне кажется, есть другая причина.

Герострат. Что может быть прекраснее славы, женщина? Слава сильнее силы богов, она может подарить бессмертие.

Клементина. Согласна. Но есть в мире одно чувство, которое ценится не меньше славы.

Герострат. Какое?

Клементина. Любовь.

Герострат. Любовь? Ты заблуждаешься... Любовь может унизить человека, слава – никогда.

Клементина. Даже если это слава злодея?

Герострат. Даже она. Кто построил храм Артемиды? Ну-ка? Не мучайся, ты наверняка забыла имя зодчего. Но ты будешь всегда помнить имя Герострата. Видишь, как слава в одну ночь делает человека бессмертным?

Клементина. И все-таки я надеялась, что не она причина твоего поступка. Я думала, что есть в Эфесе женщина, из-за любви к которой и вспыхнул этот костер.

Герострат (усмехаясь). Какая наивность! Да все женщины Эфеса не стоят того, чтоб из-за них поджигали даже курятник.

Клементина. Подойди ко мне.

Герострат. Зачем?

Клементина. Подойди!

Герострат подходит к Клементине, та дает ему звонкую пощечину.

Герострат. Ну ты! Я могу дать сдачи! (Надвигается на Клементину.) Мне достаточно перепадало в жизни! Перед смертью я бы хотел обойтись без пощечин...

Клементина. Это тебе за всех женщин, ничтожество! (Снимает шаль.)

Герострат. Клементина? (Нервно смеется.) Ай да Герострат! Молодец! Сама повелительница Эфеса пришла к тебе на свидание!

Клементина (зло). Свидание окончено, Герострат! Уже неинтересна беседа

с тобой.

Герострат. Почему? Что разочаровало тебя во мне, Клементина?

Клементина. Можно быть рабом, но мыслить как царь! А ты – мелкий лавочник, Герострат, и мыслишь как мелкий лавочник...

Герострат. Не понимаю.

Клементина. И не поймешь! Скудные мозги вложили тебе в голову родители. Я не верю, что ты сознательно сжег храм Артемиды. Ты, наверное, спьяну случайно устроил пожар? Это было так, сознавайся?!

Герострат. Не понимаю, чего ты хочешь?

Клементина (нервно ходит по сцене). Ничтожество! Я-то представляла его героем с отважным сердцем, с прекрасными помыслами, а он... червяк! Жил как червяк и умрешь как червяк! Клеон был прав: я слишком возвышенна, чтобы понять ничтожное...

Герострат. Погоди, погоди, Клементина. Я никак не пойму, о чем ты говоришь... Дай подумать!.. О, я все понял! Ну конечно! Ах, глупец! (Смеется.) Все ясно! (Подходит к Клементине, прикладывает руку к сердцу.) Я люблю тебя, Клементина!

Клементина. Ты лжешь, негодяй!

Герострат. Конечно, лгу, но ведь именно это ты хотела услышать? Что во имя любви к тебе я сжег храм?

Клементина (смутившись). Не обязательно я, мне казалось, что есть женщина...

Герострат. Не надо хитрить, Клементина. Плевать тебе на других женщин! Все знают, что ты – первая в Эфесе. Тебя рисуют художники, тебе слагают гимны поэты! Тысячи юношей плачут по ночам, мечтая о тебе... И вдруг такое событие – сожжен храм Артемиды! Почему? Конечно, из-за несчастной любви. Из-за любви? К кому?! Сознайся, Клементина, ты испугалась соперницы. Неужели в Эфесе есть другая женщина, которую кто-то может любить больше, чем тебя? С этим вопросом ты пришла ко мне?

мне?

Клементина. Пусть так. Но теперь я вижу, что заблуждалась.

Герострат. И ты успокоилась? Не верю! Твое тщеславие не меньше, чем мое. Очень хочется остаться в истории женщиной, ради которой мужчины шли на смерть... (Шепотом.) Знаешь, Клементина, почему я сжег храм Артемиды? Потому что считаю тебя прекраснее самой богини!

Клементина (испуганно). Замолчи! Не навлекай на меня гнев богов!

Герострат. Не бойся, Клементина! Это я вызвал их гнев, и я буду отвечать. Тебе останется только слава... Кто такая Артемида? Жестокосердная богиня охоты. Она носится по лесам со свитой своих зверей, стреляет из лука и прячется от людского взора. Она и любить-то не умеет, несчастная! За что ей возводятся храмы? За что ей приносят жертвы? Да она мизинца твоего не стоит!

Клементина. Перестань! Мне страшно!

Герострат. Тебе приятно, Клементина. Я чувствую: кровь ударила тебе в лицо, закружилась голова. Подумай: пройдут годы, постареет твоя кожа, поседеют волосы, а люди будут смотреть на тебя и говорить: вот женщина, которая не уступала красотой богине. Ее любили так, как никого на свете!.. О тебе будут написаны поэмы, трагедии... Лучшие актрисы мира станут гримировать свое лицо под твое, и само имя Клементина станет символом красоты и величия. Завидная судьба!

Клементина. Что ты хочешь, Герострат?

Герострат. Завтра, когда меня будут казнить, я произнесу во всеуслышание имя “Клементина”! Я скажу, что, влюбившись и не рассчитывая на ответное чувство, я бросил вызов богам. Я скажу, что греки не смеют поклоняться какой-то Артемиде, когда среди нас живет такое чудо, как ты. Позволь мне сказать это?

Клементина (взволнованно). Позволяю.

Герострат (деловым тоном). Так! Договорились! Считай, что сделка состоялась. Какова твоя цена?

Клементина. Какая цена?

Герострат. За славу я плачу жизнью, а ты?

Клементина. Я дам тебе золото.

Герострат. Зачем мне оно? Приговоренные к казни перестают быть алчными.

Клементина. Чего же ты хочешь? Бежать?

Герострат. Если я сбегу, то кто же проложит тебе дорогу в бессмертие?

Клементина. Теперь я не понимаю, про что ты говоришь.

Герострат. Ты сказала: есть в мире чувство, которое ценится не меньше, чем слава. Любовь! Я всегда относился к ней недоверчиво, но, может быть, я заблуждался? (Решительно.) Я хочу твоей любви, Клементина!

Клементина (испуганно). Что?! У тебя помутился разум!

Герострат. Возможно. Но это моя цена.

Клементина. Дурак! Перед тобой повелительница Эфеса, а ты говоришь с ней как с продажной женщиной!

Герострат (кривляясь). Ах, извините, госпожа, я не думал оскорбить вашу особу. Всю жизнь я прожил среди грубого люда, откуда мне было набраться хороших манер? Ведь я бывший лавочник, госпожа, и, как вы справедливо заметили, у меня мысли лавочника. Я подумал: поскольку меня покупают – я могу назвать цену.

Клементина. Перестань кривляться! Будь благоразумен, Герострат. Не забывай: я жена Тиссаферна и имею на него влияние. Хочешь, я заставлю его надолго отсрочить твою казнь?

Герострат. Хочу! Но в придачу хочу твою любовь. Несколько лишних дней продлят мучения, зато твоя любовь скрасит мою муку.

Клементина. Что тебе моя любовь? Полчаса назад ты даже не думал обо мне.

Герострат. Я влюбился в тебя с первого взгляда.

Клементина. Лжешь! Ты что-то задумал и хитришь.

Герострат. Я не хитрю, Клементина, я просто вживаюсь в новую роль. Завтра весь город узнает, что я – сумасшедший влюбленный, дай мне тоже поверить в это. Полюби меня, Клементина.

Клементина. Тюремная камера – не место для любви.

Герострат. Чем я виноват, что преступникам не выделяют спальни с альковом?

Человек театра встает со своего места, подходит к Клементине.

Человек театра. Извини, Клементина, но я вынужден заговорить. Я вижу, ты начинаешь уступать Герострату. Будь тверда! Никто не знает, как он сумеет воспользоваться твоей благосклонностью.

Герострат (зло). Ты обещал не вмешиваться!

Клементина (Человеку театра). Но я хочу, чтоб он назвал мое имя перед казнью! Разве я не достойна этого?

Человек театра. Не мне об этом судить, Клементина. Твоя красота прославлена поэтами – зачем тебе нужен обман?

Герострат. Послушай, Клементина, я ведь могу назвать имя другой женщины.

Клементина (испуганно). Другой?

Герострат. Разве мало в Эфесе знатных особ, желающих прославиться?

Клементина. Ты не посмеешь это сделать!

Герострат. Взгляни на меня, Клементина. Есть ли для такого человека что-нибудь невозможное?

Человек театра. Клементина, не будь безрассудна! Ты – достойная женщина. Славу не покупают такой ценой...

Клементина. А если он мне нравится? Если я почти полюбила его?

Герострат. Молодец!

Человек театра. Полюбила? Полюбила Герострата?.. (Печально.) Тогда делай все, что хочешь...

Появляется Тюремщик.

Тюремщик. Хватит! Вы заболтались. Там ждут следующие... (Узнав Клементину.) О боги! Кого я вижу!

Клементина. Ты ничего не видишь, тюремщик!

Тюремщик. Как же я ничего не вижу, когда вижу...

Клементина (властно). Ты ничего не видишь, тюремщик! И если твой язык не будет сидеть за зубами, то за него поплатится голова. Понял?

Тюремщик (испуганно). Все понял, повелительница.

Клементина. Тогда ступай прочь! (Человеку театра.) И ты ступай! Мне надоели твои нравоучения!

Тюремщик уходит.

Герострат (обнимает Клементину, потом оборачивается к Человеку театра). Слышал приказ? Ну, что ты стоишь? Погаси светильник и ступай! (Показывает рукой на зал.) И они пусть уйдут!..

Человек театра (гасит светильник, потом печально говорит в зал). Я вынужден объявить антракт!

Часть вторая

Картина четвертая

На авансцене – Человек театра.

Человек театра. Как это просто – перелистывая страницы истории, расставить по местам все даты и события, объяснить, кто прав, кто

виноват. Жизнь кажется предельно четкой и понятной. Но стоит на минуту сделаться современником этих дат и событий, как сразу понимаешь, насколько все было сложней и запутанней.

Двадцать дней зияет пепелище в сердце Эфеса, двадцать лишних дней живет на свете человек по имени Герострат. Как это могло случиться?..

Высвечивается зал суда. В углу, за небольшой перегородкой, стоят деревянные скамьи для присяжных. В центре зала на возвышении сидит Клеон.

Сейчас мы в зале эфесского суда. В дни заседаний здесь собираются толпы людей, кипят страсти, истец и ответчик изощряются в красноречии, а беспристрастные гелиасты слушают их, чтобы потом бросить в вазу черный или белый камень. Где твой черный камень, Клеон?

Шум толпы. Распахивается дверь, двое горожан втаскивают в зал Третьего. Руки у него связаны, хитон разорван, на лице и на руках ссадины.

Клеон. Что случилось, сограждане?

Первый горожанин (указывает на Третьего). Этот человек хотел поджечь городской театр.

Второй горожанин. Мы схватили его в тот момент, когда он мазал стены смолой...

Третий горожанин. Развяжите мне руки, болваны! Скоты! Вы еще об этом пожалеете! Придет час, и мы оторвем вам головы!

Клеон (вглядываясь в Третьего). Я тебя где-то видел. Не ты ли двадцать дней назад ворвался в тюрьму к Герострату?

Первый горожанин. Да, он был с нами.

Третий горожанин. Я был дураком! Герострат – сын богов! Скоро он выйдет к нам, и тогда мы встряхнем Эфес как спальный мешок. Мы установим здесь новый порядок! Вы еще попляшете на сковородке, которую мы разожжем на городской площади!..

Клеон. Тебя завтра же казнят!

Третий горожанин. Оставь, Клеон. Это уже было обещано Герострату. Но что ты можешь, жалкий человек, против смелого божества? Да здравствует Герострат!

Клеон (Первому горожанину). Уведи его! Сдай в тюрьму под охрану воинов. Суд назначаю завтра утром!

Третий горожанин. Доживешь ли ты до утра, архонт?

Первый горожанин уводит Третьего.

Второй горожанин (подходит к Клеону). Послушай, Клеон...

Клеон (перебивая). Знаю, что ты хочешь сказать, каменщик. Я не сдержал своего слова, но в том не моя вина. Я судья, но повелевает Тиссаферн. Суд состоится только тогда, когда вернется посланец из Дельф. Мы должны набраться терпения и ждать...

Второй горожанин. Все это известно, архонт. Я пришел с просьбой: прикажи пропустить меня в тюрьму к Герострату...

Клеон. Не дело ты задумал, каменщик. По законам Эфеса каждый, кто убьет преступника до суда, сам будет казнен.

Второй горожанин. Знаю это и все-таки прошу: прикажи пропустить!

Клеон. Нет!

Второй горожанин. Отвечать буду я один.

Клеон (решительно). Нет! Все должно быть по закону...

Второй горожанин. Разве Герострат уважает наши законы? Он действует, а мы все ждем. Когда спохватимся, боюсь, будет поздно.

Клеон. Герострат в тюрьме, под надежной охраной. Как он может действовать?

Второй горожанин. Каждый день все эфесские проходимцы пьют в харчевне Дионисия на деньги Герострата...

Клеон. Я прикажу разогнать их плетьми!

Второй горожанин. Они соберутся в другом месте! Их уже много, архонт. Они пьют и славят своего благодетеля. Вчера на базаре гадалка кричала, что Герострат – сын Зевса, и многие благоговейно внимали ее словам.

Клеон. Я прикажу схватить гадалку...

Второй горожанин. Все равно, архонт, ты заблуждаешься. Герострат действует! Действует своим примером!.. Прикажи пропустить меня в тюрьму!..

Клеон. Нет! Не убеждай меня, каменщик. Я не изменю своего решения.

Второй горожанин. Ну хорошо... Посоветуйся со своей совестью, архонт. Если передумаешь – кликни меня. Я буду наготове... (Уходит.)

Человек театра. Не думал, что события в Эфесе будут так стремительно развиваться...

Клеон. Прошло двадцать дней после поджога. Это немалый срок.

Человек театра. Кто они, сторонники Герострата?

Клеон. Разве это сторонники? Жалкие, никчемные люди, которым нравится наглость злодея... Ты сейчас видел одного. Несчастный цирюльник! Прочитал сочинение Герострата и решил, что ему тоже все позволено...

Человек театра. Ты читал это сочинение?

Клеон. Разумеется. Суду надо знать все о преступнике.

Человек театра. В нем есть какая-то программа?

Клеон (презрительно). Нет. Герострат не философ. Полуграмотный недоучка, возомнивший себя сверхчеловеком. (Цитирует.) “Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаясь! Этим ты славу добудешь себе и покорность!” Вот и вся теория, до какой он сумел додуматься.

Человек театра (задумчиво повторяет). “Делай что хочешь, богов не боясь

и с людьми не считаясь...” Не спеши отмахиваться от этих слов, Клеон. В них есть притягательная сила. Поверь мне, я прожил на две с лишним тысячи лет больше тебя и знаю, как такие недоучки могут дурманить головы миллионам. Ты стоишь у истоков болезни, которая впоследствии принесла горе человечеству.

Клеон. Не знаю. Я не историк и не провидец. Я обыкновенный человек и живу сейчас. Не мне отвечать за то, что будет через тысячу лет.

Человек театра. Не говори так, Клеон. Каждый человек в ответе за все, что делается при нем и после него!

Клеон. Зачем ты явился к нам, человек? Неужели там, в будущем, вы вспомните Эфес только в связи с этим злодеянием? Несправедливо! Эфес – красивый город, в нем живут мирные и добрые граждане, а этот мерзавец – исключение... Он случаен в нашей жизни, как снег летом, как засуха среди зимы... Я мучаюсь, думая о том, как стереть память о его существовании. Забыть, все забыть! Забыть час его рождения и день его гибели... Будь он проклят! Не было его!..

Человек театра. В этом твой главный просчет, Клеон. Он был, есть и, к сожалению, будет рождаться вновь... Знаешь, Клеон, в то далекое время, которому я современник, мир будет занимать много проблем. Но и тогда время от времени на земле будет появляться он – человек по имени Герострат. Он снова провозгласит: “Делай что хочешь, богов не боясь и с людьми не считаясь!” И вспыхнут пожары, прольется кровь, погибнут невинные. И многие станут разводить руками: “Откуда эта напасть, откуда?..” А ей с лишним две тысячи лет! Начало ее здесь, в Эфесе. Вот почему я пришел к вам, архонт. Вот почему я говорю тебе: не старайся облегчить свою память забвением!

Клеон (мрачно). Я не создан для борьбы, человек. Я плохой воин, но честный судья. Я никогда никого не убивал, я служил закону, и потому мое имя так уважаемо в Эфесе... Но теперь я ношу с собой это... (Достает нож.) Если посланец из Дельф принесет с собой свободу Герострату, если боги простят злодеяние, я уйду из этой жизни...

Человек театра. Не дело ты задумал, архонт! Отдай мне нож. Твоя жизнь нужна людям.

Клеон. Какой смысл в жизни судьи, если в его городе царит беззаконие?

Человек театра. И все-таки отдай нож.

Клеон (протягивает нож). Возьми... Это только мысль в минуту отчаяния. Между мыслью и делом – длинный путь, не каждый сможет пройти его... Все словно сговорились, чтобы мешать правосудию. (Неожиданно зло и решительно.) Но пока я жив, я – судья! (Кричит.) Тюремщик! Войди! (Человеку театра.) Клянусь, этот мошенник скажет мне наконец правду!

Входит Тюремщик.

Тюремщик. Ты снова вызвал меня, богоподобный архонт?

Клеон. Да. Но знай, это наша последняя беседа. Если ты вздумаешь юлить передо мной, как в прошлый раз, то я прикажу заковать тебя в кандалы и подвергнуть пытке.

Тюремщик. За что ты гневаешься на меня, Клеон?! Я не сказал тебе ни слова лжи. Смею ли я обманывать такого человека?

Клеон. Замолчи! Отвечай на вопросы... Тебе доверено стеречь опасного преступника. Честно ли ты исполняешь свою службу?

Тюремщик. Глаз не свожу с этого мерзавца. День и ночь я слежу за каждым его движением...

Клеон. А откуда же у него появились деньги? Как в город попал папирус, написанный им?

Тюремщик. Не знаю, Клеон. Откуда маленькому тюремщику знать о таких вещах?

Клеон. Кто приходил к Герострату?

Тюремщик. Ты.

Клеон. Не прикидывайся дураком! Кто еще приходил в тюрьму?

Тюремщик. Никто, архонт, клянусь своими родными! Я бы и муху не пропустил в камеру...

Клеон. Не хочешь говорить? Ладно. Тогда заговоришь на колесе.

Тюремщик (падая на колени). Пожалей меня, Клеон!

Клеон. Кто приходил к Герострату?

Тюремщик. Ростовщик Крисипп.

Клеон. Я так и думал. Кто еще?

Тюремщик. Больше никто.

Клеон. Не лги! Помни: у тебя последняя возможность избежать пыток.

Тюремщик. Я не смею сказать даже тебе, Клеон!

Клеон. Значит, ты решил умереть.

Тюремщик (в отчаянии). Сжалься, великодушный архонт! Если я не скажу, кто приходил к Герострату, меня ждет пытка, если скажу – меня ждет смерть! Что же делать несчастному тюремщику?

В зал входит Клементина, она слышала последнюю фразу Тюремщика.

Клементина. Действительно, у этого человека сложное положение, Клеон. Можно ему посочувствовать...

Клеон (поднимаясь ей навстречу). Большую честь эфесскому суду оказала повелительница, посетив его стены.

Клементина. Я проезжала мимо и решила узнать, как идет следствие по делу Герострата. (Указывая на Тюремщика.) Кто этот человек?

Клеон. Тюремщик, он охраняет Герострата. Но, кажется, ему зря платят жалованье... В камере преступника уже сумело побывать несколько посторонних, и среди них какая-то значительная особа...

Клементина. Ты узнал имя этой особы?!

Клеон. Пока нет.

Клементина. Надеешься узнать?

Клеон. Конечно! Под пыткой он скажет все...

Тюремщик (в испуге, Клементине). Нет, повелительница! Нет! Я никогда не назову ее имя, даже если меня разорвут на части!!! Будь спокойна, Клементина!

Клементина (отшатнувшись от него). Дурак!

Возникает неловкая пауза.

Можешь отпустить этого человека, Клеон. Ты узнал что хотел.

Клеон (задумчиво глядя на Клементину). Пожалуй, так. (Тюремщику.) Ступай прочь!

Тюремщик пытается уйти.

Впрочем, нет. Посиди у входа в маленькой комнате, ты мне, может быть, понадобишься.

Тюремщик уходит.

Итак, Клементина, зачем ты посетила Герострата?

Клементина. Это начался допрос?

Клеон. Да.

Клементина. Ты уверен, что можешь допрашивать повелительницу Эфеса?

Клеон. Повелительница Эфеса – гражданка Эфеса, она подчиняется всем законам города.

Клементина (зло). Смотри, Клеон, тебе не стоит наживать во мне врага! (С улыбкой.) Я привыкла, чтобы со мной говорили подобострастно.

Клеон. Я постараюсь быть подобострастным, повелительница. Зачем, обожаемая, ты приходила к Герострату?

Клементина. Из любопытства.

Клементина. Из любопытства.

Клеон. Твой муж знал об этом?

Клементина. Не твое дело!

Клеон. Мое дело – все, что касается преступника! Итак, Тиссаферн знал о твоем визите?

Клементина. Нет! Но я могла ему сказать.

Клеон. Однако ты не сказала. Почему?

Клементина. Не представился случай.

Клеон. За все эти дни вы ни разу не встретились?

Клементина. Мне не нравится твоя ирония, Клеон! Я вольна говорить с мужем когда угодно и о чем угодно.

Клеон. И все же до сих пор ты ему об этом не сказала. Значит, у тебя были на это причины, Клементина?

Клементина. Послушай, Клеон, ты напрасно строишь догадки. Я сама явилась в суд, чтобы рассказать о своей беседе с Геростратом. Помнишь, тогда, во дворце, я не поверила твоим словам о том, что Герострат сжег храм из тщеславия. Я предполагала, что он это сделал из-за безответной любви к какой-то женщине. И вот, представь, я оказалась права... Этот несчастный действительно потерял голову из-за женщины...

Клеон. Эта женщина – ты?

Клементина. Ты угадал.

Клеон. Я угадал это еще там, во дворце. Ты слишком быстро изменила свое решение и поддержала Эриту. Ну а когда Герострат узнал об этом?

Клементина. О чем?

Клеон. О том, что он влюблен в тебя!

Клементина. Мне не нравится твоя ирония, Клеон! Ты не имеешь права не

верить мне.

Клеон. Я слишком хорошо знаю тебя и довольно неплохо изучил Герострата. Он сам не придумает такой легенды. Это ты подсказала ему мысль! Влюбленный юноша, потерявший разум, – неплохая версия для чувствительных присяжных. Женщина, из-за которой сжигают храм богини, – это же мировая слава. Красиво придумано, Клементина... Только Герострат не мог даром согласиться, он наверняка что-то потребовал взамен... Что именно?

Клементина. Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Я – твоя госпожа, ты – мой слуга!

Клеон. Я слуга своего города, Клементина, и у меня один господин – мой Эфес, ему я и буду служить верой и правдой. О чем ты договорилась с Геростратом? Чем ты собираешься отплатить мерзавцу за свою славу?

Клементина. Я не стану тебе отвечать!

Клеон. Станешь, Клементина, клянусь богами! И тюремщик поведает мне об этом.

Клементина. Не желаю с тобой разговаривать! Я сейчас же иду к Тиссаферну, и он своей властью покарает тебя за оскорбление, которое ты нанес его жене. (Поворачивается, чтобы уйти.)

Клеон. Остановись, Клементина! Властью, данною мне эфесским народом, я запрещаю тебе выходить!

Клементина. Что?!

Клеон. Ты будешь находиться в здании суда, пока я не выясню твою причастность к заговору Герострата. (Кричит.) Не выпускать Клементину!!!

Человек театра. Так, архонт, так!

Клементина. Ты горько пожалеешь об этом, Клеон. Горько пожалеешь... (Уходит.)

Клеон. Так, и только так! Теперь нельзя останавливаться. Будь что будет!

Клеон. Так, и только так! Теперь нельзя останавливаться. Будь что будет! Граждане Эфеса, вы можете верить слову своего судьи. Он не обманывал вас раньше, не обманет и теперь... (Кричит.) Войди, Крисипп, я жду тебя!

Входит Крисипп.

Крисипп. Приветствую тебя, о мудрый и справедливый из архонтов, да будет мир в твоем доме, да обратят на тебя боги свою благосклонность...

Клеон (перебивая). Останови поток красноречия, мошенник!

Крисипп. Чем я прогневал тебя, Клеон?

Клеон. Разве ты не понял, когда получил повестку в суд?

Крисипп. Что я мог понять из сухой повестки? Разве только что произошло недоразумение... Обычно Крисипп вызывает в суд своих должников, но никто не вызывал в суд Крисиппа.

Клеон. Ростовщик Крисипп, ты обвиняешься в том, что вступил в преступную связь с Геростратом и с целью наживы распространяешь по городу его сочинения.

Крисипп. И только-то! Но, уважаемый Клеон, это обыкновенная продажа папирусов. С каких пор в Эфесе коммерция считается преступлением?

Клеон. С тех пор как Народное собрание Эфеса и повелитель Тиссаферн издали закон, запрещающий упоминать имя поджигателя Герострата, а также все иные действия, способствующие славе этого злодея.

Крисипп. Все правильно. Но ведь закон был объявлен только через неделю после поджога, а записки Герострата мои люди продавали уже на второй день... Когда же был издан запрет, я тотчас порвал все имевшиеся папирусы.

Клеон. Ложь! Папирусы продают на базаре и по сей день. Причем цена на них подскочила.

Крисипп. Клянусь богами, я не имею к этому никакого отношения... Сам посуди: зачем мне рисковать? Я продаю кожу, рыбу, зерно, лес... Для чего мне размениваться на какие-то свитки и рисковать головой? Да и кто

теперь их станет покупать? По закону, купивший папирус карается не меньше, чем продавший.

Клеон. Ты хорошо изучил закон, Крисипп, и все-таки нарушаешь его.

Крисипп. Какую клятву мне дать, чтобы ты поверил?

Клеон. Не надо клятв, дай ключи!

Крисипп. Какие ключи?

Клеон. Ключи от склада твоих товаров. Мы произведем обыск.

Крисипп (поспешно доставая ключи). Прошу тебя, Клеон. Ищи!

Клеон (отстраняя ключи). Значит, не там. Где же? Где спрятаны свитки? В лавке? В доме?

Крисипп. Клянусь тебе, архонт, ты заблуждаешься...

Клеон. Где они спрятаны, ростовщик? Я все равно их найду, и тогда твоя вина усугубится... Пожалей себя!..

Крисипп. Пожалей мою жену и дочь, архонт! (Всхлипывает.)

Клеон. Ах, понял! Ты прячешь их в гинекее. Там за них можно быть спокойным – ни один посторонний не переступит порог женской половины дома. Я угадал? Ну?! Молчишь?! Я ведь прикажу обыскать эти комнаты...

Крисипп. Ты хочешь опозорить старика, Клеон?

Клеон. Я хочу услышать хоть слово правды! (Кричит.) Эй, люди! Приказываю произвести обыск в доме ростовщика Крисиппа. Осмотрите его повнимательней, особенно женские комнаты!

Крисипп (испуганно). Остановись, Клеон! Я готов сделать чистосердечное признание... Надеюсь, сейчас это еще не поздно.

Клеон. Говори!

Крисипп. В гинекее моего дома действительно лежат папирусы Герострата. Пятнадцать штук.

Пятнадцать штук.

Клеон. Вот как?

Крисипп. Их заказал один покупатель.

Клеон. Один покупатель – пятнадцать папирусов? Зачем ему столько?

Крисипп. Откуда мне знать? Он платит, мое дело – доставать товар.

Клеон. Кто он?

Крисипп. Знатный человек, и я обещал сохранить его имя в тайне.

Клеон. Кто бы он ни был, я должен знать его имя! По приказу Тиссаферна купивший папирус карается не меньше, чем продавший!

Крисипп. Но я заслуживаю снисхождения, ведь я чистосердечно признался...

Клеон. Суд учтет твое раскаяние, ростовщик! Назови имя!

Крисипп. Бедный заказчик, что с ним будет?

Клеон. Он будет арестован и заточен в тюрьму!

Крисипп. Даже так?! И ты не изменишь свое решение, Клеон?

Клеон (решительно). Никогда!

Крисипп. Слово архонта?

Клеон. Клянусь!

В зал суда входит Тиссаферн.

Крисипп (замечает его, с нескрываемым ехидством). Тебе повезло, Клеон. Заказчик сам явился в суд. Осталось только упрятать его в темницу. Обернись!

Клеон оборачивается, видит повелителя. Пауза.

Клеон (растерян, почтительно склоняется). Я рад приветствовать повелителя Эфеса! (Крисиппу.) Ступай, мы еще поговорим с тобой...

Крисипп (улыбаясь). Непременно, архонт, непременно... Не забудь про свою клятву.

Клеон (зло). Ступай!

Почтительно поклонившись Тиссаферну, Крисипп уходит.

Тиссаферн. Ужасная жара стоит в городе, солнце печет немилосердно. Пока доехал к тебе, взмок... А ты работаешь?

Клеон. Как видишь, повелитель. Служащий должен нести свою службу в любую погоду.

Тиссаферн. Это правильно, только не переусердствуй... Ты уже немолодой, Клеон, надо беречь здоровье...

Клеон. Ценю заботу повелителя...

Тиссаферн. Мой долг – заботиться о своих слугах.

Клеон. Повелитель, позволь задать тебе вопрос: зачем ты покупаешь папирусы Герострата?

Тиссаферн. Кто покупает? Я покупаю?.. Ложь! (Поймав пристальный взгляд Клеона, сразу сдается.) Ладно, ты прав, покупаю!.. Это мошенник Крисипп наябедничал? Вот я ему покажу!..

Клеон. Зачем ты это делаешь, повелитель?

Тиссаферн. Да я так, из любопытства... Пусть, думаю, в моей библиотеке хранится экземпляр...

Клеон. Ты заказал пятнадцать штук.

Тиссаферн. И это он сказал? (Возмущенно.) Ну люди! Ни на кого нельзя положиться!.. Понимаешь, Клеон, меня просил прислать записки Герострата царь Македонии. И еще повелитель Сиракуз... ну и еще несколько уважаемых людей. Интересно все-таки, что насочинял этот

разбойник. Там есть любопытные мысли...

Клеон. Ты нарушаешь закон!

Тиссаферн. Нарушаю! Но ведь я сам его издал. Значит, не закон командует мною, а я – законом! Впрочем, это ерунда, из-за которой не стоит огорчаться, мой любимый архонт...

Клеон. Ты подаешь дурной пример!

Тиссаферн. Какой пример? Я все делаю втайне... Только твое недремлющее око могло это заметить. Впрочем, повторяю, это ерунда и пустые страхи... (Человеку театра.) Цитату для убедительности...

Человек театра. Из Софокла: “Кто пред пустыми страхами трепещет, заслуживает истинных!”

Тиссаферн. Вот именно! Софокл прав!.. (Оглядывается.) А где Клементина? Слуги сообщили, что она здесь.

Клеон (официально). Повелитель, твоя жена арестована мною!

Тиссаферн (после паузы). Ужасная жара стоит в городе, Клеон. Нельзя работать в такой духоте, у тебя плавятся мозги...

Клеон. Моя голова сохраняет ясность мысли, повелитель. Твоя жена арестована! Она обвиняется в том, что посещала Герострата и вошла с ним в тайный сговор.

Тиссаферн (нервно). Думай, Клеон, думай... Когда говоришь, что думаешь, думай, что говоришь!

Клеон. Я отвечаю за каждое свое слово, Тиссаферн.

Тиссаферн (нервно). Не ошибись, Клеон, не ошибись! Такой ошибки я не прощу даже тебе. (Человеку театра.) Уйди! Ты не должен это слушать...

Человек театра уходит.

(Клеону.) У тебя есть доказательства, свидетели?

Клеон. Клементина не отрицает своего посещения Герострата. В суде находится тюремщик, он подтвердит это...

Тиссаферн. Позови Клементину!

Клеон. Слушаюсь.

Выходит и тут же возвращается, сопровождая Клементину.

Тиссаферн. Обожаемая Клементина, наш уважаемый архонт рассказывает какие-то странные истории.

Клементина. Он и со мной довольно странно разговаривал, если грубость можно считать странностью.

Тиссаферн (Клеону). Ты разговаривал с моей женой грубым тоном?

Клеон. Я разговаривал с ней тоном судьи.

Тиссаферн (Клементине). Ты была у Герострата?

Клементина. Нет!

Тиссаферн (Клеону). А ты утверждаешь, что она была там?

Клеон. Утверждаю!

Тиссаферн. Значит, один из вас лжет? Ложь должна быть наказана! Клянусь всеми богами греков и персов, лжец будет наказан!!!

Клеон (кричит за сцену). Приведите тюремщика!

Тиссаферн. Послушаем тюремщика. Если меня обманул мой друг – он мне не друг, если жена – она мне не жена!!!

Клементина. Прекрасные слова, мы внесем их в дворцовую книгу...

Возвращается Человек театра.

Клеон (бросаясь ему навстречу). Ну?! Где тюремщик?!

Человек театра. Он убит.

Человек театра. Он убит!

Пауза. Тиссаферн подозрительно смотрит на Клементину и Клеона.

Клеон. Кто подослал убийцу? (Глядя на Клементину и Тиссаферна.) Ты или ты?

Клементина. А может быть, ты, архонт? (Берет Тиссаферна под руку.) Пойдем, милый! Он сошел с ума от подозрений...

Оба уходят.

Клеон (в отчаянии протягивает руку к Человеку театра). Верни мне нож, человек! Прошу тебя, верни мне нож...

Картина пятая

“Тюремщик! Тюремщик!” – этот крик Герострата звучит все время, пока разгораются светильники, высвечивая тюремную камеру. Камера уже приняла более благоустроенный вид, чем в первой и третьей картинах: появилось ложе, возле него – низенький столик для еды, на столике – пустые тарелки и килик для питья, в углу камеры – большая расписная ваза.

Герострат (нервно ходит по камере). Тюремщик! Тюремщик! Где же ты, порази тебя гром?! Мерзавец!.. Эй, придет ко мне кто-нибудь или нет?! Тюремщик!

Входит Клеон.

Клеон. Что ты кричишь?

Герострат (зло). Я кричу, потому что это не тюрьма, а свинарник! Второй день ко мне никто не приходит. Прикажи-ка хорошенько всыпать своим тюремщикам, архонт, они зря получают жалованье... Заключенных положено кормить, поить и убирать за ними урыльник, а этот бездельник отлынивает от своих обязанностей... (Снова кричит.) Эй, тюремщик!

Клеон. Не кричи, он не придет.

Герострат. Почему?

Клеон. Он убит.

Герострат. Убит?.. Вот так так... Кем?

Клеон. Пока неизвестно.

Герострат. Жаль, он был неплохим малым.

Клеон. Особенно для тебя.

Герострат. А хоть бы и для меня! Кому же любить тюремщиков, как не их подопечным... (Задумчиво подходит к столику, хочет выпить, но килик пуст.) Проклятье! Никто за два дня не принес глотка воды! Пора бы назначить нового тюремщика, архонт!

Клеон. Он назначен.

Герострат. Где же он?

Клеон. Перед тобой.

Герострат. Ты шутишь?

Клеон. С тобой шутить недостойно!

Герострат (удивленно смотрит на Клеона). Вот это да! Ай да Герострат, ай да фигура! Сам архонт-басилей приставлен к тебе тюремщиком... Вот не ожидал! Ха-ха, ну чудеса!

Клеон (сердито). Не понимаю, чему ты радуешься?

Герострат. Как – чему? Думал ли я когда-нибудь, что достопочтенный Клеон будет охранять меня и выносить за мной урыльник?

Клеон (зло). Урыльник будешь выносить сам, негодяй!

Герострат (давясь от смеха). Все равно, ты-то будешь идти рядом и нюхать... Ой, не могу, смешно!

Клеон. Замолчи!

Герострат (продолжает смеяться). Бедненький Клеон, за что ж тебя так понизили? Чем же ты прогневал народ Эфеса?

Клеон. Я сам попросил назначить меня твоим тюремщиком, Герострат.

Герострат (перестав смеяться). Сам?.. Странно. Ну да мне все равно. Раз ты тюремщик, будь добр, принеси мне еду и питье... Я голоден!

Клеон молча поворачивается и уходит.

(Кричит ему вслед.) Принеси за два дня, тюрьма мне задолжала! И поживей поворачивайся, новенький! (Смеется.) Веселые дела творятся в Эфесе! (Садится на ложе.)

Появляется Человек театра, как всегда, садится в углу сцены.

(Заметив его, мрачнеет.) Зачем пришел?

Человек театра. Тебя волнует мое присутствие?

Герострат. Меня волнует, что ты суешь свой нос куда не надо.

Человек театра. Я ни во что не вмешиваюсь, я только слежу за логикой событий.

Герострат (злобно). Надоел ты со своей логикой! Оставь в покое меня и мое имя! Повелитель издал указ: забыть Герострата! Так забудьте!

Человек театра. Вот как? Ты уже согласен на забвение? Нет, не получится... Забыть – значит простить!

Герострат. “Простить”, “не простить”... О боги, сколько архонтов на мою бедную голову! Никогда не думал, что удастся отсрочить суд на две тысячи лет...

Человек театра. Тем строже будет этот суд, Герострат.

Человек театра и Герострат некоторое время с неприязнью смотрят друг на друга. Входит Клеон, вносит миску с едой и кувшин.

Герострат (усмехаясь, Человеку театра). Вот еще один мыслитель... Потомки, наверное, вдоволь насмеются, изучая эти персоны... (Клеону.) Ну

Потомки, наверное, вдоволь насмеются, изучая эту персону... (Клеону.) Ну, что там настряпали повара?

Клеон (сорвавшись на крик). Встать! Встать немедленно! Заключенный должен стоять, когда входит надзиратель!!! Ну?! (Замахивается, чтобы выплеснуть на Герострата содержимое миски.)

Герострат (испуганно вскочив с ложа). Но-но, Клеон! Что ты? Осторожно!

Клеон. Молчать! Иначе я плесну все это в твою наглую физиономию. Еды не получишь, пока не уберешь в камере! Чтоб через минуту здесь было чисто!

Герострат (поспешно). Понял, понял! Зачем так волноваться? (Подбирает с полу мусор, корки, кожуру от фруктов.)

Клеон. Что это у тебя?

Герострат. Это? (Показывает кожуру.) Кожура! Это апельсиновая, это – банановая!

Клеон. Неплохой десерт был у заключенного! Многие жители города могли бы тебе позавидовать. (Осматривает килик.) И вино тебе приносили?

Герострат (с улыбкой). Из сострадания, Клеон, только из сострадания. Разве так страшно, если в предсмертные минуты человек хорошо поест и попьет?!

Клеон. Твои предсмертные минуты слишком затянулись, Герострат! (Замечает вазу.) А это что?

Герострат. Ваза.

Клеон. Ваза с дорогой росписью – в тюремной камере?! Да? Если б тюремщик сейчас ожил, я бы прибил его вторично!.. (Разглядывает вазу.) Кто здесь изображен?

Герострат. Не узнаешь?.. Странно...

Клеон (переводя взгляд с вазы на Герострата). Кто посмел писать твой портрет?

Герострат. Художник Варнатий. Он сказал, что у меня выразительные черты лица. Я с ним согласен. (Оглядывая вазу.) Не очень получились глаза, но это можно поправить. Работа еще не закончена...

Клеон. Варнатий дорого поплатится за свою дерзость. Как архонт Эфеса...

Герострат (перебивая). Бывший.

Клеон. Как гражданин Эфеса, я вызову его в суд за прославление разбойника!!! Или пусть он ведет меня в суд за то, что я разбил его вазу!!! (В бешенстве разбивает вазу.)

Герострат (печально). За что ты так не любишь меня, Клеон?

Клеон. Я тебя ненавижу!

Герострат. Жаль! Значит, вдвоем нам будет тесно на этой земле...

Секунду они с ненавистью смотрят друг на друга, затем Герострат отводит взгляд, садится за столик, начинает есть похлебку.

Клеон (властно). После того как поешь, вымоешь миску и пол в камере! Беспорядка больше не допущу! За каждую соринку будешь наказан плетьми!..

Герострат. Сорят посетители, а не я...

Клеон. Посетителей больше не будет! Понял? Здесь тюрьма, а не театр.

Появляется Тиссаферн.

Тиссаферн. Ты абсолютно прав, Клеон, но иногда все-таки придется делать исключение...

Увидев повелителя, Клеон и Герострат почтительно кланяются.

Клеон (мрачно). Повелитель Эфеса может посещать кого угодно и когда ему вздумается.

Тиссаферн. Вот и я так думаю. Должен же хозяин города знать, как содержатся опасные преступники? (Подходит к Клеону.) Я хотел

поговорить с тобой... Послушай, Клеон, мне жаль, что все так получилось. Я думал лишь слегка наказать тебя, но не смещать с поста архонта.

Клеон. Народное собрание приняло решение – я подчинился.

Тиссаферн (миролюбиво). Не хитри, Клеон. Ты прекрасно понимаешь, что стоило тебе извиниться – и все было бы забыто... Друг мой, надо укрощать свою гордость, когда не прав!

Клеон. Мне не за что извиняться, повелитель... Обстоятельства оказались сильнее меня...

Тиссаферн. Жаль! Жаль, что ты упорствуешь в своем заблуждении. Согласись, что человек, не верящий в своих повелителей, не может быть архонтом.

Клеон. Согласен! Поэтому и попросил отставку.

Тиссаферн. Это твое право. Но почему ты захотел стать простым тюремщиком?! Что это? Вызов? Каприз? Такая обидчивость достойна нервного юноши, а не тебя. Несолидно, друг мой, не-со-лид-но!

Клеон. Меньше всего, повелитель, я думал о солидности. Мне важно было принести пользу своему народу. Сегодня Эфес в опасности, опасность исходит от этого человека (жест в сторону Герострата). Значит, мое место здесь!

Тиссаферн. Ты преувеличиваешь опасность этого негодяя. Кто он? Комар, не более.

Клеон. Я тоже так думал, Тиссаферн, но теперь вижу, что ошибался...

Тиссаферн. Почему?

Клеон. Повелители не приходят на свидание с комаром!

Тиссаферн (смутившись). Ты считаешь, что я пришел к нему на свидание?.. Ерунда... (Столкнувшись со взглядом Клеона, сразу сдается.) Ну да, да! Я пришел побеседовать с Геростратом! Что из этого? Почему я должен оправдываться в своих поступках?!

Клеон. Я не прошу тебя об этом, повелитель.

Тиссаферн. Еще бы! Еще бы ты просил!.. Вечный укор я вижу в твоих глазах, Клеон, мне это надоело... Всему есть предел. (Зло.) Ступай прочь!

Клеон (вспыхнув от обиды). Ты никогда раньше не говорил так со мной, повелитель!

Тиссаферн. Раньше ты был архонтом, а теперь – тюремщик! Привыкай к своему новому положению... Ступай! Когда надо будет – я позову.

Клеон уходит.

Герострат (весело). Браво, Тиссаферн, браво! Так его! Пора поставить на место этого гордеца.

Тиссаферн (мрачно). Меньше всего мне нужна твоя похвала.

Герострат. Ну зачем же так начинать разговор? Столько дней я ждал твоего прихода, и вот первыми же словами ты хочешь меня обидеть?

Тиссаферн. Ты ждал моего прихода?

Герострат. Конечно! Все эти дни, все эти долгие часы заточения я ждал тебя, Тиссаферн. Я чувствовал, что тебе хочется встретиться со мной, и я молил богов, чтобы они укрепили тебя в этом желании.

Тиссаферн. Оставим богов, Герострат, у тебя с ними сложные взаимоотношения... Что касается меня, то мне действительно хотелось поболтать с тобой кое о чем...

Герострат. Это большая честь.

Тиссаферн. Конечно! Я и придворным своим нечасто оказываю такую милость...

Герострат. Ценю, повелитель, ценю твою доброту.

Тиссаферн. Ну хорошо. Перейдем к делу. Весь город болтает о том, что ты влюблен в Клементину...

Герострат (поспешно). Не верь, повелитель!

Тиссаферн. Я не тороплю тебя с ответом. Речь идет о моей жене, но это вовсе не значит, что ты должен бояться сказать правду...

Герострат. Я говорю тебе правду, Тиссаферн! Я никогда не испытывал к Клементине ничего похожего на любовь.

Тиссаферн (чуть обиженно). Как же так? Все говорят...

Герострат. Мало ли чего болтают, повелитель! Людям скучно без сплетен...

Тиссаферн. В этом нет ничего удивительного... Клементина молода, умна, первая красавица в городе... В кого же влюбляться, как не в нее?

Герострат. Согласен с тобой, повелитель, но меня ее чары обошли стороной. Сам не знаю почему. Должно быть, я слишком груб для подлинного чувства...

Тиссаферн (начинает нервничать). Странно, странно... Я был уверен, что ты сжег храм из-за безответной любви, так сказать, в благородном помешательстве...

Герострат. Нет, Тиссаферн, ничего подобного! Я лишь собирался обессмертить свое имя. Глупое тщеславие, не больше...

Тиссаферн (задумавшись). Жаль...

Герострат. Увы...

Тиссаферн. Печально...

Герострат. К сожалению...

Тиссаферн (со вздохом). Нет так нет! Значит, это действительно только сплетня?

Герострат. Конечно, повелитель. И я даже знаю, из-за чего она появилась... Дело в том, что Клементина влюблена в меня...

Возникла пауза.

Человек театра от изумления раскрыл рот и пробормотал что-то вроде: “Ну, знаете ли, это уже черт-те что!”

Тиссаферн (Герострату). Как ты сказал? Повтори!

Герострат. Я сказал, что Клементина влюбилась в меня.

Тиссаферн. Ложь.

Герострат. Смею ли я лгать повелителю? Это так, Тиссаферн.

Тиссаферн. Какие у тебя доказательства?

Герострат. Какие доказательства могут быть у любви, кроме того, что она была?

Тиссаферн. Ты хочешь сказать, что Клементина приходила к тебе сюда?

Герострат. Ну не я же ходил к ней во дворец...

Тиссаферн (в бешенстве). Замолчи!.. Отвечай прямо на вопрос.

Герострат. Я отвечаю, повелитель... Пришла Клементина, сказала о своих чувствах, бросилась мне на шею...

Тиссаферн. Замолчи!

Герострат. Я не могу отвечать на вопросы молча, Тиссаферн... Если тебе неприятно это слушать, зачем ты спрашиваешь меня?.. Странно! Я был уверен, что ты все знаешь.

Тиссаферн. Откуда я мог это знать, идиот?!

Герострат. Но тогда зачем ты убил тюремщика?

Снова возникает пауза, и снова Человек театра изумленно бормочет что-то...

Тиссаферн (тихо). Откуда тебе известно?

Герострат. Я догадался. Когда мне сказали, что тюремщик убит, я

прикинул, кому он мог мешать.

Тиссаферн. У тебя неплохо скроены мозги, Герострат. Да, это я приказал убить его... Я не хотел иметь свидетелей семейного позора. Но я не думал, что дело зашло так далеко...

Герострат. Ты правильно сделал, что убрал его.

Тиссаферн. Остался ты.

Герострат. Я не свидетель, я – соучастник.

Тиссаферн. Все равно тебе придется исчезнуть. Ты умрешь сегодня же!

Герострат. Погоди, Тиссаферн! Не спеши. Меня убить легче, чем тюремщика, но после смерти он молчит, а я заговорю... Любовное свидание с твоей женой уже описано в новом папирусе, и свиток спрятан в надежном месте, у друзей. Если я погибну, эфесцы завтра же прочтут о том, как Клементина ласкала Герострата...

Тиссаферн. Кто поверит твоим запискам? Мало ли что мог выдумать сумасшедший!

Герострат. Там есть такие пикантные подробности, которые не оставляют сомнений в правдивости автора... Родинка на левой груди, маленький шрам на правом бедре... Это нельзя придумать – это можно только увидеть...

Тиссаферн (подавлен). Да, ты не лжешь...

Герострат. Я порядочный человек, Тиссаферн. Не в моем характере хвастаться победами над женщинами. Что было, то было.

Тиссаферн. Ну что ж, значит, и ей придется умереть!

Герострат. Не слишком ли много смертей, повелитель? И чего ты добьешься? Сочувствия? Никогда! Обманутым мужьям не сочувствуют – над ними смеются. Рогоносец – повелитель Эфеса! Это не понравится ни эфесцам, ни самому персидскому царю. Подумай о своем авторитете, Тиссаферн!

Тиссаферн задумывается, подходит к ложу, садится, начинает молча есть

похлебку.

Тиссаферн (продолжая думать о чем-то). Какой бурдой тебя здесь кормят!

Герострат. Это проделки Клеона. Раньше кормили лучше.

Тиссаферн. Когда я волнуюсь, я должен что-то съесть.

Герострат (гостеприимно). О чем разговор? Не стесняйся, ешь на здоровье.

Тиссаферн (отодвигает миску). Ну, что же ты мне советуешь делать?

Герострат. Ты нуждаешься в моем совете, повелитель?

Тиссаферн. Конечно. Раз ты так хорошо придумал всю эту аферу, значит, уже придумал и ее развязку. Слушаю тебя, Герострат.

Герострат. Я слишком маленький человек.

Тиссаферн (недовольно). Хватит ломаться! Будь ты Тиссаферном, что бы ты сделал?

Герострат. О, будь я Тиссаферном, я поступил бы хитро: я не стал бы казнить Герострата, но я бы его и не помиловал, я бы дал ему свободу, но такую, чтобы он зависел от меня!

Тиссаферн. Туманно. Слишком туманно. И потом, не я собирался казнить тебя, а твои сограждане. Сегодня-завтра вернется посланник из Дельф и сообщит волю богов. Уверен, что боги хотят твоей смерти.

Герострат (встал, прошелся по камере). Послушай, Тиссаферн, хочешь, я расскажу тебе о том, как перестал верить в силу богов?.. Не пугайся, ничего кощунственного в моем рассказе не будет. Так вот, случилось это два года назад. Дела мои тогда шли плохо, я был разорен, но не терял надежды. Я мечтал о том, что добуду много денег – и сразу! Так мечтают только азартные игроки, а я всегда был им... Решил сорвать крупный куш на петушиных боях. Занял у ростовщика пятьсот драхм и купил родосского бойцового петуха. Это был чудо-петух! Рыжий, с орлиным клювом и шпорами, которым мог позавидовать любой твой всадник. Целый месяц я готовил своего петуха к победным боям, тренировал и кормил чесноком. Наконец, когда увидел, что мой петух стал злым и могучим, как какой-

нибудь скиф, я пошел на рынок к богачу Феодору, который держит в Эфесе лучших петухов, и ударился с ним об заклад, что мой рыжий победит любого его питомца. Он согласился и выставил против моего бойца черного петуха. А заклад мы поставили тысячу драхм, я их тоже занял у ростовщика, потому что твердо верил в победу своего рыжего... На этот бой собрался весь рынок. Мой рыжий был вдвое больше, чем его черный противник, и, когда Феодор это увидел, он побледнел и сказал: “Твой петух, Герострат, на вид значительно сильнее моего. Но позволь мне просить богов покровительствовать моему черному малышу?” Я засмеялся и сказал: “Проси. Это ему не поможет!..” Начался бой! Рыжий наскочил на черного так, что полетели перья... Они дрались минут пять, и черный стал сдавать, и я видел, что моему рыжему осталось немного – и он раздерет своего противника на части. Но тут Феодор оттащил своего петуха и сказал: “Позволь, Герострат, мне еще раз просить богов о покровительстве моему черненькому?” – “Валяй!” – сказал я. Мы вытерли нашим бойцам раны. Феодор пошептал что-то над своим черным и снова бросил его в бой. И что ты думаешь, Тиссаферн? Этот черный начал драться так, будто в него влили свежие силы, словно мой рыжий и не молотил его до этого своим клювом. Но рыжий мой не собирался сдаваться. Я же говорю, что это был чудо-петух, Геракл среди петухов! Он опять налетел на черного и, хотя сам потерял в бою глаз, все равно так наподдал черному, что тот закудахтал словно курица и стал валиться набок. И снова Феодор прервал бой и стал просить разрешения обратиться к богам за помощью. Я видел, что черному осталось до смертного часа немного, и потому великодушно согласился. Феодор снова помолился над своим петухом, и бой возобновился! О чудо! Черный петух опять словно воскрес! Откуда у него появилась сила? Он набросился на моего уставшего рыжего, повалил его, разорвал шпорами его грудь и клюнул в самое сердце... Мой рыжий испустил дух! Я швырнул Феодору тысячу драхм, выбежал на улицу, поднял руки к небу и закричал: “Простите, боги, что я не верил в вашу силу! Вы совершили чудо, я наказан!” Но тут подошел ко мне старый раб и, смеясь, сказал: “Глупец! При чем здесь боги? Ты слеп. Каждый раз, когда бой прерывался для молитвы, слуги Феодора незаметно подменяли одного черного петуха другим, свеженьким...” Я заплакал от обиды, а потом засмеялся. Потому что я открыл для себя великую истину: сильнее богов – наглость человеческая! Эта истина стоила мне тысячи драхм, Тиссаферн, а тебе я отдаю ее даром...

Тиссаферн (задумчиво). Занятно. Но я не понял – что ты советуешь мне?

Герострат. Подмени петуха, Тиссаферн! Посланец из Дельф может сообщить волю богов, которая выгодна повелителю. А повелителю выгодно, чтобы я жил и служил ему.

Тиссаферн. Ты уверен?

Герострат. Конечно! В Эфесе беспорядки, греки не жалуют персов, они только делают вид, что покорны сатрапу, а сами ждут минуты, чтобы выбросить тебя из дворца. Поставь меня над ними надсмотрщиком! Сейчас у меня найдется добрая тысяча верных слуг, которые за умеренную плату пойдут за мной в огонь и в воду. Мы разгоним Народное собрание, распустим суды гелиастов. Порядок в Эфесе установишь ты, а следить за ним буду я! Герострата станут почитать и бояться – ведь сами боги ему простили дерзость. А может быть, Герострат сам из богов? А? Говорят, гадалка на базаре кричала, что я – сын Зевса?

Тиссаферн (с усмешкой). Сколько ты заплатил ей?

Герострат. Я подменил петуха, Тиссаферн! И буду это делать до тех пор, пока рыжий не упадет замертво!

Тиссаферн. А что скажут жрецы?

Герострат. Жрецы будут молчать! Они и так опозорились. Где карающая молния Зевса? Где священная стрела Артемиды? Я жив-здоров!.. Одно из двух: либо богов нет вообще, либо я – божество!

Тиссаферн. Не глупо, совсем не глупо... А как решатся наши личные дела?

Герострат. Какие дела, Тиссаферн? Твоя жена верна тебе, а сплетникам я сам вырву языки на городской площади!.. Подумай, повелитель, над моим предложением. Ты чужой среди греков, и ты стар...

Тиссаферн. Но-но, не забывайся!

Герострат. Прости меня, Тиссаферн. Но годы есть годы. Ты уже не тот, что был тридцать лет назад. Сейчас тебе нужна твердая рука в городе, и лучше меня человека для этого не найти.

Тиссаферн. Надо подумать. (Медленно ест похлебку, потом откладывает ложку, низко опускает голову.)

ложку, низко опускает голову.)

Герострат. Что случилось, повелитель? У тебя на глазах слезы?

Тиссаферн. Похлебка... Они переложили луку и перца.

Герострат (усмехнувшись). Не замечал.

Тиссаферн. Помолчи, Герострат! Тебе не понять, как печальна старость... Ты знаешь, я ведь не хотел быть повелителем, в душе я всего-навсего рыболов. Я люблю рыбу, и рыба любит меня. Мне бы сидеть с удочкой на берегу моря, а вместо этого приходится жить во дворце и править людьми, которые тебя ненавидят. Я очень люблю свою жену, Герострат, но я стар и не имею права просить ее о взаимности. Я ждал измены, но думал, что это будет только моя боль, а она превратилась в государственную проблему... Мне не надо быть правителем. Последние дни хочется жить для себя, а не для истории. Но кто спрашивает нас о наших желаниях? (Решительно.) Выпустить тебя не могу, Герострат. Это возмутит народ. Вот бы случилось так, что ты сам бежал из тюрьмы...

Герострат. Раньше это было возможно, но теперь, когда меня сторожит Клеон...

Тиссаферн. Вот я про это и говорю... С ним не сторгуешься.

Герострат. Что же делать?

Тиссаферн. Я думаю, думаю... (Ест похлебку.) Чем ты режешь хлеб, Герострат?

Герострат. Я не режу его, повелитель, я ломаю его руками.

Тиссаферн. Ай-ай, руки ведь грязны... (Достает кинжал.) Вот, возьми! Он острый и удобный...

Герострат (пряча кинжал). Благодарю, повелитель! Ты мудр и великодушен...

Человек театра (возмущенно). Что ты делаешь, Тиссаферн?!

Тиссаферн (недовольно). Я не спрашивал твоего мнения, человек! Оставь нас в покое и не мешай!

нас в покое и не мешай!

Человек театра молча садится в углу сцены.

Ну, мне пора! (Кричит.) Клеон!

Входит Клеон.

Я побеседовал с этим мошенником, беседа меня развлекла. Теперь не спускай с него глаз и в назначенный день доставь его в суд целым и невредимым.

Клеон. Повинуюсь, повелитель... Когда ты ожидаешь посланника из Дельф?

Тиссаферн. Он на обратном пути, и если ничего не случится...

Клеон (подозрительно). Что может с ним случиться?

Тиссаферн. Мало ли... Море бурное... Корабли часто тонут...

Клеон. Что ты хочешь этим сказать, повелитель?

Тиссаферн. Все во власти богов, Клеон, все в их власти. (Уходит.)

Клеон (Герострату). О чем вы сговорились с Тиссаферном? Отвечай!

Герострат. Сговорились? Он – повелитель, я – комар. Какой между нами может быть сговор?

Клеон. О чем вы беседовали?

Герострат. О погоде...

Клеон. Не время шутить, Герострат! Я чувствую, что в Эфесе готовится заговор! Отвечай, иначе...

Герострат. Не пугай меня! Я уже ничего не боюсь. И потом, кто ты такой, чтобы мне отвечать на твой вопрос? Тюремщик должен знать свое место и не спрашивать о том, что ему знать не положено.

Клеон. Послушай, Герострат, я обращаюсь к тебе в надежде, что твоя душа

Клеон. Послушай, Герострат, я обращаюсь к тебе в надежде, что твоя душа хранит остаток совести! Ты грек, ты эфесец! Молю тебя: не приноси в наш город новые разрушения и смерти! О чем ты шептался с Тиссаферном? От имени всех эфесцев молю тебя: не помогай его темным замыслам... Ну хочешь, я стану на колени? Остановись, Герострат! Самый страшный преступник может рассчитывать на снисхождение, если...

Герострат (зло). Замолчи, бывший архонт! Ты уже понял, что властью со мной ничего не сделать, теперь надеешься разжалобить меня? Не выйдет! Ступай вон!

Клеон (Человеку театра). О чем они сговорились?

В это время Герострат вынимает кинжал и подходит сзади к Клеону.

Человек театра (вскочив с места). Клеон, обернись!

Клеон оборачивается. Герострат замирает с кинжалом в руках.

Герострат (в бешенстве, Человеку театра). Ты обещал не вмешиваться!!!

Человек театра. Извини, но это уже выше моих сил.

Герострат (Клеону). Сейчас я выйду из тюрьмы и, если ты не станешь мне мешать, подарю тебе жизнь.

Клеон. Я не выпущу тебя, Герострат!

Герострат. Тогда конец! (Надвигается на Клеона, тот отступает к краю сцены.)

Человек театра (протягивает Клеону нож). Твой нож, архонт.

Герострат (в исступлении). Ты не можешь вмешиваться!

Человек театра (Клеону). Возьми нож, архонт! У тебя нет выбора. Живи я две тысячи лет назад, сделал бы это сам...

Клеон берет нож из рук Человека театра.

Герострат (в испуге). Ты не убьешь меня, Клеон! Человек, убивший преступника до суда, сам будет казнен!

Клеон. Я знаю это, Герострат. (Надвигается на него.)

Гаснет свет в камере.

Слышны звуки борьбы, потом они стихают, и в тишине возникает глухой стук падающих камней, а потом начинает звучать песня. Ее поют мужские голоса, поют сначала тихо, а потом все громче и торжественней. Свет разгорается вновь, Клеон с поникшей головой стоит над трупом Герострата. (Человеку театра.) Впервые в жизни я убил человека...

Человек театра. Ты привел приговор в исполнение.

Клеон (в отчаянии). Я убил!..

Человек театра. Началась борьба!!!

Стук падающих камней и песня усиливаются.

Что это?

Клеон. Они восстанавливают храм Артемиды...

Человек театра. Кто?

Клеон. Они... Эфесцы...

Человек театра. Их имена? Назови хоть одно имя... Это так важно для нас... Ну?

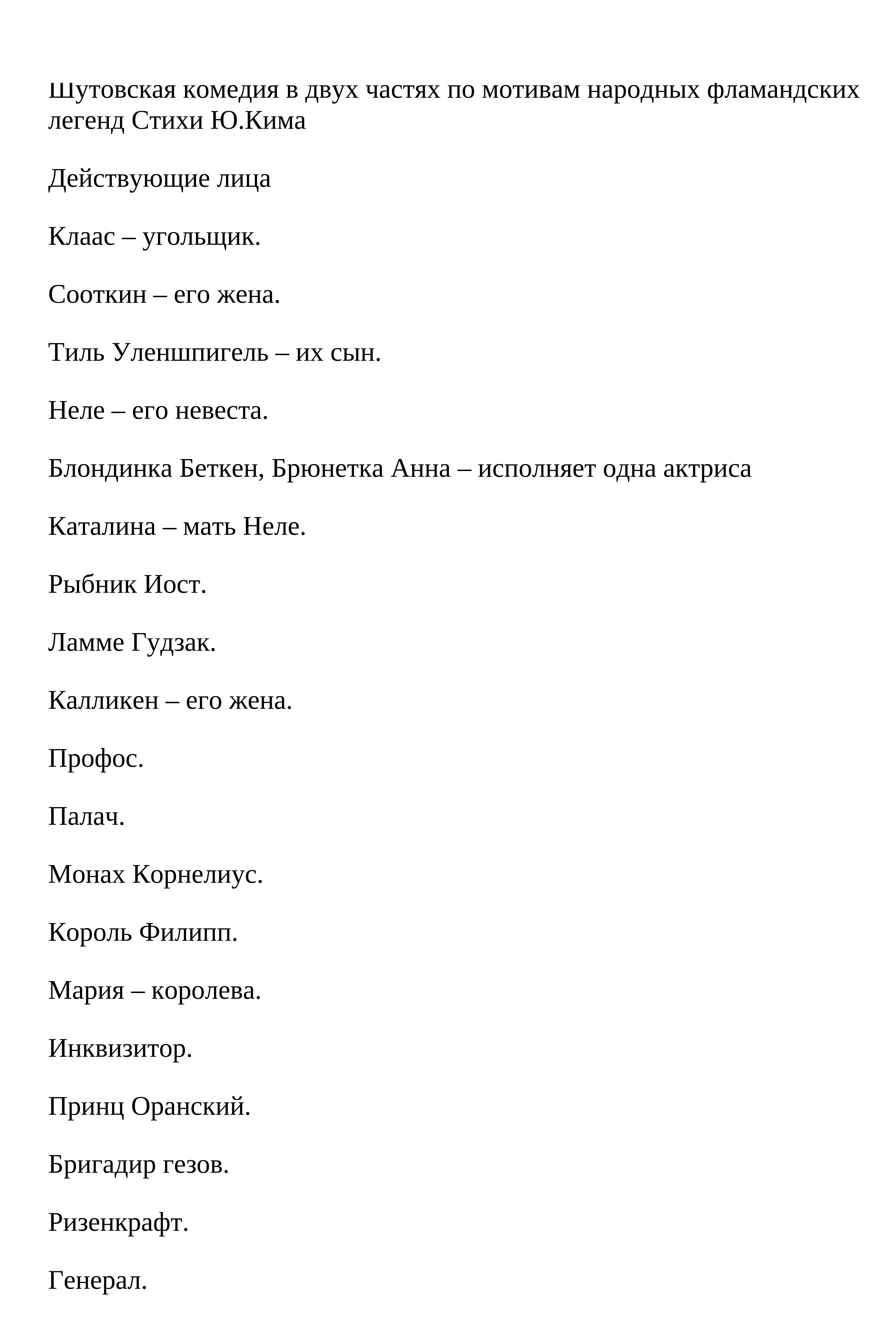
Клеон (беспомощно). Не помню...

Человек театра. Вспомни, Клеон! Несправедливо, что они всегда остаются безымянными. Вспомни!..

Из глубины сцены доносятся удары падающих камней и песня.

Конец

Тиль



Шутовская комедия в двух частях по мотивам народных фламандских легенд Стихи Ю.Кима

Действующие лица

Клаас – угольщик.

Сооткин – его жена.

Тиль Уленшпигель – их сын.

Неле – его невеста.

Блондинка Беткен, Брюнетка Анна – исполняет одна актриса

Каталина – мать Неле.

Рыбник Иост.

Ламме Гудзак.

Калликен – его жена.

Профос.

Палач.

Монах Корнелиус.

Король Филипп.

Мария – королева.

Инквизитор.

Принц Оранский.

Бригадир гезов.

Ризенкрафт.

Генерал.

Старуха Стивен.

Хозяин пивной.

Напарник рыбника.

Гезы, солдаты, девицы, горожане и горожанки, духи.

Фландрия, XVI век.

Пролог

Дом угольщика Клааса. Клаас и Рыбник пьют пиво и играют в кости. Посредине сцены – беременная Сооткин. Рядом на лавке Каталина рубит капусту.

Рыбник (бросает кости). Три – три...

Клаас. Нос подотри! (Бросает кости.) Пять и шесть!

Каталина (задумчиво). Я животных люблю... Коров, собак, птичек... Всем своим слабым сердцем люблю. Я скорей себе наврежу, чем им, беззащитным...

Рыбник (бросает кости). Три – три!..

Клаас. Нос подотри!

Рыбник. Ты уже говорил...

Клаас. А ты еще подотри...

Сооткин (вздохнула). О-ох!

Рыбник (обернувшись). Началось?

Каталина. Нет. Он еще спит, наш мальчик. Ему еще рано выходить на дорогу жизни.

Клаас. Когда ж соберется с силами этот шалопай? Сколько можно тянуть? Клянусь, если он сегодня не появится на свет, мне придется за ним слазить.

Рыбник. Не торопись. Сегодня, завтра – какая разница?

Клаас. Нет, нет – сегодня! Этот майский день тысяча пятьсот двадцать шестого года меня вполне устраивает... Мне нужен сын, а Фландрии нужен герой. У греков есть Геракл, у англичан – Робин Гуд, у испанцев – Дон Кихот, и только мы, фламандцы, за тысячи бессонных ночей не смогли сделать ни одного героя. Стыдно!

Рыбник. М-да, неловко как-то... А почему ты решил, что от тебя – и герой?!

Клаас. Время подошло... И Каталине было видение.

Каталина. Сперва призраки косили людей... На их трупах палач плясал. Камень девять месяцев кровоточил, потом распался... Потом увидела: два младенца народились, один в Испании, принц Филипп, другой во Фландрии, сын Клааса, прозвище ему – Уленшпигель. Филипп станет палачом, а из Уленшпигеля выйдет великий балагур и проказник, и странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное и над глупостью хохоча до упаду... И весь свет он пройдет и никогда не умрет, потому что он – дух Фландрии.

Клаас. Во как! Слыхал? А я назову его Тилем, Тильбертом, что в переводе означает “живой” или “подвижный”. И сегодня же начнутся его славные приключения, если, конечно, мамаша Сооткин поднатужится!

Входит Палач с указом.

Палач. Указ императора. Будете слушать?

Клаас (равнодушно). Можно. (Дает кружку пива Палачу.)

Палач. Спасибо, а то совсем охрип... Ну, слушайте! “Отныне всем и каждому возбраняется печатать, читать, хранить и распространять писания, книги и учения Мартина Лютера, Ионна Виклиха, Яна Гуса, Марсилия Падуанского, Эколомпадия...”

Клаас. Неужели и Эколомпадия тоже?

Палач. Да. И Эколомпадия... “...а также Франциска Ламберта, Юста Ионаса и Иона Пупериса...”

Клаас. И Иона Пу589периса?.. Нет! Как же так – не читать Иона Пупериса? Да я без Пупериса как без рук! Что-то, брат, ты напутал с Пуперисом...

Палач. Ничего я не напутал! На, читай сам!..

Клаас. Чего – читай?! Я неграмотный...

Палач. А неграмотный – на кой же тебе Пуперис?!

Клаас. Имя хорошее...

Палач. Не дури! Дальше самое интересное: “Лица же, впавшие в ересь или же закосневшие в таковой, подлежат сожжению, а какому именно – на медленном или на быстром огне, – это по усмотрению судьи. За прочие преступления дворяне подлежат сечению, крестьяне – повешению, а женщины – закапыванию в землю живьем... Доносчикам же его святейшее высочество выделяет треть всего принадлежавшего казненным...”

Рыбник. Стоп, стоп! Это важный пункт... Что там насчет денег?

Палач. Доносчик получает треть имущества...

Рыбник. Интересно... (Встает, обходит дом, оглядывается.) А как вот, скажем, стол делить... или лошадь?

Клаас. Эй, Иост, ты решил сделаться доносчиком?

Рыбник. Ну, что значит – решил?.. Такие вещи не решают, это приходит как-то само собой... по вдохновению.

Клаас. Подлый ты человек, рыбник...

Рыбник. Да не я! Время такое, Клаас. Господи, да родись я в какой-нибудь ренессанс, я, может быть, музыку бы писал, мадонн разных. Но сейчас-то – инквизиция! Костры, плахи... Где ж тут талантливому человеку развернуться? Время такое...

Соткин (вдруг хватается за живот, кричит). О-ох! О-ох!

Все вскочили с мест.

Клаас (радостно). Началось! Пришел час! Врешь, рыбник, время подлым не бывает – только люди. А время у нас веселое. Время рождаться Тилю! (Обнимает живот жены.) Давай, мой мальчик: пробивай лбом дорожку. Заждались мы тебя, захирели ожидаючи... Давай. Свет! Музыка! Фландрия! Встречайте его... Все еще только начинается!..

Полный свет, музыка, песня.

Часть первая

Дом

Каталина

Город Дамме. Площадь Большого Базара перед зданием суда. Монах Корнелиус продает индульгенции.

Монах (заунывно). Купите индульгенции. Христиане, купите отпущение грехов своих! Это святая торговля. За несколько флоринов вы попадете в рай!

Неожиданно из здания суда доносится отчаянный женский крик: “Больно! Огонь! Дайте мне яду!.. Ой!..” Монах испуганно крестится. Крик стихает. Из здания суда выходят Палач, Профос и Рыбник.

Профос (Палачу). Все! Ее можно отпустить. Каталина не колдунья!

Палач (снимая маску и перчатки). Ясное дело, господин профос. Кабы была колдунья, она б призналась... Огоньком я ее прижег на совесть!

Рыбник (задумчиво). Ах, как это все-таки жестоко... Пожилую женщину – огнем...

Профос. Я и сам переживаю... Но надо же, в конце концов, установить: ведьма или не ведьма?

Рыбник. Конечно, конечно... Я не об этом. Я говорю: в городе Брюгге как-то гуманней это делается. Связывают женщину, бросают в реку: если тонет – значит, не ведьма!

Палач. Так у нас и реки нет.

Рыбник (печально). Да, да... Как это все непродуманно!

Монах (заунывно). Купите индульгенции! Купите отпущение грехов!..

Появляется Клаас. Все поспешно бросаются к нему.

Профос. Ну что?.. Как она себя чувствует?..

Клаас. Жена повела ее домой... По-моему, Каталина лишилась рассудка.

Рыбник. Бедная!.. Ах, как это все жестоко...

Палач (отводит Клааса в сторонку). Клаас, я уж старался как мог... поаккуратней...

Клаас (задумчиво). Да, да, молодец!

Палач. Хитрость-то в чем: пакля сырая. Дыму много, а огонек не очень... Оно и не так больно!

Клаас. Да, да, спасибо! (Дает Палачу деньги.)

Монах. Купите индульгенции. Купите отпущение грехов!

Профос (достает кошелек). Дай мне, монах! Пусть Господь простит нам нашу суровость! (Покупает индульгенцию.)

Клаас (строго, Рыбнику). А ты, Иост?

Рыбник. А что я? Ты считаешь – грех на мне?.. Клаас, я ведь не настаивал на пытке!.. Я просто хотел ясности... Ты ведь сам видел: Каталина делала какие-то отвары из трав, все время что-то бормотала... У нее видения бывали!.. Я ведь с ней искренне, по-соседски: Каталина, говорю, не надо видений!.. А она не слушается!.. (Вздохнул.) Слава богу, что оказалось – не ведьма!.. Впрочем, грех откупить всегда полезно! (Порылся в карманах.) Клаас, не одолжишь флорин?

Клаас (протянул кошелек). Бери!.. Больше бери!

Рыбник (заглянув в кошелек). Откуда столько денег?!

Клаас. Не волнуйся, деньги честные!.. Наследство от покойного брата.

Рыбник. Как? Твой братец... того? Поздравляю, Клаас... Вернее, сочувствую... Ну, в общем, ты понимаешь?.. Везет же людям!.. Вот так живешь, живешь – и раз... брата нет! (Покупает индульгенцию.)

Профос (подойдя к Клаасу). Если увидишь Каталину, передай ей мое искреннее сочувствие... Надо ж, чтоб именно сегодня, в базарный день... такое... Ах! (Покачал головой, ушел.)

За ним ушли Рыбник и Палач. На сцене остались Клаас и Монах.

Ламме

Появляется Ламме. Он ведет за руку упирающуюся жену, Калликен.

Калликен. Не надо, Ламме, милый! Пойдем домой...

Ламме. Нет, пусть нас рассудят!.. Если не веришь мне, послушай умного человека. Вот – Клаас! У него была большая жизнь, он мудрее.

Калликен. Стыдно, Ламме!..

Ламме. Ничего стыдного... Дело житейское... Клаас, рассуди нас с женой!

Клаас. Здравствуй, Ламме! Здравствуй, Калликен!

Калликен. Здравствуйте, папаша Клаас... Образумьте его. (Указала на мужа.)

Ламме. Нет, погоди... Дай сказать мне!.. Клаас, ты знаешь, что я женился на этой женщине, потому что влюбился в нее. И каждый влюбится, если он не слепой. Стоит только взглянуть на эти румяные щеки, на эту лебединую шейку, на эти мраморные плечики, на эту нежную грудь, на этот упругий живот, на эти крутые бедра, на эти круглые колени...

Калликен (жалобно). Ламме!

Ламме. Не перебивай! (Клаасу.) И вот, когда я на всем ЭТОМ женился, моя жена отказывает мне в законных супружеских наслаждениях, поскольку кто-то внушил ей, что это – грех!

Монах. Ты права, дочь моя. Это тяжкий грех!

Ламме (Монаху). Не вмешивайтесь, святой отец! (Клаасу.) Что за напасть? Как только монах или, прости господи, евнух, так обязательно лезет с советами к новобрачным!.. Ну, слушай! Я ей говорю: дорогая жена, Господь сотворил нас мужчиной и женщиной вовсе не для того, чтоб мы в постели вели философские беседы! Он создал нас для любви! А она...

Калликен. Безбрачие – путь к совершенству. Не думай о теле, Ламме, думай о душе!

Ламме. Милая, у меня большая душа, но тело гораздо больше. Как же о нем не думать?!

Клаас (улыбнувшись). И давно у вас этот спор?

Ламме. С самой свадьбы.

Клаас. Бедный Ламме! (Калликен.) Дочка, кто научил тебя этой глупости?

Калликен. Святой проповедник.

Клаас (зло). Старый козел! А он не подумал, что если б его матери внушили это, то его бы не было?.. Доченька, на свете ничего нет чище любовного греха... Ты ведь любишь Ламме?

Калликен (робко). Люблю.

Клаас. Да и как не полюбить нашего Ламме? Стоит только взглянуть на его румяные щечки, на эту лебединую шею, на этот здоровый живот, на эти кривые ноги...

Калликен нежно смотрит на Ламме, Ламме протягивает к ней руки, Калликен делает ему шаг навстречу, но тут же отскакивает.

Калликен. Нет! Нет! Нельзя! Я поклялась святой мадонне.

Ламме (в отчаянии). Но сперва ты поклялась мне!.. Господи, ну кто же вразумит эту женщину?! Тиль! Где Тиль?!

Клаас. Где-то шляется, чертов сын! Сейчас появится... Начинается базар...

Базар

На площади с шумом появляются торговцы, ремесленники, горожане.

Среди них вновь Рыбник и Палач. Шум, гомон, песни.

Хозяин. Пиво! Пиво! Кому пиво? Свежее пиво!

Несколько человек подходят с кружками. Дно бочки с треском открывается, из нее выскакивает Тиль.

Ты?!

Тиль. Я.

Хозяин. А пиво?

Тиль (погладив живот). Во мне!.. Иначе б я захлебнулся!.. Если вы недовольны – могу вернуть!..

Хозяин. Убью! (Гонится за Тилем, тот уворачивается.)

Клаас. Не сердись, хозяин, я заплачу. (Дает Хозяину деньги. Сердито, Тилю.) Ты когда-нибудь угомонишься, чертов сын?!

Тиль. Не оскорбляйте моего отца, папа!

Ламме. Где ты был? Я тебя везде искал...

Тиль. И я был везде. Странно, что мы не встретились...

Рыбник. И когда ты угомонишься, Тиль?

Тиль. Сразу после смерти!

Палач. Тебе когда-нибудь вырвут язык.

Тиль. Прекрасно! Во рту станет больше места для пищи.

Монах. Купи индульгенцию, сын мой! Купи прощенье грехов!

Монах. Купи индульгенцию, сын мой! Купи прощенье грехов!

Тиль. Отличная мысль. А за будущие грехи можно откупиться?

Монах. Хоть на сто лет вперед.

Тиль. Столько я вряд ли проживу. (Достал монету.) Отрежь на полчаса, святой отец!

Монах берет монету, протягивает Тилю индульгенцию. Тиль тут же вытаскивает у него из кармана кошелек.

Монах. Стой! Что ты делаешь? Мой кошелек!

Тиль (увертываясь от погони). Этот грех мне прощен, монах. Я откупился! Господь свидетель!

Все смеются.

Калликен (жалобно). Не надо, Тиль! Не смейся над праведником! Нехорошо!

Тиль (сразу посерьезнел). Не смеяться?! А что ж нам еще остается, Калликен?! (Презрительно швырнул Монаху кошелек.) Эти толстопузые святоши заполонили Фландрию как саранча! По их милости на дорогах проросли виселицы и дым пахнет человечиной! Испанцы отбирают наши дома, король Филипп – кошельки, инквизиторы – души, а мы не имеем права даже смеяться?! Для чего ж тогда жить?!

Рыбник (выбежал вперед, взял Тиля за руку). Тиль, умоляю, больше ни слова! Здесь люди! Свидетели!

Тиль. Разве я не прав?

Рыбник. Позволь мне как старшему, как другу дома посоветовать: не надо, Тилюшка!.. Ведь за такие слова – сразу в тюрьму!.. Пожалей мать, отца, меня... Ведь я буду вынужден... Шутишь – и шути! А серьезно – не надо!

Тиль. Да, конечно, Иост! Ты, как всегда, прав!.. Будем шутить! (Вытаскивает большую круглую раму.) Посмотрите, какую штуку я придумал. Это – зеркало! Каждый может увидеть себя здесь со стороны! Всего за один флорин даю полное портретное сходство!.. (Влезает в раму

Всего за один флорин даю полное портретное сходство!.. (Влезает в раму, поет.) Зовет зеркальное кольцо:

Остановись, прохожий!

Приди, подставь свое лицо –

В ответ увидишь рожу!

Все (поют).

О-ля-ля! О-ля-ля! В ответ увидишь рожу!

Клаас. Покажи меня, сынок!

Тиль. Пожалуйста. (Поет, пародируя Клааса.)

Всегда во всем примером был

Мой скромненький папаша.

Монахов очень не любил...

Зато любил монашек!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! Зато любил монашек!

Рыбник (смеясь). Это остроумно. А меня?

Тиль (поет, пародируя Рыбника).

Я – честный рыбник. Вот горой

Товар мой перед вами.

Торгую семгой и икрой

И изредка... друзьями!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! И изредка друзьями!

Рыбник (печально). Остроумно... (Уходит за кулисы.)

Ламме. Тиль, покажи меня!

Тиль (поет, изображая Ламме).

Я – толстый Ламме. Целый день

Готов сидеть и лопать!

Не помещается в седле

Моя большая... шея!

Все.

О-ля-ля! О-ля-ля! Моя большая шея!

Появляются Профос и Рыбник.

Рыбник. Вот послушайте, господин профос. Хотите, он и вас покажет?..

Профос. Интересно... А ну-ка, Тиль, меня...

Тиль (после некоторого колебания). Ну, если просите... (Поет.)

Профос – начальник! О-ля-ля!

Его и трогать боязно.

Ведь он целует короля...

Да жаль, что ниже пояса!..

Профос (мрачно). Я что-то не понял. Что имеется в виду?

Рыбник (угодливо). Он шутит... Юмор!

Профос. “Целует ниже пояса...” Вы считаете, это смешно?!

Тиль. О, извините, господин профос, я не знал, что у вас это серьезно!

Рыбник (в отчаянии). Тиль!

Профос (мрачно). Опять не понял шутки... Ну да, впрочем, и ни к чему... Палач!

Палач бросается к Тилю, Профос останавливает его рукой.

А это я пошутил!.. А серьезно будет вот что, Тиль Уленшпигель. Всякому терпению есть предел! Как профос города Дамме, приговариваю тебя к изгнанию! Ты пойдешь в Рим и будешь молить прощения у Папы! Вернешься, когда поумнеешь! Все!

Калликен. Простите его, господин профос. Не сердитесь...

Профос. Я и не сержусь, детка. Иначе б его казнили... (Уходит.)

Рыбник. Тиль. Я ведь просил тебя, умолял... Зачем ты меня так мучаешь?! (Опечаленный, уходит.)

Клаас (мрачно). Доигрался, дурак? Я всегда говорил: не дразни гусей!

Тиль. Отец, я бы их с удовольствием не дразнил, а жарил!

Все расходятся. На сцене – Тиль. Появляется Неле.

Прощание

Неле. Тиль! (Со слезами бросается ему на шею.)

Тиль (гладит ее по волосам). Не плачь, Неле, не надо! Они все равно не оценят этот самый красивый фонтан на городской площади.

Неле. Бесчувственный! Бросаешь меня на целый год, а может, на два...

Тиль. Что поделаешь, милая? Лучше разлука на свободе, чем свидания в тюрьме.

Неле. А обо мне ты подумал?

Тиль. Подумал! Клянусь жизнью, подумал!.. Когда я стал петь этот куплет профосу в лицо, то подумал: “Неле! Тебя разлучат с Неле!” Но тут же подумал, что, если струшу и не спою, моя Неле разлюбит меня.

Неле. Господи, почему мне так не повезло? Все девушки влюбляются в тихих, работящих парней, заводят семью, детей и по воскресеньям любуются на закат... И только мне в мужья достанется бродяга и шут.

Тиль (ласково). Мужей не выбирают, Неле. Муж – это Божий крест, который вам носить на себе всю жизнь.

Неле (строгим тоном). Где ты был сегодня днем?

Тиль (слегка смутившись). Не помню.

Неле. Тебя видели в лесу с какой-то итальянкой.

Тиль. А что мне с ней там делать? Я ни слова не знаю по-итальянски...

Неле (в отчаянии). Тиль, почему ты меня обманываешь?!

Тиль. Неле, душой я верен тебе!.. Ну, только не надо слез... Я тебе все объясню. Я искал тебя с самого утра. А потом встретил на улице эту итальянку, которая, кстати, очень похожа на тебя. Я даже подумал: “Это Неле!” Потом, когда мы шли в рощу, я твердо понял, что это не Неле. Я даже подумал: “Как можно было этот мешок с соломой принять за Неле? Да она в подметки не годится моей Неле...”

Неле (улыбаясь сквозь слезы). Откуда ты знаешь, какая я?.. Ведь ты ни разу не водил меня в рощу...

Тиль. Мы пойдем туда, милая. А пока – дай мне насладиться ожиданием...

Неле (со вздохом). Ладно. Мне пора домой. (Протягивает Тилю котомку.) Я собрала тебе кое-что в дорогу... Прощай, Тиль. Ты будешь в пути вести себя благоразумно?

Тиль. Нет!

Неле. Ты не станешь задираться и паясничать?

Тиль. Стану!

Неле. Ты не будешь кутить в каждой харчевне, которую встретишь?

Тиль. Буду!

Неле. Ну, слава богу, тогда я спокойна за тебя. Прощай! (Повернулась и пошла.)

Тиль провожает ее нежным взглядом.

Тиль. Неле!

Та обернулась.

Обещай мне: если я умру – ты не будешь плакать над моей могилой!

Неле (сдерживая слезы). И не подумаю...

Тиль. И сразу же выйдешь замуж.

Неле. За первого встречного!

Тиль. Спасибо!

Неле ушла. Появляются Сооткин и Клаас. Подходят к Тилю.

Клаас. Давай прощаться, сынок!

Сооткин (обняв Тиля). Береги себя, Тиль.

Тиль. Береги себя, мама!

Клаас. Помолчим перед дорогой.

Тиль. Помолчим!

Все садятся, каждый думает о своем.

Сооткин (думает). Как он быстро стал взрослым, мой мальчик! Еще вчера я кормила его с ложечки и он спал у меня на руках, а сегодня он уходит... Господи, награди меня поскорее внуком, я так скучаю о маленьком Тиле...

Клаас (думает). Чертенок, как он похож на меня! Красив, как я, и уродлив, как я... Он – мое продолжение! Я самый богатый человек – у меня две жизни...

Тиль (думает). Бедные старики. Почему мы думаем о них, только когда прощаемся?.. Они-то думают о нас все время. Если мы ушибаемся – им больно, если мы болеем – у них жар... Надо чаще прощаться с родными. Мы уходим от них редко, а они от нас – каждый день...

Клаас (встал). Ну, все! До свиданья, сын! (Обнял Тиля.)

Тиль. Выше голову, отец! Не хныкать!.. Ты ведь остаешься в доме за старшего. (Обнял мать.) Не плачь, мама! У меня длинные ноги, я мигом сбегаю в Рим!.. Идите домой, накрывайте на стол, готовьтесь к встрече...

Клаас и Сооткин уходят. Появляется плачущий Ламме.

Что еще случилось?

Ламме, всхлипывая, развязал узелок, достал бутылку вина, колбасу, принялся за еду.

Ну что ты ревешь? Или в пище не хватает соли?

Ламме. Она ушла от меня, Тиль! Она покинула меня... Господи, за что мне такое наказание? (Выпил.) Этот подлый монах увел ее! (Вскочил.) Дай мне нож, я распорю его жирное пузо!

Тиль протягивает Ламме нож, тот берет его, начинает резать колбасу.

Какая она была ласковая, легкая, нежная... Хочешь колбаски, Тиль?.. Она готовила мне самые вкусные обеды в мире!.. И еще она пела... Как жаворонок... Милая Калликен, где ты? (Выпивает.)

Тиль. Надо искать ее!

Ламме. Я и ищу.

Тиль. На дне стакана?

Ламме. А куда идти, я не знаю... Этот монах спрятал ее в монастыре или, не дай бог, в склепе... (Вскочил.) Дай мне топор, Тиль, я изрублю его на мелкие кусочки!

Тиль. Нет топора... И все кусочки ты доел!.. Пошли со мной!

Ламме. Зачем мне с тобой?! Я должен искать жену, а тебе – в Рим.

Тиль. Все дороги ведут в Рим – значит, нам по пути... И к тому же у меня полная котомка еды...

Ламме (обрадованно). Что ж ты молчал?.. Конечно, нам по пути. (Потянулся к котомке.)

Тиль. Нет! Потерпи!

Ламме. Время обеда.

Тиль. Обед надо заработать ногами... Пошли! (Перекинул котомку через плечо.)

Ламме (со вздохом). Пошли! Но должен заметить: пищу носить гораздо удобнее в животе, чем на плечах...

И они пошли по дороге, напевая песенку.

Дорожная песенка Тиля

А вот и где

мои слуги, моя свита, пажи, стражи, кони, герцогини?

А вот и нет,

ни графиней нет, ни коней: будто я святой Антоний во пустыне.

А вот они,

моя свита, мои слуги, хамы и хапуги, мое сито-решето.

А вот они,

мои кони, оба-двое, берегут промеж собою кое-что.

Ой, тили-тили Тиль – будем петь и веселиться!

Ой, тили-тили Тиль – по ком-то плачет виселица...

А где тот край,

где бродяги, словно боги, знай живут себе в чертоге на диване.

Сидят и жрут,

и подносят им католики вино, а пиво – лютеране.

А в том краю

Мартин Лютер с Папой к девкам ходят тихой сапой.

Хочу и я

попастись на той же травке вместе с Мартином Лютером и Папой!

Ой, тили-тили Тиль – будем петь и веселиться.

Ой, тили-тили Тиль – по ком-то плачет виселица!

Филипп

Спальня короля Филиппа Второго.

Справа – альков, в котором возлежит королева Мария. Сам Филипп сидит в кресле, рядом с ним – Инквизитор с папкой бумаг. Перед ними дворцовый Художник демонстрирует картины.

Филипп (всматриваясь в картину). Вот эта ничего... (Пригляделся, отрицательно покачал головой.) Нет. Не волнует... Убрать!

Художник сменяет картину.

Мария (из алькова, томно). Ваше величество, я изнемогаю.

Филипп (недовольно). Подождите, Мария. Я не готов. (Инквизитору.) Так

Филипп (недовольно). Подождите, Мария. Я не готов. (Инквизитору.) Так что слышно?

Инквизитор. О чем, ваше величество?

Филипп. Обо мне.

Инквизитор. Слышно разное, ваше величество, и в основном – кощунственные домыслы, касающиеся вашей особы.

Филипп. Например?

Инквизитор. В Англии говорят, что вы отцеубийца и слуга сатаны, во Франции – что вы садист и палач, в Германии – тиран и кровопийца...

Филипп. Помедленней, помедленней, друг мой...

Инквизитор. В Ирландии сделали гравюру из меди, на коей вы изображены играющим на клавесине из кошек, которых вы держите за хвосты...

Филипп. Какая чушь! Это были детские шалости...

Инквизитор. Особо опасное положение во Фландрии. Здесь ересь гнездится в каждом доме. Над монахами издеваются, церквам не платят налог, в лесах появились гезы...

Филипп. Кто?

Инквизитор. Гезы! Нищие-разбойники, ваше величество! Они убивают испанских солдат, грабят монастыри, требуют отделения Фландрии. С ними часть дворянства во главе с принцем Оранским...

Мария (томно). Придите ко мне, ваше величество. Я сгораю... Я чувствую, что сегодня ночью мы подарим Испании наследника.

Филипп. Вы мне обещали это в прошлом месяце, Мария. Я вам поверил – и все зря!

Мария. Сегодня ваши старания будут не напрасны! Я это ощущаю всем телом.

Филипп. А я пока нет. (Вгляделся в очередную картину.) Нет

Филипп. А я пока нет. (Вгляделся в очередную картину.) Нет, неинтересно... Убрать! (Инквизитору.) Скучные картины, скучные новости, ваше преосвященство! Меня ненавидит весь мир, а мне скучно отвечать ему тем же... Что же делать?

Инквизитор. Служить верой церкви!

Филипп. Я более римский, чем сам Папа, и более католический, чем Вселенский собор. Но что из этого? Разве реформаторов стало меньше?

Инквизитор. Необходимо послать во Фландрию больше солдат.

Филипп. Больше солдат – больше гезов. Сила рождает силу. Хитрость рождает хитрость... Сколько мы платим доносчикам?

Инквизитор. Треть имущества казненного...

Филипп. Надо давать половину!

Инквизитор. Половина доносчику, половина королю – что же останется церкви, ваше величество?

Филипп. Идея. Что может быть дороже идеи?.. Вы будете уничтожать еретиков бескорыстно, это произведет хорошее впечатление на умы...

Инквизитор. А король?

Филипп. Королю нельзя быть бескорыстным, у него слишком много долгов... И я устал от идей, я хочу только одного – порядка! Хочу, чтоб работник слушался хозяина, хозяин – профоса, профос – короля! Порядка я хочу! Ночью – сон, днем – работа, в воскресенье – месса... Никаких отклонений!.. Все остальное – от лукавого. (Вскочил, нервно заходил по зале.) Порядок. Непорядочных – на костер! Бог поставил меня следить за порядком, и я выполняю свою миссию... (Протянул руки к небу.) Господи, укрепи мою душу и тело... Дай мне силу, Господи, дай мне сил!.. (Решительно направляется к алькову.) Инквизитор. Ваше величество...

Филипп. Нет-нет, сейчас меня не отвлекайте!.. (Лезет в постель.)

Затемнение.

Арест.

Арест

Снова дом угольщика Клааса. Сооткин, Каталина, чуть поодаль – Неле. Неле тихо напевает песенку.

Песенка Неле

Молодой рыбак в море синее ушел

За удачей.

Ему ветер друг, ему холод нипочем:

Он горячий.

Прошумит волна, пролетит беда –

До свиданья.

Тяжелей беды, солоней волны

Ожиданье.

Молодой рыбак погуляет по морям

Да устанет.

На глаза ему попадется бережок –

Он пристанет.

Отдохнет чуть-чуть – да и снова в путь

Соберется.

Каталина (обхватив голову руками, бормочет). Больно! Душа просится наружу!.. Ганс, мой миленький Ганс, приезжай скорей... Где ты, мой милый жених? Мой черный рыцарь?.. Трижды три – девять, священное число. У кого ночью глаза светятся, тот видит тайное...

Сооткин (вздохнув). Господи, спаси умалишенную!.. Кого она зовет, Неле?..

Неле. Не знаю.

Каталина. Ганс – хороший. Неле – злая... Зачем ты умчал, ненаглядный Ганс?.. Руки холодные, ноги холодные, сердце горячее.

Неле. Я боюсь ее...

Сооткин. Не бойся, доченька, от безумных зла не бывает...

Входит Клаас.

Клаас. Женщины, я принес вам весточку от Тиля! (Достал рваный башмак.) Мне передал его паломник, который встретился с ним в Италии.

Сооткин (рассматривая башмак). Что значит это послание?

Клаас. Это значит, что он прошел половину пути! Это значит, что он скоро вернется – одна нога здесь, другая там! Это значит, что надо накрывать на стол, поскольку ботинок просит каши!..

Неле. А на словах он ничего не передавал?

Клаас. Как же! Он велел сказать, что любит Неле, что помнит о Неле, что тоскует о своей милой Неле...

Неле. Это был не Тиль!

Клаас. Это был Тиль! Он сидел в пивной, и у него на коленях была пухлая блондинка!

Неле. Да, тогда это он.

Сооткин (мужу). Зачем ты рассказываешь ей такие вещи?

Неле. Нет-нет, ничего... Я все равно буду его ждать и любить.

Сооткин. Молодец, дочка! Люби его... У него доброе сердце.

Неле (зло). Доброе для всех, кроме меня! Для меня у него хитрые глаза и длинные зубы, которые он скалит. Для меня у него лживые слова и запах

толстых блондинок, которыми он провонял насквозь!.. Пусть только вернется! Пусть только подойдет на расстояние оплеухи!..

Клаас (весело). Так его, мерзавца!.. А я добавлю! Уж мы ему пересчитаем ребрышки!..

Неле. И плюну! Прямо в рожу его наглую плюну!.. А потом уйду с первым же парнем, которого встречу на улице!

Сооткин (ласково). Как ты его страстно ненавидишь, дочка! Какой он счастливый, мой Тиль!

Открылась дверь, вошел Палач.

Палач. День добрый, хозяева!

Каталина (вскочила, заметалась по комнате). Огонь! Больно!.. Не надо!.. Ганс, милый Ганс, спаси меня!..

Клаас (усаживая ее). Ну, ну, что ты испугалась, глупая? Это ж палач!.. (Палачу.) Проходи, садись. Сейчас время обеда...

Палач (усаживаясь). Обеда не надо, хозяин, а вот винца бы...

Клаас. И то верно... (Наливает вина себе и Палачу.) Ну, как жизнь?

Палач. Да, слава богу, все по-старому...

Клаас. Устаешь, поди?

Палач. А то как же! Целый день на ногах... А иногда и ночью, если срочное дело... Вот!.. (Замялся.) Хозяин, а я ведь и к тебе по делу...

Клаас. Говори! (Налил кружку.)

Палач. Легко сказать – говори... (Отпил.) Ну, в общем, Клаас, донос на тебя.

Клаас (сохраняя спокойствие). Во как! И что в доносе?

Палач. Да как обычно – мол, еретик ты!.. Над церковью глумишься, святые иконы поносишь... И все такое! Брат, мол, у тебя протестант...

иконы поносишь... И все такое! Брат, мол, у тебя протестант!

Клаас. Он умер.

Палач. А наследство – тебе... Стало быть, одно к одному!.. Ну да я тонкостей-то не знаю. Профос велел тебя, стало быть, под арест...

Клаас. Так.

Палач. Он солдат хотел, а я говорю – ни к чему... Уж лучше я сам приведу. Столько лет знакомы, слава богу!.. Вот!..

Клаас. Выпить-то еще раз время есть?

Палач. Само собой. Обожду!

Клаас и Палач молча пьют. Сооткин и Неле с ужасом наблюдают за ними.

Клаас. Ячмень в этом году вроде неплохой уродился, а?

Палач. Должно, неплохой. Если только дожди в мае не зарядят...

Клаас. Теплый май обещали...

Палач. Апрель был холодный – значит, май теплый.

Клаас (задумчиво). Теплый... (Встает.) Ну, пошли!

Палач. Тут еще такое дело... Клаас, я ведь тебя должен связанного привести. (Достал веревку.)

Клаас. Если должен, чего уж... (Отводит руки за спину.)

Палач. Да нет, можно и спереди... Оно так удобней будет. (Начинает связывать Клааса.) Хитрость-то небольшая, а все рукам полегче. И веревку я взял невощеную, чтоб не врезалась...

Сооткин (вдруг издает протяжный крик). О-о-оой! За что?! (Валится перед мужем, хватает его за ноги.) За что?! Отпустите его!

Палач (смущенно). Не надо, хозяюшка, не надо. Все образуется!

Каталина (вскочила, забегала по комнате). Огонь! Огонь! Душа просится наружу! Прорубите голову!..

Клаас. Встань, Сооткин! Встань!

Неле (успокаивая). Не надо, Сооткин. Встаньте. Все обойдется. Они не имеют права!

Сооткин (обнимая мужа). Не уходи!.. За что?.. Пусть возьмут и меня!

Клаас. Меня отпустят, Сооткин, вот увидишь... (Орет Палачу.) Что встал?! Веди скорей, дурак!

Палач. Да я что? Во мне, что ль, дело? (Оттаскивает Сооткин.) Отойди, хозяйка! Ну что за люди? Хочешь как лучше, а оно вон как! Пошли, пошли, хозяин!..

Выводит Клааса, за ним выбегают Сооткин и Неле.

Каталина (бродит по комнате, бормочет). Пить!.. Пить!.. Жарко!.. Огонь!..

Входит Рыбник, Каталина бросается к нему.

Ганс! Миленький Ганс мой!.. Наконец ты пришел!

Рыбник (отстраняя ее). Каталина, я же просил не называть меня так.

Каталина. Почему, милый?.. Ты разлюбил свою девочку?.. Не бросай меня, Ганс.

Рыбник. Я не бросаю, успокойся... (Огляделся.) А где все?.. Его уже увели?

Каталина. Какой ты белый, мой Ганс, какой красивый... А глаза черные, а шпоры острые... У меня в голове огонь, проруби мне дырочку...

Рыбник. Подожди! (Посадил ее на лавку.) Послушай, Каталина...

Каталина. Ты меня любишь?..

Рыбник. Люблю, люблю...

Каталина. Ты мой, Ганс, мой черный рыцарь?

Каталина. Ты мой, Ганс, мой черный рыцарь?

Рыбник. Да, да... Успокойся, Каталина, ты должна знать, где Клаас прячет деньги. Это очень важно... Деньги, которые ему оставил брат.

Каталина. Я не знаю, милый. Я поищу... А хочешь, я найду тебе клад?.. Где цветет орешник, там клад зарыт... Ганс, я знаю, где растет орешник... Подождем лета...

Рыбник (нетерпеливо). При чем здесь орешник?.. Это тут, в доме...

Открылась дверь. Неле ввела плачущую Сооткин.

Пауза.

Неле. Вон отсюда!

Каталина. Не надо! Ганс – хороший, Неле – злая...

Рыбник. Сооткин, я знаю, как тебе тяжело, но пойми и меня... Все может еще обойтись, если Клаас чистосердечно признается и вы отдадите все деньги... Я пришел это сказать, потому что по-прежнему люблю вас всех...

Сооткин. Будь проклят!.. Пусть ни один священник не отпустит тебе грехи! Пусть исповедь для тебя будет мукой, причастие – ядом! Пусть сахар тебе покажется солью, говядина – дохлой собакой, хлеб – золою! Пусть солнце тебе будет льдиной, а снег – огнем адским! Пусть дети твои родятся уродами! Пусть у них будет обезьянье тело и свиное рыло! Будь трижды проклят, предатель! Пусть боль, слезы и стенания будут твоим уделом как в этом мире, так и в ином!.. Пусть душу твою рвут бесы на части, а могила твоя пусть станет отхожим местом!.. И пусть навозные черви воздадут тебе по заслугам. Будь проклят! (С рыданьями опускается на лавку.) Рыбник (печально). Как это все жестоко... Но я на тебя даже не сержусь... (Ушел.)

Каталина (ходит по комнате, бормочет). По лугу течет ручеек, прозрачный ключик... Вода в нем хорошая, холодная... Бог и ангелы сидят в раю, едят яблочки... Трижды три – девять, священное число...

Затемнение.

Блондинка

С веселой песенкой на сцену выезжают Тиль и Ламме. Останавливаются возле забора дома.

Ламме. Тиль, я устал. Так тяжело носить пустой живот... Давай попросим здесь еду.

Тиль. Стыдно, мой друг! Еду можно купить, выменять, украсть, но не просить. Мы не нищие, мы – неимущие!

Ламме (подошел к забору, заглянул в щель). Пахнет жареной бараниной... А подлива – из томатов и чеснока... Надо бы еще добавить тертой корицы... Какое варварство – делать подливу и не класть корицу!.. (Пригляделся.) Там хозяйка... (Кричит.) Эй! Девушка! Эй!

Над забором появляется голова Блондинки.

Блондинка. Чего орешь? Какая я тебе девушка?

Тиль. Не обижайтесь на моего друга, сударыня. Он всегда что-нибудь ляпнет...

Блондинка. Вы бродяги?

Тиль. Мы паломники, сударыня. Мы ходили в Рим и встречались с Папой.

Блондинка (недоверчиво). Врать-то!.. И чего вам сказал Папа?

Тиль. Он сказал: “Дети мои, если вы встретите на пути аппетитную блондинку по имени...” Как вас зовут, сударыня?

Блондинка. Беткин.

Тиль. “...блондинку по имени Беткин, скажите ей, чтоб она накормила вас и уложила спать”.

Блондинка. Врать-то! Откуда Папа знает про меня?

Тиль. Вы же знаете про Папу – почему бы Папе не знать про вас?

Блондинка. Болтун. Деньги-то у вас есть?

Ламме. Дура. Если б у нас были деньги, стали б мы с тобой разговаривать...

Тиль (в притворном негодовании). Что?! Ты посмел?.. Ты оскорбил мою Беткин?! Сейчас прольется кровь! (Бросается на Ламме.)

Блондинка (выбежав из-за забора). Э-э, перестаньте! (Хватает Тиля за руку.) Ты его убьешь!

Тиль. И не один раз! (Ламме.) Марш отсюда! Иди займись бараниной, мерзавец! И посмей только не положить в подливу корицу!..

Ламме поспешно скрывается за забором.

Блондинка. Какой ты бурный!..

Тиль. Когда обижают близкую мне женщину...

Блондинка (перебивая). Врать-то! Близкую... Ты меня первый раз видишь...

Тиль. А во сне?.. Сколько раз ты мне являлась во сне... И вот вчера, после обеда... Мы сидели с тобой близко-близко... (Усаживает Блондинку, обнимает ее.) Моя рука была на твоем плече, твоя нежная головка – на моем... И ты шептала...

Блондинка (млея). Чего?

Тиль. Ты шептала: “Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...”

Блондинка (повторяет голосом Неле). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Тиль. “Мои глаза устали смотреть на дорогу...”

Блондинка. Мои глаза устали смотреть на дорогу...

Тиль. “Мое сердце сжалось в комочек...”

Блондинка. Мое сердце сжалось в комочек...

Тиль. “Когда ты придешь к своей Неле?..”

Блондинка. Меня зовут Беткин.

Блондинка. Меня зовут Беткин.

Тиль. Не спорь, милая, я лучше знаю... (Обнимает ее.)

Появляются двое испанских солдат. Один из них трогает Тиля за плечо.

Солдат. Тиль Уленшпигель!

Тиль (недовольно). Вы же видите, что человек занят!

Солдат. Встань, собака, когда с тобой говорит испанец!

Тиль нехотя встает.

Руки на голову! Повернись спиной! (Обыскивает Тиля.)

Тиль. Только не щекочите, я очень смешливый...

Солдат. Сейчас тебе будет не до смеха! Пошли! (Толкает в спину.)

Тиль. Может быть, скажете – куда?

Солдат. Увидишь! Застегнись...

Тиль (приводя себя в порядок). Пардон! (Застегивается. Блондинке.) Нет-нет, сударыня, вы не одевайтесь, я скоро вернусь...

Солдат (с усмешкой). В кандалах!

Тиль (Блондинке). Не бойся, голубка, всего не закуют...

Появляется Ламме.

Ламме. Жаркое готово! (Увидев солдат.) Ох, господи, опять не поедим...

Солдат (Тилю). Эта образина с тобой?

Тиль. Со мной.

Солдат (Ламме). Пошли тоже!

Блондинка (словно сообразив, что происходит, заголосила). Ой, пожалейте

его... Он хороший... (Вопит.) Он хороший!

Солдаты уводят Тиля и Ламме.

Портрет его величества

Зала во дворце короля Филиппа Второго. Король Филипп и королева Мария играют в кости.

Филипп (бросает кости). Три – три...

Мария. Нос подотри... (Бросает кости.) Шесть – шесть.

Филипп (бросает кости). Ах, черт, опять не повезло.

Мария. Я выиграла, Филипп! (Протягивает к нему руки.)

Филипп (со вздохом). Да, да. (Обнимает Марию, равнодушно целует, та обвивает его руками. Филипп вырывается.) Не надо.

Мария (с обидой). Почему вы так холодны ко мне, ваше величество? Для кого вы бережете свою страсть: для принцессы Эболи? Или для какой-нибудь придворной шлюхи?!

Филипп. Фи, Мария, что за выражения?

Мария. Я люблю вас, Филипп!

Филипп. Вы так часто говорите об этом, что я начинаю сомневаться.

Мария. Я вам много раз доказывала свои чувства.

Филипп. Чувства не теорема, они не требуют доказательств... Они видны. Или видно, что их нет...

Мария. Значит, вы не верите в любовь?

Филипп (поморщившись). Язычество? Все эти Афродиты, Медеи – язычество. Примитивные идолы на пути к подлинному божеству...

Мария. Для чего вы женились на мне, Филипп?

Филипп. Для Испании. Для наследника. Для народа. Все для других, Мария, для себя мы только болеем и умираем...

Входит солдат.

Солдат. Мы привели его, ваше величество.

Филипп. Хорошо. Пусть войдет.

Второй солдат вводит Тиля.

Твое имя?

Тиль. Тиль Уленшпигель.

Филипп. Уленшп... Трудно выговорить.

Тиль. Очень, ваше величество, поэтому зовите меня просто “эй ты”!..

Филипп. Ты шут?

Тиль. Немножко. Кроме того, я лекарь, музыкант и художник.

Филипп. Это ты нарисовал мой портрет на городской стене? С ослиными ушами?..

Тиль. Я, ваше величество!

Мария. Наглец!

Филипп. Не вмешивайтесь, Мария. (Тилю.) Почему ты признался? Ты не боишься умереть?

Тиль. Боюсь, ваше величество. Но у меня есть подозрение, что рано или поздно это случится.

Филипп. Между прочим, портрет исполнен неплохо... Яркие краски, свободная линия. Чувствуется фламандская школа... Послушай, эй ты, смог бы ты выполнить серьезный заказ?

Тиль. Для меня всякая работа – серьезна!

Филипп. Но это заказ особый. И дорого оплачиваемый...

Тиль. О, меня охватывает вдохновение! Что я должен изобразить?

Филипп. Меня и моих приближенных...

Тиль. В натуральную величину?

Филипп (поморщившись). Попробуй секунду не острить... Ты понимаешь, что при дворце достаточно знаменитых живописцев, но я хочу, чтоб меня нарисовал фламандец... Я дам эту картину в дар Фландрии. Пусть она увидит меня твоими глазами... Я понимаю, ты меня в душе ненавидишь, но, если ты подлинный художник, ты не должен идти против истины... А у меня нет ослиных ушей, и я не похож на дьявола... И я добр – не казню тебя, а даю почетную работу... И говорю с тобой как с равным...

Тиль. Я это ценю, ваше величество.

Филипп. Врешь. Может быть, потом, когда-нибудь, оценишь, а пока не лги... Лучше скажи – как ты представляешь себе композицию будущей картины? Я хочу, чтоб она понравилась твоим соотечественникам.

Тиль. Кого из приближенных вы хотите там поместить?

Филипп. Королеву, великого инквизитора, герцога Альбу, несколько принцев, ну и... Кого ты подскажешь?

Тиль. Борзых!

Филипп. Что?

Тиль. Борзых собак, ваше величество... Несколько борзых собак очень украсят полотно. Во-первых, во Фландрии любят животных, во-вторых, борзые – самые верные ваши соратники, они не метят на ваше место... Извините!

Филипп. Продолжай!

Тиль. Королеву Марию я бы изобразил в профиль, она так прекрасна, что фламандцам незачем показывать ее всю, достаточно половины...

Мария. Филипп, он издевается!

Филипп (Тилю). Продолжай.

Тиль. Великого инквизитора я бы изобразил со спины: для его же безопасности не надо, чтобы фламандцы запомнили его в лицо. Герцога Альбу, которого у нас в народе ласково называют “кровавым”, я бы изобразил в условной манере – маленький холмик, крестик и надпись “Альба”!

Мария. Да прекратит он когда-нибудь?!

Филипп (Тилю). А меня?

Тиль. Вас, ваше величество, я бы советовал рисовать маленьким ребенком с белокурыми волосиками и голубыми глазками. Таким образом мы убедим фламандцев, что вы тоже человек, что вас когда-то рожала мать и пела вам колыбельные песенки...

Филипп (решительно встал, подошел к Тилю). Зачем? Зачем ты так ведешь себя? У меня теперь нет выхода...

Тиль. Знаю, ваше величество, но ничего не могу с собой поделать.

Филипп (зло). Вошь! И вся ваша Фландрия – вошь на теле Господнем! С вами нельзя договориться, вас надо выжигать, как чумные дома! (Кричит.) Солдат, на колени его!

Подбегает солдат, ставит Тиля на колени.

Нож!

Солдат вынимает нож, приставляет к горлу Тиля.

Сейчас тебя прирежут здесь как курицу...

Мария (в ужасе). Филипп, разрешите мне удалиться!

Филипп. Останьтесь, Мария! Вы королева, имейте мужество! (Тилю.) Проси! Проси пощады, сволочь!

Тиль. Вы все равно не выполните моей последней просьбы!

Филипп. Проси! Последнюю волю смертника я исполню.

Тиль. Это не в вашей власти!

Филипп. Ты не знаешь пределов моей власти, дурак! Проси!

Тиль. Слово короля?

Филипп. Слово короля.

Тиль. Ваше величество, поцелуйте меня в уста, которыми я не говорю по-фламандски!

Мария. Фу! (Закрыла лицо руками.)

Филипп (после паузы). Браво! (Аплодирует.) Браво! (Солдату.) Отпустить! (Бросает Тилю кошелек.) Пошел вон, шут! Ты меня развлек. И я тебя перехитрил. Ты хотел умереть героем, а я тебя оставил паяцем!.. Иди и передай своим согражданам, что король Филипп Второй настолько могуч, что может не только казнить, но и прощать... Вон!

Солдат уводит Тиля.

Мария (подошла к Филиппу, тронула его за руку). Как вы великодушны, ваше величество...

Филипп (заорал). Ты замолчи! Дура! (Грустно.) Обними меня, моя девочка, мне страшно...

Затемнение.

Казнь

Громко и тревожно звучит городской колокол. На площади перед зданием городского суда установлен помост, ведущий вверх и в глубь сцены, к месту казни.

Появляется Инквизитор. Профос, судьи рассаживаются перед помостом. Горожане окружают их толпой. Солдат и Палач вводят связанного Клааса,

лицо и тело его в ранах и кровоподтеках после пыток.

Каталина (выбежав вперед). Солнышко! Белое солнышко! Сегодня праздник веселый. Трижды три – священное число! (Садится.)

Профос. Начинается последнее заседание по делу угольщика Клааса, уроженца Дамме, мужа Сооткин, урожденной Иостенс. В течение пяти дней суд в составе его преосвященства великого инквизитора, профоса и двух выборных инквизицией судей разбирал преступления вышеупомянутого Клааса и установил: Первое. Угольщик Клаас уже давно втайне вышел из лона святой римской церкви, впал в ересь, произносил кощунственные речи о Боге, о его наместнике Папе Римском и о святых иконах, называя их “погаными идолами”. (Крестится.)

Второе. Угольщик Клаас поддерживал постоянную связь со своим братом, протестантом и еретиком, а после его смерти принял от него наследство, которое отказался передать во владение короля и церкви, как то следует по закону. Обо всем этом свидетельствовал доноситель, имя которого суд обязуется хранить в тайне, а в случае вынесения приговора передать ему половину имущества приговоренного.

Клаас (Рыбнику). Рыбник, не радуйся! Тебе не найти моих денег!

Рыбник. При чем здесь деньги, Клаас? Как ты плохо обо мне думаешь!..

Инквизитор. Угольщик, тебе запрещается разговаривать. Отвечай только на вопросы суда: признаешь ли ты себя виновным?

Клаас. Меня это уже спрашивали под пыткой, ваше преосвященство.

Инквизитор. Отвечай сейчас. Считаешь ли ты католическую веру единственно правильной и святой?

Клаас. Нет! Каждый вправе иметь свою веру.

Инквизитор. Считаешь ли ты Папу Римского наместником Бога на земле?

Клаас. Да! Но в той мере, в какой каждый человек есть наместник Бога, не больше.

Инквизитор. Веришь ли ты в святую Деву Марию, в Иисуса Христа – Сына

Божьего?

Клаас. Верю. Верю в Марию, жену плотника Иосифа, верю в их сына, нареченного Иисусом, такого же человека, как я и мой сын, верю в честность его и доброту, горжусь той стойкостью, с какой он принял свою смерть.

Инквизитор (Профосу). Я думаю, нет смысла продолжать допрос. Преступник использует его для проповеди своих заблуждений. Можно выносить приговор.

Профос. Еще минуту, ваше преосвященство... (Обращаясь к Клаасу.) Угольщик, мы знаем друг друга много лет, мне больно, что ты так глубоко погряз в ереси... Еще есть время, совсем немного времени для раскаяния.

Клаас. Мне не надо времени для раскаяния, господин профос, у меня было много времени для раздумий...

Профос (солдатам). Приведите Сооткин!

Клаас. Я протестую! Меня уже пытали много дней... В день казни вы не имеете права!

Солдат и Неле вводят Сооткин.

Профос. Женщина! Я обращаюсь к твоему сердцу, к твоей любви. Вот твой муж. Его сейчас сожгут, если он не раскается... Скажи ему!

Сооткин. Что?

Профос. Ты сама знаешь... Найди слова!

Сооткин. Мы прожили вместе двадцать пять лет, господин профос, за это время мы научились понимать друг друга молча...

Клаас. Спасибо, Сооткин.

Профос. Ты не женщина. Вы не люди! У вас вместо сердца булыжники!

Клаас. Не верь ему, жена!.. Я знаю твое сердце – такого больше нет на земле... После смерти я поселюсь там, и мне будет хорошо...

Сооткин (нежно, мужу). Красивый мой... Мы скоро встретимся.

Клаас. Мы не расстанемся, милая... У нас есть Тиль!

Инквизитор (встает, зачитывает приговор). “Суд святой инквизиции при участии магистрата города Дамме, рассмотрев дело о богоотступнике Клаасе, признает его виновным в ереси и связи с еретиками и приговаривает его к сожжению перед зданием ратуши на медленном огне!”

Толпа заволновалась.

Голоса из толпы. Позор!

– Несправедливо!

– Нельзя мучить человека!..

Профос (вскочил). Ваше преосвященство, я протестую! Клаас преступник, но он честно жил и честно работал. Его любили и уважали в городе. Как представитель магистрата, я требую сожжения на быстром огне! Церковь должна быть гуманна, ваше преосвященство!

Голоса из толпы. Правильно!

– На быстром!

– Нельзя мучить человека!

Инквизитор. Если он не думает о душе своей, пусть страдает телом! Суд инквизиции требует медленного огня!

Голоса из толпы. Живодеры!

– Да разве так можно?!

Из толпы выскакивает Хозяин пивной.

Хозяин пивной. Ваше преосвященство! Дозвольте сказать. Я простой человек, и все мы тут простые люди, но так нельзя, ваше преосвященство... Он, угольщик, всегда ко всем с уважением... Копейки лишней не брал... А

мы что, звери, что ли?.. На быстром!..

Профос. Ваше преосвященство, я не ручаюсь за порядок в городе!

Инквизитор (пошушукавшись с судьями). Хорошо! Суд учитывает ходатайство горожан. Клаас будет сожжен на быстром огне!

Голоса из толпы. Вот это другое дело!

– А то – на медленном!..

– Ишь чего выдумали!

Клаас. Благодарю вас, господин профос. (Кланяется толпе.) Спасибо вам, земляки! Спасибо, что в тяжкую минуту вы помогли своему угольщику... Теперь я легко улечу от вас, словно искорка... А уголь мой еще не скоро кончится, и вы, сидя у камина, будете еще долго вспоминать папашу Клааса и греться его теплом... Одно вам скажу, братцы, – жалко мне вас! Я-то ухожу – а вам тут оставаться. Я помру сразу – а вам умирать каждый день от страха. Медленная смерть, медленней, чем на самом медленном огне!.. И долго вы еще будете стараться не заглядывать в глаза друг дружке, потому что пусто там, в глазах, ничего нет, кроме страха... И не понять вам, как легко, когда вытряхнешь этот страх изнутри... Я вот вытряхнул – и все, и теперь словно птица... И если правда есть на небе Бог, то мы встретимся с Ним на равных. Он – свободен, и я – свободен! И мы обнимемся с Ним как братья и пойдем по облакам... И не будет у нас страха, который тянет вниз... Прощайте, братцы! Не взыщите, что говорю вам на прощанье горькие слова – от сладких тошнит перед смертью...

Палач (тронув Клааса за руку). Пойдем, хозяин.

Клаас. Пойдем, друг!.. Ну, не робей! Работа есть работа!

Палач и Клаас поднимаются вместе по помосту. Печально гремит колокол. С веселой песенкой появляются Тиль и Ламме.

Тиль (весело). Ого! Сколько народу! Подтяни живот; Ламме, нам приготовили пышную встречу! Привет, сограждане!

Толпа расступается, Тиль видит отца.

Отец! (Подбегает к отцу, тот обнимает его.)

Клаас. Успел все-таки, чертенок! А я думал – не простимся.

Тиль. За что они тебя, отец?

Клаас. За все, сынок. За все сразу... А знаешь, я им тут сказал пару слов на прощанье... Пусть почешутся!.. Надоело как-то шутить. Сказал – и точка!.. Ну, ну, только без слез!.. Ты и маленький-то не плакал, а теперь вон какой верзила... Как это ты пел: Всегда во всем примером был

Мой скромненький папаша!

Монахов очень не любил,

Зато любил монашек!..

О-ля-ля! О-ля-ля!..

Уходит за край помоста. Звонят колокола, и разгорается пламя костра.

Рыбник

Все упали на колени, молятся. Звон колоколов. Светится яркий огонь костра.

Каталина (глядя на небо). Колокольчики, колокольчики!.. Почему ты плачешь, Боженька? Тебе грустно?..

На помосте появляется Палач, идет к толпе.

Палач (крестясь). Все!.. Отмаялся!

Инквизитор (встал с колен, крестясь). Прими, Господь, заблудшую душу.

Рыбник (встав с колен, крестясь). Прости нас, грешных! (Подходит к Инквизитору.) Ваше преосвященство, у меня к вам просьба...

Инквизитор. Не сейчас, друг мой. Потом!

Рыбник. Я хотел бы вам исповедаться! Только вам!..

Инквизитор. Вы считаете, что это для меня большая честь? Я очень занят, голубчик... (Уходит.)

Рыбник (подходит к Профосу). Господин профос, чтобы избежать ненужных кривотолков, я отказываюсь от своей доли наследства Клааса!..

Профос. Это твое дело.

Рыбник. Я передаю эти деньги городу Дамме. Могу сделать публичное заявление!

Профос (поморщившись). Хватит заявлений, Иост!.. Отдохни!.. (Уходит.)

Рыбник (направляясь к Палачу). Послушай!..

Палач (зло). Отвали, стерва!

Рыбник (обращаясь к толпе). Монах, послушай... Эй, пивовар...

Все отшатываются от него.

Палач (подойдя к Сооткин). Мамаша, я тут, стало быть, принес тебе... (В его ладонях – горсть пепла.) Сердце его, стало быть... Пепел.

Сооткин (ссыпала пепел в ладанку, подошла к сыну). Возьми, Тиль, оно еще теплое... (Вешает ему ладанку на грудь.) Вот так... Теперь оно стучит... (Молча отходит.)

Палач. Эх, дела! Дружки мы с ним были...

Рыбник (подходит к Тилю). Тилюшка, я бы хотел поговорить с тобой...

Тиль, не отвечая, вынул нож, шагнул навстречу.

Что ты?.. Меня?..

Палач (обращаясь ко всем). Ну что, соседи, пойдем по домам?

Рыбник (пятясь от ножа). Он убьет меня! Меня убивают!..

Палач (обращаясь к толпе). По домам, братцы! Без вас тут разберутся...

Все расходятся. Площадь опустела, только Каталина с безумной улыбкой наблюдает за происходящим. Рыбник бросился к ней.

Рыбник. Каталина, спаси меня!

Каталина. Ганс, мой хороший, какой ты сейчас красивенький!.. Давай улетим, а?

Рыбник (отшатнулся от нее, пошел навстречу Тилю, упал на колени). Тиль, пощади меня!

Тиль. Нет!

Рыбник (обреченно). Ну что ж, убей! Убей старого человека... Я тоже устал жить. Мы нелюди, мы хуже зверей!.. Мы не знаем милосердия... Мсти за отца, убей невиновного! Теперь я готов к смерти... Только секунду погоди... Сейчас я тебе помогу! (Достал темный платок, завязал себе глаза.) Вот так... Теперь тебе легче... Я не вижу твоих глаз, и ты можешь со спокойной совестью перерезать мне горло... Я помню твои глаза, когда ты был ребенком... Я стоял у постели, когда рожала Сооткин, она кричала, а я гладил ее по голове и говорил: “Спокойней, милая, будет хороший мальчик”... Зарежь меня, Тиль!.. Это так просто – зарезать человека... Мы не хотим понимать других! Так удобно ножом решать все вопросы... Я захлебнусь кровью, а ты исполнишь долг чести... И соседи будут говорить: “Молодец, отомстил за отца!”

Тиль. Замолчи, Иуда!

Рыбник. Да, я люблю Клааса, а Иуда любил Христа. Как никто, больше всех. Все другие отреклись и спрятались, а Иуда страдал. И еще неизвестно, кому было тяжелее: распятому или проклятому... Ну, что же ты медлишь?.. Я донес на твоего отца. Я не думал, что его казнят, но уж твердо знал, что со мной за это рассчитаются... Кругом злоба и месть!.. Мне страшно! Господи, почему я живу сейчас, в это время, а не раньше или потом?! Я совсем потерял сон, Тиль... Я думаю, думаю... Убей же меня!.. Я истерзался мыслями и хочу покоя!..

Тиль. Мразь! (Толкнул Рыбника ногой, бросил нож.)

Рыбник (снял повязку). Как ты добр... Весь в отца. Он тоже не сердился на

меня... За что я люблю вас всех и призываю жить праведно... И я добьюсь своего, Тиль!.. Даже если мне придется донести на весь мир... (Уходит.)

Каталина (задумчиво). Ганс – хороший, Тиль – хороший. Все – хорошие... Сядь, отдохни... Хочешь, спою тебе песенку?

Появляется Неле.

Неле. Ты звал меня?

Тиль. Нет.

Неле. Я слышала, как ты кричал...

Тиль. Я никого не звал, Неле. Я хочу побыть один...

Неле. Хорошо, хорошо, поэтому я и пришла к тебе... (Садится рядом.) Не надо кричать, Тиль, не надо... Криком ничему не поможешь...

Тиль (положил на ладанку руку). Оно еще теплое.

Неле. Обжигает кожу...

Каталина. Клаас счастливый... Он уже снял с себя тело, и ему легко...

Тиль. Замолчите все!

Неле. Ты разговариваешь с отцом?.. Прости нас... Мы не будем мешать... Вы так долго не виделись... (Подошла к Каталине.) Мама, дай нам той воды...

Каталина (протягивая кувшин). Глупенькие!.. Как вы трудно любите друг друга... Все по-своему хотите, по-своему... А уж все давно продумано и установлено... Ты и он! Она и ты! И вам хорошо вдвоем. А Боженьке плохо – он одинок...

Неле (протягивая кувшин Тилю). Выпей, Тиль. Тебе надо забыться...

Каталина. Выпей лесной водички. Я сама ее набрала. Это слезы камней, роса облаков... Выпей – придет дурман!

Тиль сделал глоток.

Тиль сделал глоток.

Слетятся духи... Споют песенку!.. Тиль – добрый. Неле – добрая, духи – добрые...

Меркнет свет. Начинается шабаш духов.

Шабаш

Словно сошедшие с офортов Гойи, на сцену в дикой пляске врываются духи, ведьмаки, чудища. Закружили Тиля и Неле в бесовском хороводе, оглушили своей песней.

Духи. Люди! Здесь люди!.. Добро пожаловать, черви земные! Вы еще не всех сожгли? Еще есть на растопку? Эй, кому нужны мальчишка с девчонкой?!

Неле. Тиль, мне страшно!

Тиль. Не бойся, Неле... Я здесь... я спрошу их!

Духи. Спрашивай, мы ответим...

Тиль. Эй вы, бесплотные! Если вы вправду над нами, ответьте: зачем мне жить?

Первый дух (подскочил к Тилю, взял его под руку). Глупый вопрос, мой мальчик. В самом вопросе скрыт ответ. Зачем жить?.. А и не надо!.. Ты ведь не просился в жизнь, тебя вытолкнула природа головкой вперед. Но теперь-то ты взрослый и сам можешь распорядиться... Зачем жить, когда можно умереть?.. И тогда – конец всем вопросам. И боли нет, и тоски нет... Только пространство!.. Решись, мальчик, решись... Ибо, как скажет Гете: “Пока нет в тебе этой жажды гибели, этого – умри и обновись, ты только унылый гость на темной земле...”

Тиль. Да. Так! Умри и обновись! (Достал нож.)

Неле (бросаясь к нему). Тиль! А я?.. А дети наши, которых нет? А внуки наши, которых нет?.. Не верь ему!.. Надо жить, надо!

Тиль. Зачем?

Неле. Чтобы жить!

Второй дух (подбежав к Тилю). Девушка абсолютно права. Жить, чтобы жить... В этом высший смысл! Есть, спать, размножаться... Это естество! Почему мы стесняемся?.. Олень не стесняется, лев не стесняется, а человек – что ж он, глупее?.. Построить дом, растить потомство, ходить за пищей, мыться в реке... Счастье?

Тиль. Счастье!

Второй дух. И есть горячий суп. И запивать холодным пивом... И сидеть у теплого камина... И, помешивая пепел кочергой, вспоминать про папочку! (С хохотом отбегает.)

Тиль. Пошел прочь!

Третий дух (схватил Тиля за руку). Кого ты слушаешь, безумец! Тебе ли, оскорбленному, искать покоя?.. Мстить – вот он, смысл жизни! Мстить всем! Всегда!.. На пинок отвечать оплеухой, на удар – десятью. Кровь смывается кровью! Ты – один, против тебя – все! Мсти!

Тиль. Пепел Клааса стучит в мое сердце!

Третий дух. Отомсти за него! Кругом предатели! И мой тебе совет: для начала убей мать!

Тиль (отшатнувшись). Что?!

Третий дух. Она предала отца: он мертв, а она жива! (С хохотом отбегает.)

Неле (кричит). Тиль, убежим отсюда!.. Дай мне руку!

Тиль. Я всех ненавижу!

Неле. И меня?

Тиль. И тебя!

Духи с ликованием окружили Неле.

Духи. Девочка! Хорошая девочка, пойдем с нами!.. (Срывают с нее

одежды.) Поиграем! Поиграемся!.. Кто тебе из нас первым нравится?.. А?.. Мы мальчики веселые!..

Неле. Тиль! Не бросай меня!.. (Вырывается из объятий духов.) Я боюсь... Куда ж я без тебя, любимый мой?.. Мне страшно... Я не хочу одна... Пожалей меня, пожалуйста!

Тиль. Прости. (Обнял ее.) Сам не знаю, что говорю...

Неле (покрывая его лицо поцелуями). Хороший мой. Спасибо, господин мой... Ну, ну, не бойся! Я с тобой!.. Я сильная, Тиль, я за тебя глаза выцарапаю... Вот так! Успокойся, милый. Потерпи... Все обойдется. Обними меня крепче... А хочешь – поплачь! Не стыдись, я пойму... Садись со мной... Вот так, миленький, вот так... Сейчас будет хорошо... Не бойся, это дурман, это пройдет...

Духи молча отступают. Тиль и Неле лежат в объятиях друг друга. Каталина подходит к ним.

Каталина. Ты счастлив, Тиль?

Тиль. Да.

Каталина (вдруг став злой). Успокоился, стало быть?.. Насытился? Слизняк!.. Затих на теплой груди, заслюнявился... Все вы одинаковы! Пыжат из себя героев, а сами сделаны из того же мяса, из которого делают кабанов!.. Ты не дух Фландрии – ты ее непристойный звук!.. Плюю на тебя! На все свои надежды плюю... Господи, спасибо Тебе, что сделал меня безумной, так мне легче жить на этой земле!..

Каталина уходит. Тиль и Неле остаются одни.

Неле. Не сердись на нее, Тиль. Пожалей ее...

Тиль. Я ей завидую.

Неле. Все будет хорошо...

Тиль (задумчиво). К сожалению, да. (Тронул ладанку.) Оно уже остыло, Неле... Совсем холодное...

Часть вторая

Родина

Молчание

Прошло сорок дней. Дом угольщика Клааса. Все готовятся к поминкам по угольщику: Сооткин хлопочет по хозяйству, Неле ей помогает, даже Тиль с безучастным видом рубит капусту, Каталина причесывается перед зеркалом.

Каталина. Неле, можно я надену твои красные бусы? Красные бусы, белые волосы – красиво!

Сооткин. Грех, Каталина! Грех старой женщине наряжаться словно девушке...

Каталина. Сегодня я венчаюсь. Ганс будет в черном камзоле, а я – в белом платье... И мы дадим клятву у алтаря!

Неле. Что ты придумываешь, мама? Какой алтарь? Нету никакого Ганса...

Каталина (усмехнувшись). Глупенькая... (Тилю.) Тиль, ты будешь у меня посаженым отцом на свадьбе?

Тиль молчит.

Неле (Каталине). Не приставай к нему... (Подошла к Тилю, забрала у него нарубленную капусту, чмокнула его в щеку.) Вот молодец! Теперь закуски хватит на всех гостей...

Тиль безучастно молчит.

Сооткин. Надо пойти у лавочника ветчины купить... (Тилю.) Сынок, разрешишь мне взять еще немного из тех денег?..

Тиль молчит.

Все-таки поминки... Нехорошо, если стол бедный...

Тиль молчит.

Ну, спасибо... (Лезет в тайник, достает деньги.)

Неле. Сооткин, надо бы перепрятать деньги... Положи в тот тайник, у колодца.

Сооткин. Да и здесь никто не найдет...

Тиль (задумчиво). Буду, чего ж...

Сооткин. Ты про что, сынок?

Тиль. Буду посаженым отцом...

Сооткин, покачав головой, ушла. Появляется Ламме с гусем под мышкой.

Ламме (бросая гуся на стол). Привет! Во чего раздобыл! Поджарить да набить тушеными яблочками – чудо! Верно, друг? (Хлопает Тиля по плечу, тот безучастно молчит.) Любишь гусятинку?..

Неле. Спасибо, Ламме.

Ламме. Не за что!.. А я этого гусака давно заприметил... Плавает, мерзавец, в луже и гогочет... Я думаю: ну давай-давай, гогочи! С вином-то лучше поплывешь... Верно, тетушка Каталина? (Оглядел Каталину.) Чего это она наряжается?..

Неле (с усмешкой). Замуж собралась!

Ламме. Во как? Ну что ж, пора... (Подсел к Тилю.) Слушай, Тиль, дело тут одно намечается... В Амстердаме на той неделе ярмарка будет. Праздник! Ну, вот они, стало быть, просили, чтоб и ты приехал...

Неле. Это зачем же?

Ламме. Помнишь, у нас на базаре он песенку пел? “Я – толстый Ламме, целый день готов сидеть и лопать...” Смешная такая песенка... Вот просят исполнить! Обещали хорошо заплатить...

Неле. За нее уж раз платили ссылкой...

Ламме. Ну что равнять нас и Амстердам? Столица, культурный город!

Конечно, там слова надо поправить... Чтоб не зло, по-доброму... А шутить там можно. Шутить разрешается. Ты как, Тиль?

Тиль молчит.

Две сотни флоринов обещали... Деньги!.. У них там целое представление будет... Цыгане, медведи... Наш рыбник на мандолине играет...

Неле. Кто?

Ламме. Рыбник!.. (Замялся.) Сволочь, конечно, но на мандолине так научился бренькать!..

Неле. Ты в своем уме?.. Ты о чем говоришь?! Чтоб Тиль и рыбник – вместе?..

Ламме. Чего “вместе”? Каждый сам по себе... Да и потом, это ж работа. Мало ли что... Вон я в цирке видел: свинья с волком из одной миски жрали...

Тиль (задумчиво). С яблоками, говоришь?

Ламме. Кто?

Тиль. Гусь.

Ламме (обрадованно). С яблоками! С тушеными... А самого – жарить! (Пауза.) Так чего сказать амстердамцам?

Тиль молчит.

Ну и правильно! Я сам их хотел послать куда подальше, да решил сперва с тобой посоветоваться... Вот! (Замялся.) А может, пойдем выпьем, а?

Неле. Куда ему такому?.. Видишь, человек не в себе...

Ламме. Так я потому и зову... Отвлечь хотел!..

Каталина. Ламме добрый...

Ламме. Добрый, тетушка... А только через эту доброту мне же хуже...

Сегодня какой-то мальчишка прибегает, кричит: “Дяденька, помоги! Мой отец с соседом дерется!” Ну, я влез в драку, кричу: “А кто твой отец?” А он орет: “Так из-за этого они и дерутся!..”

Тиль (решительно встал). Только много, ладно?

Ламме. Чего?

Тиль. Много выпьем, ладно?

Ламме (обрадованно). Конечно, много... Немного и дома можно... Пошли, друг!

Тиль и Ламме уходят. Раздается крик совы. Каталина вскочила, заметалась по комнате.

Каталина. Он летит ко мне, мой Ганс!.. Сейчас это совершится...

Неле (испуганно). Кого ты ждешь?

Каталина. Никого, никого... Иди к себе, дочка, я потом позову...

Неле хочет выйти на улицу. Каталина хватает ее за руку.

Нет-нет! Нельзя! Ганс рассердится... Иди ложись, Неле, спи... Я разбужу, когда все случится... (Почти насильно утаскивает Неле в соседнюю комнату.) Дочка, не печаль свою маму... У мамы сегодня счастье! Ступай...

Крик совы.

Венчание

Появляется Рыбник с Напарником. На Рыбнике – черный камзол, лицо вымазано мукой, глаза подведены. В руках – мандолина.

Рыбник. Вот мы и на месте. (Оглядывается.) Никто не увидит!

Напарник. Что-то мне боязно, Иост.

Рыбник. Я – Ганс! Зови меня правильно... И не дрожи! Мы не воры – мы дьяволы!

Напарник (крестясь). Не шути так! Грех!

Рыбник. Этот грех простится!.. Чтобы победить дьявола, я готов сам стать исчадьем ада... (Достает зеркальце, подрисовывает себе глаза, приклеивает нос.) Вот так!.. Страшно?! Ага!.. Как глупо устроены люди! Будь ты с ножом или топором – тебя не боятся, а сделай нос чуть подлиннее, выпучи глаза, оскаль зубы – и внушаешь ужас!..

Напарник. А вдруг кто придет?

Рыбник. Не бойся... Она обещала быть одна... Разве что Неле? Хочешь молоденькую, а?.. Хочешь, по глазам вижу... Только не робей!.. Я теперь понял: в этой жизни робость – худший из недостатков. Я жил смиренно, страдал за людей – и вот я ими проклят!.. Но теперь они меня надолго запомнят. Хватит защищаться – пора нападать!.. (Поет романс.) Романс Черного рыцаря

Я черный рыцарь Ганс –

Пою тебе романс,

Как юноша влюбленный, под балконом.

Не мучь меня! Не мучь!

Отдай от сердца ключ!

Прошу тебя, любимая, со стоном!

Припев:

Звенит мандолина.

О, выйди, Каталина!

Я тайну открою,

Как стать молодою!

Тебя я унесу,

Мы скроемся в лесу

И предадимся там безумной страсти!

Я дьявольски везуч!

Отдай от сердца ключ,

И счастье ты найдешь в своем несчастье!

Припев:

Звенит мандолина.

О, выйди, Каталина!

Я тайну открою,

Как стать молодою!

Появляется Каталина в белом подвенечном платье.

Каталина. Я здесь, мой Ганс!

Рыбник. О, этот чудный миг! Пусть звезды навсегда исчезнут с неба, пусть скроет безобразная луна свой белый лик в вуали облаков! Каталина здесь – и всем другим светилам постыдно появляться рядом с ней!..

Каталина. Как ты красив! Как голос твой прозрачен! Тебя, должно быть, ангел научил так говорить...

Рыбник. Да, ангел, но не тот, что в небесах, а тот, что под землей. Его зовут все дьяволом, а он – такой же ангел, только черен цветом... Он проклял день, но он придумал ночь... И воздух весь закрасил черной краской, чтоб скрыть от глаз убийства и любовь... (Протягивает к ней руки.) Девочка, сегодня наша ночь... Сегодня наши судьбы соединятся...

Каталина. Как я счастлива, милый... Скажи только, что любишь меня.

Рыбник. Люблю.

Каталина. Не спеши отвечать... Посмотри на меня: я старая

Каталина. Не спеши отвечать... Посмотри на меня: я старая.

Рыбник. Ложь! Ты самая юная из всех девушек мира!

Напарник хихикает.

Каталина (увидев Напарника). Кто с тобой, Ганс?

Рыбник. Тот, кто узаконит наш союз... Дай твою руку, жена моя... (Встает с Каталиной на колени перед Напарником.) Святой отец, соедини нас! Благослови на любовь, на жизнь и на смерть!

Напарник (простер над ними руки). Раб Божий Ганс, с чистым ли сердцем берешь ты в жены Каталину?

Рыбник. Да.

Напарник. Раба Божья Каталина, с любовью берешь ли ты в мужья Ганса?

Каталина. Да!

Напарник. Готовы ли вы внести выкуп дьяволу за свой союз?

Рыбник. Да! Все, что у меня есть, – ему! (Высыпает из кармана деньги.)

Напарник (Каталине). Ты, дочь моя?

Каталина. У меня ничего нет.

Рыбник (обнимая ее). Отдай ему все, Каталина! Отдай...

Каталина. У меня правда нет, милый...

Рыбник. А в доме?

Каталина. В доме спрятаны деньги Клааса... Но их нельзя трогать... Это тайна!..

Рыбник (встал с колен). Прощай! (Напарнику.) Прости меня, святой отец! Прости, что я подбил тебя на постыдное дело... Я думал взять в подруги любящую душу, а пригрел змею...

Каталина. Не уходи, любимый!

Рыбник. Прочь, лживое отродье!.. Чужая тайна для тебя дороже своей!.. Клаас совершил тяжкий грех, утаив наследство, его выкормыш усугубляет этот грех, а ты им потворствуешь... Прощай!

Каталина. Милый мой Гансик... Не бросай свою девочку...

Рыбник. Взгляни в зеркало, старуха!.. Щупай сама свою дряблую кожу, гладь сама свои редкие волосенки... Только бесовская сила на миг возвращает тебе молодость, а ты не хочешь за это даже платить?!

Каталина. Я боюсь... Тиль убьет меня!.. Клаас умер, не сказав... Я не знаю, где тайник...

Рыбник (обнял ее). Поищи, милая... Твоя любовь укажет... Это дьявол посылает тебе испытание... Надо выдержать его... Ступай, ступай!..

Каталина (сдаваясь). Неле услышит!

Рыбник (Напарнику). Пойди займись девчонкой!

Каталина (испуганно). Не надо!

Рыбник. Не бойся, не бойся... Он ее отвлечет!

Напарник проскальзывает в дом.

Пошли и мы... (Вводит Каталину в дом.) Ищи, ищи, голубка... Это где-то здесь спрятано... А я буду тебе пока говорить слова любви... “Нет ничего на этом белом свете сильней и ярче жаркого огня, что в сердце загорается моем, когда тебя я вижу...” Вот тут смотри, милая. Может, это спрятано в стене?.. Или там, за бочкой?.. “Какое счастье – взять и утонуть на дне твоих зрачков лучистых, на самом дне твоих глубоких глаз...” Вон в углу что-то сверкнуло... Не то?.. Вспоминай, голубка, – куда они это спрятали, а?.. “В час радости и в смертную минуту я буду повторять любимой имя!..”

За стеной слышны звуки борьбы, крик.

Не дрожи, милая... Все будет хорошо... Твой Ганс с тобой!.. “Моя любовь, мой стон, мое дыханье – все для тебя, все только для тебя...”

Каталина (достает из тайника деньги). Вот! Возьми, любимый! (Падает без чувств.)

Вбегает окровавленный Напарник.

Напарник (всхлипывая). Она меня ножом... Сука!

Рыбник (склонился над Каталиной). Прости меня, голубка!.. Прости!.. (С ненавистью оглянулся.) Святое семейство! Сколько зла от их добродетели!..

Напарник. Бежим отсюда... Кто-то идет!.. Да плюнь ты на эту старуху!

Рыбник. Молчи, мерзавец! Я прощаюсь с женой... (Целует Каталину, убегает вместе с Напарником.)

Вбегает Неле, платье на ней порвано, лицо исцарапано. Склоняется над Каталиной. За сценой крики: “Стой! Держи их!..” Врываются возбужденные Тиль и Ламме.

Злая песня

Каталина (приходя в себя). Ганс, любимый!.. Где ты?

Тиль (свирепо). Кто здесь был? Я спрашиваю...

Неле. Не знаю.

Тиль. Не знаешь?

Неле. Не знаю... Двое в черном... Один ворвался ко мне в спальню...

Тиль. Не знаешь! (Подходит, дает ей пощечину.) Прикрой груди, невеста!

Каталина. Не бей ее! Это я отдала деньги Гансу!

Тиль бросается к тайнику.

Ганс заплатил выкуп дьяволу, и я буду молодой...

Тиль (отрешенно). Нас обокрали, отец! (Надвигается на Каталину.)

Ламме преграждает ему путь.

Ламме. Погоди! Надо разобраться!

Тиль. Отец сгорел – не сказал... Мать пытали! И вот эта старая шлюха со своей дочкой...

Неле (подошла к Тилю, отвесила ему пощечину). Давай, Тиль! Ори! Бей! Воюй! С бабами у тебя это хорошо получается!..

Ламме. Успокойся, друг... Так нельзя!

Тиль (Ламме). Ты молчи! Твое дело – жрать гусей и растить брюхо! Где жена твоя?.. Уже не тоскуешь? Успокоился? Еще бы!.. Она, поди, вышла за эскадрон испанских кавалеристов. Пусть возьмет Неле в подружки, вдвоем веселее!..

Ламме. Вот ты каким стал?

Тиль. Не стал. Сделали!.. Сорок дней я тащу этот дом на себе, как улитка... Сорок дней меня бьют по башке словами... Вон, поминки уже устраиваем. Пирогов напекли!.. “Приходите, добрые люди, выпьем-закусим за упокой души угольщика! А сынок вам песенку споет!.. Шутку сшутит! Он теперь Хозяин. Как медведь сидит в берлоге, зиму перезимовывает!” Черта с два! Все равно собаки по запаху нашли!.. Пусто в доме! Молодец, Каталина, прокутила денежки... Урок мне дала!.. Так мне и надо!.. Если Бог создал тебя овцой, нечего обижаться, что стригут. Только я еще подожду блеять. У меня хватит сил взять мир за глотку и трахнуть, чтоб легче дышалось... Пепел Клааса снова стучит в мое сердце! Он горячий, обжигает кожу!.. Время сейчас горячее, как пепел отца!.. И не будет мне покоя, пока дымятся костры, и не будет у нас счастья, пока в садах на каждой яблоне, на каждой ветке не вырастет по испанцу... В путь, Ламме! Нас ждут...

Ламме. Пошли, друг!

Тиль. Прощай, Неле!.. Не поминай лихом!.. Господь сделал меня мужчиной, но не мужем, а женщинам дал юбки не для того, чтоб нам там прятаться!..

Ламме. Верно, Тиль! Стыдно нам с бабами воевать...

Тиль (вдруг грустно). Дурак! С бабами-то труднее всего... С испанцами легче...

Злая песня Тиля

Что за сладостный край, где всего через край,

Где полно и жратвы, и питья!

Так что, черт побери, знай живи, пей да жри.

И да здравствует Фландрия!

На зеленых дубах, на дубовых столбах

Круглый год в этом щедром краю

Вырастают плоды с языком до пупа –

Даровая жратва воронью.

И хоть в этой стране древесина в цене,

Всюду весело пышет огонь:

Жжем живьем вместо дров и сироток, и вдов –

И тепло, и приятная вонь.

И тепло, и приятно, и весело знать,

Что всегда можно руки согреть.

Волоки на костер хоть родимую мать –

Ты получишь законную треть.

И не бойся потом перед Божьим судом,

Отыщи и представь короля:

[illegible]

“О Господь! Это он меня сделал скотом,

Это он виноват, а не я!”

И да здравствует Фландрия!

Гезы

С громкой солдатской песней маршируют по сцене гезы – лесные разбойники, армия принца Оранского. К ним пристроились Тиль с Ламме; у Тиля вместо шпаги – метла. Командует отрядом Бригадир. Здесь же – немецкий офицер-наемник Ризенкрафт.

Бригадир. Отряд, смирно! (Подходит к Ризенкрафту.) Господин Ризенкрафт, отряд гезов на учение построен.

Ризенкрафт (презрительно оглядев гезов). Это не есть отряд, это есть толпа! (Идет вдоль строя.) Швах! Зер швах! (Останавливается возле Ламме.) Это что есть?

Бригадир. Новобранец, господин Ризенкрафт. Сегодня утром пришли!

Ризенкрафт (Ламме). О майн готт, какой пузо!.. На войне нельзя такой пузо!

Ламме. Извиняюсь, господин офицер, оно у меня еще с мирного времени!

Ризенкрафт. Молчать! Ложись!

Ламме. Зачем?

Ризенкрафт. Лечь!

Ламме ложится.

Встать! Ауфштейн!

Ламме. Вы же велели лечь?

Ризенкрафт. Встать!

Ламме встает.

Лечь!

Ламме ложится.

Встать!

Ламме (задыхаясь). Нет, так не пойдет, господин офицер! Вы уж выберите что-то одно: либо лежать, либо стоять...

Ризенкрафт. Молчать, болван! (Всем.) Вы – свиньи! Грязные, вонючие фламандцы!

Тиль. А ну полегче, господин офицер! А то мы и вас понюхаем.

Ризенкрафт. Что такой? (Указывает на метлу.) Что это есть?!

Тиль. Моя шпага!

Ризенкрафт. Шпага?! Ты есть смеяться?! (Выхватывает свою шпагу.) Тогда защищайся!.. Я тебе сделаю дырка!

Тиль (отступая). Это ни к чему, господин офицер. У меня их хватает!

Ризенкрафт бросается на Тиля, тот отбивается метлой.

Ламме. Что же это, братцы?.. Он же его убьет! Так нельзя... (Бросается к дерущимся.)

Гезы удерживают его.

Бригадир. Не лезь! Твой дружок сам виноват...

Ламме. Да я за офицера беспокоюсь.

Тиль сбивает с ног Ризенкрафта, тычет ему метлой в нос.

Тиль. Не угодно ли пообедать свежим веником, господин Ризенкрафт?!

Появляется принц Оранский.

Оранский. Прекратить! Что здесь происходит?!

Тиль (отпустив Ризенкрафта). Извините, ваше высочество. У нас тактические занятия...

Ризенкрафт (поднимаясь). Я отказываюсь командовать эта банда!

Оранский. Вы за это получаете деньги, Ризенкрафт!

Ризенкрафт. Я отказывайся деньги... Я не могу управлять стадо. Я не пастух – я германский офицер! (Уходит.)

Оранский (Тилю). Твое имя?

Тиль. Тиль Уленшпигель, ваше высочество!

Оранский. Шут?

Тиль. Так точно!..

Оранский. Надо знать место шуткам! Ты совершил тяжкое преступление и будешь наказан по военным законам. (Бригадиру.) Расстрелять!

Тиль. Ваше высочество, он первым начал... Он сказал: “вонючие фламандцы”...

Оранский (не слушая его). На прицел, солдаты!

Солдаты поднимают ружья.

Тиль. Он сказал: “Грязные, вонючие фламандцы”...

Оранский (Тилю). Ты обязан был стерпеть!

Тиль. Я бы стерпел, ваше высочество, но я подумал: а вдруг он имеет в виду вас?!

Оранский. Солдаты! Пли!!

Солдаты щелкают курками.

В чем дело?

В чем дело?

Бригадир. У нас кончились патроны... Еще вчера во время боя...

Оранский. Взять в арсенале!

Бригадир. Арсенал закрыт.

Оранский. Где комендант?

Бригадир. Убит, ваше высочество!

Оранский. Назначить нового!

Бригадир. Новый назначен!

Оранский. Где же он?

Бригадир. Ушел хоронить старого!..

Оранский. Привести немедленно!

Бригадир. Теперь уж только “принести”, ваше высочество. Он на поминках выпил!

Оранский (в бешенстве). Взломать арсенал!!!

Бригадир. Слушаюсь! (Гезам.) Отряд, направо, шагом марш! (Уводит гезов.)

Тиль остается.

Оранский. Позор! Это не армия! Сборище бестолковых деревенских мужиков!.. Против нас – регулярные войска. Обученные, хорошо оснащенные. А у нас одно ружье на троих, да и то не заряжено!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а вы, вместо того чтобы научиться у них военному искусству, бьете их вениками по лицу! Позор!

Тиль. Я готов принести ему свои извинения!

Оранский. Молчать! Через пять минут тебя расстреляют.

Тиль. Тогда я не должен молчать. У меня важное сообщение, ваше высочество: в эту среду испанцы начнут наступление.

Оранский. Откуда тебе это известно?

Тиль. Я пробирался к вам две недели по территории, занятой неприятелем... Филипп стянул сюда, к реке Маас, много войск, а обозы с провиантом застряли в тылу возле Брюгге... Чтобы отвлечь солдат от голода, король начнет наступление в среду.

Оранский. Но почему именно в среду?

Тиль. По четвергам офицерам платят жалованье. Филипп скуп! Он пошлет их в бой в среду, чтобы сэкономить на погибших.

Оранский. Тогда почему не в понедельник или не во вторник?

Тиль. Испанцы – набожные люди, ваше высочество. Они не любят воевать в праздники. А в понедельник – день святого Антония, во вторник – святого Марка, в четверг – святого Луки!.. Свободной остается только среда...

Оранский. Резонно!.. А сколько примерно солдат у Филиппа?

Тиль. Шесть тысяч двести сорок шесть человек, ваше высочество!

Оранский. Ты их считал?

Тиль. Никак нет! Вычислил... В расположение испанских войск прибыло несколько притонов с девицами. Я пересчитал девиц, помножил на норму, сделал поправку на темперамент и получил искомое число!..

Оранский. Молодец!.. Может, ты знаешь и количество пушек?

Тиль. Так точно! Тридцать три! Причем пять орудий было неисправных, но я их починил.

Оранский. Зачем?

Тиль. Теперь они будут стрелять в обратную сторону!..

Оранский. Браво!.. Ты отличный воин, Тиль... Но ты плохой солдат! Ты нарушил дисциплину и, к сожалению, должен быть наказан...

Тиль. Я готов умереть, ваше высочество! Тем более что испанцы назначили за мою голову двести флоринов, вы сможете их получить и заплатить жалованье Ризенкрафту...

Оранский. Наглец! Ты забываешься!.. (Спокойно.) Я все понял, Уленшпигель, ты опасный человек! Где бы ты ни находился, ты несешь с собой смуту и разрушение, поэтому для нас лучше, когда ты в армии врага!

Появляются гезы и Бригадир.

Бригадир. Ружья заряжены!

Оранский. Отлично. Солдаты, Уленшпигель нарушил дисциплину и должен быть наказан, но он совершил подвиг и должен быть награжден. Объединив все это, я пришел к решению назначить Уленшпигеля комендантом города Бриля!

Тиль. Ваше высочество, но там сейчас испанцы!

Оранский. Это меня не касается... Приступай к исполнению своих обязанностей!

Тиль. Снова в тыл?.. Нет. На кой черт я пробивался к вам две недели, чтобы тут же тащиться обратно?..

Оранский. Опять неповиновение?! Солдаты! Поднять ружья!

Тиль. Хорошо. Согласен.

Оранский. Выше ружья... Еще выше! Салют в честь коменданта Бриля! Пли!..

Крепость генерала

Город Бриль. Замок командующего береговой охраной генерала де Люмеса. В зале – жена генерала Анна, миловидная брюнетка. Вбегает Генерал, он в халате, ночном колпаке, очень взволнован.

Анна. Что случилось, генерал?

Генерал. Король! Его величество... (Бегает по зале.) Черт побери, где мой мундир?

Анна. Я отдала его слугам вычистить!

Генерал. Пусть принесут немедленно! Король! Сам король объезжает гавань Бриля! Сейчас он направляется к нам!.. Господи, где же шпага?.. (Взглянув в окно.) Он идет. А я в таком виде... Анна! Что будет?! Мерзавцы! Меня же никто не предупредил...

Анна. Возьмите себя в руки! Я сейчас пришлю слугу... (Уходит.)

Открывается дверь, быстро входит Филипп. Он явно рассержен.

Генерал. Ваше величество... (Склоняется в почтительном поклоне.)

Филипп. Вы кто?!

Генерал. Начальник береговой охраны генерал де Люмес.

Филипп. Генерал?! А я думал – ключник!.. Или провизор.

Генерал. Ваше величество, мне не сообщили... Я был не готов...

Филипп. А гезы вам тоже будут сообщать о нападении?! Позор! Идет война! Против нас – хорошо оснащенная армия, а командующий спит после обеда!..

Появляется Слуга с мундиром.

Оденьтесь. На вас стыдно смотреть!..

Генерал поспешно одевается. Его мундир увешан орденами и крестами.

Много железа на груди, генерал! Придется половину снять, чтоб было легче стоять перед королем!.. Старый осел! Во что вы превратили береговую охрану?! Я проплыл всю гавань – и ни одной пушки, ни одной мортиры!.. Ни одной крепости на горизонте!

Генерал. Я счастлив, ваше величество!

Филипп. Что?!

Генерал. Счастлив, ваше величество! Если даже ваш зоркий глаз не заметил береговых орудий, значит, они надежно укрыты... Соблаговолите подойти к карте, ваше величество... (Расстилает карту.) Вот секретная схема береговой охраны... Практически простреливается каждый дюйм гавани... Даже здесь, на каждом островке, стоят пушки, но все тщательно укрыто... Если Оранский пошлет шпионов, они ничего не увидят, кроме камней и прибрежного песка...

Филипп (смягчившись). Ну что ж, это меняет дело...

Генерал. Эти укрытия мы строили целый год, ваше величество. Гавань превращена в западню. Когда корабли гезов посмеют приблизиться к Брилю, мы их подпустим к самому берегу, а потом расстреляем с четырех сторон!

Филипп. Недурно!.. И все-таки, генерал, вы должны понять мой гнев: когда король инспектирует войска, командующий должен встречать его как положено!

Генерал. Абсолютно верно, ваше величество!.. Но если я сумел неплохо скрыть пушки, то вы еще более умело засекретили свой приезд!..

Филипп. Хорошо! Будем считать, что мы обменялись комплиментами... Прикажите подать вина!.. Я устал!

Генерал. Слушаюсь. (Хлопает в ладоши.)

Появляются слуги с подносами. Вместе с ними входит Анна; она в элегантном военном костюме, при шпаге, на груди – боевой крест.

Анна (отвесив поклон). Я счастлива видеть вас, ваше величество!

Филипп. Боже, какая прелесть! (Генералу.) Ваша дочь?

Генерал. Супруга, ваше величество!

Филипп. Жаль!.. Все равно – прелестная амазонка!.. (Указывает на крест.)

Это украшение?

Анна. Это боевой крест, ваше величество!

Генерал. Она его заслужила... Два месяца назад на нашу карету напали гезы, и Анна собственноручно пристрелила двоих!

Филипп. Браво. Поздравляю вас, сударыня! (Кладет руку на крест.) Носите его с гордостью! Вы его заслужили... Женщины, служащие королю, – те же солдаты!

Анна. Так точно, ваше величество!

Филипп (не убирая руки с ее груди). Желаю вам новых подвигов! Пусть здесь... здесь... засверкают новые награды! (Генералу.) Прелестная дочь у вас, генерал!

Генерал. Супруга, ваше величество!

Филипп (нехотя убирая руку). Я помню... Налейте вина!

Слуги наливают бокалы.

За вас, генерал, за вас, сударыня, за королевство!

Все выпивают. Появляется Солдат, подходит к Генералу, что-то шепчет ему на ухо.

Генерал (Солдату). Потом займусь!

Филипп. В чем дело?

Генерал. Привели перебежчика из армии гезов, ваше величество.

Филипп. Надо срочно допросить! Ступайте, генерал!

Генерал. Могу ли я менять общество вашей особы...

Филипп (перебивая). Дело прежде всего! Ступайте, генерал, а я пока поболтаю здесь с вашей очаровательной дочерью.

Генерал (жалобно). Супругой...

Филипп. Ну-ну, не будем спорить... Ступайте!

Генерал уходит, Филипп пододвигает к себе второе кресло.

Садитесь!

Анна. Считаю за честь стоять перед своим королем!

Филипп. Ну, будет, будет... А то вы вправду заставите меня поверить, что вы солдат... Садитесь! (Усаживает ее, кладет руку на плечо.) Господи, что с нами со всеми делает эта война! Даже хорошенькие женщины должны жертвовать собой, совершать ратные подвиги...

Анна. Ну, это выглядело все не так героически, ваше величество.

Филипп. Да я не про то... Я про ваше замужество! Выйти за такого облезлого старика... Вот подвиг! У него же, наверно, руки трясутся... (Обнимает ее.)

Анна (отстраняется). Не надо, ваше величество!

Филипп (раздосадованно). Ну вот... “Не надо”!.. Чуть что – сразу “не надо”!.. (Снова обнимает.) Ну что ты боишься, глупенькая?.. Ведь ты же смелая... Расскажи, как ты пристрелила двух разбойников, а?

Анна. У меня не было выхода, ваше величество, они пытались меня обнять!

Филипп (отпрянув). Дерзкая. Ты перечишь королю!

Анна. Простите меня, ваше величество, я верная слуга, я люблю своего короля...

Филипп. Так в чем же дело?

Анна...и королеву Марию!

Филипп (зло). Чудовище! Я ее ненавижу!.. Холодная жаба!.. (Жалобно.) Я несчастен в супружеской жизни, Анна... У меня нет к ней чувств. Ну

пожалей же меня... Я приказываю! (Снова обнял ее.) Ты обязана выполнять желания короля! Ты – солдат! Смирно!!

Вбежал Генерал.

Генерал. Ваше величество!

Филипп (сердито). Зачем вы вбежали?

Генерал. Перебежчик сообщил очень важные сведения! Я подумал...

Филипп (недовольно). Не вовремя подумали, генерал! (Успокоившись.) Ладно! Ведите перебежчика... (Садится в кресло.)

Солдаты вводят Рыбника.

Рыбник (поклонившись королю). Ваше высочество...

Генерал (поправляя)...”Ваше величество”... Перед тобой – король Испании.

Рыбник (упав на колени). Простите, ваше величество... Не узнал. Я видел ваше лицо только на деньгах, и то в профиль...

Филипп. Кто ты?

Рыбник. Торговец. Рыбник Иост Грейпстюнер из города Дамме.

Филипп. Фламандец?

Рыбник. К сожалению.

Филипп. Нехорошо стыдиться своей нации...

Рыбник. Моя нация погрязла в ереси и братоубийственных войнах... Мы плодим разбойников и бродяг. Могу ли я после этого гордиться своим происхождением?

Филипп. Ну, ну... Не буду настаивать. Так с какими известиями ты пришел к нам, рыбник?

Рыбник. Я пришел из расположения войск Оранского. Три дня назад корабли гезов подняли паруса и двинулись в устье Мааса, Шельды и

корабли гезов подняли паруса и двинулись в устье Мааса, Шельды и Зейдер-Зее. Они идут в море, ваше величество. Через несколько дней будут штурмовать Бриль.

Филипп. Этого надо было ожидать... Что еще?

Рыбник. Второе известие может показаться незначительным, но, уверяю вас, оно не менее важно, чем первое: в Бриль послан некий Тиль Уленшпигель...

Филипп. Шут?

Рыбник. Это очень опасный человек, ваше величество....

Филипп. Я и говорю: шут!!

Рыбник. Не исключено, что Оранский поручил ему подготовить встречу кораблей.

Филипп (Генералу). Уленшпигеля поймать и казнить!

Рыбник. Ваше величество, прошу поручить это мне.

Филипп (недовольно). Откуда такое рвение?

Рыбник. Он хитер и неуловим. Я же знаю его в лицо... Кроме того, у меня с ним свои счеты...

Филипп. А почему я должен тебе верить?! Может, ты вообще с ним заодно? Где доказательства?

Рыбник. Я убежденный католик, ваше величество. Это может подтвердить его преосвященство инквизитор. Я донес на отца Тиля, и его сожгли. Это подтвердит любой человек в Дамме. Семья Тиля скрыла деньги во время обыска, но я проник в дом и забрал их... (Лезет за пазуху, достает набитый кошелек.) Эта половина принадлежит королю, я принес ее вам! Меня пытались убить, я изгнан и проклят!.. Все! Других доказательств у меня нет.

Филипп. Этого достаточно... Хорошо! Поручаю тебе организовать арест Уленшпигеля!.. Возьми солдат, шпионов, осведомителей... Ну, ты лучше знаешь! Иди!

знаешь! Иди!

Рыбник. Благодарю вас, ваше величество.

Филипп (отшвырнул ногой кошелек). Деньги возьми себе.

Рыбник. Нет-нет, ваше величество... Это ваша часть!

Филипп (вдруг сорвался на крик). Прекратить торг!.. Здесь не базар! Пошел вон!!!

Рыбник поднимает кошелек, уходит.

Черт знает с кем приходится якшаться в этой войне!.. Враги – оборванцы, друзья – подонки!.. Что за нация? Действительно, их надо всех выжечь... Всех! Как это ни жестоко, но всех! Даже детей! Ибо если во Фландрии останется хоть один мальчик и одна девочка, то все начнется сначала... (Анне.) Не так ли, сударыня?!

Анна. Мне трудно судить, ваше величество, – я фламандка!

Филипп. Ах так?.. Вот откуда в вас эта нордическая жестокость, эта северная неприступность?.. Поздравляю вас, генерал! У вас засекречены не только пушки, но и супруга.

Генерал. Анна – истинная католичка, ваше величество! Душой она принадлежит Испании!

Филипп. Душой – Испании, а телом – вам... (Хохотнул, но сразу осекся.) Шутки у меня, однако... Совсем осолдафонился в этих походах... Прощайте! (Уходит, сопровождаемый Генералом.)

Оставшись одна, Анна выхватывает шпагу и несколько раз с ненавистью рубит воздух, потом неожиданно всхлипывает и садится на скамью. Все это наблюдает Тиль, появившийся в окне.

Тиль. Браво, сударыня! Так их...

Анна. Кто вы?

Тиль. Прохожий.

Анна. Что вам надо?

Тиль. Я ищу противоположную сторону улицы... Не скажете, где это?

Анна (показывает). Там.

Тиль. Странно. Я был там, мне сказали, что здесь... (Влезает в окно.)

Анна (выхватив пистолет). Ни с места!

Тиль. Осторожней, сударыня! Вы можете попасть в сердце, а оно принадлежит вам!

Анна. Считаю до трех: если вы не скажете, кто вы...

Тиль (перебивая). Влюбленный! Обыкновенный влюбленный – неужели это сразу не понятно? Вторую неделю я хожу за вами по городу, бегу за вашей каретой, брожу под вашим балконом. Почему вы не замечаете меня? Почему не отвечаете на мои письма?

Анна. Я не получала никаких писем!

Тиль. Неужели они не дошли? Странно... Я указал на конверте адрес: “Самой красивой женщине Бриля”... Наверное, это ошибка. Надо было писать: “Самой прекрасной женщине Фландрии”...

Анна. Не думайте, что я поддамся этой грубой лести!

Тиль. А вы попробуйте, сударыня. Это так приятно. Мы стали недоверчивы к словам друг друга и забываем, что некоторые из них – правда!.. Разве вы не допускаете, что из-за вас кто-то может потерять голову?.. Разве вы не достойны истинной любви?

Анна. Я этого не говорила. Но чем вы докажете, что вы тот, за кого себя выдаете?

Тиль. Да чем угодно! (Шагнул к ней.)

Анна. Ни с места! Доказывайте без рук!..

Тиль. Хорошо... Попробуем, хотя вы меня лишаете очень веского

аргумента... Я влюбился в вас с первого взгляда. Увидел на улице – и остолбенел...

Анна. С вами это часто бывает?

Тиль. Часто, сударыня. Но это не значит, что я ветреная натура. Правильней сказать – ищущая!.. Человек должен влюбляться много раз, чтоб полюбить всего одну женщину...

Анна (с иронией). И эта женщина – я?.. Господи, почему я слушаю весь этот бред? Почему не пристрелю вас или не выгоню?

Тиль. Потому что вам этого не хочется... Вам хочется, чтоб я остался и говорил... Можно бороться с этим желанием, но глупо... Мы проводим всю жизнь в борьбе... Боремся с врагами, боремся со стихией, – надо хоть с собой жить в мире...

Анна. Что вы хотите от меня?

Тиль. Что может хотеть влюбленный от любимой?.. Ничего. Только быть рядом, только видеть лицо, слышать голос... (Садится рядом.) Вот так... Говори, милая, говори...

Анна. Что?

Тиль. Ты забыла?.. Не может быть!.. Каждую ночь ты повторяешь эти слова... “Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...”

Анна (голосом Неле). Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя...

Тиль. “Мои глаза устали смотреть на дорогу...”

Анна. Мои глаза устали смотреть на дорогу...

Тиль. “Мое сердце сжалось в комочек...”

Анна. Мое сердце сжалось в комочек...

Тиль. “Когда ты придешь к своей Неле?”

Анна. Меня зовут Анной.

Тиль. Не спорь, милая, я лучше знаю...

Пауза.

Анна. Уже уходишь?

Тиль. Да. Мне пора. Светает...

Анна. Побудь еще немного...

Тиль. Не могу...

Анна. Ты вернешься?

Тиль. Нет. Не сердись.

Анна. Я это знала. Все равно я буду тебя ждать...

Тиль. Прощай...

Анна. Возьми карту. Ты ведь за ней приходил, Уленшпигель?

Тиль. Да... Наверное... Теперь уже не знаю. (Берет карту.) Все равно, все, что я говорил, – правда!

Анна. Конечно, милый... Иди!

Тиль уходит. Анна, задумавшись, сидит в кресле. Вбегает Рыбник.

Рыбник. Это Тиль. Я видел, как он перескочил через ограду. Он был здесь? (Анне.) Сударыня, я вас спрашиваю: он был здесь или нет?

Анна. Это и я хотела бы знать... (Уходит.)

Рыбник (выйдя на авансцену).

Итак, беглец бежал! Преследователь следом

помчаться должен по его следам,

чтобы догнать!

А может, лишь затем,

чтоб просто поменяться с ним ролями

и самому стать беглецом...

(Поморщился.) Плохие стихи, Иост! “Преследователь следом... по следам”... Чушь какая-то! Бог не дал тебе поэтического дара... (Поднял глаза к небу.) Ты вообще не щедр ко мне, Господь... Ты обделил меня талантом. И наделил разумом: я все понимаю и ничего не умею. Это несправедливо. Я служу Тебе верой и правдой, предаю огню твоих врагов, а Ты равнодушен к моим стараниям... Я устал, Боже! Не позволяй меня оскорблять! Никому! Даже королю! Я отдал Тебе все: дом, родину, друзей!.. Я прошу что-то взамен!.. Хоть одну улыбку... Иначе я не выдержу! Силы мои на исходе, и, если Ты проклял меня, я отвечу Тебе проклятьем! Будь проклят, Боже! (Упал на колени.) Прости меня, Боже, прости... Я сам не понимаю, что говорю... Не оставляй меня, Боже, прости... Не оставляй меня! Одиночества я не перенесу... (Тихо молится.) Затемнение.

Форт

Один из фортов гавани города Бриля.

На сцене – несколько испанских солдат и Капрал. Быстро входит офицер-наемник Ризенкрафт.

Капрал. Отряд, смирно! (Подходит к Ризенкрафту.) Господин Ризенкрафт, караульный отряд форпоста испанских войск на учение построен!

Ризенкрафт (недовольно оглядев строй). Швах! Зер швах! Это не есть отряд, это есть толпа...

Капрал. Так точно, господин офицер!

Появляется Тиль, он одет в форму солдата испанской армии.

Тиль. Господин капрал, разрешите встать в строй?!

Ризенкрафт (увидев Тиля). Это кто есть?

Капрал. Новенький, господин офицер! Сегодня утром назначен к нам в караул...

Ризенкрафт. Новенький... О майн готт! Это же... это...

Тиль (перебивая). Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Ризенкрафт. Я хочу им сказать, что ты служиль гезам!

Тиль. И вы служили гезам, не так ли?

Ризенкрафт (испуганно). Это была ошибка. Я изменяйт гезам...

Тиль. И я изменяйт гезам...

Ризенкрафт. Я теперь служу Испании...

Тиль. И я...

Ризенкрафт. Ты врешь!

Тиль. И ты врешь! (Зло.) Кончим этот базар, господин Ризенкрафт! Для нас обоих лучше помолчать... Иначе расстреляют, причем вас – раньше!.. Гут?

Ризенкрафт. Гут! Встать в строй...

Тиль встает в строй.

Отряд, начинайт учение! На месте шагом марш! Раз-два, раз-два...

Тиль. Господин капрал, разрешите обратиться к господину офицеру?

Капрал. Обращайтесь!

Тиль. Господин офицер, можно вас еще на минуточку? (Берет Ризенкрафта под руку, отводит в сторону.) Господин Ризенкрафт, меня это топтание на месте не устраивает.

Ризенкрафт. Что такой?!

Тиль. Нужно, чтоб вы увели солдат куда-нибудь подальше. Мне

Тиль. Нужно, чтоб вы увели солдат куда-нибудь подальше. Мне необходимо остаться здесь одному... Срочно!

Ризенкрафт (возмущенно). Ты мне приказывает?!

Тиль. Да! Если вам дорога ваша жизнь... Раз уж служите и нашим и вашим, то по крайней мере отрабатывайте свои деньги... (Крикнул.) Выполнять!

Ризенкрафт (щелкнул каблуками). Яволь! (Солдатам.) Отряд, направо! Бегом шагом марш!

Капрал. Господин офицер, мы не имеем права оставлять форт.

Ризенкрафт. Не рассуждайт.

Капрал. Господин офицер, это рубеж береговой охраны. Здесь...

Ризенкрафт (перебивая). Молчать! Вы – грязные вонючие испанцы... (Тилю.) Ты будешь охранять форпост! (Солдатам.) Вперед!

Отряд уходит.

О, это не есть война, это есть сумасшедший дом! (Уходит.)

Тиль встает на посту. Быстро входит Генерал де Люмес.

Генерал. Часовой!

Тиль. Я!

Генерал. Почему стоишь как пень? Почему не спрашиваешь пароль?

Тиль. Я вас и так узнал, ваше высочество!

Генерал. Все равно, ты обязан у каждого спрашивать пароль.

Тиль. Слушаюсь! (Поднял ружье.) Пароль?

Генерал (замешкался). Ну вот... Теперь я его забыл... Ладно, опусти ружье! Здесь не было посторонних?

Тиль. Кроме вас – никого!

Генерал. Я не посторонний, болван!

Тиль. Так точно. Вы – свой!

Генерал. Без тебя знаю... Где отряд?

Тиль. Ушел на строевые занятия.

Генерал. Ушел?.. Да они в своем уме?!

Тиль. Не могу знать! Господин Ризенкрафт увел их маршем вдоль берега.

Генерал. В такое время?.. Идиоты!.. Здесь передовая линия обороны, здесь подступ к Брилю... Черт знает что!.. Деревенские мужики!.. Я вынужден приглашать наемников, вынужден платить им золотом, а они занимаются муштрой в самый напряженный момент!.. Каждую минуту может начаться наступление... (Вгляделся в даль.) Что это там?

Тиль. Не могу знать!

Генерал. Там мелькнули тени... Это может быть авангард гезов!

Тиль. Сейчас проверим! (Кричит.) Эй, гезы! Это вы?.. Отзовись! Ау!

Генерал. Что ты орешь, идиот!.. Ну вот... Они скрылись.

Тиль. Стало быть, не гезы, ваше высочество. Иначе б они отозвались.

Генерал. Дурак! Откуда только в моей армии такие солдаты? Я тебя спрашиваю: ты откуда, кретин?

Тиль. Из Барселоны.

Генерал (вдруг подобрел). Ох черт, и я из Барселоны! Давно оттуда?

Тиль. Всего неделю, ваше высочество!

Генерал. Ну что там? Как?

Тиль. Там сейчас весна!

Генерал. Без тебя знаю! Раз здесь весна, значит, и там весна.

Тиль. Никак нет! Там другая весна!.. Каштаны цветут... Клубника первая пошла...

Генерал. Клубника?.. (Печально вздохнул.) Ах, Барселона, Барселона... Сколько лет я уж там не был, господи!.. Ну, расскажи, парень, что там?.. Как идет жизнь?

Тиль (несколько растерян). Да так, ваше высочество, все по-старому... Барселонцы гуляют... с барселонками... Дети бегают... барселончики...

Генерал (мечтательно). Да, да!.. А над памятником святого Франциска летают голуби...

Тиль. Летают, ваше высочество!.. А иногда даже садятся...

Генерал. Так, так... (Вздохнул.) А здесь все война, война... И нет ей конца. Какого черта нас занесло в эту северную страну, солдат?

Тиль. Не могу знать!

Генерал (печально). И я... (Стал сразу строгим.) Отставить разговоры! Ты охраняешь самый передовой рубеж нашей обороны! Здесь вход в гавань. Будь начеку!

Тиль. Так точно! Буду!

Генерал (грустно). Так, говоришь, клубника уже пошла?

Тиль. Полным ходом, ваше высочество!

Генерал. Ну, ну... Береги себя, дурачок! (Уходит.)

Тиль задумчиво смотрит ему вслед. Появляются несколько гезов. Один из них подкрадывается к Тилю, замахивается дубинкой.

Тиль (не оборачиваясь). Осторожней, друг! Проломишь голову, а потом будешь отвечать!

Гез. Тиль! Ребята, это Тиль!.. (Кричит.) Ваше высочество, здесь

Уленшпигель!

Быстро входит Оранский.

Тиль. Ваше высочество, комендант Бриля встречает вас на подступах к городу!

Оранский. Я представляю тебя к награде!

Тиль. Спасибо! Несколько бочек вина мне не повредят... (Достает карту.) Это карта береговой охраны, ваше высочество. Она поможет вам провести корабли в гавань...

Оранский. Ты их поведешь!

Тиль. Нет. Я вынужден вернуться в город... Мне надо найти Ламме!

Оранский. Черт с ним, с Ламме!

Тиль. Он мой друг!

Оранский. Глупо рисковать собой накануне победы...

Тиль. Глупо!.. Но он мой друг!

Один из гезов. Где ты его будешь искать ночью?.. Он, поди, пьет сейчас в каком-нибудь притоне...

Тиль. Ради друга я готов пойти даже туда...

Затемнение.

Притон

Заведение старухи Стивен. Несколько девушек с серебряными кружкГЎми на левом рукаве – знак их недостойного ремесла – поют песенку.

Песня девиц

Ах, для чего на рассвете

Есть на цветочках роса?

Есть на цветочках роса?

Ах, для чего нежной деве

Слезы туманят глаза?

Припев:

Стынет напрасно жаркая кровь,

Ах, для чего есть на свете любовь?

Пчелка росу собирает,

Милый целует в уста,

Пчелка к цветочку вернется,

Милый ко мне – никогда!

Припев:

Стынет напрасно жаркая кровь,

Ах, для чего есть на свете любовь?

Входят Рыбник и Стивен.

Рыбник. Приветствую вас, дочери Евы, служанки Амура, искусительницы рода человеческого!

Стивен (обращаясь к девицам и как бы переводя слова Рыбника на понятный им язык). Господин говорит: “Здорово, девочки!”

Рыбник. Король и святая инквизиция поручают вам важное и ответственное задание...

Стивен. “Будет работа”...

Рыбник. В городе появился опасный преступник, гез Тиль Уленшпигель.

Стивен. “Клиент”!

Рыбник. Он высок ростом...

Стивен. “Фитиль”.

Рыбник. Черноволос и привлекателен внешне.

Стивен. “Брюнет-симпомпончик”...

Рыбник. Его необходимо найти...

Стивен. “Надыбать”...

Рыбник. Обольстить...

Стивен. “Приклеить”...

Рыбник. Заманить сюда!

Стивен. “Прищемить”...

Рыбник. Остальное доделают мои люди...

Стивен. “Коты”...

Рыбник. Все ясно?

Одна из девиц. Какой навар?

Стивен (Рыбнику). Девочки интересуются наградой.

Рыбник. Триста флоринов!

Стивен (девицам). Сто монет!

Рыбник. Я же сказал – триста!

Стивен. А я поделила: сто – им, сто – мне, сто – вам.

Рыбник (печально). Вот я и сутенер. (Вновь обратился к небу.) Где предел, Боже?.. (Девицам.) Итак, за дело! Тащите всех подозрительных... Лучше поймать сто Уленшпигелей, чем пропустить одного! Вперед, дочери сатаны! Бог вам в помощь!

сатаны. Бог вам в помощь...

Девицы расходятся. Рыбник уходит. Появляется монах Корнелиус, он ведет за руку Калликен.

Калликен. Отпустите меня, святой отец. Лучше умереть...

Корнелиус. Это всегда успеешь, дочь моя... Не бойся! (Стивен.) Хозяйка, я привел к вам заблудшую овечку.

Стивен. Вижу! (Критически оглядывает Калликен.) Что-то последнее время у вас совсем никудышный товар.

Калликен. Я боюсь... Отпустите меня.

Корнелиус. Чтобы попасть в рай, дочь моя, надо пройти все тяготы мира... Эта – последняя... (Стивен.) Почему “никудышный”? Очень даже кудышный...

Стивен. Худа!

Корнелиус. На любителя...

Стивен. Сейчас любят полненьких...

Корнелиус. Мода так переменчива...

Стивен. Ладно. Сто флоринов дам.

Корнелиус. Побойся Бога! Пятьсот!

Стивен. Бога в наши дела путать нечего... Сто двадцать пять!

Корнелиус. Грех! Это цена корове, а не человеку... Четыреста...

Стивен. С коровой меньше хлопот: ни одевать, ни обувать, ни причесывать... Сто пятьдесят!

Корнелиус. Да ты посмотри на нее... У нее улыбка Мадонны. (Калликен.) Улыбнись, дочь моя...

Калликен (плача). Святой отец, я этого не вынесу...

Корнелиус. А голос? Нежный такой голос...

Стивен. Двести – точка!

Корнелиус. Ну накинь хоть полсотни!.. Она же латынь знает!

Стивен. Это нам без надобности... Двести! Или ведите ее в монастырь...

Корнелиус (со вздохом). Ладно. Договорились! (Калликен.) Дочь моя, теперь эта женщина – твоя госпожа. Служи ей верно, пройди путь Магдалины – и станешь святой... (Стивен.) Ты не обижай это дитя, Стивен.

Стивен. Хорошо. (Калликен, резко.) А ну, утри слезы, дура! Марш наверх! Переоденься, подмажься... Сейчас гости придут!

Калликен уходит.

Буду любить ее как родную дочь, святой отец!

Корнелиус. Вот и спасибо. Теперь моя душа спокойна... (Уходит.)

Открывается дверь, одна из девиц втаскивает упирающегося Ламме.

Девица. Ну пойдем, красавчик! Хоть на часок...

Ламме. Оставь меня, пожалуйста! Мне совсем это не нужно...

Девица. Здесь хорошо, здесь весело... (Стивен.) Хозяйка, уговори гостя остаться!

Стивен (тихо, Девице). На кой черт ты его привела? Сказано ж было: длинный, тощий, брюнет. А у этого все наоборот!

Девица (тихо). Похоже, что он из гезов... Он знает Тиля...

Стивен (тихо). Ладно, разберемся. (Ламме.) Не обижай нас, господин. Останься, повеселись...

Ламме. Не нужно мне это. Я женат!

Стивен. И на здоровье. Я тебя не венчаться зову... Мои девочки семей не

Стивен. И на здоровье. Я тебя не венчаться зову... Мои девочки семей не разбивают, это для нас святыня... Семью разбивают честные женщины – они в душу лезут и денег берут больше...

Ламме. Не нужны мне твои девочки! Я люблю только свою жену, и никого больше.

Стивен. Да что ж она за птица, жена твоя?

Ламме. Моя жена чудная... Нежная, стройная, белокурая... Такой второй нет на свете.

Стивен. Подберем!

Ламме. Замолчи, старая блудница!.. Не смей касаться святых вещей!

Стивен. Ну, хоть поесть-то ты у нас можешь?

Ламме. Поужинать можно... Пива выпью... Но больше – ничего!

Стивен. И на том спасибо. Проходи, пожалуйста... (Ведет его за ширму, усаживает за стол.) Вот тут уютно, никто не помешает... А девушку я тебе все-таки пришлю...

Ламме. Я сказал: не надо!

Стивен. Она входит в оплату ужина... Пришлю в твоем вкусе: стройную, белокурую...

Ламме. Мне все равно. Я ее и пальцем не трону!

Стивен. Это как знаешь! У каждого гостя свои причуды...

Стивен вышла из-за ширмы, навстречу ей Калликен. Она уже одета как все девицы заведения.

Новенькая, ступай к гостю! (Тихо.) Постарайся расколоть...

Калликен. Что?

Стивен. Разговори его, поняла? Узнай, кто он, откуда... Не из гезов ли?

Калликен. Я не сумею.

Стивен. Сумеешь!.. Да не дрожи как лист... Гости этого не любят! (Вталкивает ее за ширму.)

Ламме (увидев Калликен). Ты?! (Бросается к ней, осыпает ее поцелуями.)

Калликен беззвучно плачет.

Стивен прислушивается, с любопытством заглядывает за ширму, видит Ламме и Калликен в объятиях друг друга.

Стивен (усмехнувшись). Ну вот... А говорил: пальцем не трону!.. Все они одинаковы... Поначалу ворчат, а потом не выгонишь...

Вбегает Тиль.

Тиль (подошел к Ламме, тронул его за плечо). Послушай, друг!

Ламме (обрадованно). Ты! Как я рад, что ты пришел!

Тиль. Тихо! Мы в западне!

Ламме. Тиль, я встретил Калликен... Она здесь, жена моя в этом доме!..

Тиль. Нашел чему радоваться!.. Бежим!

Ламме. Она чиста, как прежде... Не смей думать о ней плохо!

Тиль. Я не думаю о ней плохо, я думаю, как не оставить ее вдовой. Очнись наконец!.. Этот притон – ловушка! Забирай Калликен, и бежим отсюда...

Калликен. Они нас не выпустят, Тиль! У выхода стоят солдаты...

Появляется Стивен, подходит к Тилю.

Стивен. Садитесь, господин. Сейчас вам принесут вина. Вам понравилась эта или позвать другую девушку?

Тиль. Другую. Вернее, других... Зови всех, старуха!

Стивен. Всех? Не надорвешься ли? Я боюсь за твою жизнь!

Стивен. Всех? Не надорвешься ли? Я боюсь за твою жизнь!

Тиль. Ничего. Из всех способов самоубийства этот самый приятный. Зови!

Стивен. Как знаешь... (Кричит.) Девушки! Идите к гостю. (Тихо, Калликен.) Это Уленшпигель! Не спускай с него глаз. Я приведу рыбника... (Уходит.)

Появляются девушки, обступают Тиля, скептически оглядывают его, хихикают.

Тиль. Женщины! Поговорим о возвышенных вещах...

Девушки. Фу! Болтун!.. Да это проповедник... А говорил – будет любовь...

Тиль. Любовь будет, но в свое время... Поговорим о душе... У вас есть заветная мечта?

Одна из девиц. Есть.

Тиль. Какая?

Девушка. Выспаться.

Тиль. Это несбыточная мечта! Поговорим о мечтах доступных... Вы бы хотели выйти замуж?

Девушка. Кто нас возьмет? Мы даром никому не нужны, только за деньги...

Тиль. Неправда! Несколько тысяч женихов пробиваются к вам с боями через всю Фландрию. Это гезы! Молодые, лихие, холостые... Они послали меня, чтобы предложить вам руку и сердце...

Одна из девиц. Не верьте ему – это шпион.

Тиль. Глупенькая, я – сват! Я пришел устроить вашу судьбу... Хватит работать на хозяйку! Поживем для себя!

Одна из девиц. Врет он все... Пусть докажет!

Тиль. Эх, женщины, вы совсем одичали в своем заведении и разучились верить людям... Ладно, сейчас вам докажу! (Указывает на Ламме.) Вот

верить людям... Ладно, сейчас вам докажу! (Указывает на Ламме.) Вот один из наших лихих парней! Он пришел к вам в заведение, ему приглянулась девушка, и... Ламме, ты готов взять ее в жены?

Ламме. Да!

Тиль (Калликен). Девочка, ты пойдешь замуж за этого красавца?

Калликен. Да!

Тиль. Одна судьба устроена... Кто следующий?

Девушки. Я!.. Я!.. Я!..

Тиль. Не ссорьтесь. Каждой подберем по вкусу... Непьющих, работящих, блондинов и брюнетов... Только есть еще одно дело. На рассвете ваши женихи пойдут в бой! Мы будем штурмовать Бриль!.. Многие могут сложить головы, если вы не поможете! Девушки, обидно овдоветь до свадьбы!

Девушка. Что нам делать? Говори!

Тиль. Если б каждая из вас заманила на ночь по одному испанскому офицеру из береговой охраны, кораблям гезов было б легче дойти до цели!

Одна из девиц. А что скажут нам наши мужья?

Тиль. Они простят этот последний грех! И потом, любовь с врагом – это не любовь! Это месть!

Девушки. Согласны!

Тиль. Тогда вперед, новобранцы!

Распахиваются двери, вбегают солдаты, Стивен, Рыбник.

Рыбник. Остановись, Тиль! Ты окружен!

Тиль. Опять ты? Эх, жаль, я тогда тебя не прибил, рыбник... (Выхватил шпагу.)

Одна из девиц. Тиль, беги к окну! Там есть потайной ход!..

Тиль валит лавки, столы, отбивается от солдат. Девушки помогают ему. Тиль вскакивает на подоконник. В этот момент Рыбник подбегает к Калликен, приставляет ей к горлу нож.

Рыбник. Тиль! Смотри!

Все замерли.

Еще одно движение – и я перережу этой девке горло... Клянусь, я это сделаю! Тиль, хватит спасать себя, спаси чужую душу...

Калликен. Беги, Тиль! Не надо жалеть меня...

Ламме. Не трогайте ее! (Бросается к Калликен, его хватают солдаты.)

Рыбник. Я воткну нож, Тиль!

Тиль. Твои условия?

Рыбник. Ты останешься – она уходит.

Тиль. Нет! Я остаюсь – они все свободны!

Рыбник. Согласен!

Ламме. Ни за что! Лучше всем умереть!

Тиль. Всем умирать глупо, Ламме... Десять жизней – столько за меня еще никогда не давали!.. Уходите!.. (Закричал.) Уходите, черт бы вас побрал!

Все расходятся. Тиль бросает шпагу.

В атаку, солдаты!

Солдаты хватают его, связывают.

Рыбник. Все, мальчик! Теперь это действительно конец!

Тиль. Тогда почему ты так дрожишь, рыбник?

Затемнение

Затемнение.

Ночь перед казнью

Тюремная камера, в которую заточен Тиль. Решетка. Полумрак. Тишина.

Тиль (прошелся по камере, попробовал прутья решетки на прочность, крикнул кому-то в темноту). Эй! Отзовись! Эй, солдат!

Голос из-за кулис: “Со смертниками запрещено разговаривать”.

Тиль. Почему?.. Эй!.. (Прислушался.) Молчишь? Зря! Потом захочешь поболтать со мной, ан будет поздно... Ну, не хочешь – не надо... (Тихо запел.) “Ой, Тили-тили Тиль – будем петь и веселиться, ой, Тили-тили Тиль...”

Голос из-за кулис: “Петь запрещено!”

Что за черт, все запрещено... А думать можно? Эй, солдат, думать можно?

Голос из-за кулис: “Не знаю”.

Ну, сходи у начальства выясни!.. (Сел, задумался. В его воображении возникает Клаас.) Здравствуй, отец!

Клаас. Я пришел проводить тебя.

Тиль. Ты хочешь сказать – встретить?

Клаас. Я говорю то, что говорю... Я пришел проститься...

Тиль. Не валяй дурака! Мы скоро свидимся... Иди приготовь мне на небе облачко помягче...

Клаас. Тиль, у меня для тебя плохие новости: там ничего нет!.. Ни рая, ни ада... Ничего! Одно пространство и тишина.

Тиль. Не дури!.. Что-то должно же быть... Ты, поди, не разглядел спьяну-то?

Клаас. Я не шучу... Оказывается, сынок, мы живем только тут, на земле. И при жизни, и после смерти... И я жил только в твоей памяти. Не станет тебя

при жизни, и после смерти... Я жил только в твоей памяти. Не станет тебя – не станет и меня... Поэтому давай прощаться!

Тиль. К чему ты клонишь?.. Ты пришел меня проверить: не начну ли я цепляться за жизнь?.. Думал, стану кататься по полу и выть по-собачьи?..

Клаас. Только попробуй!

Тиль. Ах старый плут!.. Неужели ты во мне сомневался? Да я без тебя знаю, что там ничего нет. Если б на том свете было лучше, чем на этом, здесь никого бы не осталось!.. Так что зря волнуешься: я знаю, на что иду!

Клаас. Послушай, Тиль, я пришел не за тем, чтоб сломать твою волю, но... Как тебе это объяснить? Ерунда получается: я сгорел – думал, у тебя жизнь по-иному сложится... А у тебя то же самое! И конца этому не видно... И мы все умираем, умираем... А умирать-то – самое последнее дело...

В воображении Тиля возникает король Филипп.

Филипп. Старик прав!

Тиль. Я не звал вас, ваше величество...

Филипп. Но ты подумал обо мне?

Тиль. В такие минуты в голову всегда лезет всякая ерунда!..

Филипп. Да послушай, Тиль, послушай... Не спеши перебивать! Ты идешь на плаху без тени сомнения и наивно полагаешь, что в этом есть какой-то смысл... А вдруг смысл – только в твоей дальнейшей жизни?.. Ты художник, ты мог бы написать удивительные полотна, которые, возможно, прославили б тебя на века... Сопоставь! Взвесь!.. Что ценнее для человечества: художник Уленшпигель или безвестный шут, казненный в эпоху Филиппа Второго?..

Тиль (нетерпеливо). Ваше величество...

Филипп. Погоди! Дослушай до конца... Ты мстишь мне за убитых соотечественников, за сожженные дома... Но подумай: а вдруг это все – естество? Ты же не испытываешь ненависти к землетрясению или к извергающейся лаве вулкана? При этом тоже гибнут люди... Ну и что? Природа, уничтожая, обновляется... Короли – тоже порождение природы

Природа, уничтожая, обновляется... Короли – тоже порождение природы... За что ж ты ненавидишь меня? И вообще, что ты знаешь обо мне?.. О моих мыслях? О моих бессонных ночах? О моих страданиях?.. Почему нам не попытаться понять друг друга?

Тиль. Потому что это невозможно!

Филипп. Но почему?!

Тиль. Потому что на сто ваших вопросов я задам сто своих!.. Что нам делать с пеплом отца, ваше величество? Что нам делать с десятью тысячами гугенотов, убитых в Варфоломеевскую ночь? Что нам делать с тем ребенком, который родился в ту ночь и не был еще ни католиком, ни гугенотом, но которого сожгли за компанию?! Пока вы не ответите на мои вопросы, я не стану думать над вашими! И плевать мне, что вы – порождение природы. Я и природу ненавижу, когда она сеет смерть... Когда-нибудь я и с вулканами рассчитаюсь, пока просто руки не доходят!.. Так что не ищите во мне сочувствия, ваше величество!.. Ступайте отсюда! Бог подаст!..

Филипп уходит.

Клаас. Здорово ты ему вмазал!

Тиль. Нет, отец, плохо... Я не сказал и трети того, что должен... Слова! Не могу отыскать слова...

Клаас. Нет, лихо... Я-то вообще так не могу... Я, бывало, чуть что: раз – в морду! И весь спор!

Тиль. Сейчас другое время, отец. Сейчас надо бить не в морду, а в мозги! А для этого нужны слова...

Клаас. Ну, тогда скажи что-нибудь и мне на прощанье...

Тиль. Хорошо... (Пауза.) Помолчим.

Клаас. Помолчим. Ты не беспокойся обо мне, сынок. Меня уж нет.

Клаас уходит. Его место в воображении Тиля занимает Неле. Впрочем, это пока не Неле – это Блондинка, с которой Тиль встречался когда-то.

Тиль. Здравствуй, Неле!

Неле-Блондинка. Чего ж ты наврал-то? Сказал – скоро вернусь, а сам не вернулся. А я как дура жду, жду...

Тиль. Я шел к тебе, милая, но на дорогах столько войны.

Неле-Блондинка. А я жду, жду... Говорил, будто Папа про меня рассказывал, говорил, будто снюсь я тебе...

Тиль. Все правда.

Неле-Блондинка. Сватать меня приходили. Я думала – это ты, а как согласилась – вижу, что нет... И вот все жду, жду...

Блондинка исчезает. Ее место занимает Анна.

Неле-Анна. Тиль, ты нашел противоположную сторону улицы?

Тиль. Нет. Все ищу...

Неле-Анн. И я ищу... Я убежала из дому, Тиль... Обегала весь город, все противоположные стороны улиц, всю Фландрию.

Анна исчезает. Теперь Неле – это Неле.

Тиль. Ну наконец мы встретились, Неле!

Неле (зло). Наконец!.. Всегда так!.. Даже в твоих мыслях я занимаю последнее место!

Тиль. Неправда, Неле! Ты всегда на первом месте, просто моя голова поставлена задом наперед!.. Слушай, Неле, мне надо сказать тебе одну очень важную вещь: я очень люблю тебя!.. Сто раз я говорил тебе эти слова, но оказалось, что так оно и есть на самом деле... Вот ведь какая интересная штука!.. Ты мне веришь?

Неле. Верю. Но только у нас все нескладно получается... То я тебя все жду-жду, то бегаю за тобой по всей Фландрии...

Тиль. Конечно, нескладно. Но почему у нас должно быть все складно? Чем

мы хуже других?..

Неле. Тиль, милый Тиль, я так давно жду тебя... Мои глаза устали смотреть на дорогу... Мое сердце сжалось в комочек... Пойдем домой, Тиль!

Тиль. Да. Да. Сейчас!

Неле. Опять ты обманываешь?

Слышен лязг открываемых дверей.

Тиль. Нет. Правда! Сейчас, только... тут у меня одно небольшое дело... Но это недолго!.. Прощай!

Неле исчезает. В камеру входит Палач.

Палач. Я пришел за тобой. Молись, парень.

Тиль. Ни к чему! Господь Бог не понимает по-фламандски.

Палач. Ну, как знаешь...

Тиль. Что решил трибунал: плаха или петля?

Палач. Костер!

Тиль. Ну что ж... Эта дорожка протоптана для меня отцом. Пошли!

Палач (достал повязку). Дай завяжу тебе глаза.

Тиль. Это несправедливо. Я тоже хочу посмотреть на свою казнь!

Палач. Не положено! (Подходит к Тилю, вглядывается ему в лицо.) Черт возьми, да это ж сын Клааса!.. Здорово, Тиль! Я тебя в темноте и не признал... (Снял с себя маску.) Узнаешь? Это ж я – палач из Дамме!

Тиль. Да узнал я, узнал. Не ори!

Палач (радостно). Вот так встреча!.. А меня сегодня вызывают, говорят: будешь казнить геза. Ну, мне что: геза так геза!.. А это наш Тиль. Во дела!.. Здорово, друг, очень рад встрече!

Тиль. Я тоже!

Палач. А я слышу в темноте – голос знакомый... Чей, думаю? А это ты! Вот!.. (Задумался.)

Тиль. Давно ты здесь служишь?

Палач. Нет. Всего третий день... Знаешь, Тиль, как я отца твоего проводил, у меня вся жизнь поломалась... Ушел я из Дамме. Всю семью забрал и пошел... Чувствую, не могу больше людей губить... На сенокосе работал, грузчиком нанимался... пастухом... Только на это как сейчас проживешь?.. У меня ж трое детей, Тиль!.. Старшему семь лет... Выпьем, Тиль, а? (Достал флягу.) За твою удачу! (Отхлебнул.) Тиль. Спасибо! Чтоб и тебе так повезло!

Палач (продолжая рассказ). Ну вот. Помыкался я, помыкался – и не удержался... Прихожу в Бриль, узнаю: испанцам экзекутор требуется... Я и знать-то не знал, что это есть – “экзекутор”... Думал, по столярной части... А это опять, стало быть, палач... Ну, черт с вами, думаю, подработаю малость, подкоплю деньжонок, и все! Уйду на волю!..

Тиль. Сколько ж за меня дадут?

Палач. Две сотни!

Тиль. Нормально! По сегодняшним ценам даже хорошо... Шубу жене справишь...

Палач (отхлебнул из фляги). Перебьется. Я, Тиль, решил дом строить. Чтоб настоящий сруб и крыша из черепицы.

Тиль. На дом меня не хватит. Надо еще человек десять: черепица нынче дорогая...

Палач. Дорогая!.. (Отхлебнул, задумался.) “Экзекутор”! Вишь, слово какое, сволочи, придумали... Эх, Тиль, мне особо тошно, что я испанцам служу... Когда на своих работал – еще ничего, но на испанцев – это уж совсем паскудно получается... (Потянулся к фляге.) Тиль (останавливая). Хватит! Уж и так нализался... Не доведешь меня до места.

Палач. Ничего... Я теперь трезвым на эшафот не выхожу...

Палач. Ничего... Я теперь трезвым на эшафот не выхожу.

Тиль. Ну, как знаешь... Пошли! На рассвете гезы ворвутся в город... Не успеешь на черепицу заработать.

Палач. Издеваешься?

Тиль. А что ж, плакать над тобой, что ли?..

Палач. Знаешь, Тиль, я бы сам к гезам подался, но, боюсь, не поймут и повесят...

Тиль. Вполне может быть!

Палач. Не то обидно, что повесят, а то, что не выслушают! А я, может, вам сочувствующий?.. Вот вы испанцев разбили, они грустят – а мне весело... Я вообще иногда веселый бываю... Такие шутки отчубучу – ты ахнешь!.. Вот тут как-то нарядился испанкой... серьгу надел... и одному солдату говорю: иди сюда! Иди!.. Он подошел, а я его кастаньетами по носу! (Хохочет.) Вот я какой бываю!.. Слушай, а хочешь, мы их всех надуем?.. (Срывает с себя одежду палача.) Сейчас ты помрешь со смеху, чего я придумал... Дай мне твой колпак... Дай, не бойся... (Надевает шутовской колпак Тиля.) Во!.. Теперь я – вроде ты! (Смеется.) А ты оденься в мое... И пойдем!.. Они-то подумают; что тебя казнят; а на самом деле – не тебя... Вот смеху-то!..

Шум. В глубине сцены появляется Рыбник. В его руке пистолет.

Рыбник. Гезы в городе! Тиль, тебе опять повезло!.. Радуйся! (Стреляет Палачу в спину.) Все! Я привел приговор в исполнение!

Палач (Тилю). Во, один дурак уже перепутал! (Падает.) За что я люблю тебя, Тиль, – с тобой всегда весело! (Умирает.)

Рыбник (подбежал к Палачу). Я выполнил Божью волю: Тиль Уленшпигель мертв!

Тиль. Тиль Уленшпигель жив!

Рыбник (в отчаянии). Этого не может быть!

Тиль. Во Фландрии все может быть!

Рыбник в упор стреляет в Тиля. Тиль, невредимый, идет к выходу.

Ну вот... Ты опять мне не веришь...

Рыбник снова стреляет в Тиля. Тиль невредим.

Ой, как тебе не везет, рыбник... Ты бездарный человек. Даже на убийство у тебя нет таланта. (Уходит.)

Рыбник. Ты опять посмеялся надо мной, Боже?! Мне подложили холостые патроны... (Стреляет в себя.) Нет! Настоящие... Извини... (Умирает.)

Эпилог

На пустой сцене сидят Тиль и Ламме, задумчиво смотрят в зал.

Ламме. Тиль, не молчи... Говори про что-нибудь, а?..

Тиль. Про что?

Ламме. Про что хочешь!.. Слова какие-нибудь говори... А то, когда ты молчишь, мне не по себе... Ерунда всякая в голову лезет.

Тиль. Живой я, Ламме, живой! Сколько повторять?

Ламме. Так я понимаю, а все-таки... Ведь ты лежал. Когда мы ворвались в тюрьму, ты лежал...

Тиль. Ну, лежал...

Ламме. Зачем?

Тиль. Стреляли кругом... Чего стоять-то?

Ламме. Я к тебе нагнулся, а ты не дышишь!

Тиль. Это я пошутил.

Ламме. Шутки у тебя, Тиль, какие-то безвкусные!.. Раньше, бывало, на осла задом наперед сядешь или, помнишь, на базаре пел “Не помещается в седле его большая шея!”... Это да! Это всем на радость. А тут вдруг

лежишь... Над тобой – знамена. Оранский речь говорит, а ты и не шелохнешься...

Тиль. Заслушался. Ведь так красиво говорил: “Тиль – дух Фландрии. Великий гез Уленшпигель!”...

Ламме. Это конечно... Такое про себя послушать каждому приятно... Ну а потом?..

Тиль. Что потом?

Ламме. Зачем потом тебя плащом накрыли?

Тиль. Холодно было...

Ламме. Ну а на похороны ты зачем согласился?

Тиль. Ребята упросили... Поминки все-таки... Оранский шесть бочек вина выставил... Не пропадать же добру?

Ламме. Это конечно... Погуляли хорошо... (Сердито.) И все-таки зря! Теперь расхлебывай!.. Ведь многие и вправду думают, что тебя нет. Памятник, говорят, тебе решили ставить... Только не знаю где. Одни говорят – в Амстердаме, другие – в Бриле, а третьи – вот тут, на дороге... Очевидцы все спорят, где ты почил... Ты сам-то кому отдаешь предпочтение?

Тиль. Я лично за Амстердам.

Ламме. И я... Уж соглашаться – так на столицу... (Сердито.) Кончай дурить, Тиль! Давай объявись!.. В магистрат, что ль, сходим или просто на площадь. Выйди, крикни: “Вот он я!” Должны ж поверить, не слепые ведь...

Тиль. Оно конечно... Но тоже, с другой стороны, – зачем людей беспокоить? Все уже свыклись с мыслью, что меня нет... Не время сейчас, Ламме!

Ламме. Вот упрямый! Ну, как хочешь... Только со мной не молчи! Говори про что-нибудь!..

Тиль. Хватит говорить. Скоро люди соберутся, а у нас ничего не готово... Давай дело делать!..

Вдвоем они поднимают большой деревянный крест, устанавливают посреди сцены.

Ламме. Вот так... Ничего!.. Эх, табличку бы надо... “Здесь покоится прах духа Фландрии...” Нет! “Дух праха...” Фу, запутался!

Тиль. Да ну их, таблички... (Вешает на крест свой шутовской колпак.) Так понятней будет!

Один за другим появляются друзья, соратники, родные Тиля, печально рассаживаются вокруг креста, склоняют головы.

Ламме. Тиль! А может, пора объявиться?! Ведь все собрались... Самое время!

Тиль. Еще не время, Ламме. Мое время придет... Знаешь, Ламме, когда мир и покой, когда все хорошо, я, может, и не очень нужен. А вот случись в доме беда, когда опасность... тут я объявлюсь! Тут я уж точно объявлюсь!.. (Тихо запел.)

А вот и где

мои слуги, моя свита, пажи, стражи, кони, герцогини?

Ты не бойся: люди услышат! Не глухие же!.. (Громко запел.)

Ой, тили-тили Тиль – будем петь и веселиться!

Ой, тили-тили Тиль – по ком плачет виселица!..

Занавес

Дом, который построил Свифт

Театральная фантазия в двух частях

Действующие лица

Джонатан Свифт

Джонатан Свифт.

Доктор Ричард Симпсон.

Эстэр Джонсон – сестра милосердия.

Ванесса Ваномри – сестра милосердия.

Патрик – дворецкий.

Судья Бигс.

Губернатор.

Епископ.

Первый лилипут.

Второй лилипут.

Великан Глюм.

Некто.

Лапутянин.

Рыжий констебль.

Черный констебль.

Горожане, актеры, члены Опекунского совета, шут, музыканты.

Время и место действия: 1745 год, Дублин.

Дом, который построил Свифт

Распределяя работу своего мозга, я счел наиболее правильным сделать господином вымысел, а методу и рассудку поручить обязанности лакеев. Основанием для такого распределения была одна подмеченная у меня особенность: я часто испытываю искушение быть остроумным, когда уже не в силах быть ни благоразумным, ни здравомыслящим...

Джонатан Свифт

Пролог

Дублин. Площадь перед собором Святого Патрика. Печальный перезвон колоколов... Несколько горожан остановились, опустили головы, мужчины сняли шляпы. Из кареты выглянул молодой человек в дорожном костюме. Это Доктор Симпсон.

Доктор.

Эй, господа, скажите, что случилось?

По ком вдруг колокол печально зазвонил?

Кто умер?

Первый горожанин. Умер Свифт.

Доктор. Кто?

Второй горожанин.

Мистер Свифт. Декан собора

Святого Патрика...

Первый горожанин (печально).

Заступник наш и добрый покровитель

Обиженных, убогих и несчастных...

Доктор. Как жаль... Когда случилось это?

Первый горожанин. Сегодня, как обычно, в пять часов...

Доктор (вздрогнул). Что значит “как обычно”?

Первый горожанин. Как обычно...

Доктор. Ты думаешь, болван, что говоришь?!

Доктор. Ты думаешь, болван, что говоришь?!

Горожанка.

Ах, сударь, вы издалека, наверное?

Не знаете характера декана.

Он очень пунктуальный человек,

Во всем порядок любит, аккуратность,

И если переходит в мир иной,

То ровно в пять, хоть проверяй часы...

Доктор. Так жив он?

Первый горожанин. Кто?

Доктор. Декан!

Первый горожанин. Как “жив”, когда вам говорят, что умер.

Горожанка.

Уж и в газетах было извещенье,

И колокол собора затрезвонил...

Первый горожанин. Да вот он сам идет.

Доктор. Кто?!!

Первый горожанин. Свифт. Хоть у него спросите...

Молча проходит Свифт. На нем черная сутана с белым пятном четырехугольного жабо – традиционное одеяние служителей англиканской церкви.

Доктор. Простите, мистер Свифт!

Свифт остановился.

Я – доктор Симпсон. К вам сюда приехал из Лондона... По просьбе Опекунского совета... Чтоб, оказав вам помощь и леченье, избавить от душевного недуга... И вдруг мне эти люди говорят, что вы... простите... умерли...

Свифт молча кивнул.

Забавно! Но, извините, сэр, все это бред! Навязчивая, глупая идея, которую мы мигом излечим, коль вы в леченье будете послушны... Вы слышите, о чем я говорю?

Свифт молча пошел прочь.

Ответьте, сэр! Скажите мне хоть слово...

Свифт уходит.

Первый горожанин (усмехнулся). Ну, доктор, вы неверящий Фома!

Горожанка.

Уж и в газетах было извещенье,

И колокол трезвонит целый час,

А вы хотите говорить с покойным...

Доктор (теряя терпение). Послушайте, кто вы такие?

Первый горожанин. Мы?!

Второй горожанин. Мы – гости сэра Свифта!

Горожанка.

Нас в дом его любезно пригласили,

Чтоб вместе с ним его же помянуть...

Доктор (усмехнулся). Ах вот как? Значит, вы безумны тоже?

Горожанка. Конечно, сударь. Вы-то разве нет?

Горожане с интересом разглядывают Доктора.

Доктор (отшатнулся). Подите прочь! (Прыгнул в карету.)

Карета отъехала. Горожане проводили ее недоуменными взглядами.

Первый горожанин. Какой-то странный доктор...

Все засмеялись. Звук колокола усиливается.

Часть первая

1. Гости дома Свифта

Звон разбитого стекла. Камень, брошенный с улицы, влетел в одну из зал большого дома Джонатана Свифта. Множество окон и дверей, в глубине – крутая лестница, уходящая куда-то вверх. Появился дворецкий Патрик, человек средних лет, с бесстрастным лицом, стал сметать разбитое стекло. Следом в залу вошла сестра милосердия и домоправительница мисс Ванесса. Подошла к бюро, достала журнал.

Ванесса (записывая). “Пятое октября. В доме Джонатана Свифта разбито оконное стекло...”

Патрик (мрачно). Осмелюсь добавить – четвертое за неделю...

Ванесса (записывая). “...Четвертое за неделю”... Честно говоря, Патрик, после воскресной проповеди декан ожидал большего успеха... И камень мелковат...

Патрик (поднимая камень). Смею не согласиться, мисс Ванесса. Дня меня этого булыжника вполне достаточно... (Убрал камень в сундучок.)

Ванесса. В доме много гостей?

Патрик. Как обычно, мисс Ванесса.

Ванесса. Кто именно?

Патрик. Я не всех знаю... Великан Глюм... Какие-то люди с летающего острова... Лошади...

Ванесса (поправляя). Гуингнмы, Патрик. Я же объясняла...

Патрик. Извините, гуингнмы... Потом этот... который живет вечно...

Ванесса. Мистер Некто?..

Патрик. Да. И лилипуты, мисс... Под ногами все время шмыгают лилипуты... Мешают работать...

Ванесса. Направляйте всех в сад. Я хочу, чтобы мистер Свифт мог спокойно здесь выпить чай...

Патрик. Я объясняю, но разве они слушают... В окна заглядывают, в двери лезут... И лилипуты, мисс, все время шмыгают лилипуты... У лакеев тоже есть нервы!

Ванесса. Я это помню! Особенно когда плачу вам жалованье...

Ванесса уходит. Патрик готовит чай: выкатил столик, зажег спиртовку. В одной из дверей появляется печальная фигура, одетая довольно странно – английский котелок, сюртук, внизу что-то среднее между юбкой и туникой. На ногах обувь, напоминающая древнегреческие сандалии. Это мистер Некто.

Некто. Добрый вечер, Патрик.

Патрик. Добрый вечер, сэр. Всех просили спуститься в сад...

Некто. А может быть, сейчас утро?

Патрик. Вполне может быть, сэр. Просили спуститься...

Некто. Тогда – доброе утро!

Патрик. Доброе утро, сэр. (Пытается его выпроводить.)

Некто (упираясь). А число? Какое число?

Патрик. Пятое октября.

Некто. А год?

Патрик (теряя терпение). Вы спрашивали об этом уже утром!

Некто. Да?.. Не помню. А утром какой был год?

Патрик. Тысяча семьсот сорок пятый!

Некто. До Рождества или после?

Патрик, явно потеряв терпение, подошел к Некто, вытолкнул его в одну из дверей. Через секунду Нектопоявился из другой двери. В третью дверь сильно постучали. Патрик открыл дверь и увидел два огромных башмака. Патрик поднял голову, обращаясь к невидимому хозяину башмаков.

Патрик. Мистер Глюм, вас просили не приходить сюда! Тем более в грязной обуви. Пройдите в сад... Что?.. Что? Не слышу! Нагнитесь... Я вас прошу... (Обращаясь к Некто.) Может быть, хоть один раз он стукнется головой... (Снова обращается наверх.) Нет! Не прискакивал ваш Ланцелот! (Кричит.) Рыцарь Ланцелот не прискакивал! Не при-ска... Нет, сэр, я не буду бегать к вам за каждым словом на третий этаж!..

Некто. Ланцелот?.. Он сказал – Ланцелот? Откуда Ланцелот? Разве мы в Средневековье?

Патрик (отмахиваясь). Вполне может быть! (Старается закрыть дверь, огромный башмак ему мешает.) Уберите ногу, сэр!!

В открытое окно просунулся странный человек в кожаном пальто. Это Лапутянин.

Лапутянин. Остров в районе Манчестера... Он приближается к нам!

Патрик. Какой остров?

Лапутянин. Летающий...

Патрик. Извините, сэр, мне это неинтересно! (Захлопывает окно.)

Некто (Патрику). Не сердитесь на меня, господин дворецкий. Я всего лишь пытаюсь сориентироваться во времени. Когда человек живет на земле вечно, как я, время спрессовывается в голове и года наслаиваются друг на друга. Иногда я просто не могу понять, в каком я тысячелетии... Где мы сейчас, Патрик?

Патрик (стараясь сдержать гнев). Сэр, я разливаю чай! Нельзя приставать с такими идиотскими вопросами к людям, у которых в руках кипяток...

Некто. С кем же мне поговорить?

Патрик (взял Некто за руку, подошел к окну). Видите – растет дуб?.. Вон тот, огромный... Прекрасный собеседник для вас: ему тоже лет пятьсот...

Некто. Уже пятьсот? Боже! Я ведь помню его еще желудем...

Патрик уронил чайник. В окне появились смеющиеся физиономии горожан.

Патрик (сдерживаясь). Вы добились своего, сэр. Чай испорчен!..

Взял Некто за шиворот, вытолкнул его в дверь. Однако дверь вновь открылась, вошел Доктор Симпсон, в дорожном костюме, с чемоданчиком руках.

Доктор. Добрый день! Я – доктор...

Патрик, сжав кулаки, надвигается на него.

Патрик. Извините, сэр, но на вас у меня вежливости не осталось. (Заорал.) В сад!!

Доктор (растерянно). Я – доктор Симпсон...

Патрик. Всем в сад!!! И если я увижу еще хоть одного мерзавца... (Тут до него доходит смысл слов.) Простите, сэр, как, вы сказали, вас зовут?

Доктор. Доктор Симпсон. Психиатр...

Патрик. О, простите, доктор. Очень рад. Меня предупредили, что вы должны приехать...

Доктор. И поэтому вы меня толкнули в грудь?

Патрик. Еще раз простите, сэр. Но у лакеев есть нервы... То, что здесь происходит...

Доктор. А что здесь происходит?..

Патрик. Сумасшедший дом! Обыкновенный сумасшедший дом!

Доктор (глядя в окно). Я бы этого с уверенностью не сказал... Я работал в подобных заведениях, однако у вас все выглядит как-то иначе... Эти люди не похожи на больных!

Патрик (обрадованно). И у меня такое же подозрение! Жулики, сэр! Жулики и проходимцы!

Доктор. Зачем же вы их пускаете?

Патрик. Таков приказ декана, его последняя воля... Видите ли, сэр, когда наш дорогой хозяин в первый раз умер, он огласил завещание: дом и все средства передаются в пользу безумных!! Слыханное ли дело?.. Вы понимаете, что началось в Ирландии?.. Со всей страны сюда двинулись дармоеды! И великаны, и гуингнмы, и... летающие острова... И самое страшное – лилипуты...

Доктор (с интересом взглянув на Патрика). Кто?

Патрик. Лилипуты, сэр! По всему дому шмыгают лилипуты... Шмыг-шмыг... Мы ходим как цапли по болоту, боимся наступить... А ведь и у лакеев есть нервы...

Доктор. Успокойтесь, Патрик. Я постараюсь навести здесь порядок.

Патрик (печально глядя на Доктора). Сколько вам лет, сэр?

Доктор. Тридцать. Какое это имеет значение?

Патрик (печально). Предыдущему доктору тоже было тридцать. Ушел от нас – семидесяти... А проработал всего неделю...

Раздался звук колокольчика. В глубине залы показались Свифт и сестра

Ванесса.

Прикажете доложить?

Доктор. Нет. Я бы хотел сначала понаблюдать со стороны...

Патрик. Но мне приказано доложить немедленно, как только появится доктор...

Доктор подошел к Патрику, что-то шепнул ему на ухо. Патрик по-военному щелкнул каблуками.

Браво, сэр! Такой человек был здесь необходим!

Поднял поднос с чаем, пошел навстречу Свифту и Ванессе.

Прошу вас, хозяин!.. Чай готов!..

Доктор прячется за книжным шкафом. Свифт садится за стол. Патрик повязывает ему салфетку. Лицо Свифта безучастно.

Ванесса (оглядываясь). Доктор еще не появлялся?

Патрик. Появлялся, мисс Ванесса. (Заметив недовольный взгляд Ванессы.) Я хотел доложить, но доктор не позволил. Он сказал, что вначале хочет здесь осмотреться...

Ванесса (недовольно). Что это значит, Патрик? Вы обязаны выполнять мои распоряжения.

Патрик. Я объяснял это доктору, мисс. Но он сказал, что в присутствии доктора распоряжения медсестры теряют силу...

Ванесса. Вот даже как?.. Интересно... А как вы его вообще нашли, Патрик? Вам не показалось, что у нового доктора глуповатое лицо?

Патрик (растерян). Я бы этого не сказал...

Ванесса. Глуповатое и самодовольное. Во всяком случае, так говорят все, кто его видел... Вот и у декана такое же мнение. Не правда ли, ваше преподобие?

Свифт безучастен.

Совершенно с вами согласна... Впрочем, раз эта кандидатура одобрена Опекунским советом и губернатором, от нее многого ждать не приходится... Не правда ли, господин декан?

Свифт безучастен.

Очень остроумно подметили, сэр... Очень... (Улыбается.) И в этом я с вами согласна!..

Патрик (нарочито громко). Осмелюсь заметить, господин декан, что лично на меня новый доктор произвел хорошее впечатление. Уверенный взгляд, волевое лицо... Надеюсь, и слух хороший...

Ванесса (сухо). Мы учтем ваше мнение, Патрик. Ступайте!

Патрик. Слушаюсь! (Сделал несколько шагов, но тут же споткнулся, словно боясь наступить на что-то невидимое.) Кыш! Шмыгают тут, проклятые... Ну ничего! Недолго вам осталось!.. (Уходит.)

Ванесса (Свифту). Если не возражаете, сэр, я могла бы во время чая ознакомить вас с сегодняшней почтой... (Взяла поднос с письмами и газетами.) Здесь в основном отклики на вашу очередную кончину. Все газеты признают, что поминание в этом году проходит особо бурно... По всей Ирландии – манифестации. В Дублине отмечались уличные беспорядки... В связи с этим, выступая в парламенте, депутат Орнэрри заявил: “До каких пор декан Свифт будет издеваться над Британией?” Он даже выдвинул законопроект, запрещающий вам умирать! (Улыбнулась.) Законопроект провалился. Представитель оппозиции заявил, что Англия – демократическая страна, и если в ней нельзя свободно жить, то умирать каждый может, когда ему вздумается!.. (Улыбнулась.) Замечание в вашем духе, сэр, не правда ли?.. Письмо из Франции. Один из ваших поклонников передает отзыв Вольтера на ваше творчество: “Свифт – крупнейший сатирик нашего века, но сатира для него не просто жанр, а трагическая необходимость идейного неучастия в современности”. Каково ваше мнение, сэр?

Свифт безучастен.

Да. Я тоже считаю, что это справедливо... Я так и напишу во Францию... (Взяла следующее письмо.) А это сообщение из Манчестера. Здесь астрономы наблюдали в небе странное овальное тело, напоминающее летающий остров или огромную тарелку... Тело движется в направлении Дублина. Газетами высказывается предположение, что оно движется в гости к вам. (Улыбнулась.) Какое невежество. Стоит подумать о новом памфлете...

Свифт сделал неопределенный жест.

Сэр, это опасно! Кругом столько дикости и предрассудков... У вас много врагов!.. Сегодня опять кто-то из этих мерзких йеху разбил камнем окно!

Свифт нахмурился.

О, простите, сэр! Конечно, конечно... Я немедленно вышлю приглашение...

В открытом окне появилась женщина лет сорока. В ее руках – букетик полевых цветов. Зовут женщину Эстэр Джонсон. Стараясь оставаться незамеченной, она начала устанавливать цветы в вазочку.

(Недовольно.) Мисс Джонсон, будьте добры, пройдите в сад.

Эстэр (нарочито вежливо). Добрый день, сестра. Очень рада вас видеть.

Ванесса. Я тоже, мисс Джонсон. Пройдите в сад, декан позже к вам выйдет.

Эстэр. Я принесла ему цветы.

Ванесса. Очень любезно. Но цветов в доме более чем достаточно.

Эстэр. Это полевые. Больше всех декан любит полевые цветы.

Ванесса (начинает терять самообладание). Вы отвлекаете декана, мисс Джонсон.

Эстэр. Я принесла к чаю пудинг. Его любимый пудинг с яблоками.

Ванесса. Декан не ест пудинг с яблоками. Уверяю вас, я не хуже знаю его привычки... Пожалуйста, пройдите в сад! (Пытается задернуть шторы, Эстэр мешает ей.) Вы порвете шторы, мисс Джонсон!

Эстэр. Я сошью вам новые, сестра... Голубые в горошек... Они создают радостное настроение...

Ванесса. Меня не интересует ваш мещанский вкус, мисс Джонсон. Пройдите в сад, или я крикну слуг, и они вас выпроводят силой!..

Свифт нахмурился, резко встал из-за стола. Ванесса в испуге кинулась к нему.

Что с вами, декан? Ну, извините меня... Я и не думала обижать эту женщину. Вы же знаете, мы с симпатией относимся друг к другу. Мисс Джонсон, подтвердите!.. Вы же видите – декан бледен. Ему вредно волноваться!

Эстэр печально отходит. Свифт делает попытку подойти к окну, Ванесса поспешно задергивает шторы.

Нет сэр, пусть она уйдет... Это не Стелла. Я же вам объясняла – это просто одна из ваших безумных посетительниц. А Стелла умерла... Давно. Много лет назад. Вы же знаете... Эта женщина и не похожа на Стеллу. А если чуть и похожа, так что ж из этого? Я вообще всегда не понимала – как вам могла нравиться женщина с такой внешностью? У вас же тонкий вкус... (Заметив гневный взгляд декана.) О, простите, сэр! Я бестактна! Я сама не понимаю, что говорю...

Свифт молча пошел к выходу. Ванесса – за ним.

Простите меня, сэр... Вы не допили чай... Ах, что я наделала...

Ванесса и Свифт уходят. Доктор выбирается из укрытия, недоуменно оглядывается. Смотрит по сторонам, разглядывает кабинет, картины. Делает несколько шагов и вдруг спотыкается. Внимательно смотрит под ноги... Затем садится в кресло за чайный столик.

Свет начинает гаснуть... Край стола, за которым сидел Свифт, стал стремительно расти и увеличиваться. Казалось, по скатерти на стол быстро вскарабкивается крохотный человечек...

2. Лилипуты

Край стола. Огромная чашка с дымящимся чаем. Здесь же рядом, на столе

Край стола. Огромная чашка с дымящимся чаем. Здесь же рядом, на столе, – тарелка с недоеденным кремовым тортом. Десертная вилочка. На соседнем блюдечке – пара кусков пиленого сахара. Горит огромная свеча...

По скатерти на стол вскарабкался Первый лилипут (то есть это вполне нормальный человек, но резко ощущается несоответствие с размерами чашки). Оглядывается. Потом подходит к чашке, примеряясь к ней. Чашка в два раза выше его роста. Тогда он подходит к кускам сахара, тяжело пыхтя, пытается приподнять один из кусков. Это у него не получается.

В это время на стол тихо взбирается Второй лилипут, секунду наблюдает за Первым.

Второй. Сладенького захотелось?

Первый (испуганно). Кто здесь? Это ты, Рельб?

Второй. А ты как считаешь?

Первый. Я спрашиваю – это ты, Рельб?

Второй. Странный вопрос, Флим. (Усмехается.) Звучит как анекдот: в доме всего два лилипута, они встречаются, и один другого спрашивает: “Это ты?”

Первый. Здесь темно. Я испугался, подумал – мышь.

Второй. Я похож на мышь?

Первый. Я не сказал, что ты похож на мышь. Я просто подумал, что это могла быть мышь.

Второй. Зачем ты залез сюда, Флим?

Первый. Я хотел пить.

Второй. Очень интересно. А что у тебя за поясом?

Первый. Фляга.

Второй. Зачем?

Первый. Почему ты меня допрашиваешь?

Второй. Потому что ты заврался и не хочешь сказать правду! А поскольку правду кто-то должен сказать, скажу ее я: ты, Флим, и не собирался пить чай. Ты хотел отнести его Бетти.

Первый. Ну и что?

Второй. Хорошенькое дело – “ну и что?”! Посторонний мужчина обслуживает мою жену, а когда я его ловлю с поличным, он говорит мне “ну и что?”.

Первый. Она больна.

Второй (не может успокоиться). Главное дело – “ну и что?”!

Первый. Ей нужен чай с лимоном...

Второй (зло). Послушай, Флим, я не люблю, когда про мою жену говорят “она”. Моя жена больна, у моей жены жар, моей жене нужен чай с лимоном!.. И мое дело – об этом позаботиться.

Первый. Но тебя не было.

Второй. Тем более. Посторонний мужчина не должен заходить в комнату к женщине, когда мужа нет дома. Она звала тебя?

Первый. Да.

Второй. Как?

Первый. Она стонала.

Второй. Это разные вещи, Флим! Зовут кого-то конкретно. А стонут – вообще, в пространство. (Забирает у Первого флягу.) И прошу ВАС не заходить в нашу комнату, когда конкретно вас не зовут... (Направляется к чашке, только тут понимает, что ему не достать до края. Беспомощно оглядывается.) Первый. Высоко!

Второй. Ненавижу этот саксонский фарфор. То ли дело японские сервизы – прекрасные, изящные чашечки по грудь, а эти какие-то громадные

безвкусные уроды...

Первый. Я хотел подложить под ноги кусок сахара.

Второй. Ну и что ж?

Первый. Он тяжелый. Одному не поднять.

Второй (усмехнувшись). А мы попытаемся... (Подходит к куску сахара, с трудом отрывает его от блюдца, делает несколько нетвердых шагов по столу, неожиданно кричит.) Помоги! Флим! Помоги!

Первый бросается ко Второму на помощь, вдвоем они укладывают кусок сахара у основания чашки. Молча идут за вторым куском.

Этот кусок поменьше... Думаю, я сам справлюсь...

Первый (миролюбиво). Ладно... Чего уж...

С трудом поднимают второй кусок, несут к чашке, кладут на первый.

Второй (садится на сахар). Фу!.. Устал... Отдохнем... Чертовы англичане! Почему надо выпускать такие сахарные глыбы? Сколько нормальных людей можно было б накормить одним таким куском рафинада. Сколько можно было б сделать вкусных конфет. Леденцов для девушек...

Первый. Куда им...

Второй. Вот будут портить сахар, выпекать всякие приторные торты, заливать их лужами крема... А простые вкусные дешевые леденцы...

Первый. Куда им...

Второй. Нет. Я ж ничего не говорю. Страна действительно развитая...

Первый. Это конечно.

Второй. Дороги здесь ровные... Дома красивые. Экипажи...

Первый. Это конечно.

Второй. И в смысле науки они далеко ушли вперед...

Первый. Ньютон, например.

Второй. Я же не спорю... При чем тут Ньютон?

Первый. Я имею в виду закон всемирного тяготения.

Второй. При чем здесь всемирное тяготение?

Первый. Ну, в том смысле, что мы его там и не знали, а они тут уже им вовсю пользуются.

Второй (подумав). Я же не спорю: страна развитая... Но многое им не дано.

Первый. Это конечно.

Второй. Леденцы, например...

Первый. Куда им...

Второй. Или вот это еще... Помнишь? Как это у нас называлось? Ну, это... как его?.. Во всех городах еще продавалось... Вот черт, забыл! Уже забыл... (Задумался.)

Первый. Рельб, можно я тебе задам один вопрос?

Второй. Ну?

Первый. Ты никогда не думал о том, чтобы вернуться?

Второй. Нет!

Первый. Может быть, король тебя уже простил?

Второй. Я сказал – нет! И что значит “простил”? Это я его не простил, поэтому не возвращаюсь. И что мне там делать? Снова видеть эти лицемерные рожи при дворе, склоняться до земли перед каждым ничтожеством?.. Нет! И нет!.. С прошлым покончено!.. Я теперь живу здесь, я англичанин, и мне здесь нравится!.. Слышишь?

Первый (мрачно). Да. Конечно. Не кричи!

Первый (мрачно). Да. Конечно. Не кричи.

Второй. Я теперь англичанин, и мне здесь очень нравится!

Первый. Ну и хорошо.

Второй. Главное – он меня простил!.. Ха-ха!

Первый (мрачно). Ну извини...

Второй. А почему ты не возвращаешься?

Первый. Мало ли... Мне здесь тоже нравится.

Второй. Не ври.

Первый (твердо). Мне здесь нравится!

Второй. Опять врешь! (Начиная злиться.) Что? Что тебе здесь может нравиться?! Спать на краешке дивана? Воровать чай из хозяйской чашки?

Первый. Замолчи!

Второй. Бродить среди огромных домов? Каждую минуту бояться, что на тебя вдруг наступят копытом, лапой, сапогом?

Первый. Замолчи, прошу тебя.

Второй. Знаешь, как нас здесь похоронят?

Первый. Замолчи!

Второй. В спичечном коробке! Всех троих – в одном спичечном коробке!

Первый (орет). Замолчи!!!

Первый бросается на Второго. Секундная борьба.

Второй. Отпусти! Отпусти, тебе говорят! (Вырывается из рук Первого.) И оставьте нас в покое! И не смейте приходить в нашу комнату, если ВАС конкретно не зовут!!!

Влезает на сахар, пробует дотянуться до края чашки, это ему не удается.

Больше подложить нечего?

Первый. Только кусок торта...

Второй. Ну его к черту! Он липкий... (Спрыгивает на стол.) Пошли отсюда. Попытаемся нагреть воду там, внизу... (Со злобой взглянув на чашку.) У! Понастроили, мерзавцы! (Грозит чашке кулаком.)

Первый. Стой! Я придумал! Я придумал, как можно зачерпнуть чай.

Второй. Ну?

Первый. Нужно, чтоб один встал на другого...

Второй. Еще чего!

Первый (обрадованно). Конечно. Это же так просто: один встанет сюда, другой взберется ему на плечи – и все получится.

Второй. Чепуха! И потом, я не позволю, чтобы кто-то ходил по мне ногами...

Первый. Я готов встать внизу.

Второй. Хочешь сразить меня благородством?..

Первый. И вовсе нет! Так выгодней для дела. Я ВЫШЕ, поэтому тебе будет удобней...

Второй (перебивая). Что?

Первый. Я говорю, поскольку я ВЫШЕ ростом...

Второй. Кто выше ростом? Ты?

Первый. Ну, это очевидно.

Второй. Что значит “очевидно”? Для меня это совсем не очевидно.

Первый. Перестань, Рельб. Сколько можно выяснять этот вопрос!

Первый. Перестань, Рельб! Сколько можно выяснять этот вопрос!

Второй. Не понял...

Первый. Я говорю: сколько можно выяснять... Всегда считалось, что я выше тебя. Вспомни: в армии я был правофланговым, а ты стоял далеко сзади. И на балах: я всегда шел в первых парах...

Второй. Это ничего не значит. С тех пор прошло много времени.

Первый. Ну и что? Люди растут только до тридцати лет.

Второй. А я – после тридцати!

Первый. Ну хорошо. Зачем нам спорить? Давай померимся.

Второй. Давай, но только трудно без арбитра. Пойдем к Бетти!

Первый. Зачем сюда впутывать Бетти! Встанем спина к спине – все будет ясно.

Второй неохотно подходит к Первому. Они встают друг к другу спинами – Первый оказывается выше.

Ну?

Второй. Трудно понять... Какие на тебе туфли?

Первый. Такие же, как у тебя...

Второй. А прическа? У тебя же волосы торчат вверх, а у меня приглажены...

Первый. Перестань, Рельб! Сколько раз мы с тобой меряемся, и каждый раз ты ищешь какие-то причины.

Второй. Все равно внизу встану я.

Первый. Это нечестно, Рельб.

Второй. Внизу встану я, потому что я сильнее!

Первый. Это для меня новость.

Второй. Опять будем спорить?

Первый. Ладно. Становись где хочешь. Но имей в виду, я вынужден буду пройтись по тебе ногами...

Второй (с усмешкой). А что от тебя можно еще ожидать? (Влезает на сахар.) Дай-ка мне вилку!

Первый (испуганно). Зачем?

Второй. Для упора, для чего ж еще!

Первый подает Второму десертную вилочку. Второй упирается в нее руками.

Лезь!

Первый (с опаской). А ты меня не уронишь, Рельб?

Второй. Не знаю. Как пойдет.

Первый. Ты не должен злиться, Рельб. В конце концов, тот факт, что ты оказался внизу, нисколько тебя не унижает. Наоборот! Это благородно. Ты ведь терпишь это ради больной жены. Ради нашей замечательной Бетти. Это очень благородно! И еще: раз ты стал внизу, значит, ты сильный. Самый сильный. В цирке у акробатов внизу становится самый сильный...

Второй. Да лезь ты!

Первый. А я и не выше тебя, а длиннее. Помнишь, меня и в школе прозвали “длинным”...

Второй. Тебя в школе прозвали “глистом”.

Первый. Ну так имелось в виду, что я длинный, как глист.

Второй. Вовсе не это имелось в виду. Имелось в виду, что у тебя нельзя разобрать, где голова... (Смеется.)

Первый. Ну, наконец-то! Наконец у тебя вернулось твое чувство юмора

Первый. Ну, наконец-то! Наконец к тебе вернулось твое чувство юмора. Чувство юмора – это главное, что мы привезли оттуда, Рельб. Верно? Здесь так шутить не умеют.

Второй. Куда им...

Первый (похлопав Второго по плечу). Ну, я пошел?

Второй (подставляя спину). Счастливого пути!

Первый взбирается Второму на плечи, подтягивается на руках, садится на ребро чашки.

Первый. Ух, как тут жарко! Как в бане... (Нагибается.) Ух, черт возьми!

Второй. Что?

Первый. Хозяин отпил половину... Не достать. Придется сделать так... (Снимает пояс, привязывает к нему флягу, опускает флягу в чашку.) Ну вот!.. Теперь можно попытаться зачерпнуть... (Вглядываясь куда-то в даль.) Какой вид отсюда, Рельб!

Второй. Какой оттуда может быть вид?

Первый. Потрясающе! Знаешь, Рельб, отсюда виден край буфета. В нем стоят хрустальные бокалы. И вот лунный свет упал на них, и теперь они играют разноцветными огоньками... Ах как красиво! Жаль, что ты не видишь этого... Безумно красиво, Рельб. Очень похоже на фейерверк. Помнишь, как у нас там под Новый год устраивали фейерверки? Хочешь, я помогу тебе подтянуться?

Второй. Вот еще.

Первый. Но я хочу, чтобы ты это увидел.

Второй. Делать мне нечего...

Первый. Когда Бетти выздоровеет, надо будет слазить с ней на буфет. Она так любит эти фейерверки...

Пауза. Некоторое время Первый сидит молча, глядя в сторону буфета; Второй, задумавшись, прохаживается у основания чашки.

Второй, задумавшись, прохаживается у основания чашки.

Второй. Флим, можно я задам тебе один вопрос?

Первый. Конечно.

Второй. Тебе очень нравится моя жена?

Пауза.

Что ты молчишь?

Первый. Думаю, как ответить... Скажу “очень” – обидишься ты, скажу “не очень” – обидно для Бетти. Я не стану отвечать на твой вопрос, Рельб.

Второй. Ну хорошо. Сформулируем вопрос иначе: а ты хотел бы переспать с моей женой?

Первый. Нет.

Второй. Почему?

Первый. Я очень уважаю тебя, Рельб.

Второй. И только поэтому?

Первый. А еще я слишком люблю Бетти, чтобы позволять о ней так говорить!

Пауза.

Извини!

Второй. Все правильно... За что сердиться? Ты сказал правду. Я никогда не сержусь на правду. Вот когда ты перед этим врал, что, мол, просто пришел сюда выпить чаю, – это было противно. А на правду я никогда не сержусь...

Пауза.

Первый. Я скоро уеду от вас, Рельб.

Второй. Куда это?

Первый. Пока не решил. Перееду в другой город.

Второй. Зачем?

Первый. Надо же как-то со всем этим кончать. Мы скитаемся вместе и только мучаем друг друга. Пора разрушить этот дурацкий треугольник... Я уеду.

Второй. Ты пропадешь один.

Первый. Найду какое-нибудь занятие. Все-таки я пианист, Рельб. Я хороший пианист.

Второй. Не говори ерунды. Ты видел здешние инструменты? Каждая клавиша как бревно... Как ты собираешься играть?

Первый. Ногами, Рельб! Я все продумал. Если быстро прыгать с клавиши на клавишу, то получается совсем неплохо. Здесь у декана стоит клавесин, я уже репетировал... Серьезную вещь, конечно, не сыграть, но популярные мотивчики звучат неплохо...

Второй. Перестань! Ты серьезный музыкант и не должен опускаться до примитивных мотивчиков...

Первый. Кто здесь знает, что я серьезный музыкант?

Второй. Я знаю. Бетти знает...

Первый. Поэтому я и хочу от вас уехать.

Второй. Не говори ерунды! Унизительно прыгать с клавиши на клавишу, точно блоха. Ты человек и не должен терять достоинство... Ты мой друг, ты любишь мою жену... А главное – мы оттуда... Три нормальных человека в этой огромной, Богом проклятой стране... Нам обязательно надо держаться друг друга... Не бросай нас, Флим!

Первый. Да, конечно, Рельб. Это у меня так... Фантазии.

Второй. И приходи к нам.

Первый. Спасибо.

Второй. Всегда, когда хочешь. Даже когда тебя конкретно и не зовут.

Первый. Спасибо, Рельб. Ты очень добр.

Пауза. Второй вдруг обращает внимание на туфли Первого, внимательно разглядывает их.

Второй. Что это у тебя?

Первый (глядя в сторону буфета). Поразительно, как они светятся...

Второй. Что это, я тебя спрашиваю? (Показывает туфлю).

Первый. О чем ты?

Второй. Что у тебя в ботинке? Внутри!

Первый (чуть смущен). Ну что ты пристал?

Второй. Ах ты сукин сын!.. Стельки! Огромные пробковые стельки! И потайные каблуки?.. Ах мерзавец!

Первый. Кто дал тебе право оскорблять меня?!

Второй. Трижды мерзавец! Я с ним меряюсь по-честному, а он...

Первый. Я тебе предложил быть наверху – сам отказался...

Второй. И давно у тебя эти штуки?

Первый. Мое личное дело.

Второй (распаляясь). Значит, давно. Негодяй! Значит, во всех наших спорах ты был нечестен. И там, в армии, когда стоял правофланговым, а я плелся где-то сзади... И на приемах, когда ты открывал танец как самый высокий... И перед Бетти!..

Первый. Не заводись!

Второй. Ты больше мне не друг, Флим! Ты обманул меня! Ты обманул мою

Второй. Ты больше мне не друг, Флим! Ты обманул меня! Ты обманул мою жену. Наивная женщина, я видел, как она смотрела на тебя восхищенными глазами... “Смотри, Рельб, – говорила она мне, – наш Флим с каждым днем становится выше и выше, наверное, он много работает над собой”. О, если б она знала...

Первый (кричит). ЗНАЛА!

Второй. Что?

Первый. Она зна-ла!! Потому что видела меня без туфель! И БЕЗ ВСЕГО!

Второй (тихо). Замолчи!

Первый. Почему? Это же правда. А на правду ты не сердишься. Так слушай!.. Мы с Бетти давно любим друг друга. И я хожу, потому что она зовет меня... КОНКРЕТНО!

Второй. Замолчи!

Первый. Я всегда был выше тебя, Рельб! И дело тут не в каблуках... Просто я всегда наверху!.. Вот и сейчас. Я достиг края чашки и любуюсь радугой на буфете, а ты, как всегда, струсил и ругаешься внизу...

Второй. Я убью тебя, Флим.

Первый. Сначала дотянись! Пигмей.

Второй. Кто?!

Первый. Да. Это мы с Бетти так тебя называем.

Второй. Да я тебя!.. (Схватил десертную вилочку, бросился на чашку.)

Первый (вскочил на ребро чашки). Не достанешь! Не достанешь!.. (Бегает по ребру.) ЛИЛИПУТ НЕСЧАСТНЫЙ! (Неожиданно покачнулся.) Рельб! Помоги мне, я падаю... Рельб! (Падает в чашку.)

Второй. Флим! Что с тобой? (Беспомощно бегает вокруг чашки.) Флим! Отзовись! Не бросай меня, Флим!.. (Стучит кулаками в стенку чашки.) ЛЮДИ! ПОМОГИТЕ НАМ!..

Кто-то задул свечу. Наступила полная темнота. Потом свет стал медленно разгораться... В дверях стояли Ванесса и Патрик. Они увидели Свифта, который молча и печально разглядывал чашку чая...

Доктор сидел в отдалении, явно не понимая, что происходит.

Ванесса. Мистер Свифт, я хочу вам представить доктора Симпсона.

Доктор (бодрым тоном). А мы уже виделись... Я встретил декана на прогулке, но он не захотел со мной побеседовать... Ну ничего... Мы подружимся... Не так ли, декан? Судья Бите и весь Опекунский совет очень надеются, что мы подружимся и общими силами придем к полному выздоровлению... Вы меня слушаете, сэр?.. Что с вами?.. У вас на глазах слезы...

Патрик. Наверное, чай остыл, и это расстроило мистера Свифта.

Доктор. Да? Из-за такой ерунды... (Подходит к Свифту, заглядывает в чашку.) В чашку что-то упало... Очевидно, мушка, сэр! Не стоит из-за этого огорчаться... (Хочет взять чашку из рук Свифта, тот не дает.) Позвольте! Позвольте... Я не люблю, когда пациенты меня не слушаются... Позвольте! (Силой вырывает чашку из рук Свифта. Пальцем вытряхивает мушку.) Ну вот и все! Все в порядке... Теперь у нашего декана вновь будет отличное настроение... Не так ли?

Возвращает чашку Свифту. Тот секунду внимательно смотрит на Доктора, потом решительно выплескивает чай ему в лицо...

3. История болезни

На следующий день. Та же зала в доме декана Свифта. Доктор заканчивает осмотр Свифта, ему помогает сестра Ванесса. Чуть поодаль стоит дворецкий Патрик. За окном прогуливаются гости декана. Бродячий шут напевает песенку (может быть, эту):

Кто служит только для того,

Чтоб извлекать доходы,

Тебя оставит одного

Во время непогоды.

Но шут с тобой – твой верный шут! –

Служил он не для денег.

Он жалкий шут, но он не плут;

Дурак, а не мошенник!![1]

Доктор (недовольно). Закройте шторы, Патрик... И скажите этому бродяге, чтоб перестал нудить всякую чушь...

Ванесса. Это Шекспир, доктор... “Король Лир”...

Доктор. Не знаю, не знаю... Мы живем при короле Георге, и давайте заниматься делом... Ступайте, Патрик!

Патрик (довольным тоном). Слушаюсь, доктор! (Уходит.)

Доктор (прикладывает ухо к груди декана). Так... Так... Дышите... Хорошо! Можете одеваться...

Доктор пошел к столику, где были разложены бумаги. Ванесса помогает декану одеться.

(Сев за столик.) Заполним историю болезни. Помогайте, сестра. Итак, полное имя?

Ванесса. Джонатан Свифт.

Доктор (записывая). Через “ф”?

Ванесса. Что?

Доктор. Я спрашиваю: “Свифт” пишется через “ф”?

Ванесса (несколько растерянно). Разумеется, доктор.

Доктор. Год рождения?

Ванесса. Тысяча шестьсот шестьдесят седьмой

Ванесса. Тысяча шестьсот шестьдесят седьмой.

Доктор. Род занятий?

Ванесса. Священнослужитель... философ. Писатель.

Доктор (записывая). “...писатель”. Оказывается, наш декан еще и сочиняет? Интересно.

Ванесса. Вы шутите, сэр?

Доктор. Я никогда не шучу, сестра, тем более во время работы.

Ванесса. Вы не читали книг мистера Свифта?!

Доктор. Я вообще не читаю беллетристики. Времени едва хватает на специальную литературу...

Свифт безучастен.

Ванесса. И вы никогда не слышали о его памфлетах?

Доктор пожал плечами.

О знаменитых “Приключениях Гулливера”?

Доктор. Гулливер?! Подождите... Что-то припоминаю... Такой толстый... много ест...

Ванесса (сухо). Это Гаргантюа, сэр. Автор – Рабле. Гулливер – совсем другое...

Доктор (равнодушно). Тогда не помню...

Ванесса. Простите, доктор, но мне кажется, вы не сможете помочь мистеру Свифту... Лечить художника, не зная его творений... Я буду вынуждена обратиться в Опекунский совет с просьбой прислать другого доктора.

Доктор. Это ваше право. Ванесса! Но я боюсь, что Опекунский совет сочтет проще заменить сестру... (Неожиданно.) Подождите! Я вспомнил... “Гулливер”?.. Это что-то детское...

Ванесса. Книга написана для взрослых.

Доктор. Странно... Я слышал, как няня это читала малышам... Врач, который побывал в стране лилипутов, потом в стране великанов, потом еще где-то...

Ванесса (обиженно). Не где-то, а в Лапуту. В Бальнибарби. В Лагнег. В Глабдобдриб. И наконец, в стране гуингнмов...

Доктор. Боже, какие названия! И в чем там дело?..

Ванесса (недовольно). Это очень серьезная книга, сэр. Я думаю, нет смысла опошлять ее вульгарным пересказом, тем более в присутствии автора... (Достала книгу с полки.) Гораздо полезней для вас это прочесть.

Кладет перед Доктором книгу, уходит в сопровождении Свифта. Доктор раскрыл книгу, полистал страницы, затем равнодушно захлопнул ее.

В окне появилась мисс Эстэр Джонсон.

Эстэр. Доктор, прошу вас, не сердитесь на Ванессу. Она плохо воспитана, но она любит декана...

Доктор. Вас это радует или огорчает?

Эстэр. Не важно. Она помогает мистеру Свифту в его работе... Она ведет его обширную переписку...

Доктор. Странно, что вы... именно вы... за нее заступаетесь!

Эстэр. Приходится быть к ней снисходительной... Ведь она... безумна.

Доктор. Кто? Сестра?

Эстэр. Да, сэр... (Улыбнулась.) Видите ли, много-много лет назад декан был знаком с одной девушкой по имени Ванесса. Он даже посвятил ей поэму... “Ванесса – светоч для сердец, всех женщин лучший образец!” (Засмеялась.) Какие строчки, а?.. Так вот, сестра Ванесса и решила, что она именно та Ванесса. (Засмеялась.) А ведь это имя он придумал... “Ванессой зваться будешь ты, и это имя красоты лишь в небесах богам известно. В земных пределах – неуместно...” (Неожиданно зло.) Бедняжка! Как глупо

доверять поэзии... Когда декан был в ударе, он мог рифмой воспеть даже метлу!.. Нет, доктор! Он любил другую женщину... Всю жизнь! Он писал ей письма... О, какие письма писал!.. Каждый день!.. Их сохранилось более тысячи...

Доктор. Надеюсь, ее звали не вашим именем?

Эстэр (словно не замечая иронии). Ее он звал Стеллой. Это имя он тоже придумал... Ах, вообще был большой выдумщик наш декан... Стелла! Красиво, не правда ли?.. “Ты знаешь, Стелла, каждый год декан хвалу тебе поет...”

Доктор (нетерпеливо). Так на ком он все-таки был женат, ваш декан?

Эстэр. Он вообще не был женат, доктор. В его жизни были две женщины, и он не смог нанести рану ни одной из них...

Доктор. Они обе умерли?

Эстэр. Да.

Доктор. Одновременно?

Эстэр. Почему?

Доктор. Иначе он мог бы жениться на оставшейся...

Эстэр (внимательно посмотрев на Доктора). Простите, сэр, вы из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Эстэр. Я так и подумала... Прочтите книгу, сэр... Может быть, тогда вы поймете, что в этом доме со смертью особые счеты – здесь все умирают и не умирает никто...

Появился Патрик, стал сердито задергивать шторы.

Патрик. Не мешайте доктору, мисс Джонсон... Пройдите в сад.

Эстэр отошла от окна. Патрик направился к другому окну, но вдруг

споткнулся, перепрыгнул через невидимое препятствие.

(Доктору.) Опять эти лилипуты! Кыш!!

Доктор (неожиданно подошел к Патрику, закричал). Прекратите валять дурака!! Какие лилипуты?! Откуда?! Или они вам приснились в страшном сне?!

Патрик. А вам?..

Доктор. Не имеет значения...

Патрик. Вдвоем? Возле чашки чая, да? Один – пианист, другой – женат... Тот, который со стельками, выше... Так?

Доктор (подумав). Нет. Выше как раз тот, что без стелек...

Патрик (торжествующе). Вот до какого кошмара мы дошли! Здесь всем уже снятся одинаковые сны... А все он – декан Свифт! Его пагубное влияние.

Доктор. Но ведь он не говорит ни слова...

Патрик. Осторожней, сэр! Этот человек проповедует молча... Даже с амвона... (Огляделся, перешел на шепот.) Придет, встанет перед прихожанами... И МОЛЧИТ. И те МОЛЧАТ... И все!! Ирландцам уже почему-то сразу не нравится губернатор и раздражает нищета.

Раздался сильный стук в дверь.

Вот... Пожалуйста... Пример его пагубного влияния... Этот сумасшедший великан снова будет требовать рыцаря Ланцелота!..

Открыл дверь. Стали видны два огромных башмака.

Господин Глюм, я же просил вас не приходить... Что?.. (Задрал голову.) Я вас не слышу... Какого рыцаря?.. Где я вам возьму рыцаря?..

Доктор. Кто этот человек на ходулях?

Патрик. На ходулях? (Он искренне удивлен.) Вы думаете, это не настоящие

ноги?.. Ах мерзавец! Вот мы сейчас проверим... (Пнул ботинок ногой.) Эй! Сэр! Слезайте!.. (Снова пнул.) Надо попробовать кипятком!!!

Доктор. Прекратите, Патрик!

Патрик. Нет, доктор, надо проверить! И у лакеев есть нервы...

Доктор. Проверим иначе... (Подошел к доспехам рыцаря, висевшим на стене, снял меч, шлем.) Поднимитесь наверх, Патрик, и скажите этому великану, что рыцарь Ланцелот приехал... Вы поняли? Приехал и готов с ним сразиться... Если, конечно, этот Глюм спустится вниз и обговорит условия поединка... Вы меня поняли?!

Патрик (радостно). Разумеется, доктор!.. О, я чувствую – вы наведете здесь порядок! (Достал откуда-то трубу.) Разрешите трубить сигнал?

Доктор. Это необязательно...

Патрик. Нет! Все должно быть как на настоящих турнирах!

Радостно трубя, Патрик двинулся к выходу. Через секунду откуда-то издалека и сверху послышался его голос: “Великан Глюм! Доблестный рыцарь, сэр Ланцелот принимает твой вызов!” В окнах появились ликующие лица горожан. Доктор испуганно оглядывается. Грянула песня.

Песня горожан

Труба трубит! Сигнал зовет!

Толпа валит гурьбой.

Наш славный рыцарь Ланцелот

Опять выходит в бой.

Огнем играет медный шлем,

И с золотом – шитье.

Всегда при нем, на горе всем,

Огромное копье!

Припев:

Да здравствуют наши традиции –

Сражаться при всей амуниции!!

Как хорошо, что стали вновь

Турниры воскрешать.

Пускай рекой польется кровь,

Пусть кости затрещат!

Пусть череп лопнет пополам

И полетят мозги!!

Ведь надо же когда-то нам

Их показать другим!!!

Припев:

Да здравствуют наши традиции –

Сражаться при всей амуниции!!

4. Бой с великаном

Открылась дверь, вошел невысокий полноватый человек с печальными глазами. Его сопровождает Патрик.

Патрик. Джентльмены, разрешите вас представить друг другу. Мистер Глюм. Великан. (Жест в сторону Доктора.) Сэр Ланцелот.

Глюм. Доблестный рыцарь, я рад, что вы приняли мой вызов! Надеюсь, поединок наш будет честным и бескомпромиссным!

Доктор (отложив меч). Я не люблю глупых шуток, мистер Глюм. Я

приехал драться с великаном. Вы же – человек среднего роста... Футов шесть, не больше...

Глюм. Пять футов восемь дюймов... И все-таки, сэр, я действительно великан. Самый настоящий! Понимаю, в это трудно поверить, но это так... Я опустился...

Доктор. Каким образом?

Глюм. Если хотите, расскажу.

Доктор. Только коротко...

Глюм (печально). Хорошо...

Доктор. Садитесь к столу... (Дворецкому.) А вы, Патрик, задерните шторы... Нечего на нас глазеть!

Патрик задернул шторы, к явному неудовольствию глазеющих зрителей.

Глюм (заискивающе). И, если можно, рюмку вина.

Патрик вопросительно посмотрел на Доктора, тот кивнул. Патрик ушел за вином, недовольно ворча...

Доктор (рассматривая Глюма). Давно пьете?

Глюм. Давно... Но это не пьянство – это лечение... Впрочем, разрешите все по порядку... Так вот, сэр Ланцелот, я на самом деле великан, хотя сегодня в это трудно поверить. Другое дело мой отец, Глюм-старший. В нем было двести футов росту, он был выше Дублинского собора. Это казалось святотатством, и местный епископ требовал, чтобы отец ходил согнувшись... Бедняга так и проходил всю жизнь, словно больной радикулитом... Родом он был из Бробдингнега. Это страна великанов, описанная Свифтом... Вы, конечно, читали о ней?

Доктор. Предположим. Дальше.

Глюм. Отец попал в Англию во время кораблекрушения и прожил здесь недолго, мучительно страдая... Сначала его показывали в цирке как диковину, потом зрелище всем надоело, и отца бросили на произвол

диковину, потом зрелище всем надоело, и отца бросили на произвол судьбы... Он очень тосковал, просился назад в Бробдингнег, но ему никто не мог предоставить нужного корабля... Так он мыкался, перебиваясь случайной работой – перетаскивал камни в горах, прочищал трубы в высоких зданиях... Последнее время служил маяком в гавани. Целыми ночами простаивал у причала, держа огонь на вытянутой руке. Здесь и погиб во время сильной грозы. Молнии, сэр, всегда выбирают высокие объекты... Черт возьми, где же Патрик? Можно ли так долго ходить за рюмкой?

Появился Патрик с подносом.

Патрик. Потише, сэр! Здесь не пивная! Пришли на поединок, так ведите себя прилично...

Глюм. Да, да, извините! (Залпом выпил вино и продолжил.) Так вот об отце. Незадолго до смерти он женился на высоченной англичанке... “Высокая Анна” – может, читали в газетах?.. Ну, не важно. Важно, что в результате этого странного брака появился на свет я – Глюм-младший, полувеликан-полуангличанин, несчастнейшее существо. Несчастье мое состояло еще и в том, что, кроме огромного роста, родители наградили меня непомерным мозгом, из-за чего я начал стремительно развиваться... Разговаривать начал пяти дней от роду, причем сразу на нескольких языках. Писать, читать, считать стал в колыбели. Курс гимназии прошел за три дня, колледж – за месяц, через год, занимаясь исключительно самообразованием, достиг уровня знаний члена Британской академии... Сначала это восхищало соотечественников, потом стало раздражать... Непомерно развитый мальчишка оскорблял достоинство седовласых ученых. А я продолжал углубляться в науки, открывал законы и истины – и тут же понимал их несостоятельность и необходимость новых законов и новых истин... “Ибо, умножая знания, умножаем скорбь...” А тут еще я начал расти не по дням, а по часам, поднимаясь фут за футом над уровнем сограждан. Скоро я уже наблюдал свою землю с высоты птичьего полета... Я видел, как она прекрасна, как живописны ее холмы и горы, но я видел и как ее губят, как жгут леса, как бездумно бороздят наделами без всякого плана и мысли, как люди убивают друг друга из-за куска земли... Сэр, у великанов, к сожалению, все чрезмерно – зрение, слух, совесть... Каждый выстрел отзывался в моих ушах, каждая смерть рвала на части мое сердце...

Я решил сделать страну счастливой... Мне казалось, я знаю, как помирить

всех и в чем смысл бытия... Я пошел к королю. Он меня не принял... Сэр, прикажите Патрику принести еще рюмочку... Мы подходим к печальному моменту!

Патрик. Это уже лишнее, сэр!

Доктор. Принесите, Патрик!

В окно стали стучать. Патрик недовольно приоткрыл штору.

Патрик. Тихо! Спокойно! Скоро начнут! Я говорю – скоро! Разминаются... (Задернул штору, ворча удалился.)

Глюм. Король меня не принял! Он сказал, что не намерен выслушивать чьи-то советы, глядя снизу вверх... Я сказал, что готов упасть перед ним ниц. Но король сказал, что советы снизу ему не интересны... И вообще, сказал король, неужели в Англии не найдется смелого рыцаря, который бы проучил этого выскочку?..

Так мне объявили войну! Десятка полтора рыцарей двинулись в поход на великана. Я бы мог их положить одним ударом руки, но это были мои соотечественники... Я понял, что сильный должен уступить! Пусть, подумал я, погибну, но хоть этим принесу славу отчизне... Я вышел на бой с рыцарями!

Он встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате. Доктор напряженно наблюдал за ним.

Рыцари оказались бездарными! Их кони сбрасывали седоков, их стрелы летели мимо, их копья даже не пробивали моих штанов... Король направил мне тайное письмо: “Перестань позорить Британию! Уезжай отсюда на все четыре стороны!” Я написал: “Ваше величество, это моя родина! Я хочу принести ей пользу... Не гоните меня! Я сделаю для нее все, что вы прикажете!” Король ответил запиской: “Тогда не валяй дурака, стань таким, как все!!”

Вошел Патрик, поставил перед Глюмом новый бокал вина.

Патрик. Это последний, сэр! Больше не просите. (И, отойдя в сторонку, принялся слушать беседу.)

Глюм (с отчаянием). ИТАК, Я СТАЛ УМЕНЬШАТЬСЯ!! (Выпил вино.) Это самое страшное из всех наказаний. Всякий знает, как трудно взбираться наверх, но обратный путь всегда тяжелей... Не спрашивайте, как я это делал. Специальная гимнастика, диета, разнообразные поклоны, приседания... Я спускался вниз, как по тропинке, фут за футом, ежедневно приближаясь к уровню сограждан.

С головой было труднее всего, но тут помог алкоголь. Ежедневный трехкратный прием алкоголя – и ты очищаешь свою башку от ненужных знаний и мыслей... Первый год я с трудом забывал все то, что усвоил в академии, затем пошло легче... За месяц я забыл колледж, за неделю – гимназию... На забывание философии ушло дня три, на историю – сутки... Потом на эту... как ее... ох, господи... В общем, ее забыл почти без напряжения часа за два...

Одним словом, постепенно превратился в нормального господина средних размеров. Устроился здесь, в Дублине, нашел службу в одной конторе, неплохо зарабатывал: женился, построил домик... Отличный домик, сэр, маленький, с участком... И вдруг... этот декан Свифт начинает звонить в колокол и собирать безумных...

Мы с женой сначала просто посмеялись, а потом закралась у меня мысль: не тряхнуть ли тебе стариной, Глюм?!! Не подняться ли снова до облаков?! Риск, думал я, небольшой. Посмеюсь, подышу озоном... Выпить дадут!

Патрик (радостно). Я говорил! Все дело в выпивке на дармовщинку...

Доктор. Принесите вина!

Патрик. Но, сэр.

Доктор (строго). И мне тоже!

Патрик, недовольно ворча, удалился...

Глюм. Я сам построил эти башмаки, на это у меня хватило соображения... А потом, когда встал на них и снова поднялся к облакам, вы знаете, мистер Ланцелот, что-то шевельнулось здесь (ткнул себя в лоб). Еще не все потеряно! Я стал вспоминать... Понемножку... Понемножку... Там, наверху, чистый воздух... Мысли начинают бежать быстрее... И снова, сэр,

захотелось что-то сделать для страны... Как великану, мне в жизни не повториться – но, может быть, в смерти, сэр?.. Вот поэтому я послал вызов Ланцелоту... Я очень благодарен, что вы отозвались. Я слышал, вы смелый и бесстрашный рыцарь, сэр, и не откажетесь сойтись со мной в поединке? Ваша победа прославит родину!

Доктор изучающе посмотрел на Глюма. Тот в ответ посмотрел спокойно и печально. Доктор не выдержал взгляда.

Доктор. К сожалению, это невозможно.

Глюм. Почему?

Доктор. Я не испытываю к вам никакой вражды, и вообще я против дуэлей.

Глюм. Это не дуэль, а турнир. Здесь торжествуют смелость и ловкость... Вы видите, как народ жаждет поединка. Люди соскучились по мужественным бойцам... Нам нужны герои. Ну?! Смелее, сэр Ланцелот.

Доктор. Я доктор. Доктор Симпсон.

Глюм (зло). Я не люблю глупых шуток! Можно сказать, что я сумасшедший, но я встану на ходули, а вы наденете шлем – и Великан с Ланцелотом сойдутся в схватке.

Доктор. Проводите его, Патрик.

Глюм. Трус!! Будете хвастать в пивных прошлыми победами, а когда настал миг проверить себя – в кусты?.. О Англия, у тебя не осталось героев!

Патрик. Пойдем, пойдем... Набрался, приятель.

Глюм (свирепо). Ну нет! Если ваша рука разучилась владеть мечом, то моя не дрогнет. (Рванулся к доспехам и, прежде чем Доктор смог ему помешать, выхватил меч.) Я сниму грех с вашей души. Вам останутся только аплодисменты! (Он распахнул дверь и закричал.) Да здравствует бесстрашный Ланцелот!! (И вонзил меч себе в грудь.) Доктор. Что мы натворили, Патрик?!

Патрик. Успокойтесь, доктор, успокойтесь... Это несчастный случай.

Доктор оттолкнул дворецкого, бросился к дверям. Ему навстречу ворвалась ликующая толпа горожан. Толпа подхватила его, начала подкидывать вверх, восторженно крича: “Да здравствует смелый Ланцелот!!!” Гремела песня:

Как хорошо, что стали вновь

Турниры воскрешать.

Пускай рекой польется кровь,

Пусть кости затрещат!

Пусть череп лопнет пополам

И полетят мозги!

Ведь надо же когда-то нам

Их показать другим!!

Да здравствуют наши традиции –

Сражаться при всей амуниции!

5. Это все – театр

По коридорам огромного дома Свифта быстро шли Доктор и Судья Бигс – толстый мужчина, в парике и мантии. За ними два огромных констебля – Рыжий и Черный – буквально несли за шиворот дворецкого Патрика. Судья распахнул дверь кабинета. За письменным столом сидел Свифт, рядом – Ванесса.

Доктор. Ваше преподобие! Извините, что беспокоим вас, но у нас сообщение чрезвычайной важности.

Ванесса. Почему здесь судья и констебли?.. Это частный дом.

Судья (сухо). Извините, сестра. Но когда в частный дом проникают мошенники, то вслед за ними рано или поздно приходит закон!

Судья распахнул окно, и все увидели, что несколько полицейских сгоняли гостей декана в огромный фургон, обтянутый суровой мешковиной.

Ванесса. Это жестоко!.. Доктор, как вы можете позволять, чтобы ваших пациентов...

Доктор (перебивая). Это актеры, сударыня! Обыкновенные бродячие актеры... И они будут наказаны за обман.

Судья. Вот, уважаемый декан, как злодеи воспользовались вашим гуманным завещанием. Вы думали облегчить жизнь несчастных, а пригрели шарлатанов. Ну, Патрик! Рассказывайте хозяину, как вы его обманули...

Патрик (падая на колени). Простите, сэр! Я не думал, что так все получится... Я хотел только добра!.. Всему виной ваше завещание. Когда вы его сочинили, я подумал: “А что это будет, если к нам в дом и вправду начнут стекаться ненормальные?.. Ведь мы лакеи, а не санитары... И у нас есть нервы! А тут как раз в Дублине и появился этот бродячий театр. Я пришел к ним и говорю: “Джентльмены! Есть неплохая работа!.. Вы поселяетесь в доме мистера Свифта, мы вас кормим-поим, а вы за это... тихо валяете дурака... О, простите, сэр! Я имел в виду, чтоб они изображали разных смешных героев, которых вы, сэр, насочиняли...

Судья (патетически). Какая низость!!

Патрик. Я знал, что декан не рассердится. Он сам всегда любил такие шутки... И поначалу все было хорошо. Забавно... Кто прикинется лилипутиком, кто – великаном... Все по-доброму! Но потом эти мерзавцы увлеклись... Стали топить друг друга, полилась кровь...

Судья. Они взбудоражили мне весь город! Волнения перекинулись на улицы... Просто эпидемия безумия!

Патрик. Актеры, сэр... Что от них можно ждать хорошего? Импровизация. Каждый в душе – Гамлет!..

Ванесса. Куда увозят этих людей?

Судья. В тюрьму, мисс Ванесса. Я думаю, это прекрасное помещение для искусства подобного рода...

искусства подобного рода...

Патрик. Но ведь я чистосердечно признался...

Ванесса. Не волнуйтесь, Патрик! За все, что происходит в доме, отвечает домоправительница. (Судье.) Можете арестовать и меня, сэр! Все происходило с моего ведома...

Судья. Вы признаетесь, что участвовали в обмане?

Ванесса. Я не считаю это обманом. И я не брошу этих людей, кто бы они ни были.

Судья. Вы уволены, мисс Ванесса! Опекунский совет отстраняет вас от всех обязанностей по уходу за деканом Свифтом! Потрудитесь передать ключи от дома новой сестре...

Открылась дверь. Появилась мисс Эстэр Джонсон. Она одета в темное платье сестры милосердия.

Познакомьтесь, доктор. Мисс Эстэр Джонсон, будет вам теперь помогать...

Эстэр. Мы знакомы с доктором. Правда, он принимал меня за помешанную...

Доктор. Скорее – за актрису...

Ванесса. Зато я никогда не заблуждалась на ваш счет, мисс Джонсон, – для актрисы у вас слишком мало таланта, а для безумной – искренности чувств... Впрочем, я рада, что Опекунский совет выбрал вас... Надеюсь, то время, пока вы бродили здесь и подслушивали под окнами, скажется на вас благотворно!

Эстэр. Мне очень жаль, что я вытесняю вас, сестра... Но главное ведь, чтобы декан был здоров и окружен заботой. Не так ли?

Ванесса. Разумеется, мисс Джонсон. И еще у меня к вам просьба: не вешайте здесь занавесочки с цветочками... Декан вам не сделает замечания, но будет страдать... Он не переносит пошлости.

Эстэр (сдерживаясь). Хорошо, сестра. Я учту вашу просьбу... Но уж эти

шторы сниму немедленно... Они слишком мрачны, хотя и соответствуют последней моде...

Ванесса. Вы сделаете мне большое одолжение, мисс Джонсон, если перестанете меня именовать “сестрой”. Я уволена! Теперь я для вас просто мисс Ванесса или еще короче – мисс...

Эстэр. Хорошо, мисс...

Ванесса (протягивает ей связку ключей). Пожалуйста! Это – от комнаты, это – от кухни... Здесь ключи от книжных шкафов... Пожалуйста, к бюро, мисс Джонсон... Я покажу, как должны лежать бумаги. Декан любит, чтоб они лежали вот в таком порядке... Надеюсь, здесь ничего не пропадет и не затеряется?..

Эстэр. Безусловно, мисс...

Ванесса. Впрочем, от этих бумаг я вас избавлю... (Взяла пачку писем.) Это моя личная переписка с деканом. Я могу взять эти письма?

Эстэр. Разумеется, мисс... Я не думаю, что исследователям жизни и творчества декана это будет интересно.

Ванесса. Очень верное замечание, сестра... Вас не обижает, что я вас так называю?.. Так вот, мисс Джонсон, я считаю, что вы абсолютно правы, и немедленно сожгу эти никому не нужные листочки... (Направляясь к камину.)

Доктор. Может быть, не сейчас, Ванесса?.. Это может травмировать декана!

Ванесса (швыряя письма в огонь). О, что вы, доктор!.. Декана это ничуть не волнует!.. (Повернула заплаканное лицо к Свифту.) Я не ошиблась, ваше преподобие?.. А может быть, вас вообще радует приход этой женщины?.. Почему вы молчите?!

Доктор. Но он всегда молчит...

Ванесса. Для вас, доктор... (Быстро вышла из кабинета.)

Доктор (Судье). Что она хотела этим сказать?..

Свифт неожиданно резко встал, шагнул к камину. Эстэр бросилась к нему.

Эстэр. Что с вами, декан?! Почему у вас на глазах слезы?.. Это не та Ванесса!.. Та Ванесса умерла... Вы же знаете... Зачем вам ее письма?.. Ну хорошо... Раз они вам так дороги... (Сунула руку в камин.) Я соберу их все... Я восстановлю каждое слово... Только успокойтесь!

Свифт наклонился к ней, достал из огня ее обожженную, покрытую копотью руку, поцеловал.

О сэр! Неужели вам так дорога эта девушка, что вы готовы терпеть меня? Благодарю вас!.. Идемте! Вам надо отдохнуть...

Они пошли к выходу, возле дверей мисс Джонсон обернулась.

Господин судья, декан просит не увозить сегодня этих людей! Пусть они еще хоть денек побудут здесь... Ведь поминки не кончились...

Судья посмотрел вопросительно на Доктора, тот кивнул.

Судья. Ну хорошо!.. Под вашу ответственность, доктор... Только никаких представлений... Слышите?.. Толпу разгонять! Актеров держать в фургоне под охраной! Вы поняли, констебль?

Рыжий констебль. Так точно, сэр!

Доктор посмотрел за окно. Двое полицейских прилаживали огромную решетку к заднику фургона.

6. Некто

Вечер. Дальний угол сада. Стоит актерский фургон, обтянутый суровой мешковиной. Весь задник фургона теперь закрыт железной решеткой, на которой висит огромный замок. Сквозь решетку видны иногда лица актеров. Фургон охраняют два констебля: первый – черноволосый, второй – рыжий, веснушчатый, с пышными усами. Невдалеке от фургона молча стоит Свифт. Актеры тихо напевают песенку.

Черный констебль. Прекратить петь!

Рыжий констебль. Пускай... Они ж негромко...

Черный констебль. Не разрешено никаких представлений. Народ начнет толпиться...

Рыжий констебль. Это правильно! Но вообще – жалко. Я, знаешь, кое-что у них смотрел... Мне понравилось... Про лилипутов...

Черный констебль. Это когда в чашке-то утоп?.. Ха! Ничего.

Рыжий констебль. И про великана неплохо... Но вот особенно с этим умора... который живет вечно...

Черный констебль. Это который?

Рыжий констебль. Ну, который сам себя забыл... (Показывает за решетку.) Вон сидит... “Дубу, – говорит, – пятьсот лет, а я его желудем помню...” Эй ты! Иди-ка сюда...

Черный констебль. Не трогай ты их...

Рыжий констебль. Да ладно, поболтаем только...

К решетке приблизился Некто.

Некто. Вы меня, джентльмены?

Рыжий констебль. Одет-то... Одет-то как... Ну, умора... Как тебя зовут?

Некто. Видите ли, я так давно живу на свете, что уже забыл свое имя. Поэтому называйте меня просто Некто...

Рыжий констебль. Некто?.. (Смеется.) Ну, артисты... Скажи, сколько же ты живешь?

Некто. Несколько тысяч лет...

Рыжий констебль. Несколько, говорит, тысяч... (Смеется.)

Черный констебль. Потеха!!

Некто (печально). Напрасно вы смеетесь, джентльмены. Каждый человек живет на земле несколько тысяч лет... Или больше... Просто у вас отшибло память... (Вглядывается в лицо Рыжего констебля.) Вас, сэр, я где-то видел... Лет пятьдесят назад...

Рыжий констебль. Пятьдесят? А вот и врешь! Мне всего сорок пять...

Некто. В этой жизни. В этой! А в той жизни, что была до этой, мы с вами встречались... Прекрасно помню. Вы стояли на посту на базарной площади... возле городской тюрьмы...

Черный констебль. Да он сейчас там стоит.

Некто. Это сейчас. А то было тогда, при короле Георге Первом. (Вглядывается в Рыжего.) Ну точно – вы... Я обратил внимание: рыжие усы ваши и веснушки... Да вы сами сможете вспомнить, если напряжете хоть немножко свой мозг...

Рыжий констебль. Как это?

Некто. Закройте глаза.

Рыжий констебль. Ну... (Закрывает глаза.)

Некто. Вам сейчас, говорите, сорок пять?

Рыжий констебль. Да.

Некто. Теперь постарайтесь спокойно, не торопясь, оглядеть свою прожитую жизнь... Вот вам тридцать. Вспоминаете?

Рыжий констебль. Ну, вспоминаю...

Некто. А двадцать?! Вы молодой, здоровый, румянец во всю щеку... Помните?

Рыжий констебль. Ну, помню... Конечно. Я тогда женился на Полли.

Некто. Прекрасно. А теперь вам десять лет... Помните?..

Рыжий констебль. Ну, так, вообще... Мы тогда жили под Глазго, в деревне

деревне...

Некто. Не отвлекайтесь... Сейчас наступает самый трудный момент. Вот вам уже пять лет... Вспоминаете?

Рыжий констебль (подумав). Ну, чуть-чуть...

Некто. Теперь четыре года... Три... Два... Один... Теперь вы в утробе!

Рыжий констебль. Где?!!

Некто. В утробе!.. Вы лежите, свернувшись калачиком, через вас бежит кровь матери... Вспоминайте!.. Ну?.. Вспоминайте... Вот вы выходите из этой жизни в прошлую... Р-р-ра-аз!.. И вот вы стоите в форме и каске на рыночной площади Дублина возле тюрьмы... Мимо вас проезжают кареты... Над вами летают голуби... А вы стоите и глазеете на них...

Рыжий констебль (в ужасе открыв глаза). А-А!! ВСПОМНИЛ!!

Черный констебль. Врешь!!

Рыжий констебль. Клянусь!! Вспомнил!!! Стою на рыночной площади...

Черный констебль. Ты там и сейчас стоишь!

Рыжий констебль. То сейчас, а то тогда!! Ох, Господи! (Испуганно крестится.) Пресвятая Дева... Вспомнил!! У меня ведь всегда было такое чувство, что будто бы я жил прежде...

Некто. Разумеется! Все люди жили прежде, надо лишь научиться это вспоминать... Так проповедует декан Свифт!

Черный констебль (заметив подошедшего Доктора). Тихо! Прекратить!! (Тянет Рыжего констебля за руку.) Пошли, Джек, будут неприятности...

Рыжий констебль (не может успокоиться). Стою на рыночной площади!! Точно! Стою на площади!

Черный констебль. Ну, стоишь... стоишь... Чего тебя так разобрало?.. (Уводит его.)

Доктор подходит к Свифту, нерешительно начинает разговор.

Доктор подходит к Свифту, нерешительно начинает разговор.

Доктор. Сэр, мне бы хотелось, чтоб мы как-то понимали друг друга... Не знаю, что для этого надо сделать, но поверьте – я вам хочу только добра. (Улыбнулся.) Я не верю, что вы безумны!..

Свифт внимательно посмотрел в глаза Доктору, приложил палец к губам.

Свифт. Тсс...

Доктор. Что? Скажите, декан... Скажите...

Возле решетки фургона вновь появился Рыжий констебль. Он не замечает Свифта и Доктора.

Свифт. Тсс!.. (Прячется за дерево.)

Доктор (мрачно). Ну что ж... Начнем с “тсс”... Для начала и это неплохо...

Встает рядом со Свифтом, наблюдает за фургоном.

Рыжий констебль (стучит по решетке). Мистер Некто!

Некто (появляясь у решетки). Что вам, констебль?

Рыжий констебль. Извините, что мешаю спать... Но мне хотелось бы еще немного продвинуться вглубь...

Некто. В каком смысле?

Рыжий констебль. Вспомнить прошлую жизнь... Значит, мы остановились на том, что я стою на рыночной площади возле тюрьмы...

Некто. Это уже при короле Георге?

Рыжий констебль. Да.

Некто. Ну, и вспоминайте дальше...

Рыжий констебль (закрыв глаза). Потом мне, стало быть, тридцать... Двадцать... Я женюсь на Полли.

Некто. В прошлой жизни вы тоже женились на Полли?

Рыжий констебль (мучительно напрягая память). Получается так. Только та Полли была помоложе... И не такая толстая... Она больше похожа на Кэтти, одну девицу, с которой у меня было кое-что, когда я ездил к родственникам в Манчестер...

Некто. Не отвлекайтесь. Вспоминайте сосредоточенно. Вот вам двадцать, и вы женитесь на Полли, похожей на Кэтти, потом вам десять, потом вам пять... четыре... три... два... один... Вы в утробе... Назад! Назад!.. И вот вы в своей позапрошлой жизни...

Рыжий констебль. Это еще, значит, уже при короле Эдуарде?

Некто. Да. Вспомнили что-нибудь?

Рыжий констебль (испуганно). Вспомнил.

Некто. Что?

Рыжий констебль. Стою возле тюрьмы на рыночной площади...

Некто. Не путаете?

Рыжий констебль. Нет. Точно... Стою на посту, охраняю тюрьму.

Некто (печально). Да. Я так и думал.

Рыжий констебль. Что это значит, сэр?

Некто. Нет смысла вспоминать дальше, Джек... Боюсь, что картина будет одна и та же: время станет меняться, а вы все будете стоять на посту на рыночной площади...

Рыжий констебль (чуть обиженно). Почему?

Некто. Очевидно, такова ваша судьба, Джек.

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр.

Некто. Что тут поделаешь...

Рыжий констебль. Это очень обидно, сэр... Я предполагал, что в прошлой жизни мне не пришлось быть каким-нибудь важным лордом или деканом, вроде нашего Свифта, но с другой стороны... За что ж так со мной?.. Стою и стою, и ничего не меняется...

Некто. Извините, Джек, но в этом вы сами виноваты...

Рыжий констебль. Я?

Некто. Разумеется. Что вы сделали для того, чтоб хоть чуть-чуть изменить свою судьбу? Был ли в вашей прошлой жизни хоть один решительный поступок?.. Вы всегда охраняли тюрьму... И при Георге... И при Эдуарде... И при Генрихе...

Рыжий констебль. Но ведь в тюрьмах сидят разбойники!

Некто. Это как посмотреть, Джек. Робин Гуд был разбойником, а впоследствии стал героем. Жанна д"Арк – еретичкой, а через сотню лет она – святая... И только вы, Джек, тупо стережете замки тюрьмы из века в век, не раздумывая и не размышляя! Вот и сейчас – чем вы заняты?

Рыжий констебль. В каком смысле?

Некто. Ну, чем вы сейчас здесь заняты? Для чего поставлены?

Рыжий констебль. Сторожить...

Некто. Значит, через сотню лет, если вам вдруг захочется освежить память об этом дне, что вам суждено припомнить? А ничего хорошего. Вы снова стоите и сторожите безвинных людей, которых упрятали за решетку...

Рыжий констебль. А за что они вас посадили?

Некто. За что сажают в Ирландии?.. За что угодно... Меня – за то, что вечно живу... Скажите, Джек, разве это преступление?

Рыжий констебль угрюмо задумался.

Доктор (Свифту). Извините, сэр, я вынужден вмешаться... Такие разговоры опасны... Поверьте, я не новичок в психиатрии...

– Тсс!

Этот звук раздался откуда-то сзади. Доктор испуганно обернулся и увидел, что сзади стоят несколько горожан и прикладывают палец к губам.

– Тсс!

Рыжий констебль вновь подошел к решетке фургона.

Рыжий констебль. Господин Некто.

Некто. Я здесь, Джек.

Рыжий констебль. Господин Некто, скажите – как далеко это зашло?

Некто. Что именно?

Рыжий констебль. С какого времени я охраняю тюрьмы?

Некто. Этого я не знаю, Джек. Вспоминайте сами.

Рыжий констебль. Но ведь вы говорите, что живете несколько тысяч лет.

Некто. Да. Это так. Но я не обязательно должен был встречаться с вами. Что вас волнует? Средние века? Нашествие норманнов?!

Рыжий констебль. Тридцать третий год...

Некто. Что?

Рыжий констебль. Тридцать третий год от Рождества, год распятия! (Переходя на шепот.) Я набожный человек, сэр. Я прощу себе все, кроме этого... Вспомните. Тридцать третий год. Иерусалим... Городская тюрьма... Стражники выводят Иисуса из тюрьмы...

Некто. Бог с вами, Джек, я этого не помню...

Рыжий констебль. Зато другие помнят... У нас в соборе расписан купол... Там есть и такая картина... Его ведут связанного... Рядом толпа, легионеры... А справа на посту стоит стражник... Рыжие усы... Веснушки... Уши торчат... (Заскрежетал зубами.) Некто. Образумьтесь, Джек! Это были

не вы!

Рыжий констебль (в отчаянии). А кто же?

Некто. Уверяю вас. Это был другой человек...

Рыжий констебль. Тогда почему я помню, как все было? Явственно помню, словно случилось это вчера... Помню, как вывели Его, как орала толпа, “как воины, раздевши Его, надели на Него багряницу, и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и дали Ему в правую руку трость, и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря – радуйся...” А я стоял рядом. Вооруженный. Смотрел... И пальцем не пошевелил, чтоб спасти невинного...

Некто. Вы ошибаетесь, Джек!..

Рыжий констебль. Нет, сэр! Теперь я понимаю, что это был я. И вот откуда началась моя судьба!!! И повторяться ей несчетное количество раз, если б вы, сэр, не научили меня вспоминать... А теперь я должен что-то изменить... (Полез за пояс, достал ключ, начал открывать замок решетки.) Доктор (выбежав из укрытия). Что вы делаете, сержант?

Рыжий констебль (выхватив пистолет, навел на Доктора). Не подходить!! Я, сержант Джек, считаю этих людей невиновными и дарую им свободу...

Вбегает Черный констебль.

Черный констебль. Джек, что ты делаешь? Рехнулся?!

Рыжий констебль (наводя на него пистолет). Не подходи! Я, сержант Джек, выпускаю этих людей...

Черный констебль. А что я скажу судье?!

Доктор. Констебль! Вас накажут!! Вас сурово накажут!!

Черный констебль. Нам грозит трибунал, Джек... Одумайся!

Рыжий констебль. Ты сам одумайся... Вспомни! Сходи в храм, посмотри картину – не найдешь ли свою рожу среди легионеров?..

Черный констебль. Каких легионеров? Он совсем свихнулся!

Рыжий констебль (актерам). Я вас отпускаю! (Вставил ключ в замок, повернул.)

Черный констебль. Стой! (Неожиданно выхватил пистолет, выстрелил в Рыжего констебля.) Извини, Джек! Но это мой долг! Я на службе! (Кричит.) Тревога! (Убегает.)

Рыжий констебль пошатнулся, упал на руки Доктора. Из фургона вышел Некто, склонился над констеблем.

Рыжий констебль. Ну, вот и все, сэр... Видите, как просто. Теперь у меня все будет по-другому?..

Некто. Конечно, Джек. Все по-другому. Теперь пошел новый отсчет... Совсем новый...

Рыжий констебль (умирая). Нет, сэр... Совсем новый не обязательно... Пусть Полли повторится... и Кэтти.

Некто. Конечно. Пусть повторятся...

Рыжий констебль. Но финал пусть будет другой.

Некто. Конечно, Джек. Другой... Теперь у вас всегда будет спокойно на душе... И вы будете всегда видеть такое синее-синее небо... Как сейчас.

Доктор бережно опустил Рыжего констебля на землю. Из фургона тихо вышли актеры, молча встали вокруг них. Неожиданно раздались аплодисменты. Доктор испуганно поднял голову – аплодировали безумные горожане.

Доктор (обращаясь к Свифту, кричит). НО ЭТО КРОВЬ!!! Скажите им! Это кровь!..

Декан молча смотрит на него. Аплодисменты усиливаются...

Часть вторая

7. Опекунский совет

Большое помещение, в котором заседает Опекунский совет. Несколько господ в париках стоят у открытых окон, разглядывая небо в подзорные трубы. Среди них Доктор. Слышны отдельные реплики:

– Вон она...

– Где? Я ничего не вижу...

– Да вон же... Круглая... Похожа на блюдце.

– Комета, господа! Малая комета!

– А я говорю – знак Божий!

– А может быть, туча?!

– Нет. Комета.

– Да где? Я ничего не вижу.

Открылась дверь, вошедший лакей провозгласил:

– Губернатор Ирландии сэр Уолп!

Появились озабоченные Губернатор и Судья Бигс. Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Начинаем экстренное заседание Опекунского совета, который я собрал по распоряжению лорда-губернатора сэра Уолпа.

Все посмотрели в сторону Губернатора, тот сидел с непроницаемым лицом.

Губернатор поручил мне сказать, что он крайне обеспокоен состоянием здоровья нашего дорогого декана Свифта и положением дел в стране. Надо ли говорить, как нас всех тревожит душевный недуг нашего великого современника?.. Но что поделать, если медицина еще так несовершенна?.. Однако с радостью хочу сообщить, что новый доктор мистер Симпсон вселяет в нас надежду. Всего несколько дней этот молодой эскулап провел в доме декана, а уже сделано много полезного: арестованы актеры, уволена сестра Ванесса, разоблачен мошенник слуга...

Один из членов совета. Браво!

Доктор (растерянно). Простите, я что-то не понимаю...

Судья (перебивая). Не надо скромничать, доктор. Успех – это успех. Однако кое-что еще вселяет тревогу: актеры сбежали, погиб полицейский, мошенник слуга раскаялся и восстановлен в прежней должности...

Первый член совета. Вчера в Дублинском порту опять утонули две шхуны...

Второй член совета. Груженые?

Первый член совета. Разумеется... Груженные сукном. Прекрасным английским сукном...

Епископ. Не забудьте еще про волнения в Ковентри...

Судья. Да, да... Разумеется... Волнения в Ковентри... Уличные беспорядки в Глазго... И, наконец, это... (Жест в сторону окна.) Странный, загадочный летающий объект, который появился в небе Ирландии, вызывая страх у населения...

Ученый. Комета, господа, типичная бесхвостая комета!

Судья. Вы уверены?

Ученый. Разумеется. Есть неоспоримые доказательства!

Епископ. Знак Божий! Предвестие Страшного суда...

Ученый. Бесхвостая комета! Поверьте, ваше преосвященство.

Епископ. Оставьте небо церкви, сын мой!

Ученый. Нет уж, позвольте! Небо – часть космоса, оно принадлежит науке!

Губернатор (тихо, но для всех). Небо над Ирландией – часть Ирландии. И принадлежит Англии.

Судья. Бесспорно, сэр, бесспорно! (Всем.) Именно поэтому мы запросили

Лондон о характере явления...

Один из членов совета. И что они ответили?

Ученый. Бесхвостая комета, да?

Судья. Если бы...

Епископ. Страшный суд?

Судья. Хуже. Они пишут: “Решайте сами!”

Пауза.

Какие будут на этот счет мнения, господа?

Молчание.

Тогда есть общее мнение считать это странное небесное тело несуществующим.

Первый член совета. Мираж? Сон? Видение?

Судья. Это уж как мы решим... Здесь полная свобода выбора.

Ученый. Предлагаю термин “галлюцинация”. Типичная галлюцинация, господа! И она подтверждается неоспоримыми фактами...

Первый член совета. Это верно. Как только на Земле нет порядка, так сразу в небе появляются всякие летающие...

Ученый (подсказывая). ...галлюцинации...

Первый член совета. Галлюцинации. Вспомните историю Британии. Так было во время восстания Кромвеля, во время знаменитого лондонского пожара... Во время повышения цен на виски...

Второй член совета. А теперь – Свифт!

Все. Да... Да... Конечно... Разумеется...

Доктор (изумленно оглядываясь). Простите, господа, я что-то не

понимаю...

Судья (с легким раздражением). Да что ж это такое? Вы случайно родом не из Ноттингемшира?

Доктор. Да. А что?

Судья. Нет. Ничего. Я так и подумал...

Все заулыбались, снисходительно поглядывая на Доктора.

Вы читали третью часть “Приключений Гулливера”?

Доктор. Я начал... Но она мне показалась скучной...

Судья. Скучной?.. Ну знаете ли... (Достал книгу.) А вот прочтите-ка здесь... Страница двести семьдесят первая. (Передает книгу Доктору.) Вслух, пожалуйста!

Доктор (читает). “...Вдруг стало темно, но совсем не так, как от облака... Я оглянулся назад и увидел в воздухе большое непрозрачное тело, заслонившее солнце. Читатель едва ли будет в состоянии представить себе, с каким удивлением смотрел я на парящий в небе остров...”

Губернатор (тихо, но для всех). “Парящий в небе остров”... Красиво!

Судья. Безусловно, сэр! Стиль у него безупречный... Читайте дальше, доктор...

Доктор. “...Остров этот имеет форму круга диаметром семь тысяч восемьсот тридцать семь ярдов, или около четырех с половиной миль...”

Ученый (глядя в окно через подзорную трубу). Как всегда, он точен. Галлюцинация именно этих размеров!!..

Доктор (отложил книгу). Я все понял, господа!

Ученый (иронично). Наконец-то... Поздравляем...

Судья (Ученому). Погодите поздравлять. Надо узнать сначала, что он понял... Он же из Ноттингемшира...

Доктор. Вы хотите это (жест в сторону окна) приписать Свифту?

Судья (недовольно). Что значит “приписать”, доктор? Выбирайте выражения... Все им давно написано. Вы должны понимать, что столь подробное и художественное описание может вызвать и у всего народа довольно зримую галлюцинацию...

Ученый. Эпидемия безумия! Когда сходит с ума простой человек – это незаметно, но когда взрывается такой мощный интеллект, как Свифт, мысли и образы летят во все стороны...

Доктор. Но декан Свифт не сумасшедший.

Первый член совета. Не горячитесь, доктор, не горячитесь...

Доктор (твердо). Повторяю, господа, декан Свифт не сумасшедший!! Утверждаю это как врач!

Первый член совета. Не горячитесь, дорогой мой, не горячитесь...

Доктор (настойчиво). Декан Свифт абсолютно здоров! О чем я и сообщил в Лондон.

Общее замешательство.

Судья (сухо). Когда сообщили? Кому?!!

Доктор. Несколько дней назад я выслал письмо...

Судья (Губернатору). Значит, перехватить не успеваем... (Доктору.) Кому? Кому вы писали, сэр?

Доктор. Меня просил об этом один депутат.

Судья. О боже! Стало быть, все станет известно парламенту и печати...

Епископ. Неосмотрительно! О, как неосмотрительно!..

Губернатор (встал, подошел к Доктору). А как вообще он здесь?..

Всеобщее молчание.

Я спрашиваю: как получилось, что этот человек здесь? Кто назначил?!!

Пауза.

Судья (тихо). Вы, сэр!

Губернатор (зло). Я знаю!! Я спрашиваю – кто мне рекомендовал?

Судья. Мы полагали, у этой кандидатуры есть масса достоинств: молод, глуп, необразован... Не попадет под влияние декана...

Губернатор. Кто конкретно его утвердил?!!

Судья (нерешительно). Свифт! Из всех предложенных докторов декан почему-то выбрал этого...

Губернатор секунду смотрит на Доктора, потом решительно идет к выходу. Судья бросается за ним.

Перерыв, господа! Небольшой перерыв...

Судья и Губернатор скрываются за дверью. Члены совета, перешептываясь, подошли к окну, вновь принялись рассматривать “парящий остров”.

Доктор (обращаясь ко всем). Господа! Может быть, вы объясните, что случилось?.. Кому нужен этот обман?!!

Все демонстративно не слушают, заглядывают в подзорные трубы.

(Почти кричит.) Что произошло?!!

Первый член совета (взяв Доктора под руку и переходя на шепот). Не надо кричать, молодой человек. Что произошло, мы узнаем, когда вернутся судья и губернатор... Могу вам сказать свои соображения: вы погубили нас, вы погубили Ирландию, вы погубили Свифта...

Доктор. Да почему, черт подери?!

Первый член совета. Вам же объяснили: Свифт – великий сатирик. Это если судить по законам искусства...

если судить по законам искусства.

Второй член совета (берет Доктора за другую руку, шепчет). А если просто по законам – то за каждый памфлет ему полагается минимум пожизненное заключение...

Ученый (подходя сзади). И вот сама жизнь подсказала выход: декан объявляется безумным – мы его опекаем... Он пишет что хочет – мы возмущаемся как можем...

Епископ. И все чисты перед Богом!

Первый член совета. И перед правительством!

Второй член совета. И перед народом!

Ученый. Понимаете, какую гармонию вы разрушили, доктор?!

Доктор. Но я всего лишь установил диагноз...

Первый член совета. Бывает время, сэр, когда и диагноз – это донос!..

Открылась дверь. Вошли озабоченные Губернатор и Судья. Все поспешно расселись вокруг стола.

Судья. Господа! Продолжаем заседание Опекунского совета. После важного открытия, которое сделал наш доктор, мы уже не можем ждать указаний из Лондона и спокойно взирать на поведение декана... Все его чудачества, особенно эти нелепые похороны, которые он проводит в отношении себя, должны закончиться немедленно!..

Первый член совета. Но как?

Судья. Самым естественным образом!!!

Пауза. Все опустили глаза.

Доктор (растерянно). Простите... Я что-то не понимаю...

Судья (угрюмо). Читать надо больше, молодой человек... (Кладет перед ним книгу.) Страница двести восемьдесят вторая...

Доктор (читает). “...Если какой-нибудь город поднимает мятеж и мятежники продолжают упорствовать, король прибегает к радикальному средству: “летающий остров” опускается прямо на головы непокорных и сокрушает их вместе с домами!”

Губернатор (тихо, но для всех). “...сокрушает вместе с домами”. Довольно зримый образ. Нет, что ни говорите, а покойный был замечательным стилистом...

Все послушно закивали. Епископ тихо начал читать молитву...

8. Гулливер

Кабинет Свифта. За письменным столом – Свифт, рядом – мисс Эстэр Джонсон с блокнотом в руках. Из открытого окна доносится песенка. Голос поющей очень похож на голос Ванессы.

Эстэр. Я закрою окно, ваше преподобие? Становится сыро... (Подошла к окну, увидела певицу, очень похожую на Ванессу.) Пожалуйста, девушка, пройдите в сад... Там накрыт столик для гостей. Вас накормят. (Закрыла окно.) Поразительно, как эта бродяжка похожа на Ванессу... Я имею в виду не ту Ванессу, которая здесь была, а ту, которую вы любили... (Осеклась.) Извините, сэр! Я вторглась в ваши воспоминания... Продолжим работу. (Достала блокнот.) Итак, ваш ответ на статью лондонского критика: “...Вы пишете, что я мизантроп? Что ж, может быть, и так... Главная цель, которую я поставил себе во всех моих трудах, – это скорее обидеть людей, нежели развлечь их... В принципе, я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя сердечно люблю конкретно Джона, Питера, Тома и так далее... Я убедился, что существующее определение “человек – разумное животное” фальшиво и несколько преждевременно. Правильней формулировать: “человек – животное, восприимчивое к разуму. На этой базе мизантропии воздвигнуто все здание моих путешествий...” (Отрываясь от блокнота.) Я все правильно записала?

Свифт задумчиво смотрит куда-то вдаль.

Не слишком оскорбительно для человечества, ваше преподобие? Вспомните шутку ваших друзей: “Если б Свифт и вправду ненавидел людей, он бы не делал это так страстно”.

Свифт встал, подошел к окну, прижал лицо к стеклу. Где-то вдали мелькнула девушка, похожая на Ванессу.

Декан, вы отвлекаетесь... (Печально.) Я устаю. Очень трудно понять человека, который думает сразу обо всем человечестве и о девушке за окном...

Свифт повернулся к ней лицом.

Нет, сэр, я уже вам говорила: я не знаю, где Ванесса похоронена... Мы наводили справки, но безрезультатно!.. (Неожиданно зло.) Между прочим, могила Стеллы находится здесь, у стены собора... Там третий день не меняют цветы... А ведь она так любила полевые цветы...

В саду послышался шум. Камень, разбив стекло, влетел в кабинет. Эстэр испуганно вскочила.

Опять эти ужасные йеху! Здесь небезопасно оставаться, ваше преподобие!

Свифт невозмутим. Вновь раздается звон разбитого стекла. За окном – шум, звуки борьбы, затем распахнулась дверь, и Доктор втащил в кабинет упирающегося Патрика.

Патрик (упираясь). Вам показалось, доктор...

Доктор. Показалось? (Вывернул карман камзола Патрика, несколько камней высыпалось на пол.) Еще бы немного – и этот негодяй переколотил здесь все окна!

Свифт подошел к Патрику, печально заглянул ему в глаза, потом, круто повернувшись, направился к выходу. Патрик бросился за ним.

Патрик. Неправда, господин декан. Это не я. Это они! Йеху! Я просто гнал их и махал руками, а доктору померещилось, что кидаю я...

Свифт вышел. Патрик повернул к Доктору лицо, полное отчаяния.

Что вы натворили, сэр? Вы ранили декана в самое сердце...

Доктор (обращаясь к Эстэр). Много наглецов я видел на своем веку, но такого...

Эстэр. Ступайте, Патрик! Наш доктор, безусловно, ошибся, и я постараюсь его в этом убедить...

Патрик. Убедите хозяина, мисс Джонсон... Это главное. У него утром был сердечный приступ...

Эстэр. Постараюсь. Не волнуйтесь, друг мой...

Патрик уходит.

Доктор (решительно). Так!.. Я все понял! Здесь заговор! Вы, мисс Джонсон, этот мошенник слуга, Опекунский совет – вы все хотите смерти декана. Мне намекнули сегодня, что здесь может произойти несчастный случай. Теперь я понимаю, кто его готовит...

Эстэр. Извините, доктор, я всегда была невысокого мнения о вашей догадливости. Наверное, потому, что вы из Ноттингемшира...

Доктор. Какого черта вы прицепились ко мне с этим Ноттингемширом?

Эстэр. Говорят, там чрезмерные туманы и район сильно отстает в своем развитии... Поэтому умоляю вас – не будьте категоричны! Вы находитесь в необычном доме, общаетесь с неодномерными людьми. Не торопитесь делать о них выводы!.. И если вам показалось вдруг, что кто-то бросил камень...

Доктор. Не кто-то, а Патрик! Я это видел собственными глазами!!

Эстэр. Даже если так. Подумайте – зачем? Хотел ли он причинить зло или, наоборот, стремился сделать хозяину приятное?

Доктор (обалдело). Приятное?!

Эстэр. Сатирикам принято бить стекла! В этом специфика жанра! Поэтам бросают цветы, обличителям – булыжники! Это их слава и гонорар... Сатирик, который перестал возмущать, – кончился. Его жизнь потеряла смысл! Вот почему ваш поступок так огорчил декана!

Доктор. Я же и виноват!! Вы здесь устраиваете спектакли, а я виноват... Может, он плохой сатирик, ваш Свифт...

Эстэр (гневно). Свифт – гениальный писатель! Но он в западне. Его загнали в этот дом, заткнули рот, окружили стеной непонимания...

Она подошла к окну, распахнула шторы. Стали видны лица горожан, равнодушно взирающих на Доктора.

Вот они – настоящие йеху! Вглядитесь в эти тупые физиономии... Их ничто не волнует, ничто не может растормошить! Свифт окружен стеной непонимания!! Он нанял актеров, чтобы те несли людям его мысли: власти оказались хитрей – они наняли зрителей!.. Круг замкнулся!.. (Задернула штору.) Впрочем, я никого не виню. Время изменилось, сэр... Кто сейчас реагирует на намеки и подтексты, которыми так славился декан... Все все давно понимают, и уже ничто никому не смешно... Атрофировалась совесть! Вот что терзает душу Свифта. Вы подозреваете, что здесь может произойти убийство? Оно уже происходит! Для этого не нужно ножа или яда... Можно убивать непониманием... Ежесекундно, планомерно, не нарушая закона... И в этом, может быть, самая главная роль отведена вам. Тут уж губернатор с судьей постарались! Вы можете, сэр, извините, доконать любого человека! С более крепким здоровьем, чем у нашего декана...

Пауза. Доктор подошел к окну. За разбитым стеклом шумел дождь.

Доктор. Хорошо! Я уеду.

Эстэр. Не уверена, что это будет правильным решением...

Доктор (перебивая). Нет-нет. Я уеду!.. Я врач. Первая заповедь Гиппократа – “Не вреди!”. Я не хочу быть причиной ничьей гибели!.. Зачем?.. В конце концов, я не просился сюда... Я жил спокойно в своем маленьком Ноттингемшире, ходил каждый день на службу, у меня была нормальная жена, нормальные дети, и я нормально лечил нормальных сумасшедших... Зачем меня притащили сюда, в этот странный дом, построенный неизвестно для кого?.. Будь он проклят со своими розыгрышами и мистификациями! Здесь нет ничего святого! Смерть, любовь, вера – лишь повод позубоскалить! Все! Пора уходить!.. Помочь я никому не смог, зато сам не сошел с ума! И на том спасибо!

Эстэр (с беспокойством). И все-таки я просила бы вас остаться! Декан

считает, что вы ему очень нужны!

Доктор (гневно). Откуда вы знаете, что он считает?!!

Эстэр. Мне трудно вам все сразу объяснить, доктор... (Сняла с полки книгу.) Прочтите книгу декана, сэр... Вдруг вам что-то станет понятней...

Она положила книгу перед Доктором, пошла к дверям. Доктор секунду смотрел ей вслед, затем в гневе закричал.

Доктор. Передайте декану, что его книга имеет у меня оглушительный успех!!

После чего размахнулся и со всей силы запустил книгу в стекло.

Эстэр (зло). Декан прав: человек может быть худшим из всех зверей! Обезьяны бьют зеркала, потому что им не нравятся собственные физиономии, но бить писателю окна его же книгами – до этого может додуматься только царь природы!..

Она вышла. Дождь усиливался. Доктор глянул в окно. Книга разорвалась, и теперь ветер разносил ее листки. Патрик смешно суетился, ловя их. Доктор секунду наблюдал за ним, потом выбежал, стал помогать. Скоро они вернулись в дом, мокрые, но какие-то умиротворенные...

Патрик (раскладывая листки у камина). Ничего, ничего, сэр... Высушим, разгладим утюгом, переплетем... Будет как новенькая...

Доктор (пристыженно). Извините меня, Патрик! Я разволновался, был взбешен...

Патрик. Что вы, сэр! Предыдущий доктор вместе с книгой кинул в окно и себя... А у вас вполне нормальная реакция. Декан говорит: “Моя задача не развлекать, а вызвать суровое негодование...” У него и на гробовой доске, которую он заказал, сказано: “Суровое негодование не раздирает здесь уже его сердце”...

Доктор. Скажите, Патрик, вы тоже слышали, как декан разговаривает?

Патрик. Неоднократно, сэр...

Доктор. Только честно...

Патрик. Я бы даже сформулировал так: он практически не замолкает...

Доктор (устало). Пошел вон!!

Патрик. Слушаюсь! (Сделал шаг, остановился.) Напрасно обижаетесь, доктор. Вы спросили – я ответил...

Доктор. Хотите меня уверить, что декан болтун?

Патрик. Разумеется, нет, сэр. К нему вообще такое объяснение не подходит... Декан перестал пользоваться словами. Они искажают смысл! Особенно в наше время. Мы заврались: думаем одно, говорим другое, пишем вообще непонятно что... Декан сделал шаг вперед: он изъясняется мыслями! Это высший способ общения разумных существ – минуя уши, не разжимая рта. Напрямую!

Доктор. И вы его понимаете?

Патрик. Не всегда и не все... Но иногда... Вот сегодня утром он поделился со мной мыслями о Декарте...

Доктор. О ком?

Патрик (огорченно). Ну вот... Вы и не слышали о таком философе... Вам будет непонятно...

Доктор (сердито). Не наглейте, Патрик! Не забывайтесь: я доктор – вы лакей...

Патрик. Не в этом дело, сэр. Вы здесь всего несколько дней, а я много лет... Тут каждый год идет за два университетских...

Доктор. Я должен понять... Научите меня, Патрик!

Патрик. Да я только этим и занимаюсь, сэр! Но что делать, если на все нужно время и терпение... Вспомните, сколько сил потратила ваша маменька, сколько носила на руках, кормила грудью, делала “агу-агу”... И все для чего? Чтоб научить вас ГОВОРИТЬ?!. А молчать?! На это уходит жизнь! Нет! Надо начинать с самого начала... Прочтите книгу декана.

Доктор. Она скучная...

Патрик (как непослушному ребенку). Не скучная! Не капризничайте!.. Ну хорошо, вот вам детское издание... (Достал книгу с полки.) Адаптированное... Ну хоть картинки полистайте... Картиночки!!! Ну?!!

Под пристальным взглядом Патрика Доктор перелистнул несколько страниц. Мелькнули иллюстрации. Тихо зазвучала музыка. Доктор перевел взгляд на картину, висевшую на стене, потом снова на иллюстрации книги...

Доктор (тихо). Шляпу!

Патрик. Что?

Доктор (громко). Шляпу!!

Патрик. Какую, сэр?..

Доктор. Большую!! И камзол... Дорожный камзол...

Патрик. Сейчас... Сейчас... (Заметался, распахнул шкаф, достал зеленый дорожный камзол, шляпу.)

Доктор выхватил их у него из рук, поспешно стал переодеваться.

Доктор (шепотом). Я Гулливер!

Патрик (шепотом). Кто?

Доктор (кричит). Я ГУЛЛИВЕР! Из Ноттингемшира!.. Тут же написано: “Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире”... Доктор из Ноттингемшира, Ламуэль Гулливер... Как я сразу не понял? (Подбежал к зеркалу.) Я Гулливер!.. (Затанцевал, бросился к клавесину, застучал по клавишам.) В Ноттингемшире! В Ноттингемшире!

В Ноттингемшире!

Тара-ра-ра! Самые глупые, глупые в мире

Живут доктора...

Патрик. Ну слава богу! Наконец-то... (Торжественно пошел к выходу.) Мисс Джонсон! У нас радость! Доктор тронулся!.. (Скрылся за дверью.)

Доктор продолжал барабанить по клавишам. Звуки стали вырастать в мелодию, слова – в песню. Ее подхватили горожане, облепившие окна... Песня закончилась громким ликующим аккордом. В безумном порыве Доктор вскочил на подоконник и прыгнул в сад. Раздались аплодисменты, грохот падающего тела, и наступила темнота...

9. Молчание Доктора Симпсона

Темнота постепенно начала исчезать, давая очертания предметам.

Звуки тоже постепенно стали возвращаться...

Доктор открыл глаза и обнаружил, что лежит на диване в кабинете Свифта. Над ним склонились Эстэр и Патрик.

Эстэр (разглядывая Доктора). Поразительно... У него изменилось лицо.

Патрик. Обратите внимание на зрачки... Совсем другой взгляд. Какая глубина!

Эстэр. Да, да... И там, на дне, – таинственность и отблеск страданий...

Доктор застонал.

(Заботливо.) Как вы себя чувствуете, доктор?.. Вы не совсем удачно вышли через окно.

Доктор вновь застонал.

Ничего страшного. Здесь это бывает... И пожалуйста, не разговаривайте...

Патрик. Да, да, сэр... Попробуйте отвечать молча... Мыслью! Вы же хотели научиться...

Доктор присел на диване, обалдело посмотрел на Патрика, затряс головой.

Нет, мимика не нужна! Только взглядом...

Доктор посмотрел на него.

Вот!! Я все понял... Вы мысленно спросили: какого черта вам надо?.. Замечательно! Объясните все доктору, мисс Джонсон! (Подошел к окну, вынул подзорную трубу, стал наблюдать за небом.)

Эстэр (шепотом). Доктор... У меня нет времени все подробно рассказывать, но если вы и вправду беспокоитесь за жизнь декана, то вы можете ему помочь! Вы только сейчас ощутили себя Гулливером – и сделали, на мой взгляд, это убедительно...

Патрик (нервно). К делу, мисс Джонсон... Некогда! Они зависли над садом...

Эстэр (испуганно оглядываясь). Имеется в виду этот “парящий остров”! Мы все гадали, что это – комета или посланцы иных миров? Сегодня утром здесь появились какие-то люди, которые заявили, что они “пришельцы из будущего”... Лапутяне...

Доктор потряс головой.

Да, сэр, я тоже сделала такой жест, но они убедили меня, что это правда и что они прилетели, чтоб встретиться с деканом Свифтом, поскольку у них там отмечается трехсотлетие его смерти... И тут мы с Патриком подумали: а вдруг это обман? Вдруг это подосланные губернатором наемники?! Можем ли мы подвергать такой опасности декана?!

Доктор глянул на нее, мучительно соображая, потом встал, направился к письменному столу.

Патрик (радостно). Вы все правильно поняли, сэр! Они не знают его в лицо. Я бы сам сел, но у меня глаз пустой... Вызовет сомнения...

Эстэр (усаживая Доктора в кресло). Вот так... Возьмите в правую руку перо... Так его обычно изображают художники... Накинем мантию...

Патрик. Скорее, мисс Джонсон!! Остров идет на посадку... (Подбежал к Доктору, положил перед ним пистолет.) На всякий случай, сэр!

Эстэр. Благослови вас Бог!

Патрик (поспешно зашторивая окна). Не волнуйтесь, доктор... Сидите наблюдайте... Нам только выяснить... (Он обернулся и, увидев пронзительный взгляд Доктора, склонился в почтительном поклоне.) Извините, господин декан! Я всегда лезу с идиотскими советами...

Патрик и Эстэр исчезли. Зазвучала загадочная музыка... Пронзительный звук приближался, нарастая. Послышался треск. Разрывая обои, стены, в кабинет ворвалась толпа странных людей в кожано-нейлоновых одеяниях... Мелькают блицы фотоаппаратов, стрекочут кинокамеры. Толпа гостей обступила Доктора. Неожиданно из толпы выскочил вперед Лапутянин, заговорил в бодром темпе, извергая информацию и явно не стесняясь присутствия хозяина...

Лапутянин. Благоговение, друзья! Благоговение! Вы в доме Джонатана Свифта. Год рождения – тысяча шестьсот шестьдесят седьмой, год смерти – тысяча семьсот сорок пятый. В ряду великих сатириков прошлого у Свифта особое место. Не ищите в нем радостного оптимизма Рабле, изящной иронии Вольтера, отстраненного скептицизма Франса... Свифт яростно саркастичен!!

Один из гостей (испуганно поглядывая в сторону Доктора). Вы уверены, что он нас не замечает?

Лапутянин. Я объяснял: декан невменяем. В последние годы жизни впал в безумие... Обратите внимание: отсутствующий взгляд, на лице выражение опустошенности, полное отсутствие рефлексов!.. (Изящным движением достал булавку, уколол Доктора в плечо – Доктор не шелохнулся.) Один из гостей. Миньерова болезнь?

Лапутянин. Специалисты считают, что так... Таким образом, мы его вряд ли беспокоим... Мы где-то в подсознании, мы для него – видение.

Один из гостей. Бедняжка!

Один из гостей. Почему он не похож на свой портрет?

Лапутянин. Вы имеете в виду работу Джеверса в Национальной галерее? Она недостоверна... Внешний облик декана – одна из многих загадок

исследователей. (С улыбкой посмотрев на Доктора.) Мистификатор! Художникам не позировал, собственные книги не подписывал. Даже рукопись “Гулливера” подбросил издателю анонимно... Под дверь...

Один из гостей. Какая беспечность! Она ж могла пропасть...

Лапутянин (с усмешкой). Разве классики думают о нас? Жгут рукописи, рвут черновики...

Один из гостей. В чем причина его мрачного сарказма?

Лапутянин. Эпоха! Конец феодализма, бурный рост новой, буржуазной формации, в идеалах которой он быстро разочаровался... А тут еще превратности судьбы...

Один из гостей. Вы имеете в виду Стеллу или Ванессу?

Лапутянин. Я имею в виду обеих... Две прекрасные женщины любили его, он погубил их своей черствостью и эгоизмом... Бедняжки умерли совсем молодыми!..

Гостья, похожая на Эстэр. Неправда!

Лапутянин. Простите, что именно?.. Неправда, что они умерли, или неправда, что их было только две?..

Смешок среди гостей.

Гостья, похожая на Эстэр (выходя вперед). Не собираюсь подсчитывать количество женщин, встретившихся на пути мужчины... Сколько бы их ни было, главной остается – одна. Единственная! Так было и будет...

Гостья, похожая на Ванессу. Вы, конечно, уверены, что это Стелла?

Гостья, похожая на Эстэр. Как вы догадались?

Гостья, похожая на Ванессу. Вы на нее похожи...

Гостья, похожая на Эстэр. Не важно, кто на кого похож... Есть дневники Свифта.

Гостья, похожая на Ванессу. Можно верить тому, что напишет мужчина о женщине?.. Главное, что происходит в его подсознании... Судя по портретам Ванессы, она была значительно красивей соперницы...

Гостья, похожая на Эстэр. Но, судя по ее письмам, значительно глупей...

Смешок среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья, благоговение!

Гостья, похожая на Ванессу. А зачем мы спорим в присутствии первоисточника? Давайте спросим у декана: Стелла или Ванесса? (Решительно направляется к Доктору.)

Лапутянин (испуганно). Но декан не разговаривает!

Гостья, похожая на Эстэр. А нам достаточно только взгляда... (Доктору.) Стелла или Ванесса?

Гостья, похожая на Ванессу. Ванесса или Стелла?!! Ваше преподобие, бесчестно быть таким нерешительным!!

Доктор испуганно прячет глаза. Шум среди гостей.

Лапутянин. Благоговение, друзья! Благоговение! Не будем переходить границы приличия!.. Тем более в присутствии хозяина...

Один из гостей. Вы же говорили, что декану это безразлично...

Лапутянин (смущен). До известных пределов...

Одна из гостей. Нет, вы скажите точно: мы для него видение или нет?

Лапутянин. Видение!.. Но не надо превращать его в кошмар!.. Будем сдержанны, друзья мои!.. Пройдите в сад. Осмотрите цветники... архитектуру... А в полночь, когда зазвонят колокола, прошу всех собраться у собора на площади. Начнется самое интересное!

Гости исчезают. Лапутянин задерживается, подходит к Доктору.

Браво, доктор! Вы замечательно промолчали свою роль...

Доктор не отвечает.

Не хотите говорить? Спектакль не окончен? (Подбегает к шкафу, аплодирует.) Браво, декан! Гости от души посмеются, узнав, как остроумно вы их одурачили... (Распахнул дверцу шкафа, заглянул.) А где же наш шутник? Уверен, что он где-то прячется... (Начинает сердиться.) Глупо дальше молчать, доктор... Некрасиво! Декану, очевидно, надоело смеяться над современниками, он решил поиздеваться над потомками... Опасный эксперимент! Когда кого-то не уважаешь, можешь нарваться на ответное чувство!.. Это я вам говорю как специалист, как исследователь его жизни и творчества... Писатель-то он, честно говоря, средний. И неблагодарный... Я бы мог посвятить жизнь Диккенсу... Теккерею... Голсуорси, наконец!.. А я с юности просиживал штаны в библиотеках и архивах, изучая Свифта, – и вот как он меня встречает!! (Кричит невидимому Свифту.) Вы забытый писатель, сэр!! Хрестоматийный классик, которого никто не читает!! Спроси у читателей – что такое гуингнмы, Глабдобдриб... Бробдингнег? Половина не слышала, половина не выговорит... У вас не сложилась судьба, сэр!! А заодно и у меня, потому что я писал о вас!! И все потому, что вы не сумели прожить жизнь... достойно!

Доктор молча взял пистолет, навел на Лапутянина. Тот вздрогнул, но взял себя в руки, усмехнулся.

А вот это совсем пГішло! Пистолеты, шпаги оставим Вальтеру Скотту! Это скорей в его стилистике... У Свифта все проще... Не волнуйтесь, его никто не убивал. Это я вам говорю как специалист. Он умер обычно и невыразительно – от обыкновенного сердечного приступа... девятнадцатого октября тысяча семьсот сорок пятого года. Это написано во всех энциклопедиях... Могу показать... (Достал из портфеля книгу, положил перед Доктором.) “Записки Опекунского совета”, академическое издание... И не смотрите на меня как на сумасшедшего, доктор! Тот факт, что я появился здесь, в приюте, ни о чем не говорит. Нам, пришельцам из будущего, приходится часто прикидываться безумными... Иначе нам бы не простили наши пророчества... Ну что?! Будете стрелять или поверите на слово?!

Доктор опускает пистолет.

Благодарю!.. А теперь я, пожалуй, пройду к гостям! Эти “эрудиты” так и норовят в каждой эпохе оставить надпись на стене. А потом историки

ломают головы – откуда в восемнадцатом веке мог появиться фломастер?! (Уходит.)

Доктор открыл книгу, начал листать. В кабинет вбежали Патрик и Эстэр.

Патрик (с досадой). Надо было спустить курок, доктор!.. Если это был человек ОТТУДА, пуля бы ему не повредила, а если человек губернатора – тем более!!

Эстэр (взяла книгу из рук Доктора). Но она издана двадцать лет спустя...

Доктор. Может быть, фальшивка?

Патрик. Эх, сэр, надо было спустить курок!

Эстэр (открыла книгу, начала медленно читать вслух). “19 ОКТЯБРЯ 1745 ГОДА НЕ СТАЛО ДЖОНАТАНА СВИФТА. НАКАНУНЕ ВЕЧЕРОМ ОН ИСПЫТЫВАЛ СТРАННОЕ БЕСПОКОЙСТВО, ТОЧНО ПРЕДЧУВСТВОВАЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ МИГ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ БЛИЗКИХ ДЕКАНА, ОН ДАЖЕ НЕОЖИДАННО ЗАГОВОРИЛ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ. ПЕРВОЕ СЛОВО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ СВИФТОМ, БЫЛО СЛОВО “КОГДА?”.

Распахнулась дверь. На пороге стоял Свифт, Эстэр испуганно захлопнула книгу.

10. Последняя смерть Джонатана Свифта...

Свифт. Когда?

Эстэр. Не понимаю – о чем вы спрашиваете, декан?

Свифт. Уверен, эти люди сообщили вам точную дату...

Доктор (строго). Прекратить! Вам не идет болтовня... Молчащим вы, извините, казались умней...

Свифт. Когда я умру, доктор?

Доктор. Вдвойне бестактный вопрос!! Если б я и знал – не сказал бы... Есть врачебная этика. Я давал клятву!

врачебная этика. Я давал клятву!

Свифт. Хорошо. Я избавлю вас от необходимости нарушать эту клятву... Можете говорить смело, доктор... Ваш ответ никак не отразится на моем самочувствии... Дело в том, что я не Свифт.

Доктор (с улыбкой). Так... Ну... Это другое дело. Это нормальный параноидный бред, который я понимаю и знаю, как лечить.

Свифт. Подтвердите, Патрик!

Патрик. Мне нечего подтверждать, сэр!.. Я ни в чем не уверен...

Свифт. Расскажите, как все было!

Доктор. Не старайтесь, Патрик. Все равно не поверю!

Патрик (с азартом). И правильно сделаете, сэр! Можно ли верить в такую чушь?! А дело было, значит, так... Много лет назад я пошел приглашать в наш дом бродячий театр... Ну, чтоб они здесь изображали психов, вы знаете... Так вот среди них был один актеришка... (Свифту.) Извините, сэр, не хочу никого обидеть... (Доктору.) Так вот, там был один актеришка, очень похожий на нашего декана... Я даже подумал – не брат ли? Рассказал об этом декану... Он пригласил этого парня в наш дом... Потом они вместе ходили, беседовали... молчали... Потом ОН исчез...

Доктор. Кто?

Патрик (неуверенно). Как это – кто? Ясно – кто!.. (Смотрит на Свифта.) Господа, не надо сбивать меня вопросами... И у лакеев есть нервы!

Свифт (с улыбкой). Он прав! И, кто бы я ни был, мне необходимо знать свой час, доктор... Все равно: доиграть или “дожить”... И то и другое надо сделать достойно! Я сам хочу решить, как мне распоряжаться остатком отпущенного времени... Когда?

Доктор молчит.

Хорошо! Попробуем понять друг друга молча... Вы этому долго учились, теперь ваши труды увенчаются успехом...

Доктор поспешно вскочил.

Доктор поспешно вскочил.

Неужели завтра?

Доктор. Я этого не говорил!!

Свифт (печально). Значит, завтра... Девятнадцатого октября. А если точней? Утром? Вечером? Извините, но в таком деле каждый час дорог...

Патрик (с отчаянием). Не отвечайте, доктор! Не думайте про это...

Свифт. Значит – ровно в полночь... Осталось два часа...

Патрик. Ну просили же мысленно помолчать!..

Свифт. Теперь молчите все! Вы и так отняли у меня много времени... Человек слабее смерти потому, что у нее есть преимущество: она знает час своего прихода, а человек в неведении... А теперь мы с ней на равных! И неизвестно, за кем последнее слово... (Взяв у Эстэр книгу.) Что тут про меня она придумала? (Читает.) “Девятнадцатого октября плачем, стонами и рыданьями наполнился дом Джонатана Свифта...” Кто это пишет? Губернатор Уолп? Наглый враль! Все будет не так!! Я столько раз это репетировал, чтоб избежать банальностей... И два часа не так мало. Мы успеем подготовиться... Патрик! Мисс Джонсон! Соберите всех актеров... Всех, всех... Вы меня понимаете?

Эстэр. Разумеется, декан.

Свифт. И пригласите их сюда. Передайте: у нас последнее представление, и необходимо кое-что обсудить... Вам все понятно?

Патрик. Безусловно, сэр!

Патрик и Эстэр уходят.

Доктор. Вы меня очень огорчаете, декан! Словно нарочно делаете все, чтобы предсказание сбылось!..

Свифт. Наоборот! Мы его перечеркнем, и вы мне в этом поможете. (Берет бумагу, перо, кладет все это перед Доктором.) Плевать нам на мемуары какого-то глупого губернатора... У историков будут воспоминания

лечащего врача. Юридический документ, который невозможно опровергнуть!

Доктор. Имейте в виду, я стану писать только правду.

Свифт. Конечно! Правду в высшем значении этого слова. Пишите! “Я, доктор Симпсон из Ноттингемшира, свидетельствую о последних минутах пребывания моего пациента Джонатана Свифта в Дублине... Поздно вечером, накануне всем памятного девятнадцатого октября тысяча семьсот сорок пятого года, декан неожиданно привел меня в свой кабинет и сказал: “Доктор! Я хочу написать продолжение “Приключений Гулливера”... Пятую часть этой книги. Самую важную! Последнюю... “Путешествие в страну мертвых”... Это путешествие я совершу сам...” (Заметив, что Доктор отложил перо.) Почему вы перестали писать? Разве что-то неверно?

Доктор. Успокойтесь, декан! Вам вредно так волноваться...

Декан (передразнивая). “Успокойтесь, декан, вам вредно так волноваться!” – воскликнул я, но декан ответил: “Волноваться всегда полезно!” (Вкладывает перо в руку Доктора.)

Доктор (возмущенно). Но вы бледны, у вас частый пульс!

Декан (передразнивая). “Но вы бледны, у вас частый пульс!” – снова крикнул я, но декан дал мне руку (протягивает руку), и я убедился, что пульс у него отменный... “Сегодня в полночь, – продолжал декан, – когда зазвонит колокол на соборе, я отплыву в страну, где до меня побывал разве что один Данте. Данте дал гениальное описание этой страны, но, увы, чересчур мрачное! Уверен, что и там есть много забавного и нелепого, просто это не каждому дано увидеть. Смерть боится казаться смешной! Это ее уязвимое место... Того, кто над ней смеется, обходит стороной...”

Открылась дверь. Патрик и Эстэр ввели актеров: здесь были лилипут Рельб, великан Глюм, Некто, несколько горожан.

Патрик. Мы готовы, ваше преподобие...

Свифт (обращаясь к актерам). Сегодня в полночь я умру в последний раз. Это важное представление, поэтому мне хочется в нем быть максимально убедительным... Посмешней изображайте скорбь. А если я пошатнусь – все вскрикните...

вскрикните...

Рельб. И я?.. Я лилипут. Меня все равно не услышат...

Свифт. Не важно! Сегодня наш крик не для других, а для себя... (Разглядывая Глюма.) Глюм! Вам надо переодеться. У вас недостаточно высокие ходули для такого торжественного случая...

Глюм (засмеявшись, подтянул брюки). Это НОГИ!.. Я вам открою секрет, господин декан... Я снова стал расти... По-настоящему... Так будет интересней!

Свифт. Хорошо! (Подошел к Некто.) Вы, мистер Некто, проводите меня печальным взглядом... Но с легким оттенком зависти: мол, везет же людям... умирают! А мне еще жить да жить...

Некто (печально). Но я вам действительно завидую, декан. Вы умрете, все газеты напишут: “Умер Свифт!” А случись это со мной – что писать? Такого-то числа умер Некто... Все равно что “никто”...

Свифт (обнял Некто). Хорошо! Эту шутку произнесите погромче. После нее я упаду!.. (Горожанам.) Вы склонитесь надо мной... Подойдет доктор, составит протокол... И все! После этого я исчезну... Совсем!..

Один из горожан. И не выйдете на аплодисменты?

Свифт. В этот раз – нет...

Глюм (со вздохом). Аплодисментов может и не быть. Это вам кажется, ваше преподобие, что всех так уж интересует игра ума... Публику волнует совсем другое... Кто кого любит? Стелла – Ванесса... Ванесса – Стелла.

Свифт (печально). Мне не даются лирические сцены... Это пробел в моем творчестве...

Патрик. Не наговаривайте на себя, сэр. Чтобы классик, да еще сумасшедший, не смог придумать эффектную сцену про любовь!.. Где-нибудь у алтаря... Под звуки органа... А мисс Джонсон вам поможет...

Свифт (обернулся к Эстэр). Вы мне поможете... Стелла?!

Эстэр. Вы обращаетесь ко мне, ваше преподобие?

Эстэр. Вы обращаетесь ко мне, ваше преподобие?

Свифт. Вы так похожи на женщину, которую я любил... И я хотел бы на прощанье называть вас Стеллой... И я хотел, чтобы мы прошли с вами к алтарю в соборе... И чтоб звучал орган...

Патрик (с азартом). Может, еще позвать епископа?

Свифт. Не надо! Я все сделаю сам... За свою жизнь я стольких венчал и благословлял, что заслужил право один раз проделать этот обряд и с самим собой...

Горожанин. А мы свидетели, да?

Патрик. Ну конечно! А доктор все опишет...

Доктор. Что? Я не понимаю...

Горожане (обступили Доктора, страстно заговорили):

– Как это “что”? Вы станете сейчас

Свидетелем венчания декана...

Вы – молодой и честный человек,

Вам долго жить! Расскажете потомкам,

Что не был Свифт чудовищем жестоким,

А был он просто слабый человек

И очень трудно приходил к решенью...

– Зато, решив, он становился сильным,

Сильнее всех превратностей судьбы...

– И все узлы, что наплела она,

Он разрубил при вас одним ударом...

И сделал выбор!!

Эстэр (печально). Избавьте меня, ваше преподобие... Я не умею притворяться... Да и вы тоже. Можно обмануть друзей или слуг, но не женщину, которая вас любит... Вы уходите по-настоящему!

Свифт. Пусть так. Поэтому я хотел наконец все расставить по местам...

Эстэр. Я это поняла... И я вам помогу... (Подошла к окну, позвала.) Ванесса!

Свифт (в отчаянии). Что вы делаете?.. Зачем?..

Эстэр (печально). О, как вы ее любите... Какая она счастливая!..

Появилась Ванесса.

Ванесса. Вы меня звали, сестра?

Эстэр. Вас пригласил декан. Он прощается с нами и хотел... как бы это лучше сказать... хотел сообщить вам нечто важное... Я ведь правильно все говорю, декан?

Свифт молчит.

Декан хочет покончить с таким противоестественным положением, в котором он, вы и я пребывали долгие годы... Он сделал выбор... Принял решение...

Ванесса. И поручил сообщить его вам? (Свифту.) Не очень удачная шутка, ваше преподобие... Я так всегда ценила изящество вашего юмора, а тут... не очень... (Актерам.) Вы как считаете?

Глюм. Не очень...

Один из горожан. Но, может быть, дальше пойдет поживей?

Эстэр и Ванесса неожиданно бросились друг к другу, заговорили страстно, перебивая...

Эстэр. Не делайте глупостей. Ванесса. Он вас любит! Я знаю! Много лет!..

Он перечитывает ваши письма... Шепчет стихи...

Ванесса. Замолчите! Вы унижаете меня своим благородством! Я не хуже вас понимаю молчание декана...

Эстэр. Вы ему нужней!

Ванесса. Нет – вы!

Эстэр. Вы прекрасно ведете его переписку... У вас дом в порядке. А я провинциальна! У меня дурной вкус...

Ванесса. Не наговаривайте на себя! Вы создали в доме уют. Повесили замечательные шторы...

Эстэр. Ужасные шторы!

Ванесса. Замечательные! (Снова апеллирует к актерам.) Ну, подтвердите! Чьи шторы лучше?..

Эстэр (в отчаянии). При чем здесь шторы?! (Упала на колени перед деканом.) Ваше преподобие, пожалейте меня, женитесь на ней!..

Свифт хотел что-то сказать, но пошатнулся. Доктор кинулся к нему.

Доктор (женщинам). Вы убиваете его...

Свифт (пытается улыбнуться). Нет, доктор... Успокойтесь. Я же предупреждал: эта сцена у нас никак не получается... Мы ее репетируем много лет... И ничего определенного. Тут ирония не годится, а в лирике я... не силен. Извините! (Повернулся к актерам.) Жизнь сложна и никак не выстраивается в сюжет. Обе женщины поместились в сердце моем, и нет у меня сил и права предпочесть одну другой... Так и запишите, доктор: “Жили на земле Стелла, Ванесса и Свифт! Они любили как умели, страдали как умели... но помыслы их были чисты. И не стоит потомкам мучиться над их тайной... Достаточно того, что измучились они...”

Раздался звук колокола. В открытой двери кабинета появились лилипут Флим и Рыжий констебль.

Флим. Пора, декан!

Рыжий констебль. Пора...

Свифт. Да... Я знаю... (Доктору.) Не смотрите испуганно, доктор... Все идет как положено... Я среди друзей: одни пришли проводить, другие – встретить... Все как всегда!..

Звук колокола стал нарастать, Свифт пошел к дверям, за ним молча двинулись женщины, актеры, горожане. Доктор провожал их взглядом.

Патрик (тронул Доктора за рукав). Прошу наверх... Там лучше видно... Как в ложе.

Доктор. Нет. Я все увижу отсюда... (Подошел к столику, обмакнул перо.)

Патрик (прислушиваясь к шуму толпы). Сегодня похороны пройдут великолепно! Уж я чувствую!.. Декан все продумал...

За окнами шум.

Это он пошатнулся!..

Аплодисменты.

Принимают хорошо, но смеются мало... Люди разучились понимать условное искусство!

Рев толпы.

...А это – упал!! (Заглядывает в окно.) Понесли на руках! А он не шелохнется... (Повернул заплаканное лицо к Доктору.) Дальше сами сочиняйте, сэр... И у лакеев есть нервы!

Доктор (записывает).

На крик толпы я выбежал на площадь

И там увидел Джонатана Свифта –

Лежал он неподвижно на земле...

Коснулся я его руки холодной,

Припав к груди, услышал тишину,

И лишь собрался объявить о смерти,

Как вдруг заметил, что он краем глаза

Мне весело и дерзко подмигнул...

И понял я, что предо мной актер,

Достигший в лицедействе совершенства,

Который, если требует искусство,

И сердце, и дыханье остановит,

А жив он или нет – не нам судить...

Все это объяснил я горожанам,

Актеры унесли труп за кулисы,

И зрители спокойно разошлись...

Звук колокола усиливается.

Занавес

Кин IV

Трагикомедия в двух частях

(По мотивам пьесы Ж.-П. Сартра, написанной по мотивам пьесы А. Дюма, созданной по мотивам пьесы Теолона и Курси, сочиненной на основании фактов и слухов о жизни и смерти великого английского актера Эдмунда Кина)

Действующие лица

Эдмунд Кин – актер.

Анна Дэмби – его жена

Анна Дэмой – его жена.

Чарлз Кин – их сын.

Принц Уэльский, он же король Георг IV.

Граф Кефельд – посол Дании.

Елена – его жена.

Эми Госуилл – графиня.

Лорд Мьюил.

Констебль.

Доктор.

Хозяин ресторана.

Цилиндр.

Шляпка.

Кепка.

Прохожие.

Соломон – гример, суфлер, он же – костюмер, рабочий сцены, слуга, гвардеец и любой другой персонаж, который потребуется для спектакля.

Время действия – начало XIX века.

Место действия – Лондон.

Часть первая

Пролог

Кулисы театра. За гримерным столиком, сидя спиной к зрителям, спит Актер, которому в дальнейшем надлежит исполнять роль Кина. На авансцене возле суфлерской будки Соломон раскладывает папку с текстом

пьесы.

Соломон (разглядывая титульный лист). Итак... Начнем! “Кин” – пьеса по мотивам Жан-Поля Сартра, написанной по мотивам Дюма, сочиненной по мотивам Теолона и Курси... Боже, сколько соавторов на один сомнительный сюжет. А вот поди ж ты, переделывают его уже второй век во всех театрах мира. А почему? Говорят – хорошие роли... Ну, не знаю. Моя – явно не удалась... Вот она здесь – в конце списка: “Соломон – суфлер”. Ну, почему “суфлер” – ясно: дело происходит в театре. Но почему именно “Соломон”? Очевидно, для смеха. И действительно: разве не смешно, если засадить старого еврея с радикулитом в суфлерскую будку и заставить оттуда шептать текст? А эти бездельники актеры будут его нещадно перевирать...

Актер (очнулся, застонал, выпил воды, тупо смотрит на себя в зеркало). Соломон...

Соломон. О! Кажется, его величество проснулись... (Актеру.) Добрый вечер, сударь! Или – доброе утро? (В зал.) Никогда не знаешь, как приветствовать человека, который заснул на рассвете, а проснулся при луне... Сейчас, дай бог, он очухается и начнет играть Кина. Не кого-нибудь, а Эдмунда Кина – величайшего актера Англии. Сейчас он вам исполнит, и вы услышите треск. Это театральные критики прошлого века начнут переворачиваться в своих гробах...

Актер. Соломон, что ты бормочешь? Ни черта не пойму!

Соломон. Вам не обязательно понимать. Это не текст. Я говорю сам с собой.

Актер. А зачем?

Соломон. Не все же суфлеру подавать реплики другим. Хочется иногда подкинуть пару фраз и самому себе...

Актер. Который час?

Соломон. Полагаю, минут пятнадцать до катастрофы. Я имею в виду – до начала спектакля. Между прочим, публика уже заполнила театр и нервно ходит по фойе.

Актер. Не слышу.

Соломон. Очевидно, она ходит на цыпочках – боится вас разбудить.

Актер. Соломон, я ценю твое изнурительное остроумие, но с похмелья от него воротит. Поэтому наберись сил и помолчи! Где костюм?

Соломон. Рядом с вами.

Актер (заметил). Ну так помогай одеваться.

Соломон. Я... (Глянул в текст.) Ах да. “Соломон – суфлер, он же – костюмер, он же – гример, он же – все остальное”... Вчетверо больше роль – вчетверо меньше жалованье. Это у нашей дирекции называется: “современное решение”.

Актер (нервно). Ты мне дашь костюм или нет?

Соломон подает костюм Отелло.

Сначала штаны, болван!

Соломон. Осмелюсь заметить, они уже на вас. Вы их не снимали со вчерашнего спектакля. Очевидно, вживались в образ... Хотя, думаю, генерал Отелло был достаточно цивилизованным человеком и предпочитал спать в пижаме.

Актер. Слушай, если ты не замолчишь – убью!

Соломон. Убийство во втором акте...

Актер (в бешенстве). Заткни рот!!!

Соломон испуганно прикрывает рот рукой. Актер начинает гримироваться, мажет лицо морилкой. Соломон закрывает другой рукой глаза.

Отойди!

Соломон (отходя на безопасное расстояние). Нет. Это выше моих сил. Лучше смерть, ибо перед смертью есть право на последнее слово... Сударь, хочу вам напомнить, что вы играете не Отелло, а актера Кина, играющего

Отелло, – гениальность текста, помноженная на гениальность исполнения. Две гениальности с перепоя – не так просто, верно? Так вот, осмелюсь заметить: Эдмунд Кин не опускался до того, чтобы мазать лицо морилкой. Он играл мавра, а не негра! “О! Черен я, черен!!!” При этих словах он темнел лицом... И только белизна глазных яблок оттеняла его кожу!

Актер. И как он это делал?

Соломон. Внутренняя страсть. Страсть, овладевающая каждой клеточкой тела... И даже рядом находящимися предметами. Когда он вскакивал навстречу Яго, под ним валилось кресло...

Актер. Трюк.

Соломон. Возможно. Но повторить этого не может ни один фокусник... И в последнем акте, когда он восклицал: “Пускай свеча погаснет!” – свеча на столе гасла. Вот как играл Кин.

Актер. Очевидно, делал сильный выдох на последней букве. (Подходит к свече.) “Пускай свеча погаснет!” Ф-фу...

Свеча горит.

“И пусть свеча погаснет!”... (Соломону.) Где ты все это вычитал?

Соломон. Я это видел.

Актер. У тебя богатое воображение.

Соломон. Возможно. Но вернее – хорошая наследственность. Вероятно, кто-то из моих предков служил в театре Друри-Лейн, и восхищение от игры Кина так врезалось в его память, что стало передаваться по наследству. Это как у рыб, которые помнят место нереста...

Актер. “И пусть свеча погаснет!..”

Свеча горит.

Нет, к черту! Обойдемся без фокусов... Ты ведь знаешь, Соломон, я не хотел это играть. Дирекция уговорила. Сказали: “Если не тебе, то кому?” И действительно – некому... Как ты думаешь: буфет открылся?

Соломон. Не знаю и не советую вам интересоваться.

Актер. Надо! Чуть-чуть – для куража. Я где-то читал, Кин это тоже любил.

Соломон. За пять минут до начала спектакля?

Актер. Ну, значит, во время... Я читал. Подожди, где это... (Роется в столе, достает флягу.) Ну вот... Я ж говорил... (Делает несколько глотков.) Он ведь часто прикладывался к бутылке? Не так ли, “очевидец”?

Соломон. Это было не главным его достоинством.

Актер. Остальные мне не сыграть. Отменяю спектакль.

Соломон. Вы с ума сошли! Зал полон публики...

Актер. Извинишься! Выйдешь и скажешь: спектакль отменяется. Актер, назначенный на роль Кина, напился, что и советует сделать всем собравшимся...

Соломон. Нет уж, увольте! Если желаете получить тухлый помидор в физиономию, можете идти сами.

Актер. Хорошо! Пойду сам! (Решительно встает и валит рукой кресло.)

Соломон (встает у него на пути). Умоляю, сэр! Вас разорвут на части.

Актер. Зато потом будут уважать!

Соломон. Но что вы им скажете?

Актер. Пока не знаю. Ты суфлер, подскажи текст.

Соломон. Его нет в пьесе...

Актер. Тогда скажу что думаю... (Обращаясь в зал.) Уважаемая публика! Дамы и господа! Наш спектакль отменяется. Я слишком ценю эти подмостки и ваш вкус, чтобы подвергать их бесполезному испытанию. Я, вероятно, выбрал роль не по плечу. Сказали: “некому больше”, и я согласился... А надо было ответить: “Не некому, а никому!” Да! Никому

нельзя играть Эдмунда Кина! Или Сальвини! Или Сару Бернар! Актер, который старается их изобразить, похож на бифштекс, который пыжится на сковородке, пытаясь достичь размеров быка. Великие мастера прошлого ушли вместе с эпохой. И ничто не повторимо! Поверим же на слово их современникам. Смиримся, что было чудо, которое нам не суждено увидеть, когда замирал зал и великий трагик произносил в гробовой тишине: “И пусть свеча погаснет!..”

Соломон. Браво! (Дует, свеча гаснет.)

Актер. Зачем ты дунул на свечу, мерзавец?

Соломон. Это был выдох восхищения, сэр. Честное слово! Вы сейчас стали похожи на Кина. Он тоже мог выйти перед разъяренной публикой и сказать ей в лицо все, что думает... Ей-богу, похоже. Можно попробовать сыграть.

Актер. Я сказал – нет! И разве сам ты не отговаривал меня от этой роли пять минут назад?

Соломон. Я отговаривал играть Кина на сцене, но не предлагал срывать спектакль. Это свинство! Можно беречь чувства театралов девятнадцатого века, но нельзя обижать своих современников. В конце концов, они пришли смотреть пьесу про любовь и интриги. А с кем все это происходит – какая разница?

Актер. Но в первой же картине Кин играет Отелло на сцене театра Друри-Лейн.

Соломон. А вот это не надо. Это лишнее. Поэтому предлагаю сцену сократить... Вот так... (Решительно перечеркивает несколько страниц текста.) Вы выйдете только на аплодисменты.

Актер. И это вычеркни!

Соломон. Нет, сударь. Это как раз важно. Зритель должен почувствовать, как награждала публика своего любимца...

Из глубины сцены доносятся шум и аплодисменты.

Слышите?

Актер. Я не смогу...

Соломон. Не скромничайте. Кланяетесь вы всегда на уровне гения.

Аплодисменты усиливаются.

Идите же, сэр, вас вызывают!

Рев аплодисментов. Крики “Браво!”. В глубине сцены приоткрывается занавес. На сцену летят цветы. Актер нерешительно идет навстречу.

Публика неистовствует. Актер кланяется.

А ведь похож... Со спины, правда... Но очень похож!

Затемнение.

Картина первая

Гостиная в доме графа Кефельда. Появляется Соломон в ливрее дворецкого. Под мышкой – неизменная папка с текстом пьесы.

Соломон (читает ремарку). “Гостиная в доме датского посла графа Кефельда. Слуги готовят столы для приема”. (Хлопает в ладоши, как бы приглашая слуг. Никто не появляется.) “Слуги готовят столы”... (Вновь хлопает в ладоши.) М-да. Кажется, и на них дирекция сэкономила. Значит, опять – Соломон. Он же – дворецкий, он же – слуга... (Со вздохом начинает расставлять столы и стулья.) Стол для чая на шесть персон... (Пересчитывает стулья.) Господин посол с супругой. Принц Уэльский. Граф и графиня Госуилл. Лорд Мьюил...

Появляется Елена.

Елена. Господин дворецкий, еще один прибор, пожалуйста.

Соломон (берет стул, подносит к столу). Куда прикажете поставить?

Елена. Напротив меня.

Соломон. Слушаюсь. Напитки – пунш, легкое вино?

Елена. Разумеется. Впрочем, для седьмого гостя можно что-то и покрепче.

Соломон. Слушаюсь. Разрешите идти?

Елена. Да. Пожалуйста.

Слышен звук колокольчика.

О, по-моему, кто-то уже приехал?

Соломон. Сейчас слуга доложит. (Заглянул в папку.) Графиня Госуилл!

Елена. Замечательно. Просите! Просите скорей...

Входит Эми Госуилл. На ней шикарный уличный костюм, огромная шляпа, которую она часто поправляет, поглядывая на себя в зеркало.

Елена. Эми, дорогая, как я рада...

Эми (перебивая). Наконец-то, Елена... Наконец-то я вас застала хотя бы в вашем собственном доме.

Елена. Да. Мы не виделись уже дня три...

Эми. Четыре, милая, четыре! Это целая вечность... Бал у герцога Лейчестера – вас нет. Прием в Букингемском дворце – вас нет. Наконец, сегодня – грандиозные бега в Нью-Маркете, я целый час рассматриваю вашу ложу – но вас опять нет...

Елена. Ах, я так не люблю бега. Просто больно смотреть на этих взмыленных лошадей, которых хлещут взмыленные наездники.

Эми. Ну так не смотрите! В конце концов, не за этим туда ездит весь Лондон. Я, например, обожаю рассматривать ложи. У меня такой мощный бинокль, что я за милю отличу искусственную мушку от естественной родинки... (Смотрит на Елену.) Боже, какое очаровательное платье! Это пошито у нас или на континенте?

Елена. В Копенгагене.

Эми. Очаровательно! Елена, если вы не любите появляться в свете, то хотя

бы выводите свои гардероб. В конце концов, существует протокол. Вы супруга посла. Как мы можем быть уверены, что у нас мир с Данией, если супруга датского посла не появляется в обществе? Итак, где вы пропадали?

Елена. Вчера я была в театре Друри-Лейн.

Эми. А позавчера?

Елена (чуть смутившись). В театре.

Эми. И что ж там играли?

Елена. “Гамлета”.

Эми. Опять?! Елена, дорогая, мы же были с вами на “Гамлете” неделю назад.

Елена. Обожаю эту пьесу...

Эми. Но не до такой же степени... Я видела “Гамлета” впервые в пятнадцать лет, и, когда он закричал “Там крыса!” – я завизжала и вскочила на кресло... Но теперь я знаю, что там, за портьерой, Полоний, и все в зале знают, что там Полоний. Один принц датский не знает, поэтому выглядит ужасно нелепо.

Елена. Эми, вчера вы бы опять вскочили на кресло. Играл Кин.

Эми. И вчера играл Кин?

Елена кивнула.

И позавчера?

Елена. Да. Но это был “Венецианский купец”. Впрочем, какая разница? Поверите ли, Эми, я смотрела на этого старого алчного еврея – и плакала...

Эми (решительно). Это уже предел! Значит, все – правда? Все, о чем шумел ипподром, – правда...

Елена. Что здесь предосудительного? Иностранка любит театр, обожает Шекспира... Это должно льстить самолюбию англичан.

Эми. Послушайте, Елена, кроме самолюбия у англичан есть строгие правила. Можно любить Шекспира, можно обожать! Можно перечитывать его каждый день и даже брать в постель... Но не “Гамлета” конкретно. Вы меня понимаете?

Елена. Боже, Эми, что вы говорите! (Оглядывается.)

Эми. Надеюсь, нас никто не слышит? Я специально приехала пораньше, чтобы поговорить с вами наедине. Елена, дорогая, вы доверчивы и неопытны... Как, впрочем, и все оттуда, с континента. Когда вы приехали в Лондон и нас познакомили, вы мне сразу понравились, и я согласилась вас опекать и оберегать в свете...

Елена. Я за это вам очень благодарна, Эми.

Эми. Нет! Вы должны меня проклинать, потому что я не предупредила вас о главных опасностях. Одна из них – Кин. Это чудовище... Лондонский Казанова. Впрочем, нет! Казанова был истинным джентльменом и старался прежде всего удовлетворить прихоть женщины. Кин – это Дон Жуан, для которого женщина – только повод насытить собственное тщеславие...

Елена. Эми! Мне все это абсолютно безразлично.

Эми. Что значит – безразлично? Я же не призываю вас к ханжеству и пуританству. Вы должны иметь флирты и романы...

Елена. Эми...

Эми. А почему нет? Вы молоды, очаровательны... Вы – жена посла... И если это нужно для развития международных отношений...

Елена. Эми, я отказываюсь вас слушать!..

Эми. Разумеется, его речи приятней...

Елена. Да я с ним ни разу не разговаривала.

Эми. А правда ли, что в одном из спектаклей он встал на колени перед вашей ложей и произнес монолог?

Елена. В каком? Не помню.

Эми. “Отелло”.

Елена. Это была прекрасная сцена. Мавр молился...

Эми. Вам, Елена! А потом пошел и задушил собственную жену. На это все обратили внимание...

Елена. Неужели лондонцы в театре, как и на ипподроме, разглядывают только ложи?

Эми. Разумеется... Елена, вы словно ребенок. Самое интересное происходит по эту сторону рампы... (Приглядевшись.) Какое у вас очаровательное колье! Тоже из Копенгагена?

Елена. Нет. Это муж купил в Венеции.

Эми. Ах, как интересна жизнь дипломатов! Столько стран, столько впечатлений... Отличное колье! Может быть, один изумруд лишний... Я бы сняла. Хотя нет, можно оставить! О чем это мы?

Елена (печально). О Кине.

Эми. Да. Так вот он не Казанова. Он – Дон Жуан!

Елена. Вы это уже говорили...

Эми (вдруг равнодушно). Ах, милая, не в этом дело, поймите. Подумаешь – Дон Жуан!.. Весь Лондон кишит донжуанами. Главное – он актер. Из племени уличных паяцев. Груб, неотесан... Не умеет себя вести в обществе.

Елена. Что ж... Сегодня мы сможем все в этом убедиться.

Эми. Как? Вы его пригласили... Сюда?!

Елена. Разве это не принято? Я знаю, принц Уэльский его приглашает...

Эми. Принц? При чем здесь принц?.. Принц даже шляется с Кином по кабакам. Принц – брат короля, может позволить себе экстравагантные выходки. Но вы... После того что все говорят... И еще надели это колье. Специально!

Елена. При чем здесь колье?

Эми. Венецианский купец... Венецианский мавр... Венецианское колье... Неужели вы не видите зловещей цепочки? Завтра об этом будет болтать весь Лондон! (Схватила веер со стола.) Фу! Меня даже в жар бросило... (Обмахивается.) Откуда веер? С континента?

Елена. Нет, веер как раз сделан в Лондоне. Это подарок принца Уэльского.

Эми (разглядывает веер). Изумительная вещица...

Елена. Кстати, Эми, я хотела вас спросить. Удобно ли было принимать такой подарок?

Эми. От принца?

Елена. Я имею в виду – замужней женщине... Это принято в Лондоне?

Эми. Дорогая! Это принц! Брат короля... Впрочем, не знаю. Может, и не принято. Только знаю нескольких прелестных замужних женщин, которые обмахиваются его подарками...

Входит граф Кефельд.

Кефельд. Графиня, счастлив вас видеть! (Целует ручку Эми.) Вы одна? Разве лорд Госуилл не почтит нас своим присутствием?

Эми. Он подъедет позже. Вместе с лордом Мьюилом. У них какое-то срочное дело... Лорд Мьюил приехал к нам с утра, и они закрылись с мужем в кабинете. О чем-то шумно беседовали, а потом умчались в неизвестном направлении.

Елена. Неизвестном для вас, Эми? Я этого не допускаю.

Эми. Разумеется, я сразу обо всем догадалась... Дело в том, что этот старый Мьюил решил жениться!

Кефельд. Да. Я слышал. И, говорят, на какой-то юной особе...

Эми. Весьма. Но это его не останавливает. Ей – семнадцать, ему –

семьдесят один, поскольку цифры те же, он решил, что они ровесники...

Елена. Язычок у вас, Эми!

Кефельд. Обожаю вас слушать, графиня... Вы как-то умеете живо подавать информацию.

Эми. Короче, думаю, девочка решила повеситься в преддверии счастья, и лорд Мьюил повез моего мужа ее отговаривать... Уверена, на это уйдет не много времени. Через полчаса они будут здесь.

Кефельд. Замечательно. Думаю, вы не пожалеете, что согласились отобедать у нас. Кроме типично датских блюд, вас ждет музыкальный сюрприз. Я пригласил двух певцов из оперного театра, они дадут нам небольшой концерт.

Эми. Но ваша жена сказала, что сегодня обед “с драматическим уклоном”...

Кефельд. К сожалению, мистер Кин не сможет присутствовать... (Заметив удивление жены.) Дорогая, я получил от него письмо, в котором он благодарит, но ввиду обстоятельств... В общем, вежливый отказ.

Эми. Довольно дерзко, учитывая, что его приглашает посол.

Кефельд. Да? Вы считаете, я должен обидеться? Я новый человек в Лондоне и пока не всегда улавливаю нюансы взаимоотношений.

Эми. Это зависит от причины, которую он придумал.

Кефельд. Он пишет, что у него спектакль.

Эми. Спектакль вечером, сейчас – день...

Кефельд. Он пишет, что должен подготовиться к спектаклю.

Эми. Значит, просто завалится спать... Обидьтесь, граф! Мой вам совет – обидьтесь!

Кефельд. Пожалуй... Хотя это огорчительно. Я думал, актер нас развлечет. Я даже попросил его надеть костюм Фальстафа...

Елена. Вы просили его явиться в костюме Фальстафа?

Кефельд. А почему нет, дорогая? Это забавно. Вы сами так смеялись...

Елена. Теперь я понимаю причину отказа. По-моему, не очень учтиво с вашей стороны.

Кефельд. Ну почему?

Елена. Когда приглашают гостя на обед, его приглашают как равного, а не как шута. Вы же не советуете лорду Мьюилу, какой костюм надеть.

Кефельд. Дорогая, как можно сравнивать? Я обижусь!

Эми. Перестаньте, умоляю. Считайте, вам повезло, что этот грубиян не будет сидеть с нами за столом. А что касается лорда Мьюила, то, в каком бы костюме он ни пришел, будет смешно. Поверьте мне...

Появляется Соломон.

Соломон. Его высочество принц Уэльский.

Соломон уходит. Появляется принц Уэльский – молодой человек светского вида, с газетой в руках.

Принц (весело приветствуя). Леди!

Елена и Эми (легкий книксен). Ваше высочество.

Принц (протянул руку послу). Господин посол!

Кефельд (почтительно пожимая руку). Ваше высочество, безмерно счастлив, что вы нашли время...

Принц. Все! Все! Ритуал закончен. Я приехал к друзьям... (Оглядывается.) Других гостей нет? По слухам, у вас должен быть лорд Мьюил.

Кефельд. Он задерживается.

Принц. Значит, я вовремя... (Смеется.) Вы еще не читали газету?

Эми. Какую, ваше высочество?

Эми. Какую, ваше высочество?

Принц. Завтрашнюю.

Эми. Кто же, кроме вас, ее получает?

Принц. Да, это из тех немногих привилегий, которые остались у королевской фамилии. Так вот, я не мог удержаться, чтоб не познакомить вас с одной сенсацией... Где она? (Листает газету.) Нет, лучше перескажу. Так будет нагляднєй... (Смеется.) Одним словом, наш достопочтенный лорд Мьюил (изображает старика, все почтительно хихикают) решил жениться... На юной девушке... Впрочем, возраст не имеет значения. Ей – семнадцать, ему – семьдесят один, цифры те же, поэтому он решил, что они ровесники...

Эми (хохочет). Блестящая фраза, принц, я ее запомню!

Принц. Дарю, графиня... Так вот, бедную девочку (изображает), сиротку готовят к вступлению в брак... Впрочем, не такую уж бедную. Ее зовут Анна Дэмби. Она наследница крупнейших сыроваренных заводов... Поэтому ее отчим и решил обменять приданое на графский герб лорда Мьюила.

Эми. Мезальянс – это всегда так ужасно...

Принц. Ну почему, графиня? Был бы сыр вкусным, а во что он завернут – какая разница? Одним словом, девочку готовят к высшему свету. Привозят в Лондон, учат манерам, музыке, водят в театр. (Елене.) Графиня, вы, наверное, обратили внимание: в соседней с вашей ложе иногда появлялась такая симпатичная всхлипывающая блондиночка?

Елена. Ваше высочество, в театре я смотрю только на сцену.

Принц. Я тоже. Разумеется. Но иногда... краем глаза... Я, например, из любопытства из своей ложи люблю наблюдать за вашей. Вы так непосредственны, так живо реагируете. Так блестят ваши глаза. Прелесть!

Кефельд. Я очень польщен, ваше высочество.

Принц. Да. Вас я тоже вижу... Впрочем, сейчас разговор о другом. В общем, готовили девочку, готовили и... приготовили. Назначена

официальная помолвка, разосланы приглашения, приезжают за невестой и... (Декламирует.) “Пустынна комната. Распахнуто окно. Внизу бурлит и пенится Верона... Все брошено. И только на столе записка: “Не ищите!”... Что дальше, лорды? Дальше – тишина!” (Поклон.) Эми (аплодирует). Браво, ваше высочество!

Кефельд. Так что? Она утонула?!

Принц. Где?

Кефельд. В Вероне... Но ведь Верона в Италии.

Принц. Абсолютно верно. Сразу чувствуется, граф, что вы посол и хорошо знаете географию. У нас, в Лондоне, молодые девушки бросаются из окна... в экипаж! И уезжают к тому, кто завладел их сердцем.

Елена. И кто же этот удачливый соперник лорда?

Принц. Эдмунд Кин.

Эми (Елене). Ну, что я вам говорила? Чудовище! Коварное чудовище.

Кефельд. Бедный лорд Мьюил... Он оскорблен. Что ж теперь будет? Дуэль?

Принц. Это невозможно, граф. Жениться на женщине незнатного происхождения лорд еще может, но драться с простолюдином...

Кефельд. У нас в Дании на это смотрят иначе. Кто бы ни был твой оскорбитель – шпагу наголо!

Принц. Да... да... Мы это знаем. Поэтому в “Гамлете” в конце такая гора трупов...

Елена. И все-таки, что ж делать бедному Мьюилу?

Принц. Знаете, графиня, когда я был маленьким, я первый раз влюбился. Мне было семь лет, не больше... Я влюбился в юную фрейлину. Но она мною пренебрегла. Тогда в слезах я прибежал к отцу и закричал: “Папа! Я люблю девочку, она меня не любит. Что мне делать?” И знаете, что мне ответил король Англии? “Что делать, сын? Страдать!” Это же можно посоветовать и лорду Мьюилу.

Елена. Это жестоко, ваше высочество.

Принц. Ну, ну... Не так страшно. Все-таки ему не семь лет, а в десять раз больше... Впрочем, посмотрим! У вас сегодня интересный обед...

Кефельд. Какой ужас! Я ведь ничего этого не знал. И пригласил к себе не только лорда, но и Кина...

Принц (радостно). Как? Он тоже придет? Браво, граф! Восхищен вашей фантазией. Какое изящество сюжета...

Кефельд. Посольство Дании. Суверенная территория... Мог бы случиться невероятный конфликт.

Принц. Почему “мог бы”? Умоляю, граф, ничего не отменяйте.

Кефельд. Слава богу, мистер Кин отказался прийти...

Принц (с досадой). Черт! Так и знал... Пятница – несчастливый день!

Появляется Соломон.

Соломон. Мистер Кин!

Общее замешательство. Соломон уходит.

Принц (хватает кресло, садится). Все! Я занял место... Не мешайте!

Входит Кин.

Кин (почтительные поклоны). Леди... Милорд. (Заметил Принца.) Ваше высочество... (Пауза.) Умоляю вас меня простить. Мое поведение кажется непоследовательным...

Кефельд. Да, мистер Кин. Я человек новый в Лондоне и, очевидно, еще не знаю местных правил. Но мне кажется странным, что гость отказывается прибыть, когда его приглашают, а затем приходит, когда его уже не ждут.

Кин. Господин посол, я понимаю безрассудность своего визита, но чрезвычайные обстоятельства побудили меня забыть о правилах

вежливости. Речь идет о чести юной девушки... И о моей. Я узнал, что лорд Мьюил должен прибыть к вам...

Кефельд. К счастью, его пока нет. И меньше всего мне бы хотелось, чтоб вы встретились с ним на этой территории...

Кин. Значит, этот нелепый слух дошел и до вас... Тем более я правильно сделал, что пришел, и умоляю вас всех меня выслушать... Я не знаю, кто такая Анна Дэмби. Я с ней незнаком и никогда ни о чем не говорил... Возможно, это одна из моих многочисленных юных поклонниц, которых всегда достаточно у любого театрального премьера... И влюблены они не в меня, а в принцев и королей, которых я изображаю... Все это так понятно! Но вот юная невеста бежит от престарелого жениха, и все в один голос начинают кричать, что виной тому актер Кин. Почему? Потому что он – чудовище, обольститель, похититель, не знаю, кто еще... Таково, очевидно, свойство людей: сначала они плачут и смеются над твоим искусством, а потом тебя же ненавидят за те чувства, которые ты в них вызвал...

Принц. Подождите, Кин. Монолог страстен, но давайте по существу. В газете написано, что Анну Дэмби видели вчера вечером входящей в ваш театр.

Кин. Ваше высочество, каждый день в театр входят несколько сотен людей.

Принц. Да. Но потом все выходят...

Кин. Все? Разве их кто-то пересчитывает?

Эми. Какая дерзость! Так отвечать принцу...

Принц. Нет. Ничего... Реплика есть реплика...

Кин. Еще раз повторяю: я не видел Анну Дэмби. Я нашел в дверях своей гримуборной лишь это письмо. Ознакомившись с ним, вы поймете, что я никогда не похищал и не прятал эту девушку...

Кефельд. Ну так почему вы не предъявите его журналистам?

Кин. Актеру все равно не поверят до конца. Лицедей! Изображает страсть, изображает коварство. Значит, может изображать и невиновность... Вот

изображает коварство. Значит, может изображать и невиновность... Вот если б за меня заступился кто-то из людей, кому само происхождение дает право на всеобщее уважение... Если б кто-то поручился перед лордом Мьюилом...

Кефельд (в отчаянии). Но почему именно здесь? В посольстве?!

Кин. Господин посол, я столько раз страдал за судьбу Дании в “Гамлете”... Может Дания один раз защитить честь своего принца?!

Елена. Покажите ваше письмо, мистер Кин.

Кин. Благодарю вас, графиня... Я верил в ваше великодушие и рад, что не обманулся. (Протягивает Елене письмо, смотрит ей в глава.)

Принц. Я надеюсь, мы его тоже услышим?

Кин. Простите, ваше высочество, но я этого не допущу. Такая тайна может быть доверена только женщине. Женщине с нежным сердцем и тонкой душой...

Елена (вглядываясь в письмо). Я не понимаю...

Кин. Почерк неразборчив... Но чувства, которые руководили писавшим его, будут ясны вам через секунду... Вчитайтесь, графиня, очень прошу вас...

Пауза. Елена смотрит в письмо, потом на Кина, затем сворачивает письмо, убирает в конверт.

Елена. Да. Все – правда! Мистер Кин не похищал Анну Дэмби. Я сегодня же постараюсь убедить в этом лорда Мьюила... Возьмите ваше письмо, сударь.

Эми. А могу я взглянуть, мистер Кин? Я тоже женщина.

Кин. Безусловно, леди Госуилл. Но почерк так неразборчив. Надеюсь, графиня лучше перескажет вам все своими словами... (Кланяется Елене.) Благодарю вас. (Поклон Кефельду.) Господин посол, еще раз прошу меня извинить. (Поклон Принцу.) Ваше высочество.

Принц. Надеюсь, мы скоро увидимся, Эдмунд?

Принц. Надеюсь, мы скоро увидимся, Эдмунд?

Кин. Как только вы того пожелаете... (Быстро выходит.)

Принц (радостно вскочил). Браво! Все-таки с ним всегда интересно. Непонятно, но интересно... (Кефельду.) Теперь мы с вами, господин посол, будем ломать голову: что бы это все значило?..

Входит Соломон.

Соломон (объявляет). Лорд Мьюил.

Принц (азартно). Наконец-то. Итак, представление продолжается. Делаем сочувственные лица...

Все делают “сочувственные лица”.

Затемнение.

Картина вторая

Уборная Кина. Сейчас она выглядит достаточно шикарно: нарядные шторы, дорогие статуэтки. Из открытого окна доносится музыка. Соломон вместе с рабочим втаскивает новый диван.

Соломон. Аккуратней... Аккуратней... Не поцарапай! Вот сюда... (Устанавливает диван.) Все, вы свободны.

Рабочий многозначительно смотрит.

Ах да. Получите... (Сует рабочему монеты. Теперь тот смотрит на Соломона недовольно.) В чем дело? Договаривались за двадцать шиллингов, но вы несли только половину дивана...

Рабочий уходит, Соломон оглядывает комнату, сокрушенно вздыхая. Подходит к окну.

Музыкант! Да, это вам... Подождите пиликать. Я же сказал: играть только по моему знаку.

Входит Кин. На нем дорогой яркий восточный халат.

Кин. Пусть играет, Соломон. Музыка создает хорошее настроение...

Соломон. Или – плохое. Как только вспомнишь, сколько стоит минута звучания.

Кин. Как же ты меркантилен, друг мой. Запомни: все, что можно купить за деньги, – уже дешево!

Соломон. Отличная фраза, сэр. Но лучше б ее произносить тому, у кого эти деньги есть. А когда в кармане шаром покати... Я просто на вас удивляюсь. Вы же из скромной семьи. Имели бедное детство... Откуда ж эта тяга к роскоши?

Кин. Оттуда, Соломон. Из моего бедного детства. Из моей нищей юности... Когда я был уличным акробатом и зарабатывал шиллинги, стоя на голове, я видел, что мир устроен неправильно. И поклялся, что как только встану на ноги, то переверну его. Так и произошло! Мне кидали медяки – я кидаю золото... (Подходит к окну, швыряет монету.) Играй, музыкант!

Соломон (подбежав к окну). Подожди играть! (Кину.) Сэр, вам давали медяки на хлеб, а вы швыряете фунты неизвестно на что. На прихоти! На каприз!.. Зачем вы сменили шторы? Старые были еще совсем новые. А эти статуэтки? А диван?

Кин. Я же объяснял, Соломон, – сегодня меня должна посетить женщина.

Соломон. Как будто они вас раньше не посещали!.. Где это видано, чтоб перед каждым свиданием делать ремонт?! Я понимаю – сменить рубашку... Но мебель?!

Кин. Соломон, не берись судить о том, в чем не смыслишь. Женщины – существа тончайшие. Ранимые... Они моментально улавливают запах чужих духов. А если женщина присядет на новый диван, то сразу почувствует, что до нее здесь никого не было. Она – первая! Понимаешь? И это правда! Потому что, когда я влюблен так, как сейчас, все прошлое перестает для меня существовать. И будущее тоже! Время – ноль! И женщина, которую я жду, его достойна...

Соломон. Хорошо. Тогда примите ее любовные записки... (Протягивает Кину бумаги.)

Кин. Что это?

Соломон. Счета. За ткани, за цветы. От мебельщика.

Кин. Хорошо. Дай перо, я подпишу.

Соломон. Сэр, они отказываются и дальше принимать ваши автографы. Требуют наличными.

Кин. Дураки! Через сто лет эта подпись будет стоить миллионы.

Соломон. Зато через месяц за нее могут дать год тюрьмы!

Кин. Замолчи! Ты решил окончательно испортить мне настроение? Не выйдет! Не желаю больше слышать ни о каких долгах. У меня свидание с прекраснейшей из женщин! (В окно.) Играй, музыкант!

Соломон (в окно). Не играй!

Кин (схватил Соломона за ворот). Да что ты себе позволяешь?!. А ну, пошел вон! Ты уволен!

Соломон (отбиваясь). В случае увольнения вы обязаны мне заплатить жалованье за шесть месяцев! А денег у вас нет.

Кин. Так достань! (Засмеялся.) Видишь, как мы повязаны с тобой? Чтоб уволиться, тебе надо сделать меня богатым, а если я разбогатею, глупо увольняться... (Обнял Соломона за плечи.) Ну, дружище! Где-нибудь займем... Я знаю, ты что-нибудь придумаешь. Мудрая голова! Недаром же твои еврейские родители нарекли тебя Соломоном!!

Соломон (печально). В детстве мама называла меня “Шлема”. Думаю, это имя мне больше подходит.

Стук в дверь.

Кин (взволнованно). Все! Это она... Исчезни!

Соломон направляется к двери.

Не туда! Через вторую дверь. А потом вернись к выходу и следи, чтоб ни

одна душа сюда больше не проникла...

Соломон исчезает. Стук повторяется.

Прошу вас! Входите...

За окном неожиданно звучит печальная музыка. Входит человек в черном плаще и маске. В руках – корзина.

Вошедший. Ваш заказ, сэр.

Кин. Кто вы?

Вошедший. Охотник. И принес заказанные вами рога. (Достает оленьи рога.)

Кин. Что за бред? Я не заказывал никаких рогов!

Вошедший. Разве? А что же водрузите на голове обманутого супруга?!

За окном звучит веселая музыка. Вошедший пританцовывает, срывает с себя маску. Это Принц.

Принц (весело). Ну как?

Кин. Потрясающе, ваше высочество!

Принц. Нет, ну, правда? Признайтесь, что не сразу меня узнали!

Кин. Абсолютно. Я и сейчас с трудом догадываюсь...

Принц. Ну, спасибо! (Подходит к окну.) И вам спасибо, любезный. (Кидает в окно кошелек.) Нет, серьезно, я нигде не пережал?

Кин. Сыграно блестяще, ваше высочество.

Принц. Благодарю! Теперь я понимаю, как приятно актеру получать комплименты, даже если они и не очень искренние. (Оглядывается.) О! У вас тут изменения... Красиво. Это вы меня так встречаете?

Кин. Безусловно.

Принц. Тогда я посижу... Или даже полежу на диванчике. Не возражаете? (Прилег на диван.)

Кин. Делайте все, что вам нравится, ваше высочество. Для меня праздник каждая минута общения с вами... (Садится.)

Принц (смеется). А вот тут сыграно неважно... Бросили испуганный взгляд на часы. Я заметил... Ладно! Не нервничайте. Чтобы не выглядеть садистом, сразу вас успокою: она не придет.

Кин. Кто “она”, ваше высочество?

Принц. Очень неважно сыграно... Эдмунд, вы умеете лицедействовать, но не лицемерить. Я говорю о той женщине, которой вы вручили любовное послание на глазах ее собственного мужа... (Декламирует.) “Сударыня, если бывает то чувство, которое именуется любовью с первого взгляда, то это именно то состояние, в котором я пребываю в последнее время...”

Кин (изумленно). Ваше высочество...

Принц (продолжая декламировать). “...И мне кажется, что тот отблеск, который я увидел в ваших прекрасных глазах, соответствует тому волнению, какое испытываю...”

Кин (в ярости). Умоляю, перестаньте!

Принц (продолжая). “...И если это все не ошибка, не досадное заблуждение, не могли бы вы уделить мне хоть несколько минут, чтоб, оставшись наедине, все это выяснить”.

Кин (в ярости вскочил с кресла, кресло перевернулось). Как вы все это узнали, милорд?!!

Принц (испуганно). Ну, ну, Эдмунд! Не забывайтесь!

Кин. Извините, ваше высочество... Извините прежде всего за то, что я сел в вашем присутствии. Просто мне показалось, что если вы можете лежать в моей гримуборной, то я могу в ней хотя бы посидеть. Во-вторых, извините за глупый вопрос... Влюбленный актеришка пишет письмо аристократке. Почему бы ей не показать это послание принцу и вместе не посмеяться? Это было так, не правда ли?

Это было так, не правда ли?

Принц. Нет, графиня Кефельд ничего мне не показывала, тем более что письмо вы забрали с собой.

Кин. Значит, пересказала?

Принц. Хватит, Кин, не буду вас мучить. Это письмо мы вместе сочинили три года назад для графини Потоцкой... А потом я его еще пару раз переписывал по другим поводам... Но вообще ужасно, что один и тот же текст гуляет по стольким гостиным.

Кин. Значит, Елена вам ничего не пересказывала?

Принц. Нет. Вы попались на удочку.

Кин. Жаль.

Принц. Что попались?

Кин. Что не пересказывала...

Принц удивленно смотрит на Кина.

Дело в том, что я ей дал чистый лист бумаги.

Принц. Как?

Кин. Просто белый листок... При этом смотрел на нее и мысленно произносил все эти слова. И, мне кажется, она поняла... Уверен, что поняла!

Принц. Фантастика! Нет! Кин, я всегда говорю: с вами интересно. И каков был этот взгляд? Покажите!

Кин. Сейчас не смогу... Нужен предмет обожания... Вас я тоже обожаю, ваше высочество, но это чувство иного рода.

Принц. Примерно так? (Показывает.)

Кин. Да... Что-то похожее...

Принц. Обещайте, что вы меня обучите. Это ведь замечательно: ни писем, ни объяснений. Взгляд – и все! Мне это необходимо, Эдмунд...

Пауза.

Но все равно она не придет. В три часа назначен прием во дворце, и я попросил датского посла быть непременно с супругой... Непременно!

Кин. Я тоже умолял ее... Посмотрим, что она предпочтет.

Принц. Кин, я чувствую – у вас это серьезно...

Кин. Боюсь, серьезней некуда.

Принц. А если бы я попросил вас отказаться от этой женщины?

Кин. Во имя чего?

Принц (замялся). Ну... Есть обстоятельства. В конце концов, это Дания. Предполагается несколько торговых соглашений... Крупные закупки сыра...

Кин. Вы тоже не умеете лукавить, ваше высочество. Меньше всего на свете вас интересует сыр.

Принц. Хорошо! Считайте, это моя личная просьба. Елена мне тоже нравится.

Кин. Нам часто нравятся одни и те же женщины. Я к этому привык.

Принц. Но в этот раз меня как-то серьезно захватило... Кин, ну не будем же мы ссориться из-за женщины? Мы друзья!

Кин. Разумеется, милорд. Будем честно добиваться расположения прекрасной дамы. И браво тому, кому выпадет удача.

Принц. А кому не повезет?!

Кин. Тот будет страдать... Помните, как-то я вам рассказывал: в детстве я полюбил одну девочку, а она меня – нет. И я пошел к отцу...

Принц. Знаю! Я это столько раз пересказывал, что мне кажется, это было со мной. Вообще, вы чрезмерно на меня воздействуете, Кин. Ваши истории, ваши женщины... Я даже заказал себе такой же халат. Это шил Перкинс?

Кин. Да.

Принц. Но ведь это безумные деньги. А я слышал, Эдмунд, ваши финансовые дела довольно плохи!

Кин. Вдвое хуже, чем болтают.

Принц. Но я мог бы оплатить часть ваших векселей... Или даже все, Кин... Если мы не будем портить наши отношения и вы согласитесь...

Многозначительный взгляд Кина.

Фу! Как это я мог произнести? Я действительно обезумел из-за этой женщины, раз мог выпалить такую пошлость... Забудьте, Кин! Я вам просто одолжу деньги... на неопределенный срок.

Кин. Теперь я вынужден отказаться, ваше высочество... Идет честная борьба, и ни у кого не должно быть преимуществ.

Принц. Но я не хочу, чтоб вас посадили в долговую яму. Тогда преимущество будет у меня...

Стук в дверь.

Неужели она?

Кин (глянув на часы). Три часа, ваше высочество. Прошу вас – через потайную дверь. Я не хочу, чтобы вы встретились...

Принц (гневно, но шепотом). Не смейте учить меня правилам хорошего тона!!! Вы забываетесь... (Пошел к потайной двери, но неожиданно вернулся.) Нет. Хоть краем глаза я должен взглянуть... (Подскочил к двери, глядит в глазок.) Она накинула темную вуаль!!! Какая жалкая конспирация!!! Сегодня же скажу брату – никаких соглашений с Данией! Никаких закупок!!!

Принц выбегает в потайную дверь. Входит Анна.

Кин (рванулся ей навстречу). Елена!

Анна (откинув вуаль). Извините, мистер Кин... Я понимаю всю неуместность своего появления... Мы ведь даже не представлены друг другу... И правила приличия, которые я вынуждена нарушить, продиктованы чрезвычайностью обстоятельств... (Сбилась.) Я не знаю, что еще положено говорить. Меня зовут Анна Дэмби.

Кин (мрачно). С этого надо было и начинать.

Анна. Меня учили правилам этикета, но они мне с трудом даются.

Кин. Мне тоже. Поэтому можем говорить как нормальные люди... Какого черта, девочка, вы притопали сюда?! Мало вам сплетен и слухов? Теперь хотите дать им подтверждение?!

Анна. Наоборот, мистер Кин. Я пришла извиниться за те неприятности, которые вам доставила не по своей воле, а исключительно в силу невероятных обстоятельств...

Кин (прерывая). Стоп! Не переходите на этот идиотский велеречивый тон... Вы – дочь сыроторговца, я – сын уличного клоуна. И, по нашим правилам, вам следует задрать юбку и хорошенько вас выпороть!

Анна. За что, сэр?

Кин. За все, леди!!! За то, что бежали из дому, за газетные сплетни... За то, что ваш полоумный дедушка-жених бегает по Лондону и грозит мне всеми карами! А сейчас вы напялили эту дурацкую вуаль и поссорили меня с самим принцем Уэльским!!!

Анна (всхлипнув). Я ж не нарочно.

Кин. Вот, только слез не хватало... А ну, не реветь! Сюда могут войти... (Вытирает ей слезы.) И так болтают, что я вас соблазнил и обесчестил... (Оглядывает ее.) Между прочим, вы достаточно хороши, чтобы дать повод для такой версии... А где вы прячетесь?

Анна. В театре.

Анна. В театре.

Кин. Здесь, в Друри-Лейн?!

Анна. Да. У меня знакомая костюмерша. Она пустила меня в одну из комнат. Там, где стоят декорации “Ричарда Третьего”.

Кин. Ужас! Превращать королевские покои в ночлежку! Всех уволю!

Анна. Там мыши бегают... (Всхлипывает.)

Кин. Бедная моя... (Гладит ее по голове.) Нет! Надо сразу поставить точку в этом вопросе. Послушайте, юная леди, я очень уважаю ваш порыв, вашу страсть, но на правах старшего все-таки дам вам совет: выкиньте всю эту дурь из головы. Так уж заведено, что девушки влюбляются в своего кумира, но это самообман... Мираж, подсвеченный на сцене, приправленный щемящей музыкой... Когда ж вы пытаетесь к нему прикоснуться, он исчезает... Или обретает черты реальности – довольно грубой и плотской!

Анна (растерянно). Я что-то не пойму. Вы про кого?

Кин (растерянно). В каком смысле?

Анна. Ну, вот про мираж... с плотскими чертами...

Кин. Про себя, черт подери! Разве вы не влюблены в меня?

Анна. С чего вы взяли?

Кин. Абсолютно?

Анна. Да ни капельки... Ни вот столечко!..

Кин (с досадой). Анна, вас действительно плохо учили вежливости... Но тогда почему сбежали из дому и прячетесь в театре?

Анна. Потому что хочу быть актрисой.

Кин. Всего-то?

Анна. Разве этого мало?!

Пауза.

Кин. М-да... А мне почему-то казалось... Нет, какое самомнение!

Анна. Бывает...

Кин (резко). Молчать! Обойдемся без сочувствия! Когда я говорю о самомнении, я имею в виду вас. Сбежала из дому, распугивает здесь мышей и думает, этого достаточно, чтобы стать актрисой.

Анна. Я много занималась, мистер Кин. Я выучила наизусть роли...

Кин. Этого мало! Актером нужно родиться! Мой прадед был актером, дед и отец тоже. Я – Кин Четвертый!!! И в моих жилах течет особая кровь, не хуже королевской... Во всяком случае, горячей. Так что, сударыня, можно приобрести титул лорда за приданое, но не талант. Этот титул дается Богом!

Анна. Но, может быть, он у меня есть? Я ведь и пришла, мистер Кин, затем, чтоб вы меня прослушали...

Кин. У меня сейчас нет на это времени. И потом, я не выношу актерские показы. Что вы собирались читать?

Анна. Что скажете... Например, монолог Джульетты.

Кин. Это я услышу вечером от партнерши. У меня спектакль. А сейчас я отдыхаю... И, между прочим, жду даму!

Анна (тихо). Я это поняла...

Кин. И не уходите?.. Ну что ж... Уже неплохо. Значит, вы готовы побороться за место на сцене... Хорошо! Даю вам минут десять. Показывайте, чему научились. Только умоляю – никаких шекспировских монологов. На них надо иметь право. Актер не тот, кто прикрывается чужим текстом... В любой момент он должен включить воображение и имитировать любое чувство: любовь, неприязнь, равнодушие... Все, что необходимо. Итак, вы готовы?

Анна. К чемv?

Кин. К этюду. Представьте: вы влюблены в меня и пришли объясниться. Начинайте!

Анна. Прямо так?.. Сразу?

Кин. Можете сидя, если вам удобней...

Анна нерешительно двинулась к дивану.

Нет! На диван не надо... Объясняйтесь стоя. И темпераментней, если можно. Вы влюблены в меня, потеряли голову... Ну, говорите, говорите!

Анна (тихо). Это действительно так, мистер Кин. Я люблю вас... И даже если наш этюд вам не понравится и вы прогоните меня прочь, я не перестану любить вас...

Кин. Хорошо.

Анна. Я полюбила вас давно... еще маленькой девочкой, когда впервые увидела...

Кин. В каком спектакле?

Анна. Это было не в театре... Впервые я увидела вас на улице. На берегу Темзы. Вы стояли, облокотившись на перила моста, и крошили булку плавающим лебедям...

Кин. Красиво.

Анна. Очень. Я тогда подумала: какой красивый джентльмен и какой добрый, раз он так любит птиц... Но тут булка кончилась, вы помахали птицам рукой и пошли вдоль реки... И я пошла почему-то за вами... И скоро вы вошли в маленький ресторан, заказали вино и сели за крайний столик, лицом к стене. И так стали пить... Спиной к людям, лицом к стене... А я стояла, смотрела на вас через оконное стекло и вдруг поняла, что вы очень одинокий человек...

Кин. Это правда.

Анна. И я стала часто приходить к этому ресторанчику и часто видела вас

Анна. И я стала часто приходить к этому ресторанчику и часто видела вас там сидящим лицом к стене. Иногда я старалась попасться вам на глаза, но вы меня все равно не замечали... Я уже знала, что вы – знаменитый актер Кин, что вы окружены всеобщей любовью, но я понимала, что вы – несчастны, раз в самую сокровенную минуту перед вами – только стена. И тогда я поклялась, что когда выросту, то стану тоже знаменитой актрисой, и вы, конечно, заметите меня и, может быть, хоть один раз разрешите сесть за этот столик напротив.

Пауза.

Кин. Адрес ресторана?

Анна. Ливерпуль-стрит, двенадцать.

Кин. Так это все – правда?

Анна. Не знаю, сэр. Вам судить...

Кин (подошел к ней, обнял за плечи). Бедная девочка. И сколько же вы ходили так за мной незримой тенью? (Пытается поцеловать.) Ну?.. Мне понравился этюд.

Анна. А неприязнь? Можно я сыграю неприязнь?

Кин. Я вам и так верю... Впрочем, ладно. Показывайте.

Анна (нервно). Неприязнь, мистер Кин, я почувствовала к вам тогда, когда впервые увидела на сцене.

Кин (с усмешкой). Вот так раз.

Анна. Да. Давали “Ричарда Третьего”... И вы расхаживали по сцене как большая горилла, согнувшись и покачиваясь взад-вперед. Публика ахала, думая, что это какой-то необычный рисунок роли, а я-то сразу поняла, что вы мертвецки пьяны... И потом много раз я попадала на спектакли, пахнущие вином... Никто, кроме меня, не замечал. Но я чувствовала на расстоянии каждую выпитую рюмку, и каждая реплика, которую вы перевирали, втыкалась в мои уши как иголка. Тогда возникла моя неприязнь, переходящая в ненависть. Я думала: Господи Боже мой, ну почему ж такой талант достался такому чудовищному человеку? Он же

пропьет Твой дар, Господи! Забудет под первой юбкой, которую встретит на пути... Постелит на диван вместо белья!

Кин (зло). Хватит!!! Закончим с неприязнью, вернемся к обожанию.

Анна (устало). Нет, мистер Кин. Теперь у меня остался только этюд на равнодушие. И мне действительно все равно, возьмете ли вы меня в свой театр или нет... Главное – вы меня выслушали!

Дверь распахивается. Стремительно входит Соломон.

Кин (гневно). Что ты врываешься без стука, болван?!

Соломон. Извините! Извините, мисс... Но на стук уже не было времени. Лорд Мьюил в театре... Между прочим, вместе с полицией!

Анна. Хорошо. Я выйду к нему.

Кин. Нет! Вы приняты в труппу, сударыня... Соломон, проводи эту юную леди. Спрячь ее где-нибудь...

Соломон. Где?

Кин. В реквизиторской... Да! Разыщи где-нибудь кошку.

Соломон. Какую еще кошку?

Кин. Тебе все объяснят... Ступайте!

Соломон и Анна уходят через потайную дверь. Кин невозмутимо садится в кресло перед зеркалом. Врывается лорд Мьюил.

Мьюил. Мистер Кин?

Кин. Да, милорд. Чем обязан?

Мьюил. Вы это знаете лучше меня... Я не почитатель ваших талантов, чтобы приходить просто так в вашу уборную. Это ведь называется у актеров “уборная”, не так ли? Странное название... У простолюдинов “уборной” именуется совсем другое помещение...

Кин. Если вы пришли меня оскорблять, то, боюсь, вам это удастся.

Кин. Если вы пришли меня оскоролять, то, боюсь, вам это удастся.

Мьюил. Оскорблять? Ну что вы... Оскорблять достойных людей входит в вашу профессию... (Замечает оленьи рога.) Это для меня приготовлено?

Кин (с усмешкой). Если они вам нравятся...

Мьюил. Так! Вести с вами диалог – унизительно. Поэтому молчите и слушайте! Мистер Кин, я знаю, что мисс Анна Дэмби скрывается здесь. И сколько бы ни ручались за вас уважаемые люди, я больше никому не верю... Поэтому требую: во-первых, оставить мою невесту в покое; во-вторых, обязать ее немедленно вернуться домой; в-третьих...

Кин. Подождите, милорд. И первых двух пунктов мне не выполнить. Ваша знакомая, мисс Анна...

Мьюил (перебивая). Моя невеста, мисс Анна.

Кин. Хорошо. Ваша знакомая невеста мисс Анна Дэмби – талантливая актриса. Она принята в труппу Друри-Лейн...

Мьюил. Что?! Она будет играть на сцене?! Вместе с вами?! И весь Лондон будет глазеть и злословить в мой адрес?!

Кин. Вы преувеличиваете интерес всего Лондона к вашей персоне, сэр!

Мьюил. Все! Терпению пришел предел... Я вас уничтожу, мистер Кин.

Кин. Дуэль?

Мьюил. Вы ее недостойны, Кин. На дуэль вызывают равных, с комедиантами я расправляюсь по их законам... (Решительно подходит к статуэтке, валит ее на пол, затем разрывает на себе манишку, брызгает на грудь красной краской, срывает с головы парик и валится на диван.) Констебль! На помощь! Меня убивают!

Кин изумленно смотрит на Мьюила. В дверь входит Констебль. Из потайной двери выглядывает Соломон.

Соломон. Что случилось, сэр?

Кин (с улыбкой). Этюды, Соломон. Разыгрываем этюды.

Кин (с улыбкой). Этюды, Соломон. Разыгрываем этюды...

Затемнение.

Картина третья

Лондонская тюрьма. За решеткой – Кин. Появляются Соломон и Констебль. У Соломона – неизменная папочка с пьесой.

Соломон (читает). “Картина третья. Лондонская тюрьма. Появляются Соломон и Констебль. Констебль вталкивает...” (Осекся.) Что такое? Здесь какая-то ошибка...

Констебль тоже заглядывает в пьесу, затем решительно хватает Соломона за шиворот, вталкивает в камеру, запирает замок и уходит.

Соломон (трясет дверь). Это ошибка!!! Вы не имеете права!

Кин. Соломон, дружище, как я рад!

Соломон. Ну, конечно, от вас, сударь, другого приветствия и ожидать было трудно...

Кин. Тебя-то за что?

Соломон (возмущенно). По вашей милости, сэр. Все мои беды – из-за вас.

Кин. Я ничего дурного не сделал, ты знаешь.

Соломон. Вот именно! А меня посадили за то, что я в этом участвовал. (Кричит.) Позор! Англия – страна бесправия! (Всматривается.) Ну, все... Он, кажется, ушел... (Приветливо.) Теперь – здравствуйте. Я действительно рад вас видеть... Целую неделю прошу свидания – не разрешают. Пришлось пойти на крайнюю меру и сочинить на себя донос...

Кин. Ты настоящий друг, Соломон.

Соломон. Есть такой недостаток... Ну, как вы здесь? Вижу, похудели?..

Кин. Это полезно... Вообще, тюрьма не такое плохое место. Можно наконец сосредоточиться... Заняться спортом. (Делает несколько упражнений.) Видишь? Я начинаю восстанавливать былую форму... Ну,

упражнений.) Видишь? Я начинаю восстанавливать былую форму... Ну, рассказывай – что там, на воле? Что в театре?

Соломон. Мрак. Сборы упали... Вместо вас играет Янг.

Кин. Как?! Эта шепелявая бездарность?! В Друри-Лейн?! Вы не отменяли спектакли? Позор! Вот оно – актерское братство. Премьер в тюрьме, а его коллеги прыгают перед публикой... Ты молодец, Соломон, что бросил их.

Соломон. Полагаю, ненадолго... Вы же понимаете, сэр, без премьера еще как-то можно, но без хорошего суфлера театру конец. Надеюсь, к вечеру меня выпустят. И вас тоже...

Кин. Вы собрали деньги под залог?!

Соломон. Пятьсот фунтов?! Откуда?!. Вообще, это безобразие! Если у человека на воле жалованье сто, почему за решеткой он должен стоить в пять раз дороже?!. Но, слава богу, у актера еще есть покровители. Вернее, покровительницы...

Кин (взволнованно). Неужели она, Соломон? Она?!

Соломон. Она. Не знаю, кого вы имеете в виду, но – она. И это закономерно. Не все же вам тратить деньги на женщин... Короче, явился сегодня какой-то странный джентльмен и передал от незнакомки чек на ваш выкуп и письмо для вас... (Протягивает конверт.) Кин нервно достает оттуда чистый лист бумаги.

Довольно странное письмецо...

Кин (гневно). Ты посмел читать?

Соломон. Как можно читать пустой лист? Я не настолько грамотен...

Кин. Молчи! Это самое красноречивое послание, которое тебе доводилось приносить... (Целует лист.) Елена! Это ее духи, тепло ее рук... изобретательность ее фантазии... Кстати, как там Анна Дэмби?!

Соломон. У вас всегда парадоксальный ход мыслей... “Елена!.. Кстати, как там Анна?..” В порядке ваша Анна. Живет в покоях Ричарда вместе с кошкой.

Кин. В ней есть какая-то загадка, Соломон... Уж поверь. Смесь дерзости и утонченности. Суровость и удивительная нежность... (Целует письмо.) И талант! Безусловный талант... И красота!

Соломон. Вы меня сейчас запутали, сэр. Вы о ком?

Кин (с пафосом). О женщине! О Еве! О самой первой из них, наполнивших землю этими удивительными существами, украшающими нашу жизнь... (Сердито.) Ну что ты на меня уставился? О ком еще может думать человек, провалявшийся целую неделю в одиночестве на тюремных нарах!!!

Появляется Констебль в сопровождении усатого господина в темных очках и широкополой шляпе.

Констебль (открывая дверь камеры). Арестованный. На беседу с адвокатом. Десять минут. (Уходит.)

Кин (выходя из-за решетки). Ваше высочество...

Принц. Тихо! (Чихает. Оглядывается, хватает Кина за руку, отводит в сторону.) Как вы меня узнали? Я нелепо выгляжу?

Кин. Нисколько, ваше высочество. Просто заметил в кармане вашего плаща газету с завтрашним числом. У кого она еще может быть?

Принц. Ах, черт возьми!.. Надеюсь, констебль не был столь наблюдателен... Вы правильно говорили, Кин: в нашем актерском деле важна любая мелочь. (Заметил в глубине камеры Соломона.) Это кто?

Кин. Суфлер нашего театра. Верный человек, его можете не опасаться...

Принц (чихает, отклеивает усы). Ужасно щекочут нос. Как-нибудь покажите, как их надо правильно наклеивать... Стало быть, вам уже известно, что залог внесен и сегодня вас отпустят?

Кин. Я вам очень признателен за это, ваше высочество.

Принц. Мне? При чем здесь я?.. (Смутился.) Ну, впрочем, вы всегда отличались догадливостью. Я же обещал ссудить вам в долг...

Кин. Я верну... При первой же возможности.

Принц. Разумеется. Но пришел я не за этим... Сегодня вечером из порта отходит американский пакетбот “Вашингтон”. Там для вас заказана каюта. Я считаю, вам надо исчезнуть из Лондона на пару месяцев, пока здесь утихнут страсти. Вы же собирались на гастроли в Америку? А мы здесь за это время постараемся убедить лорда Мьюила отказаться от процесса... Видите, как все ловко получится.

Кин. Блестящий план, ваше высочество. Вы его продумали вместе с Еленой?

Принц. При чем здесь... (Смутился.) Ну да. А что здесь дурного? Она ведь тоже как бы оказалась замешанной в этой истории. Газетчики что-то пронюхали, и вот в завтрашней “Таймс” уже какие-то намеки... Полюбуйтесь. (Протягивает газету.)

Кин (берет газету). Письмо вы тоже вместе сочиняли?

Принц. Какое письмо?.. Ах да... Послание? (Смеется.) Нет, это чисто моя идея. Ну, это шутка, Кин. Надеюсь, вы сразу догадались?

Кин. Безусловно, ваше высочество. Узнал ваш почерк. И долго смеялся...

Принц. Правда? Я рад.

Оба улыбаются.

Кин. Что касается поездки, то вынужден от нее отказаться.

Принц. Ну, ну... Эдмунд.

Кин. Решительно! Мое бегство только подтвердит мою мнимую вину. А я – честный человек... И свободный! И не могу позволить из-за чьих-то капризов то упрятывать себя за решетку, то отправлять в ссылку...

Принц. Собираетесь прятаться здесь, в Лондоне?

Кин. Я не намерен прятаться! У меня есть долг, который я обязан исполнить. Сегодня вечером выйду на сцену театра.

Принц. Это безумие, Кин! Вас там убьют... Разорвут на части.

Кин. Значит – судьба! И не такая плохая. Смерть на сцене – мечта любого актера! И высшая награда!

Принц. Да?.. Вы считаете?.. Как Мольер?! Нет, идея мне нравится. Это как-то будоражит... Ах, черт, не получится! Ваша партнерша, миссис Маклейн, уже отказалась участвовать с вами в спектаклях. В завтрашней “Таймс” ее письмо. Прочтите, она вас поносит такими словами...

Кин. Старая ханжа! Только я своим огромным воображением делал из нее Джульетту, и вот благодарность... Впрочем, все к лучшему. Есть новая Джульетта... Юная, влюбленная, талантливая.

Принц. Кто ж это?

Кин. Ее имя уже достаточно известно – Анна Дэмби!

Принц. Кин, вы сошли с ума!.. Нет, вообще это здорово... “Ромео и Джульетта – Эдмунд и Анна”. Гениально! Вас точно убьют. Обожаю вас, Кин, вы как-то умеете украшать нашу скучную жизнь... Надо всех предупредить. О! Я даже короля попробую уговорить посетить спектакль, если, конечно, он достанет билет... (Кричит на сцену.) Констебль!

Появляется Констебль.

Вот вам приказ об освобождении этих джентльменов под залог до суда. (Протягивает бумагу.)

Констебль ее берет, изучает, потом подозрительно смотрит на Принца.

Ну что вы на меня уставились? (Трогает свое лицо, вспоминает, что забыл приклеить усы.) Ну да... я побрился здесь. Это что, запрещено законом?! (Быстро уходит.)

Констебль еще раз просматривает бумагу.

Констебль. Можете выходить, джентльмены.

Соломон. И не подумаю... Мне и здесь хорошо.

Констебль. Я кому сказал?!

Констебль. Я кому сказал?!

Соломон. Если вы будете меня выталкивать силой, я стану орать и сопротивляться. Предупреждаю! Это произвол!

Констебль, сжав кулаки, идет к Соломону. Кин останавливает его.

Кин. Подождите, констебль... Я его уговорю... Мы должны объясниться.

Констебль (рявкает). Здесь не бар! Даю пять минут – и чтоб духу вашего здесь не было... Иначе...

Кин. Конечно, сэр. Иначе вы нас посадите... Логично!

Констебль уходит.

Соломон (ложится на нары). Мне очень нравится эта камера... Можно сосредоточиться и заняться спортом... Но главное – здесь безопасней. Вы, сударь, решили умереть на сцене, и это ваше право. Это красиво! Меня же публика просто затопчет в суфлерской будке по дороге к вам!

Кин. Неужели ты бросишь меня в такую минуту? Без тебя я не вспомню текст.

Соломон. Клянусь, я буду шептать только одну реплику: “Убегайте! Убегайте! Убегайте!”

Кин. Соломон! Ты человек театра. Неужели ты не понимаешь, что такая ситуация выпадает раз в жизни?.. Как ее можно упустить? Мог ли великий драматург мечтать о лучшем антураже для своей трагедии?! Предав меня, ты предаешь его. Ты ведь неспособен предать Шекспира, Соломон?

Соломон. Сэр, давайте без демагогии. Вообще неизвестно, писал ли Шекспир эти пьесы.

Кин. Ну, хорошо. Тогда подумай о театре... О наших доходах. Ты представляешь, сколько будет стоить билет на сегодняшний спектакль?

Соломон. Сэр, вы, конечно, трогаете мои слабые струны, но я боюсь... И потом, сможет ли эта девочка справиться с такой ролью?

Появляется Анна с цветами в руках. Пауза.

Появляется Анна с цветами в руках. Пауза.

Кин. Посмотри на нее, Соломон... Удивительное ощущение сцены. Вошла точно на реплику.

Анна. Я и не уходила, мистер Кин. Всю неделю ждала вас там, у ворот тюрьмы. Мне казалось, что от этого вам здесь будет не так одиноко.

Кин (Соломону). И ты говоришь, что она недостойна называться Джульеттой?.. “О, говори, мой светозарный ангел! Ты надо мной сияешь в мраке ночи, как легкокрылый пГісланец небес пред изумленными глазами смертных”...

Анна (включаясь в игру). “Ромео! О, зачем же ты – Ромео! Покинь отца и отрекись навеки от имени родного, а не хочешь – так поклянись, что любишь ты меня, – и больше я не буду Капулетти...” (Сбилась.) Дальше не помню.

Соломон. Это не проблема. В конце концов, суфлер за что-то получает жалованье.

Кин (торжественно). Анна Дэмби! Готовы ли вы сегодня вечером вступить в великое актерское братство и появиться на сцене в облике Джульетты?

Анна (испуганно). Нет... Ни за что!

Кин (Соломону). Она согласна.

Анна. Да нет же, говорю. Как можно? Без репетиций?

Кин. Хорошо... Проведем репетицию, только у нас мало времени. Поэтому начнем с конца.

Анна. С последнего монолога?

Кин. Нет. С поклонов. Запомни, девочка: поклоны в актерском ремесле – важнейшая деталь. Надо уметь кланяться не подобострастно, но и не надменно, дабы не погасить восторг публики... Чуть склонив голову, сохраняя достоинство и растерянно улыбаясь, словно удивляясь успеху...

Анна. Подождите с поклонами. Лучше пройдем все сцены.

Кин. Поздно... И потом, мы договорились, что сцены опускаем... Верно, Соломон?

Соломон. Абсолютно.

Кин. Считаем, что спектакль уже состоялся... Тем более что наверняка есть рецензия... Ну вот же... (Поднял газету.) Завтрашняя “Таймс”... На первой полосе... (Читает.) “...Никогда театральный Лондон еще не видел ничего подобного. С пяти часов вечера Друри-Лейн напоминал осажденную крепость. Публика разорвала цепочку полицейских, захватила все ложи и даже ступеньки в проходах... Стоял невообразимый шум. А когда наконец на сцене появился Эдмунд Кин, шум переродился в рев! В актера полетели апельсиновые корки и огрызки яблок... Он не уворачивался, он молча ждал, пока разгневанный зал не затихнет хоть на минуту... И когда это случилось, он произнес: “Господа! Вы сможете меня растерзать, разорвать на части, но я умоляю вас отложить это удовольствие до конца спектакля. Даже на самом Страшном суде полагается вначале выслушать обвиняемого. Позвольте же и мне сказать слова в свое оправдание, тем более что сочинил их Вильям Шекспир, неутомимый защитник всех влюбленных и преследуемых...” После этого открылся занавес. А буквально через несколько минут раздались первые аплодисменты, которые не заканчивались на протяжении всего действия, перерастая в мощную овацию...

В глубине сцены начинают звучать аплодисменты.

Это был триумф, которого стены Друри-Лейн еще не видывали никогда!!”

Аплодисменты усиливаются. Слышны крики “Браво!”.

Дайте руку, Анна! Нас вызывают!! Не волнуйся! Помни, как я учил: сохраняя достоинство и чуть улыбаясь, словно удивляясь успеху... (Берет Анну за руку.)

Они идут в глубь сцены, навстречу овации и цветам.

Затемнение.

Часть вторая

Картина четвертая

Картина четвертая

Дом Кина. Богатая обстановка. Кин и его маленький сын Чарлз репетируют номер. Соломон аккомпанирует им на гармошке.

Соломон. Итак!.. Раз-два-три! Начали.

Кин и Чарлз (поют и танцуют).

Что толку, леди, в жалобе.

Мужчины – шалопаи.

Одна нога на палубе,

На берегу – другая!

Что с них возьмешь?

Слова их – ложь.

Но в грусти толку мало.

Весь мир хорош,

Когда поешь:

Тара-рара-ла-ла-ла!

Зачем же плакать?

Лучше петь!

Судьбу не разгадаешь:

Мужчины женщин ловят в сеть,

Но сами попадают...

Что с них возьмешь?

Слова их – ложь.

Но в грусти толку мало.

Весь мир хорош,

Когда поешь:

Тара-рара-ла-ла-ла!

Анна. Она по-прежнему заставляет тебя страдать?

Кин (резко). Не говори глупости!

Анна (резко). Если это глупость, почему же ты кричишь?!!

Пауза.

Уж кому не хочется с ней встречаться, так это мне. Но приходится. Она предлагает выгодные гастроли в Дании. Гарантийная оплата плюс пятьдесят процентов от сборов... Неплохо? Ради такой выручки приходится наступать на самолюбие и щебетать с твоими бывшими любовницами.

Кин. Она никогда не была моей любовницей.

Анна. Тем хуже! Постель ставит точку в твоих романах, без нее – возможно продолжение.

Кин. Может, мне вообще лучше уйти? Пойду пройдусь по Лондону...

Анна. На Ливерпуль-стрит?!! Чтоб там напиться до бесчувствия! Нет, Эдмунд, ты останешься, наденешь галстук и будешь вести себя прилично. Один бокал, одна вежливая улыбка – и подпись в выгодном контракте!..

Кин (печально). Джульетта, ты ли?..

Анна (с улыбкой). Я, Ромео... Но если ты задумал дурное, то оставь свои исканья... (Целует Кина.) Ну, Эдмунд... Пожалуйста! Постарайся. При желании ты умеешь быть галантным...

Кин. Конечно, дорогая. При твоем желании – особенно!

Кин уходит. Анна достает из сумочки веер, рассматривает его, потом

подходит к зеркалу, обмахивается веером, разглядывая свое отражение. Появляется Соломон. Следом за ним – Елена.

Соломон. Графиня Кефельд!

Соломон уходит.

Анна (идет навстречу Елене). Добрый день, графиня. Как я рада! Заранее прошу прощения за моих мужчин, они бы должны вас встречать у подъезда...

Елена. Пустяки, миссис Кин. К чему такие церемонии?.. Я благодарна, что вы позволили мне побывать в вашем доме. Нам, вашим поклонникам, всегда интересно, как живут знаменитые актеры... (Оглядывается.) О, прелестно. Все так со вкусом обставлено. Замечательный дом...

Анна. Благодарю вас, графиня! Дом действительно неплохой. Правда, с некоторыми архитектурными излишествами...

Елена. Да? Не замечаю...

Анна. Я имею в виду сумму, в которую он нам обошелся. Как шутит Эдмунд: лестница на второй этаж выложена векселями и скоро может рухнуть.

Елена (улыбаясь). Ничего! Я думаю, такие артисты, как вы и мистер Кин, укрепят ее своими новыми успехами. Кстати, посольство получило письмо из Копенгагена: ваш контракт подписан. (Достает письмо, протягивает Анне.)

Анна (принимая письмо). Благодарю вас, графиня!

Елена. Ну что вы, миссис Кин. Наш долг – знакомить датчан с культурными ценностями Англии... (Замечает веер.) Какая прелестная вещица! Это куплено в Лондоне?

Анна. Право, не знаю... Подарок... одного театрала... Но, по-моему, ваш веер не хуже, графиня?

Елена. Пожалуй... (Сравнивает веера.) Но у вас – более современный фасон...

Соломон вводит Чарлза, одетого в нарядный костюмчик.

Анна. Разрешите представить – мистер Чарлз Кин.

Чарлз склонил голову.

Елена. О, как мы выросли... Рада с вами познакомиться, мистер Чарлз! (Целует мальчика.) Не согласитесь ли вы принять от меня небольшой подарок?.. (Достает из сумочки игрушечную флейту.) Не знаю, понравится ли он вам?

Чарлз осматривает флейту, дует в нее.

Соломон. Чарлз, а что надо сказать?

Чарлз (декламирует).

Спасибо, леди! Вы добры!

За ваши щедрые дары

Примите наш поклон! (Кланяется.)

Елена. Мило.

Чарлз.

Пусть будет счастлив ваш супруг!

А если есть сердечный друг,

То и, конечно, он! (Кланяется.)

Анна. Какой ужас! (Соломону.) Кто его научил такой глупости?

Соломон. Во всяком случае, не я.

С шумом распахивается дверь. Появляется Кин, в засаленном охотничьем костюме, огромных сапогах. Под живот подложена подушка. В руках у него бутылка и стакан.

Кин (напевает).

Когда Артур взошел на трон

И назван королем,

Накрыл он стол на сто персон,

Но сели мы вдвоем!..

Графиня Кефельд, как я рад... (Пытается поцеловать ей руку, живот ему мешает.) Проклятое пузо! Оно так и норовит всюду проскочить впереди хозяина. С удовольствием бы от него избавился, но куда тогда прикажете складывать пищу?! (Хлопает по животу, строго к нему обращается.) Спокойно! Не мешать! Я должен припасть к очаровательной ручке графини... (Пытается нагнуться, живот перетягивает, он падает.) Опять оно впереди! О горе мне! Я, побеждавший в боях десятки врагов, не могу победить собственный живот... (Выхватывает нож.) Тогда умрем вместе, как достойные соперники! (Ударяет себя ножом в живот. Из подушки летят пух и перья.) Пауза.

Анна (недовольно). Ты находишь это остроумным, Эдмунд?

Кин (поднимаясь). Разве нет? Как вы считаете, графиня?

Елена (вежливо улыбнувшись). Мило.

Кин. Гостье нравится... Это – сюрприз. (Анне.) Ты ничего не знаешь. Когда-то я был приглашен в дом графини, и мне посоветовали надеть костюм Фальстафа. К сожалению, тогда это было невозможно, не было настроения. А вот спустя шесть лет оно появилось... (Наливает стакан.) А почему не пьем? Не желаете, графиня? Великолепный херес. Напомню, что добрый херес производит двойное впечатление: во-первых, он ударяет в голову и разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости... (Запнулся, повернулся к Соломону.) Как там дальше?

Соломон (подсказывает). “Второе действие славного хереса состоит в том...”

Кин (вторя). Второе действие славного хереса состоит в том, что он...

Соломон. “Согревает кровь!”

Кин. Согревает кровь!!

Анна (прерывая). Надеюсь, вы не собираетесь произносить весь монолог?!!

Кин. Обязательно! И всю сцену в трактире “Кабанья голова”. Не сомневаюсь, у графини хватит воображения представить себе декорации: вот так – бочки вина, Фальстаф под столом...

Анна (в отчаянии). Это невыносимо! Если желаешь паясничать, то, пожалуйста, без меня! (Елене.) Извините, графиня, я не знала, что приглашаю вас в трактир!

Анна уходит вместе с Чарлзом и Соломоном.

Пауза.

Елена. Продолжайте, мистер Кин. Очень любопытно...

Кин (мрачно). Нет. Извините, графиня. Кураж прошел...

Елена. Жаль. Тогда налейте мне вина, раз уж мы в трактире...

Кин наполняет бокал, подает Елене.

Выпьем, сэр Фальстаф. Тем более что есть достойный повод. Я сейчас выступаю в роли импресарио и принесла вам выгодный контракт. (Протягивает Кину письмо.)

Кин (беря письмо, равнодушно вертит его в руках). Извините, мелкий почерк, я не при очках...

Елена (с улыбкой). Когда-то вы умели легко читать даже чистые листки... Так вот: в письме говорится о трехмесячных гастролях в Дании. Сто тысяч гарантированного дохода.

Кин. Щедро! (Переворачивает письмо, внимательно изучает лист.)

Елена. Там ничего не написано.

Кин. Извините, но вы сами напомнили... Для чистого листа моим слабеющим глазам еще хватит зоркости. (Смотрит лист на просвет.) К сожалению, этот контракт меня не устраивает.

Елена. Почему?

Кин. Во-первых, я не люблю выступать в странах, не понимающих по-английски. Когда спектакль идет на чужом языке, артисты похожи на зверей в зоопарке. Публика реагирует на мычание и почесывания, забывая про суть. Во-вторых, здесь просматривается подпись короля, а я боюсь шуток, которые вы вместе с ним придумываете...

Елена. Милый Кин, неужели вы до сих пор меня ревнуете?

Кин. Вас это огорчает?

Елена. Мне это льстит... Но надо быть благоразумней. Прошло столько лет. За это время принц Уэльский стал королем, вы – благополучным семьянином...

Кин. А вы, графиня, – полномочным представителем Дании?

Елена. Тронута, что вы интересуетесь моей судьбой... К сожалению, мой супруг часто болеет, и приходится брать на себя часть его обязанностей...

Кин. Итак, вы пришли в мой дом в интересах Дании?

Елена. Можно считать и так.

Кин. И в интересах вашей страны, чтоб я играл целое лето в полупустых залах Копенгагена?

Елена. Вы недооцениваете себя, мистер Кин... (Решительно.) Хорошо. Буду с вами до конца откровенна. В интересах моей страны, чтоб вы на три месяца покинули Лондон. И не столько вы, сколько ваша супруга...

Кин. При чем здесь Анна?

Елена. Мистер Кин, извините, но у вас действительно неважно со зрением. Следует заказать хорошие очки. А заодно и проверить слух. Не может быть, чтоб вы не слышали о том, что король проявляет повышенный

интерес к миссис Анне Кин.

Кин. Чепуха! Ему всегда нравились мои женщины...

Елена. Безусловно! Однако шалости принца и увлечения короля – не одно и то же. Фаворитка его величества становится важной фигурой. Ваша очаровательная жена это понимает, поэтому она зачастила в посольство Швеции. Усиление влияния Швеции противоречит интересам Дании. Потому Дании выгодней оплатить ваши полупустые залы... Все просто!

Кин. Боже, какой театр!

Елена. Политика – всегда театр, мистер Кин.

Кин. И в нем мне отведена роль рогоносца?

Елена. Поэтому я и предлагаю вам сменить амплуа.

Кин (в бешенстве). Чушь! Ни единому слову не верю. Хотите убедить меня, что политика убила в вас женщину?! Этого не бывает. Вас выдают глаза... румянец на щеках... Вот я беру вас за руку, и вы замираете, как беззащитный зверек... Я пожимал руки десяткам послов, ни у одного из них мое прикосновение не вызывало такой реакции. Зачем вы пришли? Зачем ломаете комедию? Это он вас надоумил? Его величество Георг?! (Обнимает ее.) Елена (отстраняясь). Бедный Кин, какой вы наивный... Вы действительно ревнуете меня? А как же Анна? Или ее тоже?

Кин. Всех! Я ревную к нему всех, кого люблю. А он ревнует меня! Такова ниточка судьбы, повязавшая меня с этим человеком. Но больше всего я ревную к нему себя самого, мою идиотскую доверчивость. Обрадовался: его величество зачастило в Друри-Лейн. Пыхчу на сцене, изображая страсти мавра, и не понимаю, почему публика хихикает... А чего ж не смеяться, когда все знают, чем занимается с Дездемоной его величество после спектакля... Вот что меня бесит!

“Будь воля Неба

Меня измучить бедами, обрушить

На голову мою позор и боль,

Зарыть меня по губы в нищету,

Лишить свободы и отнять надежду, –

Я отыскал бы где-нибудь в душе

Зерно терпенья. Но, увы, мне стать

Мишенью дня глумящегося века,

Уставившего палец на меня!!”

(Неожиданно печально.) Такую пьесу превратить в фарс. Никогда не прощу! (Решительно подходит к столу, берет письмо, рвет его на части.) Графиня, благодарю за лестное предложение, но вынужден отказаться. Климат Дании мне вреден.

Елена. Очень жаль, мистер Кин. Думаю, Дания будет огорчена. Что касается лично меня, то я в этом не уверена... (Подходит к Кину, целует его.)

Входит Анна.

Анна (невозмутимо). Стол накрыт. Прошу!

Елена (также невозмутимо). Сожалею, миссис Кин, но я вспомнила, что у меня неотложные дела. Благодарю за гостеприимство. Надеюсь, скоро увидимся. (Уходит.)

Анна (Кину). Что это все значит?

Кин. Ничего особенного... Запоздалый поцелуй шестилетней давности...

Анна (зло). Меня это абсолютно не волнует. Я спрашиваю – почему она ушла?! (Замечает порванное письмо.) Ты болен, Эдмунд! Тяжело болен... Тебе надо лечь в больницу.

Кин. Умоляю, Анна. Не надо семейных сцен. Я устал.

Анна. Это я устала!! Шесть лет с тобой – шесть лет каторжных работ... (Нервно обмахивается веером.)

Кин. Откуда этот веер?

Анна (не слыша). Шесть лет капризов! Не забывай – я тоже актриса! И у меня есть нервы! Я тащу на себе весь репертуар.

Кин (резко). Откуда этот веер?!!

Анна. Ну вот! Нападение – лучшее средство защиты! Что ты хочешь от меня, Эдмунд?! Я не знаю откуда. (Швыряет веер.)

Кин. Зато я знаю. Этими веерами один человек в Лондоне метит своих женщин, словно тавром кобылиц в королевской конюшне!!

Анна (нервно смеется). Ну вот, теперь еще сцена ревности. Будем репетировать “Отелло”?

Кин (мрачно). Послушай, Анна, когда-то ты мне рассказывала, что впервые увидела меня сидящим за столом лицом к стене. Ты говорила, что мечтала сесть напротив... Сядь!! (Кричит.) Сядь, я приказываю!

Анна испуганно садится. Кин садится напротив.

Я не стану читать тебе мораль. Сам не безгрешен, не смею требовать праведности от других. Я прощу измену, но не унижение. Потому что можно вдруг потерять голову от любви, но нельзя хладнокровно изменять мужу для его же блага!! Тут не ревность, тут будет оскорблено само существо человека, и Бог оставит его, и придет на его место дьявол, и тогда вспыхнет бешенство!!! (Вскакивает, опрокидывает стол и стул.) Анна (визжит). Я ненавижу тебя!

Входит Чарлз, в его руках флейта.

Кин (сдерживаясь). Все в порядке, сынок. Мы с мамой репетируем вечерний спектакль... Не так ли, Анна?

Анна (сдерживаясь). Конечно, дорогой! Наш мальчик – взрослый и, надеюсь, все понимает...

Анна уходит.

Кин (ставит на место стул). Актер никогда не должен отдыхать, Чарлз.

Надо все время поддерживать тонус. Запомни!

Чарлз (протягивает флейту). Ты можешь сыграть?

Кин. Попробую... (Берет флейту, извлекает несколько звуков.) Не получается.

Чарлз. Тогда спой песенку...

Кин. Какую?

Чарлз. Про Артура...

Кин. Это очень грустная песенка, Чарлз. И страшная. Не испугаешься?

Чарлз. Нет.

Кин. Хорошо. Тогда слушай... (Напевает.)

Когда Артур взошел на трон

И назван королем,

Накрыл он стол на сто персон,

Но сели мы вдвоем.

Король воскликнул:

– Черт возьми!

Где гости? Не пойму!

– Вы приказали их казнить, –

Ответил я ему.

– Ну вот! – вздохнул Артур. –

Ну вот! И как я мог забыть,

Что время ужина придет

Что время ужина придет

И надо с кем-то пить?

Я не люблю сидеть вдвоем,

Безлюдье тяготит.

Пустые стулья за столом

Мне портят аппетит!

– Ах, не волнуйся, мой король!

Ты можешь пить и есть!

Ведь души сгубленных тобой

Сидят незримо здесь.

Сейчас они вина нальют;

Ножами застучат –

И не придется королю

За трапезой скучать!..

(Играет тихо на флейте.)

Затемнение.

Картина пятая

Комната отдыха королевского спортивного зала. Несколько ширм. В глубине видна ванна. Соломон в одежде королевского лакея готовит воду. Входит король Георг, в белом спортивном костюме, с теннисной ракеткой в руках. За ним – графиня Эми Госуилл.

Эми. Нет, ваше величество, уверяю: в третьем сете вы были великолепны. Какой удар, какая мощная подача...

Король. А мне вдруг показалось, что ваш муж нарочно проигрывает...

Эми. Ну что вы! Я же смотрела со стороны и могу быть объективна. Он метался как заяц, из конца в конец площадки – но что можно сделать, когда противник сильнее?

Король. Не выношу легких побед. Глупейшее положение: проигрывать не терплю, а когда выигрываю, то начинаю мучиться, что со мной сыграли в поддавки. Буду играть теперь только со стенкой...

Эми. Клянусь, все было честно. В первом же сете он еще сопротивлялся, но начиная со второго...

Король (перебивая). Достаточно! Вы же понимаете, графиня, что я пригласил вас не для того, чтоб обсуждать ход игры... (Делает знак лакею.)

Соломон поспешно выходит.

Скажите, вы были вчера в театре Друри-Лейн?

Эми. Разумеется...

Король. Почему “разумеется”? Вы стали театралкой?

Эми. Нет... Но последнюю неделю... (Смутившись.) И вчера давали “Гамлета”. Моя любимая пьеса.

Король. И что ж там произошло, на вашей “любимой пьесе”? До меня уже дошли кое-какие слухи...

Эми (вздохнув). Что я могу сказать, ваше величество? Очередная дерзкая выходка... Наглая выходка, которыми мистер Кин потчует вульгарных поклонников весь этот месяц. Впрочем, сначала все было довольно прилично. Спектакль начался, появился призрак, поговорил с Гамлетом... Потом приехал бродячий театр...

Король. Умоляю, не надо пересказывать весь сюжет.

Эми. Но это важно, ваше величество. Чтоб было понятней, как он нагнетал обстановку. Потом, стало быть, артисты сыграли этот дурацкий скетч, где один другому что-то льет в ухо... После этого король... ну, который в

пьесе... он в гневе выбегает. И вот тут мистер Кин выходит вперед и, посмотрев на вашу пустую ложу, произносит: “Раз королю не нравятся спектакли, то, значит, он не любит их, не так ли?!!”

Король. И что?

Эми. Хохот и аплодисменты.

Король. Почему?

Эми. Не знаю, ваше величество. Очевидно, здесь вложен какой-то смысл, доступный только маловоспитанным людям. А дальше все пошло в таком же духе... Крикнул Офелии: “В монастырь!” – аплодисменты, убил Полония и сказал: “Я метил в высшего...” – овация. А в конце, когда он заколол короля и заявил: “Вот, блудодей, пей свой напиток!!”, началось что-то невообразимое.

Король. “Блудодей”?.. Какое странное словцо... По-моему, его нет у Шекспира?

Эми. Уверена, что нет. А если и есть, то оно не может быть направлено в адрес... (Осеклась.)

Король (гневно). Что за чушь? Какой адрес? Шекспир не служил в почтовом ведомстве! Великий поэт рождал великие мысли, и только невежество способно их перетолковывать, принижая до уровня собственного понимания!.. Надеюсь, вы не аплодировали?

Эми. Я была возмущена. Я кричала “Позор! Позор!”.

Король. Этого тоже не следовало делать. Любой выкрик в данной ситуации мог иметь двойной смысл... Впрочем, я благодарю вас, графиня, за сочувствие и подробный рассказ. (Открыл шкатулку, достал веер, протянул Эми.) Если не возражаете, я бы хотел подарить вам в знак признательности...

Эми. О, ваше величество! Вы словно угадали мое давнее желание... (Обмахивается веером.) Я могу это воспринимать как символ особого расположения?

Король (испуганно). Нет-нет... Никаких символов. Просто – презент. А

Король (испуганно). Нет-нет... Никаких символов. Просто – презент. А теперь я вас не задерживаю, графиня. Мне необходимо принять ванну.

Эми (игриво). Вы уверены, что я не могу быть вам полезна?

Король. Вероятно. Но сначала я должен побыть один...

Эми уходит. Король подходит к ширме, отодвигает ее, открывая сидящего там Кина.

Король (мрачно). Вот, Эдмунд, я дал вам возможность один раз услышать то, что я принужден слышать ежедневно... Согласитесь, это малоприятно!..

Кин. Я не могу отвечать за чье-то воспаленное воображение.

Король. Разумеется... И все же... (Достает книгу.) Откуда это слово? (Листает книгу.) Что-то не помню... (Читает.) М-да. Действительно... “Вот, блудодей, пей свой напиток!..” Это место придется вычеркнуть.

Кин. Слушаюсь, ваше величество.

Король (листая книгу). И в “Ричарде”. Монолог Глостера. Со слов: “Кто к женщине умел так подольститься... Кто женщину сумел так обольстить?..” И еще в “Виндзорских проказницах”... Сцена свидания в парке. Говорят, третьего дня она вызвала нездоровый ажиотаж...

Кин. Не помню.

Король (сердито). Не лукавьте, Кин! Все вы прекрасно помните. Я не допускаю мысли, что вы сознательно проявляете бестактность, но уж если сплетни создали такую нездоровую ситуацию в обществе, ее необходимо учитывать. Тем более что завтра я намерен посетить Друри-Лейн.

Кин. Завтра я бы рекомендовал этого не делать, ваше величество. Завтра – “Отелло”.

Король (сердито). Ну и что?!

Кин. Даже если я вымараю все свои реплики, то не поручусь, что сам сюжет будет правильно истолкован публикой.

Король. Черт возьми, что ж мне теперь – вообще не ходить в театр?!

Король. Черт возьми, что ж мне теперь – вообще не ходить в театр?!

Кин молчит.

Что у вас послезавтра?

Кин. “Двенадцатая ночь”.

Король. Ну, в этой вещице, по-моему, никаких двусмысленностей? Кроме названия... “Двенадцатая ночь”... Звучит легкомысленно.

Кин. Не стоит менять название, ваше величество. Проще сменить исполнителя.

Король. Без глупостей, Кин, без глупостей...

Кин. Если одному из нас нельзя появляться в театре, то приходится выбирать меньшую потерю для общества. Поэтому я ухожу из Друри-Лейн.

Король (в отчаянии). Кин...

Кин. Решение окончательное!

Пауза.

Король. Вы благородный человек, Эдмунд. Я и сам хотел предложить вам это, но вы, как всегда, раньше угадали мое желание. Сделаем паузу! Ни вас в театре, ни меня... А пусть все сплетники кусают локти из-за того, что погубили искусство. Поедете с Анной на гастроли!

Кин. Нет, ваше величество. Я подал на развод.

Король. Да вы с ума сошли!.. Ведь это суд, свидетели, газетчики... Какая грязь! Эдмунд, я вам запрещаю!

Кин (резко). Ваше величество, вы можете мне запретить выступать на сцене, но заставить играть идиотскую роль не можете!

Король (переходя на крик). Могу! Не забывайте, мистер Кин, перед кем стоите! Я сейчас обращаюсь к вам как к гражданину! Вы патриот или нет?! Недопустимо осквернять корону Британии!! (Смутившись.) Фу, черт!

Недопустимо осквернять корону Британии!.. (Смутившись.) Фу, черт! Какая пошлая высокопарность... Извините, Эдмунд. Я говорю с вами прежде всего как друг... Мужская дружба выше семейных уз! Мы-то с вами это знаем. Бог мой, если воскресить все наши похождения, так половина Лондона должна сегодня развлекаться! Ну, Эдмунд, ну, дружище... (Обнимает Кина.) “Король Артур взошел на трон и назван королем, накрыли стол на сто персон, а сели мы вдвоем!..” Вдвоем, Эдмунд! У нас с вами есть что вспомнить. Позади веселая молодость. Неужели сейчас свой зрелый возраст мы испортим буржуазной благопристойностью?!. Я надеюсь на вас, Эдмунд. Вы меня не подведете?

Кин мрачно кивнул.

Благодарю! (Протягивает руку.)

Кин неуверенно пожимает.

Королевское соглашение: Георг Четвертый и Кин Четвертый! Исторический день... (Устало.) Фу, я вспотел больше, чем от игры в теннис. Срочно в ванну... (Начинает раздеваться.)

Кин делает попытку уйти.

Останьтесь, Эдмунд, Я специально отослал слуг, чтоб мы могли потереть друг другу спинки... (Лезет в ванну.) Как в юности... Помните эту баньку в охотничьем домике?.. Боже, сколько было тогда выпито... Дорого б я сейчас дал, чтоб иметь право на такой загул... (Намыливает голову и лицо.) А потом мы поехали к этим двум сестричкам-баронессам. Как же их звали?.. Вашу, кажется, Элиза?.. Впрочем, по тем временам не было “вашей” или “моей”... Все было общее! (Смеется.) Кин тихо выходит.

А потом неожиданно нагрянул папаша, и они нас спрятали в шкафу... (Смеется.) Фу, дьявол, даже в глазах защипало. Сполосните-ка меня, Эдмунд!.. Там кувшины с водой. (Встает в ванне, трет глаза.) Эдмунд, где вы?.. Что за дурацкие шутки?!! (С трудом выбирается из ванны, шлепается на пол.) Негодяй, вы за это ответите!.. (Трет глаза, оглядывается, смеется.) Сукин сын, с ним не соскучишься...

Затемнение.

Картина шестая

Улица. Вывеска ресторанчика. Из дверей ресторана Соломон выводит Кина, тот еле держится на ногах.

Кин (поет).

Когда еще был я зелен и мал –

Лей, ливень, всю ночь напролет!

Любую проделку я шуткой считал,

А дождь себе льет и льет...

Соломон. Держитесь, сэр, держитесь за меня! Пора домой. Дождь, кажется, действительно собирается...

Кин.

На ключ от бродяг запирают дома, –

А дождь себе льет и льет...

(Садится на землю, закрывает глаза.)

Соломон. Ну что вы делаете, сударь? Земля сырая... Вы и так всю прошлую ночь кашляли... (Пытается поднять Кина.) Встаньте, умоляю...

Появляются двое прохожих. Он – в цилиндре, она – в шляпке, несколько секунд наблюдают за происходящим.

Цилиндр. Смотри, дорогая, кажется, мы знаем этого джентльмена. По-моему, это Кин.

Шляпка. Тот самый?

Цилиндр. Разумеется. Никогда не видел его вблизи. Как он постарел, однако... (Соломону.) Скажите, любезный, это Кин?

Соломон (сердито). Нет, сэр. Это его двойник, причем довольно пьяный. Проходите, господа, проходите...

Появляется еще один прохожий, в кепке. В руках держит раскладной стульчик.

Кепка (радостно). Уже начинается? Значит, я вовремя... (Раскладывает стул, садится.)

Шляпка. Что начинается?

Кепка. Представление... Это ж Кин. Сейчас очухается, и пойдет потеха!..

Шляпка. Как интересно... (Цилиндру.) Милый, сходи в ресторан, попроси два стула...

Из дверей ресторана выходит Хозяин со стульями.

Хозяин. Иду, иду! Господа, только в нашем заведении – “Сон в летнюю ночь” в исполнении неподражаемого Эдмунда Кина. (Ставит стулья.) Кресло в партере – десять шиллингов, в амфитеатре – семь.

Цилиндр. Два в партере. (Платит деньги, усаживается вместе со Шляпкой в первом ряду.)

Соломон (возмущенно). Как вам не совестно, господа?! Где ваше благородство? Ну что вы уставились на несчастного человека?!

Хозяин (Цилиндру). Его слуга – Соломон. Ворчун и скандалист. Но, в общем-то, добрый малый...

Соломон (в гневе). Я вам покажу – добрый! А ну, пошли все отсюда!.. (Подходит к Кепке.) Убирайтесь, вам говорят!

Кепка (довольно.) Глазищами-то как вращает! Умора!

Соломон (в отчаянии). “Все в мире ограниченно, лишь глупость предела не имеет!”

Кепка. Это откуда? Из какой пьесы?

Соломон (возвращается к Кину, теребит его). Сэр, просыпайтесь! Вы не имеете права забавлять этих бездельников! Да что с вами? (Трогает пульс.) Ему совсем плохо. Доктора! Срочно доктора!

Хозяин. Доктор в зале. Второй столик у окна. Кушает свой любимый паштет. Между прочим, господа, гусиный паштет – фирменное блюдо нашего ресторана. Лучший гусиный паштет в Лондоне. Рекомендую!

Цилиндр. Пожалуй. (Шляпке.) Дорогая, ты не проголодалась?

Шляпка. Нет... Но, может быть, легкий салат из спаржи.

Хозяин. С белым грибным соусом?

Шляпка. Не откажусь.

Хозяин (записывает заказ). Значит, один паштет, один салат...

Соломон (в отчаянии). Каннибалы! (Убегает в ресторан.)

Хозяин. Из вин могу предложить херес, рислинг, бургундское...

Цилиндр. А что предпочитает наш герой?

Хозяин. Все! И еще пару пива...

Смеются. Появляется лорд Мьюил. Оглядывает собравшихся. Подходит к Хозяину.

Мьюил. Скажите, любезный, это ресторан “Гусиная лапка”?

Хозяин. Совершенно верно, сэр.

Мьюил. Я могу видеть мистера Кина?

Хозяин. Разумеется, сэр. Он перед вами...

Мьюил (подходит к Кину). Какой позор! (Хозяину.) Однако у меня к нему важное дело... Как бы его разбудить?

Хозяин. Уже послали за доктором! Вы садитесь, сэр, садитесь...

Цилиндр. Да уж, пожалуйста. Мы ведь тоже, между прочим, смотрим...

Мьюил занимает кресло, дает денег Хозяину. В дверях ресторана

Мьюил занимает кресло, дает денег Хозяину. В дверях ресторана появляются Соломон и Доктор.

Хозяин. Явление четвертое: те же и доктор.

Доктор. Добрый вечер, дамы и господа! Разрешите представиться: доктор Томпсон, психотерапевт. Частный кабинет – Манчестер-стрит, восемнадцать. Прием ежедневно. (Раздает публике рекламные карточки.) Лечение внутренних болезней, психических стрессов, меланхолии...

Соломон (склонился над Кином). Да подойдите же сюда, доктор!

Доктор (строго). Не надо давать мне советов, друг мой! На вашем месте я бы лучше попытался поймать кэб, чтоб потом отвезти своего хозяина домой. Если, конечно, у него есть дом...

Кепка. Говорят, его жена выгнала...

Шляпка. Ну что ж, ее можно понять.

Мьюил. И все же, доктор, я прошу: приведите его поскорей в чувство – у меня мало времени.

Кепка. Нет, зачем же “поскорей”? Давайте по полной программе...

Цилиндр. Да уж, пожалуйста...

Соломон (в отчаянии поднял глаза к небу). Господи! И Ты на все это спокойно взираешь?

Соломон уходит.

Доктор. Итак, мой метод лечения включает в себя не только медикаментозные средства, но прежде всего – психологические манипуляции. Поясню на примере. (Подходит к Кину.) Вот типичный случай глубочайшего алкогольного наркоза. Обратите внимание: снижены рефлексы, затруднено дыхание... Пульс слабый! Реакция на раздражители... (Достал из кармана пузырек.) Это нашатырь! (Дает понюхать Кину.) Слабая реакция... Казалось бы, случай безнадежный. Но тут я перехожу на метод индивидуальной терапии. Ведь перед нами актер. А у каждой особи есть, как известно, свои специфические раздражители... (Достает из

кармана колокольчик.) Первый звонок... Второй... Третий... Аплодисменты. (Аплодирует.) Кин подает признаки жизни.

Помогайте мне, господа, помогайте!

Все аплодируют. Кин открывает глаза, тупо смотрит на собравшихся.

Цилиндр (Доктору). Браво!

Доктор. Проверено на цирковых лошадях... Только они реагируют на звук трубы.

Цилиндр. Разве лошади пьют? (Смеется.)

Кин. Где я?

Шляпка (Цилиндру). Тихо. Он заговорил.

Кин. Это сон?

Доктор. Да, голубчик. “Сон в летнюю ночь, или Что вам угодно?”

Все смеются.

Кин (тяжело поднимаясь). Так что вам угодно, господа? И почему все время один и тот же сон? Другим людям снятся поля, реки, птицы, цветы. Неужели я приговорен постоянно видеть во сне бинокли и лорнеты, потные физиономии, лоснящиеся от любопытства?! (Подходит к сидящим, разглядывает их.) Неужели моя несчастная голова не заслужила более приятных сновидений? (Заметил Мьюила.) А это еще кто? Такая рожа способна превратить сон в кошмар!

Мьюил (гневно). Какая наглость! (Вскочил.)

Кепка. Да садитесь вы, садитесь! Не мешайте.

Мьюил (оттолкнул Кепку). Оставьте меня! (Кину.) Я лорд Мьюил. И это никакой не сон.

Кин. Лорд Мьюил наяву? Еще больший кошмар!

Все смеются.

Все смеются.

Мьюил. Я здесь не затем, чтоб выслушивать оскорбления! У меня поручение от его величества короля! И если вы, сударь, способны хоть чуточку соображать, извольте меня выслушать! (Хватает Кина за руку, отводит в сторону.) Его величество велел передать вам письмо. (Отдает Кину письмо.) А на словах велел сообщить, что он крайне недоволен вами, мистер Кин! Вас не затем попросили со сцены Друри-Лейн, чтобы вы лицедействовали возле всех пивнушек Лондона. Это порождает нездоровые толки и оскорбляет честь и достоинство короля... Короче! Его величество требует, чтоб вы оставили актерскую профессию и подыскали себе какое-то более достойное занятие... На первое время вам будет выдаваться пособие – двести фунтов в месяц.

Цилиндр. О чем они говорят? Я ничего не слышу.

Кин (повернувшись к сидящим). Извините! Лорд Мьюил не знает законов нашего ремесла... Интересы зрителя – прежде всего. (Подходит к сидящим.) Так вот, леди и джентльмены, мне сообщили, что его величество король просит меня перестать быть актером...

Мьюил. Приказывает!

Кин. Вот даже как? Приказывает! За это мне обещают двести фунтов в месяц. Между прочим, когда я выступал на сцене театра, мне платили всего сто. Странная арифметика, не так ли? Быть актером – сто, не быть – вдвое больше. Так быть или не быть? – вот в чем вопрос.

Кепка. Конечно, не быть!

Кин. Умница! Дружище, ты следуешь законам здравого смысла. Но второй вопрос: как это сделать? Вот, скажем: ты кто? Человек в кепке! Прикажи тебе ее снять – и ты станешь человек без кепки. Логично? Но, с другой стороны, судя по выражению, ты порядочный остолоп. И хоть сто раз прикажи тебе не быть остолопом, у тебя вряд ли что получится! Только не обижайся, дружище, ведь я говорю и о себе. Актерство из того же ряда свойств, что и глупость. Просто это привлекательная глупость, она позволяет окружающим почувствовать себя умней... Актерство не плащ, не шпага, не цилиндр... Его нельзя снять в костюмерной. На сцене я актер, иду по улице – все шепчут: “Вот идет актер”, выпил, уснул, и снова глазеют: смотрите, актер! Как он постарел, бедняжка!! Как же мне выпрыгнуть из

смотрите, актер! Как он постарел, бедняжка!! Как же мне выпрыгнуть из самого себя?! Разве что умереть?

Мьюил (с усмешкой). Если нет другого способа, то придется...

Кин. О нет, милорд! И это не выход. И на мертвого на меня соберется огромная толпа. И потом, после смерти, я не исчезну, а перейду в театр теней и начну появляться на сценах всего мира... И не будет этому конца! Так и передайте его величеству! Не он мне приказывал стать актером, не ему дано запрещать. Ибо мой главный зритель – там, на небесах. Я думаю, Он и сейчас занял место в своей ложе и с улыбкой наблюдает за мной... И для Него я буду лицедействовать, петь и плясать, пока хватит сил... (Запел.) Хоть годы меня уложили в постель, – Лей, ливень, всю ночь напролет!

Из старого дурня не выбьете хмель,

А дождь себе льет и льет!

Неожиданно полил дождь. Зрители испуганно стали раскрывать зонты.

Видите, какую декорацию Он построил? Пусть король попробует сломать...

Дождь усиливается. Публика испуганно разбегается.

(Поет, обращаясь к небесам.)

Пусть мир существует Бог весть как давно, –

Чтоб дождь его мог поливать.

Не все ли равно? Представленье дано.

И завтра начнется опять!

(Танцует под дождем.)

Вбегает испуганный Соломон.

Соломон (останавливая Кина). Сэр, успокойтесь... Нас ждет кэб. Все разошлись.

Кин (оглядываясь). Не все... Соломон. Еще не все. Значит, надо работать...

Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки!

Потоки, ураганы, затопите

Все колокольни, флюгеры залейте!

Разящий гром, расплющи шар земной!

Шут, я с ума схожу! (Обнял Соломона.)

Пойдем, дружок! Здесь холодно тебе

И я озяб...

Затемнение.

Картина седьмая

Королевские покои в Букингемском дворце. Появляется Соломон. На нем красный костюм королевского гвардейца. В руках – медвежья шапка, папка с пьесой.

Соломон (читает ремарку). “Картина седьмая. Королевские покои в Букингемском дворце. Дверь спальни охраняет гвардеец”. (Надевает шапку, застывает недвижим.)

Появляется Доктор, подходит к двери спальной, прислушивается.

Доктор (Соломону). Еще не готово? Его величество не подавал никаких сигналов?

Соломон недвижим.

Странно. Пора бы...

Из-за двери слышен звук колокольчика. Доктор исчезает за дверью и через секунду появляется с ночным горшком. Открывает крышку, изучает содержимое. В этот момент в дверях спальни появляется Король. Он в халате, накинутом на ночную рубашку, в колпаке, босой. Выглядит

довольно беспомощно.

Король. Ну что, доктор?

Доктор (поспешно захлопнул крышку). Зачем вы встали, ваше величество?

Король. Я первым задал вопрос. Ну что? Дело дерьмо?

Доктор (смутившись). В каком-то смысле... Вам нельзя отказать в остроумии, ваше величество. Я должен передать это в лабораторию... Визуально – не так плохо.

Король. Только не надо утешать меня, доктор. Я не такого самомнения, чтобы думать, будто все, что исходит от меня, – совершенство... Как называется эта болезнь?

Доктор. Улькус колонус, ваше величество.

Король. А по-английски?

Доктор. Язвенный колит.

Король. Какое унижение: английский король, потомок славных рыцарей, находивших смерть в битвах и турнирах, вынужден будет умереть, корчась на ночном горшке...

Доктор. Уверяю вас, ваше величество, подобные опасения напрасны. Но необходим строгий постельный режим, строгая диета, отказ от вина... – и ваша жизнь в безопасности.

Король (печально). Это уже будет не жизнь, доктор... Господи, за что же такая напасть? У нас в роду этого не было. Были какие-то благородные болезни: гемофилия, подагра... Брат скончался от помутнения рассудка. Конечно, шизофрения тоже не подарок, но все-таки не улькус колонус. Сколько я протяну?

Доктор. Ваше величество, медицина не занимается гаданиями... Мы сделаем все, что в наших силах.

Король. Сообщите мне, доктор. Я должен сделать кое-какие распоряжения...

Доктор. Слушаюсь. (Делает попытку уйти.)

Король. Подождите. Мне сказали, вы видели Кина?

Доктор. Буквально несколько дней назад.

Король. Мне сказали, он болен?

Доктор. Болен беспробудным пьянством.

Король. Счастливец! А правда ли, что во время исполнения монолога Лира пошел дождь?

Доктор. И даже гремел гром... Удивительное совпадение.

Король (задумчиво). Удивительно... С ним всегда происходят удивительные вещи...

Доктор. Я могу удалиться, ваше величество?

Король. Да. Там в приемной – лорд Мьюил. Скажите, что я хочу видеть его.

Доктор. Ваше величество, совет докторов настаивает на строгом режиме...

Король (перебивая). Послушайте, доктор, в этом дворце достаточно церемониймейстеров. Каждый мой шаг расписан! Разрешите уж королю хоть болеть по собственному усмотрению... Ступайте!

Доктор. Слушаюсь. (С поклоном удаляется.)

Король (задумчиво ходит взад-вперед, потом подходит к окну, трагически произносит). "Злись, ветер, дуй, пока не лопнут щеки! Разящий гром, расплющи шар земной..." (Прислушивается, печально вздыхает, подходит к Соломону, застывшему в образе гвардейца.) Ну что, дружище? Стоишь? Потеешь под своей медвежьей шапкой? Как сто лет назад... Вечный сторож генеалогического древа королей... На твоих глазах будут отсыхать его слабые веточки, произрастать новые, а ты будешь стоять и стоять!! И все же, думаю, ты не изваяние, а живой человек и подчиняешься не только уставу, но и здравому смыслу. Можешь ли ты исполнить последнюю волю короля? (Приподнимает шапку, шепчет что-то на ухо Соломону.) Очень

прошу, друг мой...

Соломон круто поворачивается и уходит, чеканя шаг. Вбегает взволнованный Мьюил.

Мьюил. Ваше величество, это безрассудство! Вам запрещено вставать... (Оглядывается.) Где караульный?

Король. Отослал его за священником. Я почувствовал необходимость исповедаться.

Мьюил. В таком случае я должен пригласить архиепископа Кентерберийского.

Король. Этого старого сморчка? Он ничего не слышит! Я не намерен, облегчая свою душу, орать ему на ухо.

Мьюил. Но есть правила, ваше величество!

Король (строго). Послушайте, милорд, десять лет я король Англии, и все десять лет я живу по строгому распорядку... За меня решают, в чем мне появляться к завтраку, как принимать послов, в каком экипаже въезжать в Сити. Но исповедь – это интимный разговор с Богом. Я решил: пусть Господь сам выберет себе посредника! Караульный приведет первого встречного священнослужителя, которого встретит у дворца.

Мьюил. Первого встречного?! Невообразимо! Извините, ваше величество, но мне кажется, что столь экстравагантная выходка не очень уместна в вашем положении.

Король (печально). Что вы знаете о моем положении, милорд? Вы намного старше, но – бодры. И, как говорится, дай вам бог еще сто лет! А у меня слишком мало времени... (Застонал, схватился за живот.)

Мьюил. Вам необходимо лечь.

Король (превозмогая боль). К черту! Сядем! (Садится в кресло.) И не отвлекайте меня мелочами... Я уверен, что вы там, в палате лордов, знаете о моем здоровье больше, чем я сам. Поэтому наверняка уже продумали все подробности... исхода. Как заинтересованное лицо, я бы тоже хотел о них

кое-что знать...

Мьюил. Трудно вести этот разговор, ваше величество.

Король. Мужайтесь, милорд, мужайтесь...

Мьюил. Поскольку нет прямых наследников, королевой Англии будет провозглашена ваша племянница, принцесса Виктория...

Король (недовольно). Я это знаю. Меньше всего меня интересуют последующие назначения... Как и другие государственные акции. Англия – великая держава, и, к счастью, с моим уходом в ней мало что изменится. Меня интересует – что вы собираетесь проделать со мной?!!

Мьюил. Не понял, ваше величество...

Король. С моим бренным телом...

Мьюил (растерянно). Ну... есть правила, ваше величество. Заупокойная служба в Вестминстерском соборе. Далее – усыпальница королей.

Король. Это – финал. А что до того? Как вы меня повезете из дворца?

Мьюил. Тоже есть правила... Катафалк... Гвардейцы... Да вы же видели все это на похоронах Георга Третьего...

Король. Видел. Но тогда мне это мало понравилось... Скучно и невыразительно.

Мьюил. Такова традиция. Она неизменна.

Король. В шестнадцатом веке за катафалком шли королевские кони, псы и даже гуси...

Мьюил (усмехнулся). Средневековье...

Король. А похороны Елизаветы Первой? Плакальщицы – фрейлины в черных шелковых плащах с белой оторочкой... Прелесть!

Мьюил. Плакальщицы отменены палатой лордов еще в прошлом веке.

Король. Вот видите, стало быть, правила не так уж неприкосновенны

Король. Вот видите, стало быть, правила не так уж неприкосновенны. Поэтому я бы тоже хотел ввести несколько поправок. Не пугайтесь, я ничего не отменяю. Наоборот! Скажем, на своих похоронах я хочу, чтоб звучал Моцарт.

Мьюил. Это невозможно, ваше величество. Австрийская музыка на похоронах английского короля?

Король. Моцарт не австриец. Он – гражданин мира. Его музыка принадлежит всем... И какая музыка... (Напевает.) Та-ра-ра-ра рара-рара-рара...

Мьюил (строго). Невозможно, ваше величество. Парламент никогда на это не согласится.

Король. Жаль... Ну хорошо. Тогда введем сугубо британскую поправку. Я хотел бы, чтобы за моим гробом шли актеры прославленного английского театра... В костюмах шекспировской эпохи... Чтоб один из них произнес монолог Лира... Чтоб пошел дождь... Засверкали молнии!

Мьюил (нервно). Я пугаюсь за ваш рассудок, ваше величество. Кто ж это может сделать?

Король. Кин.

Мьюил (гневно). Никогда!! Пьяница и скандалист, опустившаяся личность...

Король (печально). Он – великий актер, милорд. Поверьте, о нас когда-нибудь будут говорить, что мы с вами жили в эпоху Кина Четвертого.

Мьюил. Меня не волнует, что будут говорить когда-нибудь! Я знаю, что сегодня парламент будет орать от бешенства!

Король (печально). Вы ограниченный человек, лорд Мьюил. Живете долго, но бессмысленно. И вы меня утомили.

Появляется Соломон в костюме гвардейца. Вместе с ним монах в плаще; лицо закрыто капюшоном.

Мьюил (в ужасе). О боже! Но это католический монах. Что скажет

английская церковь?

Король (гневно). Ступайте, милорд! Сейчас мне не до клерикальных споров. Господь Бог сам решает, по какому ведомству принимать мою исповедь!

Мьюил (Соломону). Вы за это ответите, капрал. Вы будете строго наказаны! (Убегает.)

Король (Соломону). Спасибо, друг мой. И прежде чем вас посадят в тюрьму, я произвожу вас в офицеры. (Монаху.) Здравствуйте, Эдмунд!

Кин (скидывает капюшон). Счастлив видеть вас, ваше величество. Извините за этот наряд. Костюм брата Лоренцо из “Ромео и Джульетты”. Другого не оказалось под рукой.

Король. Прекрасный костюм. И великолепная пьеса. Помню вас в образе Ромео, склонившегося над бездыханной возлюбленной. “...И красота ее угрюмый склеп в сияющий чертог преобразила...” Каково сказано... “В сияющий чертог”... Собственно, из-за этого я и попросил вас навестить меня. Вы, наверное, уже слышали, что дела мои скверны?

Кин. Выглядите вы молодцом!

Король (усмехнувшись). Ну, ну... Это я ради вас усилием воли прибавил румянца... Нет, скверно, друг мой! Кажется, мне не выкарабкаться из этой заварушки... Приходится думать о вечном. Поэтому я и хотел просить вас помочь как-то срежиссировать мой последний выход. Но эти дураки лорды приходят в ярость при одном упоминании вашего имени... Ну да черт с ними! Пусть как хотят везут мои бренные останки. Но пока я жив, буду поступать так, как мне нравится... Кто-то из великих, кажется Вольтер, сказал: “Счастлив человек, кого смерть застает за любимым занятием”. Сегодня ночью я долго думал над этими словами... И спросил себя: а что ты любил, Георг?.. Приемы во дворце? Нет. Парады? Нет. Речи в парламенте?.. Чушь! Я любил театр... Движенье занавеса... Отблеск свечей в глазах актрис... Изящество реплик, которые эхом отдаются в зале... Ах, как прекрасно! Когда-то вы мне признались, что мечтаете умереть в театре. Я тоже этого хочу, Кин! Нет, не пугайтесь, я не буду составлять вам конкуренцию и не полезу на сцену. Я готов умереть в ложе. Такого еще не было... Сердце короля, остановившееся от восторга!.. Поэтому, когда мне

станет совсем скверно и я реально увижу очертания этой костлявой бабы с косой, я поеду в Друри-Лейн. А вы в этот вечер играйте Ричарда... И когда это случится и моя голова упадет на грудь, вы встаньте на колено и прочтите монолог. Или нет... Лучше из “Юлия Цезаря”... “Прекрасна жизнь его, и все стихии так в нем соединились, что природа могла б сказать: “Он человеком был!”... (Плачет.) Ну, как?

Кин. Честно?

Король. Разумеется, честно. Мы друзья. И потом, это только наметки... Размышления вслух...

Кин. Если честно – не очень.

Король. Почему?

Кин. Мне кажется, ваше величество, вы не совсем правильно трактуете слова Вольтера. Вашим любимым занятием никогда не было сидение в ложе. Насколько я помню, больше всего вы обожали те моменты, когда мы с вами, переодевшись в простое платье, заваливались в какой-нибудь припортовый кабак и куролесили до утра...

Король. Грехи молодости...

Кин. Не самая худшая пора.

Король. Перестаньте, Эдмунд! Вы хотите, чтоб я запомнился гулякой! Говорят, уже в Париже появилась такая фривольная песенка, “Гений и беспутство” – так, кажется, она называется... Там уже выведены вы и я, причем я в каком-то недостойном образе повесы и вашего подпевалы... Все сплетни, которые нам сопутствовали, эти драмоделы вплели в сюжет!

Кин. Ваше величество, сплетни – предисловие легенды... Как повернуть. Вот сегодня весь Лондон болтает, что вы вовсе и не больны... Что у вас просто несварение желудка от обильной пищи. И что вы, извините, ваше величество, но так говорят... по ночам вылезаете из дворца... И мы с вами катаемся в лодке по Темзе... С песнями.

Король. Что за чушь? Я болен!

Кин. Народ отказывается в это верить... Люди считают, что вы – один из

самых жизнелюбивых королей в нашей истории. Георг Веселый! Вот как вас называют!

Король. Вы считаете, это почетный титул?

Кин. Ну, разумеется, ваше величество! Вспомните – кто нами правил? Взгляните на портреты: постные лица, надменные физиономии... Тоска! Простой человек работает как лошадь, а потом смотрит на унылого монарха – и ему хочется удавиться! Все революции происходят от тоски! И вот в кое-то время появляется веселый король с заразительной улыбкой... Шутник и балагур! Это ж гордость нации! И болеет, как все, – колитом! И лечится, как все, – хересом! (Достает флягу и бокал.) Народное средство. Два глотка – и снимет как рукой... (Наливает.) Король (нерешительно берет бокал). До еды или после?

Кин. До дна!

Король выпивает.

Слава Британии, имеющей такого правителя!

Король (сразу захмелев). Да? Вы так считаете? Ну что ж, это не так глупо... И что говорит народ? Как я выбираюсь из дворца?

Кин. Народ говорит, вы спускаетесь из окна спальной по веревочной лестнице! Примерно такой... (Распахивает плащ, показывает веревку.) Корабельный канат. Двоих выдержит!

Король (в отчаянии). Кин, вы меня убиваете!

Кин. Я вас приглашаю в вечность, ваше величество!

Король. Да?!. Там у вас еще осталось во фляге? Это надо обсудить! (Распахивает дверь спальной.) Прошу! (Соломону.) Ко мне никого не пускать, лейтенант! Я исповедуюсь!

Кин и Король скрываются в спальной.

Соломон (снимает форму гвардейца, говорит, обращаясь в зал). Английский король Георг Четвертый умер в тысяча восемьсот тридцатом году от кишечного заболевания. Похоронен в Лондоне, в Вестминстерском

году от кишечного заболевания. Похоронен в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве. Спустя три года Эдмунд Кин упал замертво на сцене театра Друри-Лейн в спектакле “Отелло”. Похоронен на кладбище предместья в Ричмонде. А еще спустя три года они впервые появились вместе на сцене парижского театра “Варьете”. С тех пор – неразлучны...

Двери спальной распахиваются. Появляются Кин и Король. Впрочем, теперь это уже актеры, исполняющие эти роли, поэтому и одеты они соответственно финалу – ярко и броско.

Поют:

В далеком старом Лондоне,

В Британии! В Британии!

Люблю бродить в тумане я

При свете фонарей.

И в дружеской компании

Выслушивать предания,

Старинные предания

Из жизни королей:

Про Ричарда и Генриха,

Про Эдгара и Эдварда,

Про Анну и Викторию

И про Элизабет...

Какое наслаждение –

Вникать в их положение,

Любой король – какая роль!

Любая жизнь – сюжет!

К ним присоединяются все участники спектакля:

В далекой старой Англии,

В Британии! В Британии!

Приходят на свидания

Ушедшие давно...

Чтоб в театральном здании

На час привлечь внимание

И чтобы на прощание

За всех поднять вино:

За Ричарда! За Генриха!

За Эдгара! За Эдмунда!

За Анну! За Викторию!

И за Элизабет!!

Какое наслаждение –

Входить в их положение,

Любой король – какая роль!

Любая жизнь – сюжет!

Занавес

Королевские игры

Из всех достоинств монархического образа правления несомненным

является его верное служение театру. Вряд ли в мире найдется сцена, на которой хотя бы изредка не появлялись короли, королевы, принцы и их титулованные родственники. Борьба за трон, придворные интриги, коварство и царская любовь – все это сплеталось в драматические сюжеты, вдохновлявшие литераторов и волновавшие зрителей. Генрих VIII, пожалуй, самый знаменитый из английских королей. Жестокий деспот, тонкий политик, разнузданный сластолюбец, романтический поэт, философ, пытающийся опередить свое время, он порой был подобен дикарю, у которого инстинкты брали верх над разумом... Более колоритной фигуры, кажется, и выдумать нельзя! Да и не стоит, поскольку сама история так вдохновенно потрудилась над этим человеком.

Под стать королю его вторая жена – Анна Болейн. В ней страстей не меньше, чем в супруге, добро и зло борются в ее душе с такой невероятной силой, что словами эту борьбу уже и не выразить. В 1613 году во время исполнения пьесы Шекспира “Генрих VIII” в театре “Глобус” вспыхнул пожар. По мнению полиции, причиной пожара было неосторожное обращение с огнем. По убеждению же зрителей, Анна и Генрих так бурно выясняли свои взаимоотношения на сцене, что их пламенные чувства обрели реальное воплощение... Вторая версия мне кажется достоверней.

Григорий Горин

Действующие лица

Генрих VIII – король Англии.

Томас Болейн – королевский казначей.

Елизавета – его жена.

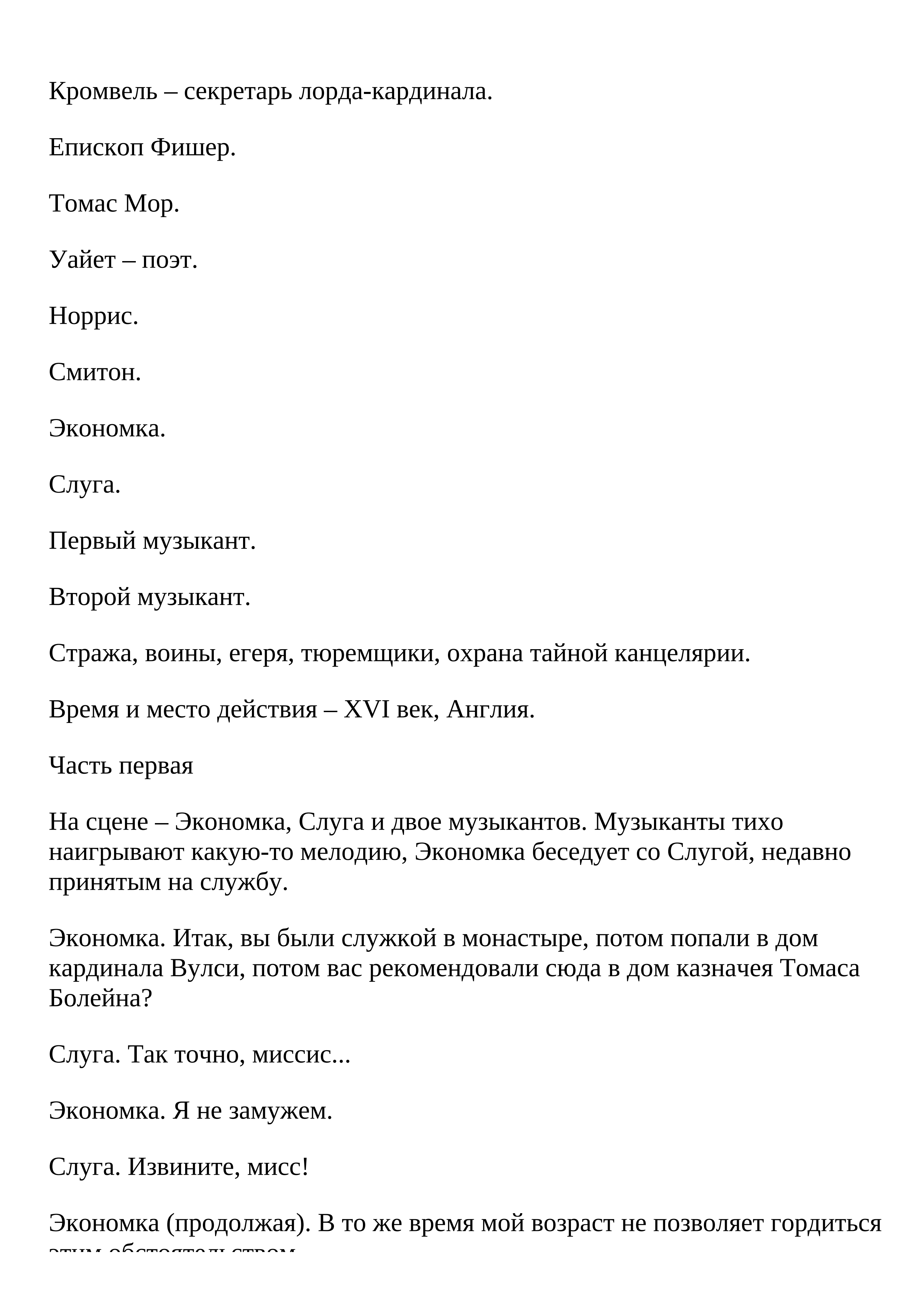
Мэри Болейн, Анна Болейн – его дочери.

Норфолк – брат жены Томаса Болейна.

Перси – жених Анны Болейн.

Джейн Сеймур – фрейлина.

Вулси – лорд-кардинал.



Кромвель – секретарь лорда-кардинала.

Епископ Фишер.

Томас Мор.

Уайет – поэт.

Норрис.

Смитон.

Экономка.

Слуга.

Первый музыкант.

Второй музыкант.

Стража, воины, егеря, тюремщики, охрана тайной канцелярии.

Время и место действия – XVI век, Англия.

Часть первая

На сцене – Экономка, Слуга и двое музыкантов. Музыканты тихо наигрывают какую-то мелодию, Экономка беседует со Слугой, недавно принятым на службу.

Экономка. Итак, вы были служкой в монастыре, потом попали в дом кардинала Вулси, потом вас рекомендовали сюда в дом казначея Томаса Болейна?

Слуга. Так точно, миссис...

Экономка. Я не замужем.

Слуга. Извините, мисс!

Экономка (продолжая). В то же время мой возраст не позволяет гордиться этим обстоятельством.

этим обстоятельством...

Слуга. Вот почему я, значит, и брякнул – “миссис”.

Экономка. Зовите меня – мэм! Долгое “э”! МЭМ! Иначе слово приобретает иной смысл. Вы, вообще-то, говорите по-английски?

Слуга. А то – по-каковски? Конечно!

Экономка (строго). Никогда не отвечайте утвердительно на подобный вопрос. Тот факт, что вы знаете сотню английских слов, вовсе не означает, что вы изъясняетесь на этом великом языке рыцарей и поэтов. Следует отвечать: “Я думаю, что говорю по-английски”.

Слуга. Я думаю, что говорю по-английски...

Экономка. Но думаете ли вы по-английски?

Слуга (нерешительно). Думаю, что... думаю...

Экономка. Думать по-английски – вовсе не значит напрягать лоб и шевелить ушами! Оставим процесс мышления лордам и баронам. Задача слуг – пред-угады-вать чужие мысли!

Слуга. Понял. Я, вообще-то, служил хорошо... Всегда чувствую, чего хочет хозяин или хозяйка...

Экономка. Проверим! (Неожиданно схватила слугу за штаны.)

Слуга. Ой!..

Экономка. То, что вы считаете чувствами, есть лишь физиологические отправления организма... Подлинные чувства в Англии доступны лишь королю и членам его семьи. Эти чувства – наше национальное достояние. Поэтому задача королей – их приумножать! Наша задача – благоговеть и молчать! Вы способны молчать по-английски?

Слуга стиснул зубы, молча закивал головой, потом застонал.

Экономка (убрала руку). Молчат по-английски иначе. Молчание в Англии имеет свое звучание...

Первый музыкант заиграл на лютне.

Видите этого парня? Ему отрезали язык! Ровно настолько, чтоб он не мог болтать, но при этом был способен услаждать слух!

Второй музыкант подхватил мелодию.

А этот вообще – глухонемой! Но ритм чувствует затылком... И как чувствует! (Шлепнула Второго музыканта по шее.) За работу, бездельники! В доме Томаса Болейна ждут гостей!

Музыканты играют увертюру. Экономка и Слуга поднимают декорации, организуя выгородку дома Томаса Болейна, затем быстро уходят. Появляются Томас Болейн и его дочь Мэри с грудным младенцем на руках.

Болейн. Послушай, Мэри...

Мэри (напряженно вглядываясь в окно). Да, отец?

Болейн. Кого ты поджидаешь?

Мэри. Мне кажется, я вижу короля – он едет по дороге к замку!

Болейн. Да, едет к нам. Осматривать охотничьи угодья.

Мэри. Могу я с ним поговорить?..

Болейн. Нет! На время нашей встречи – уйдешь к себе...

Мэри. Вот как? Он сказал, что не хочет меня видеть?

Болейн. Намекнул...

Мэри. Какими словами?

Болейн. Именно этими: “не хочу видеть!”

Мэри. И своего ребенка тоже?

Болейн (испуганно). Тише, дочка, умоляю! Ты же знаешь, что король не признает нашего мальчика...

Мэри. Не признает наследником! Но все знают – это его плоть!

Болейн. Частицы королевской плоти разбросаны по всему королевству! Что из этого?

Мэри. Я, папа, не бесправна в этом королевстве! Любовницей монарха я стала по твоей подсказке!

Болейн. Нуждалась ты в моей подсказке, Мэри! Припомни-ка! Ты, как в горячке, вся тряслась от страсти...

Мэри. В горячке? Может быть... Зато король – воспламенился!

Болейн (с усмешкой). Пожалуй!.. Но дымил недолго...

Мэри (гневно). Ты знал, зачем я отдалась! И где, и как! И ты извлек немало выгод! Ты этим кормишься!..

Болейн (испуганно). Молчи! И успокойся... В конце концов, ведь у тебя есть муж...

Мэри (презрительно). Спасибо и за мужа!.. Пропойца-рогоносец, а в постели – мертвец...

Болейн (испуганно). Тише, умоляю! Сюда идут...

Мэри (качает младенца). Мой бедный принц...

Появляется кардинал Вулси в пышном одеянии. Мэри, не скрывая своей неприязни, быстро проходит мимо него.

Вулси (глядя вслед Мэри). Она ребенка называет принцем?..

Болейн (испуганно). Пока младенец... И пока не понимает!

Вулси (строго). Мне важно, чтобы вы все понимали, сэр!.. И чтобы появленье короля не омрачалось глупыми словами... Вы говорили с Анной?

Болейн. Нет!.. Не получилось... Приехал вдруг ее жених, граф Перси.

Вулси. Вот он как раз сейчас совсем не нужен!.. Зачем пустили?

Болейн. Любезный кардинал, я благосклонен был к свиданьям Анны с этим юным графом. Мне в голову не приходило, что Анну заприметит сам король!.. И как теперь сказать, не знаю. Они помолвлены!

Вулси (глядя куда-то в сторону). Да... Бедный Томас Болейн, мне жаль вас... Что ж! Попробую помочь... Ступайте и готовьтесь к встрече его величества. А я тем временем здесь поболтаю с Анной... И женихом ее, который так некстати!

Болейн уходит. Вулси прячется в глубине сцены. Вбегают Анна и Перси. Страстно целуются.

Анна (вырываясь из объятий). Нет, не могу простить себе...

Перси. Чего?

Анна. Два года провести среди французов... Быть при дворе, где собран цвет дворянства. Узнать аристократов, блестящих рыцарей, наездников, танцоров и... остаться равнодушной! Вернуться в Англию и тотчас же влюбиться в дикаря. В мужлана с севера, что груб и неотесан...

Перси. Неловок? Но обнять сумеет... (Обнимает.)

Анна. Люблю твою неловкость, Перси!

Перси. Не лечь ли нам в постель?

Анна. Сейчас? До свадьбы?!

Перси. Чего тянуть?

Анна. Как ты захочешь. Но лишь ответь: ты девственник?

Перси. Я?

Анна. Я буду первой у тебя, когда мы ляжем?

Перси растерянно ищет ответ.

Не надо так смущаться, милый. Скажи мне прямо: было так и так! А я скажу всю правду о себе... Так делают французы. У них не принято

скрывать такие вещи... А чем мы хуже? Ты можешь спрашивать меня о чем захочешь!

Перси (после паузы). Ты девственна?

Анна. Нет.

Оба смущены.

Перси. И это все случилось там, во Франции?

Анна. Во Франции. Я как-то раз, когда была еще девчонкой, играла с мальчиком в лесу. Зачем-то... Играючи... Он повалил меня и...

Перси. Доигрались?

Анна. Да! (Сердито.) Фу! Кровь бросилась в лицо... Я думала, что стала взрослой... Что неподвластна ханжеской морали. Но вот – два слова, и горячая волна стыда всю залила от пяток до волос!

Перси. Взгляни-ка мне в глаза. Скажи: любила ты кого-то до меня?

Анна. Нет. (После паузы.) Нет!

Перси. Я, Анна, не мудрец в таких делах, но мне сдается, что женщиной становятся не раньше, чем полюбят.

Анна. Перси, милый, ты мудрей, чем сам себя считаешь!..

Объятия, поцелуи. Вулси выходит из укрытия.

Вулси. Как хорошо, что я застал вас вместе. (Перси.) Милорд! Я с поручением от вашего отца. Он занемог и ждет вас... срочно... дома...

Перси. Отец? Еще вчера он был здоров!

Вулси. Сегодня – не вчера! Когда в летах, то каждый день способен растянуться в вечность... (Жестко.) Короче – занемог! И по совету короля задумал срочно... породнить род Перси с известным родом Толботов... Вам в жены выбрав дочку... графа Толбота... Который тоже, кстати, занемог...

Перси. Мне в жены? Нет! Достопочтенный Вулси! Я не желаю слушать этот бред! Мы с Анною помолвлены! И мой отец меня благословил!

Вулси. Он сделал это сгоряча!.. Пока не занемог... В здоровом теле часто разум болен. Но, побеседовав с мудрейшим королем, немедля принял верное решенье... О вас и дочке Толбота... Хотя и занемог... Короче – решено!

Перси. Нет! Никогда не откажусь от Анны!

Вулси (строго). Лорд Перси, не советую перечить! Бодливому бычку не стоит вмешиваться в то, что решено в совете с королем! Король – садовник, он разводит сад, а мы лишь в том саду – деревья!..

Анна. Он не садовник! Он, скорее, дровосек!

Вулси (Перси). Ступайте, друг мой, вы волнуете мисс Анну. Мне надо с ней поговорить наедине.

Перси. Что бы он ни говорил тебе, Анна, не верь! Я – твой жених!

Анна. Конечно, милый! Поцелуй меня!

Вулси. Не сметь! (Встает между ними.) Послушайте, ведь вы уже не дети! И поцелуи эти – не игра, что с куклами позволена лишь в детстве...

Перси (оттолкнул его). Хочу целовать и целую! Она – моя невеста! (Целует Анну.)

Анна. Будь осторожен, милый! И до скорой встречи!

Перси уходит. Вулси приближается к Анне.

Я выбрала себе супруга, и если вы заставите его страдать, то знайте: я умею мстить!

Вулси. Прекрасно! Но сейчас сюда придет король.

Анна. И что? (Вулси многозначительно пожал плечами.) Хотите мне сказать, что Генрих, наш король, остановил на мне свой взор?

Вулси. Остановил...

Вулси. Остановил.

Анна. И вас ко мне послал?

Вулси. Иначе я бы не посмел мешать свиданью вашему...

Анна. Моя сестра, бедняжка Мэри, всего лишь месяц, как подарила государю сына. И больше не нужна... И сын не нужен... (Кричит.) Я не желаю участи сестры!!

Музыка. Тревожная тема. В глубине сцены возникают Томас Болейн, Елизавета, Мэри.

Елизавета. Мы, дочка, не вольны ни выбирать, ни удержать... Но мы живем и счастливы, поскольку поймали вовремя счастливый шанс... Нам все завидуют!

Болейн. А мальчик, что так тебя увлек, тебя оставит... Он не посмеет коснуться девы, которую облюбовал король.

Анна. Это – Перси! Он посмеет все!

Елизавета. Тогда подумай о его спасенье... И подчинись желанью короля.

Анна. Что будет с Мэри?!

Мэри (с усмешкой). Что может быть после того, что было? Спившийся муж, ребенок – ублюдок... Тихое семейное счастье! Я его достигла! Теперь, сестренка, очередь твоя...

Вбегает Слуга.

Слуга. Приехал! Сам! Его величество!

Болейн бросился к музыкантам, взмахнул рукой. Зазвучала музыка. Все склонились в церемонном поклоне. Быстро входит король Генрих. На нем – охотничий костюм. Его сопровождают егеря, охрана, Смитон и Норрис.

Генрих (распахнув объятия, идет к Болейну). Без церемоний, Томас! Всего лишь – ваш король! Ваш Генри!

Болейн. Ваше величество, вы в этом доме – всегда желанный гость! И вся

Болейн. Ваше величество, вы в этом доме – всегда желанный гость! И вся моя семья мечтает вас приветствовать...

Мэри неожиданно заиграла на виоле, Елизавета запела сентиментальную песенку, пробудившую у Генриха приятные воспоминания. Он даже чуть-чуть начал подпевать женщинам, потом, растрогавшись, ласково погладил каждую по щеке.

Генрих. По-моему, я поздоровался со всеми, кроме леди Анны. Вы мне, прелестная, подарите свой поцелуй?

Анна. Конечно, ваше величество! (Сделав реверанс, быстро целует руку короля.)

Генрих (с улыбкой). Нет, не такой мне нужен поцелуй, красотка!.. (Неожиданно издает какой-то странный трубный звук.) У! У! У! Олени! У! У!

Егеря (подхватывая). У! У!

Генрих. Кабаны! Х-р-х-р!

Егеря. Х-р-рр!

Генрих (Анне, смеясь). Охотничий азарт меня сегодня поднял спозаранку! Какое небо! Солнце! Облака! Какие птицы, запахи, туман! Как белая постель, он лег на землю!.. (Подходит к Анне.)

Вулси. Ваше величество, нам можно удалиться?

Генрих (глядя на Анну). Пожалуй...

Вулси (Болейну). Милорд, вы обещали показать нам вашу псарню.

Болейн. Я обещал?.. Вам?

Вулси. Да! И всем, кто пожелает...

Генрих (не отрывая взгляда от Анны). Надеюсь, пожелают все!.. Р-Р-Р!.. Львы!

Поняв намек, все, кроме Анны, поспешно удаляются.

Поняв намек, все, кроме Анны, поспешно удаляются.

И тигры!.. Х-р-р! (Смеется, затем неожиданно становится серьезным.) Не верьте, Анна, мой охотничий азарт – всего предлог, чтобы увидеть вас. Я к вам пришел испуганный, как школьник. Да, я король, которого любить считают долгом, как платить налоги. Но я боялся!

Анна. Боялись?

Генрих. Да.

Анна. Чего же?

Генрих. Не встретить в вас взаимности.

Анна. Тогда, возможно, поймете и мое несчастье: я тоже полюбила. Притом не вас.

Генрих (издает какой-то странный птичий крик). О-у! О-у!

Анна. Вы только что печалились, что королям не говорят всей правды...

Генрих. Кто он? Граф Перси? Как далеко зашли у вас дела?

Анна. Мы с ним помолвлены!

Генрих (воет). У-у-у!

Анна. Мой Перси не способен быть любезным рогоносцем-мужем, а я – доступною для вас женой.

Генрих (серьезным тоном). Поверьте, Анна, жены все доступны, а их мужей нетрудно усмирить. Гоните в шею этого мужлана, и тотчас Англия – у ваших ног!.. Я посвящу вам все свои стихи и мадригалы! И первый танец на любом балу, он – ваш! Вы станете направо и налево раздаривать: кому – дворянский титул, кому – поместье и пожизненный доход. Распоряжайтесь всей моей казной!

Анна. А после вы распорядитесь мной, как грязной тряпкой, – бросите на свалку! Я знаю вас и вижу вас насквозь! Вы мстительны, вы злы и кровожадны! Хваленые стихи монарха плохи, а музыка намного хуже их! Вы как медведь танцуете, вы шумно и неряшливо едите...

Вы как медведь танцуете, вы шумно и неряшливо едите...

Генрих (сдерживая гнев). Поберегитесь, Анна!

Анна. Да, мне говорили, как опасно отказывать рубахе-парню Генри, которого вам нравится играть. Меня предупреждали: вы снесете и дом отца, и дом того, кого я полюбила... Пусть будет так! Но я вас не люблю!!!

Генрих (после паузы). Благодарю за искреннюю вспышку гнева. Я оценил ее. И блеск в глазах. Спасибо! Проститесь за меня со всеми в доме. А я вернусь к стареющей жене, к постылому кормилу власти, к отчаянной охотничьей гульбе!..

Анна. Но графа Перси вы не тронете?

Генрих. Откуда знать?.. Доверимся судьбе! Й-е-е-е!!!

Издав этот странный крик, Генрих стремительно убегает. Анна уходит в другую сторону. Возникает тревожный музыкальный ритм охоты. Выстрелы. Вбегает испуганный Слуга.

Слуга (кричит). Беда! Несчастье! Эй, кто-нибудь!

Появляются встревоженный Болейн, Елизавета и Мэри.

Болейн. Что ты кричишь, дурак?

Слуга. Сэр Томас... Там!.. Граф Перси... На охоте!.. И вдруг – кабан! Нет! Дикий вепрь с клыками... Тот – на коне! А этот – на коня! А тот с коня!.. А этот – прыгнул сверху! И так его! И так! И насмерть! И – вообще!..

Болейн. Кто? На кого? Я ничего не понял...

Слуга. Сэр Томас, извините... Оказалось, я плохо по-английски говорю.

Елизавета (подойдя к Слуге). Не говори! И не маши руками! Лишь головой кивай нам “да” иль “нет”! Граф Перси приглашен был на охоту? (Слуга кивает.) И вдруг – олень? (Слуга отрицательно качает головой.) Кабан? (Слуга отрицательно качает головой.) Короче – дикий вепрь! (Слуга обрадованно закивал.) И тут – произошел несчастный случай? (Слуга радостно закивал.) И бедный Перси превратился в труп? (Слуга закивал

еще более обрадованно.) Ты это видел сам? (Слуга отрицательно качает головой.) Болейн. А что ты видел?

Слуга. Я видел... Перси... граф... садится на коня...

Мэри. Когда?

Слуга. Сейчас... внизу...

Болейн (кричит). Так жив он или нет? (Слуга задумчиво пожал плечами.) О, господи, запутал до конца! (Елизавете.) Зачем ты держишь этого болвана?!

Елизавета. Затем, что господа умнее слуг... (Слуге.) Тебе об этом всем велел сказать... наш кардинал, достопочтимый Вулси?

Слуга (кивнув). Да... (Поспешно.) Нет. Какой-то человек... Так он велел сказать...

Елизавета. Ну, все понятно.

Мэри. Я так и думала.

Болейн. Тогда и я хочу понять. Несчастие случилось или нет?

Елизавета (многозначительно). Слу-ча-ет-ся! Сейчас! В минуту эту! Пойми: дурные вести порой несутся впереди событий!

Болейн (испуганно). Зачем... несутся?

Елизавета. Чтоб предупредить!

Болейн. Нас?

Елизавета. Да... А мы предупреждаем Анну... И тем смягчаем будущий удар!

В глубине сцены появляется Анна.

Болейн (дрожит от страха). Я не смогу... О, бедная дитя!.. Я их благословлял... И думал поженить... А уж потом... я думал... наш король... как водится... обычно... Как с Мэри...

как водится... обычно... Как с Мэри...

Елизавета (зло). И как со мной!

Болейн. Молчи!! Об этом я не знаю! И не желаю знать!

Мэри. Мы все не знаем, кто от кого! И бедный мой ребенок однажды спросит, кто его отец!

Елизавета. Надеюсь, будет он умней тебя и промолчит, как дедушка!

Болейн (в отчаянии). Да, я ничтожен! Я – несчастный человек... Я – казначей, беднее всех в огромном королевстве!.. За что мне эти муки?! (Решительно.) Да! Я пойду! Скажу! И пусть меня убьют! Ведь раньше убивали тех гонцов, что приносили горестные вести!

Анна (выходит из глубины сцены). Ну, это раньше, папа! Сейчас – другое время. Все проще и изящнее... Пред тем как убивать, любят поиграть, как кошка с мышкой... Что ж! Поиграем!.. (Подходит к Слуге.) Пойдешь и скажешь тем, кто тебя послал, что выполнил приказ... Сказал мне все... о милом женихе... А я тотчас... упала в обморок... и на твоих глазах... от горя умерла. Ты все запомнил?

Слуга. Как? Прямо на глазах?...

Анна. Да! Ты тому свидетель!

Слуга (пошатываясь, пошел за кулисы). Не говорю... Не понимаю... А теперь уже не вижу...

Елизавета (Слуге). Остановись! (Дочери.) Анна! Это – злая шутка! Ты огорчишь короля!

Анна. Огорчу?! Мы огорчить его боимся?! Все взял он у меня: сестру, и мать... и жениха... Он племенным быком набросился на стадо, чтобы плодить телят и слать их на убой!

Елизавета (отвела ее в сторону). Нет, девочка, все не так... Все сложней! Мэри его простила! (Дочери.) Мэри, ведь ты простила, правда?

Мэри. Я – ваша дочь. Ни гордости, ни чести.

Елизавета. Все было много лет назад... Это – шалость. Он был мальчиком... И по этикету двора... наиболее достойная фрейлина должна помочь мальчику стать мужчиной...

Анна. Страна вас, мама, не забудет. Это – подвиг!

Елизавета. Тише! На подвиг шел папа... Но ради вас... Ради двух своих любимых девочек... Пощади нас, дочка!

Анна. Хорошо, мама. Я вас так ненавижу, что готова и пощадить...

Вбегает Экономка.

Экономка. Беда! Несчастие!.. Граф Перси!.. Жив!

Болейн. Какой кошмар!.. Нет... в смысле... Как?!

Экономка. Граф Перси... На охоте! А тут огромный вепрь... Он – на коне... А этот – на коня!..

Слуга. А тот – с коня... (Экономке.) Я это говорил!

Экономка (Слуге). Молчать! (Всем.) И тут – король!

Болейн. Кто?

Экономка. Наш доблестный король... С мечом наперевес!.. Он бросился на зверя и собою закрыл несчастного... И окровавленный упал!..

Елизавета. Кто?!

Экономка. Вот этого пока мне не сказали... Там, очевидно, бой идет!

Болейн. О боже! Наш король! Он истекает кровью... В моих угодьях!.. Я пропал!

Анна (презрительно). Все это шутовство! Постыдное! Чтобы узнать, как Анна отнеслась к тому, что сам король спасает Перси. (Экономке.) И если он вас спросит, передайте, что я смеялась королевской шутке! А если в этом есть хоть капля правды и наш король в крови, то Бога радостно благодарю за это...

Болейн испуганно валится в обморок. Появляются Король и Вулси. Костюм Короля забрызган кровью.

Король (он слышал последние слова). И капля правды есть... И крови тоже! Умыться б хорошо да и сменить костюм!

Входят люди из свиты, вносят кувшин с водой, царскую одежду. Генрих обнажается по пояс, смывает кровь.

Ну, доложу вам – это был кабан! Огромный вепрь! Клыкастый! Но я тоже – не без клыков... Х-р-р-р! (Плещется.)

Болейн (лежа на полу). Как? Сир? Вы... с кабаном? А егеря? А слуги? А охрана?

Король (Болейну). Помолчите, папа! Вашими стараниями создано удивительное произведение искусства – ваша дочь. Теперь – отдыхайте! (Анне.) Вы меня очень озадачили, Анна! Я вдруг понял, что начинаю всерьез ценить вас, а вы меня уверили, что любите этого глупенького Перси! Что я должен был делать, а? Отступить?! Не в моих правилах! Да и что это будет, если король Англии начнет отступать? Куда тогда двигаться армии? Дуэль? Но несчастный король лишен возможности честно биться с подданными!.. И тогда я сказал вашему Перси: “Сэр! Мы не равны! Но вместе с тем равны перед судьбой! Будем мужчинами, мальчик! Мы на охоте! Выберите себе кабана, я – себе другого, и? как воины первобытных племен, решим наш спор! И тот, кто будет жив, пусть принесет свою добычу самке в ее пещеру!” (Засмеялся.) Мальчишка! Дурачок! Он выбрал косача здорового... Я еле его спас...

Анна. И где же он?

Король. Кабан? Да вот же! (Хлопнул в ладоши, слуги внесли чучело кабана.) А вот – и юный граф! (Слуги вносят куклу, похожую на Перси.) Но только не волнуйтесь... Он жив пока... И мечется по лесу, чтобы найти там зверя покрепче моего... Он попросил отсрочки! Подождем! Посмотрим, чем закончится охота... У нас же – отдых! Музыкой займемся... (Подходит к Анне.) Недавно я... не помню, кто сказал... что, мол, мои стихи и музыка из рук вон плохи! Я вам не нравлюсь как король... Но как поэт, как музыкант? Я больно уязвлен!.. Позвольте же для вас исполнить кое-что... мной сочиненное... Как странно, что волнуюсь! (Раздает музыкантам

ноты.) С четвертой цифири... Негромко и печально...

Возникает главная музыкальная тема. Генрих поет нежно и вдохновенно. Анна удивленно слушает. Все замерли.

Анна (тихо и почти ласково). Когда я вам гляжу в глаза, мне почему-то видится убийца.

Генрих (в тон, спокойно). Мне тоже. Я покорился року. Никто не может выбрать, Нэн, кого ему любить. Король и тот не может. Я не хотел вернуться к вам, но вы во мне убили гордость...

Анна. Вы не свободны! Вас связывает брак с Екатериной.

Генрих. Я не люблю свою жену. И не любил... Во имя королевства женился на вдове, ей заменив скончавшегося брата. Но брак наш проклят! Все сыновья, которых мы зачали, рождались мертвыми... Случись мне умереть, страну охватит смута! Мне некому корону передать...

Анна. Я вам сочувствую. Но знаю: вам нечего мне предложить!

Генрих. Неправда! Я предлагаю собственную жизнь. Всего себя!..Любовника, мужчину! Я жажду заполнять вас, Нэн, из ночи в ночь красавцами, моими сыновьями!

Анна (зло). Ублюдками!

Генрих. Еще одно такое слово – и я ударю вас.

Анна (спокойно и медленно). Все наши дети были бы ублюдки!

Генрих с размаху бьет Анну по щеке. Она, не удержавшись, падает на колено. Болейн, Елизавета, Вулси с ужасом наблюдают.

Анна (поднимаясь). Изысканно!.. Но вы не поняли, поведав мне свою мечту о сыне... Пусть будет, но законный, не побочный сын! У нас в семье уже растет один мальчишка, которому вовек наследником не быть! Пока вы связаны с Екатериной браком, вы будете плодить вокруг одних ублюдков!.. Но не со мной! (Срываясь на крик.) Со мною – никогда!!

Неожиданно наносит Генриху пощечину. У присутствующих вырывается

вопль отчаяния. Томас Болейн валится на пол.

Болейн (бормочет, теряя сознание). Какое счастье, что ослеп, что ничего не вижу... сошел с ума... и умер!

Генрих (подойдя к Анне, спокойно). А если я приму решение развестись с Екатериной, пойдете за меня?

Анна. Да! Пойду за вас на том условии, что стану королевой Англии.

Генрих. Что скажете на это, достопочтенный Вулси?

Вулси. Милорд, мы можем пошатнуть трон короля французов. Мы можем этим повлиять на папу в Риме... Но мы не сможем получить развод! Попытка развестись с Екатериной поднимет против нас Испанию, а с ней – и весь крещеный мир... Нет! Ватикан не даст согласия на ваш развод!

Анна (с усмешкой). Вот видите, король не вправе петь о любви и делать предложенье...

Вулси (перебивая). Король вас просит, Анна, о немногом. Любая женщина на вашем месте с готовностью дала бы это...

Анна. Из страха?

Вулси. Из благодарности.

Анна. Но нет во мне ни благодарности, ни страха! Когда бы он на мне женился и сделал королевой, тогда – пожалуйста! Рожу ему мальчишек! Но только так! На меньшее не соглашусь!

Генрих секунду смотрит на Анну, потом подходит к Вулси.

Генрих. Я... развожусь с Екатериной!

Вулси (растерянно). Ваше величество...

Генрих (властно останавливая). Вы все устроите... Развожусь с Екатериной и королевой делаю ее, Анну Болейн!

Присутствующие издают очередной вопль. Анна почтительно кланяется.

Неожиданно появляется окровавленный Перси.

Перси (с трудом произнося слова). Я тоже победил... Он, правда, убежал, но я догнал... Он там лежит... Мы можем все пойти и убедиться.

Болейн. Простите, сэр, вы кто?

Слуга. Как – кто? По-моему, это... сам...

Экономка. Кто?

Слуга. Так говорили – будущий зять... А может, я опять не понял?

Елизавета. Зачем нам чучело второе? У нас же есть одно...

Генрих протягивает руку и уводит Анну. За ними почтительно уходят все остальные. Остается Перси и его двойник-кукла. Перси подходит к кукле, смотрит на нее, потом резко ударяет ее ножом. Раздается крик. Перси поворачивается. Оказывается, и в его груди торчит воткнутый кем-то нож. Перси падает замертво.

Затемнение.

Музыка. Изменение декораций. Появляются Слуги, Экономка. Расставляют стулья и столы. Ими руководит Елизавета.

Елизавета. Здесь – столик для вина. Здесь – шахматы! Здесь – карты! Здесь – цветы! А здесь поставьте эти две картины и тот мольберт. Вдруг кто-то из гостей почувствует внезапно вдохновенье.

Слуга. А где же будут есть?

Елизавета. А есть – не будут! Я ж объясняла: здесь у нас салон!

Слуга (Экономке, тихо). В салонах – не едят?

Экономка (тихо). Едят! Но лишь – друг друга...

Слуга (испуганно). Слуг тоже?..

Экономка. Да! Нерасторопных! Их мелко режут и выносят на десерт...

Слуга. Я понял. Все! Молчу!.. (Усердно работает.)

Входит Норфолк.

Норфолк (радостно). А вот и я! Любезная сестра! (Обнимает Елизавету.) Вот мимо проезжал... Решил заехать... В гости... Мне не рады?!

Елизавета. Мой милый брат... Но, видишь ли... сегодня... у Анны суаре!

Норфолк. Кто?

Елизавета. Суаре... Прием! И во французском стиле...

Норфолк. Так! Дожили! Уж по-французски говорим... Лягушек будем есть, улиткой заедать!

Елизавета. Приглашены художники, поэты... Философы...

Норфолк (перебивая). Короче – мудозвоны! А дядюшка родной, умнейший Норфолк, он – не приглашен!

Елизавета. Ему аудиенцию дадут... в другое время.

Норфолк. “Аудиенцию”?! Мне? Дяде? Который этими руками качал твоих девчонок... Который научил их разговаривать... И есть! И пить! Мне? Ау-ди-ен-цию?

Елизавета (перебивая). Не просто “дяде”... Дяде – королевы!

Норфолк (вздрогнул). Как?! Что ты говоришь? Случилось?!

Елизавета. По слухам – да! Сегодня кардинал из Рима возвратился! И, по слухам, святейший папа... утвердил развод Екатерины с Генрихом!

Норфолк. Ну, слава Богу! Сто раз я эту славу повторю! Поскольку Бог – он есть! Теперь я убедился!.. А то – не верил! Вот, ей-богу, ставил под сомненье... Раз терпит ОН всех этих крыс в сутанах! И кардинала вашего! Сову, которую давно пора бы взять... и ощипать, а хвост оставить, чтоб под него... да раскаленный прут!

Елизавета. Лорд Норфолк! Фу!

Норфолк. Имею право! Дядя королевы!.. А лордам я скажу... Немедля завтра появлюсь в палате и всем... публично... ну... скажу... милорды... ну... звери... думали, что старый Норфолк, он – в дерьме? А вот вам! Норфолк с вами! А в том, что вы – дерьмо, он в том не виноват! (В экстазе шлепает Елизавету пониже спины.) Елизавета (гневно). Брат! Прекрати!!

Норфолк. Пардон! Пардон! Как видишь, тоже знаю по-французски... Хотя язык противный и не наш! Но ты, сестра, ты – молодец! Горжусь! Признайся, думала ли ты тогда, когда играла с королем-мальчишкой, что будешь дочь потом короновать? (Снова шлепнул.)

Елизавета. Да! Думала! Причем не этим местом...

Норфолк. И этим – тоже! Здесь дурного нет! Мы, Норфолки, всегда мы с уваженьем к жопе относились! В седле – крепка, в любви – неотразима!.. Эх, жаль, твой Томас не дожил до радостной минуты! Хороший казначей, а здесь не рассчитал! Надо выпить!

Елизавета. Сегодня здесь вина не подают!

Норфолк (обалдел). Как это так? А что же пить?

Елизавета. Есть соки... Родниковая вода... (Тихо.) Да, таково распоряженье Анны. Ты знаешь, что король, он иногда... излишне увлекался дарами Бахуса!.. И это было пагубно и для него, и для потомства. Но теперь – конец! Он клятву дал, что до рожденья сына... ни капли!

Норфолк. Ну, это сгоряча! И сколько же терпеть?!

Елизавета (многозначительно). Уже недолго... думаю... полгода!

Норфолк (радостно). Как? Зачала?! Племянница? Ну, девка... (Полез в камзол, достал флягу.) Нет! Не сдержусь! Я клятвы не давал!

Музыка. Слышны голоса. Появляются гости: Смитон, Норрис и фрейлина Джейн Сеймур. Следом – сэр Томас Мор и поэт Уайет. Елизавета приветливо спешит им навстречу.

Елизавета. Прошу вас! Очень рада! (Представляет брату.) Сэр Смитон... Норрис... Прелестнейшая леди Сеймур. Поэт Уайет. И, конечно, Томас Мор! Философ наш известнейший... Надеюсь, ты читал его “Утопию”?

Мор. Философ наш известнейший... Надеюсь, ты читал его “Утопию”?..

Норфолк. Конечно!.. По-моему... А впрочем, подзабыл... Напомните-ка, сэр... буквально в двух словах...

Мор (с усмешкой). В двух словах – непросто. А впрочем, сэр, извольте... “Мир – не совершенен!”

Норфолк. Тогда читал! Хотя и не согласен. Мир плох, но по сравнению с войной. Сейчас идею эту разовью! Вам будет интересно... (Елизавете.) Впрочем, сестра, ты не представила меня гостям.

Елизавета (со вздохом). Тебя и так все знают. Мой брат лорд Норфолк...

Норфолк. Дядя королевы!

Елизавета (испуганно). Он шутит. Коронация еще не состоялась!

Норфолк. Формальность! Я уверен – в два-три дня... все будет кончено! Екатерину – в монастырь! Врагов – на эшафот... ну, и так далее. Теперь продолжу мысль насчет войны... Я тут наметил пару стран достойных... Начнем с Испании! Потом – Гибралтар! И дальше – на Египет и Евфрат. Карты не найдется?

Елизавета (устало). Остановись... Есть карты, шахматы... Есть гости, наконец! Дай слово им сказать и осмотреться в нашем новом доме...

Смитон. Ах, дом прекрасен! Мебель... и картины...

Сеймур. Какой изыск! Я так за Анну рада!

Елизавета. Да! Это все влияние ее... Король – любитель рыцарских столов и деревянных лавок! А то вообще мог прямо на полу разжечь костер и жарить мясо... Все это Анне было нелегко перебороть и отменить навечно. Но удалось!

Норрис. Недаром говорят: “Любовь сильнее воинских доспехов, царит и на турнирах, и в бою!”

Норфолк (взял его под руку). Так вот насчет войны!.. Идем Гибралтаром... И дальше мимо Азии... в Китай! Там забираем порох, рис, бумагу... и все

меняем им же... на фарфор, которыи... во дворец...

Смитон. Зачем?

Норфолк. Для красоты... И чтоб не разбивать!

Норрис. Сыграем лучше в шахматы, милорд!

Норфолк. Дурацкая индейская игра! Забава для повстанцев голожопых. Гоняют королей по всем квадратам! За это надо головы рубить!

Норрис (испуганно). Быть может, в карты?

Норфолк. Вот! Другое дело...

Смитон (берет колоду). Мне показал отменную игру... посол Италии. Берется десять карт... Вот так – два прикупа... Валет червовый – джокер. Он старше короля, когда в марьяже с червовой дамой...

Норфолк (обалдело). Как это – старше? Что за чушь? Кто вас учил? Посол?! Скажу, чтоб отозвали!.. Мы – не в Италии! У нас все по порядку! Валет и есть валет! А можно и без карт... Вот я вам покажу игру в староанглийский покер... Ставьте золотой! Ну, ставьте!

Смитон (порывшись в карманах). Я не взял с собой...

Норфолк. Ну, молодежь... Чтоб в гости – и без денег! Займите у философа!

Мор (с улыбкой). Прошу. (Отдает монету Смитону, тот робко кладет ее на стол.)

Норфолк. Так!.. Я ставлю тоже... (Кладет монету.) А теперь скажите мне любую цифру...

Смитон. Ну, скажем... пять!

Норфолк. Так! Хорошо! Теперь мой ход!.. Я объявляю: шесть! И выиграл! Потому что больше... (Забирает деньги.) Кто следующий банк держать готов?.. (Пауза.) А есть еще игра... Народная! Берут два топора, садятся так: один против другого...

Елизавета (Норфолку). Все! Замолчи! Он шут!

Елизавета (Норфолку). Все! Замолчи! Они идут!..

В глубине сцены появляются Генрих и Анна. Все застыли в почтительном поклоне.

Генрих. Приветствую друзей! Садитесь! Будет вам сгибаться в полупоклонах, книксенах и позах, которые ужасно неудобны в семейной обстановке! Вы – в гостях не у меня, а у прекрасной дамы... которая царит в покоях этих... и в сердце короля! (Целует Анну.) Как жаль, что мы прервали ваш разговор. Наверное, много интересных мыслей уж было сказано... Не будете ль добры их повторить?

Норфолк. Да. Было кое-что... Насчет Китая! Пора с Европой их соединять!

Анна (перебивает). Вы, дядя, тоже здесь?

Норфолк. А где же я?

Анна. Не знаю... Думала – в палате лордов. Но если уж пришли, то будьте так щедры и уступите слово остальным. Сэр Томас Мор! Поэт Уайет!.. Смитон! Красотка миссис Сеймур! Весь цвет страны сегодня у меня в гостях! Я этому безмерно рада!.. Не слишком говорю как королева?.. Ведь я не коронована, но время – бесценный капитал! И кто-то должен уже сейчас... не тратя ни минуты... заняться измененьем нравов и общества... (Повернулась к королю.) Я что-нибудь не так сказала, милый?

Генрих. Все так, любимая... Я слушаю. Внимаю.

Анна. Спасибо, друг мой... (Гостям.) Говорю слова не от себя, скорей, от нас двоих... Величье короля не только в славных воинских победах, но в совершенстве нравов и искусств!.. Сегодня же они пришли в упадок! Повсюду пьянство... грубость... и разврат! И дикость бескультурья, как туман, над Англией сгущается... Мы с Генрихом страдаем! Не так ли, милый?

Генрих. Ты права, страдаем.

Анна. Вот почему я пригласила вас! Жду ваших мыслей, вашего совета... С чего начать? Чтоб власть и просвещенье соединились, словно любящие руки, обнявшие страну...

Смитон (вскочил, зааплодировал). Браво! Прекрасно сказано!

Норрис. Мы все восхищены!

Сеймур. Вы, Анна, – совершенство!

Анна (строго). Я это говорю не для похвал! От лести власть давно уже устала! Верно, Генрих? (Король кивнул.) Нам нужен строгий, нелицеприятный взгляд! Сэр Томас Мор, смолкаю перед вами...

Мор. Боюсь, что если вы, любезнейшая Нэн, мечтаете о том, чтоб возродить сегодня в Англии и дух искусств, и нравственность, и веру в могущество ума пред грубой силой, то вы слегка опередили время... Лет на пятьсот! Ведь люди и до вас мечтали о таком расцвете! А сколько раз случалось это чудо?.. У древних эллинов... У римлян – ненадолго! А дальше – варварство! И тьма над всей Европой! И к ней привыкли все...

Анна. Вы тоже? Вы, создавший дивную страну – Утопию?

Мор. Да, создал! Для себя! Чтоб было где скрываться, хотя б в мечтах от безобразья жизни...

Анна. Итак, вы – безнадежный пессимист?

Мор. Ну почему ж?.. Сейчас прослушал вас и вдруг увидел искорку надежды...

Генрих. Спасибо и на том! А что молчит поэт? Где новые стихи, любезный Уайет? Вы их не пишете?

Уайет. Пишу. Но не спешу публиковать...

Анна. Но почему? Иль в Англии бумаги не хватает?

Уайет. Достаточно! Но тюрем тоже. И как-то мне приятней быть неизвестным стихотворцем, чем знаменитым узником...

Анна. Все это в прошлом! А сегодня никто не смеет в Англии карать за слово... Верно, Генрих?

Генрих. За слово – никогда! И слово короля – тому порука! (Засмеялся.)

Вот слово за слово – и вышел каламбур! Как видите, мой друг, я тоже увлекаюсь словесною игрой... Хотя перед поэтом склоняю голову!

Анна. Читайте же... Король вас просит!

Уайет. А вы?

Анна. Ну, разумеется... Я ваша давняя поклонница...

Уайет (нерешительно начинает чтение, глядя на Анну, но, увлекаясь, читает страстно, обратясь к королю).

Где муза? Что молчат ее уста

О том, кто вдохновил ее полет?

Иль, песенкой дешевой занята,

Она ничтожным славу создает?

Пой, суетная муза, для того,

Кто может оценить твою игру,

Кто придает и блеск, и мастерство,

И благородство твоему перу.

Вглядись в ее прекрасные черты

И, если в них морщинку ты найдешь,

Изобличи убийцу красоты,

Строкою гневной заклейми грабеж.

Пока не поздно, времени быстрей

Бессмертные черты запечатлей!

Норфолк (Смитону, тихо). Не педераст?

Смитон. Ну что вы! Наоборот.

Генрих. Вы чем-то, Норфолк, недовольны?

Норфолк. Доволен, но не понял.

Анна. Зачем вам, дядя, понимать? Стихи обращены не к вам!

Норфолк. Не знаю... И вообще, зачем – “убийцы”... “грабеж”? Да еще в рифму?

Уайет. Я могу разрифмовать, если прикажут.

Генрих. Перестаньте, Уайет! Никто вам приказывать теперь не смеет! Прекрасные стихи! Велю публиковать.

Появляются кардинал Вулси, епископ Фишер и Кромвель.

А вот к нам – вестники судьбы! Из Рима... Что скажет кардинал? Что передал нам папа?.. Где посланье?

Вулси (нерешительно). Ваше величество... мы бы просили вас... принять нас позже... Я, епископ Фишер и Кромвель, секретарь... мы подготовили доклад...

Генрих (нервно). Какой доклад? И так уж все известно... Молва плывет быстрее корабля!

Вулси. Я за молву ручаться не берусь! А вот посланье папы хотелось вручить наедине!

Норфолк (недовольно). Перечить королю?! Вот за такие вещи... при Генрихе Шестом рубили языки... а иногда и руки, ноги... пальцы!

Генрих (строго Норфолку). Все сказали?

Норфолк. Все.

Генрих. Теперь ступайте!.. (Гостям.) Вы, мои друзья, пройдите в залу. Там зажжен камин! Продолжите беседу... Мы ознакомимся с посланьем Ватикана, затем вас пригласим... (Гости уходят. Генрих останавливает

Уайета.) Хорошие стихи... Там строчку переделать – будет чудо! Я подскажу где...

Уайет (вспыхнув). Счастлив буду, сир!

Уходит.

Генрих. Ну, слушаю вас, кардинал!

Вулси (посмотрев на Анну). Вы обещали нам... наедине!

Генрих (в гневе). Зачем испытывать мое терпенье? Меж мужем и женой нет тайн! А между королем и королевой – тем более!

Вулси. Ваше величество, все так... и несомненно... Но нет пока ни королевы, ни жены...

Пауза.

Генрих (неожиданно сник). Так. Кончаем этот идиотский велеречивый тон. Говорим ясно. Понятно. Коротко. По моим сведениям, папа дал предварительное согласие на развод...

Вулси (делово). Совершенно верно.

Генрих. Вы были у него?

Вулси. Был.

Генрих. Объяснили ситуацию?

Вулси. Объяснил. Мы даже сошлись с ним на убедительном доводе: поскольку Екатерина рожала вам мертвых наследников, то это был как бы знак судьбы святой церкви, что церковь... в виде исключения... должна избежать греха непредумышленных убийств в будущем... и позволить вам расторгнуть брак!

Генрих. Хорошая идея! Ну?

Вулси. Я уехал из Ватикана ободренным... Сообщил о благополучном решении епископату... Отсюда, вероятно, и побежала молва быстрее меня.

Но перед тем, как мне сесть на корабль, пришло срочное послание от святейшего... (Достал бумагу и протянул Королю.) Генрих. Что там?

Вулси. Решительный отказ!!

Генрих (швырнул в него посланием). Почему?!!

Вулси. Это – предлог. На следующее утро после нашего отъезда войска испанского короля Карла вошли в Италию... Карл – племянник Екатерины... Карл против развода. Его войска – у стен Ватикана. Наши – далеко!

Генрих. Надо было срочно вернуться к папе.

Вулси. Я так и сделал, сир. Он меня не принял...

Пауза.

Генрих. И что нам теперь делать?..

Вулси. Я сделал все, что мог...

Генрих (перебивает криком). Я не забуду ваших стараний! Я спрашиваю: что делать?

Вулси. Ждать. Отложить назначенную коронацию и ждать!.. Может быть, сменится папа или сменится король Карл...

Генрих. А почему не сменить кардинала?.. Это – проще! (Повернулся к Фишеру.) Фишер, если б вы стали кардиналом, что бы вы сделали?

Фишер. Даже если б я стал святейшим папой, ваше величество, я бы ничем не смог помочь! Есть принципы, через которые я не могу переступить!

Генрих (зло). Верных епископов вы вырастили, Вулси! Они не помышляют о вашем месте... (Повернулся к Кромвелю.) А ваше мнение, молодой человек?

Вулси. Это всего лишь наш секретарь, ваше величество. У него нет мнения. Поверьте, ваше величество, я который день не сплю, продумал десятки вариантов и не нашел решения. Надо ждать! (Повернулся к Анне.)

Извините, Анна! Время – лучший лекарь!

Анна. Время теперь – акушер, Вулси! Я – беременна! И хочу, чтоб мой мальчик стал законным наследником престола...

Вулси (в растерянности). Понимаю... Сочувствую... Поздравляю... Не знаю. Разрешите уйти, я валюсь с ног от усталости...

Генрих (мрачно). Идите...

Вулси, Фишер, Кромвель направляются к выходу.

Нет! Ждите там! Внизу!.. Пейте, жрите, думайте!

Вулси, Фишер, Кромвель уходят. Генрих мучительно трет виски.

Вели подать вина!..

Анна. Ты клялся мне, что до рожденья сына...

Генрих (вскочил). Какого сына?! Нового ублюдка?!

Анна. Не сметь! Не сметь так называть ребенка нашего!

Генрих. Когда-то ты сама его так называла...

Анна. Да! Но потом поверила тебе! А ты... ты жалкий лжец!

Генрих. Я – лжец?

Анна. Ты говорил, я стану королевой! Что мой ребенок унаследует престол. А сам... тайком договорился с Вулси... чтоб обмануть меня?

Генрих (в бешенстве). Тварь! Сука! Как ты смеешь мне не верить? Я сделал все, что мог! Я подчинен тебе! Смешон в глазах людей! Я выполняю все твои причуды! А ты еще хохочешь, ведьма?! Да, я – бессилен! Я способен быть мужчиной лишь с тобой. Ты – как болезнь во мне, как лихорадка! Я весь горю, когда ты рядом, изнемогаю весь, когда уйдешь! Обычно время гасит страсть, я ж, одержимый, люблю тебя все больше! Чего еще ты хочешь?

[illegible]

Анна. Исполни обещанье. Ты дал мне слово – и сдержи его.

Генрих (стараясь успокоиться). Но я пытался, Анна. Я честно думал сделать так, как обещал. Но обстоятельства сильней... Я – в западне! Не убивать же мне Екатерину?.. (Анна молчит.) Ну нет!.. Я влюбчив... я жесток... Моя рука не дрогнет убить врага! Но убивать жену, с которой я стоял у алтаря... Нет! Не проси!

Анна (спокойно). Тогда убей меня! Мы не обвенчаны! И я – твой злейший враг!

Генрих. Зачем она меня так злит, так мучит? (Грубо схватил лицо Анны.) Зачем мне въелась в душу эта морда? Раскосые глаза и узкий рот?!

Резко отталкивает ее. Оба стоят молча и смотрят друг на друга. Потом возникает медленное сближение. Генрих страстно целует Анну. В глубине сцены возникает человек. Генрих резко оборачивается.

Генрих. Кто там?

Кромвель (оставаясь на месте, тихо). Я, сир.

Генрих. Имя?

Кромвель. Я – Кромвель.

Генрих. Зачем вернулись?

Кромвель. Полагал, что мог бы пригодиться.

Генрих. Подойдите ближе. (Кромвель подходит.) Говорите.

Кромвель. Раздавите гадину!

Генрих. О ком вы говорите?

Кромвель. О церкви, государь, которой я служу!

Генрих. Вон!!

Кромвель. Повинуюсь!

Отходит на несколько шагов.

Но передумаете вдруг – я буду рядом.

Генрих. Подойдите!

Кромвель возвращается.

Кромвель. Вы легко могли бы получить развод и сделать леди Анну королевой. Ребенка вашего – наследником престола. Я знаю этот путь. Он справедлив, но требуется особая отвага и твердость, поскольку церковь нашу придется изменить!

Генрих. Убирайтесь!

Кромвель снова отходит; но замирает на месте и стоит, не оборачиваясь.

Анна. Раз римский папа не дает развода, а Кромвель знает, как его добиться, то пусть научит. Быть может, это наша последняя надежда...

Генрих (после паузы). Вернитесь, Кромвель. Выкладывайте все, что копошится в вашей голове.

Кромвель. Утверждать, что римский папа выше нашего монарха, – уже преступление. Есть закон. Он гласит: “Любой, кто ставит чью-то власть над волей короля, повинен в государственной измене”. Стало быть, все наши епископы и монахи – государственные преступники. Они достойны смерти! Им пора об этом напомнить!

Генрих. Папа отлучит меня от святой церкви. Наша держава будет им проклята.

Кромвель. Пусть! Англия – превыше всего. Неполная свобода ее унижает! Возглавьте нашу церковь лично! Это даст вам свободу поступков и в один день сделает одним из самых богатых властителей в Европе. Все деньги церквей перейдут в королевскую собственность...

Генрих (внимательно оглядев его). Вы – человек без совести?

Кромвель (невозмутимо). Я начисто лишен ее, милорд.

Генрих. Я не хочу вас видеть!

Кромвель. Хорошо. Но буду рядом.

Отходит на несколько шагов.

Анна. Колеблешься? Дрожишь от страха?

Генрих. Дура! Ты знаешь, чем грозит раскол церквей? Меня возненавидит мой народ, как и тебя... уже сейчас!

Анна (искренне). Меня не любят в Англии?

Генрих (усмехнулся). Да... Ты не так умна, как мне казалось. Но мне и это нравится. Нет, я схожу с ума! Ты не боишься океана крови?

Анна. Я жду ребенка!

Генрих. Он не родился, а его ты любишь уже сильней меня...

Анна. Ты хочешь, чтоб тебя любила всем сердцем и душой?

Генрих. Мечтаю, Анна...

Анна (неожиданно властно). Тогда... вернитесь, Кромвель!

Кромвель, снисходительно улыбаясь, возвращается.

У вас имеются доверенные лица? Помощники?.. Ну, в общем, люди, готовые идти за вами?

Кромвель (усмехнулся). За мной?.. Кто я? Ничтожный писарь... Идти за короля! За королеву Анну! За независимость от Рима! Вот высший смысл. И тут немало будет помощников... Их надо лишь возглавить!..

Анна. Вот и возглавьте!.. А пока – сюда пришлите всех гостей... и кардинала!.. (Кромвель тихо двинулся к выходу.) С Богом! Я верю в вас!

Неожиданно Кромвель издал странный победный вопль. Затем, дергаясь в каком-то странном танце, исчез. Анна подходит к Генриху, обнимает его.

Анна. Генрих, я тебя люблю!

Генрих (он подавлен). Я не смогу... Скажи все им сама!

Анна (целуя его). Сможешь! Ты – король! Теперь ты – пастырь англиканской церкви...

Генрих. Какой я пастырь? Я молитв не знаю! Латынь не знаю... Я – язычник, Анна! Молюсь одной тебе... (Падает перед ней на колени.) Будь добрым божеством! Смирись и отпусти меня...

Анна (нежно). Я отпускаю, милый... Но там, внутри меня, кричит твой сын! (Прижимает голову короля к своему животу.) Девятый Генрих Генриха Восьмого, рыдая, молит о своей судьбе! Услышь и этот крик! В нем – голоса всех тех, кому лишь предстоит рождаться... от этой ночи! Помнишь ли ее? Ту, первую?! Когда земля и небо перемешались?.. И мы летели где-то между звезд?! Когда бы Бог был против этой ночи, зачем бы Он соединял нас вместе... в ребенке нашем?! Ну?! Ответь!

Генрих внимательно смотрит на Анну.

Генрих. Не знаю, кто сейчас в тебе – Бог или Дьявол?... Но спорить не берусь! Устал! Пусть будет так как будет!.. (Встает с колен.) Теперь молчи, жена! Я должен все продумать! И подобрать слова... (Поднял брошенное папское послание, молча читает.)

Анна. Мне, может быть, уйти?

Генрих. Стой и молчи!

Анна (опустив голову, как бы сама себе). Я и молчу... Как будто у меня есть право произнести хоть слово в этом доме...

Генрих (улыбнулся). Какая же ты стерва! Обожаю!..

С двух сторон сцены появляются гости: Елизавета, Норфолк, Мор, Уайет, леди Сеймур, Норрис, Смитон. В стороне – Вулси и епископ Фишер. Чуть сзади – слуги и Экономка, подручные Кромвеля. Кромвель, с блокнотом в руке, тихо направляется к Анне.

Кромвель (почти шепотом). Ваше величество... Собрали всех, кто в замке

был. Внизу – охрана... рыцари... и несколько проверенных людей.

Генрих (обращаясь ко всем, нарочито весело). Друзья мои! Давно хотел спросить: как думаете вы, кто перед вами сейчас стоит? Вы скажете: король! Я был того же мненья... Я думал, власть дана мне Богом и происхожденьем... и всей моей возлюбленной страной... (Гости недоуменно переглядываются.) Так вот, все это – чушь! Я – лишь слуга у папы римского. Свидетельство тому – его посланье, где мне предписано... вы вдумайтесь... “предписано”... не думать о разводе и жить с женой, которая не может не только мне внушить любовь, но даже дать наследника стране!.. В противном случае грозят мне отлучением от церкви!

Норфолк. Наглость!

Генрих (перебивая). Помолчите, Норфолк! Понятен мне ваш благородный гнев. Мой был не меньше... Но не за себя! В конце концов, могу отречься я от короны... и в монастырь уйти... Но вам как дальше жить? Если раб король, то вы – рабы раба!.. Что может быть позорней?! Мой гнев усилился, но лишь за мой народ, за нацию!! Пора решить: мы – кто? Великая страна или отхожье место, куда любой наместник Ватикана имеет право бросить грязную бумагу? Хочу ответить папе сейчас... При всех... Вот так! (Рвет папское послание.) Он думал отлучить меня от римской церкви – я отлучаю эту церковь от себя!.. А в новом... нашем... Англиканском храме быть главным пастырем отныне – королю! (Общее замешательство.) Решенье это подсказал мне кардинал... Наш благородный Вулси.

Вулси (изумленно). Я?!

Генрих (невозмутимо). Так я вас понял, друг мой... Вы вдохновили эту смелую идею.

Вулси. Я вдохновил?.. Ваше величество... Как я мог?..

Генрих (Вулси). Могли! И это подтвердит ваш секретарь... Скажите, Кромвель!

Кромвель. Все точно. Мной записана беседа... Дословно!

Норфолк (возмущенно ворчит). Так что ж он крутит, старая сова?! Сказал –

держись! Боишься – помолчи...

Генрих (обращаясь к Вулси). Я ж вам ответил, что готов возглавить церковь Англии, когда ее примасом вы станете... мой верный кардинал... И опытом... и верою своей... поднимете ее авторитет среди других церквей!.. Вы что? Забыли?

Вулси (обдумывая). Да, сир... Мой возраст... Я почти не спал в дороге... Ну, да... Конечно!.. Так мы и решили... Порвать с опекой Рима... И сделать вас главой... Английской церкви... (Пошатнулся, ноги его подкосились.)

Генрих (бросился к нему). Держитесь, Вулси! Вот – моя рука!

Вулси. Спасибо, сир... (Целует руку.) И мой духовный пастырь! (Вновь целует руку Генриху.)

Генрих (облегченно). И вам спасибо... сын мой... друг мой! (Обнимает и целует Вулси.)

Норфолк (обрадованно). Вот! Наконец-то! В Англии – порядок! Король – глава всему! Страна встает с колен! И Бог у нас – не римско-ватиканский, латинско-мавританский, а свой, английский, Бог, понятный и родной...

Вулси (тихо). Что вы несете, Норфолк? Бог у всех один!

Норфолк. Я – в переносном смысле...

Генрих (строго). Не надо в переносном! И в прямом – не надо! Милорд, прошу вас, отвечайте ясно – вы одобряете мое решенье?

Норфолк. Я?.. Да я ж и предлагал! Еще весной! Когда горела пристань! Ну, помните?.. Горит, никто не тушит! А итальянцы мечутся! Потом в палате лордов... еще хотел сказать, но – перерыв! Ну, что тут сделаешь?..

Генрих. Все! Благодарю вас за поддержку! (Обернулся к Фишеру.) Вы, епископ Фишер? Вы – образец всех добродетелей, что скажете?

Фишер (робко). Мой король... боюсь вас огорчить...

Генрих (резко). Не огорчайте! А говорите, думая над каждым словом...

Фишер (решительнеи). В вопросах веры есть мгновенья, когда приходится довериться лишь чувствам... Ведь в наших мыслях – наше хитроумье, а в чувствах наших – промысел Творца! Тогда и верим мы, не думая, не сомневаясь... Я верю в католическую церковь! Я верю, что святейший папа главенствует над нею... с согласия апостола Петра...

Генрих. Чушь!

Фишер (решительно). Может быть! Я – верю!

Генрих. Но в Англии закон: "Любой, кто ставит чью-то власть над властью короля, повинен..." Мера наказанья вам известна?

Фишер. Да, мой король! Но знаете ли вы, что тысячи священников, монахов... и просто верующих, как и я, откажутся признать главенство ваше? Что будет с ними?

Генрих. То же, что и с вами! Поэтому своим решеньем вы можете спасти их жизни... Думайте! Вы – англичанин или нет?

Фишер. Я – католик!

Генрих (повернулся к Вулси). Примас! Что делать нам с епископом, который не желает быть служителем у нашей церкви?..

Вулси. Начать придется нам с лишенья сана...

Генрих. Разумно! (Фишеру.) Епископ, снимайте свой наряд – он вряд ли пригодится вам в Англии... (Фишер медленно снимает епископский головной убор, плащ, кладет все это на пол.) А теперь – ступайте! Дальнейшее вам Кромвель объяснит!

Фишера уводят люди Кромвеля. Генрих подходит к Смитону и Норрису.

Генрих. Что скажет молодежь?.. Ну? Дерзкие умы! Не очень круто заварил я кашу?..

Смитон. Мы – полностью за вас!

Норрис. Вы угадали тайное желанье всех наших сверстников! Уже давно мы протестуем против глупых правил, предписанных нам Ватиканом. Все

анекдоты – про монахов и попов! Признаемся, и в церковь уж не ходим!

Генрих. Но в новую ходить придется!

Смитон. Непременно! Но только без латыни, без икон...

Норрис. Без исповедей! Глупых индульгенций...

Генрих. Да! Да! Все это реформируем... (Кромвелю.) Секретарь! Вы все записывайте! В молодых умах таится много ценных пожеланий... А что нам скажут женщины?

Елизавета. Я – вне себя от счастья!

Генрих. От мамы я другого и не ждал. Но что подруга скажет? Леди Сеймур?

Сеймур. Я счастлива за Анну! Она по-королевски прошла все испытания судьбы и коронации вполне достойна! Поздравляю, ваше величество! (Делает книксен.)

Анна. Спасибо, Джейн! Я знаю, вы искренно болели за меня.

Генрих (улыбаясь). А говорят, что женщины завистливы к чужим удачам! Эту глупость придумали мужчины! (Все улыбаются.) Послушай, Нэн, а почему б тебе не сделать фрейлиной свою подружку? (Анна молчит.) Решено! Вы – фрейлина при королеве Анне, и вам открыта дверь в ее покои...

Сеймур. Тогда я счастлива вдвойне! (Кланяется.)

Генрих. Сэр Томас Мор! Я начал свой опрос не с вас, хотя мне ваше мненье ценней других.

Мор. Ваше величество, позвольте мне уйти!

Генрих. Уйти, так не сказав ни “да”, ни “нет”?

Мор. Сказать вам “да” я не могу из убеждений. Сказать вам “нет!” – из трусости. Поэтому прошу: позвольте мне уехать в мою страну, в мою “Утопию”... И там я стану жить, не проронив ни звука.

Генрих. Нет! Вы слишком знамениты, Томас Мор! Молчанье ваше так красноречиво, что хуже крика... Вам надо что-то для себя решить, или молчанье это будет вечным!..

Мор. Все вечное меня не испугает! Я жить боюсь, а умирать – нисколько! Тем более что я застал счастливую эпоху в несчастной Англии, когда здесь процветали и разум, и свобода мнений... Эпоха эта длилась полчаса. Сегодня. И достаточно! Куда нам больше?!

Генрих. Мне очень жаль!

Мор. Мне тоже, мой король!

Уходит в сопровождении людей Кромвеля.

Генрих (он явно расстроен). Да... Огорчительно!.. Умнейший человек и глупо так ведет себя... (Посмотрел на Уайета.) Мой дорогой поэт! Я вас готов избавить от расспросов!

Уайет. Нет, я готов сказать.

Генрих. А может быть, стихи?

Уайет. Я их уже читал. Теперь добавлю прозой: я против вашего решения, ваше величество!.. Меня не волнует церковная реформа, мне неинтересны ваши интриги с Ватиканом, но мне мучительно больно видеть, как будут узаконены ваши притязания на Анну Болейн!

Генрих (обалдело). Что?!

Анна (поспешно). Томас! Умоляю! Что с вами вдруг?!

Уайет. Не вдруг... Вы, Анна, знаете, что я давно... Что я влюблен... Я вам писал стихи... За них меня король отправил в ссылку! Так поступает он с соперниками! С помощью ножа избавился от Перси, с помощью цензуры – от меня!..

Генрих (поморщился). Все! Надоело! Скучно! Увести!

Люди Кромвеля быстро уводят Уайета.

Норфолк (Норрису, тихо). Нет! Точно – педераст!

Норрис (пожал плечами). Да кто их разберет...

Генрих. Нелепо завершился столь важный разговор... Обидно! Столько мнений, а подлинный итог не подведен... (Оглядывает собравшихся.) Но, впрочем, есть народ! Его-то мы спросить не потрудились... (Подходит к Слуге.) Откуда, юноша? Происхожденье?

Слуга (испуганно). Я... из Уэлса... Отец – селянин...

Генрих. Очень хорошо! Как думаешь, мой друг, народ поддержит отделение от Рима и реформацию?..

Слуга обалдело смотрит на короля.

Экономка (робко). Ваше величество, он по-английски... не очень... Слов почти не знает.

Генрих. Как жаль! Но, может, передаст он как-то взглядом?.. А? Ну что, дружище? Что? Ты – за короля? (Смотрит Слуге в глаза.) Спасибо! (Обнимает.) Все свободны!!

Гости, слуги поспешно удаляются. Анна и Генрих остаются одни.

Анна. Ты был прекрасен!

Генрих (устало). Я старался тебе понравиться!

Анна. Ты был великолепен!

Генрих (поднял сутану и головной убор епископа, накинул на себя). А так?! (Смеясь.) О, дочь моя, готова ль ты вот здесь, у алтаря, все это подтвердить и доказать, что любишь Генриха?

Анна. Обожаю! (Бросилась к нему на шею. Зазвучала музыка.) Люблю тебя... Прекрасный... Дивный... Когда-то я твердила “всегда... никогда... иногда...”. Теперь – всегда! О, мой родной! Я обезумела от страстного желанья!

Генрих. Тогда в любви не дам тебе покоя... (Сбросил сутану, шикарным

жестом постелил ее на полу.) Ну наконец-то! Духовное и плотское соединятся! (Начал поспешно срывать с себя одежду.)

Анна (раздеваясь). Да! Милый!.. Но...

Генрих (раздеваясь). Что еще?

Анна. Я не могу быть счастлива, когда подумаю, что их казнят...

Генрих (нетерпеливо). Ну хорошо!.. Не сразу... Не сегодня. Пусть посидят пока. Сейчас мне не до них... Иди сюда!

Обнаженная Анна приближается к Генриху. Он осыпает ее поцелуями. Музыка усиливается. В глубине сцены неожиданно возникает Сеймур. В ее руках – подушки, кувшин для омовения, полотенце. Генрих, не отпуская Анну из своих объятий, с интересом наблюдает за Сеймур...

Затемнение.

Конец первой части

Часть вторая

Музыкальное вступление. Дом Анны Болейн. Слуги, Экономка и Елизавета выносят кувшины с вином, кубки, расставляют все это на столиках.

Елизавета. Эй, музыканты! Выпейте вина! Сегодня в доме не должно быть трезвых! Сегодня – праздник по случаю рождения наследника!

Слуги разносят музыкантам бокалы.

Слуга (Экономке). Нам тоже?

Экономка. Разумеется. Так приказала королева Анна.

Слуга. Понятно! Когда приказ – я с удовольствием. (Тянется к бокалу.)

Экономка. Куда, болван? Нам пить запрещено!

Слуга (испуганно отдернул руку). А как же... опьянеть?

Экономка. От счастья! Мысленно! Ведь мы – на службе. Пьянеем от любви и обожания... наследника престола.

Слуга (растерянно). Понимаю!.. Сейчас начну... (Имитирует выпивку.) Как говорится: здоровья, счастья, силы малышу! И пусть ему способствует всегда!..

Экономка (тихо). Он – девочка!

Слуга (оторопев). Как?

Экономка. Наследник – девочка.

Слуга. Вот... Пьянею... Забирает... Все смешалось в голове...

Колокольный звон.

Елизавета. Браво, церковь! Ты вовремя приветствуешь того, кому тебя положено возглавить! А что народ? Ликует?!

Экономка. Там у дворца – толпа. Все ждут известия...

Елизавета (с улыбкой). И денег! Народ наш не настолько глуп и темен, чтоб даром верить радостным вестям! (Достала кошельки с деньгами, протянула Экономке и Слуге.) Ступайте к ним, бросайте серебро! И пусть все славят королеву Анну и первого ее ребенка!

Слуга (Экономке, тихо). ВСЕ разбросать?

Экономка (тихо). Ну вот... Уже налился. Сказали “всем бросать”, а “все” – не говорили...

Слуга и Экономка уходят. Появляется Норфолк.

Норфолк (нервно). Прелестная девчонка! Такие ручки... ножки... Узнаю себя младенцем. (Пьет вино.) Королю сообщили?

Елизавета. Анна послала ему записку.

Норфолк. Как реагировал?

Елизавета. Пока не знаем. Надеюсь, напился от радости. Он столько

Елизавета. Пока не знаем. Надеюсь, напился от радости. Он столько терпел, бедненький.

Норфолк (взял Елизавету под руку, отвел в сторону). Сестра, мы в детстве в прятки не играли, сейчас уж – поздно! Говори ясней! Какая к черту радость? Король ждал сына!

Елизавета. Он ждал наследника! Наследник появился. А мальчик или девочка – подробность, которую узнает позже...

Норфолк. Подробность важная! И за такие шутки... король... он может в гневе!.. И вас... и всех! И – не дай Бог!

Елизавета. Поэтому мы гнев хотим уменьшить! И пригасить вином! Давно известно: выпивший мужчина становится добрей и к женским доводам понятливей...

Норфолк. Как – кто! Я, лично, от вина – зверею!

Елизавета (отнимая бокал). Тогда не пей!

Норфолк. Не пить – еще страшней...

Входят Норрис и Смитон с цветами.

Норрис (вручая цветы Елизавете). От всей души...

Смитон (подхватывая). От пламенного сердца...

Норрис. Хотим, миледи, вас...

Смитон. И вас, лорд Норфолк!..

Норрис. И королеву Анну!..

Смитон. И самих себя!..

Норрис и Смитон (вместе, перебивая друг друга). Поздравить с появлением... на небе... звезды надежды Англии... чей свет, подобный вифлиемовскому свету... всем высветил... прелестный лик... младенца!

Норфолк (сестре). Ну, молодцы! И, в общем, поздравляют, и вообще

Норфолк (сестре). Ну, молодцы! И, в общем, поздравляют, и вообще непонятно даже с чем!

Елизавета (гостям). Благодарю, друзья мои! И Анны благодарность передаю. Она вас очень любит!

Норрис. Поверьте, королевы благосклонность для нас ценней всего!

Смитон. Ее любовь нам украшает жизнь!

Норфолк. Тогда – нальем бокалы! За королеву! За... дитя! Живое существо – оно наследие престола! (Елизавете.) Черт, в среднем роде никого еще не славил!

Входит Вулси.

Норфолк. Святейший Вулси! Вот кому я рад! (Обнимает Вулси.)

Вулси (с трудом вырываясь из объятий). Я тоже рад, достопочтенный Норфолк! И вас, и всю семью спешу поздравить с рождением наследника! Скажите, как здоровье королевы?

Елизавета. Роды, слава Богу, прошли без осложнений... Ее величество пока еще слаба, но счастлива!

Вулси. А как дитя?

Норфолк. Дитя прекрасно! Весело! Бодро! Я с ним уже играл... с дитя...

Вулси. Могу ли на него взглянуть? Хотелось бы, чтоб с первых же часов наследника благословила церковь... Оказана мне честь его крестить!

Норфолк. Конечно, вам! Кому ж еще? (Взял Вулси под руку, отвел в сторону.) Кардинал! Я всегда к вам относился с уваженьем!.. Конечно, в прошлом не любил... Ни в грош не ставил! Но это – в прошлом! А теперь ценю... За ум, за гибкость! Мы – в одной упряжке! И если уж впряглись, тяни и не брыкайся...

Вулси. К чему вы это?

Норфолк. К тому, чтоб понимали, что на пути бывают рытвины... и ямы... и так далее. Короче – девочка!

ямы......и так далее. Короче – девочка!

Вулси. Чья?

Норфолк. Королевы...

Вулси. Как?.. Но слух прошел...

Норфолк (перебивая). Слух – это слух! И шел дитя, как мальчик! А получилась – девочка!

Вулси. Но король?! Он был уверен... Он говорил, что при крещении младенец получит имя – Генрих!

Норфолк. Будет – Генриетта! Какая разница?!

Вулси. Огромная, лорд Норфолк! В ваши годы ее пора бы знать!.. А также знать характер короля! Он в гневе – беспощаден!

Норфолк. Поэтому я рад, что вы пришли... Вы – кардинал, вы – представитель Бога. Все, что от Бога, надо принимать смиренно... без скандала! Вот так ему и скажите!

Вулси (отстранясь). Спасибо за совет! Я лучше промолчу... Семейные дела решайте сами. Своих забот у церкви предостаточно... В стране – разброд! В монастырях – волнения! Восстание в Уэлсе... Бескровной реформация не получилась! Я предупреждал! Я говорил – меня никто не слушал! Теперь позвольте молча удалиться! (Пытается уйти, Норфолк хватает его за рукав.) Норфолк. Ах хитрая сова! Как обвивать налогами страну – так крыльями махать, глаза таращить! А как помочь ей в трудную минуту смиренным словом – так в кусты?!

Вулси (вырываясь). Пустите! Недоумок!

Норфолк (задохнулся). Кто недоумок? Я?! Который... Общепризнанно!.. И повсеместно!.. Который с кафедры... каждый день... Я – недоу...? Да за таких полслова – уже убить, чтоб после не жалеть!

Замахивается на Вулси. Тот отбивается.

Елизавета. Лорд Норфолк! Ваше преосвященство! Остановитесь!

Быстро входит Кромвель с несколькими телохранителями. Жестом приказывает разнять дерущихся. Телохранители выполняют приказ.

Кромвель (всем, торжественно). Его величество!

Входит Генрих. Он явно навеселе. В руке – кубок. Все склонились в почтительном поклоне.

Генрих. Друзья мои! Милорды!.. Мама!.. Дядя!.. Счастливая семья, я есть счастливый зять!.. (Смеется.) Прошу вас есть простить за мой язык! Он начал заплетаться с непривычки, и долгая с вином разлука ему на пользу явно не пошел... (Смеется.) А где моя красавица жена? И мой наследный принц? Мечтаю их обнять!

Елизавета. Ваше величество, супруга ваша Анна, свершив свой материнский подвиг, должна сейчас немного отдохнуть... Ребенок тоже!..

Генрих. А он при чем? Ну, Анна – понимаю... Трудилась в муках! Но мальчишка? Он вылез погулять – пускай идет! Скажите: ждет отец!

Елизавета (испуганно). Ваше величество...

Генрих. Молчите, бабушка! Не убеждайте попусту меня, что он еще не ходит! Мой дойдет! (Смеется. Все нервно улыбаются.) Эй, Кромвель, пригласите малыша...

Кромвель направляется в спальную комнату.

И смотрите, чтоб по дороге вам дитя не подменили. Иначе – голову сверну!

Кромвель с улыбкой исчезает.

А почему не налито вино?.. Мы что, не пьем? У нас не праздник?!

Слуги поспешно разливают вино.

Вы слышите веселый перезвон?! Т-сс! Англия поет! Огромная страна, подняв бокалы, кружки, бочки... вопит торжественную оду в честь монарха! Включимся в общий хор! (Громко поет.) “Да здравствует Генрих! И сын его Генрих! И внук его Генрих! И пра-авнук!” (Все робко подхватывают. Генрих пытается дирижировать хором.) Да что ж у вас ни

голоса, ни слуха... И рожи постные!.. Сегодня рож таких быть не должно ни у друзей моих, ни даже у врагов... (Вулси.) А кстати, как они? Достопочтенный Вулси, как ваш Фишер? Как Томас Мор? Поэт? И остальные? Томятся в Тауэре?

Вулси. Где ж им быть еще? Сторонники же их посажены в другие тюрьмы... Коих немало... Как и сторонников... Увы!

Генрих. Им всем – вина! Приказываю! Всем отослать бутылки! Пусть напьются! В последний раз... монарха изругают... в последний раз... а завтра поутру... конец! Я их... прощаю! (Смеется.) Помилованием отмечу рождение наследника! Как идея?

Все неуверенно переглядываются.

Норфолк (сделал шаг вперед). Ваше величество... Я – человек простой... Хотя наш род, род Норфолков... он из глубин... А впрочем... Пора вам все сказать! Пора предупредить! Ходить кругами я не привык!.. Тут надо, как в бою: увидел и руби! Дрожишь – сними доспехи!.. И не позорь коня!.. (Неожиданно пошатнулся.) Мне плохо!..

Елизавета подхватила его, усаживает в кресло.

Генрих. Что с вами, Норфолк?! О чем предупредить?

Норфолк. Увольте, не могу. Сдавило грудь. Вот черт! В парламенте часами говорю – и ничего!.. А здесь – десяток слов! И на тебе, всего скрутило. К дождю, наверное? Или к грозе?

Звучит музыка. Кромвель выкатывает колыбель. Все в испуге отходят. Генрих бросается к ребенку, с нежностью смотрит на него.

Генрих. Ну, здравствуй, принц! С прибытием в этот мир! Он был несовершенен до тебя, он был бессмысленен... Но вот ты появился, и началась гармония в природе... Как ты красив! Какой орлиный нос! Какие щечки! Глазки? Ну-ка, их открой! (Всем.) Открыл! А говорят, грудной ребенок не может понимать значенье слов! Мой понимает! Лоб мыслителя – вместилище грядущей мудрости! А ручки? (Начинает разворачивать одеяние младенца. Все затаили дыхание.) Вот сколько силы! Не выпустят бразды правления... Где ножки? Вот они! Какое чудо! Пришпорят и коня, и

в танцах закружат! А какова у нас мужская доблесть?! (Разворачивает последнюю пеленку, приходит в неописуемый восторг.) О, господи! Какой безмерный дар! Ну, дамы, – вам погибель! (Смеется, целует ребенка.) Не знаю, станет ли он лучшим королем, но лучшим из любовников – бесспорно!

Норфолк (отпадая, бормочет). Кто “он”? Нет... Что-то скверно... Ничего не понимаю. Кровь так ударила в виски, что хоть кричи, хоть... уходи в забвенье...

Медленно входит Анна. Увидев ее, Генрих бросается к ней, встает перед ней на колено.

Генрих. Любимая моя! Благодарю! За всю династию! За подданных и слуг, среди которых я – вернейший твой слуга. (Целует ей руку.) Сын прекрасен! Он – совершенство! Горжусь, что капля короля, благодаря тебе, явилась миру этим чудом!..

Анна. А я благодарю вас, мой король! За честь, оказанную мне любовью вашей...

Смитон (Анне). Ваше величество, позвольте нам от имени всех тех, кто предан вам душой и телом...

Норрис (подхватывая)...поздравить с появлением... звезды... надежды Англии... (Вручает цветы.)

Анна. Спасибо всем! Я знаю, собрались здесь люди, ближе нет которых, чтобы разделить наш праздник. Как жаль, что не могу я с вами пировать! Все силы отдала рождению ребенка... Прошу простить! И нас оставить... втроем!

Все с поклонами удаляются. Анна гладит волосы Генриха, целует его.

Ты бледен! Ты устал! Мой милый Генрих! Недаром говорят, мужья при родах теряют силы больше жен своих.

Генрих. Пожалуй, так... Но силу восстановил вином.

Анна. Вижу.

Генрих. Я пьян и счастлив! И вознагражден за ожидание наследника.

Анна. Мы назовем ее Елизаветой.

Генрих. Кого мы назовем Елизаветой? Генриха?! (Смеется.)

Анна (ласково). Ты, как всегда, любимый, остроумен... Не пытайся убедить меня, что пьян настолько, что потерял способность различать...

Генрих. Недавно я стоял здесь на коленях. Помнишь? Ты прижимала голову мою и говорила: “Слушай! Девятый Генрих Генриха Восьмого зовет из живота...” Я и поверил. Я вообще доверчив... Как мой народ. Он верит в короля...

Анна. Поверит в королеву. Елизавету Первую.

Генрих. Это – невозможно! Страна нуждается в руке мужчины!

Анна. Что ж, через год, даст Бог, появится и мальчик.

Генрих. Я не имею права больше ждать! В стране волнения и беспорядок! Графство Йорк, Уэлс грозят мне отделением... Пролито немало крови! Наследный принц – он всех объединит и успокоит благостной надеждой! Я не хочу тебя ни в чем винить...

Анна. Меня винить? Я под тобой послушно себя вела... И кто здесь повар, что блюдо приготавливает по заказу?! Вини себя! Ты столько с бабами проводишь время, что, может быть, тебе и не дано зачать мальчишку?

Генрих. А это – ложь! Твоя сестра... Она не подвела. И мальчику сейчас чуть меньше года... Похож он на меня, ты – на сестру похожа... Лишь колыбели поменяй – никто и не заметит...

Анна (в ужасе оттолкнула его). Ты пьян! И бред несешь!

Генрих (встав с колен, решительно). Я – трезв! Я дал зарок, и повода нарушить его не представилось. Я трезво все продумал!

Анна. Этого не будет!

Генрих. Послушай, Нэн, я четко выполнял все прихоти твои. Сказала: буду

королевой! Стала! Сказала: церковь поменяй! Сменил! Сменил друзей, привычки и костюм... Хожу, вот, как петух, во всем французском! А ты не хочешь жертвовать ничем?! Легко царить в салонах. Но в политике – иные правила! Быть королевой – значит жить во имя высших целей. И если нет наследника, его находят где-то у родни... Подобные подмены не раз случались в других династиях... С Мэри мы договоримся... С Елизаветой тоже...

Анна. С какой Елизаветой?

Генрих. С матерью твоей...

Анна (указав на колыбель). А с ней? Ее куда? Запрячешь в монастырь? Или задушит Кромвель?! Наверное, он придумал эту адскую игру, где можно передернуть карту?!

Генрих. Ты сама мне выбрала его в наставники! Все ты!.. Ты сделала меня марионеткой и дергаешь за нитки. Но теперь мы поменяемся местами!

Анна. Этого не будет!

Генрих (печально). Как знаешь... Но тогда я вынужден... просить у нашей церкви... разрешенья расторгнуть брак с тобой. И, как главный пастырь этой церкви, свое прошенье своею подписью скреплю! Ты, Анна, – в западне, которую сама подстроила!

Анна. Ты женишься на Мэри?

Генрих. Все может быть... Еще не знаю.

Анна. Придется спать с ней. Во имя высших целей... Придется проводить с ней дни и ночи. Смертная тоска! Ты сам мне говорил об этом!

Генрих. Я много лишнего тебе наговорил... Теперь жалею.

Анна. О многом и умалчивал... Но я все понимала. Поэтому позволю дать совет: уж лучше-ка женись на фрейлине Джейн Сеймур. Она в постели хороша. И легкомысленна, и совести ни капли... Вполне могла бы составить неплохую партию...

Генрих. Я рад, что ты подругу ценишь. Кстати, где она? Мне сообщили

Генрих. Я рад, что ты подругу ценишь. Кстати, где она? Мне сообщили, что ее ты из дворца куда-то отослала?

Анна. Она – в надежном месте.

Генрих. Вели ее вернуть! Нехорошо! Род Сеймуров влиятелен и значим в парламентских делах! И с Вулси он в родстве. А Вулси служит мне опорой в церковных дрязгах... Черт возьми! Хочешь меня со всеми перессорить? Вернуть немедленно!

Анна. Не раньше, чем признаешь дочь...

Генрих (зло). Ты ставишь мне условия?

Анна. А что же остается жене, которую муж просит вернуть любовницу?! Мой неуемный! Я соберу тебе гарем под нашим кровом. Беснуйся, ублажая свою плоть... Но прежде – объяви о дочери народу! Ты говоришь, стране мужчина нужен?.. Какой? Восьмой? Девятый? Двадцать пятый? Довольно Англия терпела вас, самцов! Тупых и злобных, пьяных и неверных. Давно пора освободить вам трон для женщины... Елизавета будет первой!

Генрих. Никогда! Она похожа на тебя, ее уже за это ненавижу! (Бросился к колыбели, стал в гневе трясти ее.) Мерзавка! Дня еще не прожила, а сколько неприятностей успела доставить... И вот! Еще смеется! Сучка! (Вглядывается в лицо девочки, неожиданно сам улыбается.) Она и впрямь смеется... Как это может быть?! А ну-ка прекрати! (Трясет колыбель.) Над королем смеется! Точно – в мать! И зуб во рту? Уже во всеоружии? Ну, на, кусай! Не причиняя боль, ты радости доставить не умеешь! Красавица моя! (Осыпает ребенка поцелуями.) Эй, Кромвель!

Кромвель быстро появляется с блокнотом и пером.

Пишите! “Обожаемый народ! Его величество король Генрих Восьмой вам счастлив объявить, что королева Анна, сегодня разрешась от бремени, нас наградила дочерью... Елизаветой. Знаменуя радостную весть, король повелевает всем гражданам сегодня истребовать вина в любом трактире за счет казны! (Схватил бокал, жадно выпил.) И каждый подданный пусть будет пьян и счастлив! (Неожиданно начинает валить на пол посуду, переворачивать кресла.) Счастлив! Счастлив!..

Кромвель (спокойно наблюдает за разбушевавшимся королем, записывает).

“...Счастлив... счастлив... счастлив...”

Затемнение.

Помещение в тюремном лондонском замке Тауэр. Грубые лавки. Зарешеченное окно. Чуть в глубине – ширма. На переднем плане за столом сидят Вулси и Кромвель. Перед ними, в тюремном одеянии, – епископ Фишер и Томас Мор.

Вулси. Сэр Томас Мор! И вы, епископ Фишер! Я рад вам сообщить, что добрый наш король решил не помнить зла и дарит вам свободу! (Мор и Фишер молчат.) Не вижу благодарности на лицах! Не слышу нужных слов!

Мор. Простите, кардинал... За время заточения в тюрьме мы несколько забыли этикет. Какие бы слова хотел король услышать?

Кромвель. Слова о том, что вы готовы присягнуть на верность дочери его Елизавете! И поддержать права ее на трон!

Вулси. Сейчас парламент обсуждает это право... Вы, Мор и Фишер, – уважаемые люди... И ваши мнения король всегда ценил...

Фишер. Мы это чувствуем... Но мне всегда казалось: подарок полагает безвозмездность? Иначе это не подарок, а обмен!

Кромвель. Много рассуждений! Прошу отвечать коротко и ясно.

Фишер. Я остаюсь приверженцем того, во что я верю... Не признавая королевой Анну, я, к сожаленью, не могу и дочь ее признать принцессой.

Вулси. Принципиальность не всегда похвальна, Фишер. И иногда похожа на упрямство. Вы, Томас Мор? Надеюсь, философский склад ума поможет сделать правильным ваш выбор?

Мор. Пожалуй. Обмен как способ достижения гармонии не так уж плох. Как, впрочем, и торговля. Все от цены зависит...

Вулси. Ну вот... Так называйте цену!

Мор. Она известна. Тысячи людей томятся в тюрьмах лишь за то, что разделяют взгляды мои... и Фишера. Согласен ли король их тоже

отпустить?

Кромвель. Пусть каждый отвечает за себя!

Мор. Вот я и ответил. И королевою готов признать любую девочку, когда вокруг свободны будут все...

Вулси. Вы – утопист!

Мор. Не смею спорить.

Кромвель. Достаточно! Ваши слова мы доведем до слуха короля немедленно! (Звонит в колокольчик.)

Появляются стражники, уводят Мора и Фишера. Кромвель подходит, отодвигает ширму. За ней в кресле – Генрих.

Генрих (раздраженно). Довели! До слуха короля и до его печенки! Поверьте: здесь сидеть и слушать труднее, чем вести допрос... Молчать нет сил, а крикнуть – невозможно! (Кричит вслед уведенным Мору и Фишеру.) Святоши! Фарисеи! Убеждены в незыблемости правил... Как будто сам Господь им выдал вексель на оплату собственных грехов! Не истина влечет их, а гордыня! Они – святые, а король – злодей! Как просто! А что поэт? Наш трепетный Уайет? Он тоже отказался присягнуть?

Кромвель. Не совсем. Я с ним беседовал и убеждал...

Генрих (усмехнулся). Поджаривал на медленном огне?

Кромвель. Ваше величество, я – вегетарианец... Поэт наш согласился оду сочинить по случаю рождения принцессы... И даже написал десяток строк. Но позже, впав в хандру, пытался удавиться...

Вулси. Спасли?

Кромвель. Разумеется. Здесь, в Тауэре, никто не смеет умереть без разрешенья!

Генрих. Ах, Анна! Вот плоды твоей игры по переделке века в просвещенный. Философы – в тюрьме, поэты – лезут в петлю... Народ вопит! Парламент протестует! И сам король, как укрощенный зверь, по

вопит! Парламент протестует! И сам король, как укрощенный зверь, по клетке мечется! Что будем делать, Кромвель?

Кромвель. Ваше величество, я – лишь исполнитель монаршей воли.

Генрих. Ах, какая скромность! Не вы ли подсказали мне идею низвергнуть Рим?

Кромвель. Рискну напомнить, сир: вас вдохновил мудрейший кардинал.

Вулси. Я?

Кромвель. Так было сказано. При всех. И мной записано. Есть протокол.

Вулси. Какая наглость! Мысль изреченная – есть ложь! Записанная вами, Кромвель, – становится бесчестной клеветой!

Генрих. Перестаньте! Грызетесь, словно крысы на корабле, что начал вдруг тонуть... Ну нет! Мы выплывем! Бывали бури и пострашней! А впрочем, я устал от суетной борьбы. Не успокоив душу – подумаем о теле... Ему ведь тоже радости нужны... Кардинал, вы передали мою записку Джейн Сеймур?

Вулси. Разумеется, ваше величество.

Генрих. Готова ли она меня принять?

Вулси. Она на все готова. И ждет внизу. В карете...

Генрих (с улыбкой). Умница! Любили бы меня все подданные так! Что ж! Едем! Куда-нибудь... Забыться!.. Впрочем!.. Вы, Вулси, пригласите-ка ее сюда.

Вулси. В тюрьму?

Генрих. А почему бы нет? Свидание в Тауэре – так романтично! Любовь способна осветить темницу пожаром страсти? Как полагаете?

Вулси. Ваше величество! Мой сан, а главное, мой возраст не позволяют мне иметь суждение в таких делах...

Уходит

Уходит.

Кромвель. Прикажете подать вина? Хотите слышать музыку?

Генрих. Пожалуй... Но откуда в Тауэре музыканты?

Кромвель. Посажены... на всякий случай.

Генрих (с усмешкой). Предусмотрителен...

Кромвель. За это мне платят жалованье.

Генрих. Я его удвою. Скажи лишь, как мне поступить?.. Я чувствую: народ не согласится жить под властью королевы. Наследник будет же еще не скоро... И будет ли?.. Я не привык жить в зависимости от обстоятельств, мне не подвластных. Я хочу свободы!

Кромвель. Тогда – развод.

Генрих. Опять?.. И года не прошло. Я буду выглядеть юнцом капризным. Посмешищем!

Кромвель. Но если есть весомая причина развода...

Генрих. Какая, например?

Кромвель. Измена.

Генрих. Мне?!

Кромвель. Я только рассуждаю, сир... Такова природа общественного мненья: неверность у мужчины – шалость, у женщины – тягчайший грех! Тут уж народ поддержит короля!

Генрих. Мне Анна изменяет?! И с кем?! Уж не с тобою ли, ничтожество?

Кромвель. Вы сердитесь. Я умолкаю...

Генрих. Я не сержусь! Ты мне противен! Говори.

Кромвель. Прислуга в доме королевы мною допрошена. Я обратил внимание, что Смитон, Норрис слишком часто бывают в будуаре

королевы... И вот поэт, Уайет, даже не скрывал своей сердечной страсти...

Генрих. Замолчи! Поэзию питают возвышенные чувства! Глупо к ним ревновать! Ты сам когда-нибудь любил? Кого-нибудь?.. Женщину?! (Кромвель молчит.) Мужчину?.. (Кромвель молчит.) Или хоть овцу?...

Кромвель. Люблю свою страну! И короля!

Генрих. Вы, Кромвель, – извращенец! Ступайте прочь!

Кромвель исчезает. Появляется нарядно одетая Джейн Сеймур. Генрих спешит ей навстречу.

Сеймур (почтительно). Ваше величество... (Книксен.)

Генрих. Нет! Его величество остался во дворце... А здесь, в тюрьме, всего лишь бедный узник, которому позволили свиданье! (Целует ее.) Я счастлив, девочка, что ты пришла... Как ты прекрасна, как меня волнуешь! Какой изысканный наряд!

Сеймур. Он вам нравится?

Генрих. Еще бы... Ну-ка повернись! Изящнейшая линия... Мой вкус ты угадала. (Обнимает ее.) И такие серьги я обожаю... Словно капельки росы... Их хочется слизнуть! (Целует. Сеймур обнимает короля, он осыпает поцелуями ее руку.) И этот перстень... (Неожиданно строго.) Откуда он?

Сеймур (игриво). Он тоже нравится?

Генрих (злится). Я восхищен! Откуда?!

Сеймур. Сегодня утром мне доставил ювелир... Он мне сказал: подарок короля!.. Он мне солгал?

Генрих. Нет! Это – правда! Подарен, но другой... И год назад! (В бешенстве.) Какая гнусность! Она в насмешку бросила крючок, а ты его доверчиво глотаешь! Сними немедленно!

Сеймур (испуганно пытается стянуть кольцо). Н-не могу... Его и так с большим трудом надела...

Генрих. А платье? Тоже от нее?

Сеймур (плачет). От вас... Так мне сказали...

Генрих (в бешенстве). Прочь его! Снимай немедленно! (Начинает помогать Сеймур раздеваться.) Стерва! Ведьма!

Сеймур. Чем я виновата?

Генрих. Не про тебя я говорю, про Анну! Вот ее коварный план: присутствовать во всем! Долой все тряпки! Надеюсь, твое тело не ею создано?.. (Сеймур обнажена.) Оно меня волнует! (Куда-то, незримой жене.) Ты слышишь, Анна, я еще мужчина! И хитростью меня не остановишь! (Обнимает Сеймур, кричит.) Эй! Кромвель! Музыку! (Музыканты заиграли лирическую мелодию.) Не ту! Опять – она! ЕЕ МЕЛОДИЯ! Вы что, все сговорились, идиоты? Играйте марш! Нет! Лучше гимн страны! Король идет на приступ! (Генрих наваливается на Сеймур. Звучит торжественная мелодия гимна. Генрих неожиданно встает с приспущенными штанами, молча слушает.) Нет! Не могу! Проклятое созданье: сперва сгубила душу мне, теперь и плоть!.. Пора решать! Эй, Кромвель! (Возникает Кромвель.) Повелеваю: королеву Анну немедленно препроводить в тюрьму! Ее судить мы будем! За измену!

Испуганная Сеймур поспешно одевается.

Затемнение.

Звучит нежная мелодия. Дом Анны Болейн. Анна у колыбели напевает песенку. Рядом Елизавета. Входит Норфолк. Он явно чем-то расстроен, держится неуверенно.

Норфолк. Любезная сестра! (Целует.) Племянница! (Целует Анну.) Наследница! У-тю-тю! (Играет с девочкой.) Ну, как здоровье наше? Спасибо, хорошо? И молодцы! Погода жуткая! То нет дождя, то – солнце! Дорогой ехал – ось сломалась в карете... Пересел в другую. А там уж починили, сел обратно... Вот!

Анна и Елизавета удивленно смотрят на него.

Анна. Что с вами, дядя? Столько слов – и никакого смысла...

Норфолк (стараясь быть строгим). Ну, ну! Со старшими – не сметь! Ребенком помню. Таким вот. (Показал на колыбель.) Шалуньей была отчаянной! (Елизавете.) Раз мать ее держала на руках, она возьми и прыг... И прямо на пол. Та в слезы... мать...

Елизавета. Брат, что с тобой? Кому ты говоришь? Ведь это я была.

Норфолк (растерянно). Да, знаю! Устал, задергали... Мысль не держу! Нет, на покой пора... Уеду в графство, разведу овец... Чтоб молоко и сыр и больше никого!

Анна. Случилось что-то в палате лордов?

Норфолк. Что там случится? Ухожу от них! Скопленье тьмы!.. Была одна свеча, и ту задули... (Достал бумагу.) Вот предписание: “Препроводить в тюрьму!”

Анна. Кого?

Норфолк. Не торопи! Скажу... Тебя.

Елизавета. За что?

Норфолк. И я спросил: “Ваше величество, за что? Ведь сердце у меня не из железа... Племянницу родную... и в Тауэр?” Он говорит: “А кто? Ужели Кромвель лучше?” Я говорю: “Избави Бог!” Тогда меня он обнял и к вам послал...

Анна (зло). Вам, дядя, не подобает глупым притворяться! У вас и так получится... (Неожиданно кричит.) За что?!!

Норфолк (испуганно). Тихо! Там стража... Нам не подобает показывать простолюдинам дурной пример неподчиненья королю. (Печально.) Откуда, девочка, мне знать – за что? Сказали: “Заподозрена в измене”.

Анна. Кому я изменяла? Королю? Стране?

Норфолк. Суд прояснит. Да нет, конечно, глупость! Пустые подозрения. Я за тебя готов и поручиться. Поэтому меня король назначил главой суда. Я, говорит, лорд Норфолк, верю в вашу честность... А я – в твою, племянница! Вот все и обошлось! Ну, собирайся!..

племянница. Вот все и обошлось. Ну, собирайся...

Елизавета. Нас тоже под арест? Меня и внучку?

Норфолк. Сестра, побойся Бога! Король наш – не злодей! Он – в заблуждении... А все – салоны ваши! Французский дух! И эти педерасты – Норрис, Смитон, что крутятся здесь... (Обрадованно.) Подожди! Ведь раз они... между собой... так вроде бы на женщин не должны кидаться? Вот вам и довод! Вот и аргумент!..Или у них бывает: так на так?! Мерзавцы! Жили наши предки как люди... Муж – жена, конь – кобыла... А сейчас? Сам видел: на корову петух вскочил... Ну, довели страну!

Анна (решительно встала). Все, хватит! Дядя, вашим красноречьем успеем насладиться на суде! Сейчас – избавьте! Мало времени отпущено на сборы! Я с дочерью хотела б попрощаться... (Берет ребенка на руки.)

Елизавета. Анна! Подожди! С тобой поеду. В ноги королю я кинусь! Он мне поверит: ты – чиста...

Анна. Он самому себе не верит, мама. Развратный человек – вокруг один разврат способен видеть. Так он был воспитан! И не без вашей помощи...

Елизавета (печально). Ты – злая! Если в минуты эти припомнила мне давний грех, который я давно уж отмолила...

Анна. Ваш грех – на мне. А мой – Елизавете останется в наследство! Так заведено!

Норфолк (испуганно). Чей грех? О чем вы?.. Лишних слов прошу не говорить... при мне. Могу не так понять!

Анна и Елизавета уходят и уносят с собой ребенка. Появляются Экономка и Слуга с корзинами цветов. Норфолк подозрительно смотрит на них, потом жестом подзывает Экономку.

Норфолк. Вы служите давно здесь?

Экономка. Много лет, сэр! Меня не раз вы видели, лорд Норфолк.

Норфолк. Я здесь сейчас – официальное лицо. Вы – тоже! И отвечайте как одно – другому... Не замечали вы за королевой... чего-нибудь такого?.. (Красноречивый жест.)

(Красноречивый жест.)

Экономка. Нет, милорд!

Норфолк. Вы поняли, о чем я?

Экономка. Да, конечно.

Норфолк. Это – плохо! Что поняли... Но отвечали хорошо. И если на суде спрошу, то так и отвечайте... (Достал монету.) Вот вам – гинея. За понимание...

Экономка (забрав монету). Благодарю, милорд.

Норфолк. Что это за цветы? Откуда?

Экономка. Сэр Норрис их прислал.

Норфолк. Кто?! Сукин сын... Зачем? Сегодня праздник?

Экономка. Сегодня – четный день. А по нечетным – цветы нам дарит сэр Смитон.

Норфолк. Ну, мерзавцы! (Заглянул в корзину.) Да здесь еще записка? (Развернул.) И по-французски?! (Пытается прочесть.) “Же ву зе... музе...” О, господи, уже за это – плаха! (Рвет записку.) Цветы убрать! И если я спрошу, мол, не было ль цветов, то говорите: нет!.. Да я и не спрошу... Вот вам еще гинея. (Дает монету.) Экономка. Благодарю, милорд.

Норфолк (указывая на Слугу). А это кто?

Экономка. Слуга. Он малый из простых... Неважно говорит и понимает плохо... Почти глухонемой.

Норфолк. В свидетели сгодится. (Поманил его пальцем.) Иди сюда, дружок! (Слуга подходит.) Я – Норфолк! Понимаешь? А ты – здесь служишь! Ты – слуга! Вот ответь: не знаешь ли ты случая, чтоб в спальню королевы входил мужчина? (Слуга, подумав, кивнул.) Кроме короля? (Слуга снова кивнул.) Что ты несешь, болван?! Кто это был? (Слуга показал пальцем на себя.) Зачем? Убью! (Схватил Слугу за ворот.) Слуга (задыхаясь). Я натирал полы, милорд!

Норфолк. Зачем их натирать?

Экономка. Такая мода, сэр... Во Франции полы трут воском.

Норфолк. Зачем? Чтоб легче падать?! Опять разврат?! Опять французский дух? Мы жили столько лет и ничего не натирали! (Слуга пытается что-то сказать.) Молчи, раз ты – глухонемой! Лишь головой качай: не видел и не знаю! Вот – полгинеи! (Сунул Слуге монету.) Ну, Анна! Ну, сестра! Так развратили дом, что оторопь берет! Нет, чувствую, процесс нелегким будет!..

Уходит. Неслышно появляется Кромвель, жестом подзывает Экономку.

Кромвель. Ну как?

Экономка. Все как предвидели вы, сэр. Записку разорвал. Пытался подкупить слугу.

Кромвель (Слуге). Отдай! (Слуга передает Кромвелю монету.) Возможно, на суде придется подтвердить, что деньги брал. Что отдавал – необязательно...

Экономка. Считаю, сэр, вам как свидетеля его не стоит звать. Наивен, глуп. Запутает там всех.

Кромвель. Ну, хорошо. Используем в другом... Ступай!

Слуга уходит.

А вас лорд Норфолк не пытался подкупать?

Экономка. Меня он лишь пытался соблазнить. Намеками... Я не далась!

Кромвель. Похвально! (Отдает монету Экономке.) Возможно, на суде придется вам публично рассказать об оргиях, какие здесь бывали... Вы сможете?

Экономка. Смогу.

Кромвель. С подробностями?

Экономка. Безусловно.

Кромвель. У вас богатый опыт?

Экономка. Никто пока не жаловался. Впрочем, сэр, если не верите, могли бы убедиться... Да хоть сейчас.

Кромвель (испуганно). Нет... Я не готов!

Экономка. А в том-то и искусство, чтоб подготовить...

Кромвель. Как?

Экономка. Легче показать в постели... Вам проще, сэр, проделать эти штуки самому, чтоб нужное списать для протокола.

Кромвель (нерешительно). Рискнуть, что ли? Для дела?

Экономка. Ну, разумеется. А для чего ж еще? (Берет Кромвеля за руку.)

Кромвель. Но... должен вас предупредить... Я – девственник!

Экономка. Да хоть бы евнух! Для дела ведь...

Уводит Кромвеля.

Затемнение.

Звучат фанфары. На сцене рассаживаются участники суда: Норфолк, Кромвель, Вулси. Чуть поодаль на высоком кресле – Генрих. Стража вводит Анну.

Норфолк (поклон королю). Ваше величество! (В зал.) Милорды! Начинаем закрытое заседание суда по обвинению леди Анны Болейн в супружеской измене. (Анне.) Прошу вас сесть, миледи! (Анна стоит.) Садитесь, Анна!

Анна. Пока вина моя здесь не доказана, я – королева! И требую от вас, лорд Норфолк, чтоб обращались вы ко мне как подобает!

Норфолк (тихо). Анна, не дури! Садись! (Беспомощно обращает взгляд к королю. Тот кивнул.) Ну, хорошо! Ваше величество, прошу, садитесь!

Анна садится.

Милорды! Вам предстоит определить виновность подсудимой! Быть беспристрастными и следовать законам. Ответственность свою пред Богом и страной вы понимаете, конечно, но могу сказать подробней...

Генрих. Не надо, лорд! Переходите к делу!

Норфолк. Перехожу! Здесь справа – обвинитель, сэр Вулси. Слева – секретарь суда, сэр Кромвель. Он же назначен и защитником!

Анна (вскочила). Что за чушь?! Как может защищать меня тот, кто вел следствие? Кто более других меня здесь ненавидит?!

Норфолк. Анна, успокойся!

Анна (Генриху). Ваше величество, где ж ваша беспристрастность?! Хотите выяснять семейные дела прилюдно? Что ж, я готова! Но доверить Кромвелю мою защиту – насмешка недостойная! Пусть уж лучше сразу прочтет он приговор!

Генрих (недовольно). Ну, Анна, полно вам капризничать... И так я постарался, чтоб суд был максимально к вам благожелателен. Вас судит дядя. Обвинитель – добрейший Вулси, тот, что познакомил нас с вами и благословлял. А Кромвель – пунктуальнейший законник и выполнит порученное дело с усердием. Уверяю, как обвинитель, он для вас страшней.

Анна. Нет! Лучше буду защищаться я сама!

Кромвель. А этого никто не запрещает, ваше величество. Я лишь готов помочь параграфом и буквою законов, которых вы наверняка не знаете.

Анна. Что ж... Посмотрим! (Садится.)

Норфолк. Ну вот, все разъяснилось... Все довольны. Тогда вперед! Лорд-кардинал, прошу!

Вулси. Милорды! Его величество уже вам разъяснил, как тяжела мне эта ноша! Венчавший королевскую чету, крестивший их ребенка, я вынужден сегодня обвинять. Но пусть мои страдания послужат истине. Итак! Король

сегодня обвинять. Но пусть мои страдания послужат истине. Итак: Король женился на леди Анне Болейн, которая уже тогда была, увы, не девушкой! Но, впрочем, грех юности прощается легко. Грехи замужней женщины – вот преступленье! Имея непокорный нрав и странное пристрастие к французским веяниям, королева завела в своем дворце салон... а правильней сказать – “притон”, в котором молодые люди, следуя бесстыжей моде, творили блуд, разврат... Короче, все, за что еще Всевышний покарал Содом с Гоморрой... Об этом засвидетельствовали слуги в своих признаниях. Оберегая слух ваш, я не считаю возможным здесь их зачитывать. Об этом рассказала и сестра... леди Мэри Болейн!

Норфолк (изумленно). Не может быть!

Вулси. Увы, милорд... (Показывает бумагу.) Вот ее подпись.

Анна. Она готова подтвердить все под присягой?

Вулси. Разумеется. Но сейчас она в отъезде... в Амстердаме.

Анна. Кто ж отпустил ее?.. Не вы ли, Кромвель?

Кромвель. Ваше величество, как ваш защитник, я не советую вам перебивать речь обвинителя. Иначе суд составит невыгодное мнение о вас.

Норфолк. Да, это верно. Анна, помолчи!

Вулси. И, наконец, допрос двух молодых людей. Сэр Норрис и сэр Смитон чистосердечно признаются, что были с королевой... в интимной близости.

Анна. Признание под пыткой!

Кромвель. Вот их мы и допросим в присутствии суда!

Стражник вводит Норриса. Он бледен и явно напуган.

Сэр Норрис, дайте вашу руку.

Норрис (испуганно). Зачем?

Кромвель. Для Библии... (Подносит к Норрису Библию, тот кладет на нее руку.) Клянетесь говорить лишь правду?

Норрис. Да.

Вулси. Сэр Норрис, часто ли вы бывали в гостях у королевы?

Норрис. Не чаще, чем был приглашен.

Вулси. А приглашали часто?

Норрис. Ну, в общем, да... Ее величество впустила меня в свой круг друзей...

Норфолк (мрачно). Свидетель! Двусмыслицы прошу не говорить! Что значит “в круг впустила”? Здесь не танцы!

Норрис. Милорд, я неудачно выразился... Извините. Я так устал... Короче, встречался... с ее друзьями.

Вулси. Для чего?

Норрис. Как для чего? Музыка. Беседы... Общенье тесное.

Вулси. В какой же мере “тесное”?

Норрис. Простите, сэр... Я так давно не спал... Что вы хотите знать?

Вулси. Вы были с королевой... в интимной связи?

Норрис. Нет, конечно. Как можно? Одна лишь мысль подобная мне кажется ужасной!

Кромвель. Я, как защитник, протестую! Что значит “мысль ужасна”? Это – оскорбленье ее величества как женщины! Она красива и привлекательна!

Норрис. Да, конечно!.. Все прелести ее бесспорны!

Кромвель. Так, значит, мысль была?

Норрис. Наверное... не знаю...

Вулси. Итак, вы в мыслях были с ней в интимной связи?

Норрис. О, господи! Как ни скажу – все получается ужасно... Не в мыслях

Норрис. О, господи! Как ни скажу – все получается ужасно... Не в мыслях... Может быть, в фантазиях... Во сне...

Норфолк. Но вы же подписали протокол?

Норрис. Я подписал? Наверное. Не помню. Меня так мучили!

Анна. Все ясно. У него под пыткой вырвано признанье!

Кромвель. А тут я возражу как секретарь суда... Здесь пыток не было! Свидетелю мы не давали спать! И только потому, что он во сне, как только что сказал, спит с королевой... А этого я допустить не мог!

Норфолк. Сейчас вы говорите как защитник?

Кромвель. Разумеется, милорд. Ведь я оберегаю ее честь! Где сон, где явь – понять довольно сложно... Особенно в салонах! Там пьют вино, дурманом благовоний мутят рассудок... Поэтому вполне возможна связь, которую наутро и не вспомнишь! Вот почему прошу о снисхожденье к подзащитной! Своей измены она ни отрицать, ни подтвердить не может!

Анна (Норфолку). Дядя! Молю! Избавь меня от этого кошмара!

Норфолк. Ну, хорошо... Действительно, запутали... Отправьте-ка свидетеля поспать! (Стража берет пошатывающегося Норриса под руки.) Но только спать пристойно, чтоб – ни-ни... Стража! Чуть что – будите! Давайте Смитона!

Норриса уводят. На его место ставят Смитона. Он весь в кровоподтеках и синяках.

Анна. О боже! Смитон! Что с вами сделали?! (Кромвелю.) И снова скажете, что пыток не было?!

Смитон (испуганно). Конечно! Ваше величество, меня никто не мучил! Я сам себя... в отчаянии.

Кромвель. Готовы подтвердить вы это под присягой? (Протягивает Библию.)

Смитон. Да! Разумеется! Клянусь!.. И все другое сразу подтверждаю!

Норфолк. Да вас еще и не спросили.

Смитон (кричит). Не надо спрашивать! Я все уже сказал... Да, виноват! Прелюбодействовал! Неоднократно!

Анна. О, бедный Смитон! Вам обещали жизнь за эту ложь? Но вас обманут, как вы сейчас обманываете всех!

Смитон. Нет! Правда! Ваше величество, я вами овладел... насильно. Вы не виноваты! Лишь только мой неукротимый нрав... Я повалил вас, заломил вам руки... Вы сопротивлялись... потом сдались...

Генрих (вскочив с кресла). Мерзавец! Тебе придется это доказать! Когда и где?! (Надвигается на Смитона.)

Смитон (дрожа от страха). Ваше величество... Все – в протоколе. По-моему, в Йорке!..

Генрих. Ложь! Не мог ты спать с ней в Йорке! Там спал с ней я.

Смитон. Ну, значит, в Виндзоре!

Генрих. И снова – ложь! Я в Виндзоре на шаг не отпускал ее... Там был медовый месяц!.. Подлец! Спасаешь жизнь? Но ты – приговорен! И казнь сейчас свершится! (Замахивается на Смитона.)

Анна. Не смей! Желаешь казни, Генрих? Тогда казни себя!.. Да! Смитон правду говорит: спала с ним! И с Норрисом! С Уайетом! С другими!

Генрих (в ужасе). Анна... Замолчи!

Анна. Тебе придется слушать!.. Каков был суд – таков и приговор. Со мною спали все... И даже сам судья, лорд Норфолк!

Норфолк. Я?!

Анна. Да, дядя! Вы меня растлили еще ребенком... Вот почему я стала такой распущенной! Могла ли после этого хранить я верность королю?

Норфолк. Неправда! Нет! Мне плохо... (Стонет.)

Генрих. Ты лжешь! Клянись на Библии! Пред Богом!

Анна. А где здесь Бог? Здесь властвует король. Или себя назначил ты главою церкви и Всевышним? Но сам – лишь жалкий мнительный мужчина. И до конца дней будешь мучаться теперь в сомнениях! Я все сказала.

Норфолк (вдруг издает какой-то странный, почти звериный вой). У! У! У!..

Кромвель. Что с вами, лорд?..

Норфолк (воет). У! У... мира... ю... (Валится на стол. Кромвель подскакивает к нему, щупает пульс.)

Кромвель. Его хватил удар... Врача! (В зал.) Милорды! Ввиду отсутствия судьи суд должен быть отложен. Перерыв!

Затемнение.

Сначала удары молотка – это в глубине сцены сколачивается помост эшафота. Затем к ним добавляются странные звуки, напоминающие рычание и вой зверей. На переднем плане высвечивается Генрих с лютней в руках. Рядом с ним – Музыкант.

Генрих (отрешенно, как бы ни к кому не обращаясь). Тигры!

Музыкант. Р-Х-Р-Р! (Подражает тигриному рыку.)

Генрих. Олени!

Музыкант. Й-О-У! У-О-У! (Трубный звук.)

Генрих. Волки!

Музыкант. У-У-У!!

Генрих (подражая волчьему вою). У-У-У!

Музыкант. Глубже выдох. Звук изнутри... Так плакала волчица, когда убили волка-мужа... У-У-У!

Генрих. У-У-У!

Генрих. У-У-У!

Вой переходит в странную мелодию. Появляются Кромвель, Экономка, Слуга. Некоторое время наблюдают за королем и музыкантом.

Кромвель (дождавшись паузы). Ваше величество, вы палача желали видеть? Вот он! (Слуга делает шаг вперед, кланяется.) Он – из простых людей. И верен королю. Рука не дрогнет!

Слуга надел маску.

Генрих (не поворачивая головы). Кашалоты!

Музыкант. АХ-М! АХ-ММ! (Короткий ухающий звук.)

Кромвель (невозмутимо). Хотел бы ознакомить вас с порядком церемонии: сначала собирается толпа, потом приходит стража, потом – вся свита... Наконец – король! Тюремщики выводят леди Анну! (Делает жест Экономке, та продолжает рассказ.)

Экономка. Она одета в белую рубаху... Холщовую. С открытым воротом. Без украшений... Босая!.. Ее ведут мимо толпы. Толпа, как водится, кричит и негодует!..

Генрих. Гиены!

Музыкант. Й-ЕХ-Х! Й-Е-ХХ!

Генрих (подхватив звук). Й-Е-ХХ!

Экономка. Бедняжка тихо входит на помост. Целует крест и молится. Затем, согнув колено, кладет на плаху голову... (Преклонила колени, показывает.) Палач топор заносит!

Кромвель. И тут, ваше величество, – ваш жест! (Показывает.) Вот так, рукой! Все сразу остановлено. Звучат фанфары! Глашатай зачитает акт помилования. Счастливый крик толпы... Тут леди Анна встанет на колени и благодарственную речь произнесет во славу короля...

Генрих. Й-ЕХХ!

Кромвель (невозмутимо продолжает). Она так обещала...

Входит Вулси.

Генрих (заметив его). Сова! УХ-УХ!! (Ухает, таращит глаза.)

Кромвель и Вулси многозначительно переглядываются.

Вулси. Ваше величество, я был у леди Анны. Я исповедовал несчастную...

Кромвель (тихо). Узнали что-то новое?

Вулси. Быть может...

Кромвель. Что именно? Есть новые грехи?

Вулси. Есть тайна исповеди, Кромвель. Она священна! (Вытирает глаза.)

Кромвель. Вы плачете?

Вулси. Не думаю... Я слишком зачерствел за годы верного служения престолу. Нет, это – просто дождь... Несчастную оплакивает небо.

Генрих. Чайки! У-А-А! У-А-А!

Музыкант (подхватывает крик). У-А-А-А!

Вулси (отвел Кромвеля в сторону). Его величество весьма расстроен в чувствах. Боюсь, что зрелище жестокой казни совсем его погубит. Быть может, отменить?

Кромвель. Поздно! Народ уже собрался и ждет возмездия.

Вулси. Но наш король сейчас не может отвечать за правильность своих поступков. А вдруг, забывшись, он не остановит казнь?

Кромвель. На все есть Божий промысел, людскому пониманью не доступный!

Вулси (зло). Не всегда! И вашу виселицу, Кромвель, уже сейчас предугадать несложно!

Генрих (радостно). Шакалы! Й-ЯА! Й-ЯАА!

Музыкант. Й-Я-А-А!

Кромвель (Генриху). Ваше величество, вам надо отдохнуть... от государственных забот. Опасно такое напряженье сил. Мне думается, ласка женщины вас сможет успокоить. (Делает знак. Появляется Джейн Сеймур, почтительно склоняется перед королем.) Генрих (обрадованно). Кукушечка? Ку-ку!

Музыкант. Ку-ку!

Генрих (Сеймур). Спой нам, кукушечка! Иль ты сорока? Тогда трещи! ТРАК-ТР-РАК!

Сеймур (испуганно Кромвелю). Что с ним? Мне страшно!

Кромвель (тихо). Не перечьте королю! И выполняйте все, что он попросит.

Сеймур. Но что должна я делать? (Жалобно.) Т-рр-ак! Т-рр-ак!

Генрих. Какой ужасный звук! Он всю мелодию разрушит. Ты вслушайся, сорока! (Издает звук на лютне.) Повтори!

Сеймур (пытается повторить). Ля-ля-ля...

Генрих (гневно). Не так! Еще раз! (Играет на лютне.) Повторяй!

Неожиданно высокий женский голос подхватывает ноту. В глубине сцены появляется Анна. Она – в черном торжественном королевском платье.

Кромвель (Вулси). Вы привели ее сюда?

Вулси. Молчите, Кромвель! Надо сердца не иметь, чтобы не дать им попрощаться.

Кромвель. Ответите перед судом!

Вулси. А вас, надеюсь я, повесят без суда!

Кромвель (злобно). Проклятая сова! (Дразнит.) УХ-Х! У-ХХ!

Вулси. Презренный ворон! КАР-Р!

Кромвель. УХ-Х! УХ-Х!

Вулси. КАР-Р! КАР-Р!

Генрих и Музыкант. УХ-Х! КАР-Р! УХ-Х!

Музыкант. Все подключились! Все! УХ-Х! КАР-Р! ТРАК-Р-РАК!

Все присутствующие, точно обезумев, носятся по сцене, издавая птичьи крики. Генрих самозабвенно дирижирует.

Генрих (останавливая крики). Теперь все улетели!

Участники странного птичьего хора поспешно удаляются.

(Смотрит на Анну с улыбкой.) Синичка? Фьють! Фьють!

Анна (смеясь). ФЬЮТЬ-ФЬЮТЬ! (Насвистывает.)

Оба смеются.

Генрих. Удивлена?

Анна. Нет. Меня предупредили, что ты “сошел с ума от горя”...

Генрих. Тебе приятен этот мой подарок?

Анна. Он, как всегда, изыскан. Я благодарю! Не заиграйся только... В безумии есть грань. Ее переступи – обратно не вернуться!

Генрих. Обратно? А зачем? Мне хорошо и тут... Знаешь, Анна, я здесь придумал музыку, какую еще никто не слышал. Быть может, только те, чей ум зашел за разум... Я решил собрать все крики птиц, зверей и рыб... И шум деревьев! И вулканов рокот... Все это я в бреду соединил в одну мелодию! Послушай! (Заиграл на виоле.) Анна. Звук топора там тоже прозвучит?

Генрих. Не думал... Да. Возможно... Под финал...

Анна. Пред тем, как закричит толпа от ужаса?

Генрих. Скорей от ликованья... Король тебя помилует!

Анна. И что потом?

Генрих. Тебя сошлют на дальний остров... Там будешь в замке жить и ждать меня. Недолго! Нас, безумных королей, лишают трона быстро! Вот сниму корону, и заживем, как добрая семья. Как Ева и Адам. Никем не властвуя! Лишь подчиняясь Богу, природе и своей любви! Ты хочешь жить в раю?

Анна. Конечно, милый! Но вот, боюсь, не пустят за грехи... Как и тебя! Я слышала: на завтра назначено твое венчанье с Джейн Сеймур?

Генрих (недовольно). Что за страна? Здесь даже и в тюрьму доходят сплетни... Да! Назначено! На завтра! Так нужно! Разве это не свидетельство безумства моего?

Анна. Все говорят: она беременна?

Генрих. Не знаю.

Анна (с улыбкой). Обманывать меня не можешь... Как и себя! Теперь ты будешь ждать рождение ребенка, чтобы понять, кому отдать корону. Нет, Генрих, нам не жить в раю! В безумном государстве король имеет право быть безумцем. И подданные будут его славить и любить! Ты звал меня не в жены, а на трон! Я согласилась лишь на это. Позволь же мне уйти, как королеве. Не босиком и не в срамной рубахе... И если ты меня хоть каплю ценишь, не унижай прощением за то, в чем, знаешь сам, я невиновна.

Генрих. Но я еще люблю тебя!

Анна. Вот это докажи моею казнью! Иначе кто тебе поверит? Ты мертвую меня любить еще сильнее станешь! И значит, наша дочь взойдет на трон! Елизавета станет Первой!!!

Генрих (в отчаянии обхватил голову руками, завыл). У-У-У!

Анна (откликнулась). У-У-У!

Музыкант подхватил этот звук. Зазвучала мелодия. Вскоре к ней добавился звон колоколов.

Анна. Пойдем, любимый! Что должно свершиться, то свершится... Историю назад не повернуть... Противиться бессмысленно! И надо лишь любовью помогать тому, что неизбежно... Говорят, сэр Томас Мор, всходя на плаху, заметил палачу: “Мне помоги, дружок, сюда подняться, а дальше вверх я уже сам уйду!..”

Протягивает руку Генриху. Вдвоем они начинают медленно двигаться к эшафоту. Появляются все участники спектакля. Слышны крики и стоны зверей, щебетанье птиц. Все это сливается в торжественную и печальную музыку.

Занавес

Февраль-апрель 1995 г.

Поминальная молитва

Пьеса в двух частях по мотивам произведений Шолом-Алейхема

Действующие лица

Тевье – молочник.

Голда – его жена.

Цейтл

Годл

Хава – их дочери.

Шпринца

Бейлке

Мотл – портной.

Перчик – студент.

Федор – писарь.

Менахем-Мендл – родственник Тевье, человек без определенных занятий.

Степан – плотник.

Лейзер-Волф – мясник.

Ребе.

Поп.

Урядник.

Войцек – трактирщик.

Девушка.

Мать Менахема.

Мужики, гости на свадьбе, оркестранты, соседи.

Действие происходит в начале XX века в деревне Анатовка.

“...На моей могиле в каждую годовщину моей смерти пусть оставшийся мой единственный сын, а также мои зятья, если пожелают, читают по мне поминальную молитву.

А если читать молитву у них не будет особого желания, либо время не позволит, либо это будет против их религиозных убеждений, то они могут ограничиться тем, что будут собираться вместе с моими дочерьми, внуками и просто добрыми друзьями и будут читать это мое завещание, а также выберут какой-нибудь рассказ из моих самых веселых рассказов и прочитают вслух на любом понятном им языке.

И пусть мое имя будет ими помянуто лучше со смехом, нежели вообще не помянуто...”

Шолом-Алейхем (из “Завещания”)

1915 г.

Часть первая

Пролог

На сцене – все участники спектакля. В центре – артист, исполняющий роль Тевье. Говорит, обращаясь непосредственно в зал.

Артист-Тевье. В деревне Анатовка с давних пор жили русские, украинцы и евреи. Жили вместе, работали вместе, только умирать ходили каждый на свое кладбище... Таков обычай!

Здороваясь, русские снимали шапки. Евреи шапок не снимали никогда!.. Обычай!

Крик петуха. Стали высвечиваться крыши домов Анатовки. Часть актеров надели картузы. Послышался колокольный перезвон. Часть актеров перекрестились.

У русских был поп. У евреев – ребе. Мудрые люди, между прочим... Знали ответы на все вопросы...

Один из артистов (обращаясь к попу). Батюшка, отчего петух по утрам поет?

Поп. Так ему Бог повелел, сын мой.

Один из артистов. Батюшка, а вот что раньше было: курица или яйцо?

Поп. А раньше, голубчик, все было...

Второй артист (обращаясь к ребе). Ребе, а почему курица не летает?

Ребе. Так ей Бог повелел!

Второй артист. Ребе, а вот почему петух стоит на одной ноге?

Ребе. Не морочь голову... Потому что если он и эту ногу уберет, то наверняка свалится...

Актер-Тевье (в зал). Умные люди были, дай Бог им здоровья. А еще в деревне был урядник. Один на всех! Потому что вера у людей может быть

разная, а власть – одна!..

Появляется Урядник с гусем.

Урядник. Мужики! Чей гусак без присмотра бегает: православный али иудейский?

Все задумчиво рассматривают гусака, чешут затылки.

Один из артистов. Та вроде наш...

Второй. А може, и наш...

Урядник (с угрозой). А коли хорошо подумать, мужики?

Первый и второй (вместе). Наверное, ваш, ваше благородие...

Урядник. О! Це дило! А я, дурак, гадаю: чей гусак? (Свернул гусаку шею, ушел.)

Актер-Тевье. Справедливый был человек... А еще в деревне жили Степан-плотник, Мотеле-портной, Федька-писарь и молочник Тевье-Тевль. Евреи звали его Тевье, русские – Тевлем. И было у него пять дочерей, две коровы и одна лошадь, такая старая, что могла везти телегу только с горы. А когда дорога шла на подъем, Тевье-Тевль впрягался в телегу сам. (Впрягается в телегу.) И тогда он даже снимал шапку, чтоб не липла к волосам, и со стороны уже было трудно понять, кто идет – иудей или православный. Да и, честно сказать, какая разница, если человек беден и из последних сил тащит свой воз...

Тихо зазвучала музыка. Все разошлись, оставив на сцене Тевье, который отчаянно тянул телегу и что-то бормотал себе под нос.

Картина первая

Ржанье коня. Тевье тащит телегу.

Тевье (поднял лицо к небу). Боже милосердный, всех кормящий и насыщающий! Если Ты создал человека человеком, а лошадь лошадью, то разве справедливо, что человек тянет оглобли, а эта холера плетется сзади и ржет? Знаю, что ответишь: “Не ропщи, ибо путь каждого записан в Книге

Судеб...” Это так! Но важно, на какой странице... Я к тому, что если Тебе было угодно создавать сперва бедных, а потом богатых, то я был готов встать во вторую очередь... Мне не к спеху! Как говорится, лучше последним на свадьбе, чем первым на похоронах... И кому было б плохо, если б я был богат? Не сказано ли в Писании: “Рука дающего да не оскудеет”?.. Тобою данное. Тебе бы и вернулось... Короче! Я бы отдал половину денег молящимся, половину – кладбищенским нищим. И только последнюю половину взял бы себе... И то сказать, не себе – дочкам на приданое. Ну, еще жене на платье... Коровам на сено... Лошади на овес... (Ржанье коня.)...Вот! Самому-то мне ничего не надо... На тарелку супа и хлеб всегда заработаю, а больше – зачем? Сказано мудрыми: “И богатые червонцы не глотают, и бедные камни не едят...” И будь я хоть трижды богач Ротшильд, все равно ходил бы в этом рваном камзоле и старых сапогах... Не доить же коров во фраке?.. (Ржанье коня.)...Лошадь смеется... (Оглянулся.) Нет, коняка, хорош бы был Ротшильд, если бы вышел запрягать тебя в цилиндре и лаковых штиблетах. Да еще гаркнул по-французски: “Цыц! Холера на твою голову!” (Задумался.) А как же будет по-французски “Цыц, холера”?! Не знаю. Поэтому все в мире правильно... Ротшильд – это Ротшильд, Тевье – Тевье, а лошадь – лошадь! И сказано в Писании: “Не по своей воле живет человек!” (Улыбнулся.) Впрочем, Боже, что я толкую Тебе о Святом Писании?.. Кто из нас читал, а кто диктовал?..

В конце монолога на дороге появился Перчик, молодой человек в студенческой фуражке и со связкой книг в руках. Несколько секунд с улыбкой наблюдал за Тевье.

Перчик. Между прочим, “цыц” будет “цыц”!

Тевье (оглянулся). Вы это кому, молодой человек?

Перчик. Никому! Просто говорю: и по-французски “цыц” будет “цыц”. А “холера” – “холера”.

Тевье. Вот как? Интересно. Не каждый день встретишь на дороге образованного человека. Откуда шагает такой умный паренек?

Перчик. Паренек шагает издалека.

Тевье. Вижу по башмакам. А если по фуражечке, то, наверное, из самого Киева?

Перчик. Верно, реб Тевье.

Тевье. А если и меня по имени знаете, стало быть, родом из здешних мест?

Перчик. Родом, реб Тевье, я из той деревни, где много вопросов задают и вопросом на вопрос отвечают.

Тевье. Значит, наш... Из Анатовки. Я и смотрю: лицо знакомое. Не иначе, думаю, отца паренька знал.

Перчик. Знали, реб Тевье.

Тевье. Кто ж таков? Чем занимался?

Перчик. Отец говорил: дело мое – табак, деньги – дым!..

Тевье. Перчик-папиросник? Как же, как же... Хороший был человек, царство ему небесное. Сам не курил и другим не советовал... Оттого и по миру пошел со своей табачной лавкой. Но вижу, кое-что оставил, раз сын в университетах учится.

Перчик. На “кое-что” не проживешь... Поэтому иду в деревню подработать.

Тевье. Хорошее дело. В Писании сказано: “Всяк своим трудом кормится”... Только, смотрю, для деревенского труда не очень ты годен. Руки гладкие...

Перчик. Зато язык в мозолях. Им и прокормлюсь. Учительствовать буду... Детей учить... У вас есть дети?

Тевье. Этим богатством Бог не обидел. Пятеро.

Перчик. Ну вот и возьмите. Много не попрошу: харчи да ночлег.

Тевье (замялся). Харчей не жалко. Лишняя тарелка стол не перевернет. А вот ночлег... Тут подумать надо. Дочки у меня! Три – на выданье... Пусти козла в огород – он зараз научит капусту крошиться.

Перчик. Мудрый вы человек, реб Тевье. Без приговорки слова не скажете... Только ведь и я анатовский... Закон знаю: “Вошел в чужой дом – садись, где стул поставят...”

Появился Урядник.

Урядник (приветливо). Здорово, Тевль!

Тевье. Здравия желаю, ваше благородие.

Урядник. Опять на тебе телега едет?

Тевье. Лошадь попросила – субботу справлять. (Урядник хохотнул.) Да и то сказать: не велика тяжесть. Господин урядник на себе всю деревню везет – и не жалуется...

Урядник. О, це верно! (Захохотал.) Люблю я тебя, Тевль. Веселый ты человек! Ну, как дела? Как коммерция?

Тевье. Врагам моим такую коммерцию. Заказали дачники сыр, творог, повез им с утра, а они еще вчера в город уехали. Час в ворота стучал, пока кобель не выскочил...

Урядник. Кобель, говоришь? Ну дела. (Захохотал, но тут же стал серьезным.) Кстати. Напомнил... У меня ж тоже незадача вышла. Посылает меня с утра жинка до тебе... “Сходи, – говорит, – до Тевля, купи две головки сыра...” Я вышел, полдороги прошел, сую руку в карман – денег нема! Возвертаюсь, говорю: “Жинка, а иде деньги?” А она: “Яки деньги? Ты, – говорит, – злодей, либо их потерял, либо пропил... Тащи сыр!” Ну что скажешь? Не дура ли баба?

Тевье. Что скажу? У меня та же история... Выехал – был полон бидон сметаны, а дорогой половина утряслась... Сейчас приеду – жена в крик: иде деньги? Нема денег. Иде сметана?

Урядник. Погоди, Тевль, погоди со сметаной... Я про сыр. Ты ж мою Оксану знаешь...

Тевье. А вы мою Голду будто нет?

Урядник. Моя начнет голосить – хоть святых выноси!

Тевье. Моя начнет – вашу не слышно будет.

Урядник. Ну, одно слово – бабы, ядри их корень!

Тевье. Я бы добавил что-нибудь из Писания, но лучше не скажешь!

Пауза.

Урядник. Ну, что делать будем, Тевль? Советуй.

Тевье. Я так скажу: не дам два сыра – ваша голосить будет, дам два сыра – моя. Дам один! Пусть обе голосят, холера им в бок!

Урядник. О, це верно! Хороший ты человек, Тевль, хотя и еврей.

Тевье. Кому-то надо быть евреем, ваше благородие. Уж лучше я, чем вы...

Урядник. Опять верно! (Захохотал, но вдруг посерьезнел, отвел Тевье в сторону.) А это что за хлопец?

Тевье. Студент из Киева.

Урядник. Вижу, что студент. А к нам зачем? Документ у него есть?

Тевье. Его документ на носу написан. Это сын Перчика-папиросника.

Урядник. Нам все едино: папиросник – не папиросник... Документ должен быть. У нас сообчение. В Киеве беспорядки. Эти студенты да жиды народ волнуют... (Перчику.) Хлопец, вы кто?

Перчик. Человек.

Урядник. Вижу, что не лошадь! А пачпорт у вас есть? Или вид на жительство?

Перчик (указал в сторону деревни). Вот он – мой вид на жительство. Там родился, там отец лежит...

Урядник. Смотрю, острый вы на язык...

Перчик. Фамилия такая – Перчик!

Урядник. А не угодно ли вам, сударь, с вашей фамилией пройти в участок?

Тевье. Погодите, ваше благородие...

Урядник. Не мешай, Тевль! Тут дело серьезное... Разберемся: кто таков, откуда идет, к кому...

Тевье. Ко мне идет. Девочек моих учить... Французскому!

Урядник. Это еще зачем?

Тевье. Как зачем? У меня девицы на выданье. Ну сам посуди, ваше благородие, посватается до меня богатый человек, даст Бог, сам Ротшильд, – на каком языке ему сказать “да”?

Урядник (недовольно). Ну смотри, Тевль! Головой за него отвечаешь.

Тевье. Двумя, ваше благородие. (Протягивает две головки сыра.)

Урядник. Нет, Тевль, одной! Как договорились... (Взял головку сыра, ушел.)

Перчик. Напрасно вы перед ним шапку ломаете, реб Тевье. Не те времена. В Киеве мы добились уже кое-каких прав. Городовой нам честь отдает и обращается как положено: “Господин студент!”

Тевье. Где Киев – где мы?.. Не сказано ли в Писании: “Всяко место – свой порядок!”

Перчик. Не знаю я таких слов. И порядок такой – не порядок! Порядок будет, когда восторжествует свобода и когда не станет ни бедных, ни богатых.

Тевье. А кто же будет?

Перчик. Равноправные люди...

Тевье. Во как! Хорошо! Ну, с бедными я договорюсь, а с богатыми – не уверен. Куда ж их богатство денется?

Перчик. Поделим на всех поровну.

Тевье. Умный вы человек, Перчик, многому, видно, в ниверситетах

научились... Только я вам так скажу: чужое поделить – не велика премудрость! Попробуй свое отдать...

Перчик. А чего у меня есть? Книжки? Пожалуйста! (Кинул книги в телегу.) Теперь они общие...

Тевье. Тогда и телега общая... Тащи!!

Перчик улыбнулся, впрягся вместе с Тевье в телегу. Вдвоем они с трудом сдвигают ее с места.

Ну, как тебе, Перчик, такая новая жизнь?

Перчик. Ничего, реб Тевье. (Кряхтит.) Главное – труд и свобода.

Тевье. Труд – это точно. А насчет свободы – свободной у нас осталась пока только лошадь... Мы – тащим!..

Тихо переговариваясь, увозят телегу.

Картина вторая

Дом Тевье. Предсубботняя суета. За столом – Голда и две девочки, младшие дочери, Бейлке и Шпринца, готовят тесто для пирогов. Чуть в сторонке Хава режет лук и читает книгу, лежащую у нее на коленях.

Голда (девочкам). Смотрите сюда! Вот так крутим, вот так – бьем! (Месит тесто.) Что говорит тесто? “Я готово!” Что говорит скалка? “А не прокатиться ли нам?” Поехали! (Раскатывает тесто скалкой.) Цок, цок, дрожки, едут по дорожке!!

Девочки (радостно). Цок! Цок!

Хава всхлипывает.

Голда. Хава, кончай резать лук. Обревелась!

Хава. Книжка грустная, мама.

Голда. Какая книжка, когда в руках нож? Думаешь, грамотные не режутся?.. Отложи! (Встает.) Отложи, тебе говорят!

Хава. Мам, ну оставь... На самом интересном месте...

Голда (забирая книгу). На самом интересном месте вернется отец, а у нас ничего не готово... Солнце садится!

Девочки. Цок, цок, дрожки! (Балуются скалкой.)

Голда. Хватит кататься! Приехали! (Отбирает скалку.) Бог мой, что вы тут натворили?

Входит старшая дочь Цейтл с охапкой дров.

А где Годл?

Цейтл. Ушла за водой.

Голда. Надеюсь, не к Черному морю? Уже час как нет...

Цейтл кладет дрова у печки, начинает ее разжигать. Входит Степан.

Степан. Здорово, соседи!

Голда (продолжая орудовать с тестом). Здравствуй, Степан.

Степан. Не вовремя?

Голда. Глаза есть – решай сам.

Степан. Голова трещит.

Голда. Степан, сразу говорю: в доме ни грамма.

Степан. Раскалывается башка... Ну хоть поворожи, Голда.

Голда. Степан, ты видишь, руки заняты... Суббота на носу.

Степан. К тому и говорю... Расхвораюсь – кто вам завтра коров доить будет?

Голда (перестала месить). Ох, горе мое... (Вытирает руки.) Садись на стул. (Дочери.) Хава, займись тестом...

Степан садится на стул, закрывает глаза. Голда встает сзади, простирает над ним руки, начинает что-то бормотать.

Хава. Дикость какая-то. В наш век – ворожба!

Степан. Цыц! Мать не учат!

Голда. Молчи, Степан. Думай о приятном... (Бормочет заклинание.) Цейтл, печь дымит...

Цейтл. Вижу... (Раздувает огонь.)

Степан (открыл глаза). Сырые-то потом кладут... Сперва щепочки...

Голда. Степан, думай о приятном... (Бормочет.)

Входит Годл с ведром воды.

Наконец-то... За смертью хорошо посылать.

Годл. Знаешь, мама, кого встретила? Менахем-Мендла... Родственника...

Голда. И что?

Годл. Сказал, что придет к нам...

Голда. Только его не хватало. Тебя зачем посылали: за водой или за родственником?

Степан (открыл глаза). Это какой Менахем?

Голда (с раздражением). Степан, не думай о нем. Думай о приятном...

Входит Менахем-Мендл, мужчина городского типа, в сюртуке и шляпе.

Менахем. Мир дому сему!

Голда. Спасибо на добром слове. Извините, у нас кавардак. Канун субботы.

Менахем. Все понимаю. А где Тевье?

Голда. Где бывают люди до заката? Работает.

Голда. Где бывают люди до заката? Работает.

Менахем. Все понимаю. Я тоже очень занят. (Садится.) Может быть, и хорошо, что его нет.

Голда. Извините, Менахем, не могу уделить вам минуты, лечу соседа. (Бормочет заклинание.)

Менахем. На здоровье. Он мне не мешает. (Закуривает сигару.) У вас не курят?

Голда. Теперь курят.

Менахем (взял из чашки изюм). Где вы берете такой крупный изюм?

Голда. Это вы берете, а мы покупаем.

Менахем. Резонно. Так вот, Голда, у меня к вам дело. Начну издалека... Как вы думаете, чем я сейчас промышляю?

Голда. Откуда знать бедной женщине, чем занимается такой удачливый коммерсант? Наверное, торгуете воздухом или прошлогодним снегом... Наверное, разбогатели... Видела как-то вашу жену. Глаза заплаканы... Наверное, от счастья...

Менахем. С такой женщиной говорить – надо сперва хорошо подпоясаться... Не буду издалека. Начну с середины. Да. Был я и страховым агентом, был и на Одесской бирже, был и в Киевском остроге... Но теперь – все! С прошлым покончено! Теперь у меня в руках настоящее дело... И оно будет интересно для вас. Я сват.

Голда (вздрогнув). Кто?

Девочки с любопытством уставились на Менахема.

Менахем. Я же говорил, вы заинтересуетесь. Я сват! С тем и пришел.

Голда (дочерям). А ну, дети, марш во двор!

Дочери робко выходят.

И не подслушивать! (Трогает Степана.) Степан! Голова прошла? (Степан

И не подслушивать. (Трогает Степана.) Степан! Голова прошла? (Степан храпит.)

Менахем. Бог с ним, он нам не мешает... Так вот, Голда, я вам расскажу, как стал сватом. Начну издалека...

Голда. Умоляю, Менахем, начните с ближнего края.

Менахем. Хорошо. Вообще-то, такой разговор надо бы начинать с хорошей закуски и рюмки водки...

Голда. Тише. Степан проснется... Умоляю, Менахем, говори...

Менахем. Хорошо. Так вот, Голда, после того как я вышел из острога, куда, как вы знаете, попал по недоразумению и по той же причине вышел, я поселился в Киеве на одной квартире... А у хозяйки был дядя-сват. Некто Лебельский – может быть, слышали?.. Всем сватам сват! Король! Половина всех счастливых браков – его работа... Если есть хоть одна невеста в Виннице, а один жених в Таганроге, он их найдет – и без промаха... дуплетом в угол...

Голда. Лебельский – это Лебельский. При чем здесь ты?

Менахем. При том, что он умер! (Голда вздрогнула.)...Что делать, мадам Голда! Такова жизнь. Человек что столяр... Столяр живет-живет и умирает, и человек тоже... Так вот! Лебельский уходит в лучший мир, а его пожитки переходят моей хозяйке... А хозяйка, надо вам сказать, имела ко мне симпатию! Что можно понять... Я всегда при бабочке и пахну хорошим табаком... Так вот она мне вдруг говорит: “Менахем, а не сгодится ли вам это?” (Достает пачку бумажек, напоминающую колоду карт.) Голда. Что это?

Менахем. Клад! Клондайк... Есть такое место в Америке, там золота – что у нас куриного помета... Называется это – на нашем “сватском” языке – “шпаргалы”... Тут все. Женихи, невесты, вдовы, вдовцы, бери сверху – не ошибешься... (Тасует колоду.) Например (читает): “Кишенев. Аптекарь Ефим Балясный. Не первый красавец, но еще ничего. Ежедневно молится. Имеет дом с видом. Хочет брюнетку”... Или (открывает вторую карту): “Проскуров. Арон Свидерский. Убежденный холостяк, но готов попробовать... Хочет образованную и чтоб играла на инструментах...” Или: “Вильна. Семен Мильдонис. При очках, но видит хорошо... Наполовину

немец. Ищет того же...” (Протягивает колоду.) Снимите карту, Голда!

Голда. Подождите, Менахем. Какое это к нам имеет касание? Где Вильна – где Анатовка?

Менахем. Голда, я похож на идиота? Нет! Этого даже мои враги не считают... Я знаю, что вы бы хотели местный материал... Снимите карту! (Голда нерешительно берет бумажку.) Читайте!

Голда. Я не умею.

Менахем. Тогда послушайте грамотного человека... “Анатовка. Мясник Лейзер-Волф. Вдовец при крепких деньгах. Ищет девушку из хорошей семьи”. Вот почему я приехал в эту богом забытую деревню. Я нашел ему в Бердичеве вариант, из хорошей семьи... Она, правда, чуть хромает, но в этом тоже есть шарм – не убежит на сторону... И вот я прихожу к нему, делаю предложение, а он мне говорит: “Менахем! Зачем далеко, когда есть близко?.. Если вы хотите устроить мое счастье, сосватайте мне дочку Тевье Цейтл. Я из-за нее не сплю ночей... Она приходит ко мне в лавку и уносит мое сердце...” Прошу обратить внимание: простой мясник, но выражается поэтично...

Голда. Да вы знаете, сколько ему лет?

Менахем. Что значит “сколько лет” для мужчины? Наши предки жили по пятьсот...

Голда. Пятьсот лет она с ним не выдержит. И потом, Тевье его не любит...

Менахем. Что значит “Тевье не любит”... Кому важны его чувства? Голда, вы хотите для дочки богатого мужа или нет?

Голда. Какая мать не хочет счастья дочери? И потом, она у меня старшая... Начинать надо с нее.

Менахем. Ну?

Голда. Тевье не захочет мясника. Тевье хочет образованного...

Менахем. Образованный в округе один я, но я уже женат. Поэтому не будем искать золото в кармане с дыркой... Пусть Тевье сходит к мяснику

будем искать золото в кармане с дыркой... Пусть Тевье сходит к мяснику. Тот его ждет для разговора... У мужчин это просто... Сядут за стол, посмотрят друг другу в глаза, нальют рюмку водки...

Степан (проснувшись). Что вы говорите – “сядут за стол”?

Голда (Менахему). Я же просила: тише! Ну как, Степан, прошло?

Степан (потрогал голову). Отпустило. Руки у тебя, Голда, золотые... Так что вы говорите – “за стол”?

Голда. Ничего не говорим! Все! Разговор кончен... У меня тесто в печи кричит... (Бросилась к печке.)

Открылась дверь, в дом заглянул Мотл. Он взволнован.

Мотл. Добрый день!

Голда (возясь у печки). Добрый день, Мотл.

Мотл. Реб Тевье еще не пришел?

Голда. Как видишь.

Мотл. У меня к нему разговор.

Голда. Слава богу, не ко мне. Мотл, умоляю, подожди во дворе, иначе мы останемся без ужина.

Мотл поспешно исчезает.

Менахем. Кто этот юноша?

Голда. Местный портняжка...

Менахем. Женат?

Голда. Кто за него пойдет? Ни кола ни двора...

Менахем. А в перспективе?

Голда. А в перспективе – больная мама...

Менахем. Жаль... У меня есть одна вдова в Житомире... Хочет молоденького...

Голда. Вы же его видели, Менахем. Есть у него силы на вдову?

Степан. Ну ладно... Я пойду, что ль?

Менахем. Степан, а ты женат?

Степан. А то как же!

Менахем. А дочери у тебя есть?

Степан. А то как же!

Менахем. Тогда у меня до тебя тоже есть разговор...

Менахем-Мендл и Степан уходят. Появляются дочери и Мотл, молча начинают расставлять стол. Цейтл отводит Голду в сторону.

Цейтл. Мама, зачем он приходил?

Голда. Я же просила: не подслушивать.

Цейтл. Так нельзя, мама... Я взрослый человек.

Голда. Девушка не должна этим хвастать, дочка...

Бросается к печи, достает противень с пирожками. Цейтл отводит в сторону Мотла.

Цейтл. Все точно... Это был сват... Ты сегодня же должен поговорить с отцом.

Мотл. Я как раз собирался...

Цейтл. Год собираешься...

Мотл. Но пойми: так не принято... Жених сам себя не предлагает!

Цейтл. Еще пара дней – и будет поздно... Если отец кому-то даст слово – все!

все!

Мотл. Я же говорю: сегодня... У меня есть повод... (Шепотом.) Я ему сшил пиджак!

Цейтл (испуганно). Мотл, это большой риск. Вдруг не подойдет...

Мотл. Подойдет! У меня верный глаз...

Цейтл. С чего ты взял?

Мотл. Раз я выбрал тебя...

Во дворе слышны голоса, фырканье лошади.

Голда. Явился наконец...

Хава. Да еще не один. С ним какой-то парень...

Голда. О господи! Не дом – проходной двор!

Достает из печи противень с пирожками. Входит улыбающийся Тевье, с ним – Перчик.

Тевье. Всем доброй субботы! Голда, у нас гость! Знакомьтесь: это моя жена, это мои дочери, а это... (Нерешительно смотрит на Мотла.)

Мотл. Я так... на минутку...

Тевье. Это Мотл. Он “так... на минутку...”. А это Перчик! Вы его, наверное, помните... Когда-то в детстве вместе играли. А теперь, дети, он будет вас учить. И не чему-нибудь, а французскому... Перчик, скажите что-нибудь людям на известном вам языке...

Перчик. Бонсуар, медам энд месье... Же сюи тре оре ву вуар...

Тевье (восторженно). А?! Почище соловья... Вся деревня лопнет от зависти...

Голда (ставит на табуретку таз, берет кувшин с водой). Остынь, Тевье, остынь... Умой лицо и заодно голову...

Тевье. Все переодеваются... Справляем субботу!

Все расходятся. Тевье, фыркая, моется над тазом.

Голда (тихо). С ума сошел? Приводить в дом мужчину.

Тевье. Он местный, он знает закон...

Голда. Мужчина есть мужчина. Он за себя не ручается...

Тевье. Голда, тихо! Я ему сказал “да”, мое слово – все!

Вытирается, надевает чистую белую рубаху.

Голда. Сегодня приходил человек от мясника Лейзера, просил, чтоб ты зашел для разговора...

Тевье. Знаю я его разговор. Хочет купить мою бурую корову. Не дам!

Голда. Он не сказал про корову. Он сказал: зайти для важного дела.

Тевье. Знаю его дела! Купить задешево, убить запросто, продать задорого... Не дам!

Голда. Тевье...

Тевье (строго). Голда! Я сказал!

Подходит Мотл со свертком под мышкой.

Мотл. Реб Тевье, у меня к вам тоже разговор...

Тевье. Не сейчас, Мотл. С разговорами мы не доберемся до стола. Солнце село, а я еще не одет.

Мотл. Я к тому и говорю... (Разворачивает сверток.) Вот. Это для вас.

Тевье. Что это?

Мотл. Пиджак.

Тевье. Мотл, я не заказывал

Тевье. Мотл, я не заказывал...

Мотл. Это сюрприз. Первый сюрприз. Второй скажу, когда примерите...

Голда. Он же из разных кусков, Мотл.

Мотл. Голда, я бедный портной. У меня нет денег на дорогое сукно... Но я пустил в дело лучшие лоскуты. Наденьте, реб Тевье..

Тевье с трудом влезает в пиджак. Тот ему явно мал.

Мотл. Живот... Живот втяните, реб Тевье... (С трудом застегивает пуговицу.)

Тевье (тяжело дыша). Ну как?

Голда. Что ты меня спрашиваешь? Человек старался, значит – спасибо...

Мотл. А по-моему, хорошо... Рукава потом чуть надставлю... А теперь, реб Тевье, второй сюрприз... Только я хочу, чтоб сперва собрались все. Вся ваша семья!

Тевье (хрипит). Говори скорее, Мотл. Я же застегнут...

Мотл. Все! Все сюда...

Входят дочери и Перчик.

Послушайте меня. Я хочу сказать вашему отцу важное слово...

Тевье (хрипит). Говори же, холера тебя подери!

Мотл (страшно волнуясь). Реб Тевье... Голда... Я простой человек. Я бедный человек... Я...

Треск. Пиджак лопнул по швам.

Тевье. Я предупреждал...

Мотл (в отчаянии). Я несчастный человек. Если у портного нет денег даже на хорошие нитки – он не портной... Ему лучше вообще не жить... (Бросается к выходу, Цейтл останавливает его.)

Цейтл (в отчаянии). Папа! Мама! Так же нельзя... Он старался... Останься, Мотл!

Тевье. Конечно, конечно... (Успокаивает Мотла.)...Ну, ты мужчина или кто? Будем считать, что это жилетка... Не все сразу! Сказано в Писании: “И Бог создал все сущее не за один день...”

Мотл. Когда я куплю швейную машинку...

Тевье. Тогда и поговорим... Все! А сейчас – за стол. У нас суббота или нет?.. Женщины, отойдите, я должен помолиться.

Покрывает голову, начинает тихо молиться. К нему подходит Голда.

Голда. Тевье...

Тевье. Я сказал: женщинам отойти!

Голда. Но я же не досказала... Это важно. (Тевье тихо молится.) Приходила бабушка...

Тевье. Чья?

Голда. Моя.

Тевье (вздрогнув). У тебя жар, Голда? Бабушка умерла двадцать лет назад...

Голда. Поэтому и говорю: важно! Она пришла ко мне во сне...

Тевье. Тьфу! Уйди, женщина...

Голда. Послушай, это знак! Она пришла и сказала: пусть Тевье завтра же сходит к мяснику Лейзеру...

Тевье (взбешен). Твоя бабушка – дура, а ты – в нее...

Голда. Это грех, Тевье. А такие слова в канун субботы – грех вдвойне! Если бабушка пришла с того света, значит, это знак!

Тевье (поднял руки к небу). Скажи, тебе нужна такая молитва? Это же базар, а не молитва! (Заорал.) Все к столу! Зажечь свечи! И никаких разговоров, кроме как с Богом!

Все встают вокруг стола. Зажигают свечи. Звучит музыка. Все тихо поют песню субботы: “Всемогущий Господь! Спаси нас и сохрани! Убереги от напастей и болезней! Да пребудет мир в нашем доме!” С краю сцены появляется Степан с доской и рубанком.

Степан. Половина Анатовки справляла субботу, половина – воскресенье! Одни думали, что Бог отдыхал на шестой день, другие – на седьмой... А я думаю, Бог никогда не отдыхал... У Бога столько делов – не переделать!

Стругает доску. Песня усиливается.

Затемнение.

Картина третья

Трактир. Несколько посетителей – за разными столиками. Чуть в стороне – писарь Федя с газетой. На возвышении – небольшой оркестрик. За стойкой – Трактирщик. Входит Менахем-Мендл, одет торжественно. Подходит к стойке.

Менахем. День добрый, Войцек.

Трактирщик. День добрый, пан Менахем.

Менахем. Войцек, нужен столик с краю для важного разговора. Бутылку хорошей водки, пару рюмок, букет цветов... И еще заказ музыкантам: играть тихо, для настроения...

Трактирщик. Все будет исполнено... (Подводит Менахема к одному из столиков.) Вот здесь удобно?

Менахем. Хорошо. Цветы дашь свежие, а не со вчерашних.

Трактирщик. Разумеется! Я чувствую, у пана завелись наконец денежки...

Менахем. Имеем задаток. Но если дело выгорит, будешь с процентами... Заказ запишешь на счет мясника Лейзера... Больше ни о чем не спрашивай

– тайна!

Трактирщик. Конечно, пан Менахем. Тайна так тайна! Только рюмки надо ставить большие. Тевье из наперстков не пьет...

Менахем. Невозможно делать дела в деревне... Все все знают! (Трактирщик уходит. Менахем подходит к Феде.) Здравствуй, Федор.

Федя. Здравствуйте.

Менахем. Что пишут в газетах?

Федя. Ничего хорошего... Холера в Одессе, погром в Кишиневе.

Менахем. Поэтому я их и не покупаю. Надо иметь стальные нервы, чтобы еще платить за эти новости. Про Анатовку ничего?

Федя. Слава богу, нет.

Менахем. Тогда будем жить как жили... Послушай, Федор, у меня дело. Вы ведь у нас главный книжник, все про все читали... У вас нет на памяти какой-нибудь красивой истории, как старик полюбил молодую?

Федя. Зачем это вам?

Менахем. Федор, вы, слава богу, не еврей и не учитесь у нас дурному. Не отвечайте вопросом!

Федя. Отелло был в возрасте... Гетман Мазепа.

Менахем. О! Берем гетмана... Это нам ближе... И шо он ей говорил?

Федя. Погодите... Вспомню... (Цитирует.)

Нет! Не мгновенными страстями

Пылает сердце старика,

Окаменелое годами,

Упорно, медленно оно

В огне любви раскалено.

Но поздний жар уж не остынет

И с жизнью лишь его покинет...

Менахем. Дай бог здоровья вам и тому, кто сочинил... Вот вам фотка. (Протягивает фотографию.) Вы этого человека знаете...

Федя. Лейзер-мясник!

Менахем. Тихо! Не кричите! Не Лейзер-мясник, а Лейзер-жених! Напишите ему тут эти Мазепины слова... Красивым почерком!.. Папа невесты уважает стихи...

Федя (испуганно). Вы говорите о Тевле-молочнике?

Менахем. Да. А что?

Федя. Мясник сватает дочь Тевля?

Менахем. Что вы так разволновались?! У вас интерес?

Федя (вскочил). Да говорите же!

Менахем. Тихо, юноша! Он сватает старшую... Цейтл. В чем проблема?

Федя (обрадованно). Тогда ни в чем! Тогда напишу...

Менахем. Имеете виды на другую?.. Сочувствую, юноша. Здесь это не принято... “Птица с рыбой гнезда не вьют!”...

Появился Лейзер-мясник. Он в строгом нарядном сюртуке. Менахем поспешно бросается ему навстречу.

Реб Лейзер! Прошу! Все готово! (Подводит его к столику.) Здесь вам не помешают.

Лейзер. Слушай, Менахем, что-то я нервничаю. (Указывая на цветы.) К чему весь этот цирлих-манирлих? Я человек простой. Да – да. Нет – нет. Согласен – ударили по рукам! Не согласен – повернись спиной, и зад в зад

– кто дальше прыгнет!

Менахем (поморщился). Стоп! Реб Лейзер, это не разговор. Мы не в лавке... Дело тонкое... Вы первый раз женитесь во второй, поэтому слушайте меня... Беседа с папой – это отдельный случай! Начинайте издалека, потихоньку... Вы не в том возрасте, чтобы гнать лошадей...

Лейзер. При чем здесь возраст? У меня еще все как у молодого... (Характерный жест.)

Менахем (поморщился). Это все покажете невесте. Папе нужно другое. Папе нужна обходительность...

Появился Тевье.

Я отсяду, меня нет, но если что – я здесь!

Отсаживается за другой столик.

Трактирщик. Вечер добрый, пан Тевье! Проходите, вас ждут...

Тевье (тихо, Трактирщику). Хочет купить мою бурую корову. Шиш ему!

Трактирщик (подмигнул). Все понимаю... Тайна есть тайна!

Тевье подходит к столику, где сидит Лейзер. Трактирщик делает знак музыкантам, те начинают играть лирическую мелодию.

Лейзер. Вечер добрый, реб Тевье.

Тевье. Вечер добрый, реб Лейзер.

Лейзер. Не выпьете ли со мной рюмку?

Тевье. Не хочу огорчать вас отказом. (Садится.)

Лейзер (наливая). Ну, как дела? Как вообще?.. То... да се?..

Тевье. Слава богу, и “то” хорошо, и “се” не лучше. Трудимся помаленьку... Не сказано ли в Мудрой книге: “И в поте лица добудешь хлеб свой...”

Лейзер. И то верно. Тогда выпьем, как говорится, за жизнь... Лехаем!

Лейзер. И то верно. Тогда выпьем, как говорится, за жизнь... Лехаем!

Тевье. Лехаем!

Выпили.

Лейзер. Ну вот... А что вообще слышно?.. Что вы скажете, к примеру, за англо-бурскую войну?

Тевье. Не хочу вас расстраивать, реб Лейзер, но она уже пять лет как кончилась...

Лейзер. Да?! Тогда еще выпьем!

Тевье. Почему бы нет?

Выпили.

Лейзер (решительно). Реб Тевье, я человек простой. Вы тоже не из графьев, хотя и знаете грамоте... Зачем же нам кружить, как муха у окна, когда есть форточка? Короче! Вы, наверное, уже смекнули, зачем я вас позвал?

Тевье. Да, реб Лейзер. И хоть я выпил вашу водку, прямо скажу: нет!

Лейзер. Прямо спрошу: почему?

Тевье. Живое существо, реб Лейзер. Душа за нее болит.

Лейзер. Но всему есть срок. Приходит возраст – надо отдавать!

Тевье. Куда спешить? Река еще не загорелась...

Лейзер. Реб Тевье, что за нежности при нашей бедности? У вас, слава богу, она не одна... Есть еще!

Тевье. Тут только начни. Возьмете одну – захотите другую.

Лейзер. Что мне делать с двумя?

Тевье. Да то же, что и с одной... Я вас не первый день знаю.

Лейзер (растерян). Стоп, реб Тевье! Я должен пройтись, обдумать ваши

слова... (Встает, подходит к столику, за которым сидит Менахем.) Слушай, Менахем, он не в себе... Предлагает мне двух!

Менахем (обдумав услышанное). Тонкий маневр... Не соглашайтесь! Настаивайте на одной...

Лейзер возвращается к столику Тевье.

Лейзер. Реб Тевье, разговор не получается, начнем сначала.

Тевье. С англо-бурской войны?

Лейзер. Нет. С “лехаем”!

Налили рюмки, выпили.

Реб Тевье, вы знаете, я человек простой, но обеспеченный. Слава богу, в доме все есть, в подвале – тоже... Только здесь пусто. (Показал на сердце.) Приходишь вечером домой, ложишься в чистую постель, гасишь свечу – и такое одиночество... (Всхлипывает.) Реб Тевье... У меня подушка к утру сырая...

Тевье (озадачен). Ну и чем здесь может помочь бурая корова?

Лейзер (вздрогнул). Вы называете ее “коровой”?

Тевье. А как я ее должен называть?!

Лейзер. Стоп! Я должен пройтись, обдумать ваши слова... (Встает, подходит к столику Менахема.) Менахем! Он говорит, что она – корова.

Менахем (обдумав услышанное). Сколько выпили?

Лейзер. Почти бутылку.

Менахем. Мало. Закажите еще... (Делает знак Трактирщику.) Попробуем вместе! (Берет Лейзера под руку, направляется к Тевье, по дороге забирает у Федора фотографию.) Реб Тевье! Я краем уха слышал ваш разговор и попробую внести ясность... Понимаю, что вас беспокоит... Полюбит ли она его? Как специалист, скажу: живое существо способно на все!.. Вот портрет нашего Лейзера... Вот слова, от которых растает любое сердце...

Передайте это ей...

Тевье (обалдело). Зачем?

Менахем. Пусть держит перед глазами.

Тевье. В хлеву? (Решительно встал.) Вы тут совсем сбрендили... Зачем ей портрет Лейзера? У нее же молоко скиснет!

Направился к выходу.

Лейзер. Стоп!

Менахем. Стоп!

Лейзер. Отойдите, Менахем, от вас одна неразбериха... Реб Тевье, скажите всем: о чем мы говорим?

Тевье. Ясно о чем. О моей бурой корове...

Лейзер. О корове? (Хохочет.) Вы слышали, люди?.. Я говорил о вашей дочери Цейтл...

Тевье (помрачнел). О моей дочери?

Менахем (подскочил к Тевье). Ну конечно... Все просто... Он – жених, я – сват... Вы – счастливый отец... (Зашептал.) Реб Тевье, я ваш родственник и зла не пожелаю... Это выигрыш в лотерею. (Сует фотографию.)...Она же с ним – как сыр в масле...

Тевье. Уйди, Менахем. Я должен подумать.

Отходит в сторону, угрюмо разглядывает фотографию, потом обращается к небу.

Скажи, Ты этого хочешь?! Я-то хотел молодого и образованного. Но богатство возраста не имеет. И не сказано ли в Писании: “Нет хлеба, нет ученья...” Зато дочь моя будет сразу иметь дом и хозяйство... Разве это не счастье?.. А то, что он стар, а она молода... Так это его проблемы... Богатая вдова не пропадет! Тьфу! Грех какой... Это все потому, что Ты не даешь мне совета!.. Всегда в трудный момент Тевье должен сам ломать свою

бедную голову... И что скажет Голда? Стой! Голда уже сказала: “Иди к мяснику. Ко мне приходила бабушка...” Это знак?! Покойники просто так не разгуливают!.. Значит, судьба!.. Или нет?!. (Решительно.) Все! Ты дал знак, значит, Ты несешь ответственность... (Вернулся к столу.) Я согласен!

Лейзер. Слово Тевье?

Тевье. Слово!

Лейзер. Дайте я вас обниму, папа!

Тевье (отстраняясь). Не сразу, реб Лейзер. Когда отец и сын ровесники – к этому надо привыкнуть...

Менахем (обращаясь к присутствующим). Все слышали: Тевье сказал “да”! Всем вина за счет жениха... (Оркестру.) Лехаем!

Оркестр заиграл веселую музыку.

Тевье. За всех! За жизнь!

Звон бокалов. Поздравления. Грянула песня “Лехаем”. Песня перешла в танец. Трактир загудел. Разгоряченный, захмелевший Тевье вышел во двор перед трактиром, где стояла его лошадка.

(Лошади.) Ну что, старая... Вот мы и сосватали нашу девочку... Довезешь со свадьбы-то, а? (Обнял лошадь, поцеловал.)

Появился Урядник, секунду наблюдал с улыбкой за Тевье.

Урядник. Здоров, Тевль!

Тевье. Здравия желаю, ваше благородие!

Урядник. Прими поздравления, Тевль!

Тевье. Уже знаете?

Урядник. А то как же? На то и урядник, чтоб все знать... Так что поздравляю... Или, по-вашему, мазалтов.

Тевье. Спасибо на добром слове...

Урядник. Да... Вот еще... Должок за мной... За сыр... (Протягивает деньги.)

Тевье (отстраняясь). Обижаете, ваше благородие. Какие счеты у земляков?

Урядник (строго). Возьми! Пригодятся...

Тевье (настороженно). Что-нибудь случилось?

Урядник. Чего случилось? Ничего пока не случилось... Впрочем, новость есть... Приходили до меня люди.

Тевье. Яки люди?

Урядник. Разные... Из города... Хотят тут устроить небольшой шум...

Тевье. Погром?

Урядник. Шо болтаешь?! У нас деревня – не Кишинев!.. Так... легкое волнение... Поорут... Пару стекол выбьют.

Тевье. Это за что же?

Урядник. А то сам не знаешь? Кровь в мацу кладете... Православных ксплатируете...

Тевье. Вы мою мацу не раз ели, ваше благородие... А если Степан мне в субботу коров подоит, а я ему – в воскресенье, кому от этого плохо?

Урядник. Слушай, Тевль, я с тобой толкую, потому что ты умный человек. У меня предписание: не препятствовать! У нас конституция, мать ее так!.. Свобода проявлений... Понял? И вашим накажи, чтоб не задирались... Пошумят – разойдутся. А сейчас гуляй, не думай... Еще раз поздравляю!

Уходит.

Тевье (обращаясь к небу). А это Тебе зачем? Такая новость в такой день... Понимаю, что мы – избранный народ. Бог мой, но иногда выбирай кого-нибудь другого...

из трактира вываливается орава поющих и танцующих.

Все. Давай, Тевье! За жизнь! (Хлопают в ладоши.)

Тевье вынимает платок, отчаянно пляшет.

Картина четвертая

Утро следующего дня. Двор перед домом Тевье. Сидит Годл. Появляется Перчик.

Перчик. Доброе утро.

Годл. Доброе утро, учитель.

Перчик. Извините, опоздал. Уходил в город. Надо было встретиться с друзьями.

Годл. Я не спрашиваю, где вы ночевали. Это нас не должно касаться.

Перчик. А где остальные?

Годл. Цейтл сегодня не будет заниматься.

Перчик. Готовится к свадьбе?

Годл. Да.

Перчик. И что делает?

Годл. Плачет.

Перчик. Понятно. А Хава?

Годл. Хава ее утешает.

Перчик. Понятно. А что же вы?

Годл (недовольно). Давайте начнем урок.

Перчик. Я начал. И спрашиваю: почему вы не с сестрой?

Годл. Я ее поздравила.

Перчик. Считаете, ей повезло?

Годл. Я считаю, родители лучше нас знают, что хорошо, что плохо.

Перчик. Вы очень послушная дочь... Возможно, и вам повезет – выдадут за богатого старика.

Годл. Значит, судьба. В Писании сказано: “Ангел прилетает за сорок дней до рождения девушки и шепчет ей имя нареченного”.

Перчик (с улыбкой). Странно, что он прошептал имя Лейзера-мясника. Ведь тот был в то время еще женат...

Годл. Мы простые люди. Легко смеяться над нашей верой.

Перчик. Есть вера, а есть предрассудки. Весь мир меняется, только у вас в деревне время остановилось. Девушки отдельно – юноши отдельно... Невеста жениха впервые видит на свадьбе. Замужним стригут волосы... Дикость!

Годл. В городе девушки лучше?

Перчик. В городе девушки независимы. И мы их уважаем. Относимся к ним как к равным. Даже здороваемся за руку... (Протянул руку.) Здравствуй, товарищ!

Годл (потупившись). Здравствуйте.

Перчик. Ну не бойтесь... Протяните руку... (Годл нерешительно протянула ладошку.) Ну вот! Видите, ничего страшного не случилось... Ваша рука – в моей руке...

Годл. И что дальше?

Перчик. Дальше – все, что хотим... Можем разговаривать о чем-нибудь... Можем танцевать. Вы танцуете падеспань?

Годл. Это неприлично.

Перчик. Что ж тут неприличного? Раз-два-три... Раз-два-три... (Показывает несколько движений.)

Из дома выходит Тевье. Видно, он себя неважно чувствует после вчерашней выпивки. Секунду тупо смотрит на танцующих Перчика и Годл.

Годл и Перчик (остановившись). Добрый день!

Тевье. День? Уже рассвело? (Взглянул на небо, тряхнул головой, застонал.) А я думал, еще сплю... Вы здесь зачем?

Годл. У нас урок, папа.

Тевье. А... А мне показалось... Все прыгает в глазах. А где... Годл?

Годл. Я Годл.

Тевье. Ты уверена?.. Нет... Я имел в виду жену... Жену мою как зовут?

Появляется Голда.

Голда. Голда меня зовут. Пора бы запомнить... (Годл и Перчику.) Идите, дети. Сейчас с папой говорить бесполезно... Он должен очухаться!

Перчик и Годл уходят.

Тевье (строго). Голда, я тебе сто раз говорил: блюди уважение! Что значит: “очухаться”? Мужчина имеет право на похмелье... Разве не сказано в Писании: “И выпил Ной вина, и опьянел, и лежал в шатре своем...”? (Застонал.)

Голда (пододвинув стул). Садись, Ной, будем лечиться... (Тевье послушно садится, Голда простирает над ним руки.) Нашел время напиваться. В доме такое событие... Я глаз не сомкнула. Где взять девочке свадебное платье? Где туфли? Чем платить музыкантам?

Тевье. Это пусть жених думает.

Голда. Мы бедные, но не нищие... Невесте – хоть какое-то, да приданое... Белье... Посуду... Где все брать?

Тевье. Голда, ты мне снимаешь головную боль или делаешь? Скажи лучше: что Цейтл?

Голда. Заперлась в сарае и ревет. Я стала ее успокаивать – сама расплакалась... (Всхлипывает.)

Тевье. О Бог мой! Не из ребра Ты сделал женщину – из слез... У нас радость или нет? Вся деревня меня поздравляла... Все отцы сейчас кусают губы от зависти...

Голда. Скажи ей это, Тевье, скажи! Богатый жених – награда за наши молитвы.

Тевье. Отойди, женщина! Не подсказывай мне слова, когда есть Святое Писание... А в нем сказано... (Задумался.) Нет, скажу ей, чтоб два раза не повторять... (Подошел к двери сарая, постучал.) Цейтл! Это я! Открой, дочка... (Прислушался.) Открой, тебе говорю... Дочка, я сам вешал эту дверь, сам ее и снесу!

Голда. Дочка, не серди папу. Папа в гневе страшен!

Тевье. Спасибо за помощь, Голда. Теперь уходи! Я хочу остаться с дочерью и дверью наедине...

Голда (запричитала). О боже! Если первая так выходит замуж, где взять силы на остальных?..

Голда уходит.

Тевье (потрогал дверь). Перед тем как сломать, я все-таки скажу слова Святого Писания: “Слушай наставленья отца своего – и обретешь радость...” А еще, дочка, я тебе скажу не из Писания, а из собственной жизни... Когда мы с матерью поженились, у нас не было дома, а был только вот такой сарайчик... И пола в нем не было, и крыша как решето... И когда она тебя рожала, пошел сильный дождь. Ручьи лились с неба, и я боялся, что Голда захлебнется не от крика, а от воды... И тогда я упал на колени и сказал нашему Богу: “Сверши милость, Всемогущий! Пусть только мой первенец родится здоровым, а уж я сил не пощажу, день и ночь работать буду, но над его головой будет всегда крепкая крыша, и над детьми его, и над внуками, до седьмого колена!” Вот какую клятву дал я – и ты родилась здоровенькой! И не дрожала от холода и дождя! А теперь я отдаю тебя в

здоровенькой! И не дрожала от холода и дождя! А теперь я отдаю тебя в хороший дом. Так что нравится тебе жених или нет – это дело десятое... О детях надо думать. О внуках!.. До седьмого колена! Так нам на роду написано. Ибо, если б праотец наш Авраам не думал о семи своих коленах, мы б и сейчас были рабами в Египте!.. А теперь я ломаю дверь, ибо дальше слова теряют смысл...

Разбежался, высадил дверь плечом, исчез в темноте. Послышался крик испуганных кур, и полетели перья... Во дворе появились Цейтл и Мотл.

Тевье (появляясь из сарая, дочери). Где ты была?

Мотл. Она ходила к реке.

Тевье. Я спрашиваю дочь.

Мотл. Она ходила к реке, реб Тевье... К самому обрыву. Туда, где в прошлом году утопилась дочь сапожника Якова...

Тевье (схватил Мотла за ворот). Что ты сказал?! Такие слова – отцу?!

Цейтл (падает перед Тевье на колени). Папа, прости меня... Пожалей меня! Не отдавай меня за Лейзера...

Тевье. Встань!

Цейтл (плача). Если из-за денег – я на все готова... В прислуги пойду, камни таскать буду!

Тевье. Встань! Я дал слово, дочка. Слово мужчины – закон! Оно дороже золота!

Мотл. Но не дороже дочери...

Тевье. Ты уйди! У нас семейный разговор. Посторонние пусть ждут за забором!

Мотл. Я не посторонний!

Тевье. Вот как? Кто ж ты ей? Брат, дядя, муж?

Мотл. Я ей... Мотл! Мотл, которого она любит, и я ее люблю. Мы дали

Мотл. Я ей... Мотл! Мотл, которого она любит, и я ее люблю. Мы дали друг другу слово...

Тевье (возмущенно). Они дали слово! Вы слышите, люди? Мир сошел с ума!..

Мотл. Слово мужчины – закон! Вы сами так сказали...

Тевье. Мало ли что я сказал. Не каждую глупость надо повторять!.. Послушай, Мотл, если ты хотел жениться на моей дочери, ты, как положено, должен был прислать свата. А если б ты прислал свата, я бы перед ним закрыл дверь. И только из-за двери сказал бы: дочь Тевье надо заслужить! А если у жениха пустой карман, то, кроме фиги, мне туда положить нечего! Вот что я сказал бы твоему свату, если б такой дурак нашелся. А теперь иди отсюда подобру-поздорову, не зли меня, ибо сказано в Писании: “Страшен был Голиаф в гневе!”

Мотл (угрюмо). Никуда я не пойду! В Писании сказано: “И стоял Давид, как скала!”

Тевье (вновь схватил Мотла за воротник). Что?! Ты будешь учить меня Писанию?! Помнишь, что там сказано о казнях египетских?!

Мотл (задыхаясь). Помню, реб Тевье... “И сказал Господь Моисею: я ударю по воде, которая в реке, и она превратится в кровь... И рыба в реке умрет, и вскипит река жабами...”

Тевье (несколько опешив). Откуда, мерзавец, ты так хорошо знаешь Писание?

Мотл. Готовился к разговору с вами... Половину Торы выучил наизусть.

Тевье (поднял глаза к небу). Как Тебе это понравится? А?.. Впрочем, Тебе нравится, я чувствую...

Цейтл. Благослови нас, папа. Я же знаю, ты добрый...

Тевье (растерянно). Добрый, дочка, добрый... И поэтому знаю, как будет рваться мое сердце, когда буду видеть вашу нищую жизнь.

Мотл. Я буду работать, реб Тевье... День и ночь!.. Ваша дочь не будет знать нищеты. Мне дают швейную машинку в кредит!

знать нужды. Мне дают швейную машинку в кредит!

Тевье. Ему дают машинку... Напиши об этом Ротшильду, он умрет от зависти!.. Ох, господи, господи! Видно, на роду написано бедным плодить бедных... Ладно! Пусть будет по-вашему! Я согласен!

Мотл. Если вы согласны, реб Тевье, значит, это мы подчиняемся вашему слову...

Тевье (усмехнувшись). Вежливый зять – уже неплохо... А теперь идите! Мне надо обрадовать маму. Да так, чтоб она не умерла с горя...

Мотл и Цейтл уходят. Тевье секунду сидит в раздумье, потом срывает подсолнух, стучит в окно дома.

Голда!

В окне появляется Голда.

Это тебе! (Протягивает подсолнух.)

Голда. Что это?

Тевье. Цветок.

Голда. Ну, предположим. (Берет подсолнух.) А зачем?

Тевье. Голда, легче лечь в гроб, чем ответить на все твои вопросы! Муж дарит жене цветы – это нормально!

Голда. Если учесть, что один раз за двадцать лет, то – да...

Тевье. Когда-то ж надо начинать... Сбылась твоя мечта – ты стала тещей!

Голда. Тевье, дай я тебя расцелую!

Тевье. Не откажусь!

Голда выбегает из дома, бросается к мужу с объятиями, тот ее останавливает.

Сперва один вопрос...

Сперва один вопрос...

Голда. Погоди с вопросами... Лучше скажи, как все это было?

Тевье. Твоя беда, Голда, что ты не умеешь подслушивать. Мне было бы проще... Ну, в общем, все как ты хотела: я сказал – она согласилась, я стоял на своем – она еще больше обрадовалась...

Голда. Ты ее бил?

Тевье. Побойся Бога, Голда... Разве не сказано в Писании: “Ласковое слово смягчает сердце”? Или что-то в этом роде... Но подожди. Ответь на вопрос: к тебе действительно являлась во сне покойная бабушка?

Голда. Ну конечно.

Тевье. И назвала имя Лейзера-мясника?

Голда. Почему ты спрашиваешь?

Тевье. Потому что она сегодня явилась и ко мне...

Голда. Чего это вдруг?

Тевье. Откуда мне знать? Твоя бабушка...

Голда. Моя бабушка – женщина порядочная. Она не придет ночью к мужчине...

Тевье. Это было под утро. И вообще, не о том речь... Бабушка явилась и назвала имя жениха: Мотл-портной.

Голда (испуганно). Тебе показалось.

Тевье. Я переспросил. Мотл, говорит, – и точка!

Голда (возмущенно). Голоштанник! Да она в своем уме?! Тевье, ты был пьян...

Тевье. Я – может быть, но бабушка – трезва как стеклышко... Мотл, говорит, или прокляну!!!

Голда (подозрительно). Тевье, к чему ты клонишь?.. Мне она назвала Лейзера... Что ты задумал, Тевье?

Тевье. Надо выяснить, Голда!.. В таком деле не должно быть ошибок. Надо встретиться с бабушкой еще раз...

Голда. Где?!

Тевье. На кладбище... Пойдем туда в полночь, зажжем свечу... Думаю, бабушка явится... Это все-таки ее правнучка... Если боишься привидений, я готов сходить один...

Голда (застонала). О, горе мне!.. Я все поняла! Старый дурак! То-то я смотрю, этот Мотл крутится здесь с утра. Тебя просили уговорить дочь, а не меня... О горе! (Плачет.)

Тевье (обнял ее). Тихо, Голда, тихо... Что люди скажут?! Ну, поплачь, поплачь... Разве не плакала твоя мать, когда отдавала тебя мне?.. И ничего! Обошлось! Пять дочерей ее слезами проросло. Одна лучше другой!..

Голда плачет. Во двор входят дочери Тевье, соседи, молча начинают устанавливать свадебные столы. Появляются музыканты, тихо начинают наигрывать свадебную мелодию. Загораются свечи. Появляются гости. Справа в сопровождении родственников выходит Мотл, он подчеркнуто торжествен, на нем свадебный сюртук, цилиндр. Слева – сестры выводят Цейтл в подвенечном платье. Под пение гостей Мотл и Цейтл выходят на середину сцены, Мотл покрывает голову своей избранницы вуалью. Четверо мужчин растягивают над новобрачными балдахин. К ним приближается раввин, молится над бокалом вина, затем поочередно дает отпить от него жениху и невесте. После этого Цейтл делает круг, обходя своего жениха, Мотл надевает ей на палец кольцо.

Пустой бокал раввин ставит на землю. Пауза. Мотл оглядывает всех счастливым взглядом и решительно давит каблуком бокал... Музыкальный аккорд. Веселье!!!

Картина пятая

Поздний вечер. Свадьба в разгаре. Все сидят за длинными столами, мужчины – справа, женщины – слева. Кто-то еще танцует. Захмелевший

оркестр наигрывает веселую мелодию. Шум. Оживленный беспорядочный разговор. Перчик влезает на стул.

Перчик. Тихо! Я хочу сказать слово!

Голоса. Ша! Перчик говорит! Дайте сказать человеку... Тихо!!! (Шум от этого, естественно, усиливается.)

Перчик (стараясь перекричать шум). Земляки! Евреи!.. Граждане!!! (При этом обращении шум стихает, все удивленно уставились на Перчика.) Да! Я говорю вам “граждане”, поскольку в России принята конституция, и мы тоже имеем гражданские права, хотя и в урезанном виде...

Менахем. В “обрезанном”... (Смех.)

Тевье. Менахем, я попросил бы... Здесь женщины.

Менахем. Разве для них это новость? (Смех.)

Перчик. Тихо! Я говорю о серьезном. Права не дают – права завоевывают...

Тевье. Перчик, у нас свадьба...

Перчик. Я помню, реб Тевье! И я предлагаю выпить за молодых, за жениха и невесту, которые впервые совершили гражданский поступок – сами избрали друг друга... И пусть они оба бедняки, но они представители одного класса – класса трудящихся! Любовь, усиленная классовой спайкой, поможет им создать крепкую семью, ячейку нового общества!!!

Лейзер. Я не понял. При чем тут классы? Мы не в хедере.

Один из гостей. При чем тут хедер? Он имеет в виду поезд... Там есть первый класс, второй...

Тевье. При чем тут поезд? Они никуда не едут...

Шум.

Менахем. Тихо! Я поясню мысль...

Голоса. Ша! Менахем будет говорить! Тихо!

Менахем. Эта свадьба случилась без свата, но сват все-таки имеет слово...

Голда. Менахем! Не скажи лишнего. Ты здесь просто родственник.

Менахем. Мадам Голда, я вас умоляю... Меня учить вежливости – все равно что плевать против ветра. Да, я здесь всего лишь родственник, а реб Лейзер – всего лишь сосед. Но иметь такого соседа – дай бог каждому! Он не помнит обиды! И пришел сюда с открытым сердцем и не с пустыми руками... Реб Лейзер, пару слов для собравшихся!

Лейзер (вставая). Ну, что сказать? Я человек простой! И не знаю этих цирлих-манирлих... Как говорится: да – да! нет – нет! Как в лавке! Нравится – бери грудинку спереди, не нравится – получай обрезки сзади...

Менахем (недовольно). Реб Лейзер, не отвлекайтесь! Переходите к подаркам...

Лейзер. Я подумал: раз Мотлу повезло, значит, он родился в рубашке. Но он человек бедный, и ее пора менять. Пусть сошьет своим детям новую... (Ставит на стол швейную машинку.)

Мотл (не веря своему счастью). Машинка!!!

Лейзер. Да, Мотл. Настоящий “Зингер”. Сколько она стоит, говорить не буду, иначе тебе будет жалко ее крутить...

Голда. Реб Лейзер, вы благородный человек!

Лейзер. Да, Голда. У нас в деревне не каждый может этим похвастать.

Тевье (встает). Лейзер, если это камень в мой огород, я хочу ответить...

Лейзер. Реб Тевье, я вас умоляю... Не надо слов. Я знаю им цену. Мотл, возьми машинку! (Мотл робко берет машинку.)

Тевье. Мотл, верни машинку. Я хочу объясниться...

Мотл протягивает машинку. Гости зашумели. Менахем вносит большой фотоаппарат на ножках.

Менахем (кричит). Хватит выяснений... Это еще не все подарки...

Голда. Бог мой, что это?

Менахем. Фотографический аппарат, мадам Голда. И стоит тоже добрую сотню рублей.

Голда. Я с ума сойду!

Менахем. Не торопитесь. Потому что аппарат Лейзер купил как раз себе! Но фотки он подарит, чтоб вы всегда имели память про этот приятный момент... (Встает за аппарат, начинает настраивать фокус.) Жених, отдайте машинку ребу Лейзеру. Реб Лейзер, отдавайте машинку жениху и делайте доброе лицо. Сейчас вылетит птичка!!!

Тевье. Лейзер, я все-таки хочу объясниться...

Лейзер. Не сейчас, реб Тевье! Умоляю! Я фотографируюсь...

Тевье. Нет, я скажу... Вы же знаете, явилась с того света бабушка Цейтл...

Лейзер. Ваша бабушка всегда была неумной женщиной!!! Мотл, бери машинку!

Тевье (возмущенно). Мотл, не бери! (Лейзеру.) Бабушка была неумной женщиной?

Лейзер (зло). Да! А с годами совсем рехнулась...

Тевье. С какими годами? Она ваша ровесница!

Шум. Менахем нажал рычажок. Вспышка магния. Лейзер замер с искаженным лицом. Тевье хохочет.

Хорошенькое личико! Стоит повесить на стенку.

Лейзер (набросился на Менахема). Что ты сделал, болван?! Верни обратно!..

Менахем. Реб Лейзер, он обратно не снимает!..

Лейзер. Это мой аппарат! (Бросается с кулаками на аппарат, Менахем его

останавливает.) Ноги моей не будет в этом доме!!!

Менахем (удерживая его). Реб Лейзер, сейчас все выясним...

Лейзер. Чего выяснять?! Мы с ним пили... Он дал слово... Ты свидетель!

Тевье. Бабушка пришла позже...

Шум.

Менахем. Тихо!!! Погодите!.. Обо всем можно договориться. Доверьтесь профессионалу... Реб Тевье, вы обещали выдать дочь за Лейзера?

Тевье. Обещал. Но потом пришла бабушка...

Менахем. Все правильно! Давайте же подумаем, как сделать, чтоб и бабушку не обижать, и чтоб реб Лейзер не огорчался. Вы отдали старшую дочь Мотлу! Дай бог ей счастья... Но ведь у вас осталось еще четыре... Чувствуете намек? Невеста ушла – жених остался... Теперь Годл на выданье...

Перчик. Ах вот оно что?! Я так и знал! Богач никогда копейки зря не истратит, только с процентами!!! Мотл, верни машинку!

Менахем. Молодой человек, с вами у меня вообще нет разговора...

Перчик. Зато у меня есть! Сводник! (Хватает Менахема за лацканы.)

Общий гвалт. Гости вскочили с мест. Вот-вот начнется потасовка.

Ребе (вскочил на стул). Тихо-о!!

Голоса. Ша! Ребе говорит! Тихо...

Все понемногу успокаиваются.

Тевье. Ребе, скажи слово!

Ребе. Хорошо... Во-первых... сядем.

Тевье. Мудро! (Садится, за ним садятся остальные.)

Ребе. Во-вторых... расправим лица и сделаем их приятными для взгляда.

Лейзер. Я не буду фотографироваться!

Ребе. При чем здесь это, Лейзер? Разве наше лицо должно быть добрым только для этой дырочки? Разве не смотрит на нас с неба наш Главный фотограф?!. Разве не болит у Него сердце за всех нас? Доставим же Ему радость, люди!..

Тевье. Ребе прав!.. Доставим!.. Реб Лейзер... Если я вас в чем-то обидел – прошу прощения... Вот моя рука... (Протягивает руку.)

Лейзер (нерешительно)...Тевье, я человек простой...

Менахем. Не начинайте сначала, Лейзер. Пожмите руку...

Лейзер. Если Богу это приятно – почему нет? (Пожимает руку.)

Вздох облегчения. Все радостно зашумели.

Менахем (подбежал к фотоаппарату). Ребе, я могу щелкнуть этот момент?.. Тевье, Лейзер, еще раз пожмите...

Тевье. Не для тебя это делается, Менахем!

Менахем. А кто спорит? Может ли такой маленький человек, как я, составлять Богу конкуренцию?.. Но на всякий случай...

Тевье и Лейзер еще раз пожимают друг другу руки, поворачиваются к аппарату.

Раз! Два!..

Вспышка магния соединяется со звоном разбитого стекла. За стеной – шум, крики. Быстро входит мрачный Урядник. Пауза. Все смотрят на него.

Тевье. Здравствуйте, ваше благородие!

Урядник. Вижу, что не совсем вовремя... Но что поделать...

Тевье. Гостям мы всегда рады!

Урядник (мрачно). Я не один, Тевль. Там люди до тебе...

Быстро выходит, затем в дом врываются несколько мужиков с палками. Вместе с ними – белокурая девушка городского вида.

Первый мужик (несколько оробев). Здорово, Тевель!

Тевье. Здорово, добры люди! С чем пришли?

Первый мужик. Так вот... Таки дела... Побить вас треба... Громада так порешила... (Неуверенно посматривает на мужиков.)

Девушка (решительно сделав шаг вперед). Мы, истинные патриоты России, говорим вам, дьявольскому племени: изыдите с нашей земли!!! Чаша народного гнева переполнена! Бойтесь, если она прольется на ваши головы!!! (Обернулась к мужикам.) Тебе слово, народ православный!!!

Мужики нерешительно что-то бормочут; выталкивают вперед второго мужика.

Мужики. Скажи, Микола...

Микола. Ну чего говорить?.. Сами знают... Жиды! Христа распяли!!! (Взял со стола тарелку, бросил на пол. Тишина. Подумав, бросил еще на пол бокал.)

Перчик (сделав шаг вперед). А ну, подними!

Микола нерешительно нагнулся, желая поднять бокал, но девушка решительно шагнула, раздавила бокал каблуком. Перчик бросился к ней.

Девушка (распаляясь). Ну, ударь, ударь, пархатый... (Кричит.) Православные, заступитесь!!!

В дом врываются еще несколько мужиков, начинают переворачивать столы, сбрасывают посуду. Один из мужиков схватил швейную машинку.

Мотл. Не надо!! Умоляю!!

Набрасывается на мужика, но, получив удар по голове, валится на пол. Следом с грохотом летит машинка. Быстро входит Урядник.

Урядник. Хватит!! (Отбрасывает разгулявшихся мужиков.)

Девушка. Гнев народа священен!

Урядник. Я сказал: хватит!!! Я предупреждал, Тевель!.. Видишь, как оно... Ну, извиняй... (Гостям.) А вы все – тоже по домам. А то без вас хаты спалят, не дай бог!

Уходит вместе с мужиками. Пауза. Один из музыкантов поднял брошенную скрипку, попробовал смычок, тихо заиграл...

Тевье (тихо). Ребе, вы мудрый человек, ответьте: а зачем Богу на это смотреть?

Ребе не ответил, тихо начал молиться.

Менахем, а ты что стоишь? Где твоя птичка? Снимай!

Менахем щелкнул аппаратом. Вновь вдалеке послышался звон разбитого стекла. На заднике возникли очертания разгромленных домов, разбитых витрин, испуганные лица стариков, женщин, детей. Тихо играет скрипач.

Занавес

Часть вторая

Картина первая

Настала зима. Белый снег покрыл крыши домов Анатовки, засыпал деревья. Проваливаясь в сугробы, Тевье тащит свою повозку с бидонами.

Тевье. Верно сказано: неисповедимы пути Господа нашего! А при таком снеге и подавно... Конечно, наши предки через пустыню шли, муки терпели, но все-таки не мерзли... А тут ни рук, ни ног, один язык еще как-то словами ворочается... (Поднял глаза к небу.) Дыхнул бы теплом своим. Господи... Обогрел бы... Я ж, по Твоей воле, все-таки молочник, а не мороженщик... Лошадь хромает, коровы орут, Голда расхворалась... Не много ли для одного человека?.. А если это конец света наступает, то дай знак... Пришли Мессию! Пусть приведет нас в Царство Света.

В глубине сцены появляется мужчина в кургузом пиджачке, засыпанном снегом.

Ох, господи! Это еще кто?

Менахем. Добрый вечер, реб Тевье!

Тевье. Менахем?.. Вот так так... А я думал: кто это полем идет? Не новый ли Мессия?.. Потом гляжу – нет. Если Мессия, то почему без пальто?

Менахем. Ах, реб Тевье, не напоминайте мне про пальто. Идиотский случай. Ехал поездом с Киева. Напротив садится симпатичный господин. В шубе. Я, натурально, говорю: не желаете ли в картишки? Он говорит: с удовольствием!..

Тевье. И что?

Менахем. Долго рассказывать... В общем, беру два раза не тот прикуп, на третий – отдаю пальто... Однако не зайти ли нам в трактир? У меня до вас срочный разговор.

Тевье. Не могу, Менахем. Голда хворает... Пойдем ко мне.

Менахем (испуганно). К вам нельзя... Я уже был.

Тевье. Опять сватал?

Менахем. Реб Тевье, полгода как бросил это дело. Всех не переженишь! Я теперь страховой агент. Страхую от несчастных случаев. Пожар, наводнение...

Тевье. И с этим шел ко мне?

Менахем. Реб Тевье, я похож на идиота? Чему у вас гореть? Ладно. Не можете в трактир – поговорим здесь. Начну по порядку, издалека...

Тевье. Не очень издалека, Менахем. Замерзнешь по дороге.

Менахем. Так вот, реб Тевье, вы меня сто лет знаете... Я человек современный, но от политики держусь в стороне. Не еврейское это дело. Но вот три недели назад иду по Крещатику, вдруг вижу – толпа. Крики,

шум... Впереди – человек с красным флагом. И кто? Перчик!

Тевье. Наш?

Менахем. А чей же? Я тогда сразу подумал: ох, не еврейское это дело – махать флагом на Крещатике... И только это хотел ему сказать, как налетели казаки... Свист! Шашки наголо! Кошмар! Хватают меня, тащат в участок... Допросы, расспросы: кто нес флаг? Где этот Перчик? Я говорю: господа хорошие, откуда мне знать? Я, конечно, агент, но страховой... Куда там! Всыпали по первое число, бросили в холодную... Мороз не как здесь, но тоже неприятно. В общем, через две недели едва отпустили... Взял я ноги в руки – и бегом из Киева! Провалитесь, думаю, со своими демонстрациями. Поеду в Анатовку, попробую застраховать Лейзера Волфа от наводнения. Приезжаю – Лейзера нет. Я к одному, к другому. Никто не страхуется. Не верят, что может быть еще хуже, чем сейчас... Продрог! Зайду, думаю, к родственникам, Голда не откажет в тарелке супа... Подхожу, дышу в окно – и – мама родная! – он там!

Тевье. Кто?

Менахем. Перчик! Собственной персоной.

Тевье. Когда ж он приехал?

Менахем. Это я вас должен спрашивать... (Перешел на шепот.) Реб Тевье, его ищут. За его голову дают хороший куш...

Тевье (строго). И ты хотел...

Менахем. Реб Тевье, я похож на мерзавца? Если б я торговал людьми, я б давно ездил в карете, а не мерз здесь на ветру... Просто я подумал: надо предупредить Тевье. Зачем ему еще и эти несчастья? Пусть Перчик тихо уйдет, пока урядник не разнюхал. Вот поэтому я вас здесь сторожу... Замерз как сосулька!.. И если вы не можете пойти со мной в трактир, то, думаю, пару целковых одолжите?.. Не такая уж большая цена за участие в революции?

Тевье (протянул деньги). На, возьми! И в трактире спьяну не сболтни...

Менахем. Реб Тевье, на два целковых не разговоришься...

Уходит.

Тевье (глядя ему вслед). Бедный Менахем! Нашел кого страховать. Да вся наша жизнь – один сплошной несчастный случай.

Взял оглобли, потащил повозку к дому.

Картина вторая

Высвечивается комната в доме Тевье. Две младшие дочери, Шпринца и Бейлке, возятся у печи, пытаясь достать оттуда чугунок.

Шпринца. Держи! Держи! Ухват давай... Эх!

Чугунок выпал, его содержимое разлилось по полу. Входит Тевье, бросается им на помощь.

Тевье. Что вы делаете?

Шпринца. Суп убежал.

Тевье. Вижу! Теперь не догоните... (Хватает чугунок, обжигается.) От, холера на его голову!!! Где мать?

Бейлке. За водой пошла.

Тевье. А старшие?

Бейлке. Хава в лавку пошла. А Годл гуляет с дядей.

Тевье. С каким еще дядей?! С Перчиком? А ну быстро оденьтесь и приведите их сюда!

Бейлке и Шпринца уходят; Тевье берет тряпку, начинает вытирать пол.

Баб полон дом, а мужчина должен наводить чистоту...

Входит Голда с ведром воды.

Голда (печально). Ну, что ты рычишь? Что рычишь?

Тевье. Я рычу, потому что... (Схватил у нее ведро.) Зачем ты встала?

Тевье. Я рычу, потому что... (Схватил у нее ведро.) Зачем ты встала? Доктор велел лежать!

Голда (устало садится). Доктор велел... Лучше б меньше брал денег за советы.

Тевье. Как себя чувствуешь?

Голда. Чувствую.

Тевье. Какая температура?

Голда. Лучше, чем на улице...

Тевье. Голда, тебе надо было выходить замуж за глухонемого. Ему было бы проще с тобой разговаривать.

Голда. Перчик приехал.

Тевье. Я слышал. Зачем?

Голда. Откуда мне знать? Говорит: просто повидать...

Тевье. “Просто” из Киева не ездят. И почему они ушли на улицу? У них тайны от тебя?

Голда. Послушай, Тевье, по-моему, у них что-то серьезное. Я знаю, он писал ей письма, она тоже писала... По-моему, они решили пожениться.

Тевье. “Они решили”! Нет, ну как вам это понравится?! Да куда ж катится этот мир? Мотл хотя бы пришел и сказал: позвольте, реб Тевье. А здесь уже просто: “они решили”!

Голда. Не кричи. Он же тебе нравился?

Тевье. Он мне нравился как образованный человек. На расстоянии! А зятя я себе как-нибудь и сам найду. И на что они собираются жить? Студент! Будет ее до старости учить французскому, а я платить?

Открылась дверь. Робко вошел Федор с книжками под мышкой.

Федор. Добрый вечер!

Федор. Добрый вечер!

Голда. Здравствуй, Федя!

Федор. А Хавы нет?

Голда. Нет. Она пошла в лавку, потом зайдет к сестре... А что?

Федор. Она книжки кое-какие просила. Я принес... Тогда оставлю?

Голда. Оставь.

Федор кладет книжки, направляется к дверям.

Тевье (строго). Послушайте, молодой человек, я давно хотел вас спросить: с чего это у вас с нашей Хавой общая читальня? У вас нет своих девушек?

Федор. Я вас не совсем понимаю, Тевель Самуилович...

Тевье. Меня зовут реб Тевье! А вас – Федор Иванович! И это, как говорится, две большие разницы. Мы здесь вместе живем, вместе трудимся, и дай нам всем Бог счастья... Но есть вопросы, где мы – каждый по себе. Вы уже взрослый человек и должны понимать. Когда ваши приходят на нашу свадьбу – ничего хорошего не получается!

Федор (зло). Моих там не было, реб Тевье! Мои в погромах не участвуют!

Вышел, хлопнув дверью.

Голда. Как не стыдно, Тевье? Что ты набросился на парня? Они с детства вместе...

Тевье. Тихо!!! Детство кончилось! Я один мужчина в доме, и мне Бог повелел его оберегать!!!

Голда (устало). Не кричи. Меня и так всю трясет...

Тевье (заботливо). Ну, приляг! Приляг, Голда. Выпей порошки.

Голда. Не смеши, Тевье! Какие порошки для матерей?

Входят Годл и Перчик.

Перчик. Здравствуйте, реб Тевье! Мир вашему дому!

Тевье (угрюмо). Спасибо на добром слове, Перчик, рад, что вы нас навестили. Хотя, честно говоря, не очень понимаю, где нашли на это время. Добрые люди об эту пору работают или в университетах учатся, а вы раскатываете по деревням...

Годл. Папа, так гостей не встречают.

Тевье. Не надо учить меня вежливости, дочка. Я обычай знаю. Накрывай стол, ставь еду. А наш дорогой гость пусть сядет и расскажет, что нового. Как дела?

Перчик. Плохи дела, реб Тевье. Судить меня будут.

Тевье. Вот как? Ну что ж. Спасибо за откровенность. Стало быть, вы, сударь, в бегах? Хорошее занятие для образованного человека. Только я одного не смекну: зачем же вы с этой новостью к нам-то пожаловали? Да еще говорите: “мир дому”! Мало этому дому своих бед? Вас же, поди, полиция ищет?

Перчик. Не волнуйтесь, реб Тевье. Уже нашла. Вернее, я ее нашел. Зашел перед вами к уряднику, все рассказал. Раз уж за мою голову награда, так пусть земляку достанется, верно?.. Ну, наш урядник – мужик не злой. Позволил ненадолго зайти к вам, попрощаться. Вот и все новости.

Пауза.

Тевье (обернулся к Голде). Ты это знала?

Голда. Какая разница? Знала – не знала. Думай, что делать будем.

Тевье. А что делать? Нам ничего делать не надо. Покормим молодого человека, дадим в дорогу припасов – и все. Адью... Так, кажется, по-французскому. Перчик?

Годл. Я поеду с ним, папа.

Тевье. Стар я уж, дочка. На ухо туговат. Поэтому глупых слов не говори, все равно не слышу.

Годл. Я поеду с ним.

Голда. Куда, девочка?

Годл. Куда угодно. На край света. В Сибирь. (Бросилась к отцу.) Папа, он ведь не за себя страдает. За всех нас!

Тевье. Ах, какой благородный человек, сын папиросника. Весь мир решил осчастливить! Богатых отменить... А с чего начинает? Забирает у бедного человека его дочь! От сестер, от дома, от больной матери...

Перчик. Это не совсем так, реб Тевье. Я не хочу, чтоб она ехала.

Годл. Он не хочет, папа. Уговори его. Умоляю!

Тевье. Совсем обезумела! Чтоб я сам уговаривал мою дочь... в Сибирь... Да вы что тут все?.. Да я... (Неожиданно.) А почему, собственно, вы не хотите ее брать, молодой человек? Она вам не нравится?!

Перчик. Я люблю ее, реб Тевье. Очень! Именно поэтому не хочу причинять вреда. Там будет трудно. Очень трудно.

Годл. Вдвоем нам не будет трудно. А одна я здесь умру!

Тевье. Типун тебе на язык! (Повернулся к Голде.) А ты что молчишь?

Голда. А что говорить? У нее же твой характер – будет она меня слушать! Надо собирать теплые вещи! (Достала узел.) Я тут кое-что приготовила...

Годл. Спасибо, мама. (Обнимает Голду.)

Тевье (схватился за голову, застонал). Моя Голда! Самая послушная, самая тихая... О Бог мой... Не сказано ли в Святом Писании... (Вздрогнул.) Но они же не повенчаны! Перчик! В Сибири есть раввин?

Перчик. Не может быть, чтоб в Сибири не было раввина! Раввины тоже люди, их тоже должны сажать.

Голда. Конечно, Тевье. Не волнуйся. Их не обидят...

Открылась дверь. Появился Урядник. Нерешительно топчется у порога.

Тевье. Заходите, ваше благородие.

Урядник. Та чего заходить, Тевль?.. Пора ихать... Вы готовы, господин студент?

Перчик. Да, господин урядник!

Голда. Погодите... Не ужинали же. Хоть в дорогу харчей соберу.

Урядник. Та моя жинка там кое-шо накидала... Яйца... Сала... Доидим! (Тевье.) Я их, Тевль, прямо до Киева. А то, знаешь, на перекладных, по такой погоде... Померзнут! А у меня и лошадь справная, и овчинку теплую взял...

Тевье. Спасибо, ваше благородие! Спасибо!

Урядник. Да мне тьфу на такое спасибо, Тевль. Без его бы обошелся. Но служба... Ну как, присядем на дорожку или у вас так не положено?

Тевье. Положено.

Все садятся, секундная пауза.

Перчик. Ну все. Пора!

Резко встал, поцеловал Голде руку, подошел к Тевье. Они обнялись.

Не волнуйтесь за дочь, реб Тевье! Все будет хорошо.

Тевье. Да уж куда лучше.

Годл обняла мать, отца, вышла вместе с Перчиком. Урядник пошел за ними, в дверях остановился.

Урядник. Ох, Тевль! Шо-то не то у нас делается. Когда я до тебе буду опять ходить за молоком, а не за слезами?..

Вышел, прикрыл дверь. Слышен звук отъезжающей повозки.

Тевье (тихо). Почему ты не плачешь, Голда?

Голда. Канун субботы, Тевье. Плакать в канун субботы – плохая примета.

Тевье. Умница! Будем встречать субботу. Мне пора молиться.

Надевает ермолку, открывает Священную книгу. Входит Хава.

Хава. Куда уехала Годл?

Голда. Потом скажу. Накрывай стол. Встречаем субботу.

Хава. Папа! За что ты обидел Федора?

Тевье. Я молюсь, дочка.

Хава. Нет, скажи, за что?! Федор – добрый и прекрасный парень, что он сделал нам худого?

Тевье. Хава, у меня нет сил сейчас на Федора. Я сказал ему: пусть держится от нас подальше.

Хава. Почему?!

Тевье. Потому что так заведено: есть евреи – есть не евреи...

Хава. А может быть, мы сами делим мир так, как нам удобно?!

Тевье (сдерживаясь). Девочка! Сейчас не время это обсуждать. Накрывай стол – встречаем субботу...

Хава (зло). Не буду я встречать ВАШУ СУББОТУ! (Выбежала, хлопнула дверью.)

Тевье (опешив). Ты слышала, что она сказала? Слышала?!!

Голда что-то бормочет; раскачивается, обхватив голову руками. Тихо звучит музыка.

Картина третья

Колокольный перезвон. Тихо возникает церковное песнопение. Высвечивается часть сельской православной церкви. Возле алтаря – поп. Робко входит Тевье.

Робко входит Тевье.

Тевье. Здравствуй, батюшка.

Поп (приветливо). А!.. Тевль? Входи. Рад видеть.

Тевье. Спасибо на добром слове... Разговор у меня до вас, батюшка. (Неуверенно оглянулся на иконы.) Может, обождать во дворе?

Поп. Зачем?.. На дворе мороз. Здесь и поговорим. В храм Божий путь никому не заказан... Только шапочку-то сними! (Тевье стаскивает с головы картуз.) Вот... Молодец! Так какой у тебя до меня разговор?

Тевье. Вы, батюшка, человек мудрый и без моих вопросов, поди, все смекнули. Но, коли просите, скажу: дочь ищу! Говорят, у вас ее видели.

Поп. Видели, видели... Только ты зря беспокоишься, Тевль. Дочь твоя жива, здорова и, не побоюсь сказать, счастлива. Уж не знаю, обрадовал ли я тебя такой вестью?

Тевье. Как не порадовать, батюшка? Счастье детей – счастье родителей. Только меня сомнение берет: так ли счастлива она – вдали от дома, зная, что мать с отцом не спят?

Поп. Что поделаешь, Тевль? Не сказано ли в Писании: “Время разбрасывать камни, время собирать...”? Всему свой срок. Дочь твоя полюбила хорошего человека, он ее тоже любит... Теперь они хотят повенчаться...

Тевье. Еще лучше новость! Вы, батюшка, видно, решили обрадовать меня до конца. Только я опять спрошу: как же венчаться они станут? По какому закону, вашему или нашему?

Поп. По божескому, Тевль. А Бог у нас один. И сказано в Евангелии: “Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей... И будут два одной плотью. И что Бог сочетал, того человек да не разлучает”.

Тевье. Не стану спорить. Только Новому Завету не обучен, зато Старый помним хорошо. И там Моисею завещано: “Если женщина даст обет Господу... а отец ее, услышав, запретит ей, то все обеты и зароки, которые она возложила на душу свою, не состоятся, и Господь простит ей, потому

что запретил ей отец ее...”

Поп (поморщился). Тевль, ну что нам с тобой вести богословские споры?.. Новый Завет, Старый... Люди поумнее нас две тысячи лет не могут договориться. Ты ведь знаешь, я евреям не враг и никого насильно в истинную веру обращать не хочу. Но за тебя у меня сердце болит. И я тебе не как духовное лицо, а просто как земляк, как сосед твой скажу... Тевлюшка, друг ты мой! Да посмотрись ты в зеркало! Ну какой ты талмудист? Самый что ни на есть обыкновенный наш, анатовский, мужик. С нами ешь, с нами пьешь... С нами в поте лица крест общий несешь, а признавать его не хочешь!! Ну, не враг ли ты себе?.. Да войди ты в этот храм с чистым сердцем, упади к стопам Спасителя нашего – и кончатся все муки твои и лишения...

Тевье. Ах, батюшка! Говорите вы складно, да сами, поди, не верите в простоту слов своих. Да разве человек сам решает, кто он? Разве не было у него отца с дедом? Разве ему в детстве не сказали, кто он?

Поп. И кто ты?

Тевье. Я, батюшка, русский человек еврейского происхождения иудейской веры... Вот она, моя троица! И ни от чего я не отступлюсь – ни от земли родной, ни от веры предков!.. Вы сказали: Бог один! Это верно! Бог один, да дороги к нему разные...

Поп. Ну что ж... Тевль! Умом я тебя понимаю, а сердцем скорблю. И если сам выбрал дорогу свою, не жалуйся, что на ней ухабы да ямы... Дочь я от тебя не прячу. Сам от нее стеной огораживаешься! (Открыл боковую дверь.) Христина! Выйди до нас!

Появилась Хава. Поп что-то шепнул ей на ухо, вышел. Пауза.

Тевье (опешив). Как он тебя назвал?

Хава (бросилась к отцу, упала на колени). Папа! Выслушай меня! Умоляю!

Тевье. Погоди! Как назвал?

Хава. Ну не отвергай! Выслушай! Христом-Богом заклинаю...

Тевье. Нет у меня такого Бога, девочка. И дочери такой нет. У меня была

дочка Хава. Славная дочка была. И любил я ее больше всех на свете...

Хава. И я тебя люблю, папа! И его люблю... Федора. И как мне это соединить? Ну скажи!

Тевье. Это, барышня, не знаю. Это ваша печаль. У меня своих бед хватает... У меня дочь умерла... Мне траур по ней справлять. (Пошел к выходу.)

Хава. Но ведь это жестоко, папа! Да что же за Бог у тебя, если он велит собственную дочь убивать?

Тевье (гневно обернулся). Молчи!!! (Тихо.) Оставьте вы меня, барышня... У вас отца нет – у вас батюшка теперь...

Хава (тихо). Храни тебя Господь, папа! (Перекрестила его.)

Зазвучало церковное песнопение. Появился поп в торжественном одеянии. В дверях возник Федор, подошел к плачущей Хаве, взял ее под руку, повел к алтарю. Тевье секунду в отчаянии наблюдал за ними, потом решительно надел шапку и вышел. Песнопение усилилось.

Картина четвертая

Дом Тевье. За занавеской лежит Голда. Входит Степан с охапкой дров.

Степан. Хозяева!.. Э! Есть кто живой? (Испуганно уронил дрова, бросился к занавеске, открыл ее.) Голда!!!

Голда (слабым голосам). Чего шумишь?

Степан. Живая, тогда не пугай. Дровишек принес. Сейчас протопим, повеселей будет.

Голда. Спасибо тебе, Степан.

Степан. Да чего там... Сосед – что родня, верно говорят. А ты, Голда, того... крепись... не помирай. В такую погоду помирать – одни хлопоты. Земля промерзла... Ты хоть до весны потяни!

Голда. Да мне бы хоть недельку еще. Знаешь, Цейтл у меня на сносях. Кто без меня ребенка примет? Мне бы у нее сидеть. Ноги не ходят.

Степан. Это плохо. Ноги нужны человеку. Но руки-то действуют? Поворожила б сама себе...

Голда. Себе нельзя. Человек другому может передать силу. Себе нельзя.

Степан. Ну давай я попробую... Как ты там шепчешь? (Водит над ней руками.) Шурум-бурум... а зохен вей...

Голда (слабо улыбнулась). Не морочь голову, Степан!.. Все! Стало легче... Спасибо. Если хочешь, открой буфет – там графинчик.

Степан. Не откажусь! (Подошел к буфету. Достал графин, рюмки.) Тебе налить?

Голда. Нет. Не хочу!

Степан (подносит рюмку). Выпей! Рюмка – она при любой болезни на пользу. (Голда берет рюмку.) Ну! За твое здоровье! (Выпивает.)

Голда (стала подносить рюмку ко рту, расплескала). Нет. Не могу. Не принимает душа.

Степан (сокрушенно). Да... Видать, совсем плохо. Тевль-то где?

Голда. За доктором уехал. В такую пургу... Загубит лошадь совсем.

Степан. Ладно лошадь-то жалеть. От бега согреется.

Голда. И коровы орут в сарае... Сколько прошу, Степан, законопатить стены. Ты плотник или кто?

Степан. Ну что – плотник? На все рук не хватает.

Голда. И еще, Степан... Сходил бы ты к Хаве. Узнал, как она.

Степан. Э, нет. Это не проси! Мне Тевль строго-настрого запретил. Она для нас – отрезанный ломоть!

Голда. Сердца у вас нет.

Степан. Нет, он прав. Я тоже выкрестов не люблю. Каждый своей веры держаться должен. Раз ты инородец – терпи!

Голда. Тебе легко советовать...

Степан. Почему легко? Откуда ты знаешь?.. Может, я в молодости на тебе, Голда, жениться хотел. А не стал. Потому что тебя б за меня не отдали, а мне на ваш манер резаться тоже глупо. Вот выходит, что я, как инородец, пострадал... (Выпивает еще рюмку. Слышен шум подъехавших саней.) Кажется, приехали... (Смотрит в окно.) Точно. Тевль и доктор. Раздетый. Торопились, видать...

Входят Тевье и Менахем. Отряхивают снег.

Тевье. Не поехал, бисов сын! В ногах валялся у него. Господом Богом молил... Нет! Потеплеет, говорит, тогда приеду... Нужен он мне, когда потеплеет!.. Зато нет худа без добра... Ехал через Касриловку – встретил Менахема. А у него, оказывается, новейшие лекарства. Из Америки.

Менахем. Добрый вечер, мадам Голда. Я, конечно, не специалист, но, если это инфлюэнца, как мне сказал реб Тевье...

Тевье. Это доктор говорил.

Менахем. Главное, чтоб вы повторяли правильно. Так вот, если это инфлюэнца, то лекарство действительно чудо. Их прислали из Америки моей теще Хане-Мириам, упокой Бог ее душу.

Голда. Она от них померла?!

Менахем. Язычок у вас, Голда, слава богу, еще ворочается в нужном направлении. Это хорошо! Но за таблетки я гарантирую. Посмотрите на коробочку. В такую коробочку дерьмо не кладут. Здесь написано: они быстродействующие. Просто не рассчитаны на нашу почту. Пока дошли до больного – адресат выбыл... Но моя мама пьет их с чаем – и, слава богу, ничего... А у моей мамы возраст, когда уже и чай вреден...

Голда. Спасибо, Менахем! Я всегда знала – у тебя доброе сердце. Поешь! (Мужу.) Тевье, там, в печи, горшок с молочным борщом. Угости Менахема.

Менахем. Спасибо. Я не за этим приехал... Я по-родственному... Голда, может быть, все-таки поедем в Бердичев?.. В больницу? Там у меня кое-какие связи...

Голда. Не морочь голову! Куда ехать, если уже не можешь ходить. Ешь! (Тевье ставит перед Менахемом горшок, тот жадно начинает хлебать.) А ты, Тевье, сходил бы со Степаном в сарай. Коровы ревут, неужели не слышишь?

Тевье. Это ветер.

Голда. Ветер таким жалобным не бывает. Ветру не холодно.

Степан. Пошли, Тевль! Поговорить им надо...

Голда. Умница, Степан. Я всегда тебя держала за догадливого.

Тевье и Степан уходят.

Менахем. Борщ у вас, Голда, всегда что-то отдельное. Я давно хотел вам предложить: не открыть ли нам на паях в городе еврейскую столовую? Вы станете у плиты, Тевье – у кассы, я беру на себя рекламу. У меня завидный аппетит! Когда я ем, у наблюдающих текут слюнки...

Голда. Не встать мне уже у плиты, Менахем.

Менахем. Голда, это не разговор. Я, конечно, не специалист по инфлюэнце, но эти таблетки...

Голда. Молчи, Менахем! Ешь и молчи! Будем считать, ты меня утешил. Теперь слушай. Пора браться за ум... Бери маму, перебирайся в деревню. Поближе к родне... Займись делом. Трех старших дочерей ты мне не сосватал, но двух младших, Бейлке и Шпринцу, я тебе завещаю. Найди им достойных! Таких, чтоб моя душа на том свете наконец порадовалась...

Менахем. Я, вообще-то, это дело бросил, Голда, но для вас постараюсь. У меня как раз есть на примете пара гимназистов...

Голда. Не надо гимназистов. Смотри в хедере. Ищи деревенских... Тихих, работящих... И еще! Через год-другой подыщи кого-нибудь для Тевье...

Менахем. Голда, я вас умоляю...

Голда. Молчи! Я так хочу! Тевье тоже будет крутить носом, но ты скажи: такова воля Голды! Дети уйдут – кто ему ужин готовить будет? Он же сам как дитя... Найди скромную, молчаливую... Тевье не любит, когда его перебивают. И чтоб молочный борщ готовила... Я тебя не зря угощаю – хочу, чтоб ты вкус запомнил.

Менахем. Не рвите душу, Голда... (Зашмыгал носом.) Вообще, я вам завидую. Ваше поколение как-то умеет умирать. Мы уже не то. Сгораем, как мотыльки на свечке...

Распахнулась дверь. Вбежал взволнованный Мотл.

Мотл. Мама! У Цейтл началось... Мама, что делать?! Она так кричит!..

Голда. Тихо, Мотл, успокойся... При родах всегда кричат, так легче! Менахем, беги за Тевье! Быстро! (Менахем выскакивает из дома.) Все будет хорошо, Мотл. Все будет хорошо. Цейтл – моя дочь, она справится... Ты только согрей воду. И возьми там, в углу, узелок... Пеленки, марля... Я все приготовила! Главное – сам держись. Не падай в обморок! Ей сейчас некогда тобой заниматься...

Вбегают Тевье и Менахем.

Тевье. Голда, что делать? Куда ее везти?

Голда. Куда везти по такой погоде? Пойдешь к ней! Все сделаешь сам.

Тевье. Голда-сердце, я не сумею!

Голда. Сумеешь, Тевье, сумеешь... Это несложно. Сколько раз мы с тобой телят принимали. У людей все так же. Живое одинаково рождается. А я вам буду помогать отсюда. Скажи Цейтл, я помогаю! Пусть вслушивается!.. Ну? Бегите же... И ты, Менахем! Бегите!

Менахем. Мадам Голда, я бы остался. Я в этих делах не специалист!

Голда. Все уходите! Мне одной надо побыть. Ну?!

Мужчины поспешно выходят. Голда что-то бормочет, потом делает усилие,

садится на кровати, простирает руки.

Ну, давай, девочка моя, соберись! Это не страшно! Я пять раз такую штуку проделывала, и ничего... Сожмись, сожмись! Стисни зубы! Так Бог повелел – в муках рождаться!.. Вот! Молодец!.. Еще!.. Стоп!.. Теперь отдохни. Переведи дух! Вспомни что-нибудь приятное. Дом наш вспомни. Речку. Помнишь, купались по ночам?.. Вода теплая. И луна дорожку постелила. Входи в нее, входи... Хорошо плыть, верно? Плыви, плыви, дочка... А теперь ныряй! Набери полную грудь воздуха – и ныряй!.. Вот!.. Глубже! Глубже! А теперь – вверх! Сразу! Пошла!! Еще, еще!.. И ты, внученька, давай, выплывай!.. Ты ведь девочка, я чувствую... Давай, Голда! Тебя Голдой назовут! Голда – имя счастливое, золотое имечко... Ну?!. Давайте, девочки!.. Всплываем!.. Еще! Еще!.. Господь милосердный, да помоги же им! Возьми мою душу, передай!.. Ну?!! (Вскрикнула, опустила голову.) Ну вот!.. Спасибо... Все хорошо... Теперь отдыхать. Отдыхать...

Тихо опускает голову на подушку. Появляется Степан, секунду печально смотрит на Голду, потом подходит, задергивает занавеску, молча садится рядом.

Темнеет. Возникает печальная мелодия, и голос кантора начинает петь поминальную молитву...

Картина пятая

Яркий свет. Двор дома Тевье. У забора – высокое дерево. На крыльце появляется Тевье с внучкой на руках.

Тевье. Ну что, Голда, вот и потеплело! Первая весна в твоей жизни. Смотри! (Поднял девочку.) Запоминай!.. Там, наверху, – небо. Там Бог живет. Внизу – земля. Здесь мы живем. Вон то большое дерево называется дуб. Его мой отец посадил, когда я родился. Старенький уже, но ничего, стоит, забор подпирает. А рядом я посажу березку. В твою честь. Вот только снег сойдет, земля растает, и посажу... Будете вместе расти, наперегонки. Ну, чего еще?.. Вон поле. Там летом цветы растут... И когда-нибудь оттуда придет наш Мессия. Мне его не застать, а ты вполне можешь увидеть...

Хлопнула калитка. Во дворе появился Урядник.

Урядник (угрюмо). Здорово, Тевль!

Тевье. Здравствуйте, ваше благородие. (Внучке тихо.) Вот так всегда: ждешь Мессию – приходит урядник. Запомни.

Урядник. Внучка, что ль, твоя? Ну-ка, дай глянуть... Хороша!.. Снеси ее в дом. Поговорить нам треба...

Тевье. Неужто такой разговор, что и девочка поймет?

Урядник. Выпил я, Тевль. Видишь? Крепко выпил.

Тевье. Это ничего, ваше благородие. Раньше с радости пили.

Урядник. То раньше, Тевль. Теперь другая закусь... Скажи, друже, сколько тебе понадобится дней, чтоб продать дом и барахлишко?

Тевье. Не понял, ваше благородие. Я молочник и домами не торгую. Вы, видать, и вправду крепко выпили.

Урядник. Я выпил, шоб на глупости не отвлекаться. Говори: три дня хватит? Или пять?.. Выселяют вас с деревни...

Тевье. Кто?

Урядник. Не я же. Губерния... (Заорал.) Да убери ты дите! Уронишь!

Тевье. Ничего, ваше благородие. Я мужик крепкий.

Урядник. Ну убери, как человека прошу. Не злодей же я, шоб такие вещи говорить и на дите смотреть.

Тевье (в сторону дома). Цейтл!

Появились Цейтл и Мотл.

Цейтл, возьми девочку... (Передает ребенка.) А ты, Мотл, останься. (Уряднику.) Его, поди, тоже касается?

Урядник. Всех касается... (Цейтл с ребенком поспешно скрывается в доме.) В общем, вот... (Достал из кармана бумагу.) Пришло до нас предписание.

Читай!

Тевье. Нет, уж вы сами, ваше благородие. На ней герб.

Урядник. То-то и оно... Орел о двух головах. Тут не поспоришь. (Читает.) “...Дополнение уложения о расселении еврейской части населения, согласно постановлению о правилах проживания...”

Тевье. Погоди, ваше благородие. Не барабань по голове! Объясни по-людски... Чего? Кого?

Урядник. Вас! Выселяют из деревень.

Тевье. Куда?

Урядник. За черту оседлости.

Тевье. А мы где?

Урядник. А мы теперь – с другой стороны... И наша Анатовка, и хутор Махеповка, и Касриловка... Все теперь за чертой!

Во дворе появляются взволнованные ребе, Лейзер и еще несколько евреев.

Ребе. Здравствуйте, ваше благородие.

Урядник (недовольно). Погоди, мужики. По домам! Я к каждому зайду.

Лейзер. Да разве усидишь, ваше благородие? Это ж деревня. Дурные вести через забор прыгают... Объясните, в чем дело? Тевье, скажи понятно...

Тевье. Что тебе непонятно, Лейзер? Все так просто. Вот пришел господин урядник сообщить мне, что я, оказывается, жил здесь неправильно. И деды мои, и прадеды... Все здесь неправильно в могилах лежат. Потому что есть черта! Прочеркнул господин урядник по земле сабелькой и сказал: вот тут живи, а тут – не моги!

Урядник. Не дело говоришь, Тевель! Зря народ баламутишь... Губерния так порешила, не я... Да у меня приказ: всех вас – в двадцать четыре часа! А я по-людски хочу... Трое суток даю, шоб успели с хозяйством разделаться...

Леизер. Как – трое суток? Как можно продать лавку за трое суток?

Один из евреев. А дом? А огород?

Мотл. Никуда мы не пойдем! Надо защищаться!! Око за око! Будем драться!

Все зашумели.

Урядник. Тихо! С кем надумали драться? С армией? Армию голыми руками не возьмешь...

Тевье. Почему, ваше благородие? Мы бедные, да не голые... Найдется в хозяйстве кое-что... (Нагнулся к крыльцу, достал топор.)

Урядник (мрачно). Брось, Тевль! Не дури!

Тевье. Ваше благородие, я вас всегда держал за неглупого человека. Дайте совет!.. Вот дуб растет. Его отец сажал, я растил... Как его с собой взять? Корни не выкопать, да и не приживется он на новом месте... Что остается? Рубить?

Урядник. Не знаю, Тевль. Хошь – руби, хошь – не руби! Мое дело сторона!

Тевье (зло). Э, нет, господин урядник! Вы тут власть! И не ждите сочувствия. Хоть бочку горилки выпей – совесть не зальешь! Поэтому смотрите! Я сейчас срублю этот дуб, чтоб вы всегда потом могли прийти сюда, посидеть на пеньке, отдохнуть от дел праведных!

Решительно шагнул к дереву, вонзил в него топор.

Ребе. Грех, Тевье! Бог накажет за грехи!

Тевье. Меня? Накажет?! Да разве остались у Него наказания, которые еще не выпали на мою голову?! Все отняли: жену, дочерей, дом, а теперь и землю... Зачем жить дереву, если нет у него листьев и ветвей?! Скажите, ребе! Не знаете? И я не знаю! Боюсь, что и Он не знает. И незачем дереву жить!

Решительно ударяет по стволу, ручка топора ломается. Тевье в отчаянии отбрасывает топор, садится на землю.

Урядник (поднял обломок топорища). Топорище-то... гнилое... (Всем.) Эх, мужики, нашли чего жалеть... Да много ль она дала вам, наша деревня? Земли вершок да пустой горшок!.. Да вам куда ни сошли – хуже не будет. Так что прощайте! И зла на сердце не держите! Налегке – оно легче уходить...

Ушел.

Мотл. А вообще, он прав... Зачем три дня? Что нам собирать три дня?

Первый еврей. Вам просто, Мотл. А у реб Лейзера – лавка.

Лейзер. Что это за лавка при таких покупателях? Смех, а не лавка.

Второй еврей. Тоже верно. И что это, прости господи, за деревня – Анатовка? Ее даже на картах не пишут, потому что название длинней, чем территория.

Мотл. Но мы здесь родились.

Второй еврей. И что? Зачем? Я вообще не знаю, для бедного человека лучше рождаться на белый свет или нет? Как думаете, ребе?

Ребе. Лучше не рождаться. Но не каждому так везет...

Первый еврей. Ну вот, ребе сказал мудрое слово. А теперь скажите: куда идти?

Ребе. Когда Бог сказал праотцу нашему Аврааму: “Изыди из страны своей”, разве тот спрашивал... куда?

Второй еврей. Значит, на все четыре стороны... Понятно. А вы что скажете, реб Тевье?

Тевье. Ничего не скажу. Все слова сказаны. Прощаться будем молча.

Садится спиной к дереву, надвигает глубоко картуз, прикрывает глаза. Все тоже опускают голову. Тихо зазвучала музыка. Мотл запел песню об Анатовке. Ее негромко подхватывают остальные.

Картина шестая

Двор перед домом Тевье. Степан заколачивает окна досками. Появляется Федор.

Федор. Здравствуйте, дядя Степан.

Степан (неприветливо). Здорово!

Федор. А где хозяин?

Степан. Тута.

Федор (оглядев двор). Где?

Степан. Кто?

Федор. Тевль.

Степан. Тевль на кладбище пошел. С дочками.

Федор. А говорите “тута”.

Степан. Ты ж про хозяина спрашивал... (Угрюмо стучит молотком.)

Федор (растерянно). Вы чего? Дом купили?.. (Степан не отвечает.) Зачем вам второй дом?

Степан. Пригодится.

Федор. И сколько заплатили?

Степан. Как сговорились, так и платил... Тебе-то чего? Сам прицениваешься?

Федор. Да нет. Я на чужую беду не покупщик.

Степан (с угрозой). Поговори у меня! “Не покупщик”. Сперва дом разорят, а потом жалеют... И вообще, парень, шел бы ты отсюда. Не до тебя.

Федор. Мне надо поговорить с Тевлем.

Степан. Не будет он с тобой говорить.

Степан. Не будет он с тобой говорить.

Федор. Вы-то откуда знаете?

Степан. Ни с кем не говорит. Зарок дал... Понимаешь?

Федор. Не понимаю. (Повернулся к калитке.) Хава!

Робко вошла Хава с узелком.

Степан. А с ней и подавно...

Хава. Здравствуйте, дядя Степан.

Степан. Зря пришли, ребятки! Молчит Тевье! Вторые сутки молчит. Обет такой дал. Все равно, говорит, Бог наших слов не слышит. И замолк. Вот такие у нас проводы...

Хава. Все равно. Мы подождем...

Степан. Ваше дело... (Угрюмо стучит молотком.)

Федор. Зачем окна-то заколачиваете, раз купили?

Степан. А я люблю в темноте сидеть... (Бросил молоток.) Ну, шли бы лучше на станцию. К поезду. У поезда оно проще прощаться...

Хава. Мы не прощаться, дядя Степан. Мы хотим с ними ехать.

Степан. Да они сами неизвестно где жить будут.

Федор. Значит, и мы там же... Рядом.

Степан. Ну, с вами не соскучишься... Тогда вот что. Сховайтесь пока в доме... Подготовить старика надо. Сердце-то не железное...

Федор и Хава проходят в дом.

Появляются Тевье, Цейтл и младшие дочери. Тевье молча выкатывает телегу, начинает складывать на нее вещи. Цейтл печально смотрит на дом.

Степан. Вот... Законопатил... Слышь, Тевль? И топить не надо. Может,

когда вернетесь, будет тепло...

Тевье угрюмо молчит.

Цейтл. Спасибо, дядя Степан. Вы тут и за могилкой поглядывайте, ладно?

Степан. Ну а как же?.. Что я, Голду брошу, что ль? Пока живой, я с ней... Да и потом... Я так понимаю, Тевль, люди только здесь, на этом свете, по разным кладбищам разбегаются. А ТАМ все вместе будем? Верно, Тевль?

Тевье молчит.

По глупости люди друг друга сторонятся... Голда это понимала.

Тевье молчит.

Цейтл (сестрам). Шпринца, Бейлке, пошли. Помоем пол.

Степан. Да ладно... Что мы, без вас не вымоем?

Цейтл. Нет. Мы сами. Пол надо оставлять чистым... Таков обычай... Верно, папа?

Тевье молчит. Цейтл направляется к дому, Степан останавливает ее, отводит в сторону.

Степан. Там гости у вас, Цейтл. (Шепчет ей на ухо.)...Без меня пусть не выходят... Он и молча проклянет, это еще хуже...

Цейтл и девочки проходят в дом. Степан подходит к Тевье, достает из кармана деньги.

Я остатнюю живность распродал... И курей, и коня... За коня, правда, мало дали. Извозчик нос воротит. Пошел к водовозу, он тоже брыкается... “Рази, – говорит, – это лошадь? У нее и зубов уже нет!” Я говорю: “Дурак... Это ж хорошо... Без зубов кормить проще...” Только этим и уговорил...

Тевье берет деньги, печально смотрит в сторону сарая.

Да он там еще... Я водовозу сказал: завтра заберешь, дай людям попрощаться...

Тевье проходит в сарай. Степан закрывает за ним дверь..

Ну вот... Смирись, Тевль, смирись... Хоть с конем-то поговори! Это Бог простит...

Быстро уходит со двора. Некоторое время двор пуст. Затем появляется Лейзер с чемоданами. Подходит к дому, стучит в дверь. Выходит Цейтл.

Цейтл. Здравствуйте, реб Лейзер.

Лейзер. Добрый день, Цейтл. Хотя какой он добрый? Говорим по привычке... В общем, пришел прощаться.

Цейтл. Я позову отца...

Лейзер. Не надо... Он молчит. Я не люблю молча... Я человек простой. Люблю доброе слово услышать... Я с вами, Цейтл! Вот... В общем, уезжаю в Америку.

Цейтл. Счастливого пути, Лейзер. Желаю удачи.

Лейзер. Есть такой город... Нью-Йорк... Большой. Даже больше Киева. Слышали?

Цейтл. Слышала. Говорят, там хорошо.

Лейзер. Хорошо, Цейтл, где нас нет. А поскольку мы теперь везде – где хорошо?.. Вы-то куда?

Цейтл. В Бердичев. К родне.

Лейзер. Кто там у вас?

Цейтл. Менахем... Мама его...

Лейзер (иронично). Та еще родня... С такой родней хорошо переписываться, и то по большим праздникам... (Полез в карман, достал бумажник.)

Цейтл. Не надо, реб Лейзер.

Лейзер. Цейтл, я человек простой! Не люблю этих цирлих-манирлих. Я не милостыню даю и не в долг. Я корову хочу купить. Бурую. Мы с Тевье сговаривались...

Цейтл. Ее уже продали...

Лейзер. Все равно. Купите другую... Для меня. Мне будет приятно знать в Америке, что здесь пасется моя бурая... Не обижайте, прошу!

Цейтл (берет деньги). Спасибо.

Лейзер. И еще, Цейтл... Возьмите мою фотку. На память!.. Здесь стихи. Хорошие. Не я сочинил, но... хорошие...

Цейтл. Спасибо, реб Лейзер. (Берет фотографию.) Можно я вас поцелую на прощанье?

Лейзер. Если не противно – почему нет?

Цейтл целует Лейзера в щеку. Во дворе появляется Мотл, вкатывает тележку, груженную разной утварью. С удивлением смотрит на Цейтл и Лейзера.

Мотл. Здравствуйте, реб Лейзер.

Лейзер. Здравствуйте, Мотл. Ты не подумай чего дурного.

Мотл. Я и не думаю... Целуйтесь на здоровье.

Лейзер. Нахал! Не обижай стариков... Мы еще ого-го!.. В Америку еду. Знаешь, где это?

Мотл. Далеко.

Лейзер (со вздохом). На другой стороне земли. Лучше бы ехать после смерти. Все-таки на два метра путь короче. Но что поделаешь?.. Гуд бай!

Цейтл. Гуд бай, реб Лейзер.

Лейзер. Эх! Холера на их голову! Кому это нужно, чтоб Лейзер из Анатовки говорил “гуд бай”?..

Уходит. Цейтл печально смотрит ему вслед.

Мотл. Не смотри так долго...

Цейтл. Ты ревнуешь?

Мотл. Если тебе это приятно, то – да. Но вообще нет времени. В четыре – поезд.

Цейтл. А сейчас сколько?

Мотл (снимает с повозки настенные ходики). Три. Знаешь, Цейтл, я их укрепил, они ходят. Даже кукушка выскакивала. Смешно. Иду по деревне, а она кукует.

Цейтл. Положи их, Мотл. Не дразни людей.

Мотл. Нет. Пусть идут... Мы пойдем, и они пусть идут...

Во двор входит Степан, таща за рукав скрипача Йоселе.

Степан. Йоселе, ну будь человеком... Успеешь уехать. Сыграй людям на прощанье... Отца с дочерью надо помирить. Это ж святое дело... (Цейтл.) Зови Хаву.

Цейтл. Что вы придумали, дядя Степан?

Степан. Зови, тебе говорят.

Цейтл исчезает в доме и через секунду появляется вместе с Хавой и Федором. Степан подходит к сараю, прислушивается, затем смотрит в щелку.

Вроде чего-то говорит...

Цейтл. Кто?

Степан. Ну не конь же... (Тихо открывает засов.) Давай, Хава. Входи. Если не сейчас, то уж никогда...

Хава нерешительно заходит в сарай. Все собираются у двери,

прислушиваются.

Мотл. Ну что?

Степан. Крика нет, уже хорошо... Играй, Йоселе... Играй, родной. Играй так, чтоб душу порвать...

Йоселе начинает выводить мелодию.

Вот! Еще!.. Запузыривай, милый... А теперь ты входи, Федя. Входи! Не боись! (Федор заходит в сарай.) А теперь остальные... Семьей собирайтесь, семьей... (Мотл и Цейтл проходят в сарай. Скрипач играет.)...Ну вот... Обнялись... Ревут! Все по-человечески... (Утирает слезы.) Что я, не знаю, как с евреями поступать? Эх... (Не выдержав, сам уходит в сарай.) Скрипач продолжает увлеченно играть. Слышен звук подъехавшей телеги. Во дворе появляется Менахем с чемоданом, за ним тяжело передвигается Мама.

Менахем. О, мама! Смотрите! Нас встречают с музыкой! Что я вам говорил?

Мама. Разве сегодня праздник?

Менахем. Это деревня, мама... Здесь всегда праздник. Чувствуете воздух? Сплошной кислород... Вдыхайте, мама, вдыхайте.

Мама. Меня в поезде так трясет...

Менахем. Мама, мы не в поезде... Мы приехали. Сориентируйтесь, мама...

Из сарая выходит Степан, изумленно смотрит на Менахема и Маму.

Здравствуй, Степан!

Степан издает какой-то неопределенный звук.

Вот, приехали погостить... Город, знаешь, он выматывает... Хочется до природы... И врачи рекомендуют. Особенно маме...

Степан вновь издает неопределенный звук, исчезает в сарае.

Мама. Кто это?

Менахем. Степан.

Мама. Редкое имя.

Менахем. Здесь не редкое. Это деревня. Сориентируетесь, мама...

Из сарая гурьбой вываливаются Тевье, Степан, Мотл, Цейтл, Федор, Хава. Все тупо смотрят на Менахема и Маму. Скрипач испуганно замолкает.

Менахем. Здравствуйте, реб Тевье! Как говорится: а вот и мы! (Пауза.) Реб Тевье, у меня такое ощущение, что вы нам не до конца рады. Вы получили мою телеграмму?

Мотл. Получили...

Менахем. Ну?

Мотл. Что значит “ну”? Вот она, ваша телеграмма. (Достает из кармана бумажку.) “ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОЖИТЬ МЕНАХЕМ С МАМОЙ”.

Менахем. Не “приезжай-те”, Мотл, а “приезжаем”!

Мотл. Здесь... “те”.

Менахем. Я не знаю, что здесь, я знаю, что писал... И потом, я получил же от вас ответ. (Достает телеграмму.) “Спасибо! Век не забудем! Семья Тевье”. Вы это посылали?

Мотл. Ну...

Менахем. Что “ну”?

Мотл. Менахем, вы нормальный или нет? За что написано “спасибо”?

Менахем. Как за что? Я думал, за то, что приезжаем...

Пауза.

Тевье (не выдержав, поднял руки к небу). Господи милосердный, и Ты хочешь, чтоб я молчал?

Смеется. За ним начинают смеяться остальные. Начинается какой-то нервный смех, перемежаемый всхлипываниями.

Степан. Ну, народ... С вами не соскучишься...

Мама (она одна плохо понимает происходящее). Меня в поезде так трясет... (Это вызывает очередной взрыв смеха.) Почему смех? Тевье, почему смех?

Тевье (утирая глаза). А что нам еще остается в этой жизни, Берта? Что еще? Играй, Йоселе...

Все смеются и плачут. Скрипач начинает играть. Медленно опускается

Занавес

Шут Балакирев, или Придворная комедия

В двух частях

Список ролей для господ актеров, пожелавших принять участие в пьесе:

Петр Алексеевич Романов, император российский.

Екатерина Алексеевна, его супруга, императрица.

Петруша Романов, внук императора.

Балакирев Иван Алексеевич, камер-курьер, шут.

Меншиков Александр Данилов, светлейший князь.

Ягужинский Павел Иванович, граф, обер-прокурор Сената.

Шафиров Петр Павлович, барон, вице-канцлер.

Монс Виллим Иванович, камердинер, секретарь императрицы.

Принц Голштинский.

Анисья Кирилловна Балакире, мать Ивана.

Дуня Бурыкина, невеста, затем жена Балакирева.

Бурыкина Дарья Степановна, мать Дуни.

Головкина Екатерина, камер-фрейлина.

Растрелли, художник, итальянец.

Шапский Феофилакт, обер-шут, кнутмайстер.

Лакоста, шут.

Ушастик, шут.

Педрилло, шут.

Карлик, шут.

Фрейлины, гвардейцы, горожане.

Уведомление для зрителей

В пьесе (при крайней необходимости) используются некоторые слова и выражения, считающиеся ныне “ненормативными”, но бывшие в употреблении и признававшиеся языковой нормой для россиян, живших в XVII веке.

Пролог

...Стоит на посту солдат, одетый в форму Преображенского полка. Публика в зале рассаживается, а он – стоит. Свет погасили, а он все стоит потеет... Потому что на солнцепеке стоит, а амуниция у солдата тяжелая... Не выдержал солдат – глаза прикрыл, взмолился...

Балакирев (закрыв глаза). Боженька, Боженька, пожалей солдатика. Солнце палит, голова болит. Яви чудо – пошли тучку с дождичком... (Приоткрыл глаз, глянул на небо.) Отставить!.. (Снова прикрыл глаза.) Маменька, маменька, Анисья Кирилловна, спаси сыночка, пролей слезу, укрой от зноя. (Открыл глаз.) Отставить!.. (Снова закрыл.) Дуня-Дунечка, любушка моя, собери росу в лесу, дунь в мою сторону, Дунь!.. Отставить! (Снова прикрыл глаза.) Отец-командир, ротный капитан, приди хоть ты с похмелья, раздолбай, дыхни в лицо рассолом... Нет, не придет! (Закрыл

глаза.) Вельможные генералы, что пиво холодное пьют да шампанское со льдом трескают, явитесь хоть во сне солдату, поделитесь капелькой, ядри вашу мать!..

В этот момент появляется князь Меншиков с подзорной трубой в руках и флягой за поясом, удивленно наблюдает за Балакиревым.

Во, один почудился!.. И фляжка у его с брульянтами... Сам, поди, из нее выпьет, сукин кот, а не поделится... (Закрыл глаза, затряс головой, как бы прогоняя наваждение.)

Меншиков. Могу поделиться! (Открыл флягу, набрал полный рот жидкости, подошел к Балакиреву, прыснул ему в рожу.) Полегчало?

Балакирев (вздрогнув). Так точно, ваше превосходительство!

Меншиков. Кто таков?

Балакирев. Рядовой музыкантской роты Преображенского полка Иван Балакирев!

Меншиков. А я кто, знаешь?

Балакирев. Никак нет.

Меншиков. Генерал-фельдмаршал его императорского величества...

Балакирев пошатнулся.

Стоять!.. Еще не все регалии сказаны... Председатель военной коллегии... Стоять!!! Главнокомандующий... армии... Стоять!! Светлейший князь Меншиков Александр Данилович!!. Ну как, похолодало внутри?

Балакирев. Т-так точно... Оз-з-зноб-с... бьет!

Меншиков. Хорошо, что бьет... Лучше озноб, чем я. А где ж рота твоя, часовой?

Балакирев. Осмелюсь доложить – искупаться решили, в пруду!..

Меншиков. Смелое, однако, решение... (Направил подзорную трубу в

сторону пруда.) Без порток командующего еще не встречал никто! Вижу! Красиво... А ты чего ж не купаешься?

Балакирев. Оставлен стоять на посту... Для охраны инструментов!

Меншиков. Чего ж их охранять? Струменты звучать должны, когда командующий появляется в полку.

Балакирев. Так точно.

Меншиков. Ну и играй!

Балакирев. Как-с?

Меншиков. А как хочешь? Ты за роту здесь поставлен, значит, за всех и отдувайся!..

Балакирев. Слушаюсь! (Секунду подумав, стал имитировать музыкальные инструменты.) Тут-ту-ту! Труби-труба!.. Фьють-фьють... Дзинь-дзинь!.. Тра-рах-таррах! Бздынь-бздынь! Ебс-ебс! Чшш! Ж-жах!.. Фьють!.. Ж-жах!.. Ех-ех!..

Звуки постепенно стали складываться в некое подобие оркестра. Меншиков с интересом наблюдал за Балакиревым.

Из пруда появился голый преображенец. Стыдливо прикрывая срамные места, незаметно пытается взять сапоги и амуницию.

Меншиков (Балакиреву). “Звучит музыМГка полковая, бойцов на подвиги скликая...” А вот и они подтягиваются! (Преображенцу.) Тебе чего, служивый?

Преображенец (испуганно). Обмундирование забрать... ваше высокопревосходительство...

Меншиков. Зачем? Ты и так одет правильно... Это будет теперь вам – летняя форма одежды. В таком виде роту и построй!

Преображенец. Слушаюсь! (Исчезает.)

Меншиков (Балакиреву). Пошли, часовой, парад принимать! (Подошел к

кулисе.) Здорово, молодцы!

Преображенцы (из-за кулис, нестройно). Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Меншиков. Херово кричите, ребята!! А стоите, в ентом смысле, еще хуже... А ну, Балакирев, построить всех по порядку...

Балакирев. Осмелюсь спросить: это как?

Меншиков. По ранжиру. От большего к меньшему...

Балакирев. Слушаюсь!.. Рота, слушай команду! Руки опустить!.. Ранжир определить!.. (Меншикову.) Ваше высокопревосходительство, как прикажете его замерять?

Меншиков. А как предлагаешь?

Балакирев. Так все от ранжира зависит... Иной махонький, и циркулем не замерить... А иной, гляжу, придется вдоль забора растянуть да шагами просчитывать...

Меншиков (довольно хохотнул). Как, говоришь, фамилия твоя, солдат?

Балакирев. Балакирев.

Меншиков. Фамилия – звучная! Смекалка – быстрая! Рожа – наглая!.. В общем, пойдешь, Балакирев, служить к царскому двору... в специальную шутовскую команду! Остальная же рота в таком вот натуральном виде направляется со мной в расположение полка... Для парада на плацу!.. Понятно? Балакирев! Играй марш!

Балакирев. Слушаюсь!.. Трам-тара-рам! Там! Там!

Преображенцы. Трам-тара-рам! (Подхватив мелодию, преображенцы строем уходят вместе с Меншиковым.)

Часть первая

Картина первая

Музыка из условной стала реальной. Затрещали трещотки-барабаны.

Появилась шутовская команда: Карлик, Ушастик, Педрилло, Лакоста. Ведет команду обер-шут Шапский. На нем надета треугольная шляпа, напоминающая известную шляпу Петра.

Шуты (поют).

Ать! Ать! Вашу мать

Просим всех шутам внимать!

Дурни глупостью богаты,

Им ума не занимать!

Вот! Вот! Началось!

Точно с глузда сорвалось!

Настроенье получшало...

И в портках все поднялось!

Вот! Вот!..

Энергично пляшут, затем замирают, со страхом поглядывая на Шапского и как бы ожидая оценки спетого.

Шапский (снял шляпу, помрачнел). Так, ребяты! Послушал вас, послушал... и скажу... как бы поизячней-то... Одним словом, это у вас пока полная херня! Я ни разу и не улыбнулся! А я, знаете, человек веселый... но суровый! Либо смеюсь – либо морду бью! Так что сами выбирайте, чем займемся! (Строго посмотрел на шутов, те закивали.) Давай еще раз! Сначала! Нет, с конца... Нет – сзаду наперед!

Шуты поняли приказ буквально, развернулись, ударили по пришитым к задницам тарелкам, заголосили.

Шуты.

Вот! Вот! Вот! Вот!

Ходи сзаду наперед!

Что-то жопа прошептала,

Да никто не разберет.

Заплетается язык,

Языкнулся заплетык!..

Я те ща сострою рожу,

Острым режиком заножу...

Будешь зенками мигать,

Будешь дрыгами ногать!..

Оп! Оп! Оп! Оп!

Шапский (мрачно). Разгонит команду царь! И правильно сделает: на кой вас, дармоедов, кормить?.. Чего поете, об чем поете? Хрен разберешь! Отменяю все слова... Рожами смешить!.. Рожами!

Шуты. Оп! Оп! Эх! Эх! Ух! Ух! Ать! Ать!

Заплясали в странном танце. Гримасничают.

Появляется Иван Балакирев.

Балакирев. Прапорщик Преображенского полка Иван Балакирев! Прибыл в придворную шутейную команду для прохождения службы!

Шапский (шутам). Допрыгались? Вам уже солдат нам на подмогу посылают... Спасибо, что пришел, служивый. Спасибо! (Обнял Балакирева.) И как же ты, Ваня, служить здесь намерен?

Балакирев. Как прикажут...

Шапский. Ну, прикажу я тебе ушами шевелить... Сможешь?

Балакирев (растерянно). Как?

Шапский. Да хоть вот так... (Ушастику.) Ушастик, покажи искусство.

Ушастик. Чего?

Шапский (громче). Ушами пошевели!

Ушастик. Чего?

Шапский (орет). Ушами подвигай, а то ща оторву тебе их за ненадобностью!

Ушастик. Понял... (Смешно шевелит ушами.)

Балакирев. Не... Так не смогу...

Шапский. Может, музыку из себя исторгать способен?

Балакирев. На гармошке играю... На дудке могу...

Шапский. Это хорошо. Педрилло, достань-ка дудку!..

Педрилло полез в штаны, достал из огромных карманов дудку.

Это у нас главный музыкант. Педрилло прозывается... Специально в Италии закуплен для музицирования и тонкого пения. Думали – кастрат. Оказался – нет. Наоборот. (Протягивает дудку Балакиреву.) Что исполнишь?

Балакирев. “Полковую зарю” могу сыграть.

Шапский. Сыграй, Ваня, полковую зарю, порадуй душу...

Балакирев приложил дудку к губам.

Погоди, служивый! Ты ротом, что ль? Ротом любой сыграет. У нас тут другим местом музицируют...

Педрилло приложил дудку к заднице, издал несколько звуков. Шуты

одобрили: “Во заря какая! Во как занялась...”

Шапский. Попробуешь?

Балакирев. Не... так... не хочу.

Шапский. Экий, Ваня, ты привередливый. Так не можешь, эдак не хочешь. На кой ляд тогда сюда направлен? (Шутам.) Как его оскоморошить, кто знает?

Шуты зашумели, забормотали что-то невнятное. Темпераментней всех высказывался Лакоста, правда из-за скорости произношения слов и нечеткой дикции понять что-то было трудно.

Лакоста. Фсеяфнопохасфочноуфмешнят кахлика...

Шапский. Чего?

Лакоста. Похасфочнохафенять... кахлика.

Шапский. Ты так думаешь?.. (Балакиреву.) Это у нас жидовин. Из Амстердама. Ты сам, парень, откуда родом?

Балакирев. Из Тверской губернии.

Шапский. У вас в Тверской, поди, жидовина никто и не видал?

Балакирев. Нет.

Шапский. Вот. А мы при дворе уже содержим... Лакостой зовут. Очень умный, но понять ничего нельзя, поскольку букв не выговаривает! Так ему верим. Без букв! (Шутам.) Ну, кто понял, чего он хочет?..

Карлик. А чего не понять? Под меня копает, гад... Верно, Лакоста?

Лакоста (кивнул и продолжил мысль). Потомуфтонфнонофофоименфе... кахлика...

Карлик (заволновался). Куды ж меньше? (Вскочил на колени, к которым были привязаны башмаки.) Меньше и не бывает!.. На всех потешных ассамблеях песенку пел, царь раз даже прослезился... (Запрыгал, запел.)

Меня матушка рожала,

На дороге, на мосту.

Меня куры обосрали,

Оттого я не расту...

Шапский. Учись, Иван! Чуть опустил себя человек – и всего добился. Большие деньги на курях зашибает. А может, вам на пару петь? Так-то сможешь?

Балакирев. Смогу, но не буду!

Шапский. Это почему ж, дозволь спросить?

Балакирев. Не обучен на колени становиться...

Шапский. Во как... А ежели очень попросим?

Балакирев. Все равно. На колени не встану. Потому как я потомственный дворянин!..

Шапский (гневно). Ах ты сукин сын, потомственный!.. Ты это кому говоришь?! Мне, князю-папе?.. Обер-шуту! Я, Феофил Шапский, и в колпаке ходил, и на свинье верхом ездил... А царь приказывал – и с корыта с ней жрал. А тебе, значит, все это зазорно?!! (Достал кнут.) Ну, ничего. Мы тебя тут быстро оскоморошим! Я ведь не только обер-шут, я еще и кнутмайстер... (Щелкнул кнутом.) Прибыл к нам, так показывай, чему искусен! Шути!!

Балакирев. Как?

Шапский. Шути, сука!

Балакирев. Помилосердствуйте! Нельзя ж так, по приказу. Шутят под настроение...

Шапский (шутам). Каков, ребята? Мы здесь без продыху сутки дрочим шутки, а ему, вишь, настроение подавай? Щас! (Щелкнул кнутом, закрутил на шее Балакирева.) А ну, вяжи его, братцы! Отпетушим по полной!

Шуты притворно закудахтали, набросились на Балакирева, схватили за руки, начали стаскивать штаны...

Доставай, Педрилка, смычок! Сыграй на ем зарю!

Педрилло угрожающе полез в штаны, достал флейту, стал надвигаться на согнутого Балакирева.

Стукнула дверь. В комнату стремительно вошел царь Петр. За ним – Меншиков, Ягужинский, камер-юнкер Вилли Монс и еще несколько придворных. Шуты в страхе отпрянули от раздетого Балакирева, спрятались по углам.

Петр (гневно). Это что?!! (Шапскому.) Я тебя, князь, спрашиваю... что тут учиняется?!

Шапский. Государь! Да мы тут...

Петр. Вижу, как вы тут... Я тебя главным куда поставил – на шутейную палату аль в курятник?.. А ну, дай мне кнут!! Быстро! (Шапский робко протянул царю кнут, тут же получил по спине кнутовищем.) Ишь, чем баловаться вздумали, нехристи! Я за эти содомы ноздри рву! (Царь несколько раз хлестнул по шутам. Затем замахнулся на Балакирева.) Ты кто таков?!

Балакирев. Иван сын Балакирев, государь!

Меншиков. Это новенький шут, мин херц. Из Преображенского полка... Мной сюда определен... в команду.

Ягужинский (тихо). Александр Данилыч! Почему мне про то не было сказано?

Меншиков. А тебе зачем?

Ягужинский. Обер-прокурору положено знать о всех назначениях ко двору...

Меншиков. Прокурор – для сурьезных дел. А здесь – шутейное...

Ягужинский. Не вижу пока ничего шутейного.

Меншиков. До прокурора шутка доходит только через год, и то по этапу. (Царю.) Тебе ж, государь Петр Алексеич, я про него все сказывал...

Петр. Чего ты мне сказывал? Не помню.

Меншиков. Ну, веселый малый, что на посту стоял. Смешной!..

Петр. Вижу, какой он смешной (Балакиреву.) Преображенец?!!

Балакирев. Так точно, ваше величество!

Петр. А коли преображенец, чего не отбился от такого постыдства? Что в уставе мной прописано? “...Зубами пасти рви, кровью плюй, а задницу свою как зеницу ока береги!..” Кто из них тебя первый огулял? Кто принудил?! Говори!

Шуты испуганно замерли.

Балакирев. Да никто не принуждал, ваше императорское величество. Я сам вроде как предложился...

Петр. Что?! САМ?!! (Грозно надвинулся на Меншикова.) Ты кого привел мне, дубина стоеросовая? (Хлестнул светлейшего.)

Меншиков (прикрываясь). Да я что, мин херц? Откуда мог знать?!

Балакирев. Так я ж вам сказывал, ваше высочество...

Меншиков. Что ты мне сказывал?!

Балакирев. Ну, про тот случай...

Ягужинский. Про какой случай? Подробности попрошу.

Меншиков (упавшим голосом). Что ты несешь, Ваня? Какие подробности?..

Балакирев. Про то, как царь-государь Петр Алексеевич со мной знакомство свел...

Петр. Этого только мне не хватало... Когда я с тобой, дураком, знакомился?

Балакирев. Давно это было, ваше величество. Зачем вам помнить? Мало ль вы подданных своих на день видите... А для нас это очень памятно... Двадцать лет, считай, тому назад были вы, государь, проездом в Твери... Шли мимо нашего дома. За вами – вся свита... И вдруг вы возле дома нашего остановились и говорите: “Чей дом?” Вам говорят – дворянина Балакирева. Вы, государь, говорите: “А нет ли в этом доме того, кто главней меня?”... Ну, свита вся задрожала... И отец мой, Александр Иванович, светлая ему память, тоже наземь рухнул: кто это может быть главней царя?.. А вы в дом шагнули, огляделись и видите – в люльке дитя лежит, плачет... “Вот! – сказали вы, ваше величество, – вот кто главней меня. Я ему прикажу “молчи!” – он приказа не выполнит. А он мне орет – мол, возьми меня на руки, царь, – я подчиняюсь!” Взяли вы меня, государь, на руки, я и затих... Вы, ваше величество, рассмеялись. И при всех меня поцеловали...

Петр (с усмешкой). И куда ж я тебя поцеловал?

Балакирев. А вот я и собрался это господам шутам показать... Они уж очень просили. Уж коли, говорят, сам царь туда тебя целовал, Ваня, нам, стало быть, тоже это особо приятственно будет... Вот только, значит, приготовились, а вы и помешали...

Пауза.

Петр (захохотал). Не... Почему?! Не надо мешать. Такое сердечное уважение подданных царь только приветствовать должен... Кто у нас первым вызвался? (Шапскому.) Ты, князь-папа?! Цалуй!..

Шапский заскрипел зубами от отчаяния, но покорно направился к Балакиреву, уже начавшему приспускать штаны, встал на колени...

Шапский (почти плача). Государь! Дозволь хоть не при всех...

Петр. Ну ладно... (Обнял Меншикова.) Пошли, Сашка! Не будем смущать... У их дело интимное... А новый шут хорош!.. Ловок. (Монсу.) Возьми его к себе в штат, господин камергер. Сгодится!

Монс. Непременно, ваше величество!

Петр и Меншиков уходят.

Ягужинский (Монсу). Вот новость! Это когда ж вы камергером-то сделались, Виллим Иванович?

Монс. Поутру указ был подписан, Павел Иванович.

Ягужинский. Поздравляю! Опять, значит, мимо меня назначенье? Кого благодарить будете – Меншикова али Шафирова?

Монс. Хотел бы только Господа Бога! Господь меньше берет...

Ягужинский. Чего?! (Удивленно смотрит на Монса, потом смеется.) Это у тебя шутка такая? Понял! Я шутки хорошо понимаю, когда с тайным смыслом... (Смеется, уходит.)

Монс (Балакиреву). Иван, подойди!

Балакирев подходит.

Курьером ко мне пойдешь служить!

Балакирев. Слушаюсь!

Монс. Бегаешь быстро?

Балакирев. Могу одна нога здесь, другая – там!

Монс. Так не надо. Портки порвешь. Поспешать надо медленно, соображать – быстро. Потому при дворе прямых дорожек нет. Все с поворотцами. За каждым – подножка... Поэтому надо где бочком, где вприпрыжку.

Балакирев. Благодарен буду за науку, ваше превосходительство. (Направляется к выходу вместе с Монсом.)

Шапский (стоя на коленях). Эй, Иван, погоди! Царский приказ-то исполнить надобно?..

Балакирев. Какой приказ?.. Ах, этот?.. Ей-богу, князь... тут дела сурьезные пошли, а вам лишь бы целоваться!.. (Монсу, указывая на Шапского.) Ну

такой настырный, беда просто!

Быстро уходит вместе с Монсом.

Музыкальная интермедия

Обиженный Шапский вскочил с колен, махнул кнутом, отчаянно грохнул в барабан.

Шуты (застучали в такт, заголосили).

Ой, судари-судари!

Ой, дури-дури-дури!

Думай, брат, чеши затылок!

Ой, чесало затыли...

Ворвались несколько фрейлин. Погнали шутов: “Кыш! Нелюди! Не до вас, чертовы дети!” Расставляют зеркала. Раскладывают гребни, флаконы с духами и прочие принадлежности. Заметив в зеркале приближающуюся царицу, все испуганно замирают в почтительных позах.

Появляется Екатерина, сопровождаемая камер-фрейлиной Головкиной.

Картина вторая

Екатерина (садясь перед зеркалом). Ишь, сколько цирюльников набежало! Чего вылупились? Чай, не в кунсткамере. Одна фрейлина, что ль, не может царицу причесать?

Головкина (шутам и фрейлинам). Все – прочь!

Шуты и фрейлины исчезают. Головкина причесывает Екатерину.

Екатерина. Вот тут заколи... И тут!.. Да не так! О, майн гот! Экая ты, Катиш, неловкая... Ну вот – локон сбила.

Головкина. Прощенья просим, государыня.

Екатерина (сама пытается вернуть локон на место). Черта мне в твоем

Екатерина (сама пытается вернуть локон на место). Черта мне в твоем прощении, дура! Вона!.. Теперь и не запендеришь его обратно... Ты у кого убранству волос училась?

Головкина. У Минны Карловны, государыня.

Екатерина. Минна Карловна – уборщица отменная... Зеер гроссе фризе-майстер!

Головкина. Да это уж точно, государыня, зеер гроссе... Но мне Бог такого таланту не дал.

Екатерина. Как же не дал? Себе-то вон какую прическу соорудила... Чистый Версаль!

Головкина. Так это она, Минна Карловна, и делала... Три дни назад.

Екатерина. И до сих пор держится?

Головкина. Так сидя же спим, государыня! Как часовые... Чтоб только убору не испортить...

Екатерина (усмехнулась). Ну, таких мук мне не перенесть... Да и все едино, государь прическу сомнет... У него лапища-то во какие... А уж ежели в страсть любовную войдет, то вооще... (Подозвала пальчиком фрейлину, что-то зашептала ей на ухо. Обе женщины рассмеялись... Впрочем, Екатерина тут же посуровела.) Ты это, Катиш, токмо не вздумай никому болтать! Забудь сразу!

Головкина. Забыла, государыня.

Екатерина. Напрочь!

Головкина. Напрочь забыла!

Екатерина. И алмазную заколку слева у себя сними! Я ведь запретила с двух сторон заколки делать на царский манер... Мне уж и государь строго приметил, что среди фрейлин моих распространились излишние олдфер-цирунг!! Сыми, тебе говорят!..

Фрейлина испуганно выдернула заколки, прическа развалилась.

Во! Так тебе гораздо лучше. Ступай!

Головкина (пошла к выходу, остановилась). Государыня, в приемной новый камергер дожидается. С бумагами. Изволите принять?

Екатерина. Новый? А старый где?

Головкина. Уволен с должности.

Екатерина. За что?

Головкина (подумав). Старый...

Екатерина. Кому? Фрейлинам твоим? Вот бесстыдницы. Уж и камергеров для себя подбирают... Иди отсюда!

Фрейлина поспешно удаляется. Ее место занимает Виллим Монс. Он в новеньком мундире, аккуратно причесан. На носу очки. В руках – папка с бумагами.

Монс. Осмелюсь войти, ваше величество, государыня императрица?

Екатерина. Ты кто?

Монс. Камергер Виллим Монс.

Екатерина. Почему Монс? Откуда взялся Монс?

Монс. Два дни как переведен из обер-порученцев по канцелярии согласно указанию его императорского величества, государя Петра Алексеевича.

Екатерина. Погоди, не тарахти! Ты из каких Монсов? Ты не брат ли Анны Ивановны Монс?

Монс. Так точно, государыня.

Екатерина (вскочила в гневе). Да это что ж? Насмешка, что ль? Ведь твоя Анька Монсиха была главной полюбовницей государя.

Монс. Не могу знать.

Екатерина. Что “не могу”?! Царь же к ней по ночам в немецкую слободу сколько лет ездил...

Монс. Не могу знать, государыня. Я по ночам сплю.

Екатерина (закричала). Пошел вон!!! Дрянь! Шайзе! Ейне гештанкине шайзе! Унд йор кениг Петер ист шайзе... (И еще несколько крепких фраз по-немецки.)

Монс. Повинуюсь, государыня (Повернулся, направился к выходу.)

Екатерина. Стой!

Монс остановился.

По-немецки понимаешь?

Монс. Так точно. Родители из Западной Пруссии. Город Минденштадт.

Екатерина. Теперь наябедничаешь государю, как я тут его?..

Монс. Никак нет, ваше величество. В мои обязанности не входит слышать ненужные для моего государя слова...

Екатерина. Ишь какой... Ни с какого боку тебя не ковырнешь. Что в папке?

Монс. Расчетные счета по закупкам на дворовые надобности. Челобитные.

Екатерина. Счета сам подписывай. Потом за них с тебя и спрос будет. А челобитных к государыне по сто штук на день приходит... Глаз не хватит все прочесть!

Монс. Я, ваше величество, специальный экстракт из челобитных сделал... В одну-две строки... Чтоб слух вашего величества не утруждать.

Екатерина. Ишь какой... Ну давай... Не утруждай!

Монс (открыл папку). “Экстракт из поданных ея величеству всепресветлейшей государыне императрице всероссийской Екатерине Алексеевне челобитен... на 20 сентября 1724 года. Гвардии сержант Осип Лебедев нижайше просит, чтоб за верную службу наградить отписным двором на Санкт-Петербургском острову... Служитель Иван Хитров... чтоб

двором на Санкт-Петербургском острову... Служитель Иван Хитров – чтоб за службу удостоить рангом... Церкви Воскресения Христова поп Петров с причетники – чтоб выдать им денежное жалованье за прошлые годы...”

Екатерина (не слушая)...Эта Анька Монсиха, она совсем бесстыжая была. Про это все в Москве говорили... И пахучими травами царя дурила, и позициями разными развратными... индийскими... в кровать заманывала!..

Монс (не реагируя на реплики Екатерины). “...Гвардии-лейтенант Дмитрий Шепелев – чтоб наградить вотчинами в Московском уезде... Верховые конюхи Михайла и Иван Владистовы – чтоб их определить хлебным довольствием...”

Екатерина. Ну что бормочешь, как тетерев?! Никому ничего не подпишу!

Монс. “...Вдова Балакирева – чтоб ея сына Ивана, взятого на службу ко двору, определить на отдельную казенную квартиру на Васильевском...”

Екатерина. Какой еще Балакирев? Это новый шут, что ли?! Который с царем вторую неделю гуляет? Вот дулю ему, а не квартиру! Осердил меня царь. Осердил новыми назначеньями! Да и ты, Виллим, хорош! Ведь молодой же человек, лицом пригожий, из знатной фамилии... Гордость-то надо иметь?.. Я ж твою родную сестру поношу срамными словами – а ты и дале терпеть намерен?

Монс (решительно). Намерен, ваше величество!

Екатерина. Так жалованьем дорожишь?

Монс (сдернул очки). О нет! Потерю жалованья стерплю, государыня. И обиды стерплю. Родную мутер мою обидите – все равно стерплю лишь за одно счастье быть при вас и видеть вас, майне либен фрау Марта... (Страстно смотрит на Екатерину.)

Екатерина (чуть вздрогнула, отступила). Ну ты, чего несешь?.. Брось!..

Монс. Потому как влюблен, Екатерина Алексеевна... Ендшульдиген зи мих, битте... Много лет. Безмолвно, безответно, безнадежно! Встаю рано, имя ваше шепчу, ночью спать ложусь с именем вашим, точно с молитвой. И так уж много лет... Мне ведь и годков немало, но я о женитьбе не помышляю, поскольку даже в помыслах никого заместо вас представить не

могу... А теперь ваше право, государыня, вызвать стражу и казнить, поелику и страшная казнь по воле вашей для меня счастье!.. (Упал на колени, рыдая, стал страстно целовать пряжки туфель царицы.) Екатерина (чуть взволновалась). Ну ты!.. Глупый... Замолчи! Меня и себя погубишь, что ты?.. Что ты?.. Да не гоню я тебя... Не гоню! (А сама уже стала волосы его гладить.)

В это время распахнулась дверь, и в покои вбежал запыхавшийся Балакирев. На нем уже расшитый камзол камер-лакея. Вбежав, замер, увидев Екатерину и стоящего перед ней на коленях Монса.

Балакирев. Государь просит срочно государыню проследовать...

Екатерина (взвизгнула, оттолкнула Монса). Кто здесь?.. Зачем?

Балакирев. Камер-курьер Иван Балакирев. По личному приказу его императорского величества.

Екатерина. Это он велел без спросу в комнаты царицы входить?

Балакирев. Так точно! Государь просит срочно проследовать на балкон... Они в вашу честь серенаду зачинают петь совместно с принцем Голштинским!

Екатерина. И пусть поют. Уж неделю воют. Что ж за спешка?

Балакирев. В связи с восходом луны!.. Они жалают, чтоб государыня одновременно с ночным светилом на небе появилась... Для полной красоты картины и всеобщей гармонии мирозданья!..

Екатерина. Тьфу! Видать, снова напились, черти... (Подобрала юбку, быстро пошла к балкону. Через секунду оттуда послышались приветственные возгласы, затем – звон гитар и нестройное мужское пение.)

Монс встал с колен, отряхнулся, оглядел Балакирева.

Балакирев (бормочет под нос)...Он так и сказал, царь, лети, говорит, дурак, сломя голову, а я говорю, а как же без докладу, а он говорит, я те в шею сейчас доложу, я и побежал...

Монс (строго перебил). Подслушивал?

Монс (строго перебил). Подслушивал!

Балакирев. Никак нет!

Монс. Зря! Кабы подслушивал, знал бы, что говорили с царицей лишь о делах. А на коленях ползал, поскольку государыня заколку потеряла... Искал...

Балакирев. Так точно, ваше превосходительство... Я так и подумал. Дозвольте поднять? (Поднимает заколку фрейлины.)

Монс. Молодец! Глаз отменный... И соображаешь быстро. Челобитная была от маменьки твоей, насчет выделения квартиры. За усердие получишь на Васильевском острове... В лучшем месте.

Балакирев. Благодарствую, ваше превосходительство! Век не забуду!

Монс. Забудешь – напомню.

Слышны аплодисменты, крики “Виват!”. С балкона появляются Екатерина и Петр.

Екатерина. Ну что ты, ей-богу, Петруша, как мальчишка?.. Мыслимо ли дело – по веревкам на балкон влезать? А ну бы сорвался?

Петр. Никак сие невозможно, мутер. На лучших голландских фрегатах учили по канатам лазать... Да и народ сейчас смотрел!.. Можно ли допустить, чтоб русский царь перед своим народом с балкона падал?.. Вся бы Европа содрогнулась! (Монсу и Балакиреву.) Верно говорю, ребяты?

Монс и Балакирев. Так точно, господин бонбардир!

Петр. Молодцы! Четко отвечаете... (Екатерине.) Как тебе новый камергер? Хорош?

Екатерина (иронично). Да уж куда лучше...

Петр (обнял Екатерину). Не сердись, мутер. Привыкнешь. Он малый четкий, надежный. (Подошел к Балакиреву.) А это у меня новый потешный майстер...

С балкона вдруг раздается треск, истошный крик, звук падающего тела.

С балкона вдруг раздается треск, истошный крик, звук падающего тела.

Чего еще там стряслось? Сбегай, Ванька!

Балакирев пулей метнулся к балкону.

Ванька Балакирев! Потешный мастер... Уж такой языкастый, такой... Его Меншиков сыскал...

Екатерина. Да уж слышала...

Балакирев (возвращается запыхавшись). Беда, государь! Беда! Принц Голштинский... полез на балкон да... наземь... ебс...

Петр (прерывая). Тихо ты!

Екатерина (испуганно взвизгнула). Ой! Ведь просила, Петруша! Не пои принца... Не пои!

Петр. Да как же не поить, коли он принц? И в зятья просится? (Балакиреву.) А ты – дурак! Я тебя хвалю за остромыслие, а ты... “Беда! Беда!!”

Балакирев. Так ведь упал же ж...

Петр. Упал – не пропал... Ты изволь изложить енто событие весело... Приятственно для общества. Тем более тут дама!

С балкона вновь слышен треск и крики принца Голштинского.

О! Кажись, снова на штурм пошел... Погляди-ка!

Балакирев стремглав убегает на балкон, затем возвращается с улыбающейся рожей.

Петр. Ну?

Балакирев. Осмелюсь доложить, ваше величество, – все в порядке! Принц не упал...

Крики с балкона.

Оне – в полете...

Крик.

Портками за крюк зацепились и парят-с...

Екатерина. Господи! Снять же надо! Немедленно!

Балакирев. Слушаюсь! (Бросается на балкон, через мгновенье возвращается со штанами принца.) Исполнено, государыня! Снял-с!..

Екатерина. Дурак! А принц где?

Балакирев. На балконе дремлют... после восхождения. Прикажете внести?

Екатерина (засмеялась). На кой ляд он сдался? Да еще без порток...

Петр (обнял царицу). Ну вот, мутер, и ты повеселела. Молодец, Ванька! Рожа невинная, точно ангел с похмелья, но чудить умеет! Расскажи, как тебя Меншиков в Преображенском полку отыскал!

Балакирев. Удобно ли, господин бонбардир, при дамах-с?

Петр. При каких таких “дамах-с”? Здесь из дам одна государыня, так и она в полку служила, солдатам портки стирала... Всего наслушалась! Рассказывай!

Екатерина. Про то, как князь голых на плацу построил?.. Слышала я уже...

Петр. Не... Там же не в том соль... Там главное – как они “ранжир” замеряли... Кому, говорит, циркулем, а у кого, говорит, вдоль дороги растянуть... да шагами мерить... (Смеется.)

Екатерина. Не вдоль дороги, а вдоль забора... Знаю.

Петр. Нет... Вдоль дороги...

Екатерина. А я говорю – вдоль забора... Мне так пересказывали.

Петр. Ну, дуры пересказывали... Вдоль забора – не смешно совсем. Скажи, Иван, кто из нас прав?

Балакирев. Обои, ваши величества! Там и забор был... и дорога рядом... И так, и так мерил...

Петр. Вишь, какой хитрожопый Ваня! Молодец! Ладно... Ступай... В другой раз расскажешь... (Монсу.) И ты ступай, Виллим Иваныч! Ты тоже молодец! И не улыбнулся ни разу. Значит, службу свою правильно понимаешь...

Монс. Стараюсь ради Отечества, государь!

Монс и Балакирев уходят.

Петр. Ну как, мутер, хороший у меня шут?

Екатерина. Хороший, Петруша! У тебя вообще нрав веселый, всем известно. Вот придумал мне в камергеры брата бывшей полюбовницы назначить... То-то всем смешно при дворе станет.

Петр. Она уж померла давно, полюбовница...

Екатерина. Царство ей небесное... Да только чувствую, ты ее частенько вспоминаешь. А теперь и я буду вспоминать да зубами скрежетать...

Петр. Сказанула! Что ж я не скрежещу, когда на Алексашку Меншикова смотрю иль на генерала Шереметева?.. Иль на драгунский полк, что тебя пленил?!

Екатерина (со слезой в голосе). Эти грехи не на мне, государь. В них повинна молодая лютеранка Марта Скавронская... Да и она прощенья достойна, поскольку по принуждению под мужиков ложилась... А вот православную Екатерину Алексеевну тебе не в чем упрекнуть!!

Петр. Я и не упрекаю... Я ее люблю, дуру!.. Как увижу – ноги сами подгибаются... Как тогда, в танце... Когда первый раз пригласил...

Зазвучала музыка. Петр протянул руку Екатерине, они двинулись в медленном танце.

В самую лирическую минуту со стороны балкона неожиданно появился, в подштанниках, помятый и одуревший от пьянок, принц.

Петр. Во! Продолжатель династии пожаловал.

Голштинский (бормочет нечто по-немецки). О!.. Их вилл... Во бефин-дет майне либе Анна?..

Петр. Нейн, майн фроунд! Аннушку я пока за тебя не выдам. Ты штаны-то рано снял. Свадьба откладывается... Покуда пить не научишься! В России править народом и не пить с ним невозможно!.. Так что ступай пока спать один... Шлафен битте! (Хлопнул в ладоши.) Появились шуты и фрейлины.

Принца уложить спать! Проснется – опохмелить! Опохмелится – на веревку!.. Ну, чтоб научился по канату влазить! Скажите – к невесте его иначе как через балкон царь не пустит!..

Шуты подхватили упирающегося принца, увели.

Екатерина. Ох, не выдать мне дочку никогда! По себе, Петя, женихов меряешь? А где ж в Европе таких силачей сыскать?

Петр. Был силач, пока молод был. А теперь дедушка при молодой жене.

Екатерина. Ладно врать-то... Дедушка. Вон как на балкон сиганул.

Петр. А кто знает, чего мне это стоило?.. Лезу, кряхчу, боюсь обделаться... Не, Катя! Не тот стал Петя-петушок! Природа телу человеческому свои приказы дает: кому на печке греться, кому в танцах вертеться... Вот почему я тебе Монса в камергеры приставил. Коли дурь бабья в голову ударит – посмотри на него, брата полюбовницы, зубами от неприязни поскрипи – остынешь...

Екатерина (усмехнулась). Ну, ты, Петруша, чистый езуит...

Петр. Да нет, Катерина, царь православный! Вот в чем майн проблем. Был бы просто бонбардир – да иди гуляй, моя молодая жена, я с печи погляжу, порадуюсь. А когда держава за тобой, которую сам вот этими руками сделал, – тут думать надо... За всех. За всю империю!

Екатерина. Вот и думал бы, кому ее, империю, оставлять...

Петр. Думаю, Катя, думаю.

Екатерина. Есть у тебя две наследницы. Любой отпиши. По старшинству – Анне, а если по уму – Лиза на тебя боле похожа...

Петр. Верно. Но надумал: есть ведь и еще одна молодка в доме. Чем не будущая царица?

Екатерина (испуганно). Ты что, Петруша?! Я тебя пережить не хочу.

Петр. Про то тебя Господь не спросит.

Екатерина. Да какая я царица Руси? Я ведь и не русская!

Петр. А вот эту глупость не терплю. Что есть “русский”? Почему у иных народов нация в слове существительна, а у нас – прилагательна? Смотри: у них – “француз”, “немец”, “турок”. А у нас – “русский”! Это почему? Потому что здесь человек к России приложен!.. Я так понимаю: кто Россию полюбил, кто ей верно служит, тот и русский! Лефорт! Ганнибал! Шафиров! Все они русские... А Алексашка Меншиков – тот был русским, когда на Полтаве воевал, а как стал воровать без совести и закона – так, значит, в басурманы перекинулся, и его, сукиного сына, первым на дыбу вздернуть, если не отчитается... (Лицо Петра исказила гримаса гнева, по телу прошла судорога.) Головы казнокрадам буду рубить! Сам! Вот этой рукой. Как стрельцам тогда на площади!!.

Екатерина (испуганно схватила Петра за руку). Не гневайся, Петруша!.. Приступ начнется... Ну, затихай, злоба! (Гладит голову царя.) Затихай.

Петр (успокаиваясь). Видишь, как моя голова к твоей руке просится?! Тебе и быть наследницей. Я это и в завещании отпишу: “Я, Петр, император российский, оставляю всю власть любезной супруге Екатерине Алексеевне, моему советчику и соратнику, дававшей мне силу в трудах и походах и родившей...” (Осекся.) Сколько детей-то мне родила, уж не упомню.

Екатерина (тихо). Зато я помню всех, Петруша. Только ведь не уберегла... окромя двух девчонок...

Петр. Твоей вины тут нет. Детишки хилыми рождались. А почему? Потому что муж-подлец пил горькую... Да кулаками частенько мутузил... Такого варвара европейская леди нипочем бы не терпела, мышьячку бы подсыпала... А ты – нет. Жалеешь! Кто ж ты после этого есть, как не самая

что ни на есть русская баба? Тебя ныне перед народом и короновать буду! Пошли, мутер!!

Подал ей руку и повел к выходу, навстречу нарастающему шуму приветствующей толпы.

Вбежал Карлик.

Карлик. Государь! Принц Голштинский очухались и готовы опохмелиться...

Петр. Вовремя! Молодец!..

Уходит вместе с Екатериной.

Музыкальная интермедия

(Ее исполняют шуты и фрейлины, распевая песенку о сложностях и хитросплетениях придворной службы.)

Появляется Балакирев с пакетом. Шуты и фрейлины пытаются его остановить: “Иван! Ты куда? Иди к нам!”

Балакирев (уворачивается, бормочет). Никак не могу! Именной пакет... Срочный! Сказали, такой срочный, срочнее не бывает... Сей секунд доставь, Ванька... Я говорю – бегу! Они говорят – нет, дурак... сперва пойми, насколько дело срочное-пресрочное... И так – цельный час... Теперь, говорят, оно совсем срочное, беги...

Появляется Головкина. Шуты разбегаются.

Балакирев тоже хочет ускользнуть, но Головкина ловит его за рукав.

Картина третья

Головкина. Кому пакет несешь?

Балакирев (глянул на адрес). Его сиятельству графу Шереметеву...

Головкина (смеется). Какой ты глупый, Ваня! Коли важный пакет да именной, курьер никому про то говорить не должен!

Балакирев. Ох! Не знал.

Головкина. Вот наябедничаю Монсу, он тебя накажет!..

Балакирев. Не погубите, сударыня!..

Головкина. Коли тебя спрашивают любопытные, кому, мол, пакет, отвечай: не могу знать!

Балакирев. Спасибо за науку!.. Так впредь и стану! По неопытности глупость наша... По молодости.

Головкина. Потому и прощаю, что молод... (Ущипнула Балакирева.) Ты женат, Ваня?

Балакирев. Не могу знать, сударыня!

Головкина. Как это? Вот дурак!.. Здесь можно не таиться.

Балакирев. Никак нельзя, сударыня... Тоже дело важное... именное...

Головкина (подозрительно). Ты чего... насмешничаешь?.. Ваньку валять вздумал?

Балакирев. Так я сам Ванька и есть. Чего ж не повалять?

Головкина. Наябедничаю Монсу!

Балакирев. Премного буду благодарен... (Еще раз глянул на пакет.) Я ведь ошибся... сослепу. Енто не графу Шереметеву пакет...

Головкина. А кому ж?

Балакирев (гаркнул). Не могу знать!!!

Головкина (зло). Ну, смотри, змееныш! Со мной лучше не ссориться. Лучше приходи в комнаты. Гостинчик подарю. Может, подружимся?

Балакирев. Вполне может быть, сударыня...

Фрейлина ушла. Балакирев двинулся дальше и столкнулся нос к носу с

Шафировым. Тот шагал, опираясь на трость.

Балакирев. Господин барон, разрешите обратиться?

Шафиров. Чего тебе?

Балакирев. От камергера Монса Виллима Ивановича его сиятельству вице-канцлеру Шафирову срочный пакет! Велено передать в собственные руки и дождаться ответа.

Шафиров. Ну давай... (Взял пакет, вскрыл. Читает.) Подойди сюда.

Балакирев подошел.

Повернись!

Балакирев послушно повернулся, Шафиров сильно ударил его тростью по спине.

Балакирев (вскрикнул от неожиданности). Ой!.. За что, ваше сиятельство?!

Шафиров (спокойно). А я почем знаю? Ты у своего хозяина Вилли Монса спрашивай... Вот он тут в письме пишет: “А еще, любезный Петр Павлович, до тебя просьба: стукни палкой раза три по спине подателя сего письма...”

Балакирев. Господи, да за что ж? Провинностей никаких. Службу справляю честно...

Шафиров. А вот это Виллим Иванович и хотел проверить. Вдруг ты письма его почитываешь? Кабы читал, поостерегся бы под палку становиться... Спиной бы выдал себя... Увильнул... Но ты – нет! Я следил. Спина честная была, Иван!.. С чистой душой по ей ударил! Так о сем Виллиму и доложу!

Балакирев. Вот спасибо, ваше сиятельство. И Виллиму Иванычу спасибо за науку! (Подошел к Шафирову, вновь повернулся спиной.) Виллим Иванович три раза отписал стукнуть...

Шафиров. Да брось ты, Ваня. Я ж говорю: прошел ты проверку.

Балакирев. Проверка – проверкой, а служба – службой... Еще два разочка

не откажите, ваше сиятельство! По горбу!

Шафиров. Молодец! Похвально! (Два раза легонько стукнул по спине.) А за такое усердие – гостинчик от меня... (Достал флакончик.) Масло ароматное... Из Египту. Волосики можно смазать... Дамам приятственно! (Мажет Балакирева.) Ты не женат?

Балакирев. Никак нет.

Шафиров. Подыщем тебе достойную невесту!.. (Побрызгал на Балакирева из флакончика.) Фрейлин только берегись! Головкина пытала, куда бежишь?

Балакирев. Так точно!

Шафиров. Остерегайся! Она – человек Ягужинского. А ты теперь – мой.

Балакирев. Как это?

Шафиров. Я тебя пометил... (Прыскает из флакона.) Буду тебе благодетель и покровитель.

Балакирев. Благодарствую. Но мне светлейший князь Меншиков благодетель.

Шафиров. Знаю. Сразу почуял, как от тебя сивухой его разит. Но мы ентот запах перекроем! (Снова брызгает.) Ступай! Дальнейшие распоряжения получишь от Монса.

Балакирев. А на словах чего передать?

Шафиров. Ничего. Он сам чего надо унюхает...

Шафиров уходит. Балакирев провожает его глазами, затем начинает, сплевывая, стирать с волос пахучий парфюм. Появляется Лакоста.

Лакоста. Здорово, Ваня!

Балакирев. Здорово, Лакоста!

Лакоста (втянул носом воздух). От Шафирова идешь?

Балакирев. От Шафиро... (Осекся, удивленно смотрит на Лакосту.) Ты чего? Буквы стал выговаривать?

Лакоста (невозмутимо). Я всегда выговаривал. Я ведь только на службе картавлю, Ваня. Для смеха. А сегодня у меня выходной. Шабад. Суббота по-вашему. Мне в этот день положено с Богом разговаривать. А с Богом без букв никак нельзя...

Балакирев. А ты, Лакоста, чей человек: Меншикова, Шафирова аль еще кого?

Лакоста. Я теперь уже всехний, Ваня! И с Долгорукими водку жрал, и с Лефортом шнапс тринкал... Такая наша шутейная должность! Через нас большие люди большие дела делают. Для тебя ж главное – когда с ними пьешь, чтоб тобой не закусывали... Понял?

Балакирев. Пока не очень...

Лакоста. Поймешь, когда с мое прослужишь. Я ведь сам-то последний год... и на покой!.. Только Бога буду веселить! Вот дочке на приданое соберу – и все!.. Дочка у меня кр-расавица... между прочим. Р-ревека – с двойным “рр”!.. Жениться еще не думаешь?

Балакирев. Думаю. Как не думать?

Лакоста. Думай скорей, Ваня! Не то без тебя тебя и женят. Здесь золотое кольцо не на палец – на горло надеть могут... (Заметил появившегося Ягужинского.) Все! Поберегись! Кончаем хазгавох...

Балакирев (он не видит Ягужинского). Чего?

Лакоста. Кончаем хазгавох... Пхощай! (Почтительно согнувшись, проходит мимо Ягужинского.) Здхавствуйте, фаша сфетлофть!

Ягужинский. Здравствуй, коль не шутишь!

Лакоста. Какие могут быть шутки? Сегодня выходной. (Уходит.)

Балакирев. Здравия желаю, ваша светлость! (Пытается прошмыгнуть мимо Ягужинского, тот жестом останавливает.) А ну погодь, Иван! Ты-то куда торопишься? У тебя ж, чай, нынче не суббота?

торопишься? У тебя ж, чай, нынче не суббота?

Балакирев. Как прикажете, ваше сиятельство. Прикажете – будет пятница!!

Ягужинский (грустно). Это для меня слишком тонкая шутка, Ваня. Могу не понять... Да подойди поближе, не боись! Я к тебе принюхиваться не стану. Насморк у меня случился... Да я и так знаю, что ты Шафировым да Меншиковым провонял. А меня на дух не переносишь!..

Балакирев. Ваше сиятельство, как можно?..

Ягужинский. Затихни, Ваня! Меня перебивать нехорошо. Обер-прокурор все-таки. Это я не к тому, чтоб пугать, а, наоборот, к тому, чтоб понимал, что не пугаю, но мог бы... В общем, надо очиститься тебе, Ваня, от дурных запахов. Отмыться!! В баню со мной пойдешь. Завтра! Будет Ване баня! Во как забавно получилось!

Балакирев. Благодарствую, ваша светлость, но...

Ягужинский. Компания у нас веселая собирается: Макаров – секретарь, Андрюша Ушков из тайной канцелярии, Шапский...

Балакирев. Да с превеликим бы удовольствием, но...

Ягужинский. Ты не боись. Шапский не кнутом же парит – веничком... Ванечку – веничком! Во как из меня каламбуры сегодня сыплются...

Балакирев. Да никак не могу я завтра, ваша светлость!

Ягужинский (вдруг зло). Это почему ж? Брезгуешь?

Балакирев. Никак нет! Уже приглашен... Ангажирован.

Ягужинский. Кем?! Говори, сучий сын!

Балакирев. Государем Петром Алексеевичем... И главное, тоже в баньку позвал... А разве вас там не будет?

Ягужинский (улыбнулся). Нет, Ванечка! У нас последнее время с государем баньки разные... Он сухой пар любит, а у нас по-черному! По-черному! Ну, даст бог, попаримся еще вместе... Узнаешь! (Быстро уходит.)

Музыкальная интермедия,

во время которой шуты расставляют мебель в доме Балакиревых и возникает...

Картина четвертая

Новый дом Балакирева на Васильевском острове. Довольно богатая обстановка – на стенах заморские картинки, дорогие часы, барометр.

Анисья Кирилловна Балакире вводит в большую комнату свою давнюю приятельницу капитаншу Дарью Степановну Бурыкину и ее дочь Дуню.

Анисья Кирилловна ...Во какие хоромы здесь, на Васильевском, строют... А это у нас еще одна большая комната...

Бурыкина. Красотища!..

Анисья Кирилловна. Она “с видом” комната... Ты к окну-то подойди, Дарья Степановна. Видишь?

Бурыкина. Чего?

Анисья Кирилловна. В окне чего видишь?

Бурыкина (испуганно глянув в окно). Птички летают.

Анисья Кирилловна. Экая ты странная. Какие птички? Амбар каменный видишь?

Бурыкина. Ну...

Анисья Кирилловна. Вот я и говорю: комната с видом... на амбар. А за ним еще флигель для прислуги... И сарай. Хозяйка может здесь в комнате чай пить и при том примечать, кто из дворни куда чего несет...

Бурыкина. Ловко придумано! (Дочери.) Дуня, погляди на амбар...

Дуня (разглядывая картины). Ах, маменька! Здесь и такая красота – глаз не оторвешь. Эти все картинки Ванечка купил?

Анисья Кирилловна. Чего купил, а чего и надарили... При его такой новой государевой службе многие особы хотят почтение засвидетельствовать... (Показывая на картины.) Это – князь Голицин... Это – барон Шафиров. (Показывая на барометр.) А это – сам принц герцог Гольштинский презентовал... Дорогая вещь. Бармометор называется.

Бурыкина. И как же по ему время узнавать?

Анисья Кирилловна. Да не часы это... Бар-мо-метор!.. По ему погоду определяют...

Бурыкина. Как?

Анисья Кирилловна. Просто... Вот грохнуло за окном, капли застучали, подходишь к бармометру, смотришь – точно: уже написано "эс регнет" – "дождь идет", стало быть, по-немецки... И влажность тоже отмечает. Гляди!.. (Стала активно дышать на барометр.) Во, стрелка пошла! Хошь дыхнуть?

Бурыкина. Нет... Я лук с утра ела. Еще испорчу. Дуняша, хочешь подышать?

Дуня. Спасибо, маменька, мне не жарко... (Она стоит перед картиной, где изображена обнаженная женщина.) А вот это кто же, Анисья Кирилловна?

Анисья Кирилловна. Это знаменитая генеральша! Матрена Балк!

Бурыкина (глянув на картину). Господи... Она ж голая!

Анисья Кирилловна. Кто голая? Что ты несешь, Степановна?.. Это ж не генеральша. Это богиня греческая. Артемюда... или Деметра... Черт ее знает, у Ваньки где-то записано... А генеральша Балк, что картину нам дарила, всегда одетая. И токмо – в горностаях. (Таинственно.) Она сестра самого Вилли Иваныча Монса, главного камергера... А камергер – начальник над моим Ваней, шутмайстером его царского величества... Понимаешь?

Бурыкина. Да где ж понять, Кирилловна?.. Мы так высоко не летаем. Но за вас радуемся...

Дуня. А какую же деятельность при дворе Ванюша производит?

Анисья Кирилловна. Говорю же – шутмайстер он!

Дуня. Ну делает-то чего... шутмайстер?

Анисья Кирилловна. Как – чего?.. (Многозначительно.) Шутит!

Пауза.

Бурыкина. Зачем шутит? Когда?..

Анисья Кирилловна. Когда царь прикажет! Ну вот, к примеру, идет у царя важный совет... Указ там подписывают... или Сенат закон принимает... А никак не стронется дело... Затык в мыслях! Тут царь сразу кричит: “Позвать ко мне срочно шутмайстера Балакирева!..” Ванечка тотчас прибежит, шутку им сшутит, и все – просветление в умах!! Пошло-закипело. Указ за указом!!.

Бурыкина (восхищенно). Вот это да! Служба, поди, трудная?

Анисья Кирилловна. А ты, мать, как думала?.. С утра до ночи в заботах! Шуток на всех-то ведь не напасешься! Уж на что Ваня с детства был озорник-выдумщик, вы же знаете, а тоже иной раз к слову и не вспомнишь... Он теперь и меня подключает. Вы, говорит, маменька, если какую народную шутку где услышите, мне сразу пересказывайте... Вы, к слову сказать, ничего не привезли?

Бурыкина. Откуда?

Анисья Кирилловна. Ну, откуда приехали... Какие у вас в Тверской губернии шутки?

Бурыкина. Да какие у нас там шутки, Анисья Кирилловна?! Дожди с августа как зарядили, сено гниет... И ротмистр Буланов, что рядом живет, помнишь?

Анисья Кирилловна. Ну?

Бурыкина. Помер...

Дуня. Погодите, маменька... Не про то спрашивают. Был же летом один

Дуня. Погодите, маменька... Не про то спрашивают. Был же летом один случай смешной... Нюрка, соседская девка, за водой к речке побежала да подсклизнулась... (Смеется.) А на ту пору помещик Бородаев ехал... через мост, пьяный...

Бурыкина (тоже начинает смеяться). Да ты его, этого Бородаева, помнить должна, Анисья... Пришепетывает все так... Су-су-су... (Смеется.)

Дуня. А Нюра о ту пору вылезать стала, да все сосклизывает... (Заливается смехом.) А он спьяну как завопит: “Ой, русалка!” И ну коня стегать...

Бурыкина (хохочет). А Нюрка все сосклизывает... А он – коня!..

Бурыкина и Дуня заливаются смехом. Анисья Кирилловна строго смотрит на них.

Анисья Кирилловна. И дальше что?

Бурыкина (успокоившись). Уехал.

Анисья Кирилловна. Кто?

Бурыкина. Бородаев... Уехал. Испугался, стало быть, и уехал...

Анисья Кирилловна. А Нюрка?

Бурыкина. А Нюрка вылезла, домой пошла... Чего ей, Нюрке, сделается?..

Пауза.

Анисья Кирилловна (подумав). Эта шутка нам не годится... Она только у вас в Тверской губернии понятная. А надо чтоб для всех! И коротко!.. Вот дворник мне сегодня рассказал сказку: “Бежит ежик. Навстречу медведь. Медведь спрашивает: “Ежик, колоться спешишь?” – “Нет, – говорит ежик, – домой спешу...” – “И я про то, – говорит медведь. – Ты, когда на ежиху залезаешь, разве об нее не колешься?” (Захохотала, к немалому удивлению гостей. Потом быстро посерьезнела.) Вот в таком роде у вас ничего нету?

Бурыкина. Нет. У нас в Твери про ежиков ничего не слышно.

Анисья Кирилловна. Ну и бог с ними, с ежиками... О вас поговорим. Как вы там живете? Ты, Дуняша, Ивана моего не забыла еще?

вы там живете? Ты, Дуняша, Ивана моего не забыла еще?

Бурыкина. Да что ты, Кирилловна?.. Они же с детства вместе... Только по нему и сохнет.

Дуня. Маменька, ну вы выбирайте слова-то...

Анисья Кирилловна. Правильно слова выбирает. Невеста с тоски сохнет – матери жениха приятно... Ваня ведь тоже про тебя не забывает.

Дуня (обиженно). Как же! Поверила... За полгода – ни одного письмеца.

Анисья Кирилловна. Объясняла же: занят он! Мать родную по неделям не видит. А тут на днях зовет его царь и говорит: “Задумал я тебя, Иван, женить!..”

Дуня. Ох, господи... Так и знала! Так и чувствовала...

Анисья Кирилловна. Погоди. Дослушай... Иван, как положено, отвечает: “Буду вам, государь, премного благодарен!” – “Есть, – говорит царь, – у меня несколько хороших невест на примете, а вот какую выбрать – не знаю. Что посоветуешь?” – “Не мне царю советовать в таком деле, – говорит Ваня. – Государь о благе подданных больше печется, чем мы, глупые... Посему что решишь, царь-батюшка, тому и быть!”

Дуня. О господи, да что ж это?..

Анисья Кирилловна. Погоди!.. Дослушай... Царю ответ Ванин понравился, но не очень. Царь и говорит: “А у тебя-то на примете никакой своей симпатии, что ли, нету?”

Дуня и Бурыкина (вместе). Ну?!

Анисья Кирилловна. Что “ну”? Экие вы нетерпеливые... Ваня и говорит: “Есть, государь, несколько симпатий. Но я тоже решиться не могу. Поэтому добавляю их все вам в список до кучи, на кого укажете, той и быть!”

Дуня (в отчаянии). Умру, ей-богу, умру сейчас...

Бурыкина (тихо). Держись, дочка! Держись...

Анисья Кирилловна (явно не торопит рассказ). Вот. Царю опять ответ понравился, но опять не очень. “Хитер ты, Ваня, – говорит царь. – Хочешь все на меня свалить... Но я ведь тоже тиранствовать не хочу. Тут надобно угадать перст судьбы!” – “Ах, перст? – говорит Ваня. – Это просто: сделай, царь-батюшка, как издревле на Руси делалось... Вели доставить из разных невестиных домов по почтовому голубю. На всех по оловянному колечку надень, а на одного – золотое... В какой дом золотое кольцо долетит, там невесту и сватать!”

Дуня (вскочила, заголосила). А-а-а!!!

Анисья Кирилловна. Да погоди голосить!..

Бурыкина. Чего уж годить, Анисья Кирилловна? Мы – с открытой душой, а вы – насмешки... Загубите девушку, ой загубите!

Анисья Кирилловна. Да что вы взбеленились обе?

Дуня (сквозь слезы). Разве голубь долетит до... Твери?

Анисья Кирилловна. Покойный муж не зря говорил: с этими Бурыкиными дерьмо хлебать хорошо – наперед забегают... (Достала коробочку.) Вот оно, колечко царское. А вон – голубь уже сидит... (Выдвинула клетку, в которой расхаживал голубь.) Гули-гули-гули!

Дуня (растерянно). Как же... это?..

Анисья Кирилловна. Да так! Ежели просто сидеть да перст судьбы ждать – вот такую дулю получишь... (И даже показала какую.)

Бурыкина. Кирилловна! Придумщица! Дай я тебя расцелую!

Анисья Кирилловна. Ивана целуйте... Это он все устроил... Вам только царю находку предъявить, когда сюда приедет...

Бурыкина. Когда приедет?

Анисья Кирилловна. Сегодня. Оне завтра в заграницы уезжают, а сегодня велели помолвку устроить...

Бурыкина. Чего ж ты молчишь? Мы ж не причесаны, не одеты...

Анисья Кирилловна. Кто молчит? Рта не закрываю. Это вы перебиваете!.. А еще ведь не про все сговорились. Ваня велел запомнить: голубок этот не в Тверь летал, этому царь не поверит... Скажите, мол, приехали вы три дня тому в Санкт-Петербург... Остановились на постоялом дворе Кулякина, близ Петергофа... А у Кулякина – голубятня... Ванька ездил, проверял... Ферштеен зи?.. Утром сегодня, скажете, Дуня встала, говорит: “Гули-гули!” И тут сразу кольцо – к ней на крыльцо...

Дуня (вздохнув). Я так не смогу.

Анисья Кирилловна. Да не так, Ваня велел пересказать своими словами.

Дуня. И своими не смогу... Я врать не умею.

Анисья Кирилловна. Это почему же?

Дуня (гордо). С детства не приучена...

Анисья Кирилловна (зло). Ах ты дура стоеросовая! Ты что ж, сына мне погубить хочешь? Ваня два дни по всему Петербурху голубей отлавливал, а ты тут манерничать?! Да царь за обман враз голову ему оторвет!.. Ишь, курица! Врать она не приучена! Так научись, мать твою... так-разэдак!! (Стукнула кулаком по столу.) Бурыкина (испуганно). Анисьюшка, меня-то за что? Я же согласная...

Звук подъехавшей кареты.

Анисья Кирилловна. Все! Быстро пошли в те комнаты! Чесаться, одеваться, чтоб перед царем не опозориться! И без моего приказа не выходить!

Бурыкина и Дуняша выбегают в соседнюю комнату. Анисья Кирилловна прихорашивается. Быстро входит светлейший князь Меншиков со скульптурой под мышкой.

Меншиков (оглядываясь). Здорово, мамаша!

Анисья Кирилловна. Ох! Князь светлейший... Александр Данилыч! Вот уж радость! Вот радость!

Меншиков. Ладно врать-то, Анисья. Когда в радость – на помолвку зовут!

Анисья Кирилловна. Да мы разве против? Не мы ж... протокол составляем!

Меншиков. Черт с ним... с протоколом. Хоть и не зван, но зато – с подарком. (Ставит скульптуру в сторонку.)

Анисья Кирилловна. Это что ж за красотка такая? Богиня али нимфа?

Меншиков. Честно скажу – не знаю... Тяжелая, стерва, и очень дорогая. Это точно. Мне ее купеческое собрание поднесло, а купцы денег не жалеют... (Взял ее под руку.) Слушай, Анисья, это ведь я Ваньку в полку приметил да ко двору привез...

Анисья Кирилловна. Да мы разве не помним? Вечно благодарные...

Меншиков. Не надо вечно... Сейчас надо. Осерчал на меня царь, Анисья. Очень! Письма подметные прокурор Пашка Ягужинский ему показал... Счета разные липовые...

Анисья Кирилловна (сочувственно). Ой, чего только люди злые не напишут!

Меншиков. А если и не липовые?.. Кто не без греха?

Анисья Кирилловна. Золотые слова.

Меншиков. В общем, мирить меня с царем надо, Анисья. Срочно! А то дело в тайной канцелярии заведут, попадешь в пыточную к Шапскому – тут любой счет признаешь...

Анисья Кирилловна. Да неужто и вас могут, Александр Данилович?

Меншиков. А то нет?! Царю чем ближе человек, тем страшнее наказание... Жену в монастыре сгноил, сына родного единокровного казнил! Будет он меня жалеть или, скажем, Ваньку твоего?..

Анисья Кирилловна. А Ванечка при чем?

Меншиков. Все при чем! Тут клубок начни раскручивать – конца не сыщешь. В общем, спасай, Анисьюшка!

Анисья Кирилловна. Да как же я смогу?

Меншиков. Сможешь... Ты у нас умная. Хитрая. Недаром прозвали “Анисья – жопа лисья”!

Анисья Кирилловна. Это кто ж меня прозвал, Александр Данилыч?

Меншиков. Да все... Но из уважения, только из уважения!.. Послушай, чего я придумал. У вас помолвка? Так? Дело семейное, доброе... Выставь меня как крестного отца невесты...

Анисья Кирилловна. Дуняши?

Меншиков. Дуняши, Маняши – не в том суть... Петр твоего Ивана крестником считает, а я, стало быть, с другой стороны сяду... Он жениху покойного отца заменил, я – невесте... Сели кумовья, выпили кубок “большого орла”, замирились! А? Все по-людски! Хорошая мысль?

Анисья Кирилловна. Неплохая... Подготовить бы только...

Звук колокольчика.

Поздно... Приехали!

Меншиков (глядя в окно). Точно! Полный парадный выезд... И шуты! И царь с царицей!.. И гренадеры!

Анисья Кирилловна (испуганно). Батюшка Александр Данилович! Ты б лучше отъехал куда до времен...

Меншиков. Куда ж отъедешь? Там уж охрана весь дом окружила...

Анисья Кирилловна. Тогда в сарайчике спрячься покуда... Я царя подготовлю. Скажу ненароком – мол, крестный приезжал, подарок привез... Может, бог даст, пронесет? Иди, иди. Через заднюю дверь... (Выпроваживает Меншикова. Испуганно крестится.) Пронеси, Мать-заступница, оборони!.. (Заметила, что в спешке молилась на картину с обнаженной.) Тьфу, гадюка... разлеглась!.. Прости, Боже, мя грешную!

Распахнулась дверь. С грохотом, с музыкой ворвались шуты, закружились

в пляске. За ними Петр и Екатерина вводят наряженного Балакирева.

Шуты (поют).

Ой вы славные ребятушки!

Ой, к невесте едут сватушки!

Ой, они вступают в горенку!

Ой, встречает голубь горлинку!!

Карлик (солирует). Охуе...

Шапский (нарочито строго). Что?!

Шуты (подхватывают, как бы исправляя грубость)...Ох, у ели-елки мы прощались...

Карлик. Охуе...

Шапский. Что?!

Шуты...Ох, уехал мил в поля...

Карлик. А я в жо...

Шапский. Что?!

Шуты...А я в жены не вязалась...

Карлик. Я не цел...

Шапский. Что?!

Шуты...Я не целый год ждала!..

Екатерина (зажимает уши). Угомони их, Петруша! Ну сил же нет...

Петр (смеется). Им без похабели праздник – не праздник! (Щелкнул Карлика в лоб.) Ну все... гигант разума. Угомонись!.. А то таким сватам и невесту не отдадут! (Анисье Кирилловне.) Ну, здравствуй, мать! Гостей

невесту не отдадут! (Анисье Кирилловне.) Ну, здравствуй, мать! Гостей принимаешь?

Анисья Кирилловна. Господи... Да что ж я? Онемела от радости... Милости прошу, великий государь! Царица-матушка... (Падает на колени.)

Петр (недовольно). Ну, встань... Быстро! Нету здесь никакого царя с царицей... Сват Петр Алексеич приехал. С женой Катей да с друзьями веселыми и разудалыми...

Карлик (восприняв эти слова как приказ, заголосил). Как на ху...

Шуты (подхватывают)...как на хуторе заречном...

Карлик. Выйдешь сра...

Шуты...выйдешь сразу – зреет рожь!..

Петр. Тихо! Тихо! Дружка неуемный... (Анисье Кирилловне.) Так что царей среди приехавших нынче нет, а принц имеется... (Выводит Балакирева.) Вот он... Ваней зовут!.. А по слухам, тут где-то в округе и принцесса отыскалась... Показывай!

Анисья Кирилловна. Вот же, батюшка Петр Алексеевич... Вот кольцо. Вот – голубь пойманный...

Балакирев. Мама, не про то тебя спрашивают...

Петр (Балакиреву). Ты молчи! Прынц! Без тебя порядок соблюдем. Твое дело – молчать и благоговеть...

Балакирев. Благоговею, Петр Алексеич... Благоговею! (Изобразил на лице смирение.) Что сказано сватом, то и свято. На войну идешь – молись! Под венец – молись вдвойне. Женитьба есть – разженитьбы не придумали!..

Петр (улыбнулся). Вот так-то... Ну, показывай, мать, какую горлинку сей голубок выбрал. Где она?

Анисья Кирилловна. В той комнате, Петр Алексеевич... Спугалась очень. Прихорашивается... (Подходит к закрытой двери, стучит.) Невестушка, выходи! Гости к тебе!

Дверь открылась. Появилась разнаряженная Бурыкина.

Бурыкина. Здравствуй, царь-государь! Здравствуй, царица-матушка... Вот Бог сподобил радость увидеть вас живьем!.. (Часто кланяется.)

Шуты от удивленья даже присвистнули.

Карлик. Вот так невестушка!..

Шапский. Рожей не очень пригожа, да в молодости недурна была...

Лакоста. Ага... Старики сказывали, кто помнит...

Петр. Извини, Ваня, но голубь, видать, чуть подслеповат оказался.

Анисья Кирилловна. Да это ж не она! Это ейная мамаша. (Бурыкиной.) Что ты раскланялась тут, дура? Дочка-то где?

Бурыкина (оглядывается). Вроде за мной шла... Дуняша, где ты? (Бросилась в комнату, через секунду вывела дрожащую от страха Дуню.)

Петр (удовлетворенно). Это другой коленкор... А то я уж думал – как Ваньку выручать?.. А такая вот невеста – хороша. Верно?

Свита одобрила возгласами.

И как же зовут тебя, девушка?

Дуня (заикаясь от страха). Ду-ду-дуня...

Петр. Ну, здравствуй, Ду-дуня! Чего ж дрожишь так?..

Дуня. Бо-бо-бо...

Петр. Чего “бо-бо”? Никто тебе “бо-бо” делать не собирается.

Бурыкина. Боится она очень, государь.

Петр. Вижу. А чего ей бояться, когда от судьбы жребий счастливый выпал? Тут радоваться надо! Ну, веселей, Дуня! Расскажи, как все получилось. Как кольцо нашла? Где?

Дуня (с трудом выдавливая). Гули-гули... Кулякин... Гули-гули. Кулякин.

Петр. Чего?

Бурыкина. Да она хочет сказать: в Кулякине мы с ей остановились...

Петр. Где?

Бурыкина. В Кулякине... Тьфу! В Петергофе... у Кулякина остановились... в голубятне...

Петр. Ты, мать, запутала нас совсем! Помолчи. Иль решила во всем дочь подменять? Ты жениху кто? Теща! Значит, знай свое место... (Подмигнул шутам.)

Карлик (выскочил вперед, запел).

Что же это я сижу?

Что же это я стою?

Из портков не вынимаю?..

Конфетку теще не даю?

(Порывшись, вытащил из штанов конфетку, протянул Бурыкиной.)

Бурыкина (Карлику). Благодарствую. (Сунула конфетку в рот.)

Екатерина. Нет, так нельзя. (Шагнула к мужу.) Совсем запугал женщин, Петруша. Кто? Что? Да как?.. Сватовство у нас или дознание в канцелярии?

Петр. Хотелось все по правде, мутер... Так интересней... Ну, ладно. Стесняются рассказывать – неволить не буду... Посмотрим голубка. Вестника судьбы, так сказать. (Подходит к клетке, достает голубя.) Вот он, красавец!.. (Анисье Кирилловне.) Я ведь их пометил, перед тем как в небо запускать... Вот тут, под крылом, метку... Вот она... Нашел! Правда, я под правым крылом метил, а тут – слева. Ну, это ерунда! (Балакиреву.) Верно, Ваня?.. И то сказать: когда он крыльями машет, поди разбери – где лево, где право?

Балакирев (испуганно). А есть такие турманы – вообще задом наперед летят...

Петр. Да? Сейчас проверим... (Достал голубя из клетки.) Спасибо тебе, голубок! Ты свое дело честно сделал, колечко донес, Божью волю выполнил... А теперь лети домой, к своему Кулякину!! (Выпустил голубя в окошко, смотрит.) Во! Полетел!.. Передом причем! Но вернулся... На сарайчик сел... (Шапскому.) Как думаешь, кнутмайстер, к чему бы это?

Шапский (с усмешкой). Думаю, государь, ему еще чего-то хочется сообщить...

Балакирев. А может, он пригрелся здесь за день-то, Петр Алексеевич?

Петр. Нет, Ваня. Я сам – старый голубятник. Голубю, чтоб к новому месту привыкнуть, полгода надо в доме столоваться...

Балакирев. Да мы и не кормили его ни разу, ей-богу!.. Он вообще дурной. Ему зерно сыплешь – он палец клюет... Во! (Показывает палец.)

Петр (с усмешкой). Это еще хорошо... Иной и в глаз бьет!

Екатерина. Подожди, Петруша... Зачем же сразу подозрения? Может, улетит еще... (Хлопнула в ладоши, закричала в окно.) Лети отсюда! Кыш! Хераус!!! Геен цурюк! Шнеллер!

Петр. Нет, мутер... Видно, ни по-русски, ни по-немецки не согнать. Кочергой разве что попробовать? (Взял стоящую возле печи кочергу.) А вы чего смолкли-то? Веселитесь, братцы! (Решительно направился во двор.)

Карлик (привычно заголосил). Как на ху... как на хуторе заречном. Выйдешь сра... выйдешь – сра... зу зреет рожь...

Балакирев (зло). Угасни, огарок! (Упал на колени перед царицей.) Государыня-голубушка Екатерина Алексеевна, заступись!

Анисья Кирилловна (заголосила). Не погуби, царица!!

Балакирев. Голубь взаправду дурной... Порода такая... Татары завезли...

Екатерина. Да подождите вы пугаться раньше страха... Осерчает царь да и

отойдет. Мало ли что в жизни случается? Ну, скажите – перепутали птицу в сарайчике...

Анисья Кирилловна. Ой, матушка... там ведь... в сарайчике... такая птица... Ой, чувствую, беда пришла!

В распахнутую дверь Петр вталкивает изрядно помятого и обсыпанного соломой Меншикова.

Петр (торжествуя). О, какой голубь сизокрылый! Во какой турман-мордахей мне попался! Все поглядите!

Меншиков (улыбаясь через силу). Ну что ты, мин херц? Я ж объясняю...

Петр. Всем объясни, чего там делал... Иль, может, голубям гнилую коноплю сбывал? Как провиант в армию?

Меншиков. Ну зачем так-то, мин херц?! При людях низших званий... Ей-богу, я здесь по родственной части... На помолвку приехал... (Указывая на Дуню.) Это ж крестница моя любимая... Ну, чего молчишь, Маняша? Аль не узнала свого крестного папку? А?.. Маняша?

Наступила пауза. После чего Дуня с легким стоном упала в обморок. Бурыкина подхватила ее.

Петр (зловеще). Узнала тебя Маняша! Узнала. Вишь, как обрадовалась...

Бурыкина. Дуняша она.

Меншиков. Да помню я. Сам ведь имя давал. Просто подзабыл... Правду говорю, мин херц... Ну вот хоть Анисья Кирилловна пусть подтвердит. Я загодя сюда приехал, подарок молодым привез... Богиню любви Афродиту... А потом продышаться вышел... Во двор... Ну подтверди, Анисья!

Анисья Кирилловна. Да. государь... Вон она – Афродита...

Петр (подошел к скульптуре). Это не Афродита, светлейший князь... Когда тащишь что ни попадя, хоть спрашивай имя-звание! Это Афина Паллада, греческая богиня мудрости и правосудия... Строгая богиня! Вишь, она в руке свод законов держит? (Пригляделся.) А под сводом еще какая-то

руке свод законов держит? (Пригляделся.) А под сводом еще какая-то бумажка прилеплена... (Достает конверт, разворачивает. Обнаруживает записку.) “Светлейший князь Александр Данилыч! Купцы Олег и Василий Шубины делают свой приклад к тому подарку, што вы с них взяли... А остальное, как ране договаривались, получите позже...” Так зачем позже, Данилыч? Сейчас все и получишь!! Шапский!

Шапский. Я здесь, государь.

Петр. Передашь Ягужинскому! Пусть приобщит к делу. (Отдал Шапскому конверт.) И допрашивать Меншикова с пристрастием... Ты понял меня?

Шапский. Как не понять, государь? У прокурора пристрастие к светлейшему давно зреет...

Меншиков (опускается на колени перед Петром). Сам накажи, мин херц! Грешен, каюсь... Палкой забей до смерти, но сам!..

Петр. Я об тебя, мерзавец, все палки сломал! Ни черта не помогает, только леса зазря гублю... Пусть уж Шапский над тобой поусердствует... На дыбу его подвесить, а к ногам вот енту мраморную Афину привязать. Чтоб ощутил весь груз законов на себе...

Шапский. Ой, лихо придумано! Не сомневайся, государь, исполню!..

Екатерина (робко). Ты б сгоряча не решал, Петруша... Утро вечера мудреней.

Петр (заскрипел зубами). А вот ты, Катя, молчи лучше сейчас... Видишь же, закипел внутри, пар рванет!..

Екатерина. Я потому и говорю. Как бы приступ не начался...

Петр (впадая в бешенство). Ты бы раньше о том думала, мутер... Раньше! Когда всем пакостям светлейшего благоволила... Добренькой жалаешь быть, а они нашу доброту – в векселя да в займы... Всю империю растащат на куски! Все разворуют... Ну, ничего! Турки у воров руку рубят, а у нас, слава богу, царь православный... Он головы будет рубить! Головы!

Петр что-то еще хотел сказать, но вдруг скорчился, упал на пол, захрипел, забился судорогой. Все переполошились, бросились к нему.

Анисья Кирилловна. Дохтура! Дохтура скорей!

Меншиков (пытаясь удержать судорогу). Голову... Голову ему держите!.. Катерина, ну чего стоишь? Ворожи, а то побьется...

Екатерина (склонилась над мужем, прижала его голову к груди). Ну, милый... Ну, родной... Все обойдется... С тобой я. С тобой, царь... Уходи, гнев, затихай, злоба... (Повернулась к шутам.) Музыку играйте... Тихую! Самую тихую!

Зазвучала тихая мелодичная музыка. Шуты чуть усилили ее своими голосами. Петр открыл глаза.

Петр. Дай платок, Катюша...

Екатерина. На, Петечка, на. (Дает платок.)

Петр (утирая лицо). Прошу у Господа иной раз смерти, а он не дает. И то, Его правда, – на кого мне державу оставлять? Сына нет, друг – вор, одна жена и та дура добрая...

Екатерина (гладит его голову). Ты только не нервничай по пустякам, Петруша. Отдохни.

Петр...Шуты мои любимые, для утехи созданные, и те пакостники! Я ведь чему вас учил, дураки? Вы при дворе, словно Божьи люди при церкви, – для чистоты душевной созданы. Будь ты глуп, но будь и чист! Хитер, да наивен! Вам высшая власть мной дана – любому вельможе правду говорить и не таиться... А вы?! Мат-перемат да жопой свистнуть... Вот и вся ваша доблесть. А с тебя, Иван, особый спрос... Ты любимцем царя был, веселить его должен, а не за спиной царской над ним же и посмеиваться... Я ведь и вправду поверил, что ты у судьбы жребий искал. Вот, подумал, – шут, а о Боге подумал. А ты и Бога решил перекупить за недорого... Эх! (Шапскому.) Бери его, князь-папа, обратно в шутовскую! Кнутом учи, пока умней не станет да кожу не сменит!

Шапский. Это мы с удовольствием, государь... (Подходит к Балакиреву, набрасывает ему кнут на шею.) Ну, прынц, теперь, значит, твоя очередь меня целовать в царское место...

Дуня неожиданно рванулась вперед, упала перед Петром на колени

Дуня неожиданно рванулась вперед, упала перед Петром на колени.

Дуня. Царь-государь, не вели мучить Ваню, не виноват он. Это я все придумала. Я, глупая! И кольцо украла... И голубка подменила... Все я!.. Меня казни! А он и не знал ничего, не ведал... Ванечка мой... (Плачет.)

Петр. Ну что ж ты несешь, глупая?.. Хоть бы врать-то научилась.

Дуня (плача). Научусь, государь! Непременно научусь! Только Ванечку моего не губи...

Пауза.

Петр. Вот он, жребий твой, Ванька! Полюбила девушка так, что жизнь свою за тебя готова положить... Какой тебе еще, к ляду, перст судьбы нужен?.. Чего глупости устраивать?.. Я думал, Иван, ты уже умный дурак, а ты еще дурак дураком... (Встал.) Ну, ладно! Последний раз всем отступ даю... Прощаю до первого проступка!.. (Меншикову.) Тебя который раз прощаю?

Меншиков. Осьмой, мин херц.

Петр. Осьмнадцатый, светлейший. И тут сжульничал... Девятнадцатый теперь, значит, запомни. А сейчас всем гулять с шутами, жениха с невестой славить!! Мне одному тут побыть надо, дух перевести!

Екатерина. Я с тобой посижу, Петенька...

Петр. Сказал же – одному!.. Ступай... к шутам!

Шуты тихо запели нечто лирическое, вместе с молодыми и гостями ушли в глубь сцены, в другие комнаты.

Петр сидит молча, задумавшись. Начинает смеркаться. В глубине сцены появляется Ягужинский со свечой в руке и папкой с бумагами.

Ягужинский. Дозволь, государь?

Петр молчит.

Охрана предупредила, что отдыхаешь, но я дерзнул...

Петр молчит.

В связи с делом Меншикова...

Петр. Прощен. В последний раз.

Ягужинский. На то и государь, чтоб миловать... Тут новая беда. В связи с делом Меншикова произведен был обыск в канцелярии камергера Монса. Нежданно много пакостных писем обнаружилось. И все от государственных людей...

Петр. Чего им от камергера надобно?

Ягужинский. Кому чего... Кто повышенье в чине просит. Кто – деревню... Кто – ссуду из личных средств.

Петр. Каких таких средств? Откуда у Вильки средства?..

Ягужинский. Подпись государыни – средство сильное. За то и благодарности получал. (Заглянул в папку.) Вот от Меншикова – пять тысяч. От Апраксина – шпага позолоченная... От Голицина – тройка лошадей... Тут большой список...

Петр. Зачем взятки в тетрадь-то записывать?

Ягужинский. Немец. Во всем порядок любит...

Петр (сердито). Ну и ты, русский, полюби порядок, коли так! Ты у царя осведомитель аль прокурор?!. Поймал за руку лихоимца – арестуй!

Ягужинский. Он уже под арестом, государь. Тут другое...

Петр. Чего “другое”? С царицей сам разберусь... Дура простодушная! Ей трон оставляю, а она как дитя малое... Всякую шельму жалеет. Ведь специально в камергеры Монса ставил, чтоб в строгости держала... (Повернулся к Ягужинскому.) Чего молчишь?!

Ягужинский. Потому не смею и говорить... Тут еще записочки обнаружились... Только ты их сам прочти, государь! (Передает письма Петру.)

Петр (заглянул в записку). “Майне либе Кетхен! Майне вундершойн Медхен...” Что это? Стихи, что ль?

Ягужинский. Не берусь судить... Я по-немецки не очень.

Петр (вглядываясь в записку, что-то бормочет по-немецки). “...унд кюссен, – “целую” значит, – зих ихре цартхайте халз”... Что за “цархайте халз”?

Ягужинский. “Твою нежную шею”... По словарю сверял.

Петр (гневно). Смотри, Паша! С огнем играешь... Ты зачем эти записки мне принес? Может, он и не посылал их вовсе?

Ягужинский. Посылал, государь. Это копии. Да там и ответы царицы имеются... Я их просто переводить не решился...

Петр (смял записки). Не верю! Все вы, сукины дети, царя обманываете, но чтоб и Катя? Не верю! Что у ней до меня было, того, считай, не было. При мне живом – ничего нет и не будет!! Это Монс, подлец, специально подстроил, чтоб, если на взятках царице попадется, отступного требовать... Где он? Вези к нему!!

Ягужинский. Я его уже сюда доставил. Только сам допроси, государь. Тет на тет. Без свидетелей. Чтоб даже я не знал...

Петр. Ишь какой! Все вокруг царя вьетесь, а как ему трудно – пусть сам выкручивается? Будешь свидетелем! За то тебе прокурорское жалованье плачу! Кто еще про эти письма мог знать?

Ягужинский. Ванька Балакирев. Он на посылках был, цидульки разносил... Но, думаю, не читал... Вроде парень честный.

Петр. На дыбе проверишь!! А сейчас – приведи Монса!

Ягужинский быстро выходит. Петр молча сидит, уставившись в одну точку.

Где-то далеко шуты запевают протяжную песню...

Сопровождаемый Ягужинским, появляется Монс. Он не замечает Петра.

Ягужинский. Сюда, пожалуйте, Виллим Иванович! Проходите, не опасайтесь.

Монс. Опасаться следует вам, сударь! О вашем самоуправстве немедленно доложу государю, как только представится случай!

Ягужинский (с улыбкой). Представится, Виллим Иванович! Непременно представится! (Улыбается.)

Монс (резко). И вот уж улыбок ваших бессмысленных, Павел Иванович, я более терпеть не намерен! Вам это не личит, поскольку для шуток потребна свобода мышления, а вы сим качеством не обладаете!

Ягужинский. Да уж извините, Виллим Иванович... Я уж и стараюсь улыбку сдерживать, да не всегда выходит... А покуда обернитесь, голубчик, с вами поговорить хотят...

Монс. Кто еще? (Резко оборачивается.)

Петр подходит к Монсу, долго смотрит ему в глаза. Монс не выдерживает взгляда, неожиданно падает в обморок. Петр устало опускается на стул, быстро подставленный Ягужинским.

Петр. Вот ты ничего лишнего и не услыхал, Паша! Верно?

Ягужинский. Нет, государь. Спасибо тебе!

Появляется Екатерина с двумя стаканами чая.

Екатерина. Я тебе, Петруша, сюда решила принесть... (Осекается, увидев лежащего Монса.)

Петр. Спасибо, мутер! Горло пересохло... Садись! Выпьем с тобой чайку!

Ягужинский быстро ставит второй стул. Екатерина садится напротив.

Несколько мгновений они молча пьют чай над распростертым на полу Монсом.

Где-то далеко шуты запевают унылую песню.

Петр. Чего-то скушно они поют... Паша? Сходи! Попроси, чтоб повеселей...

Ягужинский. Непременно, государь... И опять спасибо тебе. (Быстро уходит.)

Екатерина (испуганным шепотом). Чего со мной теперь будет?..

Петр...Письма твои, Катя, всегда любил читать... Неграмотно, и каракули вроде по-русски рисовала, а уж так-то потешно получалось...

Екатерина. Казнить надумал?..

Петр...”Гораздо о тебе скучаю, друг мой сердечный Питер... Пожалуй в забвение нас не учини, к нам пребывай али забирай к себе...” (Усмехнулся.)

Екатерина. Не говори сейчас так, Петя. Скажи по-другому... Как умеешь! “Блядва! – скажи. – Сука!”

Петр. Нельзя! С царицей на Руси так не разговаривают!

Екатерина (кричит). А ты порви завещание! Прошу тебя, Петя! Сделай милость, сам живи да царствуй!

Петр. Я мертвый уже, Катя. Неужто не видишь?

С шумом и песней врываются шуты. Впереди Балакирев.

Шуты (поют).

Ой, судари-судари

Ой, дури-дури-дури!

Как на елке, на ели,

Пташки свадьбу завели,

На самой на макушечке,

Венчались две кукушечки!

Ягужинский (подошел к Петру, тихо). Балакирева когда брать?

Петр. Ну не сейчас же... Экий ты жестокий, Павел! Пусть допоют...

Балакирев и шуты (поют).

Заплетается язык,

Языкнулся заплетык!

Говорят, мол, в бабах худо.

В девках хуже и того:

Повернешься с боку на бок –

Рядом нету никого...

Ой, судари-судари!

Ой, дури-дури-дури!..

Часть вторая

Музыкальная интермедия

Шуты запевают протяжную песню про то, что от сумы и тюрьмы в России зарекаться нельзя. Песня сопровождается аккомпанементом кандального перезвона.

Картина пятая

Тюремное помещение. За столом – Ягужинский. Охранник вводит Балакирева. Тот в тюремной робе, на ногах кандалы.

Охранник. Ваше превосходительство! Каторжанин Иван Балакирев доставлен!

Ягужинский (недовольно). Зачем кандалы?

Охранник. Ранее замечен был в попытках к бегству!

Ягужинский. Снять немедленно! (Охранник поспешно достал ключ, отстегнул кандальный замок.) Ступай! (Охранник вышел.) Ну, здравствуй, Балакирев!

Балакирев. Здравия желаю, ваше сиятельство!

Ягужинский. Молодец. Отвечаешь бодро. Выглядишь хуже... Тяжела, видно, жизнь каторжная?..

Балакирев (поспешно). Никак нет. Жалоб не имеем. Все хорошо.

Ягужинский (с усмешкой). Врешь... Коли хорошо, зачем убегал?

Балакирев. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, – я только во сне убегал. Наяву сидел как положено.

Ягужинский. Как это – во сне? Куда во сне?..

Балакирев. В Тверь. Домой... Дуню повидать...

Ягужинский. И кто ж тебя там поймал... во сне?

Балакирев. Посидельцу одному про сон поведал, а он охране пересказал... Меня сразу в кандалы!

Ягужинский. Дурачье! Не понимают, что во сне и в кандалах убегать можно...

Балакирев. Осмелюсь возразить. С умом все сделано: в кандалах человек вообще не спит...

Ягужинский (недовольно). Ах дикость российская! Уж сколько с ней покойный царь Петр Алексеевич боролся, дубиной вышибал, а она все в нравах наших. (Заметив удивление Балакирева.) Чего вылупился? Не знал про смерть царя?

Балакирев. Нет... Когда ж сия беда случилась?

Ягужинский. Уж боле двух месяцев, как государь Петр Алексеевич скончался... Упокой Бог его душу! (Крестится.) А кто сейчас правит на Руси, знаешь?

Балакирев. Никак нет.

Ягужинский. И охрана не сказывала?

Балакирев. Так не спрашивал...

Ягужинский. Да что ж это у нас за народ такой? По каторгам сидят и даже не интересуются, при каком таком правлении страдают? Знай же: царица Екатерина Первая нынче на троне... При ней делами управляет специальная коллегия сенаторов. Впоследствии же российский трон перейдет либо ее дочери Анне Петровне с принцем Голштинским, либо внуку Петру Алексеевичу, сыну Алексея Петровича, либо дочерям Иоанна, брата Петра Алексеевича, Анне Иоанновне, Прасковье Иоанновне, Катерине Иоанновне, либо их тетке Анне Леопольдовне... Чего заморгал-то?

Балакирев. Леопольдовне... Запоминаю, ваше сиятельство!

Ягужинский (усмехнулся). Не забивай голову! Главное запомни: помилование к тебе пришло от прокурора Павла Ивановича...

Балакирев. От кого ж каторжанину добра ждать, как не от прокурора? Век вам благодарные!..

Ягужинский. Ты это сейчас с подгребкой сказал? (Улыбнулся.) Молодец! Я теперь подгребки понимаю и сам ими пользуюсь... Вот, к примеру, Иван, ты ведь не знаешь, что в столице зимой творилось... Царь в страшный гнев тогда вошел. Монсу голову отрубил. А потом и другие головы полетели. Министры... Генералы! Шутовская команда ваша тоже под руку попала! Педрилку-итальянца помнишь? Финита ему вышла!! Царь лично палкой прибил!.. Карлика, что про курей пел, – того тоже прибил! Вместе с курями! Короче, в живых из старой команды остались Ушастый, Лакоста да ты! А почему? А потому, что я по доброте душевной вовремя вас всех в тюрьму посадил! (Смеется.) Во, какая прокурорская шутка получилась. Чего ж не смеешься?

Балакирев. С первого раза не забрало, ваше сиятельство. Тонковато! Ежели еще разок каторгой облагодетельствуете, оно веселей и пойдет...

Ягужинский (обрадованно). Давно б так! Узнаю друга Ваню! Знать, пора ему в баню... (Смеется.) Вот это “Ване – баню” после меня так в народ пошло – ну все-все вокруг повторяют... Ей-богу! (Кричит.) Эй, Шапский! Давай “Ванечку – веничком!”. Поддай-ка пару, чтоб было ему впору... (Замялся.) Не, тут пока не складно... Ну, ничего! Мы с тобой, Ваня, вместе это докаламбурим... Вместе! Дай только срок! (Уходит.) Повалил пар. Появился Шапский с вениками. Левый глаз у него перевязан повязкой. С шумом ворвалась шутовская команда, загремела шайками, заплескала водой. Сорвали с Балакирева одежду, расстелили на палатях, Шапский затряс вениками, засвященнодействовал.

Шапский. Расслабсь, Ваня! Не кнутом же огуливаю... От веничка березой начнешь пахнуть, сок побежит, почки набухнут... И-ех! И-ех! (Хлещет веником, Балакирев сладостно покрякивает.) Стони, Ваня! Кричи! Шоб тот свой крик в пыточной перекричать... И-ех! Ты если на меня обиду имеешь за прошлое, то – зря. Я ведь тогда, считай, спасал тебя от беды!.. Это у нас, у кнутмайстеров, такая хитрость имеется: кого очень любим – бьем кратко, но сильно!.. Чтоб подследственный сразу в бессознательность улетал и ничего лишнего на себя наговорить не мог... Уж на меня и обер-прокурор гневался! Погоди, говорит, махать, он сейчас в чем-то уже признаться хочет... А я тебя – р-раз! – поперек спины, и ты снова в отключке... Можно сказать, от плахи спас!

Балакирев. Спасибо, князь-папа. Век не забуду!

Шапский. Сочтемся!.. Ты сейчас команде нашей очень надобен. Русского шутовства ведь и не осталось. При дворе – Голштинские да Остерманы верховодят. Моду завели шутковать только на немецкий манер... А какие у немцев шутки: воздух подпортить да на яйцо сесть?.. Дикость!.. Наследника, мальчонку Петрушу Второго, и того испортили... Научили забаве – шуту на голову яблоко поставить да из лука стрельнуть... “Вильгельм Тель” шутка прозывается.

Балакирев. Это он тебе левый глаз-то?..

Шапский. Правый. Теперь остатний левый специальной кольчужкой прикрываю... Ты тоже поостерегись, когда к нему поведут!

Балакирев (испуганно). Зачем? Нет... Я свое отшутил! Я в отставку надумал проситься... Домой... В деревню.

Шапский. Рано в деревню... России послужить надо, Ванька!! Остынь!.. (И окатил Балакирева шайкой ледяной воды.)

Балакирев взвизгнул. Шуты накрыли его простыней, туго запеленали, убежали со смехом.

...Появилась фрейлина Головкина, сняла простыню.

Головкина (приветливо). Здравствуй, Ванечка!

Балакирев (прикрывшись рукой)...Ой! Срам! Сударыня, я ж голый!

Головкина. Да чего ж стыдиться, Ваня? Мы ж при дворе служим... Да и что енто за срам, коли он у тебя в одной ладошке поместился?.. (Смеется кокетливо.) Иди ко мне, глупенький.

Балакирев. Зачем?

Головкина. Не боись... Дурного не сделаю. (Достала опасную бритву, открыла лезвие.) Иди, кому говорю! Велено тебя побрить-постричь на европейский манер...

Балакирев перекрестился, подошел, сел. Головкина ловко намылила ему физиономию, заработала лезвием.

Височки нынче носят короче... А усики – ниточкой али таким “саксонским червячком”... Не дергайся! Я ж стараюсь...

Балакирев. Благодарствую, сударыня. Но я за прошлые ваши старания цельный год отсидел.

Головкина. Думаешь, я донос на тебя писала?

Балакирев. Думать в тюрьме не положено. Показали – прочитал.

Головкина (невозмутимо). Это меня Ягужинский заставил. Сама ж была против... Вот те крест! Со слезами писала – так тебя было жалко... Но нынче – все! Переметнулась. (Тихо.) Я нынче под Шафировым. Он обходительней и к царице нынче ближе... Тебе, кстати, тоже гостинчик прислал... (Вынула пульверизатор, стала опрыскивать Балакирева. Тот недовольно вскочил.) Балакирев. Не нужен мне ваш гостинчик! Ничего не

нужно! Домой я уезжаю! К маменьке!

Головкина. Чего орешь? Придет срок – пошлют и к маменьке... А нынче при дворе она служит. И Дуня твоя тоже при дворе... И ребеночек...

Балакирев. К-какой ребеночек? Чей?

Головкина. Говорят, твой... вроде... А может, и не твой? Какая разница, Ваня? Мы все здесь, при дворе, как одна семья...

С шумом входит Меншиков.

Меншиков. Иван! Сукин кот! Где ты? Не один, что ль?

Головкина. Один он, один... (Поспешно собирает парикмахерские принадлежности.)

Меншиков. Пошла вон! Бесстыжая! Придумали на курляндский манер с мужиками париться...

Головкина. А то я с вами на русский манер не парилась...

Меншиков. Иди отсюда, кому говорю!

Головкина испуганно убегает.

Совсем в России порядка не стало. Уж и в бане под каждой шайкой – шпиен... Ну, здорово, Иван!

Балакирев. Здравствуйте, Александр Данилович!

Обнялись.

Меншиков. Вот мы и снова свиделись. И снова ты голый, как тогда в полку... на дежурстве, когда первый раз увидел. (Втянул носом воздух.) Фу! Как она тебя Шафировым-то провоняла... Придется дух его перешибать! (Полез в карман, достал флягу.) Давай помянем государя нашего великого, друга моего незабвенного Петра Алексеевича... (Налил Балакиреву в чарку, сам глотнул из фляги.) Балакирев (выпив). Ух! Крепка водка княжеская...

Меншиков. Царский рецепт. Спирт, на “гонобобеле” настоянный... Ну, давай по второй... За дам. За царицу нашу обожаемую, Екатерину Алексеевну!

Балакирев. Святое дело!

Выпили.

Меншиков. И сразу по третьей, чтоб разговор потек...

Балакирев. Не откажусь! На посошок!

Меншиков. Далеко ль собрался?

Балакирев. В деревню... В отставку думаю проситься...

Меншиков (погрозил кулаком). В отставку солдат только в гробу уходит! Понял? Ты мне тут надобен... Пей!

Выпили.

Меншиков (завинчивает пробку). Фляга пулей семь раз простреленная, а не течет. Всю северную войну со мной прошла, в кунсткамеру отдал... А ныне обратно вернул. Такое времечко пришло, Иван: не выпьешь с утра – дня не проживешь. Царь-то, умирая, завещания ведь не отписал... Сказал только: “Оставляю все...” – и душа отлетела. А чего “все”?.. Кому “все”?! Сразу тут такое началось!.. Народ зашумел. Сенат затрясся. Кабы я тогда ночью не ворвался во дворец с преображенцами, не быть бы Кате царицей... А все же трудно державу держать без ясного Петрова указа. Бояре мальчишку, внука его, на трон тянут... Нас, конюховых детей, люто ненавидят. Да и соратнички мои, графы да бароны, которым я же родословные подарил, теперь под меня и копают! Ягужинский – с одной стороны, Шафиров – с другой... Прямо Полтава на Неве. (Таинственно.) А хуже всего с Катериной... Уж, кажется, знаю царицу давно, и душевно, и на ощупь... а вот нет. Подсадил на трон – она умом поехала... Взаправду решила, что державой командовать сможет... Пить начала. Трубку курит... Вакханкой сделалась! И указы издает... “Исполняя волю нашего покойного государя, повелеваю...” А волю-то Петра по снам разгадывает... Ей-богу! У нее на эту дурь совсем ум за разум зашел. Говорит, вещие сны ей снятся каждую ночь... И она по им живет. Ты, Вань, сны толковать умеешь?

Балакирев. Не очень. Так, чему бабка учила: хлеб видишь – к дождю, говно – к деньгам...

Меншиков. Нет... Это и я знаю. У царицы совсем непонятные сны... Вот вчера рассказывала: иду, говорит, в горах, Альпах, с козленочком... Подходят к ручью... Козленочек и говорит: сестрица, сестрица, можно воды напиться? А она его вдруг как толкнет в пропасть... И сама смеется... А он пьет... Нет, погоди, напутал... Он летит... Она пьет... Или оба?.. Такой вот дурацкий сон! К чему?

Балакирев (подумав). Может, и вам не пить боле, Александр Данилович?

Меншиков. Не получается, Ваня... (Достал флягу, хлебнул.) Струны внутри натянуты, колки надо чуток отпустить. Ведь всю жизнь под страхом живешь... Вот я ныне всего достиг, генерал над генералами стал, а все равно, как Петра вспомню, мурашки бегают... (Перешел на шепот.) Говорят, он и сейчас часто ночами по дворцу ходит...

Балакирев. Кто?

Меншиков. Царь усопший.

Балакирев (испуганно крестится). Свят... свят...

Меншиков. Охрана видала... Появляется, сказывают, такой весь бледный... в голубом парадном комзоле... шляпе... в башмаках стоптанных... О, гляди!!

При этих словах Меншиков вдруг издал какой-то странный звук ужаса и ткнул пальцем в глубь коридора. Балакирев испуганно обернулся.

Из темноты медленно и торжественно к ним плыла фигура Петра, одетого в парадный камзол...

Меншиков и Балакирев разом рухнули на колени.

Меншиков. Не погуби, мин херц!! Не погуби! (Крестится.)

Балакирев (бьет лбом об пол). Невиновный я, Петр Алексеич. Враги очернили... Отпусти меня, царь, со двора! Я боле в тюрьму не хочу!

Меншиков. И я не хочу! За обоих, Ванька, проси... За обоих!..

Фигура Петра остановилась перед ними. Из-за нее вышел худенький старичок, художник Растрелли.

Растрелли (глядя на стоящих на коленях Меншикова и Балакирева). Ноте белло, синьоры! Нехорошо!.. Нельзя молиться истукан!.. То первобытное язычество есть...

Меншиков (поднял голову, обалдело смотрит на старичка). Ты кто?

Растрелли. Я есть итальянский художник Растрелли. А это – восковой фигур царь Петр Романов. Сделан мной по приказу императриц...

Меншиков (поднимается с колен). Ну, дед... Ну, Растрелли хренов... Да тебя уже за одну фамилию к стенке ставить пора!! Ты что, совсем одурел – такую особу по коридорам возить?!!

Растрелли. Императриц велель доставить сей фигур в Большой зал...

Меншиков (передразнивая). “Императриц велель”... Так ты доставь как положено. Чай, не шкаф везешь?!. Предупреждать же людей надо! У всех нервы сейчас как тетива... (Берется за ручку тележки, на которой установлена фигура.) Отойди, итальянец!.. Твое дело слепить, а дальше уж мы сами своего государя до места доведем... Подмогни, Иван!

Балакирев взялся за ручку. Вдвоем они медленно повезли фигуру по коридору, выкрикивая: “Поберегись!! Русский царь Петр Алексеевич идет! По-бере-гись!!!”

Затемнение.

Картина шестая

Резкий музыкальный аккорд, напоминающий звук охотничьей трубы.

Топот копыт. Лай собак. Выстрелы...

Через анфиладу дворцовых комнат гневно шагает Екатерина. У нее на голове треуголка Петра, в руках – трость. В зубах – трубка.

За царицей семенят испуганные фрейлины. Среди них – Анисья Кирилловна и Бурыкина.

Екатерина. Всех выгоню!.. Всех! Не зря, видать, царь Петр об вас дубинку сломал, надо и мою на прочность проверять! (Замахнулась на фрейлин тростью, те рухнули на колени.)

Анисья Кирилловна. Казни, царица, но не виноватые мы...

Бурыкина. Не виноватые!..

Екатерина. А кто ж виноватый?

Анисья Кирилловна. Коли начистоту – принц Голштинский... Карл-Фридрих-Теодор...

Бурыкина. Голштинский... Теодор...

Анисья Кирилловна. Это он, принц, взял поутру царевича Петрушу на охоту.

Бурыкина (подсказывая). На псовую...

Анисья Кирилловна (Бурыкиной). Не кукуй ты, мать, над ухом! (Екатерине.) На псовую...

Екатерина. И что?

Анисья Кирилловна. Поначалу – ничего. Потом двоих подстрелили...

Екатерина. Кого? Псов, что ль?

Бурыкина. Одного – пса... Другой – егерь оказался.

Екатерина. Господи! Пресвятая Богородица! Что творят! (Испуганно крестится.)

Анисья Кирилловна (Бурыкиной). Погоди ты пугать царицу, Степановна! Успеем ешшо! (Екатерине.) Не подстрелили, а так – чуток подранили... Пес, конечно, сдох, а егерь ничего... Да и что ему сделается – мужик беспородный. Ему свинец в жопе – только крепче сидеть!!

Бурыкина. Это верно. А уж потом...

Анисья Кирилловна (перебивая)...А уж потом охотнички наши разогрелись, перезарядились... И тут как раз из кустов энтот французский посол... как его прозывают-то... месье Де Тертерьян...

Бурыкина. В буклях...

Анисья Кирилловна. В буклях весь... де Тер-тер... И сам тоже на тетерева похож!.. Ну, наш Петруша как шум в кустах услыхал, так из двух стволов – жах!!!

Екатерина. А вы-то, дуры, куда смотрели?

Бурыкина. Мы в трубу смотрели... С пригорка!

Анисья Кирилловна. Нас же не допускают... Сказали – не бабское, мол, дело охота!..

Екатерина. Кто сказал? Кто мог сказать, коли я велела? Да будет ли при дворе порядок?! Нет, не могу! Сломаю палку, ей-богу, сломаю! Унмеглих!! (Напряженно пытается сломать трость двумя руками, это у нее не получается, в отчаянии отшвыривает палку, фрейлины испуганно дрожат.) Я вам, дурам, сколько объясняла: при дворе нет баб-мужиков. Все вы – при должностях!! Вас няньками к царевичу приставили. К наследнику престола российского!! Значит, вы ни на шаг от него отходить не смеете...

Анисья Кирилловна. Мы-то не отходим. Он, пострел, от нас все убегает!

Екатерина. Держать! Хоть на цепи, но держать!

Анисья Кирилловна. Он и цепь перегрызет! Мальчишка-то с норовом, дедовская кровь бушует. Да и не в себе он часто бывает... Петрушенька наш, голубчик...

Екатерина. Как “не в себе”? А в ком? Чего недоговариваешь?

Бурыкина (решительно). Была не была! Я скажу! Мы, Бурыкины, наушничать не любим, но и врать не станем! Царица-матушка, спаивает прынц Голштинский нашего царевича...

Екатерина. Да что он, сдурел? Петруше всего одиннадцать годков.

Анисья Кирилловна. То-то и оно, связался черт с младенцем. Сам пьет и ему наливает! “Что это, – говорит, – за русский царь, коли он не пьет с детства?” Так, мол, Петр Алексеевич ему наказал...

Екатерина. Врет! При мне разговор был... Про царство говорили, помню, но чтоб про детство пьяное – такого не было!..

Бурыкина. Врет, конечно. А все нам не легче... Сегодня комнату царевича прибирала, вон чего нашла... (Протягивает Екатерине флягу.)

Екатерина (берет флягу, нюхает). Чего-то запах знакомый! (Делает глоток.) “Гонобобель”! Меншиковский замес... Ну-ка, Кирилловна! (Протягивает флягу Анисье Кирилловне.)

Анисья Кирилловна (сделав внушительный глоток). Он! Голштынский все больше “киршенвассер” приносит. На черешневых косточках... А Ягужинский – тот на рябине предпочитает...

Екатерина (в ужасе). Да у вас что там, в детской комнате, кабак, что ль? (Вырвала флягу, сделала громадный глоток.) Всю Россию споили, сукины дети! И народ!.. И царевича! И царицу! (Снова пьет, хмелеет на глазах.) Так! Все! Я этому безобразию предел положу. Где секлетарь?

Головкина. Какой?

Екатерина. Мой!

Головкина. Так новый не назначен еще, ваше величество...

Екатерина. А старый где?

Головкина. Казнен-с...

Екатерина. Как это “казнен-с”?..

Головкина. Окончательно, ваше величество! Год назад. Это ж Виллим Монс был...

Екатерина. Вилли? Казнен? Наш Виля?.. (Всхлипнула, но тут же словно

взяла себя в руки, протрезвела.) Вот дура! Как будто я не помню... Это ж я вас всех проверяю – не спились ли? А ну, вынь заколку из волос! Немедля!!

Головкина вырвала заколку, волосы рассыпались.

Во! Так тебе более идет. Верно говорю?

Фрейлины закивали.

А ты, Степановна, бери перо, бумагу, пиши мой новый указ.

Бурыкина поспешно взяла перо и бумагу.

“Я, государыня всея Руси Екатерина Алексеевна, во исполнение воли покойного царя повелеваю...” Чего ж не пишешь?

Бурыкина. Я ж неграмотная, ваше величество. Может, кто из фрейлинов поученей?

Екатерина (сурово глянув на фрейлин). Они-то поученей. Только доверия никому. Такого за спиной об тебе понапишут – опять головы рубить придется! Нет! Мне в секлетари человек простой надобен... Вроде тебя! (Фрейлинам назидательно.) Вот ведь: дура безграмотная, а царица сказала “пиши” – она без размышлений тут же перо обмакнула, а только потом спохватилась... Не то что вы, все с рассуждениями да подколками... Простой человек мне в секлетари нужен, верный!

Анисья Кирилловна. Может, Ванечку моего кликнуть, государыня?

Екатерина. Какого еще Ванечку?

Анисья Кирилловна. Сынка. Ванечку Балакирева. Он и простой, и верный вам всегда слуга, царица, не сумневайтесь!

Екатерина. Да он разве жив?

Анисья Кирилловна (крестится). Господь с тобой, царица-матушка! Жив-здоров, пятый день как из тюрьмы вернулся...

Бурыкина. По твоей же милости ко двору возвращен, государыня... Сама ж

ему жалованье определяла...

Екатерина (перебивая). Ладно! Раскудахтались! Ну, забыла царица. Забыла! Старею...

Анисья Кирилловна. А вот это уж на себя не наговаривай, государыня. И молода, и весела, как прежде. А насчет памяти – так столько добрых дел ты делаешь за день, все и не упомнить...

Екатерина. Ишь, как повернула! (Засмеялась.) Ох, хитрющая ты, Анисья Кирилловна... Недаром прозвали “Анисья – жопа рысья”...

Бурыкина (подсказывая). “Лисья”, государыня...

Анисья Кирилловна (набросилась на Бурыкину). Ты еще будешь царицу учить, дура!.. Сама ни черта не помнишь! “Рысья жопа”... Все так и прозывают!

Екатерина. Ну конечно, “рысья”... Чего меня путаешь? Зови своего Ваньку, Кирилловна! Я сама об ем поутру думала... И кого там в приемной из коллегии сенаторов заметишь – Ягужинского, Шафирова, Меншикова. Всех срочно сюда!!!

Шафиров (из-за кулис). Иду, государыня! Лечу по первому зову!

Ягужинский (появляясь). По первому зову, барон, я уж давно здесь!

Фрейлины поспешно удаляются.

Шафиров и Ягужинский долго отвешивают Екатерине церемониальные поклоны.

Екатерина (жестом останавливая церемониал). Ну, будя, Петр Павлович! Павел Иваныч! Не до политесу мне сейчас... Слышали, какая беда у нас приключилась?

Шафиров. Как не слышать, государыня? Весь посольский двор жужжит аки улей! Мыслимо ли дело, чтоб в просвещенной стране послов, словно куропаток, отстреливали?

Екатерина. Ну, ты объясняй иноземным гостям: ошибся, мол, мальчишка –

Екатерина. Ну, ты объясни любезным гостям: ошибся, мол, мальчишка дурачок несмышленый...

Шафиров. Для нас – дурачок, а для дипломатов – наследник русского престола! Из-за таких ошибок, государыня, войны начинаются.

Ягужинский. Войной русских пугать, Петр Палыч, не надо. Мы и без повода воевать всегда готовые... Да и с чего вдруг война? Жить-то этот француз будет?

Шафиров. Дохтур сказал – будет! Но французы требуют, чтоб жил теперь – хорошо!!! У него все-таки рана в плече и комзол погорел...

Ягужинский. Эка печаль! Сошьем новый!

Шафиров. Боюсь, сукна много пойдет... На триста тысяч французы требуют чтоб материалу закупили... И вина ихнего на сто тысяч привезти... безакцизно! И корабли их пропускать в наши порты беспошлинно!

Ягужинский. Да это ж грабеж! Одним выстрелом разорить казну хотят? Или кому-то, я чувствую, половина с этих доходов обещана?

Шафиров. Грубый намек ваш, Павел Иваныч, я мимо ушей пропускаю. А насчет ихних требований – так всем известно: Франция страна дорогая. Кабы Петруша, к примеру, индийского посла завалил, оно б, конечно, России дешевле вышло...

Ягужинский. А разве индиец там тоже был?.. Или это у вас шутка-подгребка? А? Петр Палыч? Тогда посмеемся, коли считаете, что на это есть время... (Нарочито смеется.)

Екатерина. Ладно вам цеплять-то друг дружку! Не для того позвала. Скажите, что мне с ним делать – ума не приложу?

Ягужинский. С послом?

Екатерина. Бог с ним, с послом. Откупимся! Я про наследника.

Шафиров. Это, конечно, вопрос позанозистей... Как-то укрощать мальчика надобно. Иначе и в будущем эксцессов не избегнуть...

Ягужинский. Наставник ему нужен!

Ягужинский. Наставник ему нужен!

Екатерина. Давала ему наставников... Всех извел, звереныш. Кому глаз выбьет, кого до обмороку доведет...

Ягужинский. Надо ловкого человека поставить! Чтоб мальчик его полюбил. И есть уже у меня один кандидат на примете...

Шафиров. У вас кандидаты для сомнительных дел всегда найдутся, Павел Иваныч! А коли разговор зашел про любовь, так на то есть другое средство. Женить пора Петрушу! Немедля!

Екатерина. Ты что, Петр Павлович?! Совсем рехнулся? Ему ж одиннадцать годков...

Шафиров. Для династических браков, государыня, возраст значения не имеет. Иной наследный принц еще во чреве матери уже помолвлен...

Ягужинский. И с кем же вы нашего царевича обручили?

Шафиров. С той, кто может способствовать укреплению государства. В данном случае, позволю предположить, возможен брак с цесаревной Елизаветой Петровной...

Екатерина. Час от часу не легче! Лиза старше намного! И потом, у них предок один – Петр Алексеевич. Мыслимо ли внуку на дочери деда жениться?.. Тьфу! Совсем мы племя дикое, что ль?

Шафиров. Осмелюсь возразить, государыня. Ежели говорить “внук на дочери” – нонсенс, а если перевести на язык просвещенной Европы, “кузен на кузине” – вполне допустимая вещь.

Екатерина. Ну, ты кого хошь можешь задурить, Шафиров! Тебя послушать – так и мне можно за Петрушу замуж? Бабка за внука? На это как Европа глянет?!

Шафиров. Сей вопрос, государыня, мы на коллегии рассматривать не рискнули без вашего дозволения...

Екатерина. И на том спасибо. А ты что на сей счет думаешь, Ягужинский?

Ягужинский. Я государево око, царица! Могу вдаль глядеть, могу моргнуть!.. И потому, коли будет указание, вполне допустимо все это рассмотреть с точки зрения закона и юридически оформить...

Екатерина (грозно). Я те моргну!! Ишь, чего надумали, сенаторы хреновы! Не спросясь меня – в брачную постель! Я вам не девка Марта, что драгунам подштанники стирает!! Я – царица российская!!

Шафиров. Так потому и обсуждаем, государыня..

Ягужинский. В интересах державы.

Екатерина. Начхать мне на державу! Я после Петра Алексеевича никого к себе не допущу, потому как нет на земле мужика ни молодого, ни старого, кто б с ним сравнение мог иметь... (Схватила флягу, сделала большой глоток.) Бога вы не боитесь, сукины дети! (Еще глотнула, закашлялась.) О, как грудь болит! Чувствую, недолго вам со мной маяться! Уж потерпите!.. (Заплакала-запричитала.) Петенька, голубчик, забери меня к себе скорей, сил же боле нету здесь никаких... (Плачет, роняет голову на стол.) Шафиров и Ягужинский суетятся, наливают воду, пододвигают вазу с фруктами, обмахивают веером.

Шафиров. Прости, государыня, что расстроили рассуждениями о делах столь деликатных... Но, как говорится, не я первый начал...

Ягужинский. А кто? Я, что ль?

Шафиров. И не вы, Павел Иваныч.

Ягужинский. А кто ж?

Шафиров. Меншиков.

Ягужинский (поспешно). Тут не спорю...

Екатерина (подняла голову). Кто?

Ягужинский. Меншиков.

Екатерина. Чего – Меншиков?

Ягужинский. Меншиков первый начал...

Шафиров. Пока мы тут философствуем да рассуждаем, государыня, он, хитрец, уж и наживку насадил, и сети расставил...

Екатерина. Кто?

Шафиров и Ягужинский (вместе). Меншиков!!

Быстро входит Меншиков.

Меншиков. Тут я! Тут! Чего орать-то?.. (Приветливо лобызается с присутствующими.) Здорово, Паша! Здорово, Петюня!.. Царица-матушка, дозволь к ручке припасть?

Екатерина. Черт с тобой, припади! (Протянула руку, Меншиков долго целует.)

Меншиков. А у вас чего сегодня – тайный совет?

Ягужинский. Вроде того...

Меншиков. А чего мне не сказали? Как-никак председатель коллегии... Хорошо, что случайно проезжал мимо с дочкой Машей... Слышу из окон дворца голоса – “Меншиков, Меншиков”... Стоп, говорю! Видно, такой вопрос, что без меня не обойтись! Верно, Паша?

Ягужинский. Верно, Саша. Вопрос щекотливый... Но позволь и мне для начала встречный вопросик задать: ты куда это направлялся... с дочкой Машей? Не к царевичу ли?

Меншиков. А что? Нельзя?

Ягужинский. Можно. А с каким, извини, умыслом?

Меншиков. Никакого умысла. Просто... Хотел, чтоб дети поиграли...

Шафиров. Петруше – одиннадцать, Маше – двадцать! Во что им играть, Александр Данилыч?

Меншиков. Ну и что ж, что ей двадцать? А умом – равны... Погоди, не пойму... вы мне что, здесь перед царицей допрос учиняете? Я это, господа

пойму – вы мне что, здесь перед царицей допрос учиняете? Я это, господа сенаторы, не люблю!

Ягужинский. Это не допрос, светлейший князь. Это следствие... (Екатерине.) Государыня, как обер-прокурор обязан заявить, что светлейший князь Меншиков, по моим сведениям, учиняет тайные действия с целью поженить свою дочь Марию и царевича Петра...

Меншиков. Какие, к черту, действия? Ну, балуются ребятишки. А уж коли настоящее чувство у их возникнет, то, как говорится, совет да любовь.

Ягужинский. Про любовь не знаю, но совет дам, Александр Данилович: не стоит корону российскую на себя примерять. Извини, размер головы не тот! Россия Романовых на Меншиковых менять не согласна.

Меншиков. Это кто ж за Россию-то говорит? Ягужинские? Фамилия – на последнюю букву, ей бы помалкивать...

Ягужинский. Когда дерьмо жрешь, последним меньше достается. А фамилия наша древняя и позвучней Меншиковых!

Меншиков. Точно! Звучней на один бздех!..

Шафиров. Господа, я прошу выбирать дипломатические выражения. Стыдно за вас! У нас здесь все-таки высшая коллегия Сената России...

Меншиков. И этот за Россию печется! Кажись, еще только вчера крест на ермолку нацепил, а туда же!

Шафиров. Александр Данилович! Я запрещаю так со мной разговаривать. Перед вами барон Шафиров!

Меншиков. Ага! Барон – среди ворон! Это я ведь тебя “баронил” (Ягужинскому.) И тебе графский титул, Паша, тоже я устроил. Все вам дал, птенцы гнезда Петрова! Забыли, кто вам в клювике награды приносил?

Екатерина. А тебе-то кто все дал, Александр Данилович? Сам-то не забылся ли ты на этот счет, друг сердечный?..

Меншиков. Мои регалии, государыня, за заслуги перед Отечеством император Петр Алексеевич лично дарил... Ну и ты, матушка, тоже,

конечно, по доброте своей тоже дала... кое-что... (Осекся.) Ну, в смысле – выдала...

Екатерина (резко встала). Чего я тебе дала, дурак?!! Чего несешь-то?..

Меншиков (смутившись окончательно). Не, не! Я не то хотел сказать... Оговорился я, Кетхен!

Екатерина. Какая я тебе “Кетхен”? Сколько твержу – не смей меня по-кошачьи звать!! (Плеснула в физиономию светлейшего из бокала, повернулась к Ягужинскому.) А ты, граф, чего скалишь зубы? Эскадронные шуточки ндравятся?

Ягужинский. Помилуй бог, государыня, это у меня лицо такое... улыбчивое... Это же все знают. А шутки-то даже и не понял! Чего “дала, не дала” – даже не вслушивался!

Екатерина (замахнулась на Ягужинского). А ну все вон отсюда, советнички хреновы!! Я вас!!. (Неожиданно схватилась за грудь, осела.) Ой, мамочка... майне либе медхен... умираю! (Сенаторы бросились к ней, она превозмогла себя, взвизгнула.) Пошли от меня! Люди, на помощь! Убить меня хотят! Караул!..

В залу вбежали несколько слуг, гренадеры с ружьями. Впереди всех Анисья Кирилловна и Балакирев.

Анисья Кирилловна. Государыня-матушка! Мы с тобой! Люди, спасай царицу! (Закрыла Екатерину своим телом.) Ванька, бей супостатов!

Меншиков. Чего орешь, старая... Кого “бей”? Думай, что говоришь! Кто твой Ванька – кто мы?

Екатерина (выходит из-за Анисьи Кирилловны). Кто вы, господа, я еще подумать должна... Когда надумаю, указом отпишу каждому! А Ваня Балакирев с сей минуты назначается моим личным секлетарем. Так что прошу ему оказывать особое почтение! Понятно?

Легкое замешательство. Все смотрят на Балакирева. Он невозмутим.

Меншиков. Как не понять? Мы люди понятливые. А все ж, царица, окажи милость – дозволь с тобой хоть минутку поговорить тет на тет...

милость – дозволь с тобой хоть минутку поговорить тет на тет...

Екатерина. Все аудиенции теперь только через секлетаря!

Меншиков. И так можно... Мы люди не гордые... давно уж... (Подошел к Балакиреву.) Господин секретарь! Доложите царице, что светлейший князь... (Осекся.) Нет! Скажи проще: Сашка Меншиков, друг ее верный, который когда-то на войне жизнь ей спас, просит минуту внимания. Поскольку, может, от этой минутки и его жизнь зависит!

Балакирев растерянно смотрит на Екатерину.

Екатерина. Ладно. Все ступайте! А тебе, князь, – одна минута, не боле. Иван, проследи!

Балакирев. Слушаюсь, государыня! (Всем.) Всех посторонних прошу оставить покои императрицы!

Анисья Кирилловна. Да! Пошли все прочь!

Балакирев. Верно, маменька! А тебя это первой и касается!

Все, кроме Екатерины и Меншикова, уходят.

Меншиков (шагнул к Екатерине). Катя! Дорогая моя! Сердце души моей! Свет очей неуемный!

Екатерина (строго). Стой на расстоянии, Саша.

Меншиков. Да не могу на расстоянии... (Упал на колени.) Катюша, милая, выходи за меня замуж! Люблю тебя, как в молодости!.. Надоело мне хитрить-юлить, дочку за внука сватать. Выходи за меня – и все по закону будет. Ты – царишь, я делами правлю. Спасать страну надо, Катя! Держава в опасности!.. Люблю тебя, Катя, давно люблю, сил нету... Пока царь был жив, я все желания свои узлом завязывал, а теперь ночей не сплю, за тобой страдаю... Пожалей меня и Россию-мать! Люблю!!!

Екатерина. Эк наговорил... “Россия”... “Держава”... “Люблю”... Разве так любят, Саша? Петр полюбил – срама не побоялся, солдатскую девку царицей сделал. Виля Монс полюбил – голову на плаху положил. А ты-то чем рискуешь, Саша? Короной голову поцарапать?

Меншиков. Значит, не так я выразился. Дозволь сызнова объясниться!

Екатерина. Сызнова – это как? Это чтоб молодые оба и ты цалуешь да шепчешь жарко “царица души моей”? Я-то уши развесила, подумала – и правда “души царица”. А ты, оказывается, меня на трон подсаживал, чтоб я там и тебе местечко пригрела?!! Ничего сызнова не бывает. Встань. Не срамись!

Быстро входит Балакирев в сопровождении гренадера.

Балакирев. Прошу прощения, светлейший князь! Ровно минута прошла.

Меншиков. Ровно? (Встал с колен.) Уж точность по-немецки блюдешь, Ваня? Молодец! Далеко пойдешь, ноги только не сломай... хэрр Балакирев!

Меншиков уходит. Гренадер встает на посту в глубине сцены.

Екатерина. Садись, Ваня, поближе. На простое лицо твое после сановников и смотреть приятно... Во, какая рожа! (Целует Балакирева в щеку.) Яблочка хошь? (Протягивает яблоко.)

Балакирев. Благодарствую. (Берет яблоко.)

Екатерина. Знаешь, почему я тебя на Монсову должность назначаю? Потому что безвинно пострадал за него. А еще потому, что приснился ты мне намедни... Увидела, знаешь, поле такое большое... Внизу река. А сверху – почему-то веревка спущена... Высоко – не достанешь!.. Я подпрыгиваю, а схватить никак не могу. Ищу, кто б помог, смотрю – идет полем царь Петр... а рядом – барбос, такой весь лохматый... К чему б такой сон, как думаешь?

Балакирев. Это как толковать... Что барбос я – верно, поскольку вам, государыня, верно служу. А что веревка с неба – не иначе, повесят меня скоро...

Екатерина. Типун тебе на язык! Не твой же сон?

Балакирев. У меня похожий был. Каждую ночь царь Петр снится, говорит: беги, Ванька, со двора – пропадешь!

Екатерина. Это он меня предупреждает. Мне в петлю лезть, коли

Екатерина. Это он меня предупреждает: мне в петлю лезть, коли наследничка не угомоню... Короче, пойдешь ты к нему в наставники, Иван, и сердце его смягчишь. Я так этот сон растолковала... Мальчик Петруша хороший, добрый... (Подумав, поставила на голову Балакирева яблоко, посмотрела, осталась довольна.) Ты ему пондравишься...

Балакирев. Благодарствую, царица! (Робко снимает яблоко с головы.) Но, может, меня лучше на войну с турками направить?

Екатерина. Мир у нас с турками давно, Ваня. Мир! А промеж себя – война! (Ставит ему вновь яблоко на голову.) Ты не боись! Что он Шапскому глаз выбил – так ты ж не Шапский... Ловок! Даст бог, увернешься!..

Балакирев (нерешительно). Дело рисковое, государыня! (Уронил с головы яблоко, поймал, надкусил, вновь поставил, убедился, что яблоко уже стоит крепче.) Попробую! Но коли дело сделаем, отпусти меня в отставку, государыня. Обещай!

Екатерина. Ладно. Сперва увернись!! (Хлопнула в ладоши, тотчас появились Анисья Кирилловна и Бурыкина.) Наследник где?

Бурыкина. В детской... С прынцем играет, касатик.

Екатерина. Пьяный?

Бурыкина. Никак нет, государыня... Чуток... Для настроения.

Екатерина. Веди сюда. Пусть лук и стрелы берет! Скажи – новый Вильгельм Тель объявился...

Бурыкина убегает. Анисья Кирилловна растерянно смотрит на Балакирева, замечает у него яблоко на голове.

Анисья Кирилловна. Ванюша! Это ты, что ль, Вильгельмом стал? Вот спасибо, царица! Вот радость-то!

Балакирев (растерянно). Какая радость, мамаша? Вы что? А коли глаз выбьет?

Анисья Кирилловна. Да плюнь ты через плечо! Стрела как пуля – в одно место два раза не попадает!! А если, не дай бог, какое увечье – царица милостью не обидит! Верно, матушка?

милостями не обидит! Верно, матушка?

Екатерина. Шапскому за подвиг деревню подарила... Значит, тебе – две!!

Балакирев. Почему две? Два глаза потерять, что ль?

Анисья Кирилловна. И что ж ты раскаркался, Иван? Прямо не узнаю сына!.. Ты солдат или нет? Солдат цареву службу несет, об остальном думать не должен... Не то что глаз али ухо – жизнь отдать за Отечество для него счастье! И я, твоя мать, тебя на то благословляю! (Подошла, торжественно поцеловала Балакирева.) Екатерина. Во какие люди при мне служат. Слеза аж прошибла!

Послышался шум. Музыка. Топот копыт. В глубине сцены появляется странная процессия: принц Голштинский, рядом с ним – в тирольской шляпе и с луком, царевич Петруша. Управляют они детской упряжкой лошадей, вместо которых впряглись шуты – Ушастик, Лакоста и Шапский.

Голштинский. Тпр! Стоять... ваша мать!..

Шуты останавливаются, трясут гривами, поднимают хвосты. Из-под хвостов у них сыплются яблоки... Петруша смеется.

Екатерина (недовольно). Дураки на дураках ездят да сами же и ржут... Поди как смешно! Распрягай коней, Петруша! Знакомься! Вот наставник твой новый, Иван Балакирев. Прошу любить-жаловать!

Балакирев. Рад буду служить тебе, Петр Алексеич! (Поклон.)

Петруша (смотрит на Балакирева исподлобья). Вильгельм Тель!

Екатерина. Погоди ты с Телем... Вникни сперва, чего говорю. Это любимый шут твоего дедушки. Много знает шуток-прибауток...

Шапский. Точно так, царевич... Парень веселый. Нами проверенный, будешь довольный...

Петруша (упрямо). Вильгельм Тель!

Екатерина. Вот кровопивец... Пока человека не изуродует, руки ведь не подаст...

Балакирев. А может, он и прав, государыня? Как иначе слугу на верность проверять? Да и мне судьбу испытать полезно... (Петруше.) Только я ведь, царевич, преображенский солдат. Мне под стрелу вставать западло... Под пулю привычней!.. Уж коли ты наставника проверяешь – пальни-ка в меня из ружья!

Анисья Кирилловна. Да ты что, Иван? Чего удумал? Не пущу....

Балакирев. Почему, маменька? Я ж твой материнский наказ выполняю... Солдат жизнь за царя отдает!.. А семье за это, глядишь, награду прибавят... К двум деревням – пару сел. (Запел, заплясал.) “Две деревни, два села, ходит Дуня весела!!!” Оп! Оп!

Екатерина. Не дури, Иван!.. Такого баловства не позволю. Хватит мне посла простреленного...

Балакирев. Да разве мы хуже французов? Или на нас уж и пули жалко?.. (Рванулся к Екатерине, страстно заговорил.) Дозволь судьбу испытать, государыня! Не перечь! Только так сердечко наследника мне растопить... Увидит, что человек с улыбкой на устах за него жизнь кладет, – авось и помягчает? А просто на глаз окриветь – ни мне доблесть, ни ему радость... Верно, царевич? (Петруша кивнул.) А коль жив буду, так и подружимся... Верно? (Петруша снова кивнул.) Во! Благосклонность проявляет. Позволь, государыня!

Екатерина (нерешительно). Ну, смотри! Сам вызвался... На мне греха нету.

Балакирев. Вот и спасибо за доброту! (Бросился к гренадеру.) Служивый, одолжи ружье для пользы Отечества... (Взял ружье, взвел курок, понес к Петруше.) Целься, царевич, только в яблочко... В яблочко! (Шапскому.) Князь-папа, подмогни царевичу заместо прицела! (Шапский подходит, подставляет плечо под ствол ружья.) А ты, Лакоста, яблочко выбери порумяней. (Лакоста достает подзорную трубу, высматривает яблоко на полу.) Ну, чего тянешь?

Лакоста. Побольше ищу...

Балакирев. Не хитри, жидовин, не на базаре... Судьбу проверяем, здесь полдюйма не в счет! Дай-ка, наоборот, вот то, самое маленькое! С дырочкой... У царевича глаз меткий, глядишь, не токмо в яблоко – в

червячка попадет...

Лакоста. Дурак ты, Ванька! Ну, как знаешь... Сам выбирал. (Поднимает маленькое яблоко, устанавливает на голове Балакирева, отводит его на несколько шагов к стене.)

Балакирев. Вот и славно... Вот и опять ты, Ванька Балакирев, с судьбой один на один остаешься! (Крестится.) А теперь... ваше высочество, принц Голштинский... окажите милость, скомандуйте!

Голштинский (достал платок). Ахтунг!..

Петруша начал целиться. Балакирев еще раз перекрестился.

В залу неожиданно вбежали Дуняша и Бурыкина.

Дуняша. Ванечка! Родной! Не надо! (Бросается к Балакиреву.)

Балакирев (с трудом удерживая равновесие.) Тихо ты, глупенькая... Яблоко же уроню...

Анисья Кирилловна (Бурыкиной). Зачем привела Дуняшу? Кто велел?

Бурыкина. Как – зачем? На такое дело идти – и с женой не попрощаться?! Креста на тебе нет, Анисья Кирилловна!

Дуняша (падает на колени перед Екатериной). Государыня-матушка! Не дозволяй ему под пулю вставать! Это он с жизнью покончить хочет! Из-за меня и сыночка нашего. Фрейлины, стервы, нашептали ему: мол, не его это ребеночек... А я говорю – его! Мне лучше знать! Твой мальчишка, Ваня! Твой!

Балакирев. Конечно мой, Дуня... Ну что ты?

Дуня. Ты ж ко мне из тюрьмы прибегал. Во сне... Сам же рассказывал. (Плачет.)

Балакирев. Конечно, прибегал. Потому что – люблю. Встань. Не срамись... Люди же кругом... Отведи ее, маменька...

Анисья Кирилловна оттаскивает плачущую Дуняшу.

Стреляй скорей, царевич! Не томи! Яблоко перезреет – само упадет!

Голштинский. Ахтунг! (Поднял платок.) Фойер!!

Грохнул выстрел. Яблоко, развалившись на куски, слетело с головы Балакирева. Возгласы ликования.

Только Дуня, вскрикнув, упала в обморок. Бурыкина бросилась к ней, обмахивает веером.

Шапский. Ура! Попал!! Ядрена вошь! Попал!

Лакоста. Браво, царевич!

Голштинский. Вундербар! Виват Вильгельм Тель!

Балакирев (пошел к царевичу). Ай да Петруша! Ай да стрелок! Позволь обнять!.. (Обнимает царевича.) Теперь мы с тобой судьбой, царевич, повязаны. Значит, дружить должны, как яблоко с яблоней... Но сперва поклонимся царице! Уж она, сердечная, так за нас перживала! Так перживала...

Екатерина. Еще бы! До сих пор руки дрожат, черти вы эдакие!! (Целует Петрушу, Балакирева, потом и Голштинского.) Думаю, это дело обмыть надо, или как?

Голштинский. Натюрлих! Алле геен тринкен!

Екатерина (смеясь). “Тринкен”! От тебя, принц, другого слова и не услышишь... Спаиваете вы, немцы, нас, русских... Ох, спаиваете!!

Екатерина, Голштинский и Петруша уходят, весело переговариваясь.

Балакирев бросается к Дуне.

Балакирев. Дуня! Голубушка!.. Да что с ней?!

Бурыкина. Упала в бесчувствии... Да я сама чуть не померла со страху... А ну как пристрелил бы царевич?

Балакирев. Кто пристрелил? Кого? (Анисье Кирилловне.) Маменька, вы их

не предупредили, что ль?

Анисья Кирилловна. Бурыкиных предупреждать – только дело портить. Они ж у нас честные! Врать не могут, а правдой своей дурацкой – угробят. (Обмахивает Дуняшу веером.) Ну, очухивайся, Дуня! Некогда тут разлеживаться!

Дуня (открывая глаза). Живой, Ваня? Живой?

Анисья Кирилловна. А то какой? Ты что, дурочка, и правда решила, что я сына на смерть пошлю?!. Я ж тебя учила – судьбу свою пытай, да умом при том шевели... Ружья гренадеры во дворце холостыми заряжают – всем известно. А яблочко – оно на ниточке... Лакосте только дернуть – так и любой не промахнется...

Балакирев. Ты, Лакоста, кстати, плохо в этот раз дергал... Принц еще только поцелился, а ты уже – дерг-дерг...

Лакоста. Я дергал правильно. Это Ушастик яблоко склеил плохо... Я еще даже и не дернул, а гляжу – оно уже рассыпается...

Ушастик. Чего? (Приложил руку к уху.)

Лакоста (кричит). Яблоко клей правильно! И не на ровные половинки режь, дурак!

Ушастик. Я склеил правильно... Это Иван головой тряс...

Шапский. Точно! Тряс! Я тебя, Иван, как ентому “Вильгельм-Телю” учил? Яблочко сгрызть только на треть... (Берет яблоко, сгрызает.) Облизни и клади на самое темя... (Ставит Балакиреву огрызок на голову.) Вот! А потом зорко следи за стрелком. Когда чувствуешь – мол, пора, палец отпускает, – тут Лакосте делаешь знак глазами... (Балакирев выразительно вращает глазами.) Во так! Да! (Балакирев снова завращал глазами.) Шапский оборачивается и видит в глубине сцены принца Голштинского и Петрушу с пистолетом в руках. Они уже изрядно выпили.

Голштинский (радостно). Нох ейн мал? Гут! (Вынул платок.) Ахтунг!

Балакирев. Погоди, принц... Какой “ахтунг”? Это ж мы ж так... просто обсуждаем... Стой! Не маши рукой, дурак!.. Не маши!

обсуждаем... Стой! Не маши рукой, дурак... Не маши!

Голштинский. Фойер!

Махнул платком. Раздался выстрел. Балакирев схватился за грудь, стал медленно оседать. Яблоко упало с его головы и покатилось по сцене...

Картина седьмая

Картина эта возникла как бы в затуманенном сознании Балакирева.

...Увидел он поле на берегу реки. На краю поля сидел бородатый музыкант и печально играл на каком-то диковинном инструменте, напоминающем древний фагот. По полю кругами бродили странные люди, изредка поглядывая на толстую веревку, спускающуюся прямо с неба. Иногда кто-то из них подпрыгивал, пытаясь ухватиться за конец веревки. Но веревка была высоко, и человек падал в траву, а бродившие, равнодушно переступив через упавшего, продолжали свое тупое круговое движение.

Среди этих людей Балакирев с изумлением увидел Монса, державшего свою отрубленную голову под мышкой. Рядом были шуты Карлик и Педрилло...

Балакирев. Виллим Иванович, вы, что ль? Здравствуйте.

Монс не ответил.

Здравствуйте, говорю... (Шутам.) Карла! Педрилло! Здорово, братцы!

Монс (недовольно). Что он такое говорит?

Монс, Карлик и Педрилло остановились, молча уставились на Балакирева.

Карлик. Здоровканье на другом свете осталось, Иван! Здесь говорят: упокой Бог душу!

Балакирев. Где “здесь”?

Карлик. Мы же мертвые, Иван!..

Педрилло (с улыбкой). Ми а ля морте...

Балакирев (испуганно). А я?

Монс (с улыбкой). И ты, Иван.

Балакирев. Не может того быть!..

Монс. Все так думают... Как это “я” – и вдруг умру... А потом – р-раз! – голова в руках. (Протянул голову Балакиреву, тот испуганно отпрянул.)

Балакирев. Ладно шутить-то. У меня-то все на месте, слава богу!

Карлик. Так не бывает. (Подошел к Балакиреву.) Вон же дырка у тебя в груди (пригляделся)... а там пуля сидит... под самым сердцем. Мертвый ты, Ваня, мертвый! Даже и не сумлевайся!.. Тебе на панихиде не сказали, что ль?

Балакирев (кричит). Какая панихида?! Не было панихиды!

Все испуганно задрожали.

Монс. Не ори! Петр Алексеевич услышит – разгневается!

И правда: от реки быстро шел Петр – босой, но в шляпе и с удочкой за плечами.

Петр. Кто орал, нелюди?! Я ж просил: на рыбалке – тишина!

Монс. Новенький прибыл, Петр Алексеевич... Порядку еще не знает.

Петр. Иван? (Подошел к Балакиреву.) Вот сурприз! Даже не знаю, как и сказать: скажу “рад, что помер” – нехорошо, “не рад” – неправда! Молча обнимемся, Ваня! Ко всему подойдет! (Обнял Балакирева.) И как же ты к нам вдруг перекинулся, Ваня?

Карлик. Пуля в ем... Под самым сердцем сидит!..

Петр. Кто убийца?

Балакирев. По глупости все получилось... По пьянке...

Петр. Стало быть, сам в себя пальнул? Грех!

Балакирев. Стрелял не я.

Петр. Какая разница, кто стрелял? Под глупую пулю подставился – стало быть, самоубийца... Здесь, Ваня, мы все самоубийцы... Своими руками жизнь, дарованную Богом, загубили... (Повернулся к Монсу.) Вот он меня в гнев ввел, а я его казнил. А теперь оба здесь мучаемся – зачем это учинили? (Монсу.) Прости меня, брат Виля!

Монс. Ты меня прости, Алексеич!

Петр. Нет, говорю: ты прости!

Монс. Сперва – ты...

Петр (строго). Не зли меня, дурак! (Схватился за голову.) Вот! Пытка началась...

Монс. И поделом... тебе... сатрапу... Ох! (Схватился за голову, застонал.)

Карлик. Вот так друг дружку терзаем, Ваня! Без продыху!

Петр. Ладно!!! Хватит жаловаться. Ступайте, мужики!

Покойники со вздохом отошли и начали свое круговое монотонное движение вокруг веревки.

Балакирев (глядя на покойников, начавших свое монотонное круговое движение). Ваше величество...

Петр (перебивая). Здесь мы без чинов-званий... Зови просто... Петр Алексеевич или дядя Петя...

Балакирев. Как-то непривычно... Ну, ладно... Петр Алексеевич, дозволь спросить: в чем же мука-то? По кругу, что ль, ходить?

Петр. Ходить не трудно, а вот что думать при этом надо – беда!.. Ты зубы-то не скаль... Думать на том свете – мука адская. Каждая мысль здесь – как гвоздь! Голова раскалывается, кости трещат... Вот сегодня, например, поутру пришла мне такая мысль – был царем, создал державу большую-пребольшую... Каких нигде в мире нет. Так вот, подумал: может, и нам не надо было?! Растянул государство с запада на восток, как гармонь, а

играть-то на сем инструменте подданных не обучил... Вот и дергают попусту меха да на клавиши без разбору давят... Трень-брень... Бух-ух... Блям-блям! (Сжал руками голову, заскрипел зубами.) Это ж не музыка, Ваня, – это пытка!

Балакирев. Не казните себя, Петр Алексеевич. Мы всем довольные.

Петр. Врешь! Кабы были довольные, не пили бы... Да не стреляли бы друг в дружку... Вашу дикость своей дикостью царь лечил, потому и не вылечил! Может, не так лечить надо было? Может, как сын Алексей предлагал – смирением да покаянием? А я его казнил...

Сзади прошел бледный молодой человек.

Здорово, Лешка...

Юноша молча ушел.

Не разговаривает... Простить не может, мучает. (Застонал.) Еще гвоздь в голове... А их там вона сколько! (Приподнял треуголку, показал.) Клещами не вытащить!

Балакирев (испуганно). Может, на речку тебе сходить, дядя Петя? На рыбалке, глядишь, полегчает...

Петр. Рыбалка здесь еще мучительней...

Балакирев. Клев хреновый?

Петр (со вздохом). Хуже, Ваня! Совсем плохой клев... Здесь же не просто река течет – река вечности. Лета называется... В ней такую говорящую рыбку поймать надо, чтоб смысл человеческой жизни тебе прояснила. Но рыбка эта, зараза, поверху не плавает... Только на глубине. А грузила нам здесь не выдают...

Балакирев. Без грузила нехорошо!

Петр. Без грузила беда, Ваня! Вот и сидишь как дурак, на воду смотришь... и тоска тебя берет такая... Изнутри сжигает. Смертная тоска! Не зря ее так прозвали. Хуже ее для души ничего нет. На том бывшем свете хоть удавиться можно было, а здесь и этого нам не позволено...

удавиться можно было, а здесь и этого нам не позволено...

Балакирев. А какой смысл жизни нужен? Обчий или на каждого?

Петр. Общий только Богу известен. Здесь каждый про себя думает. Вот ответь мне, Иван, – зачем ты жил?

Балакирев. Как – зачем? Службу верную служил... Сперва солдатом, потом шутмайстером при дворе...

Петр. Ну, солдат ты плохой был, Иван. Сам знаешь. Да и шутмайстер, честно говоря, хреновый.

Балакирев. Вам нравилось, Петр Алексеевич. Смеялись.

Петр. Вкус у меня грубый. Помнишь шутку твою про то, как “ранжир” у голых преображенцев замерять?.. “Вдоль забора енту штуку растянуть – и шагами...” (Улыбнулся.) Плохая это шутка, Ваня. Недостойная царского внимания... Я вот тут с англичанином одним говорил, он тоже из королей... Старик убогий... Его родные дочери выгнали... В степи скитался в бурю. А шут его верный – тот рядом был... Уж такой языкастый шут... Парадоксами изъяснялся... “It is impossible get old a king, while it not… It is impossible become a clever king and be not crazy…” Понял?

Балакирев. Языкам не обучен.

Петр (вздохнул). Учиться ленился, вот и не обучен. Зряшный ты получаешься человек, Иван...

Балакирев застонал.

Первый гвоздь ощутил? Вот! Сейчас башка начнет трещать по причине бессмысленной твоей судьбы... А ведь было ж у тебя какое призвание с детства?

Балакирев (мучительно трет виски). Не помню. Пастушком был славным.

Петр. Кем?

Балакирев. Коров пас.

Петр. А чего ж не развил себя по этой части?

Петр. А чего ж не развил себя по этой части?

Балакирев. Отцу дворянство от царя вышло. Маменька сказала – не по чину дворянскому сыну с коровами якшаться...

Петр. Очередная глупость. Опять, выходит, я виноват?.. Сословия дурацкие придумал. Людей смущал. (Застонал.) Прости меня, Ваня.

Балакирев. Это ты меня прости, Алексеич.

Петр. Нет, ты прости...

Балакирев. Да за что прощать? Пастушок, честно сказать, тоже был хреновый... Коровы тощие, молока – полбидона за день...

Петр. Ты их, поди, на клевера гонял?

Балакирев. Гонял.

Петр. Вот и зря! Заливные пажити лучше...

Балакирев. И на заливные гонял. Но как на дудке задудю – все коровы в лес убегают...

Петр. Значит, дудку надо было сменить... Дудила! Я вот за границей дудку видел – так от ее музыки стада просто тучнели на глазах... Погоди-ка, у нас тут одна такая есть... Голландец с собой сюда пронес... (Музыканту.) Иоган! Одолжи инструмент. (Что-то сказал музыканту по-голландски, тот протянул фагот.) Попробуешь сыграть, Ваня?

Балакирев. На этой не смогу... В ней кнопок много. Лучше удочку свою одолжи, дядя Петя. Я ведь с детства рыбачить тоже любил...

Петр. Говорю ж тебе – грузила нет.

Балакирев. Чего-нибудь приспособим... Мы, русские, по части рыбалки смекалистые... (Берет удочку.) Во-первых, крючок надо перевязать на поводок... Волос бы тонкий добыть... (Потянул волос из головы.) Мой курчавый... Не годится. Дозволь? (Неожиданно протянул руку, вырвал волос из головы Петра.) Вот! Ваш волосок, Петр Алексеевич, самое оно! (Ловко перевязал крючок.) А под грузило вполне можно пулю

приспособить...

Петр. Чего?

Балакирев. Пулю мою... Свинец как-никак!

Петр (оживился). А что?.. И вправду попробовать? Вдруг повезет? Ну-ка, где она у тебя застряла? (Сгреб Балакирева, сунул палец в рану.) Да не боись! Меня в Германии прозектор учил строению человеков... Сколько покойников вскрыл – все довольные... (Засовывает палец глубже.) Во! В подреберье вошел... Перепонку оттянул, фасция магна называется... А вот и она, пуля-дура, под левое легкое забилась...

Балакирев (истошно орет). Ой-ой!!

Петр. Чего орешь?

Балакирев. Боль-но-ооо!

Петр (быстро выдернул руку). Почему больно? Ты боль в теле чувствовать не можешь никак... (Прислушался.) Да ты живой, Ванька! Сердце застучало... (Потащил Балакирева к веревке.) А ну быстро! Быстро! Хватайся за конец... Может, еще выберешься! Такое случалось!..

Балакирев (пытается схватить конец, не допрыгивает, падает). Не могу! Сил нет.

Петр. Соберись! Молодой ведь еще... Успеешь помереть... Прыгай, Ваня!

Балакирев подпрыгнул, схватился за конец веревки, подтянулся, потом разжал руки, упал.

Балакирев. Нет! Петр Алексеевич... Государь! Спросить тебя должен...

Петр. Чего спросить?

Балакирев. Кого на российском троне видеть желаешь?

Петр. Ладно о глупостях-то сейчас болтать... Спешить надо!..

Балакирев. Там из-за этого большие раздоры. Скажи свою волю: кому на троне российском сидеть? Без этого обратно мне никак нельзя!

троне российском сидеть? Без этого обратно мне никак нельзя!..

Петр (усмехнулся). Вот дурак! Я тебе про смысл жизни толковал, а ты все про жопу! Кому ее на трон пристроить? Ладно. Скажу (Шепчет что-то на ухо Балакиреву.) Так вот всем и передай!

Балакирев (изумленно). Так сказать не решусь... Да и не поверят.

Петр. Поверят! Пусть в бумагах моих посмотрят, там в третьей папке специальный указ на энтот случай мной заготовлен... Пусть удостоверятся!! А теперь быстро вылазь! И не перечь! Пошел отсюда!!

Балакирев подошел к веревке, прыгает, пытается достать.

Балакирев. Влезть бы на кого-нибудь... Все повыше будет! Педрилло, братец, подсоби!

Карлик (Петру). Алексеич, дозволь и мне помочь... Мы, шуты, одна артель, друг дружку всегда выручаем... (Петр кивнул.) Спасибо, государь, что с колен меня наконец-то поднял, вот рост мой и пригодился!

Карлик и Педрилло поднимают Балакирева. Тот хватается за веревку, начинает с трудом лезть наверх.

Петр. Давай, Иван!.. Напрягись... Все силы собери... А для этого про нас забудь. Про живых думай... Про тех, кто ждет тебя там... наверху...

Балакирев (мучительно подтягиваясь). Маменька моя...

Петр. Вот! За маменьку подтянись! За Дуняшу!

Балакирев (из последних сил). За сына Ванечку!

Петр. За Ванечку!! (При этих словах откуда-то сверху упал второй конец веревки.) Смотри! Добрый знак! Не иначе, Господь твой канат на блок повесил! Теперь и мы подмогнуть можем! (Схватил второй конец каната.) Ну вы, мертвяки, не зря я вас паруса поднимать учил! Помогай бывшему царю!!

Все схватили конец веревки, начали тянуть по команде Петра.

И-и раз! И-и еще раз! И-и еще рраз! Счастливо, Ваня! До следующей встречи! Не торопись к нам! Будь здоров! И-и рраз! И-и рр-раз!

И с каждой командой Балакирев приближался к верхнему краю колосников сцены, пока не скрылся из глаз.

Картина восьмая

Громкая музыка. Звуки рожков, трещоток, барабанов. Появляется шутовская процессия. Впереди – Лакоста, Ушастик, Шапский.

Шуты (поют).

Ать! Ать! Вашу мать!

Просим всех шутам внимать!

Головы коль не хватает,

Будем жопу величать!..

Оп! Оп! Оп! Стоп!

Положили ее в гроб

И водичкой поливаем,

Чтобы в ней пророс укроп...

Ой, судари-судари!

Ой дури-дури-дури!..

Шапский (выходит вперед, разворачивает свиток). Слушай царский указ! “Ее императорское величество государыня Екатерина Алексеевна повелевает: во исполнение воли покойного государя нашего Петра Алексеевича учредить на Руси для потехи и смягчения нравов новый праздник День дурака, коий проводить ежегодно Первого апреля. В сей день повелеваю устраивать маскерады и потешные игры, а также дозволяю менять общий порядок вещей, званий и сословий и при сем обиды и притеснений никому не чинить... Самолично для веселия на этот день дозволяю занять трон любимому шуту Ивану Балакиреву и приказываю

дозволяю занять трон любимому шуту Ивану Балакиреву и приказываю всем моим подданным оказывать ему достойные царского звания почести!” (Свернул свиток.) Виват царю Ивану Алексеевичу!

Шуты. Виват! (Убегают.)

Появляются Шафиров и Ягужинский в маскерадных комзолах и шутовских колпаках.

Ягужинский. Экий наряд на тебе дурацкий, Петр Павлович! Но личит, ей-богу, личит... (Смеется.)

Шафиров. А ваш колпак, Павел Иваныч, сразу и не заметишь. Вроде и всегда так ходили...

Быстро входит Меншиков. Он в своем обычном генеральском одеянии, при звездах и орденах.

Меншиков. Здорово, Паша! Здорово, Петр Палыч!

Шафиров. Здравствуй, Александр Данилыч! А ты чего не в маскераде? Указ был. Царица осерчает.

Меншиков. Не нравится мне сей указ!

Шафиров. Ну почему ж? Во многих цивилизованных странах такой шутовской обычай установлен. Даже в Древней Греции были подобные праздники Дионисия...

Меншиков. И чего хорошего? Были греки могучие – Антей да Геракл, а теперь сплошь мелкий народ, на базарах фигами торгует... Дошутились чернявые!.. Короче, мужики, сымай колпаки, серьезный разговор у меня... О царице! (Огляделся, не слышит ли кто.) Приступ у ней ночью был. Доктора сказали – здоровье вконец порушено. И месяца не протянет...

Шафиров. Типун тебе на язык, Александр Данилыч! Выглядит царица хорошо... Бодра, весела.

Меншиков. Выпила с утра – вот и весела... А внутри все сломано. И умом начисто поехала. Особенно после Ванькиного похода на тот свет. Она ж и вправду поверила, что тот с Петром встречался.

Ягужинский. Как не поверить?.. Царскую печатку нашли в тайнике. И указ Петра насчет Первого апреля... Все точно сходится, что Иван сказал...

Меншиков. Ты, Паша, дурацкий колпак, видно, не зря надевал... Доверчивый прокурор – беда для державы. Да, может, Катя сама указ сочинила? Чувствует, что конец ее близко... вот и чудит! (Еще раз оглянулся, перешел на шепот.) Донесли мне мои люди – завещание новое составила... насчет трона.

Ягужинский. Мои люди мне ничего пока не сообщали...

Меншиков. Правильно. Потому как я их перекупил.

Ягужинский. Как можно, князь?!

Меншиков. Платить больше надо, граф! Не жмись!

Шафиров. Господа сенаторы, не время пререкаться! Кого ж государыня на троне пожелала видеть?

Меншиков. Век не догадаетесь... Петра!!

Шафиров. Второго?

Меншиков. Первого!

Ягужинский. Как – Первого?.. Он же умер, Петр Первый!

Меншиков. Это для тебя он умер, а для нее – нет...

Ягужинский. Нет, если так говорить, то... и для меня покойный государь в некотором смысле жив...

Меншиков. Во! Слово за слово – ты и согласен... А народ тем более возрадуется! Для России мертвые всегда главней живых!

Шафиров. Дикость! Как он будет нами править с того света?

Меншиков. А Иван зачем? Откроют департамент по загробным делам. Назначат его главным курьером. Туда-сюда бегать будет... Указы царские нам приносить!

Ягужинский. Чтоб в России шут правил? Никогда!

Меншиков. Ты на себя, Пашка, в зеркало посмотри. Ты ему уже служишь – колпак-то надел... Нет, господа сенаторы, не хотите и далее в дураках ходить – надо действовать, и немедля...

Ягужинский. Как?

Меншиков. Катерину низложить... ввиду слабоумия! И – в монастырь! Первую свою жену царь Петр в монастырь засадил – значит, и вторую постричь для компании...

Шафиров. А править кому?

Меншиков. Для начала – коллегии Сената. Во главе коллегии – поочередно каждый из нас... По алфавиту.

Ягужинский. Стало быть, я опять последним?

Шафиров. Да и мое “ша” от “я” недалеко...

Меншиков. Кто ж вам виноват? Или мы теперь, по вашей милости, на жидовский манер будем читать, справа налево?

Ягужинский. Протестую! Я вообще заговоры пресекать обязан. Я – государево око...

Меншиков. Ну и прикрой его, Пашка, пока не вышибли!!! (Двинулся на Ягужинского.)

Шафиров (разнимая их). Господа сенаторы! Успокойтесь!.. Уверен, есть другой выход!.. Павел Иванович, надо поговорить с Балакиревым. Деньги хорошие посулите... Ваш же человек...

Ягужинский. Был мой, потом вашими духами пропах... Да меншиковским “гонобобелем”... Вы и разговаривайте!

Меншиков (печально). Говорил я с ним, да без толку... Ничей он нынче стал, Иван! Вот в чем беда... Свои понятия в голове завел, теперь не купить его, не споить!

Ягужинский. Ну, коли так... значит, и решать с ним надо окончательно!

Шафиров. Например?

Ягужинский. Дать ему подорожные на тот свет... в один конец!!. Пусть по небу с Петром вечно гуляет (Улыбнулся.) Хороша шутка?

Шафиров. Изячная...

Меншиков. Лучшая на сегодняшний дурацкий день...

Вдали слышен шум, смех.

Все! Царица идет!.. Виду не подавать, о чем говорили... Веселимся... поем...

Шафиров. Да... Запевай, Павел Иванович!

Ягужинский. Кто? Я? (Неумело и натужно запел.)

Мне сегодня между ног

Чтой-то стало весело...

Меншиков (подхватывая).

Это милка мне туда

Бубенцы повесила...

Появляется группа фрейлин. Среди них и Екатерина в простом деревенском платье. Впереди всех Дуняша – в царском платье, с короной на голове. Она явно напугана происходящим.

Екатерина. Встречайте царицу Дуню Первую!!

Все почтительно кланяются. Дуня испуганно делает книксен.

Да ты-то не приседай, глупенькая. Ты государыня нынче, они – слуги твои... Сколько повторять! Цыкни на них! Цыкни!

Дуня (нерешительно). Цык...

Дуня (нерешительно). Цик...

Екатерина. Эк, напугала... (Смеется.) Ты строго гляди. Вот так! (Показывает.) Пальчиком погрози... Спроси: а чегой-то вы, господа сенаторы, тверезые, когда был царский указ сегодня напиться? А?

Дуня (робко). Чего это вы... господа тверезые? А?

Шафиров. Мы пьяные, государыня... Очень пьяные.

Меншиков. Ага... Это мы протрезвели, как тебя увидели, царица... Дозволь к ручке припасть? (Падает перед Дуней на колени.)

Дуня (испуганно). Ой, мамочка! Не могу! (Бросилась к Бурыкиной.)

Екатерина. С этими Бурыкиными потешные ассамблеи затевать – только нервы тратить. Не мамочка она твоя... Фрейлина! И все – фрейлины. И я тоже! Крикни на меня! Или лучше заколку выдерни... Вот ету...

Дуня дрожащей рукой потянулась к ее голове.

Да не эту, а эту... а то и правда прическу испортишь! Выдерни и крикни: “Пошла вон!”

Дуня (вытянув заколку, шепотом). Пошла вон!

Екатерина. Громче! Крикни, чтоб все задрожали...

Дуня (неожиданно громко). Пошла вон! Вон!!

Екатерина (вздрогнув). Молодец!.. Но не переусердничай... А то Первый апрель, знаешь, быстро кончится! (Фрейлинам.) А вы, курицы, чего не смеетесь? Для кого я стараюсь?

Фрейлины робко захихикали. Сзади послышался шум.

Ну, все! Царь идет! Встречаем!!

Где-то слышен шум, даже звуки борьбы. Затем шуты – Шапский, Лакоста, Ушастик – в костюмах гренадеров выводят упирающегося Балакирева. Вид у него довольно странный – домотканая рубаха, лапти. На голове корона.

Екатерина (изумленно). Хорош царский выход, нечего сказать... Это еще что такое?

Шапский. Извини, царица. Пришлось ентого царя силком привезти. Убежать хотел.

Екатерина. Как – убежать? Куда?

Шапский. Говорит: в деревню!

Балакирев. В... Тверь... хочу...

Анисья Кирилловна (Екатерине). Вот беда-то... Не гневайся, царица-матушка, он после того, как на том свете побывал, умом чуток повредился... Заладил – “в Тверь хочу”... Сладу нет.

Балакирев. В... Тверь...

Екатерина. Вот дурак!.. Что ж у нас за страна такая: как человека царем назначат – он сразу удрать хочет! Шапский! Я ж тебе весь праздник самолично расписала по пунктикам...

Шапский (достает свиток). Так точно, матушка!

Екатерина. Ну и дай ему бумагу! Пусть не несет ерунды, а говорит по писаному...

Шапский (подсовывает бумагу Балакиреву). Читай... вот тута... Ваше величество... сука ты эдакая!.. Не срами нас!..

Балакирев (долго смотрит в бумагу)...В Тверь хочу.

Екатерина. Нету там про Тверь! Все! Во гнев вхожу!.. Во гнев! Сами на себя потом пеняйте!! (Глотнула из фляги.) Вот хочешь причинить людям радость – не дают! Читай, Шапский, ты, не то всех казню!

Шапский (берет бумагу, читает по складам). “Ми-лы-е дети... Был я на Том све-те... Ца-ря Пе-тра по-ви-дал... Он у-каз для вас пе-ре-дал...”

Екатерина (удовлетворенно). Вот! Хорошо! А теперь доставай указ... (Балакирев молчит.) Ну? Где указ Петра?.. (Балакирев молчит.) Шапский,

посмотри у его за пазухой – нет ли?

Шапский (полез Балакиреву за пазуху). Нету здесь, царица...

Екатерина. Должен быть.

Шапский. Может, обронил?.. А может, вообще не было?

Екатерина. Как не было, дурак, коли я сама туда клала?.. (Поняв, что оговорилась, начинает театрально визжать.) Ой, он меня замучил! Ой, он меня убить хочет! Ой, умираю!.. (Неожиданно пошатнулась, схватилась за грудь.) Ой, мамочка, майне либе, мне и вправду плохо сделалось...

К ней бросились фрейлины. Замахали веерами.

Анисья Кирилловна. Дунька! Что стоишь? Царица ты аль нет? Пойдем поговорим с Ванькой по-семейному... А то все пропадем...

Анисья Кирилловна, Бурыкина и Дуня окружили Балакирева, запричитали...

Дуня. Ванечка, милый, не губи ты нас...

Бурыкина. Не погуби!

Анисья Кирилловна. Куда ты собрался, дурачок? Нам на Невском прошпекте второй дом пообещали...

Дуня. И третий еще в Царском Селе построют!

Бурыкина. Как – в Царском Селе? Что мелешь? Ишь, куда Дуняшка замахнулась!

Дуня. А что, маменька, думаешь, зря, что ль, меня государыня на царицу учит?!

Бурыкина. Так это ж только на Первый апрель?..

Дуня. А вот и нет! Государыня пообещала: коли Иван будет себя хорошо вести, Первый апрель на весь год растянем... А то и навсегда!!

Анисья Кирилловна. Навсегда?! Вот счастье-то!

Бурыкина. Первый апрель навсегда?.. Как же это?.. И врать же тогда всегда придется, Дуня! Ты же врать не умеешь?

Дуня. Раньше не умела... дурой была. А с Иваном пожила – поумнела...

Анисья Кирилловна. Молодец, невестка! Я и сама примечаю: раньше соврешь – в обморок падаешь, а теперь – и не покраснеешь! Молодец! (При этих словах Балакирев дрогнул, стал опускаться на пол.) А Ванька ослаб умом и заправдивел весь. (Поддерживает сына.) Держись, царь!

К ним решительно шагнул Меншиков.

Меншиков. А ну, семейка, расступись! Я тоже, чай, здесь в кумовьях! Поговорю с крестником. Раз царский указ потерян, пусть на словах все нам перескажет...

Анисья Кирилловна. Да он же не разговаривает!

Меншиков. Солдату с фельдмаршалом говорить не положено. Отвечай – “так точно”. Или головой кивай... Слышь, Иван?.. Спрашиваю при всех: правда ли ты на том свете был и царя Петра видел? (Балакирев слегка кивнул.) Вот! Молодец! А правда ли, что он тебе не только про тайник с бумагами сказывал, но и наследника на престоле объявил? (Балакирев сделал неопределенный жест.) И кто ж это? Не таись!! Чего на меня уставился? Я, что ль?.. (Неопределенный жест Балакирева.) Я?!! Вот спасибо, мин херц, Петр Алексеевич! Вспомнил друга своего верного, соратника неподкупного... А я уж твой выбор не подведу! Подниму державу с колен!.. Ты окно в Европу пробил – я им все двери вышибу!! Имя твое прославлю!! (Крестится.) Все слышали?

Шафиров. Что мы слышали?

Меншиков. Как он сказал “я”?

Шафиров. Это вы, светлейший, сказали “я”...

Меншиков. Ну, не дурить... Все свидетели – Иван кивнул.

Ягужинский. Кивок не документ, к делу не пришьешь! (Подходит к

Балакиреву.) Иван, а может, царь Петр меня для трона выбрал? (Балакирев делает неопределенный жест.) А может, Шафирова? (Та же реакция.) А может, Анисью Кирилловну?.. Гляньте, он на всех кивает...

Меншиков. Он не кивает, Паша. Он глаза закрывает, чтоб вас, сукиных детей, больше не видеть... (Пошел к Екатерине.) Царица, ты свидетельница! На меня Иван указал. А коли ведаешь про иной царский указ, то объяви всем! Громогласно!!

Екатерина. Погоди... Он что-то говорит.

Балакирев (смотрит на Екатерину, потом медленно произносит). “It is impossible get old a king, while it not… It is impossible be – come a clever king and be not crazy…”

Меншиков. Вот такой подлости от тебя, Ванька, я не ждал... По-русски говори, сучий сын!

Екатерина. “Нельзя царю стареть, пока не поумнеет... нельзя умнеть царю и не сойти с ума...” Наказ английским королям!

Меншиков. За английских пусть у других голова болит. А в России надо четко изъясняться! Кто править должен?!

Екатерина. Узнаешь. Дай срок...

Раздается громкий бой часов. В глубине сцены появился Петр, но, кроме Екатерины, его как бы никто не видит.

А вот он и пришел... Финита шутовству! Первый апрель закончился, день без вранья наступает... Петенька, голубчик, иду к тебе...

Меншиков. Ну все! Предел моему терпенью... Докторов пора звать, вязать ее надобно!.. (Решительно.) Господа сенаторы! Царица разумом помутнела и берется под опеку! Отечество в опасности! По праву старшего принимаю руководство державой на себя!

Шафиров. Как так? Надо сперва коллегию Сената созвать...

Меншиков. Она созвана. Ты, барон, да я... Да Пашку возьмем, коли не задурит!

задурит?

Шафиров. А Голициных приглашать?

Меншиков. Пригласи... На каторгу!

Шафиров. А Долгоруких?

Меншиков. А енти уже там!..

Ягужинский. Это заговор! Господа сенаторы, как обер-прокурор...

Меншиков (перебивая). Паша, я тебе все забываю сказать – ты уже не прокурор... И не обер... Просто – граф... Паша. Понял?

Шафиров. Господа, не надо при всех!.. Пойдем туда, в залы, все спокойно обсудим... Прошу, светлейший князь... (Пропускает Меншикова вперед.)

Меншиков. Ну нет, к вам спиной становиться нельзя! Укусите!.. Прошу уж вас, сенаторы!

Отталкивая друг друга, сенаторы уходят. Через секунду слышны звуки борьбы и даже выстрелы. Екатерина идет навстречу Петру.

Екатерина (громко). Петенька... Голубчик... За мной, что ль?.. (Петр кивнул.) Господи, наконец-то! Счастье какое...

Бурыкина. С кем это она?

Анисья Кирилловна. Говорят же тебе – умом повредилась... Отвернись, не слушай... Жалко убогую!

Екатерина (Петру). Я знала – сегодня придешь. Платье твое любимое надела. То самое, в каком впервые увидел. Помнишь? Говори, Петруша, не молчи... По голосу твоему гораздо скучаю...

Петр (берет Екатерину за руку). Наговоримся еще, Катя! В жизни совсем мало времени друг для дружки было. Теперь – на все хватит...

Из-за кулис слышны выстрелы.

Екатерина (оглянулась). А все ж передал бы им... чего делать-то дальше с

державой? Как быть?

Петр (прислушался к выстрелам). Эти уж не поймут. Других людей надо звать... (Достает из-за пазухи древний фагот. Балакиреву.) Попробуй сыграть на нем, Иван! Пусть другие придут, может, поймут, чего сказать им хотел?.. Ты только играй, не робей...

Балакирев берет инструмент, нерешительно трогает клапаны. Зазвучала музыка.

Под музыку и удивленные взгляды Петр и Екатерина уходят.

За сценой слышней выстрелы.

Но музыка звучит все-таки громче...

Конец

1999 г. Москва

Иронические мемуары

О Марке Захарове

Обращение в газеты, а также всем заинтересованным лицам накануне юбилея М.А. Захарова

Три года назад группа близких друзей отмечала в ресторане день рождения Марка Захарова. Пилось вино, произносились тосты. В середине празднества вдруг выяснилось, что именинник точно не помнит, сколько ему лет... То есть он нас всех приглашал на пятидесятивосьмилетие, а ему оказалось всего 57! Документов у именинника с собой не было. Год своего рождения он помнил не точно... Поэтому пересчитали еще раз... С арифметикой у всех присутствующих было неважно, посему у одних получилось 57, у других – 58, у некоторых – аж 73… На этом и успокоились!

Постоянный тамада и пожизненный президент застолий Шура Ширвиндт предложил тост за “неопределенный возраст юбиляра, что свидетельствует о его вечной молодости и нарастающем склерозе!”...

К чему это я? Да к тому, что приближающееся 60-летие художественного руководителя Театра Ленком Марка Анатольевича Захарова вызывает у меня большое сомнение относительно точности отмечаемой даты.

Если вспомнить все звания и почетные должности предполагаемого юбиляра – народный артист России, лауреат Государственных премий, секретарь СТД, президент режиссерской гильдии, профессор, член Президентского совета и т. д. и т. п., – то получается, что 60 лет слишком мало, чтобы все это заслужить...

Если же вспомнить необузданность его характера, бешеную музыкальную энергетику спектаклей, постоянную взрывоопасность экономическо-политических авантюр, в которые он пускается, почти патологический журналистский зуд и готовность писать статьи для всех печатных органов, включая многотиражки, то очевидно, что перед нами – представитель современной суетливой молодежи и никаких юбилеев ему еще вообще не положено!

Короче: всем организациям и частным лицам, собирающимся отмечать 60-ю годовщину со дня рождения и 40-летие творческой деятельности Марка Захарова, советую прежде всего потребовать у него паспорт для установления точности даты. Уверен, что паспорт он не покажет (возможно, он его сжег в качестве репетиции перед сжиганием своего партбилета)!

И вообще, из всех документов у него в кармане окажется лишь какой-нибудь старый студенческий пропуск с потертым корешком и юной физиономией, что, кстати говоря, очень соответствует сегодняшнему облику этого уважаемого мэтра...

Четыре послания

Олегу Янковскому

Олег Янковский так прочно вошел в мою жизнь и фильмы, что я готов о нем рассказывать долго, восторженно и по возможности... в стихах.

Впрочем, стихи, ему посвященные, возникали не всегда от избытка восторга. Иногда – от трудностей в работе...

Скажем, во время озвучания фильма “Тот самый Мюнхгаузен” выяснилось, что великолепный на вид барон Карл Фридрих Иероним разговаривает с каким-то саратовским акцентом и с большим трудом выговаривает некоторые слова и выражения, присущие германской аристократии.

В частности, называя свою супругу баронессу Якобину фон Дуттен-Мюнхгаузен, он как-то проглатывал гласные, отчего она в его устах именовалась... Якобы... биной... б-р-нессй фнддттн...”

Вот тогда в тон-студии я и написал первое стихотворное послание Олегу.

О. Янковскому на озвучании фильма “Тот самый Мюнхгаузен”, 1979 г

Есть у природы погрешности,

С этим придется смириться нам:

Мне не достичь твоей внешности,

Тебе не достичь моей дикции...

Зато в следующем фильме, “Дом, который построил Свифт”, Олег работал безукоризненно... поскольку на протяжении почти всего фильма декан Свифт не разговаривал, а просто молча смотрел...

Молча же смотреть на этот мир не может никто лучше Янковского.

Именно этому удивительному дару Олега я и посвятил следующее послание.

О. Янковскому, сыгравшему молчащего Свифта

Ты так талантливо молчишь, Олег,

Что молча глушишь всех коллег!

Трудности возникли и во время съемок фильма “Убить дракона!”... Янковский, по замыслу режиссера, должен был сыграть безобразного, отвратительного Дракона, держащего в страхе город и пожирающего невинных девушек. Но уже во время кинопроб выяснилось, что обаятельный Янковский не поддается стараниям гримера... О чем я и

поведал, выступив на худсовете с рифмованной речью следующего содержания...

Речь на худсовете по поводу кинопроб Олега Янковского в роли страшного Дракона, 1985 г

Как Олега ни уродуй,

Нам не совладать с природой...

Зубы вставь, скриви два глаза –

Все равно красив, зараза!..

Несмотря на логику моих антидраконовских доводов, худсовет утвердил Янковского. Самое странное, что и я проголосовал... за!.. (Как и предсказывал Евгений Шварц, дракон уже, очевидно, проник в мою душу...)

На последнее по времени стихотворное послание Янковский вдохновил меня во время празднования 20-летия выхода фильма “Тот самый Мюнхгаузен”. Торжества я придумал проводить в цирке. “Самый правдивый человек” возвращался в храм самого правдивого искусства... Ведь в цирке все по правде... Стрелять так стрелять... Летать так летать... Поэтому некоторые персонажи согласились выступить в соавторстве с хищниками. Чурикова – со львами и тиграми, автор сценария – с удавом, Ярмольник – с обезьянами... (Что оказалось еще опасней. Ибо львы, тигры и змеи в цирке к человеку настроены благоприятно – если сыты, а обезьяны чувствуют в каждом артисте соперника... Поэтому, когда Л. Ярмольник имел слишком бурный успех, одна горилла из зависти поставила конкуренту фонарь под глазом.) Но рискованней всех выступил Олег Янковский. Он решил улететь под самый купол на глазах у публики. И когда циркачи уговаривали народного артиста не рисковать, а позволить все сделать дублеру (мол, в темноте зритель не заметит), Янковский категорически отказался, напомнив всем фразу из фильма: “Мюнхгаузен славен тем, что... не врет!”...

И вот когда Олег Иванович, невозмутимо улыбаясь, поднялся на моих глазах на высоту более ста метров, я, стоя внизу и нервно поглаживая холодную змею на плечах, сочинил очередной мадригал...

Янковский под куполом...

(Ода с удавом на шее)

Не космонавт, не Копперфильд –

Янковский в небо улетает.

И сверху весело глядит,

Как цирк от страха замирает...

А я внизу дрожу вдвойне –

Ведь я придумал эту глупость...

Я жду, что зритель крикнет мне:

“Мы просим автора... под купол!..”

Но на плечах моих удав

Шипит мне в ухо, утешая:

“Не бойся, автор. Горький прав:

Рожденный ползать – не летает...”

1999

Галина Волчек

Слово, определяющее ее профессию, не имеет женского окончания (“режиссерша” звучит пренебрежительно). Но сказать про Галю “режиссер” – тоже неверно. Слишком сильно в ней женское начало, чтобы она согласилась им поступиться. Поэтому театр придумал ей особый титул: “главный режиссер”.

“Главный режиссер” – это не название, не должность. Это – судьба. Применительно к Театру “Современник” – доля.

“Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...” Уверен

"Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать..." Уверен, Некрасов не возражал бы против этого определения применительно к Галине Борисовне. Он не был антисемитом, издавал журнал "Современник", без добавления "наш" в жестком невзоровском понимании...

От мужского режиссерского ремесла она взяла все необходимые профессиональные навыки: хриплый голос, сигарету в зубах, твердый характер, умение вовремя и по делу употреблять те самые запретные слова, без которых, как выяснилось, в России не может руководить никто, даже президент. Это ведь он, Михаил Сергеевич, назвал после путча своих бывших соратников "мудаками". Слово настолько расхожее в театральном закулисье, что, вероятно, отсюда пошла гулять версия: а не режиссер ли он этого спектакля?

Впрочем, бог с ними, с мужскими качествами. Поговорим лучше о ее женских достоинствах. Они бесспорны: красота, элегантность, остроумие. Но главное не в этом. "Сила наша – в наших слабостях", – говорит шекспировская Катарина из "Укрощения строптивой".

Это и про Галю. Женских слабостей у нее достаточно, и она их не скрывает... Расплакаться из-за неудачной прически, расстроиться, если нужная шмотка уплыла к подруге, порадоваться, если шмотка оказалась той мала...

Какое счастье – быть естественной и знать, что твои друзья тебя не осудят!

С родным театром у нее сложнейшие взаимоотношения, недоступные пониманию даже фрейдистов. "Современник" для нее – отец, супруг и дитя одновременно... "Крутой маршрут" ее жизни, "Смиренное кладбище" не сыгранных ею ролей...

И если понравится новый спектакль – не будьте занудами, не ищите блох и "концепций", просто позвоните Волчек и скажите:

– Спектакль, Галина Борисовна, потрясающий! – И чтобы доставить истинное наслаждение, добавьте: – И выглядела ты, Галка, в этом синем костюме шикарно!

P.S. Через несколько лет после опубликования этого портрета Галины Борисовны мне пришлось добавить к нему несколько существенных

Борисовны мне пришлось добавить к нему несколько существенных штрихов.

Случилось это на ее юбилее в “Современнике”... Мы с Марком Захаровым должны были выступить по поручению Театра Ленком. Но Захаров неожиданно заболел, был отвезен в Германию и там прооперирован...

Буквально едва-едва выйдя из-под наркоза, он позвонил мне и напомнил, что у уважаемой и любимой нами Гали Волчек юбилей и было бы хорошо, если б я написал какое-нибудь вежливое письмо от его имени...

Я так и сделал.

Письмо имело столь сильный резонанс, что, думаю, его будет правильно поместить здесь для дополнения облика Галины Борисовны...

Письмо Галине Волчек

(Написано по мотивам телефонного разговора с М. Захаровым, находившимся на лечении в Мюнхене Зачитано 19 декабря 1993 г в Театре “Современник”.)

Уважаемая Галина Борисовна! Дорогая Галя! Майне либен швестер ауф фон дер искусство! Письма из зарубежного далека в традициях российской истории.

Как Ленину из Цюриха, как Солженицыну из Вермонта, так мне из Мюнхена кажется ясней, как обустроить Россию. Если Америку из кризиса вывел президент-актер, нам необходим – режиссер. И хорошо бы – главный. И обязательно – женщина!

Мужик – он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм.

Вы – всегда трезвы, немногословны, не имеете возраста, то есть можете выбираться пожизненно.

Ваша анкета – идеальна! Пятый пункт не должен никого смущать!

Во-первых, все царицы в России, начиная с Екатерины Первой, – не из великороссов.

Во-вторых, после успеха Жириновского на выборах наш народ доказал, что он, народ, не антисемит!

Кроме того, если он – сын юриста, русский по матери, то вы – дочь оператора, русская по сыну. Этого более чем достаточно!

Вообще, успех ЛДПР отсюда, издалека, видится по-иному! Интеллигенции не надо впадать в отчаяние и посыпать головы пеплом моего сожженного партбилета.

ФАШИЗМ В РОССИИ НЕ ПРОЙДЕТ!

Почему? Да по той же причине, по которой у нас не прошли ни социализм, ни капитализм!

Все сравнения с Германией 33-го года неправомерны! Немцы и тогда были удивительно работящими, послушными, экономными... У нас, слава богу, всех этих страшных предпосылок фашизма нету!

Сказано же классиками: что русскому здорово, то немцу смерть! И наоборот!

Русские, как известно, долго запрягают, но потом... никуда и не едут.

Просто запрягают и распрягают, распрягают и запрягают!..

Это и есть наш ОСОБЫЙ ПУТЬ!

Наш крутой маршрут судьбы, по которому Вы приведете нас к финалу и аплодисментам! Соглашайтесь, майне либен Галина!

А я и мои друзья всегда готовы отдать Вам свой голос, сердце и душу!

От всей души – тринкен Ваше здоровье!

Ваш(и) Марк Захаров (и Григорий Горин).

Гафт

Ну что за странная фамилия? Да и фамилия ли?.. Похоже на аббревиатуру: ГОСТ... ГАБТ... ГАФТ... Ломаю голову над приемлемой расшифровкой...

ГЛАВНЫЙ АКТЕР ФАНТАСМАГОРИЧЕСКОГО ТЕАТРА... ГНЕВНЫЙ АВТОР ФИЛОСОФСКИХ ТИРАД... Не, не то. Листаю словари. В русском словаре Даля слова “гафт” нет. Есть “гаф-топсель”, то есть “парус над гафелем”... “Гафель” – “полурей над мачтой”... Что такое “полурей” – не знаю. “Полуеврей” – понятно, “полурей” – нет. Смотрю “Еврейскую энциклопедию”. “Гафта” опять нет. Зато есть “гафтара”... “Гафтара” – глава из Книги Пророков, читается по субботам и праздникам. Близко, но не то...

По-немецки “хафт” – “арест”, по-английски “гифт” – “подарок”... Опять не то. Не “арест” он никакой, а уж не “подарок” – точно.

Беру медицинский справочник. Какое-то слово по-латыни, похожее на сочетание “гафт”, и пояснение: “ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ”...

Ну конечно! И как я не мог сразу догадаться? “Гафт” – не фамилия, а диагноз!

Особое состояние организма, когда нервы обнажены и гонят через себя кровь, слова, мысли.

Я лично болен Гафтом еще с юности. Когда увидел его в спектаклях у Эфроса. Потом – в Сатире. Потом – опять у Эфроса. Потом в “Современнике”... Потом он меня уже преследовал всюду. Когда я вижу его на сцене, у меня начинает стучать сердце, слезятся глаза, мурашки бегут по коже. От общения с ним кружится голова, всякий разговор – шаг в безумие...

– Валя, как прошел вчерашний спектакль?

– Гениально, старик! Гениально! Первый акт я вообще сыграл на пределе возможного. Многие даже ушли в антракте, думали – конец! Но второй я сыграл еще лучше...

– При полупустом зале?

– Да нет, старик... Зал заполнился... Народ со сцены полез в зал, чтобы посмотреть... Спектакль я практически один заканчивал. – И сразу, без паузы: – Но вообще-то, старик, честно – я стал плохо играть. Растренирован. Не с кем же у нас работать... и пьеска эта, конечно,

фельетон. Там нет глубины! Старик, напиши для меня, я хочу играть в твоей пьесе.

– Валя, но вчера была тоже моя пьеса!

– Ну да... Я и говорю. Пьеса гениальная! Мы играем не то. И я стал плохо играть. Вот в кино сейчас сыграл здорово. По-моему, гениально. Видел мой последний фильм?

– Видел.

– Плохо я там играю... Потому что сценарий – дерьмо. Не твой случайно?

– Нет.

– Вот поэтому и – дерьмо. А пьеса твоя гениальная. И та, что вчера играл... Ты только напиши ее, старик. Я сыграю. Я смогу.

Тут он прав. Он сможет, сможет свести с ума и сделать счастливым.

Я готов писать для него. Я болен Гафтом неизлечимо...

Народные сказки про Ширвиндова и Державиндта

Как я уже писал, Александр Ширвиндт, несмотря на сложность своей фамилии и анкетных данных, явление удивительно русское, почвенное. Недаром он так тянется к земле. Купил в деревне Синцово дом, завел корову по имени Фира (в девичестве – Ночка). Я побывал в этой деревне, встречался с селянами – ширвиндчанами. Они очень гордятся своим земляком. Рассказывают о нем байки и анекдоты. Причем в байках переиначивают его трудную фамилию на Ширвиндов, как бы чувствуя в нем своего смекалистого мужика.

В отличие от Михаила Державина. Который (вероятно, оттого, что в интермедиях часто играет зарубежного гостя) в народе именуется по-чужеземному – Державиндт.

Вот парочка коротких сказок, которые мне удалось записать...

Как Ширвиндов с Державиндтом кайф ловили

Собрались раз Ширвиндов с Державиндтом на рыбалку кайф ловить.

Державиндт взял удочки, Ширвиндов – закуску. Пошли. Ширвиндов как пришел, так сразу на бережок сел, выпил, закусил – и кайф словил.

А Державиндт вдоль реки бегает, руками машет, дорогие блесны в воду бросает, но кайф никак поймать не может.

Подбегает к Ширвиндову, а тот уже сидит в кайфе, трубку курит. Державиндт и спрашивает:

– Ширвиндов, на что кайф ловишь?

– Не скажу! – говорит Ширвиндов. – Сам догадайся!

Побегал Державиндт еще вдоль речки, спиннинги побросал, возвращается – а Ширвиндов уже столько кайфу словил, что даже прилег и одним глазом смыкает... Заплакал бедный Державиндт, взмолился:

– Ну, будь другом, Анатольич! Скажи, на что кайф ловишь?

– Ладно, как другу скажу, – говорит Ширвиндов ласково и нецензурно. – На тебя, Державиндт, и ловлю... Если б ты только знал, какой кайф на тебя смотреть, как ты вдоль реки туда-сюда бегаешь и ничего не ловишь...

– Вот оно что?! – ахнул Державиндт. – Я тоже так хочу...

С тех пор его часто на реке одного видят: побегает-побегает – в воду на себя посмотрит... Кайф словить пытается...

Как Ширвиндов с Державиндтом с английской королевой разговаривали

Приезжала к нам тут недавно аглицкая королева. Поздоровкалась она за руку с Ельциным, походила туда-сюда с Черномырдиным да с Лужковым – закручинилась.

– Я, – говорит, – не могу долго на эти лица смотреть... Они на меня действуют хуже английской соли. Неужели нет здесь личности, чтоб хоть малость на лорда смахивала? Чтоб и стать была, и аромат, и вообще чтоб был джентльмен?

– Есть! – обрадовался Лужков. – Есть, ваше величество, и именно такой. Ширвиндов фамилия! И статный, и трубку курит, и лицом даже красивей меня...

– Ах! – обрадовалась королева. – Позвать его скорей ко мне! Надеюсь, он спик инглиш?

– Не совсем! – отвечает Лужков. – Это Державиндт по-аглицки действительно спик... А Ширвиндов – нет, но в остальном полный ферштеен...

– Ладно! – вздохнула королева. – Хрен с вами! Зовите обоих!

Ну вот! Срочно кличут Ширвиндова с Державиндтом во дворец.

Надели они, согласно этикету, чистое белье, сверху – смокинг и предстали перед королевскими очами.

Королева как Ширвиндова увидела, так затряслась.

– Ах, – говорит, – хау ду ю ду, мистер Ширвиндов. Айм глет ту мит ю! Найс ту си ю!

Ну, Державиндт начал губами шевелить, перевод слов искать...

А Ширвиндов сразу понял и отвечает:

– Спасибо, ваше величество! Не откажусь!..

Наливают им по полной, все выпивают, королева продолжает:

– Хау ар ю, мистер Ширвиндов? Вери вел?

Державиндт к словарям бросился, а Ширвиндов все сразу понял и говорит:

– Ваше величество! В любое удобное для вас время!

Тут королева совсем расплылась, говорит:

– Да! Это джентльмен так джентльмен! Я желаю его наградить и делаю почетным членом палаты лордов!

– Спасибо, ваше величество! – говорит Ширвиндов. – Но я для этой должности уже староват. Поэтому ежели такая ваша царская воля, то сделайте по четным членом меня, а по нечетным – Державиндта!

– Ладно! – засмеялась королева. – Хрен с вами! Гуд бай!

Тут и Державиндт все понял и тоже сказал по-английийски: “Гуд бай!” Сдуру!

А Ширвиндов, как и положено, ушел по-английийски – не попрощавшись!..

Савелий Крамаров

Феномен популярности Крамарова будет еще долго волновать киноведов. Разглядывая его фотографии, потомки вряд ли смогут представить, каков был Савва и какова была его слава... А слава была бешеная, я тому свидетель...

Вспоминаю: конец 70-х годов. Харьков, дни советского кино на стадионе.

Среди гостей – Рязанов, Санаев, Смоктуновский и другие знаменитости. Впрочем, зал это мало волнует. Всем выступающим дается понять, что они – гарнир, приправа к горячему блюду. “Горячее” подадут, естественно, позже... Одним словом, Савелий запаздывает. Точнее – самолет, на котором он, может быть, прилетит... Радиосвязь с командой установлена, и ведущий программу конферансье периодически успокаивает публику сообщениями об этапах следования авиалайнера. Народ благоговейно смотрит в небо и скандирует имя приближающегося божества: – КРА-МА-РОВ! КРА-МА-РОВ!

...И вот – оно случилось! Звуки фанфар!!

На сцену выезжает мотоцикл начальника харьковской ГАИ. В люльке – Савелий, со шлемом на голове, что придает его неповторимой внешности особый шарм.

Публика неистово аплодирует.

Крамаров оглядывает ряды, как Цезарь легионы, и громко выкрикивает первый тезис своей тронной речи:

– ДРУЗЬЯ! БЛАГОДАРЮ ВСЕХ! ВЫ ЗНАЕТЕ: В КИНО Я ИГРАЮ В ОСНОВНОМ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ. НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ МЕНЯ ВЕЗДЕ И ПРИНИМАЮТ КАК РОД-НО-ГО!!!

Радость публики не поддается описанию... Люди обнимаются, хлопают друг друга по спине, целуются.

Савелий невозмутимо продолжает:

– МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ ПОКЛОННИКИ: “А СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?”

Я ГОВОРЮ: “А СКОЛЬКО ДАДИТЕ?”

ОНИ ГОВОРЯТ: “ВАМ ДАДИМ... ОТ ТРЕХ ДО ПЯТИ ЛЕТ... СО СТРОГОЙ ИЗОЛЯЦИЕЙ!”

Тут публика издает вой, вскакивает с мест, плачет от счастья...

(Позже, познакомившись с Савелием поближе, я с удивлением обнаружил, что он довольно образованный молодой человек, любит литературу, мечтает сыграть Хлестакова и всерьез изучает основы иудаизма. Впрочем, все это скрывалось от публики. Народ имел такого Крамарова, которого хотел видеть...) – МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ: “А КТО, САВЕЛИЙ, ВАША ЖЕНА?”

Я ГОВОРЮ: “А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?”

ОНИ ГОВОРЯТ: “ДУМАЕМ, ОДНА ИЗ ДВУХ... ЛИБО АВДОТЬЯ НИКИТИЧНА, ЛИБО ВЕРОНИКА МАВРИКИЕВНА!!.”

Обвал. Вой, стон. Первые обмороки...

Вот какова была его слава. И вот от чего он однажды решил отказаться, подав документы на выезд в Америку.

Начальство ахнуло: и чего такому человеку не хватало?

Интеллигенция тут же сочинила злую остроту насчет очередной “утечки мозгов”.

Простой народ просто отказался верить, восприняв происходящее как очередную хохму:

– Савелий евреем заделался? Ну, молодец... Ну, дает... Ну, наливай!

Фильмы с его участием еще некоторое время продолжали показывать по телевизору, хотя фамилию из титров аккуратно вырезали. Идиотизм нашей цензуры! Как будто Крамарова можно было с кем-то перепутать!

Потом интерес к нему стал ослабевать, хотя иногда советскую общественность и будоражили слухи о его судьбе: снимается в Голливуде, сделал операцию по исправлению косоглазия и теперь играет исключительно агентов КГБ. Очевидно, американцы уверены, что у агентов исключительно прямой и ясный взгляд на мир.

Перестройка вернула Крамарова стране. Сначала в титрах, потом – в газетных интервью, потом он возник перед нами во плоти.

1992 год. Кинофестиваль в Сочи. Дирекция готовится к встрече голливудской кинозвезды.

...Бронированный лимузин, несколько плечистых телохранителей... Однако, к удивлению устроителей, всякие предосторожности оказались ненужными. Крамарова никто не атаковал, не похищал, толпы поклонников не разрывали его на части.

На встречах со зрителями он повторял еще классическую репризу:

– ДРУЗЬЯ! КАК ВЫ ПОМНИТЕ, Я ВСЕГДА ИГРАЛ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ! ОЧЕВИДНО, ПОЭТОМУ ВЫ И ВСТРЕЧАЕТЕ МЕНЯ КАК...

Шутка не работала. Встречали спокойно.

Страна изменилась: алкаши стали наркоманами, жулики ушли в коммерцию, придурки возглавили партии и беспрерывно митинговали. Крамарову некого стало представлять, кроме самого себя. А это и есть самое сложное в судьбе артиста.

Иногда он рассказывал зрителям о своих грандиозных успехах в Голливуде, но делал это как-то неуверенно... И о толпах своих новых

Голливуде, но делал это как-то неуверенно... И о толпах своих новых поклонников на бульварах Лос-Анджелеса тоже повествовал как-то нечетко, без подробностей. При этом в его округлившихся глазах стала появляться скрытая печаль...

Меня лично это порадовало. “Теперь он сможет сыграть Хлестакова”, – подумал я и даже представил, как трагически и достоверно прозвучит в его устах фраза про “сорок тысяч одних курьеров...”

А слава, в конце концов, – дело наживное.

Его и сегодня все-таки узнают на улицах.

Помню, мы договорились встретиться у Театра Ленком. Он вышел из такси. Проходившие по улице две девушки и мужчина остановились как вкопанные.

– Смотри-ка! – сказала первая. – Это ж... артист! Ну... как его... в Америке живет который... еще лицо переделал который...

– Джексон?! – подсказала вторая.

– Ну! Не... А может, и не Джексон...

– Ладно! – сказал мужчина, обрывая спор. – Жексон-Фуексон! Пошли! Магазин закроется!

И они быстро побежали прочь, не оглядываясь на бывшего кумира.

Э.А. Рязанов

С Эльдаром Александровичем Рязановым мы дружим давно. Поэтому я принимал участие во всех его многочисленных юбилеях, презентациях и фестивалях, посвященных его творчеству. Всякий раз сочинял шутливые послания...

Но неутомимый Эльдар живет такой бурной творческой жизнью, что никакой фантазии уже не хватает.

Поэтому я заготовил в компьютере стандартное послание, которое можно подредактировать для любого торжественного случая в жизни Рязанова.

Это послание, кстати, могут использовать и другие многочисленные поклонники Эльдара Александровича...

Уважаемый товарищ Рязанов! (Дорогой Эльдар Александрович! Милый Эльдар! Элик! И т. д. Нужное обращение подчеркнуть, в зависимости от степени близости к юбиляру.)

Разрешите от всей души поздравить Вас (тебя) с юбилеем... (презентацией... открытием новой программы... годовщиной со дня выхода на экран... годовщиной со дня запрета выхода... на экран... с окончанием строительства гаража... и т. д. и т. п.) и просто с хорошей погодой, поскольку плохой, как поется в песне, и не бывает, за что огромное Вам спасибо!

Все мы бесконечно любим и ценим фильмы (книги, стихи, песни, передачи, роли, интервью, созданные Вами, а также слухи, сплетни, домыслы, созданные нами про Вас, Ваших родных и друзей), за что Вам тоже огромная народная благодарность!

Старшее поколение нашей страны, которое помнит Вас давно... еще со времен Кутузова в исполнении Игоря Ильинского, глубоко Вам признательно за заботу и внимание.

Взять хотя бы любимую народом “Иронию судьбы!”.

В трудные годы антиалкогольного маккартизма, в подполье, люди собирались группами по трое, чтоб посмотреть этот фильм или даже просто понюхать кассету, после чего наступало то “хорошее настроение, которое не покинуло наш народ до сих пор в предновогодние дни!”.

Юное поколение училось у героев Ваших фильмов, у легендарного Деточкина... который, как известно, воровал машины, а деньги отдавал детским приютам.

Сегодня бывшие приютские дети уже выросли и наконец-то сами воруют машины, а в приюты отдают взрослых!

За ту большую дорогу, на которую Вы их вывели, огромное спасибо Вам, дорогой Эльдар Александрович!

А сколько новых женских имен Вы открыли за свою кинематографическую

А сколько новых женских имен Вы открыли за свою кинематографическую судьбу! Людмила Гурченко! Алла Пугачева! Светлана Немоляева! Татьяна Догилева! Лия Ахеджакова! Всех не перечислишь!..

В таком цветнике у многих творцов закружилась бы голова, но Вы, как истинный художник, видели в женщинах прежде всего товарища по работе и ни на ком из них даже не женились ни разу, за что и огромная Вам благодарность от всей общественности! Мы бы могли и дальше говорить о Ваших заслугах в свете очередного непонятно какого Вашего юбилея, но лучше всего об этом поет сам народ в стихах, которые Вы ему подсказали...

У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ!

ВСЯКАЯ ПРИРОДА – БЛАГОДАТЬ!

ХОРОШО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА

ЗА ЭЛЬДАР ЛЕКСАНЫЧА ПОДДАТЬ!

(Далее – пожатие рук, объятия, поцелуи, совместная выпивка, поспешное бегство со сцены и т. д., в зависимости от ответных чувств, охвативших юбиляра после такого приветствия.)

Геннадий Хазанов

Репортаж из будущего

2 декабря 2005 года.

Агентство ИТАР-ТАСС.

Экстренное сообщение.

Русская автономная республика Кипр.

“Сюда на частном самолете неожиданно прилетел знаменитый актер, народный артист РСФСР, СНГ, ЮАР, Израиля, Антальи и других русскоязычных территорий Геннадий Хазанов.

В аэропорту состоялась пресс-конференция. Артист вышел к журналистам, как всегда, в наряде “от Зайцева” – белый льняной костюм, шлепанцы на босу ногу, сигаретовы котки

босу ногу, ондатровая шапка.

Замысел прославленного кутюрье легко угадывался: российский человек на выезде должен выглядеть элегантно, но как бы все-таки... и чуть-чуть с мороза.

Первый вопрос журналистов:

– Геннадий, откуда у вас самолет?

– От верблюда! Вот этого! – с улыбкой отвечает Геннадий и показывает для рекламы пачку сигарет “Кэмел”.

Все смеются. Приятно, что разговор начался такой изящной шуткой... Виктора Шендеровича.

(Хазанов всегда после удачной репризы называет ее автора, а после неудачной – сообщает зрителям его, автора, домашний адрес и телефон...)

ВОПРОС. Геннадий, сможем ли мы увидеть ваши новые работы в театре и кино?

ОТВЕТ. А это вам к окулисту надо! Он скажет, сможете вы еще что-то увидеть или нет. (Шутка Лиона Измайлова, Москва, Рижский проезд, телефон:

282-93-06.)

Отсмеявшись, журналисты настаивали:

– И все же, в какой театральной роли вы появитесь? Фигаро? Хлестаков? Гамлет?

– Не угадаете... Начал репетировать Дон Кихота!..

Общее изумление.

– Но ведь Дон Кихот – он все-таки, традиционно, очень длинный, – робко замечает один из корреспондентов.

– Как говорила одна знакомая девица, – парирует Хазанов, – дело не в размерах! Был бы резвый и веселый! (Шутка неизвестного автора, за нее

размерах! Был бы резвый и веселый!.. (Шутка неизвестного автора, за нее он был убит и похоронен на Востряковском кладбище.)

ВОПРОС. Геннадий, вы прибыли сюда, на Кипр, в качестве гастролера или в качестве отдыхающего?

ОТВЕТ. В качестве заложника!

Общий смех. Просят указать автора.

– Он за спиной! – говорит Хазанов и тихо добавляет: – Дураки! Это уже серьезно!

Только тут все замечают за спиной артиста хохочущего человека с безумными глазами и острым ножом в руках.

– Псих из местных патриотов-киприотов! – поясняет Хазанов. – Взял меня в заложники, а в качестве выкупа потребовал устроить веселый концерт!..

Повисла тяжелая пауза.

– Чего затихли? – улыбается Хазанов. – Обстановка нормальная... Я давно привык так работать!..

– Караул! На помощь! – простонал один из корреспондентов.

– Без паники! – крикнул Хазанов. – Группа “Альфа” уже вылетела! Надеюсь, у нее найдутся гранаты с веселящим газом!.. А вы если хотите помочь, то – смейтесь! И как можно громче! Иначе мне хана!

Он сделал шаг вперед.

Зритель-террорист с ножом двинулся за ним, освещая путь своей идиотской улыбкой... Корреспонденты, смеясь и рыдая, пристроились сзади...

Эта странная процессия под музыку направилась в сторону моря...

Хазанов шагал уверенно, беспрерывно острил, строил рожи, разбрасывал нищим деньги и репризы...

Сейчас он действительно был чем-то похож на маленького Дон Кихота!

Сейчас он действительно был чем-то похож на маленького Дон Кихота! Или на большого Чаплина!.. А может, просто на себя, молодого, пятидесятилетнего?.. Глядя ему вслед, так и хотелось крикнуть:

– СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ТЕБЕ, АРТИСТ!

(Информация из будущего получена по факсу специально для Театра эстрады, где праздновалось 50-летие Г. В. Хазанова 2 декабря 1995 года.)

Переписка с Аркадием Хайтом

К моему шестидесятилетию мой друг писатель Аркадий Хайт написал мне письмо... Нет, вру! Писал он его к 50-летию, то есть в 1990 году... Но, зная, как плохо работает наша почта, решил, что дойдет письмо только через десять лет... Причем я в этот момент (так он посчитал), возможно, окажусь где-то в эмиграции и мне будет интересно узнать, как идут дела в стране...

Аркадий Хайт – писатель с удивительно веселым воображением! Перечитываю его письмо и поражаюсь, как он многое предвидел...

Да и в моем ответе, написанном тогда же, почти десять лет назад, что-то сегодняшнее явно угадано.

Одним словом, считаю возможным обнародовать нашу сугубо личную писательскую переписку из... непонятно какого времени!

Аркадий Хайт – Григорию Горину

(Зачитано 12.03.1990 г. Дом архитекторов. Москва)

Гриша, дорогой, здравствуй!

Вот и двухтысячный год на дворе. Вспомнил, что тебе стукнуло 60, и решил черкнуть письмо, рассказать о нашем житье-бытье.

Событий у нас много. Как говорится, живем плохо, но интересно.

Вчера, например, провожали в эмиграцию последнего еврея. Их теперь принимает только Конго, со столицей в Браззавиле. Народу в Шереметьеве собралось уйма. Было много цветов и прощальных речей. Очень тепло говорил Станислав Куняев. Даже плакал. Его тоже можно понять. На кого теперь валить все беды страны?

теперь валить все беды страны?

83-ю годовщину Октябрьской революции отметили скромно. Не было никакого военного парада. Только не подумай, что у нас нет больше армии. Армия есть. Нет бензина. Так что в этот день по телевизору показали только прием в Кремле. Было довольно мило, много послов из разных стран: мордовский посол, якутский посол, временный поверенный Тюмени и... генеральный консул Химки-Ховрино.

Кстати, помнишь Ельцина? Он тоже выступал. Говорил, что у его правительства разработана новейшая программа к цивилизованному рынку. На этот раз переход к рынку предполагается сделать подземным, так что, боюсь, опять никто ничего и не заметит.

Впрочем, бог с ним, с рынком. Тут у нас дела поинтересней. В прошлом месяце наконец-то похоронили Владимира Ильича Ленина. Так что мавзолей освободился.

Союз театральных деятелей борется, чтоб помещение отдали им, поскольку есть Михаил Ульянов... В некотором роде – прямой наследник. Но, думаю, шансов у них мало... Скорей всего, там откроют еще один “Макдоналдс”...

Что еще? КПСС побеждает на выборах и заявляет, что она немедленно выполнит свою продовольственную программу.

Дело в том, что в обещаниях их партии, оказалось, была допущена ошибка! Мы считали, что нормой будет считаться 4 кг мяса на человека, а они считали, что будет 4 кг мяса на человеке!

Ну вот, а теперь разобрались и все очень довольны!

Гриша, тебя, конечно, интересует, что происходит в мире искусства?

В литературе – затишье. В Театре, как обычно, бурная жизнь.

Знаешь, МХАТ еще раз разделился! Теперь их у нас четыре. Все – академические.

Ефремов настоял, чтоб эмблему хотя бы частично оставили ему. Так что у него на занавесе – скелетик чайки.

В кино приятная новость. Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, кажется, будет наконец ставить новый фильм про Чонкина. (Помнишь его конфликт с английской кинофирмой? Они финансировали фильм, но требовали, чтобы Чонкина играл Барышников.) Теперь все изменилось. Они финансируют фильм, но требуют, чтобы Чонкина играл... Растропович. Причем на виолончели! По-моему, будет оригинально...

Гриша, дорогой! Очень часто вспоминаем твое 50-летие в ресторане Дома архитекторов. Было тепло, сердечно, а главное, в последний раз хоть поели по-человечески. Сейчас, по прошествии десяти лет, вспоминаешь, сколько замечательных людей сидело за столом. Наверное, это и есть главное в жизни. Были и остаются только верные друзья. Будь же счастлив, Григорий. Где б ты ни был.

Но лучше всего – рядом с нами!

Григорий Горин – Аркадию Хайту

Осень 2001 года

Дорогой Аркадий!

Ты даже представить не можешь, как я обрадовался твоему письму! Весточка с Родины – что может быть дороже для нас, эмигрантов, особенно таких, как я?

Ты ведь слышал, наверное, что и за рубежом я оказался не по своей воле: этим летом сдуру поехал отдохнуть в Коктебель, а в это время Украина полностью отделилась наконец от СНГ, а Крым, в свою очередь, отделился от Украины, а затем уж и от материка.

Сбылось пророчество Васи Аксенова, и Крым стал островом.

Но даже Аксенов с его фантазией не мог предположить, что отделение на этом не закончится и Крым тоже распадется на ряд независимых районов, лагун и утесов, на одном из которых я сейчас и нахожусь с видом на жительство на высоте двадцать метров над уровнем моря.

Впрочем, не жалуюсь, утес как утес, условия по нынешним временам неплохие: есть вода, рыба, водоросли... Рыба, правда, радиоактивна, зато

неплохие: есть вода, рыба, водоросли... Рыба, правда, радиоактивна, зато водоросли содержат фосфор. Поэтому рыба, поедая водоросли, нейтрализуется, превращаясь в фосфор, а я, питаясь рыбой, свечусь во тьме, отчего проходящие мимо пароходы принимают меня за маяк и обходят стороной...

Но не в этом главные трудности! Главная беда для нас, эмигрантов, – отсутствие вестей с родины. Поэтому, Аркадий, можешь представить, какой крик радости я испустил, когда обнаружил в проплывавшей мимо бутылке твое письмо.

Спасибо, друг! Проглядывая размытый текст, обнаружил всего несколько знакомых слов... Что-то про Ельцина... про МХАТ... Сердце застучало. Я чуть не расплакался.

Боже мой, подумал я, как интересна ваша жизнь на пятнадцатом году перестройки, на десятом году осуществления знаменитой экономической программы “500 дней”!

Только отсюда, с высоты утеса, сидя голой задницей на камне, начинаешь понимать, как мы были несправедливы к собственной перестроечной жизни конца 80-х, как не умели ценить ее достоинств.

Разве это было не счастье – зайти в пустой магазин и поболтать со скучающим продавцом о житье-бытье?

Разве это не радость – в дождливую погоду сесть в свой старенький автомобиль, в котором давно нет бензина и колес, но зато еще работают “дворники”, и, включив их, можно подолгу наблюдать, как красиво сбегают серебристые капли со стекол?

А вечером, придя в нетопленый дом, выпить рюмку одеколона, закурить чинарик, найденный в подъезде, и сесть у телевизора, где по всем программам выступают депутаты. И уже совсем ночью, обалдев от мнений и прений, юркнуть в теплую постель, которую нагрела жена, спящая там в шубе...

Все это огромное счастье, Аркадий! Запомни!

Я пишу это письмо с болью, ибо выцарапываю его обломком гранита на скале и боюсь, что набегающая волна смоет это послание вместе со мной.

Если это случится и археологи найдут мою наскальную надпись, я бы хотел, чтоб они не искали ее расшифровку в культуре древних этрусков, а знали, что она была написана свободным постсоветским человеком, чья свобода достигла абсолюта. Подскажи им это, Аркадий!

И еще. Растолкуй людям, что не бывает трудностей, которые не становились бы удовольствиями, переходя в разряд воспоминаний.

За сим прощай, друг! Держитесь там, на материке... Мысленно с вами!

Если рискнешь написать еще, брось бутылку по такому адресу:

“Бывший СССР. Бывший Крым. Бывший Пик социализма, ныне – Вторая демократическая впадина. Пещера номер один. Копать до упора...

Если кто-то откликнется – спросить Гришу”.

Из неопубликованного

Эти произведения разных лет и жанров любезно предоставлены издательству Л. П. Гориной для публикации в этой книге из ее семейного архива.

Сказка про седого волка

...Когда это было: давно ль – недавно, точно не скажу. Лет двадцать назад, так что для молодых это – невесть когда, а для моих сверстников – вчера. Мне тогда этот случай и рассказали... Я его записал, как взаправдашний рассказ. А теперь принес печатать, говорят, это – сказка. Ну, сказка так сказка, тем, кто печатает – видней...

В общем, жил-поживал в те годы в Москве младший бухгалтер по фамилии Семечкин. Фамилия, прямо скажем, не впечатляющая. А имя было – Марк Борисович. Тоже, как говорится, хвастать особенно нечем. И работал он на какой-то маленькой фабрике, делал свои маленькие бухгалтерские расчеты и ни в какую большую политику не лез. Только правильно пелось в одной тогдашней песне: “На большой-большой планете мы с тобой – за все в ответе!”... Так оно и получилось.

Вызывают вдруг Марка Борисовича Семечкина в профком и говорят:

Вызывают вдруг Марка Борисовича Семечкина в профком и говорят:

– Марк Борисович, знаете ли вы, что приезжает к нам с официальным визитом Президент Маландии Хосе-Мария-Ибрагим?

– Как же, как же, – говорит Марк Борисович, – сегодня по “Маяку” слышал.

– Ну, вот, – говорят ему, – это хорошо, что вы политически подкованы.

– Маландия – это важная для нас страна, то ли в Южной Америке, то ли в Северной Африке.

– Правильно, – говорят ему, – это хорошо, что вы так подкованы, поедете его встречать.

– Как же так, – говорит Семечкин, – у меня отчет. Дебет-кредит, то, се... Нельзя ли кого-нибудь другого?

– Никак, – говорят, – нельзя! У нас разнарядка – выделить десять человек на встречу... Маландия, важная для нас страна, то ли в Южной Америке, то ли в Северной Африке. А вы и так, когда из другой Маландии приезжали, отлынивали... Так что сейчас быстро одевайтесь потеплей и в автобус...

Надо так надо! Надел Марк Борисович пальто, теплую шапку свою и поехал на встречу. Привезли их всех к Аэродрому, дали в руки флажки маландийские и велели махать, но не сильно, чтоб не нервировать охрану... Стоит Марк Борисович, машет и видит – подлетает самолет и выходит оттуда маландийский Президент по имени Хосе-Мария-Ибрагим! Навстречу ему идет наш тогдашний Президент. Фамилию его тоже подзабыли, а имя вроде Николай Викторович. Обнялись они, по тогдашнему президентскому обычаю, расцеловались в губы, откозыряли почетному караулу и пошли народ приветствовать.

Хосе-Мария рукой машет, встречающие ему в ответ, и, конечно, Марк Борисович в их числе... И вдруг чувствует Марк Борисович, что останавливает на нем свой взгляд маландийский Президент. И глаза его загораются... И он даже делает шаг вперед и протягивает руку Марку Борисовичу. И Марк Борисович ему руку пожимает и даже говорит почему-то по-индийски: “Хинди – русси, бахай, бахай!”... Президент еще больше улыбается и что-то шепчет переводчику. А переводчик уже по-

русски говорит: – Кто вы, сэр?

– Я – Семечкин, – говорит Семечкин.

Президент ужасно радуется и что-то опять говорит. И переводчик переводит:

– Господин Семечкин! Господин Президент очень рад знакомству и просил бы вас пожаловать сегодня в Маландийское посольство, где он дает торжественный ужин в честь прибытия. Могли бы вы, мистер Семечкин, найти на это время?

Марк Борисович совсем опешил и смотрит испуганно на охрану, поскольку не знает, может найти он время или нет. Но охрана стоит с каменными лицами и никаких знаков не подает.

– Ну как? Придете или нет? – спрашивает переводчик.

– Приду, – говорит Семечкин и падает в обморок.

Президент дальше пошел, а Семечкина оттащили встречающие, дали валерианки и понесли в автобус.

Приезжает Семечкин обратно на фабрику, бежит в профком, все рассказывает. В профкоме все ужасно удивляются и ведут его в отдел кадров, потому что там люди более компетентные по таким вопросам. Отдел кадров тоже удивляется, чего это вдруг Семечкин так Президенту приглянулся, начинает выяснять: не родственники ли они, а может, знакомые?

– Первый раз вижу! – плачет Семечкин. – А родственников у меня не только в Маландии, но и на нашей территории никого. Сирота я. И женился на сироте... И двое детей у меня тоже сироты...

– Тогда, – говорит профком, – это ошибка. Не волнуйтесь!

– Как же не волноваться? – говорит Семечкин. – Мне же надо знать: идти мне или не идти?

Отдел кадров звонит куда-то по начальству, выясняет, потом говорит:

– Есть мнение вам пока никуда не ходить. Езжайте домой, не волнуйтесь. Если что – вам позвонят.

– Как же? – не унимается Семечкин. – У меня и телефона дома нет.

– Не волнуйтесь, – говорят. – Если что, вам в дверь позвонят.

Ладно. Поехал Семечкин в свои Черемушки (они тогда, как и теперь, Черемушками назывались), надел свой единственный темный костюм, галстук, принял успокоительное и сел в таком виде смотреть телевизор...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Идет в посольстве Маландии торжественный прием. Все как положено: беседуют, тосты произносят, бокалы поднимают. В общем, весело. Только Президент Хосе-Мария-Ибрагим сидит мрачный и все время на дверь поглядывает...

Тогда наш Николай Викторович его и спрашивает:

– А что вы, Хосе-Мария, не весел? Чего закручинился?

– Да как же мне не кручиниться, – отвечает Хосе-Мария, – пригласил я сегодня на прием одного вашего джентльмена по фамилии Семечкин. Обещал прийти, а не пришел... А он мне очень нужен.

– Этого не может быть, – говорит наш Президент Николай Викторыч. – Ежели наш джентльмен чего обещал, то сделает... Сейчас мы его поторопим.

Подзывает он помощника, тот – другого помощника, тот третьего, и через пять минут понеслась по Москве черная машина к Черемушкам.

Марк Борисович уже разделся, спать ложиться собрался, только вдруг открылась дверь, и вошли два добрых молодца.

– Вы что, – говорят, – Марк Борисович, никак спать ложиться собрались? Вас же ждут... Ай-ай, нехорошо...

В общем, через пятнадцать минут ввели Семечкина в приемный зал tet a tet. Хосе-Мария-Ибрагим как раз в этот момент беседовал с гостями о какой-то международной проблеме. Но, увидев Семечкина, оставил собеседников и поспешил к гостю.

поспешил к гостю.

– Ах, – говорит, – господин Семечкин, как я рад. Думал, уж не придете.

– Извините, – бормочет Семечкин, – опоздал... Дела... Квартальный отчет... То... се...

А сам по сторонам смотрит. А там – такие люди, которых он только на портретах видел и то – только во время демонстрации.

– Да, да, понимаю, – говорит Президент. – Поэтому задерживать вас не буду, перейдем сразу к делу... Видите ли, господин Семечкин, дело в том, что я – страстный коллекционер... шапок. У меня одна из самых крупных коллекции в мире... Лучше – только у премьер-министра Великобритании, но даже у него нет такой, какая была у вас на голове... Где вы такую достали?

Семечкин даже пошатнулся от неожиданности, но собрался с силами, говорит:

– Ей-богу, даже и не помню... Ах да... Купил я ее в Красноярске на барахолке у какого-то охотника. А что?

– А то, – говорит Хосе-Мария-Ибрагим, – что это – седой волк. Вольвус-альбиносус... Редчайший экземпляр. Так вот, не смогли бы вы мне продать за любую цену...

Семечкин снова пошатнулся и стал смотреть по сторонам, потому что вопросик был не простой. И действительно, кто его знает, можно продавать шапку Президенту или нет?

А тут еще подошли к ним Николай Викторыч с гостями. Все стоят слушают, не могут понять, в чем дело...

Первым не очень понял Николай Викторыч.

– В чем, собственно, дело? – спрашивает.

Хосе-Мария-Ибрагим по новой объясняет, мол, я – коллекционер, у Семечкина – шапка... Вольвус-альбиносус... И прошу продать, а он думает...

– А чего ж тут думать, – говорит Николай Викторыч, – когда у нас здесь присутствует мой заместитель по пушной промышленности. Пусть он посоветует...

Подходит заместитель по пушному делу, ему все рассказывают, он сразу и говорит:

– Зачем же вам, господин Президент, старая шапка, когда мы вам новую подарим? Можем даже из песца.

Хосе-Мария-Ибрагим говорит:

– Благодарю покорно, но песцов у меня завались. Мне нужен именно вольвус-альбиносус...

– Ну, так в чем проблема? – говорит зампред по пушному делу. – Вольвус так вольвус... Сколько хотите?

– Ах, – совсем разнервничался Хосе-Мария-Ибрагим, – неужели у вас много вольвусов-альбиносусов?

– Да пруд пруди! – сказал зампред по пушному делу.

– О, вы – великая страна! – восклицает Хосе-Мария-Ибрагим. – Я счастлив, что нахожусь здесь... И готов подписать с вами любые соглашения... А вы, господин Семечкин, извините за беспокойство.

С этими словами Хосе-Мария-Ибрагим отходит.

Марк Борисович остался один. Походил он походил, съел бутерброд и не знает, что дальше делать. Но тут к нему подошли кое-кто из присутствующих и говорят:

– Марк Борисович, а ведь вам пора и домой... Здесь, между прочим, не столовая...

В общем, поздно ночью вернулся Семечкин домой. Ночь не спал, все шапку разглядывал, а утром явился на фабрику и попросил отпуск за свой счет на неделю. Чтоб, значит, оклематься после нервного потрясения.

Дали ему отпуск, сел он в самолет и полетел к брату под Красноярск

рассказать про то, что случилось...

Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Разъезжает по стране Президент Хосе-Мария-Ибрагим, а в пушном министерстве переполох: нету седого волка. Зампред по пушному делу вызывает всех спецов, говорит:

– Добыть, душа из вас вон.

А ему спецы говорят:

– Никак невозможно! Где ж, – говорят, – его взять, “седого”, когда он, можно сказать, один раз в сто лет рождается, да и то долго не живет, поскольку его, белого, в лесу видно... Это, говорят спецы, все уникум ам уникум... Уговорите, говорят, Президента на соболя или еще кого...

Зампред в отчаянии, проклинает свой язык и место свое. Потому как руководить он умел, но в тонкостях не разбирался.

А тут еще Николай Викторыч звонит:

– Как с волком?

– Ищем, – говорит зампред. – Всех охотников подняли на ноги.

– Ну, смотри, – говорит Николай Викторыч, – ты слово дал, я подтвердил. Сам понимаешь, мое президентское слово – не хухры-мухры...

Закручинился зампред, думал-думал и посылает опять машину за Семечкиным. Приезжают на фабрику, ищут Семечкина, а им говорят: нету его. В отпуск уехал. Куда? Неизвестно...

Новогодняя сказка

...Садись, Вовочка, тебе бабушка расскажет сказку... Не капризничай! Знаю, ты не любишь сказки, но это будет интересная сказка и совсем-совсем не волшебная. В ней все будет взаправду, как ты любишь. Никакого “вранья”, честное слово. Это будет сказка про Деда Мороза. Да, про самого настоящего, я же сказала... И не перебивай! Слушай! Завтра, когда на всей земле наступит Новый год, тебя поведут в детский сад на концерт. Это

земле наступит Новый год, тебя поведут в детский сад на концерт. Это будет замечательный концерт. Там будут петь, танцевать и дарить вам подарки. И конечно, к вам придет Дедушка Мороз. Очень добрый и веселый Дедушка Мороз... Да, да. Верно, это артист филармонии, конечно, ты это понимаешь. И все дети это понимают... Между прочим, его фамилия Левашов, а зовут – Игорь Петрович... Ах, вы и это знаете? Ну, ладно... Но в принципе это ведь ничего не значит, верно? Если не думать про фамилию, можно даже представить, что это настоящий добрый-добрый Дедушка Мороз из леса... Подожди, подожди, почему он тебе не нравится? Только не ври! Как это он мог тебе “примелькаться”, если ты вообще только в пятый раз встречаешь Новый год?! Ну и что из того, что он плохо поет?! А по-моему, совсем не плохо поет для своих лет. Не Боярский, конечно, ты прав, но он и не должен так голосить. Он же Дедушка Мороз из леса... И танцует нормально. По-моему, нормально. А я говорю – нормально!.. Ну, хорошо, не держит ритм! А почему он должен держать ритм? Где его могли этому научить?.. Я же говорю, он пришел из леса. Там нет ритма... Там тихо...

Вова, ты привередничаешь. Это – хороший Дедушка Мороз, и хороший артист. А когда-то, знаешь, он был замечательным артистом. Тебя тогда еще не было... Да, да, я понимаю, что время – единица относительная, но тогда тебя все-таки не было... Не переживай!..Так вот, Вовочка, давным-давно, если соизмерять с твоим возрастом, и совсем недавно, если соизмерять с моим, в нашем областном театре работал артист Игорь Левашов. Это был замечательный артист, Вова, уж поверь мне... Я ходила на все его спектакли... Какой это был Чацкий!.. А Глумов! И даже король Лир!.. Это была сенсация – молодой артист играет Лира. “Мне есть о чем рыдать, но сердце прежде на тысячу обломков разобьется, чем я заплачу. Шут, схожу с ума!!”...Когда он это произносил, люди в зале рыдали как ненормальные, честное слово... Поверь мне!.. Ну, хорошо, тебе Шекспир не нравится, а другим нравится. Тут разные точки зрения, Вова, надо быть снисходительным... Мне, например, нравилось. Я сидела наверху, на балконе, и заливалась слезами... А потом бежала к служебному входу и ждала, когда он появится... Я была его поклонницей... Нет, нет. Нашего дедушки тогда еще не было. То есть он где-то вообще был, но мы пока не пересеклись... Я была поклонницей Игоря Левашова. И были еще, конечно, другие поклонницы. Он был знаменит. И всеми любим. Меня он даже не замечал... Да я и не стремилась к этому. Я не хотела быть одной из многих, уж поверь мне, Вовочка. Твоя бабушка гордая и неприступная, а тогда она была молодой, так что у нее были на это основания... Ну, не будем

отвлекаться!

Так вот жил-жил наш молодой Дедушка Мороз, был знаменит и счастлив, как вдруг с ним случилась беда. Что-то он кому-то сгоряча не так сказал, а тот человек написал донос, и у Дедушки Мороза начались неприятности... Ты не веришь, что так бывает? Но ведь я рассказываю сказку, а в сказке все может быть. Вова! Нет! Это не была анонимка. Тот человек подписался – Кощей бессмертный... И сигнал приняли к сведению... Так вот начались у Деда Мороза неприятности, стали его прорабатывать на собрании, а он вспылил, им еще что-то сказал... Тогда его сняли с главных ролей... Сказали, что он не может играть Чацкого и Лира как идейно незрелый... Как будто у короля все идеи правильные... А тут еще у Игоря Петровича ушла жена... Что значит “ничего страшного”? Вовик, не смей говорить о том, чего не понимаешь...

Так вот, расстроился из-за всего этого Дедушка Мороз, стал выпивать... Да, это плохо, Вова, это очень плохо. Ты прав, это вредно для здоровья. Но Дедушка Мороз тогда был в таком состоянии, что не думал о здоровье... Скоро его уволили из театра. Он начал ездить по городам с концертными бригадами, был конферансье, пел куплеты... Все это не принесло ему славы, а время шло, и в конце концов он стал тем, кто он есть – Дедушкой Морозом из леса...

Теперь он приходит к вам в детский сад, дарит подарки и кричит. “Здрассте, дети, Новый год! Дед Мороз привет всем шлет!” Неважнецкие стихи, Вовочка, я согласна с тобой, но он не виноват. Ему же это кто-то написал... Сам бы Игорь Петрович до такого просто не додумался... Но все остальное, по-моему, он делает неплохо. А главное, он действительно очень добрый. Добрый-добрый... Это не последнее качество для Деда Мороза, верно?..

А сейчас, Вовочка, мы подошли к самому интересному месту нашей сказки. Слушай внимательно!.. Для Дедушки Мороза очень-очень важно, чтобы завтрашний концерт прошел хорошо. Чтобы все дети веселились, радовались, пели и играли в общие игры... А не подначивали его, как в прошлом году... Да, да! Не делай вид, что не помнишь... Это ты в прошлом году стал отвечать дедушке на вопросы по-английски? Все дети смеялись, а он стоял красный и хлопал глазами... Это некрасиво, Вовочка! Дедушка Мороз не виноват, что не понимает по-английски... Что он видел в своей жизни? Вьюгу! Снега! Эту идиотку Снегурочку! и все... А вас с колыбели

жизни? Вьюгу? Снега? Эту идиотку Снегурочку? и все... А вас с колыбели натаскивают для вуза... Нехорошо, Вовик, некрасиво... И про акселерацию с Дедом Морозом разговоров не заводи! А всем ребятам скажи, чтоб не приставали к нему с акселерацией... Он пугается. Он думает, что это что-то неприличное... А ему важно, чтоб завтрашний утренник прошел хорошо! Ты понимаешь почему?.. Правильно! Потому что на этот утренник придет дедушка Лены Снегиревой... Это для вас он просто дедушка Лены Снегиревой, а для всех остальных он – товарищ Снегирев... И от него зависит, пойдут ли документы Дедушки Мороза на звание... Дедушку Мороза филармония выдвинула на звание заслуженного артиста, все бумаги сейчас у Снегирева, он может им дать ход, а может и не дать, если вы, как в прошлый раз, будете смеяться над Дедушкой Морозом и обзывать его “дедушкой Склерозом”!.. Это некрасиво, Вова!.. Он добрый дедушка, он хороший артист, и ему очень хочется на старости лет стать “заслуженным”... Да, ты прав, не в звании дело, но ему хочется. И у них там в лесу это имеет значение для пенсии, для квартиры, и вообще... Так что пожалуйста, Вовочка, веди себя завтра хорошо и ребят попроси, ладно?..

Что ты говоришь?.. Что?.. Кто это сказал? Сама Леночка Снегирева?! А куда переводят ее дедушку, она не сказала? Ах, его бросают на легкую промышленность. Это точно?.. Ну ладно, пусть бросают... Бедный, бедный Игорь, он же не знает и будет завтра волноваться... Ах, боже мой!.. Надо будет предупредить... Или нет!.. Ты прав!.. Не надо портить ему настроение... Новый год... Молодец, Вова, ты умный мальчик. Пусть он тоже верит в сказку, так будет правильней...

Нет, нет, Вова, он хороший Дед Мороз. Честное слово! Знаешь, однажды я с ним встречала Новый год в лесу. Да, да, в настоящем, правда, это было летом, но все было так прекрасно, как будто наступил Новый год... Мы ушли далеко-далеко. Нам пели птицы, шумели елки, мы пили вино, и он мне даже читал стихи. Он замечательно тогда читал стихи, белки заслушались... А потом мы расстались. Так получилось... И даже не перезванивались. А потом я вышла замуж за твоего дедушку. Но это уже другая сказка, я тебе ее как-нибудь расскажу... На сегодня хватит. Все! Идем спать!.. Нет, нет, никаких телевизоров... Пора спать. Ну, хорошо, хорошо. Вместе посмотрим программу “Время”, а потом сразу спать... Кстати, объясни, пожалуйста, что там происходит между Ираном и Ираком? Что они хотят друг от друга?! Только не болтай ногами, бабушка этого не любит...

Телефонный разговор

– Алло! Зина? Это – Вера! Ты меня хорошо слышишь? Очень?! Я тебя тоже хорошо... Это меня и пугает. Ну, что тут непонятного?! Раз ты хорошо, я – хорошо, так ведь и кто-то другой может хорошо... Понимаешь? Кабель тут у нас ремонтировали, видно, чего-то там напутали, теперь все время кто-то вклинивается в разговор... Вчера, представляешь, говорю с врачихой, рассказываю про свою язву... Мол, тем лечу, этим... И вдруг какой-то мужской голос говорит: “А вы водкой с хреном не пробовали?..” Я прямо обмерла. Представляешь, нахал! Он, оказывается, из Новосибирска по автомату звонил и вклинился между нами... А кстати, водка с хреном действительно помогает... Я сегодня с утра принимаю, меня отпустило... Поэтому тебе и звоню.

Алло, Зина, так вот слушай... Нет, погоди, по-моему, кто-то в трубку дышит... Ах, это ты? Ну, не дыши некоторое время... Погоди! Так... И он теперь не дышит!..Вот, мерзавец!.. Ну, черт с ними... Раз совести нет, пусть слушают... Я буду намеками говорить... Ты соображай!.. Так вот. Во-первых, по поводу твоего “Эн”.. Ну, кто у тебя в семье “Эн”... Никита твой, кто ж еще... Так вот я говорила с тем человеком, который устраивает... Ну, что “куда, куда”? Ту-да! Куда Степанида устроила своего “Я”... Понимаешь? Так вот этот человек, который устроил ее “Я”, берется устроить и твоего “Эн”, но говорит, что это теперь сложнее... Потому что ректора, который помогал, уже нет... Его временно нет. Понимаешь? Он “присел”... Понимаешь? Ну, что ты такая тупая... Откинь приставку “при”... Да! А то, что осталось, то – на пять лет... Поняла? Вот! Сейчас строго... Поэтому на общих основаниях... А это дороже... Что “сколько”? С ума сошла, по телефону... Комодик помнишь, который я тебе в комиссионке показывала? Так вот сложи три комодика и плюс еще один распили пополам... Что “зачем”? Он столько хочет... Ну, откуда я знаю, зачем ему столько комодиков?! Может, у него квартира большая... Тьфу, черт! Погоди! По-моему, опять кто-то дышит... Алло! Товарищ, повесьте трубку, это неприлично!.. Алло! Черта с два он повесит... Я сама бы в жизни не повесила... Вчера, представляешь, снимаю трубку и вдруг слышу, какая-то женщина рассказывает про текстильный комбинат... Ну, я затихла, знаешь, я ведь ткань на платье ищу, а это оказалось радио “Маяк”! Представляешь? Как идиотка целый час слушала “Последние известия”...

Ну, ладно. Теперь второе... Хочешь завтра пойти к Сидоровым на кино?

Ну, ладно. Теперь второе... Хочешь завтра пойти к Сидоровым на кино? Ну, к каким Сидоровым? Которые видеомагнитофон купили... Сама знаю, что они не Сидоровы, но они просили не афишировать... Понимаешь, про кого говорю? Ну, вот. Им на завтра дали два фильма... Что “какие”? Буду я тебе по телефону... “Кубанские казаки”! Да, и уже с переводом... И еще один, который ты хотела посмотреть... Ну, который на “Эм” начинается а на “эль” кончается... Восемь букв! При чем здесь “по вертикали”? Это ж не кроссворд!! Там и по вертикали, и по горизонтали, по-всякому... Пойдешь? Тогда отзвони им...

Погоди. Кто там кряхтит? Алло! Зина? Это ты? Чего-то голос у тебя изменился... Я говорю, голос у тебя какой-то хриплый стал... Это ты или не ты?! Зина! Погоди! Сколько я тебе должна?! Нет скажи: сколько я тебе должна? Правильно, двести рублей! Да нет, я не собираюсь отдавать, просто проверяю, ты или не ты, а то какой-то голос чужой... Фу, черт, аж сердце захолонуло... Ну, ладно. У тебя-то что нового? А в личной жизни?.. Ты с этим еще встречаешься? Как у него дела? Что значит “устроили на кладбище”? Вер, ты это в переносном смысле? Нет? Действительно на кладбище? Ох, господи! Он же совсем молодой мужик был... Ах, директором? Фу, черт, меня аж захолонуло... Опять язва заболела, пойду водку с хреном принимать... Ладно, кончаем разговор... Это ж мука какая-то... Клади трубку! Первая клади, а я гудки послушаю. А то кладешь иногда, а гудков нет... И ничего нет... Такая тишина, как в могиле...

Клади!.. (пауза)...Алло!.. Там есть кто? Алло! Ну, чего боитесь? Ответьте... Поговорим, как люди, не таясь... Нет, что ль, никого? Чего ж тогда молчишь... Эх, вы... Ту-ту-ту-ту (На всякий случай с Новым годом, чтоб ты сгорел...)

“Захлестнули нас волны времени...”

Сергей Петрович Бурыкин возвращался с похорон своего директора в подавленном настроении. Горько было вовсе не потому, что Сергей Петрович очень уж любил покойного, – он его как раз не любил, – горько было, что ему, Сергею Петровичу Бурыкину, не дали выступить на панихиде и сказать об усопшем, как и положено, несколько добрых слов.

Бурыкин не впервые провожал директоров в последний путь, и всегда ему предоставлялось слово. Он и в этот раз подготовился, составил текст речи, записался в список выступавших, но в тот самый момент, когда подошла

его очередь и он даже сделал шаг к микрофону, председательствующии вдруг объявил: – На этом траурный митинг разрешите считать закрытым!

У Сергея Петровича похолодело внутри от неожиданности. Он растерянно оглядел сослуживцев, как бы ища сочувствия, но все отводили глаза и делали скорбные лица. И хотя скорбь можно было бы отнести на счет печальности общего момента, но Бурыкин был человеком опытным и умел отделять общее от частного: он понял, что скорбят по нему.

А дальше события начали развиваться стремительно: в автобусе, где ехало все начальство, Бурыкину почему-то не хватило места, и пришлось трястись в грузовике; на кладбище его личный, бурыкинский венок положили не в центре, а как-то сбоку и лентой вовнутрь; а в довершение всего его не пригласили на поминки. То есть именно не пригласили, а не забыли пригласить, поскольку он несколько раз попадался вдове на глаза, напоминая о своем присутствии...

Совершенно убитый горем, Сергей Петрович вернулся домой и рассказал о случившемся жене. Его жена, Зинаида Николаевна Бурыкина, не сразу поняла всю серьезность ситуации:

– Может, это случайно, Сережа, а?

– Случайно ничего у нас не бывает! – твердо сказал Бурыкин. – Нет! Это сигнал! Это дело рук Мостырина. Мостырин будет новым директором, вот он уже и начинает меня спихивать.

– Разве Мостырина назначат?

– А то кого ж?

– Говорят, Пахомова.

– Нет! – убежденно сказал Сергей Петрович. – Я сегодня за ними внимательно наблюдал, – все в пользу Мостырина. Он как-то веселей смотрел, первым в автобус сел и, когда директора выносили, в ногах находился спереди и справа, а Пахомов – только слева и сзади.

– Может, им так удобней нести?

– Дура ты, – вздохнул Сергей Петрович, – это шкаф носят как удобней, а

директора – как положено!

После этого Бурыкин долго сидел задумавшись и курил папиросу за папиросой. То ли от этого, то ли от размышлений заболело в груди. Бурыкин понял, что неизвестность и неопределенность его измучают. Тогда он решил позвонить Глазычеву, редактору многотиражки. Снял трубку, набрал номер и, услышав мужской голос, назвался.

– Кто? – не расслышал Глазычев.

– Бурыкин.

– Кто?

– Бурыкин! – И даже закричал по складам: – Бу-ры-кин!

– А! Ну, понял! Слушаю тебя, Сергей Петрович!

Такое начало разговора несколько сбило Бурыкина. Было неясно, действительно ли плохая слышимость или положение настолько серьезно, что Глазычев даже не хочет с ним разговаривать. Поэтому Бурыкин стал изъясняться несколько путано:

– Слушай, Глазычев, ты извини, что я домой. Я по вопросу похорон. Я – человек прямой и люблю, как говорится, точки над “и”. Поэтому сразу и по существу: ты знаешь, что я в списке выступавших был записан? Был! Я речь приготовил. А слова мне не дали! Это как понимать: не оказано доверие или как?

Глазычев секунду обдумывал услышанное, потом спросил:

– Ты выпил, что ли, Петрович?

– Нет! – сказал Бурыкин. – Но я люблю в таких вопросах полную ясность. Ты там с начальством был, ты знаешь. Если кто-то копает против меня, то кто? Или это – общее мнение?

– Дождь это! – сказал Глазычев. – Дождик стал накрапывать. Вот и решили поджать митинг, чтоб, значит, не намокли люди. Так что против тебя, Бурыкин, небо! Сам Господь Бог, понимаешь? – И Глазычев засмеялся.

Этот смех не понравился Бурыкину. Он не любил шуток. Кроме того, в таких вопросах он был убежденным атеистом.

– Понятно... – протянул Бурыкин. – Но если так, то давай, Глазычев, ошибку исправлять. Там все-таки весь наш коллектив присутствовал, подчиненные. Здесь явный подрыв авторитета. Будем исправлять ошибку...

– Как? – не понял Глазычев. – Что ты предлагаешь? Повторно захоронить, что ли?

– Зачем же так? – обиделся Бурыкин. – Не надо так со мной, товарищ Глазычев. У меня конкретное к тебе предложение. Ты завтра в газете отчет о похоронах напечатаешь?

– Ну?

– Вот! Укажи и меня среди выступавших.

– Как же это можно?

– Можно! – перебил Бурыкин. – Во-первых, многие не сразу и вспомнят, выступал я или нет. Во-вторых, это будет прямым разъяснением: мол, вот – человек был в списке, а если выбыл, то по техническим причинам. Люди у нас грамотные, все поймут правильно.

– Так!.. – сказал Глазычев и сделал паузу. – Так!.. Послушай, Сергей Петрович, у тебя время сейчас есть?

– Да, – сказал Бурыкин, – а что?

– Тогда иди к такой-то матери! – сказал Глазычев и швырнул трубку.

Бурыкин некоторое время слушал короткие гудки и размышлял. Разговор с Глазычевым подтвердил его опасения в том, что исключение из списка не было случайностью. Но, с другой стороны, тот факт, что Глазычев не перешел с ним на официальный язык, а просто по-свойски, с шуткой, послал его к матери, давал надежду, что еще не все потеряно. Поэтому через некоторое время он снова набрал номер Глазычева и стал объяснять необходимость и важность упоминания его фамилии.

– Товарищ Бурыкин! – сухо прервал его Глазычев. – Фальсификацией

– Товарищ Бурыкин! – сухо прервал его Глазычев. – Фальсификацией заниматься не будем! Наша газета отражает факты, понятно? Кто выступал – тот выступал, а кто нет – извините!

– Но ведь это несправедливо! – не сдавался Бурыкин. – У меня и речь написана, и вообще... Да что ж мне – ехать сейчас на кладбище и зачитывать ее, что ли? Формализм какой!

– Послушайте, Бурыкин! – вдруг закричал Глазычев, переходя на “вы”, отчего у Сергея Петровича как-то дрогнуло все внутри. – Оставьте меня в покое! Хотите – поезжайте на кладбище, хотите – нет, это, конечно, ваше дело! Но в списке будет только тот, кто выступал. Все! И больше по вопросу похорон прошу мне домой не звонить!

Глазычев швырнул трубку, а Бурыкин вновь слушал короткие гудки и мучительно соображал, что конкретно имел в виду Глазычев и не шутит ли он.

– Ну, чего? – спросила Зинаида.

– Молчи! – сказал Бурыкин. – Надо подумать...

Он открыл бутылку коньяка и задумчиво выпил пару рюмок. Как всегда, алкоголь снял ненужное напряжение и придал ясность мысли. Бурыкин стал прикидывать и сопоставлять...

И как он ни прикидывал и ни сопоставлял, получалось, что Глазычев был по-своему прав. Действительно, хочешь принять участие – прими! И сегодня же! Газета завтра выходит.

Бурыкин посмотрел в окно. На улице начинало темнеть... Он выпил для храбрости еще несколько рюмок коньяка, а бутылку сунул в карман. Потом взял листок с текстом выступления. Потом надел плащ.

– Ты куда это собрался? – заволновалась Зинаида.

– Дело у меня! – сказал Бурыкин. – Срочное. Потом расскажу... Если из газеты нашей, от Глазычева, позвонят, скажи – я выехал...

– Куда?

– Они поймут...

Потом он долго ловил такси, поскольку в такой час к кладбищу уже никто не хотел ехать. Потом уговорил все-таки кого-то за двойную цену.

Ворота уже были закрыты. Бурыкин долго стучал, но ему не открывали, и тогда он заметил табличку, указывающую, что кладбище работает до 18.00. Этот факт очень огорчил Сергея Петровича, и он уже собрался отказаться от своей затеи, позвонить Глазычеву и объяснить ситуацию, но, представив себе его насмешливые реплики, отверг эту мысль. Нет! Дело из принципа надо было довести до конца...

Он еще глотнул из бутылки и полез через забор.

Страшно ему не было. Он не верил в привидения и загробную жизнь, но, конечно, гулять в такую пору в таком месте не хотелось. Поэтому Бурыкин решил, что быстро подбежит к могиле директора, положит туда текст для достоверности и уйдет...

Однако отыскать могилу оказалось не так-то просто, и Бурыкин долго блуждал между крестов и изгородей, натыкаясь на разные фамилии, надписи и даже стихи... На одной плите он вдруг при свете луны прочитал такие строки: “Захлестнули нас волны времени, и была наша участь мгновенна...”

“А ведь верно! – подумал Бурыкин. – Именно – волны времени...” И тут он увидел могилу директора. Она была завалена свежими цветами, и кто-то рядом успел соорудить скамеечку. Устав от ходьбы, Бурыкин сел на скамейку, еще глотнул из бутылки и неожиданно почувствовал, что ему стало хорошо и совсем не страшно.

Рынок есть рынок

(сценка)

День. Хозяин стоит у своей машины. Подходит мужчина уголовной внешности.

Мужчина. Хозяин, тебе подфарники нужны?

Хозяин. Спасибо. Есть у меня...

Мужчина. Ну, так не будет.

Хозяин (испуганно). Не понял.

Мужчина. Ну, чего непонятного?.. Мне снимать, тебе потом доставать... А так сразу, если договоримся, будут стоять как новенькие...

Пауза.

Хозяин. И почем они... у тебя?

Мужчина. Да не у меня... У тебя... Пока...

Хозяин. И почем они... у меня?

Мужчина. Ну... По полторы.

Хозяин. Не дорого просишь?

Мужчина. Я не прошу... Ты потом просить будешь... А так сразу, если договоримся, будут стоять как новенькие. И всего за полторы. На рынке-то по три штуки они. Как отдать! И если “как не брать” половину прошу... Договорились?

Хозяин обреченно кивнул.

Мужчина. А резина нужна?

Хозяин. А как же?!

Мужчина. Все четыре?

Хозяин. И еще “запаска”.

Мужчина. Ну да... И запаска, само собой... По пять тысяч колесо идет сегодня... Фары тоже нужны?

Хозяин (нервничая). Слушайте, мне все нужно! Весь автомобиль!

Мужчина. Значит, “Полную страховку”? Тогда это... (достал машинку, начал подсчитывать)... Это значит и “против угона”

начал подсчитывать)... Это значит и “против угона”...

Хозяин (с ненавистью глядя на него). А тебе адвокат не нужен?

Мужчина (оторвавшись от подсчетов). Зачем?

Хозяин. Ну, если под суд пойдешь. За шантаж!

Мужчина. Это доказать надо еще.

Хозяин. А доктор?

Мужчина. Зачем?

Хозяин. Ну, сейчас не нужен. А потом ведь все равно потребуется. Все равно тебе кто-нибудь голову проломит.

Мужчина. Пусть кто попробует!

Хозяин. Ну, понимаешь – морока! Мне тебе пробивать, тебе потом лечиться. А так бы сразу договорились... Или, может, сразу место на кладбище?

Мужчина. А ты чего – там работаешь?

Хозяин. Подрабатываю. По доставке...

Мужчина. Шофером?

Хозяин. Да как тебе сказать... Скорее “организатором” похорон... (Достал пистолет, направил на мужчину). Ну, думай.

Мужчина. И почем?

Хозяин. А как договоримся... Сейчас на рынке отправить на тот свет тысяч десять стоит, а я за половину тебе сделаю...

Мужчина (убрал калькулятор). Ладно. Договорились. Машина твоя будет целехонька!

Хозяин (убрал пистолет). Ты тоже.

Мужчина. Слушай, а может, нам совместное предприятие открыть?..

Разговаривая, уходят.

Точный диагноз

(сценка)

Приемное отделение сегодняшней районной больницы. Холодно. Медсестра в валенках и пуховом платке поверх грязно-белого халата пьет чай, согретый с помощью кипятильника в трехлитровой банке.

Входит старик с двумя огромными сумками и рюкзаком за плечами.

Старик. Милая... Это, что ль, приемное отделение?

Сестра. А чего ж еще? Слепой, что ль?

Старик (обрадованно). Тогда, значит, к вам. (Достал бумагу.) Вот направление... Ложиться доктор велел.

Сестра (не глядя в бумагу, раздраженно). Куда ложиться, дед? У нас и мест нету... Коек нет, понимаешь?!

Старик (распаковывая одну из сумок, вытаскивает раскладушку). Как не понимать? Меня ж предупредили... Я с собой принес... Вот. (Расставляет раскладушку.) Хоть в коридорчик, милая...

Сестра (недовольно). Какой “коридорчик”? Белья тоже нету.

Старик (спокойно). Так я с собой... (Достает простыни, подушку.) Меня ж предупредили.

Сестра. А лекарства где брать? Лекарства, дед, знаешь сколько сегодня стоят?

Старик. Так у меня ж с собой... (Достает массу лекарств.) Все, что доктор предписал... И повышать давление... и понижать. От запора... и от поноса...

Сестра. А если операция?

Старик. Надо – так надо... (Достал скальпель, зажимы.) Инструменты, какие были. Шприцы одномоментные. Бинты, марля...

Сестра. А если переливание крови? Об этом подумал?

Старик. А как же... Племянник – донор. Вот адрес-телефон. И наркоз с собой... (Достал склянку.) Раз дыхнул – и спи...

Открыл склянку, тут же начал заваливаться на раскладушку.

Сестра вскочила, усадила на стул.

Сестра. Погоди, дед, заваливаться... А если, не дай бог, печальный исход?

Старик. Печального для вас не будет... Никаких беспокойств... Вот простыня – прикрыть... Вот тапочки белые, чтоб ногам покой... И место на кладбище оплачено... (Достает квитанцию.)

Сестра (уважительно). Ну, ты даешь, дед... Ладно. Давай направление, положим... Только имей в виду – лечение нынче дорогое...

Старик. Само собой, милая... Нынче дешево только кошки родятся...

Сестра (читает направление. Лицо ее меняется). Погоди, дед! У тебя какой диагноз? Это ж не к нам!

Старик. К вам, милая... К вам... (Начинает переодеваться в пижаму.)

Сестра (взволнованно). Дед! У тебя ж психическое заболевание. А у нас – нормальная больница... Это не к нам!

Старик. К вам, голуба... Доктор сказал, что в нормальную больницу при нынешнем общем положении только с таким диагнозом и идти. Так что клади, милая, не сумневайся...

Вдохнул из пузырька, юркнул под одеяло на раскладушку и удовлетворенно прикрыл глаза.

Трехрублевая опера

От автора

Так уж повелось, что каждый раз перед публичным представлением “Оперы нищего” на сцене появлялся Некто от автора и провозглашал:

– Почтеннейшая публика! Сейчас вы увидите!..

Очень хотелось бы так начать и мне, но, к сожалению, не получилось.

Выдуманный сюжет обернулся пророчеством, пародийная история про то, как в России мучительно снимать музыкальный фильм, сделалась скучной реальностью...

Фильм “Трехрублевая опера”, объявленный и разрекламированный в печати, ввиду отсутствия средств был законсервирован на неопределенное время...

“Консервация” для комедии – вещь опасная, юмор – продукт скоропортящийся...

Поэтому мне ничего не оставалось, как забросить свой сценарий в дальний угол антресолей...

Но, как говорится, “голь на выдумки хитра”! Персонажи моей несостоявшейся “трехрублевой истории” стали приходить ко мне по ночам и жалобно тянуть руки... Они не просили хлеба! Они хотели зрелища!

И я подумал, что если из всех кинематографических средств сегодня нам доступна только фантазия читателя, то глупо не обратиться к ней за подаянием...

Поэтому...

– Почтеннейшая публика! Братья и сестры! К вам обращаюсь я! Сейчас вы можете увидеть в своем воображении новый фильм режиссера Евгения Гинзбурга! С музыкой А. Басилая! На стихи Ю. Ряшенцева! В главных ролях – Н. Караченцов, Л. Гурченко, А. Джигарханян, А. Калягин, И. Угольников и др. Фильм должен был сниматься на небольшом островке Финского залива под Санкт-Петербургом... Премьера предполагалась в канун Нового, 1997 года!..

Однако злодейка-судьба и отсутствие спонсоров остановили рождение плода нашей совместной любви!

плода нашей совместной любви!

Не дайте же безвозвратно погибнуть музыкальной комедии!

Прочтите сценарий и помогите своей фантазией, кто сколько сможет!..

Актер... У оперы всегда должен быть счастливый конец!

Нищий ...Ваше возражение справедливо, сэр... И дело легко поправить! Вы не можете не согласиться, что в произведениях такого рода совершенно неважно, логично или не логично развиваются события...

Джон Гей. “Опера нищего”

Пролог

Подземный переход современного города. Ларьки. Киоски. Толпа прохожих. У одной из стен встал юноша в темных очках. В руках – скрипка.

У ног – открытый футляр.

Заиграл лирическую мелодию...

Толпа привычно бежала мимо...

Юноша поклонился, глянул на пустой футляр, затем, подумав, заиграл первые ноты знаменитой мелодии К. Вайля из “Трехгрошовой оперы”...

Кто-то из прохожих остановился. Улыбнулся. Бросил первую монетку... Затем вторую, третью...

Павильон киностудии.

Надпись мелом на дощечке-хлопушке: “Джон Гей “ОПЕРА НИЩЕГО”.

Дым начинает заполнять кадр. Голос ассистента:

– Улица старого Лондона. Дубль первый!

Хлопушка. Голос оператора:

– Стоп!

Голос режиссера:

– В чем дело?

– Камера не пошла...

– Ой, плохая примета...

Голос режиссера:

– Без глупостей! Мотор!

– Старый Лондон. Дубль первый.

– Стоп!.. – кричит звукооператор. – Звук не идет... Я не слышу микрофон.

– Пить вчера меньше надо было! – сердится режиссер.

– Услышал! Нормальный звук! Снимаем!..

Голос режиссера:

– Мотор!

Ассистентка в очередной раз объявляет:

– Лондон старый! – хлопает хлопушкой и взвизгивает. – О, черт!

Режиссер в отчаянии:

– Что еще?!

– Извините... По пальцу...

– Уберите хлопушку! Уйдите из кадра и с глаз! – приказывает режиссер. – Снимаем! Что бы ни случилось, не останавливаться!..

Дым перерастает в типичный лондонский туман.

В тумане вырисовываются персонажи: полисмен, торговка цветами,

уличные музыканты.

Нищие дети, словно сошедшие с иллюстраций диккенсовских книг, жалобно тянут руки к богатым прохожим.

Полисмен повесил плакат, стилизованный под полицейские плакаты прошлого века: рисованный портрет преступника – Мэкки, и трехзначная цифра – сумма, установленная за поимку.

Все рассматривают плакат.

Подъехал кэб. Остановился.

Из него царственно выплыл на мостовую бандит Макхит. Он – весь в белом: костюм, туфли, кепи.

Для полной гармонии у уличной торговки цветов покупается букет белых роз.

Макхит подошел к плакату, достал из кармана толстый грифель, нахально пририсовал к портрету усы и бороду.

Наблюдавший за этим полисмен улыбнулся, отдал Макхиту честь.

Макхит сделал знак уличным музыкантам в темных очках. Те послушно заиграли

Музыкальный номер 1

У акулы – зубы остры

И торчат, как напоказ!

А у Мэкки – нож и только,

Да и тот укрыт от глаз.

У пантеры – когти цепки,

Горло вмиг берут в кольцо.

А у Мэкки из-под кепки

Смотрит доброе лицо...

Но не дай бог дать вам повод,

Чтобы он нахмурил бровь!..

Где-то грохнет!

Кто-то охнет!

И, вобще, – прольется кровь!..

Каждый лондонский мальчишка

Постоянно ловит кайф,

Видя в жизни, а не в книжке,

Как гуляет “Мэкки-найф”!..

Мальчишки подхватили песенку по-английски.

Песня переросла в танцевальный номер, в который включилась вся улица...

Макхит закончил его, швырнув мальчишкам мелочь, а букет роз – в окно дома коммерсанта Пичема.

Там букет ловко поймала какая-то девушка в белой шляпке и белой вуали, таинственно прикрывающей ее лицо.

“Девушка” отошла от окна с букетом. Сорвала шляпку и вуаль.

Под вуалью оказался мистер Пичем, пожилой джентльмен с пышными бакенбардами.

– Селли! – крикнул мистер Пичем.

Появилась пожилая женщина с печальными глазами и давно не чесанной головой – миссис Селия Пичем.

– Отнесешь уличной цветочнице! – строго сказал Пичем, отдавая букет жене. – И не забудь получить обратно десять пенсов!

– Двадцать! – сказала миссис Пичем.

– Не зарывайся, Селли! Такой букет стоит десять...

– А за доставку?!

– Логично!.. – одобрил Пичем.

– Меня бы тоже не мешало спросить! – в комнату ворвалась Полли Пичем. Она подошла к матери и решительно вырвала из ее рук букет. – Это мои цветы!

– Ошибаешься, дочка! – Мистер Пичем подошел к Полли, сжал ее кисть так, что шипы стали колоть руку. – В этом доме все принадлежит мне... И цветочки! И ягодки! И твое будущее! – Он вырвал наконец букет, вновь вернул его жене.

– Ну вот – стебли сломаны! – проворчала Селия. – Теперь за них и пенса не получишь!.. – Чтоб не пропадало добро, она смахнула цветами пыль с подоконника и бросила их в угол комнаты...

Полли подошла к окну, слегка отдернула штору и увидела... как Макхит, помахав рукой окну, сел в экипаж и уехал.

– Папа, тебе не нравится Мэкки потому, что он гангстер?

– Дурочка! – Пичем обнял дочь за плечи. – Это как раз характеризует его с правильной стороны.

– Говорят, он убил несколько человек! – заметила миссис Пичем.

– Ну и что? – Пичем пожал плечами. – Разве лучше, если несколько человек убьют тебя? Нет! У этого джентльмена неплохие рекомендации... Я смотрел его дело в Скотленд-Ярде: три побега из тюрьмы, два вооруженных ограбления банка... Казалось бы, идеальная партия для дочери Пичема. Но!.. – Пичем сделал многозначительную паузу. – Я не уверен, что этот мерзавец влюблен!

– Он мне сам говорил! – сказала Полли.

– На допросах люди врут! – отрезал Пичем. – Когда человек влюблен, он должен давать, а не брать! Где это видано, получать такую девушку в жены и еще просить какое-то приданое? Мне должны за дочь! Мне! Я ее растил двадцать лет! Вкладывал в нее, как в банк, и теперь имею право на проценты! – Мистер Пичем подошел к кассовому аппарату и начал считать, прокручивая ручку. – Красивая! – Поворот. – Музыкальная! – Поворот. – Невинная! – Поворот. – Непохожа на меня! – Три раза крутанул ручку, оторвал чек. – Итого: пятьдесят тысяч фунтов! – Бросил чек дочери. – Если жених готов его оплатить, я бегу за священником!

– Пятьдесят! – присвистнула миссис Пичем. – Это ты загнул, муженек!

– Прошу пятьдесят, отдам за сорок! – отреагировал Пичем. – Торговля только началась, я открыт для предложений...

Полли взяла чек, разорвала его на кусочки, бросила в окно.

– Скоро я стану старая, некрасивая, а невинность отдам первому встречному!!! – Сообщив эту угрозу, Полли выбежала из комнаты... едва не сбив совершенно седого старика на каталке....

Это был девяностолетний отец Сели – мистер Хооп.

Несмотря на преклонный возраст, мистер Хооп довольно ловко подъехал к буфету и налил себе рюмку.

Мистер Пичем попытался помешать и вырвал рюмку.

– Не обижай папочку! – крикнула миссис Пичем и вырвала рюмку из рук мужа. Возникла легкая потасовка, во время которой старик Хооп с возгласом “хоп!” все-таки отнял рюмку и успел ее выпить первым.

Взволнованные борьбой, мистер и миссис Пичем, подумав, тоже выпили...

Возникла пауза.

– Значит, ты меня никогда не любил?! – неожиданно плаксиво спросила миссис Пичем.

– Идиотский вопрос на двадцатом году совместной жизни! – отмахнулся Пичем.

– Не любил! – повторила Селия. – Где выкуп за меня?

– Ну, ведь я и не брал ничего!

– А этот дом?

– Собачья конура! И в придачу получил твоего папашу-алкоголика!

Пичем в сердцах толкнул папашу, отчего тот покатил на коляске в другой конец комнаты.

– Ты знал, что папочка долго не протянет! – съязвила Селия, возвращая папочку на место. – На это и рассчитывал?

– Да! Рассчитывал!.. Но он не оправдал моих надежд. И продолжает пить мою кровь и виски!.. Но я его все-таки не пришил, Селли! – Папаша поехал от толчка в другой угол.

– Но хочешь пришить! – крикнула Селия, с трудом затормозив движение родителя.

– Да! – признался Пичем. – Эта светлая мысль посещает меня... Но я ее гоню! Потому что не гангстер! Не Мэкки-нож! Этот мальчик прирежет нас всех не задумываясь! Их брачная ночь станет нашей Варфоломеевской! Вот почему я требую выкуп! Залог нашей безопасности! И доказательство моей любви к тебе! – Он поднял цветы, валявшиеся на полу, отряхнул пыль и протянул их жене. – Возьми! Это – от чистого сердца!

Селия поморщилась:

– За десять пенсов?

– За двадцать! – обиделся Пичем. – Но кто считает?..

Он распахнул окно и крикнул слепым музыкантам:

– “Серенада”! За три пенса! Плииз!

Музыканты стали поспешно настраивать инструменты.

Вперед вышел “слепой” дирижер, взмахнул палочкой... Зазвучала музыка.

Мистер и миссис Пичем с пением вышли из дверей своего дома.

Возник

Музыкальный номер 2

По своему характеру этот дуэт был странным сочетанием лирической серенады и жестко ритмизированной песенки о денежках “money-money”!

К номеру присоединились прохожие...

Номер закончился швырянием денег музыкантам, которые те, довольно ловко для незрячих, ловили на лету.

Аплодисменты.

Поклонившись, мистер Пичем широким жестом пригласил музыкантов к себе в дом...

Музыканты вошли в дом Пичема.

Миссис Пичем села за кассу.

Сам Пичем достал коробку из-под сигар, стал обходить музыкантов.

Те со вздохом выворачивали карманы, высыпая содержимое.

Некоторые пытались спрятать деньги в укромных местах, но Пичем довольно ловко доставал их из брюк, из-под стелек рваных туфлей, даже из трусов.

Последним цепочку музыкантов замыкал худой чернявый юноша со скрипкой. (Мы его видели в Прологе.)

Пичем вывернул ему карманы, но, к своему удивлению, ничего не обнаружил.

– Деньги, друг мой?

– Деньги, друг мой?

– Извините, у меня нет! – сказал юноша.

– Мошенник! – поморщился Пичем и взял палку. – Сейчас я начну пилить этим смычком по твоей голове!

– Но у меня правда с собой нет, – сказал юноша, растерянно роясь в карманах. – Рублей двести всего...

Возникла пауза.

– Стоп! – раздался голос откуда-то сверху, и свет погас.

Камера отъехала, и стало ясно, что мы присутствуем на съемке...

В кадре появились Директор фильма и Режиссер. (Это исполнитель роли Макхита. Он уже в джинсах и рубахе.)

– Что за идиотский текст?! Какие рубли? Почему нет шиллингов? – заорал Режиссер. – Кто этот юноша?

– Да просто... – испуганно забормотала Ассистентка – Уличный музыкант... Из перехода... Попросился на съемки!..

– Из какого еще перехода? – ахнул Режиссер. – Чтоб духу его не было! Черт знает что у вас творится! Перерыв!!!..

Неожиданно в павильон вошли омоновцы в пятнистых костюмах охранников.

– Почему опять посторонние на площадке? – крикнул Режиссер.

– Это кто – “посторонний”? – усмехнулся один из омоновцев.

Режиссер повернулся, пошел в глубь павильона. Музыкант со скрипкой двинулся за ним.

– Извините, – бормотал он, – я вообще-то композитор... У меня есть музыка для вашей оперы...

– Вас зовут Курт Вайль? – отмахнулся Режиссер. – Нет? Другие

– Вас зовут Курт Вайль? – отмахнулся Режиссер. – Нет! Другие композиторы мне не требуются...

На этих словах в павильон с шумом въехал шикарный джип...

– Да что ж это такое? – ахнул Режиссер. – Сумасшедший дом!

– Зря вы не хотите послушать! – бормотал Музыкант. – Я понимаю, вы заняты... Но, может быть, можно кому-то показать ноты?

– Можно! – заорал Режиссер. – Обратитесь в “Кащенко”!

– Зачем вы так? – обиделся Музыкант, и глаза его сделались печальными. – Я уже был в “Кащенко”...

Режиссер вздрогнул. В павильон, ломая декорации, въехал второй джип.

– Мне тоже туда пора! – мрачно пошутил Режиссер. – Дадите адрес?..

По длинным коридорам киностудии быстро идет Режиссер. Как уже было сказано, это артист, игравший Макхита.

Но теперь он совсем не выглядит суперменом. Скорее наоборот, вид довольно жалкий: взъерошенные волосы, на носу – круглые очки.

За ним, едва поспевая, хромает пожилой Директор фильма. Замыкает процессию испуганная Ассистентка.

На их пути, справа и слева, – заколоченные кабинеты, перемежающиеся с коммерческими киосками. Всюду мусор: сваленные в кучи коробки, таблички от прежних названий фильмов, разорванные сценарии и прочий кинематографический хлам.

Изредка попадаются люди из массовки – “лондонские нищие и бродяги”. Где-то на полу спят “бомжи”, очень похожие на современных бездомных.

– Поймите, друг мой! Все так сложно... – бормотал Директор. – У нас нет средств. Об этом речь!.. Но все же истинный художник обязан нервы поберечь!

– Так музыкальное кино не делают! – возмущался Режиссер. – Вместо кордебалета – жалкая самодеятельность! В массовку берете психов

кордебалета – жалкая самодеятельность! В массовку берете психов... Вместо костюмов какие-то тряпки!..

– Не сказано ли у поэта про “нищих, в рубище одетых?!”.

Режиссер остановился у лежащего на полу “бомжа”, схватил его за свитер с огромными дырками:

– Это не рубище! Это грязный жилет, найденный на помойке!

– “Жилет” – лучше для мужчины нет!” – попытался отшутиться Директор.

– Перестаньте рифмовать, черт вас подери! – заорал Режиссер.

– Чтоб не сказать все напрямую, от безысходности рифмую, – вздохнул Директор. – Ну хорошо... Вам суровую прозу? Пожалуйста! Мы – в дерьме! Смета кончилась, кредит не дают... спонсор сбежал! “Опера нищего” обнищала!.. Веселый каламбур, но мне хочется плакать: сегодня нас выгнали из павильона!

– Что?!!

– Аренда кончилась! Автомобили! Все павильоны заполонили... – он обвел рукой окружающее пространство, занятое торговыми точками.

В соседний павильон, превращенный в автосалон, въезжали джипы...

– Почему с утра не сказали?!

– Была съемка!

– Какая, к черту, съемка? Зачем?!

– А вот тут я вам отвечу в рифму: “Снимать всегда! Снимать везде! До смертного объятья! Снимать – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и братьев!” Я имею в виду Люмьер! Они говорили: наше дело – крутить ручку аппарата, “фильма” сама склеится!

– Они этого не говорили.

– Вам не говорили! – Он подчеркнул слово “вам”. – Вы молодой режиссер, а я работаю в кино со дня основания!

а я работаю в кино со дня основания!

Они остановились перед обитой кожей дверью.

Лицо Директора стало серьезным:

– Теперь – внимание! Дельное предложение! Надеюсь на понимание! Выход из положения!..

Он поднял с пола валявшуюся табличку с надписью “ВЫХОД”, приклеил к двери и вежливо постучал...

Они оказались в просторном кабинете, явно принадлежавшем чиновнику из городской управы: на стенах какие-то вымпелы, карты, почему-то многочисленные фотографии бегунов, метателей молота, тяжелоатлетов и прочих участников олимпиад.

Сам хозяин кабинета, широкоплечий полноватый мужчина с завораживающей улыбкой, двинулся гостям навстречу, извергая поток слов и опуская знаки препинания:

– Маэстро... прошу... вот рад так уж рад... найс ту си ю... Пантеров... префект... северо-южный округ... да вот и визитка... там, правда, телефон старый... никак не закажу... донт хев тайм... суета, маета..... мотня, одним словом, “понимаш”... – хихикнул, подмигнул, сделал многозначительный жест в сторону потолка, затем продолжил: – С директором-то вашим “вась-вась” майфрэд давно... а с вами маэстро никак... хотя поклонник... все ваши фильмы... что называется, “от корки до корки”... особенно этот... как его... – неожиданно запел, задвигался в странном ритме, – “ля-ля-ля, шаб-дуба-даб”... я ведь сам когда-то Институт культуры... от звонка до звонка... массовые зрелища... пипелшоу... спартакиада народов... эх, какую страну на эсен ге сченчи-ли, козлы... – и неожиданно запел, подражая известной песне Маши Распутиной: – “Была страна, необъятная моя Россия, была страна, где встречала с мамой я рассве-ет!..”

Режиссер уныло посмотрел на часы и двинулся к выходу.

Директор схватил его за руку, умоляюще зашептал:

– А терпение? А понимание?

– Да пошли бы они!.. – огрызнулся Режиссер.

– Пойдем вместе! – откликнулся Префект и торжественно скрестил руки на груди. – Господа! Я пригласил вас, чтоб сообщить приятнейшее известие... Наш славный город имеет реальный шанс получить на грудь... пять дырочек. – Он покрутил пальцем, изображая колечки: – Ю андестенд фор ми, май фрэды?..

И заметив, что “Фрэды” не все понимают, пояснил:

– Пять колец! Олимпиада! “Прилетай к нам, наш ласковый Миша!” Почти договорено... Выходим в финал претендентов. Конечно, не безвозмездно... “Игрык банк” готов отстегнуть крупную сумму!

– Поздравляю! – буркнул Режиссер. – А я при чем?

– Не спи, не спи, художник, не предавайся сну! – посоветовал цитатой Префект. – Мы э хэв проблем! К нам едет ревизор! Комиссия... принц Уэльский, лорды-милорды... А у меня в округе бомжи спят на стадионах, олимпийские объекты дерьмом загадили... А ю андестенд ми?

– Сэр! Говорите понятней! Плииз! – заорал Режиссер.

– Тогда попрошу к карте! – Префект подбежал к карте, висевшей на стене, достал указку. – Вот – город. Вот – залив. Вот – островок. Называется “Чумовой”! Сказочное место. Замок. Лиман. Минеральные источники. Грязь целебная и не только... Короче, лучше места для съемок вам не найти. Вы снимаете “Оперу нищих”? Я правильно информирован? Берем на Госзаказ! В двадцать четыре часа милиция собирает по всему городу массовку для вас... Бомжи, путаны, шпана! Все по сценарию... Даже переодевать не надо! Просто пускайте камеру, и – первый приз в Каннах! Очищаем город, помогаем искусству! У вас донт проблем, у нас нот проблем!

– А как насчет “прав человека”? – неожиданно спросил Директор. – “Граждане – в неволе, Запад – недоволен!”

– Обижаешь, гражданин начальник! – возмутился Префект. – Это ж не исправительный лагерь. Не “Беломорканал”... Русский Голливуд строим! “Бомжлэнд”!.. Раз уж сидим с голым задом, давайте его хоть показывать за деньги! Самоокупаемость! Мы не только себя прокормим, мы ж еще и на

деньги! Самоокупаемость! Мы не только себя прокормим, мы ж еще и на туристах заработаем! Европа нас одобрит! Дадут кредит! Ну, что задумались?.. Творцы-художники, мать вашу!.. Пепел олимпийского огня стучит в мое сердце!!!

Он в запале выхватил зажигалку, запалил газету и, размахивая ею, двинулся навстречу колонне спортсменов с разноцветными щитами, возникшей неизвестно откуда.

Зазвучали позывные Олимпиады.

Грянули фанфары.

Возник

Музыкальный номер 3,

во время которого под маршеобразную песню взвились флаги, взлетела стая голубей, спортсмены прикрылись щитами, и Префект легко побежал по этому разноцветному живому полю навстречу надутому воздушному шару с нарисованным медведем, который через секунду унес его в поднебесье...

Кто-то сквозь подзорную трубу разглядывал морской залив.

По заливу быстро неслась моторная лодка. В ней расположилась киногруппа: на носу сидели Режиссер, Директор и актриса, исполнявшая роль Полли.

Директор что-то пытался кричать на ухо Режиссеру. Тот явно не слышал и со страхом вглядывался в появившийся на горизонте крохотный островок с полуразрушенной крепостью...

Они некоторое время ходили по кирпичным коридорам бывшей крепости, переходя из одного загаженного помещения в другое.

Гулкую тишину нарушали лишь крики чаек и шуршанье крыльев летучих мышей.

Всюду валялись какие-то пустые банки, бутылки.

чернели круги загашенных туристских костров.

Две огромные крысы вышли из щели и уставились на кинематографистов.

Полли взвизгнула и испуганно прижалась к Режиссеру.

– “Чума-остров, чума-остров! – попытался пошутить Директор и кинул в крыс остатками бутерброда. – Жить на нем легко и просто”...

– Но снимать нельзя! – решительно сказал Режиссер.

– Но почему?! – запротестовал Директор.

– “По кочану”, если в рифму! – огрызнулся Режиссер. – Мы снимаем мюзикл, а не документальный репортаж из серии “Разруха в России”. У нас в сценарии Лондон! Эти развалины ни один художник не переделает в Англию!

– Некоторые хотя бы пытаются!.. – Директор показал на кирпичные стены, исписанные в основном английскими текстами стандартного содержания: “I love you! I face you!” и пр...

– Если здесь что-то и снимать, – продолжал Режиссер, – то уж, скорее, “Гамлета”. Типичный замок Эльсинор. Мрачно! Страшно!.. – Он поднял обглоданную кем-то берцовую кость, начал декламировать: – “Бедный Йорик! Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Ничего не осталось, чтоб посмеяться над собственными ужимками! Ступай же в комнату к какой-то даме и скажи, что если она и будет краситься каждый день на целый дюйм, все равно кончит тем же!..”

Он протянул кость Полли, та, вздрогнув, подыграла:

– “Принц! Мне страшно!”

– “В монастырь, Офелия! – приказал Режиссер. – А если непременно хотите замуж, то выходите замуж за дурака. Потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы, женщины, из нас делаете!”

– О, силы небесные! Как я страдаю! – Полли-Офелия картинно вскинула руки и сделала несколько танцевальных па. Режиссер сделал балетный “батман” и опустился перед ней на колено...

– Браво! – похвалил Директор. – Но чтобы “быть или не быть”, надо средства раздобыть! Все это из другой оперы, ребятки! На принцев никто денег не даст!

– А на призрак? – неожиданно прошептал Режиссер, указывая куда-то вдаль.

Все обернулись и с ужасом увидели надвигающуюся на них группу странных существ, действительно напоминающих “призраков” и “покойников” из фильмов-“страшилок”.

Зазвучала зловещая музыка.

Из зияющих глазниц крепости выглянуло несколько страшных физиономий с клыками вурдалаков. Полли взвизгнула... Режиссер обнял ее, закрыв своим телом от чудовищ.

В арке ворот появился страшноватый “домовой”, сопровождаемый парочкой юных ведьм, заверещал, закружился в бесовском танце.

Закончив этот свой

Музыкальный номер 4,

содержанием которого могла бы служить строка В. Высоцкого “Страшно! Аж жуть!”, “домовой” и ведьмы, обнажив клыки и когти, двинулись на киногруппу.

Все с ужасом отступили.

Лишь Директор невозмутимо остался на месте и, протянув руку, сначала, на всякий случай, осенил страшилищ крестным знамением, потом крикнул: “Стоять!! Я – от Пантерова!”

Фамилия Префекта подействовала как пароль. “Домовой” убрал когти, вынул изо рта вставные клыки, заулыбался:

– А я смотрю, лица знакомые... Разрешите представиться: Синичкин... То есть, конечно, псевдоним... Но играл Льва Гурыча неоднократно... Вот и прозвали-с... Да вы меня, может, помните, коллега? – обратился он к Режиссеру. – Областной драмтеатр... Приезжали к нам на гастроль... Вы –

Режиссеру. – Областной драмтеатр... Приезжали к нам на гастроль... Вы Хлестаков... А я – Земляника... попечитель... Взятку вам давал еще так незаметно... вам понравилось...

– Ну, как же... как же, – вежливо ответил Режиссер. – А здесь-то вы кто? Нечистая сила?

– Ну, вроде! – заулыбался Синичкин. – В театре-то зарплату третий месяц не платят... Да и ролей нет. А тут устроился в береговую охрану... Набрал студию... Леших играем, упырей! Диких туристов отпугиваем, а то ведь совсем загубят остров...

“Ведьмы” и “вурдалаки” в подтверждение закивали.

– Платят за “испуг” или почасово? – делово поинтересовался Директор.

– Оклад небольшой!.. Но еще халтурка набегает... Иностранцы любят фотографироваться совместно! Моряки с соседней базы на праздник Нептуна зовут... Короче, на “том свете” жить можно.

– Учтем! – подумав, заметил Директор.

– А вы, слышал, “Оперу нищих” будете снимать? – продолжил Синичкин, обращаясь к Режиссеру. – Отличная пьеска... Всегда мечтал мистера Пичема сыграть...

– Есть у нас Пичем! – сказала Ассистентка.

– Ну, хоть дочку мою посмотрите! Доченька у меня, Поленька Синичкина, талант отменный... ГИТИС недавно закончила... Устроили бы пробу!

– Полли тоже есть! – забеспокоилась Полли. – Все пробы давно сделаны! – и для убедительности взяла Режиссера под руку.

– Вот и славно, барышня! – обрадовался Синичкин. – А другие рольки? Наперсница?.. Как там ее?.. “Дженни-малина”... Проституточка... Поленька моя всегда мечтала воплотить... – Он повернулся к одной из юных ведьм: – Да что ж ты стесняешься, глупенькая?! Такой шанс! Ну-ка покажи, чему учили в институте?..

“Упыри” одобрительно зашумели. Поленька Синичкина робко вышла на помост

помост...

– Мне партнеры нужны! – сказала она. – Подыграете, если что?

Зазвучала музыка. Возник

Музыкальный номер 5,

во время которого Поленька сначала робко скинула с себя лохмотья ведьмы, совершив нечто похожее на пародийный стриптиз, затем, оказавшись в черных кружевных чулках, довольно неплохо исполнила призывный танец.

Режиссер, поддавшись ее обаянию, вскочил на помост, подыграв ей в эротической музыкальной сцене...

Полли гневно наблюдала за ними, затем выскочила на помост и попыталась отогнать соперницу.

Страсти, разыгранные в танце этим любовным тругольником, всем понравились.

Раздались аплодисменты.

Директор тоже вежливо поаплодировал, но вдруг, повернувшись в сторону моря, с ужасом прошептал:

– Едут!

По направлению к острову на веслах шло несколько лодок, набитых нищими, бомжами и оборванцами.

Их давно не мытые лица заросли щетиной.

Тут же шла лодка с девицами явно сомнительной репутации, которую они дополняли еще более сомнительными жестами...

Отдельной лодкой плыл уличный оркестр, исполнявший какую-то странную мелодию: помесь “Мурки” и знаменитой дворовой песни 50-х годов:

“В нашу гавань заходили корабли, большие корабли из океана...”

– В нашу гавань заходили корабли, большие корабли из океана...

Солировала в этой песне актриса, игравшая жену Пичема.

Сам мистер Пичем стоял на носу лодки с мегафоном и командовал гребцами:

– Р-раз! И! Р-раз! Суши весла! Улыбки на кинокамеру!

Он первым соскочил в воду и пошел навстречу Режиссеру, удивленно наблюдавшему за этой странной флотилией.

– Пополнение, сэр! – крикнул Пичем, соединяя в себе как бы персонаж и актера. – Лихой народец подобрался! Чайки кричат от страха!

– Почему без милиции? – возмутился Директор. – Они же разбегутся!

– Куда? – удивился Пичем. – Да я половину желающих на том берегу оставил!

– Так это не настоящие... нищие? – начал понимать Директор.

– А то какие же?! – обиделся Пичем. – Подбирали в театрах по теме: из Достоевского, из Диккенса...

– Но мэрия собиралась иначе, – начал было Директор, но его перебила возмущенная миссис Пичем:

– Собирались? В тюрьму им пора собираться! Жулье! Я им так и сказала: профессионалы всю жизнь ходят с протянутой рукой на сцене, а вы их хотите заменить на самодеятельность? Да в Америке актерский профсоюз вам бы голову оторвал!

И, схватив у мужа мегафон, крикнула:

– Коллеги! Выходи строиться! Проститутки налево, нищие направо, ворье – посредине!

Прибывшие, шлепая по воде босыми ногами, с шумом побежали на берег и начали строиться согласно установленному ранжиру...

Массовка выстроилась на помосте, как на плацу...

Массовка выстроилась на помосте, как на плацу.

Режиссер, Директор и мистер Пичем обходили шеренги, разглядывая персонажей.

Те заискивающе смотрели на Режиссера.

Мистер Пичем давал пояснения:

– “Обитатели лондонских трущоб”... это “петербургские”... “парижские клошары”... “московские босяки”, из “На дне” которые... юродивый – из “Бориса Годунова”...

Юродивый вдруг рухнул на колени, протянул руку, заголосил:

– “Мальчишки копеечку отняли! Вели их казнить!..”

– Достаточно! – оборвал Режиссер и бросил юродивому монетку.

– Сцен не надо! Только обозначайте характер!..

Они двинулись дальше, подошли к группе девиц.

– Ну, это сами понимаете... – продолжал Пичем. – “Жрицы любви”! Жертвы социальной несправедливости...

“Жертвы” игриво заулыбались.

– Здесь и “Пышка”... мопассановская... и наши: от Сонечки Мармеладовой до Соньки – “золотой ручки”...

Девушки, каждая обозначив свой типаж, все вместе сделали довольно старомодный “книксен”.

– А вот и ваша лихая компания, мистер Мэкки! – Пичем подвел к бандитскому строю. – Хотите – “Разбойники” Шиллера... хотите – налетчики Бени Крика!

Бандиты радостно поприветствовали Мэкки.

– А этот почему здесь? – Режиссер вдруг заметил среди музыкантов юношу в черных очках. Того самого, что сорвал съемку в павильоне. – Это что –

“Слепой музыкант”? Короленко?!

– Я – Мышкин! – с достоинством произнес юноша и снял очки.

Секунду они смотрели друг другу в глаза – Режиссер неприязненно, музыкант – отрешенно.

– Князь, вам бы встать рядом с Бароном из “На дне”! – посоветовал Пичем и добавил, обращаясь к Режиссеру: – Я разорившихся аристократов тоже позвал... Вдруг пригодятся?

– Все ясно!! – строго сказал Режиссер и взял в руки микрофон. – А теперь, коллеги, выслушайте меня все внимательно! Снимаем – “Оперу”, но про нищих. И смета – соответственная! Самый большой гонорар – копеечка юродивому... Других денег нет! Поэтому желающим разбогатеть советую сразу же плыть отсюда вон на том катере... Подробности у нашего Директора, он умеет рифмовать!

Все понимающе промолчали. Никто из строя не вышел.

– Хорошо! – сказал Режиссер. – Тогда продолжим... Снимаем про нищих, но мюзикл!.. В мюзикле главное – кордебалет! В кордебалете главное – слаженность! Общий успех – твой успех! Кто считает иначе и будет тянуть в кадре на себя одеяло – счастливого пути!

И снова никто из строя не вышел.

– Тогда за работу! – Он сбросил пиджак, вскочил на помост, дал знак музыкантам. – Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре! Повторяем за мной! Легкий жанр – самый трудный! Петь, двигаться, улыбаться, не потеть! Четыре задачи по Станиславскому! Раз-два-три-четыре!

Режиссер начал показывать танцевальные движения.

Массовка с трудом пыталась их повторять...

– Раз-два-три-четыре! – командовал Режиссер и участникам, которые не выдерживали ритма, приказывал: – Все! Спасибо! Переходите на второй план! Не мешать! Вы – отдыхайте! И вы!.. И вы!..

Часть массовки, среди которой оказался и юноша – уличный Музыкант, с

Часть массовки, среди которой оказался и юноша – уличный Музыкант, с выражением досады отходили в сторонку. Остальные старательно выполняли команды.

Темп стал усиливаться. С Режиссером осталась небольшая группа пластичных актеров. Их движения на глазах делались более слаженными, переходя в особый вокально-танцевальный

Музыкальный номер 6

Номер напоминал репетиции кордебалета из фильмов “Corus Lane” и “All that Jazz” Боба Фосса, и пелось в нем об удивительном жанре киномюзикла, когда диалог, вокал и танец неразрывны.

В мюзикле все условно! И все по-настоящему, как в жизни...

Во время этого номера массовка, как бы исполняя и роль декораторов, выстроила на наших глазах “Улицу Лондона” и все необходимое, что нужно было для съемок фильма о похождениях капитана Макхита.

Поздно вечером на берегу залива разожгли костры.

У костров расположилась часть киногруппы.

Ужинали. Пили вино. Отдыхали.

Слушали песню заезжего гостя – возможно, А. Розенбаума или А. Макаревича.

Возле Директора сидела Корреспондентка с магнитофоном.

Чуть поодаль – юноша, уличный Музыкант. Рядом лежала скрипка в футляре.

Музыкант листал режиссерский сценарий, но сам иногда посматривал на актрису, играющую Полли.

Та, в свою очередь, бросала косые взгляды на Режиссера и Поленьку Синичкину, о чем-то тихо беседовавших в сторонке...

Корреспондентка брала у Директора интервью:

– Это про что будет фильм?

– Ну, как сказать... Про бандитов, проституток... много песен, много шуток! – привычно срифмовал Директор. – В общем, музыкальное кино... по пьесе... Джон Гей. Писатель был такой, английский. Прочтите!

– Да некогда! – вздохнула Корреспондентка. – Мне материал завтра сдавать... Вы вкратце...

– Ну, если вкратце... Мэкки-нож бандитом был... Разных девушек любил... Жил довольно весело... В конце его повесили...

– Ни фига себе сюжетик! – ахнула Корреспондентка. – Интересно!

Музыкант не выдержал, вмешался в разговор:

– Вы извините... Мне кажется, это не совсем так! Опера – высокий жанр. Там все глубже и серьезней...

– Уйдите, князь! – сказал Директор. – Не возникайте!..

Юноша вздохнул, снова полистал сценарий, потом подошел к Полли:

– Извините... Вы меня не помните?

– Нет! – сухо ответила Полли. Она была уже довольно известной актрисой и к назойливым приставаниям поклонников привыкла.

– Я – музыкант! Я вам съемку еще сорвал в павильоне... Не нарочно...

– Очень приятно! И что?

– Да вот спросить хочу: сцену свадьбы Полли и Макхита снимают завтра?

– Опять сорвать думаете?

– Наоборот! – не поняв шутки, ответил Музыкант. – Я в консерватории учусь! – пояснил юноша. – Музыку сочиняю. У меня есть настоящий свадебный хорал. Хотел вам показать...

– Мне зачем? Режиссеру покажите!..

– Пытался! – вздохнул юноша. – Он всегда занят!..

В это время Режиссер взял Синичкину за руку, направился к морю.

– Он всегда занят! – повторила Полли, сердито глядя им вслед. – А вы – решительней! В кино надо быть пробивным! Вот идите сейчас и покажите... Он будет рад!

– Вы так думаете? – юноша посмотрел на Полли, затем направился вслед за Режиссером и Синичкиной.

Догнал их на дорожке...

Полли вглядывалась в темноту... Увидела, как юноша что-то говорил Режиссеру. Тот нетерпеливо слушал, потом громко спросил:

– Ваша фамилия не Мендельсон? Нет? Тогда исчезните! Другой музыки для свадьбы не требуется!

После чего Режиссер решительно взял Синичкину за руку и они скрылись в темноте...

Музыкант вернулся к Полли.

– Не понравился хорал? – вздохнула Полли, кивнув в сторону ушедшего Режиссера.

– Он – грубый! – сказал Музыкант.

– Он – гангстер! – сказала Полли.

– Вжился в образ! – согласился Музыкант. – Только поэтому я его прощаю! Иначе бы – застрелил...

Полли вздрогнула, впервые с любопытством глянула на Музыканта.

– Как это “застрелил”?.. В каком смысле?

– На дуэли! – пояснил Музыкант.

– А... Ну, другое дело! – успокоилась Полли. – А я подумала – всерьез.

Слышала, вы князя Мышкина играли?

– Почему “играл”? Я и есть – Мышкин, – спокойно ответил юноша. – Хотя, может быть... и князь. У Достоевского не зря наша фамилия использована. У меня, знаете, иногда бывает такое аристократическое бешенство... Страшно!

Полли снова с испугом глянула на Музыканта и чуть отсела:

– А на съемки как попали?

– Я вам объяснил: музыку сочиняю. В том числе и оперную... Но пробиться трудно. А здесь все-таки – опера. Про нищих, но – опера! Высокий жанр! И автор – Джон Гей, аристократ... Он понимал! Не только принизить власть, возвысить неимущих – вот была его цель! Это уж потом Брехт все опошлил своей марксистской философией... А в подлиннике – восемнадцатый век! Я изучал. Впрочем, лучше я вам сыграю, если позволите?

– Ладно! Сыграйте! – вздохнула Полли.

– Спасибо! – Глаза Музыканта вспыхнули нездоровым блеском, он нырнул в темноту и тут же появился с инструментом. – Я вас недолго задержу! Я только... – Он поспешно расстегнул футляр скрипки...

... и замер. Футляр был пуст.

– Украли? – ахнула Полли.

– Сперли! – убитым голосом подтвердил князь Мышкин.

– Ах, сукины дети! – взорвалась Полли. – Да и вы – слабоумный! Разве можно оставлять инструмент без присмотра? Это же – съемка! Черт-те какой народ здесь шастает!..

– Да... Конечно... Сам виноват...

– Дорогая скрипка была?

– Не очень... Впрочем, нет... Сам инструмент дешевый... Стандарт. Но музыка... Она – замечательная! – Он вдруг стал мучительно растирать

виски. – Теперь вот забуду...

– То есть как “забуду”? – изумилась Полли. – Вы еще ее и не записали даже?

– Я всегда импровизирую... Фиксированная музыка мертва! А возникающая вдруг – живая! И сейчас... я так хотел вам... Ах! – Он бешено стал тереть виски. – Жаль, что вы не слышите! А сыграть – не на чем...

– Ладно... Чего вы? Не мучайтесь! – испуганно заговорила Полли. – Напойте...

– Попробую! – Музыкант запел начало мелодии, потом остановился. – Глупость! Голоса нет... И все это сразу примитивно... Пойдемте! Я попробую исполнить это на крепости!

– На чем?!!

– На крепости!!

Они вошли в один из двориков крепости.

Сквозь зияющие глазницы окон сияли луна и звезды...

Длинные каменные коридоры, перекрытые арочными воротцами, убегали в темноту.

– Это, конечно, не восемнадцатый век! – приговаривал Музыкант. – Но все-таки архитектура! “Застывшая музыка”, как говорил Гете. Я давно разрабатываю эту тему. Любое историческое здание можно заставить звучать! Надо только его настроить!..

Он делово прикрыл пару окон фанерой, проверил, как скрипит сорванная с одной петли дверь...

– Сейчас! Сейчас! – пояснял Музыкант. – Я уже днем пробовал... Здесь арки хорошие... И коридоры гулкие, как трубы... Вот подует ветер с моря, и крепость превратится в орган... Да вы присядьте... Вон там, в первых рядах...

Полли, усмехнувшись, села на поломанную коробку из-под апельсинов.

Музыкант вскочил на камень и поднял руку дирижерским жестом...

Стая летучих мышей вспорхнула из темноты...

Ветер... Плеск волн... Скрежет дверей...

Постепенно из звуков и шорохов стал возникать

Музыкальный номер 7

Та самая, главная, музыкальная тема, которая пробивалась к нашему уху с самого начала фильма, с первого кадра, когда Музыкант в городском подземном переходе пытался изобразить ее на скрипке...

И при свете луны в многочисленных коридорах крепости стали возникать люди в белых париках, белых шелковых чулках и туфлях со сверкающими пряжками...

Они выстроились в почетный строй, а затем напомаженный Макхит, скорее напоминавший Фигаро из одноименной оперы, повел под руку Полли, похожую на всех оперных невест в пышных кринолиновых юбках.

Хор гостей, извергая из глубин вокала самые высокие ноты, начал славить новобрачных...

В утреннем морском небе стрекотало несколько военных вертолетов.

Сквозь оптическое наблюдение им были видны островок Чумовой и киногруппа, проводившая подготовку к съемкам... Через треск лопастей доносились обрывки переговоров летчиков:

– Восьмой! Восьмой! Я – Девятый! Что за народ на островке? Чего они делают? Прием!

– Девятый! Я – Восьмой! Вижу людей... Вроде пляшут! Прием!

– Восьмой! Я – Девятый. Спрашиваю: на хрена они пляшут спозаранку! Прием!

– Девятый! Я – Восьмой! А... – треск в наушниках, – ...их знает! Разберись!

А то нам выйдет боком! Генерал вз... – треск в наушниках, – ...устроит! Как слышишь? Прием!

– Восьмой! Слышу хорошо! Задание понял!

Один из вертолетов направился в сторону острова.

Это, собственно, очередной

Музыкальный номер 8,

повествующий словесно, музыкально и зримо о натурных съемках любого кинофильма и включающий в себя привычные для зрителя кинокадры: актеры гримируются прямо на площадке, коней запрягают в экипаж, каскадеры проверяют кинотрюк, помощник режиссера раздает кофе, группа рабочих сколачивает большой помост с виселицей, кто-то спит, лежа на траве, кто-то сидит в наспех сколоченном туалете без крыши и т. д. и т. п.

Все это при показе сверху очень напоминает встревоженный муравейник, но наши кинематографические муравьи, двигаясь в определенном музыкальном ритме, превращали эту привычную картинку в особое музыкальное действо, которое увидеть, правда, может только камера, установленная под небесами...

Идет съемка.

Улица Лондона. Дом с красным фонарем над дверью.

На стене плакат, стилизованный под объявления прошлых времен: на нем рисованный портрет Мэкки, надпись по-английски и трехзначное число – сумма, назначенная за его поимку.

Вдоль стены разгуливает полисмен.

Высоко над фонарем – окна, из которых выглядывают проститутки, свободные от своих утомительных занятий. Они негромко напевают что-то лирическое и сентиментальное типа:

Ах, для чего на рассвете

есть на цветочках роса?

Ах, для чего нежной деве

слезы туманят глаза?

Голос Ассистентки:

– Женщины Макхита. Дубль первый.

Хлопушка.

Девицы в окнах тихо запели:

Пчелка цветы собирает.

Милый целует в уста.

Пчелка к цветочку вернется.

Милый ко мне никогда...

К дому с красным фонарем миссис Пичем тащила за руку упирающуюся Полли.

– Идем! – говорила она. – Сумела выйти замуж за мерзавца, умей быть счастливой до конца!

Она решительно постучала в дверь, а когда та открылась, спряталась в укрытие.

В проеме двери появилась заспанная Дженни в ярком китайском халате.

Секунду она с интересом разглядывала Полли, потом спросила:

– Что вам угодно, сударыня?

– Извините... – забормотала Полли. – Хотела узнать: нет ли случайно среди ваших посетителей джентльмена... по имени мистер Макхит?

– У нас тут не музей, милочка! – ответила Дженни. – “Посетителей” не бывает. Есть гости... Причем инкогнито!

бывает. Есть гости... Причем инкогнито!..

Она попыталась закрыть дверь, но тут миссис Пичем выскочила из укрытия и потянула дверь на себя.

– Не дури, Дженни! – сказала она. – Нам и нужен инкогнито... Макхит!.. Муж моей дочери Полли!

– Муж? – изумилась Дженни. – И давно это с ним?

– Мы вчера повенчались! – сказала Полли.

– А сегодня его уже ищете в нашем заведении? – Дженни многозначительно улыбнулась. – Видно, темперамент новобрачной оставляет желать лучшего!

– Замолчи, дрянь! – Полли сжала кулачки. – Если мой муж случайно и спрятался у вас, то, уверена, только потому, что его ищет полиция... – Она указала на плакат с портретом Макхита, висевший на стене.

– Тем более стыдно сюда приходить! – гордо сказала Дженни. – Мы не торгуем мужчинами!

– Вот и глупо! – сказала миссис Пичем. – Они делают нас продажными, а мы такие гордые, что стыдимся воздать им той же монетой! Где наша женская солидарность? Он вам платит за ночь десять шиллингов, а я предлагаю сто фунтов!..

– Здесь написано “двести”! – заметила Дженни, переведя взгляд на объявление полиции.

– Сто – вам! Сто – нам! – сердито сказала миссис Пичем. – Это все-таки наш зять...

– И вы готовы сделать дочь вдовой? – ахнула Дженни.

– Дура! – вздохнула миссис Пичем. – Если б хотела, то взяла бы все двести... Каждый получает свое! Я делаю официальное заявление полиции, ты предупреждаешь Мэкки... Волки сыты, овцы целы!..

– Никогда бы не додумалась до такой гадости... – сказала Дженни. –

Ладно... Пойду попробую поискать!

Она закрыла за собой дверь.

– Господи! – взмолилась Полли, обращаясь к небу. – Сделай так, чтоб его там не было.

– Господи, не слушай глупостей! – вмешалась миссис Пичем. – Делай, как считаешь нужным!..

В этот момент к миссис Пичем подошел один из полисменов.

– Извините, леди! – сказал Полисмен, отдавая честь. – Краем уха слышал ваш разговор. Вы хотите сделать официальное заявление по поводу разыскиваемого преступника?

– Стойте на посту! – строго сказала миссис Пичем. – Когда потребуется сделать официальное заявление, я подойду к вам...

– Я к тому, что и мои парни интересуются своей долей... – продолжил Полисмен. – Овцы целы, волки сыты... А овчарки? Им тоже надо кушать! Ведь будет погоня... Стрельба... Трудно промахнуться!

– Сколько хотите за промах?

– Из пистолета – шиллингов пять... Из ружья – пятнадцать! Там более точный прицел!

– Десять фунтов за весь салют, и ни пенса больше! – отрезала миссис Пичем.

В этот момент в окне второго этажа появился Макхит.

– Извините, что помешал! – сказал он с улыбкой. – Но мне кажется, разговор касается моей персоны?

– Мистер Макхит! – недовольно заворчал Полисмен. – Вы меня подводите! Я же просил не показываться!

– Мэкки! Ты все-таки здесь? – ахнула Полли. – Какой позор! Я так надеялась...

– Голубка! Я же не у любовницы... Я в официальном заведении! – успокоил ее Макхит. – Где еще спрячешься, если за тобой такая погоня? В связи с этим у меня вопрос к миссис Пичем... Овцы целы, волки сыты, собаки получили кость... А что достанется оленю, за которым охотятся?

– Трепетная лань! – сказала миссис Пичем. – Моя девочка! К несчастью, она вас любит... Если вы этого не видите, вы не олень, а шакал...

Зазвучала фонограмма лирической мелодии. Полли направила взгляд, полный нежности, к своему супругу...

На глаза миссис Пичем навернулись слезы.

– Похоже, это так, Мэкки! – сказала Дженни, появляясь в окне. – Девчонка и вправду влюблена...

– Не вмешивайся, Дженни! – сухо остановил ее Макхит, с любопытством глядя на Полли. – Ты-то умная женщина и знаешь, что всякая любовь имеет свою таксу...

– Может быть! – вздохнула Дженни.

– Но иногда так хочется быть дурочкой. Поэтому я отказываюсь от своей доли в пользу миссис Пичем! Беги, Мэкки!

– Вы – благородная девушка! – сказала Полли, чем приятно удивила Дженни. – А ты, мама? Неужели мы хуже?

– Папа меня убьет! – вздохнула миссис Пичем. – Но благородства нам не занимать... Беги, Мэкки!

– Минуточку, леди! – заволновался Полисмен. – А наша доля? Миссис Пичем, вы делаете официальное заявление или нет?.. Если деньги останутся в казне, мы будем стрелять прицельно!.. Предупреждаю!

– Черт с вами! Стреляйте! – сказал Макхит. – Платить за любовь, так по-крупному!..

Он легко выпрыгнул из окна, чмокнул Полли в щеку и вскочил на подножку проезжавшего мимо экипажа...

– Стой! – Полисмен выхватил пистолет, нажал на курок.

Грохнул выстрел.

Макхит схватился за плечо, из-под пальцев потекла кровь...

– Стоп! – крикнул Оператор... – Снято!

Макхит соскочил с подножки, бодро вернулся на площадку.

– Погоню будем снимать завтра! – сказал он. – А теперь – крупные планы. Мне нужны плачущие лица женщин... Дайте лук или нашатырь!

Ассистентка уже несла очищенную луковицу. Протянула ее миссис Пичем.

– Не надо! – устало отмахнулась актриса, исполнявшая роль миссис Пичем. – Я – профессионал... Снимайте!

Она подставила лицо камере, чуть напряглась... и по ее щеке покатилась слеза...

– Снято! – скомандовал Режиссер. – Теперь Дженни...

– Я тоже попробую без лука, – робко сказала Синичкина. – Когда-то получалось...

Она подставила лицо камере, чуть пошмыгала носом для разбега, и... ее глаза увлажнились.

– Хорошо! Умница! – одобрил Режиссер и нежно погладил Синичкину по голове... Та машинально прижалась щекой к его руке...

Полли с отчаянием наблюдала за этой сценой.

– Теперь Полли! – спохватился Режиссер и, обернувшись, увидел, что по щекам актрисы текут слезы.

– Годится! – одобрил Режиссер – Зафиксируем!

– Нет! – крикнула Полли и закрыла лицо рукой. – Это не снимайте!!! Тебе нужен мюзикл... – Она вытерла слезы, высморкалась. – Дайте лук!..

И сердито глядя на Режиссера, с остервенением стала тереть луковицей щеки...

На нее печально смотрел Музыкант. Его глаза тоже увлажнились...

К острову приближался яркий воздушный шар. В его корзине стояли с подзорными трубами Префект и белокурый Гость в тирольской шляпке.

Морем шар сопровождала кавалькада моторных лодок, наполненная охраной, оркестрантами с духовыми инструментами и коробками с пивом.

Всю эту процессию снимала группа телеоператоров.

Шар завис над прибрежной полосой.

Префект выбросил трап и первым спустился на землю.

За ним начал спускаться Гость. Здоровенные молодцы-охранники выстроили почетный караул.

Оркестр грянул нечто бравурное... Из крепости к ним уже спешил Директор.

За ним – Режиссер, выражение лица которого явно свидетельствовало, что он плохо понимает происходящее...

– Гутен морген, майне либен херц! – закричал радостно Префект, демонстрируя некоторое владение немецким языком. – Их фрое мих зер зи цу зеен!.. Короче – рад видеть! Знакомьтесь: дер директор, дер режиссер... остальное – дер киногруппа. А это, – он указал на Гостя, – наш дорогой компаньон, херр Отто Мария Браун из Германии... Частное телевидение... “филипс-грюндик и К “... Одним словом, крутой мужик, настоящий новый русский немец!

– Все-таки русский или немец? – тихо спросил Режиссер.

– И еще маленько казах! – сказал Браун. – Город Кустанай. Май либен хаймат... Немецкий театр. Дойче фольклер ансамбль...

– Его муттер и фатер – оба были наши артисты! – подхватил Префект. – И тоже, понимаш, играли когда-то “Трехгрошовую оперу”...

– Йа! – подтвердил довольный Браун. – Бертольт Брехт! Май либен аутор!

– Во, геноссе, какое совпадение! – радовался Префект.

– Но у нас не совсем Брехт! – пояснил Режиссер. – У нас – английский вариант.

– Не принципиально! – тихо вмешался Директор.

– То есть как не принципиально? Очень даже принципиально! – заспорил Режиссер.

– Ты – Мэкки-Мессер? – спросил Браун, разглядывая Режиссера. – Май фатер был Мэкки – мессер...

– А мутер – Полли? – угодливо поинтересовался Директор.

– Йа! – подтвердил Браун. – Она была беременный Полли, а я еще сидел там, – он показал на живот, – и все слушал... музыку... Ейн-цвай-драй-фир... – Он сверкнул глазом, задвигался, запел песенку Мэкки по-немецки...

Телеоператоры дружно направили на него камеры.

– Ну, заводной мужик! – похвалил Префект. – Вот, Россия-мать! Человек простым зародышем в ней был, а все помнит... А чего мы стоим?.. Негостеприимно! Хэрр Директор! Давай! Приглашай гостя! Мы “биир” привезли!

– Какой к черту “биир”? – возмутился Режиссер. – У нас с утра съемка!

– Ну, не все же за рулем? Да здесь и ГАИ нет! – своеобразно отреагировал Префект.

– Вот именно! – сказал Директор и широким жестом пригласил гостей в крепость. – Всех берем на абордаж! Битте-дритте к нам в шалаш!..

Они прошли в небольшое помещение, служившее своеобразным штабом киногруппы. Здесь стояли видеомагнитофон и старенький телевизор...

На стенах висели график съемок и множество фотографий с кадрами отснятого материала. Портреты исполнителей.

Гость начал их с интересом разглядывать, давая комментарии и оценивая:

– О! Гут! Дас ист Полли..... Дженни...

Дас ист бандитен! Мафия! Гут! О, майн либен Бертолт Брехт!

– У нас не Брехт! – снова попытался объяснить Режиссер. – У нас мюзикл по Джону Гею. Джон Гей – первоисточник...

– Да не спорьте вы, герр Режиссер! – зашипел Директор, отводя Режиссера в сторонку. – Какой к черту первоисточник? Теперь он – наш первоисточник!

– Нам обещали госзаказ!

– Госзаказ – капут!.. – заметил Префект. – Накрылся... олимпийским знаменем!

– Слава богу, есть спонсор! – подхватил Директор. – Да еще какой! Дает технику, пленку... Компьютерные эффекты... И практически ничего не требует взамен!

– Практически или ничего? – подозрительно спросил Режиссер.

– Да ерунда... – сказал Префект. – Пиво для рекламы... Сосиски! Нищие любят сосиски? Натюрлих!

– Для немецкого телевидения, – добавил Директор, – придется дать роль ихней телезвезде!

– Что?! – спросил Режиссер так громко, что немецкий гость оторвался от рассматривания фотографий. – Вы уже сговорились?! Кто здесь режиссер, в конце концов?.. Все утверждено! Какую роль? Мужскую? Женскую!

– Йа! – подтвердил Браун.

– И кто ее будет играть?

– Йа! – повторил Браун.

– В каком смысле “йа”? – оторопел Режиссер. – Переведите!

– “Йа” это по-ихнему – “он”, – вздохнул Директор. – У них так принято...

– Йа! – подтвердил Браун и неожиданно перешел на довольно четкий русский язык. – Вот фотопробы! – Он разложил на столе фотографии, где был изображен в женских платьях. – Полли... Дженни...

– Это в китайской опере мужчины играют женщин! – сказал Режиссер, разглядывая фотографии.

– У нас тоже! Зритель это любит! – сухо сказал Браун и достал кассету. – А теперь – видеопробы... Это у вас что? – спросил он, указывая на телевизор.

– Телевизор.

– Отправьте в Кустанай. В сиротский дом! – Он сделал жест. Мгновенно охранники внесли огромный телевизор, компьютер и видеоприставку.

– Музыкальный номер: Мэкки и одна из его женщин!

– Кто – Мэкки? – спросил Режиссер.

– Вы! – сказал Браун. – Компьютерный монтаж!..

Он нажал кнопку, и на экране возник

Музыкальный номер 9,

в котором компьютерный “Режиссер – Мэкки” довольно лихо на псевдонемецком языке пел и танцевал с полногрудой женщиной, которую забавно изображал мистер Браун.

Все это происходило в типичной баварской пивной и сопровождалось пением посетителей и стуком огромных пивных кружек...

Номер закончился восторженными восклицаниями Префекта и Директора. Охранники радостно поаплодировали.

Режиссер был мрачно-задумчив.

– Кого из женщин вы хотите заменить? – наконец спросил он.

– Это уж вам решать! – господин Браун неожиданно ласково потрепал Режиссера по щеке. – Майне либе Мэкки!..

Над островом кружил вертолет.

Сверху было видно, как вдоль крепости вывели несколько карет.

Трюкачи, одетые в форму английских полисменов, приготовились к съемке.

Помощник Режиссера раздавала ружья и пистолеты...

– “Погоня! Дубль первый!” – скомандовала Ассистентка Режиссера.

Хлопушка.

Макхит вскочил на подножку кареты...

– Стой! – крикнул полисмен, и раздался выстрел.

Макхит схватился за плечо. Из-под пальцев засочилась кровь...

Превозмогая боль, он столкнул кучера и погнал лошадей... Карета с полисменами понеслась за ним...

Грохотали выстрелы...

Полисмены картинно падали в придорожную пыль...

Вертолеты кружились над островом, наблюдая за съемкой.

Сквозь грохот лопастей прорывались отрывки переговоров:

– Восьмой! Я – девятый!.. Что у них за разборка? Совсем ох... – треск, – ...ели?

– Я – восьмой! Вижу разборку! Вижу! Но думаю – холостыми бьют!

– Восьмой! Я – девятый! Думать будет трибунал! А ты что видишь, то и принимай решение! Не то – чревато боком! Как понял?

– Девятый! Я – восьмой! Понял хорошо. А что именно – не понял!

– Даю сигнал к зачистке территории!

– Уй... Е!..

– Восьмой! Отставить разговоры! Я кому – тебе сказал?!

Вертолеты перестроились и приготовились к снижению...

Экипаж с Маккитом, сопровождаемый автомобилем с операторами, выскочил на дорогу перед открытой площадкой...

На площадку с грохотом опустился вертолет.

Кони сбились... Встали на дыбы...

Сзади подлетел экипаж с полисменами...

Из вертолета высыпал взвод вооруженных десантников в масках....

Впереди бежал Майор с мегафоном и пистолетом. Из пистолета он периодически палил в воздух. В мегафон выкрикивал короткие команды:

– Бросай оружие!.. Всем лежать!.. Лицом в землю!..

– Вы что, с ума сошли? – крикнул Режиссер. – У нас – съемка!

– Ща всех сниму от пуза веером! Лежать!!! Взвод! Занять территорию! Окопаться!!!

Помещение крепости было мгновенно переоборудовано в своеобразный блиндаж.

Поставили стол. Лавку. Керосиновую лампу. Небольшой сейф.

Повесили карту острова со стрелками боевой операции.

Десантники свалили в угол реквизированное оружие: пистолеты, ружья

Десантники свалили в угол реквизированное оружие: пистолеты, ружья.

Майор сел за стол. Закурил.

Десантники ввели Режиссера и Директора.

– Я протестую! – сказал Режиссер. – Мы – кинематографисты. Снимаем кино...

– Разберемся! – мрачно перебил его Майор. – Кинематографисты... Вам только бы армию чернить!.. Где разрешение на съемку?

– Вот! Пожалуйста... – Директор поспешно достал бумагу. – И подпись Префекта...

– При чем тут “префект-дефект”? – Майор отшвырнул бумагу. – Мне от коменданта ксива нужна. Это – секретный военный объект.

– Остров?

– Не остров, а “база особого назначения”...

– Господи... Ну откуда мы могли знать? – ахнул Директор.

– И не должны знать... Военная тайна!.. Откуда оружие?

– Да какое оружие? – засуетился Директор. – Муляжи... Восемнадцатый век.

– Какой век? – усмехнулся Майор и, подойдя к куче оружия, извлек оттуда пистолет. – Это “макаров”... С полным боекомплектом! – К удивлению Директора и Режиссера, он вынул из пистолета обойму. – Что вы мне лапшу вешаете?! Она в армейский паек не входит!!

– А... – начал соображать Директор. – Это, наверное, у кого-то из охранников немца отобрали...

– У кого?! – замер майор.

– Немец к нам прилетел. На воздушном шаре... Спонсер...

– То есть как это “прилетел”?.. Как Руст, что ли?! – У Майора гневно

– То есть как это "прилетел"?.. Как Гусь, что ли?.. – У Майора гневно заходили желваки. – Ну, мужики, вы даете... Думал – просто инцидент. А это – “ЧП” по всем штабам! Вам это будет чревато боком!.. – Он повернулся к десантникам. – Взять немца! Живым!

Десантники надвинули маски на глаза и исчезли.

– Так! – продолжал Майор, расхаживая перед арестованными. – Кино, значит, снимаете? Зря! Я когда был пацаном, всегда в экран из рогатки стрелял. Как чувствовал, от него добра не жди. Ну ничего! На то и голова у солдата, чтоб думать, а мозги, чтоб соображать! Я где нормальный, а где беспощадный! Я могу и в чистом поле стенку найти и к ней приставить!

Десантники ввели Отто Брауна. Немец был слегка помят, но смотрел холодно и спокойно.

– Так! – оглядел его Майор. – Гутен морген, гутен таг!

– И вам того же! – дерзко ответил немец.

– Документы попрошу!

– Сначала вы!

Наступила пауза. Майор начал багроветь.

– Мои до-ку-менты, – сказал, растягивая слово по слогам и надвигаясь на Брауна, – вот тута... на плечах! – и ткнул пальцем в свои погоны.

– А мои документы, козел ты эдакий, – на груди! – неожиданно лихо по-блатному крикнул немец и рванул на груди рубаху, обнажив перед собравшимися огромную татуировку. – Ты, фраер набушмаченный, помой фары и не при бугром! Ты кому ломаешь вытирку?! На кого варганку крутишь?! Да у меня такие рогачи беспредельные Шопена лабали за две птюхи с тюмени на Караганду!!!

Далее немец неожиданно перешел на резкий гортанный казахский язык, что выглядело еще страшнее...

Майор оторопел и сделал шаг назад.

– Так... Аллес фериттеен! – забормотал он и, нагнувшись, схватил оружие

– Так... Аллес ферштеен! – забормотал он и, нагнувшись, схватил оружие, которое, к сожалению, оказалось картонным пистолетом. – Это тебе, гад, будет чревато... За такие слова!

Он стал с отчаянием жать на курок, который не нажимался.

– Отставить!

В помещение бодро вошел пожилой генерал в высоких резиновых сапогах. За ним вошел адъютант с большим чемоданом и спиннингами.

Десантники встали по струнке.

Майор отдал честь:

– Товарищ Генерал! Разрешите доложить! На острове задержана вооруженная группа...

– Киногруппа! – поправил Режиссер.

– Отставить! – оборвал его Генерал и добавил, обращаясь к Майору: – Докладывайте!

– ...вооруженная группа, – продолжал Майор, – в числе которой иностранный... германец... перелетевший границу... путем воздушного шара...

Генерал перевел взгляд на Брауна, и его лицо озарилось простодушной улыбкой:

– Отто! Ты ли? Ядреный корень!

– Михалыч! – крикнул Браун, и они бросились друг другу в объятия.

Собравшиеся изумленно уставились на них.

– Вот так сюрприз! Е-ка-ле-ме-не! Я ж тебя сколько лет не видел? – радовался Генерал и пояснял: – Это – Отто! Наш партнертто ГДР-е! Западная группа. Танки покупал... списанные! Не чаял с ним встретиться и вдруг... Ну, улет! Майор, молодец! Подарок мне устроил!

– Стараемся, товарищ Генерал! – быстро перестроился Майор.

– Стараемся, товарищ Генерал! – быстро перестроился Майор.

– Как ты здесь, Отто? Каким ветром?

– Западным! – пошутил Браун. – Кино хочу купить.

– Кино? Это здорово... А я смотрю – лица знакомые! – радовался генерал, глядя на Режиссера. – И актрисочки симпатичные бегают!

– Но не дают снимать. Говорят – секретный объект, – робко заметил Директор.

– Секретный! – подтвердил Генерал. – Я сюда на рыбалку езжу. Окунь здесь клюет, как чумовой... Поэтому и остров так прозвали! Чумовой! Но вам разрешаю, по дружбе... Снимайте! Вот нас с Отто снимите на память! Боевые друзья... “Встреча на Эльбе”...

Он обнял Брауна.

– Конечно... Конечно! – обрадовался Директор. – Сейчас оператора приглашу...

– Подождите вы... – недовольно остановил его Режиссер. – Какая “Эльба?” У нас – другой фильм. Мюзикл.

– Что еще за “мьюзикл”? – поморщился Генерал. – Песни-танцы? Это я люблю. Сам в самодеятельности начинал... Где инструмент? – Адъютант мгновенно раскрыл чемодан, в котором оказался аккордеон. Генерал быстро водрузил его на себя, провел пальцами по клавиатуре. – По телику все рокеров с гитарами показывают... Пузочесы!.. А настоящей песни не дождешься! Эх!.. – он развел меха и запел.

Адъютант и Майор подхватили. Десантники быстро перестроились в традиционный военный хор.

В дверях появился оператор с камерой, начал снимать

Музыкальный номер 10

По характеру это было нечто среднее между традиционной русской песней типа “На муромской дорожке стояли три сосны” и “Служили два товарища у нас в одном полку...”

у нас в одном полку...".

Режиссер ошалело несколько минут слушал ее, потом тихо вышел из блиндажа...

...на вечернюю набережную острова.

Мрачный Режиссер шагал к морю.

Его мгновенно окружили несколько корреспондентов с магнитофонами и видеокамерами.

Сыпались вопросы, на которые Режиссер сквозь зубы ронял ответы...

– Фильм покажут под Новый год?

– Не знаю...

– А в чем его концепция?

– Не знаю...

– А если в двух словах?

– Я и сказал в двух: “Не знаю”!

– Финал скоро?

– Надеюсь, что да...

– А что по сценарию в финале?

– Мэкки арестуют и повесят!

– Это будет смешно?

– Да уж куда веселей?!

Корреспонденты отстали, зато обступили “нищие и убогие”, тянули руки...

– Рольку бы нам! Рольку!

– Нету у меня ролей! Кончились...

– Ну, хоть реплику...

– И реплики кончились!

– А мы и молча согласны...

– Вот и молчите!!

Нищие отцепились.

Но появились взбудораженные проститутки... Их вела разгневанная миссис Пичем.

– Это как понимать? Вместо нас мужики будут сниматься? – кричала она. – Все у нас отняли! Юбки! Колготки! Роли! Тогда отдайте свои причиндалы, раз не нужны!

Женщины со смехом попытались ухватить Режиссера за штаны, он с трудом вырвался. Побежал к морю.

За ним бежал Декоратор:

– Товарищ Режиссер! Мы эшафот сколотили...

– Какой эшафот?

– Ну, где Мэкки вешают... Вам бы надо утвердить!..

– Не хочу... Я вам доверяю!

Декоратор отстал, но на пути Режиссера вдруг появилась Полли с чемоданчиком в руках.

– Ты не мучайся... – тихо сказала она. – Раз надо кого-то заменить, пусть это буду я... Я исчезну...

– Почему это вы? – рядом появилась Дженни. – Жена важнее, чем любовница!..

– Только не в этом фильме! – сказала Полли.

– Только не в этом фильме! – сказала Полли.

– Но вы как актриса – лучше! – настаивала Дженни.

– Кто это вам сказал? Я в кадре плакать не умею... – пробормотала Полли и расплакалась...

Режиссер молча смотрел на женщин.

И тут к нему подскочил Музыкант.

– Это издевательство!! – забормотал он. – ...Вы художник или нет?.. Плюньте на этих мафиози... Что они понимают в опере?! Опера – высокий жанр. В ней главное – любовь! У меня есть музыка... Вот ноты! – Он стал совать Режиссеру исписанные нотные листы.

– Ты меня достал, мальчик! – зарычал Режиссер и схватил Музыканта за ворот. – Для кино нужны деньги! У тебя есть деньги? Нет? Тогда исчезни! У кого деньги, тот и заказывает музыку!

Музыкант отпрянул. Листки с нотами рассыпались по песку.

– Хорошо! – забормотал Музыкант, собирая разлетевшиеся листки. – Я вас заставлю выслушать. Я найду средства!

– Вот тогда и поговорим!

Режиссер на бегу стянул рубаху, штаны и с разбега нырнул в морскую волну...

Зазвучала музыка. Засеребрилась вечерняя морская вода.

Странные причудливые блики закружились вокруг плывущего под водой Режиссера...

И он сам, погружаясь в глубину, стал принимать какое-то причудливое очертание... Почти рисованное... Рядом возникли обнаженные женщины, напоминавшие русалок.

Они закружили рисованного Режиссера в каком-то плавном эротическом танце.

Впрочем, это уже и был

Музыкальный номер 11,

проще говоря, клип, выполненный в жанре компьютерной графики.

Рисованный танец закончился. Тело Режиссера, сплетенное с грудой женских тел, замерло в оргазме на экране компьютера... Вода вспенилась разноцветными пузырьками. Появился улыбающийся Нептун с лицом, напоминающим лицо Генерала. В руках он держал пивную кружку.

– “Unzere beer – ihre fantazion!” – сказал Нептун и подмигнул...

– Наше пиво – ваша фантазия! – перевел Браун, сидевший за монтажным столом, и выключил экран. В “блиндаже”, кроме него, у экрана сидели Генерал, Префект, Директор. Чуть в сторонке – Режиссер.

– Ну, улет! – одобрил Генерал и глотнул из кружки реального пива. – И ты можешь любого туда, – он указал на экран, – запузырить?

– Натюрлих! – ответил за Продюсера Префект. – Двадцать первый век! Компьютер – он и “фатер”, он и “мутер”! Верно рифмую, пан Директор?

– В общем, да! – неуверенно сказал Директор и повернулся к Режиссеру: – Вы поняли идею, маэстро?

Режиссер не ответил. Отрешенно смотрел на экран.

– Наш коопродюсер... господин Браун предлагает нарезать отснятый материал на клипы... – Директор достал счетную машинку. – Отснято полторы тысячи метров... Если нарезать по сто... сто пятьдесят... – защелкал машинкой... – Получаются... хорошие деньги... На них можно отснять оставшуюся часть фильма...

– И по новой нарезать! – радостно добавил Префект.

– Кого нарезать?! – ошалело спросил Режиссер. – Зачем нарезать?

– Чтоб выпускать в кассетах! – пояснил Директор. – Если вы, маэстро, конечно, согласны...

– Я? А при чем здесь я? Я вообще не нужен! Без меня берут мое лицо, голос... Спаривают с кем хотят!

– На все есть авторское право... За это он готов платить! – заметил Директор. – “Копи райт, копи райт – кого хочешь, выбирайт!”

Режиссер тупо посмотрел на Директора, потом вдруг зло произнес:

– Хорошо! Но – в банке!..

– Найн проблем! – кивнул Браун. – “Дойчбанк”? “Сити-банк”?

– В банке с пивом!! – крикнул Режиссер. – Чтоб открыли, а оттуда я с голыми бабами!..

Наступила пауза.

– Улет! – ахнул Генерал. – И такое, оказывается, можно?!

Никто не успел ему ответить. Дверь “блиндажа” распахнулась, и влетел взволнованный Майор.

– Товарищ Генерал! – закричал он. – На острове “ЧП”! Террорист!!!

Звучала тревожная музыка.

Во дворе крепости замелькали фонари и факелы. Испуганные обитатели острова бежали к центральному дворику, где были сколоченны высокий помост и виселица. Выскочившие из “блиндажа” смешались с толпой.

Взволнованный Майор докладывал на бегу Генералу:

– Псих какой-то, товарищ Генерал! Обмотал себя взрывчаткой и грозится рвануть, сука!

– Откуда взрывчатка? – рявкнул Генерал.

– Так на рыбалку ж летели... – пробормотал Майор. – Думал – вдруг клева не будет?..

– Ну, Майор! – задохнулся Генерал. – Это тебе будет чревато!..

Они протиснулись во двор.

На помосте в лучах прожекторов стоял Музыкант, обвешанный пакетами. В руках он держал гранату и пачку бумаг.

– Князь! – закричал Директор. – Слазь! Я кому сказал... Князь!

– Перестаньте рифмовать, черт вас подери! – Режиссер зажал Директору рот... – Всем молчать! Говорите, Музыкант! Ваши условия!

Толпа смолкла.

– Я ничего особенного не прошу... – тихо сказал Музыкант. – Я хочу, чтоб прозвучала моя музыка... Я написал для финала... Апофеоз! Это – опера...

– Хорошо! – сказал Режиссер. – Оркестранты, возьмите ноты!

“Слепые” музыканты стали робко протискиваться к помосту, Музыкант кинул им пачку бумаг.

– Надо, чтоб все участвовали! – сказал Музыкант. – Я иду по сценарию... Это ведь и ваш замысел...

– Договорились! – сказал Режиссер. – “Финал”. Дубль первый!

Он снял пиджак и оказался в белоснежной рубахе, в которой преступников обычно ведут на казнь.

– Не пущу! – повис на Режиссере Директор, но Мэкки – а это был уже Мэкки – оттолкнул его и решительно направился к эшафоту...

Его хватали за руки нищие и бродяги, пытались что-то говорить любившие его женщины, но он отшучивался и решительно продвигался к помосту...

Легко вспрыгнул.

Подошел к петле.

Встал на лавку.

Сунул голову в петлю...

– Что дальше? – спросил он у Музыканта. – Командуйте!

– Это вы командуйте! – тихо сказал Музыкант. – Вы – режиссер. Я умею только дирижировать...

– Я те подирижирую! Брось гранату, сука! – крикнул Майор, но Генерал заткнул ему рот ладонью...

– Всем приготовиться к съемке! – скомандовал Режиссер. – Надеть парики и костюмы... У нас – восемнадцатый век!

– Правильно! – тихо сказал Музыкант.

– И пусть пойдет снег. Это – важно! Ведь все случилось под Новый год!

– Совсем охренел! – тихо изумился Генерал. – Какой снег в августе?

– Это как раз “ноу проблем”! – сказал Директор. – Чего-чего, а снега у нас по дешевке всегда достать можно...

– Пошел снег! – крикнул Режиссер.

Завыли ветродуи, на двор посыпался и начал кружить белый снег...

Толпа нищих начала поспешно переодеваться в камзолы и парики...

– Ну, улет! – похвалил Генерал...

– Свет на меня! – скомандовал Режиссер.

Прожектор высветил его бледное лицо.

– Камера!

– Есть камера!

– Звук!

– Есть звук!..

– Бери меня средним планом! – крикнул Режиссер. – Я текст не помню... Потом переозвучим... А сейчас – последнее слово... Буду говорить всякую

Потом переозвучим... А сейчас – последнее слово... Буду говорить всякую лабуду...

Он оглядел преобразившуюся массовку, улыбнулся:

– Леди и джентльмены! Господа артисты! В общем, ребята! Это у нас финал! И снять его надо слаженно, четко, не переигрывая... И чтоб было весело! Такая у нас работа! Не тяжелее других и не легче... Просто кино с музыкой... Вот все, что хотел вам сказать Мэкки в последнюю минуту... А теперь, Музыкант, давай!.. Чего ты там насочинял?..

Музыкант взмахнул руками...

Музыкальный номер 12

Это и был тот оперный финал с хором, оркестром и танцем, в котором соединились мелодия Музыканта и танец, который репетировал Режиссер.

Дворик задвигался, затанцевал...

Снег усиливался.

Музыкант вдохновенно размахивал руками, пока не подошла кода... Тогда он в азарте вскинул руки, и... граната полетела куда-то в сторону....

– Ложись! – крикнул Генерал.

Все в ужасе упали на землю.

Но граната, как и положено на съемках, взорвалась сотней новогодних петард и фейерверками во всех окнах крепости...

Все, смеясь, начали подниматься со снега...

Счастливый Режиссер шагнул к своей киногруппе, забыв, что у него на шее петля...

Лавка выскочила из-под ног.

Раздался общий крик, но... виселица не выдержала и свалилась на помост.

Директор первым вскочил на помост, помог Режиссеру подняться

Директор первым вскочил на помост, помог Режиссеру подняться.

– Халтура! – крикнул Режиссер. – Кто ставил виселицу? Всех уволю!.. И массовка ужасно двигалась! Я же показывал! Раз-два-три-четыре!.. Раз-два-три-четыре! А ну, еще дубль! – Он вместе с Директором вновь поставил виселицу, влез на скамейку, сунул голову в петлю.

– И запомните, будем снимать, пока не получится как надо... Начали!..

Вновь грянула музыка. Пошли титры.

А Режиссер все совал голову в петлю... а виселица падала... а он снова и снова лез на скамью...

Любимец бога

Когда акционерное общество “Московит” и американская корпорация “MGSI int ING” предложили мне сочинить заявку на сценарий фильма о царе Соломоне, я радостно согласился, ибо этот библейский мудрец давно занимал мое воображение...

Однако после первых же строк почувствовал, что суховато-четкий язык заявки губителен для изображаемой эпохи, поэтому стал писать нечто вроде киноповести или кинопоэмы... “Напишу кинопоэму, – подумал я, – а потом, если будут настаивать, разрифмую ее обратно в “синопсис”...”

Так появилась эта небольшая киноповесть для будущего фильма.

Жанр публикуемого произведения на данный момент я бы определил так: “НАЧАЛОСЦЕНАРИЯИЗКОТОРОГОМНОГОЕУЖЕЯСНО...”

Осталось чуть-чуть дописать последние две трети сценария, дать почитать друзьям, а продюсеров и потенциальных режиссеров уговорить, что незаконченная вещь больше расскажет о будущем произведении, нежели краткий его пересказ...

Март, 1993, Москва

Начало сценария, из которого многое уже ясно

Библейский пейзаж

Гора Гаваон. Звездная ночь

“...за то, что... не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, вот Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил. Я даю тебе и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои...”

Так говорил Господь царю Соломону, явившись ему во сне на горе Гаваон.

И все обещанное свершилось.

Но сон повторяется, и вновь, и вновь видит царь жертвенник на вершине, звезды в небе и слышит Голос Его...

Склоны горы Ватн-эль-Хав

Виноградники, раннее утро

Это – место уединенных прогулок царя, место размышлений и потаенной беседы с природой, ибо дана ему была такая мудрость, что постиг он язык птиц и зверей, умеет истолковывать запахи цветов и трав, понимает, о чем шумят листья олив и кипарисов...

Соломон в это утро одет в простую удобную одежду – кожаные сандалии, хитон из сурового полотна. Лишь на левом плече – дорогая скрепка из массивного зеленого золота в форме свернувшегося крокодила – символ бога Себаха, покровителя одной из многочисленных царских жен-язычниц.

– Фьють! Фьють! – Пестрая птица тревожно запрыгала с ветки на ветку, закружилась над головой Соломона.

– Фьють! Фьють! – ответил он ей свистом и пошел за ней в глубину густого кустарника.

Несколько пестрых птиц тревожно носились над гнездом, укрепленным в сплетении ветвей. Соломон приблизился, сунул в гнездо руку, достал оттуда извивающуюся змею.

Змея злобно зашипела в лицо царю:

Змея злобно зашипела в лицо царю.

– Ш-ш-ш-ш!

– Ш-ш-ш-ш, – ответил ей он на ее языке, и змея послушно спрятала жало.

– Ч-ч-ч-ч, – сказал ей царь, открывая дорогу среди камней.

– Ч-ч-ч-ч, – поблагодарила змея и скрылась...

Царь еще немного прошел рощей, как вдруг до его слуха донесся тихий женский голос. Голос напевал песенку, бесхитростную песенку, которую любят напевать девушки здешних поселений:

...На ложе моем ночью искала я того,

которого любит душа моя,

искала его и не нашла его.

Встану же я, пойду по городу,

по улицам и площадям,

и буду искать того,

которого любит душа моя,

искала я его, и не нашла его...

Царь пошел на голос и вскоре вышел к виноградникам, раскинувшимся на склоне горы и отгороженным невысоким забором из сваленных камней.

Там среди рядов широколистного кустарника ходила рыжеволосая девушка и укрепляла лозу. На вид ей было лет 14, она была стройная и смуглокожая, и легкое голубое платье подчеркивало изящность ее фигуры. Соломон залюбовался ею, притаившись за каменным забором.

Поднимись ветер с севера

и пронесись с юга,

повей на сад мой –

и польются ароматы его...

И словно по заказу, порыв ветра пронесся по винограднику, зашумел широкими листьями, подхватил полы платья и обнажил стройные длинные ноги, и круглый, как чаша, девичий живот, и четкую линию, разделявшую ноги снизу доверху и расходящуюся там надвое, к выпуклым бедрам...

Царь весело рассмеялся, обнаружив себя.

Девушка вскрикнула, обхватила края платья, пытаясь сдержать их, но ветер не унимался, и тогда она села на землю и, смущаясь, закрыла лицо руками.

Соломон легко перепрыгнул изгородь, подошел к девушке, улыбаясь, тронул ее за руку:

– Что ж ты испугалась, глупенькая? Звала ветер, и он повеял на сад твой...

– Это – песня, – тихо сказала девушка. – Я не звала. Это – песня.

– Спой же ее до конца, – сказал Соломон. – Каков там следующий куплет?

– Не помню...

– Хитришь! – засмеялся царь. – “Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его...”

Он помог ей подняться, отвел руки от ее лица, и теперь она впервые посмотрела ему в глаза:

– Кто ты?

– А ты?

– Я первая спросила...

– Я первым тебя увидел... И первым подумал о тебе.

– Что подумал?

– Я подумал: вот девушка, которая мне очень нравится... Ибо она

– Я подумал: вот девушка, которая мне очень нравится... Ибо она прекрасна...

И глаза ее голубиные... И волосы ее, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской... И зубы, как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни... И как лента алая, губы ее и уста любезны...

Он привлек ее и нежно поцеловал. Она не отстранилась, но смотрела чуть испуганно:

– Ты всем девушкам говоришь такие слова?

– Всем, – признался Соломон. – Но подумал так впервые. А слова, соединенные с мыслью, суть истина. Скажи и ты, что думаешь обо мне...

– Я думаю, ты не из бедных селян, раз пришел оттуда, из царского сада. На тебе простая одежда, но пряжка из золота и стоит дороже, чем весь виноград, который мы с братьями соберем с этих кустов...

– Ты наблюдательна, красавица, – похвалил Соломон. – Но ты не сказала главного – нравлюсь ли я тебе?

– Не знаю... Наверное... Боюсь подумать...

– Боишься? Почему?

– А вдруг ты из свиты Адонирама, сборщика податей? И тогда меня накажут за то, что не работаю, а болтаю с тобой.

– Я не из свиты Адонирама, – сказал Соломон. – Я из свиты царя. Я его телохранитель. С детства я был похож на него, и нарекли меня так же – Соломон. Я – его тень, куда он, туда и я. Но сегодня ночью мы расстанемся: царь останется во дворце, а я приду к тебе, если, конечно, ты позволишь...

Он привлек ее к груди и страстно зашептал на ухо:

– Теплота твоей одежды благоухает лучше, чем мирра... И когда ты дышишь, я слышу запах от ноздрей твоих, как от яблоков... Сестра моя, возлюбленная моя, ты пленила сердце мне... Как зовут тебя?

– Суламита... – прошептала девушка, слабея от ласк царя.

– Как прекрасно имя твое... “Соломон – Суламита...” Имена похожи и перетекают друг в друга, как вино из кувшина в бокал. Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста, мед и молоко под языком твоим... О, иди скорей ко мне, ибо изнемогаю от желания...

– Нет... Возлюбленный мой... не сейчас... Братья мои стерегут виноградник мой...

– Тогда скажи, где дом твой?.. Я приду сегодня ночью...

– Заклинаю тебя, любимый... Заклинаю сернами и полевыми цветами, не тревожь возлюбленную, пока она не позволит... Ибо братья мои стерегут дом мой и страшны они во гневе...

С шумом раздвинулись кусты. Суламита в испуге отпрянула от царя.

На дорожке появились двое мальчиков: старшему было лет десять, младшему – лет пять. Старший держал в руках палку, младший – камень. Лица их были суровы...

– Братья... – начала что-то объяснять Суламита, но старший прервал ее:

– Отойди, сестра!

А младший добавил:

– Отойди, Суламита, когда говорят мужчины!

Суламита отошла, а братья двинулись к царю...

С трудом сдерживая улыбку, Соломон сказал:

– Двое против одного! Не очень честный бой...

– Можем биться по одному, – сказал старший. – Но знай, это будет семь поединков... Нас – семеро братьев, и честь сестры священна для каждого...

– Тогда я хочу поговорить с самым старшим... Где вы живете?

– Забудь дорогу в наш дом! – сказал младший.

– Забудь дорогу в наш дом! – сказал младший.

– Прежде чем забыть, надо запомнить... Итак, где дом ваш, ревнители чести?

– Там, за рекой... Через мост, что выше Силоама... У источника...

– Забыл, – сказал царь. – А пока – объявляю перемирие...

Он отстегнул золотую пряжку и протянул старшему:

– Передай это своему отцу, мальчик...

– Наш отец умер.

– Тогда отдай старшему в доме... Он поймет цену этой вещицы...

– Старший – я! – сказал старший. – И цену этой вещицы я знаю... – Он размахнулся и зашвырнул золотую пряжку за каменный забор. – А теперь беги, пока мы тебя не поколотили...

Царь секунду смотрел на гневные лица мальчишек, потом издал громкий крик и побежал через кусты виноградника.

Мальчишки со свистом и гиканьем кинулись за ним...

Суламита со счастливой улыбкой смотрела ему вслед и шептала слова, которые потом будут венчать одну из самых лучших песен в мире:

“Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических”.

Дворец царя Соломона. Трапезная. Утро

Утреннюю трапезу царя разделяли с ним его многочисленные сыновья, рожденные в его громком разноплеменном гареме.

Десятка два юношей разных возрастов – бледнолицых, темнокожих, рыжих, черноволосых – сидели за длинным мраморным столом по обе стороны от царя. Чуть поодаль, за отдельными столиками, приготовились писари со свитками папируса, ибо завтрак, по установленным царем правилам, посвящался не только приему пищи, но беседе с детьми и

правилам, посвящался не только приему пищи, но беседе с детьми и поучениям, которые потом становились притчами, нужными всем людям.

Из женщин к завтраку допускалась лишь мать Соломона, но к пище не прикасалась, и глаза ее были полузакрыты...

– Ну, вот... сыновья мои драгоценные... – произнес Соломон, и сразу за столом воцарилась тишина, а писари склонились над свитками. – Послушайте наставление отца и внимайте, чтобы научиться разуму, ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери моей...

Соломон чуть склонил голову в сторону Вирсавии, и юноши повторили его жест, оказав бабушке почтение.

– ...И отец говорил мне: да удержит сердце твое слова мои, храни заповеди мои и живи. Приобретай мудрость... Не оставляй ее, и она будет охранять тебя... И пусть мудрые наследуют славу, а глупые бесславие...

Соломон встал и начал двигаться вдоль длинного стола, обращаясь к каждому из сыновей и заглядывая каждому в глаза, словно проверяя, понимает ли тот значение слов.

– ...Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать это.

– Не говори другу твоему: “Пойди и приди опять, и завтра я дам”, когда имеешь при себе.

– Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою...

Юноша, к которому были обращены эти слова, кивнул в знак согласия и, повернувшись к одному из братьев, погрозил ему пальцем...

– Не будь лжесвидетелем на ближнего своего, – остановил его Соломон, – не говори: “Как он поступил со мною, так я поступлю с ним...”

– Я с ним никак не поступал. Он – лжец! – закричал тот, на кого указали, и вскочил, сжав кулаки. Сосед попытался его усадить...

Соломон насупился:

– Сядь, Елеазар! Начало ссоры – как прорыв воды, оставь ссору прежде, нежели разгорелась она... Благоразумие делает человека медленным на гнев, и слава для него – быть снисходительным к проступкам...

– Снисходительным?! – взволнованно продолжал вскочивший. – Отчего ж ты сам, о великий царь, не снисходителен к проступкам детей своих?!. И не твой ли гнев – причина моего вчерашнего наказания?

– Сядь!! – крикнул Соломон.

– Не могу! – сказал Елеазар и заплакал...

Соломон с удивлением смотрел на него.

Один из юношей, тот, что выглядел постарше других, пояснил:

– Сказано тобою: “Кто скупится на розги, тот не любит сына своего...” Эту мудрость он познал своей задницей...

Все засмеялись.

Соломон тоже печально улыбнулся.

– На разумного сильнее действует слово, чем на глупого сто ударов, – сказал Соломон. – И всякое познание мудрости есть благо. Ученая задница достойна скорее других сесть на трон.

Наступила тишина.

И даже Вирсавия чуть приоткрыла глаза...

– Сколько ударов претерпел ты, Елеазар? – спросил Соломон.

– Тридцать...

– Тридцать мгновений позволяют тебе восседать на моем троне...

Он сделал широкий жест, приглашая Елеазара занять опустевшее место.

Тот нерешительно пошел, сопровождаемый завистливыми взглядами братьев, приблизился к трону, потом влез на него и уселся, превозмогая

боль...

– Раз... Два... Три... – начал Соломон считать мгновения...

Лицо Елеазара выражало страдание и блаженство...

Сыновья возбужденно зашумели.

– Кто еще готов за такую плату поцарствовать? – спросил Соломон.

– Я!.. Я! – закричали сыновья и бросились к отцу, отталкивая друг друга.

– Готов снести сто ударов!

– А я двести!

– А я пятьсот!!!

Соломон в ужасе смотрел на обезумевших сыновей, потом тихо произнес:

– Много вижу достойных седалищ, но царством должна управлять голова! Мудрый сын слышит наставления отца своего, буйный не слышит и обличения. Ступайте прочь! Ибо гнев царя как рык льва, и горе тому, кто не распознает его вовремя...

Сыновья, оробев, пошли к выходу... Соломон жестом отослал вслед писарей и охрану.

Теперь они остались за столом вдвоем: мать и сын.

Не глядя на Вирсавию, царь стал молча есть и запивать пищу вином.

Вирсавия наблюдала за ним, и глаза ее были печальны...

Поев, Соломон вытер губы салфеткой и сказал:

– Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино, приготовила трапезу; послала слуг своих провозгласить: кто неразумен, обратись сюда! И скудоумному сказала: идите, ешьте хлеб мой, пейте вино, мною растворенное...

– Хватит, Соломон! – устало прервала его Вирсавия. – Хватит

– Хватит, Соломон! – устало прервала его Вирсавия. – Хватит премудростей, которых и я уже не понимаю... Говори не для вечности, говори для мамы... Для старой своей еврейской мамы, которая сидит напротив и у которой болит голова...

– Хорошо! – улыбнулся царь. – Что хочет услышать моя любимая еврейская мама?

– Зачем ты мучаешь мальчиков и меня тоже?

– Тебя?!

– Дети – руки женщины, внуки – пальцы... Заноза в пальце больней, чем в руке... Что ты хочешь от мальчиков, Соломон? Они не виноваты, что родились принцами, что в их жилах – царская кровь. Эта кровь закипает, когда речь заходит о троне. За что ж их мучить? Не притчи им нужны, а решение. Назови НАСЛЕДНИКА, остальные со смирением отступятся...

– Отступятся? – засмеялся Соломон. – Или вы забыли брата моего Адонию? Разве не преступил он волю нашего Давида? Разве не кончилось это кровью?.. Нет, ошибку совершил великий Давид, назначив меня при жизни преемником. Тем самым отвратил он от меня братьев моих!

– Ошибка Давида, – покачала головой Вирсавия, – не в том, что подарил тебе трон... Ошибка в том, что продолжал дарить новых братьев!.. Горе вашего рода в силе вашей петушиной, неуемной... И враг ваш болтается между ваших ног!

Соломон засмеялся...

– Он смеется, – покачала головой Вирсавия. – Давид тоже смеялся, когда я укоряла его... Но у Давида было двести жен, а у тебя – семьсот! Не много ли?

– Для мужчины много, – сказал Соломон и сразу стал серьезным. – Для царя Израиля – мало. Ибо не желание мое ведет число женам и не похоть умножает гарем... Семьсот жен у меня и триста наложниц, но зато сегодня ИЗРАИЛЬ НЕ ВЕДЕТ НИ ОДНОЙ ВОЙНЫ! Не на поле брани встречает врага царь израильский, а за свадебным столом... Нет войны ни с Египтом, ни с Вавилонией, ни с Ливаном, ни с филистимлянами... И дочери чужих царей в моих чертогах плодят мир и благоденствие народу моему. Разве

такие деяния не угодны Всевышнему?!

– Что угодно Всевышнему, ОН скажет тебе сам, – тихо произнесла Вирсавия. – Мне ОН лишь прошептал имя твое при рождении твоем – Иедидиа... Что значит – ЛЮБИМЕЦ БОГА. Пророками мне наказано хранить твое здоровье да оберегать от глупостей. Ибо мудрый Соломон мудр для всех, кроме матери своей.

– Разумеется! – улыбнулся Соломон. – Во всяком случае, не настолько глуп, чтобы спорить с ней по этому поводу...

– Так вот, – удовлетворенно сказала Вирсавия. – Когда дело идет о мире, я умолкаю и лишь мысленно молюсь о твоем здоровье... Но когда тебя влечет просто азарт игрока...

– Ты о царице Савской, мама?

– И о ней тоже... Хитра стерва и тщеславна, как все язычницы, возомнившие себя наследницами своих поганых богинь. Если она заимеет от тебя ребенка, всем моим внукам грозит беда!

– Она прибывает в Иерусалим лишь на переговоры. Я не собираюсь делить с ней ложе, мама...

– Семьсот раз я слышала эти слова, – усмехнулась Вирсавия. – И еще другие, которые стали притчами... “Кто прелюбодействует с женщиною, у того нет ума”. Кто это говорит? Мудрейший из мудрейших... А кто скакал козлом рано утром сегодня в винограднике вокруг сельской девчонки? Он же...

Лицо Соломона посуровело:

– Я не люблю, когда твои люди шпионят за мной! И если я узнаю имя наушника, он поплатится головой.

– Мои люди – твои люди. Ибо ты – царь над всеми, и твоя любовь – общее достояние. Когда ее делят не поровну, людям обидно... Кто эта девочка? Из какой семьи? Кому она поклоняется: Богу или идолам?

– Я не знаю, мама. Она чиста и прекрасна. Впрочем, я видел ее всего несколько мгновений...

несколько мгновений...

– И говоришь о ней так взволнованно, – Вирсавия недовольно покачала головой. – Больше всего боюсь любви с первого взгляда, ибо пути ее непознаваемы... Уж лучше займись царицей Савской...

– Мама, я сам все решу. Мне уже много лет, мама, ты забываешь...

– Я не считаю годы, которые ты прожил. Я думаю о тех, что у тебя впереди. А при такой жизни их будет не так много, сын... Ты не видишь, как шипит за твоей спиной твоя ассирийка Матфания? Как колдует амморианка Валда? А эта безумная дочь фараона Астис? Знаешь ли ты, какие радения она устраивает в храме Изиды? Какие кары на твою голову взывают ее жрецы?!

– Я не верю чужим богам, – сказал Соломон.

– Но разрешаешь им молиться... И сам ходишь в храмы язычников.

– Нельзя запрещать людям верить, в кого они хотят... Поклоняющиеся идолам сами обкрадывают душу свою. Я же хожу в их храм из любопытства. Нельзя ничего отвергать, не поняв и не увидев...

– Глупец! – неожиданно резко взвизгнула Вирсавия. – "Может ли кто ходить по горячим угольям, чтобы не обжечь ног своих?" Учишь детей премудростям, а сам босым ступаешь в огонь!

– Извини, мама, трапеза закончена, – сказал Соломон, встал из-за стола, пошел к выходу.

Вирсавия несколько секунд смотрела ему вслед, потом гневно крикнула:

– У тебя всегда не хватает времени для матери! Но помни, Соломон, измену с женщиной я прощу, измену Богу Нашему – никогда!! И первая, кто проклянет тебя, будет твоя старая еврейская мама!!

Соломон резко обернулся, секунду внимательно смотрел на мать, потом молча вышел...

Оставшись одна, Вирсавия обхватила голову руками, запричитала, раскачиваясь:

“Буду славить Тебя, Господи, всем сердцем моим, возвещать все чудеса Твои;

Буду радоваться и торжествовать о Тебе, петь имени Твоему, Всевышний. Когда враги мои обращены назад, то преткнутся и погибнут пред лицем Твоим...”

Это было начало ее любимого девятого псалма Давида, и никто из слуг не решался войти в залу, пока царица-мать не закончит молитву...

Иерусалим. Стены храма. День

Шел седьмой год с того дня, когда царь Соломон начал строительство великого Храма Господня на горе Мориа в Иерусалиме, и работы шли к концу, хотя множество людей еще денно и нощно трудились у стен храма под строгим надзором приставников и главного над ним, хромого и мрачного человека по имени Азария.

Он и сейчас был здесь, командуя разгрузкой нескольких огромных возов, с которых грузчики стаскивали тяжелые кедровые бревна, привезенные из Ливана.

Солнце палило немилосердно, пот лил градом с лиц работавших, жесткая кора деревьев царапала в кровь их руки и плечи, но работа не затихала ни на секунду. За малейшую провинность или передышку следовал удар бича надсмотрщика, и глаза Азарии, полуприкрытые тяжелыми веками, видели все...

Видел Азария и седовласого старика в рубище, который стоял на возвышении и, простирая руки к небу, громко выкрикивал:

– ...ТЫ отринул народ Твой, ибо многое переняли они у Востока...

И наполнилась земля его serебром и золотом, и нет числа сокровищам его!

И наполнилась земля его идолами, они поклоняются делу рук своих, тому, что сделали персты их...

И ТЫ не простишь!

Старик вдруг подбежал к грузчикам и закричал, обращаясь к ним:

Старик вдруг подбежал к грузчикам и закричал, обращаясь к ним:

– Идите в скалу, сокройтесь в землю от страха Господа и от славы величия Его!

Один из тащивших бревно вздрогнул, оступился... Бревно скользнуло вниз, раздирая кожу...

Раздался истошный крик.

Несчастного грузчика окружили, пытаясь помочь...

Азария недовольно повернул голову к надсмотрщикам, сделал повелительный жест. Те начали бичами разгонять столпившихся людей.

Седовласый старик бросился защищать строителей, истошно крича:

– Грядет день Господа Саваофа на все гордое и высокомерное! И на кедры Ливанские!!! И на все дубы Весанские... И на корабли Фарсийские... И на дары Савские! И падет величие человеческое! И один Господь будет высок в тот день!

Старика оттолкнули, он упал на землю, но продолжал что-то выкрикивать...

Азария равнодушно наблюдал за этой сценой...

– ЧТО ОН СКАЗАЛ ПРО ДАРЫ САВСКИЕ?

Азария оглянулся.

Несколько всадников в костюмах бедуинов остановились на холме и наблюдали сверху за строительством храма.

– Так что этот несчастный сказал про дары Савские? – повторил свой вопрос один из бедуинов – стройный юноша в дорогом белом одеянии.

Азария равнодушно пожал плечами.

– Встань и отвечай, когда тебя спрашивают! – строго прикрикнул один из всадников.

Азария неохотно поднялся.

– Я – визирь великой царицы Савской! – сказал юноша. – Я привез от нее дары царю Соломону... А вместо благодарности слышу проклятья!

– Зачем слушать, – усмехнулся Азария.

– Люди слушают, – юноша указал на рабочих.

– Люди глупы, – сказал Азария. – Люди верят, что этот старик – пророк.

– А ты?

– Я не слушаю. Я приставлен смотреть...

– И что ж он пророчествует?

– Что скоро придет день Суда Господа Нашего... И все мы будем наказаны. А храм будет разрушен...

– Какой храм?

– Который мы строим...

Бедуины засмеялись.

– Гони его прочь! – сказал один из всадников. – Глупо строить то, что вскоре будет разрушено! Гони!

– Не могу, – сказал Азария. – Царь Соломон разрешил ему пророчествовать здесь.

– Но он мешает работе...

– Зато делает ее осмысленной! Так сказал Соломон.

– Ничего не понимаю, – честно признался один из всадников.

– Я тоже, – вздохнул Азария. – Наверное, поэтому я – всего лишь надсмотрщик, ты – всего лишь всадник... Он – всего лишь визирь! А мудрому царю Соломону нет равных под солнцем.

– Попридержи язык! – сердито крикнул один из всадников и хотел направить коня на Азарию, но юноша-визирь жестом остановил его.

– Приведи этого пророка, – сказал юноша и кинул Азарии кошель с деньгами. – Пусть он и мне предскажет будущее...

Азария неожиданно быстро и ловко поймал кошель, проверил его на ощупь. Потом понюхал... Потом послушал, как звенят монеты.

Юноша с любопытством наблюдал за ним.

– Что ты делаешь? – усмехнулся один из бедуинов.

– Размышляю, – сказал Азария. – Царь учит нас всех размышлять перед поступком... – Он позвенел кошельком. – Для простого посыльного – здесь много. Для старшего надсмотрщика, каковым я являюсь, – слишком мало...

– Сходи как “старший посыльный”, – улыбнулся юноша.

– Разумно, – сказал Азария, и на его угрюмом лице на мгновение промелькнуло подобие усмешки. – Видишь, о юный визирь, как ты мудреешь прямо на глазах!

Он спрятал кошель и спустился с пригорка к старику. Тот продолжал что-то выкрикивать и не слушал Азарию, который пытался ему объяснить цель своего прихода.

Старик глянул на юношу, затем что-то сказал Азарии, отчего тот засмеялся и, безнадежно махнув рукой, направился обратно...

– И оголит Господь темя дочерей Сиона, и обнажит срамоту их! – закричал ему вслед старик. – И отнимет цепочки на ногах и ожерелья...

Азария приблизился к юноше-визирю и протянул ему кошель:

– Возьми свои деньги, визирь! Он не хочет идти... Не хочет предсказывать... Не хочет денег... Ничего не хочет. Я же говорил, это – сумасшедший.

– Что он сказал? – нервно спросил юноша. – Я же видел, он что-то сказал...

– Что он мог сказать? – пожал плечами Азария. – В далеком будущем тебя ждет Страшный суд. Впрочем, как и всех нас, и это – не новость. А в ближайшем будущем... – Азария замялся, – ...только не гневайся, о визирь... Это он сказал... Я тут ни при чем...

– Да говори же! – закричал юноша.

– В ближайшем будущем, – начал говорить Азария, с трудом сдерживая смех, – этот безумец сказал... что... ты... СТАНЕШЬ ЖЕНЩИНОЙ!

Юноша изумленно вскинул брови, посуровел, резко хлестнул коня и умчался прочь, сопровождаемый всадниками.

Азария некоторое время смотрел им вслед, потом на кошелек, оставшийся у него в руках, потом, поразмышляв, спрятал кошелек за пояс...

Всадники в костюмах бедуинов отъехали на солидное расстояние, резко остановились.

Юноша оглядел своих спутников, затем громко рассмеялся, сорвал с головы белое покрывало... и оказался молодой красивой женщиной.

– Какие невоспитанные люди живут в Иудее! – воскликнул один из всадников. – Я еле сдержался, чтобы не исхлестать плетью этого невежду. Надеюсь, он не обидел тебя, о великая царица?

– Ничуть! – сказала царица Савская и вновь рассмеялась. – Ведь он сказал правду! Однако если в Иудее такие безумцы, каковы же здесь должны быть мудрецы?..

Зал царского дворца. День

В этом зале Соломон исполнял одну из главнейших царских обязанностей – разбирал судебные тяжбы.

Множество колонн поддерживали расписной потолок судилища, шесть мраморных ступеней вели к подножию трона из слоновой кости, на котором восседал царь. Одет он был ввиду торжественности процедуры в алый хитон, а голову украшал узкий золотой венец с крупными бериллами – камнями, дарящими ясность мысли...

Чуть поодаль стоял трон Вирсавии, и царица-мать сидела там, как обычно, полузакрыв глаза...

Зал был полон разношерстной публики, гости в богатых одеждах теснились рядом с оборванцами, ибо на Соломонов суд допускался каждый, кто искал справедливости.

Несколько воинов и телохранителей Соломона стояли вдоль стен и напряженно вглядывались в лица собравшихся. Старшим над ними был сегодня чернокудрый юноша по имени Элиав – внук Ванея, старейшего военачальника.

Первыми перед царем предстали старый купец-ассириец и его темнокожий слуга-эфиоп. Суть дела изложил эфиоп:

– О, великий царь!.. Хозяин обманывает бедный эфиоп... Вместе мы шли, вместе нашли кувшин с золотом... Сто монет. Хозяин сказал: половина отдам. Недель прошел – не отдает.

Соломон перевел взгляд на ассирийца. Тот слушал эфиопа с усмешкой, опершись на большую резную трость.

– Все – ложь, великий царь! – сказал ассириец. – Отдал я ему половину денег. Отдал при свидетелях.

– Кто свидетели?

– Жена...

– Не разрешено, – сказал Соломон. – Жена ни в пользу мужа, ни против свидетельствовать не может.

– Тогда, кроме богов, у меня нет свидетелей.

– Кто твои боги?

– Астарта и Ваал.

– Хорошо, – сказал Соломон. – Клянись им при всех. Сейчас! Но помни, язычник, если солжешь – то Ваал испепелит тебя огнем, а Астарта возьмет в жертву детей твоих...

Ассириец вздрогнул, с ненавистью посмотрел на эфиопа:

– Из-за тебя, дурака, искушаю богов небесных... – Он даже замахнулся тростью на слугу, но, поймав строгий взгляд Соломона, сдержался, швырнул трость под ноги эфиопу: – Подними!

Испуганный эфиоп поднял трость.

Ассириец достал из-за пазухи две маленькие золотые фигурки идолов, поставил их на ступеньку и задвигался, закружил вокруг них, запричитал:

– О, Ваал, бог солнца, и ты, великая Астарта, богиня ночи... Свидетельствуйте в мою защиту... Отдал я деньги... Под взглядом вашим неусыпным отдал... А если не так, то пусть гнев ваш падет на мою седую голову и кровь моя утолит вашу жажду...

Он начал в истерике царапать свое лицо, потом упал на пол и задрожал в конвульсиях.

Соломон внимательно наблюдал за ним.

– Остановись! – наконец произнес царь, и ассириец послушно затих. – Ты сказал правду, но ты нечестен!

Он поманил к себе эфиопа. Тот послушно подошел к царю. Царь взял из рук эфиопа трость, оглядел ее.

– Тебе отдали деньги, – с улыбкой сказал царь и разломил трость пополам.

Золотые монеты со звоном посыпались на пол. Эфиоп с изумлением уставился на них.

– Собери, они твои! – сказал царь. – А трость пусть вернется к хитрому купцу... Ударом – за каждую спрятанную монету!

Царь кинул обломки трости одному из воинов. Двое других подхватили под руки упирающегося ассирийца и, сопровождаемые одобрительными возгласами публики, вынесли его из зала...

И тогда место на ступенях, ведущих к трону, заняла бедно одетая женщина

с глиняной чашей в руках. Лицо ее было темно от печали, глаза заплаканы.

– Я ищу справедливости, царь! – сказала она. – Много бед свалилось на меня... Умер мой муж. Каменщик... Заболели дети... А сегодня на последние два динария я купила вот эту чашу муки и понесла домой. Но вдруг подул сильный ветер и развеял муку... Денег нет, а дети голодные...

– И кого ты винишь, женщина?

– Не знаю, – вздохнула вдова. – Если Бог наслал ветер – пусть платит, если это – проделка Дьявола, пусть он вернет муку или деньги. А к тебе, царь, я пришла потому, что ты мудр.

– Не знаю, мудр ли я настолько, чтобы отвечать за все, что происходит под небом? – улыбнулся царь. – Подожди моего решения, женщина, я должен подумать.

Вдова сошла со ступенек и встала в толпе, ожидая решения своего дела.

Затем на ступеньку поднялся бородатый мужчина с маленьким свертком в руках.

– Меня зовут Адонирам, – сказал мужчина. – Я – сборщик податей. И в моем ведении твои виноградники, что на склонах горы Ватн-эль-Хав, где ты любишь гулять в одиночестве, о великий царь!

– Я знаю, где мои виноградники, – строго заметил Соломон. – Переходи к делу!

– Прости, что занимаю драгоценное время, – сказал Адонирам, – но от твоего слова зависит судьба одной девочки... Она работает на виноградниках. И у нее в руках я сегодня увидел вот такую вещицу...

Адонирам развернул сверток и показал всем скрепку из темно-зеленого золота в форме свернувшегося крокодила.

Соломон напрягся и чуть скосил глаз в сторону трона, где сидела мать. Но Вирсавия, казалось, дремала и не обращала внимания на происходящее.

– Это – дорогая скрепка из чистого золота, – продолжал Адонирам, – она достойна царского туалета. И я подумал, не обронил ли ты ее случайно? И

достойна царского туалета. И я подумал, не обронил ли ты ее случайно? И если это так, то девочка обязана ее вернуть.

– А что говорит девочка? – спросил царь. – Ведь я мог и подарить ей эту безделушку.

– Конечно, конечно, – забормотал Адонирам. – Великий царь волен кого угодно награждать подарками... Но в том-то и дело, что девочка говорит, будто скрепку ей подарил не великий царь, а кто-то из его охранников по имени... Соломон. Я спросил Элиава, начальника стражи, и он мне сказал, что человека с таким именем нет среди охранников.

Царь повернулся к Элиаву, и тот кивком головы подтвердил слова Адонирама.

– Следовательно, – продолжал Адонирам, – либо девчонка врет, и тогда ее место в тюрьме, либо при твоем дворце появился самозванец, и поэтому я, верный слуга царя, посчитал своей обязанностью...

– Где девочка? – резко прервал его Соломон.

– Здесь пока... – Адонирам сделал жест, и его слуги вывели из толпы Суламиту.

Она была бледна, дрожала и боялась поднять взгляд на царя.

Толпа зашептала, разглядывая девушку.

Даже Вирсавия открыла глаза и посмотрела на Суламиту с нескрываемым любопытством.

– Как тебя зовут? – спросил царь.

– Суламита! – сказала девушка.

– А того, кто подарил тебе эту скрепку?

– Соломон... Но он дал это не мне, а братьям... Они бросили, я подняла. Потому что мне очень дорога память о нем... О Соломоне.

– Он похож на меня? – спросил царь.

– Не знаю, – тихо сказала Суламита и посмотрела в лицо царю. – Наверное... Трудно сказать... Ты далеко на троне, он был рядом.

– Так, может, это и был я? – улыбнулся Соломон.

– Нет, – твердо сказала Суламита. – Он сказал, что он из свиты царя, что он – твой телохранитель...

– А ты не допускаешь, девочка, что царь мог пошутить? – неожиданно громко спросила Вирсавия.

Соломон, вздрогнув, недовольно посмотрел на мать, потом повернулся к Суламите.

– Конечно... – медленно произнесла Суламита. – ...Царь мог пошутить. Но тот, с кем я была сегодня утром... ОН НЕ МОГ СОЛГАТЬ!

Соломон встал с трона, взял из рук Адонирама золотую скрепку и передал ее Суламите:

– Возьми, Суламита! Это – подарено тебе, и никого не слушай! Влюбленные всегда говорят правду, даже если постороннему она кажется невероятной! – Он повернулся и добавил, обращаясь ко всем: – Да! У меня есть телохранитель, которого зовут Соломон... И он похож на меня... И об этом не все обязаны знать... Даже моя глубокоуважаемая мама! – Соломон склонил голову перед Вирсавией, и она, недовольно фыркнув, закрыла глаза.

– Ты же, Адонирам, будь осмотрительней в своих подозрениях! – добавил Соломон, обратившись к сборщику податей. – Умеешь подглядывать, умей и видеть суть... Иначе есть опасность ослепнуть!

– Я не подглядывал, о великий царь! – забормотал испуганно Адонирам. – Да и что можно было увидеть в винограднике. Сегодня с утра был такой ветер...

– Ветер! – засмеялся Соломон. – Ну, конечно... Как я мог забыть про ветер? С него-то все и началось!.. Где эта несчастная вдова каменщика?..

– Я здесь, царь! – Вдова вышла из толпы.

– А есть ли здесь в зале купцы, чьи корабли отплыли сегодня из Иаффы?

– Есть, о великий царь! – Двое купцов вышли из зала и подошли к ступеням, ведущим к трону. – Наши корабли с товарами отплыли сегодня в Финикию.

– Молили ли вы небо, чтоб оно даровало кораблям попутный ветер?

– Да, царь! Мы принесли жертву своим богам, и ветер с утра надул паруса...

– Но тот же ветер развеял всю муку у бедной женщины! – сказал царь, указав на вдову каменщика. – Разве не будет справедливо возместить ее потерю в счет вашей удачи?

– Конечно! Справедливо! – зашумели зрители, а купцы поспешно высыпали свои кошельки в глиняную чашу вдовы.

– И от меня получи! – весело крикнул какой-то человек, бросая вдове деньги. – У меня – мельница. И ветер с утра помог мне намолоть много муки...

– И от меня – подарок! – сказал царь Соломон и, сняв с пальца один из перстней, бросил на блюдо вдове. – Сегодня ветер с утра подсказал мне прекрасные слова... “Поднимись ветер с севера, повей с юга, повей на сад мой, – и польются ароматы его...” Я запишу их на папирусе и назову... Я еще не знаю как... Может быть, “Песнь песней”... – Он повернулся к Суламите, пристально смотревшей на него, и добавил: – Ступай домой, Суламита! Твой возлюбленный придет к тебе, раз пообещал... Твой возлюбленный лучше тысячи других... Голова его – чистое золото... кудри его волнистые... Глаза его как голуби при потоках вод...

– Да... Да... – зашептала Суламита, как завороженная слушая слова царя, и вдруг продолжила: – Щеки его – цветник ароматный... Губы его – лилии, источающие мирру... Уста его – сладость!

– Ну, хорошо... Суд, насколько я понимаю, закончился, – проворчала Вирсавия и, тяжело поднявшись с трона, первой пошла к выходу...

Толпа в зале расступилась перед вдовой Давида. Люди почтительно кланялись, пытались прикоснуться к краю ее одежды, поцеловать руки

кланялись, пытались прикоснуться к краю ее одежды, поцеловать руку...

Вирсавия привычно и спокойно принимала эти знаки поклонения.

Неожиданно на ее пути возникла царица Савская, одетая все в тот же костюм бедуина.

Они посмотрели в упор друг на друга. Вирсавия ощутила нечто дерзкое в этом взгляде и остановилась.

Потом она величественно протянула “юноше” руку для поцелуя.

Царица Савская резко отпрянула, беспомощно оглянулась на своих охранников, словно ища поддержки.

– Не бойся, Балкис! – тихо сказала Вирсавия, назвав тем самым царицу Савскую по имени. – Я – старуха, и, оказав мне почтение, ты ничем себя не унизишь...

Царица Савская густо покраснела, нервно и быстро чмокнула протянутую руку Вирсавии, затем стремительно бросилась вон из зала суда.

За ней поспешила свита охранников-бедуинов...

Храм Изиды. Вечер

Храм языческой богини Изиды размещался на склоне одного из холмов Иерусалима. Когда-то жертвенник стоял просто в одной из пещер, но после того как храму стала покровительствовать жена Соломона, дочь египетского фараона Астис, храм разросся: у него появился наружный двор с четырехсторонней колоннадой. И бывшая пещера превратилась в лабиринт залов, отделанных гранитными плитами и украшенными изваяниями и символами многочисленных богов египтян: Себах-крокодил, Бает – кошка, приготовившаяся к прыжку, Шу – лев с поднятой лапой и др. Особо был разукрашен подъем к алтарю самой Изиды. Здесь находилась огромная чаша для пожертвований и священный каменный нож для пролития крови, ибо иных пожертвований богиня не принимала...

Несколько жрецов-кастратов, безусых, безбородых и бритоголовых, как того требовала традиция, готовили храм к предстоящим мистериям в честь Озириса и Изиды: зажигали светильники, заставляли дымиться

специальные кадильницы с благовониями, расставляли фигурки божков с таинственными символами и священными изображениями Фаллоса, которому надлежало венчать любую из мистерий...

Царица Астис возлежала в одном из своих потайных покоев. Одета она была в узкие, плотно облегающие ее пышные формы, шелковые одежды. Лицо было сильно нарумянено и набелено, глаза резко обведены тушью и фосфоресцирующими красками, отчего они увеличивались в размерах и по-кошачьи светились в полумраке...

Один из жрецов-кастратов раскуривал замысловатый кальян, другой опахалом подгонял к царице облачко терпкого голубоватого дымка, заставлявшего нервно и чувственно вздрагивать ее ноздри...

У ног ее смиренно стоял Элиав, стражник Соломона, и жадно пожирал глазами тело царицы...

– Ну, с чем пришел, Элиав? – спросила Астис, жадно вдохнув дым.

– Разреши мне побывать на тайнодействии в честь Озириса, – сказал Элиав.

– Вот как? – улыбнулась Астис. – И что ж ты желаешь обрести на этом таинстве?..

– Тебя, Астис! – просто, по-военному четко сказал Элиав и даже протянул руку, чтобы коснуться царицы, но кастрат шлепнул его веером по руке.

– Меня? – засмеялась Астис. – Да знаешь ли ты, несчастный, что в молениях Озирису нельзя возжелать кого-то отдельно?.. Ты соединишься со мной, но кто-то овладеет тобой... А все вместе – мы лишь части огромного тела нашего божества, который, в свою очередь, ищет тело своей единоутробной сестры Изиды... Впрочем, вам, евреям, это не понять! Верите в своего бестелесного невидимого Бога, которому не дано быть ни изображенным, ни даже названным по имени...

– Все равно – хочу! – тупо настаивал Элиав. – Пусть меня поимеют хоть сто неверных. Пусти меня, Астис!

– А не боишься, что Соломон узнает и выгонит тебя со службы?

– Мне все равно.

– А мне – нет! – строго сказала Астис. – Я хочу, чтоб в свите моего мужа были верные мне люди... Ты ведь верен мне, Элиав? Верен?! – Она погладила его по бедру и, когда он страстно застонал, смеясь, убрала руку. – А что это за девочка, которую он допрашивал в суде? Ты был там?

– Да.

– Ее зовут Суламита?

– Не помню.

– Она хороша собой?

– Для меня – не очень. А для царя – хороша, раз подарил он ей золотого крокодила...

– Знак Себаха?! – Астис в гневе даже привстала на ложе. – Подарок моего отца, великого фараона, он дарит первой встречной девке?!

– Что для него золото? – вздохнул Элиав. – Если он не ценит такой алмаз, как ты...

Астис поднялась, жадно припала к кальяну, вдыхая наркотическое снадобье и впадая в транс...

– Я не хочу, чтоб они виделись! – наконец произнесла она. – Ты понял, Элиав? Не хочу! Сделай это, и я разрешу тебе соединиться со мной в теле божества моего... А теперь уходи! И вы тоже! – закричала она жрецам.

Те послушно, склонясь в поклонах, вышли из комнаты царицы и вытолкали упиравшегося Элиава.

Оставшись одна, Астис, как взбешенная пантера, начала расхаживать по комнате, что-то бормоча и изрыгая проклятья.

Потом она резко отодвинула занавес, и открылось углубление в стене, в котором стояли две обнаженные фигуры Озириса и Изиды, выполненные в человеческий рост.

– О, бог мой, Озирис! – страстно зашептала Астис, обняв фигуру Озириса и покрывая его поцелуями. – Избавь меня от этого злого наважденья! Дай мне забыть мужа моего, изменяющего мне, а значит, неверного в теле... Возьми меня, Озирис! Войди в мое лоно, о бог мой, и заполни меня всю без остатка...

Она опрокинула скульптуру Озириса и, нервно смеясь, навалилась на нее сверху...

Жрецы храма Изиды прислушивались к страстному дыханию и стонам, доносившимся из потайной комнаты царицы, и благоговейно молились...

Иерусалим. Вечер

Торжественный въезд караванов царицы Савской состоялся на закате солнца, когда белокаменный Иерусалим особенно красив и величествен.

Толпы горожан вышли встречать именитых гостей, и сам царь Соломон стоял на возвышении у городских ворот, окруженный приближенными.

Во главе процессии шли верблюды в золотых сбруях с поклажей даров, за ними – мулы с золотыми бубенчиками, спины которых прикрывали дорогие ковры. И только потом медленно двигались всадники в нарядных белых и голубых одеждах...

А справа и слева от всадников чернокожие рабы вели на шелковых ошейниках ручных тигров и барсов, несли серебряные клетки с обезьянами, экзотическими зверьками и птицами.

Горожане восторженно шумели, а звуки труб, грохот барабанов и бубнов подчеркивали праздничность момента.

Сама царица Савская восседала на импровизированном троне, стоявшем на украшенном помосте, который, в свою очередь, держали десять воинов на высоко поднятых руках.

Помост остановился перед возвышением, на котором стоял Соломон, царица чуть наклонила голову в приветственном поклоне, и тогда царь вежливо сбежал к ней навстречу, протянул руку и помог спуститься на землю.

Толпа заревела от восторга, а трубы, барабаны и бубны создали ту праздничную какофонию, когда слова уже не слышны да и не очень нужны.

Поэтому царь жестом пригласил царицу Савскую занять с ним рядом место на возвышении и оттуда наблюдать за движением каравана.

Царица улыбнулась Соломону, и они первый раз глянули друг другу в лицо, после чего между ними возник не слышимый для остальных диалог...

– Привет!

– Привет!

– Рад приветствовать тебя, Балкис, на земле Иудеи.

– Я уже здесь несколько дней. И не делай вид, что не знал об этом.

– Знал... Заметил тебя в суде. Красивый юный бедуин...

– Интересно, меня выдало мужское платье или возраст?

– Глаза. Слишком умны для юноши, слишком прекрасны для мужчины.

– Надо было переодеться старухой.

– Зачем тебе все это?

– Хотела убедиться, так ли ты мудр, как об этом рассказывают?

– Ну и как?

– В общем, довольна. Но несколько загадок тебе еще придется разгадать, Соломон.

– Буду рад, если не разочарую...

Проходившие всадники издали гортанный крик и по команде взметнули копья в знак приветствия.

Соломон и царица Савская помахали им руками, переглянулись и

продолжили молчаливый диалог...

– Я привезла тебе много даров. Золото. Ткани. Красное дерево для отделки храма...

– Чем смогу отблагодарить?

– Может быть, подаришь наследника? Говорят, мальчики у тебя неплохо получаются?..

– Пожалуй...

– Только не думай, что я готова стать семьсот первой женой.

– Разумеется, Балкис. С тебя начнем новый счет.

– Никакого расчета. Даже государственные соображения не заставят меня лечь под нелюбимого мужчину...

– Но иного способа природа не придумала...

– Это – первая загадка, Соломон, которую придется отгадать.

Соломон удивленно посмотрел на царицу Савскую, но та даже не повернула к нему головы.

Она смотрела в толпу проходивших мимо горожан.

Соломон проследил за ее взглядом и вздрогнул: внизу, вместе с горожанами, в окружении братьев шла Суламита и смотрела на царя, чуть прикрыв ладонью глаза от солнца...

– Она тебе очень нравится? – мысленно спросила царица Савская.

– Что бы я ни ответил тебе на словах, по моему лицу ты все поняла...

– Придешь к ней сегодня ночью?

– Нет.

– Если из-за меня, то я отпускаю тебя, Соломон...

– Ты у меня в гостях, Балкис... И правила гостеприимства не позволяют оставлять тебя в одиночестве...

– Не заставляй меня усомниться в твоей мудрости, Соломон! Жалость обижает царицу больнее, чем непочтительность... Ты свободен сегодня вечером и ночью... Я устала и должна отдохнуть! Отпускаю тебя и благословляю!!

Соломон повернулся к царице:

– Как ты щедра и прекрасна! Можно мне обнять тебя, великая царица Савская?!

– Конечно, – улыбнулась та. – Народ заждался проявления наших чувств!

Они обнялись и расцеловались, чем вызвали всплеск ликования толпы...

Солнце опустилось за стену городских ворот, и Иерусалим начал быстро погружаться во тьму...

Оперный дом

Заявка на представление в 2 частях для оперного и драматического театров

Сначала Горин работал над “Оперным домом” для необычного режиссерского тандема Анатолий Васильев – Марк Захаров. Музыку писал Алексей Рыбников. Спектакль предполагалось выпустить в сезон 1998/99. Музыка была написана и даже прозвучала на вечере в Доме звукозаписи, во время которого драматург читал свою заявку. И это имело успех. К сожалению, после смерти драматурга его замысел так и не был осуществлен.

Действующие лица:

Максимка – мальчик лет 10-12 (первая картина).

Максим – музыкант-подросток 15 лет (вторая картина).

Максим Созонтович Березовский – композитор (20-30 лет).

Елизавета Петровна – императрица (40 лет).

Петр Федорович – принц Голштинский, затем император Петр III (30 лет).

Екатерина Алексеевна – принцесса Анхальт, затем императрица Екатерина II (30 лет).

Маэстро Арайя – итальянский композитор (50 лет).

Гетман, граф Разумовский – 45 лет.

Алексей Орлов – сподвижник Екатерины, граф (40 лет).

Григорий Орлов – его брат (30 лет).

Елизавета – она же “Княжна Тараканова” (25 лет).

Моцарт – мальчик-музыкант (12-15 лет).

Девочка Элиза – балерина (13 лет).

Офицер Тайной канцелярии (20 лет).

Солдаты, слуги, гости, персонажи итальянских опер, балетная группа и т. п. Камерный хор. Хор мальчиков.

Пролог

Современный маэстро-композитор сочиняет музыку. Сочинение идет мучительно. Маэстро страдает, молится, ждет “божественного откровения” новой темы. Появляется Чертекто – странный посланник неизвестного издательства с заказом – вспомнить, а вернее, сочинить музыку XVIII века, первую в России, сочиненную другим, но утерянную. Есть только обрывки нот... Маэстро нехотя соглашается. Звучит увертюра.

Маэстро понимает, что для сочинения всей музыки придется вспомнить трагическую судьбу первого русского композитора и как бы прожить его жизнь. Так в его сознании возникает некая опера.

Часть первая

Картина первая

Середина XVIII века. Санкт-Петербург. Время царствования императрицы Елизаветы Петровны.

Празднества в Петродворце – “иллюминации и фейерверки”, затем музыкальное действо с участием актеров итальянской оперы. (Отрывок из модных в то время “опер-сериа” композитора Франческо Арайи на традиционные мифологические сюжеты.)

Представлению с удовольствием внимают сама Елизавета Петровна, ее племянник, наследный принц Голштинский (будущий русский царь Петр III) и его жена, принцесса Анхальт Цербская (впоследствии русская императрица Екатерина II).

Особо восторженно слушает принц Голштинский. Он с детства увлечен музыкой (хотя, по едкому замечанию жены, “ему медведь не токмо крепко на ухо наступил когда-то, но и по сию пору на нем стоит...”. Несмотря на это, принц мечтает построить в России специальный театр “Оперный дом”, пригласить туда множество музыкантов и хористов из Италии и посему просит царствующую тетушку выделить средства на сие благородное начинание. Елизавета Петровна замечает, что “итальянцы – весьма дорогой товарец”, но если поискать, то и в пределах огромной Российской империи тоже можно сыскать отменных певцов и музыкантов. Особо их много в Малороссии, откуда украинский гетман граф Разумовский как раз привез юных певчих для пополнения придворного хора.

Появляется граф Разумовский и выводит группу украинских мальчиков. Они исполняют несколько псалмов. Особо красивым голосом и абсолютным слухом выделяется юный хлопчик по имени Максим Березовский (по забавному совпадению родившийся в городке с названием Глухов).

Императрица в восторге. Она одаряет мальчишек сладостями и просит присутствующего здесь же главного капельмейстера, композитора Арайю, сочинить оперу к весенним царским празднествам (тема – “Парис и три женщины”), причем дать заглавную роль Париса этому талантливому мальчишке. Маэстро Арайя тоже восхищен голосом Максима, но напоминает высокопоставленным гостям, что красивый голос у мальчиков переходного возраста может внезапно “сломаться”, посему и приглашаются на подобные роли кастраты, а ежели есть желание сделать и из Максима настоящего сопраниста, то и с ним надобно будет произвести

эту весьма болезненную процедуру. Императрица в сомнениях. Принц же в восторге от такой идеи и просит графа Разумовского “подарить столь пустяшную частичку его питомца вокализным искусствам”. Разумовский соглашается. Его щедрость вызывает одобрение высокопоставленных особ. Лишь Екатерина возмущена подобной жестокостью, но к ее мнению пока никто не прислушивается. Сам же Максим, не подозревающий о возможных превратностях своей судьбы, по просьбе гетмана Разумовского беззаботно поет веселую украинскую песенку.

Картина вторая

В одном из флигелей царского увеселительного дворца в Ораниенбауме под Петербургом (ныне город Ломоносов) проходят занятия певчих хористов. Рядом – танцклассы, где обучаются юные балерины.

Так происходит встреча Максима Березовского и “танцевальной девочки” по имени Элиза, привезенной родителями-музыкантами в Россию. Плохое знание русского языка (она – австриячка, он – украинец) заставило их изъясняться на языке музыки и танца. Таким изящным способом они как-то могут поведать друг другу о себе: она “танцует” ему рассказ о прекрасном городе Вене, он, достав ноты, играет для нее на флейте мелодию песенки о далеком городке Глухове... В разгар этой лирической сцены появляется Екатерина. Ей нравится мелодия, сыгранная Максимом. Она обещает сделать его музыкантом, отдав на учение в оркестр. Но тут появляется принц Голштинский. С ним слуги и лекарь. Принц сообщает, что пришла пора делать из Максима “сопраниста”. Максим умоляет не лишать его мужского достоинства. Принц непреклонен.

Екатерина Алексеевна заступается за мальчика. Она видит в нем будущего музыканта. Принц настаивает, что главный талант Березовского – голос.

Возникает жаркий спор. Его разрешает появившийся маэстро Арайя.

Взглянув на ноты, по которым играл мальчик, он спрашивает, кто их автор. Узнав, что это сочинение самого Максима, маэстро приходит в восторг и предрекает Березовскому великое будущее на ниве композиторского искусства.

Картина третья

1762 год. Начало царствования императора Петра III. Завершено строительство “Оперного дома”. Идет подготовка к летним царским празднествам. Репетируется опера на античный сюжет “Аполлон и Афина”. У дирижерского пульта – итальянский капельмейстер. Роль Аполлона исполняет сам император Петр III, аккомпанируя себе на скрипке. Репетиция не клеится, скрипка звучит фальшиво, но Петр во всем обвиняет нерадивых оркестрантов и бездарного итальянца, который к тому же не понимает ни по-русски, ни по-немецки. Присутствующая здесь же Екатерина Алексеевна (она репетирует роль богини мудрости Афины) пытается успокоить супруга и предлагает пригласить к пульту русского капельмейстера. Появляется повзрослевший Максим Березовский. Репетиция начинается вновь и вновь прерывается из-за ссоры между Аполлоном и Афиной, трактующих по-разному одну из сцен оперы. Император Петр разгневан. Он требует, чтобы опера, как и все в России, подчинялась его воле и развивалась по его царскому сюжету. Швырнув супруге партитуру, Петр удаляется... Появляются офицеры из свиты Екатерины. Среди них – братья Орловы, Алексей и Григорий. Алексей Орлов призывает военных к свержению ненавистного “царя гольштинского” и предлагает занять российский трон Екатерине Алексеевне. Екатерина в сомнениях. Испуганные музыканты хотят разбежаться в предчувствии кровавых дворцовых событий.

Тогда Алексей Орлов приказывает капельмейстеру Березовскому продолжить репетицию.

Капельмейстер раскрывает новую незнакомую партитуру, послушно взмахивает палочкой... Звучит тревожная музыка. Слуги вывозят на колеснице Аполлона – Петра. Ему навстречу переодетые гвардейцы выносят на троне богиню мудрости Афину – Палладу. Вокальный дуэт, спор богов о том, к кому благосклонней Зевс – к изящным искусствам или к мудрости. Зевс отвечает им громом с небес. Гром перерастает в пушечную пальбу. Офицеры набрасываются на охрану “слуг Аполлона”, сам Аполлон “свергается с Олимпа”.

Мудрая Афина коронуется под именем Екатерины II.

Взволнованная царица благодарит своих подданных, обещает всех щедро наградить. Она дарит графские титулы братьям Орловым. Она готова выполнить и любое желание Березовского, например назначить его главным капельмейстером или первым придворным композитором.

главным капельмейстером или первым придворным композитором...

Ответ Максима несколько озадачивает императрицу. Он просит никем себя не назначать, ибо художник должен быть свободным, а в искусстве серьезной музыки все звания и должности не подвластны даже царям. Посему он смиренно просит направить его, Максима Созонтовича Березовского, в Италию, чтобы пройти там курс обучения композиции и добиться званий и уважения прежде всего среди своих коллег. Императрица соглашается. В сопровождении маэстро Арайи Максим Березовский направляется в Италию.

Часть вторая

Картина четвертая

Середина 70-х годов XVIII века. Италия. Болонская филармоническая академия. Комиссия во главе с падре Джовани Мартини и все тем же Арайя проводит аттестацию среди своих учащихся с тем, чтобы лучшие из них могли получить почетнейшее среди музыкантов звание “Члена Болонской академии”. Претендентам дается задание на быстрое сочинительство музыкальной пьесы, и все экзаменующиеся отпадают по ходу испытания, пока в финал не выходят двое достойнейших. Один из них – русский музыкант и сочинитель Максим Березовский. Другой – совсем юный австриец, имя которого, впрочем, уже достаточно известно в музыкальной Европе – Амадей Моцарт. Испытуемым дают одно и то же музыкальное задание. Оба через короткое время поочередно исполняют свои вариации на заданную тему. Комиссия, вбрасыванием белых шаров, демонстрирует публике степень одобрения. Поначалу лидирует Березовский. Затем – Моцарт. Затем эти два несомненных дарования, как бы развивая тему, сочиненную соперником, достигают совместного уникального звучания.

Комиссия признает “господ Моцарта и Березовского равными талантами” и провозглашает их двоих академиками.

Публика неистово аплодирует. Среди публики, присутствующей в зале академии, есть много высокопоставленных особ, среди которых – граф Алексей Орлов, прибывший в Италию с русской эскадрой.

Здесь же таинственная дама, которую все именуют княжной Елизаветой (и про которую полушепотом говорят, что она – законная наследница русского престола, скрывающаяся за границей от гнева императрицы

русского престола, скрывающаяся за границей от гнева императрицы Екатерины II). Княжна восхищена музыкальными способностями Березовского и просит его посетить свой музыкальный салон в Риме. Березовский в нерешительности, он боится гнева российских властей. Однако, к его удивлению, граф Орлов поддерживает просьбу княжны и настоятельно советует Березовскому посетить ее дом.

Картина пятая

Рим. Салон княжны Елизаветы.

Пришедшего сюда Максима встречает княжна. Она напоминает композитору, что когда-то давно в одном из флигелей царского дворца он играл “для австрийской девочки Элизы” свою мелодию об украинском городке. Эта дивная украинская песенка перевернула душу девочки, она стала интересоваться своей родословной и обнаружила, что является внебрачной дочерью гетмана Разумовского и... самой Елизаветы Первой, дочери Петра Великого. Одним словом, наследница престола, Елизавета II. И хотя некоторые ее презрительно называют “Княжной Таракановой” (за то, что детство ее прошло в “тьмутаракани”), ныне она имеет весомую поддержку и за пределами России, и в Петербурге.

Эти слова подтверждает появившийся граф Алексей Орлов. Он признается, что прибыл в Италию с заданием императрицы захватить самозванку, но, увидев княжну, без памяти влюбился в нее и готов возвести ее на российский престол, как когда-то возвел туда Екатерину. А чтобы отвести всякие сомнения в благородстве своих намерений, он объявляет, что готов венчаться с Елизаветой на глазах всей русской флотилии. В связи с чем и просит первого и лучшего российского композитора создать музыкальное произведение, достойное сего торжественного момента.

Картина шестая

Палуба флагманского корабля российской эскадры украшена к предстоящему венчанию. Выстроена православная часовня с алтарем и рядом – некое подобие “Оперного дома”, где Максим Березовский с певчими готовится к торжественному богослужению. Здесь же православный священник.

Появляется граф Алексей Орлов, проверяет готовность к церемонии.

Затем охрана и польско-итальянская свита гостей приглашают на корабль княжну Елизавету. Невеста готова уже вступить на трап, как вдруг ее служанка высказывает подозрение относительно православного священника, который должен венчать молодых... (В нем служанка узнала русского моряка, с которым весело проводила время в приморском кабачке.) В сопровождающих княжну закрадывается сомнение: не является ли венчание подстроенной русскими ловушкой?

Настороженность передается княжне. Несмотря на уговоры графа Орлова, она готова вернуться в Рим.

И тогда граф приказывает Березовскому начать музыкальную часть. Звучит та самая нежная мелодия, которую наигрывал когда-то мальчик Максим девочке Элизе...

Растрогавшись нахлынувшими воспоминаниями, княжна вступает на палубу русского корабля. В честь нее гремит праздничный салют. Сопровождаемый торжественной музыкой корабль величественно отплывает от берегов Италии...

Затем музыка резко обрывается. Неожиданно появившиеся офицеры тайной военной канцелярии арестовывают самозванку и сопровождающих ее лиц, включая композитора Березовского.

Картина седьмая

1777 год. Город Ораниенбаум под Санкт-Петербургом. Площадь перед “Оперным домом”. Сюда съезжаются гости для очередного праздничного “Итальянского оперного действа”. Неожиданно на площади появляется изрядно пьяный Максим Березовский и в качестве уличного музыканта начинает играть на скрипке свои мелодии.

Ему бросают подаяние. Затем кто-то просит сыграть музыку на “коронацию княжны Таракановой”. Едва Максим начинает играть, как появляется офицер из тайной канцелярии: Березовского арестовывают и препровождают в тюремную комнату.

Здесь его готовы примерно наказать плетьми за неприличное поведение. Суровое наказание прерывается приездом императрицы Екатерины II и сопровождающих ее лиц. Екатерина, узнав о случившемся, проводит

строгую беседу с композитором, упрекая его за постоянное пьянство и дерзкое исполнение запрещенной музыки. Все сочиненное им ранее и в России, и особо в Италии так или иначе связано с малоприятными для воспоминаний царствующей особы историческими событиями. Посему это надобно забыть, а ноты стереть. В этом случае Березовский получит место капельмейстера и возможность сочинять далее, но что-то более привлекательное и веселое на итальянский манер.

Березовский в отчаянии. Как он может забыть уже созданные мелодии? Да и что бы он ни сочинял далее, в нем вновь будет звучать пережитое и увиденное... Он ведь так хотел отдаться чистой музыке. Но власть и связанные с ней интриги не отпускали его ни на родине, ни за ее пределами.

Екатерина оставляет Максима на попечение тайной канцелярии, посетовав, что когда-то поступила опрометчиво, пожалев мальчика и не дав сделать его “сопранистом”.

Березовского уводят.

Трагический финал. Хор певчих на сцене “Оперного дома” исполняет ораторию, состоящую из подлинных документов эпохи.

Например, такой текст записки управляющего имперскими театрами Елагина, обращенный к казначею:

“Композитор Максим Березовский умер сего месяца 24-го дня. Заслуженное им жалованье следовало б по сей день и выдать, но как по смерти его ничего не осталось, и погрести тело нечем, то извольте, ваше высокоблагородие, выдать по 1-е число майя его жалованье придворному певчему Якову Тимченку, записав расход с распискою”.

Иван Елагин

...марта 25 дня 1777 года

Но вот в трагическом финале появляется светлая нота: хор взрослых певчих сменяется детским хором.

В исполнении звонких мальчишеских голосов звучит самое знаменитое произведение М. Березовского: “Не отвержи мене в старости”. На вопрос

произведение М. Березовского: “Не отвержи мене в старости”. На вопрос царицы: “Кому принадлежит сия музыка?”, свита поспешно ответствует: “Автор не известен”.

P.S

1. Все события, связанные с короткой и трагической жизнью первого русского композитора Максима Березовского, достаточно достоверны. Но в связи с отсутствием чисто документальных подтверждений факты со временем обрастали легендами и домыслами, что и является хорошим подспорьем для увлекательного сюжета музыкально-драматического произведения.

2. Музыка М. Березовского, сохраненная в списках, своими названиями (многие из которых указаны выше), к сожалению, мало известна в России. Ноты чаще всего отсутствуют. Это позволяет Композитору, взявшемуся за сочинение данного произведения, использовать все возможности смелых мистификаций и жанровых стилизаций: от старинных церковных песнопений до современных рок-вариаций.

3. “Представление для оперных и драматических театров” не является только данью модных экспериментов синтеза театральных жанров (как, например, приглашение профессионального хора в спектакль “Плач Иеремии” А. Васильева). В данном случае логичность перехода от оперного жанра к драматическому обусловлена прежде всего сюжетом. Поэтому, естественно, “певчую часть” жизни Березовского должен исполнять профессиональный певец (в самом начале – мальчик с высоким голосом). Драматические сцены (особенно во второй части) могут быть убедительны только в исполнении хорошего драматического актера.

4. Стилизация под первые “оперы-сериа” XVIII века, с их условностями и великолепием выразительных приемов, смогут дать обильную пищу для фантазии художника-постановщика.

5. Наконец, вечная тема взаимоотношений Художника и Властителя, опасность вовлечения творческого человека в хитросплетения придворных интриг, традиционные для любого времени, трагическое одиночество таланта в России делают данный сюжет более чем актуальным для нашего времени.

10.02.1998

10.02.1998

Воспоминания современников

(сокращенный)

От составителя

Прошло десять лет с тех пор, как не стало Григория Горина – талантливейшего драматурга, прозаика, киносценариста, обогатившего русскую культуру второй половины XX века призведениями, которые останутся на слуху и в памяти и сегодняшнего, и будущих поколений его читателей и зрителей. Не случайно во многих воспоминаниях открытой вами книги его имя стоит в одном ряду с именами Чехова, Булгакова, Шварца.

У этого раздела книги могло быть и другое название, скажем – “Формула любви”: любви не только к Григорию Горину, но и его сердечной привязанности к своим друзьям и близким, формула нежной и трогательной любви удивительной семейной пары. Но Любовь Павловна Горина настояла на другом, более скромном и отрешенном от всяких эмоций названии. По ее же просьбе имена авторов воспоминаний расположены в наиболее демократичном – алфавитном порядке.

Некоторых друзей Горина уже нет с нами, они уже с ним, так что их строки дошли до него раньше, чем эта книга, посвященная семидесятилетию их друга, открывшего для всех нас когда-то главную для него формулу жизни – “Формулу любви”.

Юрий Кушак

Александр Абдулов

Приют для всех, кому было плохо

На фильмах, которые снимал Захаров, Гриша практически всегда был на съемочной площадке. Он вообще отличался невероятной работоспособностью. На “Мюнхгаузене” у нас даже сложилась традиция, когда мы вечером садились, обсуждали сцену, и, если возникала необходимость что-то поменять в сценарии, он делал все, что требовалось. То же самое и на спектакле – прямо на репетициях что-то дописывал. Это в

нем действительно замечательное было качество. Потому что нередко встречаются самодуры, которые ни строчкой не поступятся. Гриша же все это понимал, чувствовал процесс изнутри и делал так, чтоб артисту было удобно и интересно. А в результате – интересно зрителю.

Атмосфера на съемках всех фильмов Марка Захарова складывалась соответствующая: с одной стороны, сумасшедшая работа, с другой – мы успевали и отдыхать, и какие-то шутки придумывали. Помню, как однажды в перерыве съемок “Мюнхгаузена” мы с Олегом Янковским стали петь “Вихри враждебные веют над нами”, а все остальные, в том числе и Гриша, услышав это, начали бегать вокруг нас с криком “Хава Нагила”. Причем тех, кто еще не включился в мизансцену, мы стали зазывать к себе: “Лена Коренева, иди к нам!” А она: “Да я тут тоже...” – и прыг в общий круг. Мы Чуриковой кричим: “Инна, иди ты!” Но и она в хоровод вскочила: “Да и я вроде тоже...” В конце к нам присоединился оператор Нахабцев, а все остальные носились вокруг нас с песней “Хава Нагила”. Потрясающе веселая и задорная получилась импровизация.

А через много лет после этого я играл Менахема в горинской “Поминальной молитве” по знаменитому “Тевье-молочнику” Шолом-Алейхема. Началось все со “Скрипача на крыше”, которого в “Ленкоме” хотел ставить грузинский режиссер. Мы с Евгением Павловичем Леоновым некоторое время репетировали свои роли, пока не поняли, что ничего из нашей затеи не получится. И тогда Захаров сказал Леонову: “Идите к Горину, Евгений Павлович, это единственный выход”. Леонов пошел к Грише, и у них состоялся разговор, после чего Горин очень быстро написал пьесу. Потом она шла во многих театрах и странах. Я знаю, что Грише нравилось, как я сделал Менахема. Посмотрев “Поминальную молитву” в Израиле, он вернулся и сказал мне: “Ты, русский, сыграл еврея лучше, чем сами евреи”.

Поразительную связь двух писателей, которым мы обязаны появлением этого выдающего драматургического произведения, я однажды увидел воочию. Мы тогда только выпустили “Поминальную молитву” и приехали в Америку, где нас повезли показать могилу Шолом-Алейхема. Мы приехали на кладбище, я достал видеокамеру, чтобы снять памятник, и заодно решил пройтись вокруг него панорамой. И вдруг увидел на следующей могиле фамилию Горин. Только Бернард Горин – критик, писатель, поэт. Я вернулся и рассказал об этом Грише. Он сам посмеялся и удивился такому совпадению. А совпадение, действительно потрясающее

удивился такому совпадению. А совпадение, действительно потрясающее, в том, что два имени – Шолом-Алейхем и Горин – оказались рядом в таком месте. Может, оно и не случайно.

Надо сказать, что и Гриша, и Люба – оба удивительные люди, у них была редкая семья, в которой часто находили приют те, кто переживал трудные и тяжелые моменты. Они будто считали своим долгом им помогать. И я хорошо помню, как тоже оказался у Гориных, когда мне было очень плохо. Люба, как всегда, накрыла стол, мы сидели на кухне, немного выпивали, разговаривали допоздна. А потом Гриша сказал: “Ну, куда ты пойдешь, оставайся у нас ночевать”. Я зашел в Гришин кабинет и вдруг увидел, что у него в книжном шкафу стоят две фотографии – Андрея Миронова (Андрея тогда уже не было) и моя. Меня это тронуло до глубины души, я просто чуть не заплакал. А Гриша сказал: “Ну, чего ты? Любимые мои стоят”. Тогда еще Горины жили в своей старой квартире на Тверской, где мы отмечали выход на экраны “Мюнхгаузена”, “Свифта”, “Формулы любви”.

Помимо остальных достоинств, Горин был очень добрым и щедрым человеком. И что в нашей среде действительно редкость – очень стыдливым. Он стеснялся того, что другие воспринимали как норму, ему казалось, что так неудобно, нельзя. Я никогда в жизни не забуду, как мы ездили с ним на АЗЛК забирать автомобили, которые нам выделили на театр. На заводе нас встретили, соответственно приняли и пригласили в баню попариться – у нас, мол, баня замечательная. А пока вы будете париться, мы соберем машины по специальному заказу. Гриша говорит: “Вы что? Какой заказ? Любую давайте”. А я его толкаю: “Молчи”.

И вот периодически в баню заходил человек и спрашивал: “Вам какого цвета машину?” Гриша отвечал: “Какая разница, любого цвета”. А я ему говорил: “Выбирай цвет”. Затем принесли образцы тканей: “Какую обивку желаете?” Он опять: “Да какую угодно”. И снова его заставляю: “Выбирай”. Все время, пока мы сидели в бане, он до конца не верил, что нам собирали автомобили. Это было и смешно, и трогательно. А на пятидесятилетие я сделал денежную купюру “Три Гриша” с горинским портретом и отлил медаль “Пятьдесят лет в искусстве” с его профилем. Гриша был так счастлив этой придумке, что, если бы ему в тот момент еще одну машину подарили, он бы, наверное, ей так не радовался. Потом он на персональной купюре давал автографы особым почитателям.

В последний год я мечтал, что мы вместе поработаем, просил его написать

сценарий для “Бременских музыкантов”, но он как раз сидел над “Шутом Балакиревым”. А еще мы договорились, что следующим летом приедем на Валдай и будем вместе ходить на рыбалку... Но так и не успели.

Юрий Богомолов

Поминальная молитва о Грише Горине

Эпиграфом к “Поминальной молитве” он взял слова из “Завещания” Шолом-Алейхема: “И пусть мое имя будет ими помянуто лучше со смехом, нежели вообще не помянуто”.

А что может быть лучше смеха? Только слезы, выступившие сквозь смех... Когда поплыли финальные титры первой серии “Мюнхгаузена”, мой сын, которому было тогда семь или восемь лет, горько расплакался – он думал, что барон и вправду застрелился.

Он все правильно понял: серия кончалась отречением героя от своего “я”, что для человека с умом и талантом равнозначно самоубийству. И что, с точки зрения ребенка, казалось невероятным и просто невозможным.

Пришлось объяснить, что еще будет вторая серия и Мюнхгаузен вернется – надо только переждать “Время”.

...Помню: когда не стало Гриши, помимо боли, горя, было ощущение, что случилось что-то невероятное в принципе. Хотя если говорить о принципе, то что может быть невероятного в смерти. Особенно сегодня, особенно в тот високосный двухтысячный год...

Мы были с Гришей соседями по Большому Гнездниковскому. Однажды я был у него дома. Однажды – он у меня. Изредка пересекались на тусовках. Чаще – на собачьей площадке, что под боком у нового здания МХАТа, где прогуливали – он своего спаниеля Патрика, я – лайку Мишу. Собаки обнюхивались, мы делились новостями и впечатлениями. Личное знакомство было пунктирным.

Мне довелось прочитать в рукописи “Свифта” – наверное, самое глубокое и горькое из того, что он написал. Потом при каждой встрече с Гришей надоедал ему вопросом: скоро ли премьера? Он отвечал рассказами о цензорском иезуитстве. Пара из них запомнилась.

Один касался новеллы о набожном констебле. Тот, вспоминая свои предыдущие жизни в веках, дошел до Иерусалима времен распятия Христа. Он вспомнил, что и тогда был охранником. Тогда он пальцем не пошевелил, чтобы помочь Ему. Высокое начальство морщилось: его не устраивало религиозное покаяние. Ему надобно было классовое покаяние. Вот если вместо Иисуса ввести в рассказ человека, который возглавил восстание рабов, – Спартака...

Другое цензорское пожелание было еще смешнее. Какой-то начальник узнал себя в констебле. Он дружески полуобнял Гришу и попросил представить, что должен чувствовать как зритель начальник современной Лефортовской тюрьмы. Он что – тоже должен испытывать комплекс вины перед заключенными?

Гриша начал как бы и оправдываться. Мол, то совсем другое время, другое государство, другая тюрьма по своему назначению... Мы-то живем при социализме, мы свободны, как никто и никогда. Нельзя, мол, сравнивать...

“А вот вы и покажите, – назидательно сказал от имени начальника Лефортовской тюрьмы человек, брошенный на искусство, – что то были другое время, другая тюрьма и что нельзя сравнивать наше время с тем временем”.

...Гриша не “ввел”, не “показал”... Он не мог не сравнивать.

Премьера “Свифта” задерживалась в основном по тактическим соображениям. В те дни документально хоронили очередного генсека, и было бы бестактно показывать картину, в которой художественно профанируют погребальную церемонию.

Гриша был спокоен. Он считал: надо переждать “Время”.

Насколько помню, он не любил, когда его определяли по ведомству сатирика или юмориста. Было в этом некое ущемление, ограничение для него. Советская власть уважала порядок. В том числе и в таком вольном деле, как творчество. Одни мастера культуры должны славить строй, другие – выкорчевывать отдельные недостатки. Гоголям и Щедриным, стало быть, тоже оставлялась возможность себя проявить.

Горин ничего не выкорчевывал – он обдумывал и переобдумывал жизнь,

проверял стереотипы и эталоны посредством иронического к ним отношения. Для этого часто переодевал известных исторических персонажей, ставил их в новые исторические обстоятельства – Мюнхгаузена, Свифта, Калиостро. Ирония ему нужна была не для того, чтобы скрасить жизнь, заслониться от нее; она была его рабочим инструментом, которым он вскрывал реальность.

Вообще-то он предпочитал, чтобы его называли писателем. В крайнем случае драматургом. Но был он на самом деле философом. То есть мудрецом.

Когда-то казалось, что горинские фантазии на известные темы и мотивы – это его эзопов язык, это способ шифровки его истинного отношения к современности. Такая светомаскировка. На деле все гораздо сложнее.

Он, пожалуй, как никто из наших современников, живо чувствовал пространство мировой культуры и был в нем своим человеком, потому, как никто, свободно в нем ориентировался. Классика была для него мифологической почвой. С сюжетами и биографиями известных авторов обращался так же, как драматурги Древней Греции с мифами о земных царях и олимпийских богах, – свободно, по своему усмотрению. У Тевье, еще одного близко знакомого Горина, под рукой было всегда Писание. Оно у него сидело в подкорке.

Таким же Писанием для Горина служила Культура. Тевье на каждый житейский случай приговаривал: “Не сказано ли в Писании...” И Гриша на всякую коллизию откликался притчей из того писания, коим служила ему Классика. Философы отважные люди – они рискуют шутить со смертью.

Человек на своем веку умирает не однажды, как не однажды рождается. Смерть предусмотрена правилами игры, которая называется “жизнь”. Гриша это понимал. Об этом его пьеса “Дом, который построил Свифт”, где его герой репетирует свой уход. Об этом его “Тот самый Мюнхгаузен”. Об этом почти каждая его пьеса.

Одна из последних его вещей – “Трехрублевая опера”. Режиссер Мэкхит (как бы его мог сыграть Андрей Миронов!) снимает один за другим дубль своего повешения. Но делает это с каким-то невероятным жизнерадостным азартом.

У него всегда в пьесах – хеппи-энд. Но это всегда – смертельный хеппи-энд. Как в цирке смертельный номер, который артист “выкидывает” во славу торжества жизни.

...Передо мной последняя книга Горина. В ней самое лучшее из того, что он написал. В ней он сам. За рамками ее то, что сохранили кино-и телеэкран.

Телевидение и Интернет, который, насколько я знаю, завлек автора молчаливого “Свифта” в свою паутину, сделали его публичным философом. Тут он стал более всего похож на своего, наверное, самого нежно любимого героя – мудреца Тевье. Тут он стал сам мифологическим персонажем. По праву своей легендарности он позволял себе противоречить. Как царь Соломон. Его Мюнхгаузен перед полетом на луну бросил в сердцах: “Господи, как надоело умирать”, полагая, что умирать ему еще придется много раз.

Его Свифт на генеральной репетиции своих похорон объясняет актерам:

“- Вы склонитесь надо мной... Подойдет доктор, составит протокол... И все – после этого я исчезну... Совсем!..

– И не выйдете на аплодисменты?

– В этот раз нет”.

...Судя по всему, автор и режиссер своей жизни Гриша Горин догадывался, что играет с огнем.

Еще Мюнхгаузен в ответ на известное соображение о том, что юмор продлевает жизнь, меланхолично заметил: “Тем, кто смеется, – продлевает. А тому, кто острит, – укорачивает”.

И укоротил.

Но Гриша снова и снова выходит на аплодисменты со своими фильмами, спектаклями, телепередачами. И его имя поминают со смехом. И ничего лучше мы сегодня сделать в память о нем не можем.

Александр Галин

Менестрель нового русского Средневековья

Когда прощание на ленкомовской сцене закончилось, его вынесли на руках через распахнутые двери театра. Толпа расступилась, и гроб поместили в длинный черный автомобиль. Понесли венки, охапки цветов, вышли заплаканные артисты, с лицами, знакомыми миллионам. Засуетились милиционеры и охрана, толпа отхлынула, давая катафалку дорогу. Машина развернулась и направилась к Пушкинской площади. Милиционеры быстро сняли ограждение, открыв дорогу в обе стороны заждавшимся водителям. И как-то быстро-быстро Малая Дмитровка заполнилась привычными машинами. В их будничном потоке, сразу и вдруг, потерялась та, что всего лишь минуту назад была центром всеобщего людского внимания. Но у светофора траурная машина затормозила – ей выпал красный свет, как будто кто-то решил задержать подольше этот автомобиль, чтобы те, кто осиротело остался стоять у театра, могли его подольше видеть. Это был нерегулируемый перекресток. И произошло чудо: зеленый больше не зажигался. Машины, плотным потоком подошедшие к перекрестку снизу, со Страстного бульвара, некоторое время терпеливо ждали, а потом стали нервно сигналить. В действиях водителей не было святотатства – они не знали, финал какой церемонии они застали. Но зеленого не было. Был по-прежнему красный. Красный горел, как предупреждение о какой-то опасности, о катастрофе. Водители сигналили все требовательнее, и так продолжалось долго. Звук многих клаксонов нарастал – но красный, не мигая, продолжал держать всех в неподвижности! Ревели и стонали машины! Это была симфония сопротивления! Симфония протеста!

Автором этого дорожного реквиема было не замыкание в светофоре, а какое-то чудо. Именно оно заставило людей, злясь и недоумевая, неотрывно давить на клаксоны, приветствуя одного из немногих великих наших весельчаков, кого только что оплакали и кого везли к месту его вечного покоя. Эти сирены были гимном, последним земным аккордом и началом славы.

Мы стали верить в чудеса, как когда-то, в далеком Средневековье, люди верили в них. Многострадальная потребность чуда сохранилась там, где у человека нет возможности самому позаботиться о своих близких и самом себе. Вера в чудо – удел бедных и бесправных. Ожидание чуда – в воздухе африканских хижин, среди фазенд больших латиноамериканских городов. В затерянных на краю земли безвестных селениях, на окраинах мегаполисов миллионы сердец учащенно бьются при одной только мысли

мегаполисов миллионы сердец учащенно бьются при одной только мысли об удаче. Обездоленные люди искренне верят в бога, потому что он может творить чудеса.

Как мы все ждали чуда в начале девяностых! Восторженные люди ожидали перемен и выходили тогда на улицы, защищая новую русскую историю и свободу. На нас благожелательно и благосклонно смотрел мир. Дряхлые и состоятельные демократии по-отечески советовали и поддерживали деньгами. Мы все ждали, что оно вот-вот придет, наше чудесное капиталистическое завтра. Казалось, что через год-два и мы рванем ввысь, в свободное гуманистическое будущее. Быстро забывались приметы тоталитаризма, дремотно-хмурые будни эпохи застоя. Стали все больше заметны молодые, живые лица. В этот короткий, как миг, исторический отрезок все были веселыми и наивными. В Москве везде шла горячечная стройка. В воздухе мерещилось русское экономическое чудо. Над столицей стоял известковый смог от возрождавшегося главного собора православия. По всей Руси звонили восстановленные колокольни. То тут, то там вспыхивали свежей позолотой отреставрированные храмы, и это прибавляло радости. Все вокруг было подчинено духовности, о материальном не думали вовсе. В какой-то беспечной эйфории, в бесконечном вселенском толковище о демократических и общечеловеческих ценностях лихо промелькнула приватизация. Не сразу заметные, как первые грибы, появились собственники. По старинке и они не торопились на свет божий, боялись еще тогда пролетарского гнева. Но уже обжигался кирпич на высокие глухие заборы и кипел в домнах чугун для решеток и ворот. Люди удивлялись другому. Вспомните первых российских юношей в пейсах, с торой в руках, шагавших в еврейские школы. Оранжевые толпы буддийских монахов гуляли по Москве, будто по горам Лаоса, и казалось, что именно в московских дворах и была их главная среда обитания. Но не успели мы опомниться от первых уроков демократии, как началась большая многолетняя кавказская война. Все, как заговоренные, смотрели на экраны телевизоров. Они стали окнами в неведомый доселе мир. Сцены казней и пыток, засад и нападений чередовались с “сольниками” эстрадных примадонн. Потом, осмелев, замелькали авантюрные герои передела собственности с золотыми цепями, в перстнях на татуированных пальцах. Помчались на джипах вассалы режима, в масках, в полевой форме цвета хаки! Прелестные девы, принимавшие американские и близкие к ним денежные знаки, как банкоматы, окружили Кремль и Красную площадь! Все смешалось! Благородные идальго и коварные злодеи политического олимпа. Так

быстро, сменяя один карнавал за другим, прошло десять лет, и вот мы теперь, из двадцать первого века, с удивлением смотрим на последнюю декаду века двадцатого и начинаем постепенно прозревать и видеть в ней некие черты другой исторической эпохи – нового русского Средневековья.

Дети подтекста, мы не сразу поняли, что жизнь угрюмо упрощалась. Мы тогда не догадывались, что время, все убыстряясь, влекло нас не вперед, в двадцать первый век, а назад – в Средневековье! Были те, кто увидел это раньше других. Увидел и описал новое Средневековье, новое русское варварство!

Это сделал веселый менестрель русского театра, поэт и драматург Григорий Горин. Он не просто переложил известные тексты на язык современного человека и современного театра, он сделал это ярко и смешно. Он открыл нам нашу собственную Историю, одев ее в карнавальные костюмы далекой эпохи.

Внешне он не был похож на прорицателя и пророка. Он был вроде бы безобидный весельчак, который шутил и веселил почтенную публику, как и положено театральному люду. Он писал комедии, почти сказки. Он не выдвигал себя в пророки, не из боязни оказаться лжепророком, а скорее всего от избытка чувства юмора, которого хватало на то, чтобы не возводить виртуальный прижизненный памятник самому себе. (Занятие это увлекательно и прибыльно, что доказали многие наши современники.) Он решил, что не годится в пророки. Григорий Горин был частым гостем на телеэкране, стал даже телевизионной звездой. И на него оглядывались и узнавали. Но он не кликушествовал, а рассказывал анекдоты. Он, в прошлом врач, врачевал людей радостью. Он не поменял манеру речи, не закидывал голову и не закатывал глаза. Он остался тем, кем был, – комедиографом! Он не хотел превратиться в еще одного малоформатного мессию. Он любил и понимал человека, такого человека, каким был и сам, – веселого и легкого, не причиняющего зла ни миру, ни людям.

Он был мудр, как человек, знающий жизнь и людей. Он написал “Поминальную молитву” – пророческую по своей сути театральную притчу. Этот еврейский театральный эпос лишен монументальных героев и заключает в себе простую историю о том, как трудно прокормить семью и трудно выдать дочерей замуж, и еще о том, как трудно выживать, когда тебя выжигают. Сценическая молитва Горина была произнесена им в

предощущении новых погромов. О том, как бессмысленна злоба, как зависть питает и подталкивает людей к злодеяниям, поставлен захаровский спектакль, и, светлой памяти, Леонов-Тевье появился на сцене тогда, когда страх пополз по темным московским улицам и шепотом стало передаваться из уст в уста забытое слово – “погром”. Предложенная Гориным для театра история Тевье для многих открыла великого еврейского писателя Шолом-Алейхема. И в этом выборе темы было понимание эпохи, провидческое ощущение ее опасных, скрытых средневековых процессов.

Его речь, как бы в насмешку над серьезными, настоящими сказителями, лишенная шипящих, его удивленно-приподнятое над миром лицо – все делало невозможным причислить его к так называемой серьезной литературе. По какому разряду проходят у нас драматурги, которые собирают “битковые” залы, кто пишет так, что в залах звучит громовой хохот до слез? Довольные, разглаженные от морщин лица публики – все это у нас приметы дурной славы. Что мешало назвать его при жизни тем, кем он был, – мастером?! В его псевдониме была ухмылка и снисходительное пренебрежение к славе. Он был Горин. Он был прост и мягок, но это была благородная простота.

Он был счастливый автор. Рядом с ним был его верный толкователь, его театральный полководец и друг – Марк Захаров. Это была красивая театральная пара. В медальном, бледном лице Захарова, в его имени Марк есть что-то холодное, рыцарское. Лицо с гравюры Дюрера – заостренный нос, взгляд, опущенный к полу, и суровая, беспощадная ирония – все было кстати рядом с горинским веселым простодушием. Это, повторяю, идеальная театральная пара. Автор и режиссер.

Когда Марк Захаров, который вел панихиду, заканчивая ее, подошел к Любе, то он опустился перед вдовой на одно колено. Мне тогда показалось, что неожиданный жест этот, предельно театральный поклон, был почти мизансценой, неуместной в момент, когда провожают человека в последний путь. И пусть проводы проходили на сцене, которая привыкла к разным актерским проявлениям, – не только место определяло суть происходящего. Теперь я понимаю, что поцелуй рук, преклоненное колено, рыцарский жест Захарова – элемент игры был тогда, как воздух, остро необходим. Театральный человек, Захаров восставал против безжалостной и бессмысленной потери. В неожиданном уходе его друга была надменная насмешка “бытовой” нашей участи и истории над историей “театральной”. Как будто некий недобрый управляющий решил посмеяться над ними и

вдруг отнял у одного саму жизнь. “Управдом”, видимо, хотел напомнить, что только ему дано управлять земными делами и устанавливать сроки человеческой “прописки”. Захаров опустился на колено и склонил голову перед Любой – и в этом было возвышенное стремление остаться верным их театру, тому театру, которому они по-рыцарски служили. Театральный жест, мизансцена в момент жизненной кульминации, подтверждающей бытовую нашу обреченность на вымирание, означал многое! В нем провозглашалась история другая – История игры и поэзии, имя которой Театр! Подсознательная вера в предлагаемые обстоятельства “вечной игры” была сильнее рассудочного расчета. Марк по-рыцарски опустился на колено перед Любой еще и как друг, отдающий почести факту Гришиного выбора. Особый знак одобрения – жест рыцаря, отдающего почести женщине, которую выбрало сердце поэта.

В Интернете можно обнаружить следы уже прошедших событий. Это забытые всеми веб-страницы с текстами и фотографиями, которые не пожелтели от времени, но безнадежно состарились, потому что на них никто давно не смотрел. Они похожи на брошенные старые вещи в пустых и заброшенных домах, в которых гуляет ветер. Обрывки изуродованных файлов, подобно калекам и бездомным, безмолвно требуют помощи. Но они никому не нужны. Уродливые конструкции разрушенных сайтов, как будто оставшиеся после катастрофы, предсказывают наше мрачное будущее. Не технологическая, а гуманитарная беда угадывается в этих заброшенных электронных деревнях.

Как горько думать, что и Интернет, этот быстрый и смышленый младенец, это новое любимое дитя нашей цивилизации, когда подрастет и “заматереет”, причинит людям гораздо больше вреда, чем пользы, подобно старшим своим братьям: пороху, металлу, колесу, ставшими в том числе и тупой пушкой, убивающей людей!

Горин был опутан прошлым, но он не был архивариусом. Он жил в сегодняшнем дне и, как и положено драматургу, писал ремарки и диалоги в “настоящем времени”. Но мысленно он был уже далеко, в других сетях – всемирных. Компьютер стал для него не усовершенствованной пишущей машинкой, а иллюминатором межзвездного корабля, мчащегося в другую реальность. Он по-детски восторженно понял Интернет – не как очередную доску объявлений. Через экран на своем рабочем столе он видел своих будущих зрителей. Гриша удивлялся, как всякий гуманитарий, скорости передачи текста. Он был вдохновлен безграничностью новых

передачи текста. Он был вдохновлен безграничностью новых возможностей для объединения людей! Как драматург, как человек театра, он чувствовал, какую огромную аудиторию, какой “битковый” зрительный зал может собрать эта электронная арена.

Между тем он успел заметить и опасность. Последователи Норберта Винера, создавая Всемирную сеть, провозглашали ее детскую открытость и прозрачность. Предполагали ли они, что эта почти наивно-коммунистическая общедоступность пользования плодами интеллектуальных усилий человечества будет так варварски понята?! Уже и сейчас, в самых первых шагах, угадывается порочность людей, пользующихся русским Интернетом. Наш азиатский, барачный Интернет – это разбитое, чужое, заморское зеркало – отражает, увы! не начало двадцать первого века, а все то же наше Средневековье, все те же горинские “Королевские игры”! Деньги и власть, клевета и порочная торговля женским телом – как мы умеем утилизировать и приземлять чудеса! Об этом тоже сказал Григорий Горин. Благодаря ему мы верим Мюнхгаузену больше, чем его унылым и практичным антиподам! Мы любим горинского героя и знаем, что он не врет!

Я пишу об Интернете, потому что в последнюю нашу встречу мы говорили с Гришей об этом. Он сказал, что у него появилась электронная почта, но никто еще про это не знает. Он хочет получить побыстрее письмо, но никто ему писем не шлет!

– Саня, напиши мне письмо!

В этом была некоторая нелепость – мы живем не так далеко друг от друга. Могли бы и поговорить по телефону. Я обещал и попросил его ответить. Я написал. Он прислал мне очень смешное послание.

И узнал я о его смерти в Интернете.

Мы с Галей были в Одессе. В этом горьком и прекрасном городе осталось так мало Тевье-молочников. А все его дочери давно уже выданы замуж и посылают родственникам продуктовые посылки и деньги издалека. Я искал какой-то веб-адрес в поисковой системе “Рамблер”, и вдруг система выдала в колонке новостей, в разделе “культура”, весть о Гришиной смерти. Это было сообщение в так называемом режиме реального времени, как выстрел, которому ты оказался свидетель. И ты видишь полет пули, и невозможно изменить этот полет. Несколько битов цифровой информации

невозможно изменить этот полет. Несколько битов цифровой информации содержали весть, что ушел из мира один из редких, красивых людей, ушел поэт, которыми не богата наша суровая земля.

Но его тексты, на каких бы “носителях” они ни были в будущем напечатаны и воссозданы, никогда не потеряются, подобно ненужным сайтам и файлам. Он соединил в театре два времени, шагнув из Средневековья в будущее, создав драматургию, благодаря которой продолжают смеяться и плакать люди и пытаются понять время, в котором живут.

Валентин Гафт

Умение любить людей

Я очень хорошо знал Любу Горину: она работала на “Мосфильме” и была редактором некоторых картин, в которых я снимался. У них был замечательный дом, хлебосольный, красивый, уютный, прекрасная атмосфера. Казалось, он даже светился по-особому. Для Гриши, видимо, эта атмосфера была крайне важна, вспоминаю его эпопею с их первым домом на Тверской, в котором, после того как в нем открыли ночной клуб, стало невозможно жить. Тогда он в одиночку пытался противостоять тем, кто начал захватывать центр Москвы. Мне так и помнится: Гриша с трубкой, тактичная, молчаливая Люба, которую он очень любил, симпатичнейший, обожаемый ими пес Патрик. У них всегда было хорошо, и не хотелось оттуда уходить.

Дважды я снимался в картинах по его сценариям: “О бедном гусаре замолвите слово” Эльдара Рязанова и детективе “Шерли Холмс” Алексея Симонова. Вторая картина снималась в Вильнюсе, и Гриша туда приезжал. Там было много совместных обедов и ужинов, прогулок, разных разговоров. Говорили о жизни, а в это понятие входили и женщины, и театр, и наши товарищи, артисты и режиссеры. О чем только мы не говорили. Стояла поздняя осень, кругом лежали красивые желтые листья. И я никогда не забуду, как мы шли к месту съемок, и я по дороге читал ему какие-то свои эпиграммы (тогда я еще этим занимался), и как он на них реагировал. Почему-то ему понравилась эта: “На небо взлетел писатель, звездный час его настал, легок, пуст, парит в халате, все, должно быть, рассказал”.

Горина некоторые числили писателем-сатириком. Но я не могу с этим согласиться и отнести его к означенному цеху. Горин – это совершенно особое явление. Наши современные сатирики в большинстве своем мелки, они сорок восьмые или сотые доли от Зощенко, например. Но Зощенко был первым, и он писал о простых людях, за которыми мы узнавали и себя, и среду, в которой живем, и все то, что произошло после революции. В этих маленьких людях отражались метаморфозы строя и личности: возомнивший о себе гегемон, зависимая, раздавленная страхом интеллигенция. Там есть все: от смешного до трагифарсового. У нынешних же "мелких обломков" дальше пересказа того, что говорил милиционер или бухгалтер, дело не идет. Их не то что читать, даже слушать невозможно. Поэтому я и считаю, что Григорий Горин к ним никакого отношения не имеет. Разве можно сказать про Чехова – писатель-сатирик? Это было бы ужасно. Их юмор и ирония совершенно другой пробы и природы, если говорить о сути, о первооснове их творчества.

Даже когда отмечались юбилеи, дни рождения и Горин выходил на сцену с поздравлением, то в тот момент все забывали о том, кому оно предназначено, и слушали, что скажет Гриша, потому что произведение, с которым он выступал, получалось самоценным, и это всегда был его триумф.

На мой юбилей он написал замечательный рассказ "Гафт". Со стороны ведь очень трудно узнавать свое изображение. Сам себя ты видишь не так, тебе кажется, что ты другой. Но даже внутренне я понимаю, как он абсолютно точно и документально про меня написал. Нисколько не обидно и вместе с тем глубоко. Горин, мне кажется, был последним при нашем поколении человеком, именно из тех больших писателей, занимавшихся не устным словом, которым, например, неоспоримо прекрасно владеет Жванецкий, а языком, литературой, высоким классом словесности. Я не собираюсь их сравнивать, они абсолютно разные. Жванецкий гениален в своем, он чувствует то место, где "болит", точно находит его и говорит: "Вот тут!" А уж когда обнаружит, то ему достаточно пролететь и иголкой ткнуть, чтобы выразить это, нас уколоть, и мы будем хохотать, потому что о том, что разглядел в нас, он сказал раньше всех. Вот как ищейка, которая находит спрятанный наркотик там, где люди не могут ничего отыскать.

А Горин – он писатель. У Горина другая природа, он занимался повествованием. Это гораздо тоньше, изобретательнее, там больше вложено труда, разума, ощущения времени, сердца, мудрости. Его

интересовало, какая была погода, какой был ветер, какие были глаза. Интересовало, откуда человек пришел и зачем, что он почувствовал, как у него екнуло сердце, как он дыхнул, как заплакал и из-за чего. Это проблема человека, которой занимался Чехов, другие наши великие писатели. Ею же занимался и Гриша, а больше этим пока никто, наверное, сейчас так не владеет.

Гриша всегда приходил на все мои премьеры. И когда я его видел, то думал: “Сейчас, наверное, какой-то комплимент сделает”. Мне нравилось с ним беседовать, потому что он говорил не просто хорошее, а то, что меня вдохновляло. И я иначе, чем с другими, с ним разговаривал, по-другому был свободен. Его присутствие помогало мне быть интересным в разговоре, быть может, и для себя тоже. С ним было легко, я видел, какими глазами он смотрел. С другим человеком иногда закрываешься, а с Гришей – наоборот, потому что он умел замечательно слушать и заведомо к тебе хорошо относился.

Отсутствие Горина для меня невероятно ощутимо. Я все время вижу пустоту на его месте.

Теперь мы будем ее заполнять, насколько это возможно, собой – играя в его спектаклях, рассказывая и вспоминая о нем.

Марк Захаров

Он один имел право советовать и критиковать

С Гориным, как драматургом с оформившимся дарованием, у меня связаны ощущения, по своей наивности и первозданности восходящие разве что к самым первым юношеским потрясениям. Когда я увидел на заборе афишу его первой самостоятельной пьесы “Забыть Герострата”, я был сражен и подумал только: “Надо же, пьеса! Настоящая! И кто сочинил? Григорий!..” Возникший “поток сознания” по своей культуре чувств, глубине и литературной ценности был именно таким.

Впоследствии Григорий Горин подарил современному театру ряд прекрасных комедий, органично и своеобразно продолжив в моем субъективном представлении традиции Михаила Булгакова и Евгения Шварца. Может быть, стоит еще помянуть в качестве горинского предтечи Николая Эрдмана. И далее двинуться в глубь веков, выискивая других

забавных и мудрых единомышленников. Уйти, мне думается, можно очень далеко и остановиться лишь в нерешительности перед Уильямом Шекспиром: тоже был настолько уверенным в себе драматургом, что сюжетам и фамилиям героев серьезного значения не придавал – пользовался готовыми мифами, пускал в строительство своего театра отдельные сюжетные блоки, сооруженные его предшественниками. Наш знаменитый французский современник Жан Ануй, не в обиду ему будет сказано, вслед за Шекспиром широко применял подобную технологию в создании собственного театра. Думается, Горин тоже имел полное право работать так, как ему хотелось.

Чаще всего, следуя практике Шекспира, Ануя или Шварца, он использовал известные людям сюжеты, полагая, что полезнее исследовать миф, уже существующий во Вселенной. В этом смысле он скорее философ, чем драматург. Шекспир без зазрения совести брал старинную британскую легенду о короле Лире и, учитывая многочисленные литературные разработки, сделанные до него примерно двенадцатью авторами, смело и вдохновенно писал свою собственную версию. По смелости Горин не уступает Шекспиру, а по всем другим параметрам лично мне он ближе и дороже. Общение с ним научило меня иронизировать над завихрениями собственной фантазии, хотя после нескольких сумасбродных мгновений он всегда требовал серьезного разговора.

Серьезно. Горин создал собственный “королевский театр”. Его игры, с будоражащими зрительское сознание идеями и образами, затрагивая самую сердцевину наших сегодняшних комплексов, тревог и надежд, оставались по-королевски щедрыми, величественными и дорогими. Это касалось в том числе и постановочных расходов. И еще. Он зримо доказал, что можно сочинять суперсовременные пьесы, не помещая их действующих лиц в интерьер хрущевской пятиэтажки. Зимой 1974 года он видоизменил историю Московского театра имени Ленинского комсомола, ныне “Ленкома”, создав своего “Тиля”.

Горин действительно счастливым образом выдумал дерзкую и остроумную пьесу. Подобное сочинение было необходимо новому, молодому театру. И Тиль весело зашагал не только по дорогам Фландрии, но и по бесчисленным дорогам нашей страны, Польши, Болгарии, Чехословакии.

Горин – Человек Театра. Он знал его во всем загадочном многообразии, и, что сегодня крайне важно, его драматургическое мышление было

что сегодня крайне важно, его драматургическое мышление было неотделимо от режиссерского (!). Он мыслил не как драматург, но изначально как режиссер, понимая и зная театр изнутри. Как свидетель, могу констатировать: его замысел всегда формировался не печатными знаками, но общим режиссерским ощущением. Он замечательно предчувствовал и угадывал жанровые и стилистические нюансы будущего спектакля; он не хотел, не умел сочинять вне воображаемого сценографического пространства. Потом его собственная режиссерская концепция могла видоизменяться под воздействием подключившегося к работе режиссера-постановщика, но начинал он всегда сам, с изобразительного ряда, с эстетического запаха, формируя его на сверхчувственном уровне. В 1979 году в телевизионном объединении киностудии “Мосфильм” Иероним фон Мюнхгаузен с помощью актера Олега Янковского обрел новую телевизионную жизнь.

Телезрители в своем большинстве отнеслись к новому барону Мюнхгаузену с симпатией, правда, тот, настоящий, был постарше, а наш телевизионный – помоложе. Но в отношении Мюнхгаузена это закономерно. Со времени первого издания он просто помолодел. Наш герой задолго до Эйнштейна рассматривал пространство и время как категории относительные. В этом сказалась его прозорливость. Но мы с удивлением обнаружили в нем и другие достоинства. Григорий Горин доказал, что Мюнхгаузен – это великий генератор сумасшедших идей, творческая личность, работающая в экстремальных условиях. Веселые придумки Мюнхгаузена оказались серьезными сочинениями, а сам хвастливый болтун обернулся подлинным художником.

В “Том самом Мюнхгаузене” Горин вплотную приблизился к поразительному единению космогонических величин с игрой загадочного и безмерного человеческого подсознания. Здесь выдумка соседствует с прозрением. Здесь фантазия комедиографа обнаруживает тонкое понимание современной комедии. Его словесная вязь имеет склонность к звуковой вибрации. Комические фантазии Горина изначально расписаны по пяти линеечкам нотной тетради, где одна четвертушка смешнее другой. Драматург абсолютно музыкален, а это и есть для меня главное свойство драматургического Таланта. Все горинские реплики и ремарки, распадаясь на семь музыкальных нот, образуют бравурную ироническую симфонию.

Каждый день я по-разному формулирую то, что вышло из-под горинского пера. В зависимости от самочувствия, настроения, от того, как прошел

день, какие мысли посетили меня и какие снова не посетили. Оказывается, это и есть самое радостное в нашем искусстве: творение художника дышит. Сегодня драматургия Григория Горина на темы Герострата, Тиля, Мюнхгаузена, Свифта, Кина, Шута Балакирева мне представляется многообразной, на редкость правдивой и причудливо-элегантной фантазией печального философа, умевшего обернуться коверным и отчаянно шутить по поводу самых разных премудростей мироздания – от закона падения тел до феномена взлета души.

Николай Караченцов

О такой роли, как Тиль, можно было только мечтать

Моя актерская судьба в театре началась, по большому счету, с “Тиля”, который стал переломным этапом не только лично для меня. Значимость этого спектакля и для “Ленкома”, и вообще для театра переоценить трудно. “Тиль” был не просто неординарным и важным событием театральной жизни, он открыл в ней новую веху. И спасибо Господу Богу, Горину и Захарову, что я имел честь принимать участие в этой работе.

Наверное, создание “Тиля” было единственным и уникальным случаем в моей практике: во всяком случае, я больше такого не помню, чтобы пьеса сочинялась одновременно с работой над спектаклем. Гриша написал всего три картины, когда мы начали репетировать, и потом стал дописывать по ходу совместной работы. Приходил на репетиции, не переставая удивлять нас своей фантазией, придумывал следующие сцены. “Тиль” рождался на наших глазах, и это совершенно по-особому объединяло. Мы тогда очень часто и тепло общались, без конца что-то обсуждали. Премьеру отмечали несколько раз и в театре, и дома у Гриши, где всегда умели принять гостей. Разумеется, это еще и заслуга его жены Любы, очень своеобразной и интересной женщины, с которой они были замечательной парой.

Спектакль получился объемный, многоплановый, и нагрузка в нем была серьезная. Поначалу я каждый раз думал, как бы “доплыть” до финала, но потом уже распределился, и играть стало легче. Мне дорого каждое словечко, которое есть в тексте роли. Возможность сыграть в одном лице и хулигана, и шута, и национального героя, и философа, и Ромео – действительно редкий шанс. Это удивительный персонаж, роль, о которой можно только мечтать.

Зритель оценил спектакль по достоинству, принял его на ура. Реплики из "Тиля" стали летучими, ушли в народ, их повторяли в разговорах, цитировали в печати, что, конечно, свидетельствовало о нашей общей победе. Эта постановка шла у нас семнадцать лет, была долгожителем на сцене "Ленкома".

Горин всегда потрясающе чувствовал драматургическую конструкцию. Я уж не говорю о том, какой он провидец, насколько современен, как понимал сегодняшнюю жизнь и умел, преломив ее через призму истории, поговорить о нас самих, – так, наверное, в наше время он один только мог. Все это есть и в картине "Дом, который построил Свифт", снятой Марком Захаровым, где я тоже принимал участие. И опять же Гриша был на съемках, все время рядом, и, если ситуация требовала корректировок, он тут же вносил изменения.

Позже у нас возникла идея создать фильм по "Трехрублевой опере" Горина. Его хотел снимать режиссер Евгений Гинзбург. Гриша написал замечательный сценарий, который напечатал журнал "Театр", поместив на обложке номера нашу совместную фотографию: рядом со сценаристом, режиссером и артистом лежала шляпа, с намеком на то, что денег на съемку картины нет. Это как раз было время, когда финансирование кинематографа рухнуло. Но, к великому сожалению, средств так и не нашлось, и нам не удалось запуститься. Хотя очень жаль, можно было бы сделать интересное кино.

Что бы там ни происходило, я никогда не видел Гришу раздраженным, скандалящим, кричащим. С одной стороны, он философски относился к жизни, а с другой – видимо, многое таил в себе.

Помню, несколько лет назад на моем дне рождения Гриша читал текст, который меня просто поразил. Он так здорово и точно его написал! Я даже не предполагал, что он так хорошо меня чувствует и так правильно знает. Горин, как никто, умел сказать артисту доброе слово, которое он редко слышит впрямую. Причем не пустой дежурный комплимент, а существенные вещи.

Горин был, наверное, единственным человеком, которого Захаров слушал, для него его мнение много значило, он им дорожил. Любого крупного художника в основном окружают люди, которые опасаются ему возражать, говорить неприятное. Горин этого не боялся. Более того, он считал, что тем

и ценна дружба – правом сказать все как есть. Я это наблюдал, и для меня это было впечатляющим уроком настоящих отношений.

Эльдар Рязанов

Мой друг Гришастик

...Поначалу я познакомился с Гришастиком как все, то есть как читатель и зритель. В 1972 г. в “Литературке” опубликовали его рассказ “Остановите Потапова!”. Это было социальное открытие. Верхогляд, папильон Потапов даже не понимал степени своего цинизма. Этот “совок” был одним из нас, в нем сконцентрировалась та самая ржавчина, которая постепенно разъела советскую империю. Тогда я запомнил имя и фамилию автора. Позже, в Ленинграде, я увидел комедию “Забыть Герострата!” того же сочинителя. Мне очень захотелось познакомиться с создателем этой оригинальной, парадоксальной комедии.

...Где и когда произошла наша первая встреча – не помню. В середине семидесятых встречались в компаниях у общих друзей, во время застолий.

...А потом я предложил Грише объединиться и сочинить вместе для кино что-нибудь эдакое, что я потом зафиксирую на целлулоид.

Так мы принялись за сочинение киноповести “О бедном гусаре замолвите слово”...

О том, как создавалась эта лента, расскажу подробнее, ибо работа над ней и стала фундаментом нашей дружбы.

В сценарии и фильме “О бедном гусаре замолвите слово” иносказательно, на реалиях николаевской России говорилось о больных и зловещих особенностях нашей жизни – о провокациях, доносительствах и репрессиях, о произволе чудовищного ведомства. Говорить в искусстве о том, как уничтожался цвет нации, было в те годы запрещено.

Мы закончили сценарий осенью 1978 года, но лишь через год, в конце 79-го, сценарий удалось запустить в производство. Но, как говорится, “недолго барахталась старушка в злодейских опытных руках”. В декабре началось вторжение советских войск в Афганистан. И вскоре Гришу и меня призвали на 10-й этаж останкинского телевидения, где сидело все

руководство. Мы не верили своим ушам: “В вашем сценарии очернено Третье отделение. Оно изображено чересчур негативно... Или уберите из сценария Третье отделение, или картину придется закрыть”.

Нет ничего более оскорбительного, чем своими руками корежить собственное создание, в которое вложено столько труда, любви и фантазии. Может, надо было послать все к чертям... Но мы с Гришей всем сердцем привязались к нашему сочинению.

Мы переделали сценарий. Мерзляев стал из жандармского офицера стукачом штатским, любителем, добровольцем. Сделали мы его тайным действительным советником. Это была мучительная работа. Но мы с Гришей, подбадривая друг друга, прошли через это унижение.

Новый вариант сценария подвергся очередной чистке.

В сцене фальшивого расстрела трагик Бубенцов (его в фильме играл Евгений Леонов) декламировал:

– Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ.

От нас потребовали выкинуть эти стихи.

– Но это же Лермонтов! – ерепенились мы с Гришей. – Это же классика! В фильме Леонов произносит другое: “Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой”...

Фильм снова запустили. Снимались кинопробы, выбирались места для натурных съемок, рисовались эскизы.

Когда все было готово к съемкам, нас снова пригласили к руководству ЦТ. Там нам сообщили, что по распоряжению председателя Гостелерадио СССР С. Г. Лапина фильм закрыт. Не буду рассказывать, с какими трудностями нам все-таки удалось снова запустить в производство этот ненавистный чиновникам сценарий. Съемки проходили под неусыпным цензурным присмотром.

Когда кончились съемки, телевизионные палачи потребовали выбросить трагический конец. Не сравниваю качество произведений и дарования авторов, но это было бы равносильно тому, чтобы Анна не бросилась под

авторов, но это было бы равносильно тому, чтобы Анна не бросилась под поезд, а Ромео с Джульеттой остались бы в живых. А потом шесть лет фильм содержался в каких-то застенках, спрятанный от зрителя. Мы с Гришей сделали еще одну версию, но это не помогло. Много раз мы пытались пробить показ готовой ленты на экране, но безуспешно. И лишь когда началась перестройка, картину показали по телевидению.

Он всегда четко разбирался в политической ситуации, куда лучше, нежели я. Он был истинным демократом и гуманистом, как ни громко это звучит. Я часто видел в нем старшего, хотя он моложе меня на тринадцать лет. Он всегда был очень добротен, обладал врожденным чувством собственного достоинства. Я не раз обращался к нему за советом, потому что верил в его ум и здравый смысл...

...Кстати, Гришастик всегда был сдержан в оценках своего творчества. Максимум похвалы в собственный адрес было: “Вроде удалось”, “Кажется, кое-что получилось”. Никаких чрезмерностей в собственный адрес. К себе, к тому, что он пишет, у него было развито сильное критическое чувство. Иногда даже чересчур, и даже мешало ему писать. Он был стеснителен. Смущался перед гостями, когда бывал хозяином в доме ли, в ресторане ли. Из-за этого не любил устраивать дни своего рождения. К этой дате всегда организовывал какую-нибудь поездку, и они с Любой удирали. Так вот он “замотал” и свое шестидесятилетие, свой последний в жизни день рождения. Они укатили в Сан-Франциско и этот день провели с Гришиным отцом.

Геннадий Хазанов

Надежность

Гриша во многом удивительно точно повторил путь Чехова. Вообще мне кажется, что фамилия Горин – это первая фамилия после Чехова, которая соединила в себе мироощущения юмориста и трагика. Я думаю, что это было главной причиной того, что Гриша довольно рано покинул эстраду. Мне это очень хорошо знакомо, просто я это сделал много позже в своей жизни, а Гриша, будучи человеком чрезвычайно тонким, умным (что и вылилось в раннюю мудрость), покинул эстраду к 30 годам.

Несмотря на то что они с Аркановым начинали драматургический путь вдвоем, тяга Горина к парафразам и переосмыслению, поискам своего взгляда на традиционные подходы предопределила распад этого

взгляда на традиционные подходы предопределила распад этого талантливого дуэта. Гриша перешел в другую “весовую категорию”, сделал это легко, без внешних мучений, хотя наверняка, осваивая очень непростую драматургическую стезю, задавал себе вопрос: “Может, зря я так мучаюсь? Может, придумать еще один рассказ “Хочу харчо!”?” Но в пределах юмористики, как и Чехову когда-то, ему становилось тесно.

Более того: груз ответственности перед алчущими немедленного смеха очень сковывает человека. Он его превращает в раба смеха. И когда человек садится за стол, зная, что от него ждут неотразимой остроты, он уже не свободен. Чем больше смеха он вызывает у читателей или у зрителей, тем большая несвобода сковывает его. Страх потерять свободу очень сильный, и преодоление этих страхов – как бесконечный бег с барьерами. Я думаю, что Горину было завещано что-то от его мудрых еврейских предков. В нем была абсолютно талмудическая мудрость. В нем был такой покой, такая несуетность, совершенно не свойственная молодому человеку. И тут, конечно, вновь возникает тень Антона Павловича...

Конечно, Гриша родился в другой стране, нежели Чехов, и мне кажется, что Грише было гораздо труднее, чем его предшественнику. У того хотя бы не было многих комплексов, с которыми рождаются представители нетитульной нации. При этом Гриша фантастически любил Россию, он продукт русской культуры, великой литературы, человек, который так бережно относился к языку, не позволяя себе подхода, который называют “неглиже с отвагой”.

И вот еще чеховское: в нем присутствовало главное качество в художнике – застенчивость. Настоящий талант – это прежде всего застенчивость. Способный человек иногда впадает в бесстыдство, и тогда Господь эту способность тихо убирает. И остается одно бесстыдство. Люди, которые с Гришей пересекались по жизни, довольно часто проходили именно этот путь. Они во мне не вызывают сострадания.

Он удивительно тактичный человек, исповедующий верность гиппократовскому “Не навреди!”. Ах, эта боязнь, не дай бог, ступить на поле обидчика. “Не навреди!” Это удивительное качество, я такого не знаю ни у кого, потому что знаменитая формула “Ради красного словца не пожалеешь мать-отца” для нашей среды очень типична. Он никогда не был острословом, он всегда был остроумцем.

Добрые и смешные спичи Горина в адрес очередного юбиляра бывали нередко гвоздем многих шумных торжеств. Приходилось выступать на них и мне. И вот вспоминаю такой случай. 21 декабря у Аросевой – юбилей. Я получил приглашение и придумал прийти туда в гриме Сталина. Вот ведь какое совпадение – именно в этот день родился и великий вождь всех времен и народов. Но Аркадий Хайт, с которым я сотрудничал многие годы, сказал, что это не может быть смешно, так как Сталин слишком мрачная фигура. Я был в растерянности и решил посоветоваться с Гришей. Гриша помолчал и сказал: “Давай попробуем”. Суеты в те дни у меня было много, и я только в 11 вечера приехал к Грише. Он вынул из компьютера наброски. Мы начали с ним что-то развивать. На следующий день я приехал к Хайту и сказал: – Ты редко ошибаешься. У тебя сильное чутье, но, по-моему, ты на этот раз промахнулся. Смотри, что Гриша сделал.

Я показал, и Аркадий признал:

– Я был не прав.

Услышать такое от Аркаши, поверьте, не каждому доводилось. У Хайта – я-то это понимал – всегда была тайная тяжба с Гришей. Ему казалось, что Гриша размывает свой юмор тем, что пишет “большую форму”. Я думаю, что это было из-за того, что сам-то Хайт по своей природе был “малоформистом”. Настоящий острослов. Уникальный в своем роде. Он очень любил Гришу, и Гриша к нему очень нежно относился. Но соперничество есть соперничество. И Хайт несколько комплексовал по этому поводу. Я так подробно на этом остановился, чтобы было понятно, как Горин попал в “десятку”, а Хайт проиграл. Правда, от Хайта я ушел тогда с дополненным текстом, где все было так ладно сшито, что невозможно определить, где Горин, где Хайт...

Но это целиком и полностью заслуга Гриши, ибо он доказал, что, рассматривая такую сложную и во многом мрачную фигуру, как Сталин, можно было высекать смех. Гриша просто попал в “объем”. Конечно, он философ прежде всего.

У нас было несколько заходов на общую работу, большую, театральную. И на моем дне рождения 1 декабря 1999 года мы почти договорились с Гришей. Он сказал: “По-моему, я нащупал пьесу для тебя”. 12 марта 2000 года – в день своего шестидесятилетия – он улетал к отцу. “Я вернусь, мы должны оба сесть, поговорить, потому что нечто созрело”. Я вдруг

вспомнил, как несколько лет назад Гриша предложил мне пьесу “Кин IV”, это было еще до “Ужина с дураком”, и я сказал, что необходимо понять, где я буду это играть, на какой площадке, для меня это было очень важно. Выход на театральную сцену был для меня абсолютно четко сформулированной акцией... Не роль, не актеры, с которыми меня пригласили играть, – Калягин, Невинный, я уже не говорю про Евгения Евстигнеева, а сценическая площадка. И сегодня, вспоминая это, я вдруг подумал: может, вернуться к пьесе, может, сделать новую версию – киноверсию? Ведь спектакль идет и сейчас в Театре Маяковского. Но киноверсия – это совсем другое, у нее свои, иные привлекательные возможности.

Мне не хватает Гриши каждую минуту. Нет такого человека, который бы определял как литератор, драматург, юморист наше время, в котором была такая настоятельная потребность... Я придумал такую картинку для очень важной и необходимой мне пьесы: мужчина захватывает трех женщин в заложницы и – с этого начинается парадоксальная история... И когда я стал думать: “Хорошо, а кто же это напишет?” – как в компьютере, побежала в голове строчка: “Гриши нет”, “Гриши нет...” Мне было с ним так легко, так тепло, от него исходила такая нежность, надежность – человеческая, творческая...

Инна Чурикова

Он бы мне всегда сказал правду

Встреча-узнавание случилась уже после спектакля, после “Тиля”. Кто-то меня спросил, не для меня ли Гриша написал Неле. Нет, не для меня. Более того, когда Захаров приехал и пригласил меня в спектакль, там уже была другая актриса на эту роль. Роль была замечательная, и весь спектакль – как первая любовь. Спектакль шел долго, но я испытывала волнение каждый раз. А к Грише сразу возникло огромное доверие, что со мной бывает редко. И чувство родства. Ему были интересны все мои работы, он как-то пристально ко мне присматривался и, не сочтите за нескромность, с любовью. Всегда анализировал мои спектакли. По поводу Филумены пошутил: “Жаль, что вы не пригласили хорошего драматурга”.

Когда я вижу его лицо, я думаю – он мне всегда сказал бы правду. Он очень искренний человек, и когда о ком-то говорил, то всегда – то, что думал. И на худсоветах говорил очень непривлекательные вещи, где и что

думал. И на худсоветах говорил очень непривлекательные вещи, где и что надо изменить, и был довольно жесток. Особенно если это касалось определенных вещей.

Помню, как мы смотрели с ним фильм Кончаловского “Сибириада”. Гриша так переживал, что Андрон прогибается перед начальством. Я физически ощущала, как он страдал, это вызвало в нем колоссальную боль. Он вообще остро реагировал на такие моменты. У него самого было огромное чувство достоинства. И свободы. Он был совершенно свободный человек. Тут недавно показали выступления ушедших актеров на “Нике” – Ефремова, Быкова. И Гришу тоже. Он там рассказывает, как ему удалось купить смокинг недорого, и вот он будет его только на “Нику” надевать. Он так подшучивает над собой, как может подшучивать только свободный человек.

Но мне показалось, что шутка – это его защита и в шутовской истории он может себе позволить что угодно. Свобода Шута Балакирева – это Гришина свобода. Не случайно же шут – его любимый герой, во всех пьесах у него есть шут. “Тиля” и многое другое он писал во времена застоя. Это только так говорится – “застой”, а на самом деле было очень опасное, напряженное время, когда не только за слова – за интонацию надо было платить. Помню, когда Эфрос ставил “Отелло”, у него фразу “мы полноправные” из Шекспира выбросили.

Я была занята в двух Гришиных историях. “Мюнхгаузена” мы снимали за границей – в Германии, правда, в Восточной. Жили на горе и как-то спускались вниз, беседовали, такое светлое было настроение. Гриша всему радовался – тому, как разумно здесь устроена жизнь, не так бестолково, как у нас, – вечно идем самым длинным путем, да еще и в обратную сторону. Только пробыли мы там всего несколько дней – Марк Анатольевич работает очень быстро, да и все удавалось с первого раза.

Должна была быть для меня и третья история. Я периодически спрашиваю у Марка Анатольевича, когда будет пьеса для меня. Он всегда отвечает: “Ищи сама пьесу”, а как-то и говорит: “Вот Гриша решил для тебя написать пьесу о Тэффи”. Я так обрадовалась. Тэффи такая интересная личность, с такой сложной судьбой. Но пьеса у него все не складывалась. Гриша никак не мог ответить на вопрос, почему она бросила детей. А без этого невозможно вникнуть в суть характера. Любочка меня постоянно подталкивала, чтобы я напоминала ему о пьесе, говорила о ней с ним –

когда много говоришь, возникает аппетит. Но слишком много было в судьбе Тэффи сложных моментов. Чтобы разобраться, требовалось много времени, которого у него было мало. Он ведь во всем соучаствовал, потому что был распахнут для людей.

Сколько он тратил сил на капустники, на поздравления, какие придумывал подарки. Мне тоже написал стихи, помню последнюю строчку: “И трудный Глеб ее обид”. Увы, где-то стихи затерялись. Это Юткевич, как мне рассказывали, устроил музей при жизни, где все хранилось в замечательном порядке и где он мог быть экскурсоводом. Но не всем дано так мудро жить.

А какой замечательный Гриша придумал капустник на шестидесятилетие Захарова! Марк Анатольевич был действительно его друг. Это более глубокая история, чем просто – драматург для театра. И Марк Анатольевич был ему друг и не мог без него. Чуть что, чуть закисаем на чем-то – “надо пойти к Грише, он напишет”.

Замечательно Гриша придумал “День рождения Мюнхгаузена” в цирке. И все принимали в нем участие, потому что очень любили Гришу. Гриша работал очень много, а актеры поменьше – у кого-то съемки, у кого-то что-то еще. Но, по-моему, шкатулка не открылась. Из-за скоропалительности. Актеры разыгрываются не на премьере. Первый спектакль идет по воле режиссера, в нем она еще не соединяется с волей актера. Спектакль надо смотреть в семнадцатый раз (точно), тогда в нем “дышит почва и судьба”. А там, в цирке, все было слишком скоропалительно и риска было много.

Гриша пришел в театр за день до того, что случилось. Хорошо выглядел, но был чем-то озабочен. Мы чуть-чуть поговорили, что-то про “Филумену”, что выпустят “Филумену” и он на очереди. Сказал, как он в меня верит, как любит. А я – как я ему верю. Я поняла, что это не просто лишь бы что-то сказать, а как сказал – так и есть. Я не очень-то верю словам, но Гриша всегда говорил то, что думал на самом деле. Как у Окуджавы: “Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить”. Я поговорила с ним как с родным. Очень дорогой мне человек.

Александр Ширвиндт

Запоздалое покаяние

Чем добрее человек, тем безнаказаннее доступ к нему. А если он при этом еще и “архиталантлив”, то становится липкой бумагой для сонмища “мух”, мощно и бессмысленно жужжащих вокруг, кичась назойливой бездарностью. Прилипну! Прилипну! Погибну, но прилипну. Их же никто к этой манкой ленте не пришпиливает, как в садистическом набоковском наслаждении убийства и без того недолгожительных бабочек. Они не случайно врезаются в эту ленту, летя на космических скоростях к звездам или, на худой конец, на кухню. Нет. Они добровольно и вожделенно приникают к медообразной поверхности, приникают, “влипают” и, вкусив глоток чужого дарования, погибают.

Сонмища “мух” вились около Гришиного таланта, обаяния, доброты, жалости к человечкам. К сожалению, иногда пользовались огромностью его души и мы, его друзья.

Я, пишущий эти строки, не зная поименно состава авторов данной книги, со всей гражданской ответственностью могу предположить, что каждый и любой, любой и каждый из авторов должен найти в себе запоздалое мужество и попросить у Гриши прощения.

Прощения за то, что использовали его талант в корыстных целях.

Прощения за то, что пользовались его добротой из меркантильных соображений.

Прощения за то, что отнимали у читателей, зрителей и потомков его драгоценное время, растаскивая его по бесконечным юбилеям, “жюрям”, презентациям и прочаям...

Прощения за то, что очень редко по отношению к Грише употреблялось восклицание – “НА!” вместо бесконечной мольбы – “ДАЙ!”.

Разослать бы всем анкеты, чтобы каждый, персонально, как в налоговой декларации (только на этот раз честно), написал список Гришиных благодеяний. Монументальный труд мерещится.

В день Гришиных похорон на служебном входе нашего театра мне протянули скромный конвертик с анонимным стихотворением – паника несколько отступила.

Песенка про волшебника

Песенка про волшебника

Г. Горину

Жил в городе нашем
Волшебник один.
Как все, он грустил,
Веселился, шутил.
Он жил в нашем городе славном,
Казался совсем он не главным.

Любил он принцессу,
Ей сказки дарил,
С друзьями смеялся
И трубку курил.
Он жил в нашем городе славном.
Но это казалось не главным.

Он верил в свои
Необычные сны.
И слышал, как нежно
Шептались цветы.
И нам, в нашем городе славном,
Всегда говорил он о главном.

Однажды шагнул он
В свой сказочный мир

В свой сказочный мир.

Шагнул он в тот мир,

А вернуться забыл.

И мы, в нашем городе славном,

Вдруг поняли, что было главным.

Мы снова заглянем

В твой сказочный мир.

Эй, сказочник, здравствуй,

Ты нас не забыл?

Мы все в нашем городе славном

Мечтать стали только о главном.

Что-то стало совсем одиноко.

Так все безумно и бездумно ждали прихода нового века – какой-никакой, а аттракцион биографии – жил, мол, в двух веках. Родился в середине прошлого века. Как приятно произносить: “Помню, где-то в конце прошлого века” – и т. д. А на поверку век этот прошлый оказался бессмысленно жестоким и беспринципным.

Родину не выбирают! Родителей не выбирают! Серьезно выбирают только президентов и друзей. Первых – от безвыходности, вторых – по наитию.

Пишу о Грише и все время думаю: кому и зачем я эти строки адресую? Потомкам? Уверен, что им нужнее будет классик Г. Горин, а не вздохи современников.

Демонстрировать на бумаге стриптиз искренности для посторонних я не потяну – слишком лично, тонко, долго и непросто сложилась наша с Гришей биография взаимоотношений.

Спрятаться за привычную маску иронического цинизма не хватает духу.

Спрятаться за привычную маску иронического цинизма не хватает духу.

Любочка Горина сказала: “Возьми Гришины пиджаки и трубки – пусть будут на тебе...” Я сначала испугался, потом подумал и взял. И вот хожу я в Гришином пиджаке, пыхчу его трубкой, и мне тепло и уютно.

Олег Янковский

Это счастье, что у “Ленкома” был свой драматург

С Григорием Гориным мы познакомились в 1974 году, когда Марк Захаров, возглавив “Ленком”, пригласил меня в театр. Новый режиссер начал свою работу со спектакля “Автоград XXI”, который стал дебютом одновременно для троих участников события: это была первая пьеса Юрия Визбора, первая постановка Захарова в “Ленкоме” и моя первая роль в Москве. Буквально через неделю или две после сдачи “Автограда” начались репетиции “Тиля”. Читки, как обычно принято, не было, но появился высокий, статный человек, молодой писатель Григорий Горин, довольно известный в творческом мире своими юмористическими рассказами и первыми пьесами. Перед этим вышла замечательная картина Абдрашитова по его рассказу “Остановите Потапова!”.

Надо сказать, что в то время Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Григорий Горин, Марк Захаров, дружившие с молодых лет, являлись неформальным центром, который заметно влиял на театральную среду. Поскольку я с периферии, то для меня эти имена казались недосягаемыми, я тогда еще не был вхож в их круг. Но я понимал, что эта группа друзей, разбросанных по разным театрам, представляла собой активное ядро, резонанс от которого распространялся по всей театральной Москве, вообще по интеллигенции. Миронов делал интересные роли в Театре сатиры, Горин писал пьесы, Марк Захаров ставил, Ширвиндт много играл и считался лидером движения лучших театральных капустников в стране в их самый золотой час. Бурная деятельность их круга расходилась волнами и притягивала обратной связью к этим людям. И конечно, большое дело, Богом отмеченное, что сюда, в “Ленком”, пришел Григорий Горин. Не по достигнутым победам – он тогда только создавал “Тиля”, – а именно по внутренней энергетике.

Я не участвовал в “Тиле”, но поскольку семью еще не перевез и жил один (а находиться в шестиметровой комнатке общежития было противно), то в свободное время приходил на репетиции. Снимался я тогда очень много, в

свободное время приходил на репетиции. Снимался я тогда очень много, в пяти-шести картинах в год. У меня начался замечательный период работы с Тарковским, Авербахом, поэтому я хорошей завистью завидовал Караченцову, другим актерам, занятым в спектакле. Мне нравилось приходить в театр и наблюдать за происходящим. Григорий периодически куда-то убегал и возвращался уже с новыми страничками к столику Марка Захарова. Бегал он, как я потом понял, к машинистке, чтоб напечатать следующие сцены. А я сидел в конце зрительного зала, еще не имея права приближаться близко, и следил за развитием этой картины.

И вот спустя некоторое время Москва стала свидетелем мощного творческого взрыва – по свободе мышления, постановочным возможностям, режиссуре, актерскому мастерству, но, главное, по идее, которая в те годы была особенно необходима. Персонаж фламандской культуры Тиль Уленшпигель в ленкомовской постановке стал примером художественной метафоры, преодолевшей границы времени и расстояний. Она читалась на сто процентов, делала Тиля нашим современным героем. Этот спектакль сразу же оказался в центре всеобщего внимания, стал откровением не только для театральной, но и для общественной жизни.

Григорию Горину меня представили в период работы над “Тилем”. Наверное, мое начало в “Ленкоме” выглядело наивным, я еще не успел зарекомендовать себя серьезными достижениями на сцене. Но Гриша все же отнесся ко мне с уважением, как к человеку, который уже что-то сделал в кино (на тот момент вышли “Служили два товарища”, “Щит и меч”, другие картины). Не могу сказать, что мы тогда очень часто встречались, но встречались. До определенного момента – пока Марк Захаров в 79-м году не решил снимать “Мюнхгаузена”.

Спустя годы после выхода фильма в одном телевизионном интервью к юбилею Горина я предположил, что на эту роль должны были выбрать не меня. Поскольку любая совместная картина Захарова и Горина становилась их исповедальной и авторской работой, то, наверное, Мюнхгаузена должен был играть Андрей Миронов. После передачи, где я высказал эти соображения, Гриша возразил мне: “Почему ты так решил, Олег? Это не так”. Но я все же думаю, что так. Во всяком случае, и Гриша давно был близок с Андреем, и Марк к нему очень тянулся и даже одно время хотел перетащить его в свой театр. Они планировали поставить на Миронова “Томаса Беккета” Жана Ануя, однако это так и не удалось осуществить.

Видимо, к тому моменту Захаров почувствовал во мне другие возможности: перед фильмом у меня уже была счастливая возможность проявиться – я сыграл в спектакле “Синие кони на красной траве”. Сейчас, возможно, к подобным постановкам отношение поменялось, но в те годы этот спектакль считался событием. В чем, разумеется, заслуга Марка Анатольевича: дать роль Ленина артисту, известному публике как белокурая бестия по “Щиту и мечу”, к тому же без грима – на такое только дерзкий Захаров мог решиться. И спектакль получился. После него и появилась тема “Мюнхгаузена”. Думаю, Гриша легко написал сценарий. К тому времени его пьеса “Самый правдивый” успешно шла в Москве в Центральном театре Советской Армии, а после выхода фильма на экраны она стала еще более популярна, игралась по всему Союзу и в других странах.

Горин родил замечательную идею – представил враля Мюнхгаузена, известного своими выдумками, самым правдивым человеком. Гриша вообще обладал удивительным качеством: преломляя известных литературных и исторических героев в совершенно неожиданном, даже парадоксальном ключе, он угадывал некую дремлющую мечту, всеобщее ожидание читателей и зрителей. Далеко не каждый писатель может это делать. И я вообще не знаю, кто на нашей памяти делал это удачно, кроме него. Он умел связать в сознании современников ощущения разных эпох, фиксируемые генетической и духовной памятью человека. И прекрасно написал об этом феномене в одной из новелл “Свифта”, герой которой, прокручивая ретроспективу своей жизни, дошел до самого Рождества Христова и “вспомнил” час Его распятия. Помимо сценичности и “киногеничности” произведения Горина всегда отличались достоинствами настоящей литературы. Более того, обращаясь к классическим персонажам и произведениям, он удерживал их изначально высокую планку. Поэтому и “Дом, который построил Свифт”, и “Того самого Мюнхгаузена”, и “Тиля” будут с интересом читать и любить завтра.

Конечно, горинский “Мюнхгаузен” прежде всего рассказ о нас и нашей жизни той поры. Хотя теперь очевидно, что в ней угаданы вневременные движения человеческой природы. Но поскольку мы снимали картину в годы самого лютого застоя, герой был “замаскирован”: рассказывалась история по мотивам веселой и безобидной сказки о немецком бароне, жившем в далеком XVIII веке. Ведь впрямую на экране тогда ничего нельзя было высказать. Отчасти впрямую писал свои пьесы Вампилов – но

по-особому. Его герои представали не как борцы, а как лишние люди своего времени. Мы же после каждого фильма получали огромное количество писем со свидетельствами исключительной проницательности зрителя.

Правда, “Обыкновенному чуду” и “Мюнхгаузену” повезло больше, они безболезненно проскочили цензурные рифы. С выходом же “Дома, который построил Свифт” возникли проблемы, многослойность его подтекста уже насторожила. И немудрено: Горин и Захаров блестяще умели выражать и доносить суть на языке образов. В этой части и в целом я не разделяю их как художников, потому что с самого начала моя творческая судьба прошла через театральный дом, который они создавали совместно. Понимая неоспоримую роль слова и возможностей материала для театра и режиссуры, я хочу сказать также и о том, что лучшие режиссеры тех лет – Товстоногов, Эфрос, Захаров, Любимов, опосредованно внедряя в сознание свои замечательные метафоры, определили предстоящие перемены, приблизили то, что мы все сегодня имеем.

Иногда у Горина и Захарова случались разногласия, и, насколько я понимал, не только творческие. Я видел, что Гриша какое-то время не заходил в театр накануне выпуска “Королевских игр” – а он автор литературной версии этого спектакля. Потом вдруг две пьесы, написанные в первую очередь для “Ленкома”, прошли мимо нас. Хотя сейчас я несколько опередил события, потому что перед “Королевскими играми” у нас шесть лет шел сильнейший спектакль “Поминальная молитва”, всколыхнувший в свое время всю Москву. Это была грандиозная творческая и гражданская победа Горина и Захарова. И опять история “Тевье-молочника” Шолом-Алейхема, которую все мы знаем, заиграла в ленкомовской постановке совершенно новыми красками. Я очень сожалею, что сегодня этого спектакля нет в театре, не каждый год рождаются такие вещи. Но понимаю, что восполнить его нельзя: без Евгения Павловича Леонова, игравшего Тевье, “Поминальная молитва” невозможна.

К счастью, на съемках фильмов по сценариям Горина царило полное взаимопонимание, все мы их сняли на одном дыхании. Когда люди знают, по какому поводу они собрались, процесс идет легко. Работая над “Мюнхгаузеном”, мы первый раз выехали в заграничную экспедицию в Германию, где проходили натурные съемки картины. В памяти запечатлелись очаровательные маленькие города, охотничье хозяйство и

запечатлелись очаровательные маленькие города, охотничье хозяйство и небольшой отель в горах, в котором остановилась наша группа. Никогда не забуду репетицию сцены суда над Мюнхгаузеном, когда Захаров мне сказал: “Олег, не знаю, как тебе это объяснить, но ты и сам все понимаешь – знаешь, где мы живем. Вот я тебе лучше одну притчу расскажу. Человека распяли и спрашивают: ну, как тебе там? Он говорит: ничего, улыбаться только больно”. Это сразу стало ключом ко всему, решило всю сцену.

Гриша на съемках подходил ко мне с замечаниями единственный раз. Но в результате я тогда все-таки настоял на своем. И после Григорий сказал с характерной для него дикцией: “Все-таки, старик, ты прав”. Это был замечательный момент, когда актерский организм, доверившийся своей интуиции, вместе с подтверждением ее правоты получил положительные эмоции. И таких эмоций и разных веселых моментов было достаточно. Я помню, как мы подшучивали над нашим сценаристом, когда он снимался в одном из эпизодов и у него не получалась реплика. Гриша, очень трогательный в камзоле и треуголке, вместе со всеми стоял на балконе, и мы подтрунивали над ним: “Ну, теперь понимаешь, каково быть артистом?” После этого он заявил: “Не буду больше никогда сниматься”. В картину кадр с ним вошел, он стоит на заднем плане за Броневым. А фразу, по-моему, кто-то озвучил, тут уж он не стал мучиться.

К двадцатилетию выхода картины на экран мы сделали программу “Возвращение Мюнхгаузена” в Цирке на Цветном бульваре. Сначала мы обсудили эту идею с Марком Рудинштейном, а потом, конечно, Горин подключился, без него мы не могли обойтись. И провести этот вечер в цирке именно он предложил. Мы собрали актеров, снимавшихся в фильме, – Броневого, Чурикову, Ярмольника, Кореневу, – придумали каждому номер. Гриша всех нас так завел, что мы были готовы даже головы в пасть льва сложить. Слава богу, до этого не дошло, хотя риска на самом деле хватало. Инна Чурикова отважилась выступить в роли дрессировщицы тигров, Гриша мужественно читал стихи с удавом на шее, мы с Кореневой улетали в “небо”. Отделались в основном повышенной нормой адреналина за исключением Ярмольника, пострадавшего “от рук” ревнивой к чужим аплодисментам обезьяны, которая поставила ему синяк под глаз. На репетиции Гриша меня благословил, но я видел, что глаз у него напряженный: все-таки под куполом высота метров шестьдесят-семьдесят – дух замирает. Конечно, есть страховка – и все равно мысли, что что-то недовинтили, недокрутили, что-то оторвется. К счастью, все обошлось, и действо получилось одновременно и смешным и отчаянным. Может быть,

не все удалось так, как нам хотелось, но изначально идея соединить два великих искусства, вплести театральных актеров в цирковое зрелище очень интересна. Она нас так увлекла, что мы потом думали применить ее еще в каком-нибудь другом проекте.

Вообще, по части рождения идей Гриша был очень продуктивен. А поскольку его больше всего увлекал компьютер (Люба в связи с этим шутя говорила, что она просто потеряла мужа), то мы мечтали в будущем придумать нечто необычное, создать зрелище нового типа, которое совмещало бы реальное и виртуальное действие, вывести в зал специальные экраны, подключить Интернет. И я уже даже подумывал идти к Гришке в ученики. Но в итоге компьютерную грамоту так пока и не освоил. На это нужны время, усилия, а мне бы лучше над ролью посидеть.

У каждого поколения есть свои приоритеты, стиль отношений, свой язык, который, с одной стороны, кажется наивным, а с другой – очень мудрым по-своему. Например, манеру нашего общения люди со стороны не всегда могли понять: когда они видели, как Горин, Янковский и Абдулов где-то в сторонке шепчутся или толкаются, как мальчишки, их это удивляло. Мол, что за легкомыслие у известных, солидных людей. А для нас такая легкость и ироничность была нормальной. В любой организации, будь то научно-исследовательский институт или театр, существовал свой “птичий язык”, который со стороны казался непонятным.

Раньше мы ежегодно выезжали на гастроли, длившиеся по нескольку месяцев, почти во всех городах устраивали футбольные матчи: сборная “Ленкома” играла со сборной журналистов. По традиции Евгений Павлович Леонов выходил и первым бил по мячу, а Татьяна Ивановна Пельтцер, в роли психологического наставника, болела за нас на трибуне, нередко вставляя при этом крепкое слово. В таких поездках и на съемках возникало особое единение, помогавшее потом выходить на сцену, рождалась аура театра, прекрасней которой ничего не может быть. Это настроение сопутствовало вечерам и капустникам в Доме актера, где рядом тоже собирались родные люди. Гриша на них блестяще выступал, его рассказы зал всегда встречал на ура. В последние годы атмосфера немного переменилась, как переменилось и само время, но, надеюсь, она еще вернется, потому что все хорошее обязательно возвращается.

Этой замечательной атмосферой мне дороги и встречи в Переделкине, на даче нашего общего товарища режиссера Пети Штейна, сына известного

даче нашего общего товарища режиссера Пети Штейна, сына известного драматурга. Сейчас никого загородными хоромами не удивишь, а тогда у них была одна из первых дач в писательском поселке, где почти каждые выходные собиралась потрясающая компания. Застолья получались изумительные, талантливые, с разговорами, с тонким юмором. А Горин за столом – это вообще отдельная тема для разговора, фейерверк остроумия, находчивости, изобретательности. К сожалению, теперь подробности тех бесед восстановить уже трудно (никто же их тогда не записывал, не фиксировал специально), но ощущения настоящего счастья, которое они дарили, я помню до сих пор.

Позже мы вместе с Гришей иногда выбирались на дачу Лени Ярмольника. Но там мужская часть компании разбирала кии, и начиналась игра в бильярд, к которой я их ревновал. Казалось бы, такие люди интересные собрались, хочется поболтать, поговорить об искусстве, посплетничать, а они с задумчивым видом и перепачканными мелом руками ходят вокруг стола и все время шары бьют. Сам я этим никогда не увлекался, а Гриша обожал бильярд и играл замечательно. Он часто появлялся в Доме кино, где собираются игроки из артистической среды, заходил в бильярдный клуб “Ленкома” и считался среди спецов отличным игроком.

Примерно за год до Гришиного ухода мы выезжали вместе в Нижний Новгород смотреть лучшие капустники России. Потом мы сидели рядом с ним на их сборном концерте в Москве, и я видел, как он гордится успехом актрисы, номер которой оценил как лучший на фестивале в Нижнем Новгороде и рекомендовал для сборной программы. Ее выступление произвело настоящий фурор, зал просто падал со стульев от смеха. После этого вечера мы условились, что будем делать нечто подобное и в Сочи на “Кинотавре”. Там давно сложились традиции кинокапустников, но подобных живых представлений кинематографическая публика не видит.

Еще одна задумка, которую мы с Гришей хотели реализовать на фестивале, была связана с нашей общей привычкой. У тех, кто курит трубки, существует особое единение. А поскольку Гриша каждый год приезжал на “Кинотавр” и был другом кинофестиваля, которым я руковожу, то мы хотели устроить там вечер трубочников. Собрать компанию, взять лучшие табаки, сесть за столом, пофилософствовать о жизни, о кино. К сожалению, мы не успели это осуществить. Гриша знал толк в трубках, был вместе с Ширвиндтом одним из первых трубочников в театральной среде. В последние годы у нас появились прекрасные английские табаки, которые

сменили популярное в советские времена “Золотое руно”. Одно время Гриша отказался от старой привычки, но, когда мы с ним встречались, он ревнивым глазом следил, как я достаю трубку, и просил: “Ну, покури возле меня, покури”. А потом не выдержал и снова вернулся к трубке.

О том, что Гриши не стало, мы узнали в последний день фестиваля. Народ готовился ехать в аэропорт, все собрались возле автобусов. Мы с Марком Рудинштейном провожали отъезжающих. И я заметил, как у стоявшего неподалеку Виталия Игнатенко, руководителя ИТАР – ТАСС, который звонил по мобильному в свои службы узнать, что там происходит, вдруг поменялось лицо. Он спросил: “Что-что-что? Перепроверьте и перезвоните мне”. Я подумал, мало ли разных дел, о которых ему могут доложить, и не стал задавать вопросов. А спустя несколько минут ему дали подтверждение, что Григорий Горин умер.

Мы с Гришей созванивались каждый день в течение фестиваля. И я его набирал, и Рудинштейн, и он тоже нам звонил. Все время спрашивали, когда его ждать в Сочи. Он отвечал: “Ну, может, на закрытие приеду. Что-то Люба себя пока неважно чувствует”. И вот 14 июня “Кинотавр” закрывался, а в ночь с 14-го на 15-е все это произошло.

Днем ко мне подошли журналисты с камерами, попросили что-то сказать о случившемся. Помимо людей, которых здесь уже упоминал, я тоже был близок к нему – но вот не складывались слова, я не знал, что говорить, кроме того, что я в это не верю. Я и сейчас не смирился с тем, что Гриши нет. Кажется, откроется дверь и он войдет. За несколько предыдущих лет “Ленком” пережил утрату нескольких ведущих актеров. И хотя эти потери были связаны с возрастом или давними болезнями, переживались они очень тяжело. У Гриши же не было никаких предпосылок для такого трагического исхода, поэтому свыкнуться с его внезапной гибелью невозможно. Мы обязательно сделаем на фестивале вечер памяти Григория Горина. Постараемся, чтоб он получился не грустным, а веселым, светлым и неординарным, каким был сам Гриша. Все равно дух его витает здесь.

На репетициях Захарову сейчас тяжело, потому что в трудную минуту он обращался именно к нему. Соединение театра и драматурга вообще редкий случай, а в наше время тем более. И это просто счастье, что у нас был свой автор. Хотя я оговорился – не был, а есть. Мы продолжаем работать над “Шутом Балакиревым”, пытаясь найти адекватное и достойное сценическое решение замечательному драматургическому материалу.

сценическое решение замечательному драматургическому материалу. Когда Горин прочел нам пьесу первый раз, вся труппа сразу загорелась, оценив ее юмор и актуальность. Это был рубеж, когда в очередной раз решалось, на кого оставлять Россию, и настроения и ассоциации, заложенные в пьесе, витали в воздухе. Потом Гриша читал второй вариант, третий... И даже в последнюю встречу с Марком они обсуждали ее варианты. Конечно, опыт и устройство режиссера (ведь режиссер – это прежде всего образ мышления) иные – в отличие от литератора. Но и Марк Захаров, и все мы видим свою главную задачу в том, чтобы спектакль получился интересным и достойным памяти нашего друга. А идея “Шута Балакирева”, как показывает история лет минувших и дней нынешних, для России будет современна еще долго. Возможно, теперь эта история заиграет даже с большей силой.

Любовь Горина

Я тебя жду!

Гриша! Я видела, как ты умирал. Я врывалась в комнату, где ты лежал, но врачи выпроваживали меня. Когда я вошла в последний раз, ты закрывал глаза, как оказалось, навсегда. Эта картина преследует меня, прокручиваясь в моей голове по сто раз на день. В эту минуту я потеряла все. Все, потому что ты для меня был мужем, братом, отцом, другом. А еще я потеряла смысл жизни.

Проводить тебя пришло много народу. Из Сан-Франциско приехали Марина с Гришей, Юра Кушак принес на похороны твою только что вышедшую в “Антологии сатиры и юмора” книгу. Хорошо издана. Тебя бы порадовала.

Похоронили тебя на Ваганьковском кладбище, недалеко от Булата.

Вскоре рядом с тобой нашла свой покой Аллочка Балтер.

Отец умер через два месяца после тебя, не перенес смерти сына. Твои родные звонят часто, зовут меня пожить с ними. Я не еду, не могу оставить тебя одного надолго. Я чувствую, как ты радуешься, когда я прихожу. Только не смотри так грустно и укоризненно мне, уходящей, вслед, это рвет мне душу.

Изба на Валдае, которую ты так любовно отстраивал и сажал деревья в

саду, уже не наша. Прости, мне тоже было грустно с ней расставаться, но я не смогу туда ездить одна, без тебя.

Шурик стал худруком Театра Сатиры.

Эльдар пишет толстую книгу жизни.

Аркан скоро переедет в новую квартиру в новом доме. Я за него рада. Пора уже.

Премьера “Шута” у Марка откладывается из-за сложности декораций. Говорят, что в “Ленкоме” будет стоять твой бюст. Не знаю, как к этому относиться.

В драмтеатре Пскова поставили твоего “Герострата”. Завлит прислала мне афишу и две рецензии. В них написано, что пьеса эта вечная. Дай-то бог.

Скоро выйдет твоя новая книга “Театр Горина”. Издатели хотят приурочить ее выход к премьере “Шута” в “Ленкоме”.

Да, в одном из пражских театров репетируют “Тиля”.

Паничи в Питере репетируют “Шута” с большим энтузиазмом. Поеду посмотрю, приду к тебе – расскажу. Жаль только, нельзя побыть наедине с тобой. Очень уж многолюдно там. Это кладбище стало излюбленным объектом туристов.

Обо мне не волнуйся. Несколько месяцев у меня жила грузинская девушка. Благодаря ей я выжила. Сейчас она уехала, так как для грузинских граждан введен визовый режим.

На Новый год была на даче у Толокнова. Впервые я его встречала без тебя. Плакала, конечно. Как гвозди, куранты вбивали в мое сознание две фразы: “Гриши больше нет. Учись жить одна”.

Друзья звонят и помогают, но тебя ведь заменить мне никто не может. Изо всех сил я стараюсь держаться. Людям некомфортно общаться с вечно печальным человеком, даже если причина печали – смерть мужа.

Дом без тебя опустел, замолчал телефон. В сиротливом недоумении смотрит на меня невостребованный компьютер. В доме поселилась

смотрит на меня невостребованный компьютер. В доме поселилась гнетущая тишина. Как всегда, в твое отсутствие воюют со мной все предметы. Я учусь их чинить. Или зову кого-нибудь на помощь.

Почему ты не приходишь ко мне даже во сне? Я так соскучилась по тебе.

Гриша, родной! Я видела, как ты умирал, бросала горсть земли в твою могилу, часто хожу на кладбище и все еще не верю. Не верю и не могу смириться, что тебя нет. Часто подхожу к дверям в надежде, что вот сейчас они распахнутся и войдешь ты, большой и шумный. Пожалуйста, возвращайся. Я так тебя жду!

Твоя Люба

Примечания

Рассказы и монологи

Почему повязка на ноге?

Впервые рассказ был опубликован в журнале “Юность”, ” 3, 1966.

Случай на фабрике ” 6

Впервые – “Литературная газета”, ” 48, 1974.

Обнаженный Куренцов

Впервые – “Литературная газета”, ” 7, 1969.

Измена

Впервые – журнал “Крокодил”, ” 2, 1976.

Убийца

Впервые – журнал “Юность”, ” 11, 1968.

Чем открывается пиво?

Впервые – “Литературная газета”, ” 51, 1968.

Ежик

Впервые – “Литературная газета”, ” 1, 1970.

Воскресные прогулки

Впервые рассказ опубликован в сборнике Г. Горина “Хочу харчо!”, М.: “Искусство”, 1970.

Остановите Потапова!

Впервые – “Литературная газета”, ” 7, 1972.

Сказка про собаку, которая прожила триста лет

Впервые – “Литературная газета”, ” 22, 1990.

Брюки товарища Синицына

С подзаголовком “Рассказ непутевого человека” впервые опубликован в “Литературной газете”, ” 45, 1968.

Когда горит душа

Впервые рассказ опубликован в сборнике Г. Горина “Хочу харчо!”, М.: “Искусство”, 1970.

Скрытой камерой

Впервые – “Литературная газета”, ” 10, 1969.

Фантомасы

Впервые – “Литературная газета”, ” 8, 1972.

Сауна

Первая книжная публикация – в сборнике Г. Горина “Хочу харчо!”, М.: “Искусство”, 1970.

Что-то синее в полосочку

С подзаголовком “Рассказ командированного” впервые опубликован в журнале “Юность”, ” 4, 1972.

Хорошее воспитание

Первая книжная публикация – в сборнике Г. Горина “Хочу харчо!”, М.: “Искусство”, 1970.

Хочу харчо!

С подзаголовком “Рассказ официанта” впервые опубликован в “Литературной газете”, ” 42, 1968.

Встреча с известным писателем Бурко

Впервые – “Литературная газета”, ” 36, 1979.

Киноповести

Тот самый Мюнхгаузен

Телефильм по этому сценарию был снят режиссером М. Захаровым и был впервые показан 1 января 1980 года.

Формула любви

Сценарий впервые был опубликован в журнале “Телевидение. Радиовещание”,

”” 3-4, 1985.

Пьесы

Забыть Герострата

Пьеса написана в 1970 году. Первая постановка – Театр Советской Армии, 1972 год.

Тиль

Премьера спектакля, поставленного по пьесе Г. Горина режиссером М. З [illegible] 1974

Захаровым, состоялась в 1974 году.

Дом, который построил Свифт

Пьеса впервые опубликована в журнале “Театр”, ” 4, 1983. В 1982 году одноименный телефильм, снятый по сценарию Г. Горина режиссером М. Захаровым, был запрещен к показу руководством Гостелерадио. Впервые появился на телеэкране в 1985 году в самом начале горбачевской перестройки.

Кин IV

Впервые пьеса напечатана в журнале “Театр” в 1979 году, тогда же состоялась премьера спектакля в театре имени В. В. Маяковского, режиссер – Т. Ахромкова.

Королевские игры

Впервые пьеса была поставлена в театре “Ленком” в 1995 году.

Поминальная молитва

Первая постановка – Театр “Ленком”, 1999 год.

Шут Балакирев

Впервые опубликована в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Иронические мемуары

О Марке Захарове

Впервые опубликовано в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Четыре послания Олегу Янковскому

Впервые опубликовано в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Галина Волчек

Галина Волчек

Впервые – в журнале “Magazine”, ” 4, 1992.

Гафт

Впервые – в журнале “Magazine”, ” 4, 1992.

Народные сказки про Ширвиндова и Державиндта

Впервые опубликовано в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Савелий Крамаров

Впервые – в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Э. А. Рязанов

Впервые опубликовано в “Антологии сатиры и юмора России XX века”, М.: Эксмо, 2000.

Геннадий Хазанов

Печатается по книге “Прощай, конферансье!”, М.: Стоок, 1997.

Переписка с Аркадием Хайтом

Печатается по книге “Прощай, конферансье!”, М.: Стоок, 1997.

Из неопубликованного

Произведения разных лет и жанров любезно предоставлены издательству Л.П. Гориной для публикации в этой книге из ее личного архива.

Трехрублевая опера

Опера написана в 1996 году.

Любимец Бога

Март, 1993, Москва (пометка на рукописи).

Оперный дом. Несостоявшаяся опера

Дата написания – не позднее 1998-1999 гг.

Воспоминания современников

Печатается по изданию “Григорий Горин. Воспоминания современников”, М.: “Эксмо”, 2001.

Примечания

1

В. Шекспир. Перевод С. Я. Маршака.

2

В. Шекспир. Песенка из пьесы “Много шума из ничего”. Перевод С. Маршака.

Оглавление